

Библиотека литературы Древней Руси. Том 8 (XIV – первая половина XVI века)

[Том 1](#) • [Том 2](#) • [Том 3](#) • [Том 4](#) • [Том 5](#) • [Том 6](#) • [Том 7](#) • [Том 8](#) •
[Том 9](#) • [Том 10](#) • [Том 11](#) • [Том 12](#) • [Том 13](#) • [Том 14](#) • [Том 15](#) • [Том 16](#) • [Том 17](#) • [Том 18](#) • [Том 19](#) • [Том 20](#)

[Вступление. Переводная литература XIV – XVI веков](#)

Вступление. Переводная литература XIV – XVI веков

Этот том тематически продолжает второй и третий тома настоящего издания, посвященные переводной литературе Киевской Руси, и поэтому имеет смысл еще раз охарактеризовать эту значительную по объему и важности часть репертуара древнерусской книжности.

Приняв христианство, Древняя Русь оказалась перед необходимостью интенсивно освоить обширную христианскую литературу, уже существовавшую у ее единоверцев – в Византии, а также у болгар и сербов, обращенных в христианство столетием ранее. Д. С. Лихачев называл эту общую для южных и восточных славян литературу на едином для них старославянском языке литературой-посредницей (Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков. Л., 1973. С. 23–41). В первые века истории славянской книжности в каждой из национальных литератур к этой литературе-посреднице принадлежало около 90% репертуара. Она же в свою очередь состояла из переводов с греческого, ибо пришла к славянам из единоверной им православной Византии. В эту литературу входили переводы книг Священного Писания, богослужебных книг, творений отцов Церкви и других византийских богословов и проповедников, житий святых, патериков, хроник и других памятников, без которых не могло ни осуществляться богослужение, ни воспитываться нравственность и формироваться мировоззрение новообращенных христиан. Однако уже в XII–XIII веках к этому обязательному и необходимому репертуару были сделаны дополнения: интерес к истории побудил перевести обширный роман о деяниях Александра Македонского – «Александрию»,

вошедшую в славянские хронографические своды и поэтому называемую Хронографической, в отличие от Александрии Сербской, о которой речь пойдет ниже. Была переведена книга Иосифа Флавия, в которой повествовалось о взятии Иерусалима римлянами в первом веке нашей эры. Были переведены Повесть об Акире Премудром и Девгениево деяние. Все эти произведения читатели воспринимали в одном ряду, как историческое повествование (хотя таковым являлась лишь «История Иудейской войны» Иосифа Флавия), ибо возможность вымысла в литературе тогда казалась недопустимой. С такой же верой в достоверность воспринималась и апокрифическая литература, считавшаяся в ряде случаев естественным дополнением к библейскому повествованию. К началу XIII века Древняя Русь обладала обширной переводной литературой, основные памятники которой были изданы во втором, третьем и пятом томах настоящей серии.

Но в XIII веке на Русь обрушилась катастрофа монголо-татарского нашествия. Был нанесен огромный урон и русской культуре – ведь почти все крупные города Руси, за исключением Новгорода и Пскова, были захвачены, разграблены и сожжены. В XIV веке, оправившись от военных потрясений, Русь начинает интенсивно возрождать свои интеллектуальные богатства. Собираются и размножаются в новых списках уцелевшие остатки книжности Киевского периода, увеличивается поток книг, переписанных по заказам из Руси в монастырях Константинополя и Афона (См.: Вздорнов Г. И. Роль славянских монастырских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV–XV вв. // ТОДРЛ.Л., 1968. Т. XXIII. С. 171–198). Вновь активизируется освоение богатств византийской христианской литературы через новые переводы с греческого. В конце XIV века все в большей степени растет поток книг с Балкан, что стимулируется и турецкой экспансией: в 1389 году на Косовом поле терпит поражение сербское войско, и Сербия становится турецким вассалом. В конце XIV века турки полностью оккупировали Болгарию. В Московскую Русь устремляются не только рукописи, но перебираются и сами

«книжные люди», среди которых были и такие выдающиеся писатели, как митрополит Киприан, Григорий Цамблак, Пахомий Логофет. За счет новых переводов и «трансплантации» рукописей существенно расширяется репертуар древнерусской книжности. Обратимся к переводным памятникам, включенным в настоящий том.

Он открывается так называемой Сербской Александрией. Ее появление на Руси, уже знакомой с Александрией Хронографической, отражает повышенный интерес древнерусских книжников к всемирной истории. Уже на рубеже XIV–XV веков составляется хронографический свод – Троицкий хронограф, в первой половине века создаются редакции Летописца Еллинского и Римского; вторая редакция Летописца представляет собой монументальный хронографический свод, в котором особенно обстоятельно с привлечением новых источников излагалась история Рима и Византии. Входила в Летописец и новая, дополненная, редакция Хронографической Александрии. Но русским книжникам этого показалось недостаточно: была переведена с сербского (откуда и ее название) еще одна версия Александрии, в которой содержались новые сюжетные мотивы, находившие аналоги в литературных памятниках европейского Предвозрождения: здесь чаще, чем в прежних редакциях Александрии, мы встретим обращение к античной мифологии, вводится рассказ о посещении Александром Трои и его восхищении героями Троянской войны; упоминается царица Поликсена: обрученная с Ахиллесом, она не хочет и не может его пережить и умирает на могиле героя. Мы найдем здесь и похвалы женской верности, что отражает уже новые представления о чувственной любви, которая в прошлом решительно осуждалась как нечто противопоставляемое благочестию христианина. Характерно, что только в Сербской Александрии подобным же образом поступает и жена Александра – Роксана: после смерти мужа она бросается на его меч и погибает.

Другой новой чертой Сербской Александрии по сравнению с Хронографической является присутствие в ней библейского мотива: Александр не только посещает Иерусалим и

почтительно беседует с архиереем, как об этом рассказывается во второй редакции Хронографической Александрии, – теперь Александру покровительствует библейский пророк Иеремия. Он является ему во сне перед битвой с Дарием и призывает молиться Богу, а в другом сне тот же Иеремия поведал Александру о грядущем Страшном Суде и воскресении мертвых. Вообще, размышления о скоротечности и бренности жизни пронизывают все произведение. Исследователь отмечал неслучайность этого мотива: «Трагическая тема Сербской Александрии весьма характерна для литературы позднего средневековья. <...> Ощущение “горького вкуса жизни”, предчувствие смерти <...> все это общие черты позднесредневековой культуры» (Лурье Я. С. Средневековый роман об Александре Македонском в русской литературе XV в. // Александрия: Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века. М.; Л., 1965. С. 155). Заметим при этом, что сам интерес к личности и деяниям Александра Македонского характерен и для западноевропейской литературы того времени.

Другой сюжет, также получивший широкое распространение во всех европейских литературах, – история Троянской войны. Впервые с подробным изложением легенд Троянского цикла (правда, не в соответствии с гомеровским эпосом, а в версиях мнимых участников Троянской войны – Диктиса и Дарета) древнерусский читатель мог познакомиться по пятой книге Хроники Иоанна Малалы (Древнерусский перевод книги опубликован: Истрин В. М. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе / Подг. издания, вступ. статья и приложения М. И. Чернышевой. М., 1994. С. 117–152), но она не получила широкого распространения на Руси. Поэтому по существу Троянский цикл стал известен русскому читателю лишь в XV веке. Во-первых, была переведена византийская хроника Константина Манассии, одна из глав которой содержала подробный рассказ о Троянской войне (см.: наст. изд. Т. 9. С. 120–131). Тогда же на Руси стала известна южнославянская повесть на тему Троянского цикла – «Притча о кралех». Древнерусский книжник, составитель Русского

хронографа, в начале XVI века составил свою версию рассказа, объединив фрагменты из упомянутой выше главы Хроники Манассии и из «Притчи о кралех». Это новое произведение – «Повесть о создании и поплнении Тройском» – публикуется в настоящем томе.

На рубеже XV–XVI веков переводится латинский роман XIII века «*Historia destructionis Troiae*» («История разрушения Трои») сицилийца Гвидо де Колумна, по предположению И. Н. Голенищева-Кутузова, придворного поэта Фридриха II Гогенштауфена – императора Священной Римской империи и короля Сицилии. Это типично рыцарский роман, восходящий через французское посредство к сочинениям многих участников Троянской войны – Дареса Фригийца и Диктиса Критянина, в действительности, неизвестных нам по имени авторов III–IV веков н. э. Хотя основное содержание романа – история захвата и разрушения Трои и описание подвигов греческих и троянских героев, здесь большое место занимает и описание любовных коллизий – любви Язона и Медеи, Париса и Елены, Троила и Брисеиды (эти герои становятся популярными по существу лишь в средние века, у Гомера они лишь упомянуты) и наконец – Ахиллеса и Поликсены. Как и Сербская Александрия, Троянская история вводила в круг интересов древнерусского читателя тему земной, чувственной любви. Но значение романа Гвидо прежде всего в том, что он полнее других произведений отражал все легенды Троянского цикла – от похода аргонавтов за золотым руном до описания странствий Одиссея. В настоящий том включен лишь небольшой фрагмент из Троянской истории – первая, вторая и части третьей книги из 35 книг, составляющих «Историю».

Необычным для традиционной древнерусской системы жанров было и появление в конце XV века повести «Стефанит и Ихнилат» – басенного цикла, восходящего через греческое посредство к индийской «Панчатантре». Впрочем, как указывает исследователь и издатель памятника О. П. Лихачева, древнерусский читатель не придавал особого значения беллетристичности произведения, восприняв его как своего рода сборник нравоучительных притч, подобных тем, которые он

встречал в святоотеческих сочинениях или сборниках афоризмов (см. подробнее в наст. томе: «Стефанит и Ихниллат». Комментарий).

Итак, повествовательные переводные памятники XIV–XVI веков отличается прежде всего напряженная сюжетность – читатель с интересом следит за рискованными поступками Александра, отправляющегося под видом посла к своему врагу Дарию или спускающегося в пещеру мертвых, откуда он может не вернуться. Вероятно, не оставляли равнодушным читателя и рассказы Троянской истории, например, о том, как хитроумные греки сумели обмануть троянцев, и те сами втащили за неприступные стены своего города рокового коня со спрятанными в его чреве воинами. Благочестивый читатель знакомился с античными языческими мифами, и языческие божества, правда с охранительными эпитетами, встречались ему на страницах псевдоисторических повестей и романов. Необычайно широк был мир, в котором разворачивалось действие: Греция и Рим, Египет и Персия, Индия и острова блаженных и вообще неведомые земли на краю ойкумены, где не светит солнце, где обитают дикие звери, где произрастают говорящие деревья...

Но было бы ошибкой полагать, что в жанровой системе, в самом характере древнерусской литературы произошли кардинальные перемены и что литературу высокую и учительную сменила развлекательная беллетристика. Вспомним, что произведения об Александре Македонском и Троянской войне воспринимались как исторические повествования, и даже при этом Сербская Александрия, например, в XVI веке исчезла из читательского обихода. Если в XV веке, как убедительно доказала исследовательница памятника Е. И. Ванеева, существовало несколько ее списков, то от XVI века не сохранилось ни одного, и только XVII век с его светскими устремлениями поражает нас обилием списков и редакций этого памятника. Троянскому циклу повезло больше: «Повесть о создании и поплении Тройском» вошла в Русский хронограф – памятник чрезвычайно авторитетный и широко распространенный, а полный текст перевода романа Гвидо де

Колумна хотя и встречается в списках редко, но зато удостоился быть включенным в Лицевой летописный свод, гигантскую хронографическую компиляцию, созданную в 60–70-х годах XVI века по инициативе Ивана Грозного.

Однако самое главное в другом: исторические (точнее – псевдоисторические) повествования – лишь сравнительно небольшая часть репертуара переводной литературы XIV–XVI веков. Книжники этого времени, как и их предшественники, стремились к расширению своих богословских и философских познаний. Появлялись новые переводы книг Священного Писания, и именно в конце XV века был собран первый полный кодекс библейских книг – Геннадиевская библия, в которую, помимо переводов с греческого, осуществленных у южных славян и на Руси в X–XIV веках, вошли и переводы нескольких книг с латыни. В новых переводах появляются творения Василия Великого, Нила Синайского, Исаака Сирина и других отцов Церкви. Важное место в этом ряду занимает перевод корпуса сочинений Дионисия Ареопагита, атрибутируемый первому афинскому епископу, ученику апостола Павла, но созданный, однако, как полагают современные исследователи, неизвестным автором в V–VI веках, поэтому говорят обычно о Псевдо-Дионисии Ареопагите. Корпус Ареопагита состоит из четырех книг и десяти посланий. Эти сочинения с комментариями Максима Исповедника (XII век) были переведены с греческого сербом Исайей в 1371 году. Они знакомили читателя с достижениями античной учености, являя собой «органическое соединение христианской веры с платоническим искусством отвлеченного умозрения» (Прохоров Г. М. Корпус сочинений Дионисия Ареопагита // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 491). Творения Псевдо-Дионисия были переведены также на армянский, грузинский, сирийский, эфиопский, коптский и латинский языки. На Руси в XV веке уже были известны как южнославянские, так и русские списки. Влияние Ареопагита на развитие русской богословской и философской мысли вплоть до XVII века (к этому последнему периоду относится наибольшее число дошедших до нас списков) было исключительно велико. В

настоящий том вошли Предисловие переводчика (Исайи) и книга «О небесной иерархии».

Живо интересовались на Руси тайнами мироздания, географическими сведениями, описаниями животного и растительного мира, видя в многообразии и разнообразии мира свидетельство безграничных возможностей Творца. Восторженно повествует о искусном и премудром Создателе Хроника Константина Манассии (см. там рассказ о сотворении мира – в девятом томе настоящего издания). Все чаще появляются так называемые «энциклопедические» сборники, содержащие статьи по различным проблемам астрономии, географии, медицины, хронологии. Как нельзя более отвечала этим интересам переведенная в XIV веке «Диоптра» Филиппа Пустынника, фрагменты из которой публикуются ниже. Любопытно, что в содержащемся в «Диоптре» диалоге Души и Плоти именно Плоть объясняет Душе, своей госпоже и властительнице, что она бессильна без Плоти, ибо лишь с ее помощью постигает окружающий мир и только посредством Плоти Душа «материализует» свои помыслы и желания. Тело отвечало Душе и на вопросы, чрезвычайно волновавшие людей средневековья: как могло произойти, что созданные Богом праотцы Адам и Ева все же поддались на ухищрения дьявола и тем самым утратили дарованное им бессмертие, как именно свершится величайшее таинственное событие – воскресение мертвых, как вновь сочетаются бессмертные души с тленными (и уже давно истлевшими!) телами и какой облик примут воскресшие. «Диоптра» содержит наиболее полный для своего времени свод сведений о человеке в его христианской интерпретации.

Судьба души после смерти – вопрос, постоянно задававшийся мыслящими христианами, ибо Библия не давала на него прямого ответа. Не случайно эта тема разрабатывалась в апокрифических легендах. Таковой является и рассказ о посмертных мытарствах Феодоры из византийского Жития Василия Нового, также публикуемый в настоящем томе.

Мы видим, что переводная литература XIV–XVI веков существенно пополнила репертуар древнерусской книжности,

открыла новые возможности для богословского и философского осмысления бытия. Она пополнила знания о событиях и героях древности, расширила круг знаний о земле и природе. В это время бурно развивалась и оригинальная отечественная литература: в XIV–XVI веках составляются десятки летописных сводов, слагаются исторические повести, создаются сотни житий и гомилий. Эти века украшают собой имена Епифания Премудрого, Пахомия Серба, митрополитов Даниила и Макария, Иосифа Волоцкого, Максима Грека, царя Ивана Васильевича Грозного. Но несмотря на развитие национальной литературы, удельный вес литературы переводной все еще остается весьма значительным. Наглядным свидетельством станут «Великие Минеи Четьи» митрополита Макария, призванные собрать «все книги Четьи», читающиеся и чтимые на Руси. Минеи все же содержат в большей своей части переводные памятники. И это совершенно естественно, так как перед нами средневековая литература, основной задачей которой в то время оставалось утверждение христианского православного мировоззрения и христианской нравственности. А переводная, в значительной своей части святоотеческая, литература в наибольшей степени отвечала этой потребности.

О. В. Творогов

Александрия

Подготовка текста, перевод и комментарии Е. И. Ванеевой
«Сербской Александрией» принято называть литературное произведение, которое является одной из поздних версий Александрии Псевдокаллисфена, греческого сочинения II–III вв. н. э. Различают несколько версий (рецензий) Александрии Псевдокаллисфена: первоначальная рецензия α, остальные (β, γ, ε, λ) возникли на ее основе. К греческим рецензиям восходят латинские, армянские, сирийские, арабские версии Александрий. «Сербская Александрия» ближе всего стоит к рецензии ε (как предполагают, VII–VIII вв.). Возникшая, по своей вероятности, как и все главные версии Александрии Псевдокаллисфена, на греческом языке, она не позднее XIV века была переведена южными славянами. На Руси «Сербская Александрия» появилась в XV в.

В Древней Руси «Сербскую Александрию» называли просто «Александрией» (наиболее частое название – «Книга глаголемая Александрия»). Кроме нее были и другие сочинения об Александре Македонском, например так называемая «Хронографическая Александрия» (восходит к рецензии β Псевдокаллисфена), встречающаяся обычно в составе хронографов, где излагается всемирная история.

«Сербская Александрия», хотя она не является историческим сочинением, была в Древней Руси одним из источников сведений о царе Александре. Хотя речь идет не о вымышленном герое, а о действительном знаменитом историческом лице, однако внимание обращено не столько на исторический портрет Александра, сколько на его славу, на его избранность, необычность. Поэтому история Александра в значительной степени трансформирована в историю о событиях, в которых элементы необычного и чудесного соединены с назидательными рассуждениями. В отличие от исходного эллинистического сочинения Псевдокаллисфена «Сербская Александрия» имеет выраженный характер средневекового произведения, в котором отражен характерный для средних

веков круг интересов и бытующих представлений, связанных, в частности, с эсхатологизмом. Это христианская переделка Александрии Псевдокаллиста, в ней Александр совершает поход к земному раю, которого он, как и все смертные люди, не смог увидеть. Чудовищные народы и звери, встречающиеся Александру на его пути на восток за пределами Вселенной (т. е. обитаемой части земли), осмысляются здесь как видения ужасов и мучений, находящиеся перед Эдемом. В «Сербской Александрии» неоднократно говорится о конце мира, о человеческой душе и теле после смерти, о Страшном Суде.

Из исторических лиц, представленных в «Сербской Александрии» современниками Александра, некоторые жили совсем в другое время; но это не следует рассматривать как выражение невежества или незнания создателя «Сербской Александрии», для которой такие анахронизмы неважны. Собственные имена и географические названия, встречающиеся в «Сербской Александрии», лишь отчасти совпадают с известными нам историческими; в значительной же мере они либо вымышлены, либо передают несохранившуюся (у других) традицию. В переводе они оставлены в том виде, в каком читаются в древнерусском тексте.

О том, что «Сербская Александрия» привлекала к себе интерес в Древней Руси, свидетельствует большое число списков, относящихся к периоду от XV до начала XIX в.

Текст издается по списку XVII в. – РНБ, Q.XVII.169. От XV–XVI вв. дошел единственный русский список конца XV в. (в сборнике кирилло-белозерского писца Ефросина), который был издан в 1965 г. в серии «Литературные памятники»; он относится к особому виду русских текстов «Сербской Александрии», в котором много изменений по сравнению с первоначально появившимся на Руси текстом памятника. Издаваемый текст принадлежит к небольшой группе списков, которые наиболее близки к первоначальному русскому тексту «Сербской Александрии». Но, конечно, удаленность почти на два века сказалась, в частности, в том, что в тексте XVII в. встречается сравнительно много мест, где искажены отдельные слова или же целые фразы.

Все дополнения и исправления (сделанные по русским спискам, близким к издаваемому) выделены курсивом.

В примечаниях использованы следующие работы: Веселовский А. Н. Из истории романа и повести. Вып. I. СПб., 1886; издания сербских текстов: *Život Alexandra Velikoga*. Izdao V. Jagić, Zagreb, 1871; Приповетка о Александру Великом у старој српској књижевности / Критички текст и расправа од Ст. Новаковића. Београд, 1878; издания греческих текстов А. Н. Веселовским (в приложении к его исследованию) и В. М. Истриным (История «Сербской Александрии» в русской литературе. Вып. I. Одесса, 1909).

* * *

ПОВЕСТЬ И СКАЗАНИЕ ИЗВЕСТНОЕ О САМОДЕРЖЦЕ, ЦАРЕ ВЕЛИКОЙ МАКЕДОНИИ, И НАСТАВЛЕНИЕ ХРАБРЫМ НЫНЕШНЕГО ВРЕМЕНИ. ЧУДНО ПОСЛУШАТЬ ТЕМ, КТО ХОЧЕТ

К воинству устремляющимся полезно и честно услышать о добродетельном и многоумном муже Александре, великом царе македонском, кто он есть, и как и откуда пришел, и благодаря каким добродетелям стал царем и самодержцем всей вселенной. Подобаает же читающим понимать, а понимающим – уподобиться воинству и добродетелям его, смыслу сего внимая.

Создал же великий Божий промысл себе дом и утвердил его на семи столпах. И когда простоял он пять тысяч лет и в великом Риме царствовал Тарквиний-царь, а над израильскими людьми и над еврейской державой начальствовал от первосвященников пророк Иеремия, в восточных же странах господствовал сын Крикса, Дарий, державший во власти Индию, и Египтом великим владел волхв Нектанав, бывший там царем, – в те времена Придийскими странами, и Македонской землей, и Элладскими островами владел грек Филипп, язычник. Родился у него тогда сын, и дал он ему имя Александр, что по-гречески значит «избранный муж». И действительно, он был молод, красив, для всех видящих его был смирен и благообразен. И было это не от телесной природы, но от великого Божия промысла, источника всякой благодати. Имел он к этому и естественные добродетели: справедлив, непоколебим был в

слове своем, богатства все считал тленными и преходящими, к согрешающим был терпелив безмерно. Благодаря этим четырем добродетелям стал царем и самодержцем над четырьмя концами вселенной. Обо всем этом ни в книге этой невозможно написать, ни в сердце или уме неподатливого человека это не вместится. Итак, о добродетелях Александра, душевных и телесных, мы сказали вначале.

Повесть же начнем о рождении его и о храбрости его. Говорят, что он сын царя Филиппа. Однако это не так, ложь это, ибо сын он египетского царя Нектанава, великого волхва, и Олимпиады, жены Филипповой. Случилось же это так. Нектанав, египетский царь, был силен в чародействе и в египетском искусстве читать по звездам. Не бранями и ратями, не воинами и оружием удерживал он врагов, но имел себе в помощь чародейство и им противостоял всем городам. Поэтому все соседние цари в растерянности пребывая и страхе, собрались на совет, говоря: «Что сделаем с этим коварным волхвом, египетским князем? Все богатства земли нашей с помощью волхвования взял и к своей земле присоединил. А мы страдаем и не знаем, что делать. Но не потерпим больше этого коварного Аргуса, и, собравшись все вместе, на землю Египетскую устремимся, и Нектанава из царства изгоним, и все свое опять себе вернем, ведь бесплоден он, нет у него наследников; ведь коварен он и пуглив, сама Египетская земля будет против него». Совещались же против Нектанава народы: персы, иверы, арапы, кияне, ефиопы, еглаги, и иные восточные цари, и народы многие.

Увидел это неисчислимое множество народов Верверех, египетский краишник, и со слезами сказал: «О горе тебе, великий среди городов Египет! До небес вознесся и до ада снизойдешь! Руки твои были на всех, а ныне руки всех – на тебе! Сладости насытился медовой, горького пришло время вкусить тебе яда!» И устремился к Нектанаву. Прийдя, возвестил ему о нашествии с востока несчетного войска. Приступил к Нектанаву и сказал: «Да будет известно тебе, царь, что на смерть меняешь сегодня жизнь свою. Дарий, персидский царь, что считает себя богом, на границу земли твоей пришел со

всеми восточными царями и ранами будет ранить Египет из-за тебя. Собери и ты все войско на битву, и устремимся против них. Ибо не может противостоять сильному войску и храбрым витязям волшебное чародейство; пусть идут царь на царя, муж на мужа, конь на коня – оба имеют помощником свою честь. Царство ведь из множества людей состоит, как и море из волн, и этим страшит плавающих». Когда Верверех сказал это Нектанаву, посмеялся царь и сказал ему: «Ты выполнил порученную тебе службу. Войско же сильно бывает не множеством людей, но крепкими и храбрыми сердцами. Ведь один лев стада оленей разгоняет, и неожиданное нападение одного волка разгонит многие стада овец. Ты же иди к порученной тебе работе и часто о врагах мне вести подавай». И сказав это, Вервереха отослал.

Сам же грамоты во все города и части Египта разослал, веля готовиться к войне и биться за землю, за отечество, за царство. Но где Бог не хочет, человек ничего сделать не может. Вошел царь в волшебную палату и начал совершать волшебную леканомандию: в золотую лохань воды налив, сделал на воде из воска два войска и увидел, что его войско побиваемо персидским и что боги египетские в корабле варваров вводят войско в Египет, – и не знал, что ему делать. И со слезами сказал: «О горе тебе, Египет! Многие годы славился ты вместе с царем своим и в один год погибаешь! Ибо нет радости, которая бы не сменилась печалью, ни славы на земле, которая не была бы недолгой и вскоре бы не исчезла». Хорошо сказано: «Надеющиеся на чародейство подобны опирающимся на воду, – как только обопрется, сразу и погрузится с бесчестьем». Не мог царь Нектанав врагам сопротивляться и пребывал в стыде и печали. Остриг бороду и голову, в полночь ушел из царского дворца и в дальний Филипуст, македонский город, пришел. Никто его там не знал, он поселился тайно в некотором месте, назвавшись врачом и искусным египетским мастером в чтении по звездам.

Египтяне же от напавшего на них войска много пострадали, ко дворцу царя своего Нектанавы прибежали и, не найдя его, заплакали горько. На постели его нашли такое писание:

«Любимые мои египтяне, бед ваших вынести не в силах, и в иную страну ушел, через тридцать лет вновь приду к вам». Египтяне, найдя это писание, сделали изображение Нектанавы из золота и на высоком столпе среди города Египта его поставили, в руку дав ему писание его, а на голову возложили золотой венец. А сами поспешили к Пасидону, богу своему, и о Нектанаве его вопрошали. Он же во сне явился им и сказал: «Через тридцать лет придет, и от меча персидской десницы защитит вас, и врагов ваших – персов – положит под ноги ваши».

Нектанав же в Македонии был знаменит и почитался македонянами как великий врач и волхв.

Македонский царь Филипп имел жену по имени Олимпиада. Многою скорбью смущала она царя, так что царская слава и богатство не радовали его: не было у нее детей, хотя красива она была весьма. Видя ее бесплодие, царь Филипп, муж ее, терял любовь, которую имел к ней. И когда отъезжал он на войну, призвал ее и в сердцах сказал: «О милый свет очей моих и души моей, Олимпиада, если до моего возвращения не будет у тебя ребенка – очей моих больше не увидишь и на грудь мою любезно не ляжешь». И, сказав это, ушел на войну.

Олимпиада, оставшись в печали и скорби, не знала, что делать. Одна из ее отроковиц, видя, что скорбит она из-за бесплодия, сказала Олимпиаде: «Царица, есть в нашем городе человек – египтянин, муж искусный делом и словом, который может, я думаю, все желания сердца твоего исполнить, если только повелишь ему увидеть тебя». Она же, услышав это, велела скорее призвать его. И когда он пришел, говорит царица Нектанаву: «О египтянин, истинно ли то, что я слышала о тебе, – будто искусством своим можешь разрушить бесплодие утробы моей и сердце царя Филиппа утвердить в любви его, безмерную печаль в радость обратив. Вознаграждение богатое от меня получишь и македонянами будешь прославлен». Нектанав же, видя ее, неизреченному сиянию красоты лица ее дивился, стоял, и глядел на нее, и головою кивал. Она же, думая, что хочет он говорить наедине, сказала ему: «Что затрудняешь меня, человек? Если умеешь – действуй, не медли». Он же,

пораженный красотой ее, пронзен был любовью в сердце. Будучи же чародеем, говорит царице: «Смотри, царица, боги Амон, Пинес и Неркулий с тобою хотят быть. Если позволишь им войти, матерью великого царя станешь». Услышав его обманные и лукавые слова, царица очень обрадовалась, желая стать матерью. Нектанав же велел ей близ царской палаты сделать клеть малую – чтобы он призвал к ней бога Амона.

И совершил этот обман Нектанав, видя таковую жену, ибо хитер был обращать жен ко всякому падению. И сам вошел к ней Нектанав в образе Амона. А образ Амона таков: голова орла, на ней рога василиска, хвост аспида, ноги аспидовые и львиные, крылья грифона черно-золотые. Таков вид Амона. Вошел к ней Нектанав наваждением и, побыв с нею, наваждением же и вышел.

Обманутая этим Олимпиада, приняв в сердце страх, живет в царских дворцах. Приступил Нектанав к царице и сказал ей: «Блаженна ты в женах, Олимпиада, царя вселенной приняла в чреве своем. Когда же время придет тебе родить, призови меня к себе – что тебе скажу, то и сделай».

И когда наступил час рождения, пришел Нектанав к царице и сказал: «Придержи в себе, царица, не роди, пока не придет благоприятный час, если сейчас родишь, то родишь раба, ненужного людям. Подожди немного – пока небесные планеты расположатся в подобающем порядке и стихии установятся, тогда царя над царями родишь и многоумного человека – великого Александра».

Месяца марта в двенадцатый день, в час девятый родился ребенок, и лишь только появился он на свет, плача сказал: «Через сорок лет возвращусь к тебе, мать!» Олимпиада, взяв дитя, отнесла его в храм к Дафенеону Аполлону, прося благословить дитя. И желали узнать от книжников Аполлоновых и волхвов – каким будет этот ребенок. Волшебным образом явился к мудрым Нектанав и сказал, что дитя это всей вселенной будет царем, велик будет благостию, разумом и мудростью. Отца же своего убьет и в сороковой год возвратится к матери своей, земле.

Когда же Филипп, на войне быв, многие битвы совершил и снова к македонянам возвращался, явился ему бог его Амон во сне в образе льва с золотым рогом и, на руках неся Александра, сказал: «Радуйся и веселись, царь Филипп, так как врага своего победил и сына Александра родил – великого избранного царя». Проснувшись, Филипп об увиденном размышлял и рассказал об этом Менандру и Аристотелю – двум македонским философам. И в это время большой орел пролетел через шатер царя Филиппа и яйцо нечаянно выронил на край его одежды. Филипп испугался и с постели своей вскочил, а яйцо упало на землю, и, когда разбилось яйцо, змея из него выползла, и, когда хотела вползти обратно, умерла. Тут случился премудрый Аристотель и сказал: «Истинно то, что видел ты этой ночью».

И в тот же час пришли вестники из Македонии и прекрасные дары ему от Олимпиады принесли, возвестив о рождении сына. Филипп вскоре в Македонию вернулся, весьма радуясь рождению сына. Когда же пришел Филипп в свой город, дитя его встретило; царь обрадовался, и с любовью его принял, и целовал его, и говорил: «Радуйся, второй прекрасный Иосиф и второй храбрый Ацелеш, сегодня мне дар совершенный от Бога исходит. Если я в сей час умру – то и смерть не страшна, ибо родил дитя». После этого царь Филипп призвал великого Аристотеля, мужа искусного и отличавшегося философской мудростью и в речах и в делах, и сказал ему: «Возьми этого отрока, дарованного мне Богом, и научи его Омировым писаниям и прочим словесным искусствам».

Александр же, успешно занимаясь, «Илиаду» и «Одиссею» всю за год изучил, а «Орган великий» за второй год выучил. Поэтому возненавидели его занимавшиеся вместе с ним отроки. Всякая добродетель навлекает на себя зависть и ненависть, и всякого избранного преследует ненависть великая. Сказали ему отроки: «Если бы к Нектанаву-волхву пошел ты, он бы тебя научил движению небесного свода и значению перемены времени». Услышав это, Александр матери своей сказал: «Если хочешь меня научить, мать, – египетскому мудрецу Нектанаву отдай меня для обучения. Слышал я, что он искусен в знаниях о

движении небесных звезд». Олимпиада быстро послала за учителем и отдала ему для обучения Александра, сказав: «Научи его, учитель, своему искусству». И тайно сказала ему: «Передай, Нектанав, своему от своих. Всякое богатство славно и мудрость похвальна, если взыскующим уделяют от себя». Услышав обо всем этом, отец его Филипп сказал: «Поистине отрок этот – от небесного промысла, ибо о небесном говорит учении». Нектанав же научил его всей египетской мудрости.

В один же из дней мудрый Аристотель собрал четыреста юношей – сверстников Александра, желая испытать судьбу Александра. И над двумястами поставил во главе Александра, а во главе других двухсот Птолемея, некоего юношу, сына великого воеводы Филиппова. Филипп повелел им снарядиться, и весьма красивое было зрелище, когда они стали сражаться: заняв места, удерживали их, на которых сражались; если кого-то ранили до крови, тот выходил из боя как побежденный. Александр же всех превзошел, противников захватив; всеми юношами был прославлен как царь. Видя это, учитель его, чудный Аристотель, удивлялся, говоря: «Благочестивому мужу Бог помогает, и враги ему не вредят, а злочестивому мужу ни ближние его, ни друзья не могут помочь». И сказал Аристотель: «Господин Александр, если станешь царем земным, что мне доброго сделаешь, учителю своему?» Он же сказал ему: «Многоумному мужу не подобает прежде, чем дать, обещать. Если же вознесусь, и ты со мною велик будешь: лоза ведь не прилепляется к дальним деревьям, хотя они и высоки, но к ближним, хотя и малы они. Так же и царь, великих чтит по достоинству их, присным же верит и любит вовеки».

Обычай был у Александра – до обеда к Аристотелю ходить на учение, а после обеда, к вечеру, к Нектанаву – учиться волшебной мудрости. У него изучил он движение двенадцати небесных животных и семи планет – Солнца, Луны, Завеса Акинтоса, Кроноса, Фровити, Ерьрасия, – они были изображены на таблице в должном порядке. Видя все это, Александр учителю своему сказал: «Скажи мне, учитель, как ты достиг знания великого Божия промысла о существах сотворенных?» Он же ему ответил: «Бог великий, непознаваемый,

непонимаемый, непостижимый, промысливший все, немыслим никак, ему ведомыми путями явил себя человеческому роду, так что как создатель созданием своим и познается». Александр же с гневом сказал: «Все ты знаешь, о Нектанав! Смерть твоя, знаешь ли, какова будет?» Нектанав же сказал ему: «Знаю из движения звезд, что сыном своим убит буду». Александр же счел это неверным и сбросил его с большой горы – с Геотской скалы, недалеко от царского судилища, говоря: «Видишь, мастер, ошибся ты». Нектанав же, падая вниз, едва успел вымолвить: «Не осталось для тебя тайной, сын мой Александр, об этом никто не знает, кроме матери твоей Олимпиады, и тебя, сегодня узнавшего. А я, сын мой Александр, к темному отхожу аду, в нижайшие места земли, где помещены все эллинские боги великим Богом Саваофом». И, сказав это, умер египетский царь Нектанав. Услышав это, Александр весьма раскаялся, на плечо свое его взял и к Олимпиаде, матери своей, отнес. Олимпиада, увидев, ужаснулась и Александру сказала: «Что это?» Он же ей сказал: «Скажи мне, мать моя, правда ли, что он отец мне?» Она же сказала ему всю правду. Александр много плакал о Нектанаве и с честью повелел его похоронить.

В то время вестник пришел к царю Филиппу и сказал: «Да будет тебе, царь, известно, что в стадах твоих появился удивительный конь, который красотой среди других коней выделяется. На правом бедре его – воловья голова с рогами, и рог меж ушами вырос с локоть». Филипп же повелел его привести. И его красоте удивился царь, и повелел сделать ему клетку железную, и преступников к нему бросать. И никто к коню тому подойти не осмеливался. Александр же приходил к нему часто; конь же, всякую оставляя ярость, кротко Александру повиновался, царю своему и всаднику. Однажды Александр властно за ухо его взял, и с кротостью конь последовал за ним, как бык-подъяремник. Видя его кротость, Александр замок сломал, и вошел к нему, и, оседлав, сел на него, и отправился на конное состязание. Витязи македонские на то же состязание ехали, и царь Филипп с высоких палат на них глядел, любясь храбрым видом и красивой посадкой на коне каждого из них. И когда это происходило, вдруг на вологлавом коне выехал

Александр. Македонские же конники с коней сошли и, как царю, ему поклонились, дивясь тому, как ловко сидит он на вологлавом коне. На ипподроме он лучше всех витязей проехал и крепкого, сильного коня с трудом остановил. И на четырех источниках город создал, и дал ему имя Драм, что значит «место для бега». Царь же Филипп удивился езде отрока на необъезженном коне и, видя это, сказал: «О горе приближающимся к македонским границам, ибо острым мечом Александра побеждены будут и падут от македонян». И потом громко сказал: «Сегодня увидел я подобие Ираклия-витязя, едущего на вологлавом коне».

После того дня собрал царь Филипп тысячу юношей, сверстников Александра, и, передав их Александру, сказал: «С ним охотьтесь и к воинскому делу привыкайте, вместе и стреляйте».

В Олимпиадских странах были сделаны две колесницы, недалеко от Дафенеона и Аполлона, восходя на те колесницы, витязи в эллинском искусстве судьбу свою испытывали. Услышав об этом, Александр пожелал туда пойти. И сказал он об этом Филиппу. Но тот не отпускал его, говоря: «Не подобает тебе, сын Александр, на олимпиадской колеснице венок получать, ибо юн ты. Однако не настаиваю, но с радостью, сын мой, иди, ободряемый». И тогда Александр, нужное себе у царя Филиппа, отца своего, взяв – витязей искусных, и быстрых коней, и все потребное для царской чести, – в Олимпиадские острова отправился. Тут были у эллинов четыре игры.

Когда Александр пришел туда, с неглиторскими витязями выпало ему состязаться – с Лаомбадаушем и с Калестенаушем, – вместе с воеводою своим Птолемеем. И когда помчались обе колесницы, и четыре витязя сблизилась, и ударили друг по другу, Александр Калестенауша убил, а Птолемей сбросил Лаомбадауша. Люди города того, смотревшие на это, не помнили, чтобы перед ними когда-либо явились два столь прекрасных воина. И стоявший тут некий философ по имени Фруние сказал: «Мудрость и храбрость приобретаются не многолетием, но твердым и благородным сердцем». И спросил философ, кто и откуда Александр. Ему же ответили:

«Македонского царя сын». Философ же сказал: «Слышал я от учителей, что восстанет царь из Македонии, поднимется меч от Филиппова города и он поразит все земли западные и сокрушит всех царей восточных». И добавил: «Когда ты придешь, милостив будь к нашему городу, сын Филиппов». Посмеялся над этим Александр и ответил: «Не мое это желание, философ, но действие высшего промысла».

И, сказав это, пошел в Македонию, и, придя, узнал, что отец его царь Филипп его мать Олимпиаду прогнал, а иную вместо нее взял и на браке как жених веселится. Александр вошел во дворец к Филиппу, прославляемый как победитель. Отец с радостью и любовью встретил его и посадил с собою на пиру; сам же, раскаиваясь, сидел, склонив голову. А тот, что посоветовал ему Олимпиаду отпустить, а иную взять за себя, приступив к Филиппу, сказал: «Веселись, царь, лучшую, чем первая, взял ты, – ибо первая блудница была, эта же целомудренна». Услышав это, Александр ярости исполнился и сказал: «Не быть этому, отец Филипп, пока я жив». Рыкнул, как лев, с престола вскочил и, стол малый схватив, троих убил, а другим пришлось бежать. Видя это, Филипп в ужасе был и в страхе великом, возвратил Олимпиаду на царство, а другую отправил восвояси.

После того как это случилось, в немощь великую впал царь Филипп. Узнав об этом, северный народ, кумане, пятьсот тысяч собрались и пришли к Македонии. Царю Филиппу об этом сообщили. Филипп, опечалившись, Александра велел призвать к себе и сказал: «О любимый мой сын Александр, пришло время постоять за отеческую землю». Взяв войско, Александр устремился на бой, македонского же войска с ним было четыре тысячи. Сам он куманское войско разведal и увидел, что враги стоят в беспорядке; ночью с воинами пришел, и повелел огня много вокруг зажечь, и в трубы многогласные трубить, и из пушек стрелять. Увидев это, кумане от неожиданности испугались и побежали, и с полуночи бежали они до солнечного восхода, смешались вместе македонцы и кумане. Убито было куман восемь тысяч, македонян же – две тысячи. Александр преследовал их три дня и три ночи и убил их сто восемь тысяч.

Взяв коней множество и оружия, победителем к отцу возвратился, приведя с собою десять тысяч пленных, и их пред царем Филиппом поставить повелел, и перед всеми людьми македонскими сказал: «Видите, друзья, Божий промысл предал вас в руки македонские, меч ваш наострился против македонян, а ныне притупился, царя же вашего, Атламеша, я убил, а вас в плен взял. Хотите ли жизнь свою сохранить и, землю вашу с моей соединив, заодно с македонянами быть?» Они же сказали: «Король Александр, если Бог помогает тебе, то и мы готовы тебе помогать. Поскольку царя нашего убил Атламеша, мы, господин, твои, поставь нам царя и нас в землю нашу отпусти». Заключив с ними мир, Александр поставил им царем любимого брата своего именем Ванцатура, малого телом, но великого храбростью. И куман с честью отпустил.

И когда это случилось, некто Анаксархонос, пелапонский царь, узнав про куманское нашествие на Македонию, предпринял такое злое дело. Некогда, когда он проходил мимо Македонии, честь ему царь Филипп воздал, и дары дал многие, и с почетом его отпустил. Царь же Анаксархонос, пораженный красотою жены Филипповой, с тех пор к ней любовь имел в сердце своем. Всеведущий Соломон сказал: «Человек, не уязвляйся красотою чужой жены, чтобы свою жену не увидеть уязвленной». Когда же произошло нашествие на Македонию, то, собрав двенадцать тысяч войска, он пришел к царю Филиппу, скрывая свое коварное намерение похитить Олимпиаду. Узнав о его приходе, царь Филипп обрадовался и вышел ему навстречу вместе с Олимпиадой. Увидев Олимпиаду, Анаксархонос похитил ее и бежал, Филипп же с немногими его преследовал. Тут Александр приспел, настиг войско Анаксархоноса, Филиппа же нашел поверженным на землю, раненного в голову и в правую ногу. И, недалеко пройдя, Олимпиаду, свою мать, отнял, и с восемью тысячами воинов Анаксархоноса настиг на месте, называемом Змиски; разбив войско и самого его захватив живым, привел к отцу своему Филиппу. Филиппа же застал едва дышащим. «Встань, – сказал, – царь Филипп, врагу своему наступи на горло и отомсти за себя своею рукою». Филипп же с трудом встал и, взяв меч в руки, убил его. «Печаль о доме моем

снедает меня. Иди, душа моя, с нечестивыми во ад». И, сказав это, Александра благословил, говоря: «Сын Александр, руки всех на тебе и твои – на всех». И, сказав это, умер царь македонский Филипп; и стоящие тут сказали: «Кто будет противиться Александру?» Олимпиада же, тут стоя, плакала. Положив на золотой стол, Филиппа в город отнесли и с плачем великим погребли его в храме с честью.

Александр же, сын его, самодержцем стал, послал грамоты во все города земли своей, всем к Филиппу собраться повелев. Когда же собрались все македоняне, и все малые, и все великие, им Александр сказал: «О друзья мои и братья мои, милые мне более всех македоняне, Филипп, царь ваш, а мой отец, умер. При жизни своей царствовал он достойно, мне же как накажете править?» Тогда выступил мудрый Филон и сказал: «О король Александр, каждый возраст человеческий своего чина требует». Александр сказал: «Старость честна, но немногочетна». И тут стоящий Селевкш сказал: «О король Александр, Соломон, великий в мудрости царь, в книгах пишет: “Царство из множества людей состоит, царь же, не советующийся и не доверяющий, сам себе враг, советующийся полезное сотворит своей земле”». И стоящий тут Антиох сказал: «Король Александр, старым царям подобает жизнь домашняя, ибо старые в покое нуждаются, молодым же царям следует царствовать так, чтобы, потрудившись в молодости своей, на старость покой обрели». И стоящий тут Андигон сказал: «Король Александр, следует нам пойти войной против соседних нам царей прежде, чем они сами это сделают, и, покорив их, избавиться от такой опасности». И когда эти четыре совета приняты были Александром, близкий к нему любимый воевода Птолемей сказал: «О царь Александр, подобает нам войско переодеть в светлые доспехи и знак твой на щитах написать, чтобы знали, какого царя мы воины; да не скажут соседи наши, что мы вместе с царем Филиппом умерли». Это, выслушав, Александр одобрил и по землям царства своего послал за кузнецами и щитарями, в Филиппуе им собраться повелев. За день мастера его изготовляли вооружение для четырехсот витязей. На шлемах воинов были рога василиска с аспидовыми

крыльями, и щиты были львиной кожей укреплены, попоны же для коней из крокодиловых кож были сделаны. Так Александр готовился к походу на войну.

О ПОСЛАНИИ ДАРИЯ

Дарий, царь персидский, услышав, что умер царь македонский Филипп, послал в Македонию грамоту, в которой было написано: «Дарий, царь над царями, земной бог, вместе с солнцем во всей вселенной сияющий и всем земным царям царь и господствующим господин, – к находящимся в Македонии пишу. Моего царственного слуха достигла весть о том, что царь ваш Филипп умер и отрока малого на царстве своем оставил, не укрепленного годами и молодого умом. О смерти Филиппа я опечалился, отрока же его, малого, еще не наученного, пожалел и хочу воспитать его, после чего, по царским обычаям почтив и украсив, снова в отечество его на царство возратить. Грамоту мою прочтя, немедля его ко мне приведите. Кандаркуса же, верного мне, к вам послал землею вашею должным образом управлять. Войско ваше в случае необходимости к царству моему присылайте и дани удвоенные приносите. Дитя же Филиппа приведите к царству моему со всеми знаками царства его, ибо более сорока царских сынов в доме моем живут. Если же найду его недостойным царства, иного вместо него царствовать пошлю к вам». Эту грамоту Кандаркус в Македонию принес. Македоняне, приняв его, к воеводе Птолемею привели. Птолемей же, взяв их, в Филиппуст привел к Александру. Антиох их встретил, шлем Александров навстречу им вынес на копье и поклониться повелел. Кандаркус же ему сказал: «Если копью Александрову поклонюсь, то вы – не подданные Дария, и я не посмею очей Дариевых увидеть». Антиох же отвечал ему: «Если этого не сделаешь, жизни своей лишишься». И, подойдя, поклонился тот копью Александрову; взяв его, Антиох к Александру привел. Войдя в царские палаты, Кандаркус увидел Александра, сидящего на высоком престоле, украшенном чистым золотом, зеленым камнем и слоновой костью. Подойдя, посол поклонился царю и грамоту дал; сам же, стоя, удивлялся дивному виду Александра: венец на голове его был в виде сплетенных миртовых листьев с сапфиром и

жемчугом, справа и слева от него стояло множество витязей в венцах. Селевкуш, взяв грамоту Дария, прочел ее. Александр, услышав написанное, пришел в ярость и гнев, и, взяв грамоту, разорвал ее, и в ярости сказал им: «Не следовало царю Дарию, когда есть голова, к ногам обращаться. Ибо Македония не безглавна, как это Дарию кажется». И, сказав это, вскоре отпустил их, и такую грамоту послал Дарию: «Александр-витязь, македонский царь, сын Филиппа-царя и царицы Олимпиады, Дарию, персидскому царю! Благодарю тебя за печаль об отце моем. Грамоту твою к людям моим прочел и благодарен тебе за то, что о земле нашей заботишься. Меня же, малого, ты пожалел и в доме твоём воспитать хочешь. Сосущим молоко младенцам не подобает в царских домах питаться, не хочу и толстого мяса есть. Подожди меня немного, пока от сосца матери моей оторвусь, и тогда персидскую часть царства твоего займу, придя со всеми македонянами. Кандаркуса ты послал к нам быть царем у македонян; больше не посылай его сюда, ибо тогда вновь не увидишь его. Не так македоняне безглавны, как это тебе кажется». Доспехи же македонские Кандаркусу Александр дал, сказав: «От царства моего беги, когда же война будет у македонян с персами, надень эти доспехи, чтобы тебя, узнав, с персами не убили бы». Посол же к Дарию возвратился и грамоту Александра дал ему. Прочтя ее, Дарий посмеялся. Кандаркус же ему сказал: «Не следует тебе, царь, такую грамоту получив, смеяться, ибо в малолетней юности нашли мы многолетнюю старость; больной зуб следует быстро удалить, чтобы здоровые не повредились; не вытаскивай кипариса молодого, старый и не пытайся».

Этим советом Дарий пренебрег, Клитовуша, некоего из верных своих, в Македонию к Александру послал, повелел узнать все об Александре. Александру же послал юлу, деревянный шар, и два сундука пустых, и два больших узла мака, и такую грамоту дал ему: «Дарий, царь над царями, бог персидский, дитяню моего Александра приветствует! Не так думал о тебе и обидел тебя в первой моей грамоте. Будет тебе известно, что младенческие умствования наглы. Вот послал к тебе юлу, играй ею и верти шар, которым младенцы играют, и

два сундука пустых, и два узла мака, чтобы ты два сундука наполнил трехлетними данями, мак же сосчитай и узнаешь число моего войска. Дани ко мне пришли, иначе будешь приведен ко мне связанным и милости тебе не будет». Взяв эту грамоту, Клитовуш в Македонию к Александру пришел и пред Александром предстал, и поклонился, и грамоту ему дал, и сундуки, и юлу, и мак перед Александром положил.

Александр, грамоту приняв, прочел, головою покачал и сказал: «Неизмерима гордыня твоего высокоумия, Дарий, – Богу небесному уподобляешься, а не человеку, до небес вознесся и до ада низойдешь». И, взяв мак, начал его жевать, сундуки разбить велел и грамоту к Дарию написал: «Александр, македонский царь, Дарию, персидскому царю, всякую честь творящему. Ты сам младенческому безумию уподобился: игрушками, что ты дал мне, самодержцу земли уподобил меня – шар ведь этот всю землю изображает». И посла отпустил к Дарию.

В то же время Архидон, селунский царь, прислал сына своего Александру для служения и грамоту. Александр же, грамоту приняв, прочел и радостен был; Поликратуша к себе с усердием призвал, к написанному был милостив и грамоту в ответ написать велел: «Любимому брату Архидону, селунскому царю, Александр, царь македонский, радоваться повелел. Грамоту твою прочел – не только дарам твоим рад, но и покорным и любезным речам. Говорит ведь пословица, что покорную голову и меч не сечет. Сын твой со мною будет, а ты в царстве своем, мне же в помощь двенадцать тысяч воинов посылай в год и триста талантов золота». Селунское же царство приняв, пошел в Афины.

ОБ АФИНАХ

Афины же город большой и всяким земным украшением украшен. Двенадцать риторов владели им и всею вселенскою землей управляли, судя неправедно. Услышав о приходе Александра к ним, совещались – предаться ли Александру или же к городу его не подпускать.

Софлийкий, философ их, тут стоявший, сказал: «Не следует нам с Александром воевать, ибо Александр куман победил и

взял их под свою власть, и Анаксарха, пелопонского царя, убил и землю захватил, Архидона же, селунского царя, мирно к нему пришедшего, на царстве и на законе его оставил». Другой же философ сказал: «С тех пор как Афины возникли, ни один царь не брал их. Некогда великий царь на Афины пришел, и воевав много, ни в чем не успел, но, разбитый, от нас отступил и бежал, один меж островов македонских утонул. Не следует нам, столь сильным, Филиппову сыну повиноваться». Диоген же некто, наибольший из всех философов, сказал: «Ходил я в Олимпиадский остров третьего лета и этого Александра видел. Пришел он на олимпиадской колеснице состязаться и воинскую доблесть испытать. Ураний же, некто с Олимпиадских островов, там был. Я же сказал тогда: “Этот юноша славою земною возвеличен будет”. И вот теперь я это вижу. Мужи афинские, не противьтесь Александру, совершенному в разуме и мужестве, он, хотя и молод, земною славой велик и войском крепок. Следует нам с честью и с дарами встретить его, благочестивый же Александр добр к нам будет и, не причинив вреда, в Рим пойдет». Это мнение афинянам не понравилось, и философа Диогена укоряли, говоря: «Во всех мудрецах довольно мудрости». Он же, сожалея о них, ушел из города к Александру и все ему рассказал.

Наполнился Александр яростью и гневом, воинов своих нужным образом приготовил, и в Афинское царство пришел, и, под городом став, послал в город Арфакса, куманянина. Его языка афиняне не поняли, искали толмача по всему городу своему – едва одного нашли и через толмача спрашивали Арфакса, чтобы он повеление Александра сообщил. Он же сказал: «Великий царь Александр повелел: “Дайте мне дань и войско и к царству моему присоединяйтесь, если же этого не сделаете и повелению моему не повинуетесь, – меч македонский вашу землю поразит”». Это услышав, афиняне Александрово послание бранили, над словами же обоих куман посмеялись и, посла отпустив к Александру, передали так: «Не подобает тебе, Александр, стать царем в Афинах, много подобных тебе царей Афинам подвластны, много витязей и философов в Афинах, больших, чем твои. Довольствуйся

Македонским царством; по своей воле пришел сюда и уйдешь отсюда не по своей воле». И, это сказав, посла отпустили, а своему толмачу голову отсекали перед ним, сказав: «Не нуждаемся в переводчике Александровых речей». Александр, услышав об этом, разгневался и сказал: «Горе земле, которую правят многие». И, сказав это, войску своему к бою приготовиться повелел и с четырех сторон напасть на город, и битва тогда великая была. Кумане же, которые были с Александром, с одной стороны крепко налегли, и стрелы их летели в город, как облако. Горожане, этим досаждаемые, неожиданно городские ворота отворили и, выйдя из города, у Александра куман десять тысяч убили и македонян четыреста конных. С помощью баллист из города огонь извергли и Александрово войско чуть не спалили огнем. Когда это случилось, вечер пришел, Александр в лагерь вернулся, охрану около войска выставив, вельмож старых призвал и сказал: «Что сделаем с коварными горожанами? Землю не воевав, к городу пришли и себя осрамили. Что следует нам делать?» Диоген же, афинский философ, сказал Александру: «Царь Александр, город Афины не сможешь без труда взять, ибо множество людей и воинов в нем – более двухсот тысяч. Сделай хитрость – давай выманим их из города с нами биться и побьем их, так как они неискусны в битве; и так возьмем город». И сделал хитрость Александр, как некогда греки. Повелел от города отступить своему войску и сам с ним ушел. В лагере же оставил десять тысяч волов, сорок тысяч овец и такую грамоту: «Мужи афинские, не ведал великой силы богов ваших и к вам пришел, поразить вас желая, но сам богами вашими поражен. Ибо этой ночью они во сне мне явились, много страшного мне сказали, и я, их убоявшись, в землю свою возвратился; оставив овец и волов много в жертву богам вашим, чтобы обо мне помолили их». И, сказав это, Александр с войском отошел на двенадцать поприщ от города и скрылся в лесу. Горожане же все пришли в лагерь и, грамоту написанную найдя, сказали: «От страха побежал сын Филиппов». И так все из города вышли – более двухсот тысяч пеших и ста тысяч конных.

В ту же ночь философ афинский, по имени Примах, видел сон: великий храм бога Аполлона упал, и все башни Афинского города обрушились, и врата великого Ареопага упали; и Александра видел, на льве в город Афинский въезжавшего, а на площадях города колосья пшеничные росли, и македоняне их, зеленые и незрелые, пожинали. И, об этом сне рассказав, не велел гнаться за Александром. Они же, не обратив внимания на это, шли вслед за Александром.

А Александр ждал их со всеми воинами, подготовившись у Касталийского леса, и напал на них на Витальском поле. Афиняне испугались голосов труб и войска, выходящего из леса, и сами себе сказали: «О, как хитро обманул нас сын Филиппов!» Видя, что невозможно убежать, поневоле шли на бой. Александр же их одолел, и побежали они. Многих из них убивали и преследовали через все Витальское поле до Афинского города, и, смешавшись вместе, к воротам города пришли македоняне и афиняне. И печально было смотреть, как дети и жены к своим навстречу шли и побиваемы были; вопль же до небес доходил, и кровь по всему городу текла, и, смешавшись вместе, македоняне и афиняне посреди города сражались.

Александр среди них на вологлавом коне ездил, уговаривая прекратить битву, но не мог их остановить, ибо исполнились ярости. Жены же афинские, раздирая лица свои, Александру кричали: «Смилуйся, царь Александр!» Александр же, не могущий прекратить битвы, повелел зажечь город. Люди и жены в лагерь отошли и спаслись. Тогда великий и дивный бог их Аполлон афинский со всеми своими богами сгорел.

Услышав об этом, Александр сказал: «Если бы это боги были, спасли бы себя от огня». Печаль и радость объединяя в себе, сказал: «Ныне македонское оружие в афинской крови не только по моей воле, но и по их неразумию». Диоген же философ сказал: «Мудрого накажи – мудрее будет; безумного же – возненавидит тебя. Дай премудрому наставление – премудрее будет». Восплакался город Афины весь, в тревоге были все земли вселенские. Александр, услышав об этом, сказал: «Головы не разбив, мозг не вынуть».

Оттуда Александр пошел, взяв с собою четыреста тысяч войска. Тогда встретили его все цари тракийские, и морейские, и далматинские, и полуцы, и гостиницы, и триволийские; дары ему принесли бесчисленные и стяги золотые царские многоценные, и дани за двенадцать лет; царских титулов они лишились – сатрапами должны были называться.

О ПРИХОЖДЕНИИ К РИМУ

Александр же к Риму направился. Когда услышали римляне, что Александр идет к ним, обеспокоились и совет созвали. «Что сделаем, – сказали они, – следует ли принять нам Александра в Риме с почетом и дарами многими, чтобы по милости непобедимой нам сохранить отеческие порядки и законы». К богу же своему Амону в храм пришли, моля возвестить им об Александре. Во сне явился им бог Амон и сказал: «Мужи-римляне, не бойтесь Александра – он сын мой: некогда, придя в Македонию, я с матерью его Олимпиадою соединился и родился Александр; с честью его встретив, поклонитесь как царю и его, самодержавного, прославьте».

Римляне с честью и со славою великою встретили его, была же дивной встреча их: встретили его четыре тысячи витязей увенчанных на конях и две тысячи девиц в красных с золотом одеяниях. И прочих людей тысяча четыреста; все несли лавровые ветви с золотом. Иереи же римские встретили его, неся большие свечи в руках. Вышли к нему, неся одеяние великое, многоценное Соломона, царя еврейского, которое у них положил Навуходоносор, царь персов, некогда взявший Иерусалим. Принесли ему золотых блюд тысячу двести с камнями многоценными, которые поставил Соломон-царь в храме, во Святая Святых, и венец Соломонов, в котором три камня были и иных камней тысяча, от двенадцати несчастий он исцелял – по числу сынов Израилевых. Вынесли ему золотой венец царский многоценный Сивилии-царицы, волшебный. Вывели ему коня под попоной крокодиловой, оседланного седлом из камня андрамана. Вынесли ему оружие Елгаменеуша-короля; вынесли ему копье ланпандиловое Якша Теламоника с жемчугом и с камнями многоценными, и прочих копий семнадцать; вынесли ему щит Таркнена, римского царя,

кожею аспидовой обтянутый. Видя же эту славную встречу, царь Александр радостен был и много воинов своих почетно приготовил, а македонян с собою на конях взял, на чудного коня Дучипала сел и возложил на голову свою корону египетской царицы Клеопатры – двенадцать камней многоценных в ней; коней запасных и трубы как подобало приготовив, навстречу римлянам пошли.

Когда же они приблизились, витязи и девицы поклонились Александру, с коней не сходя, и воскликнули: «Многая лета, царь Александр, всего света царь», и, сказав это, в сторону отъехали, другие же пришли, и они прославили его, остальные же все с коней сошли и прославили царя Александра. После этого пришли иереи со свечами и кадильницами и покадили его ароматами разными. И так, веселясь, в город римский вошли и привели его в храм бога своего Аполлона для поклонения. Встретил его иереи Аполлонов, и покадил его, и поклонился, и принес ему золото, и ливан, и мирру – ибо таковы дары царям. Вынесли ему писание: «В пятитысячный год восстанет козел единорогий, и погонит пардусов западных, превозносящихся, и вновь на восток пойдет, где двурогий овен, у которого рога до небес, и поразит его своим рогом в сердце. И потрясутся мидийцы и финикийцы восточные, великие и страшные народы; и острие меча персидского притупит он, и, в Рим прийдя, как царь совершенный прославлен будет, и тогда овладеет Иерусалимом без разорения и войны».

И это писание услышав и прочее, Александр просил объяснить его. Философ же сказал ему: «Александр, в дни еврейского пророка Даниила слышали мы, что в писаниях наших западный царь пардусом называется, овном же двурогим – персидское царство, козлом же единорогим македонское называется царство, быстрое и храброе, что и являет чудное твое в Рим пришествие». И, слыша это, Александр обрадовался и сказал: «Промысл Божий изволил, чтобы сильные пали, а немощные препоясались силою». И когда тут он веселился в Риме с римлянами и македонянами, пришли к нему все царства западные, дары многоценные принесли ему, прося не воевать их. Александр смиростивился, повелел дани ему давать

двенадцать лет и войско. Лаомендуша же, близкого к себе, любимого друга, в Риме царем поставил и всем западным царям повелел его слушать.

И потом пошел на юг. Золота много и войска взяв, к южным странам отправился, и там царства многие сильные победил, и, вселенную всю пройдя, дошел до Океана-реки великой, что всю вселенную обтекает. И в южных странах земли той нашел зверей человекообразных и много двуглавых змей, ноги имеющих, и с ними в бой вступил великий, и их победил: звери, оружия не имея, вскоре погибли. И до железной горы дошел, где множество огромных жен на Александра восстало, и бой великий он имел с ними. И в один час из его войска сто человек поражено было, ибо все жены те крылаты и ногти у них огромные, как серпы, тело же все в волосах, и, прилетая, они глаза раздирали воинам. Услышав об этом, Александр повелел тростник поджечь, и жены те, так как их крылья в пламени сгорали, на землю падали. Македоняне же, подбегая к ним, побивали их, и множество, больше двадцати тысяч, убили.

Дойдя до Океана-реки, возвратились во вселенную. Александр велел войску отдохнуть, соседним же государствам велел построить много кораблей – триста тысяч, тысяча людей в каждый входит со всем необходимым – и на восток отправил их, в Азию и к варварам. Перед ними послал воеводу Птолемея и Филона, в Египте договорившись встретиться с ними; повелел им земли и города принимать и от них войско и дань брать. Сам же в корабли вошел и, когда подул южный ветер, отправился к востоку во главе трех тысяч кораблей, а Антиоха воеводой над другими тремя тысячами сделал, Селевка же над другими тремя тысячами кораблей, Византа же и иных витязей оставил далеко от города Ликия. И от того места отошли, оставив в лагере тысячу волов и сорок тысяч овец. Множество кораблей пошло и людей, и на четыре части они разделились, и плавали тридцать дней и тридцать ночей.

Александр же приплыл к Египту и, пристав при впадении Нила в море, город создал во имя свое – Александрию. Селевк же со своими кораблями в Ликии пристал и тут город во имя свое создал – Селевкию. Антиох же, пристав к берегу со своими

кораблями, создал город во имя свое – Великую Антиохию. Визант же со своими кораблями в проливе Триньского моря пристал и тут город во имя свое создал – Византию. О том Александр много скорбел, что не знает, кто где пристал: но через тридцать дней узнал о Селевке, и об Антиохе, и о Византе, и о городах их. И после этого съехались все, и на том месте создали город, и дали ему имя, по-сербски означающее «Единосердный стан». И, в том городе пробыв шесть месяцев, составили конное войско. Птолемей же и Филон Александру рассказали, какие случились им бои на пути, со многими царями варварскими и онтиопийскими, и всех их победив, к Александру привели связанными. И Александр дал им заверения, и в свои земли отпустил, велев им двенадцать лет сто тысяч войска давать ему.

И оттуда Александр со всем войском в Азию пришел, и тут город создал Триполь. И, подумав, Александр сказал: «О многомошные македоняне, не подобает нам забывать воинские дела – ибо не в укрепленном городе сила, но мы своей храбростью многие города взяли и разбили».

И всю Азию покорив, к стране Придийской возвратились, которую раньше в некие времена эллины захватили и разрушили, некоей ради жены по имени Еленуши – жены Мелеуша, сына короля акедоньского. Короля придийского Приемуша сын по имени Александр Вариж, воспользовавшись доверием, взял ее и в Трою привез, так отблагодарив своего благодетеля – Мелеуша-короля. Мелеуш, на помощь себе призвав царей и витязей Селевкии, и Киликии, и Пелагонии, и Пелопоникии, жены ради своей к Трое пришел. И, пленив Придийскую землю, они всех живущих в земле той мечу предали; и десять лет великий город Троянский осаждали, и, взяв, весь мужской пол огню и мечу предали, как Омир в своих книгах пишет. Здесь тогда многие витязи погибли от эллинов. От начала суждено нам из-за жен в великом лукавом зле повинными быть – первым Адам из-за жены вошел в соблазн, великий храбрый Самсон из-за жены погиб, мудрый Соломон из-за жены в ад последовал, – также и в Трое многие несказанно храбрые витязи и цари из-за одной жены погибли.

И когда Александр пришел туда, все живущие в Трое встретили его с честью великою и дары ему многие принесли: оружие короля Ацелеша, сына короля Прелеша, на львиной коже, и положили на щит Якша Теламоника. И принесли Александру перстень египетской царицы, из камня андракса, имеющий такое свойство: если кто, тяжело заболев, на него посмотрит, то исцелится. Вынесли ему образ госпожи Менеры, по которому узнано было, что постигнет Трою. Вынесли ему одеяние Поликсении-госпожи, дочери короля Приемуша; с нею обручился Ацелеш, когда, от греков отступив, в Трою пришел, которого убили братья ее обманом, на вечери в храме, убил же его Аполлон трогодельский, Алекидуш. Одеяние то имело такое действие: когда облачалась в него госпожа Поликсения, тогда четыре разных вида являла смотрящим на нее от влияния разных камней: когда на зеленый камень она глядела, то присоединялось зеленое к белому лицу, уподобляясь сияющей дуге небесной и золотому оперению павлина; когда же на красный смотрела камень, то присоединялось красное к белости дивного вида ее; от воздействия же всех камней она блистала в одеянии этом. Это одеяние увидев, Александр подивился жене той, выше всех жен, и похвалил ее не только за дивное одеяние, но и за верность и любовь, которую она к Ацелешу после смерти его проявила. Ибо когда Ацелеш умер, другому мужу не захотела стать женой, говоря: «Весь мир недостоин его доблести и красоты; как его забуду и другому стану женой». И в рабство себя не захотела дать, когда Трою разгромили греческие цари, но предпочла умереть на могиле Ацелеша, чем идти в рабство в Лагонийскую землю. Этим умным женам, что мужьям своим честь и любовь сохраняют, двойная хвала – и от Бога награда, и от людей честь, так как решили с мужьями своими умереть, а не жить в позоре. Вынесли ему венец этой же госпожи – кто на голову его наденет, то днем невидимым станет, ночью же как огонь светится. Вынесли ему воинскую эмблему могущественнейшего Еликтора, жемчугом и камнями украшенную, с зубами скорпиона и зубами и когтями аспида; и одеяние из рыбьей кожи. И принесли ему книгу некоего философа из Рима – о разорении Трои от начала и до конца.

Александр прочел о подвигах великих витязей, печали и радости исполнился и сказал: «О, сколь сильные погибли из-за коварства мерзкой и коварной жены».

Александр в город Трою вошел и спросил, где могилы тех витязей; жители отвели его к ним. Взяв ливан и мирру, могилы их покадил и со слезами к ним обратился: «О дивные среди людей, храбрые витязи и львы Ацелеш, Ектор, Якш, Нестор, если бы живых вас увидел, честь достойную воздал бы вам, поскольку же ушли от нас, то вам, мертвым, жертву и ливан воздаю. Но блаженны вы и по смерти своей, потому что о вас, великих и дивных, написал в повестях Омир». Услышав это, философы Александру сказали: «Великий царь Александр, Ацелеш, сын короля Прелеша, по отцу брат тебе, потому что от Амона-бога и Фетиды-жены родился, а ты, царь Александр, родился от Амона-бога и от Олимпиады-царицы, поэтому вы от одного отца. И если смерть случится тебе, царь, то большими похвалами подвиги твоего царствования мы опишем, нежели Омир придийских и эллинских царей». Александр же сказал им: «Лучше бы мне в Омировых писаниях царевым конюхом быть, нежели в ваших писаниях всей земли царем».

После этого Александр опять возвратился в Македонию со всеми силами македонскими, и с прочими царями, и войсками их, которых на западе мечом покорили. И с ними победителем в Македонию пришел, шестнадцать лет пробыв в дальних странах. Мать же его, царица Олимпиада, и мудрый наставник Аристотель со всеми македонянами, и с женами, и с девицами, с великими достойными дарами на реке Скамудруше встретили царя Александра, и оттуда пришли все в город Филиппуст. И тут Александр повелел македонянам три месяца в домах своих отдыхать, коней кормить и оружие готовить. И решил пойти в поход – на восток, и оставил в Македонии Аристотеля и мать свою. Взял с собою сто тысяч войска, все они были македоняне в одинаковых доспехах, и все вооружены одинаковыми шлемами, и рога на них, на щитах же львиные головы, и у всех одинаковые крокодиловые попоны на конях. И всем им свои шатры около царского шатра велел ставить, никому же другому не смешиваться с македонским полком. И повелел выбрать две

тысячи красивых жен и им колесницы и шатры приготовить, теряха некоего же над ними поставил всем у них разумно управлять. Когда какому-то воину жена нужна будет, к теряху прийдя, златницу ему даст и, сколько ночей держит ее, столько златниц и дает. И все войска Александра по уставу, как подобало, устроились; сто тысяч македонян было при царе Александре: когда он на коня садился, тогда все на конях и все с ним вместе были, все одинаковы – конями, оружием, одеждой. Воеводой над всеми Птолемей был, муж, любимый Александром и справедливый, всякой добродетели исполненный. Когда кого-то из македонян убивали в бою, то из других войск добирали достойных мужей и их на место македонян ставили, так что никогда число македонян – сто тысяч – не уменьшалось.

СКАЗАНИЕ О ВОСТОЧНЫХ СТРАНАХ

Александр совершал поход к востоку. Кто добровольно к нему приходил, те честь и прощение от него приняли, а кто ему сопротивлялся, города тех разрушал, иных мечу предавал.

Поэтому страх и трепет охватили все страны Азии – Палестинских царей, и Еврейское царство, и Египетское царство. Все они Дарию подвластны были, и многие из них прибежали к нему из-за внезапного нашествия македонян. Дарий же, персидский царь, отправил к Александру послов с грамотой: «Дарий, царь над царями, великий, сильный гордостью и земною славою, равный богам небесным, вместе с солнцем от востока и до запада сияющий. Весть ушей моих достигла, сын Филиппов, что всю Элладу захватил ты и до великого Рима дошел, всех западных царей покорил и подчинил их себе до конца, и до Океана-реки дошел, и не только этим не удовлетворился, но и нижнюю Варварию, и Ефиопию, и все западные страны, подвластные моему царству, поколебал, и много богатств взял, и этим еще не доволен, на мои земли Азию и Фригию пришел с подобными тебе разбойниками-македонянами и отроками. Забыл служение подвластное; от персидского царства все земные цари зависимы. Доволен будь в отечестве своем находиться, Элладой обладать. Оставляем за тобою положенную дань, которую отец твой царству моему

приносил. И этим милость тебе оказываю – за неизочтенное твое ничтожество и за безмерную твою наглость, которую с подобными тебе разбойниками проявил. Если же этому не покоришься, то с силою персидскою пойду на тебя, и мечом моим казню тебя, и не сможет тебя вся вселенная от меня укрыть».

Принял Александр грамоту, прочел ее и тотчас разорвал, и с гневом повелел посла на дереве распять, а иным головы отсечь. Македоняне же приступили к нему и сказали: «Царь Александр, не подобает тебе посла убивать». Он же им ответил: «Не к царю посланы они, но к разбойнику и бандиту». И половину из них отпустил к Дарию, сказав им: «Не меня осуждайте за это, но царя вашего вините, ибо я царем его считаю, а он меня разбойником назвал; когда вас к разбойнику он послал, тогда вам и головы отсек; ибо царь посла никогда не убивает, а вы, к разбойнику придя, уже погибли. Я же не как разбойник, но как царь жизнь вам дарю». Они же ему сказали: «Если нас убьешь, царь Александр, сам себя на деле разбойником явишь. Дарию малый убыток нанесешь, закон же царский нами нарушишь, смилуйся над нами, мы же имя твое в Персиде прославим». И Александр смиловался, и к Дарию их с грамотою послал: «Александр-царь Дарию, персидскому царю. Грамоту твою получил, и писания твои в ней прочел, и благодарен, хотя не было в ней ни царского устава, ни подобия. Ты обвиняешь нас в том, что западные царства, покорив, мы разорили. Да будет тебе известно, что всякий человек хочет от нижних к высшим перейти и возвыситься, и мы, понимая это, западные земли покорили, и на восток идем. Ты же угрожаешь, говоря: “Вся вселенная полна имени моего и не может тебя укрыть и всех македонян”, которых ты разбойниками называешь. Ты велишь нас разбить и схватить, а мы к царству твоему сами идем. Ты считаешь нас молодыми и крепкими, а мы тверже камня адаманта окажемся для тебя, лютее зерен перца, и государями над всем твоим станем. На великий промысл надеемся, которому ты противишься, желая равным ему быть. Но не скрывайся среди персов, против нас выходи. Твои персы – жены украшенные, а македоняне – львы

неутолимые, добровольно своею жизнью жертвуют». Дарий же грамоту Александра прочел, яростью и гневом наполнился и сказал послу, что ходил к Александру: «Каков возрастом Александр, каков умом, скажите мне, и когда родился, и сколько войска у него». Они же сказали ему: «Лет ему сейчас тридцать, ум же его многолетен, красив он и храбр весьма и судит справедливо, мудрость его по грамоте познай, царь, войска с ним видели пятьсот тысяч. Премудрый же Соломон в книгах своих пишет: “Смех уст, и взгляд, и поступь ног сообщают о муже”». Дарий обдумал все это и сказал: «Поистине это приметы великих царей, но не верю, чтобы это было истинно». Повеление же по землям своим и странам отправить приказал: на поле Сенар войско собрать, где народы столп создали, боясь второго потопа. И тут, где разделение народов было, войску своему собраться повелел.

В Иерусалим же и в Египет написал грамоту: «Не предавайтесь Александру, вору и разбойнику, ибо я силою персидской выручу вас».

ПОХОД К ИЕРУСАЛИМУ

Александр же, взяв войско свое, в Иудейскую землю, в Еврейское царство к Иерусалиму пошел. В то время владел еврейским народом и Иерусалимским царством пророк Бога Саваофа по имени Иеремия. И к ним отравил царь Александр посла с грамотой: «Александр, царь над царями, сын Филиппа-царя и царицы Олимпиады, к нынешним начальникам Еврейского царства. Знайте, что Бог вышний сделал меня выше всех царей в роде моем, и, всю западную страну и Рим покорив, я до вас дошел. И если хотите вы мне подчиняться, и отеческие законы сохранить, и отечество и землю без боязни держать, то вестника ко мне с ответом пришлите, а войску моему – дани». Услышав это, еврейский народ был в сомнении великом; послание Александра прочтя, вестника к Александру послали с грамотой: «Еврейский народ, Бога Саваофа люди, живущие в Иерусалиме, Александра-царя приветствуют. Что нам сообщил ты, с радостью мы узнали. Да будет известно царствию твоему, что с тех пор как перешли мы Красное море, ни одному не повиновались царю, но водимы рукою высокой и мышцею

непобедимой Саваофа-Бога. Но в последние времена, когда разгневался на нас великий Бог, поработил нас Навуходоносор, царь персидский. Много лет мы в порабощении были и снова вернулись в свою землю и ныне подвластны персидской деснице, которой вся вселенная подвластна. И если тебе предадимся, то сегодня или завтра Дарий, придя, все блага земли нашей разрушит. Если же Дария победишь и острие меча персидского притупишь, то в Иерусалим с миром придешь и царем всей вселенной евреями назван будешь. Если же Дария не победишь, то в Иерусалим не войдешь». Евреи одного из своих с грамотой послали к Александру. Александр грамоту прочел и другую написал к ним: «Александр, царь над царями, всем живущим в Иерусалиме пишу. Что написали вы мне, я узнал. Не подобает вам, людям Бога живого, подвластными быть человеку-идолопоклоннику. Не медля, дани ко мне принесите. Ибо я, не поклонившись Богу в Иерусалиме, на бой с Дарием не пойду. Знайте, что от Дариевой десницы избавлю вас». Вестника еврейского отправив, к Иерусалиму пошел. Пророк же Иеремия, о приходе его услышав, совещался с иерусалимлянами: «Нужно нам Александра пустить в город. Видел я ночью этой во сне пророка Даниила, сказавшего мне: “Вот идет к вам тот, о ком я давно пророчествовал, ибо от персов мы пострадали, Александр же возмездием за нас воздаст”». И это народ одобрил. Александр же в ту ночь видел сон: явился ему пророк Иеремия в одеянии первосвященника Аарона и сказал ему: «Александр, иди в Иерусалим, и там поклонись Богу Саваофу, и, поклонившись ему, на Дария иди; победив его, государем персов станешь». Восстав ото сна, Александр вельможам своим сон рассказал и пошел к Иерусалиму. Когда же он приблизился к городу, услышавший об этом пророк Иеремия всему живому навстречу царю пойти повелел. Сам же, в одеждах первосвященника, со свечами и кадильницами встретил его и покадил. Увидев пророка Иеремию, вельможам своим Александр сказал: «Этого пророка видел я этой ночью». И Александр сошел с коня, поклонился ему до земли и целовал ризы его. Пророк Иеремия покадил его, и благословил, и, за руку взяв, в храм ввел, поклониться в

Святая Святых, что создал царь Соломон. Александр спросил пророка: «Скажи мне, в какого Бога веруете?» Пророк же сказал ему: «В единого Бога веруем, который небо и землю сотворил и вся видимая и невидимая, что око не видит, и ухо не слышит, и на сердце человеку не приходит». Александр удивился и сказал: «Поистине великого Бога вы рабы; да верую и я в него и исповедую его, ибо явны дела его; даю ему в дар дани, которые от вас взял, как и от прочих народов; Бог ваш во мне да будет и мир его со мною да будет». Взял пророк Иеремия с людьми города того много золота и принесли его к Александру. Он же не захотел ничего взять, но в дар принес Богу Саваофу. И, сделав это, пошел из земли еврейской, собираясь отправиться к Египту. Пророк Иеремия провожал его до полудня и передал ему пророчество пророка Даниила, что было прежде, и еще сказал Александру: «На помощь призывай Бога Саваофа – и силу персидскую победишь, и всему от востока до запада царем станешь, и когда все это совершишь, тогда дойдешь до места, близкого к раю, и там людей найдешь, которые не от жен Адамовых, живут без согрешения, хотя и плотью обремененные, как мы, но спокойно, близко к ангельскому житию; они блаженными от Бога называются. И когда их увидишь, Александр, они все о возвращении твоём скажут тебе». И еще сказал Александру: «Не оставь нас в печали, возьми что-либо в знак любви». Александр же ему сказал: «Как ты велишь, святой отец, так и сделаю». И повелел пророк принести камень лихнитарий, на котором написано имя Бога Саваофа, который на шлеме носил Иисус Навин, когда на бой ходил с иноплемениками. Повелел ему принести меч Голиафа, иноплеменика, которого в бою убил пророк Давид, царь еврейский; повелел ему принести шлем Самсона сильного со змиевыми когтями, и копье Самсоново, и оружие его, которому никакое оружие не противостоит, ни железо; принесли ему щит из металла анта, который разбить не может никакое железо, прежде он был у Атана, сына Саулова. Горожане подарили Александру сто тысяч мер миндаля и двести коней. Благословил его пророк и сказал Александру: «Не увидишь

больше, Александр, своей земли». И отпустил его с миром. Александр же в Египет пошел.

О ПРИХОДЕ В ЕГИПЕТ

Египтяне же против Александра к бою готовились, не желая ему покориться. Осадив город Египет со своим войском, он во всю силу воевать с ними повелел. В то время зной был сильный; озеро же близ Египта было быстрое и холодное. И царь Александр от чрезмерного зноя прохладиться захотел, искупался, и превозмог холод воды его природное здоровье, и он заболел. Египтяне же, услышав о болезни Александра, коварство учинили. Быстро написали тайное письмо к врачу Александра Филиппу: «Великий врач Филипп, если Александра лечебным зелием уморишь, царем всего Египта будешь». Филипп же, получив письмо, много смеялся и, разорвав его, так отписал им: «О безумные и бессмысленные послы египетские, если бы царства вашего захотел, то Александр дал бы мне лучшее и большее царство, чем ваше, из тех, что он мечом своим взял, – царства все эти я счел за ничто, пренебрег ими и презрел их, Александра предпочтя всем царствам земным и богатствам, ибо весь мир не достоин одного волоса с головы его. Знайте, что Александр здоров, а это – хитрость, чтобы коварство ваше испытать. Завтра же увидите его на великом коне едущим, здоровым и веселым». Получив это письмо, египтяне испугались и написали к Александру тайное письмо: «Да будет известно царствию твоему, великий Александр, что Филипп, врач твой, не уверенный в своей жизни, ядовитым зелием умерить тебя хочет, – неверен он тебе». И это письмо к Антиоху принесли, Антиох же Александру принес. Александр письмо прочел и в руке своей его держал, и в это время Филипп-врач вошел, неся кубок, полный растворенного зелия, и Александру тайно говорит: «Царь Александр, это зелие выпив, избавишься от болезни». Встав, Александр в руку кубок взял, прослезился и сказал Филиппу: «Любимый мой Филипп, хорошо ли мне это пить?» Филипп же ему ответил: «Пей, царь, не сомневайся, полезно тебе будет, избавишься от болезни». Александр ему говорит: «Не на пользу даешь мне это питье, Филипп». Филипп, сомнение царя поняв, взял кубок и выпил

половину. Царь, увидев это, сказал Филиппу: «От руки твоей мне смерть сладка». И, взяв кубок, выпил, а Филиппу письмо египетское дал. Прочел Филипп, головою покачал и, много плавав, сказал Александру: «О великий царь Александр, от головы твоей всех царей земных главы зависят; да если бы я сделал это, твоей головы падением вся вселенная поколебалась бы. Но весь мир недостоин волоса, падающего с головы твоей; тебя убив, какому царю стал бы я рабом! Лучше мне живым в землю сойти, чем твоею смертью поколебать весь мир». Александр же ответил: «Врач царя не убивает, велика вера ему». И, сказав это, лег спать и проспал весь день до вечера. Проснувшись, сел с македонянами и много веселился.

И всю ночь спокойно спал. Утром же повелел войску вооружиться и со всех сторон быстро подойти к городу, и сто пушек повелел поставить вокруг и из них бить по городу. И много людей в городе убили. Стрелы летели в город как туча, так что египтяне днем не могли видеть и начали громко кричать: «Помилуй нас, Александр, старым ты ушел от нас и снова пришел к нам молодым».

Александр же египтян спросил: «Как это я от вас старым ушел и молодым к вам пришел, скажите мне?» Они ответили: «Был у нас царь Нектанав, которому ты сын; уходя от нас, он писание нам оставил. Написано в нем так: “Ухожу от вас стар и приду к вам молод; вот будет знак моего прихода, – когда к статуе своей приду и поклонюсь, той, что на столпе в Египте стоит, тогда венец с руки ее спадет”». Александр, услышав это, вошел в Египет и к столпу пришел; когда подошел он к статуе, упал венец с головы ее на Александра. И тут Александр повелел сделать четыре больших столпа, на одном столпе повелел себя в золоте изобразить, на втором столпе – воеводу Птолемея, на третьем – Антиоха, на четвертом – храброго Филона, и чтобы все на восток смотрели. Александр взошел на столп Нектанавы, Египет осмотрел, так как очень высок был этот столп, и повелел его разбить. Врача Филиппа царем Египта сделал. Сам же в Египте сокровища многих прежних царей нашел.

И когда это было, вестники пришли к царю Александру, говоря: «Знай, царь Александр, что Дарий, великий царь персидский, со всеми силами восточных земель на реку Евфрат пришел». Услышав это, Александр собрал все свое войско и отправился к реке Евфрат. Не доходя до реки Евфрат, он повелел войско свое переписать, и было шестьсот тысяч конных, а пеших тысяча четыреста. И Дарий свое войско переписать повелел, и было в нем тысяча тысяч конных и тысяча тысяч пеших. В тот день разведку Дарию схватили и привели к Александру; он велел их повесить, так как хотел, чтобы они сообщили о численности персидского войска. Они же ему сказали, истину сообщив; Александр велел задержать их до вечера. И войску своему приказал, чтобы каждый воин костер разложил; разведку же Дарию на высокую гору возвел и показал им войско, и они увидели бесчисленное множество огней. И, отпуская их, Александр сказал: «Закон есть у македонян – кого в бою схватят, тому голову отсекают и никому не оставляют жизнь; поэтому вместе с Дарием вы на бой не ходите, ибо дороже человеку своя жизнь, нежели богатства всего мира. Царю же вашему скажите: “Царю подобает с царем биться; когда начнем битву, ищи меня на золотой колеснице среди знамен со львами, – где увидишь золоченые шлемы и отборных коней, тут и македонский полк”». И, сказав это, отпустил их. Разведчики к царю Дарию пришли и все сказали ему, что видели, Александра хвалили много и сообщили, что войско у него огромное. Дарий же велел им языки отрезать, чтобы они этого персам не сказали. А сам велел войску к бою приготовиться и советовался со своими воинами, и сказали ему: «Не подобает тебе, царю, на бой идти, так как Александр – разбойник, из малых царей царь, а ты, Дарий – велик за земле, больше всех царей». И это одобрил царь Дарий, великого воеводу своего Миманда вместо себя поставил и сказал ему: «Шестьсот тысяч избранных персов возьми, двести тысяч эфиопов, двести тысяч индийцев, четыреста тысяч пеших лучников – и, с ними реку Тигр перейдя, Александра, сына Филиппова, к царству моему приведи. И если пред тобою побежит, то ты преследуй, не оставляй его, богами персидскими

укрепляемый». Миманд же, взяв войско, реку Тигр перешел, войско Александрове осмотрел и велел к бою готовиться. Александр, увидев персидское войско, войску своему велел приготовиться, и сели все на коней. Тогда Александр, собрав свое войско, сказал: «О всесильные, любимые, могучие македоняне, вы видели, каков промысл великого Бога о македонских витязях и какова помощь его, как великий Рим мы взяли и западу всему государями стали, и острова морские подчинили, Иерусалим покорили, и тут Богу небесному поклонились, и, с его помощью Египет завоевав, до великого царя Дария дошли. Если его убьем, государями над всем его будем, если же он нас победит, то вся вселенная нас от него укрыть не сможет; поэтому лучше нам ныне в бою умереть, нежели от персов бежать; всякому многоумному мужу смерть почетнее, нежели позорная жизнь. Знайте, что мы разобьем их, потому что царя их с ними нет, а всякое войско безглавно без царя. Смотрите, как они неустроенно на бой идут, вскоре они побегут, ибо безглавны они. Знайте вы, что персы – овцы, а македоняне – волки, а от одного волка много овец бежит. Персы ведь идут по принуждению, а вы своею волею с царем своим идете на бой. Прошу вас, милые братья, храбро идите на этот бой, храбрее, чем те, ибо когда войско на войско наступает, то воинский пыл противника уменьшается». И, сказав это, Александр на великого коня сел, шлем на голову надел и войско разделил надвое, сам в македонском полку по уставу ехал, а Птолемея и Антиоха с двумя полками на бой послал. И когда внезапно мечами ударили, персы, не в силах македонским противиться мечам, побежали. Александр же, смешавшись с ними, шел, и так достигли лагеря Дария. Дарий, видя, что войско разбито, сев на быстрого коня, бежал. Александр, разбив их, мертвых повелел похоронить, а живых с честью отпустить, сказав им: «Скажите царю вашему Дарию: “Довольствуйся оброками своими, Дарий”». Миманда же, воеводу Дариева, убил. После этого, подняв свой лагерь, Евфрат-реку перешел и мосты разрушить повелел.

Дарий же, персидский царь, во все земли свои послал повеление войску в Вавилоне собраться и, две тысячи тысячей

войска собрав, пошел на Сенарское поле, на Александра. Александр, увидев многое множество войска Дариева и страх в сердце своем имея, не показал его македонянам. На высокое место став, сказал он: «О могучие мои воины и милые македоняне мои, знайте, что всякий бежит быстро от преследующего; когда рыкнет один лев, многие умирают звери. Нам стало законом всегда преследовать и убивать, персам законом стало – бегать от нас и умирать. Дарий-царь, приведя против нас большое войско, сам того не желая, нам честь оказал, ибо, победивший многих, многой же чести достоин. Миманда-воеводу мы убили, и если Дария убьем, то не будет у нас забот. Все, что с первого боя бежали, на этот бой не придут». И, сказав это, Александр на бой пошел, имея с собою тысячу тысяч воинов. И войску своему объявить повелел – если кто перед боем побежит, тот, как враг, без милости убит будет.

В ту же ночь явился Александру пророк Иеремия во сне и сказал: «Иди, чадо Александр, не сомневаясь, на Дария, с тобою помощь Бога Саваофа; носи на голове шлем с камнем, на котором имя Бога Саваофа, что я дал тебе в Иерусалиме. Устами повторяй, идя на бой: “Един свят, един Господь, небо и землю создавший, на херувимах почивающий, Адонай, Саваоф-Бог”. И, так сказав, победишь, и весь свет противостоять тебе не может». Александр же, увидев сон, обрадовался и смело пошел на бой. Затрубили трубы ратные с обеих сторон, и два войска сразились, и были крики людей, и ржание коней, и звон оружия. Сечь была с утра до полудня, и побежали персы, а македоняне преследовали их три дня и три ночи, четыреста тысяч их убили, двести тысяч живыми схватили и к Александру привели. Александр сказал им: «Больше на бой не ходите», и повелел отпустить их. Дарий же в Персипол, столицу свою, убежал.

Александр пошел к Вавилону. Горожане же вавилонские за сто верст не подпускали Александра к городу. Так был велик Вавилон, что река Евфрат в него втекала, непроходимая и большая, и где она протекала, там на конях ее переходили. Александр же выше города по течению ее с войском своим расположился и повелел войску своему копать, и выкопали

рядом с рекой широкий ров. В одну из ночей вавилоняне, жертву великую богам своим совершая, все в храм Аполлона собрались, Александр же с воинами своими реку Евфрат от города в поле отвел, и по руслу реки вошел с войском своим в город и, не в состоянии взять его, зажечь велел. Вавилоняне же, увидев это, Александра просили: «Помилуй нас, Александр, царь македонский, всего света царь, персидский государь». Тогда велел Александр погасить огонь. И поклонились ему все вавилоняне, и прославили Александра-царя, и дары ему дивные и многоценные принесли. Вынесли золото Дария – было его две тысячи талантов, – и тысячу коней тучных Дария вывели ему и сто львов в золотых цепях, тысячу охотничьих пардусов, сто коней аравийских, что были лучше всех коней на земле; вынесли ему две тысячи блюд настольных Дария; вынесли ему десять тысяч тысячей доспехов с золотом и многоценным жемчугом; вынесли ему кубки золотые с разными многоценными камнями; вынесли ему сбруи конские из рыбьей кожи, которую железо не берет; вынесли ему одеяние Сескерсена, персидского царя, украшенное змеиными глазами, с многоценными камнями, – он был всему свету царь; вынесли ему венец Сонхоса-царя; вынесли ему скатерть настольную Дария, персидского царя, украшенную сапфиром, – тот, кто на ней ел, никогда в унынии не бывал. И пробыл Александр в Вавилоне тридцать дней.

Дарий же, персидский царь, услышав, что взял Александр Вавилон, печали великой исполнился и сказал: «О несчастный я, всего своего лишился при жизни своей, считал себя богов небесных сильнее, а оказался ничтожнее людей земных, один из малых царей силу мою разрушил и разорил. О несчастный я, Дарий, ибо судьба моя прежде благосклонно мне улыбалась, теперь же смотрит на меня сурово. Но поистине хорошо сказано: “Сеющие с радостью несправедное, с плачем и печалью пожнут”. Великий в мудрости еврейский царь Соломон в писаниях сказал: “Кто с радостью чужое взымает, тот в печали свое отдаст”. И я чужое взял с радостью и своего ныне лишился с печалью. Лучше бы мне в бою македонянами убитым быть, нежели, бесславно живя, над персами царствовать. Персы многие годы дань брали с македонян, ныне же головами своими

македонянам платят». Персы, слыша это, царя своего Дария утешали, говоря: «О великий царь Дарий, великим кораблям и великие падения, великие ветры колеблют великие деревья. Царство из множества людей состоит, как море из больших волн, которыми устрашает плавающих. Не скорби, царь, об этом, – вчера Александр разбил нас, а завтра мы разобьем его, немало потрудятся многомошные витязи персидские для своего отечества».

И пришел некто, любимец его, близкий к нему вельможа, и сказал: «Великий царь Дарий, ты благоволил ко мне много лет и много добра сделал мне, и я, видя тебя печальным, ныне жизнь свою за печаль твою отдам и Александра ценою своей жизни убью». Дарий же ему сказал: «О любимый мой, сделай это для меня. Если Александра убьешь, всю Персию освободишь от беды, то смерть твоя жизнью станет, и мне царство рукою твоею дастся; ты же персами прославлен будешь». После этих слов Авис взял македонское вооружение и присоединился к войску Александра. Александр тогда вооруженный ездил, производя смотр войску. Авис в македонских доспехах подъехал близко к Александру, Александр же был в доспехах. Авис вытащил меч свой, собираясь ударить Александра по глазам, но не попал, по верху шлема ударил, и отсек его, и волосы сверху, как бритвой, отрезал. Александр, думая, что это измена от своих, сказал: «Не ударила меня рука персидская, но ударила меня рука македонская». Авис же во второй раз ударить хотел, но схватили его, и меч у него вырвали, и, шлем с него сняв, к Александру привели. Александр спросил его: «Кто ты, и откуда, и как твое имя?» Он же ему ответил: «Имя мое Авис, перс я, близкий к Дарию вельможа; любовью к государю моему объятый, хотел тебя убить и, отдав жизнь мою, государя моего смертью твоею развеселить. Я сделал то, что смог только Бог, что хочет, то свершает». Александр же ему сказал: «О безумный Авис, вот ты волю государя своего исполнил и по своей воле ныне умер, меня же Бог сохранил. Ты ныне мертв, но поскольку о государе своем заботился, голову свою за него отдал, поступил как македонянин, – рукою своею жизнь тебе дарю, потому что ты совершил подвиг, которого никто и нигде не

совершал. Невредимым к царю своему возвращаясь и так скажи: “Дарий, персидский царь, кого Бог хранит, того человеку не убить, а кого Бог не хранит, того все руки человеческие не могут укрыть. Преклони непреклонное свое сердце и царству моему подчинись, дани мне дай и вместе с подвластными царями пребывай в мире”». Авис пришел к Дарию и сообщил ему о том, что он сделал и как Александр жизнь ему своею рукою подарил. Дарий, покачив головою, сказал: «Что можем, то делаем, Бог же, что хочет, то будет». Авис же сказал ему: «Тебе ныне мечом отслужил всю свою службу, жизнь мою из рук Александровых заново получил. Все, что ты сделал мне, жизнью своей оплатил тебе, и для тебя мертв, а благодаря Александру жив. Что я мог, то и сделал, Бог же, кого любит, того и сохранит. Кланяюсь тебе, царь Дарий, а служить хочу тому, кто жизнь мне дал». И, Дарию поклонившись, к Александру ушел.

Опечалился Дарий и сказал: «Кому боги противятся, тому честь на бесчестие заменяется, того близкие и любимые друзья оставляют. Хорошо сказано: “За возвышением в круге времени следует падение, и всякий возвышающийся унижится”». И, сказав это, Ависа одарил и так велел передать Александру: «Царь Александр, не превозносись безмерно, ибо всякий возносящийся унижится вскоре. Сонхос-царь весьма превознесся и от диких людей унижен был, и я вознесся и от своих унижен. Удовлетворись своими оброками, если же это тебе не угодно, то лучше нам смерть принять за царство наше и богатство, так как невозможно мне поклониться тебе, так же и тебе невозможно поклониться мне, ибо царь царю не кланяется никогда, но когда один умирает, другой царствует. Но готовься к войне, через десять дней иду на тебя с оставшимися персами и непобедимыми индийцами; в сражении или мы тебя и твоих воинов победим, или с моими на отеческой земле нашей с честью умрем; справедливая мера – в Божиих руках». И, сказав это, Дарий Ависа отпустил. Авис же, к Александру придя, все это Александру передал. Александр же, покачив головою, сказал: «О царстве нет мира ни с кем, ибо царство – это гора большая и высокая, для верных красивой и сладкой является, потому что водами и плодами различными украшена, для

неверных же неприступна и страшна. И тому, кто красоту ее имеет перед собой, трудно сойти с нее, если только знает, как разумно управлять ею».

Александру же той ночью явился пророк Иеремия с Филинесом, священником иерусалимским, и сказали они ему: «Дерзай, чадо Александр, стань сам своим послом, о Дарии-царе разузнай и рассмотри великое войско индийское, что ведет Дарий на тебя; и этим своим осмотром освободишь свое сердце от того, что беспокоит македонян. Если Дарием узнан будешь, мы с помощью Бога Саваофа избавим тебя». Восстав ото сна, Александр Птолемею, Филону и Антиоху сон свой рассказал и, уходя, сказал им: «Если смерть мне там случится, все земные царства разделите». Они с плачем удерживали его, говоря: «Если ты это намереваешься сделать, то сначала всем нам головы отсеки». Он же им ответил: «Если промыслу Божьему угодно будет, чтобы меня убили, то вы не можете меня защитить. Если же ему угодно будет уберечь меня, то руки всех персов убить меня не могут».

И, сказав это, в Переиду пошел послом, и грамоту понес к Дарию. Одежда на нем была персидская, а сверху плащ финикийский с аспидовыми рогами и золотыми печатями. Дарий же парастас, то есть встречу великую, устроил, чтобы удивить посла Александра. Вошел Александр и, взяв грамоту, подал Дарию, говоря ему: «Государь мой Александр, царь над царями, тебе, царю персидскому Дарию, через меня передает приветствие. И, грамоту прочитав, быстро мне другую отпиши». Дарий же сидел на высоком месте, около него ангелы изображены были и перед ним, как перед богом, предстояли. Палата же вся из золота сделана была, столпы золотые были украшены многоценными камнями, и четыре камня в четырех углах палаты были. Грамоту взяв, Дарий удивлялся одеянию Александра и клобуку, грамоту же громко читать велел. И некий перс, знающий македонский язык, начал читать. В грамоте было написано так: «Александр, царь над царями, сын Филиппа-царя и царицы Олимпиады, всего света царь изволением высшего Бога. Помнишь ли, Дарий, персидский царь, как ты дань от отца моего, из Македонии, взимал, и когда он умер, оставив меня на

престоле своем совсем юным, велел ты, по своему злому обычаю, меня с царства моего согнать, иного македонянам государем вместо меня сделать, а меня от отеческой земли отогнать. Но видя это, Божие всевидящее око, которое видит все, что есть, всех сердец помыслы знает и справедливыми мерами отмеряет – сегодня тебе, а завтра мне, – меня государем отечества моего сделало и царем всего света. Ты, когда я был юн, велел привести меня к себе, я же, возмужав, сам к тебе пришел. И как ты над всем моим государем хотел стать, так я теперь господином над всем твоим стал. Не так я немилостив, как тебе кажется; преклони непреклонную свою гордыню и низко поклонись мне, дани мне дай и будь государем в персидской земле. Если же тебе это кажется невозможным, то ты персам враг и радуешься их убиению от македонских мечей. Приготовься со всеми силами своими на бой в пятнадцатый день на Арсинорской реке, и я со всем своим войском там буду». Эту грамоту Дарий прочел, к вельможам своим обернулся и сказал: «Ожидал ли кто-нибудь такого рвения и такой ярости от македонян». Александр, стоя перед ним, сказал: «Неудивительно, если македоняне всем светом владеют». Дарий же его спросил: «Почему?» И он сказал: «Ибо все они едины сердцами, и мудры, и храбры беспредельно, и войско их непоколебимо». Стоящий тут вельможа Дария сказал Александру: «Как можешь так великому государю отвечать?» Он же ему ответил: «У сильного государя вольный посол и верный слуга». И сказав это, отступил. Дарий же ему велел: «Будь у нас на пиру, пока я грамоту Александру не напишу».

На пиру Дарий сел со своими вельможами, а Александра на посольском месте посадил, напротив себя, и поставили еду; и когда начали прислуживать, Александр, выпив из чаши, спрятал ее за пазуху. Слуга Дарию сообщил об этом. Дарий велел вторую налить. Александр же и ту, выпив, за пазуху спрятал. Один из вельмож Дария сказал Александру: «Не подобает, за царским столом сидя, так делать». Он же отвечал ему: «У государя моего, царя Александра, каждый, выпив первую и вторую чашу, себе их берет». Услышав это, персы удивились. Некто Кандаркус, которого Дарий в Македонию посылал

господствовать, встав из-за стола, Дарию тайно сказал: «Знай, царь Дарий, что сегодня боги сделали то, что ты хотел». Он же спросил: «Как?» А Кандаркус сказал: «Этот посол македонский – сам Александр, сын Филиппов». Дарий обрадовался и сказал: «Если это правда, то я – всего света самодержец». И стал часто приветливо обращаться к Александру, и, сомневаясь, сказал: «Не станет всех глав глава рисковать своей головой». – «Если это окажется неверным, пусть чести всей лишусь у тебя и голову мне мечом отсеки». Когда Кандаркус это говорил, Александр, опасаясь, что его схватят, стал искать в тоболе своем перстень волшебный, который взял в Трое, – Клеопатры, египетской царицы, ибо тот, кто перстень этот на руку надевал, становился невидимым. И, в руку его взяв, на палец не надел, так как хотел испытать малодушие Дария. А Дарий обрадовался безмерно и сказал: «Говорят мне, что ты похож на Александра». Александр же ему ответил: «Поистине, великий царь, правду сказал ты. И царь Александр ради этого сходства очень любит меня. Похож я на него, и многие меня за Александра принимают». Задумался Дарий и не приказал его схватить. И, оттолкнув стол ногою, в спальню ушел со свечами, обдумывая, как его схватить. Свечи же вслед за Дарием вынесли, а Александр с вельможами в большом зале остался и, стоя в темноте, сошел с себя многоценное одеяние и македонскую корону, а перстень волшебный на палец надел. И, подойдя к воротам городским, чашу золотую из-за пазухи вынул и дал стражу, сказав: «Возьми эту чашу и держи, ибо царь Дарий послал меня стражу привести в порядок». И открыли ему ворота. Ко вторым воротам пришел и, взяв вторую чашу, дал ее стражу, говоря: «Возьми эту чашу и держи ее, ибо царь Дарий послал меня воеводу призвать к нему, чтобы он стражу усилил». И отворили ему. Он же, быстро из города выйдя и на великого коня сев, Арсинорской реки перед рассветом достиг и, найдя эту реку замерзшей, на другую сторону ее благополучно переехал. А тут его ждали воеводы Птоломей, Антиох, Филон и любимый Андигон. Александр рассказал им все, что с ним в Персиде случилось.

Дарий же, войдя в спальню, призвал двенадцать вельмож своих и сказал им: «Знайте, что македонский посол – сам Александр». Они ему ответили: «Если это правда, то боги персидские смилоствовали над нами». И Дарий приказал Кандаркусу и Клиссу, лидонскому царю, схватить Александра. Они же, взяв большие свечи, искали его в большом зале, и спрашивали о нем, и, не найдя его, поспешили к городским воротам, и у привратных стражей спрашивали о нем. Те же им ответили: «Два золотых сосуда сейчас человек нам принес и, здесь оставив, к войску пошел, говоря: “Царь послал меня к войску устроить стражу и призвать воеводу”». Кандаркус, обман Александров поняв, триста всадников добрых взял с собою, и на быстрых конях к солнечному восходу достигли реки Арсинорской, но лед на реке уже растаял. Александра же на другой стороне увидели и, посрамленные, остались в растерянности и смущении. Александр же им сказал: «Зачем ветер преследуете, которого не можете догнать? Не знаете разве, что македонских коней и Арсинорская река сдержать не может. Возвратитесь к царю вашему, скажите: “За чаши твои благодарю тебя, в эти дни ищи меня со всем войском на берегу Арсинорской реки”». И, сказав это, Александр к войску своему отправился. Посланные же Дарием возвратились и все ему об Александре рассказали. Река Арсинорская каждую ночь замерзала, днем же лед таял, и река текла водою. Дарий, Александров обман узнав, печально плача, сказал: «Видите, как коварно обманул нас сын Филиппов, землю нашу и царство мое взяв. О изменчивая и неведомая судьба, людям сперва сладкой являешься, а напоследок горче яда змеиного».

И к Пору, индийскому царю, написал грамоту, ибо был это сильный, любимый Дарием царь над тридцатью шестью народами. Грамота же Дария была такова: «Богу среди богов, всем царям царю, великому индийскому Пору – Дарий, несчастный, притесняемый, печальный, – приветствую тебя. Думаю, что достигло слуха царского твоего от многих хоть немного о том, что нам македонский отрок причинил. Подвластен был нам, но вышел из-под нашей власти, и на нас как государь напал, и все страны земли моей, до Вавилона-

города, к своей земле западной присоединил. И персы, не понимая, как это произошло, испугались и противостоять не могут ему. Дважды с ним бились, и дважды он нас разбил. И прошу великое величество – окажи нам милость и руку помощи дай, в третий раз выйду на бой против него и либо разобью их, либо ими побежден буду. Известно вам, что сила индийская непобедима; ты же равен богам. Милостив будь к печальным моим мольбам, войско мне пошли и избавь меня от лютых и немилостивых македонян. Мне же подобает поклониться тебе, сильному царю». Пор, грамоту Дария взяв, прочел ее и, покачив головою, сказал: «Нет на земле радости, что не заменится печалью. Дарий некогда равен богу был, ныне же македонянами преследуем». Призвал вельмож своих и сказал им: «Четыре тысячи тысяч возьмите войска и к Дарию на помощь идите. Александра приведите ко мне живым, ибо жажду видеть этого отрока, молод и разумен он, говорят». И, собравшись, к Дарию пошли. Услышав об их приходе, Дарий от большой скорби к радости перешел. Персам же повелел собраться, и было их десять тысяч тысячей, и пошел со всеми на Александра. Воеводы же индийского войска к Александру разведку послали, но Александровы стражи ее схватили и привели к Александру. Александр велел их на высокое место возвести, а войску своему приказал вооружиться и, к бою их приготовив, на Дария пошел, лазутчикам же смотреть велел. И когда подошли близко к Дариеву войску, то Александр лазутчиков отпустил. Они же воеводам Дария поведали: «Войско сильное и быстрое видели мы, решительно и быстро идут на бой, не страшась ничего, все вооружены, на хороших конях, до четырех тысяч тысячей их». И охватил индийцев страх, на бой почти принуждением повели их. И когда сошлись оба войска, солнце от праха померкло, и страх охватил индийцев и македонян. Вместе смешались все, и одни других не узнавали. Ветер бурный подул, и начали сражаться, – весь день, смешавшись, бились. Александр не стерпел, с отрядом своим – тысячей тысяч лучших витязей – в середину сражающихся сам въехал на золотой колеснице. Индийцы и персы, увидев его, охваченные страхом великим, побежали.

Дарий, видя это, отчаявшись, не знал, что делать, и, оставив все, пустился в бегство, такие слова говоря: «Несчастный я, небесному подражал и земному уподобился, всего света был царем и в своем отечестве не удостоился умереть». И когда он говорил это и к Персиполю, своему городу, бежал, настигли его два вельможи, Кандаркус и Аризван, близкие к нему и любимые им начальники, пронзили его мечами, один с одной стороны, а второй – с другой, и, сбросив его с коня, едва живым оставили.

Александр же, некоего воеводу призвав, сказал: «К индийскому и персидскому войску пойдите и скажите им: “Царь ваш Дарий убит, не бегите, остановитесь. Если же побежите, в сей день умрете”. И индийцам скажите: “Остановитесь, не бойтесь, к царю вашему с честью вас отпущу. Если же побежите, в сей день умрете от меча”». И Селевка послал к индийцам все вооружение всадников и самих живыми к царю их отпустить. Филон передал им повеление Александра, они же, на землю пав, поклонились и знамена Пора, трубы, вооружение конное Филону передали; и, мир от него получив, в свою землю пошли. Прощаясь с ними, сказал им Филон: «Царю своему Пору скажите: “Доволен будь индийским царством в своей храброй земле и помощи другим против македонян не оказывай. Да будет известно тебе, Пор, индийский царь, что я, Филон, милостию Александра государем персов стал и соседом тебе буду”». Персы, услышав это, от индийцев отделились, к Филону подошли и ему поклонились, как самому Александру. И как македоняне радовались тому, что Александру служить удостоились.

Александр же со своим полком достиг великого Персиполя. И когда дошел он до города, увидел Дария, лежащего на пути, едва живого; с трудом дышащего, который к Александру взывал: «Царь Александр, сойди с коня скорее ко мне». Александр, оглянувшись, спросил: «Кто ты?» Дарий же сказал: «Я царь Дарий, которого круг времен вознес до небес, а ныне изменчивая судьба до ада низвела. Я Дарий, что некогда всего света царем был, ныне же в отечестве своем не удостоился умереть. Я Дарий, что многими тысячами людей почитаем был,

и вот здесь на земле поверженный лежу. Ты сам, Александр, видел, какой славы я лишился и какой смертью умираю. Такой смерти ты бойся, не оставь меня во прахе под ногами коней умирать; ведь не так ты немилостив, как персы, но знаю, что ты благороден и благодетелем являешься для делающих тебе зло; такими и следует быть всем многоумным, ибо хорошо сказано: «Не воздай злом за зло, и Бог от зла избавит тебя»». Услышав это, Александр сжалился и, быстро сойдя с коня и плащ с себя сняв, покрыл им Дария, а македонянам велел на золотую колесницу положить его и в город его нести. И сам носилки взял на плечо, и понес его, говоря Дарию: «Вот тебе по достоинству царскую честь воздаю; если жив будешь, больше этого увидишь, если же умрешь, телу твоему по достоинству окажу царский почет». И, войдя в город, в царский дом его внесли, и положили на золотом одре.

Александр облекся в многоценные одеяния, венец царя Соломона на голову надел и, взяв в руку золотой жезл, сел на престоле великом царя Дария. Персы вместе с македонянами к Александру подошли и поклонились ему, говоря: «Многая лета Александру, великому всего света царю, персидскому государю». И привели к нему персидскую царицу с дочерью Роксаной.

Увидел их Дарий, изнемог душою и, болея сердцем, много сожалея и плача, Роксану за руку взял, печально прижав ее к своему сердцу: «О душа, сердце и милый свет очей моих, вселюбезная дочь моя Роксана, вот тебе мужа нежданного из Македонии привел, не по своей воле, но Божиим произволением; его Бог господином персов сделал и всего нашего государства и богатств. Не таким стремительным, думал я, будет брак твой, как это ныне случилось, но всей вселенной царей и князей на веселый твой брак привести хотел и радость твою отпраздновать с большим веселием. Вместо же брака красного много ныне пролилось крови македонской и персидской. Мы, что смогли, то и сделали, Бог же, известными ему путями, нашей воспротивился ярости и свою сотворил волю, неуголимых зверей-персов соединил с превознесенными македонянами, их обоих вместе свел. Тебе повелеваю, дочь

моя, к Александру достойно относиться, как к государю и царю. Прими, Александр, прекрасный и милый свет очей моих, прими, Александр, единородную дочь мою Роксану, которую в радости великой и благоденствии родил, ныне же с печалью великой оставляю, ибо в ад отхожу и буду всегда там, где и все рожденные на земле люди. И не будет в кровных моих на земле мне пользы, так как в адово истление отхожу и не смогу возвратиться. Ее же как рабу прими; если угодно тебе, возьми в жены, ибо прекрасна она, и мудра, и благородных родителей дочь». И, трижды поцеловав ее, к Александру подвел. Александр же с престола встал и Роксану за руку взяв с радостью любезно ее целовал, и на престоле с собою посадил, и венец, со своей головы сняв, на ее голову возложил, и перстень, с руки ее сняв, на руку свою надел. Дарию сказал: «Смотри, господин Дарий, и успокой сердце свое, ибо Роксана до конца жизни своей царствовать будет». Дарий же радостен был и сказал Роксане, дочери своей: «Царствуй вовеки с Александром, весь свет не стоит одного волоса с его головы». После этого царицу свою за руку взял и Александру сказал: «Вот мать тебе, как и Олимпиада». К /йерсам обернувшись, добавил: «Люби, Александр, персов, ибо верны они государю своему. Печаль моя радостью заменяется. Кандаркусу и Аризвану, убийцам моим, достойным образом воздай». И, сказав это, умер сильный царь Дарий. Александр со всем своим войском проводил его до могилы с большими почестями.

Кандаркуса же и Аризвана призвать велел и спросил: «Зачем государя своего убили?» Они же ему сказали: «Смерть его тебя государем сделала». Александр им сказал: «Если вы благодетеля своего убили, неужели меня, чужого вам, не убьете?» И велел их повесить, говоря: «Проклят тот, кто убийцу государя пощадит». И, придя в город, с Роксаною венчался. Роксана же, из всех жен земных наипрекраснейшая, не только красотой телесною, но и душевными добродетелями отличалась.

Александр же написал письмо матери своей Олимпиаде и наставнику своему Аристотелю в Македонию: «Александр, царь над царями, промыслом вышнего Бога, госпоже и матери моей,

царице Олимпиаде и Аристотелю, моему учителю – приветствую вас. Уже семь лет, как я ушел от вас, и за все семь лет не писал вам, не передавал, что с нами. Это согрешение наше не от нелюбви к вам, но потому, что, когда мы воевали с великим царем Дарием, побеждая его или им побеждаемые, ни о чем другом думать не могли и писать вам не успевали. Теперь же узнайте, что с Дарием трижды сражались мы и его победили. Персы, видя это, царству моему покорились. Дарий же умер, а дочь свою Роксану как дар мне дал. Я, безмерную красоту ее видя, взял ее себе в жены. Знайте, что до тех пор, пока любовь к женщине сердца моего не охватила, никогда не приходила мысль о вас и о домашних, а с тех пор, как любовью к женщине в сердце ранен, начал о земном думать; до этого безразлично было мне, меня ли убьют или я убью, сейчас я в городе Персиполе великом с Роксаною-царицей, персами прославляемый, всей Персиде царь. И вы о себе пишите нам и сами в Македонии здравствуйте».

Всех македонян Александр переодел в одежды персидские, а персов – в македонские одежды; золота много у Дария нашел и всему войску раздал, и коней кормить велел. И столп высокий посреди Персиды соорудить велел; на столп взошел и сказал во всеуслышание: «Знайте все, персы и македоняне, что я многобожие идольское проклиная, поклоняюсь на серафимах почивающему Богу, небо и землю создавшему, херувимами славимому, неизреченному и неописуемому, тресвятыми гласами славимому». И сказал: «Бог богов, всего видимого и невидимого, помощник мне будь и всех идолов и от земли и от моря ты истреби и искорени». И со столпа сошел, богатства Дария осмотрел и нашел в Персиде золота Дариева: двенадцать башен, полных чистого золота, двенадцать ковчегов полных, двадцать мер, полных камней и жемчуга, которому не было числа; и тысячу тысяч коней тучных, львов, охотничьих пардусов и соколов подъемных шестьсот. И этим всем войско свое снабдил, и сделал ему смотр на Персидском поле, и оказалось вооруженных всадников четыре тысячи тысячей. И, в Персиде с Роксаной побыв, против Клиса, лидонского царя, пошел, оставив Селевка в Персиде.

Тот не хотел ему покориться, но народ его, связав, к Александру привел. Столько богатства у него Александр нашел, сколько ни око не видело, ни ухо не слышало; его Александр войску своему отдал. И, приняв под свою власть все народы, с войском отправился на восток к краю земли.

СКАЗАНИЕ ОБ УДИВИТЕЛЬНЫХ ЖИВОТНЫХ, И ЗВЕРОПОДОБНЫХ ЛЮДЯХ, И О ЖЕНАХ ДИКИХ, И О МУРАВЬЯХ, И О ПТИЦАХ, И О ЛЮДЯХ ДИКИХ

Александр на восток пошел и там нашел много бессловесных скотов диких и зверей человекообразных. И десять дней шел по той земле, и жен нашел диких, высотой в три сажени каждая, косматы, как свиньи, и глаза их сияли, как звезды. И напали они на войско Александрово, многих из войска убив, пока не подошло второе войско; много тогда жен тех убили – бесчисленно.

И оттуда восемь дней шли, и дошли до некой земли песчаной, муравьи в той земле таковы были, что один из них, схватив коня, в нору уносил. И тут Александр велел носить солому и зажечь ее, и муравьи сгорели. И, оттуда отправившись, до реки дошел, ширина ее была – день хода, и мост через ту реку сделать велел, и сделали его за шестьдесят дней, и все войско по нему перешло.

И тут, в земле той, людей нашел величиною в локоть; они к Александру пришли и поклонились ему, много меда принесли и фиников, и те люди птицами называются. Александр же город создал в земле той, и царя над ними поставил, и научил их человеческой жизни; землю их за сто дней только прошел; меда же принесли так много они, что войску на год хватило. И Питисовое царство пройдя, на поле длинное и широкое пришел Александр, и озеро было на поле том, и вода в нем сладкая и быстрая; на берегу же озера того стояла статуя человека, из чистого золота сделанная, а поле полно было человеческих костей. Александр на коне быстро подъехал к статуе и такие слова греческие на столпе том обнаружил: «Люди, если кто-либо из вас хочет на восток пойти, пусть, до этого места дойдя, обратно возвратится, ибо нельзя дальше идти. Я, Сонхос, всего света был царь и края земли увидеть хотел, с войском моим на

это поле пришел, и напали на меня дикие народы, войско мое большое разбили и меня на этом поле убили». Эти слова Александр прочел и, испугавшись, как бы македоняне их не прочли, взяв золотую ткань, обернул ею статую Сонхоса. И тут войско лагерем стало. Македоняне у него спрашивали: «О чем сообщают письма у золотой статуи?» Он же им сказал: «О прекрасных землях впереди они сообщают». И такими словами их успокоил.

Увидели людей диких в горах, гордых, страшных на вид, две сажени ростом, с косматыми головами, увидев войско, они не убегали. О них Александру сообщили. Александр же, сев на коня, отправился их посмотреть и, видя, что они с места на место переходят, коварно на войско его поглядывая, сильно испугался и сказал: «Это те люди, что некогда Сонхоса разбили». И сказав это, велел войску вооружиться и забор высокий поставить. Одну жену взяв, к диким людям пошел и к одному из них жену послал. Жена, подойдя, рядом с ним села; он же, схватив ее, начал есть. Жена же громким голосом закричала; и воины Александра поспешили, чтобы отнять ее, и человека дикого копьем ударили. Он, громко зарывав, жену отпустил. Услышав его голос, бесчисленное множество диких людей с дубинами и камнями напало на войско Александра. Александров полк в лагерь отогнали, пока не подоспел Антиох со своим полком, и тогда снова погнал их по широкому полю. И на коне в середину их въехал и, одного из них схватив за волосы, в лагерь привез. Было же десять лет детищу, и был он выше всех обычных людей. Здесь Александр убил их тысячу тысяч, Александровых же воинов две тысячи тысяч пало. Такой у них был обычай: если кого-то ранят, хватают его товарищи и съедают.

На другой день вельможи и воеводы Александровы сказали: «Царь Александр, хотим мы, всю землю покорив, отдохнуть немного, а не погибать в чужих землях от диких людей». Александр опечалился и сказал им: «О любимые мои вельможи, воспряньте духом, ибо, весь свет покорив, мы достигли конца и тогда уже отдохнем». И, поднявшись оттуда, землю диких людей прошли.

СКАЗАНИЕ О ЦАРЕ ИРАКЛИИ И СЕМИРАМИДЕ-ЦАРИЦЕ, И О СТОЛПАХ, И О ЛЮДЯХ ДИКИХ, И О ЛЮДЯХ ПСОГЛАВЫХ, И О РАКАХ, И О ЛЮДЯХ НАГИХ, БЛАЖЕННЫХ

И пришли они в некую землю, удивительную и прекрасную, что полна была различных плодов. И тут нашли два высоких столпа, сделанных из чистого золота, статуи царя Ираклия и царицы Семирамиды были на них. Придя к этим столпам, Александр сказал со слезами: «Дивные среди людей, Ираклий-царь и царица Семирамида, прекрасно в этих местах вы царствовали, прекрасно и умерли, память о вас и по смерти осталась». И, в царство их придя, с войском своим там шесть дней пробыл; пустые дворцы Ираклиевы нашли, золотом, жемчугом и камнями украшенные. И, в глубь пустыни пойдя, через шесть дней людей чудных встретили, шесть рук у каждого и шесть ног, и против Александра они выступили на бой, но сражаться с ним не могли. Александр многих из них убил, многих живыми схватил и хотел их во вселенную вывести; но не знали, что едят они, и они все умерли. И, землю их за шесть дней пройдя, к псоглавым людям пришли. У них все тело человеческое, а голова песья; говорят же они так: то как люди, то лают как псы. Александр много их убил и землю их за десять дней прошел. И вышли они к некоему морю, и тут Александр войску велел отдохнуть. И издох конь в войске, хозяин же его отволлок и бросил на берегу. И вылезший рак морской коня утащил в море. И другие раки, выходя, коней хватали и в море убегали. Услышав об этом, Александр тростник велел зажечь, и тут множество раков сгорело.

Оттуда в другое место пришли на берегу того моря, различных плодов там много было, и тут войску велел отдохнуть Александр. В море он увидел остров и туда попасть захотел. Корабль велел сделать и к острову собирался отправиться. Филон же сказал ему: «Царь Александр, не ходи первым на остров, не знаешь ведь, что там, погибнешь; лучше я прежде тебя пойду, и ты туда после меня пойдешь». Александр ему сказал: «А если ты там погибнешь, любимый мой, близкий и верный друг Филон, – кто меня утешит в печали по тебе, для меня голова твоя всех на земле ценнее». Филон же ему сказал:

«Царь Александр, если Филон умрет, другого Филона вместо него найдешь, если же ты умрешь, другого Александра не найдет Филон». И, сказав это, Филон вошел на корабль и поплыл к острову. С утра до ночи плыл и, достигнув острова, людей там нашел, на греческом говорящих языке, мудры все и прекрасны были весьма и наги. И увидев их, Филон к Александру возвратился и все ему рассказал, что видел там.

И Александр, взойдя сам и тридцать человек с собою на корабль взяв, к острову приплыл. Люди же этого острова встретили его, поклонились ему и сказали: «Александр, зачем пришел к нам, что взять хочешь у нас? Ведь мы ничего не имеем, сам видишь, и плодами острова этого питаемся». Александр же сказал им: «Ничего от вас не требую, как на чудо пришел посмотреть на вас. Скажите мне, как имя мое узнали?» Они же ему сказали: «Имя твое много лет назад сообщил нам царь Ираклий. А о приходе нашем сюда расскажем тебе. Ираклий-царь с царицей Семирамидой у эллинов царем был, в Тракинской земле царствовал, которая у вас называется Македонией. И когда нечестие многое ту землю постигло, ложь, клятвопреступление и кровосмешение, царь Ираклий, видя это нашествие народов на землю, сказал: “Для многоумного мужа царские дворцы ничто, лучше в пустыне жить, ибо мудрый среди людей Соломон говорит: «Лучше мужу от тяжелых напастей страдать, чем человеческие беззакония терпеть»”. И, сказав это, Ираклий тысячу кораблей построил, и, праведных и честных людей земли своей собрав, с женами и детьми их, в корабли их поместил, и сам с царицею своею от нечестия и беззаконий бежал, и, целый год по морю проплавав, земли достиг, где ты столпы нашел и статую золотую видел. И тут много лет царствовал Ираклий-царь сладко и добро с царицей Семирамидой. Но оба легли и умерли. Нас же в земле той без главы оставили, все корабли спалив, чтобы мы в землю беззакония не вернулись. Мы же к прежним злым нравам вернулись, и разгневался Бог на нас за беззаконие наше, и предал нас нападению диких людей; царство наше они разорили и многих из нас убили. Мы же, не зная, как во вселенную вернуться, и в царстве своем не имея возможности

жить из-за тех людей, здесь поселились и питаемся плодами этого острова, философией и книгами утешаемся. И нечего тебе у нас взять, разве что мудрецов наших». Александр удивился их жизни и сказал: «Поистине нет на земле ничего почтеннее, чем разум слова, ибо человек на земле достойнее многих тысяч бесценных камней и жемчуга. Мудрый Соломон пишет: “Муж мудрый – сокровище неисчерпаемое, мудрому мужу ничто не изменит, муж мудрый над множеством людей властвует”». И, сказав это, Александр шесть философов с собой взял и с острова ушел.

Уходя он спросил их: «Что находится впереди?» Они ему сказали: «Ничего нет впереди, кроме Макаринских островов в Океане-море, где люди блаженные живут, что нагомудрецами называются, так как они от всех страстей свободны». Александр спросил философов: «Откуда они на острова эти пришли?» Они сказали: «Когда Адам, праотец наш, преступил заповедь Божию и из рая изгнан был, на острове том поселился, и пробыл сто лет на острове том, и, на рай глядя, всегда плакал, прекрасные красоты райские вспоминая. Здесь двух сыновей родил, Каина и Авеля. И, любви их дьявол позавидовав, брата против брата восстановил, и Каин убил Авеля. Печалью великою опечалились праотец наш Адам и праматерь наша Ева, и, изгнание из рая вспоминая, на рай глядя и сына своего Авеля мертвым перед собою видя, плакали непрестанно. Создатель всего, творец неба и земли, неизреченную печаль и безмерную скорбь праотца нашего Адама видя, глас ему послал: “О порожденные землею, из праха созданные, первые люди, Адам и Ева, зачем о смерти Авеля скорбите? Во второе пришествие мое воскреснуть должны”. И повелел Авеля в земле похоронить. А вместо него другого сына родил Адам, мужа праведного и благочестивого умом, всегда доброе мыслящего, по имени Сиф. Адам же, с острова этого глядя, об изгнании всегда воспоминал. И сказал ему ангел: “Адам, ты здесь всегда в унынии пребывать будешь; уйди отсюда, пойдя во вселенную; когда семь тысяч лет пройдет, тогда опять увидишь рай”. И Адама и Еву с острова этого вывел, а Сифа, сына их, с чадами его оставил на острове

этом. Они и есть нагомудрецы, от Сифа родившиеся, внуки Адама, как и мы, и нам братья. Шесть дней хода до них».

Александр со своим войском некоего малого острова достиг, высокого весьма. И, взойдя на него, статую свою из золота на столпе высоком поставил, держащую меч в правой руке, которым указывала она на Македонские острова. Оттуда пошел с войском своим и, пройдя шесть дней, некоего места достиг. Гора высокая была тут, и к той горе человек привязан был железными цепями: очень высокий, тысяча сажений в высоту и двести сажений в ширину. Видя его, Александр удивился, и не смели они к нему подойти. И плакал тот человек – четыре дня голос его еще слышали. И, к другой огромной горе придя, жену огромную нашли, цепями привязанную, тысячу сажений в длину и двести сажений в ширину; и змей большой о ноги ее обвился, за уста держал ее, говорить не давая. Пройдя восемь дней, озеро увидели, и много змей в нем было, – это место мучений, где грешные люди мучиться должны.

Здесь Александр, с войском своим лагерем став, плоты велел делать, к Макаринскому острову собираясь плыть, и, Филона с собой взяв, на остров приехал. Увидел на острове том деревья весьма высокие и красивые, плодами украшенные, – одни из них зрели, другие цвели, иные же перезрели, и множество плодов на земле лежало. Птицы красивые на деревьях разные сладкие песни пели. Под листвой же тех деревьев люди лежали, и сладкие источники из-под корней тех деревьев текли. Войдя в глубь острова, Александр встретил одного из этих людей и сказал: «Мир тебе, брат». Он же Александру сказал: «Всем радость да будет, Александр, суетного света царь». Александр с ними говорить хотел, они же не хотели, сказав Александру: «К старейшим нашим пойдя, они приведут тебя к Иованту. Он тебе все о душе твоей и о смерти скажет, и о нашей жизни, и о вашей жизни, и обо всем, что ты хочешь узнать». Когда же Александр шел внутрь, множество людей тех встречали его и целовали, и все прорицали о походе его. Видя это, Александр удивлялся, думая, что это боги, а не люди. И, говоря ему все это, они к Иованту, царю своему, его вели.

Иовант же лежал под неким деревом; прекрасная вода недалеко текла; постель его и покров из листьев деревьев тех были. Иовант, увидев Александра, головою покачал и сказал: «Что к нам пришел ты, царь изменчивого и суетного мира?» И, взяв его за руку, рядом с собою посадил. Александр сел рядом. Иовант же, голову его руками обняв и ее сладко поцеловав, сказал: «Приветствую тебя, всех глав глава, ведь когда всем миром и светом овладеешь, государства своего и отечества больше не увидишь; и когда все земное приобретешь, тогда ад унаследуешь». Услышав это, Александр опечалился душою и спросил Иованта: «Зачем это сказал мне?» Иовант сказал ему: «Многоумному мужу не следует разъяснять». Александр сказал ему: «Если велишь, принесем тебе, что нужно, из того, что есть в нашей земле». Они же все сказали: «Дай нам бессмертие». Александр ответил: «Я сам смертен, как вам бессмертие могу дать?» И велел Филону чистый хлеб принести и вино. Иовант же, увидя это, ничего не взял, но сказал: «Не для нас эта пища, а для вас; наша пища – от дерева этого и питье – вода». И много ему удивительного рассказал. Александр удивился и со слезами сказал: «Поистине эти люди божественной жизнью живут». Иованта же спросил: «Как вы здесь поселились?» Он же ему ответил: «Адамовы внуки мы, как и вы. Когда Адам отсюда ушел, мы здесь остались, сыновья Сифа мы, сына Адамова, который вместо Авеля дан был ему». Иовант спросил Александра: «Зачем вы персидскую одежду носите и разнообразные яства едите?» И много с ним говорил обо всем. Александр спросил: «Скажите мне, как вы рождаетесь, ибо женского пола не вижу у вас». Иовант сказал ему: «Есть у нас жены, но не здесь, а на другом острове, однажды к ним приходим и, с ними пробыв тридцать дней, возвращаемся; когда же у кого-то родится дитя, больше не сочетается с женою. И когда младенцу три года будет, мужского пола мы себе берем, а женский с женами остается». Александр сказал ему: «Хотел бы я остров тот увидеть, если вы позволите». – «Острова этого достигнешь, но ничего там не увидишь, ибо, до него дойдя, внутрь не смотри, потому что не останется человек живым, если внутрь посмотрит». Александр встал, и к острову тому

отправился, и нашел там сооружение из меди, подобное стене, и, вокруг нее обойдя, внутрь посмотреть не смел, Богу это только можно, а людям – никому.

Александр столп на острове том поставить велел, и себя на нем в золоте изобразить, и надпись по-гречески на нем сделал: «Александр, царь македонский, который весь свет прошел, и острова этого достиг, и Макаринский остров видел, и тут эллинских богов не нашел, потому что эллинские боги повелением Бога Саваофа в глубинах ада, в тартаре, в геенне мучатся с дьяволом. И если кто другой на остров этот придет, на все пусть смотрит, внутрь же не заглядывает, это только Богу возможно, для людей же недоступно». И на Макаринский остров вернулся. «Макарии» же по-сербски значит «блаженные». К Иованту придя, Александр спросил: «Скажи мне, многомудрый блаженный Иовант, что впереди?» Тот ему ответил: «Река, в которой острова наши находятся, Океаном называется, всю вселенную обтекает, и все реки в нее впадают. На этой стороне ее – гора, которую ты видишь, плодами разными украшенная, – это есть место, называемое вами Эдемом, где Господь Бог Саваоф в начале времен создал рай на востоке. И тут Адама, праотца нашего, поселил. Он же по зависти дьявола пал, заповедь Божию преступив, и из рая изгнан был». Александр же спросил: «Могу ли я рай увидеть?» Иовант сказал ему: «Не может душа во плоти рай увидеть, ибо великой горой медной огражден он, в воротах же его шестикрылые херувимы с пламенным оружием стоят. Иди, Александр, туда, откуда ты пришел, следуй течению четырех рек, которые из рая текут; во вселенную пойди, ничего больше этого увидеть не можешь. Имена рекам этим – Гион, Фисон, Тигр, Евфрат». Александр с острова пошел, и все его любезно целовали. Александр же сказал им: «Если бы не забота моя о македонянах, чтобы они в чужих землях не пропали, здесь с вами остался бы я и во второе пришествие Божие рядом с раем находился». Иовант ему сказал: «Иди с миром, Александр, всей землею овладев, сам в нее придешь».

И направился Александр направо от востока. И, пройдя оттуда с войском своим десять дней, Александр поля некоего

достиг, на котором был глубокий ров. И чтобы через него перейти, мост железный сделал и по нему войско свое провел все, на мосту же надпись сделал по-гречески, по-египетски и по-персидски: «Царь Александр до края земли дошел и по этому мосту войско свое перевел». И оттуда четыре дня пройдя, до темной земли дошел.

И тут избранные македоняне на кобылах, имеющих жеребят, в темноту вошли, а жеребят в лагере оставили. И ночь одну ходили там. Антиоху же Александр лечить войско велел. А сам сказал тем, кто туда пошел, чтобы всякий человек взял бы что-нибудь – камень, или дерево, или землю. И те, кто повеление исполнил, много золота вынесли, а кто повеления не исполнил, те сильно раскаивались, потому что исполнившие повеление вынесли драгоценные камни и жемчуг крупный и прочее.

И оттуда четыре дня шли они, и тогда встретились Александру две птицы человекообразные, и они ему сказали: «Царь Александр, зачем гнев на себя навлекаешь, пребывая в этих землях? Иди не медля, ждет тебя Индия вся и Пор великий; придя, господство его разрушишь. Вправо иди и более удивительное, чем прежде, увидишь».

СКАЗАНИЕ ОБ ОЗЕРЕ, ОЖИВЛЯЮЩЕМ РЫБ, И ОБ ИСПОЛИНАХ, И О СОЛНЕЧНОМ ГОРОДЕ, И ОБ ОДНОНОГИХ ЛЮДЯХ

И когда Александр шел от темной земли шесть дней, до озера некоего дошел, и тут они лагерем стали, и начали искать, что поесть. Повар же Александра хотел вымыть в озере сушеных рыб, – когда же их в воду опустил, рыбы ожили и в озеро уплыли. Александр, услышав об этом, удивился и всему войску купаться велел, и, вместе с конями своими искупавшись, все здоровы и крепки были.

И пройдя от того места двенадцать дней, на другое озеро пришел Александр, в котором вода была сладкой, как сахар. По берегу его он ходил, собираясь искупаться. И вдруг рыба из озера того выскочила; Александр, увидев ее, побежал, рыба же преследовала его и бросилась на берег. Александр схватил рыбу, разрезал и нашел в чреве ее камень с гусиное яйцо,

который светился как солнце; Александр его вместо фонаря на копье посреди войска ставил. В ту же ночь жены из того озера вышли и около войска ходили, дивными, чудесными голосами красиво и печально пели. Македоняне, услышав, дивились этому шесть дней. И оттуда пришли в некое лесистое место, и там люди на них напали – выше пояса люди, а от пупа вниз – кони, исполинами они называются. И много их было, на Александра напали, стрелы имея при себе и луки. На стрелах же их не было железных наконечников, но прикреплены к стрелам наконечники из камня адаманта. Увидев их, Александр велел большой ров выкопать, и тростником и траву его прикрыть, и на бой их велел выманить. И они на бой пришли, о ловушке, сделанной для них, не зная. Александр с войском на них напал и многих убил, а много других в ров упало, десять тысяч их живыми схватил и во вселенную привел; настолько они быстры были, что никто не мог от них убежать, и такие они были стрелки, что никогда не промахивались. Их Александр оружием снабдил, стрелы и мечи научил их носить, и много они ему в битвах помогали. Когда же во вселенную их привел и холодный ветер подул на них, все они умерли. Александр же, пройдя от того места сто дней, к пределам вселенной приблизился.

И тут в Солнечный город пришел, и в храм Солнца вошел, и нашел тут письма, в которых о смерти его было написано. И оттуда десять дней пройдя, встретил одноногих людей, одеяния же у них были овечьи. И много их схватили, и к Александру привели. Александр же спросил их: «Кто вы такие?» И сказали они: «Царь Александр, смилуйся над нами, отпусти нас, из-за немощи своей поселились мы в этих пустынях». Александр велел их отпустить. Они же, отойдя, на вершины гор взошли и, по камням прыгая, начали над Александром смеяться, говоря: «О глупый Александр, всех перехитрил ты, а мы тебя перехитрили. Как же ты отпустил нас, когда мясо наше лучше всех мяс, а кожа наша настолько тверда, что ее железо не берет; и богатств у нас много – крупному жемчугу и камням многоценным нет числа». Александр посмеялся и сказал: «Поистине всякая сойка от языка своего погибает». И, сказав это, войску своему велел приготовиться к бою без оружия, и, на

гору с войском взойдя и окружив ее, две тысячи живыми схватили и в лагерь их привели; и велел с них кожи сдирать и эти кожи сушить. Мясо же их персам и египтянам дал есть. В логовищах их много камней драгоценных нашел – без числа. И, пройдя шесть дней, к индийским границам пришел. Тут Александр сделался весел, хотя много месяцев до этого не смеялся, – с тех пор как о смерти своей узнал, всегда печален был. Ведь и всякий человек, о смерти своей узнав, от радости к печали переходит.

И когда он на границы индийские пришел, Пор, великий царь, услышав об этом, вестника к Александру послал с грамотой: «Пор, великий индийский царь, равный индийским богам, Александру, македонскому царю, пишу. Смерть персидского царя Дария много тебя превознесла, и из-за глупости своей ты страдаешь. Не знаешь ли, что от войска моего не может укрыть тебя вся вселенная? Ибо, когда я разгневаюсь, вся поднебесная противостоят мне не может. Оставь глупость свою, моли прощение от меня принять, и дани, что от земель взял, принеси мне, сам же в Македонию беги, о жизни своей заботясь. Если же этому не подчинишься, не только в Македонии не сможешь укрыться, но и во вселенной не укроешься». Александр быстро грамоту прочел и к Пору свою написал: «Александр, царь над царями, не своею доблестию, но Божиим промыслом, великому Пору индийскому пишу. Ты мне пишешь, что победа над Дарием меня превознесла. Знай, что Дарий уподоблял себя богам, так же как и ты, я же богов ваших победил. Ты не велишь тебе сопротивляться, но если ты сильнее богов, почему Дарию не помог, или же мог, но не посмел? Я же с помощью Бога Саваофа на тебя не как на бога, но как на подвластного человека иду, ибо человек недостойн называться Богом, Бога никто никогда не видел. Ты же со всею силою своею на бой иди, чтобы тем большей чести македонян удостоить – с тем большею храбростью разобью тебя. Если живым тебя схватим, то не на Макаринский остров пошлем, где, ты думаешь, боги твои пребывают, но в ад в глубинах земли, и с ними вместе терпеть муки будешь, ибо они там, в геенне, как

мне Иовант, макаринский царь, сказал. Будь доволен оброками своими».

И эту грамоту Александр дал послу Пора, сам же письмо матери своей Олимпиаде и учителю своему Аристотелю написал в Македонию: «Царь Александр царице Олимпиаде, матери моей, и Аристотелю, наставнику моему, приветствие пишу. Четыре года минули, мать, как я вам не писал, сердцем болеете об этом вы много лет, думаю, и мы мыслями многими обуреваемы, и как корабль, многими обуреваемый волнами, так сердце наше потоплено печалью о вас. И часто вас во сне, сердечной привязанностью к вам влекомый, видел и печальных, и радостных. Ибо ум во сне далеко простирается и видит далекое. И, ото сна восстав, обманчивое видение упустив, печалью объят был, и, от сна восстав обманного, в немалой скорби буду. И так страдают все, кто сердечную любовь имеет. Ибо знаю твою неизреченную любовь к единородному сыну, и о твоей любви ко мне мое сердце свидетельствует, любовь сердцу печаль и радость указывает. И по этому всему к согрешению нашему милостива будь и согрешения наши прости нам; ибо не от нелюбви, как я уже писал вам, посылать письма я не мог. С востока идем и в Индийской стране остановились; все удивительное, что случилось, это письмо вам расскажет. Вы уже знаете, так как я писал вам прежде, что персидское царство мы покорили и царя их убили, дочь же его я взял в жены себе и вместе македонян и персов соединил. И с ними в Иерусалим пришел. И узнал, что люди этого города в великого Бога веруют, и увидел, что это самый сильный Бог, сильнее всех богов ваших. И я поклонился ему, и уверовал в него. Имя ему – Бог Саваоф, невидим человеческими глазами, но умом только постигаем. И оттуда в Египет пришел, и тут египетского царя увидел на столпе, того, что царство свое оставил и в чужую бежал землю. Имеющий разум да разумеет. И тут эллинских богов отверг, и, помощью Бога Саваофа, славимого серафимами, вооружась, из Персиды к краю земли ходил. С тех пор, как писал вам, страны и места пройдя трудные, горы непроходимые и поля необозримые, до диких людей дошел, которые некогда великого и сильного Сонхоса-царя убили. И

статую царя Сонхоса нашел на высоком столпе, из чистого золота сделанную, и на том столпе высоком о поражении его написано, как его дикие люди разбили. Я же, помощью Бога Саваофа, их разбил, и, оттуда пойдя с войском своим, леса многие прошел, ширина которых – день хода, и до царства Ираклия и Семирамиды дошел. И статуи их на столпах высоких из золота сделаны были. И оттуда к востоку отправился и нашел разных людей, шесть рук и шесть ног у них было, и зверей, которых описать вам не могу. И Макаринских островов достиг, и здесь богов ваших хотел увидеть, и ни одного не нашел, напротив того, макаринский царь, поклявшись, сообщил мне, что эллинские боги в глубинах ада терпят муки. И, острова эти пройдя, видел место, что Эдемом называется, где праотец наш Адам жил, в котором Бог рай посадил на востоке. И когда я хотел пойти туда, мне макаринский царь не велел, говоря: «Не может человек во плоти рай видеть, ибо пламенным оружием охраняется он, и оно опалит тебя». Услышав это, я во вселенную возвратился, и, не зная пути, мы следовали по течению четырех рек, что из рая во вселенную текут, и, в правую сторону идя, через год во вселенную вышли, и на землю индийскую на индийского царя Пора идем, и в битву с ним вступить думаем, чтобы скорее исполнилось повеленное. И в здравии пребывайте, госпожа моя мать, с моим наставником Аристотелем, и нам о себе пишите».

СКАЗАНИЕ О ТОМ, КАК ПРИШЕЛ АЛЕКСАНДР НА ИНДИЙСКОГО ЦАРЯ ПОРА И ПОБЕДИЛ ЕГО

Пор же, индийский царь, со всей вселенной войско свое собрал и смотр ему сделать велел, и было у него войска тысяча тысяч и десять тысяч львов, обученных для войны. И когда эту несказанную силу Порова увидели македоняне и другие народы, то сильно испугались, думали Александра выдать Пору, индийскому царю. И сказали: «Сами жизнь свою выпросим у него», в Македонию думая бежать. Птолемей же, воевода Александра, узнав об этом, Александру сообщил. Александр, услышав об этом, войско свое к себе призвал и сказал: «О любимые и могучие македоняне, всех народов сильнейшие и лучшие витязи, вы весь свет завоевали и сильнейших врагов

победили, а теперь испугались трусливых и немощных индийцев. Не могут они нас победить, как вам это кажется. И если я опостылел вам, то сами меня убейте. Если же вы ждете от Пора добра, то сам я к нему ради вашего блага пойду. Но знайте, македоняне, если Александра погубите, Македонию больше не увидите, будете в порабощении у всех народов и бесславно в чужих землях умрете. Не было такой чести вам при отце моем Филиппе от всех народов, как теперь, когда вы со мною царствуете. Знайте, что мне трех локтей земли хватит, а вас вся вселенная не укроет. Знайте, что, раз вы измену эту явили ныне, в конце времен станет подвластным государство ваше персам, и, вас всех погубив, отеческую землю вашу, Македонию, они захватят. Я же теперь к Пору иду на бой, если его убью, то я победитель всей земли, а не вы; если же он меня убьет, то вы все бесславно умрете». Македоняне, слыша это, плакали и, обступив Александра, сказали: «Великий царь Александр, лучше нам вместе с тобой умереть, чем без тебя жить долго. Измену же эту не мы проявили, но изменчивые, трусливые персы, соседи они индийцам, и пугают нас. А нас индийцы уже знают». Услышав это, Александр на персов разгневался, в женские одежды одел их и платки женские на головы им повязал.

И велел он к бою всем готовиться. Войско свое осмотрел, и было у него шесть тысяч тысячей. И грамоту в Перейду написал к Филону, которого послал прежде к царице Роксане, чтобы персами правил: «Александр, царь над царями, моему любимому Филону. Знай, что, всю покорив землю, мы до Индии дошли и против Пора, индийского царя, стоим. И как только грамоту мою получишь, тотчас со всем западным войском в Индию иди, а ко мне пошли вестника, чтобы я против Пора вышел». И Александр на бой с Порой пошел. И когда сблизились два войска, Пор выпустил вперед десять тысяч львов; Александр же против них много буйволов неприрученных пустил. Львы с ними сразились и возвратились к своему войску. Александр войску своему на три части разделиться велел. Пошли они на бой, и, когда в трубы военные затрубили, съехались оба войска. Потом Пор в лагерь свой отступил,

Александр тоже. В этом бою у Пора убили двести тысяч людей, а у Александра тридцать пять тысяч и македонян пятьсот. Узнав об этом, Пор к войску своему пришел и сказал: «О могучие вельможи, сатрапы индийские, вот с македонянами бились мы и побиты ими, что сделаем теперь?» Они же ему ответили: «Великий царь Пор, не людей посылай на бой, а больших елефантов и диких львов». И Пор привел сто тысяч елефантов, что значит «слонов», и башни на них деревянные сделав, и в каждой башне было по двадцать человек вооруженных, – и они на бой с Александром пошли. Александр же велел своим воинам на коней колокольчики повесить, и на бой быстро пошел, и пеших воинов двести тысяч повел с собою, которым ноги слонам подрезать велел. Слоны, услышав звон колокольчиков, испугались и побежали. Здесь у Пора Александр убил четыреста тысяч, у Александра же убили тысячу пятьсот. Пор, все свое войско взяв, переправился через реку, называемую Алфион, – на кораблях через эту реку переправлялись. И Пор на берегу реки со всем своим войском стоял, со всеми силами.

И в это время Филон из Персиды с огромной силою пришел к Александру с тысячею тысяч воинов, и сто тысяч коней откормленных Александру привел, тысячу тысяч верблюдов для разных нужд, и привез ему диадему многоценную и венец бесценный от царицы Роксаны и тысячу мер золота. И, стоя перед Александром, Филон сказал: «Милый мой государь и всем царям царь, великий хонкиарь и наасарь, царь Александр. Не следует нам, стоя против индийского царя Пора, долго медлить, но сразу на них нападём, как на трусливых и плохих воинов». Александр приходу Филона рад был весьма. Македоняне, узнав о приходе Филона, стали храбрее, а индийцы, услышав о нем, страхом были объаты. Филон же Александру сказал: «Великий царь Александр, пока Пор против нас стоит, то и войско его храбро; но пусти на них меня с отдохнувшим войском моим». Александр сказал ему: «Войско Пора сильно, а река эта непроходима для конских ног». Филон же ему сказал: «Македонские воины непоколебимы, а македонским коням ни одна река не страшна. Славою же твоею

одень меня и молитвою твоею покрой меня, и пошли меня против Пора, ибо многое может слава сильного и достойного государя; славе твоей, Александр, ни горы не противостоят, ни реки, ни леса. Не подобает тебе с Пором сражаться, ибо много царей подвластных у тебя таких, как Пор; мне подобает с ним сразиться, а не тебе, ибо он индийский царь, я же, благодаря твоей милости, персидский государь, а персидское владение индийскому равно». Александр ему сказал: «Как через реку перейдешь?» А он ему ответил: «Увидишь как». Александр дал ему тысячу тысяч всадников и еще тысячу тысяч пеших воинов. И Филон велел каждому всаднику пешего за собой на коня посадить с мечом. И так они стояли; когда же войско Пора начало обедать, Филон со всем войском бросился в реку и ее из русла вытеснили в поле перед ними, многие вымокли, а задние посуху перешли реку. Когда же переправились, пешие воины с коней сошли, и напав на лагерь, в битву вступили и конные, и пешие. Александр храбрости Филона подивился и, сделав то же, что и Филон, реку перешел. Индийцы после долгой битвы побежали. Александр, преследуя их, многих убил, а других в плен захватил. Из войска Пора тысяча пятьсот людей убито было. Пор же с боя бежал и, плача, говорил: «Увы мне, несчастному, сильные пали, а немощные перепоясались силою; македонский царь силу Дария победил и к волосам моим как репейник прилип, и силу мою разрушил. Их и Алфионская река удержать не может». Александр, заняв лагерь Пора, послал покорять землю Индийскую. Пор же, в столицу свою вернувшись, к соседним народам послал, сообщая им: «Знайте, друзья и братья мои, что, вселенную захватив и убив царя Дария, македонский царь Александр до нас дошел; трижды меня разбил и силу мою разрушил, к реке Алфион пришел и землю мою завоевывает. И прошу вас на помощь ко мне прийти, – ведь если меня победит, вы противостоятъ ему не сможете». Услышав это, северные народы тотчас пришли к Пору на помощь; было же их шесть тысяч тысячей, у Пора четыре тысячи тысячей, у Александра же одна тысяча тысяч. И, приготовившись, на бой вышли.

И когда встали друг против друга два войска, Александр велел пойти Филону послом к Пору с такой грамотой: «Александр, наасарь, великий хонкиарь, Пора, индийского царя, приветствует. Знай, что склоненную голову и меч не сечет; если бы Дарий мне покорился, государем над всем своим был и жизнь сохранил бы. И ты, ему в гордыне уподобляясь, очень превозносишься, – не знаешь ли, что всякий возносящийся унижен будет. И большим врагом индийцев ты оказался, которых из-за безумия своего на смерть ведешь. И если индийцы тебе милы, – а мне македоняне милы, – отныне довольно войскам нашим сражаться. Мы с тобой будем сражаться, ибо не должен из-за Александра и Пора весь свет погибнуть и опустеть; и если ты меня убьешь, государем над всем моим будешь, если же я убью тебя, то по справедливости всей Индии государем стану. Если жизнью своей дорожишь, правь землею своею, а мне дани давай и войско. Что тебе из этого угодно, мне напиши». Эту грамоту Филон взял и к Пору пошел. Пор же ее перед индийцами прочел и, обрадовавшись, сказал: «Я с тобою сражаться буду, а войска наши пусть в стороне стоят». И к Филону обратился: «Это ты государь персов, преемник Дария?» Филон сказал: «Я – Филон, преемник Дария, любимец Александра, государь персов и сосед финикийцев и Лидонской земли». Пор же ему сказал: «Отныне Александр не будет править, так как от руки моей умрет; ты же, о жизни своей заботясь, на мою сторону стань и, оставаясь государем у персов, Индии получишь четвертую часть». Филон ему сказал: «Я ныне государь персов. Ты мне четвертую часть Индии даешь, Александр всю Индию мне дал; когда ее покорит, тогда мне в ней царствовать». Стоящие тут индийцы сказали Филону: «Как можешь так с сильным царем говорить?» Филон им ответил: «У сильного государя посол свободен, он верный слуга и страха не имеет». Пор же Филону сказал: «Стань моим, и дочь мою отдам тебе, и по смерти моей государем всей Индии будешь». Филон ему ответил: «Поверь мне, Пор, что весь поднебесный мир не может заставить меня отказаться от любви к Александру, потому что весь мир недостоин одного волоса с его головы». И, сказав это, Филон к Александру отправился,

сказав Пору: «Поезжай скорее на бой, ждет тебя Александр уже при оружии на своем великом коне». И Александр в своем вооружении выехал, и Филона спросил: «Каков Пор?» Филон же сказал ему: «Телом велик и толст, но гнил; иди, убить его должен, ибо судьбе твоей Всеведающий помогает». Александр же, имя Бога Саваофа призывая, сказал: «Великий Боже, почивающий на святых, помощником мне будь ныне против индийского царя Пора. Един свят Господь Саваоф». И, сказав это, в руку копье взял, и поехал навстречу Пору. Пор же против него выехал с войском своим. И, сблизившись, копьями ударили друг друга, и копья обломились, рогатины извлекли и ими сто раз сразились, мечи вынули и их притупили. Тогда приблизился Александр к Пору и сказал: «Так-то ты верен слову своему, Пор, – войско твое помощь тебе посылает». Пор на войско оглянулся, чтобы их остановить. Александр Дучипала сильно прищипорил, и, к Пору быстро подскочив, мечом его под правый бок ударил, и пронзил его. А Дучипал коня его зубами за шею схватил и к земле пригнул; Пор упал с коня и бесславно душу свою отдал. Индийцы же, увидя это, пустились в бегство. Александр пошел за ними, преследуя, три тысячи их убили и многих в плен захватили. И, взяв тело Пора, на золотом одре его положил, и в столицу его Илиюполь принес. Царица же его Клитемищра, волосы свои до земли распустив и одеяние многоценное на себе разодрав, с двумястами тысячами вельмож с плачем великим и рыданием тело Пора встретила. Александр велел положить его на золотом одре, и венец ему на голову возложил, и вместе со всем войском оплакал его, и велел с большой честью похоронить.

Пробыв тут двенадцать дней, Александр в Илиюполь вошел. И когда ввели его в царство Пора, столь много дивного внутри он увидел, что ни око никогда не видело, ни ухо не слышало. Дворец Поров был в четыре полета стрелы длиною и очень широк, стены золотые, и кровля вся золотая, и столпы золотые, жемчугом и камнями украшены; и битвы со всеми великими царями изображены были во дворце, и двенадцать месяцев в образе людей изваяны были, и двенадцать добродетелей человеческих сделаны из золота в виде женщин,

каждая так, как ей должно, и часовник месячный, и смена фаз луны вверху палаты той изображены были. И привели к нему тысячу тысяч коней тучных Поровых и сто тысяч коней индийских под сетчатыми попонами, привели ему сто тысяч охотничьих львов Пора, двадцать тысяч пардусов, принесли тысячу тысяч доспехов, и корону Пора из камня сапфира, и многоценный перстень Пора из камня аметиста, и блюд настольных сто тысяч, бивней слоновых восемь тысяч, и многоценных кубков настольных, камнями, жемчугом и золотом украшенных, тридцать тысяч, и множество других прекрасных вещей, так что невозможно рассказать. И тут Александр год пробыл со всем войском своим и любимца своего, Антиоха, сделал государем над индийцами.

СКАЗАНИЕ О ЦАРЯХ И КНЯЗЬЯХ МНОГИХ, И О ЖЕНАХ МАЗАНЬСКИХ, И О МЕРСИЛОНСКОМ ЦАРЕ ЕВРЕМИТЕ, ИМЕВШЕМ ПОД СВОЕЙ ВЛАСТЬЮ НЕЧИСТЫЕ НАРОДЫ, КОТОРЫХ АЛЕКСАНДР ЗАКЛЮЧИЛ, И О ЦАРИЦЕ КАНДАКИИ УСЛЫШИТЕ

Когда услышали соседние цари о поражении Пора, пришли к Александру многие цари и князья, и поклонились ему, и дары принесли многочисленные. Александр же на Мазаньскую землю пошел, и велел город мазаньских жен осадить, и воевать с ними упорно. Но столь эти жены искусно оборонялись, что никто победить их не мог. Александр, услышав это, удивлялся. А жены эти послали к Александру посла с грамотой: «Весть наших ушей достигла, о миродержец царь Александр, что ты, весь мир покорив, с женским полом сражаться хочешь. Но думаем, что тебе не следует с нами воевать, ибо не знаешь, что тебя ожидает. Если нас победишь, немного тебе от этого чести будет, а если мы тебя победим, то большой позор тебе будет. И просим тебя, не откажи нам в мольбе нашей и образ свой пришли нам, чтобы он вместо тебя над нами царствовал. А тебе мы даем дары многоценные честные – золото, драгоценные камни и жемчуг, сто жен и венец царицы нашей Клитевры. Жены эти прекрасные для тебя и твоих вельмож. Смилуйся над нами, малое наше приношение как от верных рабов своих прими и обнадежь нас своим ответом».

Александр принял грамоту, а красотой тех жен удивлен был. И грамоту в ответ написал: «Александр, царь над царями, сестру мою Клитевру, мазаньскую царицу, приветствую. Грамоту вашу получил, и написанное вами знаю, и за дары ваши благодарю вас. Но не следовало вам красивых жен к нам присылать, ибо мы победители всех мужей на земле и не хотим, чтобы жены нас победили. Копье мое к вам послал, пусть среди вас царствует вместо меня, и войско тридцать тысяч ко мне присылайте на помощь, так так хочу пойти на мерсилонского царя Евремита, не желающего мне подчиниться». Воевода Птолемей, стоя тут, сказал в шутку: «Царь Александр, сделай меня царем и владельцем над этими женами; а если же царства их не дашь, так хоть этих сто дай, чтобы я их проводил». Александр посмеялся и сказал: «Ты воевода всего войска моего, а одной из них достаточно, чтобы победить тебя». Птолемей же ответил ему: «Царь Александр, велик ты, а испугался их».

И оттуда Александр пошел на мерсилонского царя Евремита. Евремит, узнав об этом, все войско свое собрал, восемь тысяч воинов, и навстречу Александру пошел, и послал людей, чтобы передовой отряд Александра захватили. Александр отправил воеводу Селевка с тысячью тысяч войска и в некоем месте укрыться велел ему. Евремит с войском своим выступил против Александра, но Селевк неожиданно напал на него, разбил и, взяв его в плен, к Александру привел, и велел Александр голову ему отсечь.

Нечистые же народы, услышав это, испугались и к северу побежали; Александр преследовал их до высоких гор, которые Северными холмами называются, и видя, что место подходящее, велел их там запереть, чтобы они больше во вселенную не вышли. И тут став, помолился Богу и невидимым силам, сказав: «Всевышний Боже, услышь меня, ибо нет для тебя невозможного, что ты сказал, то и стало, ты велел – и создалось; ибо ты единый, предвечный, безначальный, невидимый Бог, и твоим повелением, и твоим именем сделал я все это, ты дал в руки мои весь мир; молю всехвальное имя твое, просьбу мою исполни и этим двум горам вели сойтись». И

тотчас две горы сошлись, на двенадцать локтей друг до друга не дойдя. Увидев это, Александр прославил Бога, и ворота медные сделал тут, и замазал их сунклитом. Сунклит же имеет такое свойство – ни огонь его не берет, ни железо. За воротами же в три поприща терновник посадил; и так заключил нечистые народы. И те ворота Аспидскими называются. Вот какие народы заключил Александр: готти, магогги, анагосии, агиси, азанихи, авенреси, фитии, анвы, фарзании, климеади, занерииди, теании, мартеани, хамони, агримарды, ануфиги, псоглавые, фердеи, алане, сфисони, кенианиснеи, салтари. Это были нечистые народы, и их Александр заключил по причине их нечистоты. И оттуда опять во вселенную возвратился, многие города и острова покорив.

Услышав о его приходе, Клеопила Кандакия, амастридонская царица, искусного художника послала, чтобы он написал портрет Александра. Тот написал и принес Кандакии. Царица же, красоту его видя, удивлялась и в спальне своей этот портрет хранила; знала она о хитрости Александра, что он сам на разведку в разные города ходит и что получил царство Дария, побывав там под видом посла. Зная об этом, царица Клеопила Кандакия надеялась захватить его. В то время Александр царствия царицы Кандакии достиг. А царица Кандакия Пору, индийскому царю, сватьей была, так как сын ее Картор дочь Пору взял в жены. Александр подошел к Амастридонской земле. Узнав об этом, агримский царь Кандавлус, сын царицы Кандакии, из царства своего бежал вместе с женой и богатством к матери своей, Клеопиле Кандакии, амастридонской царице. Евагрид, силурский царь, видя его бежащим из-за страха перед Александром, вышел против него и разбил, и жену его, и дочь, и все богатства его взял. А Кандавлус с сотней всадников в Амастридон, к матери своей, бежал. Воины же Александра захватили его и спрашивали: «Кто ты и откуда?» Он же сам им все о себе рассказал. Они привели его к Александру. Александр же, услышав, что Кандавлус, сын царицы Кандакии, схвачен, вместо себя воеводу Антиоха на царском престоле посадил, а сам как один из вельмож перед Антиохом стоял, ибо хотел в

Амастридонское царство сходить и его разведать. И Антиоху сказал: «Прикажи, чтобы я его перед тобою поставил, и о всем его расспроси, и мне его передай». Антиох велел привести Кандавлуса. Александр пошел и привел его к Антиоху. Кандавлуса же Антиох спрашивал: «Откуда бежал и как в руки мои попал?» Тот сказал: «Страшась тебя, бежал к матери моей, амастридонской царице Кандакии. Евагрид же, сосед мой, силурский царь, напал на меня и разбил, и все богатства мои взял, и жену, и дочь мою. Я один с боя убежал и твоих воинов встретил; они меня схватили и к тебе привели. На мне исполнилась ныне притча о некоем злосчастном человеке, который, убегая ото льва, влез на высокое дерево, стоящее на берегу озера, и, на ветвях его поместившись, от страха перед львом избавился, но, на верх дерева, выше себя, посмотрев, змея увидел, собирающегося его проглотить, и, не зная, что ему делать, воскликнул: “Со злосчастными все беды случаются”. И, сказав это, в озеро прыгнул, говоря: “Лучше мне крокодилом в один миг съеденным быть, чем от льва или от змея принять горькую смерть”. Так и со мною случилось, царь Александр: испугавшись тебя, я бежал и на воинов твоих натолкнулся». Антиох, на царском престоле сидя, сказал Кандавлусу: «Злосчастным все беды выпадают, и от них они наконец умирают. Ты же, злосчастный, поскольку ко мне попал, от несчастья избавился, я тебе жену твою возвращу, и дочь твою, и все богатства твои, все свое получишь, а я буду твоим гостем и другом». И сказал Александру: «Воевода Антиох, войско мое возьми и на Евагрида, силурского царя, пойди; и если жену Кандавлуса, и дочь, и богатства его добром вернет, приведи его ко мне для примирения, если же не возвратит, то всю землю его покори и города его разори, а его связанным ко мне приведи. И когда это исполнишь, к матери его Клеопиле Кандакии, амастридонской царице, послом тебя пошлю». Услышав это, Кандавлус клобук снял и Антиоху в ноги поклонился, думая, что это Александр, и сказал: «О великий царь Александр, всем несчастным ты помогаешь, и за столь великую добродетель всего света царем Бог тебя сделал; поскольку же я тебя удостоился видеть, то все мое горе в радость для меня

обратилось». И сказав это, Кандавлус Антиоху поклонился. Александр же, за руку его взяв, в лагерь свой отвел.

И пошел на Евагрида, силурского царя, взяв с собою четыреста тысяч отборных воинов. И когда они шли, Александр Кандавлуса спросил: «Если жену твою возьму и в руки тебе передам, чем отблагодаришь меня?» Кандавлус же ему сказал: «Невозможно словом выразить то, чем обязан буду тебе, столько добра сделавшему, все богатство мое тебе отдам и голову свою в руки твои отдам. Сколько можешь, постарайся ради меня, и когда отсюда возвратимся, то Александра просить буду, чтобы отправил тебя послом к матери моей Клеопиле. И она вознаграждение великое и дары даст тебе, и третьим сыном у нее будешь». И когда дошли до земли Евагрида, Александр разделил войско на три полка: сто тысяч войска пленить землю послал, сто тысяч на Евагрида и сто тысяч в дубраве около города спрятал. И жителя той земли захватил, и, грамоту ему дав, научил его, что нужно сказать Евагриду: «Знай, царь Евагрид, что Александр, царь царей, государь всей земли и всего света, до этих мест дошел. И видя твое упорство и глупость твою, воеводу Антиоха прислал сюда, и он тебе говорит так: “Дани нам принеси, и жену Кандавлуса, и дочь его, и богатства его возврати. Если же этого не сделаешь, смертью злою умрешь”». Евагрид же, услышав это, разведку послал к Александру. Они же, к нему вернувшись, сказали: «Мало войска у Антиоха». Евагрид, услышав это, на бой с Александром пошел. Александр же спрятанное войско из леса вывел и Евагрида разбил; Евагрид, боясь Александра, сам, бросившись на меч, пронзил себя. Александр пришел к городу и полностью разрушил его, и богатства его взял, и Кандавлусу жену и дочь возвратил; и, взяв добычу, к своему войску пошел. Кандавлус же, придя к Антиоху, поклонился ему как Александру. Антиох ему сказал: «Все свое возьми и к матери своей иди». А Кандавлус отвечал ему: «Великий царь Александр, все мои желания ты исполнил и это мое прошение исполни – воеводу своего Антиоха пошли к матери моей; все, что ты желаешь, он совершит, ибо в этой войне я увидел, что он весьма мудр и искусен и верен тебе». Антиох же ему сказал: «Все, что

желаешь ты, исполню». И Александра призвав, приказал ему: «Пойди, воевода Антиох, к Клеопиле, амастридонской царице, вместе с сыном ее Кандавлусом, и передай ей: “Царь Александр к границам земли твоей пришел и даней от тебя ждет. Если этого не сделаешь, со всеми силами своими на царство твое пойду”». Александр Антиоху сказал: «Вели грамоту написать к ней». Стоявший тут Кандавлус сказал: «Не нужно писать грамоты для такого мудрого посла, как ты». И оба поклонились Антиоху и ушли. Антиох велел подарить Кандавлусу многоценное одеяние македонское, кучму персидскую и коня индийского под крокодиловой попоной. Александр повел его в свой лагерь, с почетом принял его и, дорогими дарами одарив, послом к его матери пошел.

На пути Кандавлус много целовал Александра, говоря ему: «Поистине на всей поднебесной земле подобного тебе человека не видел; если второй подобный тебе есть у Александра, вот уж поистине всего света он царь». На это Александр Кандавлусу ответил: «Поверь мне, брат Кандавлус, много у Александра людей, которые больше и старше меня – Филон, воевода Птоломей, после него Селевк, а после него Андигон, и потом меньший из них я, Антиох». Кандавлус же ему сказал: «Всех их я видел, но тебя среди них наибольшим считаю, достоин ты над всеми царствовать». Александр же испытывал его, желая узнать, насколько он любит его. Тот же ему сказал: «Даже смерть вместо жизни приму, и если случится мне с тобою умереть, не разлучусь с тобою». И так беседуя, они до некой большой пещеры дошли. Кандавлус сказал Александру: «Любимый мой брат Антиох, говорят, что в этой большой пещере все эллинские боги находятся, после смерти своей в пещеру эту попадают. И если хочешь узнать о смерти своей, то, немного пройдя, сверни в сторону и в пещеру эту войдешь». Александр же ему сказал: «Так вот какова любовь твоя ко мне, брат Кандавлус, если велишь мне войти сюда?» Кандавлус прижал его к себе и, плача, сказал: «О любимый брат мой Антиох, не сказал я тебе: “Войди сюда”. Но сказал тебе, кто живет в этой пещере». Александр, немного пройдя, свернул в сторону и вошел в пещеру. Когда же вошел он внутрь,

встретились ему некие зверообразные призраки. Он же имя Бога Саваофа призвал, и все в прах превратилось. Нечто чудесное и дивное в пещере той он увидел: много людей со связанными сзади руками: Геракла увидел здесь, и Аполлона, и Кроноса, и Гермеса, которых эллинскими богами считают. Александр видел, что связаны они цепями, и, подойдя к одному из них, о чудесных явлениях этих спросил. Тот же ему сказал: «Иди дальше, Александр, больше, чем это, увидишь. Все они были эллинскими царями, как и ты теперь, и за чрезмерную гордыню, так как они Богу небесному себя уподобляли, Бог на них разгневался и в пещеру эту велел их бросить; и души их здесь мучиться будут до конца времен. Когда же кончится седьмой век, в тартар огненный пойдут мучиться на бесконечные времена, навсегда». Александр же его спросил: «Кто такие эти зверообразные люди?» Тот ему ответил: «Это те, которые жестоко, без милосердия, царствовали». И Александр ему сказал: «Кажется мне, что где-то видел тебя». Он же ответил: «Тогда, когда ты на диких людей ходил». Александр спросил: «Как имя твое?» И тот ему ответил: «Я Сонхос, царь индийский, что некогда весь свет покорил, и гордынею вознесся, и на восток до края земли дойти хотел, – но дикие люди напали на меня, разбили и убили меня. И пришли ангелы, связали меня и в эту пещеру заключили. И здесь терплю муки за безумное мое превозношение. Берегись и ты, Александр, чтобы не вознесся и сюда не был приведен».

Когда Александр среди них ходил, он увидел и Дария, царя персидского. Дарий же, увидев его, печально заплакал и сказал: «О мудрый среди людей Александр, неужели и ты осужден здесь с нами быть?» Александр ответил: «Не осужден, но пришел вас видеть». Дарий же ему сказал: «Задержись немного, расскажу тебе нечто удивительное, что случится с тобою в пути. Знай, что у Клеопилы Кандакии, амастридонской царицы, есть портрет твой и узнает она тебя; но иди, не сомневайся, Бог, в которого ты веруешь, от руки ее избавит тебя. Здесь же не задерживайся». И опять Дарий со слезами к нему обратился: «Милый мой сын Александр, как персидское царство пребывает и какова любовь дочери моей Роксаны к тебе?» Александр же

ответил ему: «Персия при мне благоденствует, как и при тебе, а Роксана, дочь твоя, со мною над всем светом царствует». И Дарий ему сказал: «Внутрь пещеры войди, там царя Пора увидишь». Александр, увидев Пора, сказал ему: «Великий индийский царь Пор, некогда ты богам уподоблялся, здесь же как один из ничтожных людей терпишь муки». Пор же ему ответил: «Так мучаются здесь все, что земною славою превозносились. Берегись и ты, Александр, и не превозносись, чтобы не был осужден здесь мучиться». И еще добавил: «Честь жены моей, Клитемищры, сохрани». Александр сказал: «Заботься о мертвых, а не о живых». И, сказав это, Александр из этой пещеры вышел, и, к Кандавлусу прийдя, нашел его плачущим, потому что тот думал, что Александр в пещере погиб. Когда же увидел его, то с радостью быстро подбежал к нему и, целуя его, сказал: «Зачем, брат Антиох, ты долго был там и этим напугал меня; но поистине убедился я ныне, что велико счастье государя твоего, царя Александра, ибо вижу тебя невредимым. Но скажи мне, что в пещере этой видел». И так, удивляясь оба, к царице Кандакии пришли.

Царица Клеопила, узнав о приходе сына, обрадовалась весьма и, встав со своего престола, его встретила; слышала она, что Александр убил его. Радостью великою возрадовалась и расспрашивала сына своего, желая узнать все, что случилось с ним. Кандавлус начал ей рассказывать, Александра же к матери своей подвел и сказал ей: «Вот Антиох, воевода Александра, он мне дал жизнь и жену мою и дочь от Евагрида освободил, и все, что случилось со мною хорошего, – все он мне сделал. Прими его вместо сына, мать моя, ибо он у Александра в большой милости». Царица же, услышав это, обняла Александра, целовала его много и сказала: «Добро пожаловать, сын мой, сильного государя посол, воевода Антиох». И красоту лица его видя, удивлялась и сказала ему: «Третьим сыном мне будешь отныне, Антиох». Александр встал и посольство начал править. Она же речам его и манерам удивлялась и, глядя на него, подумала, что это и есть Александр. Любезно его целовала и сказала: «Хотела бы, Антиох, чтобы ты от нас не отъезжал, но вместе с моими

сыновьями и со мною бы царствовал, а к Александру не возвращался; но поскольку это невозможно, то встань, и в царский дворец войди, и царские мои богатства посмотри, и что захочешь, то возьми. И дам тебе грамоту к Александру, и дани ему дам; посла моего пошлю к нему с тобою и с великою честью отправлю тебя к нему». И, сказав это, Александра взяла за руку, и в царские палаты его ввела, и тут показала ему нечто чудесное – много царского жемчуга, множество камней и неисчислимое количество золота. И ввела его в свою спальню и, на портрет его глядя, сказала: «Что тебя из всего, что в доме моем видел, Александр, привлекло?» Он ужаснулся и сказал ей: «Антиох мое имя, я слуга Александру». Царица же сказала: «Я знаю, что ты Александр, не подобает тебе называться Антиохом. Если в знание мое не веришь, на портрет этот посмотри и черты облика своего узнай». Он ответил: «Поистине похож я на Александра, за это он любит меня весьма». А она сказала: «Ты – сам Александр; воистину я ныне царицей всего света стала, ибо царя всего света в руках своих держу. И знай, царь Александр, что по своей воле ты вошел сюда, но по своей воле отсюда не выйдешь». Услышав это, Александр изменился в лице, заскрежетал зубами и, озираясь вокруг, обдумывал, что ему делать. Царицу в спальне решил убить, а самому, до коня добежав, броситься навстречу либо смерти, либо спасению, думая: «Лучше великому господину честно умереть, чем позорно жить». Царица Кандакия, видя, как он изменился в лице, к дверям отступила. Александр, схватив ее, сказал: «Не выйдешь отсюда, но здесь бесславно умрешь. Я же, убив тебя, во двор выйду и обоих сыновей твоих убью и сам с ними умру честно». Тогда царица Кандакия радостно подошла к Александру, и, прижавшись к нему и за шею его обняв, любезно поцеловала, и сказала ему: «О великий Александр, сын мой и господин, не печаль мое сердце и беды для себя не предполагай, ни смерти от меня не бойся, ибо я убить тебя не думала. Ныне же поучу тебя, сына своего, многими дарами почтив тебя, к войску твоему отпущу тебя с честью, ибо недостойно такого человека на земле погубить, мудростью и храбростью отличающегося, но следует охранять и почитать.

Тот, кто захотел бы тебя убить, для всего света стал бы кровным врагом. Головою твоею и жизнью весь свет держится, и мир страхом перед тобою существует. И не подобает мне всех глав отсечь голову. Хотела бы сыном тебя иметь, Александр, и с тобою стать всего света царицей. Поэтому успокойся, не так я безумна, как это тебе кажется, чтобы, лишив тебя жизни, весь свет поколебать, ибо весь мир недостойн одного волоса с твоей головы. Но как настоящая мать твоя хочу укорить тебя: больше не ходи, Александр, послом, ибо не знаешь превратностей судьбы. Не следует тебе, всех глав главе, рисковать своею головою, ибо смертью своею весь мир погубишь». Александр поклонился ей и сказал: «Отныне матерью мне будешь, как Олимпиада».

Кандакия поцеловала его и, за руку взяв, повела во двор. В то время прибыл сын ее Дориф, сторожевыми отрядами Александра разбитый; едва сам убежал, а войска своего лишился. И услышав, что Антиох, воевода Александра, послом к его матери пришел, поспешил к ним, намереваясь убить Антиоха. Кандакия, узнав об этом, сказала Дорифу, сыну своему: «Не следует тебе этого делать, ибо Александр брата твоего от беды избавил, жену, дочь и все богатства вернул ему и живого к нам отпустил с почетом, от гибели избавив его, от Евагрида, силурского короля, и посла к нам прислал, любимца своего Антиоха, с любовью к нам и миром. А ты, вместо добра и чести, которые следует нам ему воздать, голову ему отсечь хочешь. Ныне, сын мой, лучше тебе умереть, нежели посла Александра в доме моем убить». Дориф же матери своей не хотел повиноваться, говоря: «Ты одного из людей Александра не даешь мне убить, а он моих людей много тысяч убил. Верь мне, мать моя, что Антиох жив не будет». И это услышала жена Кандавлуса, и, поспешно прибежав к Кандавлусу, сказала: «Знай, что брат твой, Дориф, хочет убить мечом любимого тобою Антиоха». Кандавлус, услышав это, быстро пришел к ним во дворец и увидел там Дорифа, держащего обнаженный меч, и мать, которая держала его за меч, не давая ему убить Александра. Тогда, подбежав, он меч из руки брата выхватил и хотел его им ударить. И начал корить его, говоря: «Недостойный

трус, если храбрым себя считаешь, сам с ним попытай своего счастья; ибо истинно говорю тебе, когда он возьмет меч, то сто таких, как ты, убьет, и противостоять ему не смогут; если храбрым считаешь себя, иди и убей его посреди войска Александра, ибо, убив его здесь, всех нас этим погубишь. Тебя же вся вселенная от Александра не сможет укрыть, ибо Александр, государь его, одним ударом меча убил великого Пора индийского, тестя твоего». Кандакия же внутрь вошла и вывела Александра во двор. Увидев его, Дориф подошел к нему, намереваясь его убить. Александр взялся за свой меч и сказал Дорифу: «Вижу, убить меня хочешь, но знай, что и сам смертью умрешь; не так македонянам смерть страшна, как ты думаешь. А если меня, посла Александра, убьешь и государь мой Александр искать меня придет, где укроешься? Поверь мне, что и в утробе матери, откуда ты вышел, – и там укрыться не сможешь. И если бы Александр, государь мой, знал, что царица Кандакия послов убивает, не послал бы меня к вам, но со всеми силами своими, без посла, пришел бы сюда». Дориф, услышав это, испугался. Кандакия же царица сказала Александру: «Мудрый разумным образом всякий страх сердца мудростью языка покрывает». И вместе с Кандавлусом, сыном своим, Александра за шею обняла и с Дорифом его примирила. И после того как он долго гостил тут, дарами его одарила; и подарила ему царица Кандакия венец свой с камнями и многоценным жемчугом. И тайно сказала ему: «Возьми это, Александр, отнеси дочери моей, своей жене Роксане». И подарила ему перстень с четырьмя камнями, искусно соединенными магнитной силой, и подарила ему оружие из анкитового железа, на аспидовой коже, белого анфарского коня с расшитым жемчугом седлом, подарила ему шлем с орлом, а на груди орла надпись: «Александр, наасарь, великий хонкиарь, всего света государь». И тут, после того как он долго гостил, царица Кандакия, плача, сказала: «Не ходи больше, Александр, послом, ибо не знаешь превратностей судьбы». И, сказав, отпустила его с великой честью, и дань ему за десять лет дала. Он же не захотел взять ее, говоря: «Упрошу Александра не брать ее». Сказала она ему: «Если дань оставишь, поймут мои

сыновья, кто ты. К нам же любовь имей и искреннюю дружбу сохрани». И, сказав это, за шею его обняла, и с плачем ему сказала: «Рада была бы сыном тебя иметь, Александр». И, сказав это, отпустила его. Оба сына ее, Кандавлус и Дориф, проводили его до лагеря. Воины Александра встретили его и, сойдя с коней, поклонились ему. Кандавлусу и Дорифу Александр сказал: «Знайте, что я царь Александр». Они, услышав это, сказали: «Если ты Александр, мы теперь погибли». Александр же, обняв их, сказал: «Вы от меня не умрете, но сохраню вас с любовью и почетом, ибо матери вашей, Клеопиле, я сын, к вам же братские чувства имею». И тут, одарив их, Александр с честью отпустил.

Встретили его воевода Птолемей и Антиох и с плачем сказали: «Зачем, Александр, рискуя жизнью своею, всю вселенную поколебать хочешь; зачем головою своею рискуешь: сам послом ходишь, – бесславно умрешь, а нас, оставив в чужих землях, погубишь. Не будь, Александр, врагом нашим, каким на деле и не являешься; и, покорив весь свет, пойдем теперь в Перейду, и, вернувшись домой, земные владения разделишь между нами, по заслугам и достоинству каждого». И вернувшись к войску, Александр пировал много и веселился с людьми своими.

СКАЗАНИЕ О ВОЗВРАЩЕНИИ АЛЕКСАНДРА В ПЕРСИДУ К ЦАРИЦЕ РОКСАНЕ, И О РАЗДЕЛЕНИИ ИМ ЗЕМЕЛЬ МЕЖДУ ВЕЛЬМОЖАМИ, И О ПРОРОКЕ ИЕРЕМИИ, КОТОРЫЙ ПРЕДСКАЗАЛ ЕМУ СМЕРТЬ

Александр собрал свое войско и направился в Перейду к царице своей Роксане. И, придя в Перейду, устроил тут много празднеств, и земные царства разделил.

Антиоху дал Индийское царство и всю Мерсилонскую и Северскую землю; Филону дал Персидское царство и всю Азию и Киликию; Птоломею дал сладкую прекрасную землю Египет, и Иерусалим, и всю Палестину, и Междуречье Северское, и сладкие Придийские острова; Селевкушу дал Римское царство; Лаомендушу дал Немецкую землю и Парижское царство. И, все это по достоинству разделив, с Роксаною, царицей своею, год провел в радости и веселии.

И оттуда Александр со всем двором своим в Вавилон пошел. И в ту же ночь явился ему пророк Иеремия, говоря: «Иди, чадо Александр, на назначенное тебе место, ныне исполняется сорок лет, Александр, и четырех-составное тело твое должно распасться; от земли взятое в нее же возвращается. Знай, что, обойдя всю землю, отечества своего не увидишь; из рук служащих тебе, от которых ты блага вкушаешь, от них же и яд вкусишь. В Вавилон иди, и раздели войско свое, и земли царства своего раздели и укрепи. И в землю, из которой вышел, вновь в нее войдешь, и в небытии будешь. Ибо нетленная душа будет взята и в неведомое место Божиим промыслом отведется, тело же тленное в тленной земле останется и, рассыпавшись, в небытии будет; в конце же времен от земли вновь восстанет, и тленное существо в нетление облечется, и тут вновь соединится с душою. И когда узнают они друг друга, как некие любящие друзья, часто встречавшиеся, поистине радостно им будет, и весело, и любезно. Так соединятся души с телами. Александр, этому верь, ибо встанут все на Страшном Суде, на великом торжище, где престолы поставят, и сядет Ветхий деньми, судия грозный и нелицеприятный; тысяча тысяч ангелов вокруг него и многоочитые серафимы и шестикрылые херувимы. Тогда всякая душа, облекшаяся в свое тело, на суде возмездие примет, с телом вместе согрешила, с телом же и наказание примет. Тогда сотворившие добрые дела примут жизнь вечную, сотворившие же злые дела муку вечную примут, и тогда конца времен не будет. Тогда ни мужской пол, ни женский родиться не будет, не будет ни красоты, ни уродства, ни возрастов, ни различия в лицах, ни черных, ни белых, ни русых, ни смуглых, но тело в едином естестве будет, сохраняя только то, что причастно ему от времени, креста и разума, прочее же все исчезнет, а душа пребудет вечно бессмертна. Тогда, Александр, всякий человек узнает своих любимых, – не только тех любимых, которых видел, но и тех, о которых слышал, увидит и встретит на этом грозном суде и на этом великом торжище. Там, Александр, узнаешь всех, кого обидел здесь, и тобою обиженные узнают тебя там. Знай, что больше при жизни не увидишь меня, но

увидишь меня там, где предстанут все, от века умершие, на Страшном Суде великого Бога Саваофа». И, сказав это, пророк Иеремия невидим стал.

Александр, пробудившись, в растерянности был и в смятении ума, на постели сидел и плакал горько, об ужасном видении думая. И сердце его было в потрясении, как некий корабль в пучине морской, обуреваемый ветрами и волнами. И, в размышления впав, об ужасном видении думая, на ложе своем сидел и плакал. Филон и Птоломей утром пришли и, застав его плачущим, золотые венцы с голов своих сбросили, землею головы посыпали и подошли к Александру, плача и говоря: «Зачем, Александр, радость на печаль заменяешь, зачем скорби предаешься?» Александр же о видении своем рассказал. Они, услышав удивительный рассказ, ужаснулись и, желая утешить его приятными речами, говорили: «Не следует, Александр, из-за ночных мнимых образов удаляться от разума, ибо сновидения, как нам думается, происходят так: от долгого сна и от излишнего питания увлажняется головной мозг, в котором живет царь сознания – ум; и когда человек долго спит, мозг весьма увлажняется сонной влагой, и ум духовным оком своим смотрит и видит многое, что видел уже и что слышал когда-то, и все это видит в действии. Сновидение, Александр, это зрение души. Тело тленно и наяву видит тленное, видимое, душа же, будучи нетленной, невещественной и мыслимой, все, что хочет и что мыслит, то и видит, и далекое и близкое, ибо ее бытие, где захочет; такой по подобию Божиего образа создана. Ибо Бог присоединил ее к мертвенному телу, чтобы, оживляя его, им управляла, подобно тому, как огонь от ветра разгорается, или как кузнец обрабатывает золото с помощью железа, или как корабль по морским волнам плывет, не сам собою носим, но дующим ветром. Так и тело душою управляется, ею существует и водится и носится, – они как два быка, тянущие вместе плуг до тех пор, пока соединивший их, все промысливший Бог разъединит их. Душа возьмется, а тело останется, душа к нему отойдет, потому что невещественна, а тело к земле, ибо вещественно и тленно. Аристотель же, мудрый учитель твой, Александр, в книгах своих пишет, что соединятся души с теми

телами, вместе с которыми согрешили, когда второе рождение будет, когда мертвые восстанут из гробов. И мудрый Соломон сказал, что души праведных в руке Божьей, грешных же души в тартаре, в геенне мучиться будут, в глубинах земли. Мудрый же Аристотель и великий Платон говорят, что конец мира будет тогда, когда восполнится число отпавших ангелов душами праведников. Это, Александр, и еврейский пророк Иеремия подтверждает, говоря, что это так». И, слыша это, Александр дивился, и, недоумеая, говорил: «Слава тебе, чудный, дивный, непостижимый, невыразимый, непознаваемый и непонимаемый Боже, из небытия в бытие все приведший и благоприятствующий всему своим великим промыслом. Ты небеса создал единым словом,, они же вида своего не изменили, не разрушились, и землю создал, столь огромную, и ее ничем не укрепил, она же ни плодов своих не изменила, ни обычаев; тобою морские волны и многие воды на одном месте стоят и постоянно умножаются, не иссякают, и из пределов своих не выходят, и естества своего не изменяют, но удерживаются силою и колеблются многими ветрами, которые ни образа своего не изменяют, ни благоприятного веяния; и солнечное сияние, когда столько лет прошло, в силе тепла и света не изменилось; и луна, то увеличивающаяся, то убывающая, ни новая, ни старая, порядка своего не изменяет; и тело человеческое ты составил из четырех стихий, и душу божественную к нему присоединил, как некоего наездника, скачущего на четырех, вместе соединенных колесницах; до тех пор пока в равенстве четыре стихии находятся, тело человеческое непоколебимо, когда же из этих четырех составов что-то одно или увеличится, или уменьшится, тогда распадается и от души отделяется тленное человеческое тело. Если же промыслом твоим, Боже, или врачебным искусством снова колесницы те, суть составы, соединятся, тогда тело снова с душою вместе в здравии будет».

И с того дня всегда в недоумении был царь Александр, и, размышляя, говорил себе: «Когда постигнет меня смерть, где будет моя память о себе после моей смерти? Будем ли мы видеть и узнавать, когда души с телами соединятся на великом

торжище?» И много о том думал: «Будет ли воскресение тел или не будет, в то же ли самое тело душа придет или нет?» И с удивлением говорил: «Как могут разделившиеся и распавшиеся кости к прежнему виду вернуться?» И, думая об этом, говорил: «Всемогущий великий Божий промысл все, что создал из небытия в бытие, может восстановить в прежнем бытии». И, о многом подобном думая, говорил: «Сколь велики дела твои, Господи, все премудростию сотворил ты».

И, сказав это, в Вавилон пошел, как человек идет на назначенное ему место смерти. И был тогда царь Александр, государь всего света, о смерти своей думая, безутешен. Когда же достиг Александр поля, называемого Сенар, в земле Авсидийской, где праведный богатый Иов жил, лагерем стал, войско же его на поле расположилось. Вельможи Александра, видя его скорбным и желая печаль его прогнать, на высокую гору его возвели, всему войску велели вооружиться и на поле этом всем вместе собраться. И, глядя на них, сказали Александру: «Царь Александр, сильный господин, зачем скорбью великой заполняешь сердце свое, – видишь, над сколькими людьми тебя Бог царем сделал, и следует тебе веселиться и радоваться». Александр же покачал головой и со слезами сказал: «Видите их, в пятьдесят лет все в землю пойдут». И было тут больше десяти миллионов человек, коней же бесчисленное множество; были тут собраны все народы: индийцы, сирийцы, индийцы, евреи, финикийцы, египтяне, еламиты, халдеи, лидийцы, немцы, греки и иные восточные и западные народы. И тут Александр большой пир для своего войска устроил, и пришли поклониться Александру все правители и князья – от востока до запада и от севера до юга и от моря – с данями за много лет.

В тот же день пришел из Македонии, от матери Александра царицы Олимпиады, наставник его и учитель, Аристотель. Увидев его, Александр весьма обрадовался, за шею его обнял и поцеловал его сердечно, говоря: «Добро пожаловать, многочтимая и бесценная глава; добро пожаловать, неугасимый светильник и наставник всего мира, великий философ и учитель дивный Аристотель; добро пожаловать тот, чья мудрость

удивила эллинов, которому дивились халдеи, искусству которого удивлялись египтяне и мудрые чародеи. Но скажи, удивительный среди людей, любимый мною дидаскал, учитель мой, – как запад живет, жива ли вселюбимая мать моя и любезная царица Олимпиада и что о нас во вселенной слышно. Знают ли люди, что мы, покорив всю землю, до рая дошли, о котором ты в книгах своих пишешь, что он на краю земли, в Эдеме, на востоке; и до рая дошли, и до Макаринских островов в реке Океане, где, как говорят эллинские мудрецы, души людей пребывают. Но там я души ни одной не видел, и, как истинно макаринский князь нам сказал, не там они, а в глубинах земли, в адовых реках, где они ожидают свободы или осуждения от вышнего промысла и великого Бога Саваофа». Слыша это, Аристотель удивлялся и так сказал Александру: «Благодарю Бога, удостоившего меня видеть светлое и прекрасное лицо твое, сильный, славный, дивный среди людей, государь всего света, великий царь Александр. Ибо вселенная всему, что ты совершил, дивилась и обрадовалась весьма великой славе твоей, которою Бог одарил тебя, как ни одного другого человека. Македонская земля радуется, веселится и цветет, как цветок среди земных царств, и Бога непрестанно македоняне молят о тебе, – другого такого не будет у них ни царя, ни господина, как ты, Александр. Знай, что вся вселенная не стоит одного волоса с головы твоей. Госпожа мать твоя ныне в добром здравии и хочет видеть тебя или слышать, мирно в Македонии царствует, то печалась, то радуясь, в страхе всегда и в недоумении пребывает, хочет сподобиться видеть лицо твое светлое. И много просит тебя: “Не оставь меня без внимания в этом, возлюбленный сын мой и милый свет очей моих, но услышь меня, дай насытиться твоею красотой и достойнейшею красою царицы Роксаны. Если тебе в Македонию невозможно прийти к нам, то мы к тебе придем, куда ты велишь, и насыщусь сладким видом твоим, ибо жизнь моя вскоре сменится смертью”».

Этим словам Александр умилился и сказал: «Заслуживает похвалы сын, повинующийся родительскому повелению». И, сказав так, взял Аристотеля за руку и сел пировать. Все же

вельможи его, великие князья и земные государи сели по своему достоинству каждый. А Филона, Птоломея и Селевка за особый стол посадил у подножия царского стола. Аристотеля же, своего учителя, и Лаомендуша, сына Поликратуша, которого он очень любил, около престола своего на шестой ступени посадил рядом с царским столом. В середине пира Аристотель встал и принес Александру и царице дары, которые послала царица Олимпиада, его мать. Принес два венца, один Александру, другой Роксане, с жемчугом и многоценными камнями; двух коней белых, оседланных слоновыми седлами с камнями, золотом и серебром; и сто тысяч коней тучных, и царскую кучму с жемчугом и многоценными камнями; и тысячу щитов, обтянутых львиной кожей; и четыре слоновых бивня, и два драгоценных перстня, и попону для коня из крокодиловой кожи с жемчугом и многоценными камнями, и сто золотых блюд настольных, и письмо: «Всесладкий, вселюбезный, милый свет очей моих, сын Александр, царь всего света, вселюбезная и желающая видеть тебя мать твоя Олимпиада пишу тебе. Знай, что с тех пор, как не вижу тебя больше в Македонии, – с того времени сердце мое и душа воют во мне и примирить их не могу, но всегда со слезами им внимаю, думая о нашей разлуке, сын мой; все царские богатства и золото – ничто для меня, когда думаю о твоём отсутствии. Не так я немилостива, как ты думаешь. И если можешь, к нам в Македонию приди, если же невозможно, мы к тебе придем, и насыщусь всесладким видом твоим, ибо жизнь моя вскоре сменится смертью».

И когда кончился пир, некто из вельмож Александра сказал ему: «Царь Александр, следует тебе с земель большие дани брать». Александр же ему ответил: «Не люблю садовника, который с корнем растение вырывает» .

И тут на пиру Александр увидел некоего перса из своих вельмож, уже очень старого, который бороду свою красил, чтобы казаться молодым. И сказал ему: «Любимый и милый Кансир, если может быть польза тебе от краски, крась колени ног своих, чтобы они укрепились; если ты краской старость укрепляешь, то не говорю тебе, чтобы ты не красился, но краска

тебя не изменит и ты, считая себя молодым, от старости неожиданно умрешь». И вельможи его этому много смеялись.

И другой был вельможа у Александра, звали его Александром, но был он очень труслив, всего боялся и с битв убегал. И Александр сказал ему: «Послушай, либо имя измени, либо нрав; мое имя тобою позорится».

В тот же день к Александру привели три тысячи разбойников, и сказали ему вельможи, чтобы он повесил их всех. Он же им сказал: «Поскольку они меня увидели, то ни один из них не умрет; ибо судьям дано убивать, царю же дано миловать». И сделал их Александр своими охотниками.

И в тот день привели к Александру человека, индийца, столь славного стрелка, что, как говорили, он сквозь перстень стрелою попадал. И Александр велел ему стрелять. А он не захотел. И тот вновь ему приказал, он же опять не стал. Александр велел ему отсечь голову. Когда же повели его, то спросили: «Зачем ты жизнь свою отдаешь за один выстрел?» Он же сказал им: «Десять дней, как за лук я не брался и боюсь, что перед ним промахнусь и славу мою погублю». Услышав это, Александр похвалил его и с честью отпустил, потому что он предпочел умереть, чем славу свою погубить.

И тут к Александру некий воин подошел и сказал: «Великий царь Александр, дочь у меня есть и сейчас выдать замуж ее хочу, помоги мне». Александр велел дать ему тысячу талантов золота, а он сказал: «Это много, царь Александр». Александр же ответил: «Царский дар великой чести требует».

И тут Александр учителя своего Аристотеля одарил, венец дал ему и многоценное одеяние великого индийского царя Пора, десять тысяч талантов золота, десять мер крупного жемчуга, и в Македонию его послал, велел ему привести свою мать, царицу Олимпиаду, к себе, в свой лагерь, в Египте, в Палестинской земле. Сам же там вместе с царицей Роксаной остался.

И тут к Александру некий человек пришел и сказал ему: «Царь Александр, несколько дней тому назад, когда я ловил рыбу в реке Тигр, огромные сокровища нашел, золото; если хочешь, пойд и возьми, потому что много его». Александр же сказал ему: «Все золото в руках Божиих, если бы хотел Бог, то

мне бы его открыл, но поскольку тебе показал, то иди и возьми его сам». Тот ответил Александру: «Сколько нужно было, взял из него, остальное возьми ты, царь. Его так много, что два дня и две ночи я носил сколько хотел, и мне больше не нужно». Александр удивился этому, и, сев на коня, к тому месту поехал, и, видя множество золота, сказал: «Наверное, это золото из сокровищ Дария». И велел своему войску брать его; и так много его было, что все брали сколько хотели, и Александру сто мер от него осталось.

И когда это было, царица Олимпиада, мать царя Александра, из Македонии пришла. Александр всех царей и вельмож собрал и все свое войско привел в порядок, коней под жемчужными седлами с золотом приготовил, которых вели на поводу, трубы, органы, тимпаны псалтырные и все музыкальные инструменты, как подобало, приготовил и колесницу, украшенную золотом, жемчугом и камнями, навстречу матери своей послал. Прежде себя царицу Роксану отправил и тысячу вельмож с нею. Увидев все это, Олимпиада возрадовалась и, глядя на Роксану, дивилась ее красоте и необыкновенному уму; и, сладко целовав ее и к сердцу своему прижав, сказала: «Благодарю тебя, Боже, за то, что дал Александру достойную его жену. Рада увидеть тебя, сердце мое, душа и милый свет очей моих, вселюбезная дочь моя Роксана». Роксана же ей сказала: «Добро пожаловать, великая и светлая царица всего света, государя моего мать, мне же госпожа, царица Олимпиада». И сели они на колесницу и поехали. Александр встретил их чудесным и дивным образом, со всеми своими воинами и вельможами, – все они были на великих конях и каждый вельможа ехал перед своим полком в царском венце и на золотой колеснице. Александр же ехал в окружении македонских воинов на великом коне в финикийском одеянии, на голове его была персидская кучма со страусовыми перьями, на кучме венец Клитевры, мазаньской царицы. Когда же они сблизились, обе царицы сошли и, встав на ковры, которые по полю тому были расстелены, ждали Александра. Александр далеко от них с коня на землю сошел и с вельможами своими к матери подошел пешком. Мать, увидев его, за шею его

обхватила и, сладко целуя, сказала: «Рада видеть тебя, сын и всего света господин, царь Александр». И, после того как она это сказала, они пошли в дивный и прекрасный лагерь. Когда к нему подъехали, то полки разделились и рядом с ними с обеих сторон шли. И все трубы псалмовные затрубили, зазвучали органы, и прасковицы, и различные свирели; и не было слышно ни единого голоса из-за звучания труб и конского топота. Так они в лагерь прибыли. Вельможи согласно их достоинству сели. Александр же сел на великом своем золотом престоле, по правую сторону от него села его мать Олимпиада, по левую сторону села Роксана, жена его; и тут они много веселились. Александр стал рассказывать о всех великих битвах, которые были у него с Дарием, персидским царем, и прочими восточными и западными царями. Слыша это, царица Олимпиада дивилась. И велел он затрубить в трубы, которые называются сирини намелии. А эти инструменты три тысячи звуков имеют, все голоса различны – густые и тонкие, высокие и низкие, и столь печально звучат они и сладко, что дивится им всякий человеческий разум. И тут веселился много царь Александр с царицею Олимпиадой, матерью своею, и с царицею Роксаной, и встали они затем с престола, и в шатры свои разошлись.

В один из дней велел Александр молодым витязям сражаться; в другой день из лука стрелять; в иные же дни в некую игру играли, которая называется каруха, дивна она и чудна.

Тогда к Александру подошли два витязя-македонянина, которых Александр очень любил, смолodu они у него были; братья же родные были они, мать их в Македонии была, и много лет они ее не видели. Она же их часто просила и писала, чтобы пришли к ней в Македонию и она увидела бы их. Они, из-за любви к ним Александра, покинуть его не могли и много лет к матери своей не приходили. Мать же их, видя, что из верности Александру они не оставят его, совершила достойное удивления и великой повести. Отравный яд искусно смешала со сладостью, что называется рефне, и, приготовив его, сыновьям своим послала вместе с письмом: «Сладкие сыны мои, милые,

прекрасные Левкодуш и Врионуш, любимая ваша мать Менерва, пишу вам приветствие. Хорошо знаете, сыновья мои, что вот уже двадцать лет лиц ваших не видела и вы меня не видели; много писала вам, желая вас видеть, вы же всегда говорите: “Александра оставить мы не можем”. Знайте, сыновья мои, что всякая слава и богатства среди своих почтенны и милы, когда же вы среди чужих находитесь, ваше золото мертвым лежит. И клятвою заклинаю вас, молоком, которым вскормила вас, – придите и увидите со мною. Если же Александр не отпустит вас, посылаю вам сладость рефне и Александру вкусить ее дайте, когда же он ее вкусит, тотчас отпустит вас». Левкодуш и Врионуш письмо своей матери прочли, Левкодуш мать укорил и посмеялся, а Врионуш зелье взял и сохранил. Левкодуш сказал ему: «Не думай об этом, нет в нем никакой пользы». Был Левкодуш конюшим у царя Александра, а Врионуш чашу подавал царю Александру. Врионуш лукавство в сердце своем имел, ибо просил он у Александра Македонское царство много раз; Александр же сказал ему: «Всю вселенную отдам, Македонию же никому не дам, до конца жизни буду владеть ею сам, по смерти же моей пусть владеет ею тот, кому Бог даст счастье Александра, крепкую десницу и острый меч». Поэтому Врионуш, на Александра злобу имея, зелье это хотел Александру дать. Но посмотрел на прекрасное лицо его и не дал, и держал его шесть лет, не в состоянии Александра отравить, и не давал ему это сделать брат его, Левкодуш, укорявший его, говоря: «Бойся Бога, человек, не убивай мужа дивного и чудного, мудрости которого эллины удивлялись, храбрости которого персы и индийцы изумились, от него потряслась вся земля под солнцем, восточная, западная, южная, северная, которого испугались все морские острова. Если его погубишь, брат, то весь свет смертью его низвергнешь и сам бесславно умрешь». И хотел Левкодуш Александру сказать об этом, но Александр бы ему не поверил, потому что Врионуша любил весьма. И воеводе Птолемею сказать хотел, но подумал: «Если брата моего убьют, то и меня с ним убьют». И Врионуша часто корил. А тот его не слушал,

ибо хорошо сказано: «Если в неразумное сердце терние войдет, то быстро не выйдет».

Ибо от начала из-за коварных жен совершались злодеяния, – так в древности из-за Евы райской пищи лишились, мудрый среди людей Соломон из-за жены коварной в ад последовал, сильного Самсона великого женское коварство одолело, и Иосиф прекрасный от коварной жены много претерпел. И великого Александра, македонского царя, коварство женское настигло.

В один из дней Александр устроил большой пир для своих вельмож и воинов. В тот же день дары с Востока ему принесли. И на этом пиру он весьма веселился. У Александра была самотворная чаша из камня андракса, дивная и многоценная, из нее всегда пил Александр. В этот раз выпив из той чаши, он передал ее жене своей Роксане. Врионуш неосторожно эту чашу обратно Александру нес и выронил ее из рук, и разбилась чаша. Александр из-за этого рассердился и Врионуша немного побранил. Врионуш за это зло в себе затаил и в сердце хранил, безумный, против своего благодетеля, и хотел его тут же отравить, но не дал брат его, Левкодуш. Столь коварен был, горделив и злопамятен Врионуш, что думал в себе: «Если Александра отравлю, царем всего света буду».

В тот день пришли к Александру из Иерусалима евреи, принесли ему большой шатер и сказали, что пророк Иеремия умер. Александр, услышав это, опечалился немало.

В тот же день пришли к нему мужи многие из города, который он создал, из Александрии, и сказали Александру: «Царь Александр, в городе, который ты создал, в Александрии, никак не можем жить». Александр спросил: «Отчего?» Они же ему ответили: «Огромный змей из египетской реки выходит и кусает людей, и они от яда умирают». Александр сказал им: «Идите в Иерусалим, и возьмите кости еврейского пророка Иеремии, и в городе своем их положите, ибо его молитва от змеиного яда исцеляет». Они пошли и сделали это, и с того времени и доныне змей в Александрии людей не кусает.

И в тот же день некая жена к Александру пришла и сказала ему: «Царь Александр, муж мой сердится на меня и бранит

меня много». Александр ответил: «Всякой жене глава муж ее, мне же не дано судить жену перед мужем». Она же хотела вынудить Александра, чтобы он ее мужа убил, и сказала: «Царь Александр, меня он убьет, тебе же неверен». Александр ей отвечал: «Не дано тебе судить мужа, в царстве моем жены пусть не судят мужей, ибо горе тому человеку, которым жена владеет; горе той земле, в которой жена царствует; горе тем людям, которыми жена владеет, ибо жена для одной цели Богом создана – для рождения детей; и жена мужу подвластна». И, сказав это, язык ей велел урезать.

В тот же день подошли к Александру двореуправители, и Дандуш – весьма любимый Александром, верный ему, невелик был телом, но весьма храбр и хороший воин – сказал Александру: «Великий государь, царь Александр, следует вельможам твоим увидеть свои дома, потому что много лет прошло с тех пор, как из своих домов ушли». Тут Александр велел дары многоценные принести и одарить вельмож царскими венцами многоценными, и диадемами, и царскими одеяниями, индийскими и персидскими конями, и огромное множество золота и жемчуга раздал. И велел всем в свои царства отправляться. Сам же с матерью своею, и с женою своею, и со свободными витязями в Витальские горы охотиться пошел.

В тот же день Врионуш к Александру пришел и сказал: «Царь Александр, дай мне Македонское царство». Александр ответил ему: «Любимый мой Врионуш, я всего света царь, но люди македонским царем меня называют; возьми себе Ливию, и всю Киликию, и великую Антиохию». Этого Врионуш не захотел, но подумал: «Если Александр умрет, всего света царем буду». И, растворив яд, дал его Александру. Александр вкусил его, и тотчас стал холоден, как камень, и понял, что он отравлен, и сказал: «Любимый и милый врач Филипп, знай, что со сладким вином вкусил я горький яд». Филипп, услышав это, венец с головы сбросил и теплой настойки с терьяком дал выпить Александру. Услышал об этом брат Врионуша Левкодуш и, чтобы смерть Александра не видеть, бросился на меч. Александр же врача своего Филиппа спросил: «Можешь ли ты от смерти меня избавить, Филипп?» Филипп сказал, плача: «О

всего света царь, там, где хочет Бог, побеждается чин естества, мне же невозможно помочь тебе, потому что холод яда преодолевает тепло твоего сердца. Могу помочь тебе только так: три дня будешь жить, пока не распорядишься всеми царствами своими земными». Услышал это Александр, головою покачал и сказал со слезами: «О суетная слава человеческая, как ненадолго приходишь и как быстро исчезаешь. Хорошо сказано: “Нет на земле радости, которая не заменится печалью, ни славы, которая не пройдет”. О земля, и солнце, и твари, оплачьте сегодня меня, ненадолго на свет появился и рано под землю ухожу. О земля, мать моя, прекрасно людей вскармливает и неожиданно к себе берешь. О изменчивое человеческое счастье, как мне ласково улыбнулось и неожиданно опять к земле меня отсылаешь. Всесильные, всемогущие, любимые мои македоняне, если возможно вам от смерти меня избавить сейчас, чтобы с вами всегда был, сражайтесь со смертью ныне за меня, похитить меня от вас пришла она». Услышали это македоняне и с плачем великим Александру говорили: «Царь Александр, сильный государь, если возможно было бы у смерти выкупить тебя нашей жизнью, все бы отдали жизнь за тебя, но это невозможно. Славно ты пожил на земле, и смерть твоя почтеннее, чем чья-либо жизнь. Иди, Александр, иди в назначенное тебе место; на земле славно царствовал ты и там рай унаследуешь».

Филипп же, врач Александра, мула живого рассек и в него посадил Александра. И Александр всеми царствами земными и великими государствами распорядился, и всех князей и правителей по их достоинству распределил. Олимпиаду, свою мать, и царицу Роксану взяв и призвав Филона и Птолемея, сказал: «Любимые мои, родные братья, Филон и Птоломей, жену свою и мать передаю вам, чтобы, помня о моей сердечной любви, вы их в почете до смерти оберегали; и о Македонском царстве позаботьтесь. Тело мое положите в Александрии; меня увидите вновь, когда мертвые из гробов восстанут. Но знайте, что в последние времена персы будут владеть Македонией, как мы сейчас персами». И, сказав это, Александр Роксану за руку взял и сладко ее поцеловал, говоря: «О Дариева дочь, милый

свет очей моих, всего света царица Роксана, знаешь ли, что с тех пор, как любовь соединила меня с тобою, явил я тебе столько доказательств сердечной склонности, сколько ни один муж своей жене не являл, и ты явила мне любовь и честь мою верно сохранила, как ни одна жена своему мужу. Знай, что ныне наша любовь расторгается, ибо ухожу в ад, откуда нет возврата. Оставайся с Богом, милая моя любовь». И, сказав это, Александр поцеловал ее и отпустил. И вельмож для прощания призвал, и всех их целовал, и с плачем сказал им: «Любимые мои, милые македонские витязи и все другие народы, второго Александра вы не найдете». И добавил: «Приведите ко мне великого коня моего, Дучипала». Дучипал, увидев умирающего Александра, печально заржал и, бия ногами землю, облобызал постель Александра. Александр за гриву его схватил и сказал: «Милый мой Дучипал, второй Александр на тебя не сядет». И тут Александр того Врионуша увидел и сказал ему: «Милый мой, любимый Врионуш, не знаешь разве, сколько блага я тебе сделал, – зачем злом за добро воздал мне, зачем отравным ядом напоил меня. Да будет проклят тот господин, который убийцу государя щадит, проклят тот, кто грешника щадит, проклят тот господин, который сдавшего город щадит, но пусть убьет злого, чтобы зло прекратилось». Тут Дучипал вскочил, и схватил Врионуша зубами за горло, и, к земле его прижав, ногами до смерти забил. Александр увидел это и сказал: «Пей, брат Врионуш, из той чаши, что передал мне». Птоломей же рассек его тело и псам велел бросить. Александр на правителей и на вельмож посмотрел и сказал: «Мои любимые, милые, великие цари всего света, вельможи и все витязи, всю вселенную покорили мы, богатые и необитаемые земли, и до рая дошли, где был Адам, праотец наш; я все прекрасное, что есть на земле, видел – и высоту неба узнал, и глубину моря исследовал, но не смог избежать жестокого серпа смерти. Вы же, видя меня умирающим, помочь мне хотите, но не можете. И пойду я туда, где все от века умершие пребывают, вы же оставайтесь с Богом, меня до смерти своей вспоминая; и увижусь с вами тогда, когда мертвые из гробов восстанут на том Страшном Суде и на великом торжище». И, сказав это, умер

Александр, в земле, называемой Гесем, в стране Халдейской, около Египта, в Междуречий Северском на реке Ниле, на том месте, где Иосиф Прекрасный семь житниц сделал фараону-царю.

И такой плач и такая печаль тут были, каких никто нигде не видел и не слышал. И вельможи, взяв тело его, в Александрию принесли. Плакала мать его, царица Олимпиада, и царица Роксана, и цари, и вельможи, и все князья земные, и жены, и дети, и бессловесные животные. Царица Роксана многоценное одеяние на себе разорвала до земли и, распустив волосы, с плачем печально к Александру как к живому обратилась: «Александр, всего света царь, сильный господин и государь, разве враг ты мне, что в чужой земле меня оставил? Сам же как солнце с солнцем зашел под землю. О земля, и солнце, и горы, и холмы, плачьте со мною сегодня, лейте слезы, очи мои, как источник слезный, пока не наполните озера и пока не напоите горькую гору полынную, столь ядовитую для меня». И, сказав это, велела всем выйти, сама же около Александра села, поцеловала его, как живого, и сказала: «Царь Александр, македонское солнце, даже если мне придется с тобою вместе умереть, с тобою не разлучусь». И, сказав это, меч Александра взяла, и, бросившись на него, окончила жизнь свою. Птоломей и Филон большой и высокий столп сделали посреди города Александрии, и на нем поставили золотой ковчег, и в нем положили тела Александра и царицы Роксаны, там он и доныне стоит. Вельможи, цари и все остальные разошлись в земли свои. Александрийское же царство Птоломею досталось. Аминь.

* * *

ПОВЕСТЬ И СКАЗАНИЕ ИЗВѢСТНО САМОДЕРЖЦА, ЦАРЯ ВЕЛИКИЯ МАКЕДОНИЯ, И НАКАЗАНИЕ КО ХРАБРЫМЪ НЫНѢШНЯГО ВРЕМЕНИ. ЧЮДНО ПОСЛУШАТИ, АЩЕ КТО ХОЩЕТЪ

К воинъством устремляющесе полезно и честно слышати добродѣтелна и велеумна мужа Александра, великаго царя македонскаго, како и откуда бысть и како и отколе прииде, и сих ради добродѣтелей всей подсолнечной царь и самодержецъ назвася. Подобае же сего чтущимъ разумѣти, и

разумевающимъ сего воинствомъ и добродѣтелемъ уподобитися и смысла да разумѣти елицы.

Бысть же великое Божие промышление создавши собѣ храмъ и сего седмъ утвердивша столпъ.¹ И в пять тысячъ сего стояния, царствующу великаго Рима Таркинию царю,² начальствующу же израильтескими людьми и еврейскому господству от архиерей Иеремѣю пророку,³ господствующу восточнымъ странамъ Криксу сыну, Дарию,⁴ обдержашу Индию, Египтомъ же великимъ обладающу Нектанаву⁵ волхву, царю сущу, тогда Ридийскимъ странамъ⁶ и Македоньской земли и Еладцкими отоки обладающу Филипу, греку сущу и еллину. Родися ему сынъ тогда, и нарече имя ему Александръ, по греческому языку «избранне мужъ».⁷ Избранъ сей и младъ и красенъ, смиренъ же и благообразенъ ко всѣмъ зрящимъ его. Сеи же ни есть от телеснаго утворения, но о всемъ виновнаго благимъ великаго Божия промысла. Помагающе же симъ имяше естественое добродѣтелей суть си: непотворно и во языке же непоколебимо имать, имания же вся яко тлѣнная и мимотекущая вменяше, долготерпелив же к согрешающимъ безмѣрно. Сими же четырьми добродѣтелми четверемъ вселеньскимъ концемъ царь и самодержецъ назвася. Елико невозможно есть в книзе сей написати, ни на сердце челоуку не възде, ни во умъ челоуку неподатливу не внидетъ. Александровы добродѣтели, душевныя и телесныя, преди рекоша.

Повесть начнемъ о рождении его и о храбрости его. Глаголюще бо быти его сына царя Филипа. Но нѣсть тако, занеже лжа, но египецкаго царя Нектава, великаго волхва, сынъ и Олимпияды, жены Филиповы. Случи же ся сице. Нектанавъ, царь египетцкый, волшебною хитростию и звездочетию египетскимъ украшенъ зело. Не бранми, ни ратьми, ни вои, ни оружиемъ противляхуся, но помощницу собѣ имѣя волшебную хитрость, с сею всѣмъ противляся градомъ. Его бо о семъ вси околнии царие недооумѣющесе и стужившесе, совѣтъ сотвориша, глаголюще: «Что сотворимъ лукавому и волшебному сему египецкому князю? Вся бо благая земли наша богатства волшебнымъ ухищрениемъ возьмъ и к своей

земли приложи. Мы же сихъ стражуще недоумеваемъ. Но к тому не терпимъ лукаваго сего Аркуса, но вкупе вси собравшеся, на землю египецкую вси устремимся, и Нектанаву из царства изгонимъ, и благая своя опять собѣ приимемъ, бесплодну бо ему и без наслѣдія, лукаву бо ему и страшливу, и сама та супротивитца ему египецкая земля». Бяху бо совещавшеся язѣцы на Нектанаву: перси, ивери, арапи, кияне и ефиопи, еглаги⁸ и инии восточнии цари и язѣцы мнози.

Сихъ египецкии краишници видевъ Верверехъ⁹ многое множество неисчетно, восплакався рече: «О горе тобѣ во градехъ великий Египте! До небесъ вознесеся и до ада снидеши! Руки бо твои быша на всѣхъ и ныне же руки всѣхъ на тобѣ! Сладости бо насытився медовныя, горкаго достигль еси яда вкусити!» И тако к Нектанаву устремися. И притекъ, о нашествии ему возвестивъ неисчетное восточнымъ войскомъ. Приступив же к нему рече: «Вѣдомо да ти есть, о царю, яко смертию изменяеши живот свой днесъ. Дарий же, перский царь, иже мнитца богомъ, на межу земля твоя прииде со всѣми восточными цари, и ранами ранити имает тебе ради Египетъ. Да совокупи и ты вся воя на брань и прямо имъ устремимся. Ничтоже бо имать успѣти силнеи воисце и храбрымъ витяземъ волшебная чародѣйства; царь на царя, мужъ на мужа, конь на коня обои честь с помощника имуще. Царьство множествомъ людей состоится, якоже море со своими волнами, и тако страшно плавающимъ является». Сие же Вервереху к Нектанаву рекшу, посмеявся царь, рече ему: «Ты оубо вѣрную ти службу совершилъ еси. Рать бо множествомъ людей не бывает. но добрыми и храбрыми сердцы. Многажды бо левъ единъ множество стадъ еленей разганяетъ, адинаго волка напрасное скочение многа стада овецъ разгонитъ. Ты оубо на отреченную ти работу отъиди и тѣхъ часто исходи и ко мнѣ вѣсти подавай». И сие рекъ, Верверегу посла.

Сам же книги расписа по всѣмъ градомъ и странахъ египецкихъ, готовитися повелѣ и всѣмъ на брань быти и за землю, и за отчину и за царство битися. Но идѣже Богъ не хочетъ, человекъ ничтоже можетъ. Царь же в полату вниде волшебную, леканомандию¹⁰ терти начат волшебную и златую

лоханъ воды наливъ, от *воска* две рати в водѣ сотворивъ, и виде въ свою рать побиваему от перские рати, боги же египецкие виде в корабли варварскимъ вводящи войску ... во Египетъ, в недооумѣние впаде и восплакався рече: «О горе тебѣ Египте! На многия лѣта прославися вкупѣ со царемъ своимъ и во едино лѣто погibe! Нѣсть бо радости, иже не преложится на жалость, ни слава на землѣ, иже в малѣ являетъ, а вскоре погибаетъ». Добре рече: «Надѣющеся волшебной хитрости, подобни суть насланяющимся на воду – егда же опрется, тогда и погрузится и безчестие имая в себѣ». Царь же Нектанавъ, быти ему во Египте, не могъ с тѣми братися, жалостию и срамотою объять бывъ. Браду же и главу остригъ, в полунощи же изъ царскихъ домовъ изыде, в далний в Филипус, в Македонскій градъ,¹¹ доиде. Никому же его не знающе, сѣде же ту нѣ в коемъ мѣсте скровнемъ, врач¹² же сказовашеся быти и мастер хитрый от египетскихъ звездочетѣцъ суще.

Египтяне же о нашедшей на нихъ рати пострадаша много, ко дворомъ царя своего Нектанава притекоша, и сего не обрѣтше, и восплакашася горко. Писание же обретоша на одрѣ его, глаголюще сие: «Любимый мой Египте, зла вашего не могу терпѣти и во ину страну отъидох и по тридесятихъ лѣтахъ паки прииду к вамъ». Сие же написание обрѣтше, египтяне же Нектанава измолевавше во златѣ, на столпѣ высоце средѣ града Египта поставиша, вручивше ему писание оно, на главу же ему венецъ златъ наложиша. Сами же к Пасидону¹³ потекоша, богу своему, моляхуся о Нектанавѣ вопрошаху его. Он же во снѣ явлься имъ и рече: «По тридесятихъ лѣтахъ имать приити и меч неуломленъ десницы перской имать приити и заступити и враги ваша перси покорити под ноги ваша».

В Македонии же бывъ великъ Нектанавъ и от македонянъ мняшеся быти великъ врачъ нарицашеся и волхвъ от нихъ.

Царь же македонскій Филипъ имяше жену именемъ Алимпияду. И многою скорбию смущаше царскую славу и богатство, понеже бесплодна, не имущи отрочати, красна же бѣ зело. И зряше Филипъ, мужъ ея, неплодну, раскидашеся союзъ любви, еже к ней имѣаше. Отходящу же ему на путь, в сердости призва ю и рече ей: «О милыи свѣте очию моею и душе моя,

Алимпиядо, яко аще до возвращения моего не будет ти отрочатъ, некому очи мои узриши, ни на перси мои любезно возлежешъ». И сие рекъ ей, отъиде на войну.

Алимпияда же в скорби и в тузѣ оставши, недоумѣючи, что сотворити. Едина же от отроковицъ ея, видящи ю, яко неплодства ради скорбитъ, рече ко Алимпияде: «Царице, есть во граде нашемъ человекъ египтянинъ, хитръ мужъ дѣломъ и словомъ, егоже возможно мню быти, вся прошения сердца твоего совершит ти, точию аще виде тя повелиши». Она же се слышавши, вскоре повелѣ ей призвати его. И пришедшу ему, рече царица к Нектанаву: «О человекъ египтянине, истинна ли есть слышания о тебѣ, яко можеша хитростию своею разрешити союзу утробы моея неплодство и сильному царю Филипу сердце утвердити и любовь своей и безмѣрную жалость на радость претворити. И возмездия от мене благая примеша и от македонянъ великъ назовешися». Нектанав же сие видевъ и неизреченному сиянию доброте лица ея дивися и очима на ню взирая и главою покивая стоящи. Она же, помышляючи, един ако хотяше вещати, к нему рече: «Что ми труды даеши, человекъ? Аще сия умѣеши, дѣйствуй, не ликуй». Он же приразився добротою лица ея, устрелен бысть любовию сердца ея. Волховный же чародѣй бысть и ко царицы рече: «Видѣ боги с тобою хотятъ быти, царице, Амона, и Пинеса, и Неркулия¹⁴ великаго. Да аще сему вход сотвориши, мати великаго царя наречеши себе». Се же слышавши царица возрадовася зело прелестнымъ и волховнымъ его рѣчемъ, яко да чадомъ мати назовешися чаючи. Рече ей близъ полаты цареvy клѣтъ сотворити ей малу повелѣ – яко да к ней бога Амона призоветъ.

Сей же прелести бывши, видевъ подобну жену Нектанавъ, лестно бо есть ко всякому падению превращати жены. И самъ вниде к ней Нектанавъ во образе Амона. Таков же образъ Амоновъ: глава орля и на ней роги василисковы и опашия аспидова¹⁵ и ноги аспидовы и лвовы, крила же грипсовы злати и черни. Сицевъ образъ Амонов. Вниде же к ней с мечтаниемъ и пребывъ с нею и паки изыде с мечтаниемъ.

Сею прелестию прелстившися Олимпияда и страхъ сущи в сердцахъ взявши, въ царскихъ домехъ живетъ. Нектанавъ же

приступивъ къ царицы рече ей: «Блажена еси ты в женахъ, Олимпиядо, вселенней царя во чреве прияла еси. Внегда же время рождения твоего придетъ, тогда призови мене к собѣ – елика ти реку, то и сотвори».

Часу же рождения приспѣвшу, приступивъ Нектанавъ къ царицы рече: «Подержи в собѣ, царице, не роди, Дѳндеже благорастворенъ час приидетъ, аще бо в сий час родиши, то раба родиши непотребна челоуѣкомъ. Но мало пождавши родиши, Дѳндеже небесныя планиты стануть на ставу, и стихия уставятся, и тогда царя царемъ породishi и велеумна челоуѣка, великаго Александра».

Месяца марта въ 12 день в час девятый рождѣшуся отрочати и излѣзшу паки на свѣтъ, и проплакавъ и рече: «В четыредесятое лѣто паки возвращуся к тобѣ, мати!» Олимпияда же, взявши отроча, ко Дафенеону Аполону¹⁶ отнесе в церковь, и от того отрочищу благословитися моляшеся. И от книгочина Аполоновых и волхвовъ искаше увѣдати, каково убо отроча сие хощетъ быти. Волшебною хитростию сии к мудрымъ являшеся Нектанавъ и рече сице, яко отроча сие всей подсолнечной будетъ царь и благостию, и разумомъ, и мудростию великъ явлься. Отца же своего убивъ, по четыредесятому лѣту возвратится к матери своей, к земли.

Филипу же на войсце ему сущу, брани ему тамо много сотворшу и паки к макидоняномъ возвращающуся, явился ему богъ его Амон во сне во образе льва рогомъ златымъ, на немъ руку Александрову нося, глаголя: «Радуйся и веселися, царю Филипе, яко супостата своего победил, а сына Александра повилъ еси, великого нарочита царя суща». Филипъ же от сна возбудився, о видѣнии размышляше, сего к Менадру и Аристотелю исповѣдуетъ, двема македонскома философома. И в той часъ орелъ великъ летѣлъ чересъ шатер царя Филипа, яйце напрасно испусти на крыло Филипово. Филип же ужасесе, с постели своя скочивъ, и яйце на землю спадше и разбившуся яйцу, змея из него изыде, на вратех же умре. Ту же прилучися премудрый Аристотель и рече: «Поистине, царю Филипе, истинно видел еси в ночь сию».

И в той часъ вѣстницы от Македония приидоша ко царю Филипу и дары ему красны от Алимпияды принесоша, о отрочати возвестиша рождениемъ. Филип же вскоре в Македонию прииде и радости велии исполнився о рождении отрочати. Пришедшу же Филипу во свой градъ, отрочати же его стрѣтшу, о семъ царь любезно возрадовася и вселюбезно его приим и целоваше его радуяся, глаголя: «Радуйся, второй прекрасный Иосифе, второй храбрый Целюшу,¹⁷ днесъ бо ми даръ свершенъ от Бога исходитъ. Аще ми в сий часъ умрети, обаче смерти не вменю, родив чадо». И потомъ царь Филипъ призвавъ великаго Аристотеля, мужа искусна и украшенна всякою философскою хитростию и словом и дѣломъ: «Сего отрока, даннаго мнѣ от Бога, возьмъ, научи Омировым¹⁸ писменомъ и прочимъ словеснымъ хитростемъ».

Александръ же упражняшеся на учения, «Илияду» и «Очисяю» всю за год изучи и «Органъ великий»¹⁹ за другии годъ изучивъ. О семъ возненавидѣша его подобнии ему отроцы. Всякая зависть и ненависть почитати добродѣтель и всякому добру нарочиту послѣдует ненависть велика. Рекоша ему отроцы и яко: «Аще бы к Нектанаву волѣхву пошелъ бы ты, и онъ бы тебе научил небеснаго круга хождению и часовныхъ хождений хитрости преступленія». Сия же слышавъ Александръ, к матери своей рече: «Аще хочещи мене научити, мати, египетцкому мудрецу Нектанаву предай мене на учение. Слышах искусна сущи мастера небесныхъ звѣздъ подвигомъ». Скоро по мастера посла Алимпияда, Александра же предасть ему на учение, рече к нему: «Научи его, мастере, своей хитрости». Тайно рече к нему: «Предай, Нектанаве, своему от своих си. Богатство всяко славно есть, такожде и мудрость похвална есть, аще к требующимъ подѣлуется». Сие же слышавъ отецъ его Филипъ рече: «Поистине отрокъ сей есть от небеснаго промысла, понеже небесная вещает учения». Нектанав же научи его всей египетцкой хитрости.

Во единъ же от дни в мудрыхъ Аристотель, четыреста дѣтей собравъ, сверстницы Александру, и хотяше нарокъ испытати Александровъ. И перед двема стома Александра постави и Птоломѣя,²⁰ нѣкоего уношу, сына суща великаго воеводы

Филипова. Филипъ повелѣ во гритъ²¹ нарядитися, и сразившимся двема стома дѣтей и бѣ видети зело украшено и, взявше мѣста, предержаху, имже рать творяху; егда же кого окровавляху, и яко побеженъ из боя исхожаше. Александръ же паче всѣхъ преспеваше, супротивныхъ добывъ; от всѣхъ детей прославленъ бысть яко царь. И видѣвъ сие, даскаль его чюдный Аристотель дивляшеся, глаголя: «Благочестиву мужу Богъ помогает и врази ему не злобствуютъ. Злочестиву мужу ни ближнии его друзи не могутъ». К нему же рече Аристотель: «Господине Александре, аще царь наречешися земный, что мнѣ добро сотвориши, дидакалу своему?» Он же рече к нему: «Велеумну мужу не подобаетъ прежде данія обѣщаватися. Да аще вознесуся, ты со мною великъ будеши зѣло: лоза бо не прилепляется далнихъ древъ, аще высока суть, но ближнихъ прилепляетца, аще и мала суть. Такожеде и царь, великия власти по достоянію, присныхъ же вѣрует и любитъ во вѣки».

Обычай же бѣ Александру до обѣда ко Аристотелю ходити на учение, по обѣде же к вечеру к Нектанаву ходити на учение волшебной хитрости. От него же изучи хождения 12 небесныхъ живинъ и седмихъ планит, Солнца, Луну, Завесъ Акинтосъ,²² Кроносъ,²³ Фровити,²⁴ Ерьраси,²⁵ яже на згедосе писана бяху по своему подобію. Видѣвъ же вся Александръ к дидакалу своему рече: «Возвести ми, о учителю, како великаго Божія промысла тваремъ знахоря сотвори ты?» Онъ же к нему рече: «Богъ же великій недовѣдомый и неизслѣдимый и непостижимый, промысливъ сый неумыслено никако, имиже судьбами онъ вѣсть, человѣческому объяви роду, яко да содѣтель о твари своей и познаваетца». Александръ же гнѣвомъ рече: «Вся сый виде, о Нектанаве! Смерть свою знаеши ли какова хочетъ быти?» Нектанавъ же рече к нему якоже: «Вѣдаю, научаютъ насъ звѣздная течения, яко от чада моего хочу убиенъ быти». Сего же Александръ невѣрнымъ быти мнѣвъ и рину его с великия горы Геотцакаго камня близъ царскаго судища. Александръ рече: «Вѣмъ глаголи, мастере, погрѣшилъ еси». Нектанаву же долу летящу нудно, но некако гласъ свой испусти и рече: «Не утаился еси, сыну мой, Александре, сего ни единому свѣдущу, токмо матери твоей, царицы Алемпияде и тобѣ днесъ увѣдавшу».

Аз же, сыну мой Александре, к темному отхожу аду, в долнийшая земли сущи доле, идѣже предани суть вси еллиньстии бози от великаго Бога Саваофа». И сие рекъ издше египетцкый царь Нектанавъ. Сия же слышавъ Александръ раскаявся немало, на рамо свое возьмъ, ко Алимпияде матери своей отнесе. Олимпияда же о сем видѣвши, ужасеся и ко Александру рече: «Что се сия бысть?» Онъ же рече к ней: «Возвести ми, мати моя, о семъ, аще воистинну отецъ мнѣ сей бысть». Она же вся си сказоваше ему истинну. Александръ же велми прослезився о немъ и с честью повелѣ его вкопати.

В той же часъ вѣстникъ прииде к Филипу царю, глаголя: «Вѣдомо да есть ти, царю, яко в стадах твоих конь чюден явилсяъ есть, добротою бо от иных конь избранъ. Волюя же глава²⁶ на десной его бедрѣ с роги свилася и рог межи ушима вырос с локот²⁷ единъ». Филип же повелѣ его привести. И сего красотѣ подивися царь и повелѣ сотворити ему клѣть желѣзну и повинныхъ вметати повелѣ к нему. Сему же бывшу, никто х коню тому приступити смѣяше. Александръ же приходя к нему часто; конь же всяку отменяя ярость, тихо ко Александру трепеташе повиновением ко царю своему и всаднику. Единою же прозоромъ за ухо емъ, с тихостию послѣдоваше ему яко юнецъ яремник повиновениемъ. Видѣвъ Александръ его тихость замокъ отломивъ и вниде к нему и сего оседлав, всѣде на него, на конское урыскание поѣхавъ. Витяземъ же тогда македонскимъ на конское урыскание текущим, царь же Филипъ с высокие полаты глядаше и смотряше коегождо храбра течения и лѣпо на конѣ седѣние. И сему сице бывшу, и се Александръ на вологлавомъ кони внезапно вѣхавъ, македоньстии же конницы с коней сѣдоша, яко царю поклонишася, дивляхуся, зряще мастерское сѣдѣние на вологлавомъ кони. К потечищу же поѣхавъ, изрядно паче всѣхъ витязевъ потече и твердосилну коню устави с нужею. И на 4 изворѣчъ градъ созда и нарече имя ему Драмъ, сии рѣчъ потечище. И сему царь Филипъ подивися, иже ненаукомъ коний отрока того потечение, и видѣвъ рече: «О горе приближающимся македонским предѣломъ, иже поостримъ мечя Александру и попрали будутъ и падутъ от македонянъ». И

по сем яве рече, яко: «Подобие Раклия витязя²⁸ видех днесъ на вологлавомъ кони текуща».

От того же дни собра царь Филипъ тысящю юнощъ Александру сверсныхъ, предавъ, глаголя: «С нимъ ловите и к воиству искушайтесь, вкупе же и стреляйти».

Во Алимпиятцких странахъ²⁹ двѣ колѣсъ сотворена бѣста близъ сущи Дафенеона и Аполлона,³⁰ и на тѣхъ колесех витязи восходяще от елинскаго ухищрения, который собѣ нарокъ пытаху себѣ. Сие же Александръ слышавъ, вожделѣвъ тамо поити, Филипу сие возвестивъ. И не пущаше его, глаголя: «Не подобает ти, сыну Александре, на олимбидстемъ колесѣ венчаться, юну сущу. Но обаче волю не творю, но с радостию, сыну мой, поиди велми укрепляемъ». И тогда Александр потребная собѣ от царя Филипа, отца своего, – витязей искусных и добротеченных коня и всякую честь царские потребности – во Алимпиядѣтцкие отоки вниде. Ту бо 4 игры елиномъ бяху.

Ту же Александръ пришедъ с неглиторѣскими витезми³¹ поручи братися, с Лаоламбадаушемъ и с Калестенаушемъ, онъ же с воеводою своимъ Птоломѣемъ. И тогда двема завертѣвшимася колома, 4 стекошася витязи и ударившимся им, Александр же Калестенауша убивъ, Птоломѣй же Лаолабауша сорва. Людие града того зряще, елико бо болѣи не помнѣшася быти двое оружнии красно являшеся. И ту стоя философъ нѣкии именемъ Фруние³² рече: «Мудрость и храбрость не многолѣтиемъ, но твердыми и добрыми сердцы». И вопросы философ, кто и откуда есть Александръ. Симъ же рекшим: «Македонскаго царя сынъ». Филосов же рече, яко: «Слышахъ от учитель глаголющи, яко востати царь имает от Македонии, изыти мечю от Филипова града и той поразит все земли западныя и сокрушит вся царя восточныя». И рече: «Егда ты еси хотяй приити, милостивъ буди нашему граду, сын Филиповъ». О сих же Александръ посмеявся рече: «Не мое се хотѣние, философе, но вышнему промыслу содѣвающу».

И сие рек, в Македонию отиде и пришедъ обрѣте Филипа царя, отца своего, Олимпияду пустившу, мать его, иную же вмѣсто ея возьмѣшу и на браку яко жениху веселящуся. К Филипу же Александръ приспѣ, яко победоносец в полату

вшедъ. Отецъ же с радостию и любовию срѣте его и с собою на трапезе посади. В раскаянии же бывъ, о семъ поникъ сядяше. Наставивый же его Олимпияду пустити, а иную поняти за себе, приступль же к Филипу, рече: «Веселися, царю, болшую первыя взял еси – первая бо блудница бѣше, сия же целомудренна есть». Сие же слышавъ, Александръ ярости исполнився, рече: «Не быти тому, отче Филипе, мнѣ живу сущу». Сам же яко левъ рыкнувъ, с престола скочивъ, столъ же мало приимъ, 3 убивъ, инии же не хотяще ис полаты скакаху. Сие же Филипъ видѣвъ, во ужасе бѣ и страсе велице. Олимпияду на царство возвративъ, прочюю же во своя си отпусти.

Сему же тако бывшу, в немощъ велику впадъ царь Филипъ. Слышав же сиверная страна кумане,³³ пѣтсотъ тысящъ собравшеся на Македонію приидоша. И сие Филипу царю возвестиша. Филипъ же в скорбъ велику впадъ, Александра повелѣ призвати к себѣ и рече: «О любимый мой сыну Александре, се время пришло есть битися за отеческую землю». Воземъ воиско на бой устремися, македонские воиски яко 4 тысящи с нимъ. Сам же войску куманску исходивъ и сихъ неурадно видѣвъ стоящих; в ноци же с воями пришедъ, огню много около ихъ наложити повелѣ и трубамъ многогласнымъ ударити повелѣ и пушками бити около ихъ повелѣ. Сие же кумане видѣвше, ненадѣемо убояшася и начаша бежати, с полунощи бежавшимъ имъ и до солнечнаго течения и замесившеся вкупѣ македоняне и кумане. Убиено бысть от куманъ 8 тысящъ, от македонянъ же 2 тысящи убиено бысть. Александръ же во слѣдъ ихъ три дни и три ноци за ними гнаше и уби от нихъ 108 тысящъ. Коней же множество и оружия от нихъ приятъ, яко победоносецъ ко отцу возвратися и с собою десятъ тысячъ куманъ приведе живыхъ и сихъ предъ царемъ Филипомъ поставити повелѣ и предъ всѣми людьми македоняны речѣ: «Видите ли, друзи, яко Божій промыслъ предаде вы в руки македоньскіи и мечъ вашъ наострися на македоняны и нынѣ притупися, царя же вашего убивъ, Атламеша, и васъ живыхъ ухватихъ. Да аще хотите живот свой купити и землю вашу к моей примесити и воедино с македоняны быти?» Они же рекоша: «Кралю Александре, отколе Богъ помогаетъ тебѣ, поготову мы вѣдаемъ тебѣ

помогати. Коли царя нашего убилъ еси, Атламыша, мы, господине, твои есмы, постави намъ царя и насъ в землю нашу отпусти». Сих Александръ увѣривъ и постави имъ царя братучада своего первенца именемъ Ванцатура, мала убо тѣломъ, но великъ храбростию. И сих куман с честью отпусти.

Сему же бывшу сице, Анаксархонось никто, пелопоньский царь,³⁴ слышав нашествие куманско на Македонию, сотвори ухищрение сицево. Никогда ему минувшу мимо Македонию, и честь ему царь Филипъ воздавъ, и дары многи, и с честью его полюби и отпусти. Царь же Анаксархонось устреленъ бывъ лѣпотою жены Филиповы въ сердце, отай к ней любовь имѣяше въ сердца своем. И се вѣдуши Соломонъ рече: «Человѣче, не буди уязвен лѣпотою чюжие жены, яко твою жену не видиши уязвену». Нашествие же Македонию ставшеся, 12 тысящъ войска собравъ, к Филипу царю прииде, лукавствие свое скрывает, Олимпияду искаше восхитити. И видѣвъ же его пришествие царь Филипъ, радостенъ бывъ. Слышав же Филипъ во стрѣтение его изыде со Алимпиядою. Видѣвъ же Анаксархонось, восхитивъ ю, побѣже, Филипъ же за ним вмаля гоняше. Бяше же ту Александръ приспѣлъ, Анаксархоносову постиже войску, Филипа же урвана обрѣте и по главѣ сѣчена и по десной нозѣ. Се бо мало поминув, Олимпияду, мать свою, отнял, с осмию тысящами вои Анаксархоноса постиже на мѣсте нарицаемомъ Змиски; разбивъ войско и самого жива ухвати, приведе ко отцу своему Филипу. Филипа же обрѣте одва дышуща. «Востани, – рече, – о царю Филипе, врагу своему стани на горле и отомстися рукою своею». Филипъ же едва воставъ и взем мечъ рукама своима и заклавъ его. «Жалость дому моего снѣсть мя. Иди, душе моя, с нечестивыми во адъ». И се рекъ, Александра благослови, глаголя: «Сыну Александре, руки всѣхъ на тобѣ и твои на всѣхъ». И се рекъ, умре царь македонский Филипъ; и ту стоящии рекоша: «Да когда будетъ противитися Александру?» Алимпияда же ту стояще плакашеся. Филипа на злате столѣ положиша, во градъ отнесоша, с плачемъ велицемъ сего погребоша в церкви с честью.

Александръ же, сынъ его, самовластенъ назвася, грамоты по всѣмъ градомъ земли своя посла, всякому к Филипу³⁵

собратися повелѣ. Собравшим же ся всѣмъ македоняномъ и всѣмъ малымъ же и великимъ, к симъ же Александръ рече: «О друзи мои и братия моя и милии мои паче всѣхъ македоняне, царь вашъ Филипъ, а мой отецъ, умре, и в животъ своемъ царьство держаше по достоянью, и мнѣ же господьствовати како повелеваете?» Тогда выступивъ мудрый Филонъ³⁶ рече: «О кралою Александре, всякъ возрастъ чловѣческий чину потребенъ есть». Александръ же рече: «Старость есть честна, а немноголѣтна». И ту стоя Селевкушъ³⁷ рече: «О кралою Александре, Соломонъ же великий въ мудрости царь в книгахъ пишетъ: “Царьство множествомъ людей состоитца, царь же несовѣтникъ и невѣренъ сам собѣ ратникъ же, совѣтенъ полезная сотворить своей земли”». И ту стоя Антиохъ³⁸ рече: «Кралою Александре, старымъ убо царемъ подобаетъ течение домовное, старию бо покоя требуютъ, младымъ же царемъ подобаетъ царьствовати яко да потрудившеся во младости своей, а на старость покой обрящутъ». И ту стоя Андигонъ³⁹ рече: «Кралою Александре, подобаетъ и намъ еще спящихъ и ближнихъ насъ царей устремимся на нихъ и сихъ побивше, все избавимся забавы». И симъ же 4-мъ совѣтомъ приятымъ бывшимъ отъ Александра, и присный его любимый воевода Птоломей рече: «О царю Александре, подобаетъ намъ войску пременити во свѣтлая оружия и белегъ твой на щитехъ написати, яко да знаютъ, которому царю воюемъ; да не рекутъ сусѣди наши, яко и мы царемъ Филипомъ умерли есми». Се же слышавъ Александръ, угодно явися и по земли царьства своего посла и по вся кузнецы и по щитари,⁴⁰ в Филипусъ собратися повелѣ. На всякий же день мастера его оружие коваху в цело оружие по 4 ста витязь. На шоломахъ же василисковъ рогъ со аспидовыми крылы, и копи же бяху на лвовыхъ кожахъ представлени, хакизма же фарижемъ во коркодиловыхъ кожахъ чинина. Сия же сотвори Александръ и к ошествию на брань готовляшеся.

О ПОСЛАНИИ ДАРИЕВЕ

Дарий же, царь персский, слышавъ, яко умре царь македоньский Филипъ, посла з грамотою в Македонию имеюще сиево писание: «Дарий, царь над цари, токмо земный богъ вкупѣ съ солнцемъ по всей вселенной сияетъ и всѣмъ земнымъ

царемъ царь и господствующимъ господинъ, ко обретающимся в Македонию пишу. Слышание царьству моему пришло есть, яко царь вашъ Филипъ умре и отрока мала на царьствии своемъ оставилъ есть, сего не укрепленъ лѣты и млада умомъ суца. О смерти же Филипове азъ оскорбѣхъ, отрока же его млада суца пожалѣхъ еще не научена, яко да вскормивъ его, паки по царскимъ обычаемъ почетъ и украсивъ, паки на отчину его и на царство возвратимъ. Грамоту же мою прочетше, скоро ко мнѣ приведите. Кандаркуса же к вамъ послахъ, вѣрна суца, землею вашею благолѣпно обладати. Войско ваше во время potrzeby къ царьству моему присылайте и дани сугубы по достоянию принесите. Филипово же дѣтя приведите к царьству моему со всѣми царства его белези... боле бо есть 40 царскихъ сыновъ во дворѣ моемъ водворяютца. Да аще сего недостойна царствию вижду, иного в него мѣсто царствовать пошлю к вамъ». Сию же грамоту Кандаркусъ в Македонию принесъ. Македоняне приемше его, к воеводе Птоломѣю приведоша. Птоломѣй же поемъ ихъ въ Филипусъ приведе ко Александру. Антиохъ же сихъ срѣте, гельмъ Александровъ противъ ихъ изнесе и поклонитися имъ повелѣ. Кандаркусъ рече к нему: «Аще копью Александрову поклонюся, то нѣсте подручни царю Дарию и азъ не смѣю очию Дариевыхъ видети». Антиохъ же рече к нему: «Аще сего не сотвориши, живота своего лишишися». И тако приступивъ копию поклонися Александрову; и вземъ Антиохъ ко Александру приведе. Пришедшу же ему въ царьскій домъ, Александра видѣвъ на престоле своемъ висоце сѣдяща. Престолъ его украшенъ зело искуснымъ златомъ и зеленымъ камениемъ и слоновыми костями. Посолъ же приступивъ поклонися и грамоту дасть ему; самъ же стоя дивляшеся дивному образу Александрову: венецъ же на главѣ его бѣше от самъфира камня и великаго бисера с мерсиновымъ листвиемъ сплетенъ, о десную его и о лѣвую стояше множество витязей венчаныхъ. Селевкушъ вземъ грамоту Дариеву прочте. Александръ же слышавъ писание, ярости исполнився и гнѣва и грамоту приимъ раздра и к нимъ со яростию рече: «Не подобаетъ царю Дарию главы зряще к ногамъ бесѣдовати. Не тако бо Македония безглавна есть, яко же Дарию мнитца быти». И сия рекъ

въскоре отпусти ихъ и листъ отписа к Дарию, писан сице: «Александръ витязь, македонский царь, сынъ Филипа царя, матери царицы Алимъпияды, Дарию, царю перскому! Благодарю тя о отцы моемъ желающа. Листъ же твой к людямъ моимъ прочтох, се благодарихъ о земли нашей пекущу ти ся. Мене же суща млада пожалих, в полате твоей воспитати требуеши. Млеко ссущимъ отрокомъ не подобает в царьскихъ домех напиться, не изволих и толъстых мясъ ясти. Пожди убо мене в малъ, Дѡндеже от сесцу матере моя отторгнуся и тако в персидское чести царьства твоего водворитися имамъ, пришедъ со всѣми македоняны. Кандаркуса же послалъ еси к нам македоняномъ быти царя, некому пошли его сѣмо, не можеши бо видети его ктому. Не тако бо македоняне безглавы суть, якоже тебѣ мнитца быти». Оружие же македонское Кандаркусу Александръ далъ, рекъ: «От царьствия моего бежи, егда же брань сотворятъ македоняны с персы, носи сие оружие, да тебе познавше, персы не убьют». Посол же к Дарию возвратися и листъ Александров дасть ему. Прочетъ же Дарий листъ посмеявся. Кандаркусъ же к нему рече: «Не подобает ти, царю, таковыи лист приимъ смѣяться, в мало бо лѣтної юности обретохомъ многолѣтнюю старость; да болящаго зуба ... подобает скоро изврещи, да не здравый вредит; не исторгъ кипариса млада, а старемъ не трудися».

О семъ Дарий не брегъ, еще Клитовоша, нѣкоего от вѣрныхъ своихъ, в Македонию ко Александру посла, повелѣ пересмотрѣти Александрово все. Александру же посла струглу, и коло древяно, и две скрынии порождихъ, и два узлы великихъ маку, и листъ давъ ему, глаголя такъ: «Дарий, царь надъ цари, богъ перский, дѣтяти моему Александру радоватися! Не тако бо помышляю тебѣ быти и преобидих тя в первом моемъ листе. Вѣдомо да есть ти, яко младыхъ мудрование нагла суть. Се же послах к тебѣ тую струглу, яко да ея играеши и вертиши, колесомъ же младенцы играютъ, и двѣ скрынии порожнихъ и два узла маку, яко да двѣ скрынии наполниши трилѣтными данми, макъ же перечти – число увѣдаеши войску моему. Дани ко мнѣ пришеши, связанъ ко образу моего царьства приведенъ будеши и милости тебѣ не будет». Сий листъ Клитоушъ вземъ,

в Македонию ко Александру вниде. Александру же в немощи предъста и поклонися и листъ ему дасть и ковчеги, и струглу, и макъ предъ Александромъ постави.

Александру же листъ приимшу и прочеть, главою покивавъ и рече: «Неизочтения гордыни твоего високоумия, Дарий, Богу небесному подобляшеся, а ни человекъ подобяшеся быти, до небесъ вознесеся и до ада снидеши». Макъ же возьмъ, начя его жвати, ковчеги же разбити повелъ и листъ к Дарию отписа сице: «Александръ, царь македонъский, Дарию, перскому царю, всяку честь творящему. Ты еси самъ детиному безумию подобенъ, игралища вдаль еси, самодержцу земли сими образы образуеши мя ты. Круг бо кола сего всю землю преликует». И посла отпусти к Дарию.

В то же время Архидонъ, селунъский царь, прислалъ сына своего Александру на служение и листъ имѣюще сице. Александръ же листъ приимъ и проче и радостенъ бывъ; Поликратуша к собѣ со усердиемъ призва, о писанных ему умилися и листъ к нему писати повелъ: «Любимому моему брату Архидону, селунскому царю, Александръ, царь македонъский, радоватися повелъ. Листъ бо твой прочет, не толико даромъ твоимъ радостенъ быхъ, но и преклоннымъ и любимымъ рѣчемъ. Глаголет бо притча, яко преклоненыя главы ни мечъ не сечетъ. Сынъ твой со мною да будет, а ты въ царьствии своемъ, а мнѣ на помощь 12 тысящъ посылай на годище и 300 талантъ злата давай». Селунское же царство приимъ, поиде во Антину.

О АНТИНЕ ГРАДЕ

Антина же градъ великъ, всяким же земнымъ украшениемъ украшенъ и мщениемъ. 12 же рытарей держаху его и вселенскою землею и господъствомъ окоръмляху судомъ неправеднымъ. Слышавше же Александрово пришествие к собѣ, совѣтъ сотвориша, Александру ли предатися или ко граду его не припущати.

Софликий же философ ихъ ту стоя, рече: «Не подобает намъ со Александромъ битися, Александръ бо куманы убивъ и приимъ ихъ и Синаксарха, пелагонитскаго царя, убивъ и землю ихъ прииме, Архидона, селунскаго царя, мирно к нему

пришедша, на царьствии и на законе его остави». Другий же философ рече: «Отнелъ же Антина стала, ни единъ царь не приялъ еси. Никогда же великъ царь на Антину прииде, рвавъ много ничтоже успѣ, но разбиетъ от насъ отшедъ и побѣже, единъ во атоцех Македонскихъ утону. Не подобает намъ таковымъ сущимъ сильнымъ Филипову сыну повинутися». Диоген⁴¹ же никто, вышши сихъ паче всѣхъ философ, рече: «Ходих во Олимпиядцкый отокъ третьего лѣта, сего Александра видѣхъ, пришелъ бѣ на олимпиядцкое коло урыстовати и витяжства пытати. Урани же нѣкто от Алимпиядцкихъ отокъ. Азъ же рекохъ тогда: “Сий юноша славою земскою великъ будетъ”. Да сие вся есть видети мнѣ подобаетъ. Мужие антиньстии, Александру не противитися, целоумну в мужествѣ, аще младъ есть, земскою славою великъ и войскомъ крѣпокъ есть зело. Да подобно есть намъ с честию и з дарми срѣсти, благочестив же Александръ добро намъ сотворить и намъ не приразився в Рим поидеть». Сего же антиняне не возлюбивше, философа же Диогена укориша: «Во всемъ, – ркуще, – мудрецы доволни мудрости». Он же зжалився отиде от града и ко Александру прииде и все ему повѣда.

Александръ же ярости и гнѣва наполнися, воя своя по достоянию наряди и во Антиньское царьство прииде и под градом ставъ, во град же посла Арфакса, мужа куманянина. Сему же языка антиняне не разумѣша, по всемъ граде своемъ искаша, едва единого наидоша, сего толмачемъ вопрошаху повелѣние ему Александрово повѣдати. Он же рече: «Великий царь Александръ рече: “Дадите ми дань и войско и царству моему приклонитесь; аще сего не сотворите, мечъ македоньскій вашу землю поразити иматъ, аще повелѣнию моему не хотите поклонитися”». Сия же слышавше антиняне, Александрову посланию поругашася. Куманомъ же обоимъ рѣчемъ ихъ посмѣяшася и сего отпустивше ко Александру, отказаше сице: «Не подобаетъ тебѣ, Александре, Антине назватися царемъ, мнози подобни тебѣ цари Антине подручни суть, мнози витязи и философи во Антине болши твоихъ водворяются. Доволенъ буди в Македонии царствовати; якоже хотя вшелъ еси здѣ и не хоте отидеши отсюду». И се рекше посла отпустиша и своему

толмачю голову отсекоша пред ним, рекоша, яко: «Толмача не требуем Александровымъ рѣчамъ». Александръ же то слышавъ разгнѣвався, рече: «О горе земли, еюже мнози обладаютъ». И се рекъ, войску своему на брань направитися повелѣ и с четырехъ странъ рвати повелѣ, убийству же тогда велику сотворившуся. Кумане же Александровы со единые страны крѣпко налегаша, бѣше еже видети стрѣлы летяща во градъ, яко облакъ. Граждане же о семъ стуживше, напрасно граду врата отворивше и из града выскочивше, Александровыхъ куманъ десять тысячъ убиша и от Александровыхъ македонянъ четыреста конныхъ убиша. Бенестрами из града хитростию огонь извергоша, Александрово войско мало огнемъ не опалиша. Сему же сотворившуся, вечеръ прииде, Александръ во станы отиде, стражи около войска постави, властели старые призвав и рече: «Что сотворимъ лукавымъ симъ гражdanомъ? Земли не разрушивше, на градъ приидохомъ и себѣ осрамотѣхомъ. Да что подобаетъ намъ сотворити?» Диогенъ же антинскій философъ рече ко Александру: «Царю Александре, града Антины не можеша не потомився взяти, есть бо множество людей и рвецъ в немъ, боле двухъ сотъ тысячъ. Сотвори хитрость, да изманимъ ихъ на дворъ с собою битися и сихъ яко невѣжи побиемъ, а градъ возьмемъ». И сотвори хитрость Александръ, яко нѣколи потому грецы сотворили. Повелѣ от града двинути войску и самъ с ними отиде. На станехъ же остави 10 000 воловъ, 40 000 овецъ и листь написанъ тако: «Мужие антинстии, не вѣдахъ силы боговъ вашихъ великие и к вамъ приидохъ, поразити васъ хотя, богомъ вашимъ приразихся. Во снѣ бо в ночь сию явльшася много мнѣ страшна рекоша и сихъ азъ убояхся и в землю свою возвратихся; овецъ и воловъ оставивъ много, сихъ далъ есмъ богомъ вашимъ пожрите, ихже о мнѣ помолитесь». И се рекъ Александръ, с войскомъ своимъ отиде 12 поприщъ от града и в лузи скрився. Граждане же вси на станы приидоша и листь написанъ наидоша и рекоша: «От страха побѣже сынъ Филиповъ». И тако вси из града изыдоша, бѣ бо боле 200 тысячъ пѣшихъ и 100 тысячъ конныхъ.

В ту же ночь философъ антинскій именемъ Примахъ видѣ сонъ: великій храмъ бога Аполлона падесе и пиргове вси

Антинскаго града обронишася и врата великие Ариева леду падошася; и Александра видѣ, на лву во градъ Антину вѣхавша, и по ширинамъ града класие пшенично рустуче, и македоняне зелено и незрѣло серпы пожинаху. Сия же исповѣдавъ и по Александре не веляше гнати. Они же сего яко не чювше во слѣдъ Александра идяху.

Александръ же сихъ ждаше со всѣми вои, нарядився при Касталистемъ лузѣ, постиже ихъ на Виталскомъ поле. Трубоглашения же и войску увѣдѣвше и из луга исходящее и убояшася и сами к собѣ рекоша: «О коликимъ прелщениемъ прелсти насъ сынъ Филипов!» Видѣша, яко не мощи убежати, и не хотяще на бой идоша. Александръ же сихъ преодолѣ и побѣгоша. И мнозехъ убиваху и чрезъ все Витальское поле гнаху и до Антинскаго града, и замесившеся обои и вкупе во врата града приидоша македоняне и антиняне. Бяше же видети жалостно, дѣти же и жены ко всѣмъ своимъ на срѣтение идяху, обои убивахуся; воплю же до небесъ досяжущу и кровемъ же по странамъ града текущимъ, обои замесишася, македоняне и антиняне посреде града сечахуся.

Александръ же посреде ихъ на вологлавомъ конѣ ѣздяше, съчи престати молящеся, и сихъ не могый уставити, ярости наполнишася. Жены же антинстии одираху лица своя, ко Александру вопияху: «Милостивъ буди намъ, царю Александре!» Александръ же, не могый уставити съчи, повелѣ градъ запалити. Людие же и жены на станы отошли и спасшеся. Тогда великий и дивны богъ ихъ Аполонъ антинский со всѣми своими боги згорѣ.

Слышавъ же Александръ рече: «Аще бы се бози были, спаслися бы сами отъ огня». Жалость и радость смесивъ, рече: «Ныне македонская оружия антиньскою кровию окровавишася произволениемъ моимъ, а ихъ недоумѣниемъ». Дигеонъ же философъ рече: «Мудра накажи – премудрие будетъ, безумнаго же – возненавидитъ тя. Дай премудру вину – премудрие будетъ». Восплакася градъ Антина вся, смятошася вси отоцы вселеньстии. Александръ же се слышавъ рече: «Главы не разбивъ, мозгу не выняти».

Оттоле Александръ воставъ поиде, отрядив с собою 400 тысяч войска. Тогда сretoша его вси царие тракийстии, и мореистии, и далматийстии, и полуцы, и гостиницы, и тривалийстии;⁴² дары ему многи принесоша безчисленныя и стяги златы царские и многоцѣнныя; *дани* на 12 летъ; царских именъ лишишася, сартапом же повелѣша ся звати.

О ПРИХОЖЕНИИ К РИМУ

Александръ же к Риму уклонися. Слышавше же римляне Александра идуша к нимъ и смятошася и совѣтъ сотвориша. «Да что сотворимъ, – рекоша, – добро ли есть намъ Александра в Римъ пустити с честми и з дарми многими, и на отеческих уставех и градах милостию непобедимою на законех быти». К богу же своему Амону в церковь притекоша, моляхуся возвестити им о Александре. Во снѣ явися имъ богъ Амон, рече: «Мужие римляне, не бойтеся Александра – сынъ мой есть; нѣкогда, дошедшу ми в Македонию, матери его Алимпияде примесихся и родися Александръ; но с честию его срѣтше, поклонитеся яко царю и самодержавнаго прославите».

Римляне же с честию и со славою великою срѣтоша, бѣше же дивно срѣтение их: 4 тысящи сretoша его венчанных витязь на парѣжах и 2 тысящи девиць срѣтоша его, одѣяния червлена злато вязена бѣше на них. И прочихъ людей 1000 и 40; вси изношаху дафиново вѣтвие со златом. Иереи же римстии срѣтоша его, носяще великие свеща в руках. Изыдоша к нему, носяще одѣяние велико и многоценно Соломона, царя еврейскаго, иже у них положил Навходоносоръ, царь перскій, нѣкогда приял Иеросалим. Принесоша ему блюдь самотворных 1000 и 200 с камением многоценным, иже поставил бѣше Соломон царь в церкви, Святая Святых, и венець Соломоновъ, в нем же три камени бяху, 12 пригод с него исцелений, и иных камней 1000 – по числу сыновъ иизраилевых. Изнесоша ему стему злату царску многоцѣнну Сивилии царицы⁴³ волховную. Изведоша ему парижъ под хакизмомъ коркодиловымъ, оседлана седлом от камени андрамана.⁴⁴ Изнесоша ему оружие Елгаменеуша⁴⁵ короля; изнесоша ему копие ланпандилово⁴⁶ з бисером и с камениемъ многоцѣнным Якша Теломоника⁴⁷ и прочих копий 17; изнесоша ему щитъ Таркнена,⁴⁸ римскаго

царя, кожею аспидовою попят. Сие же славное стрѣтение царь Александръ видѣвъ, радостен бывъ велми и много вои своих почестно нарядив, македонян же с собою на конех поимаше, на чюдного коня Дучипала всѣде и коруну положи на главу свою Клеопатре египецкой царицы, 12 камней многоцѣнных в немъ; кони же подвоныи и трубы по подобию нарядив, на стрѣтение римляном идоша.

Близу же им бывшимъ, витязи и девицы поклонишася Александру, с коней не ссѣдоша и рекоша: «Многа лѣта, царю Александре, всего свѣта царю»; и се рекоша, на страну отѣхаша, друзии же приидоша и тии прославиша его; инии же вси с коней ссѣдоша и прославиша царя Александра. По сем же приидоша иереи со свѣщами и с кадилницами и покадиша его вонями различными. И тако веселящеся во град римъский приидоша и приведоша его в храм бога своего Аполлона поклонитися. Срѣте иерей Аполоновъ, и покади его, и поклонися ему, и принесе ему злато, и ливанъ, и измирну, сия убо царская дарования суть. Изнесоша ему писание, имущее сицево: «В лѣто 5000 востати имат козелъ единорог и поженет пардусы западныя и превозносящихся и паки к востоку лоиде, идѣже двоерогий овень, емуже рози до небесъ, и сего единемъ рогомъ в сердце. И потрясутся миди и финицы, восточнии велицыи и страшнии язѣцы, и острія меча перьскаго притупит и, в Римъ пришедъ, царь совершенъ прославитца, и сему время прия весь Иеросалим безо всякия пакости и рати».

И сие писание Александръ слышав и прочее, вопросив дати хотя толкование писанию. Философ же рече ему: «Александре, во дни иеврейского пророка Данила,⁴⁹ слышахом, яко в писании наших западный царь пардус наречетца, овна же двоерогаго перьское нарицается царство, козла же единорогаго македонское нарицает царство, якоже мнится быти, острую сущу и храбру, понеже яве сие творит чюдное твое в Римъ пришествие». И сие слышав Александръ, радостен быв велми и рече: «Якоже промыслу Божию воля есть, да будет тако, силнии падоша, а немощнии препоясашася силою», И ту ему веселящу в Риме с римляны и македоняны, и приидоша ему вся царствія западныя, дары многоцѣнными принесоша ему, молящеся не

ратовати их. Александръ умилися, повелѣ дани дати 12 лѣтома и войско ему. Лаомендуша же, своего приснаго любимаго друга, в Риме царя постави и всѣмъ западнымъ царемъ повелѣ его слушати.

И тако шествие творяше къ югу. Злата же много и войско вземъ, на ужескии страны, и тамо царства многа крѣпка порази, и вселенную всю прошед, до Окияна реки дошедъ великие, иже всю вселенную обтече. И во узкихъ странах земли той обрѣте звѣри челоукообразны и многии двоеглавнии змиевы, ноги имѣяху, и с ними рать сотвори велику и сих победилъ, звѣри же суще оружия не имѣяху, вскоре падошася. И в гвоздинную гору нѣкую дошедше, жены многи дивии на Александра востаха и рать велику сотвори с ними. И во един часъ от войска его сто поразиша, вси бо жены тѣ крылаты и ногты велики, аки серпы, тѣло же все во власех, и прилетаю очи издираху воемъ. Се же слышавъ Александръ, повелѣ тростие запалити. Жены же тѣ, въ пламени изгараху крилы же, и на земли падаху. Сих же македоняне прискачюще побиваху и сихъ множество паче дватцати тысяч убиша.

Акияна реки дошедше, во вселенную паки возвратишася. Войску почити повелѣ и повелѣ околним государством корабли многи сотворити, триста тысяч кораблей, величеством тысяча в него людей всядетъ со всѣми потребами. К востоку отправи их, по великой Осистей странѣ и по варварехъ. Пред ними воеводу Птоломѣя и Филона посла, во Египте и с ними срочися снятися; повелѣ имъ земли и грады приимати и от сихъ войско и дани брати. Сам же в корабли вшедъ и, дунувшю югу бурну, к востоку поиде над *тремя* тысячами кораблей, и Антиоха воеводу над иными тремя тысячами сотвори, Селевкия надъ иными тремя тысячами кораблей, Византа же и иные витязи остави далече от града Ликия.⁵⁰ И оттоле отшедшимъ, остави на околе 1000 волов, 40000 овецъ. Множество кораблей поиде и людемъ, на 4 части разделившимся по морю и пловяху 30 дний и 30 нощи.

Александръ же идяше ко Египту и ту приста, идѣже идет Нилъ река в море, ту град созда во имя свое Александрию. Селевкий же с своими корабли в Ликеи⁵¹ приставъ и ту градъ во имя свое созда и нарече имя ему Селевкию. Антиох же пристав

с своими корабли, ту градъ во имя свое созда и нарече имя ему Великая Антиохия. Византъ же с своими корабли в тесноту Триньскаго моря⁵² приставъ и ту градъ во имя свое созда и нарече имя ему Византия. О семъ Александръ много оскорбися, не вѣдаетъ, кто гдѣ присталъ, по 30 дний увѣда о Селевкии, и Антиоху, и Византу и о градахъ ихъ. И потомъ съхашася вси и на томъ мѣсте создаша градъ вси и нарекоша имя ему по серпьскому языку «Единосердый станъ». И в томъ граде 6 месяцъ сотвориша, конское воинство составиша. Птоломѣй же и Филон ко Александру рекоша, елико прилучися имъ боевъ на пути, мнози чюднии царие варварстии и онтиопискихъ⁵³ и сихъ всѣхъ победивше и ко Александру приведоша связанныхъ. И сихъ Александръ увѣривъ и во свою землю отпустивъ, заповѣдавъ, яко 12 лѣтомъ 100 тысячъ войска давати ему.

И оттоле Александръ со всѣми вои во Асию прииде, ту градъ созда именемъ Трипол. О семъ Александръ здумавъ рече⁵⁴: «О велемошнии македоняне, не подобаетъ намъ воинство оставить, нѣсть бо во граде твердости, но мы храброю силою многие грады приимахомъ и разбихомъ».

И всю Асию приимы и ко стране Апридийской⁵⁵ возвратишася, преди же иже в лѣта нѣкая еллины приимше и разбиша нѣкия ради жены именемъ Еленуши короля Акедоньскаго⁵⁶ сына Мелеушева.⁵⁷ Краля придискаго Прияльмужа⁵⁸ сынъ именемъ Александръ и Вариж⁵⁹ на вѣре возьмъ и в Трою принесе, благодарения явлься ко своему благодателю и Мелеушу кралю. Мелаушъ Селевкия, и Киликия, и Пелагония, и с Пелопоникия цари и витязи на помощь себѣ призва, жены ради своея на Трою прииде. И всю Придийскую землю пленивъ и вся живущая в земли тои мечю предади; и десят лѣтъ градъ Тройскій великий рвали и прияша, весь мужеский полъ огню и мечю предаша, якоже Омиръ во своихъ книгахъ пишетъ. Ту бо тогда мнози витязи падоша от еллинъ. Искони бо намъ взаконися от женъ великимъ лукавымъ зломъ повиннымъ быти – первое бо Адамъ женою прельстися, великий храбрый Самсонъ женою погibe, мудрый Соломонъ женою ада наслѣди – такоже и в Трои мнози неизреченнии храбрии витязи и цари за едину жену погiboша.

И ту Александръ прииде, живущии же в Трои срѣтоша его с честию великою и дары ему многи принесоша: оружие Целеша краля, сына короля Прелеша,⁶⁰ на лвовѣ кожи приставлено, и положивше на щиту Якша Теламоника. И ко Александру принесоша перстень и даша ему египетцкой кралицы от камени андракса,⁶¹ имѣя силу такову: иже в великую немощь впадет, на него посмотрит и исцелѣтъ. Изнесоша ему образ госпожи Менеры⁶² вписана на иконе, вся елико совершишася. Изнесоша ему одеяние Поликсении госпожи, дщери короля Приемуша; иже ея прелщал Ацелеш, егда от грекъ отвержеся, ко Трои приступи егоже убиша братия ея лукавствомъ на вечери в храмъ, уби же его Апелонъ трогоделский,⁶³ Алекидушъ.⁶⁴ Одеяние же дѣйствомъ: коли облачашеся в него госпожа Поликсения, тогда 4 различнии показоваше на собѣ позирающимъ от различнаго камени: егда на зелено камение позираше, приразашеся зеленое бѣлому лицу, подобяшеся дузе небесней вскоре сияющи и падиному позлащенному перию; егда же на черленое позираше камение, прелшевашеся черлень к бѣлости образу дивному и розному виду ея; егда же в немъ поступаше различна блистания от каменнаго вида, от одеяния того блисташе. Сие одѣяние Александръ видѣвъ и подиви же ся женѣ той паче всѣхъ женъ и сию похвали не токмо за ея дивное одеяние, но и за вѣру и любовь, иже ко Ацелешу по смерти его показа. Ацелешу бо умершу, иному мужеву не восхотѣ назватися жена, глаголаше в собѣ: «Емуже весь миръ недостои бѣ витязству и красотѣ и добротѣ; како его забыти, а иному нарекуся жена». Ни в порабление себѣ восхотѣ дати, Трою бо разбившим греческим царем, но изволи паче смерть Ацелешевъ гроб, нежели жива поработитися в Лагонискую землю.⁶⁵ Симъ бо умнымъ женамъ, иже к мужемъ своимъ честь и любовь соблюдаютъ, двоя хвала имъ есть – и от Бога мзда, а от людей честь, иже изволиша с мужи своими умерети, нежели срамотно живымъ быти. Изнесоша ему венецъ тое же госпожи, егда на главу полагаше его, тогда невидимъ бываше во дни, в нощи же яко огнь светяшеся. Изнесоша ему бележець оружныи превелеможнейшаго Еликтора,⁶⁶ бисеромъ и камениемъ украшен, со скоропийными зубы и аспидовыми зубы, ногти; и

одеяние его, иже от рыбы кожи бѣ. И принесоша ему книгу нѣкоего философа от Рима,⁶⁷ кою бѣше о Трои разорение от искони и до скончания. И то Александръ прочеть, иже подвиги великихъ витязъ, жалости и радости наполнився и рече: «О колики силнии падошася за лукавствие мерские и лукавые жены таковыя».

Александръ же во градъ Тройскій вниде и вопрошаше, гдѣ витяземъ гроби суть; они же ведоша его к нимъ. Воземъ ливанъ и измирну, гробы ихъ покади, проплакавъ к нимъ рече: «О дивии въ челоуѣцехъ храбрии витязи, лвоуе, Алелешу, Екторе, Якъшу, Несторе,⁶⁸ аще живыхъ бы васъ видель, честь по достоянію далъ быхъ вамъ, да отколе отнюду же изыдосте, вамъ мертвымъ жерътву и ливанъ воздаю. Но блажени есте и по смерти своей, понеже велицыи и дивии исписасте же въ повѣстехъ и прилучистесь Омиру». Се же слышавше философи ко Александру рекоша: «Великій царю Александре, Ацелешъ, Ферлеша короля сынъ, по отцы же братъ есть тебѣ, а от Амона бога и Федите жены⁶⁹ родился есть, а ты, царю Александре, от Амона бога и от Алимпияды царицы родился есть, по прилучаю яко от единого отца еста. Да аще смерть прилучитъ ти ся, царю, болшими похвалами подвиги царства твоего мы исписати имамы, нежели Омиръ о придиискихъ и еллинскихъ царей». Александръ же рече к нимъ: «Болши бы ми от Омирскихъ исписаниихъ царевъ конюхъ назватися, нежели от вашихъ списаниихъ единой земли назватися царемъ».

Сему же бывшу Александръ паки въ Македонію возвратися со всеми силами македонскими и прочими цари и войсками ихъ, иже въ западнѣй странѣ мечемъ прияли бяху. И съ сими яко победоносецъ въ Македонію прииде, шесть на десятъ лѣтъ имѣлъ въ дальнихъ странахъ отшедъ отъ Македоніи. Мати же Алимпияда царица и мудрый ея казателъ Аристотель со всѣми македоняны и съ женами и съ девицами на рецы Скамудруши⁷⁰ и съ честными великими дары царя Александра срътоша и оттуду вси въ Филипустъ градъ приидоша. И ту Александръ повелѣ македоняномъ 3 мѣсяцы въ домехъ своихъ почитати и кони кормити и оружія направити. И еще на востокъ поити хотя и паки въ Македоніи Аристотеля и матеръ свою остави. Воземъ съ собою

100 тысяч войска, сущих одинаких македонян оружием и бележцы и вси вооружены одинаки гелмове, и роги на нихъ, на щитех же лвовы главы, и на всѣх одинаки кахизма коркодилова на фарижех. И тако взятъ всѣмъ шатры около царева шатра поставити, никому же иному не вмешатися в македоньскій полкъ. Повелѣ же избрати 2 тысящи благообразныхъ женъ и симъ колесницы и шатры отрядити повелѣ, терьяха⁷¹ же нѣкоего над ними постави вся от нихъ разумно управляти. Коли который воинъ жены требоваше, к терьяху пришедъ, златницу подаваше и, колки ношей держаше, толко златницъ даваше. Вся убо войска воюющихъ со Александромъ по уставу и подобію нарядившеся; 100 тысячъ македонянъ тако с собою нарядивъ: егда царь Александръ на конь вседаше, тогда вси на конехъ обретахуся, и вси с нимъ во единомъ бяху, вси одинацы коньми и оружие и свитами. Воевода всѣмъ Птоломѣй бѣше, мужъ любимъ и праведен, всякие добродѣтели исполнен, любимъ же Александромъ бѣше велми. Егда кого македонянъ убиваху на бои, и от иныхъ войскъ избираху изручна мужа и сими на мѣсто поставляше, никогда 100 тысячъ македонянъ не умаляшеся.

СКАЗАНИЕ О ВОСТОЧНЫХЪ СТРАНАХЪ

Александръ шествіе творя к востоку. Которые волею к нему приидоша, сии честь и прощенье от него прияша, которые ему противляхуся, тѣмъ грады разбиваше, иныхъ мечю предаваше.

О семь же страхъ и трепетъ вси Асійскіи страны обдержаше – и цари Палестиньстии, и Еврейское царство, и Египетское царство. Вси бо тии Дарию подручни бяху, и мнози от нихъ к Дарию притекоша о напрасномъ нашествіи македонянъ. Дарій же, царь перьскій, с вѣстми посла ко Александру с листомъ: «Дарій, царь надъ цари, великій, сильный гордѣніемъ и земскою славою, равенъ богомъ небеснымъ, одинако с солнцемъ от востока и до запада. Вѣсть во уши мои прииде, сыну Филиповъ, яко всю Елладию объять, и до великаго Рима дошедъ, и вси западныя цари подмял еси, и сихъ до конца затеръ еси, и до Окиана реки дошелъ еси, не точию о семъ доволенъ еси, но и нижнюю Варварию и Ефиопию и вся западныя страны, подручная царствію моему, поколебаль еси,

и много богатства взялъ еси, и симъ еще не доволенъ еси, на Асию и Фругию, моя земля, наступилъ еси с подобными тебѣ гусари, с македоняны и отроки. В забитии положилъ еси подручную работу; к перьскому царству вси земьстии прилагаются царие. Да доволенъ буди тебѣ во отечествии обрестися, Еладиею обладати. Оставляем ти законную дань, юже отецъ твой ко царству моему приношаше. И сие помилование над тобою чиню за неизочтеную твою худость и за безмѣрную твою наглость, иже с подобными тебѣ гусарми учинилъ еси. Аще ли сему не повинешися, и силою перьскою поиду на тя и не может тебѣ вся вселенная предо мною укрыти, пред мечемъ моимъ казнити тя имамъ».

Приим же Александръ листь и прочеть его и в той часъ раздра, посла же повелѣ со гнѣвомъ на древѣ распяти, а инымъ главы отсеци повелѣ. Македоняне же приступльше к нему и рекоша: «Царю Александре, не подобаетъ ти посла убити». Он же к нимъ рече: «Не ко царю послани суть, но к разбойнику и гусарю». И се рекъ половину их пусти к Дарию и к нимъ рече: «Не зазирайте мене о семъ, но царю вашему ругайтесь, азъ бо царя его имам, а он мене разбойника нарече; да егда вас к разбойнику послалъ есть, тогда вамъ главы отсѣклъ есть; царь бо посла никогда не убивает, да вы к разбойнику пришедше, погинули есте. Азъ же не яко разбойникъ, но яко царь живот вамъ дарую». Они же к нему рекоша: «Аще нас убиеш, царю Александре, самъ себѣ дѣлом разбойника наречеши. Дарию же малу тшету нанесеши, закон же царьскій нами разориши, но умилися о нас, доволни бо есми имя твое в Персиде прославити». О семъ словѣ Александръ умилися и к Дарию их с листом посла: «Александръ царь Дарию, перьскому царю. Листъ твой приимъ и писания твоя в нем прочтох и благодарих, понеже не бѣ в немъ царского устава, ни подобия. Ты претиши нам, како западныя царства приемше, разорили есми. Вѣдомо да есть ти, яко всякъ челоуѣкъ ищетъ от нижних на вышняя преити и взыти, и се мы разумѣвше, на западе прияли есми и на востокъ идемъ. Ты претиши намъ, глаголя: “Вся вселенная полна есть имени моего и не может тебѣ укрыти и всѣхъ македонянь”, ихже гусари наречеши. Ты велиши нас бити и

ухватити, а мы к царству твоему сами идемъ. Да аще нас младых и крѣпких мниши быти, но паче камени адаманта твердѣйши явимся тебѣ, паче перцовых зернѣ лютѣйши, государие всему твоему наречешся. На великий промыслъ надѣмся, емуже ты противишися равен быти. Но не утаися в персехъ, противу насъ изыди. Сут бо жены украшены с тобою, македоняне же суть лвоуе неутолимии, волею своею смерть за живот купуютъ». Дарий же листъ Александровъ прочет, ярости и гнѣва напонився, рече к послу, иже бѣше ходилъ ко Александру: «Коего возраста есть Александр, каков умомъ есть, явите ми, и коего лѣта рождение его, колика войска у него есть». Они же рекоша к нему: «Лѣта есть нынѣ тридесятнаго, ум же многолѣтенъ в немъ есть, красен же и храбръ есть зело и судить право, мудрость же его по листомъ познай, царю, войска же с нимъ видѣхомъ пѣтсоть тысяч. Премудрый же Соломан в книгах своихъ пишетъ: “Посмеяния устъ и поглядание очию, поступанию ногамъ возвѣщаетъ еже о мужи”». Дарий же все во умъ приимъ и рече: «Воистину сии суть великихъ царей белези, но сему не мню истинну быти». Повелѣние же по земляхъ своих и странах расписать повелѣ – на поле Сенар войску собирати повелѣ, идѣже язѣцы столпъ создали бяху, боящеся втораго потопа нашествия. Ту языкомъ размешение бысть, ту войску собиратися повелѣ.

Во Иерусалим же и во Египет писа листъ, глаголя: «Не передавайтесь Александру, татеву и гусарю, аз бо силою перскою изручю васъ».

ШЕСТВИЕ ТВОРЯ КО ИЕРОСОЛИМУ

Александръ же вземъ воя своя, во Иудейскую землю и на Еврейское царство во Иеросалимъ отъиде. В то же время обладаше еврейскими сонмищи и Иеросалимскимъ царством пророкъ Бога Саваофа именемъ Еремея. И к симъ царь Александръ посла пусти с листомъ: «Александръ, царь над цари, сынъ Филиппа царя и царицы Алимпияды, ко обретающимся начальником Еврейского царства. Да есть вамъ, яко сотворилъ мя Богъ вышний царя паче всѣхъ царь в роде моемъ и вся западную страну и Рим приимъ, да вас доидох. Аще угодно есть вамъ мнѣ поклонитися и самѣмъ на отеческихъ законахъ быти и

отчину и землю без боязни держати, и вѣстника ко мнѣ с словомъ пошлите и дани войску моему пошлите». Се же слышавше еврейский сонмъ молвою великою одержими бываху; листъ же Александровъ прочетше, вѣстника ко Александру послаша с листомъ: «Еврейский сонмъ Бога Саваофа людие, живущи во Иеросалиме, Александру царю радоватися. Елико повѣдалъ еси намъ, с радостию увидѣхомъ. Вѣдомо да есть царствию твоему, яко отнелъже преидохомъ Чермное море, ни единому повинухомся царю, но водимы есми рукою высокою и мышцею непобедимою Саваофа Бога. Се же напоследокъ времен разгнѣвавшуся на ны великому Богу, поработи нас Навходоносору, царю перьскому. Много же лѣтъ в порабождении быхомъ и паки возвратившеся во свою землю и нынѣ есм.и подручни перской десницы, ейже вся вселенная подручна есть. Аще ли тебѣ предадимся, нынѣ или утро Дарий пришед вся красная земли нашей разрушит. Аще ли Дария победиши и острию мечю перскому притупиши, во Иеросалимъ с миромъ приидеши и царь всей вселенной от еврей наречешися. Аще ли Дария не победиши, во Иеросалимъ невозможно ти внити». Евреи же единого с листомъ послаша ко Александру. Александръ же листъ прочетъ и другой отписа к ним, рече: «Александръ, царь над цари, всѣмъ живущим во Иеросалиме пишу. Елика писасте ко мнѣ, ту познахъ. Не подобает вамъ, людемъ Бога живаго, подручнымъ быти челоуѣку идолослужителю. Да не задержав, ко мнѣ дани принесите. Азъ бо, не поклонився Богу во Иеросалиме, на бой к Дарию не пойду. Вѣдомо да есть вамъ, яко Дариевы десницы напрасно избавити вас хочу». Вѣстника же еврейска *отправи*, а самъ ко Иеросалиму поиде. Пророкъ же Иеремѣя пришествие его слышав, совѣтъ сотвориша со иеросалимляны: «Добро есть, – рече, – намъ Александра пустити во град. Видѣхъ бо в ночь сию во снѣ пророка Данила глаголюща ко мне: “Се грядет к вамъ, о немже азъ древле прорекох, иже бо от персь пострадахомъ, сий Александръ возмездие нам платити имаетъ”». Се же людемъ угодно явися. Александръ же в ту ночь видѣ сонъ: явися ему пророкъ Иеремѣя во одеянии архиерея Аарона и рече ему: «Александръ, поиди во

Иеросалимъ и ту поклонися Богу Саваофу, и поклонився ему, на Дария иди; и сего победивъ, персомъ государь наречешися». Александръ же, от сна воставъ, властелем своим сонъ исповѣда и ко Ерусалиму поиде. И приближившуся ему ко граду, слышав же сего пророкъ Иеремѣя, всякому дыханию на срѣтение царю поити повелѣ. Сам же во одежи архиерейской со свещами и с кадилницами стрѣтоша и покадиша. Александръ же, видѣвъ пророка Иеремѣю, и ко властелем своимъ рече: «Сего пророка видех в сию нощъ». И тако Александръ ссѣдъ с коня и поклонися ему до земли и целова ризы его. Пророкъ же Иеремѣя покадивъ его и благослови и за руку имъ его, въ церковъ введе, Святая Святых, поклонитися, юже созда Соломан царь. Александръ же вопрошаше пророка: «Возвести ми, в коего Бога вѣруете?» Пророкъ же рече ему: «Во единого Бога вѣруемъ, иже небо и землю сотворил и вся видимая и невидимая, иже око не видѣ и ухо не слыша, ни на сердце чловѣку не взыде». О семъ Александръ удивися и рече: «Поистинне велику Богу раби есте вы; да вѣрую аз в него, исповѣдую, дѣла бо его яве творить; дарую ему дани, иже от вас взял бых яко от прочих языкъ; Богъ вашъ во мнѣ да будет и миръ его со мною да будет». Взем же пророкъ злата много с людьми града того и сии ко Александру принесоша. Он же не восхотѣ взяти ничтоже, но вмѣсто дара дасть Богу Саваофу. И се рекъ, отъиде от земли еврейские, восхотѣ поити ко Египту. Проводи же его пророкъ Иеремѣя до полудни и сказа ему пророчество Данила пророка, иже преже бѣ, ко Александру рече: «На помощъ призывай Бога Саваофа и силу перьскую победити имаеши и всему от востока и до запада царь наречешися, егда вся си совершиши, тогда и близу рая доидеши и ту чловѣки найдеши, иже не есть от женъ Адамовых, согрешениемъ не живут, дебелостию плотскою обременении же, якоже и мы, но мирно *нѣ* како живут, близу аггельскаго жития; сии блажени от Бога наричутся. Сих же увидиши, Александре, вся, иже о возвращении твоємъ, прорекуть ти». И паки рече ко Александру: «Не остави нас в жалости, возми *нѣ* что от нас любве ради». Александръ же к нему рече: «Якоже велиши, святой отче, да сотворю». И повелѣ пророкъ принести

камень лихнитарий,⁷² на немже бѣ вписано имя Бога Саваофа, егоже на гелѣмѣ ношаше Исусъ Навгинъ, егда на бои хождаше на иноплеменники. Повелѣ ему принести меч Голияда иноплеменника, егоже на рати уби пророкъ Давидъ, царь еврейский; повелѣ ему принести гелѣмъ Самсона силнаго со змиевыми ногты и копие Самсоново и оружие его, емуже ни едино настояще оружие, ни желѣзо; принесоша ему щитъ от анта гвоздя,⁷³ егоже разбити ни едино желѣзо можетъ, иже быше был Атана,⁷⁴ сына Саулова. Гражане же дароваша его и даша сто тысяч купль микдал и коней 200. И тако благослови его пророкъ и самъ Александру рече: «Некому, Александре, землю свою видиши». И отпусти его с миромъ. Александръ же во Египет отъиде.

О ПРИХОЖЕНИИ КО ЕГИПТУ

Египтяне же прямо ему на бой готовляхуся, не хотяще повинути Александру. Он же с своими оступи около града Египта, крѣпко рвати повелѣ. В то же время зноеве бяху велицы. Езеро же близъ Египта быстро и студено быше велми. Царь же Александръ от безмѣрнаго зноя прохладитися восхотѣ, окупася, и превзя его водная студень естественую доброту, и в немощъ в велику впаде. Египтяне же немощъ Александрову слышавше, лукавствие сотвориша. Листъ скоро сокровенно ко Александрову врачу писаше Филиппу: «Великий врачу Филиппе, Александра аще врачевнымъ бытием умориши, ты всему Египту царь будеши». Филип же сий листъ приимъ, много смѣяся и раздра и к нимъ листъ отписа: «О безумнии и несмысленнии послове египетстии, аще бы царствию вашему хотѣлъ бых, скоро бы Александръ мой дал бы мнѣ многая силна и болша царствия вашего, иже мечемъ своимъ приял – царствия вся си аз ни во что же вмених, преобидѣхъ и презрѣхъ, Александра же единого изволих имѣти паче всѣхъ царствий земских и богатствъ, вес бо миръ не достоинъ ни единому власу, отпадающу от главы его. Вѣдомо да есть вамъ, яко Александръ здравъ есть, но хитрость вамъ творимъ, яко невѣрствие ваше искусити. Заутра же его увидите на великомъ конѣ здрава ѣздяща и весела». Сей листъ египтяне видѣвше и убояшася и ко Александру листъ тайно писаша: «Вѣдомо буди

царствию твоему, великий Александре, яко Филип, врач твой, ядовитым зелием уморити тя хочет, за невѣрие живота своего, невѣрен бо ти есть». И листъ ко Антиоху принесоша, Антиох же ко Александру принесе. Александръ же листъ прочетъ и в руцѣ своей держаше, и в той час Филипъ врачъ прииде, кубокъ полоннося зелия растворена, и ко Александру глаголя в тайнѣ: «Александре царю, сие зелие пивъ, исцелѣши от немощи». Восстав же Александръ, в руце кубокъ приемъ, прослезися и рече к Филипу: «Любимый мой Филипе, велико мнѣ сие пиво пити?» Филип же к нему рече: «Пий, царю, не сумнися, полезно ти будетъ, от немощи исцелѣши». Александръ же еще к нему рече: «Не на ползу ми даеши сие пиво, Филиппе». Филип же цареву сумниную проразумѣвъ, вземъ кубок, половину испивъ. Царь же видѣвъ, к Филипу рече: «От руки твоя мнѣ смерть сладка есть». И се вземъ царь, испии, Филипу же листъ египетский дасть. Филип же прочетъ листъ, главою покивавъ и много проплакавъ, рече Александру: «О великий царю Александре, на главѣ твоей всѣхъ царей земских главы висятъ; да аще сие хотѣлъ быхъ сотворити, твоя главы падением вся вселенная поколебати. Вес бо миръ не достоинъ единому власу падающе от главы твоя; тебе убивъ, которому царю назвались бых рабъ! На лутче бы мнѣ живу в землю внити, нежели твоею смертью весь миръ поколебати». Александръ же рече: «Врачъ царя не убиваетъ, вѣра бо велика в немъ». И се рекъ, ляже спати весь день до вечера. Возбодився, сяде с македоняны и много веселився.

И всю ночь покойно спав. Заутра же повелъ войску вооружатися, и со всѣх странъ ко граду напрасно повелъ итти, и пушек сто поставити повелъ около града и бити во градъ. И много людей во граде избиша. Бяше же видети стрѣлы летяща во град яко облакъ, египтяне же чрез день не можаху глядети, из града великими гласы начаша вопити: «Помилуй нас, царю Александре, старъ убо от нас отшел еси и паки пришел еси к намъ младъ».

Александръ же египтян вопрошаше: «Како от вас старъ отидохъ и младъ к вамъ приидох, скажите ми?» Они же отвѣщавше: «Нектанава царя имѣхомъ, емуже еси сынъ ты,

отходя от насъ писмо свое остави у нас. Написано так: “Отхожу от васъ старъ и прииду к вам младъ; се будет пришествия моего бѣлѣгъ – егда ко образу своему прииду и поклонюся, иже на столпѣ средѣ Египта стоит, тогда венецъ от руки его спадет”». Александръ же слышав, поиде во Египетъ и къ столпу прииде, и приступль ко образу его, и урвася венецъ з главы образа на Александра. И ту Александръ повелѣ сотворити 4 столпы великии, на единомъ столпѣ повелѣ себе во злате сотворити, на второмъ столпѣ повелѣ Птоломию воеводу создати, на третьем же Антиоха, на четвертом Филона храбраго повелѣ сотворити, всѣх же к востоку зрѣти сотвори. На Нектанавов же столпѣ Александръ вшедъ, по Египту погляда, высок бо бѣ велми, и повелѣ разбити всего. Врача Филиппа царя граду Египту сотвори. Сам же во Египте сокровище многих царей первых обрѣте.

Сему же бывшу, вѣстники приидоша ко Александру царю, глаголяще: «Вѣдомо да есть ти, царю Александре, Дарий, великий царь перский, со всѣми восточными силами на Ефратъ реку прииде». Александръ же слышав и воя своя вся собра, къ Ефрату рецы идяше. Ефрата же реки не дошел, войско преписати повелѣ и обрѣте 6-сотъ тысячъ конных, а пѣших 1000 и 400. Дарий же войско свое преписати повелѣ и обрѣте 1000 тысячъ конникъ и тысячу тысячъ пѣших. В той день лазуку Дариева ухватиша и ко Александру приведоша; и сихъ обѣсити повелѣ, яко да возвесят войску перьскому число. Они же к нему рекоша, истинну исповѣдаша; Александръ же держити их повелѣ до вечера. И войску же своему всему повелѣ – всякому человѣку огонь сотворити; лазуку же Дариева на високу гору возведе и показа имъ войско, они же видѣвше безчисленное множество огней. И тако отпусти их Александръ, рече им: «Законъ есть македоняном, егоже на бою хватят, тому главу отсекают и никогоже бо оживляют; да аще з Дариемъ вы на бои не ходите, боле бо человѣку свой живот, нежели всего свѣта имѣние. Царю же вашему рцыте: “Царю ... подобает со царем битися; егда битися начнем, ищи мене на златой колесницы ездяща между лвовы знамены, гдѣ видиши позлащены гелмы и типаны парижи, ту есть македоньский полкъ”». И се рекъ,

отпусти их. Лазуки же к Дарию царю пришедше, вся сказа­ша ему, яже видѣша, Александра хваляху много и войско его повѣдаху много. Дарий же повелѣ имъ языки урѣзати, да бы персомъ не исповѣдали. Сам же на бой войску повелѣ на­править, совѣтъ же сотвори с вои своими, глаголя: «Не подобно тебѣ самому, царю, на бой поити, Александръ бо гусарь есть, от малых царей есть царь, Дарий великъ на земли паче всѣхъ царей». И се угодно цареви явился Дарию. Дарий же царь великаго воеводу своего Миманда на свое мѣсто устави и рече к нему: «6-сотъ тысячъ избранных персѣхъ возьмѣ, 200 тысячъ ефиопъ, 200 тысячъ мидий, 4-ста тысячъ пѣшихъ со стрелами и сихъ всѣхъ возми, Тигръ реку прешед, Александра, сына Филипова, ко царству моему приведи. Аще ли пред тобою побегнет, а ты гони, не остави его, боги перьскими укрепляемъ». Миманда же войско возьмѣ, Тигръ реку прешед, войску Александрову возрѣвъ, на бой направитися повелѣ. Александръ же перское войско видѣвъ, войску своему повелѣ готовымъ быти, и вседоша на кони вси. Тогда Александръ, собрав войско свое, рече к нимъ: «О всесилнии и любимии и велемощнии македоняне, елики македоньстии витязи, покровъ и промыслъ великаго Бога, егоже видѣста, како великий Римъ прияли есми, и западу всему государи назвахомся, и отоки морьстии прияхомъ, Иерусалимъ прияли есми, ту Богу небесному поклонихомся и, его помощь взявше, Египет прияли есми и великаго царя Дария перскаго дошли есми. Аще сего убием, государи всему его будем, аще ли нас побьет, то вся вселенная пред образом его укрыти не может; лутче бо намъ ныне всѣмъ на бою умерети, нежели пред персы бѣгати; всякому велеумну мужу смерть почтена болши есть, нежели срамный животъ. Вѣдомо да есть вамъ, яко разбити их имама, понеже царя их с ними нѣтъ, всяко бо войско безглавни суть без царя. И зрите ихъ неурядно на бой идущих, сии вскоре бѣгати начнутъ, безглавни суть. Знаите и вы, яко перси овцы наричются, македоняне же волцы суть, пред единомъ бо волком много бѣгает овецъ. Перси бо погнани суть, а вы своею волею с царем своимъ идете на бой. Молюся вамъ, милая братия, храбро на бой сей поидѣте, паче иных, колико бо войско на войско идетъ,

тогда остроту войска их отнимает». И се рекъ Александръ, на великого коня всѣдъ и гелмъ на главу свою постави и войско все на двое раздели, самъ в македонскомъ полку по уставу ѣде, Антиоха и Птоломѣя со двема полки на бой посла. И тако напрасно мечи ударишася, персы же, не могуще македонскимъ противитися мечем, начаша бѣгати. Александръ же взамѣсь с ними идяше и тако до Дариева окола приспѣша. Дарий же, видѣвъ войско разбито, на борзого коня всѣдъ, побѣже. Александръ же сихъ разбивъ, мертвых повелѣ вкопати в землю, живых же с честью отпустить, тако рекъ имъ: «Рцыте царю вашему Дарию: “Доволен буди оброки своими, Дарии”». Миманда же, воеводу Дариева, уби. И тако двигъся со околomъ своимъ, Ефрат реку преиде и мосты разметати повелѣ.

Дарий же, перьскій царь, по всей земли своей посла, войску в Вавилоне собиратися повелѣ, и две тысячи тысящей войска собрав, на Сенарское поле⁷⁵ иде, на Александра. Александръ же много множества видив войска Дариева и страх на сердцы своемъ имѣяше, сего македоняном не являше. На высокомъ мѣсте ставъ, рече: «О велемошнии мои вои и милии македоняне мои, вѣдомо да есть вамъ, яко всякий бѣгая борзи его гонящаго; единому рыкнувшю лву, мнози умирают звѣри. А намъ узаконися всегда гнати и убивати, персом же узаконися бѣгати и умирати пред нами. Дарей бо велико войско навелъ есть на нас, не хотѣлъ намъ чести сотворити, убивая многих, *многие* чести достоин есть. А мы Миманда воеводу убихомъ, да аще Дария убием, то безпечални будем. Все бо с перваго иже боя утекоша, на сий бои не приидутъ». И се рекъ Александръ на бой поиде, имѣя с собою тысячу тысяч вооруженных. И войску своему смотрѣти повелѣ, иже хто преже боя побѣгнет и сий яко ратникъ без рассуждения умирает.

В ту же ношъ явился Александру пророкъ Иеремѣя во снѣ, глаголя: «Поиди, чадо Александре, без сумнѣния на Дария, с собою имѣя помощника Бога Саваофа; *носи же на главѣ своей камень, имѣяще имя Бога Саваофа*, егоже дах ти во Иеросалиме. Усты же своими глаголи на бой идя: “Единъ святъ, единъ Господь, небо и землю созда, на херувимех почиваяй, Аданай, Саваофъ Богъ”. И сие рекъ, победиши и весь свѣтъ

противитися не можетъ». Александръ же видевъ сонъ, радостен бысть велми, смѣло на бой идяше. И со обою страну трубамъ ратнымъ ударившимъ, и войсками двема сразившамся, бѣ видети вопль человѣческий и конский, звукъ оружный. Сѣчь от утра до полудни бывши, и персы побегоша, а македоняне за ними три дни и три ночи гнаша, четыреста тысячъ их убиша, двѣсти тысячъ живыхъ ухватиша и ко Александру приведоша. Александръ же к нимъ рече: «К тому на бой не ходите», сихъ живыхъ повелѣ пустити. Дарий же в Персипол, градъ столный свой, утече.

Александръ же поиде к Вавилону. Граждане же вавилонскийи за сто верстъ не даваху Александру ко граду приступити. Таковъ быв Вавилонъ величествомъ, яко рецы Ефрату притекающи в онъ, непреходней суще велицей, идѣже изрядно течаше, ту на конехъ бродяху. Александръ же выше града с войскомъ своимъ ставъ, воду же посредѣ войска своего копати повелѣ, ископавше сице прямо рецы широко. Во едину ношъ вавилоняне жертву велику богомъ своимъ творяху, вси в храмъ Аполоновъ собращеся, Александръ же с вои своими в нощи пришед, Ефратъ реку от града в поле отведе и воднымъ путемъ рѣчнымъ с войскомъ своимъ во градъ прииде и, не могии принятися, запалити его повелѣ. Вавилоняне же сие видѣвше, ко Александру вопияху, молящеся: «Помилуй насъ, македоньский Александре, всего свѣта царю, перьский государю». Тогда Александръ угасити огонь повелѣ. И тогда поклонишася ему вси вавилоняне и прославиша Александра царя и дары ему дивныя и многоцѣнныя принесоша. Изнесоша злато Дариево, иже бѣ ту 2000 талантъ, и 1000 коней зобныхъ Дариевыхъ, изведоша ему 100 лвовъ во златыхъ чепехъ, 1000 пардусовъ ловныхъ, 100 парижъ аравитцкихъ, иже паче бяху изрочни всѣхъ коней земскихъ; изнесоша ему 2000 блюдъ златыхъ настольныхъ Дариевыхъ; изнесоша ему 10 000 тысячъ оружия цѣла со златомъ и бисеромъ многоцѣннымъ; изнесоша ему кубковъ златыхъ приправленныхъ с различнымъ камениемъ многоцѣннымъ; изнесоша ему збруи коньскіе от рыбы кожи, иже желѣзо похватити не можетъ; изнесоша ему одеяние Сескерсена,⁷⁶ царя перьскаго, иже бѣше сотворено от змиевыхъ очей⁷⁷ со

многоцѣннымъ каменіемъ, иже бѣше былъ всему свѣту царь; изнесоша ему венець Сонхоса⁷⁸ царя; изнесоша ему скатерть настольную, иже от самфира камени, Дарія, царя перскаго, егда бо на ней ядыше, николи злосердѣ не бываше. Ту Александръ сотвори в Вавилоне 30 дней.

Дарій же слышавъ, перскій царь, яко взял Александръ Вавилонъ, жалости великія наполнився, рече: «Окаянный азъ, како всего своего лишихся в животъ моемъ, како боговъ небесныхъ силіе явихся, ни чловѣкъ земныхъ достоинъ быхъ, единъ отъ малыхъ царь силу мою разруши и разори. Окаянный азъ, Дарей, честь бо моя первая тихо ко мнѣ посмѣяся, на конецъ горко мнѣ озрѣся. Но поистинне добре есть рекъ: “Сеюще съ радостию неправедное, сій съ плачемъ и жалостию пожнутъ”. Великій бо въ мудрости еврейскій царь Соломонъ въ писаниихъ рече: “Иже съ радостию чюжая взимають, то зъ жалостию своя отдаютъ”. Азъ убо чюжая вземъ съ радостию и своихъ нынѣ лишихся зъ жалостию. Но лутче бы мнѣ на бою отъ македонянъ убиену быти, нежели злѣ живу сущу персы царствовати. Персы бо на многа лѣта данъ взимаху отъ македонянъ, нынѣ же главами своими македоняномъ платяху». Сіе же персы слышавше, царя своего Дарія тѣшаху, глаголюще: «О великій царю Даріи, великимъ кораблемъ великаго паденія суть, велицы вѣтри колеблютъ великіе древа... Тако и царства множествомъ людей состоитца, якоже и море великими волнами страшно являетца плавающимъ. Да не скорби, царю, о семъ, вчера бо Александръ разбилъ есть, а утро мы побиемъ его, немало бо подвижати имають велемошніи витязи перстіи о своей отеческой землі».

Яви же ся нѣкій любимый и милостивый присный властелинъ Даріевъ, ту стоя, рече: «Великій царю Дареи, мене миловалъ еси много лѣтъ и велико добро сотворилъ еси мнѣ, да я, выдавъ тебѣ печална, нынѣ животъ свой жалость твою отдамъ, Александра же животомъ своимъ убью». Дарій же къ нему рече: «О любимый мой, здѣлайте ми се. Аще сіе сотвориши, Александра убиеши, Персиду всю отъ напасти свободиши, смерть твоя вмѣсто живота вменитца и мнѣ царство отъ руки твоея дасться; и ты отъ персъ великъ наречешися». И се рекъ,

Авис македонское знамение на оружие свое возьмъ и во Александрово войско вниде. Александру оружену ѣздящу и свое войско переписоваше. Авису же близ его приѣхавшу в македоньской збруи и ко Александру приближися, Александръ же во оружии стоя. Авис же возьмъ меч свой, Александра же по очима хотя ударити и не улучи его и по верху шолома удари и верхъ шолома ссече и космъ верха его яко бритвою устригъ. Александръ же мнѣвъ, яко от своих ему невѣра бысть, и рече: «Не удари мене рука перская, но удари мя рука македоньская». Ависъ же повторити хотя, и ухватиша его, и меч у него исторгоша, и щеломъ с него сняша, и ко Александру его приведоша. Александръ же к нему рече: «Кто и откуда еси, человекъ, и какъ тебѣ имя есть?» Он же к нему рече: «Имя ми есть Авис, персянинъ есмь, Дариевъ присный властелинъ; любовию государя моего обдержимъ есмь, тебѣ убить хотѣхъ животом моим, государя же моего смертью твоею обвеселити хотѣхъ. Но елико могох, тако сотворих, Богъ же елико хочет, да творит». Александръ же к нему рече: «О безумный Ависе, се ты волю государя своего сотворил еси и по твоему изволению ныне умерлъ еси, мене же Богу соблюдуш. Ты ныне умерлъ еси, но понеже за государя своего поболѣл еси и главу свою за него положил еси, яко единъ от македонян се сотворил еси – от руки моея живот тебѣ дарую, понеже сотворил еси дѣло, иже никтоже сотвори нигдѣ. Здравъ ко царству своему поиди и тако ему рцы: “Дарий, перский царю, егоже Богъ хранит, того человекъ не убивает, егоже ли Богъ не хранит, того вси руки человекъ не могут укрыти. И да преломи неумоленное свое сердце и царству моему поклонися, дани мнѣ дай, с подручными цари почивай”». Авис же к Дарию пришед, возвести ему, иже сотвори и како Александръ живот ему дарова от руки своея. Дарий же покивав головою и рече: «Елика может, да сотворит, Богъ елика хочет, да будет». Ависъ же рече к нему: «Тобѣ ныне всю работу мою меч платих, живот мой от рук Александровы взях. Вся бо, елико сотворил ми еси, нынѣ животом моимъ оплатих тебѣ; яко тобою мертвъ есмь, Александром же живъ есми. Елико могох, то и сотворих, Богъ же егоже любит того и сохранит. Да кланяюся тебѣ, царю Дарий,

работати хошу тому, иже животъ ми дал есть». Дарию поклонився, ко Александру отъиде.

Жалостен був Дарий и рече: «Емуже бози противляются, емуже честь на безчестие преминуетца, того ближнии и любимии его друзи оставляют. Добре бо рече: “Возношение годишнаго кола имаеть *и низношение низко*, да всякий бо возносяйся смирится”». И се рекъ, Ависа дарова и наказа ко Александру: «Александрѣ царю, не превозносися до конца, всяк бо возносяйся смирится вскоре. Сонхось бо царь зѣло превознесесе, от дивиих людей смиренъ бысть, и аз бо вознесся, от моих смирен бых. Тобѣ аще возможно есть, буди доволенъ оброки своими, аще ли неугодно явится, то лутче есть намъ царством нашим и богатствомъ смерть получитьи, яко же неудобно есть мнѣ поклонитися тобѣ, тако и тобѣ неудобно есть поклонитися мнѣ, царь бо царю не кланяется николиже, но единому умершу, другой мирует. Но готов буди на бран... десятый день иду на тя с останочными персы и с непобедимы индѣяны; бившися с тобою или тебѣ и твоих побиемъ, или с моими на отческой земли нашей с честию умремъ; и Богу о семъ мѣрила права в руку содержащу». И се рекъ Дарий, Ависа отпусти. Авис же ко Александру пришед, вся реченная Дариемъ ко Александру рече. Александръ же покивав главою рече: «О царствии мира ни с ким нѣсть, царство бо велика гора есть и высока зело, иже к вѣрным красна и сладка есть являетца, понеже водами и овошми различными украшено зело, к невѣрным же непреступна, но пристрашна есть. И на красоты ея позирая, неудобъ изсѣсти ему мнится, точию аще разумно оправляти сию вѣсть».

Александру же в ту ношъ пророкъ Иеремѣя явися с Филинѣсом,⁷⁹ иереом Ерусалимскимъ, и рекоша к нему: «Дерзай, чадо Александрѣ, самъ себѣ посла сотвори, и Дария царя исходи, и виждь войско велико индѣйское, иже ведет Дарий на тя; и сими, юже от сих македоняне имают, исходомъ своею от сердца избавиши. Аще Дарием увѣданъ будеши, и мы помощию Бога Саваофа избавим тя». Встав же Александръ от сна, Птоломѣю и Филону, и Антиоху сонъ свой сказа. И на походе к нимъ рече: «Аще смерть мнѣ тамо случитца, вся

земъская царства раздѣлите». Они же с плачемъ держаху его, глаголюще: «Аще сие сотворити мыслиши, то первое всѣмъ намъ главы отсѣцы». Он же к нимъ рече: «Аще Божию промыслу годѣ будет мене убити, а вы не можете мене оборонити. Аще ему годѣ будет блюсти мя, вси перскіи руки не могут мене убити».

И се рекъ, в Персиду поиде яко посол к Дарию и листъ понесе к Дарию. Одежу на собе персидьскую нося, сверху же его плаш финический и со аспидовыми роги и со золотыми печатми ношаше. Дарій же порастас, сирѣч встрѣчу велику, сотвори, яко бы чуден послу Александрову явился. И тако Александръ видѣ и, листъ вземъ, Дарию дал и рече к нему: «Государь мой Александръ, царь царемъ, тобѣ, царю перьскому Дарию, мною поручи радоватися. И листъ прочетъ, скоро ко мнѣ другій отпиши». Дарій же сѣдѣше на нѣкоемъ мѣстѣ высоком, около его лица ангельская сотворена бяху, емуже яко богу со свещами предстояху. Вся же полата от золота искусна сотворена бѣше, столпи же золотіи и с каменіемъ многоцѣннымъ украшени бяху, четыре камени у четырехъ углехъ тое полати бѣше. Листъ же Дарій приимъ, дивляшеся Александрову одѣянію и клобуку, листъ же велегласно повелѣ чести. Персянинъ же нѣкто нача чести, еже умѣяше македонскіи слова. И листъ же написа сѣце: «Александръ, царь надъ цари, сынъ Филиппа царя и царицы Алимпіяды, всему свѣту царь вышняго Бога изволеніемъ. Помниши ли, Дарій, перскій царю, егда дань отца моего от Македоніи вѣдѣху и се умершу, мнѣ же на престолѣ его младу сущу оставшу, понудимъ бысть ты своимъ нераднымъ злымъ обычаемъ мене от царства моего согнати, иного македоняномъ государя вмѣсто мене сотворити и мене от очинныя земли отгонити. Се же видѣв, Божіе всевидное око, иже вся бываемая видѣтъ, всихъ сердецъ помышленія знаетъ и мѣрами праведными мѣритъ, ныне тобѣ, а завтра мнѣ, имже судьбами государь отечеству моему сотвори мя и царя всему свѣту. Ты млада мя суща повелѣ привести, азъ же в мужество прѣспѣвъ, самъ к тебѣ пришель есмь. Якоже ты всему моему государю хотѣ назватися, тако и азъ *днесъ господинъ всему твоему назвася. Не тако азъ немилостивъ, якоже тебѣ мнѣтца быти; но поклони*

непреклонную свою гордыню и пад, поклонися мнѣ, и дани мнѣ дай, и буди государствуя персидьскою землею. Аще ли тебѣ неугодно явитца, ты персомъ государь еси⁸⁰ и сим радъ еси заклатися от македоньских мечей. Буди готовъ со всѣми силами своими на бой въ 15 день на Синарьстей рецы,⁸¹ со всѣми моими стати имамъ». И сий листъ Дарий прочетъ, ко властелемъ своимъ озрѣвша и рече: «Надѣеши ли кто таковое подвиже и таковъ ярости от Македония изыти». Александръ пред нимъ стоя рече: «Не чюдно, аще македоняне всимъ свѣтомъ обладают». Дарий же к нему рече: «За что?» И рече: «Вси бо суть единосерди, и мудрии, и любимии, и храбрии без конца суть, войско бо сии имѣюще непоколебимо». Велможа же Дариев, ту стоя, рече ко Александру: «Почто тако к великому государю отвещаеши?» Он же к нему рече: «Силнаго государя воленъ посолъ и вѣренъ слуга». И се рекъ, отступи. Дарий же к нему рече: «Буди у нас на вечера, Дѳндеже листъ ко Александру отпишу».

Тако Дарий на вечере сѣде с своими велможи, Александра же на поклисарьскомъ мѣсте посади прямо ему, и ясти поставиша; егда послужити начаша, тогда Александръ чашу испивъ в недра скры. Тогда слуга Дарию возвести сие. Дарий же повелѣ другую налити. Александръ же и тую, выпив, в недра и скры. Един же от велможъ Дариевых ко Александру рече: «Не подобаетъ на царскомъ столѣ сяду тако творити». Он же к нему рече: «У государя моего, Александра царя, первую чашу и другую испивъ, всякий собѣ беретъ». Се же персы слышавше удивишася. Кандаркусъ же нѣкто, егоже Дарей в Македонию посылал бѣше господствовати, с вечера воставъ, к Дарию рече в таи: «Вѣдомо да есть тебѣ, царю Дарей, яко днесъ бози всю волю твою свершиша». Он же рече: «Како?» Кандаркус же рече: «Сий посолъ македоньский самъ Александръ есть, сынъ Филипов». Дарий же, радости наполнився, к нему рече: «Аще сие истинна есть, то аз всему свѣту самодержецъ есмь». И тако нача часто обращаться ко Александру тихимъ лицомъ, мнѣ собѣ невѣрну быти, рече: «Всих глава глав не обещаетца на концы». «Аще есть сеи истина не будетъ, чести всее лишюся у тебе и главу мою мечем отсеци». О сем же Кандаркусу

глаголющую, Александръ же тако домыслися, яко преже ухвачения перстения искаше в тоболе своемъ вольховалного, иже бѣ взялъ в Трои граде в Клеопатре, египецкой царицы, коли бо той перстен на руку полагаше, тогда невидимъ от всѣхъ бываше. В руку же его возьмъ, на перстъ его не положи, хотя Дарие искусити малодушие. Дарий же безмѣрною радостію возвеселися и рече: «Прилична ми тя ко Александру, человекѣ, глаголють быти». Александръ же к нему рече: «Поистинне, великий царю, истинну реклъ еси. Александръ же, – рече, – царь приличности ради любит мя велми. Приличен бо есмь к нему, мнози бо мнѣ Александра мняше». Тако Дарей в размышление впаде и не повелѣ его ухватити. Трапезу же ногою ринувъ, в ложницу отъиде со свѣщами, мысля, како его ухватити. Свѣщи же з Дариемъ отнесоша, Александръ же со властели в великом храме оста и ту стоящу ему во тмѣ и совлече с себе многоцѣнное одѣяние и македонскую коруну, перстен же волховный на перстъ возложи. И тако ко вратомъ града притек, и чашу златую из надръ возьмъ, и дасть сторожу, и рек: «Возми чашу сию и держи, Дарий бо царь посла мя стражу нарядити добро». И отвори ему врата. На другая же врата пришед, и другую чашу возьмъ, сторожу дасть, и рекъ: «Возми чашу сию и держи ю, Дарий бо царь послалъ мя еси воеводу призвати к себѣ, да стражу крѣпку утвердити». И тако отвориша ему. Скоро из града же изшед и на великаго коня всѣд, на Арсинорскую реку пред свѣтом приспѣ, и сию реку измершу обрете, и на ону страну преѣде цѣль. Ту бо его ждаху воеводы Птоломѣй и с Антиохомъ и Филономъ и любимый Андигон. Александръ же исповѣда имъ, яже ему в Персиде случися.

Дарий же, в ложницу вшед, 12 велмож своих призвав, к нимъ рече: «Вѣдомо да есть вамъ, яко сий македонский посолъ Александръ есть». Они же к нему рекоша: «Аще се истинна есть, бози перстии умилосердишася на нас». Дарии же рече Кандаркусу и Клису, лидоньскому царю: «Александра ухватите». Они же, свѣщи велики взявше, в великом храме его искавше много и о немъ вопрошаху и не обретоша, ко вратомъ же града текоша и у вратарей вопрошаху о немъ. Вратари к нимъ рекоша: «Два сосуда злата в сий часъ человекъ принеслъ

к намъ и здѣ остави, в войску отъиде, глаголя, яко: “Царь послал мя в войску стражи нарядити и воеводу призвати”». Кандаркусь же лукавство Александрово позна, 300 добрых конникъ взем с собою, сами на борзых кони вѣдше, на реку Арсинарскую в солнечной восход приспѣша и обретоша реку растаявшуюся. Александра на оной странѣ узрѣша, в недоумѣнии быша, и сумнѣшася, и посрамишася. Александръ же к нимъ рече: «Почто вѣтра гоните, егже не можете сустичи? Не вѣстели, македонских коней и Арсинорская река удержати не может. Но возвратившеся, цареви вашему рцыте: “На чаши твоей хвалим тя, во дни же сии ищи мене со вѣмъ войскомъ у Арсинарских реки на брезѣ”». И се рекъ Александръ, в войско свое поиде. Дариевы же возвратишася и вся ему о Александре возвестиша. Река же Арсинорская всяку нощъ померзаше, на всякий же день розмерзашеся и течаше водою. Дарий же царь Александрово лукавство видѣвъ, жалостно проплакавъ, рече: «Видите ли, коликим лукавством прелсти нас сынъ Филиповъ, землю нашу приимъ и царство мое взя. О невѣрная и неуставная чести, тако к челоуком управну сладка являшеся и напоследокъ горчаиша яда змиева являшеся».

И к Пору,⁸² индийскому царю, листъ писа, силен бо бысть велми и любим Дарию, бѣше 36 языкомъ царь. Листъ же Дариевъ сице: «Иже в богох богу, вѣмъ царемъ царю, великому индѣйскому Пору Дарий перьский, окаянный и неволный, унылый, радоватися тебѣ пишу. Мню да пришло есть в слух царства твоего от многих, да и малое, елико намъ македонский отрокъ нанесе. Подручество, еже к намъ имаше, сего некако избѣгъ и нас государьский наѣха, и вси страны земли моея, до Вавилона града, к своей земли западной приложи. И сего перси, не вѣде како, убояшася и противитися не могут ему. Двожды бо с нимъ бихомся и двожды бо нас разби. Да о семъ молюся великому величеству, на нас призри и руку помощи дай, да третицею на бой изыду к нему или убью их, или от них побежен буду. Вѣдомо да есть вамъ, яко непобедима сила индийска есть ты же равен богомъ еси. Милостив буди унылым моим молбам, войско мнѣ пошли, избави мя от лютых и немилостивых македонян. Подобае бо мнѣ поклонитися силному тебѣ царю».

Пор же листъ Дариев приим и сий прочет, главою покивав, рече: «Нѣсть на земли радости, иже не приложитца на жалость. Дарий бо нѣколи точен богу бысть, ныне же от македонян гоним бысть». Призва велмож своих и рече им: «4 тысячи тысяч возьмше вой и к Дарию на бой на помоз идѣте. Александра живаго ко мнѣ приведѣте, жаден бо еси видети отрока того, млада бо и смыслена глаголют его быти». И собравшеся, к Дарию поидоша. Слышав же Дарий пришествие их и мало нѣкако от великие скорби в радость прииде. Персом же братися повелѣ, и всѣхъ бысть 10000 тысячей, и на Александра со всѣмъ поиде. Воеводы же индѣйские войски на Олександра исходу послаша, и сих Александровы стражи ухватиша... и ко Александру приведоша. Александръ же их на высоко *мѣсто возвести* повелѣ, и войску же своему вооружатися повелѣ, и на бой их урядив, и на Дария поиде, исходником глядати повелѣ. Егда же близ войска Дариева быша, и тогда Александръ исходники пусти. Исходницы же воеводам Дариевым повѣдаша: «Войско силно и остро видели есми велми, сердито и борзо идут на бой, не сумнящеся ничтоже, вси же оружены быша добрѣ конми, до 4000 тысячей бяху». Индияне же страхом великим содержими бяху, на бой яко силою водими бяху. И соступившемася двема войскома, солнце от *праха* помрачися страх же индиан и македонян объять. Вкупе и замесившеся вси, единии з другими не знахуся. Вѣтръ же бурный дохнувъ, и начаша сечися, весь день измесишася. Александръ же не могий терпѣти, со заставою своею тысяща тысяч избранных витяз посредѣ ихъ вниде самъ на златой колесницы ѣздя. Индияне же и персы, сего узрѣвше, страхом великим одержими бяху, побегоша.

Дарий же, то видѣвъ, отчаявся, в недоумѣние впаде и, вся остави, побѣже напрасно, сия словеса глаголя: «Окаянный аз, како небесным подобляхся и земных сподобихся, како всему свѣту царь бых, в моем отечествии не сподобихся умерети». Се ему глаголющу к Персиполю, граду своему, бежаше, сустигоша же его два велможи, Кандаркус и Аризванъ,⁸³ приснии и любимии его властели, единъ от страны, а другой от другой

мечи его прободоша и с коня его сорваша, свергше его с коня, едва жива оставиша.

Александръ же единого воеводу призва, рече: «Ко индийской и перской войсце поиди и к нимъ рцы: “Царь вашъ Дарий убиен есть, не мозите бѣгати, но стоите. Аще ли начнете бѣгати, в сий день умрете”. И ко индианом глаголетъ: «Стойте, не бойтесь, ко царю вашему съ честію вас отпущу. Аще ли побѣгнете, в сий день умрете от меча». И Селевка посла индианом всимъ конное оружие взяти и иных живых ко царю их отпусти. Филон же к нимъ рече повелѣние Александрово, они же на землю падоша, поклонишася, знамена же все Поровы, и великии трубы, и кони вся оружия к Филону привелоша; от него прошения приимше, во свою землю отъидоша. На походе же рече к нимъ Филонъ: «Царю своему Пору рцыте: “Буди доволен индийским царствомъ во своей храброй земли, руки помощи чюжим на македонянъ не посылай. Вѣдомо да есть тобѣ, Поре, индийский царю, яко Филон по милости Александрове персомъ государь назвася и сусѣд тобѣ буду”». Перси же се слышавше, от индѣян отдѣлишася и Филону приступиша и сему во Александра мѣсто поклонишася, елико македоняне радовахуся, яко Александру работати сподобишася.

Александръ же гнаше своим полком до великаго Персиполя приспѣ. И не дошедшу ему до града, види Дария на пути лежаща, мало жива суца, едва дышуща, ко Александру вопияше: «Александрѣ царю, ссѣди скоро, глас мой услыши». Александръ же озрѣвсѣ, рече: «Кто еси ты?» Дарий же рече: «Азъ есмь Дарий царь, егоже коло годишное до небеса возвыси, се ныне неуставная честь до ада сниде. Азъ есмь Дарей, иже некогда всему свѣту царь бых, ныне во отечествии моем не сподобихся умрети. Азъ есмь Дарей, иже от многих тысячъ людей почитаемъ бых, а се здѣ самъ на земли повержен лежу. Да ты, Александрѣ, самовидецъ был еси мнѣ, от коликие славы отпадох и каковою смертию умираю. Да таковой смерти и ты убойся, не остави мене в праху сем под коньскими ногами умрети; не тако бо ты немилостивъ, яко персы немилостиви суть, но вѣмъ тя благоутробна быти и благодателя ко своимъ злотворнымъ; тако бо всим велеумным подобает быти, добро бо

рече: “Не воздай зло за зло, яко да Богъ от зла избавит тя”». Сие же Александръ слышавъ, Дариевым речем умилися и скоро с коня ссѣдъ и плашъ с себѣ снемъ, Дария покры, македоняномъ же повелѣ на златую колесницу положить его и во град его понести повелѣ. И самъ Александръ насилное древо вземъ на рамо и понесе его, и к Дарию рече: «Се тебѣ по достоянию царску честь воздаю; да еще живъ будеши, болши сих узриши, еще ли умреши, тѣло твое по достоянию имам честити царски». И тако двигшеся внутрь града во царский в него двор внесоша и на златом одрѣ положиша.

Александръ во многоцѣнное одѣяние облечеся и венецъ царя Соломана на главу положи и жезлъ златъ в руку свою вземъ, на престолѣ великом царя Дария сѣде. И тако персы вкупе с македоняны ко Александру приступиша и поклонишася, рекуще: «Многа лѣта Александру, великому, всего свѣта царю, перскому государю». И приведоша пред него перскую царицу со дщерью Роксаною.

И сих видевъ Дарий, и пренеможе душею, и поболѣ сердцем, и много умилися и прослезися, Роксану за руку приимъ, жалостно пригорнувъ к своему сердцу: «О душе, и сердце, и милый свѣте очию моею, вселюбезная дщи моя Роксана, се тебѣ мужа ненадежнаго от Македонии приведох, не моим хотѣнием, но Божиимъ произволением; сего Богъ персом господина сотвори и всему нашему государству и имѣнию. Не тако бо аз напрасно мнѣхъ бракъ твой сотворити, якоже ныне прилучися быти, но вси посолнычнии цари и князи на веселость брака твоего привести хотѣх и радость твою со многимъ сотворити веселиемъ. Вмѣсто же браков красных многи ныне пролишася крови македоньскіи и перскіи. И мы, елико могохом, толико и подвизахомся, Богъ же имиже судьбами вѣсть нашей сопротивитися ярости и свою сотвори волю, неутолимии звѣри персы превозносимыми соединя македоняны и от обоих сих вкупе сотворити. И тобѣ повелеваю, дщи моя, Александра по достоянию держати и сего яко государя и царя... Приими, Александре, прекрасный и милый очию моею свѣте, приими, Александре, единородную дшер мою Роксану, яже в радости велицей, благодѣствѣ родих, ныне же сию з жалостию великою

оставивъ, бо во ад отхожу и тамо всегда имамъ быти, идѣже вси роженіи чловѣцы на земли. Не будетъ бо на земли моей и мнѣ в крове моей ползы, егда во адово истлѣніе отхожу, не имамъ опятъ возвратитися. И сию яко рабу собѣ приими; аще угодно ти есть, жену собѣ поими, красна бо есть и мудра велми и благородну родителю есть дщи». И сию 3-жды целовалъ, ко Александру приведе. Александръ же со престола воставъ и Роксану за руку приимъ с радостию ея полюби, и любезно целова, и на престоле с собою посади, и венецъ, з главы своея снемъ, на главу ея постави, и перстень, с руки ея снемъ, и на руку свою положи. Къ Дарию рече: «Видѣ, господине Дарии, увѣри сердце, Роксана бо до живота царствовати имать». Дари же радостенъ бывъ велми, Роксане, дщери своей, рече: «Буди царствующи в вѣки со Александромъ, емуже весь *свѣтъ* недостоинъ единому власу отпадающа от главы его». И се рекъ, царицу свою за руку приимъ, Александру рече: «Се мати твоя в мѣсто Алимпіады есть». Къ персомъ же озрѣвша, рече: «Люби, Александре, персы, вѣрны бо государю своему суть. И жалость моя, – рече, – на радость преложися. Кандарвуша же и Оризвана, убійцы мои, по достоянію ихъ почти». И се рекъ и умре царь сильный Дарій. Александръ же со всѣми силами проводи до гроба с великою честию.

Кандарвуша же и Оризвана призвати повелѣ и къ нимъ рече: «Почто государя своего убили есте?» Они же къ нему рекоша: «Смерть его тебе государя сотвори». Александръ же къ нимъ рече: «Аще благодателя своего убили есте, мене ли, чюжого, не убиеете?» И се рекъ, обѣсити ихъ повелѣ, глаголя: «Проклятъ есть, иже государьского убійцу хранитъ». Пришедъ во градъ, с Роксаною венчаша. Роксана же паче всѣхъ женъ земскихъ краснѣйшии не токмо лѣпотою образною, но и душевными добродѣтелми украшена бысть.

Александръ же писалъ листъ къ матери своей Алимпіадѣ в Македонію и наказателю своему Аристотелю: «Александръ, царь надъ цари промысломъ Бога вышняго, госпожи и матери моей, царицы Алимпіаде и Аристотелю, моему учителю, пишу радоватися. И се есть седмое лѣто, яко отоидохъ оттуду, за всихъ седми лѣтъ не писахъ вамъ, ни поручихомся, иже в насъ. Се же

согрешенне нѣсть от нас ни от любве сие есть, но, сопротиву великому царю Дарию стоящим нам, и его разбивающе, от него разбиваемы, и о семъ ум свой упразнивше, писати к вам не поспѣхом. Ныне же вѣдомо да есть, яко з Дариемъ 3-жды бывшеся и его победихом. Се же персы видѣвше, царству моему поработившеся вси. Дарий же живота изменися, а дщерь свою Роксану в мѣсто дара мнѣ дал есть. Аз же безмѣрную ея красоту виде, жену себѣ понял. Вѣдомо да есть вамъ, отнелѣже женская любовь сердца моего не обняла ест, ни ко мнѣ мысль не нахожаше о вас и о домашних; да отнелѣже женскою любовию в сердце устрелен бых, оттоле о мирских мислити начах; ни убо вменях дотоле, гдѣ убить мя хотяху, гдѣ ли убить хотѣхъ, яко есми здѣ в Персиполи граде великом с Роксаною царицею от персѣ славимъ, всей Персиде царь. И вы о соби пишите к нам и сами в Македонии здрави будите».

Александръ же всих македонянъ в свиты перские перемены, персы же в македонские свиты облече; достояния бо злата многа Дариева изнаиде и всему войску розда и кони кормити повелѣ имъ. Столпъ же великъ посреди Персиды создати повелѣ; на столпъ же взошедъ велегласно слышати всѣмъ рече: «Вѣдомо буди всемъ, перси и македоняне, яко аз вся многобожия идольская проклиная, на серафимех почиваемому поклоняюся Богу, небо и землю сотворшему, от херувим славимому, и неизреченному, и неисписанному, тресвятыми гласы славимому». И се рекъ: «Боже богом, всѣмъ видимым и невидимым, помощник ми буди, и вся идолы, иже от земля, иже и от моря, ты потреби и искорени». И тако с столпа сниде, имения Дариева осмотри и изнаиде в Персиде злата Дариева: 12 пирга, полна искусна злата, 12 скринии полных, 20 кубль полных каменя и бисера, и сему же числа не бѣ; и тысячу тысячей коней тучных, лвов, пардусов ловных и соколов взводных⁸⁴ 6 сот. И тым всем войско свое направи и свое войско преписа и на Перскомъ поли и обрѣте конных оруженных 4000 тысячей. И в Персиде с Роксаною пребысть, и Селевка в Персиде остави, на Клиса, лидоньскаго царя⁸⁵ поиде.

Сий же не хотя ему поклонитися, и людие же его свезавше ко Александру приведоша. Толика богатства в него Александръ

изнаиде, елико око не види, ни ухо слыша; и се Александръ всему войску своему отдаде. И тако вси языцы приим, на десную страну войска поиде до *края* земли.

СКАЗАНИЕ О СКОТѢХЪ ДИВНЫХЪ, О ЗВѢРООБРАЗНЫХЪ ЧЕЛОВѢЦѢХЪ, И О ЖЕНАХЪ ДИВИИХЪ, И О МУРАВЯХЪ, И О ПТИЦАХЪ, И О ЛЮДЕХЪ ДИВИИХЪ

Александръ же к востоку поиде и тамо обрѣте многи языки безсловесныхъ, скоти бо суть дивии и звѣри челоѡобразни. И по той земли 10 дней хожаше и жены обрѣтоша дивии, долги же бяху 3 же сажени всякая, космата же бяху яко свинии и очи же ихъ сияху яко звѣзды. И на войско Александрово наидоша и много от войска убиша, Дѡндеже другое войско прииде; и много женъ тѣхъ убиша безчисленно.

И оттуда 8 дний хожаше и на землю нѣкую песчану дошедше, мравии же в той земли быша таковыи, яко одна от них коня ухвативши и во утлину утекаху. И ту Александръ соломы носити повелѣ и запалити, и мравии згорѣша. И оттуда воставъ, реки доиде, ейже ширина бѣше день ходу, и мостъ на той рецы сотворити повелѣ, и сего сотвориша за 60 дни, и все войско по тому преиде.

И ту в земли той люди обрѣте толико локтя величествомъ, ко Александру приидоша и поклонишася, много меду принесоша ему и финикъ, тии бо люди птицы⁸⁶ нарекаютца. Александръ же градъ созда в земли той и царя имъ постави от них, и научи их челоѡчески жити; землю их за 100 дний едва преиде; толико бо множество меду принесоша, воиску бо за год доволяше. И Питисово царство прошедше, на поле долго и широко дошедше, езеро бѣше на полѣ томъ, вода бо сладка велми и быстра; на краи же ѣзера того образъ челоѡчъ во златѣ здѣла стояще, поле же то полно челоѡческихъ костей. Александръ же на конѣ борзо поѣде ко образу тому и слова греческая на столпѣ томъ написаны изнаиде, имѣюще тако: «Челоѡцы, аще кто хощет на востокъ поити, здѣ дошедъ, паки возвратися, ниже бо имаеши дале поити. Аз бо есмь Сонхось, иже всему свѣту бых царь и край земли видети хотѣхъ и с войском на се поле приидох, и восташа на мя дивни языцы и войско мое великое разбиша, и мене на семъ поле убиша». И сия словеса Александръ прочет,

убояся, яко македоняне сих не прочтуть, поставецъ златъ вземъ, и тѣло Сонхосово огнувъ. И ту станом стали с войскомъ. Македоняне же у него прошаху: «Что писмо у златого образа пишет?» Он же к нимъ рече: «Сладку пищу напред намъ возвещает землю». И сими гласы их тѣшаху.

Видѣша люди дивии в горѣ, и гордии, и видѣнием страшнии, двѣ сажени долги, главы космати же вси, войско же видевше, не бѣгают, и ко Александру возвестиша. Александръ же, вшед на конь, на видѣние их изыде, и видѣвъ их от мѣста на мѣсто приходящих, лукаво на войско его поглядаху, убояся зело и рече: «Сии суть людие, иже Сонхоса нѣкогда разбиша». И се рекъ, войску повелѣ вооружитися и стобор высок поставити повелѣ. Едину жену вземъ, к людем дивиим поиде, ко единому их жену посла. Жена же, пришедши близу его, приблизися и сяде; он же, сия притиснув, нача ясти. Жена же гласом великим возопи; войску же Александрову потекше отнати ю, челоуѣка дивия копием удариша. Он же гласом великим рыкнув, жену пустив. Гласъ же его услышавше дивии людие, множество их наиде на войско Александрово, числа не бѣ, древиемъ и камением войско убиваху. Александров полкъ около обогнаша, Дѳндеже Антиох с своим полком приспѣ и паки вопреки их по широку полю погна. Александръ же на кони в межу их впаде, одинаго их ухвати за верхъ, во околѣ вомча. Бысть же 10 лѣтом дѣтишъ и выше всѣхъ бысть людей питомых. И ту их уби Александръ тысячу тысячъ, Александровых 2000 тысяч пало. Таковъ же их законъ: егда кого их окровавляше, похвативше дружина его изѣдаху его.

Во утрии же день велможи и воеводы Александровы рекоша: «Александре царю, довольно есть намъ, всю землю приимше, мало починути, нежели в чюжихъ землях от дивиих людей погинути». Александръ же умилился, рече имъ: «О любимии мои вельможи, не к тому вы маломошни будете, вес бо свѣтъ приимше, на конец приспили есми и тако за все почивати имамъ». Оттуду воставше дивиих людеи землю преидоша.

СКАЗАНИЕ О ЦАРЬ РАКЛИИ И СЕРАМИДЕ ЦАРИЦЫ, И О СТОЛПѢХ, И О ЛЮДЕХ ДИВИИХ, И О ЛЮДЕХ ПСОГЛАВНЫХ, И

О РАЦЕХЪ, И О ЛЮДЕХ НАГИХЪ, БЛАЖЕНИИ

Въ землю нѣкую дивную красную приидоша, иже полна овощи различнаго бысть. И ту два столпа высока изнашли, златом искусным сотворена, Ираклия царя образ и Серамиды царицы⁸⁷ бѣ на них. И к симъ столпом Александръ пришедъ, плакася много и рече: «Дивии во человекѣх Раклию царю и царицы Серамиды, како добре в мѣстех сихъ царствовати, добре и умросте, память ваша и по смерти стоитъ». И во царство ихъ пришед, с войском своимъ ста и 6 дни ту стоявъ; и дворы пусты Раклиевы нашли, златомъ, и бисером, и камением украшены. И внутреннюю пустыню идоша 6 дний, люди чюдны нашли, 6 рукъ у единого и 6 ногъ; ко Александру направишася на бой, битися с ним не могоша. Александръ же сихъ много убивъ и много живых ухвати, и хотѣ их во вселенную извести их; зане обычая их не знаху, что ядят, и сии вси помроша. И землю их за 6 дний преѣде, во псоглавыи люди воиде. Тии бо человекѣцы, все тѣло их человекѣско, глава же песья; глас же их единова человекѣский глаголюще, а другое, яко пси лаяху. И сих Александръ много избивъ и землю их за 10 днии преиде, на море нѣкое приидоша и ту войску повелѣ почити. Коня же умершую ту в войсцѣ, государь же его отвлек, поверже при мори. Ракъ же морской вышед коня вовлече в море. И тако рацы исходяще кони ухапаху и в море утекаху. Се же Александръ слышавъ, тростие повелѣ запалити, и ту их множество згорѣ.

Оттоле воставъ, на иное мѣсто преиде при мори том, овощи различнии многи бяху, и войску почити повелѣ. Отокъ же внутрь моря узрѣ и тамо внити хотяще. И древо сотворити повелѣ и ко отоку поити хотя. *Филон* же к *нему* рече: «Александре царю, не ходи ты преж во оток той, не вѣси бо, что обрете, погинеши тамо; но аз прежде тебе доиду и ты тамо по мнѣ идеши». Александръ к нему рече: «Да аще ты тамо погинеши, любимый мой присный и вѣрный друже, *Филоне*, кто о тобѣ мене утѣшити имает, *цѣне* бо мнѣ глава твоя есть паче всѣхъ земских глав». *Филон* же к нему рече: «Царю Александре, *Филон* же умереть, другаго *Филона* на мѣсте обрящещи, аще ли ты умреши, другаго *Александра* не обрящет *Филонъ*». И се рекъ *Филонъ*, вшедъ в голию, плавати нача ко отоку. Ото утра до

нощи доплыв, и люди тамо изнаиде грѣческими глаголющих языки, мудри же вси и красни зело, нази же вси. И сих видев Филонъ и ко Александру возвратися и все ему повѣда, иже видѣ тамо.

И тако Александръ вшед и друзих в голию с собою вземъ 30, и отока оного доиде. Людие же отока того срѣтоша и поклонишася ему и рекоша: «Александре, почто пришел еси к намъ, что взяти хочещи от нас? Нази бо есми вси, якоже ты зриши, овощем же отока сего питаемся». Александръ же рече к нимъ: «Ничто от вас требую, за чудо же пришел есми видети. Возвестите мнѣ, како, имени моего не вѣдуще, се ми рекоста?» Они же к нему рекоша: «Имя бо твое преж многих лѣтъ возвести намъ Раклий царь. Наше же пришествие здѣ речем ти. Раклий царь с Серамидою царицею елиномъ царь бысть, Тракинскою землею⁸⁸ царствовалаше, иже от вас наречетца Македония. Неправдѣ мнози землю ту постигши, лжество, клятвопреступление, кровомѣшство, се Раклий царь видѣвъ языкъ нашествие на землю, то видѣвъ рече: “Мужу велеумну царские дома ни во что же есть, но лутче в пустыне жити, мудрыи бо в чловѣцехъ глаголетъ Соломан: «Лутче есть муже от великия немощи страдати, нежели чловѣческих беззаконий терпѣти»”. И се рекъ Раклий 1000 голии сотвори и, правыи и истинныя люди от земли своея собравъ и з женами и з детми своими, в голиях сих постави и сам со царицею своею неправды ради и беззаконья от всего побѣже, целый год по морю плавалъ, до земли доиде, идѣже ты столпове изнашел еси и образ златъ изваян видель еси. И ту на многа лѣта царствовалаше Раклий царь сладко и добро с Серамидою царицею, оба легоша и умроша. Насъ же в земли той безглавных оставн, голии вси спаливъ, яко да аще в беззаконную землю не поидемъ. Мы же злomu первому обычаю послѣдовавше и тако Богъ разгнѣвався на нас за беззаконие наше, дивиих людей и тых на нас попусти; и царство наше разориша и многих наших убиша. Мы же недоумѣюще, гдѣ во вселенную поити, во царствии своем не могуще жити от тых людей, здѣ вселихомся и питаемся овощемъ симъ и разумъ философским и книгами тѣшимся. И ничего ти у нас взяти, только

от мудрых наших». Сему же Александръ подивися житию их и рече: «Поистиннѣ, ни едино от земских чести болши словеснаго разума почтена есть, человекъ бо на земли почтен есть паче тысяч многих бисера и камения безцѣннаго. Соломанъ бо мудрый в книгах пишет: “Муж мудръ сокровище неисчерпаемое есть, мужу мудру нѣсть измѣны от сущих ничтоже, муж мудръ множествомъ людей обладаетъ”». И се рекъ Александръ, б философ с собою вземъ и изо отока поиде.

Исходящу же ему, рече к нимъ: «Что напреди отсюду есть?» Они же к нему рекоша: «Ничему же напреди быти, токмо макаринский отоки во Акияне море... есть, идѣже людие блажени живутъ, иже наги мудрецы наричются, они убо всякие страсти нази суть». Александръ же к философомъ рече: «Откуду сии во отоцех сихъ вселишася?» Они же к нему рекоша: «Адаму бо, праотцу нашему, преступившу заповѣди Божию, изгнану бывшу и в той отокъ всельшуся, и бысть 100 лѣтъ в том отоце, на рай же позирая всегда плакашеся, красныя доброты райския поминая. И ту два сына роди, Каина и Авеля. И сих любвѣ дияволъ позавѣде, братъ на брата сотвори, Каин уби Авеля. Скорбию же великою оскорбися праотецъ нашъ Адамъ и прабаба наша Евва, и райское изгнание поминающе и на рай позираше, сына своего Авеля мертва пред собою зряще, плачуще всегда. Содѣтель всѣхъ, небу и земли творецъ и господь, неизреченную жалость и безмѣрную скорбь праотца нашего Адама видѣвъ, глас к нему посла, глаголя: “О земнороднии, о перьстнии создани первии человекъцы, Адаме и Евво, почто смерть Авелеву скорбите? Во второе пришествие мое паки востати имают”. Авеля в землю вкопати повелѣ. На его же мѣсто другаго сына роди, мужа праведна и благочестива умомъ, всегда благая мысляща, именемъ Сифа. Адам же изо отока того позираше, о изгнании поминаше всегда. Ангел же к ним рече: “Адаме, здѣ всегда во злосердии пребывати имаеши, но отсюду изыди и во вселенную поиди; 7000 лѣтъ преидет, тогда опять узриши рай”. Адаме со Еввою изо отока того изведе и Сифа, сына их, и с чады своими во отоце семъ остави. И тии суть наги мудрецы, от Сифа родишася, Адаму внуцы суть, якоже и мы, намъ братия суть б дней ходу до нихъ есть».

Александръ же с вои своими поиде, *отока же некоего малаго* достиг, высокъ велми. И на него взошедъ и образъ свой во злате на столпѣ высокомъ постави, и в руцы десной держаше меч и ным показоваше к Македоньским отоком. Оттоле двигся с вои своими, 6 дней прешед, до мѣста нѣкоего приспѣ. Гора же высока бѣше ту, за ту же гору челоуѣкъ привязанъ бѣше веригами гвоздинными, велми высокъ, 1000 сажень в вышину, 200 сажень ширина. И сего Александръ видеу, ... подивися, и к сему не смѣюще приступити. Плачущу бо челоуѣку тому, за 4 дни глас его слышати. И тако же к горѣ велицей пришедше, жену велику обретохом веригами привязана, 1000 сажень в долготу и 200 сажень толстоту; змѣй же великъ от ногу свился, за уста держаше ю, глаголати не дастъ. Тако 8 дний прешедше, ѣзеро много и змѣй много бысть, яко муки, в нихже грѣшнии челоуѣцы мучитися имут.

И ту Александръ с вои своими станомъ ставъ, плоты повелѣ сотворити, во оток Макаринский хотя поити, Филона же с собою поим, тамо преѣха. Видѣвъ же во отоце томъ древа высока зело, красна, овошми украшена, едина зрѣяху, друзии же цвѣтаху, инии презреваху, плода же ихъ множество на земли лежаху. Птицы же краснии на древехъ различными сладкими пѣснями пояху. Под листвием же древъ тѣх людие лежаху и источники сладкими ис коренни тѣхъ древъ течаху. Внутри же вшедъ Александръ, единаго их сретѣ и рече: «Миръ тебѣ, брате». Он же ко Александру рече: «Всѣмъ радость буди, Александру, суетнаго света царю». Александръ же к ним глаголати хотѣ, они же не хотѣша, ко Александру рекоша: «Ко старѣйшим нашим внутри поиди, они тя вземше, ко старѣйшинам приведут, Иованту. Он тебѣ вся о души твоей и о смерти скажетъ, и о животѣ нашем, и животѣ вашемъ, и о всѣх, яже увѣдати хочетъ». Александру внутри шествующу, множество людей тых сретаху его и в лице его цѣловахом, и вси ему хождение, иже о немъ, прорицаху. Се видѣвъ Александръ подивися, боги же мнѣвъ быти, а не челоуѣки. И тако ему вещающе, ко Иованту царю своему ведяху его.

Иовант же бѣ под нѣким древом лежа; вода же красна близу течаху; простер же его и покровъ от листвия древ тых.

Иовантъ же Александра видевъ, главою покивав и рече: «Что к намъ пришел еси, неуставнаго суетнаго свѣта царю?» И сего приимъ за руку, близ себѣ посади. Александръ же близ сяде. Иовантъ же главу его приимъ руками объят и сию сладко облобызавъ, рече: «Радуйся, всѣхъ главъ главо, егда бо весь миръ и свѣтъ приимеши, и к тому господарьства своего и отечества не узриши; но егда вся земъская приобретаеши, тогда ада наслѣдиши». И се слышав Александръ оскорбися душею, ко Иованту рече: «Почто сие слово рече ми?» Иовантъ рече к нему: «Велеумну мужю не подобает толковати». Александръ же рече к нему: «Аще велиши, да принесем ти, что потребно, иже в нашей земли». Они же вси рекоша: «Дай же намъ бессмертие». Александръ же рече к нимъ: «Смертен есми самъ, како вамъ бессмертие дамъ?» Александръ Филону повелѣ хлѣбъ чистъ принести и вино. Иовантъ же виде, ничтоже не приять, но рече: «Не намъ есть сия пища, но вамъ; намъ пища от дрѣва сего, питье от воды». И много ему дивных речей исповѣда. Александръ подивися, проплакавъ рече: «Воистинну, сии чловѣцы божественное житие живут». Ко Иованту же рече: «Откуда сии здѣ вселишася?» Он же к нему рече: «Адамовы внуцы есми, якоже и вы. Адамъ бо отсюду отшедъ, мы здѣ остахомъ, сынове Сифовы есмо мы, сына Адамова, иже ему вмѣсто Авеля дастъ ему». Иовантъ же ко Александру рече: «Почто перские ризы носите и различная брашна ясте?» И много с ним глаголюще о всемъ бяху. Александръ же рече: «Скажите ми, како вы рожаетесь, занеже женскаго пола не вижду у вас». Иовантъ же рече к нему: «Есть у нас жены, но не здѣ, во иномъ отоку есть, но егда единова к нимъ приходим, и с ними бывше 30 дний и опять возвращаемся; егда же кому родится отроча, по томъ не сочетается уже к жене. Младенцу же 3 лѣта минет..., мы к себѣ возмемъ мужеский полъ, а женский з женами есть». Александръ же к нему рече: «Хотѣлъ бых отока того видети, аще вамъ годно есть». «Отока доидеши, но ничтоже тамо узриши, здѣ бо дошел, внутрь не глядай, не будет бо чловѣкъ живъ, толко внутрь поглядает». Александръ же, воставъ, во отокъ он поиде и обрѣте в немъ изъдъ мѣден, яко

градъ, и около обшедъ, внутрь позрѣти не смѣя, Богу единому возможно, чловѣку же ни единому.

Столпъ во отоце том поставити повелѣ и себѣ на немъ в злате написати повелѣ, словеса же греческая на нем написа: «Александръ, царь македоньскій, иже весь свѣтъ прешедъ и до отока того доиде, и Макариньскій отокъ видѣхъ, и ту елинских боговъ не видѣхъ и не обретохъ, яко елиньстии бози в далнейших ада, а тартаре, в геоне мучими суть со дияволом повелѣниемъ Бога Саваофа. Да аще другий хто приидет во отокъ сий, на вся глядай, *внутр же не поглядай*, Богу бо единому возможно, чловѣку же ни единому приступно». И тако в Макариньскій отокъ внииде. Макарии бо по сербьскому языку наричютца блажении. Ко Иованту приступивъ, Александръ рече: «Возвести ми, многомудрый блаженный Иованте, что напредѣ есть?» Он же к нему рече: «Река сия, в нейже отоцы наши есть, Акиянъ наричется, всю вселенную та обтечетъ и вси реки в ню текутъ. По оной же странѣ гору, яже зриши, овошми различными украшену, то есть мѣсто вами зовомо Едемъ, иже Господь Богъ Саваоф искони лѣтомъ насади рай на востоце. И ту Адама, праотца нашего, вселил бяше. Он же завистию дияволею испаде, заповедь Божию преступити, из рая изгнанъ есть». Александръ же к нему рече: «Могу ли, дошед, рая видети?» Иовантъ же к нему рече: «Не имат душа во плоти рая видети, горою бо великою мѣдяною огражденъ есть, во вратѣхъ же его шестокрилатии херувими с пламенньши оружии стоятъ. Но поиде, Александре, откуда пришел еси, послѣдуй же четверемъ рекамъ, иже от рая идут; во вселенную поиди, иного паче сихъ видети не можешъ. Рекам же симъ имена суть: Гион, Фисон, Тигръ, Ефратъ⁸⁹». Александръ же из отока поиде, вси его любезно целоваху. Александръ же к нимъ рече: «Аще не бы ми скорбь за македонян, яко в чюжих землях погинуть, здѣ с вами остал бых, и во второе пришествие Божие близу рая обрелся бых». Иовантъ к нему рече: «Поиди с миромъ, Александре, все приимъ землю, самъ в нее приидеши».

И на десную страну устремися со востока. И тако оттоле поиде Александръ с войском своимъ, 10 дней прешедъ, поля нѣкоего доиде, ровъ глубок на поли томъ обрѣте. И сего преити

не могъ и комару на немъ *гвоздѣну* сотвори, и ту войско свое преведе вся, на комаре слова написа греческии, египетски и перска: «Александръ царь на краи земли дошед и по сей комаре войско свое преведе». И оттуду четыре днии прешед, темную землю наиде.

И ту со избранными македоняны на кобылах, имѣющих *жеребцы*, жеребцы же на станохъ остави, они же в темность внидоша. И ноцъ ходиша едину. Антиоху же лечити войско повелѣ. Сам же рече к нимъ, пошедшимъ, чтобы всякий челоуѣкъ взял, хто что возмет, камен или древо ли, или персть. И хто повелѣние сотворилъ, много злата изнесоша, а хто повелѣния не сотворилъ, и тые много и каялися, изнесоша бо каменя драгаго и бисер великий и протчая.

И оттоле четыре дни идоша и сretoша Александра двѣ птицы челоуѣкообразни и к нему рекоша: «Алекса^ндре царю, почто гнѣвъ *наносиши* на себѣ в земляхъ сих? Но поиди немедля, ждет тебѣ Индѣя вся и Пор великий; господарство же его пришед разрушити имаши. И на десную страну походи и дивнейшее первых узриши».

СКАЗАНИЕ О ЕЗЕРЕ, ОЖИВЛЯЮЩЕМУ СУХІЕ РЫБЫ, И О СПОЛИНАХЪ, И О СОЛНЕЧНОМЪ ГРАДЕ, И О ОДИНОГИХ ЛЮДЕХ

Александру же идущу от темные земли 6 дней, езера нѣкоего дошед, и ту станомъ своимъ сташа и ясти искати начаша. Кухор же Александров, повар, рыбы сухие омыти во езере томъ хотя, егда же ихъ в воду измочи, и рыбы сухие ожиша и во езеро втекоша. Александръ же се слышавъ и подивися и войску всему купатися повелѣ, и с конми их искупавшися, вси здрави и крѣпцы быша.

И оттоле дванадесять дний прешедше, на другое нѣкое езеро дошед, в немъже вода сладка, яко сахаръ. При краи же его ходи Александръ, купатися хотя. И се рыба из езера того исхожаше; Александръ же виде побеге, рыба же гонящи его и сунуся на брегъ на сухо... Александръ же рыбу тое ухватив и распластал, наиде во чреве ея камень яко гусиное яйцо, свѣтлостію же яко солнце сияше; Александръ же за фонаря мѣсто на копьи посреди войска ставляше. В ту же ноцъ жены от

езера того исходяху, и около войска хожаху, и дивными нѣкими чюдными гласы красно и жалостно пояху. Сих македоняне слышавше, дивляхуся шесть дний. И оттоле пришедше, на мѣсто нѣкое лужно доидоша. И ту чловѣцы на них восташа, от пояса къ горѣ чловѣкъ, и от пупа долу конь, исполини сии наричются. И сих множество бысть, и Александра наѣхаша, *стрелы ношаше и луки*. Стрѣлы же ихъ гвоздия не имѣяху, но увѣрчено в стрелахъ от камении адаманта. Сих видевъ Александръ повелѣ ровъ великъ копати, и тростием и травою повелѣ покрыти, и на бой ихъ повелѣ поманити. Они же на бой приидоша, хитрости на собя не вѣдуще. Александръ же на нихъ поиде с войском и многих от них уби, инии мнози в ровъ впадоша, десят тысячъ живых ухватиша и во вселенную изведе; толико они борзи бяху, яко ничему у нихъ утечи, и такови они стрелцы бяху, яко ничтоже грешаху. И симъ Александръ оружия направи, стрѣлы и мечи научи ихъ носити, и много ему на бранех помогаху. Егда же ихъ во вселенную приведе и вѣтру студену дохнувшю на них, вси изомроша. Александръ же оттоле сто дний пришед, ко предѣлом вселеньским приближися.

И ту в Солнечный град прииде и в солнычный храмъ уклонися. Писмена же ту наиде, иже о смерти его написано. И оттуду десят дний пришед, и люди изнаиде о единой ноги, одеяния же в них овчии бяху. И много их ухватиша и ко Александру приведоша. Александръ же вопросы их: «Что есте вы?» И рекоша они: «Александре царю, умилися о нас, отпусти нас, немощи ради нашей вселихомся в пустыняхъ сих». Александръ же пустити повелѣ. Они же, отшедше, на высоты гор възыдоша, по каменью скачюще, начаша смѣяться, глаголюще: «О безумный Александре, како всѣхъ премудрил еси, мы же тебе премудрихом. Како бо нас пустилъ еси, мяса бо наша слаждьши всѣхъ мяс, кожа наша тако тверда есть, яко желѣзо не имет; богатства же у нас много есть, бисера великаго и камения многоцѣннаго нѣсть числа». Александръ же посмеявся и рече: «Поистиннѣ, всяка соица отъ языка своего погибает». И се рекъ, войску своему без оружия направитися повелѣ, и на гору ону с войском взошедъ, и около горы обшедъ, двѣ тысящи живых ухватиша, и в станы их приведоша; и съ ихъ

кожи веляше одирати, и кожи сушити повелѣ. Мяса же персомъ и египтом ѣсти дасть. В ложищах ихъ множество каменія многоцѣннаго изнаиде, без числа. И тако шесть дний прешед, на индѣйские предѣлы прииде. И ту Александръ смеяся, многа мѣсяць бо имѣяще не смѣявся, отнелѣже смерть проповѣдана, оттоле всегда жалостень бѣше. Всякий бо чловѣкъ, смерть свою проповѣдав, жалостию радость пременяет.

На предѣлы же индѣйские прииде, Поръ же, великий царь, слышав, вѣстника посла ко Александру и листь, имѣющъ сице: «Поръ, великий индѣйский царь, точен индѣйским богом, Александру, македоньскому царю, пишу. Яко перскаго царя Дарія смерть превознесена ты много сотвори, от безумія своего сие претерпѣти имаеши. Не вѣси бо, пред силою моею не можетъ ты укрыти вся вселенная? Мнѣ бо разгнѣвавшуся, вся поднебесная постояти предо мною не можетъ. Да буди доволен блудостию своею, прощѣнія от мене прияти молися, и дани, еже от земля взялъ еси, принеси ми, сам же в Македонію втецы, животомъ своимъ промышляй. Аще ли сему не увѣришися, некому в Македоніи укрытися не можеши, но и во вселенней не укryешися». Скоро листь Александръ прочетъ к Пору другой писа: «Александръ, царь над цари, не своимъ храброваніемъ, но Божиимъ промысленіемъ, великому Пору индѣйскому пишу. Ты ко мнѣ пишеши, яко Даріево убійство мене превознесе. Ведомо да есть тобѣ, Дарій богомъ подобляшеся, якоже и ты, азъ же боги ваша победихъ. Ты же не велиши себѣ противитися, ащѣ богъ силнѣишии, почто Дарію не поможе, аще ли можаще или не смѣя? Азъ с помощію Бога Саваофа не яко на бога, но яко на наимника чловѣка иду, и чловѣкъ бо недостойнъ Богомъ нарещися быти, Бога никтоже николиже видѣ. Ты же свою силою на бой иди, яко да болшія чести македонянъ сподобиши, толикою храбростию разбити ты имамъ. Аще ли живаго ухватимъ ты, не у Макариньскій отокъ послати имамъ, иже боги твои тамо мниши быти, но во адъ, долнейшая земли и с ними мучитися имаеши, они бо суть тамо в геоне, якоже мнѣ Іовантъ, макаринскій царь, сказа. Буди доволенъ оброки своими».

И тот листъ послу Порову Александръ дал, а сам же листъ к матери своей Алимпияде и учителю своему Аристотелю писа в Македонию: «Александръ царь Алимпияде царицы и матери моей, радоватися пишу и Аристотелю и казателю моему. Четыре бо лѣта преминуша, мати моя, отнелѣже к вам не писах, сердоболству о семъ вамъ много же лѣта мню, и мыслыми многими обуреваемы есми, якоже корабль нѣкими многими обуреваемъ волнами, тако сердце наше потоплена суть жалостию за вас. Много бо вас во снѣ видех, к вамъ сердечным обычаем влекомъ бѣ и жалостных вас, и радостных видех. Ум бо во снѣ многожды течеть и зрѣть далняя мѣста. Тако от сна воставъ, ложное его мечтание и видѣние упустив, и жалостен обема бывах, от сна же воставъ прелестна, немало скорбенъ буду. Тако бо вси стражут, иже сердечную любов имѣють. Вѣм бо тя едиnorodну сыну неизреченную любовъ имѣти; твою бо любовъ, иже ко мнѣ, мое известует сердце, сердцу жалость и *радость* указывает. Да о семъ всѣмъ согрѣшении милостива буди и согрѣшения наша прости; *не убо от нелюбве*, писах вамъ, пропускати к вамъ книг не могох. С востока бо идехом, во Индѣйских странах стахом; да елика дивная прилучишася, се съ вамъ листъ скажет. Вѣсте бо, яко преже вамъ писах, яко перское царство прияхомъ и царя их убихомъ, дщер его поях жену себѣ и вкупе македоняне с персы соединих. И тако всихъ сих поимъ, во Иерусалимъ приидох. Люди же града того в великаго Бога вѣрующе изнаидох и сего сильнейша Бога паче всѣх богов вашихъ видех. И поклонихся ему и вѣровах в него. Имя же есть ему Богъ Саваоф, невидим же есть человѣческими очима, но умом единым едва довѣдомъ есть. И оттуду востах, во Египетъ приидох и ту египетскаго *царя* обретох на столпѣ, иже царство свое остави и в чюжую отбѣгъ землю. Имѣя разумъ, да разумѣеть. И ту еллинские боги похулих, и от серафимъ славимаго Бога Саваофа помощию вооружився, и с Персиды на край земли ходих. Отнелѣже к вамъ писах, страны и мѣста прешед нужно и сильно, горы непроходны и поля презрѣма, и дивии же человѣкъ доидох, иже нѣкогда великаго и сильнаго Сонхоса *царя разбише...* И ту образъ *Сънхоса цара* обретох на столпѣ высоце златомъ искуснымъ написан. И на томъ столпѣ

высоце разбои его выписан бысть, како его дивии человекцы разбиша. Азь же помощию Бога Саваофа их разбих. И оттуда востав с войском своимъ, луги многи преидох, ширина их день ходу, и тако до царства Раклиева и Семирамиды доидох. И образы их на столпѣхъ высокихъ на злате написаны быша. И оттуда воставъ, к востоку доидох и человекы различни наидох, 6 рукъ и 6 ногъ имяху, и звѣри, ихже не возмогох исписати к вамъ. И тако к Макаринскимъ отокам идох, и ту боги ваша исках видети, и ниединаго же не обретох, но паче и макариньский царь с клятвою возвести ми, яко еллинъстии бози в долнейших ада мучими суть вси. И отоки ихъ прешед и мѣста глядах, идѣже праотець нашъ Адамъ жилъ бяше, иже Едемъ наричется, в немже Богъ рай насади на востоце. Азь же восхотѣхъ итти тамо, мнѣ же макаринский царь не даваше итти тамо и глаголя: «Не может человекъ во плоти рая видети, пламенным же оружиемъ стрегомъ есть, и опалити тя имать». И се слышав, азь во вселенную возвратихся и, не вѣдущимъ намъ, рекамъ послѣдовахом четверемъ, иже от рая во вселенную текутъ, и на десную страну шествии творяще, за год во вселенную изыдохомъ, и на землю Индѣскую, на индѣйскаго царя Пора идохом и вои сотворити с нимъ мыслим, яко да скорѣе сотворится повелѣние. И здравствующи буди, госпоже мати моя, с моимъ казателем Аристотелемъ и нам о собѣ писуйте».

СКАЗАНИЕ, ЕГДА ПРИИДЕ АЛЕКСАНДРЪ НА ИНДѢЙСКАГО ЦАРЯ ПОРА И ПОБЕДИ ЕГО

Пор же индѣйский царь, по вселенней войско свое собравъ и преписати повелѣ и обрѣте их 1000 тысяч и десят тысяч лвов, иже бяше на брань учинены ходити. И сию неизреченную Порову силу македоняне видѣвше и прочии языцы, убояшася зело, помыслиша Александра предати Пору, индѣйскому царю. И рекоша: «Сами живот свой испросимъ у него», в Македонию бежати помышляху. Птоломѣй же, воевода Александровъ, сие слышав, Александру исповѣда. Александръ же, сие слышав, войску свою къ собѣ призвав и к ним рече: «О любимии македоняне и велемошнии, всѣхъ языкъ силнейшии и лутчии витязи, таковы свѣтъ приимше и всесилнии победивше десница, а ныне от нехрабрых и непотребныхъ убоястеся

индѣянѣ. Не токмо они насѣ изести имуть, яко вамѣ мнитца. Да аще вас омерзил есми, вы сами убийте мя. Аще ли вамѣ Порѣ что сотворити может, самѣ аз к нему добра вашего для иду. Но вѣдомо вамѣ есть, македоняне, аще Александра изгубите, некому Македонію узрите, но порабощение языкомъ всѣмъ будете и злѣ в чужихъ земляхъ умрете. Не такую бо честь вы у отца моего Филипа и от всѣхъ языкъ имѣете, якоже вы со мною нынѣ царствуете. Вѣдомо да есть вамѣ, яко мнѣ 3 локти доволе есть земли, вы же во вселенней укрытися не можете. Вѣдомо да есть вамѣ, яко отколе невѣру сию ко мнѣ приказасте нынѣ, на конецъ лѣтомъ поработитися имате государство ваше перьскому языку и васъ всѣхъ до конца погубивше и отчинную вашу и землю и Македонію примутъ. Азъ же нынѣ к Пору самѣ иду на бой, аще сего убью, то азъ есми побѣжая землю, а не вы; аще ли мене убьет онѣ, вы вси злѣ имате умрети». Македоняне же, сие слышавше и много плакавше, ко Александру приступиша и рекоша: «Великий царю Александре, буди намѣ вкупе с тобою умрети, нежели жити безъ тебѣ много. Невѣрство же сие не мы приказали есми, но невѣрнии, нехрабрии перси, суседи бо тии индѣяномъ и устрашаютъ насъ. Насъ бо индѣяне добре знаютъ». И сие Александръ слышавъ и на персы разгнѣвався и в женскіе свиты облече ихъ и убрусы женскіе на главы постави всѣ.

И тако на бой направитися повелѣ всѣмъ. И войско свое переписав и обрѣте 6000 тысячей. И тако листъ в Персиду писа к Филону, послалъ бо бѣ его к Роксаны царицы и персы господьствовати: «Александръ, царь надъ цари, моему любимому Филону. Вѣдомо есть тебѣ, яко всю примше землю, здрави до Индѣи доидохом и сугубъ с Поромъ, индѣйскимъ царемъ, стоимъ. Да в кий часъ листъ мой примешъ, в той часъ со всѣмъ войскомъ западнымъ на Индѣю гряди, ко мнѣ же вѣстника пошли, яко да азъ отсюду на него поиду». Александръ на бой к Пору поиде. И сставшимася двема войскома, Порѣ напередъ 10 000 лвовъ пусти; Александръ же противу ихъ буиныхъ воловъ неускихъ пусти. Ллове же с ними сразившеся и паки на свое войско возвратишася. Александръ же своему на три части разделитися повелѣ. На бой идоша, трубамъ ратнымъ

великим ударившимъ, съхавшеся. Поръ во окол свой отъиде, Александръ такоже. И в том бои Поровых убиша двѣсте тысяч людей, Александровых тридцат пять тысяч, македонянъ 500. Се же Поръ видѣвъ, войско свое прииде и всѣмъ рече: «О велемошни велможи, саратаи индѣйстии, се с македоняны бившеся, приразихомся, да что сотворимъ к тому?» Они же к нему рекоша: «Великий царю Поре, некому людей посылай на брань, но великии лепанди и дивныи лвовѣ». Поръ же 100 тысяч лепандъ приведе, рекше слоны, и ковчеги на них древянии сотвори и в коемъждо ковчеге по двадесят челоуѣкъ вооруженных, и на бой на Александра пошли. Александръ же повелѣ своимъ всѣмъ прапорцы на кони поставити и на бой к нимъ борзо поиде, людей же пѣших оруженных двѣсте тысяч поведе, ноги слоном подсекати повелѣ. Слонове же прапорный звукъ слышавше, уполошишася и побегоша. И ту Поровых людей Александръ уби 400 тысячъ, Александровых же убиша 1000 и 500. И Поръ все свое войско вземъ, реку преиде, нарицаемую Алфион,⁹⁰ с корабли же сию реку прехоуждаху. И Поръ на брегу реки со всѣмъ войскомъ стоя со всѣми силами своими.

И в той час Филон от Персиды с великою силою приспѣ ко Александру, с тысячь тысяч людей вооруженных, и 100 тысяч коней зобных Александру приведе, 1000 тысячъ камелий, иже на потребу, и принесе ему диядиму многоцѣнну и стему безцѣнну от Роксаны царицы, и 1000 литръ злата. И ту стоя Филонъ, рече: «Милый мой государю и всѣмъ царемъ царю, великий хинкире, и наасаре,⁹¹ Александре царю, не подобает намъ противу индѣйскому царю Пору много корисмати, но скоро на них наѣхавше, яко не на храбрых и не искусных быти». Александръ же о пришествии Филонове радостень бысть велми. Филоново же пришествие увѣдѣвше, македоняне охрабтившеся велми, индѣяне же слышавше, страх великъ объять их. Филон же ко Александру рече: «Великий царю Александре, елико Поръ противъ насъ стоитъ, толико войско его храбрѣйши бываетъ; да пусти на них мене с покойнымъ войском моимъ». Александръ же к нему рече: «Порово войско силно есть велми, река же сия непроходна есть конскими ногами». Филон же к нему рече:

«Македонский десницы непоколебимы суть, македонским же конем ниедина река не стоит. Нароком же твоимъ облецы мене и молитвою твоею облецы мене, и на Пора пусти мене, много бо может нарокъ силнаго господина и честна; нарокомъ твоимъ, Александре, и горы не стоят и реки, ни луги. Ниподобно тебѣ с Пором битися, много бо царей подручных тобѣ есть, якоже Поръ; мнѣ подобает с ним битися, а не тебѣ, он бо есть индѣйский царь, аз же по твоей милости перский господинъ есмь, перское бо господство индѣйскому равно есть». Александръ же к нему рече: «Якоже ты узриши». И Александръ дасть ему 1000 тысячъ людей оруженных и пѣших другую 1000 тысяч. Филон же повелѣ всякому воиннику пѣшего за собою на конь взяти с мечем. И стоящим; и егда войско Порова нача обѣдати, тогда Филон со всѣмъ войском удари в реку и сию из мѣста изгнаша на поле пред ними, сквасишася мнози, заднии же посуху преидоша. Прешедшим же реку, пѣшии с коней сседоша, и на околѣ наѣхавше, сѣчу велику сотвориша конницы и пѣшии. Александръ же Филонове храбросте подивися и тако сотвори, якоже Филон, реку преиде. Индѣяне же много бившеся и побегоша. Александръ же сихъ постизая, многих убивая и иных живых ухватиша. Порова войско 1000 и 500 людей убиено бысть. Пору же из боя бежащу и тако, плача, глаголаше: «Увы мнѣ, окаянному, како силнии падоша, а немощнии препоясашася силою; како македонский царь Дариеву силу победивъ и у космы мои, яко чинакъ, увязе и силу мою разруши. Сих ни Афилонская река воздержати возможе». Александръ на околѣ Поровъ наиде, пленити землю индѣйскую посла. Поръ же в *столной* во град свой вниде и ко околнимъ языком посла и глаголя им: «Вѣдомо да есть вамъ, друзи мои и братия моя, яко вселенную примъ и Дария царя убивъ, Александръ, македонский царь, и до нас доиде; трижды мя разби и силу мою разруши, на Афилон реку пришед, и землю мою пленить. Да молюся вамъ на помоз мнѣ приити, аще бо меня разорит, вы постояти пред нимъ на можете». Се же слышавше языцы, иже на сѣверной странѣ, в той час Пору на помоз приидоша, бысть

же их 6000 тысячей, Поровых 4000 тысячей, Александровых же 1000 тысячей. Обои же направишася, на бой приидоша.

Ставшимъ супротивъ двема войска, Александръ же Филону повелѣ в посолство поити к Пору с листомъ, имѣющъ сице: «Александръ, наакарь, великий хонкиаръ, Пору индѣйскому царю, пишу радоватися. Вѣдомо да есть тебѣ, яко преклонные главы ни меч не сечет; аще Дарий мнѣ поклонится... хотѣ, всему своему государь был бы и животъ имѣлъ бы. Да и ты сего гордыни подобяся превозносиши много, не вѣси бо, яко всякъ превозносяся смирится. Пизматор бо великъ индѣяном указался еси, и сих безумно на заклание приводиши. Да аще индияне тебѣ милы суть, мнѣ же македоняне милы суть, отнынѣ же довлѣетъ войском битися. Я и ты да ся биемъ, неподобно бо есть за Александра и за Пору всему свѣту погибнути и опустѣти; да аще ты мене убиешъ, государь всемъ моимъ будеши, аще аз убию тебѣ, по правде всей Индѣи буду государь. Аще ли животу своему радъ еси, буди государствуя землею своею, мнѣ же дани давай, войску... давай. Едино, кое годно ти есть, мнѣ отпиши». Сей же листь Филонъ возьмѣ и к Пору отиде. Поръ же сий листь перед индѣяны прочетъ и радостен быв о семъ и рече: «Аз с тобою битися имам, а войски наши на сторонѣ стоятъ». И к Филону рече: «Ты ли перскій государь, Дариевъ намѣстник перскій?» Филонъ же рече: «Азъ есмь Филон, Дариевъ намѣстникъ, Александром любимый, персомъ государь и скорымъ Финикомъ и Линьской земли». Поръ же к нему рече: «Отнынѣ государствовати не может Александръ, от руки моея умрет, ты же животом своимъ промышляй и мои буди, и персомъ государь и от Индѣи дам ти 4 часть». Филонъ же к нему рече: «Я нынѣ государь персомъ, ты же ми 4-ю часть Индѣи даеши, Александръ всю Индию мнѣ далъ есть; егда сию прииметъ, тогда мнѣ в ней царствовати». Индѣяне же ту стоящии к Филону рекоша: «Почто тако силному царю говориши?» Филонъ же к нимъ рече: «Силнаго государя волен посол и вѣрен слуга и страха не имаетъ». Поръ же к Филону рече: «Буди мой и дщер мою дам ти и по смерти моей всей Индѣи государя сотворю тя». Филонъ же к нему рече: «Вѣру ими ми, Поре, яко от любви Александровы не может менѣ

разлучити весь поднебесный свѣтъ, *вес бо миръ* недостоинъ есть единого власа от главы его опадающа». И се рекъ, Филон ко Александру отъиде, к Пору рекъ: «Поѣдь на бой борзѣе, жде тебѣ Александръ во всемъ оружии, на великомъ кони сѣдя». И Александръ во оружии заѣха, Филона вопрошаше: «Каковъ есть Поръ?» Филон же рече к нему: «Тѣла великаго есть, толстъ, но велми гнѣлъ; и поиди, убити его имаши, *нароку бо твоему Всевѣдый* помогаетъ». Александръ же, имя Бога Саваофа призвавъ, рече: «Боже великий, иже на святыхъ почиваяи, помощникъ ми буди нынѣ на индѣйскаго Пору. Единъ святыи Господь Саваофъ». И се рекъ, в руку копие приимъ, прямо к Пору поѣха. Поръ же прямо ему поѣха с войсками своими. И стѣкошася оба, копыи ударишася и копыи обломишася, рогатины исторгоша и с ними... сто кратъ ударишася, мечи исторгоша и сихъ притупиша. И тако приступивъ Александръ к Пору, рече: «Такова ли вѣра твоя, Поре, войско твое помощи тебѣ даетъ». Поръ же к войску озрѣвся, хотя ихъ уставити. Александръ же к нему приспѣ, Дучипала коня острогами гараздо удари и к Пору скоро прискочи, и бурдуномъ его подъ десную пазуху удари и прободе его. Дучипалъ же коня его зубами за шею похвати и к земле его притище; Поръ же ис коня урвася и злѣ душу свою отдадѣ. Индѣяне же, сие видѣвъше, начаша бѣгати. Александръ же поиде за ними, теряя ихъ, 3 тысячи уби и многихъ живыхъ похватиша. Тѣло же Порова вземъ, на златомъ одрѣ постави и въ столный градъ его, во Илиюполь,⁹² принесе. Царица же его Темиштра,⁹³ власы главы своея до земли распростерши и одеяние многоцѣнное на себѣ раздравши, со двемастами тысящами владыкъ с плачемъ великимъ и рыданиемъ тѣло Порова сретоша, жалостно его плакаша. Александръ же его повелѣ поставити на златомъ одрѣ и стѣму великую на главу его постави, и тако со всимъ войскомъ оплака его и с честью великою вкопати повелѣ.

И ту Александръ 12 дний стоя, во Илиюполь вниде. И введоша его царство Порова, толико дивна вънутрь его видѣ, *иже око не видѣ и ухо не слыше*. Полата бо его на четыре перестрѣлы долга и широка вельми, златы же стѣны бяху, покровъ весь златъ и столпове вси златы, жемчюгомъ и

камением украшени бяху; и всех же ееликих царей боеве писаны в той полате и 12 месяцев в человеческих образех изваяни, бяху же 12 добродетелей человеческих изваяни в злате женскими образы, всяко по своему. подобию, и часовникъ мѣсячный и смена лунная верху полаты тое сотворена бяху. И приведоша к нему 1000 тысяч коней зобных Поровых и 100 тысячъ фарижи индѣйскихъ под хакизмы серменами, приведоша ему 100 тысяч лвов ловных Поровых, 20 тысяч пардусовъ, 1000 тысяч оружия цела и коруну Порову от камня самфира, и перстен Поров многоцѣнный от аметиста камени, и блюд настольных 100 тысяч, рогов слоновых 8 тысяч, и кубцовъ настольных многоцѣнных, с камениемъ и з жемчюгомъ и златомъ украшенных 30 тысяч, и прочих вещей украшенных, иже нѣсть возможно исповѣдати. И ту Александръ годъ сотвори со всѣми вои своими и любимаго Антиоха сотвори индѣяномъ гоподѣствовати.

СКАЗАНИЕ О ЦАРѢХЪ, И О КНЯЗЕХ МНОГИХ, И О ЖЕНАХ О МАЗАНЬСКИХ, И О ЕВРИМИТУ, МЕРСИЛОНСКОМ ЦАРИ, ИМѢЯ МНОГИ ЯЗЫКИ ПОД СОБОЮ ПОГАНЫХ, ихже АЛЕКСАНДРЪ ЗАЗИДА, И О КАНДАКИИ ЦАРИЦЫ УСЛЫШИТЕ

Услышавше околнии цари разрушение Порово, сии приидоша мнози цари и князи, поклонишася Александру, и дары ему принесоша мнози. Александръ же на Мизаньскую землю⁹⁴ поиде, и повелѣ Александръ град мизанский жен оступити и рвати крѣпко. И толики они жены рваху искусно из града, яко никомуже ихъ побороти могущу. Александръ же се слышав и подивися. Жены же оны посла послаша ко Александру с листомъ: «Вѣсть некако во уши наши прииде, о миродержече Александре царю, яко весь свѣтъ приимъ, з женьскимъ поломъ битися хочещи. Да сие намъ невѣрно мнитца, иже тобѣ с нами битися, не вѣси бо, что прилучится тобѣ. Аще бо нас разбиеши, малу честь обрящеши, аще ли мы тебе разбиемъ, велика ти срамота будет. Да молимся тебѣ, молбы наша не презри, но образ свой написав дай намъ вмѣсто тебѣ да над нами царствует. И к царству твоему дали есми дары многоцѣнные, честнѣе злата и камени многоцѣннаго и бисера, и 100 жен и венец царицы нашаея Клитевре. И сии бо жены прекраснии на

потребу тебѣ и властелем твоимъ. Умилосердися о нас, малая наша приношения, яко вѣрных своих раб, *прими* и надежду намъ отпиши».

Листы же Александръ примѣ, красоту женѣ тѣхъ видѣвъ и подивися. Листъ же к нимъ писа: «Александръ, царь над цари, сестрѣ моей Клитиврѣ, амизаньской царицы, пишу радоватися. Листъ вашъ примѣ и писания ваша узнах и на дарех ваших хвалю вас. Да не подобаще вамъ благообразных к нам посылати, мы бо вси мужи победители есми земьскии, како от женѣ победитися хотѣхомъ. И копие мое к вамъ послах, да межѣ вами царствует в мѣсто мое. И 30 воиски тысяч людей ко мнѣ посылайте на помощь, имам бо поити на мерсилоньскаго⁹⁵ царя Евримиврата, моей не хотяща повинутися власти». Птоломѣй же, воевода его, ту стоя рече, яко глумно: «Царю Александре, дай же ми оными женами владѣти и царствовати; аще ми царства их не даси, и ты ми сих 100 дай, да их въ царство приведу». Александръ же о семъ насмеявся и рече: «Ты воевода силе моей еси, едина бо их довлѣетъ тебѣ». Птоломѣй же рече к нему: «Александре царю, ты великъ, убоялся еси их».

И оттуду Александръ двигься на Евримитра, мирьсилоньскаго царя. Евримиврат же, сие слышав, всю войску собрав, 8 тысяч оруженных, на Александра прииде, и посылку посла, да стража Александрова ухватят. Александръ же Селевка посла воеводу съ 1000 тысячъ войски и в нѣкое мѣсто скрытися повелѣ ему. Емиврат же с войскомъ своимъ на войско Александрово прииде. Селевкъ же его напрасно срѣте и разби ихъ и живаго его ко Александру приведе, Александръ же главу ему отсеци повелѣ.

Языцы же сии невѣрнии от странъ слышавше и убояшася и к сѣверной странѣ побегоша; Александръ же побиваше их до высокихъ великих горъ, иже холми Сѣвернии зовутся, и ту мѣсто видѣвъ подобно, заидати их повелѣ, яко да ктому во вселенную не изыдутъ. И ту ставъ, Богу помолися и невидимымъ тваремъ,⁹⁶ рекъ: «Боже вышнии, услыши мя в час сий, нѣсть бо тебѣ, иже невозможно, той бо рече, и быша, и ты повелѣ, и создашася; ты бо еси единъ, предвѣчный,

безначальный, невидимый Богъ, и твоимъ повелѣниемъ и твоимъ именемъ сотворихъ вся си и предалъ еси въ руце мои весь миръ; да молю всехвалное имя твое, сие прошение мое сотвори и сими двема горамо повелѣ соступиться». И въ той часъ оный двѣ горы сступишася, на 12 локоть близу не сстася. Александръ же видѣвъ прослави Бога, врата же мѣдная великая сотвори, ту замаза сунклитомъ.⁹⁷ Сунклитъ же есть такового естества, ни огонь его похватити можетъ, *ни желѣзо*. Внутрь же вратъ за три поприща купину насади; и ту поганяныя языки заклеи. Врата же та Аспидьска нарицаются. Сутъ же языцы ти, иже заклеи Александръ: готти, магогги,⁹⁸ анагосии, агиси, азанихи, авенреси, фитии, анвы, фарзании, климеади, занерииди, теании, мартеани, хамони, агримарды, ануфиги, псоглави, фердеи, алане, сфисони, кенианиснеи, салтари. Сии же языцы погании бяху, и сихъ Александръ заклеи за великаго ради поганьства ихъ. И оттуду паки во вселенную возвратися, мнози грады и острова приимъ.

Слышавше же пришествие его Клеопила Кандакия, царица амастридонская⁹⁹ ... изуграва хитра пославъ Александровъ образъ исписати. Сей же, исписавъ, Кондакии принесе. Царица же красоту образа видивши, подивися, и въ ложни его храняше; Александрову хитрость разумѣла бѣше, како самъ во всякии грады исходникъ творяшеся и како Дариево царство приялъ бѣше, посолъ себѣ творя. Сие слышавши, Клеопила Кандакия царица ухватити его надѣяшеся. Сему же бывшу, Александръ до царствия Кандакии царицы приспѣ. Каньдакия же царица Пору, индѣйскому царю, сватѣя бѣ, сынъ бо ея Карторъ Порову дочь понялъ. Александръ же къ Амастридоньской земли приближися. Сие слышавъ, агримѣский царь Кандавлусъ, сынъ Кандакии царицы, отъ царствия своего побеже со женою и со имѣниемъ своимъ и къ матери своей Клеопиле Кандакии, царицы амастридонской. Евагридъ же, силурьский царь,¹⁰⁰ видевъ его отъ Александрова страха бежаща, воста на нь и разби, и жену его и дщерь и все имѣние его взятъ. Кандавлусъ же со стомъ конникъ въ Мастридонъ къ матери своей побеже. Стражи же Александровы ухватиша его и вопрошашу его: «Кто, откуда еси?» Онъ же имъ всю истинну сказа. Они же, поимше его, ко

Александру приведоша его. Александръ же сие слышавъ, яко Кандавлус, Кандакии царицы сынъ, ухвачен бысть, и скрыся, и вмѣсто себѣ Антиоха воеводу на престоле царском посади, сам же, яко единъ от властелеи, Антиоху предстояше, хотяше бо Амастридонское царство исходити. Антиоху же рече: «Прикажи его мнѣ, да аз пред тобою поставлю его и о всемъ его роспрошай, и мнѣ его предай блюсти». И тако Антиох повелѣ Кандавлуса привести. Александръ же шед, приведе пред Антиоха. Кандавлуса же Антиохъ вопрошаше и глаголя: «Откуда бежа мнѣ в руке впаде?» Он же рече: «От страха твоего бежахъ к матери моей, амастридонской царицы Кандакии. Евагрид же, сумежникъ мой силурьскій царь, воста на мя и разби мя и все имение мое взя, и жену, и дщерь мою. Азъ же яко единъ от боя оттекохъ и на твои наидох стражи; и они мя ухвативше и к тебѣ приведоша. На мнѣ ... *свершился днес* нѣкоего злочестиваго челоуѣка притча, иже ото лва бѣгая и на древо высоко збѣже, на краи езера стоящее, и на росоху вместилися, отъ страха лвова обезпечалился, и на верхъ древа выше себѣ погляда и змия увидѣ, хотяща его поглотити, и в недоумѣнии быв и рече, восплакався: “Злочестивым всемъ вся неволная прилучаются”. И се рекъ, во езеро скочи, глаголя: “Лутче мнѣ есть от коркодила во единъ часъ изъедену быти, нежели ото лва или от змеи горкую смерть приимати”. Также и мнѣ прилучися, Александре царю: от страха твоего бежалъ и на стражи твои ударихся». Антиох же, на царскомъ престолѣ сядя, Кандавлусу рече: «Злочестивым же вся многа зла наносятся и от нихъ на поконъ умирають. Ты же, злочестне, отколе се еси на мене намѣрилъ, азъ бо тобѣ жену твою возвратити имамъ и дщерь твою и имѣние твое все, и все свое возми и мене гостя имѣй и приятеля». И рекъ, глаголя ко Александру: «Антиоше воевода, войско мое взем, на Евагрида, силурскаго царя, поиди; да аще Кандавлусову жену и дщерь з добромъ вратить, имѣние их все, привед его ко мнѣ на вѣру, аще ли не возвратит всего, его и всю землю его плени и грады его разбий и связанна приведъ его ко мнѣ. И егда сие свершиши, тогда к матери его, Клеопиле, царицы Кандакии мастридоньской, в посольство послати тя имамъ». Кандавлусъ же сие слышав и клабукъ

снемъ, Антиоху на ногу падъ поклонися, Александра его мня быти, речи: «О великий царю Александре, всѣх ли неволных ты милуеши, и тако за толику добродѣтель всему свѣту царя Богъ тебѣ сотвори; да отколе образ твой сподобихся видети, всю прилучившую ми ся скорбь радостію изменихъ». И се рекъ Кандавлус, Антиоху поклонися. Александръ же за руку его приимъ, во околъ свой отъиде.

И на Евагрида поиде, силурьского царя, и взя с собою избранных воинник 400 тысяч. Идущим же имъ путем, Александръ Кандавлусу глаголаше: «Аще жену твою возму и тобѣ в руку дамъ, что ми от тебѣ добро будет?» Кандавлусъ же к нему рече: «Нѣсть возможно языкомъ изглаголати толика добра учинившу, все бо имѣние тобѣ дамъ и мою главу в руце твои дамъ. Елика возможна ти есть, потшися за мя, да что егда отсюда возвратимся, тогда Александра молити имамъ, яко пустить тебѣ в посолство к матери моей Клеопиле. И возмездие великое и дары что сотворит ти и третьего сына сотворити ты имать тебя собѣ». Приспѣвши же во Евагридову землю, на три полки войско разделивъ: 100 тысяч войска на плѣнь в землю пусти, и 100 тысячъ на Евагрида посла, и 100 тысячъ в лугу близ града скры. Человѣка же в земли той ухвати и листъ ему даде и рѣчми ко Евагриду научи: «Вѣдомо да есть тобѣ, Евагриде царю, яко Александръ, царь царемъ, всей земли государь и всему свѣту, до здѣ прииде. Непреломъство твое видя и худое поношение твое, Антиоха воеводу прислал есть здѣ, и тако тебѣ глаголетъ: “Дани к намъ принеси и жену Кандавлусову, и дщерь, и все имѣние его возврати. Аще ли сего не сотвориши, смертью злою умрети имаеши”». Евагрид же, се слышав, исходники посла на Александра. Исходницы, к нему пришедше, рекоша: «Мало войско Антиохово есть». Евагрид же, сие слышав, на бой ко Александру поиде. Александръ же войско сокровено из лугу изведе, Евагрида разби; Евагрид же, страха Александрова убояся, самъ на мечъ налегъ, прободеса. Александръ же на град пришедъ, до конца его разби, и имѣние его взял, и жену Кандавлусову и дщерь возврати; пленове же вся вземъ, в войско свое отъиде. Кандавлусъ же ко Антиоху пришед, поклонися ему, яко Александру. Антиох к нему рече: «Вся своя

вземъ, к матери своей поиди». Кандавлусъ же к нему рече: «Великий царю Александре, вся моя погода съвершил еси и сие прошение мое соверши – сего воеводу своего Антиоха пошли к матери моей и вся хотѣния *твоя* совершити имает, велми бо его на сем войску видѣх мудра и хитра и вѣрна тебѣ». Антиохъ к нему рече: «Вся, елика требуеши, совершити *имам*». Александра призвав, к нему рече: «Поиде, воевода Антиоше, ко Клеопиле, мастридонской царицы, с сыномъ ея Кандавлусомъ и рцы ей: “Александръ царь на межу земли твоя прииде и дани от тебе ждет. Аще сего не сотвориши, со всѣми силами на царство твое иду”». Александръ же ко Антиоху рече: «Вели листъ писати к ней». Кандавлусъ же стоя рече: «Не подобает книги писати такову мудру послу, якоже еси ты». И тако оба поклонишася Антиоху, отъидоша. Антиохъ же повелѣ Кандавлуса даровати одеянием многоцѣннымъ македонскимъ и кучмом¹⁰¹ перскимъ многоцѣннымъ и парижемъ индѣйскимъ под хакизмом коркодиловым. Александръ же на свой станъ... поведъ и честиль его и честными дары даровалъ его и в посольство к матери его поиде.

На пути же Александра облобызаше много, к нему глаголаше: «Воистинну, на всей поднебесной земли подобна тебѣ человека не видѣхъ; аще другаго подобнаго тобѣ имает Александръ, по правде, всему свѣту царь есть, такии два человека имѣя». О семъ Александръ Кандавлусу рече: «Вѣру ими ми, Кандавлусе брате, много у Александра болшихъ мене и старшихъ людей есть: Филонъ, Птоломѣй воевода, и по томъ Селевкъ, и по немъ Андигон, и по сихъ менший есми я, Антиохъ». Кандавлусъ же к нему рече: «И всихъ сихъ видѣхъ, но тебе паче всѣхъ болши мню, достоинъ бо еси ты надъ всѣми царствовати». Александръ же искушаше его, увѣдати хотя, како любит его. Он же к нему отвѣща, глаголя, яко: «И смерть вмѣсто живота приял быхъ, аще ми ся случает с тобою умерети, не разлучюся с тобою». И тако глаголаше, до пещеры великия нѣкия дошедше. Кандавлусъ же ко Александру рече: «Любимый мои Антиоше брате, яко в сей великои пещере, глаголють, бози еллинстии вси суть, по смерти своей в пещеру сию вхожаху. Да аще хоцещи увѣдати, яко о смерти своей, и мала ступивъ,

уклонися и в пещеру сию внидеша». Александръ же к нему рече: «Такова ли любовь твоя ко мнѣ, Кандавлусе брате, како велиши мнѣ внити здѣ?» Кандавлусъ же пригнувъ его к собѣ, проплакавъ рече: «О любимый брате мои Антиоше, не рекох ти *внидеша* здѣ. Но сказах ти, яже живутъ в пещере той». Александръ же мало ступивъ, уклонися, в пещеру вниде. Вышедшу ему внутрь, и ту мечтания нѣкая звѣрообразная сretoша его. Он же имя Саваофа Бога призвав, и все прах бысть. Чюдна же нѣкая и дивная в пещере той видѣвъ: челоуѣки же многи связаны опаки руками: и ту Ираклия видѣвъ, и Аполлона, и Крона, и Ермона, иже еллинстии боги мняху. И сихъ Александръ виде связаны веригами, и к единому приступивъ от чюдных онѣхъ, вопрошаша. Он же к нему рече: «Поиди, Александре, болши сих узриши. Вси бо сии быша елинѣстии цари, якоже и ты нынѣ, и за гордыню велику, Богу небесному подобящеся, ... и на сих Богъ разгнѣвався и в пещеру сию повелѣ сихъ воврещи; и душа их здѣ мучитися имут до скончания вѣка. И скончавшим же ся седмимъ вѣкомъ, в тартар огнену поити мучитися имут в бесконечные вѣки всегда». Александръ же к нему рече: «Звѣрообразнии сии челоуѣцы, что суть?» Он же к нему рече: «Сии суть, иже злѣ и немилостивно на сем царствовавшие». Александръ же к нему рече: «Мню, яко нѣгде видѣх тя». Он же к нему рече: «Да аще на дивии челоуѣки ходилъ еси». Александръ же к нему рече: «Како имя есть?» Он же к нему рече: «Аз есмь Сонхос, царь индѣйский, иже нѣкогда весь свѣтъ приимъ и гордынею вознесохся, и на востокъ края земли дойти хотѣхъ, и дивии челоуѣцы восташа на мя и разбиша мя и ту мене убиша. Ангели же *дошедше* мя связавше и в сию в пещеру всадиша мя. И здѣ мучюся за безумнею мое превозношение. Стрежися и ты, Александре, да не вознесешися и здѣ приведенъ будеша».

И тако Александръ посреде ихъ ходя и Дария, царя перскаго, посреде ихъ узрѣ. Дарий же его увидев, жалостно проплакавъ, рече: «О мудрый во челоуѣцех Александре. а и ты ли здѣ осужден еси с нами быти?» Александръ же рече: «Нѣсмь осужден, вас видети приидохъ». Дарий же к нему рече: «Пожди мало, да скажу ти дивная нѣкая чюдная, иже прилучит ти ся на

пути. Вѣдомо да есть тобѣ, како сия Клеопила, мастридоньская Кандакия царица, образ твой преписала есть и познати ты имает; но поиди, не сумнися, Богъ бо, в негоже вѣруеши, от руки ея избавит тя. Коснути же здѣ не мози». И паки Дарий, прослезився, к нему рече: «Милый мой сыну Александре, како персидьское царство стоитъ и какова любовь дщери моя Роксаны предлежитъ к тебѣ?» Александръ же к нему рече: «Персида бо со мною мируеть, якоже и с тобою была, Роксана же, дщи твоя, со мною над всѣмъ свѣтомъ царствуетъ». Дарий же к нему рече: «Внутрь пещеры вшедъ, ту и Пора царя узрѣши». Александръ же Пора увидѣвъ и рече ему: «О великий индѣйский царю Поре, яко нѣкогда богом подобяся, здѣ же яко единъ худый человекъ мучишися». Поръ же к нему рече: «Тако мучатся вси здѣ, иже земскою славою превозносящися. Блюдися и ты, Александре, да не превозносятся, да не сведешися здѣ мучитися». И сие глагола: «Честъ женѣ моей Клитемищре соблюди». Александръ же к нему рече: «Буди печалую мертвыми, а живыми не пещися». И се рекъ, Александръ от пещеры тоя изыде, и до Кандавлуса прииде и, обрѣте его плачуща много, мнѣша бо, яко Александръ в пещере погипе. Егда же его видѣ, радостию скоро притекъ к нему, целовавъ его и рекъ: «Почто, Антиоше брате, мешкалъ еси и много мене устраши; но поистиннѣ, видѣхъ ныне, яко государя твоего Александра царя нарокъ великъ есть, увидѣхъ бо ты цѣла. Но скажи ми, иже в пещере той видѣ». И тако оба дивящися до Кандакии царицы приидоша.

Клеопила же царица, пришествие сына ея видѣвъше, радостна бысть велми, и с престола своего воставши, далече его вѣстрѣти; слышала бо есть, яко Александръ убилъ есть. Радостию великою возрадовася и вопрошаше сына своего, вся увидати хотящи случившаяся ему. Кандавлус начатъ повѣдати ей, Александра же матери своя привел и рече: ей: «Се Антиох, Александровъ воевода есть, и сей живот мнѣ далъ есть и жену мою и дщер от Евагрида он изручи, и вся, елика мнѣ случишася добро, он сотвори мнѣ все. Да прими его в сына мѣсто себѣ, мати моя, много бо он у Александра милостивен есть». Царица же, сие слышавши, за горло Александра приемши, облобыза его

много и рече: «Добре пришел еси, сыну мой, силнаго государя посол, воевода Антиоше». Доброту же лица его зрящи дивляшеся, к нему глаголюще: «Третий сынъ ми еси ныне, Антиоше». Александръ же воставъ и посолство ей нача правити. Она же рѣчи и бесѣде его дивися, образа его сматрящи, и по образу помысли, егда се ... есть Александръ. Любезно его целоваше и рече: «Хотѣла бых, Антиоше, от насъ не отѣдеши, но с моими сыны и со мною царствовати будеши и ко Александру *не вратишися опять; и отколе сие невозможно есть*, и воставъ, со мною въ царскіи дворы вниди и царская моя имѣнія виждь, иже что хочеши, возми сие. И да ти сотворю листъ ко Александру и дани ему дамъ; посла моего пошлю к нему с тобою и честию великою отправлю ему тебѣ». И се рекши, Александра поимши за руку, в царскіи полаты его введе, и ту ему сказа чюдная нѣкая и много царска бисера и камения множество и злата без числа. И введе его в ложницу свою и переписанный образ его глядя и рече ему: «Что от всѣхъ одержало ти есть, Александре, иже в дому моемъ видел?» Он же ужаснувся, к ней рече: «Антиох имя мое есть, Александру рабъ аз есмь». Царица же к нему рече: «Аз Александра имамъ тебѣ быти, тобѣ же Антиохомъ называтися не подобаетъ. Аще увидѣнию моему *не вѣруеши*, на образ сей поглядай и белег образа своего виждь». Он же рече: «Поистинне, приличен есмь ко Александру, за то мене любит велми». Она же рече: «Ты самъ еси, воистинну; азъ ныне всему свѣту назвахся царица, царя бо всему свѣту в руку держу. Но да вѣдомо да есть тобѣ, царю Александре, якоже хотя вшел еси здѣ, и якоже хочеши не изыдеши отсюду». Се слышав Александръ образ свой изменяти начат, зубы же своими скрежеташе, очима своима сѣмо и овамо позирая, промышляше. Царицу же в ложницы убить мысляше, сам же бы до коня втекъ и на среку себе вергъ, или умрети, или ожити, глаголя: «Лутче есть гоподину велику почестне умрети, нежели срамотно жити». Кандакия же царица, видѣ образ его пременяющься, к дверемъ поступи. Александръ же сию похвативъ рече: «Не имаеши на двор изыти, но здѣ злѣ умрети. Аз же здѣ тебе убивъ и на двор изыду и оба сыны твоих убью и самъ с ними почтенно умру». Кандакия же царица радостно ко

Александру приступи и к нему приплетшися, за горло похвати его и любезно целовавши и рече ему: «О великий Александре, мой сыну и господине, и не оскорби мое сердце, ни злаго о себѣ помысли, ни от мене смерти убойся, аз бо убить ты не мышлю. Ныне же тебе накажу сына своего и многими дарами почтивши ты, в войско твое отпущу ты с честью, понеже нѣсть достойно такова челоуѣка от земли погубить, мудростию и храбростию украшена велми, но паче соблюсти и почитить. Кто ли бы хотѣлъ тобѣ убить, то всему свѣту кровникъ бы былъ. Главою твоею и животом весь свѣтъ содержитца и миръ страхомъ твоимъ стоитъ. Да не подобаетъ мнѣ всих главъ отсеци главу. Но хотѣла бых сына имѣти ты, Александре, и с тобою всему свѣту назваться царица. О сем бо, Александре, безпечален буди, не тако бо аз безумна есмь, якоже тебѣ мнится быти, да животом твоим весь свѣтъ поколебати, вес бо миръ недостойнъ есть ни единому власу, отпадающа от главы твоея. Но яко первая мати твоя корати ты имамъ: некому, Александре, посолство твори, не вѣси бо неуставные чести наношения. Да не подобна есть тобѣ, всих главъ на концы обѣшати, смертию бо своею весь мир снѣсти хочещи». Александръ же ѣй поклонився, рече: «Отнынѣ мати мнѣ буди в мѣсто Алимпияда».

Кандакия же, целовавши его и за руку емъши, на дворъ ведши. В той часъ прииде сынъ ея Дорифъ, от Александровых стражей розбитъ, едва самъ утекъ, войско же свое изгуби. И слышал бяше, яко Антиохъ, Александровъ воевода, в посолствѣ к матери его пришел есть, борзо прииде, Антиоха убить хотя. Кандакия же се слышавши, к Дорифу, сыну своему, рече: «Не подобаетъ тебѣ сие сотворити, Александръ бо брата твоего от иного зла избавилъ есть и жену и дщер и все имѣние отврати и жива его к намъ с честью отпусти, от погубления избави от Евагрида, силурскаго короля, и посла к намъ послалъ есть, милостивнаго своего Антиоха, любовь и миръ свой к нам держати. Да в мѣсто добра и чести, иже подобаше намъ ему сотворити, главу ему отсеци хочещи. Нынѣ, мой сыну, лутче есть тобѣ умерети нынѣ, нежели Александрова посла в дому моемъ убить». Дорифъ же матери своей не послушаше, глаголя: «Единаго Александрова челоуѣка не даси ми убить,

понеже от моих людей много тысячъ убилъ есть. Да вѣру ими ми, мати моя, яко Антиохъ днес живота не имаетъ». Сие же Кандавлусова жена слышавши, скоро къ Кандавлусу прибѣже, глаголющи: «Вѣдомо да есть тобѣ, братъ твои Дорифъ убити хочетъ любимаго твоего Антиоха мечем». Кандавлусъ же сие слышавъ, скоро прииде к нимъ в полату, Дорифа же обрѣте нагъ меч держаща, и мати его средѣ меча держаше и с ним рвучися, да Александра не убьетъ. Сей же припадъ, мечъ из руки его взя и хотяше его имъ ударити, и карати его нача, глаголя: «Неподобниче, страшливче, аще храбръ мнишися быти, самъ ты на немъ коби поищи; истинну бо ти глаголю, аще похватит мечъ, 100 таковых убьет, яков же ты еси, постояти не могутъ; аще ли храбръ мнишися быти, иди убий его во Александрове стражи; аще ли убиеша его здѣ, то всѣхъ насъ убилъ еси. Тебѣ же вся вселенная пред Александромъ укрыти не можетъ, Александръ бо, государь его, во единомъ мечномъ ударе великаго Пора индийскаго, тестя твоего, убилъ есть». Кандакия внутрь завѣса вшедши со Александромъ и на дворъ его изведе. Видѣвъ же Дорифъ, приступи к нему, хотя его убити. Александръ же кордъ свой приимъ, к Дорифу рече: «Вижу, убити мя хочещи, но знай, яко смертию и самъ умрети имаети; не тако бо македоняномъ смерть пристрашна есть, якоже тобѣ мнитца быти. Да аще мене, посла Александрова, убиеша, государь же мой Александръ на взыскание мое приидет, гдѣ укрытися хочещи? Вѣру ими ми, аще и во утробу матерню влезше, отнюдуже еси изшел, и ту укрытися не можеша. Аще бы се Александр, государь мой, зналъ, яко Кандакия царица послы убивает, не послал бы мене к вамъ, но самъ со всѣми силами без посла пришелъ бы здѣ». Дориф же сие слышав, убояся. Кандакия же царица рече Александру: «Мудрый премудре всякий ... страх сердечны язычная мудрость покрываетъ». И тако с Кандавлусомъ, сыномъ своимъ, Александра за горло похвати и з Дорифом его смириша. И ту ему гостившу много, и дарми его дариша. И дарова ему царица Кандакия венецъ свой с камениемъ и бисеромъ многоцѣннымъ. И сокровенно рекши ему: «Возми сие, Александре, отнеси дщери моей, жене своей Роксанѣ». И дарова ему перстень от четырех камней

хитростию магнитъскою составлен, и дарова ему оружие от анкита гвоздия, приставлена на аспидове кожи, фарижа бѣлая анфарскаго,¹⁰² бисернымъ седлом оседлана, и дарова ему гелмъ орелъ, орлу на персехъ словеса пишет тако: «Александръ наасаръ, великий хонкиаръ бысть, за всего свѣта государьствует». И ту ему много гостившу, Кандакия царица проплакавъ рече: «Некому, Александре, посломъ себѣ сотвори, не вѣси бо невѣрныя чести неуставнаго слученія». И рекши, отпусти его с честью великою, и дани ему на десят лѣтъ дарова. Он же не восхотѣ, глаголя: «Отмолити ю имамъ у Александра». Она же к нему рече: «Аще дань оставиши, познають тебе сынове мои. К нам же предложение любовь твою дай и přátелство к намъ неповторну соблюди». И се рекши, за горло его похвати и к нему с плачемъ рече: «Рада быхъ сына имѣти тебе, Александре». И се рекши, отпусти его. Проводиста же оба сына ея, Кандавлус и Дориф да Александрова окола. Стражи Александровы сretoша его, и с коней ссѣдоша, и поклонишася ему. Кандавлусу же и Дорифу Александръ рече: «Вѣдомо да есть вамъ, яко самъ есмь аз Александръ царь». Се же они слышавше и рекоша: «Аще ты еси Александръ, мы ныне измерли есмь». Александръ же за горло похвативъ ихъ, рече: «Не имаете вы от мене умрети, азъ бо соблюду васъ любовию и честью, матери бо вашей Кандакии Клеопиле сынъ есмь, вам же братьскіи обдержим есмь». И ту даровалъ ихъ Александръ и с честью отпусти.

Александра же ту сretoша Птоломѣй воевода и Антиохъ и много к нему с плачем рекоша: «Что, Александре, животомъ своимъ вселенную всю смести хочеши; что главу свою назад мещеши; сам на посолствѣ ходя, безо чти умрети имаете, нас же, в чюжих земляхъ оставив, всихъ погубити имаете. Да не тако, Александре, пизматар намъ буди, якоже не дѣломъ твориши; но вес приимши свѣтъ, и тако поидемъ в Персиду, и ту, дому дошедше, господства земская разделиши намъ по подобію и по достоянію». Ту Александръ пришед войску свою, гостьбу многу и веселие сотвори с людьми своими.

СКАЗАНИЕ О ВОЗВРАЩЕНИИ АЛЕКСАНДРОВЕ В ПЕРСИДУ К РОКСАНЕ ЦАРИЦЕ, И О РАЗДЕЛЕНИИ ЗЕМЛИ

СВОИМЪ ВЛАСТЕЛЕМ, И О ПРОРОКУ ИЕРЕМЪЮ, ИЖЕ СКАЗА ЕМУ СМЕРТЬ

Александръ же собрав свои вои и двигнуся в Персиду, ко царицы своей поиде к Роксане. И в Персиду пришед, многи радости ту сотвори и ту земьская царства раздели.

Антиоху же даде Индѣское царство и всю Мирсильоньскую землю и Сѣверьскую;¹⁰³ Филону же даде Персидцкое царство и всю Асию и Килекею; Птоломѣю же даде сладкую и красную землю Египетъ и Ерусалимъ, и Палестину всю, и Межюрѣчье Сѣверьское¹⁰⁴ и сладкии Предекиския¹⁰⁵ отоки; Селевкушу же Римское царство; Леомедушу же даде Немецкую землю и Парижское царство. Вся же сия по достоянию раздели, с Роксаною, царицею своею, год сотвори с великою радостію и с веселием.

Оттуду Александръ двигъся з дворомъ своимъ в Вавилонъ поиде. И в ту ночь явися ему пророкъ Иеремѣя, глаголя: «Гряди, чадо Александре, на уреченное тебѣ мѣсто, сего числа чотыредесятого лѣта *свѣрилося есть, и четвероставное тѣло* твоего естества днес, Александре, *разъступитися* имает; от земля бо заимодано есть и паки возвратитися ему. Вѣдомо да есть тебѣ, яко, всю обшед землю, отечества своего узрѣти не имашъ; руки же служащих тобѣ, от нихже благая укушаеши, отравнаго яда имаши вкусити от них. И в Вавилоне походи, и войско свое раздели и царская земли раздели и укрепи. И в землю, от неяже изшелъ еси, и паки в ню внидеши, и в небытие будеши. Душа бо нетлѣнна поиметца, в невѣдомо мѣсто Божиим промыслъ отведется, тѣло же тлѣнно в земли тлѣнной останет, и ту разсыпався, в небытие будет; и паки на скончании вѣкомъ от земли востати имает, тлѣнное существо в нетлѣние облечетца и ту со душею паки сстався, вкупе соединитца. И ту познавшемася има, яко нѣкима любимыма другома, во мнозе видѣвшимася има, истинно радостенъ имъ будет и весело и любезно имъ зело. Тако душамъ с телесы сстанокъ будетъ, Александрѣ, о всѣмъ нынѣ вѣруй, стати бо имут вси на Страшнем судищи и на великом торжищи, идѣже престолы поставятца, и Ветхий денми сядетъ, судии страшный и нелицемѣрный; тысяща тысяч аггелъ окрестъ его и многоочити

серафими и шестокрилатии херувими. Тогда всяка душа, облекшися во свое тѣло, судом возмездие примут, с тѣлом вкупе согрѣшиша, с тѣлом же и мзду примут. Тогда благая сотворше убо примут жизнь вѣчную, злая же сотворше муку вѣчную примут, и тогда конца лѣтомъ не будетъ. Тогда бо мужеский полъ и женъский родитися не может, и ни на комъ лѣпости не будет и грубости, ни возраста умалена, ни различия лицемъ, черноти и белости, ни русости, ни смуглости, но тѣло во единомъ естествѣ будет, точию причастное с собою имущее, иже есть лѣтное и крѣстное и помысленное, прочая же дѣла тогда оскудѣют, душа же всегда безсмертна будетъ. Тогда убо, Александре, всякий челоуѣкъ познати имает своего любимаго, не точию же любимых, сих же видано, ихже слышано, увидит и познает на ономъ грозномъ судищи и торжищи ономъ великомъ. Ту бо, Александре, познати тя имуть вси, ихже обидилъ еси здѣ, и с тобою обидимии познати тя имуть тамо. Да вѣдомо есть тобѣ, некому живъ узриши мене, но тамо узрити мя имашъ, идѣже вси предстануть, иже вси от вѣка умершии на Страшнемъ Судищи своемъ великаго Бога Саваофа». И се рекъ Иеремѣя пророкъ невидимымъ бысть.

Александръ же от сна воставъ, в недоумѣние впаде и се изступлении ума бывъ, на постели своей сядше и плакашеся горко и ужасно видѣние помышляя. Сердце бо его обуряваемо бяше, якоже корабль нѣкий в пучине морстей вѣтры и волнами обуреваемъ. В мысли впаде, ужасно видѣние помышляя, на перинницы сяде, плакашеся. Филонъ же и Птоломѣй заутра приидоша и плачущася его обретоша и стемы златы из главъ своих свергоша, перстию главы своя посыпаша и приступиша ко Александру, плачущеся и глаголюще: «Почто, Александре, жалостию радость пременяеши, почто сеи скорби предалъ еси себѣ?» Александръ же к нимъ рече и видѣние имъ сказа, сядя. Они же дивную рѣчь слышавше и ужасошася много, утѣшити же его хотяше сладкими бесѣдами и глаголаху: «Не тако, Александре, подобно есть ношнымъ мечтаниемъ умные отступити совести, сон бо такъ намъ мнитца быти: от *многого* спанья и *от лиха пития* главные омокриваемъ мозгъ, в немже живетъ царь совестемъ – ум; челоуѣку велми спящу, от сонной

влаги велми омокреваему мозгу, умерзить себѣ и многая невестественным своим окомъ позирает и видить оная, яже видел или слышалъ когда, тѣхъ всѣхъ зрить и тѣми дѣйствует. Сония видѣнія, Александре, душевное бо зрѣние мнимо быти. Тѣло бо тлѣнно яже зрит тлѣнная сия видимая, душа же, нетлѣнна сущи и невестествена и умна сущи, вся, елика восхощет и мыслить, сихъ зрить, аще и далняя мѣста есть и ближняя, свое бо есть бытие, идѣже хошет; тако бо по подобию Божия образа создася. И приплетет бо сию к мертвенному тѣлу, яко да имѣ дѣйствует, оживляющи то, якоже огонь вѣтром распалаетца, или яко кузнецъ нѣкий златый хитростию желѣзными растворяя рукодѣлии, или якоже корабль нѣкий волны морскіи прескоча, не собою носимъ есть, но вѣтреннимъ дыханием. Тако бо тело душею окормляемо есть, тою бо стоится и водится и носится, якоже нѣкая два юнца окормляюще рало, Дѣндеже, иже составивый ся Богъ всихъ и промысленикъ *распряжет*. Душа бо поиметца, а тѣло оставится, душа бо к нему, яко невестествена, тѣло же к земли, яко вещественно и тлѣнно. Аристотел же и учитель твой мудрый, Александре, в книгах своих пишет, глаголя, яко статися имут душа с нимиже согрѣшиша телѣсы тогда, егда порождение второе будет, егда мертвии от гроб востануть. И Соломон мудрый рече, праведных душа в руце Божии, глаголетъ, быти, грѣшных же душа в тартаре, в геоне мучитися имуть, в долнейшихъ земли, глаголетъ, быти. Аристотел же мудрый и Платон великий, мира сего кончина, глаголють, быти тогда, егда довершится число от падшаго древа ангельскаго чина праведных чловѣкъ душами. Сие же, Александре, и еврейскій пророкъ Иеремѣя согласуетъ, глаголя, тако бо есть». И се слышав Александръ и подивися и в недоумѣнии быв, глаголаше: «Слава тобѣ, чюдный, дивный, непостижимый, и неисписанный, и недовѣдомый, и неизслѣдимый Боже, иже от небытия вся в бытие приведѣ, и благорастворяя вся великимъ своимъ промысломъ. Како небеса сотвори единомъ словом, сии же видиния своего не премениша, ни обетшаша; како землю колику и ту ничимже утвердилъ есть, сия же плодовъ своихъ не измени, ни обычая; како морскія волны и воды многія, на

единомъ стояще мѣсте и всегда умножаемы бывающе, не изсякнутъ, ни от предѣлъ преидоша, ни волю измениша естествъ, но содержими силою и различными колеблемо вѣтры, устава своего не измениша, ни благораствореннаго дыхания; како солнечное сияние, толицыми сущими лѣты, теплости и свѣтлости не измени; како лунный кругъ, овогда умножающесе, овогда оскудевающъ, на новину и ветшину устава своего не измени; или како тела человека четырьми сплетена стухиями, душу божествену в них всади, якоже нѣкоего всадника на четырехъ равно текущихъ утверди точилех, Дѣндеже равно 4 стоятся стухия, дотолѣ и тѣло человеческое непоколебимо стоит; егда ли от 4 тѣхъ составъ едино или умножится или оскудѣетъ, тогда растлится и от души распрѣжится тѣльное человеческое тѣло. Аще ли промысломъ твоимъ, Боже, или врачевною хитростию паки 4 тыи соимутся колеса, иже суть составы, тогда паки душею здравствуетъ».

И от того дне убо всегда в недоумѣнии пребываше царь Александръ и мысляше, в себѣ глаголя: «Когда се постигнетъ мене смерть, и кто будетъ память мою творити по моей смерти? Будетъ ли се тамъ видѣние и познание, егда душа съ телесы сстатися имутъ на великомъ торжищи?» И тако мыслями многими помышлении: «Будетъ ли тѣломъ востание паки или не будетъ, в то же тѣло души паки приити имутъ или ни?» Дивляше бо ся и глаголаше: «Како раставшесе и распадошася кости, в то же паки бытие приидутъ?» И тако помышляя глаголаше, яко: «Вся могилъ Божий великий промыслъ, ихже созда отъ небытия въ бытие, той же можетъ въ тую же привести совесть въ первое бытие». И многая таковая помышляя и рече: «Яко возвеличишася дѣла твоя, Господи, вся премудростию сотворилъ еси».

И се рекъ въ Вавилонъ поиде, якоже нѣкий человекъ на уреченное мѣсто на умертвие свое идяше. Тогда убо Александръ царь, всего свѣта государь, смерть свою помышляя и неутѣшимъ бываше. Егда же приспѣ на поле, нарицаемое Сенаръ, въ земли, зовемой Авсидийстей, идѣже праведный и богатый Иевъ жилъ быше, и ту Александръ станомъ своимъ сталъ, сильныи же воиски по тому полю падоша. Велможи же

Александровы скорбна его зряще и жалость его изменити хотяще, на гору високу его возведоша и всему воиску вооружатися повелѣ, на поли на ономъ на единомъ мѣсте собратися повелѣ. И сих позрѣвше, ко Александру рекоша: «Александре царю, сильный господине, почто скорбию великою потопляеши сердце свое, зриши, се толицемъ людемъ сотвори тя Богъ ныне царя, да подобаетъ тебѣ веселитися и радоватися велми». Александръ же главою покивав и прослезився рече: «Зрите ли всихъ сихъ, в пятидесятныхъ лѣтахъ вси под землю заидуть». Бѣ бо ту видети болши *паче миръяд* тысячъ людей, коней же безчисленное множество; бяху ту собрани вси языцы: индѣяне, и сирии, и мидии, и евреи, и финицы, еглефи, еламита, и халдѣи, и лидии, и нѣмцы, и греки, и инии восточнии и западнии языцы вси. И ту Александръ великий пиръ войску своему сотвори. И ту от востока и до запада и сѣвера и юга и от моря всего вси власти и князи со многолѣтными данми и с поклономъ ко Александру приидоша.

В той же день прииде от Македонии от матери Александровы Алимпияды царицы казател его и учитель Аристотел. Видевъ его Александръ и возрадовася велми и за выю его примъ и облобызаше его сладко, глаголя: «Добро пришел еси, многочестная и безцѣнная глава, добре пришел еси, неугасимый светилниче и казателю всему миру, философе великий и казателю дивный Аристотелю; добре пришел еси ми, егоже мудрости подивишася *еллини*, емуже почюдишася халдѣи, его подивишася хитрости египтяне и волховнии мудрецы. Но возвести ми убо, чюдный во человекѣхъ, любимый мнѣ дидаскале,¹⁰⁶ учителю мой, како западная страна мируетъ, жива ли есть вселюбимая мати моя и сладкая Алимпияда царица, и како, яже о нас, по всей вселенней чюется. Вѣрно ли человекомъ есть, яко, всю примше землю, рая доидохомъ и многъ, егоже ты в книгахъ своихъ указуеши и краи земли во Едеме на востоце; и того бо рая близу доидохомъ, и до Макаринскихъ отокъ во Акияньстеи рецы, идѣже еллинстии мудрецы и душамъ человеческимъ, глаголютъ, быти. Но то аз души ни единая не вѣдих, но якоже со истинною макаринский князь нам сказа, не ту имъ, глаголетъ, быти, но в долнейшихъ

земли, во адовых реках, и ту имъ ждати, рече, ослабу и откупление от вышняго промысла и великаго Бога Саваофа». И се Аристотел слышавъ подивися, ко Александру тако отвеща: «Благодарю Бога, сподобльшаго мя видѣти свѣтлое и красное лице твое, и сильный, и славный, и дивный в человѣцѣхъ, всего свѣта государю, великий Александре царю. Вселенная бо вся, иже о тобѣ чюдишася велми, возрадовася зѣло о великой славе твоей, елика Богъ даровал ти есть, якоже ни единому другому человѣку. Македонская земля и радуется и веселится, цветет, яко кринъ между земьскими царствии и Бога непрестанно молятъ за тя всегда, другаго не имають такового добыти ни царя, ни господина, якоже тебе, Александре. Вѣдомо да есть тобѣ, яко вселенная вся недостойна есть ни единому власу от главы твоея падающе. Госпожа твоя мати благо днесь здравствуетъ и жалостно тебѣ позирающе видети или слышати, мирно в Македонии царствуетъ, и жалостию и радостию умъ пременяюще, во страсе всегда сущи, в недоумѣнии бывши, хочет бо сподобитися видети лице твое свѣтлое. *Молит* бо ты много, глаголющи: “Не преслушай мене о семъ, всѣлюбезный мой сыну и милый свѣте очию моею, но услыши мене, насытитися твоя свѣтлости и со всечестною твоею свѣтлостію царицею Роксаною. Аще ли тобѣ в Македонию невозможно приити к намъ, к царству твоему приидомъ, идѣже ты повелѣши, и твоего насытитися мнѣ сладкаго вида, живот бо свой вскорѣ смерти изменити имамъ”».

О сихъ словесех Александръ умилися и рече: «Блажю всякого сына, отеческому повинующеся повелѣнію». И се рекъ, Аристотеля за руку примъ, на обѣдъ сяде. Все же велможи его, велиции князи и господьства земьская по достоянію и по подобію *сѣдоша*. Филона же и Птоломѣя и Селевка на особномъ столѣ посади близу царския трапезы конец подножия. Аристотеля же и учителя своего и Лаомендуша, Поликратушева сына, егоже любяше зело, конец престола своего на шестом степени посади близу царские трапезы конец подножия. Преполовившуся обѣду, воставъ Аристотел, дары Александру и царицы принесе, иже бѣше послала ему Алимпіяда царица, мати его. И принесе ему стемы двѣ, едину Александру, а другую

Роксане, великии с великимъ жемчюгомъ и с камением многоцѣннымъ; и два фарижа бела, оседлана слоновыми седлы с камениемъ и со златомъ и серебромъ; и 100 коней зобных, и кучму царскую з жемчюгомъ и с камением многоцѣннымъ; и 1000 оклопий, приставленных на лвовых кожах, и 4 роги слоновых, и два перстни драгии, и хакизмо парижское от коркодиловы кожи и з жемчюгомъ и с камением многоцѣннымъ, и 100 блюд златых настольных, и листь, имеющъ сице: «Всесладкий и вселюбезный и милый свѣте очию моею, Александре сыну, всего свѣта царю, вселюбезная и вождельная мати твоя Алимпияда пишу. Вѣдомо да есть царству твоему, яко отнелѣже в Македонии видѣния твоего разлучихся, оттоле сердце мое и душа рат межи собою сотвориста велику и умирить их не могах, да всегда со слѣзами ихъ внимаю, твое помышляюще от мене разлучение, сыну мой; и вся царская богатства и злата и ни во что же вмѣняю, твоего помышляющи улишения. Не *так*о аз немилостива есмъ, якоже мнится тебѣ быти. Да аще возможно тебѣ к намъ в Македонію приити, аще ли тебѣ невозможно есть, мы к царству твоему приидемъ, да твоего насыщюся всесладкаго вида, живот бо свой, сыну мой, вскоре смертию заменю».

И тако скончавшуся обѣду, нѣкий от велмож его рече ко Александру: «Александре царю, достоит тебѣ от земель болшии дани взимати». Александръ же к нему рече: «Ни градаря таковаго ненавижу, иже и с корениемъ зелие исторгающе».

И ту Александръ на гостьбѣ той узрѣ персенина нѣкоего от велмож своих и стара велми, иже браду свою *вапсаль* бѣше, яко млад человекъ указывается. И рече ему: «Любимый мнѣ и милый Каньсире, иже кая полза от вопсания сего хочет быти, колѣна ногамъ своимъ *вопсай*, има же да укрепится; аще ли псаломъ старость крепиши, ни глаголю тебѣ – не вопсайся, – яко да вапсило тебѣ не превратит мене себѣ млада, и старостию напрасно умрети имаеши». О семъ власти его много смеялися.

Другий же нѣкто велможа у Александра бѣ, емуже имя Александръ, страшлив же сий бѣше велми, и всякого боящеся и

из бою утекаше. Александръ же к нему рече: «Человѣче, любо имя измени или нравъ; и мое имя тобою срамотно есть».

И в той же день ко Александру приведоша 3000 гусарей и рекоша ему властели обѣсити сихъ всѣхъ. Он же к ним рече: «Да коли лице мое видели суть, то не имает ни единый их умерети; судьям бо дано убивати, царю же дано есть миловати». И сотвори ихъ Александръ ловцы собѣ.

И въ тии дни приведоша ко Александру человекъ индѣянина, славно такова стрелца глаголаху быти, яко сквозѣ перстень стрелу простреляше. Александръ же стреляти ему повелѣ. Он же не хотѣ. И паки ему в другой повелѣ и он не восхотѣ же. Александръ же повелѣ ему главу отсеци. Ведуще же его и рекоша ему: «Почто, человекъ, животъ свой отдаде за едино стреление?» Он же к нимъ рече: «Десять дний имамъ отнелѣже за лук не приимах, и убояхся, яко пред нимъ погрешу и славу мою изгублю». Сии же Александръ слышав и похвали его много и с честью отпусти его, зане изволи смерти, нежели славу изгубити.

И ту Александру нѣкий от воинник приступивъ и рече: «Великий царю Александре, дщи едина у мене есть и ныне оужити ю хочу, да помози». Александръ же 1000 талантъ злата ему дати. Он же рече: «Много ми есть, Александре царю». Александръ же рече ему: «Царский даръ велику честь требует».

И ту Александръ Аристотеля, учителя своего, дарова, стему велику дасть ему, и одеяние многоцѣнное Пора, индѣйскаго царя, 10 тысяч талантъ злата, 10 кулобъ великого бисера, и в Македонию его посла, повелѣ ему привести матер свою к себѣ, Алимпияду царицу, на стан великий к нему во Египетъ в Палестинской земли. Сам же ту с Роксаною царицею оста.

И ту Александру человекъ нѣкто прииде и рече ему: «Царю Александре, преж ихъ малых дней, ловящу ми при краи реки на Тигре, сокровище велико изнаидоша злата; да аще хоцещи, поиди и возми сие, много множество есть». Александръ же рече к нему: «Всяко злато въ Божиих руцехъ есть, да аще хотѣл бы Богъ, мнѣ бы явилъ, но понеже тобѣ есть объявилъ, да поиди, возми сие». Он же ко Александру рече: «Елико требовах, от него взях, останок же возми ты, царю. Множество бо есть много,

два дни и двѣ нощи елико хотѣхъ и носих, ктому же не требую». Александръ же подивися сему и, на конь всѣдъ, на мѣсто то поиде, множество же злата виде и рече: «Егда от Дариевыхъ сокровищъ злато сие есть». И тако повелѣ всему войску взяти. И толико его множество бѣ, елико вси до воли взяша, Александру же сто кубловъ от него оста.

Сему же бывшу, и се Алимпияда царица, мати Александра царя, от Македонии прииде. Александръ же и вси цари и велможи нарядивъ и во всей силѣ и войско свое направи, кони поводнии великии под бисерными седлы и златыми учреди, и трубы гласовнии, и органи, и тимпаны псалтырнии, и мусикийскии хитрости по достоянию урядив, и колесницу велику со златом и бисеромъ и с камением украшену на стрѣтение матери своей посла. И преж себе Роксану царицу посла, 1000 владыкъ посла с нею. Видѣвши же сие Алимпияда возрадовася велми и позирающи на ню, дивляшеся добротѣ ея и лѣпости, изрядному ея разуму; и сладко сию обლობызающи и к сердцу своему пригорнувши, рече: «Благодарю тя, Боже мой, яко далъ еси Александру подобну ему жену. Добрѣ обрѣла тя есмь, сердце, и душе, и милый свѣте очию моею, вселюбезная дщи моя Роксана». Роксана же к ней рече: «Добре пришла еси, и великая и свѣтлая, всего свѣта царица, государя моего мати, мнѣ же госпоже, Алимпияда царица». И тако на колесницу вседоша и поѣхаша. По том же Александръ срѣте их в чюдной великой и дивной порастаси со всѣми своими вои и велможи, вси же на великихъ конехъ и всякий велможа пред своимъ полкомъ в царской стеме и на златой колесницы направиѣхаша. Александръ же ѣха у великой толши македонскаго стана на великомъ кони в финическом одеянии, на главѣ же его перская кучма стратокомилowym перьемъ, на кучме венецъ Клитоврии, амазинской царицы. Егда же близу сташа, тогда царицы обе слезоша, саговѣ свияне по полю тому вергоша, и ту на них ставше, Александра дождаше. Александръ же от далеко с коня на землю ссяде и с велможами своими к матери прииде пѣшъ. Мати же его видѣвше, за горло его похвати и сладко целующи и рече: «Добре обрѣла тя, сыну и всего свѣта господине, Александре царю». И се рекши, к станомъ поидоша.

Бяше же видети ту дивный чюдный и красный станок. Егда же к стану приѣхаша, тогда полкове по достоянию разрядишася и рядомъ около их оба пол идяху. Все же трубы псаловными удариша, органы и прасковицы, различни мусѣкийскии свѣрили; и не бѣ ту слышати и ни единого гласа от трубного вопля и от коньскаго уристанія. И тако в станъ свой приидоша. Велможи же по достоянию седоша. Александръ же сѣде на великомъ своемъ на златомъ престоле, о правую же страну сѣде его мати Алимпіяда, о лѣвую же страну сѣде Роксана, жена его; и ту веселящеся много. Александръ же начать ей сказывати боеве все великии, иже сотвори з Дариемъ, царемъ перскимъ, и прочими восточными и западными цари. Сие же слышавши Алимпіяда царица дивляшеся. И тако повелеваше трубамъ ударити, иже зовутца сирини намелии.¹⁰⁷ Такови же органы суть: 3000 писковъ имають, гласове же все различни суть, дебелы, и тонцы, и висоцы, и низцы, и тако жалостно слышати их и сладцы, яко всяки челоуѣчeskий разумъ дивляшеся. И ту веселившеся много Александръ царь со Алимпіядою царицею, матерею своею, и с Роксаною царицею, с престола воста, цари же в шатры разыдошася.

Во единый от дний повелѣ Александръ младымъ витяземъ торгаться; в другой же день из луковъ стреляти; во иные же дни нѣкую игру играху, иже зоветца каруха,¹⁰⁸ дивна же есть и чюдна зело.

Тогда ко Александру приступиста два витязи македонина, иже Александръ велми любяше, от млада их бяше сохранилъ; брата же присная бяху, матер же в Македонии имяху, за многая лѣта сию не видели бяху. Она же имъ часто поручеваше и писаше многа, яко приидуть к ней в Македонію видети их. Они же любви Александровы отторгнутися не могуще, во мнозѣхъ лѣтахъ к матери своей не приидоша. Мати же их, твердую вѣру ко Александру видѣвши, яко отторгнутися от его любви не имають, дивно чюдно и диво достойно сотвори и повести велицей. Отравный ядъ со ухищрениемъ у глакизме примеси, иже наричется рефне, и то сотворивши, и сыномъ своимъ посла и листъ писа к нимъ: «Сладкими сынома моима и милыми красными двема, Левкудушу и Врионушу, любимая ваша мати

Менерва, вамъ пишу радоватися. Вѣсте добре, сынове мои, яко се 20 лѣтъ лица вашего не видѣхъ, ни вы мене узрите; многожды бо к вамъ писах, желающи вас видети, вы же всегда поручаетесь, глаголюще, яко: “От любви Александровы отторгнутися не можемъ”. Да вѣдомо вамъ буди, сынове мои, яко всяка слава и богатство во своих почтено есть и сладко, в чюжих же вамъ сущим, ни во что же злато бо ваше... мертво лежитъ. Да клятвою заклинаю васъ, во млеко, еже воскормихъ васъ, яко приидѣте и видите мя. Аще ли Александръ васъ не пустит, гликизмо вамъ рефно дахъ, и Александру вкусити дайте, егда бо от него вкусит, в той час вас отпустит». Левкодушъ же и Врионушъ листъ матери своея прочетше, Левкодушъ же матери своей зазрѣвъ и посмѣяся, Врионуша же зелие то вземъ и сохрани. Левкодушъ же к нему рече: «Заверзи сие, не имать ни единыя ползы в немъ». Бяше бо Левкодушъ конюшей бояринъ у Александра царя, Врионуш же чашу подаваше Александру царю. Врионуш же лукавое на сердцы своемъ держаше, просил бо бяше у Александра Македонскаго царство многожды, Македонии; Александръ же к нему рече: «Всю вселенную разделить имамъ, Македонии же никому не дамъ, до живота бо имамъ владѣти ею самъ, по смерти же моей да владѣти будет, кому Богъ дастъ Александров нарокъ... и крѣпка десница, и острый мечъ». О семъ Врионушъ на Александра злобу имый, зелие оно хотѣ Александру подати. Возрѣ же на красоту лица его, паки не восхотѣ, и держа сие 6 лѣтъ, не могый Александра отравити, не даваше ему брат его Левкодушъ, но караше его, глаголя: «Бойся Бога, о человекъ, не убивай мужа дивна и чюдна, егоже мудрости еллини подивишася, егоже храбрости перси и индѣяне почюдишася, от негоже потрясется вся подсолнычная земля, восточная и западная и южная и сѣверная, егоже убояшася вси морстии отоцы. Аще бо сего погубиши, брате, то вес свѣтъ смертью смести его хощеши и самъ злѣ умрети имаеши». И хотяше Левкодушъ Александру сказати сие, но Александръ бы ему не вѣровалъ, понеже Врионуша любяше зело. Птоломѣю же воеводе сказати хотяше, но размысливъ рече: «Аще брата моего убьютъ, и мене с нимъ убьютъ». И Врионуша часто караше. Он же сего не послушаше,

добре бо рече: «В неразумное сердце терние внидет, и вскоре не изыдет».

Исперва бо от лукавых женъ убийство сотворися, якоже древле Ева ради от древа райския пища отлучихомся, Соломан бо, мудрый во человекех, женою лукавою ада наслѣди, и Самсону великому в крѣпости и женское ухищрение одолѣ, Иосиф прекрасный от лукавые жены много претерпѣ. И ту бо великого Александра, макидоньского царя, лукавство женское постиже.

Во един бо день Александръ гостбы велики велможемъ и во емъ своимъ сотвори. В той бо день дары от Востока ему принесоша. И на томъ обѣде велику веселость сотвори. Има же Александръ чашу самотворну от андракса камня, и дивна бѣше и многоцѣнна велми, тою же всегда Александръ пияше. Тогда Александръ женѣ своей Роксанѣ тою чашею напив подаваше. Врионуша же сие чаши не соблюде и, ко Александру сию чашу несоша, и испусти ея из рукъ, и разбися. Александръ же о семъ разсердився, Врионуша побранихъ мало. Врионуша же за злобу ону на умъ вземъ и сие на сердцахъ хранише на своего си благодателя безумно, и ту его хотя отравити, но не дасть ему братъ его Левкодушъ. Таков бо сий лукавъ бѣше и гордивъ, зломнивый Врионушъ, помышляше бо в себѣ, глаголя: «Аще Александра отравлю, царь всему свѣту буду».

В той день приидоша ко Александру от Иеросалима иевреи, принесоша ему шатеръ великъ велми и сказаша ему, глаголя, яко пророкъ Иерѣмѣи умре. Александръ же сие слышавъ и оскорбися немало.

И в той день приидоша к нему мужи мнози от града, егоже создал бѣше, Александрию, ко Александру рекоша: «Царю Александре, град, егоже еси создал бѣше, Александрѣю, не можемъ никако жити в немъ». Александръ же рече: «За что?» Они же к нему рекоша: «Змѣй великий от реки египетцкие изходитъ и людей ухватает, и ядомъ умирають». Александръ же к нимъ рече: «Идѣте во Иеросалимъ, и *кости* пророка иеврейска Иеремѣя взявше, на крестъ града сихъ уздайте, того бо молитва ядъ исцѣлеть змиин». Они же шедше и тако

сотвориша, и от того часу и до нынѣ змѣй во Александрѣи чловѣка ухватити не можетъ.

И в той день жена нѣкая, ко Александру приступивъ, сии рече: «Александре царю, муж мой злобит мя и бранит мя много». Александръ же рече: «Всякой женѣ глава есть мужъ, мнѣ же нѣсть дано судити жены пред мужемъ». Она же Александра понудити хотящи, да мужа еи убьет, и рече: «Царю Александре, мене убьетъ, тебѣ же невѣрен есть». Александръ же к ней рече: «Нѣсть ти дано мужю судити, во царствии бо моемъ жены да не судят мужем. Горе бо чловѣку, имже жена обладает, горе бо, – рече, – земли той, в нейже жена царствуетъ; о горе тѣмъ людемъ, имиже жена обладает, жена бо на едину потребу от Бога сотворися, дѣтородства ради; мужу же жена подручна есть». И се рекъ и языкъ ей повелѣ урѣзати.

В той же день двородержьцы приступиша ко Александру и рече Дандушъ, милостный и любим бѣше велми у Александра и вѣренъ ему есть, кротокъ же сии тѣломъ, но храбръ велми и конникъ добръ воинъ велми, ко Александру рече: «Государю великий, царю Александре, подобно есть, яко власти твои домове свои да видят, много бо лѣтъ, яко отнелѣже от домов своих зашли суть». Ту Александръ повелѣ дары многоцѣнны принести и ту велможи свои повелѣ дарити царскими стемами многоцѣнными, и диядимами, и великимъ царскимъ одеяниемъ, индѣйскими и перскими фарижи, и много множество неизчетно злата и бисера разда. И тако всякому во свое царство отправитися повелѣ. Сам же с матерею своею и з женою своею и свободными витязи в Виталский горы ловити поиде.

В той же день Врионушъ ко Александру приступивъ, рече: «Александре царю, дай мнѣ Македонское царство». Александръ же к нему рече: «Любимый мой Врионуше, я всему свѣту царь есмь, но людие македонскимъ царемъ зовут мя; но возми собѣ Ливию, и Киликию всю, и великую Антиохию». И сего же Врионушъ не восхотѣ, но помышляше во умѣ: «Аще Александръ умретъ, всему свѣту царь буду». И тако яд растворивъ, Александру дастъ. Александръ же сие вкушъ, в той час студен бысть яко крошецъ и очюти, яко отравленъ бысть и рече: «О любимый мой и милый врачу Филиппе, вѣдомо да

есть тобѣ, яко в сладком вине вкусих горкий ядъ». Филип же сие слышав и стему з главы поверже и былия нѣкая теплейша с целым теряком¹⁰⁹ Александру дасть пити. Сие же слышав Врионушевъ братъ Левкодушъ, Александрове смерти очима не могый видети, на меч налегъ, прободесе. Александръ же ко врачу своему Филиппу рече: «Можеши ли от смерти избавити, Филиппе?» Филипъ же рече к нему с плачем: «О всего свѣта царю, идѣже хочетъ Богъ, побежается естества чин, да не возможно ми есть помощи дати, понеже ядовитая студень преодолѣвает сердца твоего теплоту. Но сие помощи ти могу: три дни живѣ будеши, Дѣндеже вся царства урядиши земская». Сие же Александръ слышавъ и главою покивав и рече, прослезився: «О суетная слава человѣческая, како в мале являеши, а вскоре погибаеши. Но добре рече реки: “Нѣсть на земли радости, иже не приложится на жалость, ни есть слава, иже не преидеть”. О земля, и солнце, и твари, плачитесь днес мене, в мале бо на свѣтъ явихся и вскоре под землю отхожу. О земле, мати моя, красныи человѣки упитаеши, напрасно к себѣ приемлещи. О неуставная человѣческая чести, како мнѣ тихо посмеяся и напрасно паки мене к земли отсылаеши. Всесилнии и всемошнии и любимии мои македоняне, аще возможно вамъ смерти мя избавити днес, да с вами всегда буду, бийтесе с смертию ныне за мя, похитити мя от вас пришла есть». Се же слышавше македоняне и с плачем великим ко Александру глаголаху: «Александрѣ царю, сильный государю, аще возможно есть смерти откупити тя, животъ нашъ вси дали быхом за тебѣ, но сие намъ невозможно есть. Но ты добре на земли пожил еси и смерть твоя почтена есть болши, нежели чий животъ. Походи, Александрѣ, походи на уготованное тобѣ мѣсто, на земли бо добре царствовал еси, и тамо рая наслѣдити имаеши».

Филип же, Александровъ врачъ, мску живу разсѣкъ и в ню всади Александра. Александръ же вся земьская царства и великия государства и вси князи и власти по достоянию урядив. Алимпияду же мать и Роксану царицу примъ, Филона призвав и Птоломѣя и рече: «О любимая моя присная два брата, Филоне и Птоломѣю, жену свою и матер свою предаю вамъ ныне, яко мою поминающе сердечную любов,

сихъ почтено до смерти дохраните; Македонское же царство добре соблюдайте. Тѣло же мое в Александрѣи положите; мене же паки узрѣте тогда, егда мертвии от гроб востанут. Но вѣдомо да есть вамъ, яко напоследокъ лѣтом перси Македониею обладати имуть, якоже мы днес персы». И се рекъ Александръ, Роксану за руку приимъ и сладко ея облобызаше, глаголя: «О Дариева дщи, мой милый свѣте очию моею, всего свѣта царице Роксано, вѣси ли, отнелиже любов моя *приплъте* к тебѣ, колко извѣщания сердца моего указаша тебѣ, якоже ни единъ муж к своей женѣ, такоже и ты указа мнѣ любов и честь вѣрну соблюде, якоже ни едина жена ко своему мужю. Вѣдомо да есть тобѣ, яко ныне любовь наша расторгнутися имаеть, отхожу убо во адъ, отнюду же возвратитися не имам. Остани з Богомъ, милая моя любви». И се рекъ Александръ, целовав, отпусти. И тако властели на целование призва и со всѣми по ряду целовася и с плачем к нимъ рече: «Любимии мои и милии македоняне витязи и вси прочии языцы, Александра другаго не имаете изнайти». И се рекъ, глаголя: «Приведите ми великаго моего коня Дучипала». Дучипал же, видѣ Александра умирающа, жалостно проржа и ногами землю бия, Александров облобызаше одръ. Александръ же за гриву сего похватив и рече: «О милый мой Дучипале, некому другой Александръ всядет на тебе». И ту Александръ Врионуша оного зазрѣвъ и к нему рече: «О милый мой любимый Врионуше, ни вѣси ли, колико благая же сотворих тобѣ, почто зло за добро воздал ми еси, почто отравнаго яда напои мя. Но проклят да есть господи́нь той, иже государьскаго убийцу хранить, и проклят да есть, иже ... блудника хранить, и проклят да есть господи́нь той, иже здавцу градцаго хранить, но злаго убивъ, да ся зла укротит». И ту Дучипаль скочивъ, Врионуша зубы за горло ухвати и к земли его притиснувъ, ногами до смерти уби. Александръ сие видѣвъ и рече: «Пий, брате Врионуше, яже ми еси предал чашу». Птоломѣй же разсѣкъ его, псомъ повелѣ поврещи. Александръ же на властели и на велможи возрѣвъ и рече: «О любимии мои и милии, всего свѣта царие велиции и велможи и прочии витязи, како всю вселенную прияли есмо, богатую и пустую землю, и рая доидохомъ оного, идѣже Адамъ,

праотецъ нашъ, бѣше; и вся красная земли видех, и вышину неба разумѣхъ, и глубину моря узнах, но убежати не могах напраснаго смертнаго серпа. Вы, зряще мя умирающа, помощи ми хотите ли и не можете. Но поиду убо, идѣже суть вси от вѣка умершии, вы же останете з Богом, мене до смерти своей поминающе; и видѣтися имамъ с вами тогда, егда мертвии от гробъ востанут на Судищи ономъ страшномъ и на великом торжищи». И се рекъ Александръ, издѣше, в земли нарицаемей Гесем,¹¹⁰ во странѣ Халдѣйстей, близу Египта, в Межурѣчьи Сѣверстемъ, на рецѣ Ниле, на мѣсте, идѣже Иосифъ Прекрасный седмъ житницъ фараону царю сотворилъ бѣше.

И толикъ плачь и жалость сотворися ту, елико никто нигдѣ видѣ, ни слыша. И тако велможе, взявши тѣло его, во Александрѣю донесоша. Плакавши же мати его, Олимпияда царица, и Роксана царица, и цари, и велможи, и вси князи земьстии, и жены, и дѣти, и несмысленни скоти. Роксана же царица одеяние многоцѣнное на себѣ до земли раздра и власы главы своея простерши, с плачем жалостно ко Александру яко к живу глаголющи: «О Александре, всего свѣта царю, сильный господине и государю, писматар ли мнѣ бѣше, понеже в чюжихъ земляхъ мене остави? Сам же яко солнце заиде с солнцемъ под землю. О земля, и солнце, и горы, и холми, плачитесь со мною днес, и точите *очи* мои источник слез, Дѣндеже езеро наполните и горы напоите пелыневу горку, ядовиту мнѣ зело». И се рекши, на двор повелѣ излѣсти, сама же по конецъ Александра сѣдши, яко жива его облобызаючи, глаголаше: «Александре, царю, македонское солнце, аще ми есть с тобою умрети, тебѣ разлучитися не имамъ». И се рекъ, меч Александровъ взявши и на нь налег, живот свой сконча. Птоломѣй же и Филон столпъ великъ создаста и высокъ среди Александрии града и на немъ ковчег златъ, тѣло же Александра царя и Роксаны царицы поставиша, идѣже до днес ту стоит. Велможи и цари и всякъ отъиде во свою землю. Александрѣя же царство Птоломѣю прилучися. Аминь.

Из «Троянской истории»

Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова

Древнерусская литература знает несколько произведений на сюжет знаменитого Троянского эпоса. О Троянской войне рассказывалось в пятой книге византийской «Хроники Иоанна Малалы», в славянском переводе вошедшей в древнерусские хронографические своды, в «Хронике Константина Манассии» (см.: БЛДР. Т. 9. С. 120–131), в польской хронике Мартина Бельского, также известной в русском переводе и использованной при составлении «Русского хронографа» в его редакции XVII в. Но наиболее обстоятельно с сюжетом Троянского эпоса древнерусский читатель мог познакомиться через перевод латинского романа XIII в. – романа «*Historia destructionis Troiae*» («История разрушения Трои») Гвидо де Колумна – придворного поэта Фридриха II Гогенштауфена, императора Священной Римской империи и сицилийского короля.

Роман Гвидо, как и его непосредственный источник – французская поэма Бенуа де Сент-Мора «Роман о Трое», восходят не к гомеровскому эпосу и не к греческим поэмам VII–VI вв. до н. э., разрабатывавшим сюжеты троянского цикла (так называемым «киклическим»), а к поздним переложениям античных мифологических сюжетов, приписываемым, однако, предшественникам Гомера – мнимым участникам Троянской войны Дарету Фригийцу и Диктису Критянину. В действительности же «Дневник Троянской войны» Диктиса создан не ранее III в. н. э., а «История падения Трои» Дарета – в начале V века (см.: *Дарет Фригийский. История о разрушении Трои* / Русский перевод, коммент., вступ. статья, сост. А. В. Захаровой. Гекзаметрические переводы Д. О. Торшилова. СПб., 1997. С. 24). Под пером немецких, французских и итальянских средневековых авторов история Троянской войны превратилась в типичный рыцарский роман, в котором не менее значительное место, чем описание военных перипетий, занимают романические сюжеты: рассказ о любви Медеи и Язона, Париса

и Елены, Троила и Брисеиды, Ахиллеса и юной дочери Приама Поликсены.

Роман Гвидо де Колумна был несколько раз издан в конце XV в. в Болонье, Страсбурге, Париже. Одно из этих изданий, видимо страсбургское, и послужило оригиналом для древнерусского перевода, осуществленного, скорее всего, в начале XVI в. На его основе позднее возникли сокращенные переделки романа, сохранившиеся во многих списках XVII в., свидетельствующие о неослабном интересе к этому сюжету древнерусских читателей (см.: Троянские сказания. Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI–XVII вв. / Подг. текста и статьи О. В. Творогова. Комментар. М. Н. Ботвинника и О. В. Творогова. Л., 1972. Сер. «Литературные памятники»).

Полный текст перевода романа Гвидо сохранился в нескольких списках XVI–XVII вв. К сожалению, все они дефектны, за исключением списка XVII в., по которому и публикуется текст.

Существование на Руси в XVI в. полного перевода западноевропейского рыцарского романа, в котором значительное место занимает столь не обычная для древнерусской литературы того времени тема любви, романа, знакомящего древнерусского читателя с обширным кругом преданий и мифов (о походе аргонавтов, о первом разрушении Трои Язоном и Геркулесом, о истории Париса, Троянской войне, странствиях Одиссея и т. д.), – интереснейший факт истории русской культуры. Примечательно, что почти полный текст «Троянской истории» был включен в Лицевой свод, монументальное многотомное изложение всемирной и русской истории, созданное по инициативе Ивана Грозного во второй половине XVI в. Роман привлек к себе внимание царя: обличая Андрея Курбского, он сравнивает его с персонажами «Троянской истории» – Энеем и Антенором.

Мы не имеем возможности познакомить читателя с полным текстом романа – он слишком велик. Публикуется один фрагмент его – первая, вторая и часть третьей книги (всего

роман состоит из 35 книг), в котором повествуется о походе аргонавтов и добывании золотого руна.

При обращении к древнерусскому переводу романа мы встречаемся с немалыми трудностями, текст его местами крайне сложен для понимания. Переводчик был, вероятно, недостаточно опытен, он переводил довольно сложный и не всегда понятный ему латинский текст механически, следуя оригиналу даже в порядке слов, но при этом не всегда находил им точные русские соответствия. Поэтому при переводе на современный русский язык мы постоянно обращались к латинскому оригиналу и на его основе «проясняли» или даже исправляли непонятный текст древнерусского списка.

Для удобства читателей имена персонажей в переводе унифицированы и приводятся в традиционных написаниях: Язон, Эсон, Медея, Пелей и т. д.

В основу публикации положен список ГИМ, собр. Уварова, № 525, XVII в. Наиболее явные и грубые опiski исправлены по смыслу. Все исправления выделены курсивом.

* * *

НАЧИНАЕТСЯ КНИГА ПЕРВАЯ, ПОВЕСТВУЮЩАЯ О ПЕЛЕЕ, ЦАРЕ ФЕССАЛИЙСКОМ, И ЯЗОНЕ, КАК БУДЕТ ОН ПОСЛАН ДОБЫТЬ ЗОЛОТОЕ РУНО

В царстве Фессалийском, жителей которого упомянутые выше римляне называют мирмидонянами, а мы ту страну именуем теперь общепринятым названием Салоники, царствовал в те времена некий царь, справедливый и благородный, по имени Пелей, со своей супругой, звавшейся Фетида. От их брака родился муж, бывший, как никто другой, могучим, смелым и храбрым, по имени Ахиллес. Те, кто утверждает, что Великая Греция, то есть Италия, участвовала в разорении Трои, именуют мирмидонян апрузинянами, а это некий народ, обитающий по соседству с царством Сицилийским. Поэтому страна та Апрузией называется, а город Фетис, в той стране основанный, получил имя, как говорят, от упомянутой выше Фетиды. Но говорящие так заблуждаются, ибо мирмидонянами называют жителей Фессалии, и Ахиллес, ставший их властителем после смерти своего отца, царя Пелея,

в Троянской войне не раз показал с ними чудеса храбрости. О них повествует Овидий Монесис, рассказывая небылицы об их происхождении. Говорит он о тех мирмидонянах в четырнадцатой книге, будто бы были они муравьями, по мольбе царя фессалийского и по воле богов превращенными в людей, так как в то время весь народ царства Фессалийского поголовно скосила смертельная болезнь, и остался в живых один тот царь, который в некоем лесу приник как-то к корням дерева и, взглядевшись, увидел бесчисленное множество ползающих муравьев и в мольбе попросил, чтобы были они обращены в людей. И в книге блаженного апостола Матфея ясно сказано, что мирмидоняне – это жители Фессалии, в которой сам апостол прожил некоторое время.

Об этом царе Пелее рассказывает некое предание, что имел он брата, по имени Эсон, единокровного ему по обоим родителям и старшего годами, который, отягощенный глубокой старостью, сам собою едва мог управлять. И поэтому, угнетаемый глубокой старостью, отступился от управления царством Фессалийским и передал царскую власть брату своему, Пелею. После царствования этого Пелея Эсон еще долгое время прожил, окруженный почетом, пока очи его не померкли и тело его в долгой глубокой старости не ослабело. О нем же говорит тот же упоминавшийся выше Овидий в той же книге, что впоследствии были ему возвращены цвет юношеский и силы отроческие, так что из старца превратился он в годовалого младенца благодаря целительной силе и волшебному искусству Медеи, о каковой речь пойдет далее.

У этого Эсона был родной сын, по имени Язон, воин могучий и храбрый, юноша красивейший, целомудренный, щедрый, красноречивый, приветливый и сияющий всеми достоинствами. И вельможи фессалийские и знатные люди прониклись к нему большой любовью за величие доблести его и чтили его не меньше, чем царя Пелея. И тот Язон повиновался царю, дяде своему, словно отцу, если бы тот царствовал, не докучал ему, но благоговейно ему подчинялся, позволяя Пелею держать скипетр царства Фессалийского.

Но царь Пелей иначе о нем думал, и хотя внешне проявлял знаки любви, но в душе горел и терзался, страшась, как бы благодаря доблести своей и опираясь на любовь окружающих, которую те к нему питали, не отнял бы у него Язон Фессалийское царство. Долго таил Пелей в душе это пламя, скрывая его изощренным умом своим, чтобы не обнаружить себя в каких-либо поступках, и долго принуждал себя к мучительному терпению. И поэтому постоянно раздумывал, ища различные пути, как бы погубить Язона, не запятнав самого себя позором.

Некоторое время спустя многоустая молва о дивной вещи разнеслась по всему миру и у всех в ушах загремела, что будто бы на некоем острове по названию Колкое, за пределами царства Троянского, еще далее от него к востоку, есть некий овен, у которого, по слухам, – золотое руно. На острове том царствует, как говорили, некий царь, по имени Оетес, муж сильный и богатый, но старый годами. О златорунном этом овне вещает предание, что хранят его чудные чары и покровительство бога Ареса; для охраны его приставлены некие быки, испускающие из пастей жаркое пламя. И если кто хочет овладеть этим златорунным овном, то должен будет сразиться с теми быками, и если одолеет их, то должен принудить побежденных тех быков стать в упряжку и заставить их вскопать плугом землю, на которой они стоят. И, победив быков тех и принудив их пахать, еще должен он выйти против некоего змея, покрытого устрашающей чешуей и дышащего жарким пламенем, сразившись с ним, убить и, убив его, вырвать зубы из его челюстей, а вырвав, посеять на упомянутой выше земле, вспаханной быками. Из этих семян всходы невиданные взойдут, ибо из змеиных зубов тотчас же родятся некие вооруженные воины, тут же завяжут братоубийственную брань и погибнут от ран, нанесенных друг другу. И только свершив такие опасные подвиги, а никакими иными путями, можно добыть упомянутое золотое руно. И всем желающим испытать то, о чем рассказано выше, царь Оетес не чинит препятствий. Однако все это о златорунном овне рассказывается лишь в преданиях, но говорят также и правду о нем, иначе все объясняя. Говорят, что

царь Оетес собрал великое множество сокровищ и, собрав, передал стражам, о которых шла речь выше, но все это устроил с помощью чародейства и искусного волшебства. Многие храбрецы пытались добыть эти собранные сокровища, обуреваемые мирской ненасытностью и жадностью, что является источником всяческих бед, но воспротивилось им зло, устроенное с помощью волшебства, и добыли они не сокровища себе, а смертельный гибельный конец.

Как только слух о золотом руне дошел до царя Пелея, искавшего какого-либо способа погубить Язона, он тут же радостно заключил в сердце свое все услышанное, ибо более надежным способом, не рискуя обнаружить свой замысел, не смог бы он обречь Язона на смерть. Загорелся он мыслью, как бы побудить Язона, чтобы тот, рассчитывая на храбрость свою и юношескую доблесть, охотно бы отправился за золотым руном. И задумал Пелей устроить торжества в городе Фессалийском и собрать на празднество множество вельмож и воинов немало, и длилось оно три дня. На третий же день царь Пелей призвал к себе Язона и перед упомянутыми выше высокородными сказал ему так: «Очень горжусь я тем, дорогой мой сородич, что владею столь славным царством Фессалийским, но еще более прославляет меня храбрость и доблесть сродника моего, ибо величие силы твоей ближние страны узнали по свидетельствам подвигов твоих, а правдивой молве о них, возвещаемой постоянно, предвещано достигнуть и дальних. Ты ведь честь и слава царства Фессалийского и особенно – моя; если тебя сберегу, все будут бояться царства Фессалийского, и пока ты в нем, ни один враг не посмеет напасть. Но слава о силе твоей еще больше меня возвеличит, если златое руно, скрываемое в державе царя Оетеса, с твоей помощью будет перенесено в сокровищницы царства моего, что – не сомневаюсь – с легкостью будет тобою содеяно, если смело отдашь душою на подвиг и не пренебрежешь словами советов моих. Когда же надумаешь это совершить, для тебя будет приготовлено в изобилии все необходимое в пути, и многих спутников ты сможешь избрать из числа достойнейших в царстве моем. Прислушайся к словам моим и покажи, что ты усердный

исполнитель велений этих, и тогда впредь будешь мною еще больше любим, и сам возрадуешься молве о храбрости твоей, и прославишься еще более. И не останется безвозмездным и принесет тебе великие блага великий подвиг твой, ибо обещаю тебе искренне, а не лицемерно, что когда я состарюсь, то оставлю тебя наследником в царстве Фессалийском, а пока я жив, вместе со мной будешь править царством».

Язон же, выслушав все, что только что перед всеми возвестил царь Пелей, обрадовался радостью великой, не заметив хитрости и коварства царя и не догадываясь о тайном его замысле, поверив, что все это сказано царем от чистого сердца, и возмечтал о высокой чести своей, не помышляя о гибели. Надеясь на доблесть свою и смелость и не думая, что может оказаться слабым в том, что требовал от него коварный царский замысел, с решимостью и радостью откликнулся он на царское повеление и благоговейно пообещал беспрекословно его исполнить.

Пелей, обрадовавшись, что сродник его ответил согласием, приказал разойтись собравшимся, чтобы, получив обещание, осуществить замысел свой, и уже предвкушал удовольствие способствовать его осуществлению. Зная, что достичь острова Колкоса, омываемого морем, можно только с помощью средств, предназначенных к преодолению морских тягот, велел Пелей прислать к нему некоего мастерового из пределов царства Фессалийского, мужа искусного в ремесле своем, по имени Аргус, весьма опытного в плотничьем деле. Тот же по царскому повелению построил из многих деревьев корабль невиданных размеров, который по имени создателя своего получил название «Арго». Кое-кто решается утверждать, что это был первый корабль, который под парусами решился достичь дальних земель, и поэтому считают, что всякий большой корабль, бороздящий море под поднятыми парусами, следует называть арго.

Когда же был построен вышеназванный корабль и все, потребное для плавания, было погружено на него в изобилии, вошли в корабль Язон и с ним многие из высокородных, прославленных безмерной храбростью. Среди них был и некий

муж, поистине могучий и крепкий, именем Геркулес, родившийся, как пишут мудрецы, от Зевса и Алкмены, жены Амфитриона. Это и есть тот Геркулес, слава о необыкновенных подвигах которого распространилась по многим странам, тот, кто благодаря своей силе победил в те времена многих исполинов и, на руках своих подняв, одолел Антея, непобедимого и могучего великана. Он, если верить, бесстрашно дошел до врат ада и стража их, трехглавого пса, извел оттуда могучей рукою. И так его побоями укротил, что тот, весь взмокший и покрытый ядовитой пеной, осквернил многие страны, обрызгав своей смертоносной слюной. Но так как составленное другими подробное описание его подвигов нас могло бы занять надолго и отвлечь мысли слушающих, то коснемся в рассказе о нем лишь одной истины, которая чудным образом возвещает о прошлых победах Геркулеса во всем мире: и в наше время свидетельствуют Геркулесовы столпы в Гадесе о том, до каких мест дошел он с победами. До этих же столпов дошел и великий Александр Македонский, сын Филиппа-царя, принадлежащий к роду тех же царей фессалийских, чья страна также именуется Македонией, повинув себе мир могучей рукою. Далеко расположено то место, и находится там огромное море, именуемое Океан, которое вливается через пролив в середину земли нашей – Средиземное море. Создано это море для нас во внутренних частях мира и пригодно, как видим, для плаванья. И то, что вливается в этом месте, приемлется и ограждается берегами сирийскими, на которых стоит город Акка, дающий приют многим нашим мореплавателям. А это узкое место, из которого истекает Средиземное море, наши мореплаватели называют «Тесным свистанием». И место то, где воздвигнуты упомянутые ранее Геркулесовы столпы, по-арабски именуется Савис, и не следует выходить за его пределы.

Язон же, получив от царя Пелея разрешение отплыть, бороздит незнакомые моря вместе с Геркулесом и своими спутниками. Когда же попутный ветер натяг паруса нового корабля и погнал его своим дуновением, быстро отдалился он от знакомых берегов фессалийских и еще быстрее, в

стремительном беге своем, достиг неведомых морских просторов. И так плыли они много ночей и дней, направляемые фессалийцем Филотом, который со знанием дела следил за движением видимых на небе созвездий, находящихся возле полюса, то есть подле Большой Медведицы и Малой, которые никогда не заходят вместе со звездой, именуемой Ангвин; мореплаватели же ту звезду называют Трамонтана. Некие называют так крайнюю звезду, расположенную на хвосте Малой Медведицы, и созвездие Большой Медведицы мореплаватели называют греческим, а звезду Ангвин, то значит Дракон, считают главной. Об этих Медведях, Большом и Малом, Овидий пишет во второй книге баснословия в рассказе о Каллисто и Аркаде, сыне ее, обращенных в медведей. Именуют также те звезды северными, ибо их семь, возле черты, называемой Аксис, о которых Юнона так говорила:

И не почтенных на вышнем небе, а язву мою

Видите – звезды, там, где круг Аксис

Последний окружает и на кратчайшем расстоянии обходит.

Разбирался Филот в восходе и заходе звезд, во всем, что известно о них, и искусен был в мореплавании. И поэтому они, подгоняемые попутным ветром, в дальнем плавании не сбились с пути, пока не достигли страны Фригийской, принадлежащей царству Троянскому, и новый корабль их пристал к пристани, которую живущие там именуют Симеонта.

О ГРЕКАХ, ПРИСТАВШИХ К БЕРЕГАМ ТРОЯНСКОЙ ДЕРЖАВЫ, И О ЦАРЕ ЛАОМЕДОНТЕ, ПРОГНАВШЕМ ЯЗОНА И ГЕРКУЛЕСА ИЗ ЭТИХ МЕСТ

Когда греки, утомленные тяготами морского пути, достигли суши, то всей душой стремились они сойти на ту землю для отдыха. Высадившись, набрали в источниках свежей воды и, чтобы получше отдохнуть, решили пробыть здесь несколько дней, но не с тем, чтобы докучать местным жителям или тем более пытаться как-либо навредить им дерзкими злоумышлениями. Но такова уж природа злого рока – всегда вредит он покою всех живущих; из-за вздорных оскорблений, без какой-либо действительной угрозы, возник повод для

раздора. Из-за всего этого бедствие неисчислимых жертв, разлившись, залило всю вселенную, ибо пало в битвах столько царей и достойнейших князей, и такой город, каким была Троя, разрушен, в Греции осталось столько овдовевших женщин, лишившихся родителей отроков и отроковиц и, наконец, – попавших под иго рабства. Хотя Греция после этих столь тяжких испытаний добилась победы, славу ее победы со временем затмили бедствия, ибо погибло много людей, и утратила она свое первенство. Но поистине эти беды, выпавшие на долю греков, привели впоследствии к благу, первопричина же их была настолько невесомой, что людские сердца по такому поводу обычно не ожесточаются настолько, чтобы из-за этого пришлось бы претерпевать такие тяжкие бедствия; и верно говорится, что череда миновавших бед бывает источником грядущего блага, ибо какое благо свершилось из-за злосчастного падения Трои: сама Троя, разрушенная, возродилась и явилась причиной того, что Рим, глава всех городов, основан и построен троянскими изгнанниками, Энеем и Асканием, сыном его, именуемым также Юлием. И некие другие страны при тех же обстоятельствах из Трои обрели своих будущих жителей. Такова Англия, заселенная троянцем Брутом, отчего, как пишут, и называется она Британией. Такова также и Франция, заселенная, как говорят, царем Франком, сподвижником Энея, построившим на берегу Рейна большой город и назвавший своим именем и его, и всю страну. А город Венецию заселил троянец Антенор. Из-за подобных же переселенцев и Сицилию считаем ко всему этому причастной, ибо впервые она, как пишут, была заселена царем Сикаоном, пришедшим в Сицилию из великого города Трои, почему она и именовалась Сикания. И после этого, когда он покинул Сицилию, то оставил в ней Сикула, брата своего, и поэтому впоследствии назвали ее Сицилией, а он сам отправился в Тоскану и населил ее народом южным. И по побережью царства Сицилийского вышеназванный Эней построил, как пишут, много городов; таков, например, Неаполь, город народа непобедимого земли Гаетской. Диомед, хотя и был грек по происхождению, также совершил в Троянской войне множество дивных подвигов, а после разрушения Трои, когда не

смог вернуть себе свое царство, поселился в Калабрии. А его соратников, по словам Овидия, Цирцея, дочь Солнца, превратила в птиц, которых Диомед привез затем в Калабрию. От рода этих птиц, по словам Исидора, произошло множество других, и называются они Диомедовыми птицами и, имея такое происхождение, умеют они отличать людей итальянцев от греков. Поэтому греков, живущих в Калабрии, любят, а итальянцев избегают. Но если причина этих переселений стала впоследствии причиной благоденствия, то есть от чего смутиться человеческому уму.

Предание, следуя за событиями, сообщает, что когда Язон и Геркулес со своими спутниками отдыхали в гавани Симеонта, дошел до Лаомедонта, троянского царя, слух о том, что некие люди, неведомые троянцам, а именно люди греческие, впервые приплыли к Фригийской земле, чтобы высмотреть что-либо тайное в Трое или, более того, разорить Троянскую страну. Была ведь в то время Троя не столь велика, каковой стала впоследствии, заново построенная, и царствовал в ней тогда упомянутый выше царь, по имени Лаомедонт, который, с готовностью вняв совету (лучше бы совета того и не было!), отправил к Язону своего посла со многими спутниками, который, придя к Язону, возвещает о цели своего посольства такими словами: «Царь Лаомедонт, царства этого государь, весьма удивлен прибытием вашим, зачем на землю его вступили, разрешения у него не спросив. А он хочет в тишине и мире ее блюсти, и поэтому настоятельно требует от вас: без промедленья покиньте его землю, и когда наступит следующий день, он должен узнать о вашем отплытии из пределов своей земли. Если же узнает, что вы пренебрегли его повелением, то – да будет ведомо вам – прикажет он своим напасть на вас, вам самим урон причинить, и имущество ваше отобрать, и вас истребить до последнего человека».

Когда же Язон услышал это обращение, то вскипело сердце его от ярости и гнева, и, прежде чем ответить на слова, сказанные послом, обратился он к своим и так им сказал: «Царь Лаомедонт, этого царства государь, наносит нам неслыханное по дерзости оскорбление и велит без какого-либо

основательного повода покинуть его землю. И если бы украшало его царское благородство, то подобало бы ему принять нас с честью. Ибо если подобный случай привел бы его к грекам, то увидел бы он оказанную ему греками честь, а не поношение. Но так как, по его мнению, лучше оскорбить, чем встретить приветственными рукоплесканиями, то мы также воспещем, как и они, и от границ его царства отойдем, но легко может случиться, что за свое неумное пожелание он заплатит дорогой ценой». И после этого продолжил речь, обратившись к послу, и сказал ему: «Друг! Посольские речи твои мы выслушали со вниманием и дары, которые по обычаю благородных нам царем твоим посланы, приняли как подобает. Богами нашими и истиной божественной клянемся, что случайно оказались мы на земле царя твоего и не хотим причинить кому-либо зло оскорблением или насилием. Но так как задумали мы плыть в далекие страны, необходимость вынудила нас сюда зайти. Скажи же царю своему: мы покинем его землю без малейшего промедления, и да будет ему известно, что если не от нас, то от других, которые услышат об этом, нанесенном нам оскорблении, приобретет он не блага, а уничтожение и неописуемые бедствия».

Геркулес же, не удовлетворившись словами Язона, обратился к царскому послу с такой речью: «Друг, кто бы ты ни был, без колебаний доложи царю своему, что завтра же покинем его землю, но через три года наступит день – скажи ему, – когда он нас увидит, если будет жив; придем в землю его, хочет он того или не хочет, и якоря бросим, и тогда уже будет не в его воле приказать нам уйти, и так как этому раздору он сам положил начало, то прежде, чем он смог бы извлечь из него пользу, сам будет погребен под бременем позорного бесчестия».

Тогда царский посол так сказал в ответ: «Весьма недостойно, чтобы благородный, и тем более храбрый, метал стрелы поношений, как это приказано мне царем – осыпать вас бранными словами. Сказал вам, что было велено мне, и если хотите поступить разумно, то дам вам добрый совет: от этих берегов будет вам отойти не трудно, пока не обрушились на вас

тягчайшие беды, ибо зачем безрассудно погибать, если можно, по здоровом размышлении, спасти себя». И после этого, отпущенный греками, возвратился посол к царю своему.

Язон же и Геркулес поспешно призвали Филота и приказали ему поднимать якоря и собирать все, что было снесено на берег для отдыха. Ибо поняли, что если бы решились напасть на фригийцев, то не сравнятся им с ними ни в бою, ни в силе, ни в мощи. И поэтому взошли на корабли и, подняв паруса, с помощью богов покинули фригийские берега. Подгоняемые попутным ветром, пересекли море, и вскоре благополучно прибыли на остров Колкое, и с честью вошли в желанную пристань.

На острове Колкосе столицей царства был тогда некий город, именуемый Яконит. Так как занимал тот город столь высокое положение, был застроен он очень красиво, окружен стенами и башнями, было в нем воздвигнуто много роскошных палат, населен он был людьми именитыми и многими достойными жителями. В городе этом жил царь Оетес со множеством приближенных, ибо возле города находились обширные леса, удобные для охоты, так как водилось в них множество зверей. Поблизости от города простиралась широкая прохладная долина, вся в цветах, ибо протекали по ней бесчисленные ручьи и немало текло рек полноводных, орошающих ту долину. И поэтому обитало там множество дичи, и стаи птиц непрерывно оглашали ее звонким пением.

Язон и Геркулес в сопровождении спутников своих, по-царски и красиво одевшись, направились напрямик к этому городу. Когда же они быстро, но с достоинством шествовали по городским улицам, вызывая восхищение своим видом, то дивились люди, глядя на них, сияющих таким царским великолепием, столь прекрасных в расцвете юности, так украшенных всяческими красивыми вещами и так скромно шествующих. Сгорая от нетерпения, расспрашивали люди: кто это и откуда, и какая причина привела их сюда. Но как ни расспрашивали они, никто не мог дознаться о цели приезда греков, пока не достигли те ворот царского дворца. Царь же Оетес, как подсказало ему прирожденное его благородство,

встал с престола царского, как только доложили ему о приходе греков, и вышел им навстречу в окружении своих приближенных, встретил с приветливой улыбкой и радушно обнял прибывших, изъявляя тем свою радость, и с первых же слов приветливой речи обещает им свою искреннюю дружбу. Тогда греки, поднявшись по мраморным ступеням, входят в дворцовые палаты, украшенные разнообразными росписями с позолотой и сияющие дивным блеском. Когда же царь пригласил их сесть, Язон с полной откровенностью и с достоинством поведал царю Оетесу о цели своего прибытия и о том, что хочет он свершить подвиг, без которого, как известно, невозможно овладеть золотым руном. Оетес же, благосклонно уступая его желанию, не отказывается исполнить просьбу Язона.

О МЕДЕЕ, КАК ПЛЕНИЛАСЬ ОНА ЯЗОНОМ

Когда же были приготовлены разнообразные яства, застланы столы, расставлены многочисленные золотые и серебряные чары и пришло время для пира, царь, желая показать грекам все радушие свое и гостеприимство, послал за своей дочерью, веля ей прийти и в веселье пировать с новоприбывшими гостями, которых царь в радости принимает. Была же у Оетеса дочь, по имени Медея, очень красивая девушка, единственная дочь у отца и в будущем единственная наследница царства. Она уже достигла возраста невесты и созрела для брачного чертога, но с юных лет она с усердием отдалась обучению свободным искусствам и благодаря душевной склонности к ним настолько освоила все науки, что не было в те времена никого, кто бы мог превзойти ее в познаниях. Но жемчужиной в знаниях ее, принесшей ей славу, было искусство астрологии, как силами и чарами волшебных заклинаний день обращать в ночь, и внезапно вызывать ветер, и дождь, и молнию, и град, и страшное землетрясение, извилистые реки заставляя течь вверх и разливаться. Зимней стужей она (ломала ветви) деревьев, а в бурную непогоду заставляла их цвести; молодых превращала в старцев, а старикам даровала блеск юности. Верили в древности язычники, что она не раз заставляла – вопреки природе их – гаснуть великие светила, то есть солнце и луну. На самом же

деле, согласно науке астрономической, в которой заключена наивысшая премудрость, солнце, двигаясь по эклиптике, никогда не исчезает, кроме тех случаев, когда встречается с луной, бывая в хвосте ее или в голове (а это суть разные деления круга небесного), и больше ни с какой иной из планет. Если же луна оказывается между глазом нашим и солнцем, то не можем мы видеть, как обычно, тело солнечное; вещает же об этом великий разумом египтянин Птолемей. Но Медея, случалось, своими чарами волшебными творила это и тогда, когда солнце сходится с луной (как говорят обычно «в новолунье») и когда солнце и луна находятся в противостоянии, на расстоянии семи созвездий (обычно мы называем это полнолунием). Но такие небылицы о Медее, дочери царя Оетеса, сочинил баснословец сульмоненский Овидий и выдал все это за правду (но да не будет такого у православных!). Ибо верховный и вечный творец Бог, который в мудрости своей, каковая в Сыне его, создал все, узаконил и расположение небесных тел и положил заповедь на века, чтобы не изменяли они своих мест. И никогда не слыхано было о затмении солнца вопреки установленной природе его, кроме того случая, когда воплощенный Сын Божий покорно предал себя за нас на муки и на кресте испустил дух – тогда померкло солнце, хотя и не было луны возле него. Тогда пелена церковная разорвалась, грозно зашаталась земля, и множество святых встало тогда из могил. И поэтому во времена те Дионисий Ареопагит, величайший из философов, живший тогда в Афинах и усердно учившийся, хотя и был он совращен эллинскими заблуждениями, но увидев, как из-за страданий Христа померкло солнце, ужаснулся и воскликнул: «Или Бог всего сущего страдает, или все сотворенное в мире рушится». Этот истинный и вечный Бог, который лишь один может нарушить естественный ход вещей и повелеть переступить закон природы, только однажды по молитве одного из веровавших в него задержал движение солнца вопреки его естественной природе и повелел ему, словно пригвожденному, остановиться в Гаваоне. А все эти баснословные рассказы о Медее излагаются лишь потому, что от подобного баснословия данное повествование не отрекается

и не отказывается утверждать, что она была искуснейшей в астрологии и чародействе.

Медея же, услышав повеление отца, хотя и была девушкой очень красивой, постаралась, как это у нас в обычае, красоту приложить к красоте украшением, то есть принарядиться. Поэтому в красивых одеждах и украшениях, достойных царевны, сошла она к возлежащим на пиру. И отец тотчас же повелел ей сесть рядом с Язоном.

О жалкое и безрассудное благородство! Зачем же учтивость привела к поруганию твоей чести и ниспровержению величия твоего достоинства? Разве мудрый станет верить себя стойкости девушки или женщины, которые ни в один год не являли собой пример постоянства? Мысли их всегда пребывают в суете, и особенно присуще непостоянство приходящим в брачный возраст – раньше, чем мужу станет женой, такая уже познает мужчину. Известно, что мысль женская всегда устремлена на вождение к мужчине, подобно тому как вещество всегда стремится принять форму. О, если бы вещество, единожды приняв форму, могло бы удовлетвориться формой своей! Но как веществу свойственно из одной формы переходить в другую, так и женщин их беспутное вождение влечет менять мужчину на мужчину, и всякий раз она обещается хранить верность, и так будет всегда, ибо это подобно бездонной пучине, и только стыд достойным похвал воздержанием укрепляет женщин в благопристойности. Каким же, о царь Оетес, был движим ты безрассудством, если необдуманно сблизил слабую отроковицу с чужим мужчиной? Если бы, взвесив все, ты бы вспомнил о слабости женской, над тем, что единственная наследница царства твоего будет в бесчестии и в горести увезена в чужое царство, не плакал бы, лишившись и дочери единственной, и бессчетного множества сокровищ своих. Смогла ли помочь тебе стража бога Ареса против женского обмана? Воистину, если, как ты говоришь, ведаешь будущее, никак бы не допустил, чтобы дочь твоя встретилась на пиру с Язоном, и не разрешил бы Язону вместе с ней за столом вкушать яства. А о том, что с тобой в

действительности случилось по этой причине, поведает история, следуя подобающему и неподобающее не опуская.

Медея, сидя между царем, отцом своим, и Язоном, хотя и очень смущалась, не могла сдержаться и не смотреть, и всякий раз, когда было можно, бросала на Язона нежные взгляды, жадно разглядывая лицо его, и весь облик, и волосы, и фигуру, и вскоре вспыхнуло в ней вожделение, и в сердце ее начала разгораться жаркая страсть. И не думала она о том, чтобы вкушать сладкие яства или пить напитки медовые. Был для нее тогда яством и питьем прекрасный облик Язона, который она целиком заключила в свое сердце, и насытилась она наполнившей ее чувственной страстью. Когда же смотрели на нее другие, то, видя, что она перестала вкушать яства, полагали, что это не от любовного чувства, а от стыдливости. Медея же, распалившись таким горячим желанием, очень хотела бы скрыть возникшее в ней греховное вожделение, и не только от тех, кто, глядя на нее, мог бы о чем-то догадаться, но еще более от себя самой, и ищет она возможное оправдание, чтобы постыдное для девицы обратить в благопристойное. Затем нежным голосом из уст своих изрекает такие слова: «О, если бы этот чужеземец, столь прекрасный, столь высокородный, стал бы моим мужем», – чтобы тем самым дать Язону знать о своем целомудренном желании, лишенном порочности и греха. У всех женщин это в обычае: всегда, когда испытывают постыдное влечение к какому-либо мужчине, исполняют свои желания под покровом благопристойности.

Когда же окончился пир, Медея с разрешения отца своего ушла в свои чертоги, а Язону и Геркулесу по велению царскому были отведены другие покои. Медея же, оставшись в своей уединенной спальне, страдала от вспыхнувшего в ней любовного огня, терзалась в непрестанной тревоге, томилась, часто вздыхая, и напряженно раздумывала над тем, как сможет погасить разгоревшееся в ней пламя, удовлетворив свою страсть. Но победило в ней малодушие девичьей скромности, отступилась она от дерзких желаний, ибо боролись в ней любовь и стыд. Побуждает ее любовь к решительности, а скромность запрещает, страшась бесчестия. Так вдвойне

страдала она, борясь с препятствиями, порожденными ее стыдливостью, всю неделю тихо проплакала и в душе своей восклицала: «Ох, почему я под таким небесным созвездием родилась, что не могу насладиться в браке милой красотой Язоновой и всего более красотой его мужской доблести». И постоянно раздумывала она о том, как же ей поступить в дальнейшем.

Но на счастье, торопя развязку, в один из дней осуществилось желание Медеи, ибо царь Оетес, беседуя как-то в сокровенных своих покоях с Язоном и Геркулесом, о многом многое говоря, послал за Медеей, дочерью своей, чтобы та явилась к нему. Когда же пришла она, в облачении, достойном царевны, и по царскому повелению села возле отца своего, приветливо разрешил он ей развлечь Язона и Геркулеса беседой, подобающей для девушки. Она же, смущаясь немало, встала с места возле отца своего и решила сесть рядом с Язоном. Язон, увидев, что Медея села подле него, обрадовался, и так как было еще расстояние между ними, то несколько отодвинулся от Геркулеса и подсел поближе к Медее. Царь же Оетес и приближенные его тем временем вели долгую оживленную беседу, и Геркулес со спутниками своими многое поведал о многом. И так между Язоном и Медеей не было никого, кто бы мешал им говорить друг с другом, о чем захотят.

Медея же, получив удобную возможность говорить с Язоном наедине и видя, что все остальные ведут между собой свою беседу, с достоинством сложила с себя бремя робкой стыдливости и в первых словах своих так сказала Язону: «Друг мой, Язон! Пусть не покажется твоему благородству нескромным и тем более пусть не будет приписано пороку женской слабости, что я, будучи с тобой незнакома, сама начну беседу. И этим путем, для меня не скромным, сообщу тебе о важном. Подобаает, чтобы высокородному чужестранцу, находящемуся в затруднительном положении, был дан спасительный совет столь же высокородной, ибо должны высокородные относиться друг к другу со взаимной предупредительностью. Знаю, что из высокого рода ты и что, побуждаемый юношеской отвагой, хочешь в царстве нашем

добыть золотое руно. И предвижу я, что из-за этого желания твоего грозит тебе неминуемая гибель и обрекаешь ты себя на неизбежную смерть. Поэтому я, сострадая доблести твоей и юношеской горячности, хочу дать тебе спасительный совет и оказать необходимую помощь, чтобы смог ты избежать бесчисленных опасностей, благополучно и невредимым смог бы вернуться в желанный дом свой в твоём отечестве. И поэтому ты сможешь узнать, что ждет тебя, если с открытой душой примешь мои советы и захочешь им точно следовать».

Склонившись к ней, Язон на слова ее так ответил ласковым голосом: «О благороднейшая из женщин и госпожа моя! Воздаю тебе от преданного сердца моего нижайшую благодарность за то, что благородно выражаешь желание помочь в моих делах. Поэтому тебе, ко мне благоволящей, я всего себя отдаю, ибо особенно ценны дары, которые приносятся не по просьбе и не в ответ на предшествовавшие им благодеяния». Ему же отвечала Медея: «Друг мой, Язон! Знаешь ли, сколько опасностей таит добывание золотого руна, или же правдивые сведения о том тебе неведомы и истинная причина тех опасностей не предстала перед тобой въяве? Ибо в действительности никак не может смертный человек рассчитывать на возможность победы, ибо стражи руна поставлены богами и нет в человеке такой силы, которая сравнялась бы с необоримой силой и могуществом богов. Кто сможет невредимым устоять перед волами, извергающими пламя, кого счастливая случайность спасет от их нападения в порыве ярости, ибо выходящий против них тотчас же обратится в пепел и, сожжен, дымом станет и искрами? Если же с такой легкой душой дерзаешь по-юношески рисковать, то, значит, овладело тобою великое безрассудство, ибо только жизнью можешь заплатить за свою попытку. Постарайся, Язон, если хочешь поступить мудро, избежать этих бед, не приближайся к роковой черте, за которой померкнет свет жизни твоей».

Язон же нетерпеливо, чтобы не продолжала она подобных речей, прервал ее слова, сказав так: «О благороднейшая госпожа, неужели ты, пугая меня своими устрашающими словами, надеешься, что, убоявшись сурового запрета, я

отступлюсь от начатого дела? Если будет иная возможность за всю мою жизнь достичь большей славы, то воздержусь. Если же нет, то поистине, оставшись в живых, живым примером для укорины стану я для людей и, лишившись всякой чести и славы, покрою себя позором. Видно уж, заключена в намерении моем неизбежная гибель, если только ценой жизни можно свершить этот подвиг. Однако мудрому мужу следует, объявив о задуманном деянии своем, предвидеть расставание с жизнью, но не отказываться с позором от начатого».

Ему же сказала Медея: «О Язон, верю я сказанному тобой о своем замысле, что предпочитаешь ты смерть в явном равнодушии к возможности близкой гибели. Поистине сочувствую благородным помыслам твоим и всей душой тянусь к тебе, дерзающему столь безрассудно. И поэтому, сочувствуя тебе, решаюсь я, ради спасения твоего и здоровья, пожертвовать честью отца своего и своим стыдом пренебречь и благом. Но получишь ты от меня благодатную помощь не ранее, чем пообещаешь последовать моим советам и не откажешься совершить обещанное». На это Язон ей ответил: «Благороднейшая госпожа! Все, что повелишь ты сделать, честно обещаю тебе исполнить и клянусь в этом перед богами».

Медея же написала ему на скатерти, обмакнув палец в красное вино, так: «Если сделаешь меня своей женой, и если меня увезешь, Язон, из отцовского царства в свое отечество, и если останешься мне верен, пока я живу, поистине сделаю и устрою так, что добудешь золотое руно и в конце концов обещание свое исполнишь, преодолев все грозные препоны. Ибо я единственная из смертных, кто может одолеть могущество Ареса и всему, устроенному его силой, противопоставить силу благодаря своему искусству». Отвечал ей Язон: «О, насколько, поистине, велико и не поддается разуму то, что ты мне обещаешь даровать, благородная девица, ибо среди других красавиц блистаешь ты изысканнейшей красотой, подобно розе пунцовой, которая весной своими прекрасными цветами затмевает все прочие цветы, растущие свободно в полях! И обещаешь меня спасти при этом от стольких опасностей в добывании золотого руна! Но думаю, что я

полностью сознаю бесценность этой вещи. И тот, кто откажется от столь ценных и благих даров, несущих счастье, уподобиться может безумцу, мечущемуся в буйном приступе. А поэтому, досточтимейшая из женщин, я себя отдаю тебе как мужа и смиренного, благоговейного жениха и искренне обещаю поступать так, как укажет мне твое высокое решение».

Медея же обрадовалась обращенным к ней словам и произнесшему речь эту ответила так: «Друг мой, Язон! Я бестрепетным сердцем желаю стать уверенной и совершенно спокойной после того, что ты обещал, и укрепи в этом ум мой, избавив его от страха, ибо прошу тебя все сказанное мне подтвердить клятвой. Но так как здесь неподходящее место для продолжения нашей беседы, подожду, пока земля не покроется мраком, который даст возможность желающим творить тайное и многих защитит от людского любопытства, и тогда будем спокойны за сохранение нашей тайны, и будешь ты позван моим тайным посланцем без страха прийти в мои покои, и там успокоишь меня, поклявшись обо всем, сказанном ранее, перед богами. И потом от меня, ставшей твоей, сможешь все узнать о том, как поступать тебе и чем все должно завершиться».

Ее же слова Язон тотчас же с уместной краткостью заключил: «Досточтимая госпожа, как сказала ты, так и будет с тобой и со мной». И оба прервали свою долгую беседу. Медея же, попрощавшись с Язоном и поклонившись царю, отцу своему, и Геркулесу, ушла к себе с многочисленными приближенными своими.

О ТОМ, КАК МЕДЕЯ НАСТАВЛЯЛА ЯЗОНА ПЕРЕД БИТВОЙ ЗА ЗОЛОТОЕ РУНО И О ВРАЧЕВАНИИ ПЕРЕД БРАНЬЮ С БЫКАМИ И СО ЗМЕЕМ

Уже прошло солнце половину дневного пути и коней своих направило к западным пределам, когда Медея, одна оставшись в палате, стала перебирать в мыслях все то, что она говорила Язону и что он отвечал ей. И когда припомнила все в подробностях, о чем они беседовали, стало весело ей, но радость ее омрачилась возобладавшим желанием близости, ибо счастливый час ночной сулит исполнение многих желаний. И поэтому не в силах сдержать душевный жар в мыслях она

торопит движение солнца. И так ждала она, чтобы скорее зашло солнце, что остаток дня – часы между днем и ночью – тянулись для нее словно бы два дня. Но наступил вечер, и начался закат, предшествующий, как известно, сумеркам, когда тень земная падает между очами людскими и солнцем. Когда же покрыл все мрак ночной, пришли в смятение мысли Медеи, ибо каждое движение солнца, пока оно не зашло, отмечала она в нетерпеливом томлении и жаждала наступления ночи и потом восхода луны, ибо в ту ночь она всходила в первый час сна. И вот уже в ту ночь стали расходиться пребывавшие в палате, все захотели покоя и сна, а вместе с этим близится и долгожданная свобода для ее желаний.

Насколько жаждущей душе краткое долгим кажется, ибо недостаточно быстро приближается желанное! Какой охвачена была тогда Медея мучительной тревогой, когда услышала, что отцовы слуги проводят ночь, бодрствуя в палате, и вовсе не собираются спать; от долгого ожидания и нетерпения взад и вперед ходит она по комнате, не находя себе покоя, то к дверям чертога подходит, прислушиваясь, не собираются ли бодрствующие спать, то окна отворяет и смотрит, сколь много уже протекло ночного времени. И до той поры терзалась в такой тревоге, пока не раздалось повсюду пение петухов, глашатаев ночи, и по их напоминанию все бодрствующие захотели предаться отдыху и сну. Когда же улеглись все в царском дворце и в спокойствии ночном пролились на всех тишина и безмолвие, Медея, обрадовавшись, некую старую служанку свою, очень искусную в подобных делах, посылает с осторожностью к Язону. Узнав об этом, Язон тотчас же вскочил с ложа и вслед за женщиной, крадучись в темноте, пришел к чертогам Медеи и, когда та встретила его, входящего, Язон нежно приветствовал ее, а Медея ответила ему тем же, и весело вошел он в двери.

Служанка тотчас же ушла, оставив Язона и Медею одних в палате. И когда Медея заперла дверь покоя, Язон по ее приглашению сел возле постели чудного великолепия. Медея же открыла сокровищницу свою и, достав некий золотой талисман, освященный во имя Зевса, как это принято у

язычников, поднесла его Язону в сиянии света от свечей горящих, от чего вся палата сверкала ярким блеском, и сказала такие слова: «Прошу тебя, Язон, на этом образе верховного бога Зевса поклянись мне с верой, что, когда я всю себя отдам в твою власть и исполню все обещанное тебе, поклянись, непорочной веры чистотою, себя для меня сохранить навеки в чистом сердце и поклянись силами божественной и человеческой правды, что с этого часа возьмешь меня в супруги и до конца дней своих никогда не помыслишь меня оставить». В ответ на эти слова Язон с благоговением на лице прикоснулся к образку рукою и поклялся соблюсти и исполнить все, о чем было сказано.

О коварный обман мужской! Ответь, Язон, что бы могла больше сделать для тебя Медея, если она забыла о чести и достоинстве своем, от всей души тебе тело свое отдала и сердце, поверив лишь твоим обещаниям, пала, забыв о высоком роде своем, невзирая на величие своего царского сана, ибо из-за любви к тебе лишилась она права наследовать скипетр царский и старца отца покинула в бесчестии, ограбив сокровищницы с его богатствами и отчизну оставив, ради тебя решила предпочесть одиночество на чужбине сладости жизни на родине? Не ею ли ты был спасен от смертельной опасности и, невредимого, избавила тебя от вечного позора, а иначе разве избежал бы ты невредимым опасностей и, золотого руна не добыв, разве решился бы с позором вернуться в Фессалию? Изменила она своим и все отдала тебе и твоим. Ты же, стыд забыв, дерзнул надругаться над словами клятвы своей, ибо, осквернен позором неблагодарности, прельстил доверившуюся тебе девушку, увезя ее из отцовского дома, презрев гнев богов, избранных тобой в свидетели твоей клятвы, не постыдился обмануть доверие той, от кого принял столько великих благодеяний. Поистине о тебе, бесстыдно обманувшем Медею, возвестит история. Такой позор принес твой обман, что не остается подобное все в течении истории, и за свое клятвопреступление и из-за ненависти богов за нарушение твоей клятвы жизнь свою окончил ты, как говорят, в позоре, о

чем здесь не станем подробно рассказывать, так как это не имеет отношения к нашему повествованию.

Но ты, о Медея, про которую говорили, что сияешь ты светом такой премудрости, скажи, помогло ли тебе знание законов звездных, дающих возможность предвидеть будущее? Если можно предвидеть будущее по звездам, то почему же так неверно и ошибочно предсказала ты свою судьбу? Или скажешь, что, объята страстью к будущему своему мужу, неразумно пренебрегла опасностями, предвещанными тебе звездными законами? Но мы знаем, что астрологические предсказания ничего не значат, и яркий пример тому – твоя судьба, ибо ничего не смогла ты предвидеть. Все они лживы и кажутся истинными лишь легковерным, в действительности же прельщают ложным заблуждением, и с их помощью нельзя предсказать никаких будущих событий, если это не случайные совпадения, ибо единому только Богу, в руках которого – все, дано знать будущее на годы и на века.

Что же далее? Когда Язон поклялся Медее, оба вошли в чертог несказанной красоты, и когда, сняв одежды, остались оба нагими, Язон отворил врата девственности Медеи. И так всю ночь провели они в веселых радостях наслаждений. Но Медея, хотя и удовлетворила свою страсть в объятиях мужчины и чувственных деяниях, которых жаждала от Язона, не смогла угасить в себе искру похоти и искусством своим продолжала возбуждать страсть, превосходящую уже бывшие греховные дела. Это и есть то вкушение, влекущее сладостью своей несчастных любовников, когда чем больше получают они, тем больше возрастают их желания, которых не может не жаждать тело, ибо в нем беспрестанно живет чувственность сердца и желание наслаждений, и сладкое томление, распаляясь, питает вожделение.

Уже стало светать и зажглись утренние звезды, когда Язон обратился к Медее с такими словами: «Настал час, милая госпожа моя, подняться нам с ложа, чтобы не застал нас врасплох дневной свет. Но я еще не знаю, любимейшая, что ты придумала, чтобы помочь мне в деяниях моих. Если же тобою что-либо уже устроено, то с нежностью молю тебя открыть

врата в сокровищницы твоих советов, чтобы я по твоим наставлениям смог бы свершить задуманное. Ибо когда представляю я, как увезу тебя с этого острова, где мы теперь находимся, в мое отечество, где я всемогущ, то и все быстротекущее кажется мне медлительным». Ему же Медея так отвечала: «Друг мой, мне самой себя дороже дело твое, ибо дело это и – мое. И я уже полностью обдумала свое решение, в горне закалено оно и зажжено во мне. Так выйдем же из чертога, чтобы мне и тебе было бы удобнее разобраться в изобилии всего того, что, как видишь, приготовлено». Когда они встали с ложа и быстро облеклись в одежды, Медея, открыв ларцы со своими сокровищами, достала многие из них и в таком порядке вручила их Язону.

О ТОМ, ЧТО ВРУЧИЛА МЕДЕЯ ЯЗОНУ

Прежде всего вручила ему серебряный талисман, сказав о нем, что изготовлен он, как предписано магией, и с большим мастерством, и обладает могучей силой против волшебных чар: разрушает творимое ими и избавляет от приносимого ими зла. О талисмани этом так наказывала она Язону: пусть он бережно носит его на себе, ибо тот способен противостоять любому волшебству и обезвредить злые волшебные чары. Затем дала ему некую благовонную целебную мазь, которой велела намазать тело, пояснив, что у той мази есть свойство отлично защищать от пламени, гасить горящее и все, что имеет силу зажигать, обращать в безвредный дым.

После этого вручила ему некий перстень, в который был вправлен камень, обладающий свойством разрушать силу любого яда, избавлять от приносимого им вреда, а если кто-либо будет все же отравлен, то силой своей сохранит его невредимым так же, как пользуют целебные настои. И было у того камня другое свойство: если кто-либо носит его, зажав в руке, то, когда будет камень к телу крепко прижат, станет носящий его невидимым и невидим будет, пока носит его в руке. Этот камень мудрецы называют ахат, и был он впервые найден на острове Сицилия. Вергилий же пишет, что этот камень носил при себе Эней, когда впервые невидимым прибыл в Карфагенскую землю. Затем дала Медея Язону написанный

текст, имеющий сокровенный смысл, и при этом обстоятельно напутствовала Язона, чтобы он, когда, преодолев все описанные выше препятствия, подойдет к золотому руну, то пусть прежде, чем до него дотронуться, помолится и по крайней мере трижды прочтет этот текст, подобно молитве, чтобы сподобиться благоволения богов. И после всего этого вручила ему тыкву, наполненную чудодейственной жидкостью, о которой сказала, что, как только он подойдет к быкам, пусть вошьет ту жидкость им в пасти и обильно ею их окропит. У жидкости этой, сказала, есть такое свойство, что едва вошьется она в пасти быков, как они, словно от клея, склеятся, так что открыть их будет не только трудно, но и невозможно. И так по порядку Медея подробно обо всем рассказала Язону, с помощью чего он сможет добыть славу в желанной победе. Затем кончила Медея свои советы и наставления и отпустила Язона прежде, чем рассвело. Язон же, крадучись, добрался до своих покоев.

КАК ЯЗОН ПРИСТУПИЛ К ЗОЛОТОМУ РУНУ

Когда вошла в розовых лучах заря и солнце золотое едва осветило вершины гор, Язон, незаметно покинув ложе, вместе с Геркулесом и спутниками своими отправился в покои царя Оетеса, где жил венценосный царь со множеством своих приближенных. Увидев Язона, царь встретил его с веселым лицом и учтиво спросил о причине прихода. Ему же Язон отвечал так: «Прошу тебя, господин мой царь: так как промедление мне теперь очень тягостно, хочу, если тебе угодно и по разрешению твоему, попытаться в борьбе овладеть златорунным овном». Ему же ответил царь: «Друг мой, Язон! Боюсь, что твоя безрассудная юношеская смелость приведет тебя к скорой гибели, а мне принесет бесславие из-за пагубного исхода твоей попытки. С благоговением прошу тебя: лучше согласишься вернуться невредимым, чем навлекать на себя такую страшную смерть». Язон же ему сказал: «Благороднейший царь! Нет во мне бездумной смелости. И ты, разумеется, перед всеми явишься неповинным, если какая-либо беда (да не будь этого!) со мною случится, ибо я сам себя на нее обрекаю». Царь же ответил ему: «Друг мой, Язон, против своей воли уступаю

твоему желанию. Да помогут боги тебе остаться невредимым и избежать стольких опасностей!»

И так, получив желанное разрешение, Язон собрался в путь. Возле острова Колкоса расположен был некий небольшой островок, отделенный нешироким проливом, на котором и находилось упомянутое золотое руно с грозной стражей своей, о которой уже было сказано; на островок тот обычно переправлялись в лодке на веслах. Придя на берег, Язон вошел в лодку, взяв все необходимое для своей защиты, и один, в пылкой надежде на победу, быстро достиг на веслах упомянутого выше островка. Когда же он пристал к берегу, то немедленно выскочил из лодки, достал из нее оружие и все, что было вручено ему Медеей для его защиты, быстро облекся в доспехи и осторожно направился к златорунному овну.

Медее же, вздыхая, с трепещущим сердцем, в страхе, всходит на верх своего дворца и смотрит вдаль с высокой башни, откуда с тревогой следит, как отправился ее возлюбленный и – с еще большей тревогой – как сходит он на берег. Когда же увидела она, что он взял оружие и со страхом – как ей показалось – двинулся в путь, то вся залилась слезами, этими верными приметами любви. И не в силах она сдержать вздохов и жалобных стенаний, с очами, полными слез, печально устами своими произносит такие слова: «О друг мой, Язон! Как тревожусь я за тебя, как сжимается в груди мое сердце, ибо боюсь, что ты от ужаса и страха забудешь мои наставления и не воспользуешься данными тебе мною спасительными советами! А если не сделаешь этого, то не без причины боюсь, что может случиться наихудшее для тебя и для меня, и тогда навеки я лишусь твоих объятий. Но молю покорно богов, чтобы, когда ты вернешься, было бы суждено очам моим видеть тебя в добром здравии, и порадовалась бы я твоему успеху».

Тем временем Язон, осмотревшись, направился к стражам овна и когда приблизился к святилищу Ареса, то прежде всего увидел быков, извергающих в воздух столь яркое пламя, что все небо над ними побагровело от огня. И все вокруг того места было так разогрето тем огнем, что Язон никак не мог приблизиться к быкам, опасаясь испепеляющего жара. Но не

забыл он советов и наставлений своей любимой: лицо свое, и шею, и руки, и все тело, где только мог, помазал полученной от нее мазью. А талисман, врученный ему Медеей, повесил на шею, обратив его к пламени, и, трижды прочитав то написанное, о котором мы говорили, решился подойти к быкам и смело вступить с ними в бой. И так обжигали они Язона непрерывно огненным дыханием, что сгорели в пламени и щит его, и копье. И, без сомнения, лишился бы Язон жизни в огне, если бы несколько раз не плеснул в пасти быков данной ему жидкостью. Как только плеснул он, тотчас же огнедышащие пасти их стянуло, словно железными цепями, и будто бы от липкого клея сомкнулись они намертво. И тогда мгновенно прекратилось извержение огня, и тотчас же быки перестали изрыгать смертоносное пламя. После того как подавленное силой жидкости угасло пламя и остыл воздух, Язон, набравшись смелости, простирает руки к могучим и страшным рогам быков. И, схватив их за рога, пробует повести туда и сюда, чтобы узнать, сопротивляются ли они ему и повинуются ли его воле, но те, словно бездушные, подчинились его желанию и не пытались оказать сопротивление.

Тогда Язон осторожно надевает на них ярмо и впрягает в плуг и, погоняя острой палкой, заставляет быков тех пахать, покорных воле пахаря. И таким образом, когда был выворочен весь дерн, перекопано было все широкое поле частыми бороздами, и из конца в конец взрыхлено было то поле. Оставив на нем быков, Язон не медля, решительно направился ко змею. Змей же, увидев подходившего к нему Язона, сотряс воздух своим громким шипением и страшным угрожающим воем, и стал изрыгать дымное пламя, и весь воздух вокруг раскалил и окрасил багровым отблеском огня, и, когда, легко вращая языком, змей то высовывал его, то убирал, – словно дождем брызгал смертоносным ядом.

Но Язон без страха, припомнив данные ему Медеей наставления, показал змею перстень с зеленым камнем, полученный от Медеи. Испугался змей блистания того камня, и перестал испускать пламя, и, вертя головой и шеей во все стороны, словно обезумев, в великом ужасе пытался уберечься

от блеска камня. Камень этот, как пишет Исидор, добывают в Индии, и обычно мы называем его измарагдом. Сила этого камня без сомнения состоит в том, что если его поднести к глазам какого-либо ядовитого существа, змееобразного или ему подобного, или же такого, каких в Сицилии в народе называют «буфо», и если перед глазами его положат неподвижно на жезле либо на трости, то в скором времени ядовитое животное, не в силах этого перенести, потеряет зрение. Но и камень тот не остается неизменным после такого противоборства, ибо, когда ослепнет ядовитое существо, перед которым был положен этот камень, тот сам раздробится на мелкие кусочки, устранив змею до смерти своими зелеными лучами. Но храбрый Язон спешит погубить змея, обнаженным мечом нанося удар за ударом, которые, словно не ощущая их, отражает его чешуя. Но неутомимый Язон, видя это, не перестает рубить, словно тяжелый молот бьет по наковальне. И до тех пор, нанося удары, бился он со змеем, пока тот не смог уже переносить бесчисленных могучих ударов, простерся на широком поле и испустил смертоносный дух свой, пропитав весь воздух над собой несущим смерть ядовитым смрадом.

Когда увидел Язон, что благодаря помощи Медеи змей погиб, то, вспомнив, что следует делать далее, в стремительном порыве отделил голову его от шеи, из челюстей же его вырвав зубы, не медля разбросал их в сделанные борозды на вспаханном волами поле. Из этих семян тут же явились воины невиданные. Едва появившись из семян, тут же хватаются они за оружие и, напав друг на друга, наносят смертельные раны. Разгорелась яростная битва между сыновьями земли и мрака, ибо не нападают они один на другого, разделившись на два полка, и не хотят так разделиться, но, смешавшись в толпу, убивают друг друга, так что не осталось среди них ни одного победителя, ибо все погибли от бесчисленных ран, нанесенных в междоусобной схватке.

Когда же волшебные премудрости чародейства были преодолены с помощью противоборствующего им искусства таинств, преждеупомянутый змей смерти был предан, братья,

рожденные из семян – зубов его, – также погибли, быки стояли, после всего случившегося с ними, едва живы, Язон избавился от смертельной опасности и настойчиво вопрошает себя, что должен еще сделать, и усердно вспоминает, что же еще должно быть свершено для окончания дела. И когда убедился, что все уже он совершил, смело и весело направляется к златорунному овну. И, не встретив у него никакого сопротивления, Язон, схватив его за рога, удушил и снял с него шкуру золотую, после чего вознес благодарение богам, с чьей помощью в славе победы и без горя для себя добыл золотое руно.

Обогадившись похищенным золотом, Язон весело спешит к берегу острова, входит в лодку и на веслах доплывает до большого острова, на берегу которого его с нетерпением ждали прежденазванный Геркулес и остальные спутники. Когда сходит Язон на землю, с великой радостью встречают они его и в умилении благодарят богов, что остался он невредим, ибо никак не рассчитывали увидеть его в добром здравии. Язон же направляется с ними к царскому дворцу. И когда пришел туда, царь Оетес приветствовал его с притворной радостью, ибо завидовал его победе и печалился, что утратил теперь такое богатство. И велит ему царь Оетес сесть подле себя. Дивится народ, взирая на чудесный вид золотого руна, но еще больше дивится этой победе, – как смог Язон преодолеть препоны, воздвигнутые богом Аресом.

Потом и Медея, весела и радостна, спешит увидеть Язона, и если бы было можно, то перед всем множеством народа расцеловала бы его; но, по повелению царя, словно бы в смущении, садится рядом с Язоном. Шепчет ему Медея украдкой, чтобы он незаметно пробрался к ней, едва наступит ночь. Язон же нежным и тихим голосом радостно обещает исполнить ее желание. Когда ночная тень разлилась по всей земле, Язон пришел в покои Медеи и вместе с ней вошел в ее ложницу, и оба в радостях проводят здесь время, а после всяческих наслаждений в полном согласии стали они обсуждать свой отъезд и приготовления к нему. И так, по совету Медеи, Язон пробыл на Колкосе еще целый месяц. Потом же в

подходящий момент Язон, спутники его и Медея тайно покинули тот остров, не испросив разрешения у царя Оетеса.

Но говорят, о Медею, что ты всей душой ждала попутных ветров, чтобы скорее оставить свое отечество, и бежать от скипетра отцовского, и без страха пересечь море, не предвидя горькой своей судьбы. Поистине говорят, что когда ты прибыла в Фессалию, то, поносимая гражданами фессалийскими, была скрыта фессалийцем Язоном и после многих тяжких страданий окончила, как пишут, жизнь свою. Но когда по божественному возмездию Язон был обречен на многие страдания, до самой смерти своей, которая была божественной карой, и был он предан заслуженной им смерти, скажи, разве помогло тебе суровое божественное возмездие и обрушившаяся на Язона в конце концов кара богов? Верно говорится в пословице: «Если околело животное, то не поможешь ему, прикладывая к ноздрям целебные травы». Лишь по счастливому случаю богам не суждено бывает наказывать сурово за причиненные обиды, да будет известно смертным, что боги не терпят тяжких проступков, и таким образом смертные не могут без возмездия совершать преступления.

Что же далее? Язон с Геркулесом и другими своими спутниками и с Медеей весел и невредим прибыл в пристань фессалийскую. Царь Пелей, расспросив всех о том, жив ли Язон, огорчился в душе, но скрыл муки своего сердца, весело встретил Язона и не отказался, хотя и против воли своей, почтить его царской властью, как и было им ему обещано.

* * *

НАЧИНАЕТ КНИГА ПЕРВАЯ О ПЕЛЕИ, ЦАРЬ ТЕФСАЛИЙСКОМЪ,¹¹¹ ПРИВОДЯЩАЯ АЗОНА, ДА СЯ ПОШЛЕТ ДОБЫТИ ЗЛАТОЕ РУНО

В царствѣ Тефсалоникийскомъ, от предреченныхъ пристоящихъ к Раманникиѣ, егоже жители мирмидоняне нарекошася, еже мы днесъ общимъ именованиемъ Салонисию нарицаемъ, царствова тогда царь некий, праведенъ и благороденъ, именем Пелеусъ, съ его супругою, Фетидою нарицаемою. От ихъ же супружества изыде мужъ толико силенъ, толико смѣлъ, толико храбръ, именемъ Ахиллесъ.

Тѣхъ мирмидонянъ хотящии именовати Великую Гресию, сирѣчь Италию,¹¹² на троянское раззорение пришедшихъ, апрузинян быти рекоша, языкъ нѣкий, иже на границахъ царства Киликийскаго живяше. Сего ради страна та Апрузия наречеся,¹¹³ а градъ Фетисъ, в той странѣ поставленный, от предреченныя Фетиды имя, глаголють, восприявше. Но глаголющие сице – блудять, зане мирмидоняне обитатели Тефсалинские наричутся, ихъ же господинъ по смерти царя Пелея, отца своего, родимый Ахиллесъ на троянской брани многая с ними чудаса бранная содѣя. Якоже о нихъ свидѣлствуетъ Овидѣй Моненисъ,¹¹⁴ начало баснословнѣ списуя. Глаголетъ бо тѣхъ мирмидонянъ въ 14 бывшихъ нравиев, по молению царя тесалийскаго, данному богомъ, в челоуѣки преобразованных, поне во дни тѣ вси людие царства Тесалийскаго смертною немощию конечнѣ низпадоша, единому оному царю оставшу, иже егда нѣ в коемъ лѣсе при корени нѣкоего древа прилѣпился, воззрѣвъ туто, видѣвъ безчисленно нравиевъ собрание рыщущих, в челоуѣки *обратити* молебнѣ проси. И во чтении блаженнаго Матвѣя апостола мирмидонесъ обитатели суть тесалинские, в нейже самъ апостолъ нѣколико поживе, явнѣ покажется.

Сего же царя Пелея пишетъ история нѣкая имѣвше брата, Азона именемъ, ему от обою родителю союзна и его в лѣтѣхъ болшаго, иже егда долгодневнаго вѣка старостию отягчашеся, самъ себе едва пасти можаше. И сего ради царства Тесалинскаго правительству неключимъ и велиею старостию сокрушенъ отдастъ и ступись царскаго правѣления Пелею бо, брату своему. После коего Пелея пасения Азонъ чтется, долго *времена* жив сице, да многою *старостию* ему оскудѣвающу, очи ему померкоша и пребывании его ради зелныя старости разслабися. Его же глаголетъ той же предреченный Овидий в той же книгѣ послѣ въ юношеские цвѣты и отроческие силы преновлена, да яко от старыя сѣни сотворися единолѣтенъ врачевнымъ прилѣжаніемъ, хитростною силою Медеи,¹¹⁵ о коей Медеи воисподи близъ имѣется слово.

От сего убо Азона остана сынъ нѣкий родимъ, Азонъ именемъ, мужъ силенъ, и храбръ, и отрокъ зѣло красенъ, цѣломудръ, щедръ, доброрѣченъ и милостивъ, и во всякой лѣпотѣ обычаевъ

свѣтель. Сего тесалинские велможи и честнородные сего народи велиимъ любви и желаниемъ за высоту сил его объяша, не менши, якоже царя Пелея, чествующе. И бѣ той же Азонъ не менши послушлив царю дяди, аки бы был отцу, аще бы царствовал, ниже бѣ докученъ ему, но всякимъ повиновениемъ благоговѣинъ, и аще и Пелей скипетръ тесалиский держа.

Но царь Пелей не тако ему помышляше, егоже аще знамении внѣшнии себе любима быти показаше, но горяще и колебашеся внутри, да не како силою своею и толикимъ желаниемъ от своихъ, еже к нему имяху, Язонъ его царства Тесалийскаго власти лишить. Долго убо во умѣ храняше раззжения, еже разумнымъ смысломъ покрываше, да не действомъ нѣкоимъ изъявленъ пронестися возможе, внѣшнѣ долготрудебнымъ терпѣниемъ понудись. Сего ради многая поискавъ въ сердцѣ своемъ пути, имиже бы могль Язона погубити без срамоты своего познания.

По сем о вещи чудной во дни тѣ по многимъ мира мѣстомъ многорѣчный слух изыде и во уши многих возгремѣ, да яко в нѣкоем островѣ, глаголемомъ Колкосѣ,¹¹⁶ за границами царства Троянскаго на восточную страну, нѣкий овенъ имяшеся, егоже бѣ руно злато, да яко убо проповѣд слуха даяше. В том убо островѣ царствовати глаголаху царя нѣкоего, Оета имянемъ, муж убо силенъ и богат, но лѣты стар. Сего златоруннаго овна¹¹⁷ пишет история стрѣгома бывша чуднымъ попечением и прилѣжаніемъ бога Арриса; къ его же стрезению волы нѣкие приставлены бѣша, горящие пламени изо устъ испущающе. И аще сего златоруннаго овна похощетъ имѣти, с тѣми волы имат братися, и аще их побѣдит, подобаетъ ему волы тѣ побѣжденныя игу повинити и понудити ихъ ралом землю вскопати, на нейже бѣша. И аки побѣдив волы тѣ и орати понудивъ, еще имат на нѣкоего змиа, чешую грозна и пламени огненныя дышуца, напасти на того, брань с нимъ учинив, убити, и убив его, зубы от челюстей его извлечь, и извлеки, посѣяти на предреченной землѣ, от воловъ изоранной. От сего селняго сѣмени семя чудно возрастетъ, поне от змиевыхъ зубов скоро нѣкие вооруженныя воины родятся, братскую брань промеж себе скору учинятъ, иже ся особными язвами погубят. Сими убо

бѣдными пагубами, а не иными стезями можашесь предреченное златое руно имѣти. И всем хотящимъ в предъреченныхъ братися царь Оетес свободен даяшесь приходъ. Но яко убо сице о овнѣ златаго руна сложи история, глаголють паки истинну о немъ инако свидѣтельствующе. Рекоша бо царя Оета собрание сокровища велика стяжавша, и, стяжавъ, стрежению предасть преждереченному, но чародѣйственными дѣлы и хитростями волшебными учини. Сего бо сокровища собрание мирскимъ поглощением и скупым хотѣниемъ, еже всѣмъ злымъ есть мати, многи храбрии себѣ искати восхотѣша, но, возбраняющимъ чародѣйскимъ злобамъ, не сокровищное угодие, но конечное себѣ убийства претыкание взыскаша.

Да яко убо о златомъ рунѣ ко царю Пелею слухъ прииде, толика живота погубления искавшу, скоро прилѣжно на то воздвиже сердце, любезнѣ внемля, да яко опаснѣе и безсрамоты своего поползновения не можетъ предати Язона на погубление. Восприя убо помыслъ, како Азона понудит, да во храбрости своя силы юношески надѣясь ко златорунному поисканию охотнѣ себе предасть. Умысли бо в торжественнѣмъ граде Тесалискомъ праздничный дворъ собрати, в немже множеству велможъ и воинъ немалу, сошедшусь двору, и по три дни *пребы*. В третий день царь Пелей призва к себѣ Язона предъдреченными честнородными, сице глагола, рекъ: «Добрѣ хвалюсь, драгий сродниче, о владѣнии царства Тесалийскаго толь высока, но множае паче непшую мене славна о толицѣй храбрости и добротѣ сродичнѣ, зане твоя силы высоту ближние страны того дѣла свидѣтельствомъ познавают, и тѣмъ слухомъ истиннорѣчнымъ сказаниемъ всегдашнимъ проповѣсть в далеких. Еси бо Тесалийскаго царства и моего паче честь и слава; егда ты соблюду, царства Тесалийскаго боятся всѣ и тебѣ пребывающу, и ни единъ врагъ явится смѣеть. Но паки силы твоя славы в вышнихъ мя поставит, аще златое руно, еже Оета царя власть держитъ заключенно, тебѣ могущу в заключение царства моего возможетъ принестися, еже не сумнюсь тобою велми легко можетъ быти, аще труда сердце смѣло восприимеши и вѣщания моего заповѣди не загладиши изслѣдити. Кая иже аще совершити умыслиши, тебѣ вся

путъная потребы уготовятся в приготовлении велице, спутники многими, ихъже от лутчих царства возможеши избрати. Повинися убо словесем моимъ и повелѣний сих дѣлателя покажи блага, да предо мною вперед болшия любве явишися и о слухъ храбрости твоея возвеселишися, на болшия высоты вознестися. Ниже будет безчастенъ от великаго твоего угоднаго пригожества сильный трудъ твой, зане истинными общаніи, а не лицемѣрными тебя извѣстна творю, да яко *мнѣ* оскудѣвшу, тебе наслѣдника будуща в царствѣ Тесалиском поставлю, мнѣ живущу, мене не менши царством обладаеши».

Уразумѣвъ убо Азон вся, кояждо яко толико *пред* предстоящими царь Пелей изрече, радостию возвеселися многою, не внимая лаятельныхъ царя коварствъ и его льсти, помрачений не разумѣя, утвердись от реченныхъ от сердца чистые совѣсти царские изшедше, паче возвращенія своея чести высока, а неже во свою пагубу уклонися. Надѣясь убо о смѣлствѣ своея храбрости, ниже непщуя немощна себѣ быти, еже царское лестное хотѣніе искаше, царскому повелѣнію себѣ бодренна любезнѣ подасть и себе неизреченно совершити со всякимъ благоговѣнствомъ обеща.

Возвеселись убо Пелей о любезномъ его отвѣтѣ, сродича своего, повелѣнному двору конецъ положи, желая совершити хотѣніе его по общаніи предреченному, коему хотѣнію счастье помогати предоущаніе. Разумѣя убо, яже Колкосъ осьтровъ моремъ обшелъ, приитись не может, токмо с пригожествы плавательными поднати морския беды, повелѣ к себѣ призвати нѣкоего кузнеца от странъ царства Тесалискаго, мужа мудра в хитрости своей, Арха именемъ, в хитрости древодѣльной со многимъ разсуждениемъ бывающа. Кой же по царскому повелѣнію дивнаго величества нѣкий корабль во многомъ собрании древесъ сооружи, иже от своего творца имени сущаго наречеся «Аргонъ». Се и нѣцыи есть восхотѣша рещи первый корабль быти, иже первое, парусы уставив, даходити мѣста далекая дерзнулъ, и сего ради коиждо корабль великой, коиже преходит море, парусы поды, глаголется аргон, право глаголаше нарекоша.

Уготовленну же кораблю предреченному, и вложено в него всему обилнѣ, яже вина плаванія прошаше, мнози честнороднии многоу храбростию красновидны¹¹⁸ с тѣмъ Язономъ входятъ в него. В них же бѣ онъ муж истинно сильный и крѣпкий, Еркулесъ¹¹⁹ именуемъ, родись, якоже пишутъ мудрецы, от Зевеса и Алмены, Амфитрионовы жены. Се и есть онъ Еркунесъ, о егѣже невѣроименныхъ дѣйство по многимъ странамъ слово простирается, иже своею силою безчисленныхъ исполиновъ во свое время изгуби и, на рукахъ своихъ подывъ, нестерпимаго величества крѣпчайшаго сокруши Антефѣума.¹²⁰ Сей, аще вѣрити достойно есть, нетрепетенъ вратъ доиде адовыхъ и стража ихъ, пса триглавнаго,¹²¹ сильною рукою от нихъ извлече. Его же толикимъ биениемъ укроти, да яко во потѣ весь своего яда пѣною изноенною иже изблеваниемъ многие страны страстоноснымъ опорочи. И яко его дѣйствѣ долго извѣщение нѣкихъ долгимъ пожданиемъ мысли слышащихъ отвлече, сѣя о немъ довлѣетъ коснувшись, зане и вещи истинно в толике от его побѣды бывше и по свѣту чуднѣ изъясняется, да яко до сего дни докудѣ побѣдникъ явился *столпы* Еркулови¹²² свидѣлствуется в Гадеи. Симъ столпомъ великій Александръ Македонскій, царя Филиппа сынъ, ниже той от корени царей тесалинскихъ, яже Македонія такожде глаголетъся, изыде, повинувъ себѣ миръ рукою крѣпкою, дошедъ. Далеко ихъ мѣсто живущее, зане тамо есть море великое, Окианъ сирѣчь, яже тѣсное мѣсто туто серединою нѣдръ живущее земли наша себѣ вливая в Средиземное. Намъ оно море положи, по внутреннимъ мира частемъ, от насъ плавателно, якоже видимъ. Яже аще от того мѣста влияние и приемлютъ изливанное в брезахъ сирийскихъ заключается, в нихже градъ Аконъ нашихъ велми приемлетъ плавающихъ. Сие мѣсто тѣсное, от негоже первое сие Средиземное море исходитъ, наши плавающие «Стѣсненно свистателно» именуютъ. И мѣсто то, в немъже предреченныя столпы Ираклиевы вонъзенны, глаголетъ срацынскимъ языкомъ Савись, от негоже не довлѣетъ дале итти.

Восприявъ убо от царя Пелея Язонъ отплыти отпущение, новая проходитъ моря со Еркуломъ и со своими спутники. В корабль новѣмъ, егѣже парусы егда поспѣшный вѣтръ напярже

и его вѣянием возведе, мѣста тесалинския знаемыя остави зѣло скоро и къ незнаемым морскимъ мѣстомъ скорѣе прибѣже борзѣйшимъ течением своимъ. И тако многи дни и нощи плавающимъ имъ, вождениемъ тесаликѣянина Филота, имъ разсуднѣ смотряючи звѣздъ течения видимыхъ, пребывающихъ близъ звѣзды, Болшаго Медвѣдя сирѣчь и Менѣшаго, иже никогда не заходятъ со звѣздою, Ангвин¹²³ именуемою, положению нѣкоему, яко звѣзду туюжде плавающие Трамонтана именуютъ. Нѣкии рекоша быти звѣзду послѣднюю положенну на хоботъ Лося Медвѣдя Менѣшаго, и Болшаго Медвѣдя плавающие они хриесе именуютъ, а Ангвин, сирѣчь Змию, глаголють быти велику. О коихъ Медвѣдехъ, Болшихъ сирѣчь и Менѣшемъ, Овидий во второй книзѣ¹²⁴ баснословнѣ пиша глаголетъ Калистона и Аркада, сына его, тѣхъ премѣненныхъ въ Медвѣди. Именуются такожде те звѣзды сѣверныя, зане суть семь близъ черты, Аксисъ именуемомъ, о нихже Юнонъ тако глаголетъ:

И не чествованныи на вышнемъ небеси чревеса мои
Видите – звѣзды, тамо, идѣже кругъ Аксиемъ
Послѣдний облегають и отстояниемъ кратчайший
обходитъ.¹²⁵

Знаше бо Филотъ звѣздное течение и двизание, аще нѣкое есть о немъ, аки и онъ искусный и во плаваніи бѣ. И сего ради, вѣтру поспѣшну вѣющу, и путь долгъ правымъ путемъ плы, донелъ ко странѣ Фригійской, царства Троянскаго сирѣчь пристоящей, новый корабль приставъ во пристанище, сирѣчь иже тогда именовашеся отъ жителей Симеоста.¹²⁶

О ГРЕКѢХЪ, ПРИСТАВШИХЪ ВЪ ДЕРЖАВУ ТРОИ, И
ЛАОМЕДОНТѢ, ОТПУСТИВШЕМЪ ЯЗОНА И ЕРКУЛА ОТЪ МѢСТЪ
ТѢХЪ

Греки же морскимъ трудомъ отягченіи, да яко приидоша до земли, на землю ту снити покоя ради жаждущею душею понудишася. И, сшедше, туто свѣжіе воды отъ источникъ почерпаху и туто, болшаго ради прохлаждения, пребывание дни нѣкия умыслиша, не яко да живущимъ доуку нанести учинятъ, ниже шкотными протравы вредити нѣкако покусятъ. Но завидное бо умнымъ дѣловство, яже всегда покою живущихъ

преткновенно; от неумыслимых лаятельствъ без вины враждебной сей соблазна вину привлече. Коя ради толика убивства излияся пагуба, вселенную окропи, да яко толико царей и князей избранныхъ убивством низпадоша, и толикъ и таков град, яко бѣ он Троя, превратись, во Гресию толико овдовѣвшим женам от мужей своих, лишенным родителей толико отроком и отроковицам, и послѣднии игу работѣ покоренных. Аще бо Гресья и в тол тяжкихъ тѣснотах учинена вѣны, ея побѣды проповѣд чрез времена многия заглади неправда, сирѣчь языка ея и убивствомъ и искоренениемъ того от лутших. Воистинну сирѣчь греческимъ толика злая благоприятна бѣша, напервоначальная вина нѣкая толь легка сердца человѣческіе без вины не возмущаютъ, да за вину толикіе жестости мука сподобила бысть нанести; токмо добролюбезнѣ нѣчто речется, яко исходящаго зла собрание бѣ созидание добра последователнаго, зане о сихъ злых падениемъ Трои толика блага изыдоша, да яко та Троя загладися воста, вина егоже Римскій град, иже бысть глава градомъ, троянскими изгнанными бысть поставленъ или воздвиженъ, от Енея сирѣчь и Аскания, рожденнаго его, глаголемаго Юлія.¹²⁷ И нѣкіе иные того ради страны вѣчное от троян восприяша население. Якова бысть Англія, иже от Брата троянина, откуда Вританія наречена и чтется уселись. Паки якова Франція по троянском падении от Франка царя, Енеева обещника, яже близ Рима великъ сооружи град,¹²⁸ егоже Франъсею своимъ именемъ, такожде и всю его страну, нарече сказуется населись. А Венецейскій град насели онъ троянин Антенор.¹²⁹ Обитанія паки и сицеваго Киликію чтохом не безчастну, яже первое от царя Сикаона, пришедшаго в Киликію¹³⁰ от Трои града великаго, населись пишется, откуда Сиканія наречется. И посемъ, отшедшу ему от Киликіи, оставив в Киликіи Сикула, брата своего, того ради после Киликія наречется. Прииде в Туکیю, южскаго языка обитанием наполни. И в царствѣ Киликіском по морскимъ границам вышереченный Енея грады многіе, чтется, сооруживъ, яковъ есть Неополис, толикъ град языка непобѣдимаго земля Гаetskая. Диомедесъ¹³¹ такожде, аще и се грекъ родом на троянской брани многая

дивная сотвори, Трои разореннѣ, егда въ царство свое восприняти не можашеся, обита в Калабрии. Его же обещников, *повествует* Овидий, Сириенѣ, дщи Солнца, в пѣтицы преобрази, в Калабрию от Диомиды принесенных. От коихъ птицъ рода глаголетъ Исидор¹³² многих бывша произшедших, кои птицы Деомедевы нарекошася, сие урождение имуще, да яко знаютъ человека латынянина от грека разлучити. Сего ради грековъ в Калабрии живущихъ любятъ, а латынян бѣгаютъ, аще суть нѣкие. Но аще толикия предания вина бѣ послѣдовательнаго блага вина конечная, да яко человеческий умъ имать в сумнѣнии.

Поне возслѣдователиѣ пишетъ история, яко ко Язону и Еркулу со своими во пристанище почивающимъ Симеонтѣ, к Лаомедонту, троянскому царю, о нихъ слухъ прииде, иже языкъ нѣкий, трояномъ незнаемъ, сирѣчь языкъ греческий, новымъ плаваніемъ ко фригийскимъ странамъ прииде разсмотрити нѣчто тайная Трои или паче Троянскую страну разорити хотя. Бѣ бо во дни тѣ Троя не толикаго величества, каковъ бѣ после, изнова утверждень, и в немъ царствова тогда царь предреченный, Лаомедонтъ именемъ, иже, восприя советъ охотень – иже онъ дабы не былъ! – посла своего во мнозѣ къ Язону послалъ, емуже ко Азону пришедшу, посолство свое повѣдаетъ сими словесы: «Царь Лаомедонтъ, сего царства государь, о пришествии вашемъ зѣло чудится, почто в землю его внидосте, от него свободы не восприявъ. Его же есть мысль в тихомъ мирѣ тое защищати, сие настоятелнѣ повелѣваетъ вамъ, да не задержнѣ имати из земли его изыти, сице да явѣ приходящу дни послѣдующему, да увѣсть васъ отъ всѣхъ земли своя границѣ отшедшихъ. Яко аще повелѣніе его ошутитъ васъ прозорливыхъ, извѣстно да увѣсте, повелитъ своимъ на вреждение ваше напасти и разорение вещей и васъ самихъ на конечное невзгодіе».

Егда же Азон все посолство слыша, весь гнѣвомъ и болѣзнию сердца разъярися внутрь, прежде даже к рѣченному посолству отвѣща, обратись к своимъ, сице глагола имъ: «Лаомедонтъ царь, сего царства государь, дивнаго безлѣпія обиду намъ наноситъ и безъ нѣкоея преткновенныя вины намъ

изыти от своей земли повелѣ. И аще бы его царское благородствие украшашеся, нас бы повелѣти подобаше чествовати. Зане аще бы случай подобный его в греки привелѣ, вѣдал бы себѣ учиненно от греков не безлѣпие, но честь. Но поне ему паче безлѣпие, неже честь восплеска, мы такоже восплещемъ, якоже они, и от его царства границе отидемъ, зане можетъ случитися и легко есть, яко его суетный совѣтъ буди дражайшею цѣною искупленъ». И по сем продолживъ словеса, обращъся к посланнику, рече: «Друже! Посолства твоего рѣчи добрѣ слышахом и дары, яже царем твоим намъ обычаем благородных суть посланныи, восприяхомъ, якоже лѣпо. Боги наша и божиею истинною засвидѣтельствуемъ: не нароком в землю царя твоего внидохомъ, да преткновеніе нанесемъ нѣкому ограбленіемъ, насилство творя. Но зане в далныя страны ѣхати мышляхомъ, нужда в сие мѣсто уклонити нас понуди. Рцы убо царю твоему: мы от его земли без всякаго косновения отходимъ, да вѣсть он извѣстно, да аще не нами, возможетъ нѣкако иными, иже настоящую обиду, намъ нанесенную, услышатъ, не прибытки, но уничижение и шкоты неизреченно имѣти».

Еркулесь же, словеса Язоновъши не удовлиши, цареву посланнику изливает сия словеса: «Друже, кто еси ни буди, опаснѣ донеси царю твоему, да наипаче в день завтрашний от земли его отнюд снидемъ, но будущаго третьяго лѣта день не проидеть, рцы ему, во нѣ же насъ узритъ, аще живѣ будетъ; в землю его, хочет и не хочетъ, и якори вметавше и в данной намъ тогда отхожденія свободе не будетъ ему совершенна воля, яко сицевые брани *ныне* нача раздору, да яко прежде даже уготовится о немъ побѣда, бременемъ безчестныя срамоты погнетется».

Тогда царевъ посол, отвѣщая, сице рече: «Срамно есть велми благородному и наипаче храброму прещателныя стрѣлы посылати, ниже мнѣ посланному приказано от царя, да противу вас бранными словеса настою. Рѣх вамъ, яже ми приказана бѣша, и аще разумно учинити годѣ, вам даю совѣтъ добрый, да от сее земли отити не буди тяжело, прежде даже впадете в тяжчайшая, зане нѣсть легко погубитись, егда мощно

защититися совѣтомъ здоровымъ». И по семъ, от греков восприяв отпущение, возвратися ко царю своему.

Язонъ же и Еркулесь, без закоснѣния Филота призвавъ, поповелѣвает якори из моря влещи и вся собрати привезенная на землю покоя ради. Вѣдяху бо, аще бы восхотѣли на фригиан напасти, не быти имъ на снitie равнымъ или в силах равных, ниже мощию крѣпчайшихъ. Сего ради восходятъ и, воздвигъ парусы, богомъ поспѣшствующим, фригийские оставляют бреги. Проходяше моря, вѣтру вѣющу поспѣшну, не по мнозѣхъ днех в Колкосъ остров здравы приходятъ и желаемое благочестнѣ во пристанище входят.

Во островѣ Колкосѣ тогда нѣкий градъ, именемъ Яконитес, глава царству. За тое величество поставленъ град зѣло красенъ, стѣнами и стрѣльницами огражденъ, сооруженъ многими полаты нарочитыми, полнъ людьми многими нарочитыми, многих честнородныхъ населением. В сем убо градѣ живяше царь Оетес во множествѣ своемъ, зане недалеко от града того лѣсы многие растяху, угодны ловитвамъ, ради множества звѣрей, туто питающихся. Около же града бѣ широко поле, прохлажением и цвѣты украшенно, зане источники вод на немъ безчисленни протекаху и кол многие рѣки непрестанными волнами текоша потоки и то поле напояху. Сего ради многих ловимых птицъ изобильство пребываху на немъ и многих птицъ пѣнія непрестанно ту сладцѣ гласяху.

К сему же граду Азонъ и Еркулесь со своими, царски и лѣпотнѣ нарядися, стезею правою себѣ приносят. Иже егда улицами того града посредѣ являющееся цѣломудренны стопы, хвалимым украшением *спешаху, чюдятся* людие на них, просвѣщаются толикимъ царскимъ явлением, толь благообразну цвѣтостію юношеству, сице цѣломудренных во своем хождении и во явлении толикими нравъными цвѣты украшатися. Жаждущимъ убо сердцемъ испытуютъ людие, кто есть и откуда суть, и что вина пришествія их. Совепошающимъ имъ, нѣсть кто вину их пришествія имъ открыеть, донелѣ царские полаты врат доходятъ. Царь же Оетес, уроженнаго ему благородія не забы, скоро ему зане пришествіе греков возгремѣ, со престола царскаго воста, грекомъ встрѣчу со множествомъ своих изыде,

ихъже веселымъ лицомъ и тихимъ образомъ восприяв, утѣшаетъ обниманиемъ, знаменіи поздравленными веселить и в началѣ сладкихъ словесъ благоволные приятелства имъ общевает. Иже по семъ по степенемъ мраморнымъ на высокая мѣста входят, в полатные каморы входятъ, подписми разными украшенными со златоналожениемъ, чуднымъ блистаніемъ свѣтяще. Егда же имъ повелѣ сѣсти, Язонъ многимъ дерзновениемъ исполнися, кроткимъ дерзновениемъ и извѣщеніемъ словесъ пришествія своего вину Оету царю сказуетъ и златаго руна уставленный трудъ по уставу законному умилнѣ искусити желаетъ. Оетесь же царь, благодатнѣ желанію повинуюся, совершити хотѣнія Язоновы не отрекается.

О МЕДЕИ, КАКО ЛЮБОВІЮ АЗОНОВОЮ ПЛѢНИСЬ

О МЕДЕЕ, КАК ПЛЕНИЛАСЬ ОНА ЯЗОНОМ

Уготовлену же во мнозѣ вещей гобзованія брашну, настилаются столы, и поставленнымъ чарамъ златымъ и серебрянымъ многимъ, и належащу времени ясти, царь, хотя всю благородія своего милость грекомъ показати, по нѣкую дщерь свою посла посылаетъ, да приидетъ весела праздновати бракъ с новыми гостями, ихъже онъ царь со мною радостію восприят. Бѣ бо Оету царю дщи, Медея именемъ, дѣвица зѣло красна, отцу едиnorodна и едина будущая наслѣдница в царствѣ. Яже и в лѣта браку прииде и бысть уже чертогу достойна, но отроческихъ лѣтъ себе все *воздасть* хитростей свободныхъ прилѣжнѣ учению, сице всѣмъ сердечнымъ прилежаніемъ хитрости научитъ, да яко никто ея учение можаше в тѣ времена обрѣстись. Но ея бисеръ вѣденія, от негоже паче цвѣтяше, бѣ хитрость астрономская, яже силами и чинми заклинаний чародѣйными *свѣтъ* обращаше во тьму, и вскорѣ вѣтры изводяше и дожди, и блистанія и гради, и страшная земля трясения, рѣчная же теченія, кривыми мѣсты текущие, в верхъ изліятись и наводнятись понуждаше. Зимнею бранею паки от древес *ветвие* отнимаше, в непогодіе бурное цвести; молодыхъ творя старыхъ, а старыхъ къ юношеской славы приводя. Сію вѣрова древне елиństwo свѣтила болшая, сирѣчь солнце и луну, многожды понудивъ противу естественнаго чина гибнути. Зане по астрологической истинѣ, о нейже и та учиннѣйшая быти

пишется, солнце, текущи под гибелнымъ течением, всегда гибнути не имат, токмо егда будет в соединении луны, бывая в хоботъ или во главѣ – яже суть нѣкая раздѣления нѣкоего круга небеснаго – и нѣ в коемъ иномъ от планит. Зане тогда противу полагаяся луна промеж зрака нашего и солнца, плоть солнечную намъ видѣти видѣниемъ обычным не оставляетъ, якоже о семъ сказуетъ великаго разсуждения египтянинъ Птоломей.¹³³ Но она по своимъ силамъ волшебнымъ сие прилучишися сотворив сказуется и егда солнце бѣ с луною в соединении – еже мы обще глаголемъ: «егда луна обращается»,¹³⁴ – но егда бѣ в его противустоянии отстоят от него седмью задеи, и тогда егда луну обще полну нарицаемъ. Но онъ баснословъ сулмоненский Овидий сице о Медеи, и Оета царя дщери, лживо написуя, предасть быти вѣримо, се же да не буди православнымъ! Зане вышний и вѣчный творецъ Богъ, иже мудростию своею, рѣче Сыном, вся созда, небесная плоти планитъ под закономъ устрои, и та поставляя вѣчную заповѣдь имъ наложи, еже не приидет. Но еже солнечная гибель противу естества уставленнаго никогда чтется, токмо егда во плоти Сынъ Божий и себе умилнѣ за ны предасть страданию, иже егда на крестѣ предасть духъ, гибну солнце, лунѣ не сущи тогда в соединении его. Тогда запона церковная раздрася быша, землѣ трясение грозно, и многая тогда святыхъ тѣлеса от гробовъ востаха. Сего ради егда во дни тѣ Дионисий Ареопагитский,¹³⁵ вышший философъ въ естествѣх, живяше во Афинѣхъ и бѣ во училищѣх прилѣженъ, аще бѣ и опороченъ еллинскимъ заблуждениемъ, но видя во страдании Христовѣ солнце гибнути, ужасенъ, сице рече: «Или Богъ естества страждетъ, или тварь мира разрушится».¹³⁶ Сей убо истинный и предвѣчный Бог, емуже мощно естественная кояждо разрушити и понудити в законѣ естества погрѣшити, иже единою единого себѣ вѣрнаго молитвою течение солнца противу естественнаго устава его в Гаваонѣ вонзитися и стати повелѣ.¹³⁷ Сие же о Медеи по баснословию того ради полагается, зане сице о ней баснословнѣ бывше настоящая история не оставляетъ, и тое бывшу во астрологии и в чародѣйствѣ искуснѣйшу не отрекается.

Медя же, повеление отцево слышав, аще бѣ и дѣвица зѣло красна, понудися, якоже намъ есть обычай, красоту прилагая красотѣ украшением, сиречь уряжением. Сего ради урядився доброобразными красотами и царскимъ явлением украшена, к *возлежащим* трапезѣ прииде. Ей же сѣсти близ Азона скоро повелѣваетъ отецъ.

Но о бѣдное и безумное благородие! Что сановством являешия в низвержение своея чести и твоея лѣпоты про честь низпадение? Егда мудраго есть себе вѣрити крѣпости отроковичной или полу женскому, иже нѣкоими лѣтними круги вѣсть принять крѣпости? Ея же мысль всегда состоится во двизании и наипаче в растущих непостоянствѣх, прежде даже мужу жена бысть мужней мощи примѣшается. Вѣмы бо жены мысль всегда *мужа хотети, якоже хочет существо* всегда обрасца. О дабы существо, прешед единою во образецъ, могло рещися своимъ доволно образованиемъ! Но якоже во образецъ от обрасца исходити существо вѣмы, тако женское хотѣние слабое исходити от мужа к мужу, но паки быти вѣруется без конца, зане есть нѣкая глубина безо дна, токмо нѣкако срамота нѣкоимъ воздержаниемъ хвалимым заключит за благочинство. Коимъ убо, *о царь* Оетесь, ведомъ дерзновением напраснѣ страну отроковицы чуждаго мужа страннѣ совокупил? Аще бы немощъ, сиречь женская, мысль испытательною *возвѣсилъ* еси, наследницу едину царства твоего безчестным плаванием в чуждая царства отвезенну в толице невзгодии, не плакался бы еси, да дщери вкупѣ единою и сокровища твоего неизглаголаннаго множества лишился еси. Что ли ползова Аррисово стрежение противу лъсти женские? Воистинну еже бѣ будуще речеши нѣчто устрещися никакоже моглъ еси, повелѣл еси дщери твоей со Азономъ сообщить бракъ и Азона учинилъ еси причастна дщери твоей и во праздновании брашна. Поне что ти за то воистинну случися, прилагаетъ история, прилучае во свойственных и *несвойственных* не оставляет.

И пребывающих Медей промежъ царя, отца, и Азона, аще и многою бѣ срамотою постыжденна, но уняти не возможе зрака своихъ очей, токмо, егда можашеся, видѣнии ихъ на Азона сладкими взирании обращаше, сиче лице его и обличие, и

власы, тѣло и уды тѣлесные зрительными смысly разсматрѣя, да яко абие в похотѣнии его разгорѣся и теплыя любви в мысли себѣ зача разжизание. Нѣсть бо ей попечения питатися брашна сладостию, ниже вкушати пития медоточнаго. Есть бо ей тогда брашно и питие Азонов сладкий зракъ, егоже всего носит в сердцѣ заключенна, и егоже любовью блудною наполнишь стомах насыщенъ. Егда же взирашесь от иных, иже глядаху на неѣ брашенънаго вкушения тако преставшу, непщеваху еѣ не любви ради сие в ней быти, но нѣчто токмо срамоты ради. Медея же толикия теплоты разъярись похотию, зачатый порокъ велми нудится покрыти, да не токмо о сих, от нихже зряшесь увѣдати нѣчто возмoжетъ, но паки от себе самое искуснаго безвинства обличение износит, имиже тое же срамно быти может в дѣвицѣ в безвинную обращает лѣпоту. По семь же *тонкимъ* гласомъ во устѣх своих износит сия словеса: «Ох, дабы сей варваръ, толь красенъ, толь честенъ, мнѣ мужни союзомъ приединился», – дабы ему от себѣ дала разумѣти безвинным желанием того хотѣти, еже вины и грѣха не лишашесь. Всѣх женъ всегда есть обычай, да егда безчестным желанием мужа нѣкоего хотѣть, под покровениемъ нѣкоея чести своея оправдания умышляютъ.

Браку же скончавшуся, Медея свободениемъ отца своего в каморы своя входитъ, а Азонъ и Еркулесъ в коюея полаты камору приемлются повелѣниемъ царевым. Медея же, во своей тайной ложнице пребывая, от зачатого любви пламени утружденна, тѣснотою мною мучашесь и многимъ утрудися воздыханиемъ, велми попеченнѣ помышляет в себѣ, како своего разжизания пламени *может* противитися удовлѣниемъ своего насыщения. Но дѣвственныя срамоты малодушством побѣжденна, уклонися от дерзновения, зане брася в ней любовь и срамота. Настоить любы, да дерзнетъ, но ради безчестия студъ претить. Сице сугубымъ мучашесь сражениемъ своего студа *невзгоды* чрез всю недѣлю в молчании плака, аки и в себѣ глаголаше: «Охъ, яко под такимъ небеснымъ созвѣздиемъ родихся, да сего мнѣ нынѣ приятныя Азоновы красоты, наипаче мужния чести лѣпотою не насыщаюся в супружествѣ». На сие

себѣ чин послѣдователный быти глубокимъ ума умышляя попечениемъ.

Бысть же, да яже по счастью, яже скоряше концу, случися за хотѣние Медеино, яже в нѣкий день, егда царь Оетес в тайных своихъ со Азономъ и Еркуломъ о многих многая глаголаше в полатѣ, по Медею, дщерь свою, посла, да приидеть к нему. Ей же во уготовлении царскомъ пришедши, близ отца своего, повелѣвшу ему, сѣде, еже отецъ ея веселым словомъ прощение дасть, да со Азономъ и Еркуломъ чиномъ дѣвическимъ словеса потѣшнаа глаголетъ. Яже срамляся нѣкако, от отца своего востав, подле Азона себе избра сѣсти. Азонъ же, видѣвъ Медею при немъ сѣдшу, возвеселись и, малу оставлену промежку, отвинуся мало от Еркула, паче к Медеи приближися. Царь же Оетесъ и предстоящие многие прочее мною бесѣдование ея свѣтлостію день провождаютъ, и Еркулесъ со предстоящими пред нимъ многими рѣчьми о многих глаголаше. И тако промеж Азона и Медеи не бѣ никоего посредства, имъже может, аще вкупѣ глаголати нѣчто восхотят, мѣшати.

Медея же аки и восприятие единства глаголати со Азономъ угоднымъ приключениемъ прият, видя прочих промеж себе иные рѣчи разные глаголати, боязненного студа бремя чинно отложив, в первомъ словесномъ исхождении сице глаголаше Азону: «Друже Азоне! Да непѣщуетъ твое благородствие безчинно, ниже худости женские слабости, да не пишет нѣчто, аще с тобою, яко *незнаема*, глаголати дерзну. И мнѣ неблагочиннымъ помысломъ тебе к знатию предпозвати. Достойно убо есть да чужу благородну и благодарну спасения совѣтъ да подасться от благородныя, поне позывати благородный благороднаго нѣкоимъ совокупнымъ вѣжествомъ долъженъ. Вѣмъ *тя* благородна и вѣдома смѣлствомъ юношескимъ в царство сие имѣти златое руно просил еси. Про тое прошение *вѣм* *тя* пагубѣ явной вдатися и неложные смерти бедѣ поврещи живот свой. Сего ради твоему благородию и юношеской теплотѣ спостражду и тебѣ желаю спасенный совѣтъ и помощь угодну спослужити, еюже неврежденъ от толикихъ бѣдъ измешися и в желаемые твоего отечества дома здрав

возможеши в блазѣ цѣлости дойти. И на сие меня тебѣ будущу познаеши, аще приятнымъ сердцемъ моя воспоминания обымеши и мощнымъ соблюдениемъ восхощеши *изслѣдити*».

Поклоннымъ лицомъ и пригнешы мышцы, Азонъ же к реченнымъ словесемъ сице умилнымъ гласомъ отвѣща: «О, благороднѣйшаа жено и госпоже! Тебѣ говѣйнишимъ сердцемъ моимъ умилныя благодарения воздаю, яже трудомъ моимъ сострадати честнымъ *изъявлениемъ* показуеши. Ея же ради вещи благоволенію твоему всего мя излагаю, зане множае паче суть дары *благодатныя*, яже не просимы, ниже предшедшими благодѣяніемъ сподоблены подаются». Ему же рече Медея: «Друже Азоне! Вѣси, колика суть в златорунномъ исканіи учинена пагубы или нѣчто слухъ истинный не вѣдомъ ти, вина тѣхъ истинная не прииде вѣяво? Воистинну его же возмoженіе или воздержаніе едва или никакo смертному челоуѣку мощно, зане божіе есть стрeженіе его и нѣсть в челоуѣкѣ паче мощь, якоже можетъ сила его неборимая въ величествѣ боговъ. Кто бо невредимъ избудетъ от воловъ, пламени отрывающихъ огненные, кого счастливые прилучаи противу ихъ напасти жаломъ дерзновения наведетъ, зане противу тѣхъ наская скоро обратится в прахъ, изгоримъ дымною погибаетъ искроу? Яко аще толь легкою душею поискусити юношески дерзнулъ еси, велиимъ безуміемъ низводишися, зане цѣна толикия вещи смерть едина состоится. Престани убо, Азоне, аще хоцещи чинити мудрѣ, от такова несчастія, не приступай к смертному предѣлу, иже живота твоего свѣтъ конечнѣ отиметь».

Азонъ же, яко не терпя, к Медейнымъ словесемъ подвижеся, да не множайшая симъ подобная словеса излиетъ, еѣ рѣчь пресѣче и словеса еѣ расторгнувъ, сице рече: «О благороднѣйшая госпоже, егда страхомъ словесъ твоихъ ужасиши мя, вѣруеши, да жестокими прещеніемъ ужася, престану от начатаго? Еда аще будетъ имѣти мощно нѣкую славу болшую во всей жизни моей, *воздержуся*. Аще ли ни, воистинну жив живою укоризною растаю во языцехъ и всякия лишень честныя хвалы вѣчною нечестію уничижуся. Есть же умышленія моего извѣстно смерти мя предати, аще смерти есть цѣна толикия вещи. Зане разумнаго мужа сущее быти

имать, егда нѣкоего начатаго умышления изъявитъ въ дѣйство, предположити убивство живота, прежде даже от начатаго безчестіѣ пристанетъ».

Ему же рече Медея: «Есть убо, Азоне, умышления твоего тои извѣстие, да смерть желаеши предложити животу твоему в толь явномъ погублении ближние пагубы. Поистиннѣ благочестию твоему болѣзную, и на тебе, дерзнувша зѣло неразумнѣ, подвижуся утробою милости. Сего ради умышляю, сболѣзнуя тебѣ, благаго твоего спасения и исцѣления предложити, чести отца моего и моей срамоте не щадѣти, ниже спасению. Но сего благотворения послѣди от мене милость наслѣдиши, аще воспоминаниямъ моимъ повинитися обещаеши и совершити реченная не измениши». И к сему Азонъ рече: «Благороднѣйшая госпоже! Все, елико повелиши творити, не ложная исполнити тебе обѣщаваю и боги засвидѣтельствую».

Ему же Медея рече, пища перстомъ на шиде червленымъ виномъ сице:¹³⁸ «Аще мя себѣ присвоиши въ жену и аще мя от сего отца царства, Азоне, отвезеши в твое отчество, аще мя вѣренъ не оставиши доколѣ живу, воистинну сотворю и учиню, да яко златаго руна достанеши, конечнѣ обѣтъ твой исполниши, вся претителная бѣды уничижив. Есмь бо в смертныхъ едина, яже могу силы Аррисовы повредить и его власти уставленнымъ противною хитростию власти совѣтъ *встрѣчати*». Къ ней же Азонъ рече: «О коль велия и недомыслима воистинну суть то, яже ми, честная дѣвице, обѣщеваеши дати тебѣ мнѣ, сиирѣчь, яже промежъ прочихъ красныхъ *избранные* красоты наилутшая блистаяши, аки рожа красная, яже во время весны цвѣтовъ прочихъ, ихъже на поляхъ безстыдно естество прозябаетъ, своими шипки нарочитыми превосходитъ! И мене обещаеши избавити кромѣ того отъ толикихъ лихихъ злобъ, ища златаго руна! Но вѣмъ себя праведна быти не мощно цѣну получитьи толикия вещи. И иже дары толь драги блага приносящу счастье отринетъ, подобнѣ нарещися можетъ болшимъ безуміемъ буйствомъ отнюдъ колебаться. Сего ради, честнѣйшая в женахъ, и мене в мужа тебе смиреннаго, благоговѣя жениха предаю и творити

вся, елика твое разсудит избрание чистое, и чистою вѣрою обѣщеваю».

Медея же такового приношения возрадовася словесемъ, сице к приносящему словеса отвѣща паки: «Друже Азоне! От твоих обѣщаний извѣстну сотворится и отнюдѣ опасну, несуетнымъ сердцемъ желаю и в сих умъ мой твердѣйшаго *опаства* сотвори крѣпчайший, прошу убо, тобою вся елика реклъ еси, клятвою укрѣпити. Но зане нынѣ намъ мѣсто непригодно продолжити сие, непщюю, егда покрывается земля нощнымъ помрачением, яже сотворити тайная подасть желающимъ пригодну и от вѣдания чловѣческаго многих оправдаеть, и тайну бо намъ себе пригодну подаючи, моимъ тайнымъ посланникомъ взысканъ к моей каморе без страха приступити, в ней же опасну мя сотвориши о предреченныхъ клятвою боговъ. Зане и мене извѣстну такожде потомъ имѣти возможеша, яко твою, и ту о происхождении действъ твоихъ и тѣхъ свершений конечномъ мною полнѣе накажешися».

Ей же Азон скоро сего пригодия краткословиемъ сице заключи: «Честнѣйшая госпоже, якоже глаголеши, буди тебѣ и мнѣ». Оба же уклонишася от множества словес. Медея, у Азона приемъ отпущение, царю-отцу тако же поклонився и Еркулу, во множествѣ своемъ восвояси прииде.

О МЕДЕИ, НАКАЗУЮЩЕЙ АЗОНА О ЗЛАТОРУННОЙ БРАНИ И О ВРАЧЕВАНИИ ИХ И НА БРАНЬ ТВОРИМУЮ С ВОЛЫ И СО ЗМИЕМЪ ДѢЛАЕМЫХЪ

Уже половину дни солнце прииде и коней своихъ бразды направи к частемъ уже обращаешася западнымъ, егда Медея, едина пребывая в полатѣ, что глаголааше Азону и коя отвѣты от него многия в себѣ помышлениемъ обрати. И егда рѣчи промежъ ими прилѣжно разсуждаеть, разширенну веселию, но смѣшенному желанию превозмогающе, радости ея омрачается, зане завидный часъ нощный для многаго хотѣния горить. Сего ради, яко теплоты не терпя, егда желаниемъ колебашася похотнымъ, внутренними взирании скончаваает течение солнца. Толикимъ хотѣниемъ мучашася о солнычномъ захождении, яко той останокъ дни, еже бѣ средина промежъ свѣта и тмы, ея продолжашася имѣвше аки два дни. Но пришедшу вечеру, и

бысть запад, извѣстныи наведе тмы, егда промеж зрака
человѣческаго и солничаго вниде сѣнь земная. Воставшу убо
тоя нощи смерканию, многим разнствомъ колеблется мысль в
Медеи, кояждо степени солнца, донелѣ заиде, и попечениемъ
тягчайшимъ примечаше, и желает нападения ношнаго и потомъ
восхода луннаго, зане нощи тоя при часѣ перваго сна
восхождаше от восхода. И сице тоя нощи от пребывающихъ в
полатѣ скончанну бдѣнию, всѣ покоя спати восхотятъ, имѣже ея
хотѣния желаемая свобода совершися.

Но о коль жаждущей душе краткое долго видяшеся, еже
ничто довольно тщашеся к похотѣнию! Толикими убо стѣсняется
мучащимися тѣснотами тогда Медея, егда ощути отцевыхъ слугъ
в полатѣ долгимъ бдѣниемъ нощѣ *проводити* и спати никакоже
хотящихъ; многимъ жданиемъ, яко не терпя, нынѣ сѣмо и овамо
ходит по каморѣ безъ покоя, нынѣ к дверемъ *коморнымъ*
приходит слушати, аще нѣчто бдящие покушаются спати, ино
отворяетъ окна, смотря, колко проиде ночи течение. Но дотолѣ
сицевыми мучашеся тѣснотами, донелѣ пѣтеловъ пѣние,
ношнаго проповѣдника, вездѣ быша гласъ его, по его же
воспомяновению бдящие настоящаго покоя спати желаютъ.
Возлегшу убо всему царскому дому и в покое ношнѣмъ на всѣхъ
излиянну тиху молчанию, Медея, возвеселися вельми, нѣкую
стару жену домашнюю свою и зѣло коварственну ко Азону
брежно посылаетъ. егоже егда увѣда Азонъ, скоро востаетъ отъ
ложа и со женою тихимъ ногами в темнотѣ идяше, к Медеинѣ
полатѣ прииде, въ его же вниии предстоящи Медеи, Азонъ
любезными словесы поздравления глаголетъ, Медея же
подобнѣ ему отвѣща, весел во двери вниде.

Скоро же отиде баба, Азона и Медею единыхъ остави в
каморѣ. И утвержденнымъ дверемъ полатнымъ от Медеи, у
постели чуднаго приготовления в каморѣ Азонъ сѣде, Медеи
устраяху. Отверзе убо сокровище свое, нѣкий образъ златъ,
освященъ во имя Зевеса, якоже языкомъ обычай бѣ, Медея
изнесе, показа его Азону; многу свѣту от свѣщъ горящихъ, имиже
вся камора блистаниемъ велиимъ просвѣщашеся, сия словеса
рече: «Прошу от тебе, Азоне, на семъ образѣ вышшаго Зевеса
клятву мнѣ вѣрну подати, да егда мя всею твоею воли издамъ

непщеванию и исполнити вся обѣщанная тебе, не напрасныя вѣры чистотою тебя мнѣ вѣчным чистым сердцемъ соблюсти, да кленешися силою божия и чловѣческия правды от сего часа мене в супругу восприимеши и да во вся дни живота твоего мене оставити нѣ с кимъ умышлениемъ не дерзнеша». К сему же Азонъ говѣинымъ лицомъ себѣ принося, коснувся образу рукою, соблюсти исполнити предреченная *вся* Медеи кляся.

Но о прелестная мужеская лъжа! Рцы, Азоне, что ти Медея послѣди сотворити множае возможе, яже своя лѣпоты всю честь отложи, тебѣ свое тѣло и духъ единомушно преда, единыя ради вѣры обѣщанные падеся, не внимая своего благородия, ни своего царскаго достоинства величествъ разсматривая, зане твоя ради любви себе наслѣдия скипетра лиши и старца отца *безчестна* остави, сокровищнаго его собрания ограбивъ, и отчая мѣста оставль, тебѣ ради избра заточение, предполагая страны чуждия рожденныя земли сладости? Ни ли ты от смертныя пагубы спасе, здрава из вѣчныя срамоты изня, их же нѣчто бы здоровъ от случая бѣднаго избыл бы еси, златаго руна не обрѣтъ, возвратитись в Тесалию, студа ради дерзнул бы еси? Отступи бо от своихъ и дасть тебѣ и твоим. Иже убо срамъ отринув, клятвы твоя завѣщание испоругати дерзнулъ еси, да безблагодарнымъ срамомъ оскверненъ, вѣрующую прелести дѣвицу, от дому отца отвезши и страха боговъ не брегши, ихъже избралъ еси кленяся презрѣти, и ей вѣру изменить не усрамился еси, от неяже толика блага величье тебѣ восприявшу. Воистинну тебѣ, безсрамному, посреди прелестивши Медею, повѣдает истORIA. Но сие прииде от твоя прелести безлѣпие, да яко тое же истORIA чинъ не оставляетъ, яже виною твоего клятвopеступления и ненавидѣниемъ вѣры разрушимыя твоее, боговъ нанесшимъ, живот свой безстыднымъ прилучаемъ глаголешися скончавъ, о немъже здѣ нынѣ многая сказати оставляется сего ради, яже настоящіе бесѣды существо не соединят.

Но ты, Медея, яже толикихъ хитростей сказуешися просвѣщением украшенна, рцы, что ти ползова знатие закона звѣднаго, имъже глаголется будущая мощно преднаписати?

Аще предвидѣние будущихъ бываетъ въ нихъ, почто себѣ толь суетнѣ, толь нечестивѣ предвидѣла еси? Нѣчто, речеши, тебѣ, много разъяреннѣ любовию будущаго твоего мужа, злыхъ належащихъ въ законехъ звѣздныхъ нерадѣниемъ оставльшихъ? Но извѣстно есть: астрономскіе сужденія безвѣстны суть, о немже явный образецъ мощнѣ и явнѣ на тебѣ показуется, яже тебѣ предвидѣти тѣмъ никако могла еси. Сія бо суть безвѣстная яже легкихъ вѣрити истина, поистиннѣ прелщаютъ ложнымъ блуждениемъ, въ нихъже никое постигается будущихъ действо, токмо нѣчто по случаю приидетъ, зане единого Бога есть, въ егоже руцѣ суть положена вѣдати времена и временемъ лѣта.

Что паче? Восприявъ Медея отъ Азона клятву, оба входятъ въ чертогъ, въ неизреченной лѣпотѣ ихъ, сложивъ ризы и пребывающимъ обоимъ нагимъ, дѣвственныя заклѣпы Азонъ отверзе у Медеи. И сие всю ночь скончавъ веселою потѣхою услаждения. Но Медея, аще своя похоти доволство *исполнив* мужескимъ обниманиемъ и дѣйства блудныя, хотимыя отъ Азона, сего ради не отиде искра похоти въ ней, но искусными дѣйствы послѣ *тягчайшая* зача зажиганія, неже прежде грѣхъ содѣянный. Сие есть то вкушение толикою прелщая сладостию бѣдныхъ любителей, иже егда отъ нихъ болѣе приемлется, паче желается, егоже ненавидѣти не можетъ стомахъ насыщенный, зане сердечная похоть и желание наслаждения беспрестанно въ немъ, егда горитъ сладкое его утѣснение, питаетъ похотѣніе.

Уже бо тоя ночи зори приходящи и звѣздамъ просвѣщающимся утрення, егда *Медее* сими словесы *глагола* Азонъ: «Часъ есть, сладкая госпоже, намъ отъ ложа востати, да не како насъ внезапно объметъ свѣтъ дневной. Но не вѣмъ, любимѣйшая, аще о моемъ дѣлѣ устроила еси нѣчто творити. Или аще тобою посемъ нѣчто есть строимо, молю любезнѣ, да твоего тайнаго совѣта мнѣ двери отверзеши, да, тобою наученъ, сие совершу. Зане во отвращении тебѣ отъ сего острова, въ немъже еси нынѣ, и въ приводѣнии тебе въ мое отчество, въ немъже могу, всяка скорость мнѣ законснѣніе». Ему же Медея сие рече: «Друже, любезнѣе мнѣ себе о твоёмъ дѣлѣ, еже мое сущее дѣло есть. Полный убо восприяхъ совѣтъ избранія въ печи испеченъ и зажженъ во мнѣ. Се убо востанемъ отъ чертога, да

мнѣ и тебѣ изобильство буди пригоднѣе навykати на сия вся, яже тебѣ видится, *отрядити*». Воставше убо от ложа и ризы во мнозѣ торжествѣ восприявѣ, Медея, отверзши своих сокровищъ ларцы, многая из них изнят, яже Азону симъ чином предасть блюсти.

СИЯ СУТЬ, ЯЖЕ МЕДЕЯ ДАДЕ АЗОНУ

Первое предасть ему образъ нѣкий сребрянъ, егоже быти рече волшебнымъ чином и силою многия хитрости содѣлан, иже противу волшебства сотвореннаго есть зѣло силенъ, разрушая сущая сотворимая и ихъ повреждения отриновением отгоняетъ. О семъ убо Азона сице наказана, да его бреженъ на себе носить, зане противу волшебствъ коиждо превозмогати вѣсть, вредимыя силы волшебныя уничижая. Второе дастъ ему нѣкоея масти благовонныя лечбу, имъже мазатись повелѣ, глаголя в немъ силу быти, да яко противу пламене зѣло преодолевает, погасает зажигаемая, и все еже имать силу сожещи, приединив дымокурение, разрушает.

По семъ нѣкий перстень дастъ ему, в немъже сицевыя силы камень бѣ вложенъ, да яко всякий ядъ расторгает, ихъ шѣкоты отрѣвает, и егоже яда неистовство уязвить нѣчто, аки от воды уязвеннаго невреждимо своею силою спасет. И бѣ в том же камени иная сила – да аще кто сей камень заключенъ носить в горсти, да яко тот камень носящаго к тѣлу добръ прилѣпится, невидимъ скоро будетъ, да егда носит в горсти, никому видится. Сей камень мудрыя асхате нарицают, во островѣ Киликийском первое обрѣтенъ. И сего Енея носивша *Виргилий* пишетъ,¹³⁹ егда первое невидимо доиде к концем Картагенскимъ. По семъ дастъ ему написано словы и знакомого паки разума, о немъже Медея Азона велми прилѣжнѣ наказа, да егда к руну златому доидетъ, предкновение преждереченныя поправ, не скоро на нь напасти, но помоляся молитвою поне трожды, да прочтет по подобию жертвы, *благоволити* богомъ сподобится. Конечнѣ нѣкую тыкву, мокротою чудною исполненну, предасть ему, о нейже наказа, да егда первое приидетъ к волон, мокроту ту во уста их волиет и окроплением частым намочит. В той бо мокротѣ сию силу быти рече, да егда во уста волон волиется, от того аки нѣкоимъ клеємъ склеятся вмѣсто, да яко их

отвержение не токмо тяжко, но не мощно будетъ имъ. И сице по ряду Медея Азона прелѣжнѣ наказа, имиже прохождение или чимъ можетъ к желаемые побѣды славѣ дойти. Медея же своему наказанию и учению сице послѣ конецъ наложи и давѣ Азону отпущение прежде дневнаго свѣта. Азонъ во свою камору тайными стопами прииде.

КАКО АЗОН ПРИСТУПИ КО ЗЛАТОМУ РУНУ

Восходящи зори красными лучами и солнцу златому свѣтом малымъ холмы горѣ просвѣщающим, Азонъ тайнѣ встаетъ от ложа, вмѣсте со Еркуломъ и иными и Оета царя полатѣ приходит, в нейже сам царь живяше со многими предстоящими, вѣнцемъ украшенъ. Его же узрѣл царь, веселымъ лицомъ восприя, у него вины пришествия его честнѣ пытается. Ему же Азон тако рече: «Молю тя, господине царю, да яко закоснѣние мнѣ отнынѣ есть зѣло досадно, хочу, аще угодно, вашею волною свободою к златоруннаго бранному покушению приступити». Ему же царь рече: «Друже Азоне! Боюсь, да не како твоего юношества смѣлство безрассудное введет тя хотѣти тебѣ смерть скоро нанесут и мнѣ учинят безславіе о пагубѣ прилучая твоего. Воспоминаю убо тѣбе благоговѣние, да здравъ возвратишися изволи, прежде даже толиким злым дашся погибнути». Ему же Азон рече: «Благороднѣйший царю! Нѣсть ми смѣлство без рассуждения совѣта. И ты без сумнѣния пред всѣми будеши неповиненъ, аще нѣчто – да не буди! – на мнѣ зло случится, ему же ся охотною». Ему же рече царь: «Друже Азоне, не хотя хочу твое хотѣние разрѣшити. Бози на помощь, да от толика беды здрав избудеши».

И тако Азонъ, желаемую получив свободу, препоясая на путь. Бѣ близ острова Колкоса нѣкий малый остров, малою быстростию водною отстоя, в немъже златое руно предреченно бѣ в страже бѣднѣ, уже реченной; к нему же малыми судны и гребью обычай имяху преходити. К ближнему убо берегу Азон пришед, входитъ в лодию, оружие защищения взяв, и единъ, за надежду побѣды, яростию в быстротѣ, греблением своимъ в реченный малый островъ прииде. В немъже егда к землѣ приста, абие от лодии изскачив и, от неѣ уготовль оружия и

вещи, от Медеи данные на спасение, вскорѣ оружие облачить и опасным итием ко овну златорунному приходит.

Медея же трепетнаго сердца воздыхании боязненно восходит в верхъ своя полаты и к далным мѣстомъ зря от вышние стрѣлницы, от неяже любимаго своего любезнѣ зрить преход, *но* любезнѣе схождение его на землю. Его же яко узрѣ восприявша оружие и боязненное, якоже мнит, препоясание на путь, рѣчныя испусти слезы, в нихже знаменія являются любви. Ниже можаше уняться от воздыхания и словес, въ сія словеса уста своя, слезами очи наводненна, болѣзненным воплемъ разрѣши: «О друже Азоне! Толикими за тя мучася тѣснотами, *коликими* болѣзными сътѣсняюся внутрь и внѣ, зане боюсь, да некако ты, страхом ужасеся, моя воспоминанія забудеши да твоего спасения оставиши данные мною тебѣ потребныя наказанія! Еже аще сотвориши, не без вины боюсь, да *нѣ*како же тебѣ и мнѣ паче *навышшее* ошуюю возможет случитися, сего ради от твоих обниманий буду во вѣки лишена. Но богомъ умилнѣ молюся, да тебѣ возвращшуся, здрава очи мои воистинну узрят и о твоём происхождении *всю* мя возвеселятъ».

Промежъ сими Язонъ, озрѣвша, ко стражбѣ овна путь восприя. И еже егда прииде к мѣсту Арриса и первое на волю воззрѣ, толь горящие пламени на воздухъ испускаемыя дыхати, яко небо належащее и все огненным разжизанием блисташе. И разгарание паки теплоты сице все мѣсто то обнимаше, да яко Азону не бѣ никакo мощно приступити ради зѣлныя теплоты страха. Но любимые своя дѣйства не забы и спасенных наказаний, лице свое, и шию, и руки, и всѣ тѣ мѣста, яже возможе, тѣлесные данною от Медеи мастию помаза. Образ бо ему данный от нея, на шею повѣсив, пламени предложи, прочетъ писание *трижды*, да якоже *рекохомъ*, дерзнувъ к воломъ приступити и с ними смѣло начати брань. И тако на Азона пламенем *дышущии* непрестанно, изгорѣ щит его от пламени и копие его огнем скончася. И воистинну Азонъ живот свой скончал бы от огня, аще не бы данную мокроту во уста воломъ частыми окроплениемъ влиял. Емуже влиянну, дышущих волов уста, аки желѣзными чепми, сцѣпляются, аки клѣмъ слипателнымъ неразлучнѣ соединяются. Тогда скоро преста

пламенное испущение из воловъ смертоносный огонь, изблевание скоро скончась. Наведену же воздуху, преставшим пламенемъ, от его мокротъ естества превосходимых, превозможе Азонъ и, многимъ смѣлствомъ наполнись, х крѣпкимъ ужасныхъ воловъ рогомъ руки простирает. И тако, восхитивъ рога, сѣмо и овамо покушается преводити волы тѣ, да увѣсть, аще противоборють или его повелѣнью не повинуются, иже аки бездушни его повинующися непщеванию, сопротиво бранию востати не покушахуся.

Сего ради Язонъ и рало на плещахъ опаснымъ прилѣжаньемъ налагаетъ и привязаетъ, жалы волы тѣ орати понуждает, но не повинующеся повелѣнью ратая. И сице, обращенну дерну, широкое поле воскопавается часѣыми браздами, горѣ долу приходящими воскопание то. Волы оставивъ на поле, Язонъ скоро и смѣло приходитъ ко змию. Его же егда змей къ себѣ приходяща възврѣ, многимъ свистаниемъ и велиимъ гласомъ и грознымъ поражаа воздухъ, шумъ сотвори и испущая дымныя пламени, ближний воздухъ теплымъ и разжигаемымъ очервлениемъ красит, и егда языкъ легкими обращениями влечетъ и отвлекает, дождными окропленіи смертоносныя яды изливаетъ.

Азонъ же безъ страха къ устроеннымъ Медеинымъ обращъся скоро *наказаніямъ*, зеленаго камня перстень, егоже восприя у Медеи, къ свѣту змиинну препроверже. егоже блистания ужасеся змий, преста пламени испущати и обраща главу и шію сѣмо и овамо, аки во изступлении, и блистания камня ради многаго ужаса отринутіи непщеваше. Сей камень обрѣтается во Индѣи, якоже пишетъ Исидоръ, егоже измарагда обще именуемъ. Сего камня сила безъ сумнѣнія такова есть, да яко предположенъ на свѣтъ коегождо ядовитаго животна, змиеваго или ему подобнаго, или того, иже «буфо» въ Киликии обще именуется, аще зраку его съ нѣкимъ желѣзомъ или тростію неизмѣнно предложится, не чрезъ многъ часъ возможетъ ядовитое животное терпѣти, да яко въ его зрѣніи... не оскудѣетъ угашение. Но камень тотъ не отимется невредимъ отъ шкоты, зане, угашенну ядовитому животному, емуже предложится, весь въ дробныя разсторгнется разсѣдана, сего лучемъ зеленымъ змея онъ смертнѣ устраши. Но храбрый Азонъ

скоро желает мечемъ голымъ частымъ поражениемъ губити, ихъже аки невредимых жестокие чешуи змиевы отражаютъ. Но безтрудный Азон того ради не престаёт от поражения, аки жестокий млат в наковално. И толь долго поражением боряшесь со змием, яко змей терпѣти не могий частых и жестоких браней, на долгомъ поле протягся, смертоносный испусти дух, и выше лежащий воздухъ смертоносными яды опорочи.

Его же егда Азон видѣ угашенна Медеиным мастерствомъ, во свою память внутрь приводя, без лѣности желаетъ и главу его от шеи мечемъ отдели, от его же челюстей исторже зубы, скоро по браздамъ сотворенным посѣя на взоранном полѣ от воловъ. От их же сѣмени раждаются абие воины неслышаемые. Егда от такова сѣмени воины исходятъ, скоро ко оружию встають и, нападше сами на себѣ, смертными язвами бранятся. Жестоко убо творится ополчение промеж братиею землею и *мрачною*, зане раздѣльными полки на брань не нападают, ниже хотят да яко раздѣльшеся, *но* смѣшнѣ единъ другаго убивает, зане иже и после от нихъ остасть *никто* побѣдникъ, поне многими ранами промеж себе падоша погублении.

Волшебныя убо хитрости *чародѣйствы* противными хитростями тайными всѣми протечении, и змею предреченному смерти преданну, такожде от его зубнаго сѣмени рожденнымъ братиям умершимъ, волонъ тѣмъ учиненным едва живым, Азон от пагубныя беды избы, прилѣжным попечением своим испытует в мысли, что творити или еще нѣчто творимо в скончании дѣла того прилѣжнѣ разсматривает. И егда вся разумъ уже быти совершенна, смѣл и весел на златоруннаго овна себе направляет. В немъ же егда не обрѣтъ никоего противства, восхитив за рога, удавлением смерти предасть и сня одежду его златую, благодарив по семъ боги, имиже со славою побѣдною и бес пагубы своего телеси предреченное руно златое наслѣди.

Обогащенъ убо Азонъ златым ограблением, ко берегу острова весел ускоряет, в лодию входитъ и греблю привозится к болшему острову, на егоже брезѣ предреченный Еркулес и его обещники желателнѣ ждаху. Его же убо по сем *сошедша* на

землю, со мною радостию приемлют и о его здравии умилнѣ благодаряще боги, зане никакѣ здрава его имѣти чаяху. Азон же с *ними* къ царской полате приходит. И егда прииде к нему, царь Оетесъ лицемѣрнымъ веселием его восприя, поне завидить ему о толицѣ побѣде и боляше о себѣ, толика богатства лишена. Ему же яко близ себе сѣсти повелѣ Оетесъ. Что се чудо златаго руна видѣнием чудится народ, зря его, но паче дивуется о толицѣ побѣде, како возможе устав побѣдити бога Арриса.

Медея же весела, радостными стопами видѣти Азона послѣ приходитъ, ей же, аще бы лѣпо, пред *множеством* многа цѣлования подала бы; и, царю повелѣвшу, подлѣ Азона, аки стыдяся, сѣде. Ему же Медея тихимъ гласомъ тайными словесы глаголетъ, да к ней, приходящи нощи, опасенъ приидет. Еже Азонъ себѣ желателнѣ исполнити умилнымъ и смиреннымъ гласом отвѣщаетъ. Сѣни же ночью по всему свѣту излияннѣ, Азонъ к Медеинѣ приходитъ полать и, ей посредствующи, в ложницу входитъ, и обеим в ложницѣ охотнѣ прѣбывающимъ, по мнозѣ услажденномъ потѣшеніи послѣ о отхождении своемъ и уготовлении ко отшествію многа промеж себе единомысленно изрекоша. И тако по Медиину наущению Азонъ в Колкосѣ един мѣсяць пребысть. По семъ же, временное благоугodie прием, Азон и обещники его с Медеею от того острова татенно отходятъ, у царя Оета отпущения не просивъ.

Но, о Медея, вѣтровъ поспѣшныхъ много сказуеши желавъ, дабы свое оставила отечество и отча скипетра отбѣгла бы, и море прешла бы без страха, горкия своя пагубы не разсмотря. Поистиннѣ сказуеши дошедше в Тесалию, идѣже тесалонѣяниномъ Азономъ, *от гражданъ* безчестная тесалоникойских, утаена, ниже по многихъ мерзкихъ пагубахъ животъ чтеши скончав. Но яко отмщеніемъ боговъ Азонъ мукъ многой бѣ преданъ, прежде даже онъ изшелъ, и его исхождение, аки осужденно от боговъ, бѣ, осужденною смертию заключенъ, рцы, что ти ползова на Азоне тяжкое отмщение и месть боговъ после сотворимая? Поистиннѣ во послѣвицѣ глаголется: «Скоту умершу, не угоднѣ ползуетъ врачевныхъ травъ ноздрямъ прилагати лечбы». Токмо нѣчто богомъ

благоволить не по велицѣ воздания обиды, но да от смертных познается, богомъ не хотѣти тяжкихъ винъ, паки в лицѣ живыхъ без отмщения муки приити.

Что множае? Приста Азон со Еркуломъ и *иными* ихъ спутники *и* с Медеею во пристанище тесалийскомъ здоров и веселъ. Ихъ же всехъ спроси царь Пелей и о Азоновѣ здравии и, смутися внутренно, своего сердца тая тѣсноты, веселымъ лицомъ восприя, и предпоставити Азона в царствии своемъ по обѣщанию ему *данному* от него, аще и не хотя, щедре не отвержеся.

Повесть о создании и пленении Трои

Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова

На рубеже XV–XVI вв. древнерусский читатель познакомился с несколькими произведениями, повествующими о Троянской войне: о ней рассказывалось в одной из глав византийской Хроники Константина Манассии (этот текст публикуется в наст. изд., т. 9) и в обширном латинском романе Гвидо де Колумна, издание которого также было переведено на русский язык в самом начале XVI в. (фрагмент из этого перевода опубликован выше). Но наибольшее распространение в литературе XVI–XVII вв. получила компилятивная «Повесть о создании и поплнении Тройском...». Эта повесть составлена русским книжником, вероятно, создателем Русского хронографа (о нем см. коммент. в наст. изд., т. 9). В ее основу положена упомянутая выше глава из хроники Манассии, но в большей степени – отдельная повесть, носившая заглавие «Повести о извѣствованных вещей, еже о кралехъ причя, и о рождених и прѣбываних». Последнее научное издание «Притчи о кралех» (как в литературе ее обычно именуют) осуществлено в кн.: Среднеболгарский перевод Хроники Константина Манассии в славянских литературах / Введение Д. С. Лихачева. Исследования И. С. Дуйчева и М. А. Салминой. Подготовка текстов М. А. Салминой. Словоуказатели О. В. Творогова. София, 1988. С. 243–254. «Притча о кралех» является, вероятно, переводом латинской средневековой повести, осуществленном в Далмации в XIII–XIV вв. Текст «Притчи» был включен в некоторые списки Хроники Константина Манассии, в частности в ее иллюстрированный Ватиканский список сер. XIV в. (Библиотека Ватикана, Cod. Slav.; 2) и в список русского перевода Хроники – РНБ, Софийское собр., № 1497, XVII в. В обоих списках текст «Притчи» следует непосредственно за главой, повествующей о Троянской войне в основном тексте Хроники. По всей вероятности, в руках создателя Русского хронографа был такой (до нас не дошедший) список хроники, в котором эта вставка уже была.

Создатель Русского хронографа успешно справился со своей задачей: ему удалось составить свою компилятивную версию без существенных изъянов, следы соединения двух источников малозаметны, а допущенные сокращения текста «Притчи» незначительны и не существенно искажают сюжет памятника. Источником «Притчи» (напомним, – основного компонента «Повести») был, однако, не Гомер, которого в раннем средневековье плохо знали и к которому относились тогда без должного пиетета, а сочинения Дарета и Диктиса – мнимых участников Троянской войны (см. о них выше).

Осуществление переводов произведений о Троянской войне на рубеже XV–XVI вв. еще не свидетельствовало о широком знакомстве с этим сюжетом древнерусских книжников: и списки Хроники Манассии, и списки «Троянской истории» исчисляются единицами (более распространена краткая переработка Троянской истории, но она появится, вероятно, лишь в XVII в.). Иное дело – «Повесть о создании и поплении Тройском». Уже то, что она вошла в состав авторитетнейшего и известного в сотнях списков Русского хронографа, обеспечивало ей широкую известность. Ее сюжет привлекал настолько, что «Повесть», изъятая из полного текста Хронографа, включалась в сборники.

«Повесть» была издана в составе древнерусского хронографа (см.: Русский хронограф. Часть I. Хронограф редакции 1512 года // ПСРЛ. СПб., 1911. Т. 22. Ч. I), а также в книге: Троянские сказания. Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI–XVII вв. / Подг. текста и статьи О. В. Творогова. Комментар. М. Н. Ботвинника и О. В. Творогова. Л., 1972. С. 7–13, 70–77 и 197–207. (Сер. «Литературные памятники»). Для издания БЛДР заново подготовлен текст, сделан новый перевод и написан заново комментарий. В нем частично использованы наблюдения известного филолога-античника М. Н. Ботвинника (из комментария в издании 1972 г.), что во всех случаях оговаривается.

Текст опубликован по списку Хронографа 1512 года – РНБ, F.IV.178, 1538 г. Исправления, сделанные по списку РНБ, собр.

Погодина, № 1443, выделяются курсивом. Выделены также два добавления и одно исправление по Хронике Константина Манассии (по списку *РНБ*, Софийское собр., № 1497), они оговорены в комментарии.

* * *

ПОВЕСТЬ О СОЗДАНИИ И ПЛЕНЕНИИ ТРОИ И О ПОСЛЕДНЕМ ЕЕ РАЗОРЕНИИ, КОТОРОЕ СЛУЧИЛОСЬ ПРИ ДАВИДЕ, ЦАРЕ ИУДЕЙСКОМ

Был в древние времена некий царь по имени Придеш. И в один из дней охотился он на некоем приморском мысу, у которого с одной стороны расстилалось широкое море, а с другой протекала река Скамандр, а с третьей стороны было Пелешино море, с четвертой простирался луг Дудома, а с пятой стороны была долина, где росли деревья и различные цветы. Увидел царь красоту места (того), и начал строить город в свое имя, и после смерти своей повелел сыну своему строить, так же и все прочие (цари) завещали каждый своему сыну. И с тем первым царем, который начал строить, всего шесть царей было до Троила, он же более других к этому делу прилежал и назвал город по своему имени Троей. У Троила родился Приам царь, у которого была царица по имени Екама.

И ночью увидела она сон и поведала мужу своему Приаму царю и сказала: «Родила я головню, и поднялась она на небо, и снова возвратилась, и упала в море, и вылетели из моря искры огненные, и упали на Трою, и сгорел весь город». Приам же рассказал это боярам и предсказателям, волхвам и мудрецам и всем людям. И сказали ему: «Господин наш царь! Родится у жены твоей сын, из-за которого сгорит и разорен будет город, и не останется камня на камне». Царь же сказал жене своей, что когда родится сын, то пусть прикажет его убить. Она же ответила: «С большой радостью я это сделаю».

Когда же родила царица Екама сына своего и увидела, что он очень красив, то пожалела его как мать и не смогла его убить, но завернула его в дорогие покровы, и (положила) с ним много серебра и золота, и повелела оставить его вдали от города. И нашел его старик – овечий пастух, которому жена родила сына, и повелел ей кормить найденного мальчика; и

когда исполнилось ему семь лет, то назвал его Фарижем Пастыревичем. И ходили оба отрока с отцом своим в поле и играли (там). Фариж же связывал двух бычков, и бодались они, и тому, который побеждал, сплетал венок из ветвей маслины, а тому, кто не одолел, вил венок из соломы и надевал (те венки) им на рога.

И когда подрос Фариж, то ходил с добрыми витязями – а по-нашему, с детьми боярскими, – и во всех играх одолевал их. И поразил одного витязя, как ни прикрывался тот щитом. И в это время справлял свадьбу царь Велеш и созвал всех бояр и боярынь и Фарижа Пастыревича. И пришли на эту свадьбу три женщины, которых считали пророчицами, а одну не позвали, ибо была она склонна сеять раздор. Она же за то, что ее не позвали, стала думать, как бы вызвать ссору. И сделала яблоко золотое и написала на нем: «Которая из тех трех женщин-пророчиц самая красивая, пусть той и будет это золотое яблоко». И велела подбросить яблоко в сад. И нашли его три эти женщины, прочитали (надпись), и стала просить Фарижа Пастыревича каждая из них, чтобы присудил он ей яблоко. Последней третья (из них) сказала: «Присуди мне это яблоко и объяви меня прекраснее их (двух), тогда дам тебе Елену царицу, (жену) Менелая, царя греческого, которая красивее всех нас и всех греческих женщин. И дам тебе новое имя, и будет имя твое Александр Фариж, и поведаю, кто твои отец и мать. Ты не того старца сын, а отец твой – Приам царь, а мать – Екама царица». И присудил (Фариж) яблоко госпоже Ветуши. И, услышав все это от нее, очень обрадовался и, испросив благословения у старца, который назывался ему отцом, отправился в Трою. И приняли его Приам царь, отец его, и мать его – царица Екама.

Созвал царь Приам предсказателей и волхвов и сказал: «Кто мне поможет построить стены троянские, тому дам я три меры золота». Услышали это два дьявола земных, пришли и сказали царю: «Мы хотим построить, а ты нас не забудь и нам воздай». И начали строить. И Тебуш был гусляр, и играл на гуслих, и строились стены Трои, где они велили, а (другой), именем Нептанабуш, ходил в море и носил из моря вар, и

камни, и воду. И завершили свое дело и сказали царю, чтобы дал им то, что обещал. И поняли, что обманул он их. И разгневались и сказали: «Мы построили стены Трои, мы же и придумаем, как разрушить их в дни Приамовы». И Питер кудесник, которого пророком считали, предсказал, что отправится Александр в Грецию и похитит царицу Елену, из-за которой Троя будет разорена. Также и женщины те, которых пророчицами считали, разгневавшись из-за того яблока золотого, стали помышлять, (как бы сделать, чтобы) разрушилась Троя.

Отпросился Александр Фариж у отца своего Приама царя и отправился к Менелая, царю греческому, иначе говоря – эллинскому, служить ему, взяв с собой богатые дары и воинов. И услышав это, Менелай царь вышел далеко навстречу ему и приветствовал его. И сказал ему Александр: «Пришел я, царь, служить тебе не за золото и серебро, но чтобы знал ты, какая честь из-за этого будет твоему двору». Слыша это, очень обрадовался Менелай царь и ввел его в палаты к царице Елене. И ели и пили они наедине красное вино, и когда мыли руки и полотенцем вытирали, Александр писал на нем красным вином Елене так: «Царица Елена, люби меня, как я тебя». Послал же Менелай царь к брату своему, Агамену царю, говоря: «Радуйся, брат мой, что хотят мне служить братья мои цари». Написал ему в ответ брат его: «Я тому рад, что мы с тобой самодержцы, но то меня не веселит, что наша братия пришла служить нам, и очень я тем опечален. Берегись, как бы не явилась чужая доблесть и не попрала бы нашу честь, и будет нам великий позор». Услышав же это, Менелай рассердился и сказал: «Как не понравилась брату моему моя честь!»

Услышал же Менелай царь, что отпала от него земля Каакимская, и, собрав большое войско, пошел на них сам и Александру повелел. Тот же притворился больным и лежал в царской палате. «Когда, – сказал, – выздоровею, пойду следом за тобой». И после отъезда царя Менелая вышла царица Елена с девушками пройтись по городу с греческими боярынями, Александр же схватил царицу Елену и взошел на быстрый корабль с отроками своими, и приплыл под стены Трои.

Троянские же вельможи не захотели выйти ему навстречу, зная, сколько крови суждено будет пролиться из-за Елены. Вышел навстречу ему отец его Приам и взял за руку его, а мать его, Екама царица, взяла за руку Елену, и ввели их в (город).

Царь Менелай, услышав о Елене, тотчас же вернулся с войны. Узнал же и брат его, Агамен царь, и собрал своих воинов, и вскоре пришел к Менелаю. И в печали были оба царя, говоря: «Какое бесчестие нанесено нам!» И собрали сильное войско. И пришел к ним на помощь Аякш, сын Соломоников, с тридцатью кораблями. И потом пришел Паламед, сын Придеков, с тридцатью кораблями. И после этого некий человек, Урекшиш именем, сын Лантеша, притворился безумным, чтобы не быть причастным к кровопролитию троянскому, начал песок вспахивать и солью засеивать. Цари же повелели бросить перед плугом его младенца-сына. «И если, – сказали, – безумен, то перережет его». И как только бросили, – остановил он волов и перестал пахать. И повели его к царям. И сказал Урекшиш: «Лучше бы мне три года пробегать с бешеной собакой, чем причаститься троянской крови, которая прольется из-за Елены царицы!»

И многие другие пришли к царям с островов, и с материка, и с побережий, из Афин и той земли, и из Феталии, и из Архии, и со всей Эллады. И среди многих других был Менесефес из Афин, Нестор от Пила, с Итаки Дисевес, с Саламина Ея, Идоменес с Крита, Тлипелем с Родоса. А все родом были из знатных и от царских кровей, мужи храбрые.

Евфинянин же Ахиллей сиял более всех людей, победитель в битвах, сильный и крепкорукый, его же и героем называли. Сего поставили цари воеводой. Было же войско многочисленное: 1170 кораблей отошли от родной земли. Послан был Ахиллей и другие храбрецы, и на острова напали и попленили побережье. И жаждали напасть на Трою, так как исполнена она была великим богатством, и хотели отомстить за обиду, нанесенную похищением Елены.

Увидев такое войско, троянцы созвали к себе на подмогу карийцев, ликийцев, мисиев, меонов, фригийцев и, заключив союз со всеми азиатскими народами и племенами, выставили

против (греков) великое множество. Было же в Трое более пятидесяти тысяч мужей. И многое время прошло в битвах. Сперва смело вступали в сражение, но когда испытали на себе рвение и храбрость Ахиллеса, то засели, запершись, за стенами.

Потом же некая жена, именем Велеша, которую считали пророчицей, ибо с помощью волшебства повелевала она морскими волнами, разгневалась, потому что бояре царя Агамена убили ее лань, подняла на море бурю, чтобы погубить все корабли греческие. И опечалились цари, и спросили совета у жреца Колкаша. Он же поведал им, что из-за лани своей хочет вас потопить пророчица и говорит, что «если не даст мне Агамен царь дочери своей Цветаны, то не пропущу их (через море)». Царь же Агамен очень опечалился и против желания отдал свою дочь Цветану. И утихла буря. И приплыли под Трою.

И вышел против них Ектор царь, сын Приама, иные многие бояре. И начал стрелять Ектор царь огненными стрелами и одним выстрелом поражал три корабля греческих. Но Аякш, сын Соломоников, своим щитом загородил семнадцать кораблей от живого огня Екторова. И пошел Менелай царь на переговоры, стал уговаривать Приама, чтобы вернул Елену царицу. Александр же того не хотел и хотел убить Менелая, если бы того Приам царь не защитил. А затем Ектор царь выходил на битву и ежедневно сражал множество греческих воинов, страшась (лишь) голоса Ахиллеева. И вышел Ахиллей под своим знаменем против Ектора царя, и сошлись, и взялись за руки, и решили не сражаться в тот день. А греческие витязи пленили Рижеуду, дочь жреца Рижеуша. И увидел Агамен царь, брат Менелая, как она красива, и взял ее себе в жены, а Рижеуш жрец был сыном бога Тебуша. И, узнав об этом, Тебуш страшно разгневался и наслал колдовством своим жестокою болезнь на греческое войско; и многие умирали, пока не вернули дочь жреца Рижеуша.

А потом придала троянцам храбрость гибель Паламеда, так как угасла дерзость Ахиллея, ибо очень любил Ахиллей Паламеда и разгневался из-за его гибели, и не хотел выходить на битву. Дисевес Нисиотенин, хранивший ненависть к

Паламеду, оклеветал его перед царями, будто бы он добра желает троянцам. И был забит Паламед камнями. О горе! Что творишь ты, зависть! Паламед же не сказал ни слова, только изрек: «О бедная истина! Тебя оплакиваю, ибо ты раньше меня погибла!» И так он умер. Ахиллей же горько оплакивал его и не хотел выходить на битву. И это придало дерзость Ектору и его соратникам. И начинают они с эллинами битву жестокую, и падают, как колосья, тела греков, то есть эллинов, и проливаются озера крови. И просили (греки) Ахиллея выйти на битву, и не соглашался он, пока не был убит могучей рукой Ектора Патрокл, которого очень любил Ахиллей. И это побудило его выйти против троянцев. Вышел Ахиллей на брань, (словно) огнем пышущий, и громит полки, и убивает лучших воинов. И тогда призывает Приам на помощь амазонок. И снова брань была лютая. Погибают многие, и все меньше остается соратников у Приама. И упросил он Тавтантия, индийского царя, и тот прислал бесчисленное множество воинов. Индийцы же все темнолицы, и, видя их необычный облик, греки-эллинцы устрешили их вида, и оружия их и зверей, которых приручили индийцы, испугались, и задумали ночью бежать и оставить Трою. Но все же вышли против темнолицых, и кровью индийской обагрились поля, и струи Скамандра смешались с кровью. И в это время настали дни праздничные у эллинов, а также у варваров, и всем был отдых от битв и трудов. И тогда толпы эллинов, то есть греков, и троянцев смешались, и никто никому не смел никакого зла причинить по случаю праздника.

Потом же увидела ночью сон царица Евтропия, жена Ектора царя, сына Приамова. И, проснувшись, пришла она в спальню свекра своего, Приама царя, и начала со слезами говорить ему, чтобы не пускал утром сына своего Ектора биться с Ахиллеем, ибо, – сказала, – будет он убит. И поведала ему сон: «Видела я, что вышел из Трои медведь, а из греческого войска – вепрь, и начали биться. И распорол вепрь медведя, и утащил его в греческие полки, и более не видела его. И, если отпустишь Ектора, не надейся его больше увидеть». И Приам, утешив ее, проводил до спальни. И, когда настало утро, приготовился Ектор царь к сражению с Ахиллеем. И вышли навстречу Ектору

знатные троянки, мать его, Екама царица, и жена его, и сестры его, и стали уговаривать, чтобы не ходил он на битву, но Ектор их не послушал. Мать его, царица Екама, умоляла его не ходить и спасти свою жизнь, плакала и, обнажив одной рукой грудь и указывая другой на сосцы, говорила Ектору: «О чадо мое! Постыдись груди моей и пожалей меня; когда давала я тебе эту грудь, забывал ты свои младенческие печали, так вспомни же, как кормила тебя, и воздай же мне за это, пощадив себя самого». И жена его, взяв сына его, бросила его перед Ектором и взмолилась: «Пожалей, – сказала, – меня и его, любимого!» И не послушал он. Она же сказала: «О Ектор, подожди меня немного!» И, пойдя в спальню, сняла с себя дорогие одежды, и оделась в черные вдовьи, и, подойдя к Ектору, сказала: «О Ектор, если не повернешь назад, то суждено мне их носить по тебе». Но и этим не вызвала в нем жалости, и не послушал, а пошел навстречу Ахиллею. И, сойдясь, не бились в тот день, но порешили биться наутро. И в тот день перебил Ектор семь уров греческих, то есть семь полков. А наутро вышел Ектор царь и стал сражаться с Ахиллеем. И напал Ахиллей на Ектора и, пронзив его, убил. И пал Ектор мертвым. И взял тело его Ахиллей, и понес в свой стан. И потом громит он полки и убивает ратоборцев.

Так убит был Ектор, дерзкий сердцем, опора троянцев, муж могучий и храбрый, с детства не расстававшийся с оружием, имевший на груди бесчисленные шрамы от ран. Прежде, когда еще не пришли эллины и не начали войну, сражался он с дикими быками. Видя случившееся, троянские вельможи и мужи начали горько плакать. И надел Приам царь на себя нищенское рубище, и, взяв гусли, пошел в греческое войско и стал расспрашивать, где стан Ахиллея, говоря: «Да наставит его сегодня бог, чтобы он накормил и напоил меня, грешного странника». И, придя в Ахиллеев стан, начал грустно наигрывать на гуслях. И вынесли ему с ужина еды и питья. И после ужина легли все, захмелев, спать. Уснули и стражи. И Приам царь стал искать сына своего, Ектора царя, и нашел его мертвого, лежащего в постели Ахиллея. И, увидев его, Приам тяжело вздохнул. Ахиллей же, проснувшись, устранился и

спросил: «Кто ты?» Приам же сказал: «Я Приам царь, ищу сына своего Ектора царя». Сказал же Ахиллей: «Если это ты, то я от страха перед тобой словно мертвый!» И сказал Приам: «Не бойся, господин мой! С младенческих лет я того не совершил, чтобы погубить спящего витязя, но прошу (тело) сына своего Ектора». И сказал Ахиллей: «Если клянешься мне, что я целым и невредимым войду и выйду, то, веря тебе и твоей клятве, я сам понесу на своих плечах тело Ектора в Трою». И наутро взял Ахиллей Ектора, и отнес его в Трою, и отдал троянским господам. И стали его оплакивать. И сказал Приам царь Ахиллею: «Пойдем с тобой в храм Аполлона, поклянемся, чтобы больше не воевать, чтобы осталось семя троянское, и дам я тебе свою дочь Поликсену, которая прекраснее всех троянок». И в храме первым поклялся Приам и отошел. И склонился Ахиллей для клятвы. Но спрятались там Александр Фариж, Приамов сын, и Дифов, и поразили ядовитой стрелой Ахиллея в пятку, ибо он был весь в доспехах, только ступни его были не защищены железом, и выбежали (стрелявшие) вон. Ахиллей же упал на последнем издыхании. Почувствовав (недоброе), Дисевес, который приехал с Ахиллеем, и Диоген, и Ея Теламонианин – все вместе вбежали в храм и нашли могучего героя, то есть Ахиллея, лежащего и залитого кровью, и угасающего, и едва дышащего, и шевелящего языком, и очи его уже готовы были застлаться тьмой. Когда увидели его (вбежавшие), заплакали. И упал на грудь ему Ея Великий с плачем и спросил Ахиллея: «О, завершающий (победой) рати, исполин крепкорукий! Кто смог погубить тебя, лвовяростного?» Он же слабым голосом произнес: «Убили меня обманом Александр Фариж и Дифов». И, сказав это, испустил дух.

Видя все это, Приам царь очень опечалился, и снял с Ахиллея доспехи, и отправил к обоим царям, и поведал им, как договоренность его с Ахиллеем нарушили, и (сказал): «Если повелите, то тело его принесу вам». И плакали горько, видя оружие Ахиллеево, и повелели Приаму царю сжечь тело его и (золу) всыпать в урну. «Да создадим, – сказали, – могилу его в дальней земле». И сделал Приам так: сжег тело его и всыпал (золу) в золотую урну и послал царям. И, видя ее, цари и воины

греческие удивлялись, говоря: «О сила и слава Ахиллеева! Как тебя не могли вместить все города и острова, а здесь единая золотая урна тобою не наполнена».

Екама царица, увидев, что суждено погибнуть Трое, отправила сына своего младшего Полидвора и с ним золота много на другой берег моря к Полинещеру царю, который царствовал всей Погажией, чтобы осталось семя троянское. Потом же снова была гибель мужей и жертвы, и снова кровью была залита земля Троянская, и снова обагрены были волны Скамандра, пока волхвы им пророчество не возгласили, что нельзя оружием взять Трои, но только одной хитростью. И тогда сделали они коня деревянного огромных размеров и заперли в нем мужей храбрых, а сами сделали вид, что отплыли к своему отечеству. Коня же оставили у пристани, а сами скрылись на острове. Увидели троянцы, что берег пуст и остался на нем только конь, и удивились, недоумевая. Сперва подумали, что все это хитрость, и хотели коня уничтожить – сжечь или в воду сбросить, но так как настало время, когда суждено было быть взятой Трое, то решили в город ввести коня как вражеский трофей и добычу. И те, кто ввез его, предались пиршеству и играм, и заснули глубоким сном. Муже же спрятанные тихо вышли и зажгли храмы, и пламень поднялся в небо. И, увидев это, эллины, поспешно приплыв, приступили к Трое, и так как ворота были открыты прежде вошедшими (в город), то словно вода хлынуло (туда) многочисленное греческое войско. Так был взят твердобашенный город Троя.

В другом же месте пишется, что из стекла, меди и воска был изготовлен серый конь, видом подобный коню, и в нем заперли триста витязей, то есть бояр вооруженных. И, когда ввозили его в город, то ворота разрушили, ибо не проходил он в ворота, и тогда воины разбили остриями мечей стекло, выскочили и многих посекали. Подоспело и все множество войска в кораблях и посуху, иссекли троянских вельмож, а других побросали в море.

Привели же Александра и Елену царицу к Менелаю. И сказала ему Елена: «О, господин мой царь! Ты был совсем слеп, если оставил меня с Александром Фарижем, чтобы он

прельстил меня своим обманом». И отвечал ей царь: «О, госпожа Елена! Я сейчас сделаю так, что никто другой тебя не соблазнит». И приказал отрубить ей и Александру головы. И с ними Поликсену, дочь Приама царя, приказал казнить на могиле Ахиллея, так как из-за нее он погиб. А Екаму царицу, мать ее, и вместе с нею прочих знатных горожанок и боярынь раздали (победителям). Ведомые (в полон) горько плакали, царица же Екама утешала их: «Я смогу ваши слезы осушить». И других женщин выволакивали из чертогов новопостроенных, и младенцев разбивали о стены, и земля пропиталась кровью убитых. И, попросту говоря, плач стоял повсюду, и все лютое и тяжкое выпало на долю города. И огню предали и сожгли до основания прекраснейшую и славнейшую среди городов Троию.

И, уведав об этом, царь Полинещер приказал убить Полидвора царя, Приамова сына, и бросить его в море. И тут пристали корабли греческие. И взяла царица Екама ведро, чтобы зачерпнуть воды, и нашла труп сына своего, и закричала громким голосом, рыдая. Услышав это, вышел Полинещер царь, чтобы утешить Екаму царицу. И поднялись на него троянки вместе с нею, и искололи Полинещера ножами. Увидев это, горожане забросали их камнями.

Возвратился же Менелай царь со всеми греками с победой и с великой славою, простояв под Троей десять лет и семь месяцев. И так пало Троянское царство.

Написал же повесть о пленении Трои песнотворец Омир. Ахиллей же был сыном царя Каеты, а иные пишут – Фирилеша.

* * *

ПОВЕСТЬ О СОЗДАНИИ И ПОПЛЕНЕНИИ ТРОЙСКОМ И О
КОНЕЧНЕМЪ РАЗОРЕНИИ, ЕЖЕ БЫСТЬ ПРИ ДАВИДЪ ЦАРИ
ИЮДЕЙСКОМ¹⁴⁰

Бяше в перваа врѣмяна царь нѣкий именемъ Придешь.¹⁴¹ И въ нѣкий день бывшую ему на ловѣ в нѣкоемъ в морьскомъ отоцѣ,¹⁴² у негоже от единыя страны течаше великое море, а от другыя страны Скомандра рѣка, а от третиеа страны Пелешино море, а от четвертыя страны стояше лугъ Дудома, а от пятыа страны юдоль, идѣже ростяху дрѣвие и цвѣти многоразлични. Видѣвъ же царь доброту мѣста, и нача здати градъ во имя свое,

и после своего живота повелѣ сыну своему здати, такоже и прочии заповѣдаху каждо своему сыну. И с прежнимъ царемъ, иже нача здати, всѣхъ шесть до Троила царя, иже вяще всѣхъ дѣло сотвори и нарече во свое имя Троя град. Троиль роди Приама царя,¹⁴³ у негоже царица именемъ Якама.¹⁴⁴

И в нощи видѣ сонъ и сказа мужю своему, Приаму царю, и рече: «Родих главню, и взыде на небо, и паки возвратися, и паде в море, и изыдоша из моря искры, яко пламень, и падоша на Трои, и погорѣ весь град». Приамъ же сказа сиа боляромъ и пророкомъ, волѣхвующемъ и мудрецемъ и всѣмъ людемъ. И рѣша ему: «Господи царю! Родится от жены твоеа сынъ, егоже ради изгорить и разорится град, и не останеть камень на камени». Царь же рече женѣ своей, егда родится сынъ, да повелить его убить. Она же рече: «Зѣло рада есмь сие сотворити».

Егда же роди царица Екама сына своего и видѣ его красна зѣло, съжаливси, яко мати, и не може его убить, но повить его в ризы многоцѣнны и с нимъ много сребра и злата и повелѣ его поврещи далече от града. И обрѣте его пастырь овчий старъ, емуже жена роди сына, и повелѣ ей обрѣтеннаго отрока кормити; и бывшую ему седми лѣтъ, нарече его Фарижъ Пастыревичъ.¹⁴⁵ И хожашу съ отцемъ своимъ оба отрока на поле и играху. Фарижъ же связываше два вола, и бодяхуся, и кий премогае, тому соплеташе вѣнецъ от маслича, кий же не одолѣваше, тому вѣяше от сламы и полагаше има на рогу.

И егда возросте Фарижъ, хожаше съ добѣрыми витези, сирѣчь с дѣтми боярскими, и преодолеваше их во всякой игрѣ. И прободе за щитомъ единого витезя. И въ то время бракъ творяше Велешъ царь¹⁴⁶ и призва всѣхъ боляръ и болярыни и Фарежа Пастыревича. И приидоша на оно веселие три жены, ихже и пророчица нарицаху,¹⁴⁷ и едину не позваша, яко свадлива бѣ. Она же за оно незвание помышляше, како бы сваду сотворити. И сотвори яблоко злато и написа на немъ: «Которая от трехъ тѣхъ женъ и пророчицъ благообразнейши, да будетъ той сие златое яблоко». И повелѣ поврещи яблоко в вертоград. Его же обрѣтоша три оны жены и прочетѣше, моляху Фарижа Пастыревича кояко их, да присудить ей яблоко.¹⁴⁸

Последи же третиа рече: «Присуди мнѣ сие яблоко и повѣжъ мене добрейшую тѣхъ, да ти дам Елену царицу, Менелая, царя греческаго, иже бысть всѣхъ насъ и всѣхъ греческихъ женъ добрейши. И дамъ ти имя ново, и будетъ имя твое Александръ Фарижъ, и да ти повѣмъ отца и мать. Нѣси бо ты того старца сынъ, но отецъ ти есть Приамъ царь, а мати Екама царица». И присуди Ветуши госпожи яблоко. И, слышавъ от неа сиа, возвеселилися зѣло, и взя прощение у старца, иже отецъ ему нарицашеся, и поиде въ Трой. И приять его Приамъ царь, отецъ его, и мати его царица Екама.

И призва царь Приамъ пророки и волхвы и рече: «Кто ми поспѣшитъ, еже еще наздати Тройскый град, и азъ дамъ ему три мѣры злата». И слышаста два диавола земленаа, приидоста и рѣша царю: «Мы хотимъ *наздати*, да намъ даси и наю знай». И начаша здати. И Тебушь бѣ гуселник и гудуше в гусли, и зидашеся Трой, гдѣ они повелѣваху, а Нептенабушь именемъ идяше въ море и ношаше из моря варъ, и камене, и воду.¹⁴⁹ И совершиша все дѣло и рѣша цареви, да имъ дасть, еже обѣща. И разумеша, яко преобидѣ ихъ. И разгнѣвашася и рекоша: «Мы есми сътворили Трою град, мы умыслимъ, како и разорити ѿ во дни Приамовы». И Питеръ волховъ, егоже пророкомъ нарицаху, прорече, яко хочетъ Александръ приити во Греки и царицу Елену взяти, еяже ради Трой разориться.¹⁵⁰ Также и жены оны, иже разгнѣвашася яблока ради златаго, ихже пророчица нарицаху, помышляху, како бы Трой разорилъся.¹⁵¹

Испроси же ся Александръ Фарижъ у отца своего Приама царя и прииде к Менелая, царю греческому, еже есть еллинскому, служити¹⁵² со многимъ богатствомъ и со отроки. И слышавъ Менелая царь, изыде противу ему далече и целова его. И рече ему Александръ: «Приидох азъ, царю, служити тебѣ не на злате и сребрѣ, но да разумѣеши, коя будетъ честь сего ради на твоємъ дворѣ». Слышав же сиа, Менелая царь возвеселися зѣло и введе его къ Елене царици въ полату. И ядяху и пяху наединѣ червлено вино, и егда умываху руцѣ и убрусом отираху, Александръ писаше на убрусе червленымъ виномъ къ Елене¹⁵³ сице: «Царица Елени, люби мя, якоже и азъ тебе». Посла же Менелая царь къ брату своему Агамену

царю,¹⁵⁴ глаголя: «Буди о сем весель, брате мой, яко хотять мнѣ служити братиа моа цари». Отписа же ему братъ его: «Азъ о семъ весель есмь, яко мы самодръжца есмы, а о семъ нѣсмь весель, яко наша братиа приидоша служити намъ, но и зѣло озлобихся. Блюдися, да не приидеть чюжаа доброта и возметъ нашу честь, а нам будетъ велика срамота». Слышав же сиа, Менелае озлобися и рече: «Како нѣсть добра брату моему моя честь!»

Слышав же Менелае царь, яко отвержеся от него русагъ Каакыимьскы,¹⁵⁵ и собравъ многу войну, поиде на них и повелѣ и Александру. Он же сотворися боленъ и леже въ царьской полатѣ. «И егда, – рече, – здоровъ буду, гряду въслѣдъ тебе». И по *отшествии* Менелаа царя изыде царица Елена съ дѣвицами проходитися по граду съ греческими болярынями, Александръ же восхитивъ Елену царицю под пазуху и вшед в борзый каравль со отрокуы своими, и прииде под Трой град. Тройсции же господие не хотяху изыти противу ему, вѣдуще, колико хочеть пролиатися кровь за Елену. Изыде же противу ему отецъ его Приамъ и приа за руку его, а мати его, Якама царица, приа Елену царицю за руку и въведоста.

Слышав же Менелае царь о Елене, възвратися скоро от войны. Увѣде же и братъ его, Агамень царь, и, собра своя воя, скоро прииде к Менелаю. И печална быста зѣло царя, глаголюще: «Какова срамота учинися над нами!» И собраша силну войску. И прииде к нимъ на помощь Аякшъ, Саломониковъ сынъ,¹⁵⁶ съ 30-ю катарогъ. И потомъ прииде Паламид, Придековъ сынъ¹⁵⁷ с 30-ю каравлей. И по сих нѣкий челоувѣкъ, Урекшишь именемъ, Лантешевъ сынъ,¹⁵⁸ сотворися бесѣнь, да ся не причастит тройской крови, нача песокъ орати, а соль сѣяти. Царя же повелѣста повреци малаго сына его пред ораломъ. «И аще будетъ, – рече, – бѣсенъ, то *переорет* его». И егда повергоша, состави волы не орати. И поведоша его къ царемъ. И рече Урекшишь: «Изволилъ бых за три лѣта тецати с бѣснымъ псомъ, нежели причаститися тройской крови, иже хочеть быти Елены ради царици!»

Бяху же и инии мнози приидоша ко царемъ ото островъ, и от суша, и отъ воскрай сущих моря, ото Афинъ и тоземци, и от

Феталиа, и *ото* Архиа,¹⁵⁹ и *ото* всея Еллады. И *ото* иных многих быше Менесефесь от Афинъ, Несторъ от Пила, *от Ифаке* Дисевесь, от Саламина Ея, Идоменевесь от Крита, Тлипелемъ же от Родоса.¹⁶⁰ Все род имуще от благородных и от царьских кровей, мужи храбри.

Евъфиянинъ же Ахиллей¹⁶¹ сиаше паче въсѣх челоуѣкъ, ратемъ побѣдникъ, силенъ и крѣпкорукъ, егоже и ироа нарицаху. Сего поставиша царие ратиначалника.¹⁶² Бѣ же рать многочислена, 1170 кораблей исходятъ убо *ото* отечества. Посланъ убо бываетъ Ахиллей и от храбрых друзии, и на острова наподоша и поплениша сушю. И тѣхася напасти на Трой, яко многимъ богатствомъ кипѣ быше, и хотяще отмстити обиду Елены ради.

Видѣвше же трояне толику рать, собравъше себѣ пособники: кари и лукаани, миси и меони, и фруги¹⁶³ и придруживше весь асийскій языкъ и род, противу изведоша бесчисленно множество. Въ Трои же вѣще 50 тысящ мужей. И много время проводиша, брань творяще. Исперва добрѣ ополчахуся на брань, да якоже испустиша Ахиллеево стремление и храбрость, сѣдяху, при стенахъ заключившеся.

Потомъ же нѣкая жена, именемъ Велеша,¹⁶⁴ волѣхвующи, еяже пророчицю нарицаху, иже обладаше волѣшествомъ морскими волѣнами, у неяже убиша кошуту боляре Агамена царя, и сего ради разгнѣвася и пусти волнение на море, да погубитъ вся корабля греческыя. И озлобистася царя, и вопросиша Колкаша попа. Онъ же повѣда имъ, яко кошуты ради хощетъ васъ потопити пророчица и глаголетъ, яко, «аще не дасть Агамень царь мнѣ своеа дщери Цвѣтаны,¹⁶⁵ не имамъ ихъ пустити». Царь же Агамень оскорбися зѣло и, не хотя, дасть свою дщерь Цвѣтану. И устави бурю. И приидоша под Трой.

И изыде противу имъ Екторъ царь,¹⁶⁶ Приамовъ сынъ, инии мнози боляре. И нача стрѣляти Екторъ царь стрѣлою со огнемъ, и единымъ пущениемъ погружаше три корабля греческыя. И Аякъ Соломоничевъ защити своимъ щитомъ 17 кораблей от живаго огня Екторѣва.¹⁶⁷ И поиде Менелая царь на вѣре, нача Приаму говорить, да отдастъ Елену царицю. Александръ же не хотяше, но восхотѣ поразити Менелаа, аще бы его Приамъ царь

не защитилъ. И потом Екторъ царь творяше брань и поражаше множество греческих вой на всякъ день, и бояшеся гласа Ахиллеева.¹⁶⁸ И поиде Ахиллей под своимъ знаменемъ противу Ектору царю: и состася, и ястася за руки, и не хотѣста ся бити в той день. И бяху плѣнили гречестии витези Рижеуша попа дщерь Рижеуду. И видѣвъ ю Агамень царь, братъ Менелаевъ, яко добра зѣло, и взять ю себѣ в жену, а Рижеушъ бѣ попъ сынъ Тебуга бога.¹⁶⁹ И, увѣдевъ, Тебугхъ разгнѣвася зѣло и пусти своимъ волъшвениемъ великъ недугъ въ греческую войску; и мнози умираху, Дѣндеже обратиша дщерь Рижеуша попа.

Потом же трояны дръзостны сотвори Поламидова смерть, притупи Ахилеево стремление, любляше бо Ахиллей Паламида зѣло и сего ради разгнѣвася и не хотяше изыти на брань.¹⁷⁰ Дисефесь Нисиотенинъ храняше ненависть на Паламида и оболга его к царема, яко трояном хочеть добра. И побиша Поламида камениемъ. О горе! Какова твориши зависти! Он же ничесоже рекъ, точию глагол сей: «О убогаа истинно! Тебе плачу, ты бо первѣе мене погиге!» И тако умре.¹⁷¹ Ахиллей же тяжце проплакавъ о немъ и не хотяше изыти на брань. И от сего бысть дерзость Ектору и того пособникомъ. И составляютъ на еллинны брань крѣпкоратьную, и падаютъ, якоже класы, греческая, сиречь еллинская, телеса, и езера кровемъ пролиашеся. И моляху Ахиллея поити на брань, и не преклонися, Дѣндеже убиень бысть Патроклие, егоже зѣло любляше Ахиллей, от руку крѣпкою Екторовою.¹⁷² И сие того принуди потещи на трояны. Изыде убо Ахиллей на брань, огнемъ дыхая, и разбиваетъ полкы, и побиваетъ первоборца. И пакы призываетъ Приамъ на помощь амосони.¹⁷³ И пакы брань крѣпка. Умирають мнози, и ото всѣх убо пусть бысть Приам. И умоли Тавтантиа, индийскаго царя,¹⁷⁴ и посылаетъ множество бесчислено воинства. Индиане же вси чернообразни, их же видѣвъше гречестии еллини въ странных зрацѣхъ, и убояшеся от зрака их, и оружия и от звѣрей устрашишася, ихже индиа кормить, нощию бѣжати мысляху и оставити Трой. Но обаче ополчишася к черньообразнымъ, и индѣйскими кровьми очервишася нивиа, и Скомандрови струя обращахуся кровьми. В сих же наста еллиномъ торжество, паче же и варваром, и

всѣмъ покой от ратей и трудовъ. И убо еллиньстии, еже есть гречестии, и тройское множество воедино смѣшахуся и никомуже содѣяти ничесоже никтоже смѣяше праздника ради.

Потомъ же видѣ сонъ в нощи царица Евтропия, жена Ектора царя, сына Приамава. И възбнувъ от сна, прииде в ложницу свекра своего, Приама царя, и нача со слезами глаголати ему, да не пушаетъ сына своего Ектора во утрие на брань ко Ахиллею, яко убиенъ, рече, будетъ. И сказа ему сонъ: «Видѣх, яко изыде ис Троя мечка, а изъ греческыя войскы вебрь, и начаста ся бити. И посече вебрь мечку, и вовлече его во греческыя полкы, и ктому не видѣх его. И аще пустиши *Ектора*, не чай его видѣти». И утѣшивъ ея Приамъ и проводи ю в ложницу. И егда бысть заутро, уготовася Екторъ царь на брань ко Ахиллею. И изыдоша противу его Тройскыя госпожа, и мати его, Екама царица, и жена его, и сестры его, и возбраняху ему, да не исходитъ на брань, он же не послушаше. И мати его, Екама царица, молящи не изыти и спастися, плачущи и ятра отверзающи единою рукою, другию же сосца изношаше и глаголаше: «О чадо! Сих усрамися и мене самую помилуй; аще когда ти сосца сиа придах, забыти творящи дѣтских скорбей, помяни убо *воспитание* оно и даруй ми, еже пощадеши ся самому». ¹⁷⁵ И жена его, взявши, метну сына его перед нимъ и моляше: «Помилуй, – рече, – мене самую и сего любезнаго!» И не послушаше. Она же рече: «О Екторе, пожди мене мало!» И шедши в ложницу, совлече брачинныя ризы, и облечеся въ черныя вдовичныя, и пришед пред него и глагола: «О Екторе, аще ся не обратиши, имамъ сиа азъ носити по тебѣ». И симъ не преложи его на жалость, и не послуша, но поиде противу Ахиллею. И съшедшеся, не бишася в той день, но завѣтъ положиша, еже битися заутро. И в той день уби Екторъ седмь уровъ греческих, еже есть седмь полкъ. ¹⁷⁶ И заутро изыде Екторъ царь и нача битися со Ахиллеемъ. И наѣха Ахиллей Ектора и, убивъ, прободе его. И паде мертвъ. И въземъ его, Ахиллей и понесе на свой станъ. Потом же разбиваетъ и полкы и побиваетъ ратоборца.

Убиену же бывшую Ектору, дерзосердому столпу тройскому, мужу тяжку и храброму, во оружиах воспитану, язвы носящую на

персех бесчисленныя. Преже, дажь еллини не пришьли и составили брань, соплеташеся сей съ юньци дивиими. Видѣвше же сие тройсци вельможа и господие, начаша жалостно плакати. И взя Приамъ царь на себе нищиа и худыя ризи и гусли и поиде въ греческую войску¹⁷⁷ и нача пытати Ахиллеева стану, глаголя: «Егоже днесь богъ наставитъ, да мене накормит и напоитъ, грешнаго и страннаго». И, доиде на Ахиллеевъ станъ, и нача густы в гусли жалостно зѣло. И даша ему от вечера своя ясти и пити. И по вечера легаша спати, упившеся. Уснуша же и стражие. И Приамъ царь нача искати сына своего, Ектора царя, и обрѣте его на постели мертвѣ со Ахиллеемъ лежаща. И видѣвъ его, Приамъ и воздохнувъ от сердца зѣло. Ахиллей же възбнувъ и устрашися, и рече ему: «Кто еси ты?» Он же рече: «Азъ есмь Приамъ царь, ищу сына своего, Ектора царя». Рече же Ахиллей: «Аще ты еси, азъ от страха твоего мертвъ есмь!» И рече Приамъ: «Не бойся, господине! От младенчества нѣсмь того сотворилъ, да спяща витезя погублю, но прошю сына своего Ектора». И рече Ахиллей: «Аще кленеша ми ся, азъ понесу Ектора на своєю плещу въ Трой по вѣре и клятвѣ, да здравъ вниду и изыду». И вземъ Ахиллей заутро Ектора и понесе его въ Трой и предасть тройскимъ господамъ. И начаша его плакати. И рече Приамъ царь ко Ахиллею: «Поидевъ въ церковь Аполлона клятися, еже к тому не воеватися, дабы осталось сѣмя Трои, и дам ти свою дщерь Поликсену, коя во всѣх господах тройских добрейши». ¹⁷⁸ И въ церкви кляся первѣе Приамъ и отступи. И преклонься Ахиллей клятися. И ту себе скры Александръ Фарижъ, Приамовъ сынъ, и Дифовъ, ¹⁷⁹ и устрѣли Ахиллея ядовитою стрѣлою в пяту, занеже бѣ весь вооруженъ, точию плеснѣ его без желѣза. ¹⁸⁰ И избѣгоша вонъ. Ахиллей же пад на издыхании послѣднемъ. Ощуты же сѣа Дисевесъ, яздяше бо с нимъ, и с нимъ Диогенъ и Ея Теламоненинъ, ¹⁸¹ вкупѣ же убо въ церковь въскочивше, обрѣтоша крѣпкаго ироя, еже есть Ахиллея, лежаща и кровми облиана, и угасъша, и едва дышуща и движуща языкъ, и хотящими очима его покрытыя тмою. Якоже убо видѣста его, проплакаста. И напад на перси его Ея Великий с плачемъ, ко Ахиллею рече: «О, ратемъ разрушителю, исполине крѣпкорукый! Кто погубити тя возможе,

лвояростънаго?» Он же, едва прогласивъ, рече: «Убиста мя лестию Александръ Фарижъ и Дифовъ». И сиа рекъ, *изъдше*.

Видѣвъ же сиа Приамъ царь, озлобися зѣло, и совлече со Ахиллеа оружие все, и пусти ко обѣма царема и сказа имъ. како вѣру его, еже со Ахиллеемъ, преступиша, и «аще велита, да тѣло его принесу к вама». И плакаша зѣло, видѣвше оружие Ахиллеево, и повелѣста Приаму царю сожещи тѣло его и всыпати в корчагъ. «Да сотворим, – рече, – гробъ его на далечной земли». И сотвори Приамъ тако: сожже плоть его и всыпа въ златый корчагъ и посла царемъ. И видѣвше царие и гречестии полци, дивишася, глаголюще: «О сило и слава Ахиллеева! Како ты не совзимаху вси градове и отоце, и сде единъ корчагъ златъ нѣсть тебе полонъ!»

Видѣвши же Екама царица, яко хочеть скончати Трою, посла сына своего меньшаго Полидвора и с ним злата много к Полинещеру царю¹⁸² на онъ полъ моря, иже царствовавше всей Погажи, дабы остало сѣмя Трою. Потом же паки быша мужеубиения и заклания, и паки кровьми облиася земля Тройская, и паки окровавлени быша Скомандровы струа, Дѣндеже волѣхвы имъ пророчествомъ изрекоша, яко «нѣсть мощно ратию взяти Троа, но токмо лестию единою». И абие содѣяше коня дрѣвена велика зѣло и затвориша в немъ мужа храбры, и сами отоити творяхуся ко отечеству своему. Коня же оставиша у пристанища и сами скрывшеся во острове.¹⁸³ Видѣвше же трояне пристанища пуста, коня же единого стояща, и недоумѣюще, дивляхуся. Исперва убо мняху все прелесть, коня же погубити мышляху, во огнь или въ море воврещи, но занеже прииде время, еже взату быти Трою, во град увѣщавше внести коня, яко образъ и корысть от сопротивных. И ови убо внесоша его, и питиемъ и играмъ себе вѣдавшие, и уснуша глубокимъ сномъ. Мужие же крыющиеся изшедше молкомъ и зажгоша храмы и пламень воздвигоша великъ.¹⁸⁴ И сие видѣвше еллини, въскоре пловуще, приидоша къ Трою, и вратомъ отверьстомъ бывшимъ от преже вшедших, яко вода влияшася множество войска греческаго. Твердонырному же сице приату *бывшую* Трою.

Инде же пишетъ,¹⁸⁵ стекломъ и мѣдью и воскомъ сотвориша фарижа сера, тѣмъ же образомъ, аки конь,¹⁸⁶ и в нем затвориша 300 витез, сирече боляръ вооруженных. И егда его ввезоша во град, врата разоривше, не прошедшу ему во врата, тогда воины разбивше *мечными*¹⁸⁷ главами стекло, изскочивше, многи изсѣкоша. Достиже же и все множество войска въ караблих и по суху, изсѣкоша тройскыя вельможа, а инѣх в море пометаша.

Изведоша же Александра и Елену царицю к Менелаю. И рече ему Елена: «О, господи царю! Ты бысть *вѣще*¹⁸⁸ кривъ, чему мя остави со Александромъ Фарижемъ, да мене прельститъ своимъ неверствомъ». И отвѣща ей царь: «О, госпоже Елено! Яко отселе азъ сотворю, да тебе инъ никтоже не прельститъ». И повелѣ ея и со Александромъ усѣкнути.¹⁸⁹ И с ними Поликсену, дщерь Приама царя, повелѣ усѣкнути на гробѣ Ахиллееве, яко ея ради погибе.¹⁹⁰ И Екаму царицю, мать ея, даша на подѣлъ, с нею же прочая госпожа и болярыни. Ведоми же плакаху зѣло, царица же Екама утѣшаше их: «Азъ имамъ ваша слезы утолити». И прочеа жены восхищаеми бяху от чертогъ *новонасаженных* и младенци ударяеми бываху о стѣну, и земля наводняема бѣше кровѣми падающих. И, – спроста рещи – плачь вся содержаше и все лютое и горкое содержаше град. И огневи предають и поपालяють от основания, еже во градѣхъ прекраснаго и преизряднаго Троя.

И увѣдѣвъ о сѣи царь Полинещерь и повелѣ заклати Полидвора царя, Приамова сына и воврещи его в море. И ту присташа корабли гречестии. И взявъ Екама царица ведро, еже почерести воду, и обрѣте сына своего мертва, и возопи гласомъ велиимъ, плачущися. Тогда слышавъ Полинещерь царь, изыде на утѣшение Екаме царици. И вѣсташа с нею тройскыя госпожа и збодоша царя Полинещера ножи. Сѣи увѣдѣвъше гражене, побиша их камениемъ.¹⁹¹

Возврати же сѣи Менелае царь со всѣми грекы с побѣдою и съ великою честью, стоя под Троемъ 10 лѣтъ и 7 мѣсяць. И тако скончася Тройское царство.

Написа же повесть о тройскомъ пленении творецъ Омиръ.¹⁹² Ахиллей же бѣ сынъ царя Каеты, а индѣ пишетъ Фирелеша.¹⁹³

Стефанит и Ихниллат

Подготовка текста, перевод и комментарии О. П. Лихачевой «Стефанит и Ихниллат» – греко-славянская версия всемирно известного памятника, возникшего в глубокой древности в Индии и получившего известность под названием «Панчатантра», потом он был переработан в персидско-арабский вариант под названием «Калила и Димна», с которого был сделан в XI в. греческий перевод (вернее, переработка) под названием «Стефанит и Ихниллат». Это цикл басен и поучительных повестей, построенный по форме бесед царя и философа: философ рассказывает царю занимательные истории, преимущественно о животных, вкладывая в них поучения. Занимательность сюжета и дидактичность обеспечили памятнику широчайшую популярность.

Славянский перевод был осуществлен, по-видимому, в XIII–XIV вв. в одном из славянских монастырей на Афоне. Существует три редакции славянского текста – сербская, болгарская и болгаро-русская. Редакции различаются по составу, все они в разной степени дефектны (т. е. в них есть утраты по сравнению с греческим оригиналом), но они восходят к одному протографу; общие для всех редакций ошибки перевода показывают, что перевод был один. Ряд языковых данных (мы стараемся в комментарии обращать внимание читателя на такие случаи) позволяет считать, что перевод был сделан на болгарский извод церковно-славянского языка, хотя в сохранившихся рукописях сербская редакция представлена значительно более полным текстом.

Текст, который был распространен в русских рукописях (одна из них издается в данном томе), относится к болгаро-русской редакции, отличающейся следующими особенностями: она состоит из семи глав и обрывается на полуслове в середине притчи «О семи снах индийского царя». Кроме того, в ней произошло слияние двух притч – «О пификах и о светляке» и «О лукавом и о препростом» – в одну притчу «О двух друзьях».

Рукописная традиция болгаро-русской версии богата и разнообразна. Рукописи представляют несколько вариантов текста, и различия этих вариантов формируются в двух планах: во-первых, текстовые разночтения, во-вторых, интерполяции (т. е. позднейшие вставки и изменения; см. ниже). Разночтения в рукописях очень важны – они дают нам возможность судить о том, как древнерусские книжники воспринимали этот чужеродный и иногда непонятный для них текст. На местах ошибок, возникающих при переводе с греческого, в рукописях возникали узлы разночтений – переписчики, чувствуя шероховатость в тексте, пытались исправлять текст по своему разумению (без сверки с греческим оригиналом), а иногда появлялись глоссы на полях, поясняющие текст. Поэтому, чтобы понять восприятие текста средневековым читателем, необходимо изучать его по совокупности рукописей.

Отличительной чертой болгаро-русской редакции является наличие в ней интерполяций – вставок нравоучительного характера. По составу этих вставок мы можем делить рукописи на группы и подгруппы; есть группы, в которых интерполяции вовсе отсутствуют. Интерполяции появились в рукописях болгаро-русской редакции, возможно, сразу же при составлении редакции – во всяком случае, самые ранние рукописи уже содержат интерполяции. Изъятие интерполяций из текста было результатом вторичного редактирования. В двух рукописях XV в. (Синодальной и Рогожской) интерполяции отмечены глоссами на полях «иногосущее», а в Синодальной рукописи они, кроме того, вычеркнуты. Есть еще рукопись XV в., – Троицкая, текст которой представляет особую редакцию: все интерполяции выброшены, текст сокращен, ему придан более «беллетристический» вид. В рукописях других групп тоже есть интерполяции – они иные, чем в Синодальной группе, и зачастую не воспринимаются как интерполяции, но характер их такой же. Во многих же рукописях XVII–XVIII вв. интерполяции изъяты совсем и памятнику возвращена его басенная сущность.

Наличие и отсутствие интерполяций связано с литературной средой и с литературной обстановкой, в которой существовал текст.

Получив в свои руки восточный басенный цикл, содержащий много афоризмов и нравоучительных сентенций, славянский переводчик – афонский монах – возможно, не придавал значения басенному («беллетристическому») характеру памятника, а воспринял только его нравоучительную афористичность. Он усилил дидактическую сторону памятника, добавив туда еще ряд цитат, выдержек из святоотеческих книг. В средневековой письменности имели большое распространение сборники афоризмов (такие как «Пчела») и особенно нравственно-учительные сочинения, такие как «Лествица» Иоанна Синаита или поучения аввы Дорофея. Эти памятники и были источником нового интерполирования. Получается, что для составителя болгаро-русской редакции «Стефанит и Ихниллат» был не столько книгой басен (басни как жанр были ему, видимо, чужды), сколько своего рода «Пчелой», сборником афоризмов, который, следуя традиции, можно дополнять новыми по своему выбору и вкусу. Этим, по-видимому, и объясняется то пренебрежение к сюжету, с которым интерполяции вносятся в текст, – они часто прерывают фразу посередине, иногда полностью не соответствуют по смыслу тому, о чем рассказывается в тексте, иногда просто выглядят странно в данном контексте. Для книжника XV в. литературные особенности «Стефанита и Ихниллата» были чужды – этот памятник обладает чертами литературы Нового времени (неоднозначность героев – злодей говорит умные и благочестивые вещи и подчас вызывает сочувствие; основные моральные установки недостаточно четко выражены, читателю приходится самому оценивать этическую сторону происходящего – в то время как в привычной для него средневековой литературе все было четко, положительный герой говорил и делал все прекрасно, отрицательный – был резко черным; автор же четко и однозначно выражал «мораль притчи»), в нем есть увлекательный сюжет, за которым нужно следить, и даже своеобразный юмор. Все это, по-видимому, было чуждо и книжнику, и читателю.

В XVII в. положение изменилось, возникала другая литературная ситуация, развились жанры демократических

повестей, были сделаны новые переводы («Басни Эзопа», «Зрелище жития человеческого» и др.), и «Стефанит и Ихниллат» попал на свое место, его повествовательная природа ярко проявилась и закрепилась в рукописной традиции. Памятник стал переписываться вместе с другими повествовательными произведениями; сам он тоже стал меняться за счет распространения бытовых подробностей, увеличения деталей сюжетного повествования, интерполяции стали исчезать, начали появляться новые притчи из других источников. При этом книжная лексика частично заменилась на более понятную и даже бытовую.

В настоящем издании мы представляем читателю основное ядро памятника по старейшей из сохранившихся рукописей болгаро-русской редакции (интерполяции опускаются). Читатель увидит образец одного из самых ранних беллетристических произведений славянской письменности (хотя и не воспринятого как таковое в XV в.), не забывая при этом, что это один из «бродячих сюжетов» – т. е. произведение, которое появилось у славян, обойдя до того полмира и принося с собой следы чужих культур и общечеловеческую мудрость.

Текст издается по рукописи XV в.: ГИМ, Синодальное собр., № 367, лл. 493–548. Необходимые исправления сделаны по рукописи XVII в.: РГБ, собр. Тихонравова, № 249 (Т), собр. Толстого: РНБ, Q.XV, 2 (Толст.) и по греческому тексту.

Интерполяции, содержащиеся в Синодальном списке по сравнению с греческим текстом, исключаются; места интерполяций отмечены

* * *

СОЧИНЕНИЕ СИФА АНТИОХА (ИНЬЕ ЖЕ ПОЛАГАЛИ, ЧТО ИОАННА ДАМАСКИНА, ВЕЛИКОГО ГИМНОСЛАГАТЕЛЯ), А ОНО О ЗВЕРЯХ, НАЗЫВАЕМЫХ СТЕФАНИТ, ИХНИЛАТ

Притча первая. Вопрос царя. Спрашивал царь индийский одного из своих философов, говоря: «Хочу я, чтобы ты показал мне в притче, как хитрый и коварный человек, став посредником, превращает во вражду любовь и дружбу, которые между кем-нибудь установились».

И вот что тот сказал в ответ:

Рассказывают, что был один весьма известный купец, который вел положенным образом добросовестную жизнь, но имел злоумных детей, которые по лени не хотели научиться никакому искусству ремесла. И отец обращался к ним с поучительными словами, говоря: «О дети! Когда в эту жизнь мы вступаем, то нуждаемся в трех вещах: достаточном состоянии, почете от людей и справедливом приобретении того, что благо. А эти три вещи никому не даются иначе, чем через четыре другие: чтобы богатство составлять путями справедливыми и благословенными, чтобы приобретенное правильно употреблять и сохранять, чтобы из приобретенного подавать нуждающимся, а это полезно для жизни будущей (...) и еще чтобы, насколько можно, избегать случающихся напастей. И если кто упустит что-нибудь из тех трех вещей, – никто не поможет. Ведь если он не приобретает богатство, то и сам в жизни не сможет развернуться, ни другого кого благодетельствовать. А если и богат станет, но неправильно жизнь свою устроит, то скоро окажется среди нищих; даже если и скромно питаться будет, а к богатству ничего не прибавит, истощится оно постепенно. (...) Если же и скопится состояние, но употреблено будет худо (не будут подавать от него, когда нужно), то справедливо счесть нищим того, кто богат таким образом, всякой гибели он сам причина. Так и трубы разрываются, когда вода в них прибывает, а пути для выхода не находит».

Услышали юноши это поучение и послушались отеческого наказа. И вот первый из них послан торговать, а с собой имел повозку, которую тянули два быка. По дороге же случилось одному быку увязнуть в болоте. Бросился к нему купец со своими людьми, вытащили его из грязи, да пришлось его оставить: ведь пока его тянули, он выбился из сил, так что и (...) передвигаться не мог. И вот, в полной растерянности, он тихо ходил тут и там, пока не набрел на влажное, богатое травой поле, где и остался, кормясь. Вскоре весьма растолстел и раздобрел Бык, начал рыть землю рогами и громко реветь (...).

А близко от этого места находился царь Лев. Были у него животные разного рода: и львы, и медведи, волки и лисы, и многие другие. Лев же был заносчив, горд, скудоумен. Услышал

он рев Быка и очень испугался; показать своим подданным страх он не хотел и потому неподвижно стоял на месте (...). Были там еще два зверя: один по имени Стефанит, а другой Ихниллат. Оба они различались складом ума, и Ихниллат был довольно лукав душою и хорошо знал, как достичь желаемого (...).

И сказал он Стефаниту: «Почему это мы видим, друг, что Лев неподвижен, словно застывший лед, не творя никому насилия, как это обычно бывает?» И сказал Стефанит: «Что тебе до таких неподобающих вопросов? Нет нам ни в чем скорби или тягости: недостойны мы о царях рассуждать или разбирать их, сидя у ворот нашего царя и принимая от него насущную пищу. Оставь это и знай, что со всяким (...) кто занят неподобающими словами и делами, будет то же, что с павианом.

Рассказывают, что один павиан, увидев, как дровосек расщепляет дерево двумя клиньями и что тот за каким-то делом отошел, уподобился дровосеку, уселся на дерево и взялся его расщеплять. Вот срамные части его попали в щель, а он по незнанию вытащил клин, дерево сжалось и защемило его. Павиан обезумел от боли, а когда пришел дровосек, еще и наказан был сильно». (...)

И сказал Ихниллат: «Понял я то, что ты изложил. Но знай, что всякий, приблизившийся к царю, приходит не за жизненным пропитанием, а хочет славы, чтобы друзей порадовать и врагов посрамить. Людям бедным и низким любезен достаток: что найдут, то им и ладно: так и собака – найдет кость и гложет ее (...). Но человек одухотворенный не мирится с низким и дурным, он ищет высшего и стремится к достойному. Вот так и лев – если держит зайца, но видит верблюда, оставит зайца, а преследует верблюда. Разве тебе не известно, что собака машет хвостом, прежде чем дадут ей есть (...) а великий слон отказывается и не берет пищи и ест лишь после уговоров? (...) Одухотворенный и щедрый муж хоть и не долго проживет, но к долгожителям причисляется, а тот, кто житейской суетою и убогостью существует, кто не способен ни себе, ни другим

пользы принести, тот кратковечен и несчастен будет, даже если и до глубокой доживет старости» (...).

Услышал это Стефанит и сказал: «Я понял, что ты имеешь в виду, но примечай, что у каждого свой предел. И если кто почтен от равных по чести, тот должен быть доволен своим положением. И поскольку мы таковы (...) то примем с любовью нашу меру».

И сказал Ихниллат: «Всякое жизненное назначение одинаково. Потому одухотворенный муж назначен к тому, чтобы восходить, а ничтожный – всегда опускаться. Ведь очень трудно снизу забраться наверх, но сверху спускаться легко, не то что восходить. (...) Вот и нам подобает искать, сколько возможно, высшего, не только оставаться в теперешнем состоянии, но и переходить в другие. Поэтому я и хочу через беседу со Львом сделать себе приобретение из его затруднений. Я вижу, что он в страхе и растерянности вместе со своими воинами, и надеюсь, что сделаю себе из этого какое-нибудь приобретение».

И сказал Стефанит: «Как ты догадался, что Лев растерян?» И сказал Ихниллат: «Это я понял путем размышления. (...) Ведь умный способен понимать даже мысли ближнего, наблюдая за его поведением и обликом». И сказал Стефанит: «А как же ты получишь от Льва вознаграждение, никогда не служив царям, не обладая искусством беседовать с ними и поучать их?» И тот сказал в ответ: «Мудрый знает, как поступать и там, где не имеет опыта (...) глупый ошибается и в том, чему учился». И сказал Стефанит: «Царь принимает что-нибудь не от того, кто его больше, но от того, кто к нему ближе. Этим он похож на виноград, который оплетает не самые большие, а самые ближние деревья. Не находясь при царе, как сможешь ты приблизиться к нему?» (...)

И сказал Ихниллат: «Я понял, это справедливо, что ты говоришь. Но вспомни некоторых из нашего круга, которые не были такими раньше, а поднялись снизу. Вот и я начну, как они. (...)

Ведь рассказывают, что один юноша сидел у царских ворот, отбросив гордость, сдерживая гнев, терпя неудобства, всякому повинуюсь, только чтобы поскорее приблизиться к царю. Так и я

– когда приближусь к царю, узнаю его привычки и нрав, искусно угождая ему во всем, то надеюсь, что полюбит меня вследствие этого Лев и возвысит над другими. Умный и мудрый муж может исказить правду и сочинить неправду, как искусный писатель перетолковывает правду и составляет рассуждения, подходящие ко времени». И сказал Стефанит: «Если ты так думаешь, не подобает тебе приближаться к царю. (...) Ведь написано, что из мудрых никто не осмелится на следующие три вещи, но если осмелится, то едва ли спасется, а именно: к царям приближаться, пить яд для пробы, вверять тайну женщине. Царь подобен крутой горе, труднодоступной, плодами и источниками покрытой; восходить на нее легко, но пребывать на ней бедственно».

И сказал Ихниллат: «Верно сказал. Но кто не осмелится на опасное, не получит желаемого, подобно же и тот, кто всего боится, никем не уважаем. (...) Ведь сказано (...) что из трусливых ни один не любит трех вещей, а именно: царскую службу, мореплавание и быстрый отпор врагу. Но два места предназначены великому мужу: царский двор и пребывание в пустыне с пустынниками, точно так и для слона – пустыня и царский двор». (...) И сказал Стефанит: «Об этом не кончить разговор. Иди и делай, что хочешь».

Пошел Ихниллат ко Льву и поклонился ему. А тот спросил его: «Где ты был так долго?» И сказал Ихниллат: «Сидел я неотступно у царских ворот, надеясь пригодиться твоему царству в каком-нибудь деле. Я ведь знаю, что порою и ничтожные для чего-нибудь бывают пригодны, а часто они полезны и в важных делах. Так вот и дерево, сваленное на землю, вдруг пригодится, чтобы почесать ухо». Услышал эти слова Лев, (...) и сказал своим: «Вот благоразумного и красноречивого мужа до беседы с ним не всегда и заметишь; как и огонь, скрытый в терне, лишь когда выйдет наружу, производит на воздухе пламя».

Как только понял Ихниллат, что угодил Льву, так сказал: «О царь, подобает, чтобы царские рабы говорили царю только подходящие и полезные вещи, а потом принимали от него только достойные вознаграждения. Ведь вот как разные

лежащие в земле семена не узнать, какие они, пока не взойдут от земли (...) так и каждого человека можно узнать лишь по его словам. Царю не подобает головные украшения привешивать к ногам или ножные украшения к голове. Тот, кто смешивает драгоценные камни и жемчуг с оловом, больше бесчестит себя, чем жемчуг. Князю подобает рассматривать тех, кто ниже его: военачальнику – воинов, царю – красноречивых и мудрых людей. Не количеством, а добротным замыслом воплощает владыка свои предприятия. (...) Нужно, чтобы владыки не презирали малых, которые под ними: ведь малые уже и не малые, когда полезны великим. Почитать подобает властителю не только благородных и славных, но достойных и красноречивых, довольствоваться не только своими людьми, но приглашать издалека. Ничего нет нам ближе собственного тела (...) и заботы о нем, когда приходит пора, но если случается с ним болезнь, далеко за лечением ходим. (...) Хоть и много в царском доме мышей, но нет в них нужды, пусть и близко они; птица же по имени сокол хоть и дика, но за свойства свои призывается, принимается и на царской руке сидит».

Услышал эти слова Лев, изумился и сказал своим приближенным: «Не подобает властелину презирать разумного мужа, если даже он из низов, но каждого награждать по достоинству, пусть и недовольны этим иные». (...)

Увидел Ихниллат, что Лев к нему сердечно расположен, и сказал ему наедине, говоря так: (...) «Отчего это, о царь, так долго ты недвижим, не пойдешь на другое какое место?» Лев же хотел скрыть свою растерянность, но пока они разговаривали, снова услышал он Быка и, сильно испугавшись, сказал: «Боюсь я этого зверя: что, как по голосу и тело у него, а по телу и сила, а по силе и мудрость? Потому, если он таков, уйдем отсюда». Услышал Ихниллат и сказал: «Не бойся, царь: пусты могучие голоса, хоть и громко слышатся.

Рассказывают, что голодной лисице в поисках пищи случилось найти одну вещь – тимпан, называемый бубен; висит он на дереве, качает его ветром, издает он звуки. Видев такое, лисица боялась подойти, удивляясь и виду тимпана, да и громкого звука боясь (...) однако голоду и алчности поддавшись

и с силою собравшись, растерзала тимпан, а увидев пустоту, сказала: “Увы! Так самое худое тело выглядит самым большим и звучным!” (...) Теперь это случилось и с нами, царь, что нас обманывает голос такого зверя. Хочешь ли, я подойду к нему и посмотрю, каков он, и быстро вернусь к тебе?» (...) Льву понравилось предложение, и он послал его. Лишь тот отправился, а Лев уже сильно раскаивался, что послал его, и размышлял с собой, так говоря: «Что я наделал! Зачем доверил свои слова Ихнилату! (...) Не подобает, чтобы властелин доверял слова свои и тайны тому, кого когда-нибудь подверг презрению или же у кого отнял имущество и честь, или же жадному и лукавому и подобным таким. Ведь Ихнилат, являясь самым мудрым изначально, был повержен у моих ворот, и потому служит мне неверно. А то еще найдет он, что этот мощноголосый зверь больше и силою, сблизится с ним и сообщит о моем бессилии». Пока так и подобно размышлял Лев, появился Ихнилат, возвращаясь один. Как увидел его Лев, обрадовался, говорит ему: «Что ты делал?» (...) И тот сказал: «Видел я мощноголосого этого зверя, Бык это. Я подходил к нему и разговаривал, и никакого вреда не было мне от него». И Лев сказал: «Не думай, что Бык бессилен, раз ничем не повредил тебе. Ведь большой ветер и буря не повреждают маленькие деревья, а высокие, сломав, вырывают с корнем». (...)

И сказал Ихнилат: «Пусть тебе не кажется, о царь, что это самое сильное животное. Если хочешь, я приведу его к тебе, и будет оно тебе послушно и в твоей власти». Лев обрадовался и велел исполнить это предложение. (...)

Тот пошел к Быку и дерзко сказал ему: «Послал меня к тебе Лев, чтобы отвести тебя к нему. Если послушаешься и пойдешь к нему, получишь прощение за то, что до сих пор уклонялся и не встречал его, как все. Но если не поспешишь, я все расскажу ему о тебе». И сказал Бык: «А кто этот Лев, приславший тебя ко мне, и где он находится?» И сказал Ихнилат: «Он царь зверей и находится на этом месте со своим войском, – там, где я тебе покажу. Так что следуй за мною». Бык испугался и последовал за ним ко Льву. И вот увидел его Лев, что тело у него по голосу,

как он и слышал, сердечно принял его, расспрашивая обо всем. А тот сообщил ему все о себе. Обещал ему Лев всякие и всяческие блага, возложил на него великую власть и вознес его выше всех. (...)

Увидев это, Ихниллат позавидовал ему. Не в силах побороть зависть, он открылся другу своему Стефаниту и сказал: «Не удивлен ли ты, что я себе устроил – Льву принес добро, а себе лихо? Я привел к нему Быка, а тот превзошел меня по чести». И сказал Стефанит: «Что же ты хочешь сделать?» (...) И сказал тот: «Хочу в прежнее достоинство взойти и остаться в нем. Мудрому подобает держаться таких трех вещей: прежде всего, когда претерпел зло и добро, рассмотреть, что было причиной, чтобы к добру стремиться, от зла же убегать, а потому рассматривать наличное добро и зло, и будущее. Вот я и решил в прежнее свое достоинство взойти и остаться в нем. Но не нашел я другого подходящего пути, как только Быка убить: это и мне полезно, да и Льву тоже». (...)

И сказал Стефанит: «Не вижу я, чтобы какой вред происходил от присутствия Быка». И сказал тот: «Лев весь принадлежит ему и пренебрегает остальными. Из-за шести вещей царь оказывается в опасности и низлагается: когда он не ищет подходящего случая, но действует грозою; когда подобает быть кротким, а он свиреп; когда не имеет разумных и верных себе советников; когда наводит страх и преследует своих людей; когда побежден бывает безрассудными желаниями; когда побежден бывает яростью, – этими обстоятельствами нужно пользоваться применительно ко времени».

И сказал Стефанит: «Но как ты сможешь повредить Льву, который гораздо сильнее тебя, имеет много друзей и приспешников?»

И сказал Ихниллат: «Не гляди, что я немощен и мал: (...) многие сильные побеждены бывают немощными. (...)

Рассказывают, что на дереве в горах ворон устроил гнездо, но здесь он постоянно терпел обиды от змеи, она съедала его птенцов. И много раз делала это змея. Тогда отправился ворон к одному зверю, своему другу, и сказал: «Будь моим советчиком: ведь знаешь ты, как я страдаю от змеи. Я думаю, что лучше

всего мне будет подобраться к ней, когда она спит, и выклевать ей глаза”. И ответил зверь: “Неладно ты задумал. Изобрети другую хитрость, чтобы ее погубить, а самому невредимым остаться. Не то будет с тобою то же, что с журавлем”.

Рассказывают, что один журавль, живя при озере, богатом рыбой, ею питался, но состарился и не мог выходить на ловлю. (...) Страдал он, охваченный голодом. В скорби своей пошел он на гору, а восходя, набрел на ежа. И сказал тут еж: “Почему ты в печали и скорби?” Услышал тот и сказал: “И как не быть мне скорбну? Раньше жил я у озера и кормился рыбой из него, многой и обильной. А нынче я увидел, как пришли на это место два рыбака (...) и говорили друг другу, что выловят всю здешнюю рыбу”. И вот еж, услышав это от журавля, пришел к рыбакам и рассказал им, что слышал. А те, явившись к журавлю, сказали: “Будь теперь нам советчик. Слышали мы, что какие-то рыбаки хотят нас выловить”. И сказал журавль: “Иного не имеется способа, только чтобы перебраться с этого места на другое, водное и пресное”. И сказали рыбы: “Так перенеси нас на такое место, где найдем мы достаточную пищу и избавимся от надвигающейся беды”. (...) И тот сказал: “Боюсь, что еще до вашего переселения придут рыбаки. Но что смогу, то сделаю”. И с этими словами начал понемногу переносить рыб на крутой берег и там их съедал, а другие рыбы думали, что он их переносит в назначенное место. Однажды и еж упросил журавля перенести его, как и рыб. Взял его журавль, отнес на кручу, где съедал рыб, и вознамерился и того съесть. (...) Увидев, что лежат там рыбы кости, понял еж хитрость и подумал про себя: “Хоть противясь журавлю, хоть покорясь, все насильственной смертью умру. Решил я теперь, что бесчестную смерть не приму: или достойно жить, или достойно умереть, как добродетельному подобает”. Схватил он внезапно челюстями шею журавля и насильственно удавил его.

Я сказал для того тебе это, ворон, чтобы ты знал, что затевающие войну сами попадают в свои сети. А нужно тебе так подстроить гибель змее, чтобы ее погубить, а самому невредимым остаться: поищи внизу драгоценное женское украшение, укради его и, отнеся в змеиное гнездо, положи его

там. Тогда пойдут по следу украшения, а найдя змею, убьют ее. Так и стало. Сделал это ворон и избавился от змеи».

И сказал Ихнилат Стефаниту: «Я рассказал тебе это, чтобы ты понял, что мудрость больше, чем сила». (...)

И сказал Стефанит: «Если бы не был Бык мудр соответственно мужеству, я бы согласился с твоими словами, но вместе с храбростью он и умен». И сказал Ихнилат: «Верно говоришь, он точно таков. Но я низвергну его хитростью. Я осмеливаюсь на это и полагаюсь на многие случаи, которые часто бывали. Ведь и заяц льва низвергнул.

Рассказывают, что один лев жил на поле, богатом водой и травой, где обитали различные роды зверей, и это поле щедро их насыщало и радовало. Они, однако, в страхе трепетали льва и, собрав совет, пришли ко льву, говоря ему: «Мы совещались все вместе, о царь, как бы избавить тебя от усилий и забот, а себе обеспечить безбедную жизнь. Ты ведь каждодневно тратишь много трудов и пота, когда охотишься на одного из нас, а мы, опять же, трепещем, боясь твоей охоты. Нужно, чтобы без затраты трудов мы ежедневно украшали твой стол». Это понравилось льву. Долго жили так звери и метали жребий друг о друге: на кого выпадал жребий, того посылали ко льву. А когда выпал жребий на зайца, он сказал зверям: «Если послушаете меня, звери, я избавлю вас от этой повинности, которую мы терпим». И сказали они: «Сделаем что хочешь». – «Скажите тому, кто поведет меня, чтоб не быстро вел меня к нему. А когда близко к нему будем, пусть все скроются, а я отвечу». Так и сделали. И заяц шел тихим ходом, а когда уже лев разъярился от голода, заяц один появился перед ним, и тот проговорил: «Почему ты тянул до сих пор, а не пришел, как другие, быстро?» И этот сказал: «Вел я к тебе зайца, друга своего, а какой-то лев встретил меня и схватил его. Сколько ни призывал я его и ни клялся, что этот заяц уже принадлежит льву, он не послушал меня. (...) Если хочешь, я отведу тебя к нему». Разъярившись, лев сказал зайцу: «Иду за тобой туда, где он». И заяц повел его к одному глубокому колодцу и велел ему склониться над ним, чтобы увидеть того льва. Заяц тоже склонился с ним и сказал: «Видишь льва, который похитил твоего зайца? И заяц этот у

него". И показал ему в воде отражение льва и свое. Увидев это и решив, что так оно и есть, лев бросился в колодец и захлебнулся».

И сказал Стефанит: «Если ты думаешь, что Бык враг Льву и что ты можешь его погубить, начинай дело». И сказал тот: «Ведь ты и я, и многие другие из нас оказались в презрении из-за возвышения Быка. Если же ты не можешь этого сделать, отступи от такой затеи, ибо она позор и преступление». -

В один из дней после того пришел ко Льву Ихнилат, исполненный скорби. Спросил его Лев о скорби и сказал: «Разве что случилось?» (...)

«Случилось кое-что вредное и тебе, и мне. Впрочем, когда высказывается кто и понимает, что высказывания его неприятны слушателю, больше уже говорить не решится, хотя бы было это на пользу слушателю, но когда он видит, что воспринимают его слова, тогда высказывается с усердием и рассудительностью. О царь, когда я увидел тебя, украшенного разумом и мудростью, то осмелился высказаться твоему царскому величеству о том, о чем ты слышать не хочешь. Ты хорошо знаешь, что служба моя известна и праведна, и я надеюсь, что правда откроется тебе в моих словах. А души наши до смерти принадлежат тебе, так что должно, чтобы полезное и нужное я не скрывал от тебя. Ведь не подобает рабу скрывать от своего господина, как и больному не следует скрывать свою болезнь от врача, а бедняку прикрывать нищету свою перед друзьями. А я узнал от достоверного лица, что Бык обращался к вельможам твоим и сказал им: "Испытал я Льва, и тщательно рассмотрел его мужество и ум, и обнаружил, что в этих вещах он ни на что не годен". По этим словам, о царь, я понял его бесстыдство и коварство: ты так вознес его надо всеми, сравнивал его по чести с самим собой, но мало ему этого, он и убить тебя готов, к чему непрерывно себя побуждает, захватить замыслил твою власть. Когда такого разоблачают, нужно, чтобы царь предал его смерти раньше, чем тот исполнит свое намерение. Если так произойдет, мы все пребудем в мире. Ведь люди, достаточно мудрые, всячески стараются избегать несчастных случаев, менее умные и робкие, если оступаются, то изыскивают себе спасение, но совершенно бестолковые,

если оступятся, спасения уже никогда не находят. И это похоже на то, что было с тремя рыбами.

Рассказывают, что в одном озере у реки жили три рыбы. Одна из них была мудра, другая – лишь отчасти, третья – ничуть. (...) И случилось однажды такое дело, что шли мимо озера два рыбака и говорили они друг другу, что, когда вернутся, выловят этих рыб. И когда мудрая рыба услышала эти слова, покинула озеро и вошла в реку, две другие рыбы, не заботясь о своем спасении, остались в озере. И вот рыбаки пришли и накрепко отгородили озеро от реки. Увидев это, средняя по уму рыба пожалела, что не выплыла раньше, и сказала себе: «Таков конец нерадивых! Какой теперь хитростью спасусь? Пусть окажется тщетным старание, все же измыслю я, сколько могу, полезное что-нибудь на свое спасение». Тут она притворилась мертвой, и, словно мертвую, ее носило по воде. Поверив этому, рыбаки своими руками взяли ее и положили между рекой и озером. Тотчас же прыгнула рыба в реку и спаслась. А глупая рыба, хоть и много плавала туда и сюда, все же была выловлена». (...)

И сказал Лев: «Я понял притчу, но мне не кажется, что Бык коварен, он ведь не видел ничего дурного от меня». И сказал Ихнилат: «Потому-то он и строит козни против тебя, что не видел от тебя ничего дурного. Ты так вознес его, что ему и завидовать нечему, как только твоему положению. Такого рода особа держится смирно, пока не достигнет такой ступени, какой недостойна, а когда достигнет, с коварством замышляет перейти на другую ступень. Он служит царю не за что другое, как только чтобы заполучить то, что в действительности хочет. Он притворяется кротким, пока не достигнет желаемого, а когда заполучит это, снова обращается к своим скверным привычкам. Так и собачий хвост, кривой от природы и невыпрямленный, тогда прям, когда привяжешь к нему веревку и натянешь, а когда веревка отвязана, он тут же будет крив и изогнут, как обычно. Пойми, о царь, что тот, кто не принимает дружеские слова своих друзей, похож на больного, который отворачивается от полезных лекарств из-за их горечи, пить их

не хочет, не слушает врача. Говорят ведь, что лучше по огню и по змеям ходить, чем жить со злыми советчиками».

И сказал Лев: «Разумно ты говоришь, хотя и жестоко. Но хоть и признаем, что Бык мне враг, повредить он мне не сможет: он ест траву, а не мясо. Скорее уж я, будучи хищником, съел бы его».

И сказал Ихниллат: «Не прельщайся такими мыслями. Ведь говорят: не вверяй свои тайны тому, кто угощает тебя, прежде чем не узнаешь его верность и дружбу, чтобы не было с тобою того, что было с вошкой».

На теле у одного вельможи пряталась некоторое время вошка и оставалась незаметна, тихо ползая и питаясь его кровью. Но однажды ночью пришла к ней в гости блоха, внезапно и бессмысленно она укусила спящего и разбудила его. Тотчас встав с постели, он начал поиски, нашел вошку и убил ее, а блоха прыгнула и спаслась. Пусть ты не боишься Быка, но, когда поднимутся против тебя те, кто под тобой, тогда забоишься».

Поверил Лев этим словам и сказал: «Что же теперь делать?» И сказал Ихниллат в ответ: «Гнилой зуб иначе не вылечить, только что вырвать, а яд от дурной еды извергают рвотой». И сказал Лев: «Пожалуй, я скажу ему теперь, пусть идет куда хочет. Этим я избавлюсь от позора и горя и не заплачу ему злом за его службу и любовь, как он их проявил». И сказал Ихниллат – ведь он хорошо знал, что если поговорит Лев с Быком, то поймет его коварство, – и потому сказал он Льву: «Кажется мне, что так будет нехорошо. Ведь когда Бык увидит, что ты его не любишь, приготовится он к сопротивлению и борьбе. Мудрый царь открыто казнит открытого преступителя, тайно казнит преступителя тайного». И сказал Лев: «Если по наговору предаст царь кого казни, а не по правде и суду, то более себя обесчестит, из-за этого будет ему великий стыд перед людьми». И сказал Ихниллат: «Когда придет к тебе Бык, будь наготове и смотри: воочию сразу увидишь, что он злоумыслитель. Заметишь ты, что лик его изменился и члены его дрожат, раскачивается он вправо и влево и рогами сильно

бодать намерен». (...) И сказал Лев: «Если увижу такие признаки, поверю твоим словам».

Задумал Ихниллат тайно пойти к Быку и поднять его против Льва. Он сообразил, однако, что если вступит в разговоры с Быком без повеления, то Лев разгадает его ложь, и сказал тогда: «Если велишь, царь, я пойду к Быку, чтобы увидеть его расположение, и в беседе с ним не укроется его замысел». И велел ему Лев пойти. Пошел Ихниллат к Быку и вошел к нему, мрачен, полон скорби. А Бык с радостью встретил его, спрашивая об отсутствии, говоря: «Какая же причина, что не ходишь ты к нам?» И сказал Ихниллат: «А что хорошего в том, чтоб не распоряжаться собою, но быть под господином несправедливым и ненадежным!» И спросил Бык: «Разве что случилось?» И сказал Ихниллат: «А кто убежит от судьбы? Кто останется невредим, служа царям и приближаясь к ним? Властители похожи на скверную блудницу, которая сходится со многими мужчинами. Или как вот дети, когда учатся грамоте, и приходят, и уходят, вечно опережая друг друга. Разве не известны тебе наша любовь и дружба, которые между нами? И все же я в долгу перед тобой, поскольку я привел тебя ко Льву, потому и хочу с благими намерениями обратиться к тебе. Один из честных и верных мне сообщил сейчас, что Лев так говорил своим: “Хочу я съесть Быка, он раздобрел и растолстел”. Услышав это, я пришел тебе сказать, чтобы ты заботился о себе».

Как услышал Бык такие слова, долго думал в удивлении и сказал: «Какое зло причинил я Льву или его вельможам, что такое задумали против меня? Позавидовали мне те, кто близок к нему, и что-нибудь лживое на меня наговорили. Коварные и завистливые никогда не скажут хорошего о хороших». (...)

И сказал Ихниллат в ответ: «Ни в ком другом причина, как во Льве: нет у него любви, всегда он ненадежен и неразумен: сперва сладок, а после горек». И сказал Бык: «Ты верно сказал. Отведал вначале я сладости его, а теперь вот добрался до горького яда. Ведь не подобало мне быть вместе со Львом, этим хищником, когда я травоядный. Жадность моя впутала меня в это несчастье. И страдаю я, как глупая пчела: хорошо ей

кажется сидеть на цветке нимфее, она и не покидает его, пока лепестки не соберутся и ее не удавят. Кто не довольствуется малым, а устремляет свои взоры на многое и дальнее, не задумываясь о причинах и следствиях, добьется того же, что мухи: им ведь недостаточно, чтобы летать на цветы и деревья, вот и оказываются они задавлены, влетев порою в слоновьи уши». И сказал Ихнилат: «Оставь постороннее и рассмотрим предстоящее. Поищи способ, чтобы спастись от смерти».

И сказал Бык: «Я знаю, что мысли Льва праведны, но ближние его, будучи коварны, делают его подозрительным. Хотя они и бессильны, но, соединяясь в такие союзы, приведут к гибели и невинного, как это сделали со львом волк, лиса и ворон.

Рассказывают, что в одном месте, поблизости от дороги, обитал лев. И были там трое животных, друживших друг с другом: волк, лиса и ворон. И какие-то купцы, двигаясь по этой дороге, оставили на ней верблюда и ушли. А верблюд, придя ко льву, рассказал ему о себе. И сказал ему лев: «Если хочешь быть со мной, позволяю тебе, и заживешь ты у меня в веселии, довольстве и покое до конца дней твоих». И верблюд провел там немало времени. Но однажды пошел лев на охоту и встретился со слоном. Они вступили в бой, и лев был побежден, так что, раненный, едва вернулся в язвах и крови. И лег он, отягощенный болезнью, не в силах охотиться и даже пойти на охоту. Иссякла пища, и у ближних его не было чем питаться. Подумал про это лев и так сказал им: «Кажется мне, что убежите вы от меня». «Мы в состоянии позаботиться о себе и быть сытыми, мы о тебе скорбим. Если бы мы могли принести тебе какую пользу, мы бы охотно все сделали». И сказал он: «Ваша заботливость не укрылась от меня. Разойдитесь по сторонам, чтобы найти пропитание себе да и мне». И они отошли недалеко и рассуждали друг с другом, говоря: «Что у нас общего с этим верблюдом, травоядным инородцем? И если получится, устроим так, чтобы лев его съел». И сказала лиса: «Мы не можем открыто предложить это льву, поскольку лев связан с ним дружеским обетом». И сказал ворон: «Оставайтесь на этом месте и дайте мне одному пойти ко льву». И с этим он

пошел. Как увидел его лев, сказал ему: “Зачем ты пришел? Или что-нибудь случилось?” И сказал тот: “Разве будет нам что-нибудь хорошее с чужеродным этим верблюдом? Ты послушай нас, если хочешь”. Разгневался лев и сказал: “Увы, какая дерзость и свирепость! Известно ли тебе, что я положил с ним дружеский договор и обет? Не пристало тебе говорить мне такие слова, не пристало мне такое делать”. (...) И сказал ворон: “Правильно судишь, царь. Но одна душа отдается за весь дом, а дом за город, а город за страну, а вся страна за царя. А мы теперь страдаем за тебя и скорбим об отсутствии пищи, но не находим ничего пригодного, чтобы избавиться тебе от беды”. Сказав это, он возвратился к своим друзьям и рассказал им все, что услышал от льва и что сказал ему. И они придумали так, чтобы всем вместе прийти ко льву и каждый предложил бы себя льву на съедение. И когда один скажет на себя, то другой кто-нибудь ответит: “Ты не подходишь”, – пока не дойдет черед верблюда. Придумали они это и пришли ко льву, взяв с собой и верблюда. Вот вначале сказал ворон: “Вижу царь, что ты очень отягощен болезнью и опозорен голодом. Много было мне от тебя благодеяний, но кроме самого себя нет у меня ничего, чтобы принести тебе. Теперь же без колебаний съешь меня”. И сказали другие: “Перестань пустословить, ведь мал ты и худ телом”. И сказала лиса: “Так уж я, о царь, буду тебе сегодня достойной пищей”. И сказал волк: “Перестань и ты, ведь зловонно тело твоё и в еду не годится. Лучше я с готовностью и усердием послужу едой”. Но ворон с лисой вместе отвечали: “Кто не едал твоего собачьего мяса и съест, тот обязательно заболит животом”. Тут верблюд решил, что и его отвергнут, и сказал: “Раз уж все негодны, так вот я много мяса имею и вкусен в пищу”. А они все вместе вскричали: “Правду говоришь верблюд!” И, набросившись на него, немедленно его растерзали.

Вот и я боюсь, что также пострадаю от Львовых слуг. Если даже Лев моей гибели не желает, то его ближние наущают его на такое дело. Ведь и капля, часто капая, источит камень. Поэтому я изготавлюсь к борьбе с ним. Нет такой пользы и похвалы ни

постнику, ни милосердному, ни молящемуся, как тому, кто спасет себя от смерти, хотя бы на одно мгновение». (...)

Сказал Ихниллат: «Каждому нужно заботиться о своем спасении, но сперва хитрость, а уж потом готовиться к войне. Мудрый человек не покорится, пока не свергнет их. Вот послушай меня, я скажу полезное тебе. А тот, кто не принимает дружеских слов своего друга, страдает, как черепаха.

Рассказывают, что в одном водоеме жили два нырка и черепаха, и жили они в дружбе. И вот по прошествии времени иссякла в водоеме вода. Загрустили нырки и захотели покинуть это место. А черепаха сказала им: «Нет вам горя, что иссякла вода. Уж я знаю, что, летая на крыльях своих, вы обязательно найдете воду. (...) Но горе мне, несчастной! Куда мне пристроиться, где? Умоляю вас, возьмите и меня с собой и перенесите куда хотите». И сказали нырки: «Ты не отправишься с нами, если прежде не пообещаешь, что не произнесешь ничего, пока мы не перенесем тебя». И она клятвенно обещала им не говорить в пути. Взяли нырки прямое деревце и велели ей закусить деревце посередине. А когда черепаха закусила деревце, нырки взяли за концы его и подняли с собой на воздух черепаху. Случилось, что проходили какие-то люди (...) взглянули вверх, увидели, что черепаха висит между нырками, и удивились они, говоря: «Глядите на чудо и знаменье: ведь черепаха между двумя нырками по воздуху летит». Услышала это черепаха, открыла рот, чтобы ответить на их слова, и так вот – открыв рот, чтобы ответить – упала на землю и разбилась. Так будет с тем, кто не исполняет обещание».

И сказал Бык: «Так бесстыдно я не возьмусь за погубление Льва». И сказал Ихниллат: «Верь слову моему: если увидишь у Льва такие признаки, а именно: взор странный и кровавый, неудержимая страсть и частое биение хвоста, – тогда знай, что на тебя напасть он готовится».

Когда вошел Бык ко Льву и увидел, что тот изменился и проявляет все признаки, о которых говорил Ихниллат, наполнился он ярости и сказал: «Лучше находиться в змеином гнезде, чем у царя». Сказал так и приготовился к битве со Львом. А Лев увидел это и вступил с ним в бой.

Там был и Стефанит; призвал он своего друга Ихнилата и сказал: «Гляди на козни, которые ты устроил, и рассмотри конец. Льва ты опозорил, а Быка погубил. Разве ты не знаешь, что, даже когда враг бессилен, мудрый царский первосоветник не позволяет царю идти на бой, если можно миром уладить? Мудрость и многомошных побеждает. Теперь увидел я твою гордость и алчность и понял, что не можешь ты творить добро. Ничто другое не губит властителя, как принимать советы от таких, каков ты. (...) Слова украшены разумом, а разум – правдою, подаяние – кротостью, привлекательность внешности – душевной красотой, богатство же – милостыней нуждающимся, а жизнь – здоровьем и радостью. Пойми и то, что мудрый от разума бодр, а безумный от неумия пьян. Так же страдают глаза летучих мышей: пустые, они не видят, потому мыши ночью и летают. Всякий царь, у которого такие слуги, похож на чистый прекрасный водоем, полный в глубине ядовитых животных, так что не решишься подойти к воде, даже если тебя сжигает жажда. Ты вот не захотел, чтобы кто-нибудь приблизился ко Льву ближе, чем ты. Но царство состоит из множества людей, как море из волн, поэтому-то оно и кажется страшным тем, кто плышет. Безрассудно, любя кого-нибудь, радоваться гибели ближнего, а себе искать пользы. Нет ничего сильнее хорошего совета и ничего вреднее скверного дела. Впрочем, знаю, что я в тягость тебе, говоря тебе это и поучая тебя. Сказал ведь один мудрец: не обличай безумного, чтобы не возненавидел он тебя.

Рассказывают, что в студеную зимнюю пору оказались на одной горе две обезьяны и нашли там золотой клад и, спустившись оттуда, зарыли его в земле, и думали думу: «Возьмем золота, сколько нужно, а остальное в земле спрячем. И когда потребуется нам, будем брать понемногу, пока все не израсходуем». И таким вот образом их дружба продолжалась много времени, ведь простак верил тому лукавцу. И зарыли они золото под деревом, большим дубом, а спрятав, вернулись восвояси. А лукавец через несколько дней отправился тайно и выкрал все золото. Через какое-то время простак сказал лукавцу: «Пойдем, если хочешь, и возьмем немного из золота,

которое у нас в земле”. Пошли, раскопали землю и ничего не нашли. Стал тут лукавец рвать на себе волосы, бить себя в грудь и кричать на простака, что сокровище, дескать, он украл. С тысячами клятв утверждал простака, что не сделал, дескать, ничего такого, но тот в конце концов привел его к судье. И сказал судья: “Раз ты возводишь на простака обвинение, приведи улики”. И сказал тот: “Сам дуб засвидетельствует истину, хотя и безгласен”. Отправился лукавец к своему отцу, рассказал ему все и упросил его влезть в дуб – а дуб был с дуплом – и проговорить из дуба, что простака взял сокровище. И сказал его отец так: “Я-то сделаю это, но смотри не попадись в свои сети”. Пошел отец и влез в дуб. (...) И когда пришел судья и обратился к дубу с вопросом, то из дуба раздался голос, что простака взял сокровище. (...) Услышал это судья и разгадал коварство, и велел он зажечь дуб огнем. Как разгорелся огонь и подступил дым к укрывшемуся там, сразу же тот завопил, и был вытащен оттуда. Раскрыл он обман и был жестоко наказан вместе со своим сыном. А золото отняли у них, как велел сделать судья, и все вернули простаку. Таков конец коварного и хитрого человека. Я же всегда боялся твоего языка, как змеиных зубов. Верно сказал сказавший: “Удаляйтесь от коварного человека, даже если вы в родстве или близки с ним”. Ты сделал похожее на то, что было с купцом.

Рассказывают, что один купец, отправляясь на торг, за сто серебряников положил железо в заклад одному человеку. А когда вернулся с торга, пришел к тому, у кого был заклад, и сказал ему: “Дай-ка мне железо, которое я у тебя положил”. И сказал тот: “Зарыл я твое железо дома в одном углу, и изъели его мыши. Да ты не жалей об этом, ведь ты возвратился в здоровье. Приходи же к нам сегодня, мы отобедаем и порадуемся твоей прибыли и доходу”. Послушался он и отобедал у того. Вышел он после обеда, чтобы идти к себе домой, и встретил сына того человека, которому заложил железо. Взял он его, отвел к себе домой и спрятал в сенях. Возвратившись, он увидел, что тот человек спрашивает всех о своем сыне, и сказал ему: “Если ищешь сына своего, видел я, как нес его орел по воздуху”. А тот вскричал и говорит: “Видано

ли, чтобы орел поднимал людей на воздух?” И сказал купец: “Конечно! где мыши едят железо, там и орлы уносят людей вверх”. И тот сообразил, что произошло, возвратил все железо, сколько принял, а сына своего забрал.

Так и ты, Ихниллат, опозоришься тем, что сплетаешь лживые слова. Ничего не приобретает дурной, только что назовут его дурным. Хоть сколько мажь медом горький плод, не переменит он своей горечи в сладость. Похвально дружить и общаться с мудрыми людьми, а от коварных и дурных удаляться. Вот как ветер подхватит зловоние, носит его повсюду и заражает зловонием все, так и с коварными людьми водиться, – заразишься зловонием от них. И снова мне кажется, что в тягость я тебе, раз так тебя поучаю. Всегда ведь ненавидят безумные мудрых, а неучи ученых, скверные нескверных и испорченные хороших».

Так беседовали они между собой, а Лев убил Быка. Но после этого раскаялся Лев в его убийстве. И пришел ко Льву Ихниллат, увидел, что он печален, и сказал: «Зачем раскаялся ты из-за Быка? Разве не знаешь, что, когда змея укусит в палец, тут же отсекают палец, чтобы все тело не охватило и не сгубило; ради всего тела не жалеют палец».

Вот так, сказал философ, дурной и коварный человек превратит любовь во вражду и смуту, если пристроится к друзьям, поддерживающим дружбу и любовь.

И сказал царь философу: «Сообщи мне про Ихниллата после гибели Быка».

В ответ философ сказал:

После гибели Быка Леопард, а он был учитель и верный советник Льву, вышел и приблизился к Ихниллатовым воротам и услышал, как Стефанит корил и попрекал Ихниллата за то, что тот сделал с Быком, и как раз говорил: «Не спасешься от рук Льва, если он все это узнает». Услышав такое, Леопард понял все до конца, пришел он к матери Льва и сказал ей все, что услышал.

А когда настало утро, мать Льва пришла к своему сыну. Видела она, что он в унынии и скорби, и в раскаянии об убийстве Быка, и сказала ему: «О дитя, раскаяние и печаль

ничего другого не дают, лишь тело изнуряют и дух помрачают, а ты будь бодр и не скорби. И без слов твоих знаю, что скорбишь ты и страдаешь за Быка, которого безвинно погубил. Если был ты справедливый царь, должен был ты думать о нем. Ведь говорится, что нужно воздавать друг другу сердцем. Скажи-ка мне, как обходился ты с Быком?» И сказал Лев: «Всегда любезен был мне Бык, во всем я доверял ему, принимал его уроки, и не было мне ничего худого от его поучений. И теперь еще раскаиваюсь я и скорблю о его смерти, потому что вижу, что был он невиновен предо мной, а я поддался на лживые слова хитрого Ихнилата». И сказала мать Льва: «Я слышала от достойного доверия, что Ихнилат по зависти оклеветал перед тобой Быка». И сказал Лев: «Кто это сказал тебе?» И сказала она: «Должно хранить тайны своих друзей. Не хранящий тайну бесчестит свою совесть и посрамляет доверие к себе». И сказал Лев: «Этого нужно держаться в других случаях, но там, где объявлены слова, следует, чтобы и истина объявилась. Чтобы исполнилась месть за пострадавших – вот чем следует покрывать проступки. Справедливый царь не по клевете казнит, не по наущничанью теснит, но по правде и истине. Боюсь, что и об Ихнилате будут так же раскаиваться, как о Быке». И сказала мать Льва: «Не думала я, что усомнишься ты в моих словах». И сказал Лев: «В словах твоих не сомневаюсь, но хочу я правду вывести на свет». И сказала она: «Я боюсь, что, если ты сделаешь это, я окажусь бессовестной».

Услышал это от матери своей Лев и призвал всех своих приближенных. И Ихнилата призвал. Ихнилат увидел, что Лев в унынии, и сказал окружающим: «Что же это я вижу, что Лев в скорби и печалью охвачен?» А мать Льва сказала в ответ: «Печалится он ни о чем другом, лишь о том, что позволил тебе до сих пор быть среди живых. Ты же ведь хитростью добился, чтобы погубить несчастного Быка».

И сказал Ихнилат: «Заметь, что всякий, кто стремится к добру, должен быть готов терпеть зло. Потому-то отказались пустыnnики от того, чтобы быть с людьми, и предпочли пустыню. Ведь я, как друг Льва, все про Быка ему сказал. Огонь, скрытый в кремне, извлекается железом, а преступления

чем больше расследованы, тем больше выявлены, а чем больше выявлены, тем больше открыты. Если бы знал я, что совершил преступление, не был бы здесь, но был бы в тайном каком-нибудь месте. Я прошу у царственного величества, чтобы все, что касается меня, он внимательно расследовал – сам ли или другому поручил справедливому следователю, кто бы мог не превращать правду в ложь, судить нелицеприятно, не слушать моих завистников. Много теперь против меня таких клеветников из-за любви, которую питает ко мне царь. Если не исполнят это в отношении меня, не будет у меня к кому прибегнуть, только к милосердию Бога, который “испытует сердца и утробы”. К тому же я не боюсь смерти, ведь смерть назначена каждому. И пусть бы у меня были тысячи душ, не пожалел бы я их, чтобы угодить царю». И один из вельмож сказал в ответ: «Не рассуждай о царской любви или о своей службе, отвечай о том, в чем нарушил закон». И сказал Ихнилат: «О безрассудный, разве ты не знаешь, что нет ничего дороже для живущих, чем душа? И если я за себя не отвечу, кому забота отвечать за меня? А ты перед всеми открыл зависть, которая скрыта в тебе, и оказалось, что ты недружелюбен и ненадежен. Не смей находиться при царе, такой завистник не достоин находиться при царе». И тот в унынии удалился, услышав такое.

И сказала мать Льва Ихнилату: «Удивляюсь я, Ихнилат, твоей необузданности: ты осмелился совершить такое беззаконие и еще обращаешься к нам с бесстыдными словами». И сказал Ихнилат в ответ: «Почему глядишь ты на меня одним глазом? Разве ты не знаешь, что от рождения у тебя два глаза? Ведь, согласно пророку, все без исключения уклонились и сделались непотребными, нет ни одного, кто любит правду и истину. Царь вот по безграничной своей доброте не обличает меня и не угрожает мне». И сказала она: «Глядите на этого коварного и нечестивого, как он, впад в такое беззаконие и совершив великое преступление, начинает искажать правду и хочет обольстить нас речами своего коварства!» И сказал тот: «Нехорошо, чтобы женщины вмешивались в мужские дела, а мужчины в женские. Горе тому мужу и тому дому, где правит

жена! Безрассуден тот, кто отвечает царю, когда его не спрашивают. Кто творит зло, тот ни к кому не дружелюбен и не защитится от будущего зла». И сказала мать Льва: «Пусть тебе не кажется, о нечестивец, что избежешь ты судебной казни, хоть и сплетаешь многословия». И сказал Ихниллат: «Таков тот, кто составляет клеветы, уклоняясь от правды, – изменчив и в словах, и в делах». Увидела мать Льва, что Лев ничего не говорит обо всем этом, и сказала: «Солгали, когда говорили, что Ихниллат высказывает правду, если предерзостно разглагольствует перед царем и никто ему не препятствует».

Тогда велел царь бросить Ихниллата в темницу и заковать его, пока будет расследование. А когда сковали его, призналась Льву его мать, что Леопард, дескать, сказал ей все про Ихниллата. И сказал Лев: «Оставь его. Он увидит, что с ним будет».

А ночью пришел к Ихниллату Стефанит и, видя оковы его, заплакал и сказал: «Случилось то, о чем я тебя предупреждал, но ты не слушал моих слов, и тебя победили гордость и самонадеянность. Гляди же теперь, что получилось». И сказал Ихниллат: «Верно ты сказал. Всегда учил ты меня полезному, а я не слушал тебя: охвачен жадностью был я, несчастный. Со мной произошло, как с больным: он знает, что нельзя ему есть какую-нибудь еду, но, чтобы полакомиться, отведает и причинит себе вред. Теперь я боюсь не только за себя, но тревожусь и о тебе, что из-за дружбы и любви, которые были у нас, схватят и тебя и ты признаешься против воли во всем, что относится ко мне, и навлечешь смерть на нас обоих».

И сказал Стефанит: «И я думаю так, но учу тебя тому, чтобы ты признался в своем преступлении. Лучше здесь перенести наказание, чем в будущей жизни». – «Подожду, пока не увижу, что будет». В печали и страхе пошел Стефанит, выпил яд и умер.

Наутро Лев призвал судью, Леопарда и Ихниллата, чтобы устроить суд. И когда все сошлись, Леопард сказал: «О воины и друзья, наш царь беспрестанно думает об убийстве Быка и о злых советах Ихниллата. И вот он сказал: “Если кто-нибудь знает что-нибудь об этом, пусть скажет”. Ведь царь не хочет без суда

предавать казни». И сказал судья: «Если есть кто-то, кто знает об этом деле, пусть расскажет. Если убит будет злой человек, с ним погибнет зло, а другие извлекут полезный урок». И сказал Ихнилат: «Что молчите? Кто знает что-нибудь обо мне, пусть скажет, а я отвечу. А если кто-то ничего не знает, но произнесет ложь, пострадает как неискusный врач.

Рассказывают, что в один город пришел врач. А случилось так, что дочь властелина города заболела. И один мудрый, но слепой врач велел, чтобы лечили ее травами. Тогда призвали чужеземного врача, чтобы он разобрался с этой травой, о которой сказал слепой врач. А тот по незнанию приготовил другую похожую траву и дал пить больной. Та выпила ее, заболела брюшной болезнью и умерла. А родители ее заставили того врача пить это лекарство и траву. И, выпив, он принял смерть. Так бывает с тем, кто советует и делает то, чего не понимает».

Тогда встал главный повар и сказал: «Выслушайте, друзья, мое мнение. Мне кажется, что Ихнилат лжив и коварен. Ведь говорят, что, если у кого левый глаз маленький и мутный, а брови подняты и, когда идет, голову долу держит, тот клеветник и коварен. Смотрите же на этого несчастного, что он таков и есть». И сказал Ихнилат: «Все мы под небом, и никто выше неба не поднимется. Тот, кто говорит такие вещи, представляет себе, что он мудр, но представляется безумным: ведь ты не видишь бревна, которое в твоём глазу, а сучец, который в глазу у ближнего, ты видишь, так что будет с тобою то же, что и с той неразумной женщиной.

Рассказывают, что две женщины и мужчина убежали из плена и шли голые. Одна из женщин нашла какой-то лоскуток и прикрыла им срамное место, а другая, обратившись к ней, сказала: «Не стыдно тебе ходить голой?» А мужчина сказал той: «Не видишь разве, безумная, своей наготы, что поносишь чужую наготу?» Таковым и ты кажешься, главный повар. Разве не видишь, какие на тебе зловонные струпья, а еще смеешь стоять перед царем и руками касаться изделий для него?»

Услышал это главный повар, раскаялся в том, что сказал, и заплакал. А Лев разузнал кое от кого, что о главном поваре

сказана была правда, и прогнал его от себя. Суд этот был занесен в документы, а Ихниллат снова заключен в темницу.

Кто-то из друзей Ихниллата пришел к нему в темницу и рассказал о смерти Стефанита. И тот, заплакав горько, сказал: «Не нужна мне теперь жизнь, когда лишился я верного и любимого такого друга. Хорошо, сказал сказавший, что во время испытания стекаются все беды».

Потом предстал он перед судом. И сказал военачальник, увидев его: «Я знаю дела твои, Ихниллат, и ни одно из них не укрылось. И если бы не великая и неисчислимая милость царя, не оставался бы ты до сих пор в живых». И сказал Ихниллат: «Хоть неизреченная его милость, да твое сердце злодейственно и жестоко. Вижу я желание твоих устремлений, как еще до приговора приговариваешь меня к смерти. Я не осуждаю тебя за это, ведь всегда коварные и злые борются с добрыми и их ненавидят». И сказал судья: «Достойно вельможи говорить истину, обличать и, наставляя невоспитанного мужа. Я учу тебя, Ихниллат, чтобы ты здесь выбрал казнь, а не в будущей жизни. Расскажи правду всем нам». И сказал Ихниллат: «Верно сказал. Должен ведь всякий мудрый выбирать из временного вечное. Но я не виновен в этом преступлении, так что нельзя мне быть вашим соучастником в пролитии моей крови. Если кто на кого наговорит, тот будет мерзок и неразумен. Каков же тот, кто наговорит на себя? Какую это прибавит мне славу? Смотрите же, как бы потом не раскаяться, когда не сможете ничего достичь. И смотрите, чтобы не пострадать вам, как лжесвидетелям.

Рассказывают, что один сокольничий пожелал жену господина своего, чтобы с нею возлечь. А она не склонялась на это. Разозлился из-за этого сокольничий, поймал однажды двух соек и научил одну говорить по-персидски: “Видела я госпожу свою с привратником”, а другую: “Ничего не говори”. В один из дней случились у господина за обедом персы, они услышали, что сойки говорят и беседуют по-персидски, и полюбили их. Эти персы передали также и слова, которые произносили сойки. А сокольничий был снаружи и сказал: “И я свидетельствую, что видел это”. Разъярившись, господин хотел убить свою жену.

Тогда она все рассказала мужу своему о сокольничем, а именно: “Строит он козни против меня, потому что я не согласилась на дурное дело. Кроме слов, которым научил их сокольничий, ничего больше говорить не умеют сойки по-персидски”. Персы спросили у соек другие слова и обнаружили, что те ничего не знают, кроме коварных и лживых этих речей. И сказала госпожа, придя к сокольничему: “Разве не боишься ты Бога, что свидетельствуешь такое на меня? Разве было такое?” И сказал тот: “Так и было”. И стоило сказать ему это, как внезапно сокол налетел на него и выклевал ему глаза. Так и ты пострадаешь со своими друзьями, если будешь лжесвидетельствовать на меня».

И поскольку никто не мог обличить Ихнилата, был он снова заключен в темницу на семь дней. И сказала Льву мать Льва: «Если ты освободишь без осуждения этого нечестивца, то знай, что все, кто под тобой, все, что захотят сделать, сделают без боязни, ибо будут знать, что, хоть и совершат зло, ничуть не поплатятся». Убедился Лев в настойчивости своей матери и велел, чтобы убили Ихнилата.

И сказал в заключение философ: «Размышляйте об этом и усвойте, что всякий, кто строит козни против ближнего своего, упадет в ров, который вырыл».

Третья притча. Вопрос царя после убийства Ихнилата. И сказал царь: «Я понял твою притчу. Но Расскажи мне другую притчу о друзьях, которые любят друг друга и всегда пребывают в любви». И сказал философ в ответ:

Из существующего ничто не заменит верного друга. Изложу это яснее. Рассказывают, что в одном городе было место, удобное для охоты. Стоял на этом месте высокий и дуплистый дуб, на котором гнездился ворон. В один из дней увидел он, что очень свирепый охотник несет на плече сеть и палку держит в руке. Увидел он охотника, испугался и подумал про себя, что останется на дубе, где было его гнездо, и увидит, что же сделает охотник. А охотник растянул сеть и посыпал на нее пшеничных зерен. И один голубь – а он был старше других – увидел пшеничные зерна, а сети не заметил, и попал в нее с другими голубями. Очень обрадовался охотник, видя это. Стали голуби

биться в сети. И сказал голубь, старший над ними: «Не бойтесь и давайте вместе поможем друг другу, чтобы смогли мы на своих крыльях поднять сеть». Сделали они так и подняли сеть на воздух. Удивился охотник, увидев это, но не оставил их и пошел за ними, думая, что не долго они смогут лететь. А ворон все это наблюдал. Увидел старший голубь, что охотник идет за ними, и сказал другим голубям: «Нас преследует охотник. И если над полями мы полетим, он не оставит погоню за нами. Если же мы полетим над горами и непроходимыми местами, он скоро от нас отстанет. На этом пути есть еще у меня приятель мышонок; если мы доберемся до него, он быстро разорвет наши узы и освободит нас». Понял охотник в замешательстве их затею и повернул назад.

А ворон последовал за ними, чтобы увидеть, как совершится их спасение, к тому же и посмотреть на дружественного им мышонка. Вот добрались они до его гнезда и опустились на землю. Вышел мышонок, увидел голубя, радушно принял его и сказал: «Кто тебя, дружок, опутал такими узами?» И сказал тот: «Судьба опутала меня свирепыми этими узами: нашло на меня ослепление, позарился я на пшеничные зерна и в сеть попал. Неудивительно это, что попал я в такое несчастье, и с лучшими, чем я, бывает еще хуже. Солнце и то исчезает, когда затмит его луна, а луна покрывается земной тенью; морских рыб извлекают из глубины, а птиц небесных совлекут с воздуха, когда будет им так суждено». Сказал так голубь, и стал мышонок грызть тенета. И сказал голубь: «Начни вперед освобождать моих подданных, а меня потом развяжешь». Но мышонок не соглашался, чтобы освободить всех, а не своего только друга. Как долго ни убеждал его голубь, не соглашался мышонок. И сказал ему голубь: «Не ругай меня, мышонок, что говорю я за них перед тобой: ведь дал мне Бог власть над всеми этими голубями, необходимо, чтобы я заботился о них. Они верой и дружбой послужили мне, и с их помощью и соучастием освободил нас Бог из охотничьей сети. И прошу я, чтобы не пренебрег ты ими, если бы распутал меня вперед. Лучше мне самому остаться в узах, чем одному из них». И сказал мышонок: «И подданные твои говорят эти слова – из

любви и приязни к тебе». Сказав это, он всех освободил от уз, и, свободные, они улетели.

Увидел это ворон, спустился к гнезду мышонка и позвал его. И сказал тот: «Кто ты, дружок?» А он ответил: «Я ворон, я видел твое добросердечие, которое ты питаешь к твоим друзьям, и хочу вступить с тобою в дружбу, и за этим пришел к тебе». И сказал мышонок: «Что общего у нас с тобой? Мудрый должен сближаться с сильными, а слабыми пренебрегать. Кто начинает такое, похож на человека, который возит по воде телегу, а посуху корабль. Как буду я тебе другом, являясь твоей пищей?» И сказал ворон: «Раскинь своим умом о полезном для тебя. Нет никакой мне пользы, чтобы съесть тебя, но зато полезно мне, если будешь ты жить и во всем помогать мне. Не должно, чтобы ты оставил меня без удовлетворения в моей надежде, ведь есть у меня сведения о твоей любви, которую ты питаешь к твоим друзьям, как это ты сам мне показал. Добродетели мудрого мужа подобны бычьему благовонию, которое по-гречески называется мускус: оно, хоть и невидимо, выдает себя запахом». И сказал мышонок: «Велика вражда по природе. Всегда враждуют лев со слоном, как и мышь с кошкой. Нельзя верить врагу. Вода, хоть и нагреется огнем, не изменит своей природы: пролитая на огонь, она гасит его, хоть и горяча». И сказал ворон: «Я понимаю, о чем ты говоришь. Но моя любовь не будет такой; та, что будет между нами, будет крепка и надежна. Ведь так и золотой сосуд трудно выковать и сделать, но он уж и не ломается, а глиняный легко делается, легко и рассыпается. Так и настоящая любовь: с трудом возникает, но остается нерушимой, нечистая и неистинная любовь скоро и легко возникает и скоро распадается». И сказал в ответ мышонок: «Принимаю твою любовь, никого из просивших не оставлял ведь я никогда без удовлетворения. Пусть и не сохранишь ты верность, – я верю словам твоим. Я знаю, что, если ты и похвалишься когда и скажешь, что, дескать, нашел глупого мышонка и, обманув, съел его, не будет тебе в этом чести». Сказав это, мышонок появился из своего гнезда, но не весь. И сказал ворон: «Те, кто живут на этом свете, любят двояко: одни любят по заповеди, другие по телесной нужде.

Они подобны ловцу, который разбрасывает пшеницу, чтобы прельстить птиц: не птицам он делает пользу, а себе. Я же вступаю в дружбу с тобою не по другому чему, как по твоей просьбе, и ничто другое не мешает мне выйти к тебе, только что боюсь я сходных с тобою воронов: они ведь похожи на тебя обликом, но не похожи нравом». И сказал ворон: «Из-за них не бойся. Доказательство истинной любви состоит в том, чтобы любить любимых и враждовать с врагами. И, поскольку я люблю тебя, мои друзья должны полюбить тебя». Сказал это ворон, и вышел мышонок из своего гнезда. И установилась между ними дружба.

В один из дней сказал ворон мышонку: «Вижу, что дом твой близко от дороги, и боюсь я, что из-за меня обнаружат тебя, и ты погибнешь. Я знаю место, удаленное от людей, где в изобилии рыбы и разной другой пищи. Есть там у меня приятельница черепаха, и я хочу, чтобы ты пришел туда кормиться и жить с нами». И сказал мышонок: «Я пойду с тобой! Мне не нравится жить здесь по одной причине, о которой я скажу тебе, когда мы прибудем на место».

Взял ворон мышонка за хвост и отнес его к источнику, в котором жила черепаха. Она же, увидев, что ворон несет мышь, подумала, что это чужой какой-нибудь, и из осторожности скрылась в воде. Положил ворон мышонка на землю и позвал по имени черепаху. Узнала она его голос, вышла к нему и спросила, откуда он прибыл. И рассказал он о происшедшем.

И сказал ворон мышонку: «Обещал ты мне, что, когда мы доберемся до места, расскажешь кое-что о себе». И сказал тот: «Жил я вначале у одного монаха и питался всем, что было пригодного для еды. А когда наедался, собирал разные остатки и давал другим мышам. Не раз разбирал монах келью, чтобы найти меня, но найти не мог. Иной раз он подвешивал свои припасы, чтобы спасти от меня, и не мог спасти. В один из дней пришел к нему странник-монах, стали монахи беседовать друг с другом и в ладоши хлопали, пугая нас. И спросил пришелец-монах, по какой причине они хлопают. А монах сказал: “Из-за мышей хлопаем. Есть здесь бессовестный и бесстрашный мышонок, который много вреда приносит нам. Прошу тебя,

поищем вход в его гнездо и раскопаем место его пребывания”. Я находился тогда в своем гнезде, а когда услышал такие слова, выбежал оттуда и забрался в другую нору. А была у меня в гнезде тысяча золотых, которые я подостлал под себя и которыми гордился. И вот монахи раскопали землю, нашли мое гнездо и золотые и, забрав радостно золото, сказали: “Это золото распяляло мышонка, и он приносил нам вред, но теперь-то он будет тихий, робкий и слабый”. И с того часа, как и сказали монахи, оставила меня сила и покинула меня отвага, и стали обижать меня другие мыши. На другой день хотел забраться я в кладовую с припасами монаха и не смог. Увидев это, поднялись против меня другие мыши и сделались мне врагами. И удивился я тому, что друзья и родственники собираются ради золота, ведь и доброе знание, и мудрость ради золота пребывают. Не имеющий богатства всегда находится в скорбях и кажется всем мерзким, глупым и негодным. Ведь если нищий и убогий человек окажется храбрым, богачи назовут его безумным и буйным, если кроткий и смирный будет, назовут его немоощным, если рассуждает, назовут пустословом, если же он молчалив, скажут, что глуп. Лучше уж раньше оставить эту жизнь, чем видеть солнце свидетелем позора. (...) Так размышляя, увидел я, что тот монах-пришелец разделил золото и свою часть положил в суму, а ее положил и скрыл в головах. И захотел я тайно извлечь золото, ибо решил, что он спит. А он проснулся, взял в руки прут, который нащупал рукой близ себя, и ударил меня по голове, и вернулся я к себе в страшных страданиях. Потом снова покусился я на суму с золотом, и, увидев меня, снова этот монах сильно ударил меня тем прутом по голове, и тут же кровь из носа у меня потекла, и было мне плохо, едва волочась добрался я до той норы и без чувств пролежал долгое время. Так я возненавидел золото, что ни думать о нем, ни слышать не мог, и понял, что алчная душа всем злым делам начало. Тот, кто алчен, не может от золота спастись ни на земле, ни на море. И увидел я, что лучше самого необходимого ничего нет. Вот почему изменил я свою жизнь и повел жизнь отшельника. А был у меня любимый голубь, с которым мы подружились еще до ворона. Ведь нет большего удовольствия в

мире, чем дружеская беседа. По опыту я знаю, что не должен мудрый желать ничего другого сверх самого необходимого. А самое необходимое – это не что иное, как хлеб и вода. Хоть и скажем, что такой-то – властелин всего мира, но не будет он равен ни одному из малых, кто беспечно проводит жизнь свою. И, решив так про себя, последовал я за тобою, о ворон, и вот неожиданно нашел в тебе друга, о черепаха».

И сказала черепаха в ответ: «Понимаю я: все хорошо и умно ты сказал, и вижу также, что постоянно помнишь ты о том, из-за чего вытерпел страдания. Поэтому нужно тебе знать, что слова украшают дело. Так и больной, если не разыщет лекарственных трав, то без толку ему и знание, ведь облегчение себе сделать не может. Не заботься о богатстве, человек многоумный почтен и без богатства. Так и лев – хоть и спит сном, все равно страшен. Равно и глупый богач не заслужит чести. Не думай также о своей жизни на чужбине: среди мудрых нет чужаков. Не вспоминай о прошлом и не говори, что был, дескать, некогда прославлен, а теперь бесславлен. Все, что принадлежит этой жизни, тлению и изменчивости принадлежит. Ведь говорится, что ненадежнее всего тень облака, дружба дурных людей, любовь женщины, лживая хвала и богатство. Мудрые люди не радуются прибавлению богатства, не скорбят о его умалении».

Как услышал ворон речи черепахи, порадовался им и сказал: «Поистине нет в жизни ничего лучше, чем помощь друга и взаимная радость. Мудрому никто не поможет, как только мудрый. Так и упавшего слона не поднимет никто другой, как только слон».

Пока ворон говорил это и тому подобное, внезапно появилась серна. Увидев ее, ворон взлетел на дерево, черепаха скрылась в воде, а мышонок влез в нору. А серна, чуть попив воды, встала в испуге, обращая взоры туда и сюда. Взлетел ворон на высоту и посмотрел, не преследует ли серну какой зверь. Осмотревшись, спустился он на землю, позвал черепаху и мышонка и рассказал им о серне. Увидела черепаха, что серна боится пить воду, и сказала: «Пей, милая, никто сюда не идет. Скажи мне, откуда ты?» И сказала серна: «Гнались до

сих пор за мной охотники, а я бежала с места на место и сюда добралась». И сказала черепаха: «Не бойся, милая, и живи с нами вместе, никогда охотник сюда не приходит. Вот перед тобой обильная пища, чистая вода». Захотела серна остаться с ними, и собирались на беседы свои у дуба они каждый день.

В один из дней собрались, как обычно, на беседу ворон, черепаха и мышонок и серну поджидали. А не дождавшись ее, поняли, что попала она в охотничью сеть. Поднялся ворон высоко и увидел, что запуталась она в охотничьей сети; возвратился он и рассказал друзьям своим, что увидел. И сказала черепаха мышонку: «От тебя, о мышонок, зависит спасение нашей серны!» И он, как только мог, побежал, добрался до серны и сказал ей: «Как же ты, милая, такая мудрая, а запуталась в ужасных этих сетях?» И сказала та: «У кого хватит мудрости, когда свершается предопределение?» Пока они так говорили, появились ворон и черепаха. И сказала серна черепахе: «Зачем ты пришла сюда? Когда освободит меня мышонок, я ведь побегу и убегу, а ворон в воздух подымется, мышонок найдет норку и влезет в нее, а ты одна останешься на съедение охотнику». И сказала черепаха: «Лучше мне умереть, чем оставаться без друзей». Пока говорили они это, мышонок освободил серну от уз. И вот внезапно появился охотник – серна убежала, ворон улетел, мышонок влез в норку. Охотник был в недоумении о случившемся, видя одну черепаху: взял он ее и связал.

Очень опечалился ворон, серна и мышонок, видя это. И сказал ворон: «И как это всегда оказываюсь я в несчастье! Мало мне было того, что остался я без родины и родни, потерял богатство, – а теперь вот остался и без моей любимой черепахи, – как хорошо хранила она законы дружбы! Пусть бы лучше не было моего брэнного тела, которое соткано из множества бед!» И сказала серна в ответ: «Теперь наша печаль и скорбные слова твои хоть и разумны, да бесполезны для черепахи. Прекрати эти речи, придумай что-нибудь, чтобы спасти ее. Ведь говорится, что храбрый испытывается в скорбное время, а верные друзья – в беде».

И сказал мышонок в ответ: «Вот что, я думаю, полезно теперь: ты, серна, пойдешь и ляжешь у охотника на дороге как мертвая, а ворон сядет на тебя и будто бы клевать будет твое тело. И думаю я, что, когда увидит это охотник, он решит, что ты действительно мертва. Тогда отложит он суму свою и лук и пойдет к тебе. А ты, когда увидишь, что он к тебе подходит, встань и нетвердой поступью перебегай, чтобы охотник верил, что сможет нагнать тебя. И только он настигает тебя, ты тут же отскакивай со всей быстротой своих ног. Пока ты будешь убегать от погони, я освобожу черепаху от пут». Исполнила серна наказ, и так вот была освобождена черепаха мышонком. Целые и невредимые вернулись все в свои дома. Вот так помогает своим друзьям тот, кто любит по-настоящему.

«Я понял эту притчу, которая о истинной любви. Теперь же расскажи мне притчу о том, как нужно уберегаться от врага, который лицемерно выдает себя за друга».

С тем, кто верит врагу, будет то же, что было с совами. Рассказывают, что на одной горе было большое и высокое дерево, а на нем жила тысяча воронов, и был у них один ворон старейший. Близко оттуда жила также тысяча сов, и у них была старейшая сова, и всегда они враждовали с воронами. Как-то раз напали они на воронов ночью, многих из них убили, других ранили, а иным перья повыдергали. Удручен был царь воронов, собрались они на совет, и сказал он: «Видели вы, что сделал нам совиный род: как победил нашу мощь, скольких убил и скольких ранил и скольким перья повыдергал? Но самое горькое и стыдное для нас, что осмелились они выйти на нас и опозорить нас. Подумайте теперь, что будет».

А было у того царя пять главных советников, и сказал один из них: «Ничто другое не избавит нас от таких набегов, как только покинуть это место, ибо не можем мы сопротивляться врагам». И сказал другой: «Не годится, чтобы смириться из-за одного поражения, оставить свое отечество и поселиться в чужой земле. Но вооружимся мужеством и приготовимся к войне, и, если нападут враги на нас, сразимся с ними. Если победим мы, слава Богу, если же снова нас победят, без позора последуем первому совету». И сказал третий: «О царь,

нехорошо они говорят. Нужно нам как следует узнать, хотят ли враги наши помириться с нами; тогда окажем им мирные почести и пошлем им дары. Благодаря этому заживем мы безбедной жизнью. Ведь всегда цари заботятся о своей земле и тех, кто под ними, охраняют золотом». И сказал четвертый: «Неладный даешь совет; лучше уже в угнетении и несчастьи жить, чем так покоряться и не сопротивляться врагам, которых мы лучше и славнее. Ведь, если даже и принесем им дары, не удовольствуются они ими, но запросят с нас больше наших возможностей. Сказано ведь, что, пока нет войны, усмирять врагов нужно дарами, если же ополчились они на тебя, нельзя уклоняться. Терпенье и смирение нужно иметь и для мира, и для войны». Пятый сказал: «Сопротивляться невозможно, ведь они сильнее нас. Вредит себе тот, кто сопротивляется более сильному. А бессильными врагов своих всегда называют глупые; я всегда и заранее боюсь врага. Не подобает мудрому не бояться своего врага, хоть и находится тот далеко. В других случаях дело касается еды, питья или богатства, на войне же ничего другого, как души каждого». И сказал царь: «Если ты не допускаешь, чтобы была война, что предлагаешь другое?» И сказал тот: «Нужно тебе, царь, иметь разумных советников, ведь хороший совет лучше, чем тысячи воинов, ибо предлагает, о царь, полезные меры. Если знает кто и силу, и слабость врага, то ниспровергнет его мудрым советом и начинанием».

Таково есть начало вражды, которая у нас с совами. Раз когда-то собрался весь птичий род, избрал себе сову царем и поставил ее царствовать над всеми. Оказался там ворон и сказал он: «Почему забыли вы о славных птицах и ни одну из них не возвели на царство, но избрали эту смрадную птицу, которая погубила доброту души? К тому же она глупа и неразумна, вспыльчива и беспорядочна, лукава и вообще всех хуже». Услышал это птичий род и низложил власть совы. А когда низложена была сова, сказала она ворону: «Не знаю я, о ворон, чтобы сделала я тебе какое зло, что воздаешь мне так. Помни же, что дерево, даже и подрубленное топором, снова срастается и рана от стрелы излечивается и зарастает. Но стрела словесная неисцелима, ведь она попадает в самое

сердце. Вода вот гасит огонь, а яд изгоняется лекарственными травами. Но огонь злобы живет всегда. И то, что посеяно между нами и вами, вороны, как большой дуб – никогда не искоренится». Сказала это сова и удалилась, полна ярости. Раскаялся ворон и очень опечалился. И с той поры и доныне существует вражда между нами.

И сказал царь: «Я понял это. Но скажи также о предстоящем: что нужно делать теперь?» И сказал тот: «Я хочу наедине поговорить с тобой». И тотчас позволил ему царь говорить наедине, и сказал тот: «Что касается войны, то я не возражаю и не призываю к ней. Мы можем, однако, достичь успеха изобретательностью, ведь изобретательность способна на многое. Я думаю, будет полезно, чтобы все видели, что ты разгневан на меня. Вели бить меня без жалости перед всеми, чтобы был я в крови от множества ран, чтобы перья и хвост мои были вырваны, пусть бросят меня у этого дерева. А когда исполнишь это со мною, уйди отсюда вместе со всеми своими, меня же оставьте лежать здесь». Сделал так царь и удалился со своими.

А ночью пришли к дереву совы и никого не нашли, только избитый лежал ворон. Сказали они о нем своему царю. Приблизился к нему царь и спросил: «Откуда ты?» И сказал ворон: «Я такой-то». – «Где же вороны?» – «Не знаю. Как в таком несчастье знать мне их тайны?» И сказал царь: «Поистине это главный советник воронам. Расспросите-ка его, по какой причине вынес он такие мученья». И сказал ему ворон: «Дурные мои советы привели меня к этой беде. Вороны, когда вы их разбили, собрали совет, и каждый, как понимал, советовал. Я же посмел сказать о вас, что совы сильнее воронов и благородны, потому не следует сопротивляться им, а нужно искать мира с ними и дани им давать. И если примут, помирятся на этом с нами, то Богу за то слава. Услышав это, решили вороны, что говорю я это для вашей пользы, наполнились они ярости и осудили меня таким вот судом».

Услышав это, сказал царь одному из главных своих советников: «Что нам с ним делать?» И сказал тот: «Пусть будет он убит поскорее. Мы избавимся от коварства и умыслов его,

которые он всегда замышляет на нас. Убийство его будет нам великой помощью. Ведь сказано, что, если кто не заботится о своей пользе, когда представится случай, тому другого случая не будет».

Но другой из главных советников царя сказал: «Не следует его убивать. Ведь написано: трости надломленной не переломишь. Скорее справедливо будет помиловать и вознаградить его за то, что вытерпел он такие несчастья и побои. Следует беречь его, потому что кормить врагов весьма похвально». И велел царь содержать ворона в чести и уважении. Главный советник, который хотел, чтобы убили ворона, сказал: «Раз не убили его, пусть находится под охраной и живет у нас под надзором как враг. Знаю я, что жесток этот ворон и хитер, и кажется мне, что пришел он сюда для обмана». И ворон стал беседовать с совами наедине и подружился с ними. В один из дней сказал им ворон: «Слышал я от стариков, как они говорили, что, если кто бросится в огонь, легко получит то, что просит у Бога. Хочу теперь и я сделать это и вымолить у Бога, чтобы переменял природу мою в совиное обличие, чтобы мог я с вами пойти на воронов войной и отплатить им за то, что сделали они со мною». Был тут и тот, кто советовал его убить, и сказал он: «Эти твои слова, подобны напитку, полному яда. И если не сожжем мы тебя, не сможем изменить твою природу».

А ворон находился там, наблюдая все обычаи сов. Стал он толст и дебел, отросли у него перья, и, найдя однажды случай, он убежал. Вернувшись к воронам, сказал он царю их: «Радуйся, о царь, достиг я желаемого. Все совы укрылись в одном дереве. Поднимемся теперь все и полетим, а каждый возьмет сук, какой сможет поднять, и сложим их у входа в дупло, поднесем огонь и раздуем крыльями, чтобы пламя поднялось на воздух. И таким образом одни задохнутся внутри от дыма, другие же, вылетая, будут опалены». И, сделав так, вороны вконец разбили своих врагов. И царь воронов победоносцем вернулся на место своего обитания. И сказал он этому ворону: «Как переносил ты непотребные беседы с совами?» И сказал ворон: «Если мудрый человек оказывается в несчастье, он бывает покорен даже ничтожным, пока не

достигнет желаемого». И сказал царь: «Скажи мне, каковы совы по уму?» И сказал ворон: «Не видел я у них ни одной умной совы, кроме той, что советовала убить меня. Другие же далеко находились от мудрости. Следует царю хранить свои тайны и не позволять никому чужому прикасаться к записям или к воде, которой он будет мыться, или к постели, или к одежде, или к оружию, или к еде и питью. Победить своих врагов невозможно с гордостью. Гордец, который действует с глупыми советниками, одержит лишь небольшую победу, трудно ему спастись от гибели. Я же смирился и покорился врагам, чтобы достичь такого свершения, какого достигла змея, покорившаяся жабе.

Рассказывают, что одна змея пришла в возраст и состарилась и не могла уже охотиться, так что трудно ей было с едой. И вот, ползая, добралась она до болота, полного жаб, где прежде охотилась, и простерлась поблизости от него в унынии и скорби. А одна жаба сказала ей: «О чем ты, змея, скорбишь?» И сказала та: «И как мне не скорбеть? Ведь в этом болоте всегда добывала я себе пищу, а теперь один аскет запретил мне это, так что я не могу охотиться. Хочу теперь, чтобы была я как ездовой конь вашему царю». Услышал это царь жаб и принял змею, ездил на ней и всякий день на пропитание давал ей двух жаб. Так вот и я ради такой службы и итога вытерпел преходящее зло».

И сказал царь: «Рассмотрел я и увидел, что изобретательностью и умом побеждать лучше, чем сопротивлением. Огонь горяч и сух, но губит лишь то, что на земле, а вода холодна и тиха, но проникает под землю и с корнем уничтожает все, что на ней. Сказано ведь, что не следует пренебрегать четырьмя вещами, а именно: огнем, болезнью, врагом, долгом». И сказал ворон: «Великие свершения, о царь, выпали тебе ныне на долю, слава за то Богу».

И сказал царь: «Понял я, что ты и на словах, и на деле мне друг. Другие лишь хвалятся глупыми словами. Так что ради тебя была нам великая эта благодать, сладкий сон и пища тобою даны нам. Сказано ведь, что великую отраду приобретает тот, кто спасется от лихорадки, кто сложит тяжкую ношу, кто

избавится от своих врагов. Скажи наконец мне: каков показался тебе образ жизни совиного царя?» И сказал тот: «Скотский он и коварный, горький и беззаконный. И другие совы подобны ему, кроме одной, советовавшей убить меня. Мне кажется, она всех умней».

И сказал царь философу: «Я понял рассказанную притчу. Расскажи мне теперь, как достигший своего желания и не способный хорошо удержать достигнутое тотчас все опять губит».

Притча об обезьяне. Пятая.

И сказал философ:

«Рассказывают, что был у обезьян царь, старый, поживший много лет. Поэтому-то, из-за старости его, отрешили они его от власти. И вот эта обезьяна, удрученная всякими трудностями, нашла на берегу моря смоковницу и зажила на ней, питаясь ее плодами. В один из дней, когда она ела, выпала из ее рук смоква, которую подобрала и съела дикая черепаха. Засмеялась на это обезьяна, а черепаха не переставала есть смоквы. Найдя вкусную еду, она даже дом свой забыла. Поэтому супруг ее очень мучился и искал способ, как бы погубить обезьяну и вернуть свою супругу. Однажды черепаха пришла домой и увидела, что супруг ее в скорби, и сказала ему: “Почему мне кажется, что ты мрачен и болен?” И тот сказал: “Заболел я жестокой болезнью, и не найти мне исцеления, если только не приму обезьянье сердце”. А та в колебании размышляла про себя об этом так: “Другого сердца мне не найти, кроме как друга моего, а это будет преступление”. Размышляя об этом, смущалась она разными мыслями и вот, придя на берег, позвала обезьяну, а та спросила ее о долгом отсутствии. И ответила черепаха: “Не из-за другого чего я отсутствовала, только что стыжусь тебя, что нет у меня достойного воздаяния, чтобы отблагодарить тебя за твои благодеяния”. И сказала обезьяна: “Не думай об этом, я не такая, чтобы требовать воздаяния от близких мне. Скорее ты мне была благодетельница, когда, изгнанную и окруженную бедами, меня утешала”. И сказала черепаха в ответ: “Хочу я закрепить дружбу, которая между нами. А закрепляют ведь

тремя путями, то есть приходом в дом друга, знакомством и посещением родственников и совместным пребыванием”. И сказала обезьяна: “Дружок, так заключают дружбу и те, кто живет распушенной жизнью”. И сказала черепаха: “Верно ты сказала: достойно друзьям заключать истинную и совершенную любовь со своими друзьями, а тот, кто заключает любовь ради житейских нужд, строит на непрочном основании. Так что не нужно требовать от любимых ничего другого, кроме как доброго и чистого сердца, прямой и истинной веры. Теленок сосет свою мать, хоть она и без молока, и сердится, когда отгоняют его от нее. Я же хочу, чтобы ты посетила мой дом. Живу я на острове, обильном травой, наполненном множеством плодов. Я на плечах понесу тебя”.

Поверила обезьяна, забралась на черепаху, и понесла ее та по пучине. А когда были они посреди пучины, остановилась черепаха в раздумье, как бы ей погубить обезьяну. Заметив черепахино промедление, заподозрила обезьяна хитрость и сказала про себя: “Уж не замыслила ли черепаха какое зло против меня?” И сказала так: “Вижу я, что ты в заботах и размышлении великом, и боюсь поэтому тебя, — чем ты озабочена?” И сказала та: “Печаль у меня большая, что, придя в мой дом, ты не все найдешь достойным, как это мне хочется. Ведь супруг мой лежит в постели”. И сказала обезьяна: “Не заботься об этом, печаль не приносит пользы. Позаботься лучше о лекарственных травах”. И сказала черепаха: “Врачи говорят, что обезьянье сердце может вылечить эту болезнь”. Услышала это обезьяна и оплакала про себя свою смерть, говоря: “Увы, безумная! Как не поняла я этого раньше? Хоть и старая я, а в такое несчастье попала. Кто довольствуется малым, живет беззаботной жизнью”. Но черепахе она сказала так: “Почему же, милая, ты не сказала мне этого, пока не вышли мы из моего дома, чтобы я сердце свое с собою взяла? Ведь есть у нас обычай, когда идем к другу, сердце свое оставляем дома, чтобы не подумало оно чего дурного о друге”. Услышав это, черепаха, радуясь, поплыла обратно и вынесла обезьяну на берег. Та же, лишь ступив на сушу, быстро забралась на смоковницу. А черепаха закричала снизу: “Сойди скорее, друг, и

отправимся”. И сказала обезьяна в ответ: “Если сойду к тебе, совсем не найду своего сердца”. Так вот те, кто не исполнил своего намерения, когда располагал случаем, упустив время, ничего не получают».

И сказал царь: «Я понял эту притчу. А теперь Расскажи мне о том, кто хватается за какое-нибудь дело, не разобравшись в нем, прежде чем начнет».

И сказал философ:

«Рассказывают, что жил муж со своею женой и однажды сказал он ей: “Я уверен, жена, что родится у нас младенец мужского пола, и он с усердием будет служить нам. Рассуди, какое имя мы дадим ему”. И сказала она: “Прекрати, муж, пустословить. Ты подобен человеку, пролившему мед и масло”.

Рассказывают, что у одного человека из бедных были в сосуде мед и масло рядом с постелью его. Однажды ночью думал он про себя, так говоря: “Продам я за деньги масло и мед и куплю десять коз, а они народят столько же козлят через пять месяцев, а через пять лет у меня будет их четыреста, на них я куплю сто волов и с их помощью засею поля, плодами того урожая и другими плодами безмерно я обогащусь, построю четырехскатные златоверхие дома, накуплю множество рабов, возьму себе жену, которая родит мне дитя, и дам я ему имя Панкалос, то есть Вседобр, воспитаю его как следует. Но если увижу я, что он нерадив, я вот так побью его вот этой палкой”. И, взяв лежащую поблизости палку, он ударил по сосуду и разбил его, и полились по бороде его мед и масло.

Родила потом жена мальчика и сказала однажды своему мужу: “Пойди посиди с мальчиком”. А когда ушла она, супруга ее призвал к себе властелин, и дитя осталось одно. И случилось вдруг, что змея подползла к ребенку. Увидела ее ласка, прыгнула и вонзила в нее свои зубы. Супруг вернулся, увидел, что ласка окровавлена кровью змеи, и решил, что съела она младенца. Не дождавшись, пока увидит он мальчика, безжалостно ударил он ее по голове и убил. А войдя, нашел он младенца целым и змею, разорванную на части, и, раскаявшись, горько заплакал. Так ошибаются те, кто на многие дела устремляется без осмотрительности».

И сказал царь: «Понял я это, расскажи теперь мне, как следует царю сохранять невредимым свое царство, в каком случае кротостью, доброю совестью или наградами».

И сказал философ в ответ:

«Лучше всего мудрость и терпение, а к этому помощь добрых советников, затем честная и мудрая жена. К этому будет притчей то, что случилось с индийским царем.

Рассказывают так, что царь этот за одну ночь видел восемь страшных снов. Он проснулся в испуге, призвал своих мудрецов и рассказал им, что видел во сне. И сказали они: “Видение, которое ты увидел, заслуживает удивления; нужно нам семь дней, чтобы рассудить о нем”. Вышли они и, беседуя друг с другом, говорили: “Немного прошло времени с тех пор, как царь убил многих из нас, а теперь божественный промысел отдал его нам в руки, так что нужно нам постараться сгубить его. Нужно посоветовать ему, чтобы убил он сына и жену свою, а с ними и родственника своего и главного советника, который старейшина книжников, а к тому же и белого слона, на котором он ездит, и других двух больших слонов, и коня, и верблюда, а кровь всех их собрать в сосуд, чтобы мы умыли его ею и воспели над ним врачебные песни, так чтобы избавился он от всякой беды”. И пришли они к царю и сказали: “Смотрели мы в писаниях и нашли то-то и то-то, и нет у тебя другого пути к спасению, только чтобы исполнить это”. Тогда сказал царь: “Хочу я, чтобы все они остались целы, а погиб я один”. И сказали они: “Нет ничего важнее, как спасти свою душу”. Услышав это, опечалился царь, лег ничком на ложе свое и думал, что делать. И повсеместно стало известно о печали царя.

Узнал про это главный советник и понял хитрость, но не мог об этом говорить он с царем и, придя к царице, сказал ей: “Вижу я, что царь в скорби, и боюсь, что лживые мудрецы из злобы затеяли козни, давая такие советы, чтобы совершенно погубить его. Спроси его, какова причина, что он так скорбит. Если скажет тебе, то поведай мне”. Пошла она к царю, села в изголовье его и сказала: “Поведай мне, царь, что посоветовали тебе мудрецы”. И сказал царь: “Не прибавляй к нам раны, не следует тебе расспрашивать меня об этом, потому что не сможешь ты

справиться с этим злом”. И сказала она: “Не думала я, что будешь когда-нибудь таить ты от меня тайну. Если не откроешь ты это мне, не знаю, как откроешь другим”. И сказал он: “Что спрашиваешь меня, жена, о своей гибели и гибели всех моих любимых!” И сказала она: “И я, и другие не избежим, чтобы быть заменой тебе. Что дороже нам, чем ты? Но умоляю тебя, царь по смерти моей не верь никому из мудрецов, не убивай также никого, прежде чем близким своим не объявишь свое намерение. Разве не знаешь ты, что мудрецы враждебны к тебе, потому что совсем недавно довольно многих из них ты убил? Не думай, что забыли они об этом убийстве; не следовало тебе ничего из снов рассказывать им, но, если доверяешь мне, спроси о снах находящегося у нас старца аскета”.

Тотчас сел царь на коня, поехал к тому аскету, и рассказал ему царь все, что видел. И сказал аскет: “Не бойся, царь, никакого зла тебе не будет. Ведь две рыбы, которых ты видел, что они ходят на хвостах, означают, что придут к тебе посланцы от великих царей и приведут к тебе двух слонов. А две утки, которых ты видел, что они пролетели около тебя, означают, что два персидских посланника приведут двух благородных коней. Ползущая за тобою змея говорит, что тебе принесут такой меч, какого никто не видал. А то, что ты крестился кровью, означает, что пришлют тебе в дар багряную ризу, светящуюся во тьме. А водою умывание предвещает, что принесут тебе различные одежды. А взойти на белую гору верный есть знак, что воссядешь на белого слона. А то, что огонь у тебя на голове, предсказывает, что примешь от великого царя драгоценный венец. А то, что голова у тебя, как птица, сейчас не откроется тебе. Это говорит о небольшой печали и отвержении от любимого лица. (..) И все это сбудется тебе после семи дней”.

Так и стало по прошествии семи дней: пришли посланцы, неся все, что предсказал аскет. Увидев это, поклялся царь принимать советы только от своих близких. Потом взглянул он на дары и сказал: “Не следует мне ничего брать из них, но вы возьмите их, друзья мои, вместе с моею благоразумною супругою, ибо вы положили за меня свою душу”. И сказал главный советник: “Не годится нам, рабам твоим, принимать

такие дары, скорее это справедливо будет твоим родственникам”. И сказал царь: “Ты виновник моего спасения и достоин ты тысячи благодеяний”. Потом взял себе царь белого слона, своему сыну дал одного из коней, а главному советнику драгоценный меч. Остальное же велел он главному советнику доставить за собой к женам. А были у него две любимые жены: одна, которая давала совет об аскете, и другая. Пришел царь к ним, положил перед ними венец и багряницу и сказал сначала советнице: “Выбери себе из двух, что хочешь, – или венец, или багряницу, а оставшееся возьмет другая”. А она колебалась, что взять, и посмотрела на главного советника. И показал тот взглядом, чтобы взяла багряницу. Случилось же тогда, что царь поднял глаза и увидел, как главный советник указывает его жене на багряницу. А та догадалась, что не скрылось от царя это движение, и не взяла багряницу, а взяла венец. А главный советник с того времени сорок лет держал очи долу, чтобы не подумал царь, что во взгляде его была страсть. И если бы не поступил он так, потерял бы жизнь свою. В один из дней та, которая взяла венец...».

Какой-то писец не дописал этой мудрой притчи. Но пора, любезные, и мне окончить сладкое отеческое поучение. Да покроет нас человеколюбивый Бог своею благодатью, молитвами своих святых, ибо в веках благословен Ты. Аминь.

Написана же сия притча в октябре восемьдесят седьмого года последнего века седьмого тысячелетия. Святая Троица, слава тебе! Переведено на русский язык из греческих книг.

* * *

СПИСАНИЕ СИФА АНТИОХА,¹⁹⁴ – ДРУЗИИ ЖЕ МНѢША, ЯКО ИОАНА ДАМАСКИНА,¹⁹⁵ ЗѢЛО ПѢСНОТВОРЦА, – ЕЖЕ О ЗВѢРЕХ,¹⁹⁶ НАРИЦАЕМЫХ СТЕФАНИТА, ИХНИЛАТА¹⁹⁷

Притча прѣваа. Въпрос царевъ. Царь индѣйскый въпрашаше нѣкоего от своих философ, глаголя: «Хощу, яко да притчею покажеши ми, како лукавый муж льстивый, посредѣ себѣ вложивъ, въ вражду предлагаетъ, еже посредѣ нѣких составленную любовь же и дружбу».

Онъ же, въсприемъ, рече:

Глаголется, яко купецъ нѣкий, многославенъ сы и житѣ доброволно по сотворению имы, и дѣти имы умовредны, не хотяше лѣности ради художство нѣкоего рукодѣлиа навыкнути. И наказательными отецъ к ним бесѣдоваше словесы, глаголя: «О чада, иже в житии семъ возвращаемы, 3 вещи требуемъ: доволно богатство и славу отъ чловѣкъ и получение благымъ онѣмъ, еже съ праведными. Си же 3 вещи инако не пребываютъ никомуже, точию 4-ми вещми: еже събирати богатство мѣрами праведными и благословенными, и еже стяжаемая добрѣ разстваряти и сматрѣти, таже раздаати отъ стяжаемыхъ требующимъ, еже ползуетъ в будущемъ житии ... и еще же уклонятися отъ приключающихъ падений, елико по силѣ. Иже бо в какомъ отъ 3-хъ сихъ мимотечеть, никтоже ползуетъ. Аще бо ни богатство приобрящетъ, не возможетъ убо развращатися в жити, ни же благодѣйствовати кого. Аще убо богатъ будетъ, не добрѣ же житѣ растваряетъ, скорѣе убо нищимъ сый причастенъ будетъ; аще бо и малоястие творить, не пребывающу имъ нѣкому приложению, по малу все богатство его изнурится. Аще бо и богатство притяжится, и в худо будетъ попечение его не отъ сихъ же подасться, идѣже подобаетъ нищѣ и имѣя такоеае богатство во истинну вмѣняется и повиненъ есть всякой гибели. Якоже сопусы разсыпаются,¹⁹⁸ егда же и в нихъ вода умножаема бываше и исхожению путь не обрящеть».

Сихъ слышавше отроки наказание и покоришася отеческому совѣту. И пръвый убо ихъ на куплю посланъ бысть, имѣяше же съ собою кола, двоими телци влекома. И приключися на пути в тинѣ единому отъ телець углубнути. На него же устремися купецъ въкупѣ съ своими, възведоша и отъ кала, и нужи ради, яже подъятъ влекоу, и изнемогъ и оставленъ бысть, ниякоже ... могый ходити. И недоумѣниемъ одержимъ бывъ, и тихо походивъ семо и овамо, поле обрѣте травоносно и водно, в немъже *пребысть* питаяся. Немного еже *посредѣ*¹⁹⁹ и зѣло отолстѣ и отучнѣ Телець и нача ргѣма земля рыти и велми рыкати

Пребываше же близъ оноу мѣста царь нѣкий Левъ. Бяху же у него животнии различнии родове: лвовѣ же и медвѣди, волци же и лисици, и инии друзи. Левъ же бѣ возносливъ и грѣдъ и скуденъ мудростию. Слышавъ телчье рыкание и убояся зѣло; и

не хотяще боязни свое явити сущим под нимъ, сего ради стояше на едином мѣсте, не проходя Бяху же тамо звѣря два: единъ убо Стефанитъ нарицаемый, другой же Ихнилат. Обои различнии мудроумнии обычаи,²⁰⁰ Ихнилатъ же лукавенъ быше нѣкако душею и много разумъ вещем достизание

Онъ же рече Стефаниту: «Что се, друже, зрим Лва непреходна, яко леду померзъшу, и по обычаю нѣкому же насиляющу?» Стефанит же рече: «Что тебѣ обещно таковымъ въпросомъ неподобнымъ? Ничтоже намъ прискорбно есть, ни тяготно, но вратомъ присѣдящие царя нашего, катадневную пищу²⁰¹ приемлюще, но нѣсмы достоини о царехъ бесѣдовати, ниже о нихъ сматряти. Престани убо от таковыхъ и познай, яко всякъ ... влагаяй себе в неподобнаа словеса и дѣла, постражетъ пификово.²⁰²

Глаголетъ бо ся, яко пификъ нѣкий, видѣвъ древодѣля древо цѣпяща двѣма клинома, яко потреби ради нѣкыа древодѣлю отшедшу, уподобися пификъ древодѣлю и на древо всѣде и цѣпити е начинаше. Мудомъ же его въ древняя цѣпины вшедшимъ и клинъ невидѣниемъ извлекшу, *сключися* древо,²⁰³ и мудомъ его ятымъ бывшимъ. Малодушествоваше же пификъ, и древодѣлю дошедшу, и *мучен бысть* велми». ...

Ихнилатъ же рече: «Разумѣхъ, яже предложилъ еси. Но познай, яко всякъ, приближайся царю, не за ради житейскыа пища приступаетъ, но славы желаетъ, еже възвеселити други, враги же опечалити. Худыхъ бо мужии нижнихъ любовно есть еже доволномъ быти, и еже обрящутъ, и обыкнути; зане и песъ, кость обрѣтъ, гложетъ ю. ... Высокоумный же мужъ не до нижнихъ стоитъ и худыхъ, но горняя ищетъ и достойнаа имъ гонитъ. Якоже и левъ, аще заеца дрѣжитъ и видитъ вельблюда, оставляетъ заеца и вльблюда гонитъ. Или нѣсть ли, яко песъ опашъ виетъ, Дѣндеже пищу прииметъ ... великому же елѣфанду отвращающуся и не приемлющу пища, едва укрощениемъ ядуша? ... Аще бо великоумный мужъ и благоподателный не на дѣлго житие проводить, но дѣлгоживотенъ вмѣняется, а иже житейскою тѣснотою живяй, не моги ни себе, ни иныа плѣзовати, маложивотенъ есть сый и страстенъ, поне аще и въ глубоку достигнетъ старость». ...

Стефанит же, възприим, рече: «Разумѣхъ, яже глаголеши, но разсмотри, яко всякъ жало имать.²⁰⁴ И егда есть кто в равночестных честенъ, достоин ему доволну быти о своем степени. Тази бо есмы и мы ... и тѣм же лобзаим наше число».²⁰⁵

Ихниллат же рече: «Обще есть житейское достояние. И великоумный муж присно творить достояние своему възсхождению, скудоумный же присно сходить. Тяготно бо есть, еже от нижних горѣ възскацати, удобно же от горних сходить, едва же възсходить. ... Подобае убо и нам горняя искати, елико по силѣ, и не точию о своем степени стояти, но и на други преходити. Хошу бо Лвова сумнѣния присвоение обрѣсти, еже к нему бесѣдованием. Зрю бо его ужасна и всюду недоумѣющася вкупѣ съ своими воины и мню, яко получу достояние нѣкое от него».

Стефанит же рече: «Како разумѣлъ еси, яко Лев недоумѣет?» Ихниллат же рече: «Разумѣх моимъ помышлениемъ. ... Разумный бо муж может разумѣти и ближняго своего помышления, смятѣя его по преложению и по образу». Стефанит же рече: «И како благодать възможеши обрѣсти от Лва, николиже царемъ поработав, ни художества имы бесѣдования их и наказованія?» Он же отвѣщавъ, рече: «Мудроумный мужъ вѣсть ходити, в немже и искушения не имать ... безумный же, в немже ся есть научилъ, и в том погрѣшаетъ». Стефанит же рече: «Царь не обыклъ есть бльша приимати что от себе, но ближняго прочим. Подобит бо ся лозъ,²⁰⁶ та бо не бльшим древесем, но ближним приплетается. Како убо възможеши присвоитися Лвови, не сый с ним?» ...

Ихниллат же: «Разумѣх, елика глаголеши, и истинна суть. Но знай дружины наша, яко не бяху преже таковии, но възидоша от нижних. Хошу убо и азъ таковым начати. ...

Глаголет бо ся, яко отрок нѣкий,²⁰⁷ присѣдя царскимъ вратом, грѣдость отложив и ярость умякчив, и досажение трѣпя, и всѣм покоряся, скорѣе убо къ цареви присвоитися. Тако и аз, егда приближуся къ цареви и разумѣю обычаи его и нравы его и угодя ему хитростью о всем, и мнит ми ся, яко таковым образом възлюбит мя Лев и болша от иных покажет мя. Мудрый бо муж и

разумный может истинну приложити и лжу составить, якоже изрядный писецъ презнаменае истинну и влагаеъ бесѣды нѣкыа приличны времени». Стефанит же рече: «Аще таковая совѣтуеши, не подобает ти еже у царя присвоение. ... Писано бо есть, яко никтоже от мудроумныхъ дрѣзает на три сиа вещи, аще ли дрѣзаетъ, едва от нихъ спасетъся: сирѣчь еже къ царемъ приближение, и еже ядъ пити за искушение, и еже вѣвѣрити женамъ тайны. Подобенъ есть царь горѣ бреговитѣй, едва преходнѣй и всякими овощми и водами умножаему; на ню же въсхождение удобно и пребывание бѣдно».²⁰⁸

Ихниллат же рече: «Истинну реклъ еси. Но иже на бѣды не дрѣзает не получаетъ желание, ниже всякоа вещи бояся, бесчестен от всѣхъ пребывает. ... Глаголетъ бо ся, ... яко три сиа вещи никтоже от страшливыхъ любит, сирѣчь царьскаа служения, и морское плавание, и скорое къ врагомъ противление. Двѣ бо мѣсте отлучишася великоумному мужу: царстии двори и еже в пустыни от пустыникъ пребывание, якоже и елѣфанду – пустыни же и царстии двори». ... Стефанит же рече: «Не престати о сихъ. Но поиди и твори, яще хочещи».

Ихниллат же шедъ ко Лву и поклонися ему. Он же въпроси его: «Гдѣ пребыл еси толико врѣмя?» Ихниллат же рече: «Неотступно присѣдя царьскимъ вратомъ, надѣявся потребенъ быти в нѣкоей работѣ царству ти. Знаю бо, яко многажды в нѣкихъ вещехъ потребни бывають и худии мужие, множицею и въ великихъ потребахъ ползуютъ. Якоже древо повержено на земли потребно есть нѣкогда къ чесанию уху». Якоже убо услыша Левъ такоаа словеса ... и рекъ своимъ: «Си блгоуразумный и словесный мужъ многажды не познавается до бесѣдования его, якоже сокровенный огонь въ тернии, егда въ светъ изыдетъ, въздушный пламень творитъ».

Якоже разумѣ Ихниллат, яко угоденъ явися Лвови, и рече: «О царю, подобаетъ рабомъ царевомъ бесѣдовати ему вся подобнаа и полезнаа, и потомъ въсприимати от него достоинаа вся почести. Якоже бо различнаа сѣмена, въ земли лежащие, не познаваются, какова суть, аще не от земли въсияютъ, ... тако и всякъ человекъ от своихъ словесъ познавается. Подобаетъ убо цареву ниже главныа красоты примѣшати къ ногамъ, ниже

ножныа къ главѣ. И иже камене честное и бисеръ со оловом соплетая, себе паче бесчестит, нежели бисер. Подобае убо князем разсматрѣти сущих под ним, воеводе же воины, царю же словесныа мужа и мудрыа. Не множеством во владалци исправляютъ начинанья своа, но изрядным совѣтом. ... Достоит убо владыкамъ не презирати менших, яже под ним: малии убо и не малии, егда въ великих ползуют. Подобае убо властелину не точию доброродныа и явленыа почитати, но достойно и словесныа мужа, и не точию о своих людех доволну быти, но и издалеча призывати. Нѣсть бо никомуже ближнейше, точию свое тѣло ... и егда время призоветъ и сие презирати, но егда болѣзнь приключится ему, далече на врачеванѣа ищет. ... И мышев бо множицею в домовех царских суть, но непотребни пребывают, аще и близ суть; птици же, нарицаемии фалкон,²⁰⁹ аще дивии есть, но за потребы своа призываются и приемлются и на царских руках сѣдят».

Сия словеса слышав, Левъ ужасенъ бывъ и глагола ко околником своим: «Не подобает властелину презирати разумныа мужа, аще от долняа части суть, но коемуждо по достоанию даяти, аще и нѣции *негодуют*». ...

Видѣ убо Ихнилат Лвово еже к нему любезное усердие, бесѣдова ему наединѣ, глаголя: ... «Что се, о царю, иже въ мнозѣ времени пребысть непоколѣбим и не преходя на мѣсто ино?» Съвѣтова убо Левъ сумнѣние свое утаити ему,²¹⁰ сприключися ему, Дѣндеже бесѣдоваху, рыкание Телчее и пристрашенъ был зѣло, рече: «Боюся от сего звѣри: да не противу гласу и тѣло его будетъ, а противу тѣлу и сила, а противу силе мудрость? Тѣмъ же аще таковъ будет, бѣжим отсуду». Ихнилат же, восприем, рече: «Не боися, о царю: излихиа гласы праздны бо суть, аще и велми слышятся.

Глаголетъ бо ся, яко лисица нѣкаа, алчюща и пища ищуща, и приключися ей вещь нѣкаа обрѣсти – тимпан, зовомый бубенъ, на древѣ висѣющъ и вѣтром колѣблем, глас испущати. Си же видѣвши лисица и убоавшися приблизитися, тимпанову видѣнью дивѣющися, ово же и гласнаго величѣя боѣщися ... обаче голодом и желанием побѣждена бывши, всу силу свою подвижни, и растрѣза его и, празно видѣвши, рече: “Оле, како

худѣйшаа телеса величайша и гласна являются!» ... Тако бо и мы нынѣ, о царю, стражем, такового звѣря гласом прельщаеми. Аще хочеши, поиду к нему и вижу, каков есть, скорѣ возвращуся к тебѣ?» ... Посла его Левъ, зане угодно явится ему слово. Оному же отшедшу, много раскаяся Лев о послании его и в себѣ помышляше, глаголя: «Что се створих, еже и къ Хнилату своа словеса вѣвѣрих? ... Не подобает властелину вѣвѣрити своа словеса и своа тайны, емуже есть когда презрѣние створил или емуже богатство отъят и славу, или насыту мужу и лукаву, и прочим таковым. Ибо Ихнилат испрѣва мудрѣйши сый, пред моими враты поверженъ бысть, и сего ради невѣрно работает ми. Или обрѣт велегласнаго сего звѣря болша онем силою, к нему присвоиться и възвѣстит неможения моа». Сия и таковая помышляюще Лву, и се явится единъ Ихнилат грядый. Яко видѣ его Левъ и радостенъ бысть, рече к нему: «Что сътворил еси?» ... Он же рече: «Видѣх велегласнаго сего звѣря, и Телець есть. И приближихся ему и бѣседовах, и ни едино врежение ми бысть от него». Лев же рече: «Да не мниши, яко немощенъ есть, зане тебе ничимже повредил есть Телець. Великий бо вѣтръ и буря малаа дрѣвеса не повреждает, высокая же, сломив, искореневаеть». ...

Ихнилат же рече: «Да ти ся не мнит, о царю, яко таковое животное сильнейше есть. Аще хочеши представлю его пред тобою и в послушании твоём будет и под областью». Возвесели же ся Левъ, повелѣ сътворити ему обѣщанное. ...

Он же шед к Телцу, дрѣзостнѣ рече к нему: «Левъ мя посла к тебѣ повести тя к нему. И аще потщишися поити к нему, простыню получиши, зане доселѣ укоснѣл еси стрѣсти его, якоже и вси. Аще ли же не ускориши, скажу ему, яже о тебѣ». Телець же рече: «И кто есть Лев, пославый тя ко мнѣ, и гдѣ пребываетъ?» Ихнилат же рече: «Царь есть звѣрем и на сем мѣсте пребывает со всѣми воинствы своими, идѣже аще ти покажу. Тѣм же послѣдствуй ми». Телець же послѣдова ему до Лва, убоявся. И се видѣ его Левъ, якоже слыша по гласу и тѣло, прият его усердно, и въпрашаа его о всем. Он же възвѣсти ему вся, яже о себѣ. И обѣщася ему Лев о всем и въ все благо, и наложи на него всяку область и паче всѣх почте и. ...

Ихнилат же, се видѣвъ, позавидѣ ему. И не могый терпѣти завистью, объяви другу своему Стефаниту и рече: «Не дивиши ли ся, еже съдѣях на себе – полезнаа бо Лвови съврѣших, а себе улиших? И приведох ему Телца, и бысть мнѣ изыщен почестию». Стефанит же рече: «Что хочещи сътворити?» ... Он же рече: «Хощу убо на первое достоание дойти и настати. Подобае бо мудрому ꙗко сѧ вещи дрѣжати: прѣвое, убо пострада добра же и зла, разсматрѣти, ꙗже сѹтъ повинна – добрым да гонит, злая же отбѣгати, таже настоащая добраа или злаа разсматрѣти, что хощет потом быти. Смыслих убо и азъ на прѣвое свое достоание дойти и настати. Но не обрѣтох подобна пути такова, точию Телца убити: се бо мнѣ полезно естъ, обаче же и Лвови». ...

Стефанит же рече: «Се видѣхом никое зло, прибывающе от Телчияго присвоения». Он же рече: «Левъ всь его естъ, о прочих не радить. *Шестми* бо вещми царь небрегом естъ и ниизлагается: еже не искати полезнаа времени, но лютостью умякчатися; а идѣже подобае кротѣти, ту сверѣпети; и еже не имѣти разумныа и вѣрныа своа совѣтники; и еже страшити и крамолити своа люди; и еже побѣжену быти в безсловесных похотех; и побѣжену быти яростью, – к сим же разсматрѣти временнаа приложения».

Стефанит же рече: «И како възможеши повредити Лва, много суща от тебе силнѣйша, многыа другы имуща и послушники?»

Ихнилат же рече: «Не взираи на мое неможение и смирение: ... мнози бо от сильных немощными побѣдишася. ...

Глаголетъ бо ся, ꙗко вранъ нѣкий вѣгнѣждашеся в нѣкоем древѣ в горѣ и от нѣкоего змиа на всяко время обидим бываше и птенца его снѣдаше. ꙗко убо множицею таковаа змию творѣща. И шед вранъ к нѣкому другу своему звѣрю²¹¹ и рече: “Хощу тебе совѣтника сътворити: вѣси бо, каковая стражу от змиа. И мнит ми ся полезно быти мнѣ приблизитися ему спящу и очи его извертѣти”. Звѣрь же рече: “Не добрѣ совѣтовал еси. Но промысли хитрость ину, еюже оного погубиши, ты же невредим пребудеши. Да не подобна пострадаеши жеравѣв”.²¹²

Глаголетъ бо ся, яко жерав нѣкий, при блатѣ пребывая исполнену рыб и от них питаюся, състарѣвся и на лов не може подвизатися. ... И гладом одрѣжим, достужи си. И поиде в нѣкую гору, и въсходя обрѣте ежа въ своей скрѣби.²¹³ И еж же рече: “Почто печален еси и скорбенъ?” Он же, въсприем, рече: “И како не скорбя?²¹⁴ Прѣвое пребывах при блатѣ нѣкоем и от рыб его питаюся, многим и обильным сущим. Днесъ же узрѣх два рыбаля приходяща на мѣсто то ... и друг другу бесѣдующе, како вся ту суцаа рыбы изловят”. И еж же, се слышавъ от жерава, приде къ рыбамъ и повѣда им, яже слыша. Они же, шедше к жераву, рѣша: “Нынѣ хотимъ совѣтника сотворити тя. Услышахом бо, яко рыбаля нѣции хотяху изловити нас”. Жерав же рече: “Ни едино предлежитъ художство, точию еже преити от сего мѣста во ино мѣсто пресѣнно и водно”. Рыбы убо рекоша: “Пренеси убѣ ты нас на таковое мѣсто, идѣже доволну пищу обрѣтше, избавитися предлежаща бѣды”. ... Он же рече: “Боюся, да не преже преложения вашего доидутъ рыбаля. Обаче елико ми есть мощно, се сотворю”. И начатъ с таковою притчею преносити по малу рыбы в нѣкой горный брегъ и тамо ядяхе их, другимъ рыбамъ мнящимъ, яко в порученное мѣсто преносити их. Въ единъ убо отъ дни умоли и еж жерава пренести того, якоже и рыбы. Приимъ его жерав и отнесе его на гору, идѣже и рыбы снѣдаше, и совѣтоваше и того снѣсти. ... Видѣвъ же ежъ кости рыбныя, тамо лежащаа, и разумѣ лествъ, и в себѣ помышляше, яко: “Нужно смертенъ буду, аще противяся жераву или аще покоряся. Нынѣ смыслихъ, да не бесчестную смерть постражу: но или добрѣ жити ми, или добрѣ умрети, тако благоумному подобаетъ”. И напрасно обзинувъ устнами жерававу шию и нужно его удави.

Сего ради таковаа сказахъ ти, о вранѣ, яко да увѣси, яко враждующе нѣции нѣкия своими сѣтми яти бывають. Но подобаетъ ти тако змиеву погыбель помыслити, яко да того погубиши, а самъ безъ вреда пребудеши: и смотри долу женскыя красоты честнѣйшия и похоти ю, и, отнесъ в гнѣздѣ змиевъ положи ю. Его же ради по ней послѣдствуютъ нѣции, и обрѣтше змиа, и убьютъ его. Еж и бысть. Тако бо сотвори вранъ и избавленъ бысть от змиа».

Рече же Ихнилат Стефаниту: «Сиа ти сказах, да разумѣши, яко мудрость есть болши крѣпости» ...

Стефанит же рече: «Аще не бы противу мужеству мудръ, оставил убо бых тебѣ таковаа бесѣдовати, но вкупѣ съ храбростью и разумен есть». Ихнилат же рече: «Истинну реклъ еси, яко таков есть. Но имам его ниизложити по искушению. Дръзаю бо и вѣруу многимъ вещемъ еже быша въ многихъ. Ибо заецъ лва ниизложилъ есть.

Глаголетъ бо ся, яко левъ нѣкий обиташе травоносно поле и водоносно, в немъ же родове звѣремъ различни пребываху и обилно от оного поля насыщахуся и веселяхуся. Точию же от страха лвова ужасаеми, совѣтъ съвѣщавше, приидоша ко лву, ркуще ему: “Совѣщавомъ вси вкупѣ, о царю, яко да тебе трудовъ избавимъ и болѣзней, себѣ же самѣмъ безпечалие сотворимъ. Ты убо со многимъ трудомъ и потомъ единого ловиши от насъ на кождо день, мы же паки, боящеся твоего лова, трепетни пребываемъ. Достойтъ убо намъ, яко на всякъ день украшаемъ твою трапезу кромѣ трудовъ”. Еже угодно явися лвови. И проводиша дни многи, жребия творяще другъ къ другу: и на каждо ихъ жребий бѣше, посылаху его къ лву. И якоже жребий доиде до зайца, и рече къ ловцемъ.²¹⁵ “Аще послушаете мене, о ловцы, избавлю васъ отъ тяготы сея, яже стражемъ”. Они же рѣша: “Еже хочещи, сотворимъ”. “Рцѣте къ ведущему мя нескоро вести мя къ нему. Егда близъ будетъ, да скрѣются, азъ же да отвѣщеваю”. Они же тако сотвориша. И шедъ заецъ медлено ходомъ, якоже лву разъяритися голодомъ, и яко явися заецъ единъ, и глагола къ нему: “Почто доселѣ укоснѣлъ еси, а не яко и прочии скоро пришелъ еси?” Онъ же рече: “Заеца друга своего влечу къ тебѣ, и нѣкий левъ стрѣте мя и похоти его. Много же ему пригласихъ и засвидѣтельствовахъ, яко лвовъ есть, и не послушавъ мя. ... Аще убо хочещи, веду тя къ нему”. Левъ же разъярився, рече заecu: “Послѣдую ти, гдѣ есть”. И поведе его заецъ въ нѣкий кладенецъ глубокъ зѣло, и створи его приникнути, яко да лва оного видѣтъ. И прииде с нимъ и заецъ, и рече: “Видѣши ли лва, иже похоти твоего заеца? И сей заецъ у него есть”. И показа ему свою сѣнь въ водѣ и лвову. Иже видѣвъ левъ и мнѣвъ, яко тако есть, въверже себе въ кладенецъ и удавился».

Стефанит же рече: «Аще разумѣши, яко неприятель Лву Телець, и можеши погубити его, дѣло начни». Онъ же рече. «Ибо ты и аз²¹⁶ и инии мнози от нас презрѣни быша Телчияго ради присвоения. Аще ли се не можеши сотворити, отчасти такового начинания, препинание бо се есть и преступление». ...

Таже единою от дни вниде Ихнилат ко Лву скорби исполненъ. И въпроси его Левъ о скръби, и рече: «Егда нѣчто ново приключися?» ...

«Приключися вещь нѣкаа неполезна тебѣ же и мнѣ. Но егда бесѣдуютъ кто и разумѣетъ, яко бесѣды его не угодно суть слушающему, к тому же, еже глаголати не смѣетъ, аще и за ползу будетъ слушающаго, аще же познаетъ, яко приятна суть словеса его, тогда благоразумнѣ и усрѣдно бесѣдуетъ. Увидѣвъ убо тебе, о царю, разумом и мудростью украшена, и дрѣзахъ, еже бесѣдовати царству ти, о нихже слышати не хочещи. Добрѣ бо знаеши извѣстнаа истинаа работа моа и надѣюся, яко истинна явит ти ся глаголи мои. Наша бо душа по тебѣ суть до смерти, и нужно ми есть полезная и удобная не утаити тебе. Не подабаеть бо ни рабу от своего господина утаити, ни болящему от врача достоитъ болѣзнь свою скрыти, ни убогому нищету свою предъ другы своими прикрыти. Увидѣхъ бо от нѣкоего достоинствѣрна, яко Телець к болярю твоимъ бесѣдова им и рече им: “Искусихъ Лва и разумѣхъ извѣстно мужество его и разум и обрѣтохъ его въ всихъ неполезна”. И от таковыхъ словесъ, о царю, познахъ безстудье его и препинание: како толико превознеслъ еси его паче всѣхъ и равночестна ся того себѣ сотворилъ еси, тѣмже не токмо же се, но и на убьение твое уготовися, и сему непрестанно поучається и помыслилъ есть твою похытити власть. И подобаеть царемъ, егда каковаго когда исправятъ кого, смертью его преже ниизлагати, Дѣндеже хотѣние свое не свръшити. Сему же бывшу, вси в тишинѣ пребудемъ. Довольнии бо мудростию чловѣци всякимъ образомъ тѣхаться не впаднути въ злаа падения, а меншии разумом и страшливии впадаютъ убо когда, промышляютъ же свое избавление, а иже до конца неполезни мудростию, аще и впаднутъ, никогда же избавления обрящутъ. И се подобно есть тремъ рыбамъ.

Глаголетъ бо ся, яко в нѣкоем блатѣ близ рѣкы три пребываху рыбы. От них же едина бо бѣше мудрѣйши, другая же маломудра, третья же никакоже. ... И прилучи же ся нѣкая вещь в нѣкій день мимоити два рыбаля при таковѣм блатци, совѣщаща другъ къ другу, яко егда възратятся, уловят рыбы оны. Мудрѣйшая убо рыба, егда услыша таковое слово, избѣже из блата и поиде к рецѣ, а прочии двѣ рыбы, нерадивѣше о своем спасении, остаща въ блатѣ. Рыбари убо, дошедше, заградиша блато от рѣкы со утврѣжениемъ. Еже видѣвши, средоумнаа рыба раскаяся, како преже не избѣже, и рече к себѣ: «Такова есть нерадящихся кончина! Которая убо хитрость моему спасению? Но аще и будет всеу потщася, обаче елико мощно ми есть, да хитрствуу о своем спасении полезнаа». Таже створи себе и мертву, и та мертвая рыба по водѣ носима бѣше. Ей же вѣровавше, рыбаля, своими руками явше у, и положиша посреде блата и рѣкы. Абие скочивше рыба она в рѣку спасена бысть. Безумнаа же рыба, бѣгавши много сѣмо и овамо, нужно уловлена бысть»

Левъ же рече: «Разумѣх притчу твою, но мнит ми ся, яко нѣсть лъсти никоеа въ Телци, зане никое зло пострадал есть от мене». Хнилат же рече: «Зане нѣсть никое зло от тебе, того дѣля на тя толико лукавьствует.²¹⁷ Толико бо его възнеслъ еси, яко ни на един степень взирати, точию на твой. Истовный бо муж смирение показывает, Дѣндеже и санъ нѣкій достигнет, емуже нѣсть достоинъ, и егда достигнет, мыслит и на другой санъ с лестию преидти. И за ничто ино работает царю, точию еже получить истинное желание. И твориться кроток, Дѣндеже достигнет упование, и, егда получит, паки лукавый свой обычай обращается. Якоже и песия опашь естествомъ крива сущи и неисправлена, егда же ужем свяжется и протягнется, тогда права, и егда развязана, абие крива сущи и развращенна по своему обычаю бывает. Сия разумѣй, о царю, яко не приемля от своих приятель словеса приятелна, подобно есть болному мужу, иже врачевнаа былиа полезнаа горчины ради отвращающася и не хотяща пити, но преслушающа врача. Глаголетъ бо ся, яко болши есть по огню и по змиям ходити, нежели жити съ злосѣвѣтными мужми».

Левъ же рече: «Благоумне глаголеши, аще и сверѣпе. Но убо вмѣним Телца, яко врагъ мой есть, не возможет бо повредить мя, траву бо ясть, а не мяса. Паче аз, кровоядецъ сый, того быхъ снѣлъ».

И псира кориди и пилюе.²¹⁸ Ихнилъ же рече: «Да ся не прельстиши таковымъ помысломъ. Глаголетъ бо ся, яко аще кто тя учредитъ, не вѣвѣри ему своа тайны, Дѣндеже видиши вѣру его и друголюбие, да не подобно постражеши, еже и вошка.²¹⁹

Вошка нѣкаа у нѣкоего велможи в тѣле в мало время крыяшеся, питающися крови его и тихо ползаущи, невѣдома баше. Въ едину же от нощи приде гостиа ея блоха, яже напрасно и без разума уязви спяща мужа и пробуди его. И въскорѣ въставъ с постеля своя и взискавъ, обрѣте вошку и уби ю. Блоха же, отскочивъ, спасеся. Аще убо ты не убоишися Телца, но егда въстанутъ на тя, иже суть у тебя, тогда убоишися».

Левъ же, таковымъ словесемъ вѣровавъ, рече: «Что подобаетъ о сихъ творити?» Хнилъ же, въсприимъ, рече: «Гнилыи зубъ инако не исцѣлѣетъ, точию да извлечетъ, и злаго ястия ядъ блеваниемъ отгонитъ». Левъ же рече: «Отселе да реку ему, да идетъ, а може хощетъ. И тако избавлюся поношения и печали, ничтоже зла въздавъ ему противъ службѣ и любве его, якоже мнѣ показа». Ихнилъ же рече, знаяше бо добръ, яко, аще побѣсѣдуетъ Телець со Львомъ, уразумѣетъ лѣсть его, того ради рече ко Льву: «Мнитъ ми ся, яко неполезно тако быти. Аще бо разумѣетъ Телець, яко ненавидимъ есть отъ тебе, на противление и на брань оплѣчится. Мудрии бо царие явѣ мучатъ *явѣ согрѣшающаго*,²²⁰ таино мучити таино согрѣшающаго». Левъ же рече: «Егда по навадѣ царь нанесетъ нѣкому муку, а не со истинною и судомъ, себе паче бесчеститъ зѣло, и срамъ *велии*²²¹ отъ люди сихъ ради будетъ ему». Инилъ же рече: «Егда придетъ къ тебѣ Телець, готовъ буди и разсматрай: прѣвѣ у очю разумѣеши, яко совѣтникъ есть. Узриши бо измѣнение лица его и трепетъ удовъ его, и на десно и на лѣво колеблящася, и рогама зѣло бости хотяща». ... Левъ же рече: «Аще таковаа знамена вижу на немъ, вѣрую глаголомъ твоимъ».

Въсхотѣ Ихнилъ ити таи къ Телцу и въздвигнути его на Льва. Но смысливъ, яко аще бесъ повелѣния Львова бесѣдуетъ съ Телцемъ,

и уразумѣет лествъ, Ихнилат же рече: «Аще повелиши ми, о царю, поиду к Телцю и видя его совѣсть,²²² и не утаится съвѣтъ его от бесѣды его». И повелѣ ему Лев поити. Вшед же Ихнилат к Телцу и вниде к нему, дряхлѣ и скръби исполненѣ. Телець же с радостию приимѣ его и о коснѣнии въспроси его, глаголя: «Что бысть вина, еже не приходиши к нам?» Ихнилат же рече: «И кое добро есть, еже не владѣти собою и ходити после господина неистинна и нетверда въ вѣре!» Телець же рече: «Егда приключися вещь нѣкаа нова?» Ихнилат же рече: «И кто может отрѣчи убѣжати? Или кто царемъ работая или приступая без вреда будет? Подобни бо суть владящии дурным блудным женам, иже многим мужем примѣшаются. Или егда учаться дѣти писменем и приходят и отходят присно, друг друга варяючи. Не веси ли убо дружбу и любовь нашу, яже имѣхом посредѣ нас? И како бых азъ повиненѣ тебѣ, зане тя ко Лву приведох, того ради хошу благоразумнѣ бесѣдовати ти. Рече бо нынѣ от вѣрных ми истинных, яко Левъ бесѣдоваше къ своим си, яко: “Хошу Телца снѣсти, одебелѣ бо и отолѣстѣ”. И сих слышав, приходхъ сказати тебѣ, яко да промыслиши о себѣ».

Яко бы слыша Телець таковаа словеса, изоумѣвся и смысли на длѣзѣ, и рече: «Что зло сотворих Лву или боляром его, яко да таковаа смыслять о мнѣ? Но иже около его позавидѣша ми и нѣчто ложно изрекоша на мя. Лукавии убо и завистливиим мужие никогда убо добра за добрых бесѣдуютъ». ...

Ихнилат же, въсприимъ, рече: «Нѣсть ти ни от коже вина, точию от Лва, присно бо той есть нелюбовенѣ и нетвердѣ въ вѣре, и неразумливѣ: первѣе сладокѣ, а потом горекъ». Телець же рече: «Добрѣ реклѣ еси. Вкусих бо сладости его прѣвѣе и доспѣхъ нынѣ до горкаго яда. Ибо не подобает ми быти со Лвом, симъ кровоядцем, травоядецъ сый яз. Несытый мой обычай такому мя падению приплете. Подобно пострадах безумным пчелам: им же добро мнится сѣсти на нимфеевъ цвѣтъ, и не въстають, дѣндеже листовие, собравшеся, удавит их. Иже нѣсть достоинѣ о малѣ имании, но простираа очи свои на многаа и далечнаа, и не промышляет о предних и задних, постражет, яко и мухи: тѣм бо не довольно есть лѣтати по цвѣтох и по древесѣх, но множицею во уши елефандовы влетѣвше, удушены

бывают». Хнилат же рече: «Остави многаа и нынѣшня смятрь. Изообрази совѣт, да избавишися от смерти».

Телець же рече: «Вѣм, яко Лвово помышление благо есть, но околнии его, лукавни суще, разваждают его. И таковое творяще соборище, аще и немощни суть, творят и неповиннаго погинути, якоже волкъ и лисица и гавран сотвориша лву.

Глаголетъ бо ся, яко лев нѣкий пребываше в нѣкоем мѣсте, идѣже бѣше путь нѣкий близ. Бяху же тамо три животнаа, любяще друг друга: волкъ и лисица и гавранъ. Купци же нѣции, мимошедше путем мимо пути оногo, оставиша велблуда на пути и отидоша. Велблюд же пришед ко лву, сказа ему, яже о себе. Лев же рече к нему: “Аще любиши со мною жити, отпускаю тя, и пребудеши у мене в беспечалии и обилии и покои во вся дни живота твоего”. И пребысть тамо немало дни велблюд. И единою от дни изыде лев на лов, и стрѣтеся съ елефаном. И сразившеся, побѣжен бысть левъ, и едва възратися ранен и острупленъ и окровавлен. И леже болѣзнию отяготен, ниже ловити уже могый, ни на ловъ поити. Оскудѣша бо пища, и не имяху околнии его, что ясти. И разумѣ о сем левъ, и рече им, яко: “Мнит ми ся, бѣжати хочете от мене”. “Мы о себѣ попещися имамы и сыти быти, но о тебѣ скръбим. И аще быхом могли тебѣ плъзу обрѣсти нѣкую, со усрѣдием содѣяли быхом”. Он же рече: “Не утаи ми ся ваше усрѣдие. Но разыдѣтеся отсуду, яко да обрящете пищу себѣ же и мнѣ”. Они же шедше близ нѣгдѣ, совѣщааста друг къ другу, глаголюще: “Что нам обещно с велблюдом симъ, травоядцемъ инородным? Но аще годѣ, да сотворим лва снѣсти его”. Лисица же рече: “Се не мощно намъ изрещи къ лву о сем явѣ, зане обѣщанье имат любезна к нему лев”. Гавран же рече: “Будите здѣ на мѣсте сем и оставите мене единого поити къ лву”. И тако бо поиде. Яко видѣ его левъ и рече к нему: “Что пришел еси? Еда нѣчто приключися?” Он же рече: “Како нам хочет добро быти со иноплеменнымъ сим велблюдом? Но аще хочещи, слушай нас”. Лев же прогнѣвався и рече: “Оле, дръзости и сверѣпства! Не веси ли, яко обѣщания любезна и согласиа к нему сотворих? Не подобаше ти ко мнѣ таковыа бесѣды глаголати, не подобаше мнѣ се сотворити”. .. Гавран же рече: “Добрѣ судилъ еси, о царю. Но

едина душа за всего дома предається, и дом о *градѣ*, и град о всей странѣ, и страна вся о цари. И мы нынѣ о тебѣ стражем и скръбим о лишении брашен, и не обращем ти плъзы, да избудеши поношения”. И сия рек, възратися къ своему и дружинѣ, и сказа им, елика слыша от лва и елика к нему бесѣдова. Они же смыслиша вещь таковую, яко вси вкупѣ приступят ко лву и коиждо себе дати лвови въ снѣдение. И егда един о себѣ речет, тогда другой да отвѣщает: “Нѣси потребенъ”, Дѣндеже слово и до велблуда доидет. Се смыслиша и придоша ко лву, имуще съ собою и велблюда. Пръвѣ убо гавран рече: “Зрю тя, о царю, зѣло немощию отяготена и насытием посрамлена. И много быша благодѣяния твоа на мнѣ, но не имам что принести ти, точию себе. Си прочее без омышления снѣжъ мя”. Они же рѣша: “Престани блядити, мал бо еси тѣлом и худ”. Лисица же рече: “Да аз убо, о царю, доволнаа пища будетъ ти днесъ”. Волкъ же рече: “Пристани и ты, смрадно бо есть твое тѣло и на пищу непотребно. Паче аз на пищу угоденъ есмь и готовъ и усрѣденъ”. Гавран же и лисица вкупѣ отвѣщеваху: “Иже нѣсть вкусил песья мяса твоа, да вкусит, и в недугъ впасти имать чревный”. Мняшеся бо и велблюд, яко и о нем имут отложити, и рече: “Аще и вси непотребни суть, но и азъ плоти многи имам и на пищу сладок есмь”. Они же вкупѣ велми рекоша: “Истинну реклъ еси, о велблуде!” И нападше на нь растрѣгоша и напрасно.

Боюся убо, да не и азъ тако же постражу от слуг Лвовых. Аще бо и Лев моеа погыбели не хочет, но околнии его поучают его на таковое дѣло. Капля бо часто каплуци измывает камень. Тѣм же *уготовлюся* на противление его. Нѣсть бо такова плъза и похвала ни постнику, ни милостиву, ни молящемуся, елика есть тому, еже избавити себе от смерти, аще и на единъ час». ...

Ихнилат рече: «Не подобаетъ никому о своемъ спасении не радати, но преже хитрити и потом въ брань уготовитися. Мудрый бо муж не покоряться, Дѣндеже ниизложит их.²²³ Послушай убо мене, полезная ти бесѣдую. Иже убо от друга своего не приемля приятелна словеса, постражет, яко и желва.

Глаголетъ бо ся, яко в нѣкоем источницѣ пребываху два норца и желва, и любяху друг друга. Нѣкогда же по днех мнозѣх

оскудѣ вода от источника. И достуживше си норци, восхотѣша бѣжати от мѣста оного. И рече им желва: “Вам убо нѣсть печали о оскудѣнии воды. Вѣм бо, яко лѣтающе крилы своими обрѣсти имате воду. ... Но мнѣ, оканнѣй, горѣ! Камо заползѣти или гдѣ? Молю вы ся убо, возьмите и мене съ собою и принесите аможе хотите”. Норци же рекоша: “Аще не преже обѣщаешися намъ, яко да не проглаголеши, Дѡндеже отнесем тя, не имаши поити с нами”. Она же съ клятвою обѣщася им не проглаголати на пути. И взявше норци древо право, повелѣша ей древо ухапати в половине. И егда ухапа желва древо, тогда норци краа древу взявше, въздвигоша на въздух съ собою и желву. Случи же ся нѣкоим челоуѣком путем онѣм мимоити ... възрѣша горѣ и видѣша желву между норець висящу, удивишася, глаголюще: “Видѣти чудо и знаменье, желва бо посредѣ двою норець на въздухъ летит”. Желва же, слышавши се, отврѣзе уста своа проглаголати противу бесѣде имъ, и тако отврѣзши уста своа проглаголати, паде на землю и сокрушися. Тако збудется, иже не съврѣшает обѣщание».

Телець же рече: «Не тако безстыдно начну о Лвовѣ погыбели». Ихниллат же рече: «Аще видиши на Лвѣ знамение таково, вѣруй моим словесем: сирѣчь очи дивнии кровавыи, устрѣмление неодрѣженно и колѣбание часто опаши его, тогда разумѣй, яко на тя готовится».

Таже вниде Телець ко Лву, видѣвъ его измѣнена образом и знамениа вся, яже рече ему Ихниллат показующа, и ярости наполнився и рече: «Болши есть въ гнѣздѣ змиевѣ пребывати, нежели у царя». И сия рек, на противление Лву ста. Видѣвъ же Левъ таковая, приплетеса с ним на брань.

Бяше же тамо Стефанит; призва своего друга Ихниллата и рече: «Виждь и лествь, юже еси сшил, и кончину сматрай. Лва бо посрамил еси и Телца погубил еси. Не вѣси ли, яко мудрый прѣвосовѣтник царевъ не оставляет его на брань устремитися, аще миром мощно есть уткмение быти, аще и врази немощни будут? Мудрость бо многосилныя побѣждает. Аз же отнелиже видѣх твою гордость и лакомство и разумом познах, яко не имаши добро сотворити. Ничтоже бо ино не погубляет владалца, точию же приимати словеса от таковых, якоже еси

ты. ... Украшает словеса разумом, а разум правдою, подаяние – тихость, благозрачие образа – душевнаа красота, богатство же – и милостыни, еже къ требующим, а животу – здравие и веселие. Разумѣй о сих, яко разумом бодрѣ есть мудрый, и упивается неразумиємъ безумный. Тако бо стражут и лиинаковии очи,²²⁴ зане праздныи не могут видѣти, того ради в нощи лѣтают. Всяк бо царь, иже таковы рабы имат, подобенъ есть водѣ чистѣ и краснѣ, исплѣненѣ же внутрь ядовитых звѣрей,²²⁵ и еже водѣ не смѣет приблизитися, аще и зѣло безводиєм опалается. Ты бо никогоже въсхотѣл еси присвоитися, паче тебе у Лва. Но царство съ множеством люди *состоится*, якоже море со своими волнами, и тако бо страшно плавающимъ является. Безумно бо есть, еже временно любити кого, и радоватися погибели дружнѣй, а себѣ плъзы искати. Совѣта блага ничтоже крѣпчайши, и дѣла прогадлива ничтоже пакостнѣйши. К сим же вѣм, яко зане ти таковая бесѣдую и поучаю тя, тяжек ти являюся. Рече бо от мудрых: не обличай безумна, да не возненавидит тебе.²²⁶

Глаголетъ бо ся, яко нѣции пифици в нѣкоей горѣ пребываху в зимно время престуденно и обрѣтоша²²⁷ ту сокровище злата, яко отшед оттуду, сокрыша в земли и совѣщаша совѣт: “Елико есть требѣ, возмем от злата, а прочее в земли да скроем. И егда требуем, да вземлем по малу, Дѣндеже все изнурим”. И сим образомъ дружба их на длъго врѣмя пребысть, вѣрова бо препростый лукавому оному. И погребоша злато оно поддревом нѣкоим, велием дубом, и съкрывше възвратишася въ своя. По нѣкихъ же днех изыде таи лукавый и прекраде злато все. И по времени нѣкоемъ рече препростый лукавому: “Поидем, аще ти есть годѣ, и возмем нѣкую часть от злата, еже имамы в земли”. И шедше и землю раскопавше, ничтоже обрѣтоша. Начат убо лукавый власы своа тръзати и пръси своа бити и въпити на препростаго, яко: “Съкровище украл еси”. Препростый же тмами клятвами того утвержаше, яко: “Ничтоже тако сотворих”, конѣчнее же к нѣкоему судѣ приведе его. Судья же рече: “Аще тако на препростаго оклеветаеши, даждь и поличие”. Он же рече: “Дуб сам свидѣтельствуе истинну, аще и безгласен есть”. И шед ко отцу своему лукавый, сказа ему, яже о себѣ, и умоли

его, да внидет в дубъ, бѣше бо дубъ он дупленъ, и да проглаголетъ из дуба, яко препростый взял естъ съкровище. Отець же его сие рече: “Азъ убо сие створю, но блюди, да не въ своихъ сѣтехъ ятъ будеши”. И шедъ отецъ его вниде в дубъ. ... И судьи пришедшу и въспросившу дуба, и глас изыде из дуба, яко препростый взялъ естъ сокровище. ... Се убо слыша судья и разумъ лукавство, и повелъ дуб запалити огнемъ. И яко разгорѣся огонь, и възиде дымъ на скрытаго оноу, и напрасно възпи, и извлеченъ бысть. И лествъ исповѣда, и зѣло мученъ бысть и съ сыномъ своимъ. И отъяша имъ злато, тако бо повелъ судья быти, и възратиша все препростому. Таковая бо естъ лукаваго челоука и лъстиваго кончина. Азъ бо всегда твоего языка бояхся, яко и зубъ змиевъ. И добръ бо рече, рекый: “Бѣгайте лукавыа мужа, аще и сродници и ближнии суть”. Подобно сотворилъ еси купеческое.

Глаголетъ бо ся, яко купецъ нѣкий, хотя поити на купю, положи пологъ у нѣкоего желѣзо за 100 сребреникъ. И егда възратиться от купия, приде къ тому, у него же бѣше пологъ, и рече ему: “Дай же ми желѣзо, еже положихъ у тебе”. Онъ же рече: “В нѣкоемъ кутѣ дома моего погребохъ твое желѣзо и изѣдоша е мышкы. И не жали си о томъ, понеже къ намъ здоровъ пришелъ еси. Но приди къ намъ днесъ, да обѣдуемъ и порадуемъ о твоёмъ прибытцѣ и доходе”. Онъ же, послушавъ его, обѣдова у него. И по обѣдѣ, изыде поити въ домъ свой, и стрѣте сына челоука того, ему же бѣше предалъ желѣзо. И ятъ его, отведе въ домъ свой и скрывъ его въ кущи. И възратися, обрѣте челоука оноу въпрашающа всѣхъ о сынѣ своемъ, и рече къ нему: “Аще сына своего ищещи, видѣхъ его на въздухѣ носима отъ орла”. Онъ же възгласивъ и рече: “Видѣсте ли орла челоука носяща по высотѣ?” Онъ же рече: “Ей! Идѣже мышевъ желѣзо ядятъ, ту и орлы челоука въсхыщаютъ на высоту”. Онъ же позна умъ не бывшее, възврати желѣзо, елико бѣше приялъ, а сына своего възятъ.

Тако и ты посрамишися, о Ихнилате, зане ложнаа словеса плетещи. Но злый ничтоже не обрѣтаетъ, точию да ся зоветъ золъ. Горький бо плодъ, аще и множицею помажется медомъ, не отлагаетъ своя горчины въ сладость. Похвално бо еже съ мудрыми мужми

любитися и бесѣдовати с ними, от лукавых же и злых отбѣгати. Якоже бе вѣтръ смрад вземлет и носит повсуду и просмражает всѣх, тако иже с лукавыми чловѣкы бесѣдовати, просмражается от него. Тѣм же и еще мнит ми ся, яко тяжек ти ся являю, зане ты тако поучаю. Ненавидят бо безумнии людие мудрыхъ присно, а ненаказаннии наказанных, и злии незлобивых, и развращенныа благых».

И сия бесѣдующим им посреде себе, и уби Телца Лев. И по убьении его раскаяся Лев о убьении его. Ихнилать же шед ко Лву и видѣ его дряхла и рече: «Почто раскаялся еси о Телци? Не веси ли, яко укълоснувши непрѣтка²²⁸ персть нѣчий, напрасно перѣсть отсѣкается, да не все тѣло обоимет и погубит; и не милует своего прѣста за ради всего тѣла своего».

Тако убо, рече философ, злый и лукавый муж, аще себе примѣсит посреде друзей, любовь и дружбу имущих, во вражду и въ мятеж претворить любовь их.

Царь же рече к философу: «Извѣсти ми о Ихнилать по убьении Телчи».

Философ же, восприим, рече:

По убьении Телца изыде вонъ Леонтопардос, иже быше учитель Лвовъ и вѣрный совѣтник, и приступи ко вратом Ихнилатовѣм, и услыша Стефанита крамоляща и поношающа Ихнилата, о нихже сотвори на Телца, яко: «Не убѣжиши, рече, от Лвовыхъ рукъ, и аще таковаа увѣсть». Сия слышав, Леонтопардос уразумѣ все подробну и, вшед к матери Лвовѣ, и сказа ей вся, елика слыша.

И егда бысть утро, приде матери Лвова къ сыну своему. Видѣвши его дряхла и скръбна, и кающася о смерти Телца, и рече к нему: «О чадо, раскаяние и печаль ничтоже ино творит чловѣку, точию тѣлу искушение и уму омрачение, но бодрѣ буди и не жали си. Вѣм бо и без рѣчи твоего, яко и за Телца жалиши и малодушествоуеши, егоже без вины погубил еси. Аще бы ты праведенъ царь, подобаше ти разсудити о нем. Глаголетъ бо ся, яко отдавай друг другу сердца. Рече ми убо, яко имѣлъ еси у себе Телца?» Лев же рече: «Присно убо Телець любовен ми быше, и вѣровах ему о всем, и наказания его приемлях, и не быше ми от поучения его никое зло. Нынѣ же пакы каюся и

оскрѣбляюся о смерти его, зане познаваю, яко неповинен ми бѣше, но прельстихся словесы ложными льстиваго Ихнилата». Лвова же мати рече: «Услышах нѣ от коего достоинствѣннаго, яко зависти ради облыга у тебе Ихнилатъ Телца». Лев же рече: «Кто есть сказавый тебѣ?». Она же рече: «Подобает тайны своихъ любовныхъ соблюдати. Не храняй бо тайны обесчестиваетъ свою съвѣсть и свою вѣру посрамляетъ». Лев же рече: «Во иныхъ притчахъ соблюдати таковаа, а инде же явлена суть словеса подобаетъ да ся явить истинна. Яко да обидимымъ мщеніе обрящетъ, тѣмъ же подобаетъ согрѣшение прикрывать. Праведенъ царь не клеветами мучитъ, ни облыганиемъ томитъ, но истинною и правдою. Боюсь, да не такоже раскаюся о Ихнилате, якоже и о Телци». Мати же Лвова рече: «Не надѣяхся да ся боиши от моихъ словесъ». Левъ же рече: «Не боюсь словесъ твоихъ, но хочу истинну на съвѣтъ извѣсти». Она же рече: «Боюсь да створиши, и безчеловѣчна явлюся».

Сия убо слышавъ Левъ от матери своея, призва вся околныя своя. Призва же Ихнилата. Видѣвъ же Ихнилатъ Лва дряхла, рече къ ближнимъ своимъ: «Что се зрю бо Лва скрѣбна и жалости исполнена?» Отвѣщавши же мати Лвова и рече: «Не за ино что жалуется, точию зане ты есть оставилъ доселе с живыми ходити. Претворилъ бо еси лестью оканнаго Телца убить».

Ихнилатъ же рече: «Виждь, яко всякъ, тѣсаяся на благое, готовъ есть да зло пострашетъ. Того бо ради оставиша пустынницы, еже съ челоуѣкы пребывание, и изволиша пустыня. Азъ бо, яко приятель Лвовъ, сказахъ ему, яже о Телци. Огнь бо съкровенный въ кремыцѣ желѣзомъ изгонится, и согрѣшения елико испытуются и исправятся, толико паче исправятся и открываются. Аще быхъ вѣдалъ, яко согрѣшилъ есмь, не быхъ убо здѣ былъ, но в нѣкоемъ мѣстѣ сокровеннѣ бывалъ быхъ. Молюся царскому величеству, яко да испытаетъ извѣстно, еже о мнѣ, или самъ, или иному повелитъ праведному испытателю, иже не имать истинну в лъжу претворити, ниже на лица судити, ниже иматъ послушати моя завистники. Многы бо таковыя клеветники приобрѣтохъ нынѣ за любовь, яже имаше ко мнѣ царь. Аще ли се не сотворится о мнѣ, не имамъ къ кому прибѣгнути, точию къ Божию благоутробію, иже испытаетъ

сердца и утробы.²²⁹ И к сим же не боюся смерти, зане оставлена есть всякому смерть. И аще бых имѣл тмами душъ, не бых пощаждѣл их царева ради угрождения». И отвѣщав нѣкто от боляръ, рече: «Не бесѣдуй таковаа о царевѣ любви или о своей работѣ, но о нихже беззаконновалъ еси, отвѣщай». Ихниллат же рече: «Не вѣси ли, о безумне, яко нѣсть ничтоже в живых честнѣйше, паче душа их? И аще азъ о себѣ не отвѣщеваю, кому печаль отвѣщевати о мнѣ? Но проявил еси предъ всѣми зависть, яже еси имѣлъ в себѣ, и показалъся еси, яко не друголюбенъ и не твердъ въ вѣре. Остави же предстояти цареви, не достоит бо ти такому завистливу предстояти цареви». Сия слышавъ, он изыде уныл.

Лвова же мати рече ко Ихниллату: «Дивлюся твоему сверѣпству, о Ихниллате: яко таковаа дрѣзну беззаконна сотворити, безсрамныа глаголы к намъ бесѣдуеши». Ихниллат же, восприем, рече: «Почто мя единѣмъ оком зриши? Не веси ли, яко изначала двѣ оцѣ имаши? Но яко по пророку вси уклонишася вкупѣ и непотребни быша,²³⁰ нѣсть ни единъ, иже правду любит и истинну. Царь бо за излихиа своа благодати не обличает мя, ни страшит». Она же рече: «Видите лукаваго сего и неистовнаго, како толика беззаконнаа содѣлавъ и въ великаа впад согрѣшения, превратити начинает истинну и хочет нас словесы своего лукавства прельстити!» Он же рече: «Нѣсть лѣпо женам в мужская вещи входить, ни мужу в женскаяа. О горе мужу и дому тому, идѣже жена владѣет! Безуменъ есть, иже пред царемъ отвѣщевае без вопрошения. Иже злая творит, неприятенъ никомуже, ниже отражает приходящаа злаа». Мати же Лвова рече: «Да ти ся не мнит, о невѣрнице, яко убѣжати хочеши от осудителнаго мучения, аще и многословия плетеши». Ихниллат же рече: «Таковии суть, иже ложнаа творят, и от правды укланяющеся, и ни въ словесѣх своихъ, ни в дѣлех утвержени». Видѣвъ же мати Лвова Лва ничтоже о сих глаголюща и рече: «Солгаша, елика глаголаша на Ихниллата, яко истинну бесѣдует, иже пред царемъ съ дрѣзновением глаголетъ, и ни от когоже възбраняемъ».

Тогда повелѣ царь в темницу въврещи Ихниллата и оковати его, Дѣндеже о нем испытает. И по оковании его исповѣда Лву

мати его, яко: «Леонтопардос сказа ми яже о Ихнилать». Лев же рече: «Остани его. Узрит бо, что хочет пострадати».

Нощию же Стефанит ко Ихнилату пришед и оковании его видѣвъ, и проплакася, и рече: «Си суть, яже ти преже глаголах, но гордостию и високоумиємъ побежен бывъ, не приемляше моя словеса. Зри убо съврѣшенъе». Ихнилат же рече: «Истинну реклъ еси. Непрестанно наказавалъ мя еси полезнаа, но азъ не послушах тебѣ: насытием бо одрѣжим бых оканный. Подобно пострадах болных, иже знают, яко неполезна им есть от нѣкоего ястыя, но лакомъством своим вкушающе, поврѣжают себе. Нынѣ же точию о себѣ боюся, но омышляю о тебѣ – да не за ради дружбу и любовь, яже имѣхом, ят будеши и ты и нужею исповѣси, яже о мнѣ, и смерть исходатаиши себѣ и мнѣ».

Стефанит же рече: «И азъ таковаа смыслих, но поучаю тя, яко да исповѣси съгрѣшение свое. Болши бо есть здѣ мучену быти, нежели во оном вѣце». «Да трѣпя, Дѣндеже видя, что хочет быти».²³¹ Стефанит же *прискрѣбенъ* бывъ и пристрашен и шед напои себе яда и издше.

Наутриа же Левъ призва судья и Леонтопардоса, Ихнилата, яко да вкупѣ будет суд. И сшедшимся всѣм, и рече Леонтопардос: «Нашъ царь, о воины и дружино, непрестанно печеться о убьении Телца и о Хнилатовѣ злосъвѣтии. Рече убо, аще кто нѣчто знает о нем, да глаголетъ. Не хочет бо царь без суда муку нанести». Судья же рече: «Сый да еже вѣсть кто о таковѣй вещи, да исповѣсть. *Зол бо муж*, аще убьенъ будет, погубление зло бывает и на ползу прочии поучятся». Ихнилат же рече: «То молчите? Овый же знает нѣчто мнѣ, да глаголетъ, азъ о себѣ да отвѣщеваю. И аще ни кто не вѣсть ничтоже и глаголетъ лжу, подобно постражет неумѣтелна врача.

Глаголетъ бо ся, яко врач нѣкый приде в нѣкый град. Приключи же ся дщери властелина того в недуг впасти. И повелѣ нѣкый врач премудръ, но слѣпъ, яко да былием уврачуе ону. Призванъ бо бысть и странный он врач, яко да разсудит о былии оном, еже рече слѣпый он врач. Он же, невидѣнием *ино былие подобно* разстворив, дасть ей пити. Она же, испивши таковое, въ чревѣболѣзненный недугъ впадши и умрет. И принудиша родители ея у врача одного испити от одного

зелиа и была. И пив, смертнаа страждаше. Тако убо стражет, иже бесѣдует и творит, яже не вѣсть».

Въстав же пръвый магеръ и рече: «Послушайте мое слово, о дружино. Являет бо ми ся Ихнилат льстивъ и лукавъ. Глаголетъ бо ся, яко иже имат лѣвое око мало и мъгливо и вѣжди возвышенъ и, егда ходит, долу главу прекланяет, тои клеветник есть и лукав. Зрим же убо оканнаго сего, яко таковъ есть». Ихнилат же рече: «Вси есмы под небесемъ и никтоже възиде превыше небесъ. А сый бѣсѣдуай таковаа, мнит ся, яко мудръ есть, но мниши ся безумне, яко иже во очию твоею беръвно не видиши, а иже во очеси ближняго си сучецъ видиши,²³² подобнѣе стражеша безумныа оны жены.

Глаголетъ бо ся, яко женѣ двѣ, от плѣна избѣгши с мужем, нази ходяху. Едина же от них нѣкыя рубы обрѣтши и свой студ покрываше, възвративши же ся другаа жена и рече: “Не стыдиши ли ся²³³ нага ходящи?” К ней же муж он рече: “Не блюдеши ли, о безумнаа, свою наготу, но туждая наготы поносиши?” Таков и ты, о протомагере, явился еси. Не видиши ли себе, каковы смрадныа струпы на себѣ имаши, дрѣзаеши предстояти цареви и того работу рукама осязаеши?»

Сия слышавъ, протомагер раскаявся, о нихже реклъ есть, и проплакася. И исправив от нѣкоего Лев, яко истинна есть, яже о протомагерѣ, и отпуди его от себе. И назнаменася в писании той суд, и паки затворенъ бысть в темници Ихнилат.

Нѣкто же друг Ихнилатовъ приде к нему в темницу и сказа ему Стефанитову смерть. Горко же плакав: «Не подобает ми, рече, уже живот днесъ, зане такова друга вѣрна и любовна лишихся. Добрѣ бо рече рекый, яко во время искушения стичаются вся лютаа».

Потом предста судищу. И видѣв его, воевода рече: «Разумѣх, о Ихнилате, дѣла твоа и нѣсть утаилося ни едино от них. И аще не бы цареву благоутробие велие и неисчетенно, не бы оставил тебе доселѣ в живых». Ихнилат же рече: «Аще неизреченно есть оного благоутробие, но и твое сердце проклято есть и жестосердо. Видя бо твоих похотей желание, како преже осужения моего смерти осужаеши мя. Не порицаю ти о сей вещи, присно бо лукавии и злии добрым противятся и

ненавидят их». И судья рече: «Но достоин болярм истинну бесѣдовати и обличати и запрѣщати ненаказанныа мужа. Поучаю тя, о Ихнилате, яко изволи здѣ мученъ быти, нежели в будущем вѣце. И исповѣжь истинну предъ всѣми нами». Ихнилат же рече: «Истинну реклъ еси. Подобае убо всякому избрати мудрому от временныхъ приснотребуемая. Но неповиненъ есмь от сего прегрешения и не подобаетъ ми причастнику быти с вами о пролитии моеа крови. Аще бо иже нѣкое солжетъ, мерзокъ и безуменъ является. Колми паче, иже себе лжетъ? Кою ми приобрящетъ похвалу? Блюдѣте убо, да не потомъ раскаетесь, егда ничтоже возможете успѣти. И блюдѣтеся, да не постражете, якоже и лжесвидѣтелие.

Глаголетъ бо ся, яко нѣкій крагуаръ вжелѣ жену господина на своего, яко лещи с нею. Она же не обращашеся к нему. Прогнѣвавъ же ся о семъ красуаръ, улови в нѣкій день двѣ сои и научи едину бесѣдовати перьскимъ языкомъ, яко: “Видѣхъ госпожу свою со вратаремъ”; другую учи глаголати, яко: “Не глаголи ничтоже”. Въ единъ убо от дни приключися господину с персы обѣдовати, и слышаша соя перьскимъ языкомъ глаголюща и бесѣдующа, и полюбиша ихъ. Таже и словъ, еже бесѣдоваху соя, исповѣдаша персяне они. Крагуаръ же внѣ стоа и рече: “И азъ свѣдѣтельствую, яко таковое дѣло видѣхъ”. Господинъ же его разъярився, хотяше свою жену убити. Она же яже о крагуари сказа мужу своему, яже: “Лестъ на мя сшилъ есть, зане не послушахъ его на скверно дѣло. И ину бесѣда не знаятъ соя перьскими, кромѣ слова, иже ихъ научи крагуаръ”. Въпроша же соа персяне о нѣкихъ рѣчахъ, и обрѣтоша ихъ, яко ино ничтоже не вѣдятъ, точию лукавое оно и ложное слово. Пришедши убо крагуарю госпожа его и рече: “Не боиши ли ся Бога, яко таковая на мя свѣдѣтельствующи? Тако ли есть было дѣло?” Онъ же рече: “Тако есть было”. И сия рекши ему, напрасно въскочи крагуй и извертѣ ему очи. Тако и ты постражеша съ дружиною своею, аще лжесвѣдѣтельствующи на мя».

Никому же бо возмогшу Ихнилата осудити, паки затворенъ бысть в темници дни 7. Мати же Лвова Лву рече: «Аще нечестиваго сего от осужения отпустиши, познай, яко вси, иже под тобою, еже хотятъ сотворити, безъ печали сотворятъ, извѣстие

бо прииметь, аще и зло сотворить, не постражет ничтоже». Видѣ убо Левъ насилие матери своея, повелѣ, да убьют Ихнилата.

Таже рече философ: «Разумѣйте таковаа и познайте, яко всяк мужъ, иже сшивает лествицу на друга своего, впадет в ровъ, иже содѣла».

Притча третья. По убьении Ихнилатовѣ въпрос царевъ.
Царь же рече: «Разумѣхъ таковую притчу. Но еще скажи ми другую притчу о друзехъ, иже любятца и в любви присно пребываютъ». Философ же восприимъ, рече:

Друга вѣрна нѣсть измѣненіа сущихъ ничтоже. Да скажу се явѣ. Глаголетъ бо ся, яко нѣ в коемъ градѣ мѣсто бѣше на ловѣ угодно. На немъ же мѣсте бѣше дубъ высокъ и дупель, в немъ же вгнѣздася гавранъ. Въ единъ убо отъ дни видѣ ловца оба люта, на рамя убо мрежу носящю, в руку же жезлъ дрѣжаща. И того видѣвъ устрашися и смысли в себѣ пребыти на томъ дубѣ, идѣже гнездо его бѣше, яко да узритъ, что хошетъ сотворити. Ловець же мрежу простеръ и поврѣже в нея зерна пшенична. Голубъ же нѣкый болший отъ иныхъ видѣвъ зерна пшенична, мрежи же не узрѣ, впаде в нея съ прочими голубы. Ловець же, видѣвъ се, возвеселися велми. Начаша голуби во мрежи смущатися. Прѣвый же надъ ними голубъ рече: «Не боитесь, но вкупѣ другъ другу помозѣмъ, яко да возможемъ крилы своими мрежу двигнути». Они же тако сътвориша и въздвигоша на въздухъ мрежу. Се видѣвъ, ловець удивися убо, но не остави ихъ, послѣдовавъ же по нихъ, мня, яко не много имуть лѣтати. Гавранъ же все соблюдаше, яже о нихъ. Болший же голубъ, видѣ ловца по нихъ идуща, рече къ прочимъ голубемъ: «Ловець сый послѣдуетъ намъ. Да аще по полню мѣсту лѣтание сотворимъ, не оставитъ же гонити насъ. Аще ли же по горнихъ и непроходныхъ мѣstech лѣтание сотворимъ, скорѣ убо оставитъ насъ. Еще имамъ на томъ пути мыша гостя; и аще до него доидемъ, скорѣ узы наша разстрѣгнутъ и насъ свободитъ». Видѣ убо ловець в недоумѣнии начинание ихъ и возвратися.

Гавранъ же послѣдоваше по нихъ, яко да узритъ дѣло спасения ихъ, вкупѣ же и любимаго имъ мыша узрѣти. Яко идоша до гнѣзда его и снидоша землю. Мышь же изшедъ видѣ голубя, съ радостию пріятъ его и рече: «Кто тя таковымъ узамъ, о любимиче,

приплете?» Он же рече: «Часть мя таковым лютым приплете, яко ослѣпѣл бѣх и на зерна пшенична облакомихся, и во мрежи ях бых. Нѣсть убо дивно о сем, зане впадох аз в таковое падение, болшии бо от мене и в горшаа впадаютъ. Солнце бо луною омрачаемо исчезает, луна же сѣнию земною покрывается; и рыба морьскаяа из глубины извлечитъся; и птица небесная от въздух сводятъся, егда будет им повѣлѣно». Сия рекъ, нача мышъ глодати узы мрежныа. Голуб же рече: «Начни прежде ослободити сущая под мною, потом же разрѣши и мене». Мышь же не послушаше я разрѣшити всѣх, точию друга своего единого. Яко на длъго простираше слово голубъ, и не послушаше его мышъ. И рече ему голубъ: «Не порочи ми, о мышу, о нихже ти бесѣдую, понеже ми есть дал Богъ область над тѣми голубы всѣми, достоин ми, яко да промышляю о них. Вѣрно бо и приятелно поработаша ми, и за пособьствие их и поспѣшенье Богъ освободи нас от сѣтей сих ловчихъ. Молю же ся, да не мене прежде разрѣзав, о сих облѣнишися. Болши бо ми, еже азъ буду во узах, неже едина от сих». Мышь же рече: «Сия твоа словеса творят и сущаа под тобою, яко люби тебя и прияти тебѣ». Сия же рекъ, разрѣши всѣх от юз, и разрѣшени быша и отъидоша.

Видѣвъ же гавран бывшее, сниде к мышьему гнѣзду и пригласивъ его. Он же рече: «Кто ты еси, любимиче?» Сей же рече: «Азъ есмь гавран, и видѣвъ твое усръдие, еже има къ другом си, въсхотѣх дружбу имѣти с тобою, и о сем приходх к тебѣ». Мышь же рече: «Коя есть община и тебѣ и мнѣ? Подобаеет убо мудрому силная искати, а немощных небрежати. Иже бо таковая начинаай, уподобился еси мужу, иже по водѣ возит кола, а по суху корабль. Како буду тебѣ друг, пища тебѣ сый?» Гавран же рече: «Разсуди своим помыслом полезная себѣ. Нѣсть бо никаа полза, аще зѣм тебе, паче же полезно ми есть, аще ты в живых будеши и поспѣшьствуеши ми о всем. Не подобает ти тща пустити мя от чаания моего, извѣстие бо имам о любви твоей, еже имаши къ другом си, аще ты сам показал еси мнѣ. Мудраго бо мужа добродетѣли телчи уподобился благоуханию, иже наречется греческим языком мосхос,²³⁴ иже, покрываемо, является своим благоуханием». Мышь же рече:

«Велиа есть обычнаа вражда. Лев бо со елефаном присно враждуются, якоже и мышь с коткою. И не подобает врагу вѣровати. Вода бо аще и огнем согрѣвается, но свои обычаи не отлагает: възливаема на огнь погашает его, аще укропъ есть». Гавран же рече: «Разумѣх, яже глаголеши. Но моя любовь не тако будет; яже именем створити с тобою, но тверда и извѣстна. Якоже бо златый съсуд с трудом ковется и съврѣшается, и к тому не съкрушается, скуделнични ниже удобнѣ творятся и удобнѣ разсыпается. Тако истинная сущая любовь едва съвершается, но нерушима пребывает, нечистая же и неистовнаа любовь скорѣе и удобнее составляется и скорѣе разсыпается». И мышь, отвѣщав, рече: «Приемлю ти любовь, зане никогда кого от молящих ми ся тѣща отпустих. Аще бо и вѣру свою не соблюдеши, но аз твоим словесем вѣрую. Вѣм бо, яко и похвалишься когда и речеши, яко: “Обрѣтох мыша безумна и прельстив его снѣдох”, – бесчестие ти будет». И сия рек, мышь изыде из гнѣзда своего, но не весь изыде. Гавран же рече: «Почто весь не исходиши?» Мышь же рече: «Иже в житии сем пребывающеи двоими вещми любятся: овии бо заповѣди ради любовь творят, друзии же телесныа ради потребы. Подобни суть ловцу, иже помѣтает пшеницу во лщение птицам: не птицам бо ползу творит, но себѣ. Аз же не за ино что любовь творю с тобою, точию моления твоего ради, и ничтоже ино возбраняет ми изыти к тебѣ, точию зане боюся единомысленныа ти гавраны: видѣнием бо подобни суть тебѣ, обычаем же не подобни». Гавран же рече: «Не боися сих ради. Истиннаго бо *любления* увѣрение си есть, еже и любити любовныа и враждовати враги. И аз зане тя люблю и моя дружина любити тя имят». Сия рекши гаврану, изыде мышь из гнѣзда своего весь. И любовь посреди их съврѣшися.

Въ единѣ убо от дни рече гавранъ к мышу: «Зрю домъ твой, яко близ пути есть, и боюся, да не мене ради познанъ будеши и погибнеши. Но вѣм мѣсто нѣгде отлученно от челоуѣкъ, на немже суть рыбы доволны и прочая различная пища. Имам же на том мѣсте желву гостию и хочу, яко да и ты поидеши тамо питатися и пребывати с нами». Мышь же рече: «Поиду с тобою!

Аз возненавидѣх бо здѣшнее пребывание вины ради, о нейже скажу ти, егда до мѣста оного доидем».

Взем же гавран мыша за опашь и отнесе его до источника, в нем же пребываше желва. Она же, видѣвше гавранъ мыша носяща, мняше, яко туждѣ есть, и убоявшись скрыся въ воду. Гавран же положи мыша на земли, на имя желву призва. Она же глас его познавши, изыде к нему и въпроси его, откуда приде. Он же сказа си вся бывшаа.

Гавран же рече къ мышу: «Обѣщал ми ся еси, яже о себѣ, яко да егда доидем до сего мѣста, скажеш ми нѣкаа». Он же рече: «Аз пребывание имѣх прѣвие у нѣкоего мниха и ядях, яже имяше угоднаа снѣдения. И егда насыщахся и приемлях прочаа останкы моя и прочим мышем представлях. И множицею разсыпа мних кѣлию, яко да обрящет мя, и не возможе обрѣсти мя. Иногда же повѣшаше пищу свою, яко да убѣжит врежениа моего, и не возможе убѣжати. Въ единъ убо от дни странник нѣкій мних приде к нему, и начаша друг съ другом бесѣдовати мниси и рукама плещаху, нас страшаще. Въпроси же и странный он мних вину, о нейже плещаху. Сказа ему, яко: “Мышев ради плещем. Есть бо мышь безсрамен и безстрашив, иже многы пакости творит намъ. Молю тя, поищем входа гнѣзда его и раскопавше пребывание его”. Случих же ся аз тогда въ гнѣзде моем, и егда услышах таковыа глаголы и избѣгох оттуду и воину дуплину внидох. Имѣх же в моемъ гнѣздѣ златники тысяща, яже подстилах под собою и великомудрѣх о них. И раскопавше убо мниси землю, и обрѣтоша гнѣздо мое и златники, и взявше злато с радостью, и рекоша: “Сие злато распалаше мыша и пакости нам творяше, но отселе убо смиренъ и сраменъ и некрѣпок будет». От того часа, якоже и мниси рекоша, съложи ми ся крѣпость²³⁵ и низложи ми ся високоумие, и преобиденъ бых от мышев. И въ утрешний день въсхотѣх въскочити въ хранилницу мнишьскаго ястия и не възмогах. И се видѣвше, прочии мышеве вѣсташа на мя и врази ми быша. Аз же удивихся о том, яко злата ради и друзи и сродници составляютъ, ибо благаа свѣсть и мудрость злата ради пребываютъ. Не имый же богатства скорбенъ есть всегда и мерзок всѣмъ является, и безумен, и непотребенъ. Аще бо

нищий и убогий муж храберъ обрящется, богатии того наричут безумна и буя, аще ли кроток и смиренъ будет, немощенъ нарицается, аще ли бесѣдует, блудник именуется, аще ли млъчалив кто, безуменъ нарицается. И болше есть преже от сего житиа отъити, нежели солнце имѣти сраму свидѣтеля. ... Сия убо помышляю видѣх страннаго оногo мниха, яко раздѣли злато и свою часть в нѣкое влагалище вложшу, и сие под главу свою положившу и скрывшу. И въсхотѣх таи отвлеци злато, мнях бо, яко сном одрѣжим есть. Он же пробуденъ сый, взят рукою своею, яже обрѣте рукою своею близ себѣ вѣйку и удари мя по главѣ, и *поболѣвъ* зѣло возвратихся. Таже паки на влагалище злата дрѣзнух и видѣв мя, паки мних он и удари мя сей вѣйкою зѣло по главѣ, и напрасно кровь из ноздри моих истече и малодушие ми бысть, и едва влекий себе, доидох до дуплины оноа, и безгласенъ лежах часы доволны. Возненавидѣх толико злато, яко ни в памяти ми имѣти его, ниже слышети о златѣ, и разумѣх, яко всѣм злым винам лакомаа съвѣсть есть и начало. Иже лакомство имать, не может от злата убѣжати ни на земли, ни на мори. Вѣровах же, яко нѣсть ничтоже болшее, кромѣ доволнаго имания. Сего ради убо премених житѣе свое и пустынное въсприях житѣе. И имѣх же и любовнаго голуба, иже преже гавран возлюбися со мною. Ибо нѣсть никоя красота в мире, кромѣ бесѣдования дружняго. Познах бо искушеньем, яко не подобает мудрому мужу ино ничтоже множайшее искати, точию довольнаго имания. Доволно же ино ничтоже нѣсть, развѣе хлѣб и вода. Аще бо и речем, яко онсица владыка бысть всему миру, но не тѣи равенъ есть от единому меньших, иже беспечално живот свой провожает. И си помысливъ азъ в себѣ, послѣдовах тебѣ, о гавране, и се напрасно дружка тебе приобретох, о желво».

Желва же, въсприемши, рече: «Разумѣх, елика изрекль еси добрѣ же и премудре, но видя тя, яко непрестанно имаши память в себѣ, о нихже еси пострадал. Того ради подобает ти видѣти, яко словеса украшают дѣло. И болный аще не врачевнаа былиа обрящет, всуе ему есть разумъ, зане не может себѣ легчину сѣтворити. Не пецися убо о богатствѣ, великоумный бо муж и без богатства почитается. И лев аще

сном спит, но страшенъ есть. Также и безумный богат бесчестенъ есть. Ниже о своем странствии помышляй: никтоже бо от мудрыхъ страненъ есть. Не поминай предняя и не глаголи, яко: бѣхъ иногда славенъ и нынѣ же не славенъ. Елика бо суть в жити сем, въ тлѣнии и в мимохождении суть. Глаголетъ бо ся, яко сия суть от иныхъ *не ставная*: облачнаа сѣнь, и безумныхъ людий любовь, и женское рачение, и ложное хваление, и богатство. Мудрый мужие ни о обилии богатства радуются, ни о умоленыи скръбятъ».

Яко гавранъ услыша бесѣды желвины, возвеселися о нихъ и рече: «Воистинну нѣсть ино ничтоже в жити болшее, точию дружнее пособьствие и срадование. Никтоже мудрому пособьствует, точию паки мудръ, якоже и елѣфанта падшася не въздвижетъ инъ никтоже, точию паки елѣфантъ».²³⁶

Таковаа и симъ подобна бесѣдующи гаврану, серна нѣкаа напрасно приде. Якоже видѣ, гавранъ на древо възлетѣ, и желва въ воду скрыся, и мышъ вниде в дуплину. Серна же мало воды напившися, ста пристрашна, *семо и овамо* очи обращающи. Гавранъ же на высоту възлетѣ и сматряше, егда нѣкий звѣрь гонитъ серну. И всюду смотривъ, и сниде на землю, и призва желва и мыша, и сказа имъ, яже о сернѣ. Серну же видѣвши желва, яко не смѣетъ пити воды, и рече: «Пии, любимаа, яко никтоже бо сѣмо не приходит. Скажи ми, откуда идеши?» Серна же рече: «Гонима бѣхъ от ловець до нынѣ от мѣста въ мѣсто бѣгаючи, и здѣ доидохъ». Желва же рече: «Дръзай, любимаа, никогда бо ловець сѣмо приходитъ и вкупѣ с нами живи. Се бо предлежатъ ти пища обилныи, воды чисты». Изволи бо серна пребывати с ними, и творяху бесѣды своа у нѣкоего дуба всякъ день.

Въ единъ убо отъ дни събрахуся по обычаю на бесѣду гавранъ и желва и мышъ, и серну ожидавше. И не дождавше ея, уразумѣвше, яко в сѣтехъ ловчихъ ята бысть. Възлетѣ гавранъ высоко и видѣвъ сплетену в сѣтехъ ловчихъ; възвратися, сказа дружинѣ своей, еже видѣ. Желва же се мышу рече: «На тебѣ лежитъ наша серны спасение, о мышу!» Онъ же, елико мощно ему бѣше, тече и серну достиже, и рече к ней: «И како мудраа сущи и, любимаа, таковымъ лютымъ себе соплеа еси?» Она же

рече: «И кто может умудрити, егда реченное хочет исполниться?» Сия бесѣдующим имъ, доиде гавран вкупъ и желва. Серна же к желвѣ рече: «Почто пришла еси сѣмо? Аз бо, егда разрѣшена буду от мыша, побѣгну и убѣжу, такоже и гавран на въздух отлетит, и мышъ обрящет дуплину и внидет, ты же едина останешися ловцу на снѣдение». Желва же рече: «Болши ми есть умрети, нежели дружины своеа лишатися». И сия бесѣдующим им, и разрѣши мышъ серну от юз. И се напрасно наиде ловець, и серна убо отбѣже, гавран же отлетѣ, мышъ же вниде в дуплину. И удивися ловець о бывшем, видѣв едину желву, и взял ю, связа.

Гавран же, и серна, и мышъ, видѣвше бывшее, зѣло печалнии бывше. Гавран же рече: «О како въ скорби всегда непрестанно впадаю! Не доворяше бо ми еже от отчѣства своего лишитися и от сродник, и от богатства отпадути, но лишихся нынѣ любимыя моеа желвы, якоже добръ храняше любовныя уставы! Болши ми есть, да не бы было смертное мое тѣло, многими бѣдами составлено!» Серна же, въсприемши, рече: «Наша нынѣ печаль и твоя прискорбнаа словеса, аще и разумна суть, но желвѣ не ползуют никакоже. Но остави сия бесѣды, изобрѣщи хитрость о ней спасения. Глаголетъ бо ся, яко храбрый во время скрѣби искушается, вѣрнии же друзи – в бѣдах».

Мышь же, въсприемши, рече: «Судя убо нынѣ быти полезно,²³⁷ – яко да поидеши ты, серно и да легнеши яко и мертва ловцу на пути, и да сядет на тебѣ гавран, и да ясть плоти твоеа хитростию. И мнит ми ся, яко аще таковая видит ловець, вмѣнит, яко мертва еси по истиннѣ. И отложит тул свои и лук к тебѣ поидет. И егда узриши приближающа его, въставше побѣгни мудномъ ходом, да надѣется ловець, яко постигнути тя имать. И егда достигнетъ тя, и абие отскочи быстростию своих ногъ. Дѣндеже ты бѣгаеши гонима, а аз разрѣшу от юз желву». Серна же повелѣнное сотвори, и симъ образом разрѣшися от мыша желва. Исцѣлѣвше, вси в дома своя возвратишася. Тако убо иже право любящеся своим другом пособьствуют.

«Разумѣх притчу сию, еже о истинной любви. Прочее убо скажи ми притчу, како подобает блюстися от врага, иже лицемѣрием приятель является».

Иже врагу вѣрует, постражет, еже пострадаша выплеве. Глаголетъ бо ся, яко в нѣкоей горѣ бѣше древо превелие и высоко нѣкое, в немже гавране пребываху тысяща, имже бѣ старѣй гавран единъ. Бяху же близ того мѣста выплеве тысяща, имяху же и тии единого выпля старѣйшаго себе, и всегда вражду имяху з гавраны. Единою убо нападоша на гавраны нощию и много убиша от них, другия же раниша, а инѣм перия истрѣгоша. Достужив же ся гавраном царь, и зборъ сотвориша, и рече: «Видѣсте ли, елика род выплеве нам содѣяша, и како нашу силу побѣдиша, колики убиша и колики уязвиша, и колицѣм перия истрѣгоша? И се есть горшее и укорно нам, еже дрѣзнути на ны, преобидѣти нас. Разсмотрите убо послѣдняя».

Бяху же у того царя прѣвосовѣтници 5, от нихже един рече: «Ничтоже ино спасетъ нас от таковаго нахожения, точию еже остави здѣшнее пребывание, зане не можем противитися врагом». Другий же рече: «Неполезно есть тако быти, еже о единой победѣ смирится и отечество свое оставить и в туждей земли быти и жити. Но в мужство облецѣмся и уготовимся на брань, и аще когда врази наши нападут на ны, да сразимся с ними. Аще побѣдим их, Богу благодать, аще ли же паки победят нас, без срама прѣвый совѣт да съврѣшим». Третий же рече: «Не добрѣ, о царю, сии глаголють. Но подобаетъ нам добрѣ увѣдати, аще хотятъ врази наши любитися с нами; и сотворим мирныя почести, и дары послем к нимъ. И сего ради безпечално житѣе поживем. Присно бо царие о своей земли пекутся и златом съблюдаютъ сущаа под ними». Четвертый же рече: «Недобрѣ совѣт даеши, но болши есть в теснотѣ и в бѣдѣ жити, нежели колико врагом *не* противитися и подложитися, от нихже болши есми мы и честнѣйши. Но аще и дары принесем имъ, недовольнии будут о сих, но и выше силы нашея взыщутъ. Глаголетъ бо ся, яко преже рати подобаетъ *укрощати* враги дарми, аще ли оплѣчатся на тя, не уклонятся. Подобаетъ убо смирение и трѣпѣние имѣти, *и на любовь, и на брань*». Пятый рече: «Не мощно есть противитися, силнѣйши бо суть от нас.

Иже бо на болшая своа противляется, себе вредит. Безумнии бо всегда врагы своа немощны наричют; аз же всегда и преже врага боюся. Ибо не подобает мудрому мужу врага своего не бояться, аще и далече пребываетъ. Всякой бо вещи ястье и питье и богатство ищется, а въ брани ни о чем же, точию о души своей коиждо». Царь же рече: «Аще брань не даеши быти, что ино повелеваеши?» Он же рече: «Подобает ти, о царю, от своих совѣтник имѣти разумныя, добрый совѣтъ лучши есть тмы воинъ, ибо воспоминает смотрения полезнаа, о царю. Познавает бо муж вражию силу и немощь, и мудрымъ совѣтом и начинанием ниизлагаи».

Начало вражды, яже имамы к выплем, сии есть. Яко нѣкогда собрася весь род птицам и избраху себѣ, выпля царя, и поставиша его царствовать над ними. Гавран же тамо приключися нѣкий, рече: «Почто остависте честныя птица и не постависте от них на царство, но избрасте смрадные сия птица, иже и душевную доброту погуби? К сим же безумна есть и немудра, и гнѣвлива, и несоставна, и льстива, и еще же горше есть всѣх». Сия слышавше, птичий весь род ниизложиша выплеву власть. И яко ниизложен бысть выпль, и рече к гаврану: «Не вѣм, о гавране, аще сотворих тебѣ нѣкогда зло нѣкое, яко да таковое воздание на мя покажеши. Но познай, яко древо, аще посечено будет секирою, паки срастается, и язва стрѣлнаа исцелѣвается и заглажается. Но язычнаа стрѣла неисцѣлена есть, яко косается посреди самого сердца. Ибо вода погашает огонь, и яд врачевным былиемъ отгониться. Но злобный огонь присно животенъ есть. Иже ся есть всѣял посредѣ вас и нас, о гаврани, дуб велий будет никогда же искореневаемъ». Сия рек, выпль отъиде, ярости наполнен сый. И раскаяся гавран, и опечалися зѣло. И оттолѣ и до нынѣ вражда пребываетъ посредѣ нас.

Царь же рече: «Разумѣх о сих. Прочее убо рци о подлежащих, что подобает нынѣ творити?». Он же рече: «Хощу убо на единѣ бесѣдовати ти». И повѣлѣ ему абие наединѣ глаголати, он же рече: «Еже о рати, не престаю ти, ни повелеваю быти. Но инако можем успѣти хитрости нѣкыя, много бо может и хитрость. Судя убо полезно быти, яко да

прогнѣвается на мя величество твое всѣм зрящим. И повели бити мя пред всѣми немилостивно, яко окрвавити ми ся от множества ран, таже и перия моя да извлекут и опаш, и да поверженъ буду близ древа сего. И егда сие будет на мнѣ, тогда ты отъиди отсуду со всѣми своими вкупѣ, мене же оставите лежати здѣ». Еже сотворив, царь съ своими отъиде.

Нощию же выплеле къ древу дошедше, не обрѣтоша никогоже, точию бѣнаго гаврана лежаща, и сказаша о нем своему царю. Он же приближися к нему и въпроси его: «Откуда еси?» Гавран же рече: «Аз есмь онсица». «Гдѣ же суть гаврани?» «Не свѣм. Како бо могу в таковых бѣдах разумѣти онѣх тайны?» Царь же рече: «Воистинну сей прѣвосовѣтник гавраном. Въпросите убо его, коея ради вины таковаа лютаа пострадал есть». Гавран же рече к нему: «Мое злосовѣтие таковы лютым приплете мя. Егда побежени быша от вас гаврани, совѣт составиша, и коиждо, елико их разумѣ, совѣтоваше. Аз же дрѣзнух о вас и рекох, яко силнѣйши суть от гавранъ выплеле и благородни, и того ради не подобает противитися им, но миръ искати и дани даяти им. И аще приимуть, о таковых миряться с нами, Богу слава о том. Сия слышавше, гаврани мнѣша, яко о вашей ползѣ бесѣдую таковаа, ярости наполнишяся, таковым осужением мене осудишя».

Сия слышав, царь рече к нѣкому от прѣвосовѣтник своих: «Что подобает о сем творити?» Он же рече: «Скорѣе да убьенъ будетъ. Избавимся от лукавства и хитрости его, еже всегда хитрит о нас. Посobie бо нам будет велие убьение его. Глаголетъ бо ся, яко иже не радить о своей ползѣ, егда время получить, иногда бо не возможет получить».

Другий же от прѣвосовѣтник царевѣх рече: «Не подобает того убити. Писано бо есть, трость сокрушен да не ниизложиши.²³⁸ Паче же праведенъ есть миловати и щедрити его, зане таковыа пострада бѣды и заушения. Подобает убо того хранити, еже бо питати враги велиа есть похвала». Повѣлѣ убо царь с честью и говѣнием пребывати гаврану. Прѣвосовѣтникъ он, иже убити его повелѣвый, рече: «Понеже того не убисте, поне да будет въ сохранении и да пребывает у насъ, яко враг

назираем. Аз бо вѣм, яко лють есть гавранъ сей и льстивъ, и мнит ми ся, яко прелщения ради пришел есть здѣ». Начат убо гавранъ бесѣдовати с выпли наединѣ и любитися с ними. Во един убо от дни рече к ним гавранъ: «Услышах от древних муж, глаголющих, яко аще хто себе во огнь вѣврьжет, скорѣе, еже просит у Бога, прииметь. Хошу убо и азъ таковое сотворити и умолити Бога, яко да преложит естество мое на выплевъско видѣние, яко да с вами на гавраны брань сотворю и въздам имъ о нихже, они мене содѣлавше». Бяше же ту, иже на убиение его совѣтовавый, и рече: «Подобна суть сия твоа словеса питию, исплѣнену яду. Аще бо не сожжемъ тебе, не можем естество твое преложити».

Пребысть убо гавран тамо, сматряа начинаниа выплем вся. И толстѣ и утучнѣ, и возрастоша ему перия, и нѣкогда время обрѣте и отбѣже. И ко гавраном пришед, рече къ царю их: «Радуйся, о царю, се бо желание съврѣших. Уже бо вси выплеве въ древѣ нѣкоем скрышися. Въстанем убо вси, поидем убо взявше коиждо нас сучиа, елико можем понести, и положим на устѣх язвины и огнь вложим, и крилы и раздуим, яко быти пламыку въздушну. И сим образом овии внутрь дымом удавлени будут, овии же исходяще опалени будут». Иже и сотворше, гаврани до конца враги своа побѣдиша, и возвратися гавраном царь въ своа си обители победоносець. И рече ко гаврану оному: «Како трѣпѣл еси выплем бесѣдования неподобнаа?» Гавран же рече: «Мудроумен муж, аще и в бѣды нѣкыа впаднет, покоряется и худым, Дѣндеже съврѣшит желание свое». Царь же рече: «Скажи ми, разум выплем каковъ есть?» Гавран же рече: «Не видѣх имъ единого выпля разумна, точию рекша совѣт на мое убъение. Прочии же далече бяху от мудрости. Подобае бо царемъ своа съблюдати тайны и не оставляти тужда нѣкоего къ писанием приникнути, или к водѣ, с неюже хошет мытися, или къ постели, или ко одежи, или оружью, или къ ястию и питью. Нѣсть мощно с гордостію своя враги побѣдити. Малу бо побѣду составляет гордыливый, иже совѣтники творит безумныа, не удобнѣ от погибели спасается. Аз же смирихся и покорихся врагом, яко да получю таково исправление, якоже змий, подложивыйся жабѣ.

Глаголетъ бо ся, яко змий нѣкий, заматерѣвъ, състарѣвся, и не возможе ловити и о пици недоумѣашеся. И ползавъ, доиде блата нѣкоего, исплѣнена жаба, идѣже прѣвие ловяше, уныл и скръбен себе тамо близъ простре. Жаба же нѣкаа рече к нему: “Почто се, о змию, скръбиши?” Он же рече: “И како да не скръбя? Присно бо от сего блата пицу себѣ взимах, нынѣ же прокля мя нѣкто от постник и не могу ловити. Уже бо хочу, да буду яко и конь яздылный царю вашему”. Се слышав жабама царь и прият его, яздыше на нем, и даваше ему на всяк день на пицу двѣ жабы. Тако и аз таковыя работы ради и съврѣшения временнаа злаа пострадах».

Царь же рече: «Разсмотрѣх и видѣх, яко хитрость и разумом болши есть побегати, нежели противлениемъ. Огнь бо горящъ есть и сух, но точию, яже суть на земли, погубляет, вода же есть студена и тиха, и *вънутрь* под землею входит, искореневае, яже на ней. Глаголетъ бо ся, яко не подобает не радити о четырех сих вещех, сирѣчь о огнѣ, болѣзни, врага, длѣга». Гавран же рече: «Велика нынѣ исправления быша на роком твоим, царю, Богу благодать о том».

Царь же рече: «Обрѣтох тя словом и дѣлом приятеля своего. Прочии же словеса безумными хвалятся. Тебе бо ради велика благодать нам бысть, сон бо сладкий и пища тобою дасться нам. Глаголетъ бо ся, яко отраду велику имат, иже от огнища избавится, и еже бремя *тяжко* отложивый, иже от враг своих избѣгнет. Обаче скажи ми, выплевьскаго царя пребывание како видѣл еси?» Он же рече: «Скотцо есть и лукаво, и несладко, и бесчинно. И иже подобни суть ему, развѣе единого, на мое убѣение совѣтовавшаго. Той бо от всѣх, мнит ми ся, мудрѣйши».

Царь же рече к философу: «Разумѣх речению притча. Прочее скажи ми, како кто достигий желание своего и не могый добрѣ съдрѣжати его, абие погуби паку».

Притча о пифицѣ. 5.

Философ же рече:

«Глаголется, яко пифици нѣции царя имуще состарѣвшася и заматерѣвша лѣты многими. С того и старости ради ото власти его изгнаша. Он же, всяким недоумѣнем одерѣжим

быв, к нѣкоей смоковницѣ при брезѣ морьстѣм приде, и пребываше у нея, и ядыше от плода ея. Въ един же от дни, ядущу ему, паде из руку его едина смоква, иже приемши, дивия желва изъяде. О нем же пифик посмѣявся, не престаяше желва питающихся смоквами. Она же, сладку пищу обрѣтши, дома своего забы. И сего ради подруг ей малодушествоваше велми, искаше притчу, како бы пифика погубил и подруга своего възмет. Единоу убо отшедши желва в дом свой, и скръбна видѣвши своего подруга и рече к нему: “Почто вижу тя дряхла и болна?” Он же рече: “В болѣзнь лютую впал есмь и нѣсть ми исцѣления обрѣсти, аще не получю сердце пификово”. Она же недоумѣвшись о семъ и помышляше в себѣ, яко: “Ино сердце не имам обрѣсти, точию гостя своего, еже преступление быти”. Разумѣвше, дивляшеся помышленми и пришедши к пифику, и пригласивъ его; он же въпроси его о коснѣнии. И желва же отвѣща: “Ни о часѣм же укуснѣх, точию зане срамляюся тебе и не имам достойно воздание о благодѣянии воздати тебѣ”. Пифик же рече. “Не помышляй таковаа, нѣсмь аз такой, еже от своих любовных искати воздание. Паче же ты мнѣ благодѣтельница была еси, таковыми бѣдами объдрѣжима и изгнана, сущи утѣшающи мя”. Желва же, отвѣщавъ, рече: “Хощу еже утвердити любовь посредѣ нас сущих. Утверждают бо ся тремя вещми, сирѣчь еже в дом дружный вхождение и сродникъ зрѣние и посѣщение, и еже вкупѣ пребывание”. Пифик же рече: “Тако составляют любовь, о дружко, и в слабости житѣя своего живущей”. Желва же рече: “Истину реклъ еси, достоин бо другомъ совершенную любовь истинну имѣти от своих друзей, а иже за нѣких ради житейских потреб любо составляет, на нетврѣдѣмъ основани зиждетъ. Яко не подобаетъ от любовных ино ничтоже искати, точью сердца проста и чиста, и вѣры правы, и истинны. Телець же а и без млека мать свою ссет, прогнѣвается, яко прогнану быти от неа. Аз же хощу, яко да приидеши в дом мой. Живу же азъ въ островѣ травоноснѣм, тмами исплѣнену плодов. Аз бо на рамя отнесу тя”.

И вѣровав, пифик взыде на желву и ношашеся по пучинѣ от неа. Егда быша посредѣ пучины, ста помышляючи, како бы погубити пифика. Видѣвъ пифик коснѣние желвино, уразумѣл

есть лестъ, и в себѣ глаголаше: „Егда на мя нѣчто зло помыслит желва?» И рече тако: „Вижу тя в попечении и размышлении велице и боюся тебя о том, что убо есть попечение твое?» Она же рече: „Печаль ми есть велика, да не дошедше в дом мой и не обрящеши вся достойная, якоже хочу аз. На одрѣ бо лежит подруг мой». Пифик же рече: „Не пецися о сем, ничтоже бо плъзует печаль. Но попецися паче о врачевных былиях». Желва же рече: „Глаголють врачевстии отроци, яко пификово сердце может исцѣлити болѣзнь ону». И се слышавъ пифик и в себѣ свою погыбель рыдаше, глаголя: „Оле, моего безумия! Какое нѣсмы узналъ тамо? Паче и стару ми сушу, в таковых злых мене вложи. Иже в малых пребывают, беспечално житѣе живут». Такоже се желвѣ рече: „Въскую, любимаа, не сказа мнѣ таковое слово, прежде даже не изыдох из дому моего, яко да и сердце свое съ собою возму? Закон бо имам, да егда к любовному идемъ, сердце свое дома оставляемъ, да нѣчто о друзѣх помыслити лукавое». И сиа слышавши, желва въспяты радующися плуяше и пифика на брегъ донесе. Он же на сушу наступив, тощю на смоковницу възде. Желва же долѣ въпияше: „Сниди скоро, друже, яко да поидем». Пифик же, отвѣщавъ, рече: „Аще сниду к тебѣ, до конца сердце свое не приобрящу». Тако иже время обрѣтше благо, не исплѣнивше свое хотѣние, и времени мимотекшу, и не получают».

Царь же рече: «Разумѣх таковыя притча. И прочее убо скажи ми, иже тщиться на нѣкое любо дѣло оно, а не *искусит* его *прежде начинания*».

Философ же рече:

«Глаголется, яко мужъ нѣкій вкупѣ съ своею женою наединѣ живяше и в нѣкой день рече к ней: “Благонадеженъ еси, о жено, яко мужской пол отроц родится нам, иже со усьрдием поработает намъ. Смотри, како имя наречемъ ему”. Она же рече: “Престани, мужъ, блядити. Подобен еси оному мужу, проливавшему мед и масло”.

Глаголетъ бо ся, яко мужъ нѣкій от убогих мед и масло в нѣкоем сосудѣ имяше, идѣже бѣ ложище его. И во едину убо ночь в себѣ помышляше, глаголя: “Хочу масло сие и мед продати за пѣнязя и купити коз 10, еде родят толико козлицъ за

5 мѣсець, и пѣтыми лѣты составлю 400, от нихже куплю волов 100, и с ними посѣю нивы, от плода жита того и от прочих плодовъ напрасно пребогат буду, и дома въздвигну четверокровныи златоверхи, и рабы различны икуплю, и женѣ припрягуся, яже родить ми отроча, и нареку имя ему Пангале, сирѣч Вседобрѣ, накажу его, якоже подобаетъ. Аще нерадяща его вижу, сим жезлом бью его сице”. И взем прилежащу ему жезлѣ, сосуд с ним ударив и разби его, и пролияся мед и масло по брадѣ его.

Таже роди отрока жена его, и по нѣкихъ днѣхъ рече жена к мужу своему: “Приди, сѣди здѣ у отрока”. И той отшедши, призван бысть от властелина мужъ ея, и оста дѣтищѣ единѣ. И приключися абие присмакаться змии на дѣтища. И видѣвши его невѣстка,²³⁹ въскочивши, зубы всече его. Дошедши муж и видѣвъ невѣстка окровавленна змииною кровию, и мняше, яко отроча его снѣла есть. И не потрѣпѣвъ, Дѣндеже видит отрока, по главѣ сию немилостивно ударивъ, уби. Вшедше же, отрока цѣла обрѣте и змиа здробленна зѣло и раскаявся, плакася горко. И тако убо тѣшася на многія вещи без разсуждения согрѣшаютъ».

Царь же рече: «Разумѣхъ таковое, прочее убо скажи ми, како подобаетъ царю свое царство съблюдати невреженно, и в кыхъ паче незлобивымъ ли нравомъ и благою совѣстью и поданиемъ».

Философ же, восприимъ, рече:

«От всего болши есть мудрость и трѣпѣние, и к симъ добрыхъ совѣтникъ поспѣшеніе, таже изряднаа и мудраа жена. Есть же ему и приточно, еже царю индійскому приключшееся есть.

Глаголетъ бо ся сице, яко той царь въ едину ночь видѣ 8 сновъ страшныхъ. И убоявся, пробудися, и призва своа философы, и яже видѣ во снѣ сказа имъ. Они же рѣша: “Видѣніе, еже видѣл еси, досточюдно есть; и подобаетъ намъ 7 дни, еже о немъ смотрити”. Исшедъ бесѣдоваше другъ с другомъ и рѣша: “Не много мимоиде время, отниже царь тму от насъ изби, и нынѣ убо божественное промышление вложи е в рукахъ нашихъ, и подобаетъ намъ подвизатися, да погубимъ его. Сия убо достоитъ совѣтовати ему, яко да сына своего погубитъ и жену свою, въ симъ же и присненика своего, и прѣвосовѣтника, еже есть старѣй

книжником, еще же и бѣлаго елѣфанта, еже яздит на нем, и другаа два елѣфанта великаа, и коня, и велблуда, и кровь их в сосудѣ събрати, яко да с нею умыем его и припоим врачевныа пѣсни, яко да избавится от всего зла”. И приступиша къ царю и рѣша: “Испытахом в писаниох и обрѣтохом сиа и она, и нѣсть ти инъ путь спасения, точию еже сотворити сиа”. Царь убо рече: “Хощу убо аз сиа цѣлы быти и мнѣ единому погибнути”. Они же рѣша: “Ничтоже болше душа своеа творити”. Слышав же сиа, царь прискрѣбенъ бысть и на своем одрѣ лежа ниць, и помышляше, что сътворити. И слышано бысть по всѣх о царевѣ печали.

И се увѣдѣвъ прѣвосовѣтник его и лѣсть уразумѣвъ, не възможе о сих бесѣдовати цареви, но къ царици, приступив, рече: “Зрю царя прискорбна суща и боюся, еда како лживии философи лѣсть створиша злобы ради, еже потребити его до конца совѣтующе. Но въпроси его, что есть вина, еяже ради толико скрѣбиши. Егда скажет ти, тогда повѣжь мнѣ”. Она же шедши къ царю и сѣдши при главѣ его и рече: “Възвести ми, о царю, что ти совѣтоваша философи”. Царь же рече: “Не прилагай къ язвам язвы, не подобает бо ти о таковых въпрашати мене, ибо не можеша таковую злобу разрѣшати”. Она же рече: “Не надѣяхся, яко да утаиши тайну никогда от мене. Аще мнѣ не открыеши таковое, не вѣде, како инѣм открыеши”. Он же рече: “Что мя въпрашаеши о своей погыбели, о жено, и всѣх любезных моих!” Она же рече: “Аз убо и прочии не убѣжим, еже быти о тебѣ измѣнение. Что бо нам честнѣйше, паче тебе? Но молю ти ся, о царю, по моей смерти никому от своих философ не вѣруй, ниже убивай никогже, Дѣндеже своим приятелем проявиши совѣт. Не вѣси ли, яко враждуут тя философи, зане доволно толико множество от них преже мала времени погубил еси? И не мни, яко забыли суть о убьении; не подобаше ти ни начало сну сказати им, но аще послушаеши мя, въпроси сущаго у нас постника старца о снѣх”. ...

Царь же абие на конь всѣд и поиде к постнику оному, и яже видѣ сказа ему царь. Постник же рече: “Да не убоишися, о царю, ничтоже бо тебѣ зло будет. Повѣдаеть бо двѣ рыбѣ, еже видѣ на опашех ходящих, яко посланници приидут к тебѣ от великих

царей и два елѣфанта приведут ти. А два норца, яже видѣ лѣтауща окрестъ тебе, назнаменуѣтъ, яко персѣи посланници два коня изрядна приводяще. Пресмыкаемый же змий по тебѣ сказует, мечъ приносят ти, якоже никтоже ин видѣ. А иже кровию тебѣ крещатися, являет, послет ти ся даръ риза багряна, сиаущи въ тмѣ. А еже водою омытися, провѣщает, яко различнаа одѣяния принесут ти ся. А иже на гору бѣлу взыти увѣрѣние истинно есть, яко на бѣла елѣфанта всядеши. А иже на главѣ твоей огнь прописует, яко вѣнецъ многоцѣнный приимеши от царя нѣкоего велика. А глава твоя яко птиць, нынѣ не проявит ти ся. Сказают бо малую нѣкою скорбь и отвѣщание любимаго образа. ... И сия вся забудет ти ся по седми дни”.

Яже и по седми днех бысть: и приидоша посланници, носяще вся, яже прорече постник. Яже видѣвъ, царь от любовных своих словеса обѣщася приимати точиу. Таже видѣвъ дары и рече: “Не подобает ми от сих взяти ничтоже, но вы, приятелие мои, възмите сиа вкупѣ съ благоумною моею съжителницею, свою бо душу за мя положисте”. Прѣвосовѣтник же рече: “Не подобает нам, рабом, таковыа дары приимати, но паче праведно есть сродником твоим”. Царь же рече: “Ты моему спасению повинник еси, и тмами достоинъ еси благодарѣния”. Таже взят царь бѣлаго елѣфанта, сыну же своему дастъ единаго коня, и прѣвосовѣтнику многоцѣнный мечъ. Прочаа же повелѣ прѣвосовѣтнику принести, принести по немъ къ женам. Бяху же ему двѣ женѣ любимѣ: едина, совѣтовавши о постницѣ, и другаа. И пришед царь к ним, предложи пред ними вѣнецъ и багряницу и рече *прѣво* къ совѣтници: “Избери себѣ от обою, еже хоцещи, или вѣнецъ, или багръ, и оставшее да возмет другаа”. Она же недоумѣвши, кое взяти, и възрѣ къ прѣвосовѣтнику. Он же помага оком, еже взяти багръ. Случи же ся тогда царю въздвигнути очи свои и видѣ прѣвосовѣтника, помагающа женѣ его о багряници. Она же разумѣвши, яко не утаися царю помавание, и не взят багръ, но вѣнецъ. Прѣвосовѣтник же оттоле преклони око свое до четиридесят лѣтъ, яко да не мнится царю, яко око его страсть таковую

имать. И аще не бы тако сотворил, живот свой погубил бы. Въ един же убо от днии, яже вѣнецъ возьмши...». ²⁴⁰

Нѣкоторымъ писателемъ мудраа сия притча не дописана. И уже время, възлюбленне, и мѣ сладкую отеческихъ сократити бесѣду. Богъ челоуѣколюбивый да покрысть насъ своею благодатию, молитвами святыхъ своихъ, яко благословенъ еси в вѣки, аминь.

А писана сия притча послѣдняго сего ста седмая тысяща 87 г., октоврия. Триаc и агиа, докса си! ²⁴¹ 3 греческих книгъ на русский языкъ переведено.

После слов «венецъ возьмше» в Синодальном списке помещена приписка, начинающаяся словами «некоторым писателем мудрая сия притча не дописана...» и сообщающая дату написания Синодального списка – 6987 (1479) г. Подробнее об этой приписке и связанными с нею возможностями датировки памятника см. в статье: *Лихачева О. П.* О некоторых особенностях Синодального списка древнерусской переводной повести «Стефанит и Ихниллат» // Археографический ежегодник. 1972; М., 1974. С. 110–113.

**Из славянского перевода корпуса
сочинений Дионисия Ареопагита с
толкованиями Максима Исповедника**

О небесной иерархии

Предисловие переводчика

Понеже убо мнози пред многими времени и леты и по различных местех обретошася в словенском нашем языке, прелагающе Божественная Писания от многопремудрого и художного, зело скупого еллинского языка в наш язык, ихже имена не человеки токмо ведома суть, но в книгах паче живых Богом написанна суть, ихже послежде и леты и наказанием и художеством разума еллинского языка, вяще же добрыми делы, и к вечеру солнечного дне, захода седморичного реку века²⁴² и мояя жизни скончания, случися и мне навикнути мало греческого языка, – толико, елико мощи ми разумети скупость того и тяжесть прилагания от оного в наш язык.

Греческий бо язык ово убо от Бога исперва художен и простран бысть, ово же и от различных по временех любомудрец ухыщрен бысть. Наш же словенскы язык от Бога убо добре сотворен бысть, понеже вся, елика сотвори Бог, зело добра, но улишением любоучения любочестивых слова мужей хыткости, якоже он, не удостоися.

И убо колико-любо аще от оного навыкох, не хотех коснуться сущих паче мене, рекше прелагати от греческого языка в наш, – по реченному: высочайших тебе не ищи и глубочайших тебе не испытай. Бояся и оного, еже пострадаша и в Ветхом и Новом Писании, иже преобидяще дерзостне смеяше божественных прикоснуться.²⁴³ Но обаче божественным сим мужем, преосвященным глаголю митрополитом богоспасенного града Сира кир Феодосием²⁴⁴ и пречестным, принужден бых на превожделение.

И влепоту бо мною бе таковому мужу, иже от аггел, по великому Дионисию, просвещение приемлющу, без разуждения повинутися. Си бо убо истинный Божий человек, аще и кто другой, житие убо сладко слышатися имаше, спасително же подражати се и полезно. Не токмо бо язык в учени имяше полезен слышащим, но и житие много множае подражающим полезно. Паче же подобает ми истинное рещи: елико язык убо, внегда глаголати, неуподобляем имаше, толико и житие, внегда

творити е, непостижимо. Всегда бо и присно, по апостоле. «Задняя забывают»,²⁴⁵ – на предняя деяния и видения простирашеся. И сице светлое любочестна, и любоимения, и премудрости вкупе с милостынею имяше, яко не многих быти второй. И сице оному блаженному сия и ина не мала, елика к благоугождению, приходящу и многих сим собою делами учащу, аз же не подрзнув, ни же на свою крепость слова и разума надеяся, – не буди то! – но сим, якоже рех, понужден быв и на того богомолителныя и светыя молитвы надеяся, почаях и преложих светого Дионисия Ареопагита споспешением и ексодем,²⁴⁶ или откупом, сего светого ми владыки и заступника.

И ина прежде сего преложих, и по семь – елика всещедрый светыми его молитвами даст Бог.

Бою же ся рещи, яко аз преложих светого Дионисия, аще и преложих его, – смятрая непостижимую не малы высоту богословия, и светого крайнюю премудрость, и тину моих грехов добре сведы.

Книгу же убо сию, светого Дионисия глаголю, в добра убо времена почаях, егда божественныя убо церкви и Светая Гора²⁴⁷ раеви подобне цветяху, якоже некий сад при источниках, присно напаяем. Сверших же ту в злейше всех злых времен когда, егда огневи Бог христиане западных стран.²⁴⁸

И подвиже деспот Угleshа²⁴⁹ вся сербскыя и греческы войска, и брата своего Волкашина краля,²⁵⁰ и иные велможа многыя негде до шестидесят тысяч избранныя войска, и поидоша в Македонию на изгнание турк,²⁵¹ не судивше, яко гневу Божию никтоже мощен противустати. Тех убо не изгнаша, но сами от них убиени быша, и тамо кости их падоша и непогребенни пребыша. И много многое множество ово убо вострием меча умроша, ово же в заплечение ведено бысть. Неции же их, и гонезнущи, приидоша.

И толика нужда и злолютыя облия вся грады и страны западные, елико ни же уши слышаста, ни же очи видеста. По убиении бо мужа сего, храброго деспота Угleshа, просыпашася измалтяне и полетеша по всей земли, якоже птица во воздухе, и овех убо от христиан мечем закалаху, овех же в заплечение отвождаху. А оставших смерть безгодна пожьже. От смерти же

оставшая гладом погублени бывше, таковой бо глад бысть по всех странах, яковый же не бысть по всех странах от сложения миру, ни же потом таковой, Христе милостивый, да будет! А ихже глад не погуби, сих попущением Божиим волци, нощию и дению нападаючи, снедаху.

Увы, умилен позор бе видети: оста земля всех добрых пуста: и людей, и скот, и иных плодов. Не бо бе князя, ни вождя, ни наставника в людех, ни избавляюща, ни спасающего, но вся исполнишася страха измалитьского. И сердца храбрая доблественных мужей в жен слабейшая сердца приложишася. В то бо время и племя сръбских господ, седми мню род, конец приат.²⁵² И воистину тогда ублажаху живии прежде умерших.

И веруйте ми: не аз, иже невежда по всему есмь, но и он премудрый в елинех Ливание,²⁵³ не бы могл писанием представити нужду, яже постиже христиан западных стран.

Хотящеи же убо переписовати и прочитати сию книгу, милостиви и незазорливи, молюся, будите моей ума немощи и недостатку и сами, понеже и вы чловеци и человеческим подлежаще, яко требуете милости от Бога и прощения от человек, прощению вашему и мене сподобляйте, у Бога испрашающе оставление бездне моего окаянства грехом.

И имже в иноких мене худого аще хоцещи уведети, начало тому есть осмеричное число, среда же двостное и первое, конец же десято с единым наскончается.²⁵⁴

Лето же тогда течаше 6-тысячное, 8-стное, 70 и 9-е, индиктион 9.²⁵⁵

Давшему же Богу и начати сия, и совершити благоизволшему, – слава, честь и покланяние в бесконечные веки. Аминь.

О небесной иерархии

Сие петнадесете главизны объемлет еже «О небеснем священноначелии» слово:

1. Яко всяко божествное осияние, по благодати различне в промышляемая происходе, пребывает просто, и не се токмо, но и соединенно творить осияваемая.

2. Яко подобне божественная и небесная и отличными знаменми изъясняемая суть.

3. Что есть священноначелие, и что в священноначели полза. Предел священноначелия.

4. Что назнаменует еже аггел именованье.

5. Почто вся небесная существа от доле обще аггелы глаголются.

6. Что превое небесных существ удобренно, что среднее, что последнее.

7. О серафимех, и херувимех, и престолах, и о превом, их священноначелии.

8. О господствах, и силах, и властях, и о среднем их священноначелии.

9. О начелех, и архаггелех, и аггелех, и о последнем, их священноначелии.

10. Повесприетие и собрание аггельского благочиния.

11. Почто все небесные силы и существа обще силы небесные глаголются.

12. Почто иже в чловецех священноначелници аггелы глаголются.

13. Почто от серафим глаголетсе очиститисе пророк Исаия.

14. Что назнаменует преданное аггельское число.

15. Кьи изобразительнии аггельских сил образы. Сия вся в петнадесетой главизне:

- 1) что еже огневидное,
- 2) что еже чловековидное,
- 3) что очеса,
- 4) что ноздры, что уши,
- 5) что уста,

- 6) что осезание,
- 7) что обрви и вежде,
- 8) что юность,
- 9) что зубы,
- 10) что рамена, и мышце, и руки,
- 11) что сердце,
- 12) что прьси,
- 13) что плещи,
- 14) что ноги и крила,
- 15) что нагота и еже необуvenное,
- 16) что одеание,
- 17) что светлая риза,
- 18) что святительская одежда,
- 19) что поясы,
- 20) что жезлы,
- 21) что копиа, и сечива, и землемерителная, и
- 22) древоделская орудия,
- 23) что ветры, и облаци, и медь, и илектронь,²⁵⁶
- 24) и лица,
- 25) что еже львовидное, еже воловидное, еже орловидное,
- 26) что коны, и различия конских мастей, и колеснице, и кола, и прочая, что глаголемая радость аггельская.

Гранословиа о книзе светого Дионусиа:

От великого Дионусиа слов

Не убо кто обрещет книгу скупейшу,

Всако праведне, ни же высочайшую,

Аще сия высока, серебро и порфира.

Надписание в блаженного Дионусиа:

Аггельские премудрости светлости многие разумев,

Чловеком явил еси видети умосьставную Звезду.

**Сосвещеннику Тимофею – Дионусие священник о
небеснем священноначелстве²⁵⁷**

Глава 1. Яко всяко божественное осияние, по благоу различне в промышляемая происходе, пребывает просто, и не се токмо, но и единотворит осияваемаа

1. «Всяко даяние благо и всяк дар совершен свыше есть, сходяй от Отца светов». ²⁵⁸²⁵⁹ Но и всяко отцедвижного светоявления прошествие в нас благодатне приходимо, пакы яко единотворна сила выспрьносно нас въспростирает и обращает к Собирателю Отца ²⁶⁰ единству и боготворной простоте. Ибо «от Того вся и в Том», ²⁶¹ якоже священное рече Слово.

2. Прочее, убо Исуса призвавше, иже отеческий «Свет», иже сый, «иже истинный, иже просвещает всякого человека, гредущего в мир», ²⁶² имже еже к светоначелнику Отцу ²⁶³ ²⁶⁴ приведение имехом, на священных Словес отцепредателнаа осияния якоже ²⁶⁵ мощно есть возмагаим, и яже от тех знаменателне ²⁶⁶ нам и возводителне изъявленная небесных умов ²⁶⁷ священноначелствия, коль мощны есмы, узрим. И еже начелное и преначелное ²⁶⁷ богоначелного Отца светодание, еже аггел нам образными знаменами изъявляет блаженная священноначелствия, невещественными и незIBLEмыми ума очесы приемше, пакы от того на простую того възникнем зарю. ²⁶⁸

И бо ниже сия коли своего единственного внутренства оскудевает к возвождению ²⁶⁹ же и единотворному промышляемых растворению, благолепне множещисе и происходещи, пребывает внутри себе тврдостне в недвижимом тождестве пребывателне водруженна и иже на ту, якоже праведно есть, взимающеисе по мере тем восиявает и единотворит по простотнем ее единстве. Ибо ни же мощно инако нам восияти богоначелной заре, аще не различием ²⁷⁰ священных завес ²⁷⁰ возводне прикрываемой и сущим у нас промыслом отеческим соестественне и свойственне указанной.

3. Темже и преподобнейшее наше священноначалие Служебнство Священноположно ²⁷¹ небесных священноначелств премирному уподоблению сподобив, и реченная невещественная священноначелствия вещественными

образы и зрчными сложенми²⁷² уразличив, предаст, яко да по мере мы сами от священнейших зданий²⁷³ на простие и необразие возмемсе возводей подобия, понеже ни же мощно есть нашему уму к невеществу оному взетисе небесных священноначельств подобию и видению, аще не еже от сих вещним²⁷⁴ руководством²⁷⁵ потребуе яже убо видимые доброты²⁷⁵ невидимого благолепия изображения помышляе, и яже чювственная благоухания вображения умного преподания, и безвещного светодания образ вещная светила, и еже по уму зрительного совршения Божественных Писаний прочитание,²⁷⁶ и еже сгожденного к божественным счиненного имьства,²⁷⁷ иже овдешняго украшения чины и Исусова приобщения божественнейшего благодарения причещение, и елика иная небесным убо существом премирне, нам же образне предашесе.

Сиего убо ради нашего по мере обожения чловеколюбное Службоначелие и небесного священноначелствия нам указуе,²⁷⁸ и сослужителя их совршае еже у нас священноначалие, еже према силе нашей уподоблением боговидного их освещения чювственными образы пренебесные написа умове в священнописательных словес²⁷⁹ слозех, яко да убо нас возведет²⁸⁰ чювственных ради на умна и от оных священнозданных знамений²⁸¹ на простие небесных священноначельств врехы.

Глава 2. Яко подобне божествная и небесная и отличными знаменми изъясляема суть

1. Потреба же есть убо, яко мню, превее изложити кую убо быти мысль всякого свещенноначельства непщует и что тогове коеждо сълихъствники ползует, прочее же небесная свещенноначельствия воспети по еже тех в Словесех изъяслению,²⁸² последователне же сим рещи, кыими²⁸³ свещенными ображенми небесные изображают доброты Словесная священнописания и к коей возвестисе подобает назданий ради простоте, яко да не и мы подобне иным несвещенне вознепщует небесные и боговидные умове многоножие быти некие и многоличные и к волове скотству или к львов зверообразию воображеньные, и к орлов погребленонокотну виду,²⁸⁴ или к птиц власовну крилатоестествию созданныи,²⁸⁵ и кола некоторая огневидна на небесы²⁸⁶ возьмечтаем, и престоле вещние Богоначелию к седению прикладные,²⁸⁷ и коне некие многопостротные,²⁸⁸ и с копиями архистратиге,²⁸⁹ и елика яная от словес нам свещеннездательне в различию изъясвителных знаменях²⁹⁰ преданна быше. И бо яве богословие творителными свещеннозданми на безобразных умов потребова иже у нас, якоже речесе, ум свыше присетив и приискрняго тому и соестественного взвода промыслив и тому наздав возводителная священнописания.

2. Аще²⁹¹ ли же некоему мнитсе свещенная убо приимати сложения²⁹¹ простиих от себе неведомых же и незримых нам бывающих, неприкладна же мнить яже светиих²⁹² умов в словесех образописания и всяко, яко рещи, отточно²⁹² само аггельских имен подобие, и потребно быти глаголеть богословцем на телотворение некако бесплотных пришедшим ближними (на поле рядом: самех тех виновна) тех и яко мощно сродными наздавати же и изъясляти ображенми от иже у нас честнейших²⁹³ и безвещественных некако²⁹⁴ и превышележещих²⁹⁵ существ, а не небесным и боговидным простотам²⁹⁵ яже на земли последняя налагати многообразия

(ово бо убо наших и возводително хотеше быти, и яже премирная изъявления не свести в неприкладная отличенствия, ово же и в божественные несправедливо досаждают силы и наш негли заблуждает ум, в несвещенная то выгльбляе сложения, и рекше²⁹⁶ и возмнитсе пренебесная львов неких²⁹⁷ и кон многих исполнятися, и мрекательного песнословия, и птичьею ятоначелия, и животных иных,²⁹⁸ и вещей²⁹⁹ безчестнейших, елика к безместию и таимичеству и страсти уклонитсе написуют иже по всем отличная васен изъяснительных Словес уподобления), но еже истины, якоже мню, прошение указывает юже в Словесех священную премудрость в небесных умов изображениях, коеждо зело промыслив, яко ниже в божественные,³⁰⁰ яко речет кто, досадити силы, ниже убо в низуносна нам страстнее выгльблятися образ смирения.

А яко убо влепоту предложишесе безобразных образы и зраци безрачных, не едину вину речет кто убо быти юже в нас меру, немогущую непосредственно на умная выветисе видения и требующую искренних и соестественных возвождений,³⁰¹ иже яже мощная нам ображения предлагают безобразных и пачеестественных видений, но яко и се таинственным Словесем есть подобнейше еже недоведомыми и священными гаданьями скривати и невходну многим полагати священную и сокровенную премирных умов истину. Есть бо не всяк священен, «ниже всех, – якоже Словеса реше, – разум».³⁰²

Аще ли же неприкладная образописание виновствует кто студно быти, глаголе возлагати яже сие студна суть изображения боговидным и светейшим добротам, лепо есть к тому рещи, яко два суть священного изъяснения образа.³⁰³

3. Овь убо яко подобен подобными происходе священнозрачными образы, ов же отличными образотворенми в отнудь неуподобленне³⁰⁴ и неприкладно сотвараем. Сего ради и честное пресуществного богоначелия блаженство изъяснительных Словес тайная предания когда убо яко Слово³⁰⁵³⁰⁶ и Ум³⁰⁷ и Существо воспевают, богоподобное словесство и премудрость Того являюще и воистину суще бытие и иже сущих бытия вину истинную, и яко свет³⁰⁸ то

наздавают, и живот^{309³¹⁰} наричут. Таковым священным назданиям честнейшим убо сущим и тименных образ превосходити некако мнещимсе, недостатчествующим же и сице богоначелного к Истине подобия (есть бо паче всякого сущства и живота, ниединому убо то свету начретающу, всякому же слову и уму подобия того безьсьсуждения недостатчествующим). Когда ли же и отличными изьявленми от техжде Словес премирне поетсе невидимо то,³¹¹ и непостижно, и невместимо нарицающим, и от ихже не что есть, но что несть знаменаетсе. Сие бо, яко мню, и истейше есть на том, понеже, якоже и скровенное и священническое предание научи и, еже убо не быти по нечесом сущих то истинствуем, неразумеваем же еже пресуществное того и недомысленное³¹² и неизреченное неопределение. Елма же убо отречения³¹³ при божественных истинна суть, наньречения же неприлична сокровению неизреченных, ближнейше паче есть при невидимых еже отличными назданиями изьяшнение.

Почитают бо,³¹⁴ а не студа испльняють небесная удобрения яже светиих священнописания, отличными тая образотворенми изьявляюще и сими указующе вещественных всех премирне изышедшая. А якоже и наш ум возводит паче неприкладьствия отличенств, не мню кого от благомудроствующих супротиворещи. Во честная бо убо священноздания лепо есть и заблудити,³¹⁵ златовидна мнещи им быти небесная сущства, световиденные некоторые мужи и блистающесе благолепотми, одеянные ризами светлыми, и огнене невреде^{316³¹⁷} блистающесе и еликыми иными подобообразными зраци богословие небесные изобрази умове. егоже да не постраждут иже ничесоже видимых доброт вышше разумевши, яже преподобных богословцъ выспропростирательная премудрость и к неприкладным отличенством священне сводитсе, не попускаючи еже тименное наше в студные образи остаемо почивати, въставляючи же гореносное душе и пострекуючи злообразием сложенных, яко ниже праведно, ниже истинно мнетисе быти, ниже сущим зело тименным, яко сице студным подобна во истину суть пренебесные и божественные позоры.³¹⁸ Инако же и се разумети потреба есть, еже ниже едино от

сущиих³¹⁹ быти по всем добраго причестия улишенно, понеже, якоже и яже Словес истина рече, «Вса добра зело».³²⁰

4. Есть убо от всех разумети добрые позоры и умным и мыслением от вещественных наздати глаголемая отличная уподобления, инем образом умным имущим, яже чувственным инако подана быше. И бо ярость³²¹ убо бесловесным³²² от страстного устремления бывает, и всякого бесловесия испльнь яростновидно их движение. Но при умных инем образом подобает яростное разумети, являемо, яко мню, еже мужественное их словесньство³²³ и неумекчаемое имество в боговидных и непревратных водружениях. Такожде похотевательное³²⁴ убо быти глаголем при бесловесных несмотренное неко и тименное от естественного движения или обычая в изменяющихся³²⁵ неудръжателне бываемо пристрастие и еже бесловесное телесного пожелания удръжание, всяко животно поревающего на еже по чувству похотение. Егда же отличная уподобления умным наложивше похотение им глаголем, рачительство божественно то разумети подобает паче слова и ума невещества и неуклонно и несходно желание пресуществне чистого и непрелестного видения и к оному чистому и кончному сиянию и нелестному и добротворному благолепию вечного воистину и умного причещения. И еже неудръжателное да разумеем при скором и невозвратном³²⁶ и от ничесогоже отсецисе мощу ради несмесного³²⁶ и неизменного божественные доброты рачительства и еже отнуднее уклонение на воистину Желаемо. Но и само то бесловесие же и нечувство при бесловесных убо животных или бездушных вещей улишение слова и чувства искренне нарицаем; при невещественных же и умных сущ'ствах светолепне еже превосходимое³²⁷ их яко премирных исповедуем нашего преходителного и телесного слова и тименного и чуждого бесплотным умовом чувства.

Есть бо убо не неприкладные наздати небесным зраки и от безчестнейших³²⁸ вещи³²⁸ честей, понеже и та от сущего добра бытие имущи³²⁹ по всяком ее вещественном удобрении уподобления некая умного благолепия имут, и мощно есть теми возводитисе к невещественным начелообразиям, отличне,

320

якоже речесе, подобиям разумеваемом и темжде,³³⁰ не такожде, сгожденне же и искренне на умных же и чувствных свойств определенном.

5. Сия же таинственные богословце обрещем не токмо сущим небесных удобений светлотам священне наздавающих, но и самым есть когда богоначелным изъяснениям.³³¹ И когда убо то от видимых честнейших³³² воспевают яко Солнце правды,³³³³³⁴ яко звезду восточну,³³⁵ в уме священне восиявающу, и яко свет, неприкривателне и умне осиявае, когда ли же от средних яко огонь, невреде просвещае,³³⁶ яко вода, жизненого испльнения подателна³³⁷ и, образе рещи, въ чрево входещи и реки истачающи, неудръжанне текущее;³³⁸ когда же ли от последних яко миро благоуханно,³³⁹ яко ками краеугльный.³⁴⁰ Но и зверообразие тому налагают и львово тому и всякого зверя³⁴¹ свойство возлагают, и пардала то быти реше, и медведицу губителну.³⁴² Приложу же и еже всех безчестнейшее быти и паче неприкладно мнесе, яко и чрвия вид³⁴³³⁴⁴ то себе наздаваемо, иже о божественных прикладных предаше. Сиче вси иже богомудрыи и сокровенного вдохнутия пророци несовершенных и несвещенных пречисте разделяют Светая светиих и отличное священноздание почитают, яко ниже божественная скверным благонаручна быти, ниже священных образ³⁴⁵ (на поле внизу: образ – сиречь кумир) любозрителем яко воистинных остати образех и того ради божественная почитатисе истинными отреченьми³⁴⁶ и яже последным³⁴⁷ искренных подражаний инеми уподобленми. Ничтоже убо безъместно, аще и небесная существия от неприкладных отличенствных уподоблений наздавают по реченных винах. Не бо убо негли ниже мы в искание убо от недоумения в возвождение же известного ради священных испытания пришли быхом, аще не еже зловидное³⁴⁸ нас смутило бы аггельского изъяснительного наздания, не оставляе наш ум остати в неприличных образотворениях, но благовочиняе отрицатисе тименных пристрастий и подвиже священне воиспрепростиратисе, видимых ради на премирные возводе.

Толика убо нами рекошесе вещными и неприкладными священными словес аггеловидная образописания,³⁴⁹ прочее же определяти подобает, что то быти священноначелие непщуем, что ли же от того священноначелия ползевати имать иже священноначелию удостоившеисе. Наставник же слову будет Христос, аще убо мне льза есть рещи, мой, всякого священноначелного изъявления вдохнутие. Ты же, о дете,³⁵⁰ по преподобном еже у нас священнического предания уставоположению, сам же священнолепне слыши иже священне глаголемых, божествен божественных учением бывае и, еже в уме скровением светая скутав от несвещенного множества³⁵¹ яко единовиденная сохрани. Не бо праведно, якоже Слова реше,³⁵² в свиние повреци еже умных бисер чистое и световидное и добротворное благоуукрашение.

Глава 3. Что есть священноначелие и что в священноначелии полза. Предел священноначелия³⁵³

1. Есть убо священноначелие, по мне, чин священен и художество и действо к боговидению коль мощно уподобляемо и к даваемым тому от Бога осияниям по мере на богоподражател'ное возводимо. А яже боголепная доброта, яко проста,³⁵⁴ яко блага, яко совершенноначел'на,³⁵⁵ непримесна убо есть по всем всякого отличьства, преподателна же по достоянию комуждо своего света и совершателна в совершении божественнейшем, по еже к той иже совершаемых прикладне неизменном образе.

2. Мысль убо священноначелия есть еже к Богу яко мощно уподобление же и соединение, Того имее всякого священного художества же и действа наставника и к тогову божественнейшему благолепию неуклонне убо зримо, яко мощно же изобразуемо и свое ликовники³⁵⁶ подобия божественная совершае, зрьцала чиста и нескврьнна, приетьная светоначелние и богоначелние заре и убо даемые луче священне испльняемая, сию же паки обилне в прочая восиявающе, по богоначелных уставох.

Не бо праведно есть иже священне совершаемом содействовати³⁵⁷ что отнудь вне своего службоначелного священновчинения, но ниже есть инако, понеже божественные самыие светлости желают и к той священнолепне сматрают и вображаются, по коегождо священных³⁵⁸ умов достоянию.

Сего ради убо священноначелие³⁵⁸ глаголей священно неко по всем являет удобрение, образ Богоначелные красоты, в чинох и художествах священноначелных яже своего сияния священнодействуе таинства и к своему начелу яко льза уподобляе. Есть бо коемуждо иже священноначелие наследствовавших совершение еже по своей мере на богоподражателное возвестисе и, еже всех божественнейше, якоже Слова реше, «Богу споспешник»³⁵⁹³⁶⁰ быти и показати божественное действо³⁶¹ в себе, по еже мощно являемо. Рекше, понеже чин священноначелия есть еже овем убо очищатисе,

овем же очищати, и овам убо просвещатисе, овам же просвещати, и овам убо совершатисе, овам же совершенодействовати, коемуждо богоподражательное уприкладитисе имать по сему образу. Божественное блаженство,³⁶² яко в человецех рещи, непримесно убо есть всякого отличенства, испльненно же света присносущного, совершенно и нетребователно всякого совершения, очищае, и просвещае, и совершенодействуе, паче же чищение священное, и просвещение, и совершение, паче чищения, паче света, предсовершенно, самослужбоначелие и всякого убо священноначелия вина, всякого же свещения по превосходимом изредно.

3. Потреба убо есть, яко мню, убо чистеющим непримесном совершатисе по всем и всякие свобождаются неподобные гнусоты; просвещающим же се исполняют божественного света, к зрительному имеву и силе в всечистых ума очесех возводящимся; совершающим же се, от несовершенных пречиняющим, причестником быти зримых³⁶³ священносовершительного художества; чистителем³⁶³ же богатством очищения иным преподавати свое чистоты; просвещателем же яко чистейшим умом и к причестию света и преподаванию искренне имущим и всебогатне свещение испльненным луче, иже на них все пролеваемый свет в иже достойные света посылати; совершенодействителем же, яко художником совершительного преподавания, совершати совершаемые все священным учением зримых священнохудожества. Прочее убо кождо священноначелнического удобрения чин по своей мере возводится к божественному споспешению, она совершае благодать и благодатную силу, яже Богоначелию естестве и паче естества наставшая,³⁶⁴ и от Того пресущественная, и к мощному боголюбивых умов подражанию священноначелне изъясляемая.

Глава 4. Что назнаменует аггел име

1. Свещенначелию убо что-любо есть, якоже мню, добре нами определенному, аггельское священноначелие прочее достойно есть воспети и яже священная того в Словесех образотворения премирными очесы достоит узрети, яко да возведемсе на боговидную их простоту таинствных ради назданий, и еже всякого священноначелничского художества Начело да воспоем в боголепней чести и Службоначелных благодаренных.

Пръвее всех оно рещи истинно, яко ³⁶⁵благостию вся пресуществное Богоначелие, яже ³⁶⁶сущих³⁶⁵ ³⁶⁶существа³⁶⁶ составив, в еже быти приведе. Есть бо се всех Вини³⁶⁶ и превыше всех Благодости свойствно еже к приобщению своему сущая призивати, якоже ³⁶⁷коемуждо³⁶⁷ ³⁶⁷сущих³⁶⁷ определенно бысть от свое меры. Вся убо яже сущая³⁶⁷ причествуют Промыслу от пресуществного и всевиновного Божества ³⁶⁸изливаемому³⁶⁸. Не бо убо была быше, ³⁶⁸аще не сущих³⁶⁸ ³⁶⁸существа³⁶⁸ и ³⁶⁸начела³⁶⁸ приобщиласе быше. Неживотная убо вся еже быти тому причествуют (еже бо быти всем есть еже паче бытия божество), животная же ³⁶⁹тоежде³⁶⁹ паче всякого живота животворныи силы, словесная же и умная, тоежде паче всякого и слова и ума самосовръшительныи и прежде совръшенства премудрости. Явленно же есть, яко близъ тое она ³⁶⁹существ³⁶⁹ ³⁶⁹суть³⁶⁹ елика ³⁶⁹многации³⁶⁹ той причестишесе.

2. Светие бо убо небесных ³⁷⁰существ³⁷⁰ ³⁷⁰доброты³⁷⁰ паче яже ³⁷⁰точию³⁷⁰ ³⁷⁰сущая³⁷⁰, и ³⁷⁰бесловесне³⁷⁰ ³⁷⁰жива³⁷⁰, и яже у нас словесная ³⁷⁰богоначелного³⁷⁰ ³⁷⁰преподания³⁷⁰ в причестии быше. Умне бо в ³⁷¹богоподражательное³⁷¹ себе ³⁷¹воображающе³⁷¹ и к ³⁷¹богоначелному³⁷¹ ³⁷¹подобию³⁷¹ ³⁷¹премирне³⁷¹ ³⁷¹зреще³⁷¹ и ³⁷¹воображати³⁷¹ ³⁷¹желающе³⁷¹ ³⁷¹умны³⁷¹ ³⁷¹их³⁷¹ ³⁷¹виде³⁷¹, ³⁷¹обилнейшая³⁷¹ ³⁷¹влепоту³⁷¹ ³⁷¹имут³⁷¹ ³⁷¹яже³⁷¹ ³⁷¹от³⁷¹ ³⁷¹тое³⁷¹ ³⁷¹причестия³⁷¹, ³⁷¹приближне³⁷¹ убо ³⁷¹суще³⁷¹ и ³⁷¹присно³⁷¹ к ³⁷¹еже³⁷¹ ³⁷¹горе³⁷¹ ³⁷¹взиматисе³⁷¹, ³⁷¹якоже³⁷¹ ³⁷¹лепо³⁷¹ ³⁷¹есть³⁷¹ в ³⁷¹крепости³⁷¹ ³⁷¹божественного³⁷¹ и ³⁷¹неуклонного³⁷¹ ³⁷¹рачителства³⁷¹ ³⁷¹выспрепростираеме³⁷¹ и ³⁷¹начелная³⁷¹ ³⁷¹осияния³⁷¹ ³⁷¹невеществе³⁷¹ и ³⁷¹несмешенне³⁷¹ ³⁷¹приемлюще³⁷¹ и к ³⁷¹тем³⁷¹ [над ³⁷¹словом³⁷¹ ³⁷¹знак³⁷¹, и ³⁷¹под³⁷¹ ³⁷¹таким³⁷¹ ³⁷¹же³⁷¹ ³⁷¹знаком³⁷¹ на ³⁷¹поле³⁷¹: ³⁷¹осияниям³⁷¹] ³⁷¹сочиняеме³⁷¹ и ³⁷²умну³⁷² ³⁷²имуще³⁷² ³⁷²всу³⁷² ³⁷²жизнь³⁷². Сие убо ³⁷²суть³⁷²

еже пръвее и многаши в причестии божественного бываеме и пръвее и многаши изъявительне богоначелного сокровенства, темже паче всех аггельского³⁷³ именованія безмерне сподобишесе за еже прежде в тех бывати богоначельному осиянію и теми в нас ниспосилатисе яже паче нас изъявлениям.

Сице убо Закон, якоже богословіе рече, аггельми нам дан бысть³⁷⁴ и иже славныи же прежде Закона и по Закону наше отце аггелы к божественному возвождааху е, или еже творити достоит³⁷⁵ научавающеи и к правому истини путы от прельсти и жизни несвященнии преводеще, или чина [у слова стоит значок, и на поле рядом с таким же значком: священного] или таин премирных скръвенная видения, или божественная некая проречения пророчски являюще.

3. Аще ли некто речет и оттуду непосредственне³⁷⁶ бывати некоторым светиим богоявления,³⁷⁷ да навикнет и се премудре от священнейших Словес, яко само то убо что любо есть Божие сокровение «никтоже виде»,³⁷⁸³⁷⁹ ниже узрети имать, богоявления же преподобным быше по подобиих Богови некоторых ради священных и зрещиим достойных видений изъявлениях. Всепремудрое же богословіе видение оно,³⁸⁰ еже в себе написано являше божественное яко в образе неизображующих подобие, ради видимого на божественное возвождения влепоту наричет богоявление,³⁸¹ яко его ради зрещиим божественному бывающу осиянію и нечто божественных им научающимсе.

Сия же божественная видения славнии отци наши навицаху посредством небесных сил. Или не и еже священное Закона законоположение Словес предание, яко от онуду убо глаголет от Бога Моусеови дарованно, яко да убо нас истиньне научить еже божественно то быти и священно подизображение.³⁸² Учитъ же и се премудре богословіе, еже аггелы сему в ны произити, яко богозаконному чину оно уставоплагающему, еже превых ради вторая к божественному возводитисе.³⁸³ И бо не токмо при превосходящих же и менших умовех, но и в въкупоченных с устав определих от всех пресущественого Чиномачелія,³⁸⁴ еже во всяком священномачели пръвѣим, и средним, и последним быти чиновом же и силам и от менших быти

божественнейшим учителем и руководем к божественному возведению, и осиянию, и причещению.

4. Зру же, яко и еже божественное Исусова човеколюбия таинство аггелы прежде навикоше,³⁸⁵ таже теми в нас разума благодать мимоходяше. Сице бо божественейши Гавриил Захариу убо иерарха научи, еже пророк быти еже от того без надежде благодатию божествною раждаемое отроче благолепне мирови и спасителне являемого мужственного Исусова богодейства,³⁸⁶³⁸⁷ Марию же³⁸⁸ – како в той будет богоначелное неизвещанного богоздания таинство.³⁸⁹ Иный же аггел Иосифа наказа, како воистину исплнитисе имуть³⁹⁰ яже богоданне обещанная предеду Давыду.³⁹¹ Другой же пастырем яко многих отшествием и безмловием очищенном благовествоваше³⁹² – и с ним множество вой небесных – еже многопетое оно предаваху сущим на земли славословие.³⁹³

Възимаем же и к превышшим Словес светоявлениям. Зру бо, яко и сам Исус, иже пренебесных существ пресуществна вина,³⁹⁴ к нам непреложне³⁹⁵ пришьд, не отместеся еже от того вчиненного же и изволенного човеколепного благочиния, но благопокорне повинуетсе Отца и Бога аггелыми воображениям. И посредством тех возвещаетсе Иосифу еже от Отца усмотренное Исусово к Егупту отшествие³⁹⁶ и паки еже к иудеом от Егупта прешествие.³⁹⁷ И аггелыми Того зрим под Отеческими уставоположен'ми вчиняемого. Оставляю бо рещи, яко ведущу яже священническими нашими преданми изъявленная и о аггеле, иже Исуса укрепляющем³⁹⁸³⁹⁹ или яко и сам Исус по нашем спасителном благодействе в изъявительный⁴⁰⁰ пришед чин, «Аггел Велика Совета»⁴⁰¹ наречесе. И бо яко Сам аггелолепне глаголет, елика слыша от Отца возвести нам.⁴⁰²

Глава 5. Почто вся небесная сущ'ствия отдоле обще аггелы глаголютсе

Сия убо есть яко по нас вина аггельского в Словесех именованія. Испытати же, яко мню, потреба есть, кое ради вини богословци вся убо вкупе небесная существа аггеле наричут,⁴⁰³ к изъявлению же приходяще премирных тех доброт, чин аггельский особне именуют, иже совершителне окончаеи⁴⁰⁴ божественные и небесные чины, прежде же сего превосходне вчиняюще архаггельская удобрения, и начела, и власти, и силы, и елика сих превозшедшая сущ'ствия, яже Словес ведет изъявительная предания. Глаголем же, яко по всяком священном удобрени превозшедшей убо чинове имеют и яже меньших удобрений осияния же и силы, непричестныи же превосходительным себе суть последныи.⁴⁰⁵ Светейшие убо превышших существ чины и аггелы наричут богословци, и бо суть изъявительны и сии богоначелного осияния.

Чин же небесных умов последний не имут слова начела, или престоле, или серафиме именовати, ниже бо есть в причестии превышших сил. Но якоже сеи иже у нас божественные прьвосвященники⁴⁰⁶ возводит к ведомым ему богоначелія лучам, сице и иже преждных того существ всесвещенные силы возводителныи к божественному суть совершителного⁴⁰⁷ аггельскому священноначелию удобрения, – аще не еда кто и се речет еже общая быти⁴⁰⁸ всяка аггельская именования по всех небесных сил в боговидное и от Бога светодание меншем и преимущем причещении. Но да паче нам слово благосудно будет, да видим священне яже в Словесех изъявленная святолепная свойства⁴⁰⁹ коегождо небесного удобрения.

Глава 6. Что прьво небесных существ удобрение, что средне, что последнее

1. Елика убо суть и какова пренебесных существ удобрения и како яже у них священноначелия совершаются, единому известне ведети глаголю божествителному тех Службоначелию (рядом маргиналий: божествителное Службоначелие Богоначелие глаголет); к симже и тем разумети свое силы же и осияния и свое ⁴¹⁰ священное и премирное благочиние. Немощно бо нам ведети ⁴¹⁰ яже пренебесных умов таинства и светейшая их совершения, аще не, негли речет кто, елика теми нас яко своя добре ведущими Богоначелие научи. Прочее мы убо ничесоже самодвижне рещи имами; елика же аггельских видений от священных богослов'ц узрешесе, сия навикше, мы, яко мощни есмы, да изложим.

2. Вся богословие небесная существия девет нарекло есть изъяснительными именованми.⁴¹¹ Сия божественый наш священнослужитель ⁴¹² (внизу на поле без какого-либо значка: Священнослужителя глаголет или светого Павла, или светого Иерофея) в три разлучает троичская удобрения.⁴¹³ И прьво быти глаголет еже о Бозе существо присно и близь тому и прежде иных непосредствене ⁴¹⁴ соединитисе преданное. Светейшие бо престолу⁴¹⁵ и многоочите и многокрилате чинове, херувим еврейским гласом и серафим именованна, по всех превосходящем приближении о Бозе непосредствене приседети рече предаватисе Словесним изъяснением. Троичьское убо се удобрение яко едино и вкупчиненно и воистину прьво священноначелие славный наш рече наставник, егоже несть друго божественейшее и прьводелными Богоначелия осиянми непосредствене приближнейше. Второ же быти реже еже от властей и господств и сил ⁴¹⁶ совершаемое, и третье последних небесных священноначельств, еже аггел же и архаггл и начел удобрение.

Глава 7. О серафимех, и херувимех, и престолах, и о прьвом, их священноначелии⁴¹⁷

1. Сей мы и приемлюще⁴¹⁸ светиих священноначельств чин, глаголем, яко всяко небесных умов⁴¹⁹ именованіе сказаніе имать коегождо богоданного свойства. И светое убо серафим именованіе реше иже яже евреи вѣдуще или еже «пожигателе» изъявляти, или еже «согревателіе», а еже херувим – «множество разума», или «излитіе премудрости».

Влепоту убо прьвое небесных священноначельств от превышших существ священнодействуется, чин имее всех высочайши,⁴²⁰ еже о Бозе непосредствѣне приседети и прьводелная богоявленія и совершенія в те яко приближене начелничствѣне сходити. «Согревателіе» убо именуются и престолы и «излитіе премудрости» изъявительным боговидных их иместв именем.⁴²¹ Иже бо приснодвижное быти⁴²² убо их о божественных и непрестаемое и еже теплое и скорое и прегорещее всех приближного и неисходного и неуклонного приснодвиженія и еже иже менших возводителне и силне уподобительное яко востопляе она и возгарае на подобную топлоту и еже палителне и всесожигателне чистительное, и неприкривателно и неугашаемо имее такожде присно световидно и просвещателно свойство всякого неслетлого тмоторенія отгонително суще и потребително серафим именованіе изъявительне учит. Херувимское же еже разумно быти их и боговидное, и еже превышшего светоданія приетное и зрительное в прьводелной силѣ богоначелного благолепія, и премудротворного преподаванія испльненное, и причестное обилне к вторым излитіем дарованные премудрости. А еже превысоких и превъзетіих престол⁴²³ еже всякого несмесне изетисе долешьствного смиренія и еже воздвигателне премирне гореносное⁴²⁴ и всякого последенства неклонителне гореприсвоенное и о иже воистину Вышнем всеми силами неколебателне и благостойне приседимое и богоначелного нашествія в бестрасти всачесцем и невеществіи приетное, и

еже богоносное⁴²⁵ и богоугодне на божественая подытия возлетаемо.

2. Сие убо еже имен их яко по нас изъявление. Реши же достойно есть, кое священноначелие их непщuem. Всякого бо убо священноначелия мысли богоподражательного боговидения прилежательно и неклонителне быти, и еже разделятисе всякому священноначелничскому строению в причестие⁴²⁶ священно и преподавание⁴²⁷ чищения несмесного и божественного света, и служебнственного художества довольно уже от нас рещисе непщую. Ниня же достойне рещи молюсе превышших умов, како еже в тех священноначелие Словесы изъявляетсяе.

Пръвым⁴²⁸ существом, иже по существотворном их Богоначелии приседеща и якоже в преддверии того въчиненьна, всякые суть невидимые и видимые превозшедшей бывшее силы, свое непщевати достоин быти и по всем подобовидно священноначелие. Чиста убо та достоин непщевати⁴²⁹ не яко несвещенных скврн и гнусот свободная, ни же яко тименных неприетна мечтаний, но яко всякого сънижения несмесе высочайшая, и всякого меньшего свещения по превышшой чистоте всех боговидных сил превоседелная, и своего приснодвижного и самодвижного⁴³⁰ по боголюбезного непреложению чина неклонителне зело дръжющаяся, и еже на худъшая по нечесом умнение отнудь неведущая, но непадаемо присно и неподвижимо имущая своего боговидного свойства несмесное приседание. Зрителная⁴³¹ же паки не яко чювственных знаменый или умниих видителие,⁴³² ни же яко различием священнописанического видения на божественное возводимая, но яко всякого невещественного разума высочайшим светом испльненная и добротворныие и начелныие доброты пресуществного и триспетного зрения, яко лепо, насыщенная, Исусова же приобщения⁴³³ такожде удостоенная не в образах священнозданных зрачне воображающих богонаданое уподобление,⁴³⁴ но яко воистину тому приближаемая в пръвем причестии разума богоделных Его свет, и убо яко еже богоподражательное тем превысочайше дарованно бысть и приобщаются по еже тем мощно в преводелней силе⁴³⁵ богодейственным Его и человеколюбным

добродетелем. Совършенная же такожде не яко различия священного в сказателном художестве сияющая, но яко прьвого и превосходимого обожения испльненая по превысочайшем яко аггелом богодействе художестве. Не бо иными светыми существи, но от самого Богоначелия прьвосвещенствуема⁴³⁶ в еже на то непосредствне воспростиратисе всех превосходещую силою и чином и во всечистом и по всем неклонителном приседеще и к невестественному и умному благолепию, яко праведно, в видение⁴³⁷ приводетсе и яже богодействе художественая словеса⁴³⁸ яко прьвая и о Бозе суца навицают от самого службоначелия превысочайше священоначельствуема.

3. Сие бо богословци яве скажут еже убо меншиим небесных существ добротам от превозшедших благодобротне научаватисе⁴³⁹ богодеиным художествам, всех же превышьшим от самого Богоначелия, яко праведно, учении осияватисе. Некоторые бо убо их вьводит от прьвых священне навицающе, еже «Господа быти небесным силам»⁴⁴⁰ и «Цара славы»⁴⁴¹ иже на небеса чловеколепне вознесенного,⁴⁴² некие же к самому Иисусу недоумевающесе и еже о нас Тогова богодействия⁴⁴³ художество навикнути желающе и тех самому Иисусу непосредствене научавающе и преводатне тем изьявляюще Свое чловеколюбное благодействие. «Аз бо, – рече, – глаголах правду и суд спасения».⁴⁴⁴⁴⁴⁵ Дивлю же се,⁴⁴⁶ яко и яже пренебесных существ прьвая и толико всех превосходеща богоначелных осияний яко посредевоскриляема⁴⁴⁷ благоговейне желают. И бо не Самого Бога вопрошают.⁴⁴⁸ «Почто ти оброщенны суть ризи?»,⁴⁴⁹ – к самем же недоумеваются прьвее, показавше убо, яко навикнути желающе и богодейственаого разума желают, не предваряюще же иже по божествном прошествии даемого осияния. Прочее убо прьво небесных умов священноначелие от самого Службоначелия прьвосвещенствуемо во еже на то непосредствне простиратисе всесветейшего очищения, неприступного света, преждесовършения совършенодействия по мере се испльняемо очищается и просвещается⁴⁵⁰ и совършеннодействуется всякого убо сънижения несмесно,

пръвого же света испльнено и пръводатного разума и художества причестник навръшаемо.

Совокупив же и се да реку убо не нелепостне, яко и чищение⁴⁵¹ есть и просвещение и совершение еже богоначелного художества причещение, неразумия убо рекше очища по чину даемым разумом совершенных навиченый, просвещае же собою божественным разумом, егоже ради очищает яже не пръвее узренна елика ниня изъясняются высочайшего ради осияния и совершае паки темжде светом еже по иместву художеством светлейших вичений.

4. Сие убо есть яко по моем художестве пръвое небесных существ удобрение еже «окрест Бога»⁴⁵²⁴⁵³ и при Бозе непосредствене стоей и просте и непрестанне ликоствуе в вечнем Его разуме по превысочайшем яко в аггелех приснодвижном приседении, многа убо и блаженная зре чисте видения, и простиими и непосредственными зарами осияваемо, и божественные пище испльняемо,⁴⁵⁴ многие убо приводатным излитием, единые же неразличне и единотворне богоначелнического гощения единством, многого же приобъщания Божия и содействия удостоенно еже к Тому яко же мощно уподоблением добрых иместв же и действий, многая же божественных превосходителне веде и богоначелного художества и разума в причестии, поеже есть льза, бываемо. Сего ради и пения тогова богословие сущим на Земли предадо есть, в ихже священне является еже превысочайшего осияния превосходителное. Овы бо убо того чювьствне рещи, «яко глас вод мног»,⁴⁵⁵ вопиют: «Благословленна слава Господня от места Его!»,⁴⁵⁶ – овы же⁴⁵⁷ многопетое и честнейшее възывают богословие: «Светь, светь, светь Господь Саваоф, исполнь вся земля славы Его!»⁴⁵⁸ Сия же превысочайшая пренебесных умов песнословия уже убо в иже «О божественных песнях»⁴⁵⁹ якоже мощно изъявихом и речесе о сих в онех яко по нас доволне, от нихже в воспоменутие довлеет явити толико в настоящее време, яко богословными художеством пръвое удобрение яко лепо осияно бывше от пръвые богоначелные Благости, сее яко благовидно священноначелие и сущим по нем проче преподаст, оно сокращенне рещи споведуе еже честному

самому и прехвалному и всехвальному Богоначелию праведно благословне быти от богоприетных яко мощно петисе и воспеватисе умов⁴⁶⁰ (сии бо суть яко боговидныи божествная «Места» богоначелнического, якоже Словеса реше, «покоища»)⁴⁶¹ и уже яко Единица есть и Единая Трисоставная от пренебесных существ даже до последних земле посилаючи благостныи свои на вся суцая промысл яко всякого существа преначелное Начело и Вина и всех пресущественных неодрьжным объетием⁴⁶² обьдрьжещи.

Глава 8. О господствах, и силах, и властях, и о среднем, их священноначалии

1. Преити же достоин ниня нам на среднее небесных умов удобрение,⁴⁶³ господствия она премирными очесы якоже мощно видеющим и яже воистину⁴⁶⁴ сильная видения божественных властей и сил. И бо коеждо⁴⁶⁵ иже паче нас существ именованье⁴⁶⁶ яже богоподрожательная их изъясняет боговидная свойства. Светиих бо убо господств изъяснительное именованье мною являти непорабощаемое неко и всякого смиренного уменения свободное возведение неединим мучительских⁴⁶⁷ отличеств⁴⁶⁸ неединем образом отнудь прекланяемо, то свободнолепне⁴⁶⁹ яко непреложно господство всякого охуждательного работворения превосходе, несъходно уменению всякому и изето⁴⁷⁰ всякого отличествия сущего господства и господоначелия⁴⁷¹ непрестанно желае и к того господственному начертанию якоже мощно и себе же и яже по нем боговидне претварае, к неединому суетному мнещиихсе, но к воистину Сущему отнудь обращенно и Господоначелного присно благовидения во причести по еже мощно тому бывше.

Светыих же сил⁴⁷² крепкое неко и непоколебательно мужество во всех яже в том боговидных действиях, к неединому подьетию даемых тому богоначелных осияний немощне изнаемае, крепце на богоподобное возводиму, не недостатч'ствуеет своего немужеством боговидного движения, но неклонителне зре в пресуществную и силотворную Силу и тое образ силовидне по еже мощно бывше и к той убо яко начелосильной силне⁴⁷³ обращенно, к вторым⁴⁷⁴ же силодателне и боговидне происходе.

Светыих же властей⁴⁷⁵ еже въкупочно божественных господств и сил, благоудобренное и нескврьное о божественных подьетиях⁴⁷⁶ благочиние и еже въчиненное премирные и умные власти⁴⁷⁷ не мучительски на хуждшая властными силами приемлющу, но неудръжательне на божествна с благочинством возводиму же⁴⁷⁸ и яже по нем боговидне возводещу, и к властотворному⁴⁷⁹ начеловластию

якоже лепо уподобляющу и то, якоже мощно аггелом, восиявающу, иже в том благоудобреними чинми и властныи силы.

Сия имее боговидная свойства, среднее небесных умов удобрение⁴⁷⁶ очищается убо и просвещается и совершеннодействуется по имже речесе образе от богоначелных осияней, водаемых ему вторе прьвым священноначелничским удобрением и средним онем⁴⁷⁷ второявитилне⁴⁷⁸ посилаемых.

2. Сего ради иже другим глаголемы приходити в други аггел слух знамение да сотворим иже издалече бываему⁴⁷⁹ и прохождения ради утончаемому⁴⁸⁰ во второе совершения. Якоже иже художныи о священных наших службах⁴⁸¹ глаголют,⁴⁸² яже самаявленная божественных совершения иже иными боговидных причестий быти совершнейшая, сице мною и аггельских чинов непосредственное причестие иже прьвее о Бозе вьиспропростираемых явленейше быти иже посредством⁴⁸³ совершаемых. Темже и от священнического нашего предания совершительные и светодействие и чистительные силы прьвы умове именуются меншиим, яко тех ради на всех пресуществное начело возводимом и службоначелничских очищений и просвещений и совершений в причестии по еже тем льза⁴⁸⁴ бываемом. Се бо есть отнудь Божественным Чиномачелием богоподобне възаконенно – еже прьвых ради вторая богоначелных причествовати осияний. Обрещеши же се и многаши богословци изьявлено. Егда бо божественное и Отче человеколюбие Израиля возвратителне о священном его спасени наказав и томителем и свережим языком в исправление издав, отнудним промышляемых на лучьшее преведением и от заплечения пушает, и к прьвому человеколюбне возвращаше благостраданию, зрит богословц един, Захариа, единого прьвых, яко мною, и при Бозе аггель (обще⁴⁸⁵ бо, якоже рех, есть по сем еже аггельского именованья) от Самого Бога навикьшого еже о семь «Утешительная», якоже рече, «словесе»,⁴⁸⁶ другого же меншиих аггел к усретению прьвого предидущего, яко к осияния подъетию и приобщению, таже от того божественный совет яко от священноначелника навикьшого и еже научити

богослова повелеваемого, яко «Зело велми населитсе Иерусалим от множества люди».⁴⁸⁷ Другой же богословца Иезекиила⁴⁸⁸ и от самого глаголетсе всесвещенне навикнути херувим превышшего преславного Божества. Израиля бо, якоже речесе, Отче человеколюбие наказания ради на большее переводе правдою боголепною от повинных разлучити неповинные оправди. Сие же навицает прьвы по херувимех, иже о чреслах самфиром препоясь,⁴⁸⁹ иже одеждою,⁴⁹⁰ даже до ног сходящею, по знамению архиерейском одеянь. Прочии же аггелом, иже сечива имущим, божественное чиноначелие повелевает⁴⁹¹ от прьвого навикнути еже о семь богосудство. Овому бо убо рече посреде проити Иерусалима и дати знамения на челех⁴⁹² неповинным мужем, аггелом же:⁴⁹³ «Идете в град вослед того и сецете, и не пощедите очима вашима», «ко всем же, на нихже есть знамение, не приближитесе».

Что убо некто речет о рекшом аггеле Даниилу: «Изиде слово»?⁴⁹⁴ Или о прьвом том, огонь от среди херувим приемшем?⁴⁹⁵ Или еже сего излишное в благочинное аггельское указание, яко херувим вьлагает огонь в руки в светую одежду облеченного? Или о возвавшем божествьнейшего Гавриила⁴⁹⁶ и рекшим ему: «Скажи оному видение»?⁴⁹⁷ Или еликая друга от священных богословц реченная быше о иже небесных свещеньноначельств боговидном удобрени,⁴⁹⁸ к немуже еже у нас священноначелия благочиние по силе уподобляемо аггельское боголепие яко в образех имать, воображаемо тем и возводимо к пресущественному всякого священноначелия Чиноначелию?

Глава 9. О началех, и архаггелех и аггелех, и о последьним, их священноначели

1. Оставше есть нам в видение священно удобрение еже аггельская затворае священноначелия еже от боговидных начел, и архаггел, и аггел удобряемо. И прьвая убо рещи нужно мню, по еже мне мощно, светых их именований изъявления. Изъявляет бо еже убо небесных начел именование еже боговидне начелничское и владычествное с чином священним и начелническими подобия силами, и еже к преначелному Начелу и самех свьсма привращати, и другие начелничскы водити, и еже к самому оному яко мощно вообразатисе наелотворьному Начелу являти же пресущ'ствное Того чиноначелие⁴⁹⁹ начелничских⁵⁰⁰ благоудобрением сил.

2. Светиих же архаггел⁵⁰¹ единочинно убо есть небесным начелом.⁵⁰¹ Есть бо тех же и аггел, якоже рех, священноначелие едино и удобрение.⁵⁰² Обаче понеже несть священноначелие не и прьвые и среднее и последнее силы имее, иже архаггел светы чин общителне священноначелничскою средою краев касается. Светейшим бо начелом приобщается и светым аггелом,⁵⁰³ — овем убо, яко к пресуществуемому Начелу начелничскы обращается и к тому яко мощно воображается, и аггеле соединеннотворит по благоудобрительных его и вьчиненных и невидимых владычествиях,⁵⁰⁴ овем же, яко и пророческого чина, богоначелничская осияния священноначелне прьвыми силами подъемле, и аггелом сия благовидне возвещае, и аггелами намь являе, по священной коегождо иже божествне осияваемых мере. Аггелы⁵⁰⁵ бо, якоже преде рехом, накончателне совьшают вся небесных умов удобрения, по последнем яко в небесных сущ'ствах⁵⁰⁶ имуще аггельское свойство и паче от нас изъявителни преждных аггелы свойственнейше именуемы елико и о явленнейшем им есть священноначелие и паче к миру близ.⁵⁰⁷ Прьвое бо убо превьсочайшее, якоже речесе, удобрение, яко Сокровенному прьвовьчинителне приближаесе, скрьеновидне достоит разумети священноначелствовати второму, второ же, еже

соврѣшается от светых господствъ, и сил, и властей, начелом и архаггелом и аггелом священноначелию наставникъ есть, к прьвому убо священноначелию изьявленнойше,⁵⁰⁸ а еже по нем скрвенойше; начел же, и архаггел, и аггел изьявителное удобрение, еже в чловецех священноначелиям друг другом наставникъ быти,⁵⁰⁹ да будет по чину еже к Богу възвождение, и обращение, и приобщение, и соединение, и убо и от Бога всем священноначелиям благолепне ведаемое и обще приходимо с благоудобрениемъ священнейшимъ прошествие. Сего ради богословие еже у нас священноначелие аггелъми ведало есть⁵¹⁰ кнеза иудейскимъ людемъ, Михаила именуе,⁵¹¹ и аггелы языкъ другихъ. «Положи» бо Вышни «пределы языкомъ по числу аггелъ Божиихъ».⁵¹²

3. Аще ли кто глаголетъ: и како иже еврейсци люде възвождахусе сами на богоначелная сияния? – достоитъ отвѣщати, яко не яже аггелъ правая приставления виновствовати подобаетъ еже иныхъ языкъ на не сущіе боги заблужденія, но самехъ оныхъ, своими устремленіями отъ еже на божественное правое возведенія отпадшихъ⁵¹³ самолюбіемъ и гръдиною и иже темъ мнѣщихъсе богоподобьствъ достойною честию.⁵¹⁴ Се свидѣтельствуютъсе и сами еврейсци люде пострадати.⁵¹⁵ «Разумъ бо Божій, – рече, – отринулъ еси и воследъ сердца твоего ходилъ еси».⁵¹⁶ Ни бо понужденну имамы жизнь, ни же ради промышляемыхъ самовластія божественныя свети промышлятелнаго сиянія изнемогаютъ.⁵¹⁷ Но еже умныхъ очесъ превращеніе преиспльненныя отъчскыя благодати свѣтоданіе или отнудъ непричестно творитъ и къ техъ ожесточаюу неуподобно,⁵¹⁸ или причестія творитъ различна, мала или велика, тонка или свѣтла, единіе и простіе, и присно такожде имущіе, и прострѣтіе источничскыя луче.⁵¹⁹ Понеже якоже и инымъ языкомъ (отъ нихъже и мы възникнухомъ, на яже всемъ готове въ преподаваніе⁵²⁰ прострѣтую богоначелнаго свѣта безмерную же и обилную пучину),⁵²¹ не чуждїи неци наставници беху бозы, едино же всехъ Начело и къ тому възвождаху последующихъ коегождо языка священноначелствующей аггелы, Мелхиседека достоитъ разумѣти священноначелника суща боголюбивѣйшаго не иже не сущихъ, но воистину сущаго

вышняго Бога. И бо не просте Мелхиседека богомудрыни не боголюбезного токмо, но и священника нарекоше,⁵²² яко да ум имущим яве покажут, яко не токмо сам к воистину сущему Богу възвождашесе,⁵²³ кьсему же и иные яко священноначелник наставляше на истинно и единно богоначелие возвождения.

4. И сие же твоему священноначелничскому разуму да воспоминаем, яко и фараону⁵²⁴⁵²⁵ от иже егуптеном наставника аггела, и вавулонскому кнезу⁵²⁶ от своего, еже всех Промысла и Господства попечительное и властное в видениях возвещашесе;⁵²⁷ и языком онем иже воистину Бога угодници наставници беху,⁵²⁷ воображенных аггельских видений изьявления иже аггел близъ священным мужем, Даниилу⁵²⁸ и Иосифу,⁵²⁹ от Бога аггельми откровенного. Едино бо есть всех Начело и Промысл,⁵³⁰ и николи же достоин непщевати иудеи убо удостоителне наставнику быти Богоначелию, аггелом же особне – или въкупчѣстне, или богопротивне – или богом некоторим наставником быти иным языком. Но и слово оно⁵³¹ по сей священной мысли достойное разумети не яко разделившу Богу с иными боги или аггелы еже о нас владычество и Израиль языконачелник и языководник быти удостоившусе, но яко тому убо единому всех Вышняго Промыслу все человеки спасителски иже своих аггел горепростирателными руководенми разделившу, единому же потом от всех Израилю на еже сущего Господа светодание и разумение обращшусе. Темже богословие еже убо себе удостоити Израилю в сущего Бога угождение изьявляе, еже «Бысть честь Господня»⁵³²⁵³³ рече. Показуе же еже и тому в равенстве прочих язык датисе некоему светих аггел в еже тем единое всех Начело разумети, Михаила⁵³⁴ рече иудейские водити люди, яве научавае еже един быти всех Промысл, всех невидимых и видимых сил пресущствне превыше седець, всем же иже коегождо языка приставленным аггелом на то, яко на свое начело, последующих волею⁵³⁵ елико по силе горевозводеющим.

Глава 10. Повъсприетие и събрание аггельского благочиния

1. Собрасе убо нами, яко еже убо старейше иже о Бозе умов удобрение от Службоначелничьского⁵³⁶ осияния священноначелствуемо в еже на то непосредствене воспростирати скръвеннейшим и явленнейшим Богоначелия светоданием⁵³⁷ очищается и просвещается и совершеннодействуется. Скръвенейшим убо яко умнейшим и паче простейшим и съединотворнем, явленейшим же яко преводатным и превоявленным и соборнейшим и паче в то яко в чисто изливаемо, от того же паки по мере второ, и от второго третье, и от третьего еже у нас священноначелие по самом том благоудобренного чиноначелия уставе в съчланени божественем и мере к всякого благоудобрения преначелному Начелу и Концу, священноначелне возводите.

2. Изъявителие же вси суть⁵³⁸ и вестници преждних тем: старейши⁵³⁹ убо Бога движущего, по мере же прочи, иже от Бога движемых. Толико бо еже всех пресущствное сочланение коегождо словесных же и умных священного благоудобрения и въчиненного возвождения промысли, яко и самому священноначельствв коемуждо чин священнолепны положи. И всяко священноначелие зрим в пръвыие, и средние, и последние силы разделенно, но и само то коегождо особне рещи удобрение теми божественными съчланенми раздели. Тем же и самыие божественнейшее серафим богословци глаголют⁵⁴⁰ другы ко другу възивати,⁵⁴¹ яве в сем, якоже мню, сказующе, яко богословенных разумений пръвы вторим преподают.

3. Да приложим же убо и се не нелепотне,⁵⁴² яко и в себе коиждо небесный же и чловечский ум свое имать и пръвие и средние и последние⁵⁴³ чины же и силы к реченным коегождо священноначелниих осияний своим возвождениям по мере изъявляемые по ихъже кждо в причестии бывает по еже тому подобно же и мощно пречистого очищения, преиспльненного света, предъсовершенного совершения. Есть бо ничтоже

самосовръшенно или нетребователно повсем совършения,
разве еже воистину самосовръшенно и предъсвършенно.

Глава 11. Почто все небесныи силы и существа обще силы небесныи глаголются

1. Сим же определенном, оно достойно есть разумети, кое ради выни вся въкупе аггельская существа силы небесныи нарицати обыкохом. Не бо есть рещи, якоже при аггелех,⁵⁴⁴ яко всех есть последнее удобрение светих сил и убо последних светолепных осиянию яже надлежащих существ удобрения причествуют, последняя же пръвых николиже, и сего ради небесныи убо силы вси божественныи умове именуется, серафимы же, и престолы, и господствия никакоже, непричестни⁵⁴⁵ бо последни превысоких суть⁵⁴⁶ соборных свойств. Ангелы бо, и прежде аггел архаггелы,⁵⁴⁶ и начела, и власти, по силах от богословия вчиняемыи, обще многаши от нас вкупе⁵⁴⁷ иным светым существам небесныи силы наричутся.

2. Глаголем же, яко обще при всех приемше небесных сил именованием не солитие неко коегождо удобрения свойством выводим, но понеже в три разделишесе⁵⁴⁸ еже о тех премирным словом вси божественныи умове: в существо, и силу,⁵⁴⁹ и действо, – егда же вся, или нектога тех неназирателне⁵⁵⁰ небесная⁵⁵¹ существа⁵⁵² или небесныи силы наричем,⁵⁵¹ сие – вѣтороречне⁵⁵³ о нихже есть слово изъясляти нас – достоит непщевати⁵⁵³ от коегождо их существа или силы. Ни бо надлежимо свойство иже добре нами разделенных светых сил и меншиим свѣсма совокупляти существом – в разорение несълитного аггельских удобрений чиноначалия. По многащном бо нами праве отданнем слове превозъшедшая убо удобрения излишне имут и яже меншиих священная свойства, последняя же,⁵⁵⁴ яже старейших надлежащая отнудствия не имут,⁵⁵⁵ отчести в та прѣводатным осияниям пръвыми по мере к тем изъясляемом.

Глава 12. По что иже в чловецех свещенноначельници аггелы глаголютьсе

1. Ищет же се и се умних словес любозрителми: аще бо непричестны превысоких отнудьств суть последныи, кое ради вины иже у нас свещенноначелник «аггел Господа Вседръжителя» от Словес именовасе⁵⁵⁶

2. Есть же не супротивно слово, яко мню, predetermined. Глаголем бо,⁵⁵⁷ яко все и превосходящее старейших удобрений силы недостатъчествуют последны, честние бо и по мере причествуют по едином всех сочланенном и съвузном приобщении. Рекше светих херувим чин причествует премудрости и разума высочайшего,⁵⁵⁸ а яже под теми существъ удобрения причествуют убо и тая премудрости и разума, отчести же обаче яко према онем и меньшее. И еже убо отнудь в причести премудрости быти и разума обще есть всем боговидным умниих, а еже приближне и превостне, или вьторичсче и умененне, некому общне, но якоже коемуждо от свое мери определено есть.⁵⁵⁹ Сие же и о всех божественных умовех не убо кто согрешне определить. И бо якоже прьвы излишне имут меншиих светолепная свойства, сиче имут последныи яже прьвых, не убо же подобне, но умененне. Ничтоже убо, яко мню, безместно, аще и иже у нас свещенноначелника аггела богословие наричет, иже по силе своей причествующего аггел пророчского свойства и к изьявительному их уподоблению, якоже мощно человеком воспостираемого.

3. Обрещеши же,⁵⁶⁰ яко и богы богословие наричет небесная и паче нас сущ'ствия и иже у нас боголюбивыие и свещенные мужы,⁵⁶¹ а паче богоначелному скрьвенству пресуществне всех преизету же и превыше седешу, и ниединому⁵⁶² от сущиих тому подобне именоватисе истинне и свьсма могущу. Обаче елика умных же и словесных к соединению того елико по силе отнудь гореобращаются и к божественим его осияниям якоже мощно непрестанне

горепростираются еже по силе, аще подобает рещи,
богоподобием и божественного въкупоимения сподобляются.

Глава 13. Почто от серафим глаголетсе очиститисе пророк Исайа

1. Принеси уже и се по силе да смотрим, чесо ради к единому Богослов'ц серафим послатисе глаголетсе.⁵⁶³ И бо недоумеватисе⁵⁶⁴ кто имат, яко не от меншиих некой аггел, но самы иже старейшиим суц'ствам вычтеньни очищает пророка.

2. Неци убо реше, яко по мале отданном всех умов приобщения пределе не единого иже при Бозе прьвостоятельных умов именует Слово на богословца очищение приити, некоего же от иже нам надьстоещих аггел яко священнодейственика пророку очищения серафим въкупоимением нареци ради пожигательного реченных согрешени⁵⁶⁵ отражения и очищенному на божественное послушание возгорения, и Слову единого от серафим просте рещи глаголют не от иже при Бозе приседеющих, но иже нам надьстоещих чистительных сил.

3. Ин же николи же безмелстно что подаст ми отвещание о настоящем противлении. Рече бо, яко свое чистительное священнодействие великы он (кто-либо бе видение сотворивы аггел⁵⁶⁶ в еже научити божественным богословца) на Бога⁵⁶⁷ и по Бозе на прьводействно священноначелие возложи. И еда когда убо се слово истинствует? Глаголаше бо иже се рекый, яко богоначелная сила, на вся приходеци, входит и скрозе всех неodrъжанно проходит⁵⁶⁸ и всем паки есть невидима – не токмо яко всех пресуществьне преизредная, но яко скрвьенне на вся посилающипромышлятельная ее действия. Но убо всем умным по мере является и свое въкупе светодание въручаючи старейшим существам, теми яко прьвыми в меньшая себе благоудобренне преподает, по коегождо удобрения боговидном умерени.

Или да явленнейше реку⁵⁶⁹ и присними приказными, аще и недостаточными Бога, всех преиззетого,⁵⁷⁰ обаче нам явленнейшими. Солнечные луче преподавание⁵⁷⁰ в прьвую вещь благопреподатне входит, всех светлейшую, и тою светле восиявает свое заре; приходе же к дебелейшим вещем,

тончайше имат преподательное явление от ихже просвещающихсе вещи к светодания проходительному иместву неустроения, и помалу от сего к свьсма немале непреподатно скутавается. Паки огненная топлота⁵⁷¹ паче себе преподает в приетнейшая и к тое подобию благопослушная и благоводимая, к супротивообразним же или противным существам или ничесоже, или тынк некой иже от огненного действия след являет. И еже сего множайше, яко к не сьродным иже искренне к той имущиими приходит, прьвее, аще случитсе, возгарателна творещи яже к возгорению благопреложная, и теми или воду, или друго что иже от не удобь възгараемых по мере согревающи.⁵⁷² По томжде убо естественного благочиния слове паче естества еже всякого благоудобрения видимого и невидимого Чиноначелие своего светодания светлость прьвоявлянне в богатих излитиях высочайшим существам являет; и теми яже по тех существия божественной лучи приобщуютсе. Та бо разумеvше прьвая Бога и божественные добродетели превосходителне желающе и прьводетелие быти, якоже мощно, богоподражательные силы и действия сподобляются и яже по них существия сама к уподоблению елико по силе боговидне горепростирают, обилне тем преподающе в та пришедшее заре, и паки она меншим, и в коемждо прьво сущему по нем преподает дарованного и во вся по мере промыслом приходящего божественного света.

Есть убо всем просвещающимсе начело еже просвещатисе Бог убо естеством и воистину сущи яко света⁵⁷³ существо и самому еже быти и зрети виновн. Положением же и богоподражательне по чести превосходимо сущему по нем коемждо во еже божественным световом тем в оно приходити.⁵⁷⁴ Убо превысокое небесных умов удобрение яже прочих всех аггел существия по еже лепо по Бозе начело непшуют всякого священного богоразумия же и богоподражания, яко оными во вся, и в нас, богоначелному осиянию преподаему. Тем же и всяко священно и богоподражательное действие на Бога убо яко виновна возносит, на прьвыие же боговидные умове яко на преводействныи божественных и учителя.⁵⁷⁵ Проче прьво светих аггел удобрение паче всех иматъ огненное свойство и

излитое богоначелные премудрости преподание и разумное превысокого божественных сияний художства и престолское свойство⁵⁷⁶ воиспръпростртое⁵⁷⁷ богоприетие изъявляющее. Меншиих же существ удобрения⁵⁷⁷ огнествьные, премудростние, разумние, богоприетние силы причествуют, умененне же, и к прьвым зреще и теми яко богоподобная преводелне сподобленными на боговидия мощное возводима. Реченная убо светая свойства, ихже в причести прьвыми яже по тех существия быше, самем онем по Бозе яко священноначелником налагают.

4. Глаголаше убо⁵⁷⁸ иже сия рекый видение убо оно подьети богословцу едином иже надстоещих нам светых и блаженных аггел и от просвещательного его руководства на священное оно видение⁵⁷⁹ возвестисе, по имже зреще превысокая существия, яко в образах рещи, под Богом и с Богом и о Бозе седешая и еже всех и тех пренеизреченне изредное преначелное конечнство⁵⁸⁰ по среде подвьшдьших сил превыше седеще. Навыцаше⁵⁸¹ же убо зримыми богослов, яко по всяком пресущественном превосхождении не съсужденне превыше седит Божество всякие видимые и невидимые силы и убо яко всячских есть изредно яко по всем ни же прьвым сущих существом подобно, к симже и еже всех то и Начело и Вина существотворна быти, и сущих нераздрешного Пребытия неизменное Создание, от Негоже и еже быти, и еже благо быти, и самем тем превышшим есть силам. Таже яже тех светейших серафим навицает боговидные силы, священному убо их именованию огнествьное назнаменающу, о немже мало после мы речем, якоже нам мощно сповестовати яже на⁵⁸² боговидное огнествьные силы возвождения, крил же⁵⁸² шестосугубного священноустроения еже на божество в прьвых, в средних, в последних разумениях раздрешенное и превысокое воиспропрострете. Но и еже безмероножно их и многоличное зре⁵⁸³ священны Богословц и еже крилы skutavati⁵⁸⁴ еже под ногами и еже выше лица видение, и еже в средних крилах приснодвижение к умному зримых возвождашесе разуму, изъявляемые тому превысоких умов многшественные и многовидные силы и священного их

585

благоговееинства, егоже имут премирне о высоких⁵⁸⁵ и
глубоких в яростное⁵⁸⁶ и сверепое и неприступное испытание,
и в умерении богоподражательных действий непрестанного и
высоколетаемого приснодвижения. Но и богоначелное оно и
многочестное петие⁵⁸⁷ тайно навицаше, воображающего видение
аггела по силе Богослову преподающего⁵⁸⁸ своего
свещеноразумия. Учаше же убо того и сему, яко чищение⁵⁸⁹ есть
како-любо очищенным еже богоначелные светлости и чистоти
якоже мощно приобщение. Сие же,⁵⁹⁰ от самого Богоначелия
изредными винами⁵⁹¹ во всех священныих умовех премирным
скръвенством⁵⁹² службодействуемо, сущим о себе яко
превышим силам изъясненнейше некакъ есть и паче себе
изъявляет⁵⁹³ и раздавает,⁵⁹⁴ при вторых же, или последних,
или наших разумных силах, якоже от того каяждо по
боговидном растоитсе, тако светлое свое сияние собирает к
своего скръвенствия единственному неведению. Восиявает же на
коеждо вторых пръвыми. И аще подобает вкратце рещи,
пръвее от скръвенствия к явлению ведетсе пръвыми силами.

Сему убо Богословъ учашесе от световодительного его
аггела – еже очищение и всякая богоначелническая действия,
пръвыми существи восиявающая во вся прочая раздаватисе по
коеждо к боготворьным причествиям мере. Темже и
огньствне⁵⁹⁵ чистительное свойство серафимом влепоту по Бозе
наложи. Ничтоже убо безместно, аще очищати богословца
серафим глаголетсе. Якоже бо Бог очищает вьсех в еже всякого
очищения быти вина, паче же (приближнейше бо прииму
приказнию), якоже бо иже у нас священноначелник⁵⁹⁶ своими
служители, или священники очищае, или просвещае, те
глаголетсе очищати и просвещати иже тем освещенном чином
на того возлагающим своя священная действия, сице и свое
чистительное художество и силу, еже чищение богословцу
соделуе аггел на Бога убо яко виновна, на серафим же яко на
пръводелнаго священноначельника возлагает, якоже убо кто да
речет с благоговением аггельским иже от того очищаемого
научае, яко «еже в те от мене⁵⁹⁷ службодействуемого чищения
начело убо есть преизето и сущство, и содетель, и виновен иже
и пръвая сущствия⁵⁹⁸ и к еже быти привед, и еже о нем

приседением содрже и сохраняе непреложна же и непрепадаемая и сам подвиже на првая своих промыслительных действий причестия (се бо иже сим ме уче рече⁵⁹⁸ еже серафима изьявляти послание⁵⁹⁹), священноначелник же⁶⁰⁰ и по Бозе наставник, еже пръвейших существ удобрение, от негоже еже очищати аз боговидне научен бых. Се убо есть иже мною тебе очищае, имеже своя промыслительная действия от скръвенства и в нас произведе яже всякого вина и содетель чищения».

Сим убо он научи ме, тебе же аз преподаю. Твоего же убо есть умного и расудительного художества или единою реченных вин раздрешитисе недоумения и сию предъпочисти от иные яко лепо и благословно и негли истинно имущую, или от себе что суще истинному сьродное изьобрести, или от иного научити, Богу яве дающе глагол и исходатающеим⁶⁰¹ аггелом,⁶⁰² и любоаггельным нам открыти светлое паче, аще мощно есть и мне паче рачительное видение.

Глава 14. Что назнаменует преданное аггельское число

И сие же достойно есть, яко мню, умного смотра, яко Словес еже о аггелех предание «тисуще тисуц»⁶⁰³ быти⁶⁰⁴ рече «и тмы тем»,⁶⁰⁵ иже у нас конечная чисел в себе възокружае и многовьсугубляе и сих ради яве изьявляе нам бесчисленные небесных существ чины. Многа бо суть блаженная воинства премирных умов, немощну⁶⁰⁶ и смиренную преизошедшая иже у нас тименьных числ меру, и от единого разумливого⁶⁰⁷ определяема еже в тех премирного и небесного разумения и художества, еже богатне тем дарованного от богоначелничьского безмерноразумного премудротворения, всех вькупе сущих пресуществьне сущого Начела и Вини существотворные силы и объемительного накончания.

Глава 15. Кьи изобразительныи аггельских сил образы: что еже огневидное, что еже човековидное, что очи, что руки, что уши, что ноздры, и прочая главизны подобне

1. Принеси проче упокоивше наше, аще мнитсе, умное око, еже о единственных и высоких видениях аггелолепотныи крепости на разделенную и многочестную широту многовидного аггельских зракотворений различия сошедыше, паки от тех яко от образ на простоту небесных умов возвратне возидем. Да будет же тебе предразуменно, яко яже священнообразных образ тлькователная сказания таяжде есть, егда небесных существ удобрения священноначелствующая изъавляют и паки священноначелствуемая и последняя священноначелствующая, священноначелствуемая же пръвая и тежде, якоже речесе, пръвые и средние и последние имущая силы, ни единому безместному слову въводиму по таковом же сказаний образе.⁶⁰⁸ Аще бо убо священноначелствоватисе некоторимь от пръвых глаголали быхом, таже темижде священноначелствовати, и пръвая паки, священноначелствующая последними, священноначелствоватисе от самех оных священноначелствуемых, воистину безместна вещь и съмущения многа испльненная. Аще ли же таяжде священноначелствовати же и священноначелствоватисе глаголем, некомужде теми же или от техжде, но самому коемуждо священноначелствоватисе убо от пръвых, священноначелствовати же последними.⁶⁰⁹ Не нелепотне⁶¹⁰ убо кто речет яже в Словесех священнозданная изображения таяжде есть егда мощи и пръвым, и средним, и последним силам искренне и истинне налагати. И еже к горным убо обратителне выиспропростиратисе, и еже в себе неклонителне⁶¹⁰ съобращатисе своих суще хранителны сил, и еже о вторих причестителным прошествием промысльные тем в причести силы быти всем нельжне прикладъствует небесным существом,

аще и овем убо превосходителне и отнудьне, якоже многащи реченно бысть, овем же отчести и умыненне.

2. Достоит же начети слово и изискати пръвее образ тлькователная сказания,⁶¹¹ кое ради вины богословие не мало паче всех обретаеся почитае огньствное священнописание. Обрести бо то имаши не токмо кола огневидна⁶¹² наздаваемо, но и животная огняна,⁶¹³ и мужи, яко огонь блистаемые,⁶¹⁴ и в самех небесных существах множества углей огня полагаемо,⁶¹⁵ и реки неodrжжимим шумом огнепалние.⁶¹⁶ Но и престолы глаголет огьненые быти,⁶¹⁷ но и самые превысокие серафим пожигателе суще от именования изьявляет, и огня свойство и действо тем отдает, и свьсма горе и доле огньствное почитает изредне образотворие.

Еже бо убо огньствно изьявляти мню еже небесных умов боговидное. Священныи бо богословци пресуществное и безьобразное сущство в огне многащи исписуют, яко имущу многая богоначелничьского, аще подобает рещи, свойства, яко в видимых образех. Чювьственны бо огонь⁶¹⁸ есть убо, якоже рещи, во всех и скрозе всех несмесне проходит, и изеть есть всех, и светел сущь, вькупе и яко сокровен, неведом сам по себе, не предлежущей вещи, в нейже явит свое действо, неodrжжим же и невидим, самоodrжжательн всех, и яже в нихже аще будет, к своему приводе действию, изменителен, преподатлив себе всем како-любо приближающимсе, обнавлятелен животноу теплотоу, просвещателен неприкривателными сиянями, неodrжжанен, непримесен,⁶¹⁹ расудителен, неизменен, гореносен,⁶²⁰ скорошьствен, высок, ниединого трьпе⁶²¹ доленосного сьнижения, приснодвижен, такождедвижен,⁶²¹ подвизателен⁶²² иных, объемителен, необъемлем, нетребователен⁶²² инога, утаителне возрастителен себе и к подъемлющим вещем изьявляе свое величество, скорь, силен, во всех сущь невидимо, небрегом небыти мнесе, с трением же якоже неким възисканием естествоне и искренне вьнезаапу являем, и паки непостижне отлетае, неуменяем во всех богатных его преподаниях. И многа убо кто обрести имать огня свойства искреньна елико в чювьственных образех богоначелничьского действия. Се убо ведуще, богомудрены

небесная существия от огня наздавают, являюще их еже боговидное и якоже мощно богоподражателное.

3. Но и человекообразных⁶²³ тех нарисуют умного ради и еже к выспрь имети зрительные силы, и еже образ⁶²⁴ правостное и простое, и еже по естестве начелное и владычствное, и еже по чювьствнем⁶²⁵ меньше, елико к прочим бесловесных живот силам, превосходително же всех по богатной ума силе и по словесном художестве превосхождением, и по естественном душе непорабощенном и недржимом.

Есть же и по коемъждо,⁶²⁶ яко мню, телесного нашего многочестия образе прикладные изобрести небесным силам, глаголющем очес убо изъясляти силам еже к божественным светом чистейшее възмаяние⁶²⁷ и паки еже гладкое и водное и не стрепетное, но остродвижное, и чистое, и распрострътое бестрастне подьетие богоначелных осияний;

а яже обонаний расудительные силы – еже паче ума благоуханного преподания, якоже мощно, восприетное, иже таковых в художестве расудительное и свьсма отбегателное;

а яже ушью силы – еже причестное и разумне подьемителное благоначелнаго вдохнутя;

а яже вкусные – еже умных пищ испльнение и еже божественных и питательных излитий⁶²⁸ подьемителное;

а яже осезательные – еже естественного или вредительного в художестве разумительное;

вежди же и обрвы – еже богоприетных разумений хранительное;

младостни же и юношъский возраст – еже возвращательные присноживительные силы;

зубы же – еже разделительное ведаемого пищевого совършения (коежде бо существо умно дарованное тому от божественнейшего соединно разумение промыслительною силою разделяет и множит⁶²⁹ к меньшего возводителному подобию);

рамене же, и мышце, и паки руки – еже творительно, и действительное и скорое;

паки же сердце⁶³⁰ знамение быти боговидные жизни свою животную силу благовидне в промышляемая рассевающие;

пръси же паки изъявляти еже неумекчаемо и хранительное,⁶³¹ якоже при подлежащем срдци животворного преподавания;

плещи же – еже събрательное оживляемых всех сил;

ноги же – еже двизательное и скорое и текущее на божественная шьствительного приснодвижения. Темже и пернатие⁶³² богословие светих умов изобрази ноги. Крילו бо изъявляет возводителную скорость и небесную и еже к въспрь и небесную, и еже к въиспры путитворное, и еже всякого нижнего, заеже гореносно, изето. Крил же легкость – еже по ничесом же земельное, но все несмесе и не тегостне на высоту возводимое; а еже нагостно и необувенно – еже отпущенное и⁶³³ благораздрешное и неодръжимо, и очищае от внешнего приложения, и еже к простоте божественной якоже мощно уподобляемое.

4. Но понеже паки проста и «многоразличная премудрость»⁶³⁴⁶³⁵ и непокровенных одевает,⁶³⁶ и сосуды некоторые дает носить тем,⁶³⁷ принеси и яже небесных умов священная одеяния и орудия, по еже нам мощно скажем.

Светлой⁶³⁸ убо ризе и огненной⁶³⁹ назнаменовати мню еже боговидное по огненном образе и еже просвещательное небесных ради покоищъ, идеже свет и по всем умне сияе, или разумне⁶⁴⁰ осияваемо, светительской⁶⁴¹ же еже к божественным и таинственным видениям приводительное и еже все жизни освещенное;

поясом же⁶⁴² еже родных им сил хранительное, и еже совокупленному имуществу⁶⁴³ в себе соединенне съобращатисе, и округ с благоудобрением непрепадаемем тождеством в себе съобращатисе,

5. паки же жезлом⁶⁴⁴ – еже царское и владичьствоное и правостная вся совершае;

копиям же и секирам⁶⁴⁵ – еже безаконей разделительное и еже расудительных сил острое, и действенное, и сильное,

землемерительным⁶⁴⁶ же и древоделским сосудом⁶⁴⁷ – еже основательное, и здательное, и совершательное, и великая иная возводителнаго и обратилнаго суть вториих промысла.

Есть же егда и иже в нас богосудьств суть образы, яже наздаваемая светиих аггел орудия,⁶⁴⁸⁶⁴⁹ овем убо сказующиим исправительное наказание или томительную правду, овем же напастей свобожделение, или наказания конец, или прьвого благострадания повьсприетие, или приложение иных дарований, малиих или великих, чювственных или разумных. И свьсма не убо недоумеетсе зрительны ум искренне уприкладьствити невидимым видимая.

6. А еже и ветры тех именовати,⁶⁵⁰⁶⁵¹ скорость их изьявляет и на вся не мале безлетне⁶⁵² проходимо летение, и еже свьше на долняя,⁶⁵³ и паки от долных к вьспрь ходимо движение, воиспропростирае убо вторая к превьсокой высьоте, подвиже же прьвая к приобьщителному и промыслителному меншиих прошествию. Речет же убо кто воздушного духа⁶⁵⁴ ветреное именование и еже боговидное небесных умов изьявляти. Имат бо и се богоначелничьского действа образ и указ (якоже в «Образном богослови»⁶⁵⁵ по четворостихийниих тлькователных сказаниих нами многими указанно бысть) по естества подвизателном и скорем и неудрьжаньном хождении и неведомем нам и невидимом скрьвенстве двизателных начел и скончаний. «Не бо весы, – рече, – откуда гредет и камо идет».⁶⁵⁶

Но и облака тем видение богословие състраяет,⁶⁵⁷ знаменуе в сем священныи умове съкровенного света премирне испльненныи,⁶⁵⁸ прьвоявленное прьвоявление сокрьвенне приемлемыи и сие обилне в вторие второявителскы и подобне посилаемыи и убо яко плодное тем и животворное и растительное и соврьшительное есть по умном дождерождении, еже приетное недро⁶⁵⁹ влажными дожды на оживляемая зачетия призываемом.

7. Аще ли же и меды⁶⁶⁰ и илектра и камении многомастных⁶⁶¹ вид богословие небесным сущством налагает, илектрон убо, яко златовиден, вкупе и сребровиден, являет негнилостную, яко в злате, и неизьнуряемую и неумаляемую и чистую светлость и светлостную, яко в серебре, и световидную и небесную зару.

Медию же по отданным словесем или еже огневидное, или еже златовидное да воздается.

Камень же многомастных видениям изъявляти да непщуетсе, или яко белим еже световидное, или яко чръвным еже огневидное, или яко русем еже златовидное, или яко зеленом еже юношское и растущее, и по коемждо виде обрещеши возводителное изобразительных образ сказание.

Но понеже сия по силе нами доволне реченна быше, непшую, да преидем на священное сказание небесных умов священнообразного зверообразия.

8. И убо льва⁶⁶²⁶⁶³ образ изъявляти да непщуетсе еже владичествное и крепкое и неумекчателное и еже к сокровенствию неизвещателного Богоначелия елико по силе уподобляемое умных стоп прикровением и таинственне неизводним сокровением еже по божествнем осияни на то выиспръпростирателного шествия;

а еже вола⁶⁶⁴⁶⁶⁵ – еже крепкое и младостное и умные бразды распространяе в подъетие небесных и родотворных дождей, и роговом еже блюстное и неудръжимое;

орла же⁶⁶⁶⁶⁶⁷ – еже царское и высоконосное и скоролетаемое, и еже к силотворной пищи острое и бдительное, и текущее, и благокзыненное, и еже к обильной и многосветлой лучи⁶⁶⁸ богоначелничского слнцопрострътия в очес силах благомощными горепрострътиями непретькновенне праве и неклонителне зрительное;

а еже конь⁶⁶⁹⁶⁷⁰ – еже благопокорливое и благобрьздное; и белим сущим еже светлое и яко паче божественного света сыродное; чръным же сущим – еже скръвенное; чръвением же – еже огневидное и сильное; смесним же от белого и чръного – еже гредущую силою краев съсвезателное, и пръвая вторим, и вторая пръвым обратителне или промыслителне совокупляе.

Но аще не слова сматрали быхом меру и яже по чести реченных животных свойства и вся яже телесная их наздания, уприкладьствовали убо быхом не нелепотне небесным силам по отличных подобьствиях, яростное убо их в умное мужство, егоже последне есть ярость уподобление, паки же похотевателное в божествное рачение и, совокупив рещи, вся

яже бесловесных животных чювствия же и многочестия в невестественная небесных существ разумения и единственныи силы возводеще. Довлеют же ум имущиим не сия токмо, но и единого неистеизъявительного образа тлькование в ближних подобнообразное сказание.

9. Да смотрит же се и еже реки⁶⁷¹⁶⁷² рещисе, и кола,⁶⁷³ и колеснице⁶⁷⁴ соединенна небесным существом.

Огнение бо убо реки⁶⁷⁵ назнаменуют богоначалнии дожде, обилное тем и неоскудное течение дающее, и животворивого крьмителные рождения; колеснице же⁶⁷⁶ – сыпреженное выкупочиньных приобщение; кола же⁶⁷⁷ крилата убо суще⁶⁷⁸ – в яже напред невозвратне и неклонителне шествующе, юже прав и управлен путешествителного их действия силу, на тожде неклонителный и праворасецаелны путь всякого их умного течения премирне исправленного.

Есть же и по другом възводе сказати умных кол образписание. Наречение бо им бысть, якоже рече Богослов, «гельгель».⁶⁷⁹⁶⁸⁰ Изъявляет же се по еврейском гласе «преваляния и откровения». Огненная и боговидная кола преваляния убо имут в тождествно Благо присно обращателным движением, откровения же – скрьвенных изъявлением, и иже о нижних возвождением, и еже высоких осияний в меньшая сводителным посланием.

Оставшееся нам в сказание еже о радости⁶⁸¹ небесных удобрений слово. И бо неприятны отнудь суть юже у нас страстные сладости, сорадовати же се Богу глаголютсе изгыбших обретением по боговидном⁶⁸² удобьстве и свободном отрадьстве, и еже о промысле и спасении иже к Богу обращающихся⁶⁸³ благовиднем и обилнем веселии и благострадании⁶⁸³ оном неизреченном, егоже в причестии многаши быше и мужие священныи⁶⁸⁴ по богодействных божествным осияниям нашествиях.

Толика ми и о священных назданиях реченна да будут, изьвестного их изъявления недостатечествуемая, ползующа же, яко мню, к еже не смиренне нам остати в образных мечтаниях.

Аще ли же и се речеши, яко не всех прочих аггельских в Словесех сил или действ или образ сотворихом память,

отвещаю яже истинная, яко ихже убо премирное художество не уведехом,⁶⁸⁵ и паче о сих мы иного светонаставника требуем и учителя, а яже яко реченным единосильная оставихом, меру слова промысливше и еже паче нас сокровенство мълчанием почитше.

Конец иже «О небесном священноначелстве» слову Дионусия Ареопагита,⁶⁸⁶ епископа Афинского, къ Тимофею епископу.

**Из славянского перевода корпуса
сочинений Дионисия Ареопагита с
толкованиями Максима Исповедника**

О небесной иерархии

Предисловие переводчика

Поскольку уже много в нашем славянском народе оказалось людей, на протяжении многих времен и лет в различных местах переводящих Божественные Писания с многопремудрого и искусного, очень точного еллинского языка на наш язык, – имена которых не только людям известны, но и, более того, в книгах жизни записаны Богом, – за ними следом, имея в виду и годы, и образование, и искусство понимания еллинского языка, а особенно добрые дела, к вечеру солнечного дня, к заходу седмиричного, имею в виду, века, и моей жизни окончанию, случилось и мне изучить немного греческий язык, – только чтобы я смог понимать его точность и тяжесть перевода с него на наш язык.

Греческий язык ведь и от Бога изначально вышел художественным и пространным, и со временем различными любителями мудрости был усовершенствован. Наш же славянский язык Богом-то хорошо был сотворен, поскольку все, что ни сотворил Бог, очень хорошо, но, из-за недостатка любви к учению у любящих и чтящих слово мужей, усовершенствования, как тот, не удостоился.

И хоть я его сколько-то изучил, не хотел я приниматься за то, что больше меня, то есть переводить с греческого языка на наш, по сказанному: высочайшего тебя не ищи и глубочайшего тебя не исследуй. Боялся я и того, что претерпели и в Ветхом, и в Новом Завете посмевающие оскорбительно дерзко прикоснуться к божественному. Но, однако же, этим божественным мужем – я имею в виду преосвященного митрополита богоспасаемого города Сера кир Феодосием и пречестным я принужден был к делу перевода.

Ведь и подобало, мне кажется, такому мужу, принимающему просвещение, по великому Дионисию, от ангелов, повиноваться без рассуждений. Ибо этот истинно Божий человек, как никто другой, проводил жизнь, о которой сладко слышать и подражать которой спасительно и полезно. Не только ведь язык, уча, имел он полезный для слушателей,

но и намного более полезное житие для подражателей. И большую подобает мне истину сказать: насколько язык его, когда он говорил, был неподражаем, настолько и жизнь его, когда он творил ее, была непостижима. Всегда ведь и постоянно – по апостолу: «Заднее забывают», – к передним деяниям и видениям он простирался. И такую светлость благочестия, любви и премудрости наряду с милосердием он имел, что не многим уступал первенство. И так этот блаженный это и другое не малое, служащее к угождению Благу, практиковал и многих этим, своими делами, учил, то и я – не дерзая и не на крепость слова и разума своего надеясь, – да не будет этого! – но им, как я сказал, будучи понужден и на его умоляющие Бога и святые молитвы надеясь, – начал и перевел святого Дионисия Ареопагита при помощи и издержках, или откупе, этого моего святого владыки и заступника.

И иное прежде того я перевел, а потом – сколько святыми его молитвами даст всещедрый Бог.

Боюсь сказать, что я перевел святого Дионисия, хотя и перевел я его, – учитывая совершенно непостижимую высоту его богословия, крайнюю премудрость святого и хорошо зная тину своих грехов.

Книгу же эту, я имею в виду святого Дионисия, в хорошее время я начал писать, когда божественные церкви и Святая Гора раю подобно процветали, словно некий сад при источниках, постоянно напояемый. Закончил же я ее в худшее из всех плохих когда бы то ни было времен, когда прогневили Бога христиане западных стран.

И двинул деспот Угleshа все сербские и греческие войска, и брата своего короля Волкашина, и много иных вельмож, примерно до шестидесяти тысяч избранного войска, и пошли они в Македонию для изгнания турок, не подумав, что гневу Божию никто не может противостать. Ибо тех они не изгнали, но сами были ими убиты, и там кости их пали и непогребенными остались. И весьма многое множество их или умерло от острия меча, или было уведено в плен. Некоторые же из них, убежав, пришли назад.

И такая нужда, злая и лютая, облила все города и западные страны, о какой ни уши не слышали, ни очи какой не видели. Ибо после убиения этого мужа, храброго деспота Углеши, рассыпались измаильтяне и полетели по всей земле, как птицы по воздуху, и одних из христиан мечом закалывали, а других в плен отводили. А оставшихся смерть безвременная пожала. От смерти же оставшиеся были погублены голодом, ибо такой голод был по всем странам, какой не бывал от сложения мира, ни потом, Христе милостивый, да не будет! А кого голод не погубил, тех попусциением Божиим волки, и ночью и днем нападая, съедали.

Увы, жалостное зрелище можно было видеть: осталась земля безо всего хорошего: и без людей, и без скота, и без иных плодов. Ибо не было ни князя, ни вождя, ни наставника у людей, ни избавляющего, ни спасающего, но все наполнилось страхом измаильтян. И сердца храбрых доблестных мужей обратились в слабейшие женские сердца. В то ведь время и племя сербских господ, седьмой, кажется, род, пришел к концу. И воистину тогда ублажали живые прежде умерших.

И поверьте мне: не я, сущий невежда во всем, но и тот премудрый в эллинах Либаний не смог бы в писании представить нужду, которая постигла христиан западных стран.

Желающие же переписывать и читать эту книгу, молю вас, будьте милостивы и презрительны к моей немощи и недостатку ума и сами, поскольку и вы – люди и подвластны человеческим слабостям, так что нуждаетесь в милости от Бога и в прощении от людей, прощения вашего и меня удостаивайте, у Бога выпрашивая оставления бездне грехов моего окаянства.

А если хочешь узнать мое иноческое имя, – начало того есть восьмеричное число, середина же – двухсотое и первое, конец же – десяток с единицей, и этим оно заканчивается.

Год же тогда шел 6879 (1371), индикт 9.

Богу же, и начать это дававшему, и завершить благоизволившему, – слава, честь и поклонение в бесконечные веки. Аминь.

О небесной иерархии

Эти пятнадцать глав содержит трактат «О небесной иерархии»:

1. Что всякое божественное сияние, по благодати (Божией) различно в то, о чем заботится Помысел, исходящее, пребывает простым, но и единотворит сияваемое.

2. Что божественное и небесное подобающим образом выявляется и с помощью несхожих (с ним) символов.

3. Что такое иерархия, и какая от иерархии польза. Определение иерархии.

4. Что означает наименование ангелов.

5. Почему все небесные существа снизу (доверху) сообща называются ангелами.

6. Каков первый порядок небесных существ, каков средний и каков последний.

7. О серафимах, херувимах, престолах и о первой, их иерархии.

8. О господствах, силах, властях и о средней, их иерархии.

9. О началах, архангелах и ангелах, и о последней, их иерархии.

10. Повторение и сокращение (сказанного относительно) ангельского благочиния.

11. Почему все небесные силы и существа называются одинаково небесными силами.

12. Почему священноначальники людей называются ангелами.

13. Почему говорится, что пророк Исайя был очищен серафимами.

14. Что означает сообщаемое преданием число ангелов.

15. Какие формы имеют образы ангельских сил. Это все в пятнадцатой главе:

1) что означает огневидность,

2) что – человеческий вид,

3) что – глаза,

4) что – ноздри, что уши,

- 5) что – уста,
 - 6) что – осязание,
 - 7) что – брови и веки,
 - 8) что – юность,
 - 9) что – зубы,
 - 10) что – плечи, мышцы и руки,
 - 11) что – сердце,
 - 12) что – грудь,
 - 13) что – плечи,
 - 14) что – ноги и крылья,
 - 15) что – нагота и необутость,
 - 16) что – одеяние,
 - 17) что – светлая одежда,
 - 18) что – святительская одежда,
 - 19) что – пояса,
 - 20) что – жезлы,
 - 21) что – копья, секиры и землемерные
 - 22) и древообрабатывающие орудия,
 - 23) что – ветры, облака, медь и электр,⁶⁸⁷
 - 24) и лица,
 - 25) что – вид льва, вид тельца, вид орла,
 - 26) что – кони, различие конских мастей, колесницы, колеса
- и прочее, что так называемая радость ангельская.

Стихи о книге святого Дионисия:

Трактатов Дионисия великого

Едва ли кем точнее книга сыщется,

Ни более, конечно же, роскошная,

Коль это роскошь – серебро на пурпуре.

Эпиграф к блаженному Дионисию:

Ангелам свойственной мудрости многую светлость постигнув,

Людям Звезду, из ума состоящую, дал ты увидеть.

**Сосвященнику Тимофею – священник Дионисий о
небесной иерархии⁶⁸⁸**

Глава 1. Что всякое божественное осияние, по благодати (Божией) различно проходящее в то, о чем заботится Промысел, пребывает простым, но и единотворит осияваемое

1. «Всякое даяние благое и всякий дар совершенный свыше есть, сходя от Отца светов».⁶⁸⁹ Но и всякое исхождение движимого Отцом светосвечения, благодатно в нас приходящее, вновь как единотворящая сила, возвышая, нас наполняет и обращает к единству и боготворящей простоте Собирателя Отца. Ибо «из Него все и в Него», как сказало священное Слово.

2. Итак, призвав Иисуса, Отчий «Свет», сущий, «истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир», через Которого мы обрели доступ к светоначалу, Отцу, восклонимся, насколько это возможно, ввысь к осияниям священнейших Речений, переданным отцами,⁶⁹⁰ и сколько есть сил будем созерцать ими для нас символически⁶⁹¹ и возводитительно открытые иерархии небесных умов.⁶⁹² И начальное и сверхначальное⁶⁹³ светодаяние богоначального Отца, показывающее нам в изобразимых символах блаженнейшие иерархии ангелов, невещественными и недрожащими очами разума восприняв, от него вновь устремимся к его простому сиянию.

Оно же никогда не оскудевает в своей единственной внутренности,⁶⁹⁴ благолепно умножаясь и исходя для возвышающего и единотворящего соединения⁶⁹⁵ (в себе) всех, о ком заботится Промысел, пребывает внутри себя прочно и неколебимо утвржденным в неподвижном тождестве и воссиявает для обращающихся к нему подобающим образом, по их мере, и единотворит (их) соответственно своему простому единству. Ибо невозможно, чтобы богоначальное сияние воссияло нам иначе, нежели возводитительно окутанное пестротой священных завес,⁶⁹⁶ соестественно и подходящим нам образом Отческим промыслом снаряженное.

3. Почему и Службоначальное Священноустановление,⁶⁹⁷ удостоив нашу преподобнейшую иерархию быть надмирным подобием небесных иерархий и испещрив упомянутые невещественные иерархии материальными образами и сочетаниями форм,⁶⁹⁸ предоставило нам соразмерно себе восходить от (этих) священнейших творений⁶⁹⁹ к простым необразимым подобиям, поскольку невозможно нашему уму возвыситься до этого невещественного подобия небесных иерархий и (их) созерцания, если он не воспользуется соответствующим ему вещественным руководством,⁷⁰⁰ понимая, что видимые красоты⁷⁰¹ суть отражения невидимого благолепия, и воспринимаемые чувством благоухания – образы умопостигаемого распространения, и материальные светила – образ невещественного светодаяния, и чтение божественных Писаний⁷⁰² – свойственного уму насыщения созерцанием, и чины здешних порядков⁷⁰³ – (отражения) гармоничного с божественным свойства⁷⁰³ упорядоченности, и причастие в божественнейшей евхаристии – (символ) приобщения Иисусу; и все иное дано небесным существам надмирно, а нам образно.

Ради этого-то нашего, по (нашей) мере, обожения человеколюбивое Службоначалие, показывая нам небесные иерархии⁷⁰⁴ и делая сослужебной им нашу иерархию, описало наднебесные умы в священнописанных сложениях Речений,⁷⁰⁵ соответственно нашей силе, путем уподобления их богообразной священности доступным чувствам образам, чтобы посредством воспринимаемого чувствами возвести⁷⁰⁶ нас к постигаемому умом и от оных священнозданных символов – к простым вершинам небесных иерархий.⁷⁰⁷

Глава 2. Что божественное и небесное подобающим образом выявляется и неподобными (ему) символами

1. Итак следует, как мне кажется, первым делом изложить, что мы считаем целью всякой иерархии и что пользой участников каждой из них, а потом – воспеть небесные иерархии согласно показанию⁷⁰⁸ о них Речений и соответственно им рассказать, в каких священных образах священнописания Речений представляют небесные порядки⁷⁰⁹ и до какой степени простоты надо с помощью (этих) изображений возвыситься, чтобы нам, подобно многим, не полагать нечестиво, будто небесные богообразные умы – некие многоногие и многоликие (существа), имеющие вид домашних быков, диких львов и кривоклювых орлов, или пернатых, похожих на волосатых, птиц, и не воображать некие огненные колеса над небом и материальные престолы, нужные Богоначалию для восседания, и неких разномастных коней и архистратигов-копьеносцев, и все прочее, что священнообразно передано нам Речениями в пестроте выявляющих символов. Богословие ведь решительно воспользовалось поэтическими⁷¹⁰ священнотворениями применительно к не имеющим образа умам, изучив, как сказано, наш ум, предусмотрев свойственную и прирожденную ему способность возведения и создавая для него возводительные священнописания.

2. Если же кому-то представляется, что священные сложения⁷¹¹ надо воспринимать как (изображения) простого, самого по себе непознаваемого и нами невидимого, но написанные в Речениях образы святых умов кажутся нелепыми и весь этот театр ангельских имен, скажем так, грубым,⁷¹² и говорит он, что, приступая к творчеству телесных (изображений) совершенно бестелесного, богословам надо, чтобы (его) представить, создавать близкие (маргиналий: являющиеся причиной самих их) и по возможности родственные образы, заимствуя их у существ наиболее нами почитаемых,⁷¹³ в какой-то мере невещественных⁷¹⁴ и пребывающих выше (нас), не

715

сообщая небесным богообразным простотам⁷¹⁵ (ничего) предельно земного и многообразного (ибо первое способствует нашему возведению и не низводит надмирные явления до представляющегося нелепым несходства, а второе и божественные силы беззаконно оскорбляет, и наш ум вводит при этом в заблуждение и, пожалуй,⁷¹⁶ в несвященные сочетания, (так что) скоро он может начать воображать, что сверхнебесная сфера полна некими львиными⁷¹⁷ и лошадиными стадами, песнопениями в виде мычания, птичьими стаями и другими живыми существами⁷¹⁸ и вещами менее почтенными, сколько их описывают по всему неподобные, склоняющие к нелепому, ложному и страстному⁷¹⁹ уподобления будто бы выявляющих Речений), но – истины, как я полагаю, поиски открывают священнейшую премудрость Речений, вполне предусмотревшую при изображении каждого из небесных умов, чтобы и божественному⁷²⁰, можно сказать, не было нанесено оскорбление и чтобы мы, приземленные, не оказались пораженными страстью к низменности образов.

Причиной же того, что с достаточным основанием выставляются изображения неизобразимого и виды безвидного, можно называть не только присущую нам неспособность непосредственно достигать умственных созерцаний и нужду в возведении⁷²¹ (к ним) с помощью свойственного и сродного (нам), каковое предлагает доступные нам формы для созерцания бесформенного и (нас) превосходящего, но и то, что мистическим Речениям более приличествует скрывать с помощью умолчаний и священных загадок и держать недоступным для многих священную, тайную и сверхмирную истину (небесных) умов. Ибо не всякий священ, и «не у всех, – как говорят Речения, – разум».

Если же кто-нибудь сочтет, что иконография нелепа, и скажет, что стыдно столь оскорбительные изображения предлагать богообразным и святейшим (небесным) чинам, тому достаточно сказать, что образ изъяснения священного двояк⁷²².

3. Один, как то естественно, заключается в создании образов, подобных священным прототипам, а другой – в формотворчестве образов неподобных⁷²³ до полного

несходства и инаковости. Конечно же, таинственные предания выявляющих Речений воспевают чтимое Блаженство сверхсущественного Богоначалия иногда как Слово⁷²⁴, как Ум, как Сущность, – чтобы показать подобающую Богу разумность, ее мудрость, по-настоящему сущее существование и истинную причину существования того, что существует; представляют Его и как свет, называют и жизнью⁷²⁵. Хотя эти священные образы и более возвышенны и кажутся имеющими некоторое преимущество перед материальными, однако же и им недостает сходства с богоначальной Истиной (ибо Она превышает всякой сущности и жизни, так что никакой свет охарактеризовать Ее не может, и всякое слово и ум неизмеримо отстоят от подобия Ей). И иногда теми же самыми Речениями Она сверхмирно воспевается в отрицательных определениях, называющих Ее невидимой,⁷²⁶ беспредельной, неместимой и прочим и указывающих не на то, чем Она является, но на то, чем Она не является. Это ведь, как я думаю, и более применительно к Ней точно, поскольку, как учит тайное священное предание, мы правы в том, что Она не существует так, как существует что-либо из сущего, но мы не знаем Ее сверхсущественной, недоступной для мысли⁷²⁷ и невыразимой неопределенности. Таким образом, если отрицания⁷²⁸ применительно к божественному истинны, а утверждения не согласуются с сокровенностью невыразимого, то для невидимого гораздо более подходяще выявление через неподобные образы.

Таким образом священнописания святых чтут,⁷²⁹ а не бесчестят небесные чины, изображая их в неподобных им формах и таким образом показывая, что они надмирно пребывают за пределами всего вещественного. А что неподобные образы возвышают наш ум лучше, чем подобные, я не думаю, что кто-либо из благоразумных людей стал бы оспаривать. Ибо в более ценимых священных изображениях можно и обмануться,⁷³⁰ полагая что реально существуют некие златовидные небесные существа и световидные, сверкающие, прекрасные мужи, облаченные в светлую одежду, сияющие безвредным огнем,⁷³¹ и прочие подобные красоты, при помощи которых богословие изобразило небесные умы. Поэтому, чтобы

не пострадали те, кто не представляет ничего выше зримых красот, возвышающая премудрость святых богословов священно нисходит до странного несходства, не позволяя нашей приземленности успокаиваться, останавливаясь на неподходящих образах, побуждая то возвышающее, что есть в душе, и уязвляя (ее) безобразностью (этих) сложений, чтобы даже чрезмерно приземленным (людям) показалось недопустимым и невероятным, чтобы сверхнебесные божественные видения⁷³² воистину были схожи со столь низким. А кроме того, следует принять во внимание и то, что нет совершенно ничего из сущего,⁷³³ что было бы лишено причастности красоте, поскольку, как говорит истина Речений, «Все хорошо весьма».

4. Так что можно, от всех них (отталкиваясь), доставить уму прекрасные созерцания и создать для (существ) умопостигаемых и разумных упомянутые неподобные подобия из вещественного (материала), хотя (существа) умные существуют иным образом,⁷³⁴ нежели это уделено чувственным. Ибо ярость⁷³⁵ бессловесных⁷³⁵ рождается из страстного порыва, и их порожденное яростью движение исполнено всяческого неразумия, а у существ разумных ярость следует понимать иначе – как обнаруживающую, на мой взгляд, их мужественную разумность⁷³⁶ и несмягчаемую верность⁷³⁷ богообразным и непревратным устоям. Точно так же похоть⁷³⁷ у бессловесных мы называем некое бессмысленное и низменное влечение, неудержимо возникающее у подверженных изменениям⁷³⁸ от естественного движения, или спаривания, и безрассудную власть телесного желания, толкающую всякое животное к чувственно вожделенному. Когда же мы, применяя неподобные подобия к (существам) разумным, приписываем им влечение, его следует понимать как божественную любовь к превышающей слово и разум Невещественности и неуклонное и неослабное желание сверхсущественно чистого и бесстрастного созерцания и поистине вечной умственной причастности этому чистому высочайшему сиянию и незримому творящему прекрасное Благолепию. А неудержимость да разумеем как стремительность и необратимость, воспрепятствовать которым

730

ничем невозможно по причине беспримесной⁷³⁹ и неизменной любви к божественной красоте и всецелого уклонения к воистину Желанному. Да и саму бессловесность и бесчувственность бессловесных животных или бездушных вещей мы справедливо называем отсутствием разума и чувства; что же касается нематериальных умственных существ, то мы достойным святого образом признаем их, как сверхмирных, превосходство над нашим переходящим⁷⁴⁰ телесным словом и материальным чуждым для бесплотных умов чувством.

Можно, стало быть, не обманывающие образы небесного творить и из наименее чтимых частей материи,⁷⁴¹ поскольку и она, получив бытие от истинно Прекрасного,⁷⁴² во всей своей вещественной благоустроенности обладает некими отблесками умственного благолепия, и с их помощью можно быть возводимым к невещественным архетипам, воспринимая подобия, как сказано, неподобно и одно и то же,⁷⁴³ не одинаково, но гармонично и соответствующим образом разграничивая особенности умственного и воспринимаемого чувствами.

5. И мы откроем, что мистические богословы священно применяют таковое не только для выявления небесных порядков, но бывает что – и к самим проявлениям Богоначалия.⁷⁴⁴ И иногда воспевают Его, (черпая образы) у самых чтимых явлений,⁷⁴⁵ как то Солнце правды,⁷⁴⁶ как утренняя звезда, в уме священно восходящая, и как свет, неприкрыто умственно озаряющий; а иногда – у средних, как то огонь, светящий, не причиняя вреда, как вода, подательница живительного наполнения, во чрево, говоря символически, проникающая и реками вытекающая, неудержимо текущими; а иногда – у предельных, как то миро благовонное, как камень краеугольный. Но также и зверообразность Ему приписывают: придают Ему свойства и льва, и пантеры, и говорят, что Он станет барсом и губительной медведицей. Прибавлю и то, что представляется самым из всего недостойным и наиболее нелепым: сведущие в божественном передают, что Оно к Себе применяет даже облик червя.⁷⁴⁷ Таким образом, все богомудрые

(мыслители) и толкователи сокровенного вдохновения начисто отделяют Святое святых от несовершенного и несвященного и (в то же время) предпочитают неподобную священнообразность, так как и божественное не оказывается (при этом) легко доступным для непосвященных, и любящие созерцать изображения [изображения – то есть образы] священного⁷⁴⁸ не останавливаются на образах как на истинных и так как божественное почитается с помощью истинных отрицаний⁷⁴⁹ и иных уподоблений последним⁷⁵⁰ из родственных отблесков. Так что нет ничего неслыханного, если, по уже высказанной причине, и небесные существа воображаются с помощью кажущихся нелепыми неподобных уподоблений. Пожалуй, и мы не пришли бы ведь от недоумения к исследованию и к восхождению путем тщательного разыскания священного, не приведи нас в смятение нелепость⁷⁵¹ представляющих ангелов образов, не позволяющая нашему уму остановиться на лгушем формотворении, побуждающая отказаться от материальных пристрастий и приучающая священно устремляться вверх посредством видимого к сверхмирному.

Столько нами сказано касательно материальной и представляющейся нелепой иконографии ангельских изображений⁷⁵² в священных Речениях; а далее нужно определить, что представляет собой, по нашему мнению, сама иерархия и какова польза от самой иерархии для иерархии удостоившихся. И пусть руководствует словом Христос, если можно мне сказать, мой, – вдохновение всякого разъяснения об иерархии. Ты же, дитя,⁷⁵³ в соответствии с уставоположением нашего преподобного иерархического предания, и сам подобающим священному образом слушай священно говоримое, боговдохновенным становясь от научения боговдохновенному, и, в сокровенности ума укрыв святое, сохрани его от несвященного множества⁷⁵⁴ как единовидное. Ибо не подобает, как говорят Речения, бросать свиньям беспримесный, световидный и красоту благой упорядоченностью творящий умственный жемчуг.

Глава 3. Что такое иерархия и какая от иерархии польза. Определение иерархии⁷⁵⁵

1. Иерархия, по-моему, есть священный порядок, наука и деятельность, приспособленные, насколько возможно, для богообразия и соразмерно к дарованным от Бога осияниям для богоподражания возводимые. Боголепная же красота как простая,⁷⁵⁶ как благая и как начало совершенства⁷⁵⁷ полностью лишена ведь примеси какой-либо неодинаковости и каждому по достоинству передает свой свет и совершенствует в божественнейшем свершении сообразно своему неизменному виду.

2. Таким образом, цель иерархии – уподобление по мере возможности Богу и соединение с Ним, Его имея наставником во всякой священной науке и деятельности, неуклонно взирая на Его божественнейшее благолепие и становясь, насколько хватает сил, (Его) оттиском и делая участников своих (хороводов)⁷⁵⁸ божественными подобиями, чистыми незагрязненными зеркалами, приемлющими лучи Светоначала и Богоначалия, священо наполняемыми даруемым светом и затем обильно в других им воссиявающими, по законам Богоначалия.

Непозволительно ведь для священо посвящаемых ни вообще что-либо делать⁷⁵⁹ вне своего совершенноначального священночиния, ни даже существовать иначе, поскольку они обращаются к самой божественной Светлости, на нее священолепно взирают и (Ее) собой отражают, по каждого из священных умов достоинству.

Потому, тот, кто говорит об иерархии,⁷⁶⁰ являет некий полностью священный порядок, образ красоты Богоначалия, священо осуществляющий иерархическими чинами и искусствами таинства своего осияния и уподобляющийся, в меру доступного, своему Началу. Ибо для каждого, кому выпал жребий принадлежать к иерархии, совершенство состоит в том, чтобы в меру своих возможностей быть возводимым к богоподражанию и, что божественнее всего, стать, как говорят

761

Речения, «сорботником у Бога»⁷⁶¹ и выказать в себе, по возможности проявляя, божественную энергию.⁷⁶² Так что, поскольку порядок в иерархии, – чтобы одни очищались, а другие очищали, одни просвещались, а другие просвещали, одни совершенствовались, а другие совершенствовали, богоподражание каждого зависит от (соблюдения) этого порядка. Божественное блаженство,⁷⁶³ как у людей говорится, не имеет ведь примеси какой-либо неодинаковости, исполнено вечно сущим светом, совершенно и не нуждается ни в каком совершенствовании, – очищающее, просвещающее и совершенствующее, (оно) скорее – само очищение, просвещение и совершенство, выше очищения, выше света и до совершенства (пребывающее) Само-совершенноначалие и причина всякой иерархии, от всего священного по (своему) превосходству удаленное.

3. Итак, я думаю, очищаемым надо становиться полностью беспримесными и освобождаться от всякой примеси неодинаковости; просвещаемым – исполняться божественного света, будучи возводимыми к способности видеть и силе во всенепорочных очах ума; совершенствуемым же – делаться, покидая несовершенство, причастниками совершенствующего художества созерцаемых святынь; а очищающим⁷⁶⁴ – с богатством очищения передавать прочим свою чистоту; просвещающим же как более прозрачным умам, способным и причаститься свету, и передать его, всеблаженно исполняемым священного сияния, – весь изливаемый на них свет посылать достойным света; а совершенствотворящим, как искусным в преподавании совершенствующего, – совершенствовать совершенствуемых всесвященным научением художеству созерцаемого священного. Так что каждый чин иерархического порядка соответственно своей мере возводится к божественному сотрудничеству, совершая благодатью и благодатной силой то, что естественно и сверхъестественно присуще⁷⁶⁵ Богоначалию и Им надсущностно исполняется и боголюбивым умам священноначально является для доступного (им) подражания.

Глава 4. На что указывает имя ангелов

1. Хорошо, как мне кажется, определив, что вообще такое иерархия, далее мы должны воспеть иерархию ангелов и увидеть надмирными очами ее священные формотворения в Речениях, чтобы с помощью плодов таинственного воображения возвестись к их, (ангелов), богоподобнейшей простоте и с подобающим Богу почтением воспеть Начало всякого иерархического знания в благодарениях Совершеннотворения.

Прежде всего, то сказать истинно, что сверхсущностное Боготворение, благостью составив все сущности сущего,⁷⁶⁶ привело (их) в бытие. Это характерная особенность Причины всего и все⁷⁶⁷ превышающей Благости – призывать сущее к приобщению⁷⁶⁸ Себе, как каждому из сущего определено его мерой. Так что все сущее⁷⁶⁹ причастует Промыслу, изливаемому из сверхсущностного и всепричинного Божества. Ведь его просто не было бы,⁷⁷⁰ не будь оно причастно Сущности и Началу сущего. Ведь все неживое причастно Ему своим бытием (ибо бытие всего – это превышающее бытие Божество), живое⁷⁷¹ – Его животворной превышающей всякую жизнь силе, а словесное и разумное – Его само-совершенной и пред-совершенной премудрости, превышающей всякое слово и ум. И ясно, что те из существ близки к Нему, что причастны Ему многообразно.

2. Ведь святые порядки небесных существ⁷⁷² в причастности благоначальному преподаванию превышают и только сущее, и бессловесно живое, и соответствующее нам разумное. Ибо, стремясь умственно вылепить себя⁷⁷³ по образцу Бога, надмирно взирая на подобие Боготворения и с (Ним) сообразовывая образ своего разума, они поистине полнее приобщены Ему как ближайшие и вечно простирающиеся, насколько это допустимо, к вершине в усердии божественной и неколебимой любви, и как неведественно и несмешанно воспринимающие начальные осияния, и к ним приобщающиеся, и имеющие в качестве умственной⁷⁷⁴ всю жизнь. Они, стало быть, оказываются первыми и многообразно причастными

божественному и первыми и многообразно выявляют богоначальную сокровенность, и поэтому они, минуя всех, ⁷⁷⁴исключительным образом удостоены именованья ангелами, – потому что богоначальное сияние исходит первым делом в них, и они в нас ниспосылают превышающие нас изъявления.

Так ведь, как говорит Богословие, через ангелов, нам был дан Закон, и наших известных отцов, прежде Закона и после (явления) Закона живших, ангелы возродили к божественному, либо научая, что нужно делать, ⁷⁷⁵и выводя из заблуждений и нечестивой жизни на прямой путь истины, либо открывая священные чины или сокровенные видения надмирных тайн, либо пророчески являя некие божественные проречения.

3. Если же кто-нибудь скажет, что богоявления некоторым святым бывают прямо и непосредственно, ⁷⁷⁶пусть и то ясно узнает он из священнейших Речений, что само сокровенное Божие, чем бы оно ни было, «никто не видел» ⁷⁷⁷и не увидит, богоявления же преподобным бывали в виде подобающих Богу изъявлений через некие священные и мере созерцающих соответствующие видения. Всепремудрое же Богословие то видение, которое являло в себе, как в образе, ⁷⁷⁸начертанное божественное подобие Неизобразимых, справедливо – оттого, что оно возводит созерцающих к божественному, – называет богоявлением, ⁷⁷⁹– так как благодаря ему происходит божественное сияние созерцающих и они постигают что-то из божественного.

Таковыми вот божественными видениями наши прославленные отцы были научаемы при посредничестве ⁷⁸⁰небесных сил. И о священном уставоположении Закона предание Речений говорит, что оно было Моисею даровано прямо от Бога, не для того ли, чтобы истинно научить нас, что это – отпечаток божественного и священного? Богословие и тому премудро учит, что через ангелов оно пришло к нам, поскольку богозаконный порядок ⁷⁸¹уставоположил, чтобы вторые возродились к Богу через первых. Ведь не только для высших и низших, но и для равночинных умов определен этот закон всеобщим сверхсущественным ⁷⁸²Чиноначалием, – чтобы в каждой иерархии были первые, средние и последние чины и

силы и чтобы посвятителами и руководителями меньших при божественном возведении, осиянии и приобщении были более божественные.

4. Я вижу, что и в божественную мистерию Иисусова человеколюбия первыми посвящены были ангелы, затем через них к нам перешла благодать знания. Так, божественнейший Гавриил⁷⁸³ открыл священноначальнику Захарии, что сын, который сверх чаяния божественной благодатью родится у него, станет пророком благолепно и спасительно являемого миру мужеского Иисусова богодействия,⁷⁸⁴ и Марии⁷⁸⁵ – что в ней произойдет богоначалное таинство неизъяснимого боговаяния. Другой же из ангелов наставлял Иосифа, что воистину исполнится обещанное Богом его прадеду Давиду. Третий благовествовал пастухам как удалением от мира и безмолвием очищенным, а с ним «множество воинства небесного» передавало находящимся на земле то многопетое славословие.

Обратимся же к высочайшим светоявлениям Речений. Вижу я, что и Сам Иисус, наднебесных существ надсущностная Причина,⁷⁸⁶ к нам непреложно⁷⁸⁷ придя, не отказывается от Им учиненного и избранного для людей благочиния, но благопокорно повинуетя указаниям Отца и Бога, (передаваемым) через ангелов. И при их посредничестве возвещается Иосифу о предусмотренном Отцом отшествии Иисуса в Египет и вновь – о пришествии из Египта к иудеям. И мы видим, что ангелами Он подчиняем Отческим уставоположениям. Я не стану говорить (тебе) как сведущему, что явлено нашими священническими преданиями и об ангеле, укреплявшем Иисуса,⁷⁸⁸ или что и Сам Иисус, в спасительном для нас благодеянии войдя в чин изъявителя,⁷⁸⁹ был наречен «Ангелом Великого Совета». Он ведь, как Он Сам ангелоподобно говорит, возвестил нам то, что услышал от Отца.

Глава 5. Почему все небесные сущности по нижним сообща называются ангелами

Вот какова, по-моему, причина именования (Его) ангелом в Речениях. Но надо, как я думаю, исследовать, по какой причине богословы и вообще все небесные сущности⁷⁹⁰ называют ангелами, а, переходя к выявлению их надмирных порядков, ангельский чин именуют особо, как полностью оканчивающий⁷⁹¹ божественные небесные чины перед ним, выше помещая порядки архангелов, а также начала, власти и силы, – сколько превосходящих их сущностей знают выявляющие (небесное) предание Речений. Мы же говорим, что во всяком священном устройении высшие чины имеют осияния и силы также и низших, но последние не причастны тому, что принадлежит их превосходящим.⁷⁹² Таким образом, святейшие порядки высочайших сущностей богословы называют и ангелами потому, что и они суть выявители богоначального осияния.

Последний же чин небесных умов нет причины называть началами, или престолами, или серафимами, ибо он не причастен высочайшим силам. Но как он наших боговдохновенных иерархов⁷⁹³ возводит к ведомым ему лучам Богоначалия, так и всесвященные силы превышающих его сущностей являются возводящими к божественному завершающее⁷⁹⁴ ангельские иерархии устройство, – если только не скажет кто-нибудь и то, что наименование «ангелы» обще для всех⁷⁹⁵ по причине меньшей или большей причастности всех небесных сил богообразию и от Бога даваемому свету. Но чтобы наше слово было более упорядоченным, свяшенно рассмотрим явленные в Речениях подобающие священному особенностям⁷⁹⁶ каждого небесного устройства.

Глава 6. Каков первый порядок небесных существ, каков средний и каков последний

1. В каком количестве и какие существуют порядки наднебесных существ и как действует их иерархии, точно знает, говорю я, одно обожествляющее их Совершенноначалие (рядом маргиналий: обожествляющим Совершенноначалием он называет Богоначалие); кроме того, и они сами знают свои силы, осияния и свое священное и надмирное благочиние. Нам же не по силам знать⁷⁹⁷ мистерии наднебесных умов и их святейшие совершенства, – разве лишь, кто-то скажет, – настолько, насколько через них, как хорошо свое знающих, посвятило нас Богоначалие. Так что мы не скажем ничего сами от себя; но сколько было священными богословами увидено ангелов в видениях, это разузнав, мы, как можем, изложим.

2. Всего богословие назвало выявляющими именами девять небесных⁷⁹⁸ существ. Божественный наш священнослужитель⁷⁹⁸ (внизу на поле без какого-либо значка: Священнослужителем он называет или святого Павла, или святого Иерофея)⁷⁹⁹ разделяет их на три троичных порядка.⁷⁹⁹ И первый, говорит он, пребывает всегда около Бога, близок к Нему и прежде других, непосредственно,⁸⁰⁰ согласно преданию, соединяется (с Ним). Ибо святейшие престолы и многоокие и многокрылые чины, именуемые на еврейском языке херувимами и серафимами, помещаются в превышающей всех близости, непосредственно около Бога, – передает, говорит он, изъяснение священных Речений. Этот вот троичный порядок наш славный наставник называл единой равночинной и воистину первой иерархией, божественней которой и более близкой к первичным осияниям Богоначалия нет.⁸⁰¹ Второй, говорит он, составляют власти, господства и силы,⁸⁰¹ а третий, (состоящий) из последних (чинов среди) небесных иерархий, – порядок ангелов, архангелов и начал.

Глава 7. О серафимах, херувимах, престолах и о первой, их иерархии⁸⁰²

1. Таким воспринимая⁸⁰³ порядок святых иерархий, мы говорим, что всякое наименование небесных умов⁸⁰⁴ содержит указание на Богом данную особенность каждого. И святое имя серафимов, говорят сведущие в еврейском, означает «пожигатели», или «разогреватели», а херувимов – «множество знания», или «излитие премудрости».

Справедливо, стало быть, первая из небесных иерархий⁸⁰⁵ священно осуществляется высочайшими существами, имеющими более, чем все, высокий чин, ибо она находится непосредственно около Бога, и начинающие действовать богоявления и свершения сначала сходят в нее, как ближайшую. «Разогревателями» именуются они, престолами и «излитием премудрости», – именами, выявляющими их богообразные⁸⁰⁶ свойства. Так, вечное движение⁸⁰⁷ около божественного и непрестанность, жар, быстроту и кипучесть (этого) постоянного, неослабного и вечного движения; способность уподоблять себе, возвышая и поощряя, низших, как бы приводя их в состояние кипения и воспламеняя до подобного жара; очищать их подобно молнии и всепожигающему огню; особый, обладающий неприкрытостью и неугасимостью всегда одинаково световидный и просвещающий образ, способный изгнать и истребить всякое темное порождение мрака, – (все это) выявляя, обнаруживает наименование серафимов. Херувимов же – их разумность и боговидность, способность воспринимать высочайшее светодаяние и созерцать в первозданной силе благолепие Богоначалия, преисполняться умудряющего преподания и обильно приобщать вторичных к излитию дарованной премудрости. А высочайших и превознесенных престолов⁸⁰⁸ – беспримесную изъятость по отношению ко всякой⁸⁰⁹ до ног сниженности и устремленность надмирно к верху; немязежное пребывание за всяким пределом; никакими силами незыблемую прочную утвержденность около подлинно Наивысшего; приятие в полном

бесстрастии и невещественности посещения Богоначалия и богоносное⁸¹⁰ и богоугодное возлетание на божественные пиры.

2. Таково наше разъяснение их имен. А теперь следует сказать, какой мы представляем себе их иерархию. Что цель всякой иерархии неразрывно связана с богоподражательным богообразием и весь труд иерархии делится на священное причастие⁸¹¹ беспримесному очищению, божественному свету, искусству совершенствования и на преподание⁸¹² (этого другим), нами уже достаточно, я полагаю, было сказано. Ныне же молюсь, чтобы достойным высочайших умов образом рассказать, как их иерархия выявляется Речениями.

У первых⁸¹³ сущностей, пребывающих (непосредственно) за осуществляющим их Богоначалием, как бы в преддверии Его поставленных, превосходящих всякую невидимую и видимую возникшую силу, есть, надо полагать, своя по всему однородная иерархия. Чистыми их надо считать⁸¹⁴ не как свободных от несовместимых со священным скверн и гнусностей, никак невосприимчивых для связанных с материей мечтаний, но как беспримесно высших всякого снижения, и надо всем нижележащим священным по высочайшей чистоте всеми богообразнейшими силами превознесенных, и – как неизменно придерживающихся своего вечно и тождественно в неизменности боголюбия движущегося⁸¹⁵ чина, и в чем-либо умаления, ведущего к ухудшению, совершенно не знающих, но всегда имеющих чистейшую обитель своей богообразной особенности устойчивой и неподвижной. Созерцающими⁸¹⁶ также (их надо считать) не потому, что они – созерцатели⁸¹⁷ доступных чувствам или уму символов или восходят к божественному благодаря пестроте созерцаемого Священнописания, но потому, что они наполнены превышающим всякое невещественное знание светом и преисполнены, насколько (это) дозволено, сверхсущественным трисветлым созерцанием творящей прекрасное изначальной Красоты; и – как удостоенных приобщения Иисусу⁸¹⁸ точно так же не через посредство священно-созданных образов, зримо запечатлевающих (Его) теургическое подобие,⁸¹⁹ но как воистину приближающихся к Нему в первой причастности знанию Его

теургических светов; и потому — что возможность богоподражания дарована им в высшей степени, и они приобщаются, насколько это для них возможно, в первоизданной силе⁸²⁰ достоинств Его теургии и человеколюбия. И совершенными, равным образом, — не как осиянных искусством понимания священной пестроты, но как первыми и преимущественно исполнившимися обожения сообразно превысочайшему доступному ангелам знанию богодеяний. Ибо не через другие святые существа, но самим Богоначалием первосвященствуемые,⁸²¹ непосредственно к Нему устремляясь все превосходящими силой и чином, в пречистом и совершенно неизблемом (положении) они утверждаются, и к созерцанию невестественного умопостигаемого благолепия в меру дозволенного привлекаются, и в художественные логосы богодеяний⁸²² как первые и около Бога находящиеся посвящаются, самим Совершенноначалием превысочайше священноначальствуемые.⁸²³

3. Итак, — богословы ясно это показывают — нижние порядки⁸²⁴ небесных существ дисциплинированно научаются теургическим знаниям от высших, а находящиеся выше всех осияваются, в меру дозволенного, посвящениями от самого Богоначалия. Некоторых из них представляют как священо посвящаемых первыми в то, что Вознесенный на небеса в человеческом виде⁸²⁵ есть «Господь небесных сил» и «Царь славы», некоторых же — как Самого Иисуса вопрошающих и желающих⁸²⁶ изучить искусство (совершенного) ради нас Его богодеяния⁸²⁶ и Самим Иисусом непосредственно (в это) посвящаемых и первыми получающих разъяснения Его человеколюбивого благодеяния. «Я, — говорит Он, — говорю правду и суд спасения».⁸²⁷ Но я удивляюсь,⁸²⁸ что и первые из наднебесных существ, столь всех превосходящие, благоговейно желают богоначальных осияний, словно парящие в середине.⁸²⁹ Не Самого ведь Бога спрашивают⁸³⁰ они: «Почему багряны ризы Твои?», — но прежде недоумевают про себя, показывая, что хотят они (это) понять и жаждут теургического знания, но не предваряют даваемого при божественном выступлении осияния. Таким образом, первая иерархия небесных умов,

самим Совершенноначалием первосвященствуемая, к Нему непосредственно простираясь, всесвятнейшим очищением, непреступным светом, просовершенной совершенствующей энергией соразмерно себе исполняясь, очищается, просвещается⁸³¹ и совершенствуется, для всякого снижения беспримесная, первым светом исполненная и причастная им первым данному знанию и искусству.

Подытоживая же, вот что я скажу, пожалуй, небезосновательно,⁸³² – что причастность к искусству Богоначалия есть и очищение, и просвещение, и совершенствование, так как она очищает от неразумия по чину даваемым знанием более совершенных посвящений, просвещает самым божественным знанием, посредством которого и очищает прежде не созерцавшего то, что теперь выявляется более высоким осиянием, и совершенствует опять тем же светом – освоенным художеством светлейших посвящений.

4. Таков, по моему пониманию, первый порядок небесных существ, «вокруг Бога»⁸³³ и при Боге непосредственно стоящий и просто и непрестанно ведущий хоровод в вечном Его познании в высочайшей из ангельских постоянно движущейся обители; многие блаженные видения чисто созерцающий; простыми и неопосредованными вспышками осияваемый и божественной пищей исполняемый,⁸³⁴ многий при первично даваемом излитии, единой же по неразнообразному и единотворящему единству богоначального угощения; многого общения с Богом и содействия удостоенный благодаря уподоблению Ему, насколько возможно, прекрасными свойствами и энергиями; многое из божественного превосходным образом познающий и оказывающийся, в меру дозволенного, причастным богоначальному искусству и знанию. Потому богословие и передало живущим на земле его гимны, в которых священно открывается превосходство его высочайшего осияния. Ибо одни его (чины) – воспользуемся доступным для чувств образом, – «как глас вод многих»,⁸³⁵ вопиют: «Благословенна слава Господня от места Его», – другие же взывают то часто воспеваемое и высокочтимейшее богословие: «Свят, свят, свят, Господь Саваоф! Полна вся земля славы

Его!» Но эти высочайшие гимнословия наднебесных умов мы раскрыли в меру возможного в (сочинении) «О божественных гимнах»,⁸³⁶ и там о них говорится, как нам кажется, довольно; достаточно, чтобы напомнить, сказать из этого в настоящее время только то, что первый порядок, как следует осиянный богословским знанием от (самой) богоначальной Благости, уделил его, как благовидная иерархия, следующим за ним, научая, коротко говоря, тому, как об этом чтимом сверхблагословенном Богоначалии⁸³⁷ должно подобающим, насколько это возможно, образом петь и воспевать (Его) богоприимными умами (ибо они в качестве богообразных суть божественные «места покоя»⁸³⁸ Богоначалия, как говорят Речения), а также – что (Оно) есть Монада и Триипостасная Единица, от наднебесных сущностей до самых пределов земли на все сущее распространяющая Свой в высшей степени благой промысел, как всякой сущности сверхначальное Начало и Причина, всех сверхсущественно нерасторжимым объятием⁸³⁹ содержащая.

Глава 8. О господствах, силах, властях и о средней, их иерархии

1. А теперь надо нам перейти к среднему порядку небесных умов,⁸⁴⁰ надмирными очами, насколько доступно, рассматривая эти господства и воистину возможные видения божественных властей и сил. Ведь каждое⁸⁴¹ наименование⁸⁴² превышающих нас существ выявляет богоподражательные особенности их богообразия. Так, имя, являющее святыя господства, указывает своим значением, я думаю, на некое непоработимое и от всякой подножной приниженности свободное восхождение, никоим образом ни к одному из неподобий, отличающих тиранию,⁸⁴³ ничуть не⁸⁴⁴ приклоняемое; на самое приличествующее свободному⁸⁴⁴ непреложное⁸⁴⁵ господство, всякое ослабляющее порабощение превышающее, недоступное никакому умалению, лишенное всякого неподобия, к истинному господству и к Господоначалию⁸⁴⁶ непрестанно стремящееся и соответственно его господским чертам, насколько возможно, себя и тех, кто за ним, боговидно преобразующее; не к чему-то из кажущегося сущим, но к воистину Сущему полностью обращенное и становящееся в меру возможного вечно причастным свойственного Господоначалию благообразия.

Святыя же сил⁸⁴⁷ (наименование означает) некую крепкую и неколебимую мужественность во всех свойственных им богообразных действиях, (позволяющую им) ни при каких подаваемых богоначальных осияниях не изнемогать немощно, иметь силу возвышаться до богоподражания, не оставлять по своей немужественности богообразного движения, но неуклонно взирать на сверхсущественную силотворную Силу, Ее силообразным подобием по возможности делаясь, к Ней как к Главной силе с силой обращаясь, ко вторичным⁸⁴⁸ (чинам) как податель силы богообразно нисходя.⁸⁴⁹

Святыя же властей⁸⁵⁰ (имя указывает на) равное по статусу божественным господствам и силам благоустроенное и при божественных восприятиях не беспорядочное благочиние, (на) учрежденность надмирной разумной власти,⁸⁵¹ не тиранически

на худшее употребляющей свойственные власти силы, но неудержимо к божественному с благочинием восходящей и следующих за ней благообразно возводящей, уподобляясь, в меру допустимого, власть творящему⁸⁵² Властеначалию, и Его, сколько ангелам возможно, воссиявая в следующих за ней благоустроенных чинах властной силы.

Имея такие богообразные особенности, средний порядок небесных умов⁸⁵³ очищается, просвещается и совершенствуется каким сказано образом богоначальными осияниями, подаваемыми ему вторично через первый иерархический порядок, и через этот средний⁸⁵⁴ второявленно⁸⁵⁵ передаваемыми далее.

2. Конечно, переход так называемого слуха от одного ангела к другому мы изберем символом издали приходящего и – по мере продвижения во вторичности – слабеющего⁸⁵⁶ совершенствования.⁸⁵⁷ Как искусные в наших священных таинствах⁸⁵⁸ (люди) говорят,⁸⁵⁹ что первоявленные исполнения божественным более совершенны, нежели богозрительные причастия через других, так и я полагаю, что непосредственная причастность Богу ангельских чинов, первыми устремляющихся к Нему, действеннее того, что совершается через (какое-то) посредство. Потому наше священническое предание⁸⁶⁰ и называет первые умы совершенствующими, светодействующими и очищающими меньших, что с их помощью те возводятся к сверхсущественному Началу всего и становятся, насколько им позволено, участниками совершенноначальных⁸⁶¹ очищений, просвещений и совершенствований. Божественным Чиноначалием это достойным Бога образом полностью узаконено, – чтобы вторые причащались богоначальных осияний через первых. Ты найдешь, что это часто говорится и богословами. Ведь когда божественное Отеческое человеколюбие, чтобы склонить Израиль к его священному спасению, наказало его, предав для исправления карающим жестоким народам, направляя всячески промышляемых к лучшему, а (затем) уступчиво вызволяло из плена и возвращало к прежнему благополучию, (тогда) один из богословов, Захария, увидел как (какой-то) из первых, как я

полагаю, и близких к Богу ангелов (наименование ангелами, как я сказал, обще⁸⁶² ведь для (них) всех) от Самого Бога услышал, как сказано, «слова утешительные», а другой, из меньших ангелов, пошел вперед навстречу первому, словно для восприятия и причастности осияния, а затем был им как иерархом научен божественной воле: ему было поручено известить богослова, что «Плодовито населится Иерусалим множеством людей». Второй же из богословов, Иезекииль,⁸⁶³ говорит, что это всесвященно законоположено самим превосходящим херувимов преславным Божеством. Ибо Оно Отеческим, как сказано, человеколюбием, путем воспитания приводя Израиль к лучшему, признало, по свойственной Богу справедливости, правильным отделять неповинных от повинных. Об этом узнает первый после херувимов (ангел), опоясанный по чреслам сапфиром и облаченный (в подир), то есть одежду,⁸⁶⁴ до самых ног сходящую, как архиерей. Прочим же ангелам, имеющим секиры, божественное Чинопачение повелевает⁸⁶⁵ узнать у первого Божье об этом определение. Ведь (первому) он сказал пройти посреди Иерусалима и оставлять⁸⁶⁶ знак на челе⁸⁶⁶ невинных людей, а (остальным) ангелам⁸⁶⁷ – «Идите в город следом за ним и секите, и не жалеете очами вашими», «но не приближайтесь ни к одному человеку, на котором знак».

А что можно сказать об ангеле, сказавшем Даниилу: «Вышло слово»? Или о самом первом, взявшем огонь из среды херувимов? Или (о том), что херувимы – и это лишний раз показывает ангельское благочиние, – вкладывают огонь в руки облаченного в святую одежду? Или о позвавшем божественнейшего Гавриила⁸⁶⁸ и сказавшем ему: «Объясни ему видение»? Или – сколько другого священными богословами было сказано о боговидном благоустроении⁸⁶⁹ небесных иерархий, каковому благочиние нашей иерархии, по мере сил уподобляясь, обретет словно в образах ангельское благолепие, будучи им формируемо и возводимо к сверхсущественному Чинопачению всякой иерархии?

Глава 9. О началах, архангелах и ангелах, и о последней, их иерархии

1. Остался нам для священного рассмотрения порядок, замыкающий ангельские иерархии, образуемый богообразными началами, архангелами и ангелами. И первым я считаю нужным изложить, насколько мне возможно, то, что выявляют их святые наименования. Наименование небесных начал являет ведь способность боговидно начальствовать и владычествовать сообразно священному в высшей степени соответствующему начальствующим силам порядку, всецело себя обращать к сверхначальному Началу, и других начальственным образом направлять, запечатлевать (в себе), по мере сил, само то началотворящее Начало, и проявлять Его сверхсущественное чиноначалие⁸⁷⁰ в благоустроении начальственных сил.

2. (Порядок) же святых архангелов⁸⁷¹ – единочинен с небесными началами.⁸⁷² У них ведь и у ангелов, как я сказал, иерархия одна и (одно) устройство.⁸⁷³ Однако поскольку нет иерархии, не имеющей первых, средних и последних сил, святой архангельский чин общительно – благодаря срединному положению в иерархии – соприкасается с краями. И со святейшими началами он общается, и со святыми ангелами,⁸⁷⁴ – с одними потому, что он изначально устремлен к сверхсущественному Началу и Его, сколько возможно, отображает, и ангелов единотворит своим благоупорядоченным, чинным и невидимым предводительством;⁸⁷⁵ с другими же – потому что он принадлежит пророческому чину, иерархически через первые силы получающему богоначальные осияния и благообразно возвещающему их ангелам и через ангелов являющему нам, по священной мере каждого из божественно осияваемых. Ангелы⁸⁷⁶ ведь, как мы уже говорили, окончательно завершают все порядки небесных умов как последние среди небесных существ,⁸⁷⁷ обладающие ангельскими особенностями, и они с большим, чем первые (небесные силы), правом называются нами ангелами, поскольку их иерархия существует около более (нам) очевидного и более близка к миру.⁸⁷⁸ Ведь

первый, высочайший, как сказано, порядок, как расположенный первым по отношению к Сокровенному, сокровенным, надо разуместь, образом священноначальствует вторым, второй же, составляемый святыми господствами, силами и властями, является наставником иерархии начал, архангелов и ангелов, и хотя он более открыт, нежели первая иерархия,⁸⁷⁹ но более сокровенен, чем та, что за нею; а провозвестнический порядок начал, архангелов и ангелов – наставник человеческих иерархий, – друг (наставляет) друга,⁸⁸⁰ чтобы возведение, обращение, приобщение к Богу и единение происходило по чину, равно как и от Бога всем иерархиям подобающим благу образом даруемое и (всех), объединяя, посещающее выступление. Поэтому богословие подчинило нашу иерархию ангелам,⁸⁸¹ именуя правителем иудейского народа Михаила, и (как-то иначе) ангелов других народов. Ведь Всевышний «поставил пределы народов по числу ангелов Божиих».

3. Если же кто-нибудь скажет: почему (только) еврейский народ был возводим к богоначальным сияниям? – следует отвечать, что не прямое руководство ангелов надо винить в уклонении других народов к несуществующим богам, но их самих, своими устремлениями отпавших⁸⁸² от прямого возведения к божественному – из-за себялюбия, гордыни и соответствующего почитания того, что им казалось богоподобным.⁸⁸³ Есть свидетельство, что и сам еврейский народ этим страдал.⁸⁸⁴ Ибо «ведение Бога, – говорит (Писание), – ты отверг и вслед сердца твоего ходил». Ведь наша жизнь не подвластна необходимости, и божественные свет⁸⁸⁵ы промыслительного сияния не слабеют из-за самовластия тех, о ком печется Промысел. Но негодность умственных очей делает преисполненное Отеческой благостью светодание или совершенно непричастным и, из-за их невосприимчивости, непередаваемым,⁸⁸⁶ или причастия делает различными – малыми и великими, смутными и ясными, тогда как истекающий луч един и прост, и всегда тот же, и (всегда) простерт.⁸⁸⁷ А (чтобы убедиться), что и у других народов (в числе которых и мы восклонились к готовому для раздачи всем⁸⁸⁸ широко раскинутому безбрежному и изобильному морю богоначального

света)⁸⁸⁹ были наставниками не некие чужие боги, а единое Начало всех, и к Нему возводили (своих) последователей священноначальствующие над каждым народом ангелы, нужно вспомнить Мелхиседека, подлинного боголюбивейшего иерарха не не сущих (богов), но поистине сущего высочайшего Бога. И ведь не просто (так) Мелхиседека богомудры называли не только боголюбивым, но и священником, а чтобы ясно показать благоразумным (людям), что не только он сам обратился к поистине сущему Богу,⁸⁹⁰ но вдобавок и других как священноначальник наставлял на восхождение к истинному и единому Богоначалию.

4. И о том еще напомним твоему священноначальническому разуму, что и фараону⁸⁹¹ к египтянами приставленный ангел, и властителю вавилонян их ангел возвещали в видениях о заботе и воле всеобщего Промысла и Господства; и народам этим служители истинно сущего Бога бывали наставниками,⁸⁹² когда Бог через ангелов открывал близким к ангелам святым людям, Даниилу и Иосифу, смысл производимых ангелами видений. Ибо едино всеобщее Начало и Промысел,⁸⁹³ и никак не следует думать, что Богоначалию по жребию выпало руководить иудеями, ангелам же по отдельности – в том же достоинстве или в богопротивном, – или неким другим богам, быть приставленными к другим народам. Но речение это надо понимать в соответствии с той же священной мыслью, – не в том смысле, что Бог поделил власть над нами с другими богами или ангелами, и Ему досталось по жребию быть этнархом и вождем народа Израиля, но в том, что сам единый Промысел Вышнего спасительно разделил всех людей, (поручив их) устремляющему вверх руководству их собственных ангелов, и что почти единственный из всех (народов) Израиль обратился к светодаянию и познанию истинного Господа. Поэтому Богословие и говорит, показывая, что Израиль принял жребий служения поистине сущему Богу: «И был частью Господней».⁸⁹⁴ Показывая же, что он наравне с другими народами был поручен некоему из святых ангелов, чтобы с его помощью он познал единое Начало всего, оно говорит, что народом иудеев руководил Михаил,⁸⁹⁵ ясно научая нас, что существует единый

над всеми Промысел, сверхсущественно сверхучрежденный
превыше всех невидимых и видимых сил, и все ангелы,
поставленные каждый над своим народом, возводят к Нему как
к своему Началу тех, кто добровольно⁸⁹⁶ за ними следует.

Глава 10. Повторение и сокращение (сказанного относительно) ангельского благочиния

1. Итак, нами было показано, что старейший порядок окружающих Бога умов, священноначальствуемый Совершенноначальным⁸⁹⁷ осиянием, к Нему непосредственно простирается, и более, (чем другие), сокровенным и ясным светодаянием Богоначалия⁸⁹⁸ очищается, просвещается и совершенствуется. Более сокровенным – как более, (чем у других), умственным, более простым и единотворящим, а более ясным – как первым данным, первоявленным, более цельным и в большей мере в этот (порядок) изливаемым как в более, (чем иные), прозрачный. Этим (порядком) затем, соответственно, второй, вторым третий, а третьим наша иерархия иерархически в божественной гармонии и соразмерности – по тому же самому священному закону благоустроенного чиноначалия – возводятся к сверхначальному Началу и Пределу всякого⁸⁹⁹ благоустроения.

2. Все (небесные чины) суть выявители⁹⁰⁰ и вестники тех, что находятся перед ними: старейшие⁹⁰⁰ – Бога, движущего их, прочие соответственно – движимых Богом. Ибо сверхсущественная Гармония до такой степени позаботилась о священном благочинии и должном возведении каждого из словесных и разумных (существ к Богу), что и для каждой из иерархий установила подобающие священному чины. И мы видим, что каждая иерархия разделяется на первые, средние и последние силы. Но и каждый порядок, (надо) отдельно сказать, она разделила на те же самые боговдохновенные гармонии. Почему, говорят богословы, и сами божественнейшие серафимы⁹⁰¹ взывают друг к другу, этим самым ясно, как я полагаю, показывая, что первые (из них) передают богословские знания вторым.

3. Можно было бы не без оснований добавить⁹⁰² что и сам по себе каждый небесный и человеческий ум имеет собственные первые, средние и последние⁹⁰³ чины и силы для толкования явленных каждому, соответственно его возведению, осияний, благодаря которым всякий, по мере доступности и возможности,

оказывается причастным сверхнепорочной чистоты, сверхизобильному свету и просовершенному совершенству. Ибо ничего нет самого по себе совершенного или вообще не нуждающегося в совершенстве, кроме поистине Самого-по-себе-совершенного и Просовершенного.

Глава 11. Почему все небесные силы и существа называются одинаково небесными силами

1. (Теперь), когда они определены, о том надо подумать, по какой причине все вообще ангельские существа мы привыкли называть⁹⁰⁴ небесными силами. Ведь нельзя же сказать, как об ангелах,⁹⁰⁴ что порядок святых сил является последним из всех и что порядки высших существ причаствуют священнолепному осиянию последних, последние же (осияниям) первых – никогда, и потому все божественные умы называются небесными силами, но никак не серафимами, престолами или господствами, так как последние непричастны⁹⁰⁵ соборным свойствам высших. Ведь ангелы и предшествующие ангелам архангелы,⁹⁰⁶ начала и власти, помещаемые Богословием после сил, часто обобщенно называются нами⁹⁰⁷ – вместе с иными святыми существами – небесными силами.

2. Мы же говорим, что, пользуясь общим для всех именем небесных сил, мы не привносим никакого смешения в особенности каждого порядка. Но поскольку все божественные умы разделились⁹⁰⁸ соответствующим им надмирным смыслом на три: на сущность, силу и энергию,⁹⁰⁹ – то, когда все или некоторые из них мы безразлично⁹⁰⁹ называем небесными существами⁹¹⁰ или небесными силами,⁹¹¹ о ком, из тех, кого мы перифрастически⁹¹² представляем, идет речь, следует понимать⁹¹³ по существу и по силе каждого из них. Нельзя ведь превышающую особенность уже хорошо нами определенных святых сил целиком приписывать и низшим – в нарушение неслитного чиноначалия ангельских порядков. Ибо согласно многократно нами прямо разъясненному замыслу, превосходящие порядки в избытке имеют и священные особенности низших, а последние⁹¹⁴ превосходящими их совокупностями (особенностей) старших не обладают,⁹¹⁵ так как им первоначальные осияния передаются через первых – соответственно им – частично.

Глава 12. Почему священноначальники людей называются ангелами

1. Ревностные исследователи умопостигаемых Речений интересуются и вот чем: ведь если последние (чины) не причастны более высоким совершенствам, то по какой причине наш иерарх именован Речениями «ангелом Господа Вседержителя»?

2. Это не противоречит, как я думаю, определенному ранее. Мы говорим ведь,⁹¹⁶ что полной и превосходящей силы более старших порядков последним недостает, частичной же и соразмерной (им) они причаствуют благодаря единой гармонической соединяющей всех общности. Скажем, чин святых херувимов причаствует высочайшей премудрости и знания,⁹¹⁷ а находящиеся ниже них порядки тоже причаствуют премудрости и знания, однако же отчасти по сравнению с теми и меньше. И вообще причаствовать премудрости и знания свойственно всем богообразным из разумных (существ), но (либо) целиком и первично, либо вторично и меньше, — ни в⁹¹⁸ коем случае не одинаково, но как каждому определено его мерой. Это же можно, не погрешив, сказать и обо всех божественных умах. Ведь как первые в избытке имеют святолепные особенности низших, так последние имеют (особенности) первых, но не в той же, а в меньшей степени. Так что ничего, как я думаю, странного нет в том, что Богословие называет ангелом и нашего иерарха, причаствующего по мере собственных сил свойственной ангелам способности прорицания и стремящегося к уподоблению тем в возвещении (Божьей воли), насколько это для людей возможно.

3. Ты найдешь,⁹¹⁹ что Богословие и богами называет и небесные сущие над нами существа, и наших боголюбивых и священных мужей, хотя богоначальная Сокрытость сверхсущественно сверхустранена от всего и превышает всего, и по-настоящему и вполне называться подобно Ей ничто⁹²⁰ из сущего не может. Однако когда какое-либо из умственных и разумных (существ) полностью сколько есть сил обращается

ввысь к соединению с Ней и насколько возможно непрестанно устремляется ввысь к Ее божественным осияниям, то сподобляется, по мере силы, если так можно сказать, богоподобия и божественной омонимии.

Глава 13. Почему говорится, что пророк Исайя был очищен серафимами

1. Давай-ка и то по мере сил рассмотрим, почему говорится, что к одному из богословов был послан серафим. Кто-нибудь может ведь недоумевать,⁹²¹ почему не какой-то из меньших ангелов, но сам принадлежащий к числу старших существ, очищает пророка.

2. Некоторые (люди) сказали ведь, что Речение говорит – в соответствии с уже изложенным законом общения всех умов, – что очистить богослова пришел не один из окружающих Бога первейших умов, но один из предстоящих нам ангелов, каковой как священносовершитель очищения пророка и был назван омонимически серафимам,⁹²² – потому что он молниеносно истребил названные грехи и воспламенил очистившегося для божественного послушания; а Речение, говорят, просто назвало одним из серафимов не (какую-то) из учрежденных около Бога, но одну из предстоящих нам очистительных сил.

3. А другой (человек) представил мне некий не вовсе неуместный отклик на это утверждение. Он сказал, что свое очистительное священнодействие тот великий (кем бы ни был ангел,⁹²³ осуществивший видение, чтобы⁹²⁴ научить божественному Богослова) приписал Богу и перводействующей у Бога иерархии. И неужели же эта мысль не истинна? Тот, кто это сказал, говорил, что богоначальная сила, на все распространяясь, входит во все и сквозь все без задержки проходит, и при этом она никем не видима, – не только потому, что (сама) сверхсущественно сверхъизъята, но и потому, что свои промыслительные действия она распространяет на все тайно. В том числе и всем умным существам она является по (их) мере и, вручая собственное светодаяние самым старшим из них, через них как через первых благочинно передает его находящимся ниже, соответственно способности каждого чина к богозрению.

Чтобы сказать яснее, приведу,⁹²⁵ пожалуй, собственные примеры, хотя и недостойные сверхзапредельного для всего

006

Бога, но нам более понятные. Излияние солнечного света⁹²⁰ благополучно проходит сквозь первое, прозрачайшее из всех вещество и через него ярко светит своим сиянием; попадая же в более плотные материи, оно проходит и светит хуже по причине неспособности принимающих свет материалов пропускать его, и от этого понемногу почти совершенно теряет способность распространения. Опять же жар огня⁹²⁷ лучше передается более к нему восприимчивым материалам, более для уподобления ему подходящим и податливым, а у сопротивляющихся или противоположных сущностей или никакого следа воздействия огня не обнаруживается, или же некий слабый след. И что более того – не родственным ему (материалам) он передается через имеющие с ним родство, воспламеняя сначала, если случится, то, что легко загорается, а посредством того разогревая по мере (надобности) либо воду, либо что-то другое из нелегко воспламеняемого.⁹²⁸ Соответственно этому-то закону физического благочиния, Чинопачение всего видимого и невидимого благоустройства являет богатыми излияниями светлость собственного светодаяния первоначально высочайшим существам; а через них и низшие их существа приобщаются божественному свету. Ибо те, кто (первыми узнали Бога) и высочайшим образом стремятся к божественной добродетели, сподобляются и перводействователями быть, насколько это возможно, богоподобительной силы и энергии; и (уже) они, сколько есть сил, боговидно направляют ввысь существа, которые ниже них, обильно передавая тем пришедший к ним свет, а те опять же – меньшим; и в каждом (порядке) первый передает следующему даруемый и до всех соответствующим образом благодаря Промыслу доходящий божественный свет.

Итак, для всех просвещаемых начало просвещения есть Бог, по природе и воистину сущий как сущность света⁹²⁹ и Причина самого бытия и способности видеть. Божественные же светы изливаются от того, что по положению и богоуподоблению в какой-то мере выше (другого), к каждому, что под ним, – через него к тому. Так что высочайший среди небесных умов порядок всеми прочими ангельскими существами по справедливости

почитається⁹³⁰ после Бога началом всякого священного богопознания и богоподражания, как через них передающий во все и в нас богоначальное осияние. Почему и всякую священную и богоподражательную энергию связывают как с причиной с Богом, а как с перводелателями божественного и учителями – с первыми богообразными умами. Таким образом, первый порядок святых ангелов больше всех обладает свойством пламенности,⁹³¹ способностью передавать излитую богоначальную премудрость, знанием высочайшего художества божественных осияний и свойством престольности,⁹³² являющим широкое богоприятие.⁹³³ И порядки низших существ причаствуют воспламеняющей, мудрой, дающей ведение и богоприятие силе, но в меньшей степени, и взирая на первых, и будучи ими – как первоначально удостоенными богоподражания – возводимы, насколько это возможно, к богообразию. Так что названные святые свойства, участниками которых через первых становятся следующие за ними существа, те связывают после Бога с ними как со священноначальниками.

4. Итак, сказавший это говорил,⁹³⁴ что то видение было явлено Богослову одним из заботящихся о нас святых и блаженных ангелов и что благодаря его просвещающему руководству он был возведен до того священного созерцания,⁹³⁵ при котором видел высочайшие существа, находящиеся, говоря символически, под Богом, с Богом и вокруг Бога, (видел) и Сверхначальный Верх,⁹³⁶ сверхневыразимо от всех них удаленный, сидящим посреди и выше высочайших сил. И увиденное научило⁹³⁷ Богослова тому, что Божество – благодаря сверхсущественному превосходству во всем – находится несравненно выше всякой видимой и невидимой силы, а также – что Оно сверхизъято для всего и совершенно неподобно даже первым из существ, а кроме того, Оно есть Начало и творящая сущности Причина всего, и неизменное Место нерушимой Обители, от Которой и самым превосходнейшим силам дается бытие. Потом он узнал о боговидных силах самих святейших серафимов, чье священное наименование означает «воспламеняющий», о чем мы скажем немного позже, насколько будет в наших силах рассказать о способности

воспламеняющей силы возводить к богообразию, и что священная форма шести крыл⁹³⁸ (означает) абсолютный и высочайший подъем к Божеству первых, средних и последних разумений. И тогда, видя⁹³⁹ бессчетное количество их ног и многоликость, и то, что крылами они закрывали⁹⁴⁰ вид, который под ногами, и вид, который выше лиц, и в (их) средних крыльях вечное движение, святой Богослов был возводим к умопостигаемому знанию того, что он видел, и ему открывалась имеющая много путей многовидная сила высочайших умов и их священное благоговение, каковое они сверхмирно имеют при исследовании высокого⁹⁴¹ и глубокого, дерзновенном,⁹⁴² смелом и недостигающем (цели), и соразмерное с богоподражательными энергиями непрерывное и высокопарящее вечное движение. Он был тайно ознакомлен также и с оным богоначальным многочтимым пением,⁹⁴³ когда создающий видение ангел по мере силы передавал Богослову свое священное знание. Он учил его также и тому, что очищение⁹⁴⁴ для каким-то образом очищенных служит приобщением, насколько это возможно, богоначальной светлости и чистоте. И это⁹⁴⁵ самим Богоначалием по запредельным причинам⁹⁴⁶ во всех священных умах со сверхсущественной таинственностью⁹⁴⁷ совершаемое (очищение) в тех силах, что около Него, как высочайших, проявляется⁹⁴⁸ и сообщается⁹⁴⁹ несколько яснее и сильнее, а во вторых, или последних, или наших умственных силах, – в зависимости от того, насколько каждая из них отстоит (от Него) в богообразии, настолько же Оно уменьшает Свое светлое сияние – вплоть до полного неведения, (соответствующее Его) собственной сокрытости. Воссияние же происходит для каждого из вторых через первые, и – если следует сказать вкратце – первоначально из сокровенности в явленность оно выводится через первые силы.

Вот, значит, чему Богослов учился от его световодительного ангела, – что очищение и все богоначальные энергии, воссияв через первые существа, всем прочим передаются по мере (готовности) каждого к боготворным причастиям. Почему и воспламеняюще⁹⁵⁰-очищающее свойство он справедливо отнес,

после Бога, к серафимам. Ничуть, значит, не неуместно говорить, что Богослова очищает серафим. Ибо как Бог, будучи Причиной всякого очищения, очищает всех, а ⁹⁵¹ скорее (воспользуюсь близким примером), как наш иерарх, ⁹⁵¹ через своих служителей, или иереев, очищающий или просвещающий, сам, говорится, очищает и просвещает, и очищаемые через него чины с ним связывают свои священные действия, так и исполнивший очищение Богослова ангел связал свое очищающее знание и силу с Богом как с Причиной, а с серафимом как к перводействующим иерархом, с ангельским, можно сказать, благоговением уча очищаемого им, что «Запредельное Начало и Существо, Содетель и Причина в тебе мною ⁹⁵² совершаемого очищения есть Вводящий в бытие первые существа ⁹⁵³ и, вокруг Себя учредив, Содержащий их и Сохраняющий непреложными и неизменными, и Подвигающий их первыми причастовать Своих промыслительных энергий (учащий меня этому сказал, ⁹⁵⁴ что именно в этом выражается апостольство серафима), иерарх же ⁹⁵⁵ и (первый) по Боге руководитель – (это) чин первейших существ, которым я был научен богообразно очищать. Это он через меня очищает тебя, а через него Свои промыслительные энергии вывела из состояния сокрытости (и распространила) на нас Причина всего и Создатель очищения».

Этому он меня научил, я же тебе передаю. И уже от твоей способности думать и разбираться зависит либо разрешить недоумение одним из высказанных доводов и предпочесть его другому, как обладающий изяществом, убедительностью и, по-видимому, истиной, либо самому изобрести нечто более родственное истинно истинному, или же от другого научиться – разумеется, когда Бог дает речь, а выхлопывают ⁹⁵⁶ (ее) ангелы, ⁹⁵⁷ – и нам, любящим ангелов, открыть более ясное, если только это возможно, и для меня более вожденное созерцание.

Глава 14. Что означает сообщаемое преданием число ангелов

И то мне кажется достойным умственного рассмотрения, что предание Речений об ангелах говорит, что их «тысячи тысяч»⁹⁵⁸ «и тьмы тем», предельные из наших чисел обращая на самих себя и многократно умножая, и с их помощью ясно показывая, что нами чины небесных существ исчислены быть не могут. Много ведь блаженных воинств сверхмирных умов, и превосходят они (количеством) немощную⁹⁵⁹ и скудную меру наших материальных чисел, и пределы их ведомы только им свойственному сверхмирному небесному разумению⁹⁶⁰ и знанию, щедро им дарованному богочающим безмерно-знающим Творцом премудрости, являющимся Началом вообще всего сущего и Причиной творящей сущности силы и охватывающих (их) границ.

Глава 15. Какие формы имеют образы ангельских сил: что (означает) огневидность, что человекообразность, что глаза, что руки, что уши, что ноздри и прочее, свойственное голове

1. Ну, наконец, если хочешь, снизойдем, давая отдых нашему умственному оку от напряжения, подобающего ангелам при возвышенных созерцаниях Единого, к разделенной и многочастной широте многообразия, присущего формотворчеству при изображении ангелов, (а затем) вновь от них как от образов взойдем обратно к простоте небесных умов. Но да будет тебе прежде известно, что толкования запечатлевающих священное образов являют порядки небесных существ то священноначальствующими, то в свою очередь священноначальствуемыми, причем (и) последние (оказываются) священноначальствующими, и первые находящимися под священным началом, и одни и те же, как было сказано, имеющими и первые, и средние, и последние силы; и что при таком способе объяснений не привносится ни одного неуместного слова.⁹⁶¹ Ведь если бы мы говорили, что некоторые (чины) находятся под священным началом первых, затем – что они ими же священноначальствуют, и вновь – что первые, священноначальствующие последними, находятся под началом этих самых священноначальствуемых, получилась бы сушная нелепость, преисполненная многой путаницы. Когда же мы говорим, что одни и те же священноначальствуют и находятся под священным началом, то ни в коем случае не – самими собой или самих себя, но – что каждый из них находится под священным началом предшествующих, а священноначальствует последующими.⁹⁶² И не безосновательно можно сказать, что одни и те же священнозданные изображения могут в Речениях подобающим образом и истинно применяться и к первым, и к средним, и к последним силам. И устремляться, обратившись, к вершине, неизменно собирать вокруг себя охранительные из своих сил и быть причастным в приобщающем исхождении ради вторичных⁹⁶³ промышляющей о

них силе – неложно подобает всем небесным существам, хотя и одним в превосходящей (других) степени и целостно, как много раз было сказано, а другим отчасти и меньше.

2. Итак, следует начать слово и при первом осмыслении изображений исследовать,⁹⁶⁴ по какой причине богословие почти всему, описывая священное, предпочитает, оказывается, огненность. Ты, конечно, заметишь, что оно изображает не только огневидные колеса, но и огненных животных, и мужей, как огонь блистающих, и вокруг самих небесных существ груды огненного угля располагает и с нестерпимым шумом огнем горящие реки. Также и о престолах огненных оно говорит, и из имени самих высочайших серафимов выводит, что они суть пожигатели, и особенностью и действием огня их наделяет, и вообще вверху и внизу решительно предпочитает творить образы, связанные с огнем.

Ибо огненность являет, как я думаю, боговидность небесных умов. И священные богословы часто описывают сверхсущественную и неизобразимую сущность в виде огня, – как имеющего многое, с позволения сказать, свойственное Богоначалию словно в зримых образах. Воспринимаемый чувствами огонь⁹⁶⁵ присутствует ведь, так сказать, во всем и сквозь все проходит, не смешиваясь, от всего обособленным; и, будучи ярким, при этом он и как бы сокровен; неведомый сам по себе, если нет вещества, на котором он показал бы свое действие, неуловимый и невидимый, он самодержец всего; и то, в чем он оказывается для своей деятельности, он изменяет; он передает себя всем как-либо к нему приближающимся; он возобновляется от жара искорки и (все) освещает несокрываемыми сияниями; неудержимый, беспримесный,⁹⁶⁶ разделяющий, неизменный, устремленный ввысь,⁹⁶⁷ быстро бегущий, высокий, не терпящий никакого подножного снижения, вечно движущийся, одинаково движущийся,⁹⁶⁸ двигатель других, объемлющий, необъемлемый, не имеющий нужды⁹⁶⁹ в ином, незаметно возрастающий и показывающий воспринимающим его веществам свое величие, быстрый, сильный, во всем сущий невидимо, кажущийся несуществующим, когда о нем не думают; при трении, как бы вследствие некоего изыскания, внезапно по-

родственному, дружески являющийся и вновь недостижимо отлетающий; не уменьшающийся при всех щедрых себя раздаяниях. И еще многие свойственные огню особенности можно раскрыть как доступные чувствам образы энергии Богоначалия. Именно это зная, богомудры создают образы небесных существ из огня, – показывая их боговидность и, в меру возможного, богоподражательность.

3. Но и как об антропоморфных⁹⁷⁰ о них пишут – из-за ума и устремленности зрительных сил (человека) вверх, а также прямооты и вертикальности фигуры⁹⁷¹ и присущей (его) природе начальственности и властности, и из-за того, что чувствами⁹⁷² он – если сравнивать с иными способностями бессловесных животных – наименьший, но превосходит всех избыточествующей силой своего ума, преимуществом искусства слова и свойственными природе души непорабощаемостью и неподвластностью.

Можно, мне кажется, и в каждой⁹⁷³ (составляющей) нашей телесной многочастности обрести подходящий для небесных сил образ, – говоря, (например), что способность зрения указывает на чистейшую обращенность вверх к божественным светам,⁹⁷⁴ а также на нежное, мягкое, не враждебное, но остроподвижное, чистое и бесстрастно-открытое приятие богоначальных осияний;

способность различать запахи, – на восприятие, насколько возможно, превышающего ум благоухания, умение отличать, анализируя, не таковое и полностью (его) избегать;

способность слышать – на причастность богоначальному вдохновению и познавательное (его) восприятие;

вкус – на исполненность пищей⁹⁷⁵ для ума и приятие божественных питательных излитий;

осязание – на способность отличать, распознавая, полезное от вредного;

веки и брови – на охрану богозрительных уразумений;

молодой, юношеский возраст – на всегда цветущую жизненную силу;

зубы – на способность разделять даваемое с пищей совершенство (ибо каждое умственное существо разделяет

876

промыслительной силой и множит⁹⁷⁶ даваемое ему от более божественного единовидное разумение для возведения низшего соответственно его мере);

плечи же, мышцы, а также руки – на способность к деятельности, энергичность и предприимчивость;

а сердце⁹⁷⁷ является символом богообразной жизни, благообразно распространяющей свою жизненную силу на то, о чем заботится Промысел;

грудь в свою очередь указывает на крепость и способность охранять⁹⁷⁸ свойственное помещающемуся под ним сердцу распространение животворной (силы);

спина – на совокупность всех живительных сил;

ноги же – на подвижность, быстроту и пригодность для вечного стремительного движения к божественному. Почему богословие и изобразило ноги святых умов окрыленными.⁹⁷⁹ Крылья ведь указывают на скорость восхождения, небесность, направленность движения вверх и – благодаря стремлению вверх – удаленность от всего приниженного. А легкость крыл – на полное отсутствие приземленности и возможность совершенно чистого и неотягченного подъема;

нагота же и необутость – на свободу, несвязанность, неудержимость, и очищающие от привнесенного извне,⁹⁸⁰ и уподобляющие, насколько возможно, божественной простоте.

4. Но, поскольку, опять же, простая и «многообразная премудрость»⁹⁸¹ и непокровенных одевает, и орудия некие дает им носить, давай, насколько нам возможно, скажем и о смысле священных покровов и орудий у небесных умов.

Светлая и огненная одежда означает, мне кажется, боговидность, соответствующую образу огня, и способность просвещать – благодаря небесным обителям, где (все) свет,⁹⁸² повсюду умопостигаемо сияющий, либо умственно⁹⁸³ осияваемый; а святительское облачение – способность приводить к божественным и таинственным созерцаниям и освящать всю жизнь;

пояса же – охрану их производительных сил и свойство⁹⁸⁴ собирать их воедино в самом себе и обращаться вокруг себя в строгом порядке и неизменном тождестве;

5. жезлы же – царственность, владычественность и прямоту осуществления всего;

копья же и секиры – отделение беззаконий, а также быстроту, энергичность и предприимчивость их различающих сил;

а землемерные⁹⁸⁵ и древообрабатывающие орудия – способность основывать, созидать и завершать и вообще все, что относится к промыслу возведения и обращения (к Богу сил) вторичных.

Иногда же орудия, с которыми изображаются святые ангелы, суть символы божественного суда над нами, из каковых орудий⁹⁸⁶ одни указывают на исправительное наставление или карающее правосудие, а другие на освобождение от напастей, или окончание наказания, или возвращение прежнего благополучия, или прибавление иных даров, малых или великих, воспринимаемых чувствами или умопостигаемых. И совсем не трудно проницательному уму подобающим образом связать видимое с невидимым.

6. А наименование их ветрами⁹⁸⁷ являет их быстроту и всего достигающий почти без затраты времени⁹⁸⁸ полет, а также способность двигаться, перемещаясь сверху вниз⁹⁸⁹ и снизу вновь вверх, простирая вторичных ввысь, к большей высоте, а первенствующих подвигая к приобщительному и промыслительному выступлению (вовне) ради низших. Можно также сказать, что и наименование ветра воздушным дыханием⁹⁹⁰ проявляет богообразность небесных умов. Ибо образ и оттиск богоначальной энергии (как это более пространно было нами показано при истолковательных объяснениях четырехстихийности в «Символическом богословии»⁹⁹¹) присутствует и в подвижности и животворности природы, и в быстроте и неудержимости перемещений (ветров) и неведомой нам и невидимой сокровенности начал и завершений (их) движения. «Ибо не знаешь, – (как) говорит (евангелист), – откуда приходит и куда уходит».

Также и вид облака богословие к ним применяет, обозначая этим священные умы, сверхмирно исполненные⁹⁹² сокровенного света, сокровенно воспринимающие первоявленное (его)

первое явление и обильно вторичным в порядке вторичного явления соразмерно (тем) его посылающие и – что им присуща плодородная, животворная, растящая и совершенствующая (сила), порождающая умопостигаемый дождь, обильными ливнями побуждающий приемлющее чрево⁹⁹³ к дающим жизнь зачатиям.

7. Если же богословие прилагает к небесным существам вид меди, янтаря и многоцветных камней, то янтарь как златовидный и одновременно сребровидный являет незамутненную, как у золота, неистощимую, неумаляемую и чистую светлость и светлый, как у серебра, световидный небесный блеск.

А медь, согласно данным уже объяснениям, пусть подчеркивает либо огненность, либо златообразность.

Многоцветные же виды камней являют, надо думать, или, как то белый, световидность, или, как красный, огненность, или, как желтый, златовидность, или, как зеленый, юношеский цветущий возраст; и для каждого вида отыщешь возводящее объяснение образных форм.

Но поскольку об этом нами, по мере сил, было, я считаю, сказано достаточно, следует перейти к священному изъяснению священных изображений небесных умов в виде животных.

8. Образ льва⁹⁹⁴ являет, надо думать, господство, крепость, неукротимость и посильное уподобление сокрытости неизреченного Богоначалия – благодаря прикровенности умственных следов и таинственно неустранимой окутанности пути, возводящего к Нему по божественном осиянии;

тельца же⁹⁹⁵ – крепость, молодость и способность расширять умственные борозды для приятия небесных плодотворных дождей, а рога – способность защищать и непобедимость;

орла же⁹⁹⁶ – царственность, высоту и скорость полета, зоркость, сообразительность, ловкость и умелость при добыче придающей силы пищи, и способность созерцать изобильные многосветлые лучи⁹⁹⁷ Богоначального солнечного света в напряженном устремлении взгляда беспрепятственно, прямо и неуклонно ввысь;

а коней⁹⁹⁸ – благопокорность и благопослушность, причем белые (символизируют) светлость и как бы особую родственность божественному свету, вороные – сокровенность, рыжие – огненность и энергичность, смешанные же из белого и черного, – способность переносящей силой совмещать крайности и связывать, обращая (друг к другу), или же промышляя (о них), первые (чины) со вторыми, а вторые с первыми.

Но если бы мы не принимали в расчет меру слова, то и особенности названных животных по отдельности, и все их телесные формы не без оснований применили бы методом неподобных подобий к небесным силам, возводя их способность ярости к умному мужеству, последним отголоском которого является гнев, а возжелание к божественной любви, и – чтобы сказать коротко – все чувства и многочастность бессловесных животных – к невещественным разумениям и единовидным силам небесных существ. Но для ум имеющих достаточно не этого только, но и истолкования одного представляющегося странным образом для подобного понимания (изображений) такого рода.

9. Надо рассмотреть также, что говорится о реках,⁹⁹⁹ колесах и колесницах применительно к небесным существам.

Огненные реки указывают на богоначальные дожди, дающие им обильное и непрерывное течение и питающие животворной плодородностью; а колесницы¹⁰⁰⁰ – сопряженную общность (ангелов) одного чина; колеса же¹⁰⁰¹ крылатые,¹⁰⁰² вперед бесповоротно и неуклонно движущиеся, – способность идти в своей деятельности прямой и верной дорогой, (одним и) тем же неуклонным прямым путем всякого их сверхмирно направленного умственного движения.

Можно и посредством иного возведения объяснить иконописание умных колес. Ведь им дано название, как говорит богослов, «гелгель»,¹⁰⁰³ а это означает по-еврейски «вращения» и «откровения». Огненным боговидным колесам свойственно вращаться вечным движением вокруг одного и того же Блага; откровения же – в явлении сокровенного, возведении

пребывающих внизу и низводящем послании высоких осияний низшему.

Остается нам сказать слово о радости¹⁰⁰⁴ небесных порядков. Они ведь совершенно невосприимчивы к нашему, связанному со страстями наслаждению, но, говорят, они радуются с Богом обретению погибших, наслаждаясь в боговидной¹⁰⁰⁵ праздности и свободной отраде благообразным и чуждым зависти веселием при промысле об обращаемых к Богу и (их) спасении и тем невыразимым блаженством,¹⁰⁰⁶ которому многократно бывали причастны и священные мужи¹⁰⁰⁷ при боготворных нашествиях божественных осияний.

Столько да будет мною сказано о священных изображениях, – для подробного их объяснения недостаточно, но (сколько) полезно, как мне кажется, чтобы не задержаться нам по слабости в фантазиях об (их) формах.

Если же ты и то скажешь, что не обо всех по порядку ангельских силах, или действиях, или образах в Речениях мы упомянули, мы правдиво¹⁰⁰⁸ ответим, что их сверхмирное художество нам неведомо, и, скорее, мы сами нуждаемся в ином светонаставнике и учителе, и равное сказанному оставили нетронутым, озаботившись соразмерностью слова и почтив превышающую нас сокровенность молчанием.

Конец слова «О небесной иерархии» Дионисия Ареопагита,¹⁰⁰⁹ епископа Афинского, к Тимофею епископу.

Корпус сочинений, надписываемый в рукописях именем Дионисия Ареопагита, представляет собой одно из важнейших явлений в истории культуры всего христианского мира. Ставший достоянием общества в Византии в VI в. и вскоре прокомментированный, снабженный схолиями, тысячу лет затем он оставался книгой почитаемой и питающей мысль. Его влияние быстро вышло за пределы распространения греческого языка: уже в VI в. Корпус был переведен на сирийский язык, затем в VIII в. на арабский, армянский (718г.) и еще раз на сирийский, далее в IX в. на коптский и латинский (835г. и 860г.; на латынь после этого он переводился многократно), в конце XI в. – на грузинский и, наконец, в XIV, XVII и начале XIX в. – на славянский.

Корпус содержит четыре трактата: «О небесной иерархии», «О божественных именах», «О церковной иерархии» и «О мистическом богословии», – и десять посланий разным лицам. Все трактаты имеют в начале обращение к «сосвященнику Тимофею», очевидно, к одному из 70 апостолов, ученику, спутнику, адресату двух посланий апостола Павла, епископу Эфеса. В тексте этих произведений встречаются упоминания других сочинений того же автора, как то: «О ангельских свойствах и чинах», «О душе», «О праведном и о божественном оправдании», «О божественных гимнах», «О умопостигаемом и постигаемом чувствами», «Богословские очерки», «Символическое богословие», «О справедливом и божественном суде», но они нам неизвестны.

Схолии, т.е. комментарии, с которыми Корпус переводился с греческого на другие языки, были собраны, дополнены и соединены с основным его текстом в VII в. Максимом Исповедником. Они устранили возникшие было сразу после появления Корпуса в VI в. у читающей публики сомнения в авторстве упоминаемого в Деяниях апостолов ученика апостола Павла афинянина Дионисия, члена Ареопага. Но сомнения эти начиная с эпохи Возрождения вновь усилились, и Корпус, чрезвычайно почитаемый в среде гуманистов, начали печатать уже без схолий. Решающие усилия по исключению ареопагитских сочинений из числа произведений I–II вв. сделали в XIX в. Г. Кох и Й. Штигльмайр. Они указали на идейные и текстуальные совпадения в них с сочинениями язычников-неоплатоников Плотина (III в.) и Прокла (V в.) (в принципе эти совпадения были известны авторам схолий VI–VII вв., но те считали, что это язычники «крали мудрость» у философа-христианина, а не наоборот) и ограничили возможное время его создания 480 и 510 гг. С тех пор ученые стали называть автора Корпуса Псевдо-Дионисием. Разумеется, неоднократно предпринимались попытки указать «настоящего» его автора. Все они, однако же, остаются на уровне предположений. По-прежнему самой связной, цельной и впечатляющей остается та «положительная» картина, которую создает сам Корпус с комментариями, которыми снабдил его

Максим Исповедник. Подробнее об этом см. в первом полном на русском языке издании Дионисьева Корпуса с толкованиями, параллельно с греческими текстами, которое осуществили в 2002г. одновременно издательства Олега Абышко и «Алетейя» в Санкт-Петербурге.

Первый полный перевод Корпуса с греческого на славянский был сделан сербом старцем Исайей. Из воспроизводимого здесь его предисловия к своему переводу мы знаем, что работал он над ним под покровительством митрополита г. Серы (Серес) в Македонии и закончил работу в 1371г. Хранящийся в Российской национальной библиотеке в собрании А.Ф. Гильфердинга под № 46 самый ранний из известных славянских списков Ареопажита, судя по водяным знакам его бумаги, был сделан, возможно, именно в 1371г. Целый ряд особенностей этой рукописи позволяет сейчас уверенно полагать, что она представляет собой автограф переводчика и была изготовлена в период с сентября по декабрь этого 1371г.: во время работы над ней (в конце сентября 1371г.) произошел разгром сербского войска турецким в битве на р. Марице, после чего Македония была опустошена победителями-турками и в ней наступил голод, и волки стали нападать на людей, о чем пишет Исайя в своем Предисловии.

Именно к списку РНБ, собр. Гильфердинга, №46 восходят все известные нам рукописные традиции (главные из них – новгородская и московская) Корпуса сочинений Дионисия Ареопажита в переводе Исайи. Всего славянских списков Ареопажита, главным образом русских, известно более шестидесяти. Так что, несомненно, эта книга была на Руси читаема и почитаема. Сочинения Ареопажита были высоко ценимы, в частности Иваном Грозным и протопопом Аввакумом. Аввакум начинает свое Житие обширными выписками из ареопажитского Корпуса. В XVII же веке в Москве Евфимий Чудовский занялся сверкой с греческим оригиналом и переделкой Исайиною перевода Ареопажита. Так что до того в славяно-русской рукописной традиции Ареопажита могло нарастать лишь количество ошибок. Такова причина, по которой

исходный сербский список мы предпочли для этого издания всем русским.

Помимо Предисловия Исаяи в этом томе «Библиотеки литературы Древней Руси» вниманию читателя предлагается трактат «О небесной иерархии», возглавляющий Корпус в греческой и славянской традициях. Но поскольку начало избранной нами рукописи Гильф. 46 утрачено, – текст начинается там и нами по ней воспроизводится со второй главы трактата «О церковной иерархии», – нехватку оглавления, стихотворных эпиграфов, заголовка и первой главы мы восполняем по рукописи ГИМ, Воскресенское собр., № 75, содержащей сербский же сделанный на рубеже XIV и XV вв. список непосредственно с Гильф. 46, а Предисловие переводчика Исаяи – по Великим Минеям Четиим новгородского архиепископа Макария, – по лл. 66–66об. русского списка XVI в., РНБ, Софийское собр., №1318 (октябрьский том Софийского списка Великих Миней Четиих), восходящего через неизвестное нам посредство тоже к Гильф. 46 (подробнее об этом см.: Прохоров Г.М. Памятники переводной и русской литературы XIV–XV веков. Л., 1987. С. 42–59).

В греческих списках Дионисия Ареопагита его текст обычно бывает предварен стихотворным эпиграфом и обрамлен более мелко написанным текстом толкований, схолий, на полях же встречаются «маргиналии», заметки, относящиеся уже к схолиям. Такая же композиция текстов – в Гильф. 46 (в русской рукописной традиции она не удержалась: все тексты стали писать одинаково, лишь на полях помечая главный текст словом «сущее» или «лежащее», а толкования словом «толк»; маргиналии же влили в те места схолий, к которым они относились). Воспроизводя здесь текст Ареопагита со всем, что его в рукописях окружает, толкования к нему и маргиналии мы помещаем в нижний «этаж», в сноски, причем маргиналии так и называем (курсивом пишем это слово перед началом текста заметки на полях).

Но то, что переводил Исаяя, не было в точности тем, что мы видим в этой книге напечатанным. Мы не знаем (может быть, пока) греческого списка или списков, которым или

которыми он пользовался. Представляется очень вероятным, что он опустил или сократил некоторые толкования; но есть у него и такие, которых нет в напечатанном греческом тексте, и маргиналий у него больше, чем у греков. Возможно, он сочинил их сам; но, кажется, нет ни одного греческого списка Ареопагита, полностью совпадающего составом толкований с другим.

Предисловие переводчика

Стр. 274. ...к вечеру... седмориčního... века. – Исаяя имеет в виду приближение конца седьмой тысячи лет от сотворения мира. По счету от Рождества Христова это 1492г. Опасение, что в 7000г. наступит конец света, заметно и у русских авторов XIV–XV вв.

...еже пострадаша и в Ветхом и Новом Писании божественных прикоснуться. – Имеются в виду, очевидно, рассказы книги I Паралипоменон о том, как один из ведших колесницу с ковчегом завета, Оза, «простер руку свою, чтобы придержать ковчег, ибо волы наклонили его», прогневил этим Господа и «умер тут же пред лицем Божиим» (1Пар.13:9–10), и Деяний апостольских о том, как «некоторый муж именем Анания с женою своею Сапфирию, продав имение, утаил из цены, с ведома и жены своей, а некоторую часть принес и положил к ногам апостолов» (Деян.5:1–2), и они оба умерли как солгавшие Духу Святому (Деян.5:5–10).

...митрополитом богоспасенного града Сира кир Феодосием... – Сер или Серес – византийский город в Македонии, которым с 1346 по 1373г. владели сербы, затем он вернулся к Византии, а в 1382г. был захвачен турками.

Стр. 276. «Задняя забывают». – Флп.3:13.

...ексодом... – Греческое ἔξοδος, здесь – «расход», «затраты».

...Святая Гора... – Имеется в виду полуостров Святая Гора Афон, восточный отрог Халкидонского полуострова, где находится множество православных мужских монастырей. В то время им владела Сербия.

...западных стран... – По всей видимости, западной части Балканского полуострова.

...деспот Углеша... – Иован Углеша, деспот части Македонии с центром в г. Сер (Серес).

...Волкашина краля... – Вукашин, брат Иована Углеши, некогда виночерпий при дворе сербского царя Стефана Душана, затем жупан г. Прилеп с титулом деспота, с 1366г. король,

король, значительной части Македонии с городами Прилеп, Скопле и Призрен.

...на изгнание турк... – Турки-османы вступили в Европу как завоеватели в 1352–1354 гг., в 1363г. их столицей стал Адрианополь. Чтобы остановить подчинение турками Балканского полуострова, сербы деспот Угleshа и краль Вукашин двинулись с войсками им навстречу, но 26 сентября 1371г. в лесистых окрестностях г. Черномен на р. Марице, к западу от Адрианополя, были наголову ими разбиты и погибли. Земли Угleshи на короткий срок захватили затем византийцы.

Стр. 278. ...племя сръбских господ, седми мноу род, конец приат... – Речь идет, по-видимому, о гибели вместе с войсками Угleshи и Вукашина большей части сръбской аристократии.

...премудрый в елинех Ливание... – Либаний, знаменитый антиохийский языческий притор IV в., учитель Иоанна Златоуста.

...начало тому есть осмеричное число, среда же двостное и первое, конец же десято с едином наскончавается. – Цифровая тайнопись: вместо букв указывается их цифровое значение. 8=И, 200=с, 1=а, 10=і, 1=а. Получается: Исаіа.

Лето же тогда течаше 6-ное, 8-стное, 70 и 9-тное, индиктион 9. – 6879г. = 1371г.; «индиктион» – порядковый в пятнадцатилетием цикле номер сентябрьского года.

Глава 1

Стр. 282. «Всяко даяние... Отца светов». – Иак.1:17.

...Собирателя Отца... – См. Мих.2:12.

..«от Того вся и в Том». – Ср. Рим.11:36.

...«Свет... гредущего в мир». – Ин.1:9.

...светоначелнику Отцу... – См. Ин.14:6; 1Тим.2:5.

...в Азии сочиняется... апостол Павл. – См. Деян.20:17 и далее.

...светаго Иакова Соборним посланием... – Имеется в виду входящее в Новый Завет Соборное послание апостола Иакова, написанное, как считают, ок. 64г.

Стр. 284. ...якоже скажут «Деания светых апостол»... – См. Деян.17:34.

...к светому Поликарпу послани... – Поликарп (I–II вв.), священномученик, ученик апостола Иоанна Богослова, епископ Смирнский, автор ряда сочинений. «Поликарпу иерарху» адресовано седьмое послание Дионисия Ареопагита.

...в 9 главе «О небесном свещенноначелии». – См. с. 346–354.

«Елици убо... да мудрствуем». – Флп.3:15.

Стр. 286. «Вса по образу... сътвори». – Евр.8:5; Исх.25:40.

Глава 2

Стр. 288. ...орловъ погребленокотну виду... – Ср. Иез.1:10–11.

...птиць власовну... созданные... – Ср. Ис.6:2; Иез.1:6–11.

...кола... на небесы – Ср. Иез.1:15–21.

...престоле... прикладные... – Ср. Дан.7:9; Откр.4:2.

...коне... многопостротные... – Ср. Зах.1:8.

...копиями архистратиге... – Ср. Нав.5:13; 2Мак.3:25.

Стр. 290. ...от божественного Езекиила... – Иез.1:5–13.

...от дивного Иоанна в «Откровении»... – Откр.1:6–8.

...оружие... при Валааме... – Ср. Чис.31:8.

...в «Царствиих»... в книзе Второй. – Ср. 2Цар. 23:16.

...подобие... престола... – Ср. Иез.1:26.

...подобие льва... – Ср. Иез.1:5.

Стр. 292. ... «ни же всех... разум». – Ср. 1Кор. 8:7.

...яко Слово... – Ин.1:1.

...и Ум... – Ср. Рим.11:34.

...яко свет... – Ср. Ин.8:12; 1Ин. 1:5.

...и живот... – Ср. Ин.14:6.

...«в зраце Божи сыи»... – Флп.2:6.

...«образ Бога невидимого» – Кол.1:15.

...«видевый Мене... Отца». – Ин.14:9.

...святой Василие сказует во еже к своему брату слову еже о разенстве существа и состава. – Василий Великий (329–379), архиеп. Кесарийский, вселенский отец и учитель Церкви; его брат – Григорий Нисский; о различии сущности и ипостаси Василий Великий пишет в Послании 38 (его сочинения см. в 29–32 тт. Греческой Патрологии Миня).

...«Кто разуме ум Господень?» – 1Кор. 2:16.

...«И бысть слово Господне ко мне» – Иер.1:4.

...«Аз есмь сый» и «Сый посла Ме». – Исх.3:14.

Стр. 294. ...Богослов Григорие. – Григорий Богослов, или Назианзин (ок. 329–389), отец и учитель Церкви, в 381г. епископ Константинополя.

Стр. 296. ...огнене невреде... – Ср. Мф.28:3; Мк.16:5; Деян.1:10; Откр.4:4.

...«Вса добра зело». – Быт.1:31.

Стр. 298. ...«Да изведет... душу живу»... – Быт.1:24.

...«Да изведут воды... душ живых». – Быт.1:20.

Стр. 300. ...Солнце правды... – Мал.4:2.

...звезду восточну... – 2Пет.1:19; Откр.22:16.

...огнь... просвещае... – См. Исх.3:2.

...вода... подателна... – Ср. Иер.2:13; Откр.7:17.

...реки... текущее... – Ин.7:38; Откр.22:1.

...миро благоуханно... – Ср. Песн.1:2.

...ками краеугльный. – Еф.2:20.

...львово... всякого зверя... – См. Ос.5:14; 13:7–8.

...медведицу губителну. – Ср. Ос.13:7–8.

...«Дондеже денница... в срдцях ваших»... – Ср. 2Пет. 1:19; Откр.22:16.

...«В купине... не зажигаей»... – Ср. Исх.3:2.

...«Мене оставише... воды живые». – Иер.2:13; Откр.7:17.

...«Реки... воды животные». – Ин.7:38; Откр.22:1.

...«Миро... име тебе». – Песн.1:2.

...«Аз есмь чръв и не человек»... – Пс.21:7.

Стр. 302. ...чръвия вид. – Ср. Пс.21:7.

Стр. 304. ...Словеса реше... – См. Мф.7:6.

...Деания святых апостол... – См. Деян.16:1.

...«Дети... снедно имате?» – Ин.21:5.

...якоже и Папиа сказует в книзе прьвой «Недельских тлькований» – Кто этот «Папиа», неясно.

...Климент Александрьский в «Пестунстве». – Климент Тит Флавий (II–III вв.), пресвитер александрийской церкви, знаменитый учитель и писатель; имеется в виду его книга «Педагог».

Глава 3

Стр. 306. ...Словеса реше, «Богу споспешник»... – 1Кор.3:9.
...Филипп в «Деяниих святых апостол»... – Ср. Деян.8:39.
...«Киждо в неже зван бысть степень, в том да пребывает».
– 1Кор. 7:24.
...«пакибытия банею». – Ср. Тит.3:5.

Глава 4

Стр. 310. «Многие обитатели у Отца». – Ин.14:2.

...Тит глаголет в иже «На манихее» словех. – Тит (ум. в 372г.), епископ аравийский в г. Бостре, выступавший в своих сочинениях против манихеев.

Стр. 312. ...аггелми нам дан бысть... – Ср. Деян.7:53; Гал.3:19; Евр.2:2.

Стр. 314. ...бывати некоторым светим богоявления... – Ср. Быт.12:7; 28:13.

...Божие сокровение, «никтоже виде...» – Ср. Ин.1:18.

...якоже при Иисусе Навине и Гедеоне и иных. – Ср. Суд.6:20–22.

«К правому же путы... от неверных язык преложисе». – См. Деян.10.

«Чина же священного»... «тмы тмами»... – Дан.7:10.

...Иезекиилу херувим... – Иез.1:5–14.

...Исайи серафим явишесе. – Ср. Ис.6:2–3.

«Премирное же видение»... до третьяго небесе... – Ср. 1Кор.12:2.

...при божественного Иоанна Откровени... – Ср. Откр.1:10 и сл.

...«Бога никтоже виде нигдеже»... – Ин.1:18.

...при Аврааме у дуба Мамврийского... – Ср. Быт.18:1.

...егда в Содом идеху... – Ср. Быт.19.

...Моисеови на горе, аще и задняя глаголютсе узрети. – Исх.33:23.

...на Фаворе божественный свет... – Свет Преображения Христова, о котором говорится в Евангелиях от Матфея (Мф.17:1–2) и от Луки (Лк.9:28–29). По преданию, Преображение произошло на г. Фавор в Галилее.

...в купине божественный огонь... – Огонь, который, по рассказу библейской книги Исход (Исх.3:2–4), Моисей видел на г. Хорив в терновом кусте, этим огнем горевшем, но не сгоравшем, причем слышал из куста голос Божий.

...«Иже приесте закон в заветаниях аггел и не сохранисте»... – Деян.7:53.

Стр. 316. ...мужственого Исусова богодейства... – Ср. Лк.1:11–20.

...богоначелное неизвещанного богоздания таинство. – Ср. Лк.1:26–38.

...аггел Иосифа наказа, како воистину исплнитисе имуть... – Ср. Мф.1:20–23.

...обещанная предеду Давыду. – 2Цар.7:12–17.

...безъмловием очищенном благовествоваше... – Ср. Лк.2:8.

...предаваху сущим на земли славословие. – Ср. Лк.2:13–14.

«Слово плоть бысть». – Ин.1:14.

«Кто есть се Царь славы?» – Пс.23:8, 10.

Стр. 318. ...Исусово к Егупту отшествие... – Ср. Мф.2:13.

...от Егупта прешествие. – Ср. Мф.2:19–20.

...о аггеле, иже Исуса укрепляющем... – Ср. Лк.22:43.

...«Аггел Велика Совета»... – Ср. Ис.9:6.

...от Отца возвести нам. – Ин.8:26–28; 15:15.

...«Иже в зраце Божим... образ раба прием»... – Флп.2:6–7.

«Приступльше аггелы служаху Ему...» – Мф.4:11.

...«утрудисе от путного шествия»... – Ин.4:6.

...и яко «взаалка»... – Мф.4:2.

...«Явих твое име человеком». – Ин.17:6.

Глава 5

Стр. 320. «Благословите Господа вси аггелы Его»... – Пс.102:20.

«Творей аггелы Свое духы»... – Пс.103:4.

«Умне, бо на богоподражательное... разумни их вид»... – «О небесной иерархии», 4, 2.

Глава 6

Стр. 324. ...существа девет нарекло есть изъяснительными именованиями. – См. Иуд.9; Еф.1:21; Кол.1:16; 2:10.

Светейшие бо престолу... – См. Кол.1:16.

...ближняя херувим... – См. Иез.10:1.

...светейши серафим, окрест стояще Бога, зреху. – См. Ис.6:1–2.

...во «Откровении» светого Иоанна, апостола, евангелиста и богослова. – Ср. Откр.8:2.

...во еже «К Римляном»... – В Послании к Римлянам апостол Павел называет ангелов, начала, силы: «...ни Ангелы, ни Начала, ни Силы...» (Рим.8:38).

...во еже «К Ефесиом»... – В послании к Ефесеям апостол Павел называет начальства, власти, силы и господства: «Превыше всякого начальства, и власти, и силы, и господства, и всякого имени...» (Еф.1:21).

Глава 7

Стр. 326. ...Аммон Андрианополскы... – Аммон, или Аммун (IV в.), диакон, священномученик, схваченный вместе с сорока девами в Адрианополе в Македонии и убитый в Ираклии в гонении Ликиния (311–324).

...на Оригена... – Ориген (ок. 185–254), знаменитый философ-богослов и проповедник христианства, плодовитый писатель, исследователь и толкователь Священного Писания. На соборе 543г. был обвинен в ереси и анафематствован.

...блаженный Василие Кападокийскый... – Василий Великий; см. примеч. к с. 292.

Стр. 332. «Господа быти небесным силам»... – Ср. Пс.23:10; 79:20.

«Цара славы»... – Пс.23:10.

«Аз бо, – рече, – глаголах... суд спасения». – Ис.63:1.

...василияне, рекше несториане... – Несториане, последователи учения ересиарха Нестория (V в.), который учил, что Дева Мария родила не Богочеловека, а человека, который через наитие Святого Духа стал Христом и в особом соединении с которым пребывало Слово Божие.

Возмете, врата, кнезы ваши. – Пс.23:7.

«Господь силам» – Пс.23:10.

...безглавние же и евтихиане... – «Безглавние» – акефалы, так называли людей, не следовавших в спорах V в. ни за каким из «глав» борющихся церковных партий, ни также за теми, кто пытался их примирить. «Евтихиане» – последователи ересиарха Евтихия, учившего, что все человеческое во Христе было призрачным как поглощенное божественным. Ересь осуждена на Константинопольском соборе 448г.

«Кто сеи приходеи от Едома?» – Ис.63:1.

Стр. 334. «Почто ти оброщенны суть ризи?» – Ис.63:1. Ис.63:2.

...«окрест Бога»... – Ср. Пс.75:12; Ис.6:2; Откр.7:11.

«Кто сеи... от Восора». – Ис.63:1.

...«И двема летеху». – Ис.6:2.

Стр. 336. ...«яко глас вод мног»... – Иез.1:24; Откр.19:6.

«...от места Его!». – Ср. Пс.102:22.

«Светь, светь, светь Господь Саваоф... славы Его!» – Ис.6:3.

«Небо престол Его, Земля же подножие ногама Его»... – Ис.66:1.

«Постави удолия мерилom и Землю гростию». – Ср. Ис.40:12.

«Аще поиду на небо, Ты еси ту, аще ли съниду во ад, ту еси?» – Пс.138:8.

«Аще заповеды Мое соблюдет кто, Аз и Отец приидева и обитель в нем сотворива». – Ср. Ин.14:23.

«Почи Дух Мой на них». – Ср. Чис.121:25–26.

Стр. 338. «Кый храм созиждете Ми, глаголет Господь, или кое место покоищу Моему?» – Деян.7:49; ср. Ис.66:1.

«Сын же Человечьский не имать, где главы подклонити». – Лк.9:58.

«Да будут си едино, якоже и Мы едино есмы». – Ин.17:11.

Глава 8

Стр. 342. ...и Даниила пишет... – См. Дан.6:22.

...от Луки в Благовествию лежит. – См. Лк.22:43.

...препосилают божествная знамения. – См. Откр.14:18.

...в Захарии... – См. Зах.1:11; 2:3–4.

...и Данииле... – См. Дан.12:6–7.

...и Иезекииле. – См. Иез.10:7.

Стр. 344. «Утешительная... словесе»... – Зах.1:13.

«Зело велми населитсе Иерусалим от множества люди» – Зах.2:4.

...о чреслех самфиром препоясьн... – См. Иез.9:2.

«Разлучите от праведных грешные». – См. Иез.9:3.

...овце от козлиц раздели. – См. Мф.25:32–33.

...многоличннии изображаются... – См. Ис.6:2.

Стр. 346. «Изиде слово». – См. Дан.9:23.

...от среди херувим приемшем. – См. Иез.10:6.

«Скажи оному видение?» – Дан.8:16.

«Иже приесте закон в чинох аггельских и не сохранисте». – Деян.7:53.

Глава 9

Стр. 350. ...кнеза иудейскм людем, Михаила именуе... – См. Дан.10:13, 21; 12:1.

«Положи» бо Вышни «пределы языком по числу аггел Божиих». – Втор.32:8.

«Разум бо Божий, – рече, – отринул еси и вослед сердца твоего ходил еси». – Ср. Ос.4:6; Иер.9:14; Чис.15:39.

...иудее Михаила... – Вера в то, что архангел Михаил – ангел и иудейского народа, основывается, очевидно, на словах пророка (Дан.10:13, 21; 12:1), что князь Михаил – единственный помощник еврейского народа, и на словах Послания апостола Иуды, что Михаил Архангел «говорил с диаволом, споря о Моисеевом теле» (9).

«Ум, зрей Бога». – Распространенная в Византии этимология имени «Израиль» (см.: Иоанн Кантакузин. Беседа с папским легатом, Диалог с иудеем и другие сочинения. СПб., 1997. С. 109; Прохоров Г.М. «Стязания» с иудеями по сборнику Кирилла Белозерского (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., №XII) // ТОДРЛ. СПб., 2001. Т. 52. С. 174–175). Но «Исраэль» означает буквально «Борющийся с Богом», что соответствует библейскому рассказу о борьбе Иакова с Богом (Быт.32:24–29).

«Бысть честь Господня уже дело мерно Иаков». – Ср. Втор.32:9.

«Еда несть Бог и язык? Ей, и язык, понеже един Бог». – Ср. Рим.3:29–30.

«Может Бог от камня сего воздвигнути чеда Аврааму». – Лк.3:8.

Стр. 352. ...Мелхиседека... священника нарекоше. – См. Быт.14:18.

...яко и фараону... – См. Быт.41:1–7.

...и вавулонскому кнезу... – См. Дан.2:1–11.

...Даниилу... – См. Дан.2:14–44.

...и Иосифу... – См. Быт.41:25–32.

...Аполиinarieва... – Может иметься в виду Клавдий Аполлинарий (II в.), известный апологет христианства, автор

многих не дошедших до нас книг против язычества, а также, но это менее вероятно, Аполлинарий Лаодикийский (IV в.), ересиарх, оказавшийся не в состоянии принять утверждение никейского Символа веры о сочетании в личности Иисуса Христа двух природ, божественной и человеческой; его учение осуждено Александрийским собором 362г., Римским собором 375. и 2-м Вселенским собором 381.

«Егда разделяше Вышни езыки... уже достояния Его, Израиль». – Втор.32:8–9.

Стр. 354. ...слово оно... – Втор.32:9.

«Бысть честь Господня». – Втор.32:9.

...быти подобен Вышнему. – Ср. Ис.14:13–14.

«Восиявает бо солнце Свое на праведние и неправеднии». – Ср. Мф.5:45.

«Иже не хотей смерти грешнику, яко возвратитесе и живу быти ему». – Ср. Иез.33:11.

«Господь бо... совесть путь праведниих». – Пс.1:6.

«Юн бех и бо состарехьсе, и не видех праведника оставленна». – Пс.36:25.

«Разум бо Божии отринул еси и вослед сердца своего ходил еси»... – Ср. Ос.4:6; Иер.9:14; Чис.15:39.

Глава 10

Стр. 356. «Приступите к Нему и просветитесь, и лица ваша не постыдятся». – Пс.33:6.

Стр. 356–358. ...серафим богословцы глаголют другы ко другу възивати... – См. Ис.6:3.

Стр. 358. ...млека напоение нарече апостол... – См. Евр.5:12–13.

«Удручаю тело и порабощаю, еда како, иным проповедавав, сам неискусен буду»... – 1Кор.9:27.

Глава 12

Стр. 362. ...«аггел Господа Вседрьжителя» от Словес именовасе. – Мал.2:7; ср. Откр.2:1, 8, 12, 18; 3:1,7,14.

Стр. 364. ...иже у нас боголюбивыие и свещенние мужы... – См. Исх.7:1; Пс.81:6.

«Аз рех: бозы будете». – Ср. Пс.81:6.

Глава 13

Стр. 364. ...к единому Богословц серафим послатисе глаголетсе. – См. Ис.6:6.

Стр. 366. ...скрозе всех неodrъжанно проходит... – Ср. Прем.7:24.

...«Бог же огонь поядей есть»... – Евр.12:29.

Стр. 370. «Стояху окрест Его». – Ср. Откр.7:11.

Стр. 374. ...серафима изъявляти послание... – См. Ис.6:6.

Стр. 376. ...«глагол в отбрьзене уст». – Еф.6:19.

Глава 14

Стр. 376. «Тисуще тисуц». – Дан.7:10; Откр.5:11.
...«и тмы тем». – Откр.5:11.

Глава 15

Стр. 378. ...кола огневидна... – См. Дан.7:9.

...животнаа огняна... – См. Иез.1:13–14.

...мужи, яко огонь блистаемые... – См. Мф.28:2–3.

...множества углей огня полагаемо... – См. Иез.10:2.

реки неодолимим шумом огнепалние... – Ср. Дан.7:10.

...престолы глаголет огньные быти... – См. Дан.7:9;
Откр.4:4.

Стр. 382. «Излею от Духа Моего на всяку плоть» –
Иоил.2:28.

Стр. 384. ...сказоваше сему аггел сон, егоже виде. – См.
Дан.7.

Стр. 386. .. «многообразная премудрость»... – Еф.3:10.

...непокровенных одевает... – Ср. Иез.16:8–11.

...сосуды некоторые дает носить тем... – Ср. Иез.9:1.

Светлой... – См. Мф.28:3; Мк.16:5; Лк.24:4. Откр.9:17.

...огненной... – Откр.9:17.

...поясом же... – Иез.9:2; Дан.10:5; Отк.15:6.

...жезлом... – См. Суд.6:21; Зах.11:10.

...копиям же и секирам... – Ср. Иез.9:2.

«Многообразная премудрость Божия»... – Еф.3:10.

Пръвосвещенник бо есть велик состражде нашим
немощем... – Ср. Евр.4:15.

...смотрения таинство... – Ср. Еф.3:9.

...в Езекииле... – Ср. Иез.10:6; 42:14; 44:17.

...и Данииле... – Ср. Дан.7:9; 10:5; 12:6.

Стр. 388. ...землемерителным же и древоделским
сосудом... – См. Иез.40:3, 5; Ам.7:7; Откр.21:15.

...светиих аггел орудия... – См. Чис.22:23; Откр.20:1.

...ветры тех именовати... – См. 2Цар.22:11; Пс.17:11; 103:3;
Иез.1:4; Дан.7:2.

«Не бо весы... камо идет». – Ин.3:8.

О сосудех землемерителных во Иезекииле... – Иез.40:3;
47:3.

...и Данииле. – См. Зах.1:16; 2:1.

«Ходей на крилу ветрыню». – Пс.103:3.

«Облаци преше его от очию их». – Деян.1:9.

...якоже при Иаковли лествици. – См. Быт.28:12.

«Дух идеже хочет дихает». – Ин.3:8.

Стр. 390. ...тем видение богословие състраяет... – См., напр., Иез.1:4; 10:3; Деян.1:9; Откр.10:1.

Аще ли же и меды... – См. Иез.1:7; 40:3; Дан.10:6.

...илектра и камении многомастных... – См. Иез.1:26; 10:1, 9; Откр.4:3.

И убо льва... – См. Иез.:10; Откр.4:7.

...а еже вола... – Иез.1:10; Откр.4:7.

...орла же... – Иез.1:10; Откр.4:7.

«Призиваей воду морскую и изливае ту на всяко лице земльно». – Ср. Ам.5:8.

«В мори путь Твой, и стези Твои в водах многих, и стопы Твои не познаются» – Пс.76:20.

Стр. 392. ...а еже конь... – См. Иоил.2:4; Зах.2:8; 6:2–3; Откр.19:11, 14.

...и еже реки... – Откр.22:1.

...и кола... – Иез.1:15; 10:6; Дан.7:9.

...и колеснице... – 4Царь.2:11; 6:17; Зах.6:1.

Огнение бо убо реки... – Дан.7:10.

...«гельгель». – Ср. Иез.10:13.

С. 394. ...божествны Иустин... приписа, – Философа». – Иустин Философ и Мученик (I десят. II в. – ок. 166г.) – один из первых христианских писателей-апологетов. Философ-язычник, он сознательно принял христианство и как философ защищал его в своих сочинениях.

Из тактикона Никона Черногорца

Подготовка текста, перевод и комментарии Л. А. Герд

Никон Черногорец – византийский канонист XI в., известный как автор трех произведений: «Пандекта», или «Большая книга толкований заповедей Господних» (конец 50-х – начало 60-х гг. XI в.), «Малая книга» (1089 г.) и «Тактикон» (80–90-е гг. XI в.). Об авторе мы имеем сведения исключительно из его произведений. Известно, что он, родом грек, принял монашество еще в молодости, подвизался на Черной Горе близ сирийского города Антиохии сначала под духовным руководством старца Луки, митрополита Анаварзы, а затем в знаменитом монастыре Св. Симеона Столпника и наконец снова вернулся в основанный его духовным отцом монастырь Богородицы Роидиевой. Никон был весьма начитан в трудах отцов Церкви, канонической и аскетической литературе: это позволило антиохийским патриархам Петру III (1053–1054), Феодосию III (1057–1059) и Иоанну IV Окситу (1089–1100) дать ему почетное звание «учителя монахов». От священства, впрочем, Никон отказался, не желая брать на себя тяжесть сана.

Никон жил и писал во время второго византийского владычества в Северной Сирии (969–1084 гг.). После трехвекового арабского господства в Антиохии в XI в. наступает своеобразный краткий ренессанс греческой культуры, плодом которого помимо творчества Никона явились антилатинские сочинения патриарха Петра III Антиохийского, которые Никон использовал в «Тактиконе». Никон явился свидетелем и другого важного события того времени – Первого крестового похода. Его творчество представляет особый интерес как продукт столкновения и противоборства по крайней мере трех различных культур – мусульманской, латинской и православной. Этим объясняется полемический дух, пронизывающий все его творчество, а также непримиримость автора по ряду спорных вопросов: для Никона как греческого монаха было особенно

важно сохранить чистоту православия своих духовных чад – не только монахов, но и мирян.

Монументальный труд Никона «Пандекты» состоит из 63 «слов» (глав) и представляет собой компиляцию из отцов Церкви, патериков, устных преданий и канонов Св. Апостолов и соборов Православной Церкви, а также законодательства Юстиниана на различные темы (монашеские добродетели и пороки, церковное управление и др.). По свидетельству самого автора, эта книга была написана им в молодости, затем прошла проверку в Антиохийской патриархии и хранилась в ней, а также в монастыре Св. Симеона для духовной пользы монахов.

«Пандекты» сохранились в большом количестве греческих и еще большем числе славянских списков. Они были чрезвычайно популярны на Руси и использовались в XV–XVI вв. как хрестоматия из произведений отцов Церкви, высказываний старцев-монахов, справочник по каноническому праву. Сочинения Иосифа Волоцкого, Вассиана Патрикеева, Максима Грека изобилуют цитатами и выписками из «Пандект» Никона.

«Малая книга», единственное датированное произведение канониста (1089 г.), была составлена по образцу «Пандект»; ее содержание также представляет собой подборку из канонов и высказываний св. отцов, содержит обширные выписки из византийской хроники Симеона Логофета.

Наиболее интересным сочинением Никона является «Тактикон». Он состоит из двух частей: двух уставов Роидиева монастыря («Слова» 1–2) и 40 (38 – по славянским текстам) посланий различным монахам. В отличие от двух предшествующих произведений в «Тактиконе» в полной мере проявился талант Никона критически подходить к своим источникам. Автор неоднократно сравнивает различные тексты: иерусалимский, студийский и афонский монастырские уставы, номоканон Иоанна Постника, номоканон XIV титулов, правила соборов и др., отмечает разногласия между ними и высказывает свое собственное суждение по каждому вопросу. Подобный критический подход к материалу достаточно редко встречается в византийской литературе: в XII в. мы наблюдаем его у знаменитого канониста Вальсамона, а в XIV – у Симеона

Фессалоникийского. «Тактикон» Никона Черногорца интересен не только как источник, по которому возможно восстановление редакций различных канонических, литургических и аскетических произведений, бытовавших в XI в., но также и как оригинальное произведение. Письма Никона, по-видимому, не являются данью литературной форме, но реальной перепиской, о чем свидетельствуют неоднократно встречающиеся фразы типа «ты мне писал, и я тебе отвечаю», причем далее приводится содержание письма вопрошающего. Иногда автор ссылается и на свои предшествующие послания; однажды он упоминает, что не стал писать свой ответ на новом листе, но на обороте полученного письма-вопроса.

Много содержится в «Тактиконе» указаний на конкретную историческую ситуацию в Антиохии конца XI в.: предупреждения против ересей, против влияния только что пришедших латинян-крестоносцев, предупреждения против наступающих мусульман-турок, призыв к христианам противостоять им силой своей веры и не вступать с ними ни в какие отношения. Все эти указания, иногда явные, другой раз лишь намеки, дают возможность датировать отдельные слова «Тактикона».

Большой интерес для выяснения этнической ситуации в антиохийских монастырях во второй половине XI в. представляют публикуемые в данном томе три главы «Тактикона».

На Черной Горе с давних пор жило немало армян-халкедонитов (цатов). Св. Савва Освященный (V в.) принял их и разрешил петь богослужебные тексты по-армянски. Православная Церковь в отличие от западной благосклонно относилась к тому, чтобы негреческие народы служили на своем родном языке. В IX–X вв. в Армении, в условиях господства монофизитской церкви, в среде армян-халкедонитов произошла денационализация: они постепенно слились с грузинами, греками и сирийцами. «Тактикон» Никона Черногорца является единственным источником по истории этой этническо-конфессиональной группы в Северной Сирии XI в. В этом регионе, по свидетельству Никона, армяне сохраняли свой национальный облик, так что даже обвинялись в

неправославии, т. е. монофизитстве. Канонист встает на их защиту и отмечает, что они были в почете у предшествовавших патриархов, которые использовали их как полемистов против армян-монофизитов.

«Слово» 37 посвящено ивирам (грузинам), которые также представляли собой национальное меньшинство на Черной Горе. Хотя грузины всегда придерживались халкидонского, т. е. православного, вероисповедания, все же их «надежность» часто подвергалась сомнению. Учитывая опыт отношений, сложившихся между греками и армянами, Никон хочет предупредить повторение подобной ситуации с грузинами и потому излагает историю их крещения и доказывает верность православию.

Это произведение Никона Черногорца не было популярно в Византии; по-видимому, этим объясняется малое количество греческих списков «Тактикона» (около четырех). Самый полный из них Sinait. 441 (фотокопии с него хранятся в Российской национальной библиотеке в Петербурге) (шифр греч. 879). Критическое издание греческого текста отсутствует. В начале XX в. издание текста с комментарием было предпринято выдающимся русским канонистом В. Н. Бенешевичем. Однако его издание, начавшееся в 1917 г., вскоре прервалось на пятом «Слове».

Славянских списков «Тактикона» намного больше. Древнейший из них (1397 г.) хранится в РНБ в Петербурге (шифр Fn 141). Он был сделан в Новгороде и представляет собой ту же редакцию текста, что и рукопись Sinait. 441. Приписка в конце славянской рукописи говорит о том, что она была переписана Яковом и Пименом из монастыря на Лисичьей горке в Новгороде с древнейшего славянского прототипа, в свою очередь привезенного сюда с Афона игуменом Лисичьей горки Илларноном. Настоящее издание осуществлено по славянскому списку 1397 г. со сверкой по греческому тексту.

* * *

СЛОВО 35. ТОГО ЖЕ О ДУХОВНЫХ НАШИХ БРАТЬЯХ, НАЗЫВАЕМЫХ ДАТАМИ.

КОПИЯ ПАТРИАРШЕСКОГО ПОСЛАНИЯ, ОТПРАВЛЕННОГО КИР ЕВФИМИЮ, ПАТРИАРХУ ИЕРУСАЛИМА, А ТАКЖЕ КОПИЯ ПОСЛАНИЯ ИГУМЕНА МОНАСТЫРЯ СВ. СИМЕОНА ЧУДОТВОРЦА

Заголовок. Боговиднейшему и святому владыке нашему, богопочтенному патриарху иерусалимскому пребывающие в Антиохии архиереи и избранные от клира, чада и рабы твои. Господи, благослови.

Нам подобало, богопочтенный наш и святой владыка, всегда обращаться к тебе с письмами и приветствовать, и должное по Богу твоему совершенству воздавать поклонение, так чтобы воспринимать твои святые молитвы и у тебя благословляться. Но случившиеся у нас обстоятельства и произошедшая перемена вещей отстраняют нас от должного и полезного, поскольку и пребываем без пастыря, и нет никого, кто бы нас, рассеянных, сохранил, представляющих собой легкую добычу для зверей. Теперь же, поскольку до наших ушей дошел (новый) слух, мы отправили к святыне твоей настоящее письмо, воздавая в нем должное поклонение и тем самым прося благословления, в нем же выясняя то, что касается слуха; ибо это, вероятно, не было донесено до твоих ушей. Потому что мы слышали, что некоторые из армян цатов, то есть отшельников, служащих по-армянски, здесь устроили себе жилище и предпочли здесь безмолвствовать, а некоторые всяко от доброненавистника-врага нападают на таковых и клеветуют на них как на неправославных и любым способом досаждают им. Ибо таковые считались приемлемыми у предшествовавших святейших патриархов наших и некоторые братья из них устроены в честной обители Св. Симеона Чудотворца и в других монастырях, в которых и служат, и причащаются Пречистых Тайн с православными, и с давних пор и доныне не возникло сомнения об их вере. Это мы выяснили как сведущие; от тебя зависит либо последовать мнению предшествующих блаженнейших патриархов, либо как-то иначе решить насчет этого и сотворить угодно Богу. Итак, пусть честные и святые твои молитвы будут нам дарованы в течение всей жизни.

КОПИЯ ПОСЛАНИЯ, ОТПРАВЛЕННОГО ОТ МОНАСТЫРЯ СВ. ЧУДОТВОРЦА СИМЕОНА КИР ЕВФИМИЮ, ПАТРИАРХУ ИЕРУСАЛИМСКОМУ С ПАТРИАРШЕСКИМ ПОСЛАНИЕМ

Заголовок. Блаженнейшему и святому владыке моему триждыблаженному патриарху Иерусалима Петр, последний монах, пресвитер и игумен и архимандрит честной обители на Дивной Горе Чудотворца и Святого Симеона, раб молитвы твоей.

Блаженнейший владыко и святейший, некая молва дошла до нашего слуха о здесь живущих отшельниках цатах, которые здесь где-то устроили себе жилище и выбрали безмолвие. Некоторые всяко из-за наваждения доброненавистника врага нападают на них и клеветуют как на неправославных и всяческим образом им досаждают. И они, святой владыка, были приемлемы у предшествовавших святых старцев и святейших патриархов, и некоторые из них устроены в братии нашего монастыря и служат, и причащаются вместе с нами, и во всем теми святыми старцами было определено, чтобы они общались с нами как православные. И если бы они усердно не исследовали, что те правильно думают в отношении православной веры, не приняли бы таковых. И мы, зная о них, уведомили твое блаженство, а от твоего желания зависит рассудить насчет этого и угодное Богу сотворить. Молим тебя, чтобы, когда ты творишь службы к Богу, не забывал нас, недостойных рабов твоих, в своих молитвах, поскольку как недостойные рабы мы дерзнули тебе написать.

СЛОВО 36. ТОГО ЖЕ К АВВЕ ГЕРАСИМУ О ТЕХ ЖЕ. И КОПИЯ ПОСЛАНИЯ, ОТПРАВЛЕННОГО В ИЕРУСАЛИМ К АВВЕ ГЕРАСИМУ, ЧТОБЫ БЫЛО ПРОЧИТАНО СРЕДИ ДВУХ ПОСЛАНИЙ – ПАТРИАРХА И МОНАСТЫРЯ СВЯТОГО СИМЕОНА ЧУДОТВОРЦА

Возлюбленное и духовное мое чадо. Поскольку я услышал от неких, что некоторые из здесь живущих в незнании и движимые сатанинским побуждением досаждают здесь находящимся братьям нашим, называемым цатами, но не открыто и пространно, а тайно и с сатанинской завистью, выдвигая некоторые другие плотские предлоги. И чтобы не

смущались некоторые из верующих знанием невежд, слышащих (что-то об этом) от лукавых, ищущих повода для гибели, я говорю о злых демонах, пусть каждый подвигнется по силе искоренить с Христовой помощью посредством заповеди любви корень такового дурного и сатанинского растения и подобных ему. Я же здесь, с помощью Господа Бога и Спасителя нашего и Пречистой Матери его Богородицы и всех его святых, то, что в моих силах не поленился сделать и в соборную церковь в патриархию и в монастырь Св. Симеона, господина нашего, Чудотворца (обратился). И на месте было всеми исследовано в точности, и явственно все очистилось благодатью Христовой. И вот я отправил послания и письменные свидетельства и извещения. Однако ты хорошо меня знаешь, возлюбленное мое чадо, поскольку с детства вырос со мной, ты знаешь, что здесь, в монастыре, с этой братией, у Богородицы, я говорю, называемой Роидиевой, я не просто так и без разбора поселился. Но, как ты знаешь, когда сдалась Антиохия, я пришел сам в обитель Богородицы Роидиевой и сперва нашел это место необработанным местным населением и во всех отношениях тихим и способствовавшим моим намерениям, как я любил и желал, как ты меня знаешь. Затем я нашел этих иноплемennых дикими и невеждами и единоверными, как и египтян тех, иноплемennых невежд, нашли прежние те отцы наши греки. Однако я, пусть и недостойный, но решил, что ради иноческого образа стану их рабом, и, как надеюсь, по силам, помалу старался им подражать. Не бездумно я здесь поселился, но сперва расспросил в монастыре Святого Симеона Чудотворца сведущих и разумных, а также в других местах знающих Божественные Писания. И снова написал в соборную церковь в патриархию, и прислал мне владыка сакеллий послание, содержащее такое же свидетельство о них и извещение о совершенной вере их, в котором толкуется таким образом и говорится так: «Вы цатов знаете больше, потому что они пребывают в вашем монастыре. Если бы предшествующие святые отцы знали их как чуждых правой веры, как же с такими было принято жить вместе и питаться или как блаженнейшие патриархи в это пресвятое место попустили им входить и

молитвы творить, и службы, если бы они не знали, что те думают правильно».

Таково было содержание послания сакеллия, и он отправил мне его в монастырь Святого Симеона, в котором я и храню его из веры. И другие письма отправил он мне, содержащие совершенное извещение от архиереев Соборной Церкви и повеление по поводу жизни, пребывания и приобщения Святых Тайн с ними, говорящие, что имеющим правую и непорочную христианскую веру нет соблазна причащаться Божественных Тайн, и подавать им, и от них принимать. Ибо зазорна разница не в языке, но в самой православной вере.

Таким образом, я получил и это, и другие письма, содержащие совершенное извещение. Однако те, кто изучает Божественные Писания, знают, как это исследовать, я имею ввиду веру. Сам Василий Великий в первом правиле ясно говорит о таких различиях, что есть ересь, и что раскол, и что (тайные) собрания. Святой таким образом говорит об этих различиях, кто это поищет, тот найдет. Братьев же наших, называемых цатами, исследовав всесторонне, где бы они ни были и в каком бы месте ни жили, мы нашли по благодати Христовой беспорочными в этих вещах, то есть в отношении веры, а также раскола и тайных собраний. Потому что и митрополит их предела, и страны Месопотамии, в которой и живут они с первых лет, хотя из-за нашествий иноплеменников некоторые из них рассеялись в различные страны, но, однако, как я сказал, их митрополит рукополагается антиохийским патриархом, поскольку это трон всего Востока. И законно, и канонично есть их священство и весь их порядок и вне всякого, по благодати Христовой, подозрения.

Прочтя также здесь житие великого отца нашего Савы, вы обнаружите, что они жили вместе с великим, и святой повелел, чтобы в благосозданной церкви они пели последование на армянском наречии, а греки чтобы пели отдельно. Как и здесь, наши братья поют на армянском наречии, и греки отдельно, на различных клиросах, потому что нет двух церквей, и только Трисвятую песнь говорят по-гречески, насчет этого во святых отец наш Сава завещал из-за вставки Петра Кнафея «Распятый

за нас». И еще, прочтя здесь житие великого отца нашего Феодосия, вы обнаружите, что они жили с ним и в Церкви на армянском наречии отдельно пели свое последование. И следует нам подражать этим двум светочам. А в греческую Церковь входить и причащаться Божественных Тайн было повелено великим отцом нашим Савой и великим Феодосием, кажется, из-за недостатка в священстве, поскольку святые отцы имели большую осторожность насчет священства и только иногда, когда собирались многие, принимали одного иерея или вовсе не принимали. Ибо они знали тяжесть и опасность священства. И свидетельствует об этом житие великого отца нашего Сава, а также великого отца нашего Пахомия, основоположника общежительных монастырей, что в обоих монастырях, в лавре и в общежитии было много монахов, а из живущих там монахов никто не имел пресвитерского рукоположения, но когда было необходимо, призывали пресвитеров из близ находящихся творить для них священную службу, так что они и позже были вынуждены это делать, а не другие. И сам великий Пахомий избежал тяготы священства. Великий же отец наш Сава, не желая рукоположения, против воли принял его от патриарха иерусалимского, осужденный сам воспринять тяжесть. Такова причина, по которой тот, кто с Богом потрудится искать в житиях святых и в других писаниях, найдет правду. Тягость и опасность священства, как мы сказали ранее, не только другие божественные писания выясняют, но 6 слов божественного Златоуста о священстве рассказывают подробнейшим образом, хотя он и говорит об архиерейском сане. Вместе с тем тот, кто с Богом нечто другое лучшее и истиннейшее узнает, пусть сообщит на пользу читателям и мне, поскольку я невежда и поселянин и ищу пользу во всякой вещи.

Однако я много исследовал, по силам, о наших братьях, называемых цатами, и нигде не обнаружилось, чтобы со времени великого отца Феодосия и великого Сава, когда и прежде святой великий в Халкидоне собор отлучил еретиков армян и предал анафеме их начальников, затем опять-таки, когда эти два светила, великие отцы, я говорю, Сава и Феодосии, подвизались и плевелы от чистых хлебов отделили,

и православные эти братья наши и те, кто вместе с ними остались и объединились во вселенской и апостольской Церкви вместе с православными, и нигде не обнаружилось, чтобы с тех пор они согрешили в чем-либо, ни в распрях, ни в тайных собраниях, как некоторые из наших многократно пострадали, изначально хорошо начав от божественных отцов, а потом обратившись к раздорам и сборищам. А этих братьев наших и до сегодняшнего дня сами отцы наши блаженнейшие патриархи, когда поднимается что-либо на соборе против еретиков армян, то, если найдется из них кто-нибудь знающий Божественное Писание, именно их берут с Богом для ополчения на супротивных, как знающих язык тех и писания. Как и здесь, при блаженных патриархах в наше время случилось, что хотя еретики армяне были многочисленны, из таковых несколько, будучи в меньшинстве, на соборе не дали еретикам открыть рот против православных. Все это мы обнаружили, по силам исследовав об этих братьях наших, называемых цатами. Тот, кто может с Богом найти нечто более полезное для нас, таковое мы с радостью примем, поскольку мы невежды и писания мудрых и образованных людей не знаем, ни силы писаний, ни разума таких разумных людей не ведаем, только все это исследовали мы с осторожностью, по внешним свидетельствам, и приняли убеждение собственной совести, при свидетельстве писаний и отеческих преданий. И весь мой покой, как ты знаешь, сотворил Бог благодаря молитвам Богородицы здесь и еще благодаря молитвам святого Симеона на той Святой и Дивной Горе господина нашего святого Симеона Чудотворца. И иногда там, иногда же здесь я сижу и почиваю, по своему разумению, которое ты знаешь. Ибо всякий человек, если не найдет то, что он любит и чего желает, не успокоится ни телом, ни духом.

Знай это, духовное мое чадо, что, как и прежде, в дни блаженного патриарха кир Феодосия, мне, недостойному, было вручено и вверено учительство, ныне же снова не простили меня и не оставили начальствующие и архиереи соборной и апостольской Церкви, но еще более подтвердили и написали с утверждением повелительное письмо и послали его мне с кир Самуилом, митрополитом аданским. Поскольку я знал, что это

для меня тяжело и выше моей меры, я не принял его, но вернул с молитвой, так как люблю безмолвие и странничество. Недавно они облегчили его, как подобало, безопасным образом и отослали мне с духовным братом кир Косьмой, учеником кир Романа, здешнего затворника. И я испугался Божия суда, чтобы отослать его во второй раз, поскольку в нем нет никакого неудобства и превышения моей меры, ни препятствия для того разумения, которое я имел ранее. Тем более что они написали мне, что соборная Церковь принуждает тебя к этому. И таким образом я, недостойный, принял это благословение от соборной и апостольской Церкви, как от руки Господа Бога и Спасителя нашего и Пречистой Матери Его Богородицы и господина нашего верховного среди апостолов Петра, которому был посвящен патриаршеский трон всего Востока город Антиохия. Я же, пусть и недостойный, но, как надеюсь, поступаю как монах, раб рабов вселенской и апостольской Церкви. И если бы было не так, а было бы какое-нибудь неудобство, я бы вовсе не принял это, как ты меня знаешь. Вместе с тем, как я и сказал прежде, если бы это не произошло свободно, я бы не послушался и под предлогом повиновения, но из-за ловкой прелести человеческой и демонской и самоволия, так как «каждый привлечется и прельщается от своей похоти», как писано.

И это тебе следует знать, духовному моему чаду, что кроме вышеупомянутых братьев наших, называемых датами, из-за которых это было изложено, также и по отношению к другим, находящимся в подозрении или в смысле веры, или дела, или в чем-то одном, или во многих вещах, или опять-таки к ученикам, или к учителям нужно приводить духовных наших отцов, чтобы согласно первым святым отцам с ними поступать, и следует в отношении находящихся в подозрении либо из-за слуха, либо по собственному мнению ясно исследовать эти обстоятельства и таким образом сопоставлять, рассуждать, судить и высказываться, то ли хорошо так, то ли как-то иначе, однако, как подобает, а не соединять воедино весь народ или тех, кто у них учился, если они научились неплохо. Часто бывает, как было многократно, что многие думающие неверно других учат правильному, и противоположному, и не только в отношении

веры, кое-кто и в отношении дела, боясь слова Писания, гласящего: «Горе тому, кто поит своего ближнего мутным питием», и Господь говорит тем, кто не творит и не указывает ближнему путь жизни: «Дурной и ленивый раб» и так далее. Еще и другим образом: часто происходит с обучаемыми, и некоторые, хотя их учат так, бывают благочестивы; сохраняя доброе внутри себя, дурное отбрасывают вон, подобно тому, как это происходит при чтении, или с верой, или с делами; однако это бывает с теми, кто силен в Боге. Если же кто немощен, тому соблазнительно и то и другое. Опять-таки происходит и другим образом, и учитель учит здраво и хорошо, а ученик по неправильному своему мнению все спутал и искривил, как великий апостол Петр говорит в одном из своих посланий о неких людях, нетвердых сердцем из-за учения святого апостола Павла, так что «искривляют их» и изменяют согласно своим собственным желаниям. И из-за всего этого и подобного нужно хорошо и здраво испытывать в отношении таких и таким образом высказываться, как мы и прежде сказали. И более того, есть в этом большой страх и опасность вреда ближнему, и в речи предстоит соблазн, как писано в Евангелиях, что «следует мельничный камень привязать ему» и так далее. Толкуя этот соблазн, божественный Златоуст говорит, что он есть препятствие правого пути. И вместе с тем к этому примыкает, как мы и сказали, соблазн в отношении ближнего. Если такое испытание проводится не явно, с дерзновением и любовью Божией и ближнего, как мы научены, но тайно и коварно и будто под покровом мрака и сопряжено с обманом и словом, то это делается хорошо видно всем благоразумным людям, и откуда это родилось, они узнают, что из тьмы и зависти и других злых действий и порождений, ибо «все явленное от таковых на свет выходит», как писано, и не подобает на такие и подобные им дела тьмы смотреть боголюбивым душам, ни верить им, ни иметь с ними общения.

Ибо хорошо учить в благословенное время и приносить пользу ближнему, но намного больше требуется от принимающего божественную благодать и бесстрашие, как говорит апостол о разделении дарований: «Не все учителя» и

так далее. И таким образом, может с Богом здраво сопоставлять, и рассуждать, и судить, и выносить решение, и приводить к каждому отдельному (случаю) благословенно письменное свидетельство, как писано о праведнике, что он «рассмотрит свои речи на суде». Если же божественная благодать не пособствует, то и учащий, хотя он исследует только это, но если он подвержен страстям и побеждается естественными страстями, то, что он говорит, неверно и дурно со всех сторон, так как он влечется и прельщается своими желаниями и поработен, подобно мне, увы, и побежден всякой страстью; и не сам он ведет их и управляет ими как хочет, они больше властвуют над ним и управляют им, и ведут туда, куда он не хочет. И потому «кто чем побежден, тому и поработается», как писано. И в другом месте говорится, что «сколько страстей у души, столько и владык». И он таков, о каком сказано у пророка Исайи: «Пророк, учащий беззаконию». Но, однако, они не могут навредить благочестивым и хранимым Богом, если они блюдут себя, как мы выше сказали, а тем, кто не блюдет себя, подобно мне, как я сказал, любящим мир и удовольствия. Но все таковые быстро распознаются, как говорят отцы: «Происходящее у людей скоро изобличается». Нужно, однако, чтобы каждый оставался в своих границах и мере и знал свое, а не считал бы себя главой, будучи ногой, как сказал великий Григорий Богослов. И сам Шестой святой собор в 64-м правиле запрещает учить верующих кому бы то ни было и возлагать на себя учительский сан, не имея повеления от соборной Церкви. Ибо то есть страсть любоначальства и тщеславия, и подобные им душевные страсти вместе со страшной гордостью, пагубные и вредные для души и, как говорят отцы, трудно исцеляемые, и, более того, неисцелимые. Однако не нужно лишаться надежды и вконец отчаиваться; ибо то, что невозможно у людей, все возможно у Бога; ведь говорится в божественной Лестнице так: «Люди похотливы, ангелы же дурны, высокомерных же Бог может исцелить». Однако ты прилежно храни себя от таковых, духовное и возлюбленное мое чадо, чтобы как-нибудь с ними оказавшись, не повредиться сильно тебе самому. Их когда-нибудь

человеколюбивый и всещедрый Бог, как знает, излечит, ты же останешься испорченным от общения с ними. Я не хочу, чтобы ты не знал в высшей степени необходимое, что то, что касается правой веры, сохраняется (ими) цело и неоскудно и без какого-либо подозрения (все в точности) Божьей благодатью, и нет нужды исследовать и испытывать относительно этого. Но в исполнении Божьих законов, божественных правил святых соборов и других преданий святых отцов, которые есть в Божественных Писаниях, есть нам забота, поскольку мы не видим, чтобы они сохранялись.

И это немного об этих трудных вопросах мы написали тебе к твоему сведению, чтобы ты не испытывал того, что касается веры, но только лишь то, что касается дел, и больше ничего. Чтобы ты не ввергал себя напрасно в словопрения и смуты. Ведь ты знаешь Книгу толкований заповедей Господних, которую я написал с Божьей помощью в молодости и которая есть здесь в монастыре святого Симеона Чудотворца. Недавно опять-таки с Божьей помощью и Пречистой Богоматери я написал другую книгу, содержащую Божественные Писания, в которой указывается на падения, что происходят у нас, христиан, от незнания, что находилось в пренебрежении в прежние годы, – о раздорах монастырских и различных других тяжких вещах. Она мала, не достигает до одного златника, а не велика, как первая. Она была положена здесь, в соборной Церкви, то есть в патриархии Антиохийской, ибо необходима, и Церковь в ней нуждается, а также и в монастыре святого Симеона Чудотворца. И поэтому я ее послал туда, и пусть будет положена в дар в Церковь Святого Воскресения, хотя я (того) и недостойн. И если ты ее перепишешь, ты и другие, это будет на душевную пользу. И пусть будет в патриархии, так же как и здесь. Ибо соборная Церковь патриархия, тщательно исследовав ее, приняла. Она была посвящена в соборную Церковь и принята благодатью Христовой как необходимая. По этому случаю и ты, и те, кто находится там, потрудившись с Богом, о моем недостойнстве помолитесь, и Бог молитвами Владычицы нашей Богородицы и всех Его святых покроет и сохранит тебя от всякого зла и спасет тебя во царствии Своем.

У святого и живоносного Гроба Господня сотвори за меня 12 земных поклонов, а также у святой Голгофы и в святой Гефсимании, и блаженнейшему и святому моему владыке патриарху, ибо я недостойный, Никон, раб рабов его, и остальным владыкам моим и отцам, а также братьям, которые там окажутся, земные поклоны всем, пусть помолятся обо мне, чтобы помиловал меня Бог и сохранил меня, недостойного, молитвами Богородицы и всех святых, аминь.

СЛОВО 37. ТОГО ЖЕ О ДУХОВНЫХ И ВОЗЛЮБЛЕННЫХ ОТЦАХ И БРАТЬЯХ НАШИХ ИВИРАХ К ДУХОВНОМУ МОЕМУ ЧАДУ МОНАХУ ГЕРАСИМУ

Отправили мы тебе прежде, духовное мое чадо, Божественные Писания от Антиохийской патриархии и монастыря святого Симеона Чудотворца и от меня, недостойного, послание, содержащее письменные свидетельства и известия о духовных наших братьях, называемых цатами, показывающие их непорочность со всех сторон, благодатью Христовой, в отношении веры, раздоров и (тайных) соборщ, совершенно чистыми и стоящими выше всякого подозрения, благодатью Христовой. Таким же образом и здесь еще о духовных и возлюбленных отцах и братьях наших ивирах, что Бог укрепил и даровал по молитвам святых и что обрели мы в Божественных Писаниях, собрали мы и совокупили и отправили тебе ради божественной любви и подобной ей любви к ближнему. И ты это передай другим, исполняя заповедь божественной любви, чтобы стало явным то, что с прежних лет было записано в различные книги и из-за пренебрежения не было ни исследовано, ни выявлено, и, можно сказать, погребено, и, как во мраке, скрыто. Поэтому я, недостойный Никон, духовный отец твой, с Божьей помощью в этом потрудившись, послал тебе сперва о духовных наших братьях, называемых датами, теперь же о духовных и возлюбленных отцах и братьях наших ивирах, чтобы мне, недостойному Никону, рабу их святой молитвы и божественной любви, привлечь на себя милость Божию, ибо изначально и прежде обе стороны, я и отцы наши и братья, приобщаясь к божественному

Духу, наполнялись установлением божественной любви, по мере сил, делом и словом.

Что касается этих духовных и возлюбленных отцов наших и братьев, то изначально сведения об их обращении от суетных идолов к истинной христианской вере рассказывает блаженный Феодорит, епископ кирский, в Церковной истории, о той от греческой земли плененной блаженной среди женщин и добродетельной Нонне, как ивирский народ обратила к христианству от суетных идолов, и о начале этого так рассказывает. В другой же исторической книге написано так: в царствование Константина Великого Иверия пришла к православной вере и приняла христианство, будучи излечена ею. Ибо когда сын царя ивиров находился в тяжелой болезни, царь, узнав об этом, стал христианином, и все (вокруг него). И Нонна попросила царя построить храм. Царь же, восхваляя чудо, произошедшее у его супруги, храм же создать не хотел. Спустя год вышел он на охоту. И человеколюбивый Владыка его уловил, как и Павла, ибо на него внезапно напал мрак, не позволяя идти вперед. И те, кто вместе с ним охотились, как обычно, наслаждались солнечными лучами, он же один был связан путами слепоты. Оказавшись в состоянии непонимания, он обрел понимание спасения. И сразу тот мрак изменился на свет. И, призвав Веселеила, первостроителя, исполненного мудрости, удостоил его благодати описать божественный храм. И стали они копать основание и строить. И когда храм был окончен, нужно было найти священника. И его обретение сотворила удивительная женщина, ибо она убедила главу того народа отправиться к царю греческому и просить его прислать учителя благочестия.

Великий же император Константин, с радостью приняв послов, отправил им Евстафия, патриарха антиохийского, с большой честью. И, придя туда, он крестил всех вместе с царем и освятил созданный храм, и поставил им соборного епископа, установив, что он, по божественному уставу, подчиняется патриарху антиохийскому. Царь же ивиров и его советники постановили патриарху антиохийскому за доставление ароматов святого мира только тысячу сел в стране Иверии,

чтобы от их приношений поставлялись ароматы мира. Потому что существовал устав освящать мир в Антиохии, и оттуда оно доставлялось по всему миру. Ибо в других местах мир не освещалось. Здесь сказано таким образом.

В другой же исторической книге говорится: при императоре Константине Копрониме и антиохийском патриархе Феофилакте из Иверии прибыли двое монахов и сообщили блаженному Феофилакту, что христиане иверийских сел пребывают в нужде, не имея соборного епископа. Потому что со времени блаженного Анастасия, священномученика и патриарха Антиохии, для них не был рукоположен соборный архиепископ по причине трудности пути, и поскольку никто не смеет через земли агарян пройти. И по соборному решению митрополитов, архиепископов и епископов того места он дал ивирам повелительное послание, чтобы соборный архиепископ Иверии рукополагался от епископов его страны: после избрания у них бросить жребий, и после жребия, если божественная благодать такому проявится, того утвердить по церковному уставу. И сделали письменный документ об этом, и собравшийся собор, подтвердив его, вручил им и рукоположил одного из двух посланных монахов по имени Иван. Было же установленных изначала владений патриарха в Иверии тысяча; и постановил (собор) платить ежегодно патриархам, которые правят, дань от тех имений в тысячу златников за покупку ароматов святого мира. И ежегодно давали вплоть до святейшего патриарха Иерусалимского Иоанна. При святейшем патриархе Антиохийском Оресте, когда он шел с миссией к (императору) кир Василию, было установлено, что в Иверии поминается только антиохийский патриарх и он может посылать экзарха для наблюдения за ересями и расследования духовных согрешений и чтобы взимать установленное от тех имений.

Опять-таки в деяниях святого Халкидонского собора написано, что было установлено освящать мир повсюду; ибо сначала оно освящалось только в Антиохии. Когда стало известно, что оно дается за дары, было постановлено, чтобы освящалось епископами повсюду. Император же, благосклонно учредив собор 630 отцов, отпустил каждого восвояси. Позднее,

при императоре Константине Мономахе и блаженном патриархе антиохийском кир Феодоре, появился некий сеятель плевелов среди епископов в Иверии. Поэтому кир Феодор с кувуклисием послал в Иверию различные письма, исправив все произошедшие там недоразумения благодатью Божией, усердием и божественной ревностью там находящихся божественных отцов и епископов. Эти письма находятся здесь, в святом Симеоне Чудотворце у игумена кир Иоанна Дипотата. В этих посланиях содержится повеление о рукоположении, писанное в то время патриархом кир Феодором каталикосу Иверии кир Иоанну.

Это, духовное мое чадо, насколько я был в силах, я написал тебе, что я нашел в Божественных Писаниях о таковых вещах. И также, как ты знаешь, что в житии святого господина нашего Симеона Чудотворца говорится, что, когда однажды святой находился в исступлении, он увидел большие толпы мужчин, женщин и детей с отцами, идущих к нему с востока, воссылающих к Богу молитвы и славословия, и Святой Дух осенял множество и шел с ними. Когда они приблизились к святой Дивной Горе, Святой Дух сказал своему угоднику Симеону: «Знаешь ли ты, кто есть эти пришедшие к тебе? Это народ иверов, который возлюбит тебя имени Моего ради и придет к тебе со временем с верой и многими известиями и искушение возьмут на себя дарованной тебе благодатью исцелений, провозгласят о тебе во всей своей стране и устроят на пользу всех в ней верующих. Некоторые из них поселятся в твоей благочестивой обители и будут полезны и верны». Спустя немного дней после этого видения явилось к нему множество иверов, молящихся с крестами, и многих из них он излечил, мучимых нечистыми духами и одержимых различными страстями. Некоторые из них, видя чудеса святого, просили (его) быть с ними. Приняв их предложение и зная, что это желание Бога, как ему прежде сказал Святой Дух, он принял их просьбу, и так остались они в его монастыре, подвизаясь в иноческой жизни.

Все это прочтя, давайте устроим по разуму божественной любви нашу жизнь в угоду Богу, чтобы с помощью молитв

вышеупомянутых отцов и братьев иметь помощником Христа истинного Бога нашего молитвами Пречистой Матери Его и Богородицы и всех святых. Аминь.

* * *

СЛОВО 35. ТОГОЖДЕ О ДУХОВНЫХ НАШИХ БРАТЯХЪ ГЛАГОЛЕНЫХ ЦАТЬ

РАВНОЕ ПАТРИАРЬШЫСКАГО ПОСЛАНЫЯ, ПОСЛАНАГО КЪ КИРЪ ЕУФИМЬЮ ОТ ЕРУСАЛИМА И ЕЩЕ ЖЕ И РАВНОЕ ПОСЛАНЫЯ ИГУМЕНА СВЯТОГО СИМЕОНА ЧЮДОТВОРЦА¹⁰¹⁰

Надписанье. Боговиднѣйшему и святому нашему владыцѣ богопочтенному патриарху иерусалимскому пришедшей въ Антиохию архиерѣи¹⁰¹¹ и причта приизящнии, чада и раби твои. Господи, благослови.

Подобаше убо намъ, богопочтенный нашъ владыко святыи, писаниемъ присно и нарѣковати тебѣ, и лобзовати, и долъжное еже по Бозѣ твоему свершению въздати поклонение, яко святыя твоя възприимати молитвы и от тебе благословлятися. Но прилучышася нам напасти и бывшее вѣщем пременение от подобающаго нас прѣсѣцають и полезнаго, понеже и бес пастыря пребываемъ¹⁰¹² и нѣсть иже нас сберег, разсѣяныя суща, и зверем удобъ емлемый бышающа ловъ. Нѣнѣ же нову в уши наши въпадшую слышанию настоящее писание къ святынѣ твоей послахом, ово убо долъжное то и въздающе поклонение и еже от нею благословление просяще, ово же и о слышанемъ сказующе; еда бо се въ твою не вънесено бысть слухы. Слышахом бо яко цятю арменом нѣким рекше отшелником арменьскыя службы ту сътворше жилище и безмольствовати ту произволивше, нѣции всяко от доброненавистнаго бѣса нападают на них и яко неправославны облыгуют и всячьскыи образы оскорбляют их. Но убо таковыи приятнѣ бяху от прежде бывших патриархъ наших, и нѣкая от них братья суть въ честнѣи обители святаго Чюдтворца Симеона учиненѣ и въ иных монастырих, в нихже и служат и Причистымъ Таинам съ православными причащаются, и ниже от древних лѣтъ дажде доннѣ възниче съмниье нѣкое о славѣ их. Сия убо мы яко вѣдуще възвѣстихом; твоего же хотѣнья есть или нраву прѣдварших патриархъ послѣдовати, или инако нѣкако

помянувшемуся и угодному Богу створити. Честныя убо и святаы молитвы твоя да дарованѣ будут нам въ всемъ житии.

РАВНОЕ ПОСЛАНЬЕ ПОСЛАНАГО ОТ СВЯТАГО ЧЮДОТВОРЦА СИМЕОНА К КИРЪ ЕУФИМЬЮ ПАТРИАРХУ ИЕРУСАЛИМЬСКОМУ С ПАТРИАРХОВЪМ ПОСЛАНЬЕМ.

Надписанье. Блаженѣйшему и святому владыцѣ моему треблаженому патриарху Иерусалимьскому Петрѣ послѣднии мних прозвирѣ и игуменѣ и архимандритѣ честныя обители иже на Дивнѣи горѣ святаго и чюдотворца Семеона, рабѣ молитвы твоя.

Блаженийшии и владыко и святѣишии, слышание нѣкое приде въ наша слухы о ту сущих и ошелникох цятых, ту нѣгдѣ жилище створшим и безмольствовати произволившим. Нѣции всяко наваждением добруненавистника врага нападают на них и яко неправославны облыгаютъ и всяцѣм образом опечалѣют их. Тии же, владыко святой, приятни бяху от предварших святыхъ старецъ и святѣиших патриархъ, и нѣцѣи от них съчтани суть въ братья нашея обители и служити и съпричящатися с нами и въ всем от святыхъ старецъ онѣх и съвѣдворятися повелѣни быша яко православнии. И аще не быша опасно испыталѣ и правѣ мудрествующе въ православний вѣрѣ обрѣтошася, и не быша тѣх приялѣ. И мы убо, вѣдуще яже о них, възвѣстием твоему блаженству, и твое же есть хотѣние по волѣ угодному Богу створити. Нас же, недостойныя рабы твоя, молим яко да всегда к Богу службы твориши, в молитвах твоих не забываеши, яко рабѣ бо недостойнии дерзнувшие написахом.

СЛОВО 36. ТОГОЖДЕ КЪ ОТЦЮ ГЕРАСИМУ¹⁰¹³ О ТѢХ ЖЕ. И РАВНОЕ ПОСЛАНИЕ ИЖЕ ВЪ ЕРУСАЛИМЪХЪ ПОСЛАНАГО КЪ ОТЦЮ ГЕРАСИМУ ЯКО ДА ПРОЧТЕНО БУДЕТ ПОСРЕД С ДВѢМА ПОСЛАНИЦЕМА, ПАТРИАРХОВЪМЪ ЖЕ И ОБИТЕЛИ СВЯТАГО СЕМЕОНА ЧЮДОТВОРЦА.

Възлюбленное и духовное мое чядо. Якоже слышахом от неких, яко нѣции от сущих ту в невѣдѣнии и подвижениемъ сотонинымъ движемии, словесы оскорбляют ту сущую братью нашу, глаголемыя цаты, обаче не явѣ и пространнѣ, но отай и завистию сотониною и ины нѣкы полотныя вины прилагающе, яко да не от вѣдѣния слышащих невѣжды. И паки от ищущих и

вины погыбели лукавых, глаголю, бѣсовъ, нѣции вѣрующи
блзняются, корень такового лукавого сотониньскаго сада и
подобных сим кождо устава ради любовнаго, елико по силѣ,
Христу съпоспѣшествующу, искоренити да подвигнется. Азъ же
зде, Господу Богу и Спасу нашему и Прѣчистѣй Матери его
Богородици и всим святымъ Его съпоспѣствовавшим, еже по
силѣ моей, не обленихся, но и в сборний церкви патриархии и в
святемъ Симеонѣ господини моемъ Чюдотворци. И посреде
испотано бысть от всихъ опасно и явѣ очищена быша вся
благодатью Христовою. И се послахом послания и написаная
свидительства же и извѣщания. Обаче убо, ты добрѣ мя
знаеши, чадо мое любимое, яко и з дѣтства съвзраслѣ ми
еси, и знаеши, яко зде во монастирѣ съ братия сия у
Богородица глаголю наречаемыя Роидиевы, не просто и без
разума сѣдох. Но, якоже знаеши, егда прѣдана бысть
Антиохия,¹⁰¹⁴ и приидох сам в обитель Богородица Роидиевы и
обретох первие убо мѣсто непроходимо от языкъ и отвсуду
безмольвно и моему разуму поспѣшествующе, якоже люблях и
хотѣх, якоже мя знаеши. Потом же паки обрѣдох иноязычники
сия грубыя и невѣжда и единовѣрны, якоже египтяны оны
иноязычни же и невѣжда преднии они отци наши и греци. И
обаче азъ аще и недостойны сый, но рабѣ тѣх судих быти
образа ради иночьскаго, и якоже не пшю елико по силѣ мало
что тщася тѣх подражати. Не безъ рассмотрения же зде сѣдох,
но первие испитах у святого Симеона Чюдотворца вѣдущих и
разумных, такожде и инуду вѣдущих Божественая Писания. И
паки писах въ сборную церковь патриархия,¹⁰¹⁵ и посла ми
владыка сакелий писание,¹⁰¹⁶ имущее тожде свѣдѣтельство и
тѣх свершеня вѣры извѣщение, сказующе сице и глаголя, яко
«Цаты вы паче свѣсте, въ вашей бо пребывают обители. Аще
же тѣх прежде бывшей святости отци тужда от правыя вѣры
вѣдѣли быша, како сих съжителствовати и съпрѣбывати им и
съпитатися и прияша или како блаженнии патриарсѣ въ то
всеосвященное мѣсто входить тѣмъ, и молитвы сътворяти, и
службы попустиша, аще правѣ мудрествующих не быша
вѣдѣли».

Сия вся приимше сакеллие во писание и посла ми то у святого Симеона, в немъже и храню е от вѣры. И ина писания ми посла, имуща свершеное извѣщение о архиерѣох и Сборныя Церкви и повеление о тѣх съжителъстви и съпрѣбывании съприобщании Святыхъ Таинъ, глаголющее сие яко право держащим в непорочнѣй христьянскій вѣрѣ нѣсть блзнено съприобщатися Божественымъ Таинам и подати тѣм, и от нѣх приимати. Ни бо о языцѣ есть разнество и зазорное, но о самой правослѣвнѣй вѣрѣ.

И сия убо сие имяху, и ина же множайша, имуща извѣщение свершено. И обаче иже Божественая Писания испытующей вѣдят таковая изязовати, яже о вѣрѣ глаголя. Сам же и великий Василие въ своем первом правилѣ и явѣ о таковых разнествах глаголет,¹⁰¹⁷ что есть ересь, и что распрѣ, и что сънмица. И тако убо святыи глаголет о сих разнѣствѣх, ихъ же поискавъ обрящет. Сия же братью нашу, глаголемыя цаты, идеже аще суть и в коемлюбо живут мѣстѣ, отвсюду испытавше, обрѣтохом благодатью Христовою бес порока в таковых, в яже о вѣрѣ, такожде и в распрях и о сонмищах. Ибо митрополит прѣдѣла их и страны Междорѣчия, в нейже живут от первых лѣт, иже и ради нашествия язычскихъ расточенѣ быша ниции от них въ различныя страны, но обаче, якоже рѣх, митрополитъ ихъ от иже въ Антиохии патриаршѣствующаго поставляется,¹⁰¹⁸ яко престолу сущу всего Востока. И законно, и правильно есть священничѣство ихъ, и все съставление их, и кромѣ всякого зазора благодатью Христовою.

И обаче ту паки житие великого отца нашего Савы процетше,¹⁰¹⁹ обрящете сих съжителъствующихъ великому и въ благосъздании Церкви повелѣном от святого арменскою бесѣдою пѣти уставъ свой, грѣком же особно пѣти. Якоже и zde братья наша поют арменскою бесѣдою, грицѣ же паки особъ, въ различныхъ же ликох, заеже не имѣти двѣ церкви, точю же Трисвятую пѣснь грѣчѣскы глаголют, якоже и въ сем иже въ святем отецъ наш Сава прѣдаде ради мнѣния и прилога Петра Кнафеова еже «распныся нас ради».¹⁰²⁰ И ту паки житие великого отца нашего Феодосия прочетше, обрящете с ним жителъствующихъ и въ Церкви арменскою бесѣдою особъ

поющих уставъ свой. И доволѣет нам подражати сию обою великую свѣтилу. А еже въ гричьстѣ Церкви повелѣномъ быти от великаго отца нашего Савы и от великаго Феодосия входить и причащаться Божественныхъ Таинъ, яко же видится ради оскудienia священничества бѣ, зане опасство много имяху святии и отци о священничествѣ и едва нѣкогда въ мнозѣ сборѣ приемляху единого священника имѣти или никакоже. Вѣдяху бо тяготу и бѣду священничества. И свѣдѣтельствуетъ ея самое житие великаго отца нашего Савы, и такожде великаго отца нашего и начяльника общимъ житиемъ Пахомия,¹⁰²¹ яко и въ обою сею монастырохъ въ лаври же и в опщемъ житии колици иноцѣ быша и своего отъ ту сущихъ иноцѣ въ презвитерское рукоположение не имяху, но времени зовущу, отъ ближнихъ презвитерѣ призывахуся створити имъ священну службу, яко принужденномъ быти тѣмъ послѣдъ же, а не инѣмъ нѣкимъ. И самъ убо великій Пахомъ тяготы священничества избѣже. Великій же отецъ нашъ Сава рукоположение неволею и нехотя отъ патриарха Ерусалимскаго приятъ, суди въ тяготу самъ въсприяти. Сия есть вина, якоже отъ житийъ святыхъ и отъ инѣхъ писанийъ иже по Бозѣ любопотрудивыйся обрящетъ истинное. Опасство же и бѣду, яко же и предрекохомъ, священничества, не точю прочая божественная писания являютъ, но иже о священничествѣ бѣ словъ Златоустовыхъ пространнѣе глаголютъ,¹⁰²² аще и о архиерействѣ бесѣдуетъ. И обаче иже съ Богомъ другое что лучшее истиннѣе разумѣвый, да пользуетъ процитающа и мене, яко невѣжда есмь, поселянинъ и ползу въ всякой вещи възыскаю.

Обаче много испытавъ, еже по силѣ, за братю нашу сия цаты, и не обрѣтеся нигдѣже яко оттолѣ отъ днийъ явѣ яко великихъ отецъ нашихъ Феодосия и Савы, егда и прежде святой и великій иже въ Халкыдонѣ сборѣ¹⁰²³ еретики армены отлучийъ проклятъ начальствующая имъ, потомъ же паки тѣмъ обоимъ свѣтиломъ предреченымъ Феодосию жъ и Савѣ подвижавшимся и плевелы отъ чистыя пшеницы разлучившимъ,¹⁰²⁴ и православнымъ симъ братьямъ нашимъ и подобнымъ нимъ оставшимъ и съ единымъ къ сборний Церкви съ православными, и не обрѣтеся нигдѣже яко оттоли съгрѣшиша въ каковѣ-любо вѣщи, или понѣ въ распрѣхъ,

или сънмицах, якоже нѣции от наших многожды пострадаша, иже изначала от божественных отецъ добръ начынше, послѣдъ же въ распря и сънмиця увратишася. Сия же братья наша дажде до днесъ отци наши и ти сами блажении патриарси, егда на сборѣ подвигается что на еретики армены, аще обрящется кто о сих разумъ имѣя божественны, тѣх имут с Богомъ на ополчение супротивных, яко и языкъ и писания их свѣдущих. Яко и zde при блаженных патриарсихъ въ наших временех бысть, и множайшим сущим еретиком арменом, от сих же зѣло мали нѣции на сборѣ ниже языкъ подвигнути, или глас испустити оставиша еретики на православныя отнудъ. Сия вся мы, елико по силѣ испытавше о сих братьях наших, глаголемых цаты, обрѣтохом. Могый же с Богомъ и множае что ползевати нас, и се с радостью въсприемлем, яко суще невѣжде мы и яже премудрых и книжнийших не свѣдяще, ниже силы писменемъ и таковых разумных разум не свѣдя, тѣчю сия вся испытавъ съ опасством от вѣшних и паки от внутреня свѣсти извѣщение приимъ, съсвѣдительствующим книжным и отецьским приданием. И всь покой мой, якоже знаеши, створил есть Богъ ради молитвъ Богородица zde, и паки за молитвъ святаго Симеона в той Святый и Дивный Горѣ господина нашего святаго Симеона Чюдотворца. И овогда убо тамо, овогда же zde, сѣжду и почивая, якоже имат разум мой, егоже вѣси. Каждо бо аще не обрящет якоже любит и хочет, не упокается или плотско, или духовно.

Се же вѣждь, духовное мое чадо, зане якоже и прежде при днехъ блаженаго патриарха киръ Феодосия¹⁰²⁵ вручено ми бысть и повелѣно учительство, недостоину сущу ми, нынѣ же паки не простиша мя оставити се предначальствующии и архиереи сборныя и апостольскыя Церкви, но паче подтвердиша и написаша съ утверждением повелительное и послаша ми то с киръ Самоилом митрополитом Аданьским. Да яко смотрих, тяготно ми быти и паче мѣры моея, не приях то, но възвратих сие моляся, за еже любити ми безмолвие и странничество. Нынѣ убо паки облегчиша то, якоже лѣпо бяше, безбѣднѣ и послаша ми е съ духовным братом киръ Козма киръ Романовѣм ту сущаго затворника.¹⁰²⁶ И убояхся суда Божия

паки второе възвратити то, яко не имат нѣкое неудобьстве же паче мѣры моея, ниже забавляюще мя в иже имѣх прежде разум. Паче же и писаша ми, яко принуждает тя сборная Церкви на се. И сего ради прияхъ то благословнѣ, аще и недостойну сущу ми, от сборныя и апостольския Церкви, яко от рукъ Господа и Бога и Спаса нашего и Пречистыя Его Матери Богородица и владыки нашего Петра верховнаго апостоломъ, немже и патриаршьским престоломъ всего Въстока Антиохийский град почтенъ бысть.¹⁰²⁷ Азъ же аще и недостойнъ, но якоже непщую убо, яко инокъ и рабъ сый рабом сборныя и апостольския Церкви. И аще не сице бы было, но имѣло бы нѣкое неудобьство, не бых приялъ отнуд якоже мя занеши. И обаче якоже предрекох, аще не бы было свободно, ниже извѣтом послушания послушалъ бых, за иже одесна прельсти и бесовьскихъ же и человечьскихъ. И еще же и самая воля яко «кождо привлечется и прильщается от своя похоти»,¹⁰²⁸ якоже пишет.

И се подобает ти вѣдѣти, чадо духовное, яко и кромѣ и выше преднаписанныхъ братий нашихъ глаголемыхъ цать, ихже ради и вина сия изложена бысть, и о нѣхъ такожде иже в зазорѣ сущихъ, или в вѣрѣ, или в дѣянии, и аще о единомъ или о мнозѣхъ, или о ученицѣхъ, или о учетелехъ, подобаетъ се духовнымъ нашимъ отцѣмъ яко да по первыхъ о нихъ святыхъ отцехъ, и сии творятъ о иже в зазорѣ сущихъ, или от слышания, или от своего мнения, но истязовати явѣ такова и тако съставляти и разсуждати и судити и изрицати, или добръ есть таковой, или инако нѣкако, но убо якоже лѣпо есть, а не весь языкъ или иже от него учимыя, аще не злѣ явишася. Бываетъ бо множицею, якоже многажды бысть и мнози развращения мудръствующе, инѣхъ правая учатъ якоже и съпротивное, и не тѣчю о вѣрѣ, но друзии паче о дѣянии боящеся книжнаго словеси, глаголющаго: «Горе напаяющему искренняго своего питья мутна»;¹⁰²⁹ и Господу глаголющу къ ниже творящимъ ни искренему глаголющимъ путь жизни: «Рабе лукавый и лѣнивый» и прочая.¹⁰³⁰ Паки инѣмъ образомъ многажды бываетъ въ ученицѣхъ и благочестиви нѣции суще елико учими суть: добрая внутри себе сдержаваютъ, блазньная же внѣ измѣтаютъ, якоже бываетъ о

чтении, или о вѣрѣ, или о дѣяньи; обаче въ иже о Бозѣ могущих. Аще ли еще немощни суть блазньна и обоа. Тамжде пакы бывает инѣм образом, и учитель убо здравѣ и добрѣ учит, ученикъ же по развращенному своему нраву вся смяте и искриви, якоже рече и великий апостолъ Петръ въ едином от своих посланий о нѣких сердцемъ неутверженных ради учительствѣ святаго апостола Павла яко «развращают та»,¹⁰³¹ по своих явѣ яко волях обращают. И ради сих всѣх и сим подобным подобает истязовати добрѣ же и здравѣ о сих и тако износити изречение, якоже рѣхом. Паче же и всем многа боязнь есть и бѣда пакости ради искренняго, и съблазнѣ предлежит от речения, якоже пишет въ Еуангельих яко «уне есть жерновный камень привязати ему» и прочаа.¹⁰³² Еже протолкова божественый Златоустъ, сия съблазнѣ глаголя быти възбраненъе праваго пути. Обаче на сие приходит, яже предрекохом, съблазнѣ къ искренему. Аще ли нѣсть таково явлено испытанье, с дерзновеньем и любовью Божьею и искреняго, якоже учимы есмы, но скровно нѣкако и льстивнѣ и яко в мрацѣ крыема и лестью и словом ратуема, се всѣм благосмыслящим явлено есть и отнуду же имат рожденье, познавают, яко от тмы и зависти и прочих злобных дѣйствѣ и рождений елма «все являемое о таковых на свѣт происходит»,¹⁰³³ якоже пишет, и не лѣпо есть таковаа и подобнаа сим тмы дѣла боголюбным сматряти душамъ или вѣровати и сприобщатись таковым.

Добро убо есть еже учити въ время благословно и ползевати искреняго, но множае паче требует божественая благодати и бестрастья такожде и приемлющему, якоже и апостолъ в раздѣленьи дарованьом, начиная сие, глаголет: «Еда вси учители» и прочаа.¹⁰³⁴ И тако может с Богомъ здравѣ уставляти и рассуждати и судити и изрицати, и о едином коемждо книжное благословное свѣдетельство приводити, якоже пишет о праведницѣ, яко «рассмотритъ словеса своя на судѣ». ¹⁰³⁵ Аще ли же и божественѣй благодати не споспѣшьствующи, и учай такожде таковаа истязует, и аще страстен сый от естественых страстей и побѣждаемъ, невѣрная же от него глаголемая и блазньна отвсюду суть привлчим и

прелщаем от своея похоти, и подобныхъ мнѣ порабощенъ, увы, и побѣждаемъ в которуюждо страсть; и не тѣй обладает и водит тыя идеже хочет, но тыя одержат паче того и обладают, и отводят идеже не хочетъ. И сего ради «имже кто побѣжденъ бысть, тому и поработися», якоже пишет. И инде глаголет, яко «еликы страсти въ души, толико владыкъ». И убо таковъ есть и тѣ, яковже иже въ пророцѣ Исаи глаголемый: «Пророкъ учя безаконью».¹⁰³⁶ Но обаче благочестивыя и Богомъ хвалимыя аще и внимают себѣ, якоже выше рѣхом, не могутъ вредити, но не внимающая и подобныя мнѣ, якоже речеса, миролюбныя и сластолюбивыя. Обаче убо таковаа скоро искушаются, якоже рѣша отци: «Тако въ человекѣхъ бывающая въскорѣ обличаются». Подобаеет убо комуждо пребывати въ своихъ прѣдѣлахъ и мѣрахъ и познавати своя, и не мнѣти себе глава быти, нога сый, якоже Богословъ Великий Григорье. И тѣй самый святой Шестой сборъ¹⁰³⁷ въ 64 правилѣ възбраняет учити посредѣ, яковже аще есть, и възлагати на ся санъ учительскый, не имущю повеленье от сборныя Церкви. Се бо есть любоначалства и тщеславья страсть и сим подобныя душевныя страсти с лютою гордостью, пагубныя и вредныя, и якоже глаголют отци, неудобъ исцельны, паче же неисцельны. Но обаче ниже в таковыхъ подобаеет отрицати или отчаяватись до конца; яже бо от человекъ невѣзможная, вся възможна от Бога; глаголет бо въ божественѣй Лѣствицѣ сице, яко: «Блудныя убо человеци, лукавыя же ангели, прозорливыя же Богъ ицѣлвити можетъ».¹⁰³⁸ Обаче ты съ опасствомъ хранися от таковыхъ, възлюбленное мое чадо духовное, да не како с ними пребывая ты убо вредишися велми. Сих же по здѣ когда человеколюбецъ и всещедрый Богъ, якоже вѣсть, ицѣлит, ты же пребудеши от съжительства ихъ неисправленъ. Не хоцю же ты не вѣдѣти и паче же нужнѣйшее, яко убо яже о православнѣй вѣрѣ, цѣла не нескудна и безъ какова-любо мнѣнья хранима суть вся опасно Божьею благодатью, и нѣсть потреба възысканья или истязанья о сихъ. Но о дѣянии Божиихъ законъ и божественыхъ правилъ святыхъ сборъ и прочихъ святыхъ отецъ преданья, иже въ Божественыхъ Писанияхъ, есть намъ тщанье, яко не видимъ та въ общемъ хранима.

И сия убо о сих нужных написахом тебѣ къ вѣдѣнію твоему мало, яко да не яже о вѣрѣ испытуеши, но едина точю, яже о дѣяніих, и множея ничто. Яко да не всуе въ словопрѣнія себе влагаеши мятежа. Книгу, яже знаеши, Толкования заповедемъ Господнимъ,¹⁰³⁹ яже написах поспѣшениемъ Божиимъ въ уности моей и есть здѣ въ Святемъ Симеонѣ Чюдотворци. Нынѣ же паки поспѣшествомъ Божиимъ, пречистыя Богородица написана бысть другая, имущи Божественая Писания, являющая же от невѣдѣнія бывающая падения въ насъ христіанѣхъ, яже и небрегома оставлена быша въ предъварщихъ лѣтѣхъ, – о раздорѣхъ монастырскихъ и инѣхъ различныхъ винахъ нужныхъ. Мала же есть, не достигающи до единаго златника, а нѣсть велика, якоже первая. Положена же быша zde, въ сборный Церкви, рекше в патриархии Антиохійстей, яко нужна есть и требуетъ ю Церква, такожде и въ святемъ Симеонѣ чюдотворци. И сего ради послахъ ю ту, и да възложена будетъ, аще и недостойну сущю ми, даръ въ Святое Въскресение. И аще ю препишеши и ты и друзии, на ползу бываетъ души. И паки да есть въ Патриархии якоже и здѣ. Сборная бо Церкви патриархія истязаша ту съ опаствомъ и въсприяша. И въ сборную Церковь възложена бысть и прията благодатью Христовою яко нужна. Сего ради и ты и сущии ту, трудолюбноствовавшие ту с Богомъ, о недостойнствѣ моемъ помолитесь, и Богъ за молитвъ Владычица наша Богородица и всѣхъ Его святыхъ, да будетъ покрывая и сохраняя тя отъ всякаго зла и спасетъ тя въ Своемъ царствіи.

У святаго и живоноснаго Гроба Господня створи въмѣсто мене до земля метаний, 12 такожде и святые Голгофы и в Гефсиманіи¹⁰⁴⁰ и блаженному и святому моему владыце патриарху, яко недостойный азъ Никонъ рабъ рабомъ его, и прочимъ владыкамъ моимъ и отцемъ, подобнѣ же и братьямъ, иже прилучатся ту, метанія всѣмъ, да помолѣтся о мнѣ, яко да мя помилуетъ Богъ и съхранитъ мя, недостойнаго, молитвами Богородица и всѣхъ святыхъ, аминь.

СЛОВО 37. ТОГОЖДЕ О ДУХОВНЫХЪ И ВЪЗЛЮБЛѢНЫХЪ ОТЕЦЪ И БРАТЬИ НАШИХЪ ИВИРОХЪ КЪ ДУХОВНОМУ МОЕМУ ЧАДУ ИНОКУ ГЕРАСИМУ

Послахом прежде, духовное мое чадо, Божественая Писания от патриархия же Антиохийския и святого Симеона Чюдотворца обители, и мое, недостойнаго, имуща книжная свѣдѣтельства и извѣщѣния о духовных наших братьяхъ, нарицаемые цатох, показующе тѣх непорочное отвсюду благодатью Христовою, въ яже о вѣрѣ и распрях и сѣнмицах чистом быти таковымъ свершенѣ и всякого зазора вышим благодатью Христовою. Сице паки и здѣ о духовных и любимых отцѣхъ и братьях наших ивирах, еже Богъ укрѣпи и дарова за молитвъ святыхъ, съвкуплеше, и еже обрѣтохом от Божественых Писаний, съчетахом сия и послахомъ тебѣ Божья ради любви и подобныя ей къ искренему. И ты паки другим ти подай и исполняя божественныя любви уставъ, яко да явѣ будут сия, яже предварших лѣтъ в различных книгах лежащая от небреженья же не испытуета, ниже являема, и сице рещи погребена и яко въ мрацѣ крыема. Сего ради азъ, недостойный Никонъ, иже по духу отецъ твой, поспѣшьством Божиимъ сия трудолюбыствовавъ, послах ти первая убо о духовныхъ наших братьях, нарицаемых цатѣ, и ныне паки о духовных и любовных наших отцехъ и братьях ивирахъ, яко да азъ, недостойный Никон, рабъ тѣх святыхъ молитвъ и любви божественныя бѣвъ Божию милость на себе привлеку, якоже изначала и прежде обои, азъ же и сии отци наши и братья, божественнымъ Духомъ усвояеми, божественою любовью уставъ исполняюще дѣлом и словом елико по силѣ.

Сии бо духовнии и възлюблени отци наши и братья изначала убо вѣдѣние обращения ихъ от суетных идолъ к истинный християньстий вѣрѣ блаженный Феодоритъ епископъ Кирьскый в Церковнѣм списании повѣдуют¹⁰⁴¹ о иже от грѣцкыя земля пленены блаженныя оны въ женах добродѣтельныя Нонны,¹⁰⁴² како языкъ ивирскый обратися на християньство от суетных идолъ, и убо яже такового начала тамо сказует. Въ другой же паки повѣстнѣй книзѣ пишет сице: яко въ царство великого Константина¹⁰⁴³ Иверия въ православную вѣру приде и християньство прият, уврачевана бывши от нея. Сыну бо царя ивирскаго въ лютѣ недузѣ бывшю, царь, увѣдѣвъ, християнинъ бысть, и тѣи же и вси. И храмъ моляше царя създати. Царь же

еже убо о съпружници бывшее чудо хваляше же и славляше, храм же не хотяше създати. Лѣту же мимошедшю, тый на ловъ изиде. И человеколюбивый же Владыка того якоже Паула улови, мрак бо на нь внезапно напад, не оставляше напред пойти. И ловящеи убо солнечныя луча обычно наслаждахуся, тѣ же единѣ невидѣния связанѣ бысть язами. Въ недоумѣнии же сый, и умѣние обрѣте спасения. И абие мрак онѣ преиде на свѣт. И призвавъ иже Веселеила, начялохудожника, примудрости исполнившаго, и того сподоби благодатью, якоже божественый описати храм. Они же основание копаху же и зиждаху. И яко свершися храм, трѣбоваху священника обрѣсти. И сему обрѣтение чудная жена створи, увѣща бо начальника языку оному къ гричкому послати царю и просити да послет ему учителя благочестью.

Царь же великий Константинъ, съ обрадованиемъ посланьники примѣ, посла имѣ Еустафья, патриарха Антиохийскаго, съ многою честию. И шед тамо, крести и всих съ царемъ и освяти въсзданный храм, и створи имѣ сборнаго епископа, въобразивы ему божественымъ уставомъ под властью быти патриарху Антиохийскому. Царь же ивирскый и свѣтницѣ его уставиша патриарху антиохийскому въ подани ему ароматомъ святаго мира токмо тысящу селѣ въ земли ивирѣстий, яко да от прихода ихъ подаются аромата миру. Въ Антиохии бо бѣ уставъ освящатися миру, и оттуду подаяшеся по всему миру. Инде бо не освящашеся миро. И зде убо тако.

Паки в другой книзѣ повестнѣй глаголетъ, яко при Константинѣ царѣ Копронимѣ,¹⁰⁴⁴ патриарху сущю блаженному Феофилакту въ Антиохии, придоша от Ивирия инока два и възвѣстиша блаженному Феофилакту, яко в нужди суть християнѣ селѣ иверьскихъ, не имуще сборнаго архиепископа. От дний бо блаженаго Анастасья, священномученика и патриарха Антиохийскаго, не поставленъ бысть имъ архиепископъ сборный остроты ради путныя и заеже не смѣяти кому агарянѣ ради мимо ходий.¹⁰⁴⁵ И сборнымъ судомъ своихъ митрополитѣ и архиепископѣ и епископѣ повелитѣльное писание дастъ ивиромъ поставлятися отъ епископѣ прѣдѣла его, иже въ дни тѣя сборному архиепископу ивирскому, поеже быти избранию отъ нихъ,

и створити и жребий, и по жребью идеже божественая благодатью объявить, поставитъ того по церковному уставу. И створиша написано въспоминание о том и съшедый сборъ и запечатливъ въдаст им, и постави единого от обою посланую мниху, Иване именемъ. Бяху же села патриархова въ Иверии тысяща изначала уставлена; и устави даяти на коеждо лѣто по времени патриархомъ дань от тѣх сель его, златник тысящу окуплени ароматом святаго мира.¹⁰⁴⁶ И на всяко лѣто даяхуся даже до Ивана святаго патриарха Иерусалимского. При Орестѣ святѣйшем патриарси Антиохийстемъ, идущи ему на моление киръ Василию,¹⁰⁴⁷ уставлено же бысть въспоминание имѣти патриарху Антиохийскому единому в Иверии,¹⁰⁴⁸ и посылати екзарха¹⁰⁴⁹ на посѣщение о ересехъ и истязании о душевныхъ съблздохъ и взимати урядъ от сель онѣхъ.

Паки же въ дѣлныхъ иже въ Халкидонѣ святаго сбора пишетъ сиче: яко уставлено же бысть миро всюду освящатися; первѣе бо от Антиохийскаго тоцью освящашеся. Увѣдевше же яко даровъ ради даемо бывает, уставлено бысть всюду от епископъ освящаему быти. Царь же любезни учредивъ сборъ 630 отецъ, отпусти кождо во свояси. Въ послѣднихъ же временахъ при Константинѣ цари Мономасѣ¹⁰⁵⁰ и блаженемъ патриарси Антиохистемъ киръ Феодоръ¹⁰⁵¹ възнице плевеломъ съятель нѣкий¹⁰⁵² от епископъ въ Иверии. Тѣмъже и различна послания киръ Феодоръ и с кувуклисимъ посла¹⁰⁵³ въ Иверию, исправивъ вся иже тамо бывшая соблазны благодатью Божиею, усердьемъ же и божественою ревностью иже тамо божественныхъ отецъ и епископъ. Яже послания зде обрѣтаются въ Чюдотворци и святѣмъ Симеонѣ у игумена киръ Иоанна, произволениемъ Дипотатова. Въ каковыхъ убо посланиихъ пишеться повеление и рукоположение патриарха киръ Феодора посланми, въ тогдашнее время бывшее сборному иверийскому киръ Иоанну.

Сия, духовный брате и чадо, елико по силѣ написахъ ти, еже обрѣтохъ в Божественныхъ Писаниихъ о такихъ винахъ. И обаче якоже вѣси, яко въ житии господина нашего и чюдотворца Симеона глаголю, яко въ единѣ отъ дний бывъ святой въ изъступлении, видѣ множества многа мужий и женъ и дѣтий съ отцы грядущаго от Востока к нему, молитвы же и славословия

въсылающе Богови, Святый же Духъ осиняющъ множества и идущъ с ними. Сим же приближившимся Святѣй и Дивнѣй горѣ, рече Духъ Святый и къ своему угоднику Симеону: «Вѣси ли, кто суть сии, иже к тебѣ грядущи? Си суть язык иверскый, иже възлюбят тя имени моего ради и придут к тебѣ по времени с вѣрою и извѣщением мнозѣм и искусы приемлюще данныя тебѣ изцѣлениом благодати, и проповѣдят яже о тобѣ в всей странѣ своей, и ползуют вся иже в ней вѣрныя. И от них вселяться въ благочъстивѣи обители твоей и благопотребнѣ и вѣрнѣ будут». Малѣмъ же по видѣнии сем мимошедшим днемъ, и придоша к нему множество ивирѣ молящимся съ кресты, и многы от них изцѣли от нечистыхъ бѣсов мучимых и различными страстями сдержимыя же и стужаемыя. И нѣции от них видѣвше яже от святого бывшая чудотворения, просиша с ними быти. Въсприим убо тѣх прѣдложение и разумѣвъ волѣ Божии быти то, якоже и предрече ему Духъ Святый, прият тѣх прошение; и прѣбыша прочее въ монастырѣ иночское держеще житие.

Сия вся мы прочетше, по разуму Божественныя любви житие наше въ благоугождение устроим, яко да предреченых отецъ и братьѣй молитвами помагаеми милостива имамы Христа истиннаго Бога нашего молитвами Пречистыя Матери Его и Богородица и всѣх святых. Аминь.

Из «Диоптры» Филиппа пустынника. Разговор души и плоти

Подготовка текста, перевод и комментарии Г. М. Прохорова
«Диоптра, или Душезрительное зеркало» – произведение византийского писателя-монаха XI в. Филиппа Монотропа, «Пустынника», или – можно перевести – «Уединенника». В XIV в. оно было переведено на славянский язык, попало на Русь и по крайней мере в течение трехсот лет пользовалось здесь большой популярностью.

«Диоптра» в целом представляет собой композицию из сравнительно небольшого «Плача», горестного обращения к самому себе («Плачеве и рыдания инока грешна и странна, имиже спирашася к души своей»), и пространного «Диалога», разговора Души-госпожи и служанки-Плоти. «Диалог» разделен на четыре части, «слова» (первое «слово» представляет собой «Плач», так что в «Диоптре» всего пять «слов»). Композиции предпосланы три предисловия – знаменитого византийского писателя и деятеля XI в. Михаила Пселла, некоего Константина Ивеста и самого автора, – сопровождают ее авторское послесловие и несколько добавочных статей. «Плач» датирован автором 12 мая 1095 г., «Диалог» – 1097 г.

В заключительном «Оглаголении, яже к любозазорным» Филипп сообщает, что написал «Диоптру», будучи понуждаем своим духовным отцом Каллиником, жителем Смоленских стран, или пределов. Некоторые ученые считают вероятным, что имеется в виду русская Смоленщина, другие полагают, что речь идет о балканском г. Смолян или вообще о месте расселения славянского племени смолян в Македонии.

По содержанию в значительной мере «Диоптра» представляет собой собрание всевозможных сведений о человеке, почерпнутых из античной и раннесредневековой литературы. Для нее характерно соседство свидетельств из Священного Писания и из произведений отцов Церкви со ссылками на Платона, Аристотеля, Гиппократ, Галена, Плотина и других языческих мыслителей. В XI в., когда жил Филипп,

Византия переживала своего рода «возрождение» – усиление интереса к античной культуре. Сам широко образованный, будучи озабочен нравственным и культурным просвещением своих читателей, Филипп определяет свою задачу как вторично-литературную – приведение трудных для восприятия речей «в удобь приятен вид». Жанр «Зерцала», наглядного беллетризованного учебника, к которому он прибег, подсказан ему был, возможно, появившимся в XI в. под названием «Стефанит и Ихнилат» греческим переводом индийской «Калилы и Димны» (см. наст. изд.). Но если «Калила и Димна» была создана как учебник государственной мудрости, «зерцало царей», то «Диоптра» написана как «душезрительное зеркало» – занимательный учебник человековедения, самопознания. Диалог, который в «Диоптре» ведут Душа и Плоть, похож на беседу мудрого и просвещенного советника (Плоть) с простодушным и эмоциональным правителем (Душа); как литературный прием это то же, что «рамочный», или «стержневой», диалог «Калилы и Димны» или «Тысячи и одной ночи», позволяющий объединить большой ряд основных «элементов» произведения. Диалог начинает Душа, уже многие «лета и времена» сопряженная с плотью, но никогда прежде не спрашивавшая ее ни о чем «полезном», теперь же осознавшая свое «косненье» и захотевшая послушать «слова наказательная». Плоть охотно откликается и на краткие вопросы своей госпожи дает пространные эрудированные ответы. У какой-то части современников «Диоптра» явно вызвала недоумение своей литературной формой, о чем мы можем судить по тому, что Михаил Пселл в своем предисловии обороняет ее от нападок тех, кто считает использованный Филиппом Пустынником литературный прием диалога чуждым как Ветхому, так и Новому Заветам и потому недопустимым. Критика шла, видимо, из ученых консервативных кругов: в кратком стихотворном предисловии, написанном явно уже после обнародования «Диоптры» (очевидно, в момент создания последнего, наиболее полного вида композиции – того, в каком «Диоптра» перешла к славянам), автор заявляет, что писал «к ненаученным», к таким же «невежам, якоже и аз... а не убо к

разумным, ниже к словесным, ни к ветиям премудрым, ниже к учителем». У исследователей XIX–XX вв., в отличие от их предшественников XI в., «Диоптра» вызывает удивление уже не своей формой, а содержанием – и тем, что не Душа учит Плоть, а Плоть – Душу, и тем, чему она ее учит: в ее поучениях находят материализм и противоречие церковной догматике. Дело тут, очевидно, в недостаточной изученности «канонических», общепринятых византийско-славянских средневековых представлений о человеке. Человек определяется в «Диоптре» как «животное смешанное»: существо вещественное и невещественное, словесное и бессловесное, видимое и невидимое, наделенное – подобно животным – способностью желать и впадать в ярость, но в то же время – властью над собой, свободой воли. Душа, будучи невидимой, может быть познана только через деятельность, а возможность деятельности она имеет, лишь обладая телом. Тело, Плоть, – орудие деятельности Души, ее «служанка»; за прегрешения, совершенные с помощью плоти, ответственна не сама Плоть, но ее госпожа – Душа. Самые ценные органы Плоты – сердце и мозг. Противоположность добра и зла не имеет отношения к различию невидимой, умопостигаемой, и видимой, материальной, сфер бытия – та и другая произведения одного благого Творца; следуя за Дионисием Ареопагитом и Григорием Нисским, Филипп Пустынный сравнивает зло с темнотой, не имеющей собственного бытия, но являющейся отсутствием света.

Всего насчитывается более пятидесяти греческих и около ста шестидесяти славянских, в подавляющем большинстве русских, списков «Диоптры». Ни одно другое произведение, входившее в состав литературы Древней Руси, ни переводное, ни оригинальное, не давало такого количества знаний о человеке, как «Диоптра» (уступающим ей по количеству и объему сведений, но все-таки сопоставимым с ней, из предшествующих ей на Руси сочинений, касающихся вопросов антропологии с «естественнонаучной» точки зрения, кажется лишь «Шестоднев» Иоанна, экзарха Болгарского).

По-гречески «Диоптра» написана восьмистопным ямбом, как сказано в славянском переводе, «градскими», т. е. «политическими», стихами. Первое «слово», «Плач», содержит около трехсот семидесяти стихов, остальные четыре «слова», составляющие «Диалог», больше тысячи стихов каждое.

Попадающиеся в тексте цитаты из Священного Писания не буквально точны именно потому, что они обращены Филиппом в стихи. Но не весь текст «Диоптры» в оригинале состоит из восьмистопных ямбов. В некоторых вставных кусках, взятых из чужих произведений, сохранена их первоначальная ритмическая организация. Так, большой отрывок из сочинения Иоанна Дамаскина, который в публикуемом «слове» цитирует Плоть, написан так называемым «александрийским» стихом, то есть шестистопным ямбом (и Плоть, сама говорящая стихами, перед началом цитации отмечает, что это стихи, не указывая только их размера).

Находящиеся же в заключительной части публикуемого «слова» пространные философские вопросы Григория Нисского и еще более пространные ответы ему Макрины оставлены прозаическими – как бы в ответ на просьбу Души не перелагать их в стихи, а привести «именно такими, каковы они и суть».

Славянский перевод «Диоптры» пословен и, как представляется, весь прозаический. Ритмическая природа соответствующих частей оригинала все же, видимо, отчасти в нем отражается – в свойственном стихам несколько неестественном – по сравнению с прозой – порядке слов, в смысловых вариациях, в синонимических повторениях, в ритме синтаксических конструкций, размер которых часто определяется размером стиха и т. п. При его переводе на современный язык использован и греческий оригинал, – когда это было необходимо для прояснения темных мест славянского текста и восполнения некоторых вредящих смыслу речи пропусков.

Славянский перевод «Диоптры» был сделан не позже третьей четверти XIV в. на Балканах, на Афоне или в Болгарии (в монастыре Григория Синаита в Парории) в среде монахов-исихастов. Очевидно, именно интерес к человеческой личности,

возбужденный на Балканах в середине XIV в. «исихастскими» спорами о возможностях человека, ввел «Диоптру» в славянские литературы. Старейшие русские списки «Диоптры» относятся к концу XIV в. «Диоптра» активно распространялась и использовалась на Руси во второй половине XV в.; на нее ссылались и приводили из нее выдержки, чтобы доказать несостоятельность распространившихся было мнений о наступлении конца света по истечении седьмой тысячи лет «от сотворения мира», т. е. в 1492 г. Переписывали «Диоптру» на Руси по XIX в. включительно. Славянский ее перевод не издан.

Для данной публикации избрано третье «слово» «Диоптры», как наиболее «естественно-научное» из всех (но при этом не менее литературное, чем остальные). В основу публикации положен список РНБ, Ф.п. 43, конца XIV или начала XV в., происходящий из Кирилло-Белозерского монастыря, лл. 29 об.–61. Так как в этом списке между лл. 34 и 35 недостает четырех листов (двух центральных двойных листов пятой тетради), для восстановления пропущенной части текста использован список ГИМ, Музейское собр., № 3759, XIV в., лл. 67 об.–73 (от слов: «...сздана бысть, о рабыне? И како бесьмертное мрътвенному съпрежено бысть?» до слов: «...облѣчь навѣтника и страстнаго оного и ижденеть его далече от полаты въ пусто и невьселено...»). С помощью этого вспомогательного списка, а также другого, ГИМ, Чудовское собрание, № 15, XIV в., выправлены также некоторые мелкие дефекты Кирилло-Белозерского, основного для данного издания, списка (правка и мелкие вставки пропущенного выделены курсивом).

* * *

ВСЕГО В ТРЕТЬЕМ СЛОВЕ 1654 СТИХА СЛОВО 3

1. Что душа ничего не совершает и не делает помимо тела, но действует только с помощью всех его членов, а через это и познается, какова она и какая.

2. Что если не полностью разовьются члены и части тела, действия душевные останутся непроявленными.

3. Что если какой-нибудь из членов тела погибнет или иначе повредится, душа окажется не в состоянии действовать

присущим этому члену образом.

4. В какой части тела следует считать пребывающим ум.

5. Что сращена душа с телом и одновременно появились душа и тело, а не одно прежде другого.

6. Что с разрушением тела не разрушается с ним и душа; и о том, как бессмертное и славное было создано со смертным и бесславным, и что чего первозданней.

7. Кто согрешил в Адаме сначала – душа или тело, и – что смерть не мука, но врачевание и прекрасное предвидение, и что душа, пока привязана к этой плоти, мысленного видеть не способна.

8. Что у человека по образу и что по подобию, и кто из обеих обладает этим – душа или тело.

9. Тленной или нетленной была создана Адамова плоть.

10. Где следует считать пребывающими души прежде отошедших, и – что в последний день все от начала веков умершие воскреснем и какими.

11. Христос, сойдя в ад, все ли от века там находящиеся души освободил, по Писанию, или нет, и как и каким образом каждая душа опознает свое тело при воскресении.

12. Что все тогда будут узнавать всех, пока не разделятся на стоящих справа и слева, после чего одни только праведные будут узнавать друг друга, а грешные нет.

13. Что с воскресением всяческая тварь обновится, сделавшись нетленной и став лучше и красивей, также и человеческие тела, а с ними и души, но не трехчастны, как теперь, они тогда будут, ибо отнимутся две части у них – способности ярости и влечения.

14. И еще о воскресении.

НАЧАЛО ТРЕТЬЕГО СЛОВА

Душа: Вот новая тема, вот и новый вопрос. Из того, о чем я спросила тебя вчера, во втором слове, ты многое мне раскрыла и много мне сказала. А теперь я захотела разузнать, что надлежит нам думать о том, где пребывают души прежде умерших: если «в аду» скажешь мне, – где ад? Ответь мне на это ясно, ответь, не поленись.

Плоть: Ты очень невнимательна, о душа моя. Ведь если б ты внимала смиренно тому, что читаешь и что многократно каждый день поешь, то очень много узнала бы, и поняла все это, и не имела бы потребности ни в учителе, ни в толкователе. И слыхано ли это, владычица, не знать этого и спрашивать свою рабу, меня, окаянную!

Душа: Коль от тебя не узнаю, у кого научусь? А из Писания я слышала, что спрашивать полезно и советоваться со многими спасительно.

Плоть: Да какое же дело теперь тебя занимает, и где, скажи, твой ум скитается и блуждает.

Душа: Такое дело – постигать божественное: откуда я пришла, и по какой причине, и кто создатель мой, и почему, создав меня высшей всех сущих в мире тварей и подчинив мне животных, зверей, и гадов, и птиц, и прочее, можно сказать, все: небо вместе с тем, что в нем, и землю, и иное, – при этом он поместил меня в тебе, смрадной, и куда потом я пойду, с тобой, наконец, расставшись?

Плоть: Ты правильно ответила и хорошо сказала; и это постигай всегда; пусть это будет твоим делом, чтобы ты научилась лучшему и божественному.

Душа: Я ведь того и желаю всегда и хочу хорошее поучение об этом услышать. Но как свинья, что нечистотам радуется и скверне и каждый день валяется в них, наслаждаясь, так и ты, презлая Плоть, вечно этими своими плотскими страстями, и уладами постыдными, и скверными деяниями оскверняешь меня каждый день, валяясь в них безбоязненно, словно свинья, и вниз меня влечешь, и никак не позволяешь мне взглянуть ввысь, о горнем помышлять и к горнему стремиться. Способность видеть, то есть ум мой, во мне ты угасила. И как смогу я понимать, будучи помраченной и ослепленной во всем и видеть неспособной?

Плоть: Да ведь ты руководишь мною, ты меня повсюду носишь! Ты ведь управляешь мною, как всадник конем. Я без тебя вовсе ничего не совершаю: ни добрых дел, ни злых, ни тех, что между злым и добрым. Так за что же ты меня укоряешь и за

что бесчестишь? Хорошо ли, дурно ли мы живем – зависит от твоей воли.

Душа: Полагаешь, злейшая, что разумно мне перечишь? Но не так обстоит дело, как ты сказала, не так, как говоришь! Но словно конь свирепый, что зовется Сиртиарий, неудержимый, страшный и весьма непокорный, когда грызет узду, стиснув ее зубами, и, шею яростно задрав, к берегам устремляется, и в пропасти, и в ямы, в рвы, наполненные грязью, сам себя повергает вместе со всадником; если же попятится, то будет еще хуже, – подобно этому и мы страдаем обе вместе. Ты, враждебная, свирепеешь, как этот названный мной конь, и тогда я не могу вести тебя, куда хочу, но ты, куда хочешь, несешь меня против моей воли. Если же я побью тебя палкой и помучу тебя или голодом накажу тебя и суровой жизнью, если трудами нагрузу тебя многими и тяжелыми и работы возложу на тебя такие, чтобы пострадала ты – чтоб не буйствовала больше, не озоровала, не скакала совсем, – умерщвленной и полумертвой низложу тебя, чтобы заставить тебя быть покорной, то лишаясь тогда своего слуги и помощника, и не с кем мне будет добрых дел сделать! Как добродетель тогда стяжать и сотворить мне?

А если же дам тебе покой и угожу тебе, вновь на меня восстаешь со злобой и бешено воюешь со мной, и низвергаешь меня вниз, в деяния несправедливые. Однако же иногда ты помогаешь мне совершить любимое Богом, способствуешь мне во многом, но воюешь со мной; и помощник ты мне, и соперник разом, противник беспощадный и враг свирепый. Горе, горе мне! Как это: враг – и друг мой любимый! Как мне поступить, не знаю, и что сделать, не ведаю. Если бы дал Бог от тебя освободиться, вышла бы я из твоей зловонной и смрадной темницы, быстро пошла бы, наставляемая ангелом, в мое отечество и, оставив все мирское, в надмирном мире жила бы.

Плоть: Слишком возвысилась ты, о душа, и чрезмерно вознеслась: и невещественна ты, и добра, и все-то ты превосходишь, и осмысленна ты, и словесна, и бессмертна, и приходишь из высшего небесного мира, а этот мир недостойн тебя, а я злородна, я раба из этого изменчивого и скверного мира, из всех его четырех стихий вся состою, и мерзка я, и

скверна, и нечиста, как ты говоришь. И говори, что хочешь, ведь госпожа ты мне. Но хотя ты меня и называешь, укоряя, злой и бесчестишь, но если бы ты меня не имела, владычица, не стоила бы ты и медяка.

Душа: С чего ты потеряла стыд, с чего бесчестишь ты меня, что унижаешь? Хочу понять твои слова.

Плоть: Тогда внимай и, слыша, не огорчайся и не гневайся на меня понапрасну, как если бы я бесчестила тебя, как если бы я обнаглела и стыд отложила от лица моего. Скажу тебе правду, хочешь ты того или не хочешь. Послушай теперь осмысленно и разумей, что я буду говорить.

Без помощи моих органов, госпожа, Творца своего и Бога не можешь ты славословить, – если ты не имеешь меня своей сотрудницей и помощницей. Без меня не можешь ты ни возблагодарить своего Создателя как его творенье, ни покаяться в согрешениях со слезами и воздыханиями, как это сделали блудница оная и Петр. Со мной расставшись, разумеешь ли, кто ты есть?

Душа: Да как только вообще язык твой поворачивается говорить мне такое, и при этом ты не стыдишься?!

Плоть: А почему бы мне не говорить и отчего умолкнуть, если я отдана тебе, чтобы ты имела меня своей рабою? Вины своей я не знаю и, что сказать, не ведаю. Ведь ты не прежде меня возникла, но вместе со мной. Неужто горшечник меня создал, а тебя Бог? Что ты такое без меня и *какая*, скажи-ка? Невидима, неведома для всех ты вся, и никто не может знать тебя, никто и не увидит тебя, добра ли ты или же зла, никто не распознает, *какая* ты – мудра, или безумна, или смышлена, или разумна и притом простодушна.

Душа: Да что такое ты говоришь? Я не понимаю сказанного.

Плоть: Так слушай же и верь, и соглашайся с тем, что говорю. Все существующее познаваемо чувством, а умственное умом постигается. Итак, все чувственное мы познаем чувством ведь, а мысленное – мыслью, как я уже сказала. Чувственное способно давать показания чувству, а постигаемое мысленно, о страстная, не прямо само по себе познается, но по действиям. Неведомую будучи, о душа, и полностью невидимой, ты

правильно познаешься от собственных действий, как познается Бог по им сотворенному. Ведь Бога никто никогда не видел, ибо он невидим существом и природой, но отчасти познается так, как сказано. Ведь что невидимо в нем, то, сказал божественный Павел, путем наблюдения по тварям уразумевается, от заключенной в тварях премудрости Творец-Создатель бывает познаваем, каков он. Все, чему он дает бытие, равно всякий день своего Создателя проповедует. Красота творения и его величественность ясно свидетельствуют о своем Творце. Я тобою, госпожа, оживляема и движима, и от того, как ты мною действуешь и что делаешь, через меня ты познаешься, *какая ты и что ты есть*. Я ныне показываю тебя всем, что ты собой являешь, какова ты на деле, что совершаешь в жизни. Ведь ты владеешь всеми моими частями и органами, ими действуешь и с их помощью все делаешь, сокрыта будучи во мне и заперта. Ты невидима, ибо ты вся и всегда невестственна, помышления и все рассуждения, какие ты имеешь, сокрыты, о госпожа. То, что в тебе, ни ритор, ни философ, ни также геометр, ни враг-колдун, – никто не знает то, доколе ты не воспримешь от меня шестиструнные уста и потребные для голоса мои приспособленья: горло с легкими, гортань с языком, зубы и губы с ними, – и произведешь голос. И лишь тогда становится сокровенное открытым, и известными делаются твои рассуждения. Глядишь ты моими глазами и все видишь, говоришь моим языком, слышишь ушами, обоняешь моими ноздрями, а руками занимаешься ремеслами и всякими художествами от малых и незначительных до самых великих. И без меня никак не можешь ты ничего сделать ни из житейских и телесных дел, ни из духовных. Я всем тебя явила, я прославила тебя. Не хвались моим и столь не заносись. А если хочешь убедиться в том, что правдива моя речь, внимай теперь с умом, и ты легко все постигнешь.

Тебе ведь кажется, что ты большою и красивой помещена во мне и совершенна от самой утробы. Я же, когда рождаюсь, как известно, несовершенным младенцем пребываю, из детей малейшим. И ты тогда сразу ничего не можешь делать: явственно не говоришь, совсем не ходишь, и руками вообще не

владеешь, но во всем бездейственной оказываешься. И ждешь ты меня, владычица, твою рабу, – пока мои члены, все части тела, понемногу вырастут, окрепнут и станут, как я сказала, зрелыми в соответствии с моим возрастом. И лишь тогда ты ими можешь действовать как хочешь. А после этого, опять же, если какому-либо из моих членов случится погибнуть, то и против желания, любимая, ты в деле его снова становишься бессильной, не будучи способной то дело делать. Если же мозг мой поражен будет мечом или как-нибудь иначе поврежден будет, слепою ты делаешься, не различающей доброе от недоброго, становясь навсегда полностью бессмысленной и скудоумной, во всем бездельной, как прежде я сказала. Так же, если я потеряю глаза, во мраке пребываю и в бездействии, как и Христос в Евангелиях сказал, хоть и прочие мои все члены целы. Так и ты, прелюбезная, коль скоро ум погубишь. А для ума нужнейшим из всех прочих членов и наилучшим из органов является головной мозг. В нем обитают три умственные силы: память, воображение и мышление. Воображение находит себе место впереди, а память сзади, мышление же в середине головы, конечно же. Старайся хорошо уразуметь, что я говорю: три твои части, ума лишившись, ни на что не нужны, хотя бы все это пребывало здоровым и целым, – я имею в виду способности мышления, ярости и третью, каковой является, владычица моя, влечение, ради которых изначально душа существование приняла, быв со мной создана, – эти твои три умственные стихии. А если мой мозг здоров и цел, то три твои умственные силы, о душа, рождают в тебе четыре родственные им добродетели, четвероконную их упряжку: мышление порождает справедливость и мудрость, влечение – целомудрие, а ярость рождает в тебе мужество. *(Но стоит головному мозгу стать хромым, теряешь все: и справедливость, и мудрость, и мужество, и целомудрие)*, а с ними и умственные силы, о госпожа, – память, воображение и мышление, а с ними и пять твоих чувств, любимая: ум и мысль, представление и воображение, и, наконец, понимание; а также и мои все: зрение, обоняние, слух, вкус и осязание, вселюбимая, – отходят все полностью – и умственное, и чувственное, и мысленное с ними.

И пусть твои три части совершенно здоровы – разум, ярость и влечение, но, однако, бездейственны и неприменимы все три, коль скоро тот не будет здоров, – я о мозге говорю. И если так продлятся дни моей жизни, что восемью десятками лет достигнут или больше, и ослабнут все мои составы, части тела, вместе с чувствами моими, какими ты гордишься, не будет тогда и мышление твоё здоровым и ясным, и то же – если я буду сильно обожжена огнем, потому что разрушится моя сила, а с нею и способность ума мыслить и рассуждать. Ибо если не имеет ум в своем распоряжении здоровый и неповрежденный орган, то ни в чем не сможет показать свое искусное действие. Когда я расту, – он растет, я перестану – и он перестает. Ведь если слаб орган, слабо и звучание. Я зрю глазами, ты же умом. Коль тот нездоров, погубила ты все. Уразумела ли ты, о душа, то, что немного раньше я тебе сказала, – что без меня ты сама и гроша не стоишь?

Душа: Уразумела, и поняла, и весьма удивилась. В самом деле, как ты сказала, так оно и есть, служанка. Кто же тебя научил, где ты это постигла и откуда это знаешь?

Плоть: Удивляюсь и изумляюсь и, что сказать, не знаю: ты спрашиваешь, как деревенщина! И слышать странно. От чрева матери моей я совсем ничего не знаю. Но с той поры как родилась и в жизнь приведена была, я слышала, что сказано: «Просящий получит, и прилежно ищущий, что хочет, обретает». Вот так и я, о мучительница, ищу и постигаю. Теперь слушай меня, владычица, и внимай.

Аристотель мудрый и с ним Гиппократ говорят, что ум пребывает в сердце. Гален же не соглашается и говорит, что он в головном мозгу. Григорий Нисский не согласен с ними и иначе, чем они, учит, так как называет бестелесное нелокализуемым: нельзя пространством очертить бесплотную природу, и никакими частями тела ум не содержится. Но по всему телу проходя, на всех здоровых органах тела, частях телесных, он осуществляет свое действие. В немощных же остается бездейственным и не может никакого искусного действия произвести.

Как кузнец, что различные орудия для дела и искусства своего ремесленного держит и с ними делает, что ему нравится и что он хочет, – но среди тех, что он имеет, есть два, что всех других потребней, о душа: это наковальня и молот, – без них он ничего не делает. То же и про ум уразумей: если он не имеет сердца и головного мозга, двух этих органов, здоровых и неповрежденных, бездействен пребывает.

Скажу тебе, владычица, и нечто большее и важнейшее. Тем, что ты, душа, – такая светоявленная, и умная, и невещественная, и божественная, обязана тому, что ты во мне бываешь сущей; ведь не в себе ты зачалась, но во мне образовалась. Не будь я создана, не была бы создана и ты со мной. Или ты отдельно и я также отдельно появились? Нет, окаянная, нет, не думай того вовсе. Ведь в единстве создает Создатель нас обеих. Ни тело раньше души и ни душа прежде тела создались и возникли, как то многие считают, но обе разом, ни одна не будучи первоизданной и другой не опережая, как я уже сказала. Единовозрастная, ты ровесница мне во всем. Бестелесною душа и бездушным тело не были и не бывают с самого начала, пойми. От одушевленных – одушевленное и от живых – живое, – живым и одушевленным рождается тело. Вот и оказывается, что человек есть тленное животное.

Душа: Довольно непросто постичь сказанное; невероятен союз нас двоих. Так разъясни же мне значение и смысл речи: если Творец создал обеих нас одновременно, сопряг нас, рабыня, двоих и соединил, почему же ты, смрадная, вдруг отбегаешь от меня, и тотчас разлагаешься, и становишься пылью и прахом, а я не разрушаюсь, но пребываю вечно живой? И тебя без меня нет, я же существую и помимо тебя. Ты без меня жить не можешь, а я без тебя живу.

Плоть: Так послушай, любезная, как обстоит то, о чем ты говоришь. Что я поняла из Писания, то тебе и скажу.

Все, что ни есть, чем-либо движется; и, стало быть, не от самого себя жизнь получает, но явно от чего-то иного, движущего его; и дотоле существует, и живет, и пребывает, доколе имеет в себе действующую силу, – я разумею – ему сопутствующую. Когда же действующее перестает действовать,

тогда исчезает и движимое, – по причине отсутствия движущего. А ты, госпожа моя, будучи самодвижущейся, имеешь непрестанное бытие, никогда не исчезаешь; ибо вместе со способностью самодвижения тебе свойственно вечное движение; а тому, чему свойственно вечное движение, свойственна и непрерывность; непрерывное же, вселюбимая, некоторым образом и бесконечно; бесконечное же всегда бессмертно и вечно живо. Я же тленна, и изменчива, и смертна вся; лишь благодаря тебе я и живу, и движусь. После того как оставляешь ты меня, я уже не пребываю, но отхожу тогда в то, из чего была составлена. Так что без тебя я ничто, один зловонный смрад.

Душа: Как же, будучи столь знатной, я была создана вместе с презренным, а не прежде, как великая и большая, а ты была создана не после меня, как меньшая, о рабыня? И каким образом бессмертное было сопряжено со смертным?

Плоть: Хочешь уразуметь то, о чем спрашиваешь? Тогда, госпожа, послушай.

Весь мир был создан ради души, а не душа ради него была создана, любимая. И обычно Зиждителю творить сначала меньшее, большее же напоследок, ибо так и подобает. Поскольку же душа драгоценней всего мира, как сказал Христос, надлежало, чтобы сначала появились поселение ее и жилище, а потом – она сама. Бог создал два мира: вышний и нижний. Вышнему принадлежит мысленное, нижнему же – чувственное. И в вышнем мире создал он ангелов, умных и бесплотных, дух огненосный. В нижнем же – различных животных земных и водных, а также птиц. Подобающим образом и прекрасно создал он все: в мысленном мире – мысленное, я имею в виду всех ангелов; в нижнем же – чувственное, поскольку чувствен и он, всеми видимое и все явленное. И из того и другого сотворил он человека двойственным: небесным и земным, животным смешанным, госпожа, – и вещественным, и невестественным, словесным и одновременно бессловесным, смертным и бессмертным, видимым и невидимым, взяв лучшее из высшего, из нижнего же – тело, примесив божественную душу к земному. И поместил ее посреди одушевленного и бездушного, как некий

образ чувственно-мысленного, чтобы, будучи тому и другому родственным, человек мог наслаждаться всем: божественным – благодаря душе, каковая более божественна, земными же благами – благодаря брэнной плоти, чтобы те приносили потребное ей, словно дань. Природа же умственная, точно так, как и ангельская, охраняет его и заботится о его спасении. Божественный ведь апостол учит меня этому: «Не все ли они суть служебные духи, посылаемые, – говорит, – на служение тем, кто имеет наследовать царствие?» Подобным образом говорит и Господь в Евангелиях: «Не презрите, – сказал, – ни одного из малых сих, ибо ангелы их видят каждый день лицо Отца моего небесного». Потому-то прежде он создал мир и все то, что в нем, то есть то, что ты видишь, госпожа.

Мир состоит из четырех стихий великих, которые прежде всего Создатель всего ввел в бытие, из небытия составив; я имею в виду воздух, огонь, землю и воду. Остальное же все, о душа, что посреди них, какое бы оно ни было, малое и великое все, звери и скоты, и змеи, и виды растений, и семена все, и травы всяческие – основание получило в этих четырех. И, как мудрый мастер, он создал все уже из сущего, не как стихии. А когда завершил весь этот мир, сотворил человека, чтобы он обладал миром и царствовал в нем по своей воле и усмотрению. Ведь подобает владеющему являться не раньше владеемого, но позже, чтобы сначала было подготовлено владение, а затем явился и его царь; так же и гостеприимный хозяин приводит приглашенного, душа, не раньше, чем заготовит все снеди, но благолепно весь обед снарядив и все виды пищи приготовив, напоследок вводит гостя. Ведь пастбище – сначала, затем – скоты; стало быть, поскольку, как я сказала выше, сотворенное появилось ради души, так же и тело, – для того, чтобы помогать и служить ей, как отцы говорят и учителя все. Ведь ради чего-то существующее все, что ни есть, менее важно, чем то, ради чего оно существует, как и Христос в Евангелиях учит: «Душа больше пищи», – и справедливо, и опять же: «И тело важнее одежды». Ибо душа появилась не пищи ради, любимая, ни опять же тело одежды ради, но и то и другое – ради души и тела. Стало быть, как ясно

из этого, я могу назвать тело колесницей души. Послушай *еще*, владычица, и будь внимательна к моим словам.

Поскольку двойственным Бог пожелал сотворить человека – из души и тела, – сначала создал он тело из четырех, любимая, стихий мира великих: теплого и холодного, влажного и сухого, – и кровь, и мокроту, и слизь, и желчь сотворил, и взял их, как мастер, за основание, и устроил плоть для служения душе. Душу же потом вдохнул, как и откуда – знает только он сам, и какую – знает он один, – не из стихий этих составленную, как остальное, но от Бога, как мы сказали, и из высшего мира, совершенно невещественную, разумную и бессмертную, причастную высшему и божественному благородию и к нему всячески всегда стремящуюся; с худшим, чем она, связанная телом, подвигом и борьбой с низменным вышнюю славу и пищу наследует она непременно. Ведь испытание добродетели сопряжено с подвигами и трудами, – чтобы то, на что она уповает, не было только Божьим даром,, чтобы она и худшее к себе привлекла и возвысила, избавив понемногу его от тяжести и грузности, тело земное, и научила хорошо служанку-материю, и присвоила Богу товарищей той по рабству. Я имею в виду вещественную плоть, происходящую из нижнего мира, и душу уподобляю владычице, плоть же – рабе для прислуживания душе и угождения ей.

Вот, госпожа, я сказала тебе, почему ты, славная и великая, ни с чем не сравнимая, не была создана первой и почему, будучи бессмертной, ты сопряжена со смертным.

Душа: Истинны твои слова, и все их я приемлю, во всем тебе поверила, разве только одно, из того, что ты сказала, неверно, о рабыня. Ибо чуть раньше ты сказала, что сращены мы обе, а сейчас говоришь, что душа после появилась, а *сначала тело*. Так как же было в действительности то, о чем ты говоришь?

Плоть: О том, как было в действительности, послушай теперь, добрая, что я скажу. И как в ином не лгала, так и в этом не солгу.

Тела праотцев наших, о душа, Адама и Евы, богозданные, богосотворенные, без семени были созданы и помимо соития.

Мужское – из праха, женское же – из его ребра. Разумей, душа моя, разумей: недвижимой и бездушной Адамова плоть сначала была создана и лишь после одушевлена. Поскольку же не сохранил он заповедь Создателя из-за обмана и зависти дьявола, потерял то, что было создано сначала, и оделся в это кожаное, – увы мне, – смертное, тленное, изменчивое и полное смрада. Потому выселены они были из рая и прокляты как преступники. И Ева услышала: «В печалях будешь рожать детей». И после того рождаемое обязательно пребывает во чреве и без семени не зарождается. И вот семя и зачатие с тех пор и доныне, и соитие мерзкое – для того именно, чтобы появились одушевленные тела, мужские и женские. И Адам, будучи одушевлен, одушевленное посеял семя во чреве праматери, тоже одушевленной, и зачал целиком одушевленного *Каина*, плоть и душу разом зачав, госпожа. Подобным образом и прочие люди доныне: одушевленный человек одушевленное сеет семя в утробе женской, как незадолго до этого я сказала тебе, и растут и те и другие и множатся – души и тела – вплоть до конца света, из рода в род, как видишь, госпожа.

Душа: Непонятное ты мне объяснила. Чтобы я не сомневалась больше, скажи мне, служительница, и научи меня вот чему. Поскольку ты уподобила душу госпоже, плоть же рабыне, и подручнице ее, кто повинен, скажи мне, в грехопадении первозданных людей, которое некогда они совершили в раю: словесная способность души или бессловесная сила тела? Хотела бы я понять, кто первый согрешил.

Плоть: Интересующее тебя, владычица, выше меня, трудно для постижения, трудно для уразумения, непостижимо совершенно. Но, однако, поскольку я немного знаю Писание, что сама поняла, то и расскажу тебе, госпожа, а ты послушай, любезная моя, немного о том, что тебя интересует.

Словесная душа была с самого начала вооружена Богом для содействия ей двумя видами сильного оружия: яростностью и влечением. Она же, будучи вооружена ими для содействия ей, во зло использовала их в тот час, когда начинатель зла, змей,

сказал обманные слова, ложью исполненные: «Богами станете тотчас, если вкусите от дерева». Ведь услышав про обожение, женщина прельстилась и, помыслив, дурно рассудила, что о хорошем обожении идет здесь речь. Также и другая способность – имею в виду влечение – извратилась и та: вожделем плода дерева, – сладости, во-первых, и затем тщеславия, ибо дерево показалось ей красивым, а плоды его в высшей степени пригодными для еды, а обожение – наилучшим из всего. Эти две причины, владычица, способствовав обману Евы, и Адама ввели в обман так же, как и ее. Так они, насладившись дурно, предали истинное, обманувшись, увы! Но ведь и другое – я имею в виду способность к ярости, не использовал он подобающим образом, ибо не прогневался на врага и не воспротивился ему мужественно, чтобы не покориться ему и не послушаться его. Ясно, что радость и надежда от услышанного ослепили его ум, имею в виду душевное око, и, надеясь на обожение, он внезапно пал. Здесь внимай, душа, и увидь страдание великое, пагубное и тяжелое, и силу, какую оно имеет. Как можно посягать на небо! Ужаснись, душа моя, ужаснись! Оттуда ведь Бог сверг некогда Люцифера, тщеславия я имею в виду прародителя, – увы мне, – и питателя, как написано, гордости, из-за которой он и отпал. Посмеялся тот и над ними. И обрати здесь внимание, владычица, на пагубность страсти – ведь ее раб восстает на Бога, Божьего же супостата имеет лукавым союзником и другом. Поскольку Бог гордым противится, и этому первому из них он быстро воспротивился.

Душа: Из того, что ты сказала, следует, что тело было обижено: раз согрешение было душевным, почему наказание – телу? Оно ведь тотчас стало изменчивым и подверженным страданиям, многострастным и гниющим, многоболезненным весьма, тленным и смертным, и, как видишь, гораздо худшим. Душа же пребывает какой была и прежде того – совершенно невещественной, умственной и бессмертной, рабыня, ибо никак не пострадала, хотя и была смерти достойна.

Плоть: Так слушай, владычица, и разумей, что тогда случилось. Вся кара, добрейшая, как и подобало, коснулась не

тела, но именно души, хотя на первый взгляд и кажется, что она ничего плохого не претерпела. Послушай притчу, и ты поймешь.

Некогда один царь купил себе у жестокого, строптивного и лукавого хозяина раба – убогого и нагого, безобразного на вид, высохшего и отощавшего, весьма исхудалого, страдальца и горемыку, совершенно непотребного, всего в струпьях, в коросте, обессиленного от ран, голода и тяжких страданий; и очистил его от всяческой скверны, облек его в светлую и мягкую одежду, сделал его князем великим и славным, подарил ему и имения, и имущество, и богатство, и сделал его первым в своем дворце. Тот же, злейший неблагодарный раб, вскоре устроил заговор против царя, на царство его вступить захотев. Царь же лишил его имения и богатства, снял и одеяния, пояс и все цветные одежды окаянного того, и в рубище преветхое и рваное все, худое, и непотребное, и истлевшее совершенно облек наветника несчастного этого, и прогнал его далеко от дворца в пустое, и ненаселенное, и непрохожее место, чтобы был тот там до конца жизни. И продержится его рубище то ветхое или семь, или восемь, или десять лет, а затем рассыплется окончательно, и с тех пор будет ходить он нагим, как и родился, до самого конца жизни, пока не вынужден будет с нею расстаться.

Спрашиваю тебя, превысокая, кто претерпел мучения и казнь принял за то согрешение: раб ли лукавый, как виновный, будучи обнажен и лишившись богатства и славы, как существо самовластвующее собой и словесное, или же имения те и богатство его, бездушная, бесчувственная и неподвижная материя?

Душа: Ясно, рабыня моя, – конечно, человек, хотя царь тот вовсе его не поранил, ни страданий ему не причинил, однако же перенес он тяжелое мучение.

Плоть: Спрашиваю тебя, – ты же ответь мне, госпожа моя, на это: суд царев праведным ли был или нет, когда изгнал он того из царских дворцов?

Душа: Конечно, рабыня, вполне праведным. Если бы не был тот царь добрым и кротким, он лишил бы его глаз, а не только на имения излил бы гнев, и казни предал бы заговорщика-раба.

Плоть: Хорошо ты ответила мне, госпожа моя, на это. То же разумею, любимая, и о душе и теле. Поскольку не захотела душа пребывать такой, какой была создана, но тут же забыла о благородстве своем и внутри пределов своих не пожелала оставаться, и мир этот, который ты видишь, иметь как свою долю, но наслаждение, радость и веселие, даже обожение самое захотела получить и равной в чести быть Богу; справедливо Бог совершил суд, и то тело, каким он сначала облек ту, обрадованную, богозданное и чудесное, совлек, как с согрешившей: чтобы как-нибудь вновь не согрешила.

Хочешь узнать о природе и красоте тела того – каковы и какой меры, – звездам подобным было оно и луне, ибо нагое не нуждалось ни в одеждах, ни в покрове, но как солнце само своей наготой украшается ныне, так же и оно оставлено было естественным *благообразием украшаться*. Совлек он с нее то тело и облек ее в мерзкое, и гнусное, и скверное это; не изменил он, однако, самой его земной сущности, но переменял изначальную природу и из Эдема изгнал его тотчас, и запретил ему прикасаться к дереву жизни и его плоду, – жалея его, не отказывая, ни в коем случае, в жизни бессмертной, но наилучшим образом удерживая устремленность ко греху. Смерть, таким образом, не мезтью оказывается, но врачеванием наилучшим и скорее спасением, устройством, державная, премудрости исполненным, так как в большой мере удерживает устремление ко греху, ибо умерший, говорят, уже за него наказан. *Итак*, рабствует оно душе, насколько силу имеет: или десять, или двадцать, или пятьдесят лет, или, если долго, дважды столько, – а затем разрушается, подвергается тлению и распадается на четыре те составные части, из которых Богом было составлено; из земли исшедшее снова уходит в землю, по слову его.

Ты же, госпожа моя, нагой оставлена, будучи одинокой совершенно, не имея тела, которое тебя здесь содержало и сожителем имело, – а скорее, ты содержишь его, и образуешь, и имеешь – тотчас восходишь в свою область: если хорошо сохранила то, что у тебя по образу Божию, неоскверненным и чистым в настоящей жизни, то как умственная – к умственным,

как и нематериальная – к нематериальным, к своим, имею в виду, родственникам, ангелам святым, светозарным и светлым, в вышний мир. Если душа светла, со светлыми сочетается тут же; будучи от вышних, восходит вверх и радости исполняется. Если же она погрязла и помрачилась вся в страстях пагубных и нечистых, то к темным и мрачным ангелам причисляется; будучи темной – к темным и лицами мрачным, так как их она выполняла желания и дела. От дел своих душа получает образ и каждая является такой, какова она есть: дела света делают светлыми и светносными, дела же тьмы черными и мрачными. Душа ведь, госпожа моя, с телом воспитана, ко всему видимому и чувственному прилепившись, ничего бестелесного никогда не видит, пока привязана к этой земной плоти; когда же она совлечет ее, видит без помех.

Вот тебе смысл этой притчи. Если же тебе кажется, что нами здесь сказанное выражено неподобающим образом, ибо я говорила притчей, поинтересуйся тем, что такое притча, и знай, госпожа, что притча не во всем в равной мере точна; иначе она и не была бы притчей, но скорее тождеством.

Душа: А что в человеке, рабыня, скажи мне, имеет, насколько это возможно, образ Божий и подобие его, ты говоришь? Что он имел в виду – тело это тленное или же душу? Моисей сказал, что человек первозданный был создан по образу Божию. А можно ли назвать человеком бездушное тело? И опять же, можно ли назвать так словесную силу души, если не будет тела у человека совершенно? Сказал ведь, кажется, Моисей в Книге Бытия так: «И создал Бог человека из праха земного». Это он о теле человеческом сказал, рабыня. «И затем вдунул в лицо ему дыхание жизни, – как он пишет, – словесное и божественное, и стал человек душою живою тогда». То, что по образу, рабыня моя, в чем оно находится – в плоти ли, служительница, или в самой душе?

Плоть: Послушай, госпожа моя, здесь изречение Павлово и уразумеешь искомое из него: «Насколько внешний наш человек истлевает, настолько внутренний больше обновляется». Двух соединенных человек упоминая, он называет так, внутренним и внешним человеком, душу и тело, обоих. Но ведь по-

настоящему-то человеком душа называется. Не смотри, душа моя, на внешнего человека и не обманывайся относительно его сути, ибо это лишь покрывало и одежда той. А что касается образа и подобия, относится к душе. Не думай, госпожа моя, что человеком называется это тленное тело, человек внешний. Но когда слышишь Писание, говорящее: «Сотворим человека по образу Своему», – то внутреннего подразумевай человека, душевное существо, которое не явлено, но сокровенно, и невидимо, и незримо по природе. Больше правды в том, что мы преимущественно внутренней жизнью живем. Ибо ко внутреннему человеку более «я» относится, под внешним же – не «я», но «мое» подразумевай. Не рука ведь «я», стало быть, и не нога «я», опять же, но «я» – это, конечно же, разумность души. Рука же, и нога, и прочие части человеческого тела суть члены. В соответствии с этим тело есть орудие, колесница и союзник души человеческой. Воистину же человеком душа называется. А разум – господин страстей и владыка. Мы знаем, что она должна быть покорной владыке и пребывать в стяжании смысла, при помощи истиннейшей части ума ее и посредством мудрости, которую Бог тому даровал.

Походит ведь некоторым образом ум человеческий на Бога, ибо во мгновение обходит он все и охватывает – и запад, и восток, и юг, и север, и то, что под землей, и что на небесах, и то, куда нет входа, – но не существом своим – вовсе этого не подумай, – а представлением только мысленным, госпожа. Одному ведь Богу с его существом и естеством, а также премудростью и силой свойственна неопиcуемость, превышающая всякую природу. То, что по образу, владычица, обозначает властвующее. Как никого нет на небесах выше Бога, Творца всех, видимых и невидимых, так никого на земле нет выше человека. И как Бог владычествует всем, так и тебе подчинил бессловесных животных, чтобы мы вкупе всеми владели и над всеми скотами и зверями господствовали – над птицами также, и змеями, и рыбами, и всем живым, что поместил Бог в этот мир. Вот что у нас, как показано, по образу Божию.

А то, что по подобию, – то мы осуществляем в зависимости от желания нашего и произволения, путем уподобления возводясь к нему. Дал он нам, вложив, возможность уподобиться ему. И оставил нашему произволению, быть ли нам по своей воле и желанию создателями его, госпожа моя, подобия, чтобы это и было венцом нашего труда, платой за работу. Внимай, душа, и разумей: чтобы именно твоим был успех, а не чужим, тебе предоставил он это, быть по его подобию, о чем и сказал: «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш небесный» и Владыка, ибо солнце его сияет на всех, на злых и на добрых, и мочит дождь тоже так же. И если ты, госпожа моя, ненавистницей зла будешь, злопамятной, кроткой, братолюбивой и милостивой, то Богу уподобишься. То, что по образу Бог даровал тебе, – иметь разум и власть, а также свободу своей воли, госпожа. Бываешь и подобной – благостью, если захочешь. Ведь если бы по подобию тебя Бог сотворил, на что тебе благодать, о страстная? За что венчалась бы? Царство небесное как открылось бы тебе? Прекрасно для души спастись за подвиги и труды, получив спасение как долг и награду, а не как подарок и милостыню, подобно неразумному и ленивому рабу.

Душа: Хорошо и это ты сказала, и больше я не сомневаюсь. Однако вот что еще скажи мне, рабыня: тело праотца Адама, объясни мне, каким было создано – тленным или нетленным, смертным или же нет?

Плоть: И об этом, владычица, скажем тебе, что знаем: ни тленным, ни нетленным, и не бессмертным. Ибо он создал его между тлением и нетлением, между смертностью и бессмертием. Чтобы, если решит душа его добрая и сладкая, бессмертным оно стало через добрые дела, как и разъяснено уже в сказанном выше слове. А если же телесным страстям предастся тленным и смертным будет, как с ним и случилось. Ведь если бы смертным Бог сотворил его, не осудил бы на смерть согрешившего, ибо смертному смертность никто не присуждает. А если бы бессмертным, не нуждался бы он в пище телесной, тленной и погибающей и не покался бы в содеянном, и смертным не сделал бы тем самым бессмертное. Ибо не

видно, чтобы так поступил Бог и Владыка с согрешившими ангелами, ведь имеют они первоначальную свою природу, оставшись бессмертными, хотя и не светоносными, и вынужденными, стало быть, ожидать за согрешение наказания.

Душа: Долго мы беседуем, рабыня, спорим, но в хорошем смысле слова, можно сказать, по-дружески, не враждебно нисколько, скорее приятельски. Итак, вопросы мои ты хорошо разрешила. А теперь скажи-ка мне о том, о чем вначале я тебя спрашивала, чтобы не забыть нам как-нибудь и не упустить этого. А кроме того, прости мне прежде сказанное.

Плоть: А о чем вопрос твой – я забыла.

Душа: Я спрашивала, рабыня моя, соупряжница и подруга, где почивают души праведных, а также и грешных, и где пребывают они до всеобщего воскресения и Христова пришествия.

Плоть: Если хочешь узнать то, о чем, госпожа, спросила, слушай меня теперь вдумчиво, узнаешь и это.

Как Писание учит меня, на небе находится место, где покоится всякая душа праведная. Названий же у него много, ибо и страной живых оно называется, и землей кротких, и празднующих воспеванием, и сенью праведных, и пищи потоком, наполненным бессмертия. Послушай и убедись словами Павловыми, написанными им в Коринфе и в Филиппах: «Ибо знаем, знаем, – сказал, – что, когда тела нашего этот земной дом разрушится, мы имеем дом нерукотворный на небесах от Бога, вечный и лучший». Потому, от тела отходя, мы надеемся войти к Христу. Это и есть любочестие. Хорошо взывал Павел, с дерзновением: «Желание у меня есть, – сказал, – разрешиться и со Христом моим и Богом на небесах быть». И раньше Павла так сказал Соломон: «Души праведных в руке Бога и Владыки на небесах пребывают и находятся в мире». И Иоанн Дамаскин подобное же говорит: «Души ваши, – сказал, – на небесах в руке Бога живого, и его воспевайте с ангелами, потому что с земли преставитесь на небеса со славою». Имею и других свидетелей, душа моя, вернейших и вполне согласных с тремя уже приведенными.

Душа: А как они зовутся и из какой страны, скажи.

Плоть: Назианзин Григорий, Василий Великий, Златоустый во всем Иоанн и всебожественный лик отеческий – все говорят, что на небесах находятся души праведных и что место они занимают и число восполняют, погибельно отпавшего ангельского множества во главе с первым из них злейшим отступником – чтобы наполнился вышний мир. Как и Григорий Богослов говорит: «Когда наполнится вышний мир, ожидай окончания настоящего века». Все ведь явственно об этом свидетельствуют. Главой же всех нас является и именуется, и первым из мертвых воскрес, и первенцем, душа, или первородным и первым среди других братьев является Христос, второй Адам; по причине крайней доброты и «предтеча за нас», по выражению Павла, на небеса он взошел к своему Отцу и сел от него по правую руку, госпожа. А ведь где голова, туда вскоре последует и прочее все тело. Ибо завершение головы – тело, завершение тела – голова. И ни телу невозможно без головы быть, ни также голове без тела.

Ныне же возносятся лишь души всех спасаемых, владычица, святых и праведных, к своей голове, то есть ко Христу. О чудо! По воскресении же – взойдут и с телами. О чудо славы Христовой и чести, душа моя, и человеколюбия его и благ всех, которые все мы восприняли и с самого начала, будучи созданы, и напоследок вновь по благодати его получили! Итак, душа моя, веруй: свидетельства эти истинны, надежны и заслуживают доверия. Сказано же это было о душах праведных, очистившихся от всей лютой злобы.

Если же и о грешных душах узнать хочешь и где они затворяются и находятся, о душа моя, и о них от Писания отвечу тебе. Под всей землей внизу они пребывают, госпожа. Слушай и рыдай, пока не кончилась здешняя жизнь: сенью смертною *Давид*, преисподним рвом, адом то место назвал, почему и взывает: «Ты вывел из ада душу мою», надолго не оставил ее там пребывать. Об аде ведь и Иов, плача, говорил: «Земля темная и мрачная, и вечная тьма, жизни человеческой там не видно, ибо света там нет». Ад ведь есть место нижайшее из нижних преисподних, мрачных и мучительных по природе мест, куда сошел Христос и, захватив души, содержащиеся там

изначально, начиная с первозданного, вышел победителем. Прекрасно, Христос мой благой!

Но о будущем слушай и вострепещи прежде конца: во второе пришествие Христово и явление при общем воскресении выйдут все они из ада; каждый свое восприимет тело и вновь возвратится в ад, увыв мне, как сказал Песнопевец о них: «Тогда да возвратятся, – сказал, – грешники в ад». Слова «да возвратятся» показывают, откуда они вышли. И с тех пор будет им еще хуже и горше, тяжелее и больнее, будут мучиться и рыдать, сетовать и плакать безнадежно, душа моя, вечно и бесконечно. Пощади, Христос мой, пощади!

Тогда ты, душа, отойдешь к своему телу, с которым незадолго до того рассталась, к бральной плоти, чтобы войти в нее, как учит Писание. И ты видишь его все смердящим и скверным, гнусным и мерзким и сгнившим до конца. И, таким его видя, отвращаешься с неприязнью, но под ударами грозных ангелов, увыв мне, немилосердными, беспощадными, наносимыми с большой суровостью, вновь в негоходишь, душа, поневоле.

Но не таковы суть тела праведных, но как сверкающий бисер сияют они со славой, словно солнце, и даже ярче него. Если же ты, о душа, не веришь моему рассказу о воскресении, я приведу тебе надежных свидетелей, которым поверь.

Душа: А кто они, какого племени и народа?

Плоть: Во-первых, Иезекииль и Исая, затем Давид-праотец и Песнопевец он же, прежде Христа бывшие избранные и великие пророки; а после них также и Христос делами уверяет, ведь он первый из мертвых воскрес, как учит меня Евангельское Писание; и Павел учит всю вселенную, и коринфянам о воскресении пишет: «Пав в землю, это вещественное тело в немощи и тлении и бездушным в гробе сгнивая и разрушаясь и в ничто превращаясь, встает нетленным и духовным в славе, бессмертным, вечно живущим и обрадованным». Скажу тебе и притчу, которую он сказал: как одно зерно, нагое, в землю упав и сгнив, не нагим встает, каким оно пало, и одним лишь зерном, но весьма благородно одетым в стебель, листья, коленца, колосья и иное, и приносит зерна во множестве и прекрасные

видом, – подобным тому представляй себе и тогдашнее воскресение всех людей, малых и великих.

Послушай и удивись Божьему устройению: тогда ни высоких, ни низких не будет, ни черных, ни белых, ни тонких, ни толстых, ни русских, ни рыжих, ни кудрявых там не будет, ни хромых, ни сухоруких, ни бесноватых, ни одноногих, одноглазых, одноруких, ни также прокаженных, согбенных, слепых, горбатых, картавых, косноязычных, шепелявых, ни мудрых, ни глупых, ни старых, ни юных, ни рабов, ни свободных, ни варваров, ни скифов. Не думай, что каким умер, таким и воскреснет человек, но – каким первоизданный Богом был создан и каким был изначально, прежде слушания. Там не будет ни мужчин, ни женщин, ни детородных органов мужских и женских для соития блудного и скверного, никаких! Но – иное все, совсем иное, что знает один Бог, бессмертное, вечно живое и нетленное, непричастное печали и скорби, всяких хлопот и забот, с жизнью связанных. Брака вовсе не будет по воскресении; не будут тогда выходить замуж по причине отсутствия влечения; естества женского не будет никакого, но также и скопцов не будет; ни желания телесного, ни помысла блудного; и ни бесов там, ни брани, ни свары, но все – словно ангелы Божий. Христос ведь это некогда сказал саддукеям.

И также еще не умершие и погребением не скрытые, но в жизни вращающиеся, малые и великие, все мгновенно изменятся тогда. Будут же все в одном возрасте, как прежде я сказала тебе, совершенно нагими и открытыми. Наготу же их, госпожа моя, и открытость по подобию жертвенных ягнят разумеи, приводимых на заклание Богу. Ведь как с тех кожа сдирается для испытания сокрытых внутри них костей и мозга, так же и деяния каждого объявляются. Что касается различья, пойми следующее: это не будет отъяти-ем самого существа, но смертности утратой и прекращением и от тления избавлением. Ведь эта смерть тела не губит, но тление его разоряет. Существо же, добрейшая, пребывает и остается, со славой множайшей вставая тогда. Но не обо всех, владычица, я говорила. Это воскресение общее для всех будет; воскресение же, душа, со славой будет лишь для праведно поживших, ибо

они пробудятся для воскресения жизни; зло же соделавшие – для суда мучительного.

Душа: Не вызывает сомнений речь твоя, всю ее принимаю, во всем тебе поверила, кроме одного только того, о чем, как ты слышишь, Писание ясно гласит. Ведь когда Христос сошел в ад, чтобы души все освободить, там пребывающие, он освободил всех начиная с Адама и прочих по порядку. Ты же, о рабыня, сказала теперь, что там находятся души всех грешников и нечестивых. Но если он тех изъял из утробы адовой, то где же тут благодать, если они вновь, как осужденные, находятся под адом? Значит, несогласие с Писанием я нахожу у тебя и предполагаю, что ты, рабыня, неправа.

Плоть: Послушай же меня, владычица, и пойми теперь и Писание, и истину, которую я тебе скажу с помощью притчи.

Существует, положим, некий мучитель, злодей и отступник, бежавший некогда от царя и ушедший далеко, в какое ему понравилось место, и там выстроил город, высокий и великий, стенами отовсюду хорошо защищенный. Посреди же его он выкопал глубокую и великую яму, глубиной даже до дна земного и больше, в ширину же шире всех широт, злосмрадную, мрачнейшую и очень темную, и сторожей всяческих там он поставил смраднейших, увы мне, весьма зловонных. И после этого, правильно пойми меня, злобная враждебность на все земли распространилась; собрал он многих зверей и ядовитых гадов, змей, пресмыкающихся, скорпионов и ехидн и прочих всех тварей такого рода, и запер их в мрачнейшей яме, чтобы мучить, конечно, людей, которых он хотел туда заключать. Ни луны, ни звезд, ни солнца там нет, я имею в виду в городе вражьем, лишь мгла густая. Вблизи же этого города путь был торный, и иной дороги не было, какой можно было бы пройти в весь мир. Этим путем шли все племена и народы, как враги царя, так и его друзья. И вот все они приходили, того не желая, в руки отступника и врага, и малые и великие, и он всех их одолевал и всеми овладевал. Пользуясь силой рук, мощью и своим могуществом, связывая руки и ноги им, он страшно лютовал и обращал их в заключенных и темницу наполнил темную ту всю. Не стерпев же несправедливости этой, царь не

оставил надолго людей выносить страдания и послал туда сына своего, говоря: «Пойди и скорее освободи людей наших всех из рук обманщика и отступника». Тот же, придя и схватив противника, все ему сокрушил – и кости, и жилы и оставил его полумертвым и бездейственным, вырвал глаза у него и глазницы; запоры и ворота поверг, и засовы сломал, и освободил всех как победитель и хозяин добычи, – разом и врагов, и друзей, – из преисподни их всех вывел наверх из глубины, и от крепких уз освободил всех, и по лицу земли ходить им предоставил. А после этого, смотри, он принял прекраснейшее решение: избрал верных друзей отца своего и, взяв их, ушел к своему отцу в прекрасный и чудесный его дворец, – чтобы те были всегда с цесарем и веселились вместе с ним вовеки. Врагов же и нечестивцев он оставил там, пока отец не решит, что им подобает, и не вынесет он суд справедливый о них.

Как ты на это смотришь, госпожа моя: не получили ли и те тогда некоторого благодеяния, – нечестивых я имею в виду и врагов цесаревых, или же ты не думаешь, что было для них совершено благодеяние? Как тебе кажется? Я же считаю, что благом великим было то, что мучитель был схвачен и связан противник узами нерасторжимыми, и что глаз был лишен, а из бездн земных были выведены те, и из темниц мрачных, из уз и запоров, от смрадного зловония и гадов ядовитых, – от всех этих зол освобождены и что было им предоставлено свободно ходить повсюду, ибо не стало тюремщика и его слуг, так как враг погиб со всем своим воинством, быв побежден.

Хоть и слышала ты, что в аду находятся души, но они не так пребывают, как прежде, не в страданиях тяжелых, не в нуждах, ведь нет, не в узах нерасторжимых, но в частичном послаблении и в некотором покое. Мне это представляется великим благодеянием. Все ли ты поняла из сказанного или и еще сомневаешься?

Душа: Уразумела и поняла я, правду ты говоришь. Всех он облагодетельствовал по правому суду: врагов меньше, друзей больше. И благодать эту великой называют все добромыслящие, и она весьма велика.

Плоть: Госпожа моя, как же ты поняла рассказанную мной загадку? Хочу узнать, хорошо ли ты сказанное уразумела.

Душа: Слушай, служительница, теперь ее отгадку. Отступник – это падший Люцифер, город же, который он построил, – ад; как я думаю, яма глубочайшая и темница его – это, служительница, чрево адово, торный же путь – это жизнь, которой мы идем, малые и великие вместе; мучительство же вражеское и разбойничество его – смерть, как представляется, которая похищает всех и в лютый ад посылает тотчас же; а находящиеся во рву гады и лютые звери, как я думаю, – тамошнее нестерпимое страдание; царь же – Бог, а сын его, избавитель рода человеческого, – это Христос; друзья – праведники, а нечестивые – враги его и грешники, полагаю; прекрасный же дворец и веселье в нем, и радость непрестанная – это Царство Небесное.

Плоть: Хорошо и весьма разумно поняла ты сказанное мною, госпожа моя и владычица, слава Христу моему! Но знай, что притча не во всем точна и не должна восприниматься буквально. Иначе это не притча была бы, как мы сказали, но скорее тождество. «Возлеги, уснул, как лев», – слышала ты патриарха, говорящего о Христе, госпожа. И еще в другом месте: «Встречу их, – сказал, – как медведь страшнейший, голодный весьма». Разве применимо зверям присущее все здесь ко Христу? Нет ведь, владычица моя. Но подобает, нужное взяв, что подходит, прочее все оставить, пройдя мимо него. Выберем здесь страх, который внушает лев, его царственность, и только мучение от медведя, а не что-либо иное из того, что им свойственно. Так же и к другим притчам относись. Послушай, госпожа моя: у меня здесь есть и еще один муж святой и премудрый – знаменитый Иоанн Мансур Дамаскин, – и ты еще больше уверишься. Ибо он более точно о том, что там будет, учит прекрасно и открыто для всех. И послушай, что он сказал здесь некоторым образом в стихах:

«Не просто ведь всех спас живодавец Христос, сойдя в ад, но сказано, что и там – уверовавших, каковы суть отцы, пророки, судьи, цари, а с ними и поместные князья, и некоторые другие бесчисленные из народа еврейского и известные всем.

Мы же вот что скажем по этому поводу тем, кто находится здесь: не дар, не богатство, не слава, и не нечто удивительное и невероятное – то, что Христос спас прежде уверовавших, потому что он один судия праведный, и всякий, в него поверивший, не погибнет. Подобало ведь всем им спастись и от адовых уз разрешиться схождением Бога и Владыки, что и произошло по его промыслу. А кто по причине его человеколюбия спасся при этом, как и те, провели честную жизнь и всякие добрые дела совершали, строго живя, воздержанно и целомудренно, веры же истинной и божественной не достигли, не просвещены будучи вовсе, и совершенно ненаученными оставшись. Этих всех людей обо всех заботящийся Владыка привлек, и уловил мережами божественными, и склонил их веровать в него, воссияв на них божественными лучами и показав им свет истины; не захотел он, милостивый по естеству, чтобы вотще их труды *были, ибо* они избрали труднейшую жизнь, мучительную и невыразимо скудную, быв самодержцами своих страстей и сласти выплевав, вместе с тем и к нестяжанию всякому прилежа, воздержанию собдением также, и всякому вообще доблестному жительству, хотя и не будучи благочестивыми, но тем не менее высший промысел, как им казалось, наилучшим образом почитая, пусть ошибочно. Есть же некоторые, кто поверхностно и смутно постигли божественную славу всемогущей Троицы, но не прославили ее однако. Иные же предсказали воплощение Слова, страсти его честные и воскресение. Другие же – рождество от Девы, имя ее предсказав, – Мария, ибо, сказали, имя отроковицы. Опять же некоторые предначертали все сверхъестественные Христовы чудотворения с мертвыми и слепыми, косноязычными, прокаженными, глухими, лихорадочными, водяночными, а также сухорукими, и по морю хождение, затем хлебов благословение и рыб, превращение также воды в вино, кровоточивой и согбенной выздоровление предсказав со многим иным. Божественная сила Слова не сдержалась, чтобы пройти мимо таковых погибающих и дать погибнуть делам наилучших. Ибо занятое у них, как мы сказали, с окончанием времени не уничтожается, но, будучи сохранено,

возвращается всем хорошо пожившим с лихвою. А те, кто не жил праведной жизнью, семени или плода никакого не стяжали, от дождя божественного, с неба на них пролившегося, вовсе не возросли, ибо, как я прежде говорила, не посеяли они семя и, когда воссияло солнце славы, не созрели, будучи совершенно бесплодными. Таковым не принес Христос пользы вовсе, не совоздвиг их, думаю, видя падшими, потому что они вовсе не достойны спасения, так как не поверили ему, как мне кажется. Ибо ослепил их помыслы и очи сердечные, увы мне, тьмы сгусток, первый змей, которому они служили с самого начала, чтобы, видя, они не видели по правде и не понимали ее ничуть. Другие же все, семя имеющие, созрели, когда появилось солнце, и выросли, когда прошел дождь. Тех спас, как мне кажется, Христос мой, когда сошел в ад добровольно».

Душа: Все хорошо сказала ты мне, учительница и рабыня, и правильно, и ясно. И не противоречу я совершенно, но имею еще вопрос, недоумение большое. Скажи мне и об этом ясно, если можешь сказать.

Плоть: Да что это такое и каково, скажи.

Душа: Как, оставив тленным, а найдя нетленным, тело свое душа узнает? Ибо то, что она оставила, или слепо и без глаз, или же глухо и немо, другое же скудоумно, оскотлено же иное, и тонко, и сухощаво, и толсто, полно и тучно же, брюхато другое, другое же без бороды, космато опять же другое; иное также женского пола, черно иное и мрачно, бело опять же другое; без рук и ног остались также иные, и младенцы иные несовершенные и маленькие очень, и старцы; и иные – сгнившие сильно, и черноволосы другие, иные же светлы. При воскресении же, как ты говоришь и учишь меня, рабыня, тело одно от другого происшедшее, как прежде сказала мне, по подобию Адамову, – как опознается то, не имеющее ни прежних признаков, ни вида, ни размера?

Плоть: Послушай, госпожа моя, об этом странном деле. Тогда не ищи обычного порядка естественного соответствия, но выше естества все вообрази и представь. В этой ведь жизни все такое, какого в будущем ничего не будет. Но промыслом Божиим и желанием его знамение будет дано, и опознают все до одной

души свои тела, с них совлеченные, – как овца узнает своих ягнят, и сосунки-детеныши своих матерей не по виду и не по иному чему-нибудь, но обонянием только одним опознают их. А ведь много схожих ягнят бывает, и множество их существует. Видел я многократно, как мать взбиралась и спускалась многое множество раз, своего ягненка среди ягнят разыскивая, и к ней подходили многие из ягнят, – но она никого не подпускала и не кормила ни одного, всех обнюхивая, проходя мимо всех, пока сама не найдет своего собственного ягненка. Подобно этому произойдет опознание душами своих тел, которое будет тогда. Промыслом Христа моего в будущем будет дано от него знамение. Я же его не знаю, – он один только знает. Поскольку душа умственна, умственным будет и то; поскольку ж она бестелесна, и оно бестелесно, не чувственно, не материально, каково все сущее здесь. Подобным ведь образом и родные, и друзья своих друзей, и незнакомые друг друга узнают тогда, как притча тебе, госпожа, показала. И пусть никто не думает вовсе, что не все и не всех узнают тогда на страшном этом соборе, душа моя; да, каждый узнает там близкого своего, – не по телесным образу и признакам, но оком душевным проницательным.

Душа: Да откуда это известно? Прошу тебя, рабыня, представить свидетеля в подтверждение этих слов. Ибо я тебе как рабыне не верю и сомневаюсь в том, о чем ты говоришь.

Плоть: Послушай же, госпожа моя, во-первых, Христа моего, ясно учащего в Евангелиях, что узнал богатый Лазаря одного на ложе Авраамовом сидящего, также и Авраама, великого патриарха; а кроме того, в другом месте он сказал иудеям: Авраама увидите, и Исаака тогда, и Иакова, и всех пророков также в царствии Божиим, себя же – изгнанными далеко вне его. И пусть никто не думает и не говорит, что это только притча и что смысл ее нельзя понимать буквально, ибо божественные притчи Спасовы, любимая, заключают истинные образы вещей настоящих, возможных, необманчивых и явных.

Душа: Это – наивернейший и наилучший свидетель. Есть ли и иной кто-нибудь, с ним согласный и то же говорящий об этом?

Плоть: Есть, госпожа моя, многие, но не могу всех их теперь приводить изречения, ибо ленюсь их все писать. Однако три, и четыре, и пять могу представить тебе и высказывание каждого здесь напишу.

Иоанн Златоуст так говорит: «Не только ведь здесь знакомых нам мы узнаем, но и тех, кого никогда не видели в лицо: Авраама, Исаака, Иакова и всех праотцов, отцов, и дедов, и прадедов, пророков, апостолов и мучеников». Душа моя, увидев их, узнаешь ты всех их тотчас же на торжище том великом. Также и Василий Великий, обращаясь к лихоимцам, сказал подобное этому: «Не представишь ли пред глазами своими Христова судище, когда тебя окружают, представ внезапно, и близкие, и далекие, и малые, и великие, обиженные тобою, и будут громко тебя обвинять. Куда только не возведешь глаза ты тогда, увидишь лишь озлобленные лица: с одной стороны – сырые, с иной – вдовы, с другой – нищие, которых ты всех обидел, соседей всех, которых ты здесь прогневил». Также и Григорий Богослов пишет: «Тогда, – говорит, – Кесаря я увижу светоносного, который мне во сне явился, брат любезнейший». Ефрем же блаженный учит, так говоря: «Тогда, – говорит, – своих родителей осудят дети их собственные за то, что дел благих они ныне не сделали. И знакомых увидят в тот час. И когда увидят некоторых из них, увя мне, к правым причисленными, тогда возрыдают они по причине разлуки и расставания с ними». Афанасий Великий, чудный, основание и поборник Церкви, и он сказал: «Бог праведникам всем даровал возможность познания при общем и соборном, душа моя, воскресении, быть друг с другом, веселиться и радоваться во веки веков. Лишены же грешники утешения этого: не смогут они узнать друг друга тогда – *(с того момента, как произойдет разлучение их с праведными)*. Как дела все открыты тогда, так, – сказал, – и лица всех узнаваемы будут, пока окончательно разлучение всех не свершится и каждый не будет послан в свое место: праведники – с Богом и друг с другом, грешники же – в дальние места. Хоть друг и окажется с другом, не узнает один другого. Как уже сказано, будут они лишены и этого утешения или же и такой благодати. Ведь в противном случае явно всем

будет, – сказал он, – то стыдное, в чем они все виноваты. Ибо тогда, – он сказал, – будет лютый и великий стыд, когда кто-нибудь узнает кого-нибудь или узнан окажется. Всякий ведь стыдящийся знакомых стыдится, а тех, кого не знает, – нисколько, – ведь и его не знают. От незазорного же не бывает никакого срама». И это верно и потому бесспорно, что ясно мы все друг друга узнаем. Приняла ли ты моих свидетелей, о которых я говорила, или по-прежнему, как и мне, не веришь и им?

Душа: Нет, служительница, нет. Больше я не сомневаюсь, потому что весьма благоразумно ты объяснила и недоумение мое разрешила. И я благодарю тебя: более верно, надежно и истинно свидетельство многих, как я от Христа узнала. Теперь же я имею желание уразуметь вот что.

Ты раньше в своей речи сказала мне, рабыня, что при воскресении небо и земля примут более божественный вид, тоже и тела всех людей – и те в нетленные переменятся. А я, служительница, изменюсь тогда или буду такой же, какой являюсь ныне, три свои части сохранив неразлучными: способности к мысли, влечению и ярости? Буду ли я и тогда тождественной себе? Тричастной с тобой вовеки пребуду? И каждая часть опять будет делать свое дело, – я имею в виду влечение и ярость? Если такими же они останутся во мне, тяжелым и мучительным для меня воскресение будет, потому что вновь подверженной страстям, и скверной, и вновь нечистой буду я из-за них. Если же не будет со мной двух этих частей, невредимой как я останусь, будучи их лишена? Ибо то, что как-то оскудеет, может ли быть невредимым? И если я разделюсь надвое, то не буду цельной, но буду в чем-то несовершенной и оскудевшей, сама понимаешь. Да и как неделимое окажется делимым, на различные части будучи тогда разделяемо? Ведь если, как ты прежде сказала, весь мир этот видимый ради меня был создан и появился, и если он в лучшее переменится создание и преобразится тогда в естество воистину прекраснейшее и божественнейшее, более светлое, более красивое, Зиждителя и Создателя желанием и волей, то, значит, я, рабыня, окажусь весьма обойденной, если и тогда останусь

такой, какова сейчас, и приращения не получу и не почтена буду, как и ты, рабыня, когда ты прославишься, как ты сказала. Ибо тления и смертности будешь ты тогда чуждой, нетленной, вечно живущей и бессмертной станешь. Если плоть, рабыня моя, сверхъестественно Создатель почтит, как он обещал, Бог и Владыка, владычицу же саму в бесчестии оставит, внизу окажется вышнее, дольнее же вверху. Созданной таким необычайным образом, не подобает мне, владычице, в таком презрении пребывать, но надлежит воистину чудным и странным изменением перемениться и мне по желанию Владыки как царице всего здешнего мира, – перемениться и мне самой, как всех вышней. Ведь поскольку он собирается обновить бездушные стихии и бесчувственные и мне, рабыня, служащие, подобало бы обновить и меня – и как словесную, и как чувственную. Ответь мне на это, рабыня моя: на что мне подобает надеяться?

Плоть: Госпожа моя и владычица, в глубину раздумий и пучину непроходимую ввергла меня ты теперь. Трудно для постижения, трудно для уразумения то, что ты спрашиваешь. Я недоумеваю и боюсь, смущенная, не обо всем на свете зная, к стыду своему, оказаться близкой к падению. Другого кого-нибудь это спроси из разумных, меня же прости, так как я вовсе не знаю.

Душа: От другого я не хочу это узнать, рабыня. Раз ты поблизости, далеко идти мне не подобает, а спрашивать безнадежно, и стараться напрасно. Так что начни, рабыня моя, покажи, что знаешь. Если же покориться мне не хочешь, не надейся есть, ибо ни пищи, ни питья не позволю тебе принять; и, как ты знаешь, дубинку не съела собака.

Плоть: Послушай теперь немного, госпожа моя, и пойми. Я ведь и прежде тебе говорила и сейчас опять говорю следующее.

Мир как видимый, так и мысленный, и явления все, сколько их и какие только ни есть, Творец и Создатель тебя ради привел в бытие. И опять же, тогда ради тебя обновит он все – для благоугождения тебе, для чести и славы, для веселия, радости и для прекрасного наслаждения. Мое обновление станет твоей

похвалой, ибо мои честь и слава твоими будут тогда, как и бесчестье мое твоим является ныне.

Ведь в том, что здесь, ни в чем не нуждается Бог, – ни в солнечном сиянии, ни в небесной красоте, ни в земном благолепии и приношении всяческом: изобилуя всем, он этого вовсе не требует. Тебе ведь дарованы они в настоящем и в будущем. Так что если то, что существует ради тебя, так он прославит тогда, куда больше – тебя, душа, прославит, владычицу того. Вместе с влечением и яростью, твоими, так сказать, совоспитанниками, он вырвет с корнем и от них рождающиеся и возрастающие страсти. Если только можно вообще, госпожа, называть страстью то, что не является таковым, когда им хорошо управляет разум. Добрый плод таковых мы зовем добродетелью, недобрый творит зло. Тогда ни раздражение, ни гнев, ни ярость не придут к тебе, ни враждебности не будет в тебе, ни злопамятства, ни боязни, ни страха; не потребно тогда мужество; ревность и зависть прекратятся в тебе, госпожа; похоть бессловесная и сластолюбие также. Матери же всего этого – вышеназванные две. И ни самодовольства не будет в тебе, ни тщеславия, но не будет и веры; надежда тоже отойдет от тебя, подруга; также и память действовать перестанет, ибо не будет потребности в ней. Эти пять дети разумности суть, а не ярости и не вожделения. Ведь это все покидает, как я сказала, тебя. С той поры и предела желаний достигнув, никто не будет нуждаться ни в чем из вышеназванного совершенно, потому что ветхого человека совлеки полностью, с ним ты совлечешь и его постыдные дела и скверны и к жизни бесстрастной вновь возвратишься. Одна любовь будет у тебя тогда и ничего другого, из того, чем теперь мы совместно владеем или порознь. Ведь то не является для тебя существенным, так как не принадлежит оно к разумной природе, нет ведь, бессловесной скорее свойством видится. Ибо коварного и яростного врага нападение на тебя увидав, расщедрился Творец и вооружил тебя и снарядил для отпора ему теми двумя, владычица, – чтобы не застал он нагою тебя, и не уязвил тебя, и не поранил, как только захочет. Поскольку же, госпожа моя, там брани нет, но мир твердый, какая потребность

в оружии? Враги ведь твои со всем воинством погибнут окончательно. Здесь ведь все это: и борьба, и победа, – там же прекратятся их власть и мощь. Над теми, кого здесь боишься, ты посмеешься тогда, в огонь геенский видя их вверженными. У тебя же будет тогда беспримесное и особое все – и разум, госпожа моя, и мышление, – боговидным, проницательным и богоподобным, по образу Божию, как в самом начале, когда ты получила Божие вдуновение. И вновь ты воспримешь его, что бы под ним ни разумелось. Благодороднее, а также славнее всех ангельских воинств, говорю, явишься ты тогда. О душа, дивно и слышать это, и более страшно и странно видеть: ведь то, что создано по чьему-то образу, госпожа, непременно бывает во всем прототипу подобно: разумностью – как разумному, а бестелесному – бессмертностью, вселюбезная, по всему подобно, как лишенное всякой плотности и всей пространственности; поэтому мерю оно – как и то, по природным же свойствам оно представляет собой нечто отличное от того, – я говорю об архетипе, – имею в виду по форме, по природе и по существу. Это уже не образ, если во всем будет таким же, владычица, как и тот. Но что в несозданном естестве видится, добрейшая моя, то же и в созданном естестве обнаруживается. И если это истинно, а это и есть истинно, что хотела бы ты большее этой славы? Или иного чего-нибудь захотела бы ты как лучшего, чем это?

Хорошо ли теперь, владычица, поняла ты сказанное? Поверила ли и восприняла ли ты как истинное это, или ложным кажется все, что я говорила, и вздором тебе представляется? Я ведь не знаю. Скажи, владычица, как ты это уразумела?

Душа: Нет, рабыня моя, нет, сладостно и с охотой, радостно и весело, с удовольствием восприняла и восприму все сказанное, радуясь, что недоумение мое разрешилось! Служительница, неверующий учению этому вовсе не христианин, и не православен таковой, и общего ничего с Христом моим не имеет, и царствия его не наследует, но весь он неверен и сатане хуже. Я же по благодати Божией верую, что это так и есть, и будет, как ты научила меня. Не сомневаюсь в словах твоих, да не будет со мною этого. Однако еще об

одном молю тебя, – приведи мне свидетельство Писания об этом, чтобы мне и его услышать. И если окажется, что и то учит согласно с тобой, тогда все это будет более ясным, непоколебимым, надежным и крепко утвержденным. Но слов Писания ты не изменяй совершенно и не в стихах передавай мне их смысл, но именно такими, каковы они суть, мне их и прочти.

Плоть: Тогда послушай, госпожа моя, теперь и понимай. Некий мудрый, святой и сугубо благородный муж иного некоего премудрого Христовой премудростью человека спрашивал именно то, чем ты интересуешься, трехчастность души в чем состоит, желая узнать. А теперь внимательно выслушай этот его вопрос.

ГРИГОРИЯ НИССКОГО ВОПРОС К МАКРИНЕ

Умным называют существо души и говорят, что к чувственным свойствам телесного организма оно добавляет жизненную силу. Ибо наша душа действует не только в сфере познавательной и теоретической мысли, осуществляя таковую деятельность умственной частью своего существа; и органы чувств не сами по себе прилежат свойственной им по природе деятельности; но ведь, как можно заметить, многое в нашей природе движимо влечением, а многое и яростью. Поскольку и то и другое нам родственно, мы видим во многих различных видах движение, совершаемое энергиями обоих родов. Ведь многое можно опознать, чем вожделение управляет, и многое также, что от порыва ярости произрастает. И ничто из этого не является телом; бестелесное же обязательно принадлежит к сфере ума. Умственной некоей вещью определение называет и душу. Следуя логике речи, приходим, таким образом, к одной из двух нелепиц: либо влечение и ярость составляют в нас иные души, и тогда различаем множество душ вместо одной, либо и присущий нам смысл нельзя считать душой, ибо к умственному относится равным образом все. Либо все это – души, либо все эти свойства нельзя считать равным образом присущими душе.

ОТВЕТ МАКРИНЫ

Пришел и твой черед задать этот интересующий многих вопрос: чем надлежит считать влечение и ярость – чем-то

присущим душе и с момента первого ее устройства с ней пребывающим или посторонним для нее и позже у нас появившимся. Все равно полагают, что они свойственны душе, но я еще не нашла убедительного ответа, позволяющего составить твердое мнение о том, чем они являются. И до сих пор многие расходятся в своих о них предположениях. Но мы, оставив пеструю внешнюю философию, сделаем свидетелем божественное и боговдохновенное Писание, которое учит, что ничто нельзя считать свойством души, что не свойственно божественной природе. Поскольку душа является подобием Божиим, все чуждое Богу оказывается за границей души. Ведь в изменившемся не сохранилось бы подобия. А поскольку ничто такого рода не может считаться свойственным божественной природе, постольку нельзя считать это и соприсущим душе. Что означают наши слова? Человек – это словесное животное и людьми внешними по отношению к нашему Слову определяется как существо, восприимчивое к уму и науке. Если бы определение не так описывало нашу природу, если бы оно рассматривало ярость и влечение и то, что из них произрастает, как соприсущее ей, то не иначе как такое определение отдало бы предпочтение общему вместо частного. Ведь влечение и ярость равным образом свойственны природе и бессловесных, и словесных существ. А никто в здравом разуме не определяет по общему частное. А что не годится и отбрасывается при определении природы, как может, будучи ее частью, служить помехой для определения? Ведь всякое определение указывает на особенность подлежащего определению существа, и если оно упустит особенное, рассматривается как чуждое определению. Но ведь связанная с влечением и яростью деятельность признается общей для всей бессловесной природы. Все же общее не совпадает с особенным. Поэтому следует думать, что они не принадлежат к тому, что способно служить для определения особенности человеческой природы. Подобным образом, видя у нас способность чувствовать, необходимость питаться, возможность роста, из-за них не отменяют данное душе определение. Ведь дело не меняется оттого, что все это не принадлежит душе. Подобным образом

неразумно, и указывая на связанные с влечением и яростью движения нашей природы, отвергать определение как якобы ограничено ее раскрывающее. Ясно ведь, что те находятся за пределами рассмотрения, будучи свойственными природе страстями, а не ее существом. Что же касается того, что представляет собой ярость, то многим она представляется кипением околосердечной крови, другому – стремлением доставить ответную неприятность напавшему первым, мы же предполагаем, что это – побуждение причинить зло раздражающему. А из этого ничего к определению души не относится. И если мы станем давать определение влечению самому по себе, то назовем его или тягой к недостающему, или стремлением к чувственному наслаждению, или печалью по причине необладания желанным, или своего рода предчувствием сладости, каковую предстоит вкусить. Все это и тому подобное показывает, чем является влечение, определения же души не касается, но представляется чем-то посторонним душе и противоположным друг другу, как-то: страх и отвага, печаль и *(радость)*, и тому подобное, – все это родственно влечению и ярости и подмешивает к отличительной особенности души свою природу, и все это около души находится, душою же не является, но как некие муравьи из помыслительной части души вырастает; и кажется – по причине сопребывания – ей принадлежащим, но это не то же, чем душа является по существу.

Ведь мы говорим, что способность души созерцать, различать и воспринимать сущее свойственна ей по природе и что именно в ней она сохранила в себе боговидный и благодатный образ. Когда же делается умозаключение, что что-то из такового является по природе божественным, то имеется в виду способность, все воспринимая, отличать доброе от худшего. А то, что лежит в пограничной области души, обнаруживает по своей собственной природе склонность к каждому из противоположного и ведет – в зависимости от использования – либо к хорошему или к противоположному результату; таковы ярость и страх или какое-нибудь такое из душевных движений, без каких невозможна природа. Таковые

мы считаем извне присоединившимися, потому что в первоначальном совершенстве ни одна из этих черт не различима; и они не все на какое-то зло выпали жребием человеческой жизни. Ибо оказался бы Создатель ответственным за зло, если бы с тех пор необходимость греха была вложена в природу. Но таковые движения души оказываются – в соответствии с использованием их по свободному выбору – орудиями либо добродетели, либо зла. Как железо, по мысли мастера формируемое, в зависимости от того, что захочет мастер сделать, тем и становится, обращаясь либо в меч, либо в какое-нибудь земледельческое орудие, так и страх способен быть обращен в послушание, ярость – в мужество, робость в уверенность, порыв же вождения в божественную и нетленную радость. Если же разум отбросит вожжи и, как некий ездок, зацепленный колесницею, окажется ею влекомым, то туда будет направляем, куда устремится бессмысленное движение упряжки. Что и можно видеть у бессловесных, если не руководствует смысл свойственным их природе движением. Но когда их движение направляемо к лучшему, оно оказывается причиной похвал, как Даниилу – возжелание, Финеесу – ярость, а имеющему причину плакать – слезы и печаль. При уклонении же к худшему устремления обращаются в страсти, становятся ими, и называются.

Созерцающая же и различающая способности принадлежат богоподобному в душе, поскольку с их помощью мы и божественного достигаем. И если душа очистится от всякого зла, непременно будет принадлежать добру. Добро же по своей природе божественное. И что по причине чистоты имеет с ним соприкосновение, непременно оказывается и с тем соединенным. А когда это происходит, исчезает необходимость направлять к добру порождаемое влечением движение. Ибо стремиться к свету может тот, кто пребывает во тьме, а когда он оказывается на свету, желание его получает удовлетворение. Изобилие удовлетворения сделает влечение праздным и суетным, так как ни в чем оно не будет иметь недостатка, о чем только можно помыслить как о ведущем к добру, само будучи

полнотой благ, не по причастности к какому-либо добру к добру принадлежа, но само являясь природой добра.

Не все то, что кажется уму добром, привлекает к себе устремление надежды, ибо надежда действует только по отношению к не имеющемуся в наличии. «Если же кто имеет, то чего ему и надеяться?» – говорит апостол.

И также в действии памяти для познания мира не будет потребности, ибо то, что видишь, в припоминании не нуждается. Поскольку же выше божественная природа всякого добра, благое же благим всегда любимо, постольку и она, в себя глядя, что имеет, того и хочет, и что хочет, то и имеет, ничего внешнего в себя не приемля. Вне же ее ничего нет, за исключением только зла, каковое, если можно столь парадоксально выразиться, в небытии бытие имеет. Ибо происхождение зла есть не что иное, как лишение сущего. По-настоящему же сущее – это природа добра. То, чего нет в сущем, того нет, конечно же, и вне его.

И когда душа, отвергнув все многообразные естественные движения, станет боговидной и, превзойдя влечение, в том пребудет, к чему была влечением подвигается, с тех пор уже не будет предаваться ни упражнениям, ни надежде, ни воспоминаниям, ибо то, на что она надеялась, она будет иметь, и, беззаботно наслаждаясь, она изгонит из помысла память о благах и будет так подражать возвышенной жизни, проникшись свойствами божественной природы, что совершенно ничего другого у нее не останется, кроме состояния любви, по природе с добром сращенного. Это ведь и есть любовь – связь всей душой с вождленным благом.

Став же простой, однородной и совершенно богоподобной, душа находит то поистине простое и невещественное благо, единственное возлюбленное и вождленное, с каковым и срастается и сливается в любовном движении и действии, формируя себя в соответствии с вечно достигаемым и обретаемым и тем же становясь по причине уподобления добру, каковое является природой ею приемлемого. Влечение при этом отсутствует, поскольку в никакой из благ там недостатка

нет, да естественно для души, оказавшись среди блага, отложить от себя движение и состояние влечения.

Такое учение и божественный апостол нам проповедал, провозвестив прекращение и конец всего ныне в нас сущего и лучшим почитаемого и одной любви не найдя предела. «Пророчества, – говорит он, – прекратятся, и разумения упразднятся, любовь же никогда не перестанет», – а это равносильно тому, что иметь ее всегда одной и той же, – не говорит при этом он, что вера и надежда пребудут с любовью, но выше тех ее справедливо полагает. Ведь надежда дотоле только действительна, доколе не наступит наслаждение тем, на что надеются. Также и вера бывает опорой при неясности того, на что надеются. Так ведь ее определил он, говоря: «Вера есть основа ожидаемого». Когда же приходит то, что ожидают, и все остальное успокаивается, только любовь продолжает действовать, наследника себе не обретая. Потому она и первенствует среди всего, чего требует добродетель, и среди заповедей закона. Когда достигает такой цели душа, она уже не имеет нужды ни в чем другом, так как охватывает полноту сущего.

В настоящей же жизни у нас много ведь того, в чем мы, различно и многообразно действующие, нуждаемся и что получаем, как-то: время, воздух, пространство, пища, питье, одежда, солнце, лампа и множество другого, необходимого для жизни. В чаемом блаженстве ни в чем из этого нет нужды. Всем для нас и вместо всего, что нужно для удовлетворения всякой потребности, в той будущей жизни явится божественная природа, надлежащим образом себя разделяя. Как это ясно из божественных слов духовных, и местом будет Бог для достойных, и домом, и одеждой, и пищей, и питием, и светом, и богатством, и всем, что только можно помыслить и назвать, что может быть нужно для исполнения нашей жизни благами.

Плоть: Вот я твое повеление исполнила, госпожа, и привела свидетельство из Писания, как ты сказала, как ты приказывала и как ты просила меня. И знай: я очень сильно утомилась, там и тут проверяя, изыскивая с трудом, доставая книги и пергаменные листы переворачивая, дабы отыскать, как видишь,

это свидетельство. И ни слова я не изменила, как ты просила, но какими их нашла, точно такими и включила их, вписав сюда. Ответь, владычица, как ты это восприняла? Разве что-нибудь несогласное с этим я говорила?

Душа: Нет, служительница, нет, вовсе так не думай. Все это очень схоже и близко во всем. Теперь удостоверено и подтверждено твое учение, как выясняется, незыблемо во всем и неопровержимо для людей непокорных. Но тот трудолюбивый, буде такой найдется, кто захочет вникнуть в такой высокий и великий вопрос, как трехчастность души, – понять, в чем она состоит, услышав это, тут же, я полагаю, попросит привести к этому и еще что-нибудь другое столь же премудрое из Писания. Прочти еще, рабыня моя, прочти, не укрой. Большую ведь пользу ты мне принесла уже сказанным. Если не захочешь, рабыня моя, почитать мне еще, суд весь будет на твоей голове.

Плоть: Много тот человек спрашивал другого о душе, госпожа, полезного, подобающего и очень нужного, но уже хватит об этом. Одно только тебе скажу – о чем он спросил его в последнюю очередь, подруга, захотев узнать учение о воскресении. Ну, послушай, госпожа моя, теперь его вопрос. Не изменю ни малого слова, ни большого. В начале этого Слова написано так: «Коль скоро ты захотел узнать, каковыми и коликими воскреснут тогда все люди, во второй приход Христов, или пришествие, внимательно прочти написанное здесь, и уразумеешь».

О ВОСКРЕСЕНИИ ВОПРОС У МАКРИНЫ

Благодаря показаниям Писания и тому, что было рассмотрено выше, многие из слушающих согласятся, что некогда будет воскресение и что человек будет привлечен к неподкупному суду. Остается рассмотреть, окажется ли сущее сейчас тем, что ожидается.

Если бы это было так, то ненавистной, я бы сказал, была бы для людей надежда на воскресение. Ведь если такими же, какими бывают, уходя из жизни, составятся человеческие тела для новой жизни, какая тогда нескончаемая беда нас ожидает по воскресении! Ибо что может быть более жалким, чем вид в крайней старости обветшавших тел, превратившихся в нечто

отвратительное и безобразное, когда плоть их погубило время, дряхлость костей обнажилась опавшей кожей, все жилы стянулись, не будучи насыщаемы естественной влагой, и потому все тело согнулось и не имеет силы! Какое жалкое зрелище предстанет: голова склонилась к коленям, руки висят по сторонам, неспособные к естественному для них делу, постоянно невольно трясущиеся! А тела изъеденных хроническими болезнями, отличающиеся от обнаженных костей лишь постольку, поскольку они прикрыты тонкой изможденной кожей! А в водяночных болезнях отекающие! А вид священным недугом страдающих – я о безобразной прокаже говорю – какое может передать слово, когда все члены и чувства их сосуда телесного, понемногу поражая, гниение поедает! А те, кто при землетрясениях, в битвах или по какой-то другой причине руки и ноги потеряли и до смерти некоторое время в этом бедствии прожили! Или в родах от травм с поврежденными членами погибшие! А о прежде срока рожденных младенцах, о выкидышах, об удушенных и самих по себе погибших – что и думать, если они такими вновь к жизни восстанут? Пребудут ли они в младенчестве? Что может быть более жестоким! Или же они станут взрослыми? А каким молоком тогда они будут вскормлены?

Так что, если во всем то же наше тело оживет, беда нас ожидает. А если не то же, значит, некто другой восстанет вместо умершего: лег отрок, встанет взрослый или наоборот. Можно ли сказать, что у того лежащего, разрушившегося и изменившегося, восстановится то, что истлело с возрастом? Да и вместо старца юношу видя, сочтут его иным, а не им: вместо прокаженного – здоровый, вместо высохшего – плотный, и все остальное подобным образом, чтобы не перечислять все, удлиняя речь, по порядку.

А если не таким будет вновь жить тело, каким оно с землей смешалось, не умершее встанет, но другого человека, только землю тогда опознают. Для чего мне воскресение, если вместо меня другой станет жить? Да и как я узнаю сам себя, не видя в себе себя? Ведь я не буду поистине «я», если не все будет у меня таким же, как в настоящей жизни. Если, скажем, в памяти

у меня образ человека косноязычного, губастого, тупоносого, белокожего, голубоглазого, с сединой в волосах и морщинистой кожей, а затем, отыскивая такового, я встречаю молодого, долгоносого, темнокожего и все остальные черты образа иные имеющего, неужели же, этого увидев, я сочту его тем?

Если так рассуждать, то даже малейшим из особенностей необходимо сохраниться, не говоря уж о более крупных. Но кто не знает, что своего рода потоку подобно человеческое естество, от рождения к смерти своего рода течением приходящее и тогда лишь течь переставшее, когда и быть перестает. Течение же это представляет собой не пространственное перемещение, ибо из себя естество не выходит, но происходит путем изменения. Изменение же, пока оно является тем, чем называется, никогда на том же самом не останавливается. Ибо как в тождестве пребудет изменяющееся? Так, например, огонь в лампаде, представляющийся всегда одним и тем же, потому что благодаря непрерывности движения он кажется неотторжимым от себя и единым с самим собой, на деле, всегда сам будучи себе преемником, никогда тем же самым не пребывает. Ибо извлеченная жаром влага, оказавшись тут же воспламененной и сожженной, *(в дым обращается. И всегда движение пламени происходит в силу изменения)*, в дым через себя обращая основу. Так что дважды к тому же пламени прикасающегося не может то же самое дважды обжечь. Ибо стремительность изменения не ждет второго прикосновения, как бы скоро оно ни делалось, но всегда движется и всегда ново пламя, постоянно рождающееся и всегда себе наследующее и никогда на одном и том же не останавливающееся.

Нечто подобное свойственно и природе нашего тела. Ведь течение нашей природы, всегда вследствие ее изменчивости идущее и движущееся, лишь тогда останавливается, когда уходит из жизни. А пока в жизни пребывает, остановки не имеет, ибо или наполняется, или опорожняется, или и то и другое делает разом.

Если, стало быть, кто бы не родился, живя, одним бывает, а когда воскресение возведет наше тело к новой жизни, он

обратится в другого, то появится некий совершенно новый единый вид человека, в котором восстающему ничего не будет недоставать, был ли он утробным плодом, младенцем, отроком, юношей, мужем, старцем или кем-то промежуточным.

Целомудрие и распущенность действуют через плоть, и люди то претерпевают ради благочестия болезненные муки, то вновь расслабляются, уступая телесному чувству, так вот, когда то и другое будет открыто, как возможно на суде сохранить справедливость, если человек сначала согрешил, затем покаянием очистился, а при случае снова на грехе поскользнулся, и сменили естественным порядком друг друга и оскверненное тело, и неоскверненное, и ни одно из них до конца не пребыло тем же. Которое блудника тело мучимо будет – сморщившееся в старости перед смертью? Но другое оно по сравнению с соделавшим грех. Или же то, что осквернилось страстью? А где старческое? Либо оно не воскреснет, и тогда не действует воскресение, либо оно восстанет, и тогда избегнет муки заслужившее ее.

Скажу тебе и нечто иное – из того, что возражают нам неприемлющие Слово. Природа, говорят они, ничего не сотворила ненужным из имеющихся в теле членов. Они содержат в нас основу и силу процесса жизни, и без которых жизнь плоти поддерживаться не может; таковы сердце, печень, головной мозг, легкие, желудок и все прочие внутренности. Одни из них призваны обслуживать чувственное движение, другие – практическую деятельность, третьи – подобающее восприятие необходимого. Если в том же и следующая наша жизнь состоять будет, то ни к чему перемена. А если истинно то, – а это истинно, – что и брак по воскресении не будет существовать, будучи изгнан за пределы жизни, и не пищей и питием станет тогда поддерживаться жизнь, какая же тогда будет нужда в телесных членах? Ни к чему в той ожидаемой жизни органы, благодаря которым сейчас человек существует. Если то, что нужно для брака, существует ради брака, то когда его не будет, ничего из нужного для него нам не потребуется. Так же и руки – для работы, ноги – для ходьбы, рот – для приема пищи, зубы – для ее пережевывания, утроба – для

пищеварения, выводящие проходы – для извержения ставшего бесполезным. Когда того не будет, тогда существующее ради того, – для чего? На что оно нужно? Как сейчас у тела нет ничего из того, что будет содействовать той жизни, так и там не будет того, что ныне наполняет наше тело. А и тут, и там – жизнь. Значит, не стоит таковое называть воскресением, ибо по причине бесполезности для той жизни каждого из органов не воскреснут с нами тела.

Если же и для всех них окажется действенным воскресение, то напрасным, неподходящим для той жизни сделает нам Действующий воскресение. Но тогда надо ли и веровать, что воскресение будет и что оно не напрасно? Так что давай послушаем Слово, чтобы нам во всем подобающим образом в учении усовершенствоваться.

ВОПРОСИВШИЙ ОБ ЭТОМ, ПОСЛУШАЙ И ОТВЕТ

Мужественно, руководствуясь так называемой риторикой, напал ты на учение о воскресении, ловко опровергающими словами кругом обойдя истину. Боюсь, как бы те, кто не слишком внимательно рассмотрели таинство истины, не пострадали как-нибудь по заслугам из-за этой речи и не были сбиты с толку высказанным недоумением. Истина же говорит, что это не так, пусть даже мы не сможем подобающим образом ответить на эту речь. Но ведь истинное об этом слово в скрытых сокровищницах премудрости сохраняется и лишь тогда явным сделается, когда мы на деле узнаем воскресения таинство, когда не нужны нам будут больше слова для разъяснения нашей надежды. И подобно тому как бодрствующим среди ночи после многих слов о солнечном сиянии, каково оно, ясным делает предмет речи только красота показавшегося луча, так и всякое гадательное суждение, будущего воскресения касающееся, ни во что обратится, когда явится нам на опыте ожидаемое. Поскольку же не следует совершенно неисследованными оставить выставленные нам возражения, мы об этом скажем так.

Помыслить подобает, во-первых, какой смысл в догмате о воскресении и чего ради в святом Писании говорится о нем и в него веруют. Для этого, как будто кто-то его определением

неким охватив, описал его, скажем так: воскресение есть восстановление нашей природы в древнем виде. Ведь в прежней жизни, каковою ее создал Бог, ни старости не было, как и подобает, ни младенчества, ни бедствий, вызываемых многообразными болезнями, ни каких-либо других телесных страданий. Нелепо ведь было бы таковое сотворить Богу. Но чем-то божественным была человеческая природа, прежде чем явилось у человека устремление ко злу. Ведь все это вместе со злом к нам пришло. Так что в лишенной зла жизни никакой нужды не будет терпеть тот, кому доведется в ней быть. Как, бывает, зимой путешественник мерзнет, а если под знойными лучами ходит, то у него темнеет кожа, а когда вне и того и другого оказывается, и согревается, и от загара избавляется, и уже никому не сыскать того, что по какой-то из этих причин получается, поскольку нет причины, – так и природа наша, став подверженной страстям, неизбежными последствиями была приведена к страдательной жизни, будучи же вновь возведена к бесстрастному блаженству, последствиям зла подверженной больше не будет. Раз того, что примесилось к человеческому естеству от бессловесной жизни, первоначально – прежде, чем в страсть по причине зла впал человек, – у нас не было, по необходимости, когда мы оставим страсть, с нею вместе мы оставим и все, что с нею связано. Так что неразумно искать в жизни оной то, что мы приобрели из-за страсти. Как если кто-нибудь, одетый в грязную одежду, снимет таковое одеяние, то в безобразии изгнанника больше себя не увидит, также и мы, – совлеки мертвое и гнусное это облачение, из кож бессловесных существ на нас наложенное. О коже слыша, мне кажется правильным разуместь природу бессловесных, в которую, предавшись страсти, мы были облечены. А все, что у нас связано с кожей бессловесных, при совлечении одежды мы вместе с ней отложим. От кожи бессловесных также – соитие, зачатие, рождение, нечистота, кормление грудью, пища, испускание семени, медленное к совершенству возрастание, юность, (зрелость), старость, болезнь, смерть. Если того, что на нас наложено, не будет, как же то, что из этого следует, будет нам оставлено? Потому тщетно ожидание иного некоего

устроения в будущей жизни, так как ничего нет общего у того, что к нему относится, с учением о воскресении. Ибо что общего имеет изможденность и многоплотие, худоба и тучность, и все иное, что бывает свойственно изменчивой телесной природе, с жизнью оной, чуждой текущего и преходящего житейского пребывания?

К одному только стремится учение о воскресении – породив, вырастить человека или, как говорит Евангелие, чтобы «родился человек в мир». А долгожителем или недолговечным он будет, и смерть к нему в том или ином виде придет, – напрасно вместе с учением о воскресении распытывать. Что бы мы ни предположили, все едино: ни трудности, ни легкости из-за различий в этом при воскресении не будет. Ибо жить начавшее обязательно должно пожить, а поскольку среди жизни по причине смерти приходит ему конец, при воскресении оно восстанавливается; а то, как и когда конец наступит, – что в этом для воскресения? Ведь иное имеет в виду это исследование.

Наслаждаясь ли в этой жизни сладостью житейской или страдая за добро или из-за злодеяния, достойно ли похвал или обвинений, преступно или блаженно провел время жизни – все это и таковое в зависимости от меры жизни и от вида того, что с ней связано, рассматривается. И когда на суд привлекут, нужно будет судье учитывать и страдание, и проказу, и недуги, и старость, и возраст, и юность, и богатство, и нищету: как кто, в чем-то из этого побывав, – достойно или дурно прошел отведенную ему жизнь, и много ли благ или несчастий получал, и в течение долгого ли времени, или даже и к началу всего этого вовсе не прикоснулся, в несовершенном возрасте с жизнью расставшись. Пустое дело – говорить и думать, что такие помехи смогут воспрепятствовать силе Божией в достижении цели, когда Бог станет к первоначальному устроению возводить, воскрешая естество человека. Ведь его цель состоит в достижении каждым человеком полноты всего нашего бытия: и теми, кто уже тут, в течение этой жизни, от зла очистился, и теми, кто после нее подлежат вечному огню, и теми, кто равным образом добра и зла искуса в нынешней

жизни не познали, – (всем предлагается причастие) свойственных ему благ, каковых, как говорит Писание, «ни око не видит, ни слух не воспринимает, ни помыслами достигнуть невозможно». Ведь то добро, что выше ока, и слуха, и помысла, оно будет все превосходящим. И различие в добрых или злых делах нынешней жизни будет лучше видно по тому, как, быстрее или медленнее, воспримут люди ожидаемое блаженство. Ибо мере привившегося каждому порока точно соответствует протяженность лечения. Врачеванием же души будет от зла очищение. А это безболезненно не совершается, как прежде было показано.

Лучше же уразумеет излишество и неразумие возражений всякий, кто заглянет в глубину апостольской премудрости. Разъясняя коринфянам связанное с этим таинство, – причем те отвечали ему, как и ныне старающиеся опровергнуть этот догмат возражают уверовавшим, – смирняя достоинством своей просвещенности дерзость их невежества, он так говорит: «Скажи мне, как восстанут мертвые? И в каком теле придут? Безрассудный, – говорит, – то, что ты сеешь, не оживет, если не умрет. И когда ты сеешь, то сеешь не тело будущее, а голое зерно, какое случится, пшеничное или другое какое. Но Бог дает ему тело, какое хочет, и каждому семени свое тело». Мне представляется, что здесь он обуздывает тех, кто не осознает пределов собственной природы и, со своей силой сопоставляя Божественную мощь, полагает, что для Бога возможно только то, что вмещает человеческое постижение. Но это выше нас – превзойти Божью силу. Ведь тот, кто спросил апостола, как восстанут мертвые, отрицал как невозможное новое соединение рассыпанных телесных составов. А раз это невозможно, иного же тела для сочетания составов не остается, то и говорит, делая из важнейших возражений своего рода вывод: если тело есть сочетание составов, а во второй раз им собраться невозможно, какое же тело воспримут воскресающие? Именно это, казалось бы, с некоторым философским искусством теми сплетенное, он наименовал безумием их, не предусматривающих превосходства Божественной силы в будущей твари, не говоря уж о невнимании к высочайшим из Божьих чудес, какими можно

было бы в недоумение привести слышащего, как, например, то, что представляет собой небесное тело и откуда оно, что такое солнечный свет, или лунный, или у звезд наблюдаемый, эфир, воздух, вода, земля. Но с помощью обычного у нас и для всех хорошо знакомого он обличает слепоту сопротивляющихся. Не научает ли тебя земледелие, говорит он, что безумен ты, по своей мере о превосходстве Божественной силы судящий? Откуда берутся произрастающие из семян тела? Что влечет их прорастание? Не смерть ли их? Если смерть есть распад составленного, то ведь семя не прорастет, если не распадется в борозде, став достаточно рыхлым и многопористым, чтобы, напитавшись окружающей влагой, выпустить корень и росток и на этом не остановиться, но перемениться в стебель, словно некими скрепами препоясанный посредине коленцами, чтобы мог, стоя прямо, держать колос, плодами отягченный. Где было все то, что свойственно пшенице, до разрушения в борозде семени? А ведь оттуда все это. Если бы его сначала не было, и колос бы не появился. И по тому как тело колоса из семени произрастает, поскольку Божественная сила одно в другое искусно преобразует, и он оказывается совершенно не тождественным семени, но и не вовсе чем-то иным, и таинство воскресения растолковывается тебе в его словах по чудесам, происходящим с семенем, – а именно, что Божественная сила в превосходстве своего могущества не только то распавшееся тело снова тебе подаст, но и другое великое и прекрасное приложит, благодаря которому к большому великолепию наше естество снарядится. «Сеется ведь, – говорит он, – в тлении, восстает в нетлении; сеется в бесчестии, восстает в славе; сеется в немощи, восстает в силе; сеется тело душевное, восстает тело духовное».

Подобно тому как упавшая в борозду пшеница количественной малости и свойственной ей качественной особенности не сохраняет, но, оставаясь собою, становится колосом, существенно отличаясь от самой себя величиной, красотой, устройством и обликом, и человеческое естество, оставив со смертью все свои свойства, какие оно приобрело, подчинившись страстям, – я имею в виду униженность,

тленность, слабость, возрастные различия, – собою быть не перестает, но словно некий колос восходит к бессмертию, к чести, к славе, к совершенству во всем и к такому состоянию, при котором жизнь не зависит от физических свойств, но к некоторому духовному и бесстрастному устройению переходит. Ведь это свойство душевного тела – постоянно своего рода течением и движением из того состояния, в каком находится, изменяясь, перелагаться в другое, что мы ныне прекрасно видим не только у людей, но и у растений, и у животных. Ничего подобного в тогдашней жизни не останется.

Представляется мне, что апостольское слово во всем соответствует нашему мнению о воскресении и показывает как раз то, что и наше определение содержит, говоря, что воскресение – это не что иное, *(как восстановление природы в прежнем виде)*.

Поскольку же в первоначальном бытии мира – о чем мы из Писания узнали – сначала, как сказано, «произвела земля растение травяное», а потом из ростка появилось семя и оно, упав на землю, выпустило из себя росток того же изначально созданного вида, апостол и говорит, что то же будет при воскресении. И не только тому мы от него научаемся, что к большему великолепию человечество переменится, но и что ожидается не что иное, как то, что было прежде. Раз не колос поначалу появился от семени, но семя от колоса, а после этого снова он произрастает из семени, согласно ясной последовательности событий в этой притче, непременно должно все по воскресении расцветающее для нас блаженство восходить к первоначальной благодати. Ведь мы, колосом своего рода сначала явившись, зноем зла были иссушены; земля же, воспринявшая нас, по причине смерти разрушившихся, в весну воскресения вновь нас явит, возведя колосом, – нагое это зерно телесное – великим и развесистым, прямым и к небесной выси вытянутым колосом, вместо стебля и остий украшенным нетлением и остальными из богоподобных признаков. «Ибо надлежит, – говорит, – смертному сему облечься в бессмертие, и тленному сему облечься в нетление». Нетление же, и слава, и честь, и сила признаются свойствами

(божественной) природы. Что первоначально было по образу Божию, то и вновь ожидается.

Первый колос – первый человек, Адам; из-за проникновения в него зла его природа разделилась на множество, как это бывает с плодом в колосе. Подобно этому каждый из нас, будучи лишен, как колос, своего вида и с землей смешавшись, вновь по воскресении возрастет в первоначальной красоте, вместо одного колоса бесчисленные нивы образуя.

А добродетельная жизнь в том с порочной различие имеет, что те, кто в здешней жизни добродетелью себя возделали, сразу на ниве колосьями произрастут. А у кого по причине порока пропала всхожесть и сила душевного семени оказалась за время этой жизни поврежденной ветром, как у так называемых керасвол, которые, как говорят знающие люди, бывают бесплодными, – те хотя и прорастут при воскресении, но большую суровость со стороны Судии встретят за то, что не смогут подняться в виде колоса и стать тем, чем мы были прежде, чем пали в землю. Служение же пекущегося о жите состоит в том, чтобы выбрать плевелы и терния, выросшие вместе с семенами. Ибо если вся питающая корень сила утечет к инородному, чахлым и недозрелым останется благородное семя, будучи привнесенными ростками подавлено. Когда же все, что здесь есть инородного и чуждого, будет вырвано хозяином и истребится, пожженное божественным невестественным огнем как враждебное природе, тогда хорошо разовьется природа и станет способной к плодоношению, восприняв, по причине такого прилежания и ухода, общий вид, изначально нам Богом приданный. Блаженны те из произращенных воскресением, кому сразу совершенная красота колосьев воссияет.

Мы говорим это не оттого, что по воскресении обнаружится какое-то телесное различие у тех, кто, следуя добродетели, и у тех, кто, следуя пороку, пожил, так что у одного, скажем, тело окажется несовершенным, а у другого совершенным. Но как при жизни узники и свободные имеют схожие тела, но громадное между ними различие в радости и в печали, так, думаю, надо понимать и различие в благах и бедствиях, которое будет после

этого времени. Ведь совершенство посеянных и взошедших семян состоит в том, чтобы родиться в нетлении, славе, чести и силе, как говорит апостол. Умаление таковых означает не какое-либо телесное сокрушение проросшего, но лишение и отчуждение от всего того, что мы считаем благом. Поскольку же лишь одному чему-то надлежит быть у нас из считающегося противоположным – либо хорошему, либо плохому, ясно, что если о ком-то нельзя сказать, что он окажется в хорошем, отсюда следует, что он окажется в плохом. А плохому не свойственны ни честь, ни слава, ни нетление. И по необходимости к тем, кому не будет свойственно таковое, придет, вне сомнений, то, что является и представляется противоположным, – немощь, бесчестие, тленность и тому подобное, *(о чем говорится в предыдущих словах: потому что окажутся трудноустранимыми из души происходящие из порочности)* страсти, всю ее захватившие, со всею нею сросшиеся и чем-то единым с ней ставшие. Но когда таковые с подобающим прилежанием будут вычищены из нее и забыты, вместо этого придет к ним все то, что почитается наилучшим, – нетление, жизнь, честь, радость, слава, сила и все прочее тому подобное, что мы считаем свойственным Богу и его образу, каковым является человеческая природа.

Плоть: Вот ты слышала и вопрос и ответ этих мудрейших и святых мужей о догмате воскресения. Теперь скажи мне, каким тебе показалось высказанное.

Душа: Послушай, служительница, поистине от многих многое я слышала и много читала об этом догмате, но до сих пор такого не слышала и среди написанного не находила. Вопрос хорош, но и ответ тоже. А кто они такие, скажи мне, какого они племени и рода, говорившие и высказавшие это?

Плоть: Кто они, не скажу тебе. Но если хочешь узнать то, как я старательно искала и отыскала, так и ты поищи трудолюбиво и найдешь и имена их, и род, и отечество, и прочее, и прочее, что да как. Хочу, чтобы ты была не ленивой и валяющейся, а ищущей и трудолюбивой. И когда хочешь узнать из Писания что-то божественное, изыскивай и находи все, что

нужно. Меня же оставь, ибо я устала, дай поспать и славу восславить Господу моему.

* * *

ТРЕТЬЯГО СЛОВА СУТЬ СТИХОВЕ ВСИ 1654 СЛОВО 3

1. Яко ничтоже творит душа или дѣйствует кромѣ тѣла, но его всѣми уды дѣйствует и познавается, какова есть и колика.

2. Яко аще не въ свершенъ възрастъ приидут уди и части телесныя, дѣйства душевная неявлена суть.

3. Яко аще что от удовъ телесныхъ погибнет или инако вредиться, бездѣльствуеъ душа к служенью его.

4. Убо в коей части тѣла пребыванье уму мнѣти достоить.

5. Яко сраслена есть душа телеси и вкупѣ душа и вкупѣ и тѣло, не бо прежнѣйшее единъ другаго.

6. Яко, тѣлу разрушаему, не сраздрушается с ним и душа, и како бессмертное и славное с мертвым и неславным создано бысть, и которое котораго первоизданно бысть.

7. Убо кто согрѣшивы въо Адамѣ изначала – душа или тѣло, и яко смерть не мука есть, но врачеванье и смотренье добрѣйшее, и яко душа, Дѣндеже привязана есть сей плоти, мысленая видѣти не может.

8. Иже по образу и по подобью кое есть, и кто от обою имат то – душа или тѣло.

9. Убо тлѣнна ли Адамова плоть или нетлѣнна создана бысть.

10. И гдѣ хожем глаголати прежде отшедшие *сущиа* душа; яко в последний день хожем вси от вѣка усопшей воскреснути и какови.

11. Христосъ, сшедъ въ адъ, вся ли иже от вѣка тамо сущая душа свободи, по Писанию, или ни, и како и ким образомъ познают душа каяждо свое тѣло в воскресении.

12. Яко обещно тогда быти и познание на всѣхъ, Дѣндеже ови от десныя, ови же ошюю разлучаются, и тако будетъ паки праведнымъ познание, грѣшнымъ же ни.

13. Яко на воскресение всячѣская тварь обновиться в нетлѣние к лучше добротѣ и видѣнию, – подобнѣ и чловѣчѣская телеса, с ними же и душа, но не *тричастны* будутъ

тогда, якоже нынѣ, но отимуться двѣ части от них – ярость и желание.

14. И еще о въскресении.

НАЧАЛО ТРЕТЬЯГО СЛОВА

Душа: Се другое взискание, се и другое вопрошенъе. От нихже впросих тя вчера и во втором словѣ, многа ми явила еси и многа сказала ми еси. Хотѣх же увѣдѣти, гдѣ хоцем глаголати преже умершихъ душа быти: аще въ адѣ речеши ми, – да гдѣ есть адъ? Рци ми се явственѣ, рци и не облѣнися.

Плоть: Невнимателна о мнозѣ еси, о душе моя. Аще бо бы внимала, смѣренная, от ихже прочитаеши и от ихже поеши многажды на который же день, хотяше многая навикнути и разумети вся си, учителя не бы требовала, ниже сказателя. Слышано ли бысть се, владычице, да не знаеши сия, но спрашаеши рабу свою, мене оканную!

Душа: Аще убо не навикну от тебе, от кого научюся? От Писания слышах, еже спрашати убо лучше есть и еже свѣтовати многихъ спасително есть.

Плоть: Да что есть и каково дѣло, еже имаши, и где скытається умъ, и где обьходит, скажи.

Душа: Кое убо дѣло – еже испытovati божественое: и отнуду же придох, и еже ради вины, и кто есть зижитель мой, и како честнѣйшу всѣхъ иже в мирѣ створи мя тварей и под руку далъ есть скоты же и звѣря, и гад, и птица, и ина глаголю вся, небо с своими ему, земля и иная паки, – и како мя затвориль есть в тебѣ смраднѣй, и идеже паки поиду, отлучився тебе конечнѣй.

Плоть: Право убо отвѣща ми, и добрѣ отглагола; сия поучайся всегда; сия тебѣ да суть дѣло; да навикнеши от них лучшая, божественая.

Душа: Азъ убо се желаю воину и хоцю поучение незабытно имѣти ми в сѣхъ. Но якоже вепрь калу радуется и сквернѣ и на кождо день валяется, услажаяся в немъ, тако и ты, всезлая плоти, всяко с сими плотьскими своими страстми и сластьми студными и скверными дѣянми съскверниши мя на кождо день, валяющися в них без боязни, якоже свинья, и низъвлачиши мя долѣ, и никакоже оставляеши мя горняя зрѣти и мудрствовать,

и в горняя входить. Зрительное угасила еси – еже есть умъ мой. И како взмогу навыкнути, помрачена сущи и ослѣплена всячески, зрѣти не имущи!

Плоть: Да вѣдѣ ты водиши мя и ты всяко носиши! Да вѣдѣ ты обращаеши мя, якоже снузнецъ коня. Азъ убо кромѣ тебе ничтоже отнудъ творю: ниже доброе, ниже злое, ни среднее проста. Да что мя укаряеши много и что мя бесчестиши? Или убо добрѣ, или злѣ живемъ – твое еже хотѣти.

Душа: Непщюеши, злѣйшая, благословленѣ противитсѣ мнѣ? Но нѣсть, ты якоже рече, нѣсть, якоже глаголеши! Но – якоже конь сверѣпъ, егоже глаголють Етиарь,¹⁰⁵⁴ неудержим, зловиденъ и непокоренъ зѣло, внегда хопит узду, стища зубы своими, и въздвигъ выю яростнѣ и к брегом устремиться и в пропасть, и рассѣлины, и ровища калная и самъ себе низъринет вкупѣ со всадникомъ; аще ли въспящается, то паки горше есть, – сицевому подобно стражемъ обѣ вкупѣ. Сверѣпѣеши, якоже онъ предреченъ мною конь, враждедая, и тогда не могу повести тя, якоже хошю, но яможе ты хошеши, водиши мя нехотяшю. Аще убо ураню тя жезлом и умучю тебе, или голодомъ озлобя тя и жестоцѣмъ житиемъ, аще труды тебѣ наведу многы и великы и подвигы нанесу ти, яко да постражеши – да некако буяеши, и играеши, и скачеша отнуд, – и положю долу тя мертву, полумрщвену паки, – въ еже показати тя паки покориву быти, и не имамъ служащаго ми, ниже помагающаго, не имамъ с кимъ добродѣтели сдѣяти! И како сию да стяжю и како сию створю?

Аще ли же упокою тя и угожю ти, паки на мя вѣстаеши злѣ и ратуеши мя бѣснѣ, и низълагаеши мя долѣ в дѣяния неправедна. Обаче помагаеши ми нѣкогда створити любимая к Богу, пособьствуеши мя *во многая, но и ратуеши мя; и помощника имамъ те*, и съперника паки, и ратника нещадна, и врага же сверѣпа. Горе, горе мне! Како: врагъ – и другъ любы мнѣ! И что сдѣяти, недоумѣю, и что створю, не вѣмъ. Аще убо створилъ бы Богъ, да свобожюся тебе, изышла бы твою темницу и зловонья смраде, изышла быхъ убо, наставлена от ангела, вскорѣ в моя си, в мое отечество, и, яже в мирѣ оставльши, в премирныхъ жила быхъ.

Плоть: Много възвысися, о душе, много възнеслася еси – яко невестествена и добра и яко превышши, яко мыслена и словесна, и бессмертна сущи, и яко от вышняго и небеснаго мира, сей миръ убо нѣсть достоинъ тебѣ, азъ есмь злородна, азъ есмь раба от сего мира тлѣннаго, премѣннаго и сквернаго, от четырехъ его всѣхъ ставъ вся есмь – и мерзка, и сквернава, и нечиста, якоже глаголеши. И глаголи еже хочещи, госпожа бо ми еси. Но убо яже укаряеши злую мене, юже бесчестиши, – аще мя не бы имѣла, владычице, не бы достойна мѣдницу.

Душа: Да како обесрамяся, и како обесчестиши мя, и како охуди мя? Хочу навикнути, еже рече.

Плоть: Вонми, прочее, и слыши, и не огорчайся отнудъ, ни же гнѣвайся на мя всуе туне тако, елма обезчивихся тебѣ, елма обесрамяхся и стыдение отложих от моего лица. Рѣку тебѣ истину, или хочещи, или не хочещи. И вонми здѣ смысленъ и разумѣй яже глаголю.

Кромѣ ссуд моихъ удовъ, госпоже, Творца своего и Бога славословити не можещи, – аще не имаши сдѣлницу мене и помощницу свою. Но ниже благодарити яко творенье Создателя, ни о нихже согрѣшила еси сама покаяться можещи кромѣ слезъ и въздыхания, якоже она блудница и Петръ. Внегда убо мене отлучишися, разумѣеши, кто еси?

Душа: Да како отнудъ глаголеши и како имаши уста и всяко противъ глаголеши ми и не срамляешися?!

Плоть: Да почто да не глаголю и почто и престану, елма предана быхъ тебѣ, яко да мя имаши рабу? Вину же не свѣм и како рещи не вѣдаю. Не бо прежде мене еси, но вкупѣ ты же и азъ. Еда бо мене скудѣльникъ созда, Богъ же тебе? И что еси кромѣ мене и кая еси, скажи? Невидима и незнаема всѣмъ вся еси, никтоже познаваяй тя, никтоже видяй тя, или добра, или зла, не вѣсть какова еси – или мудра, или буя, или смыслена же, или разумна и препроста паки.

Душа: Да како есть еже глагола? Реченое не разумѣхъ.

Плоть: Слыши убо и вѣруй и покорись имже глаголю. Сущая убо вся познаваема суть чювствомъ, умная же умнѣ постижаема суть. Яже убо чювственна суть чювство чювственѣ познаваемъ, а яже паки мыслена – мыслена, якоже рѣхъ. Показанье чювство

чувственѣ имат, постижаемое же мысленѣ, о страстная, не от того самаго познавается, но от дѣйства. Невѣдома сущи, о душе, и невидима вся, вправду убо познаваешися от дѣйствѣ, якоже и Богъ от своихъ ему твари. Бога никтоже видѣ никогдаже отнудѣ, невидимо бо есть сущѣствомъ и естествомъ, но убо познавается нѣколико от глаголаныхъ. Невидимая бо Его, – рече божественый Павелъ, – и от тварей разумѣваема,¹⁰⁵⁵ зрящи, от еже въ тварехъ, – рече, – премудрости бывшая Творецъ и Создатель познавается яковъ. Яже тѣмъ бываемая на всякъ день Сдѣтеля поравеньству проповѣдають. Доброта тваремъ, величество симъ бываютъ, Творца ихъ явьственѣ сказуетъ. Азъ оживляюся с тобою и движуюся, госпоже, от ихъже всяко мною дѣйствуеши же и твориши познаваема еси от мене, якова и колика еси. Азъ показую тя нынѣ всѣмъ, якова же еси и како еси дѣлательна и дѣйствена в жити. Имаши бо уды моя и ссуды вся и тѣми дѣйствуеши и с сими дѣлаеши, скрыта сущи во мнѣ и затворена. Невидима, яко невеществена вся всегда еси, помышление и разумѣние все же, аще имаши, скровена суть, о госпоже. Яже в тебѣ ни вѣтий, ни любомудрецъ, ни земовѣрьникъ паки, но ниже волхвъ врагъ, – никтоже знаетъ та, Дѣндеже приимеши от мене шестострунная уста и къ голосу подобному органскыя моя уды: горло же и душникъ, гортань же и языкъ, зубы и устны с ними, – и гласъ вершиши. И тако тогда бываютъ скровенная вѣдома и явлена, якоже рѣхомъ, разумѣнья твоя. Приничеши очима моима и блюдеши убо вся, и глаголеши языкомъ моимъ, и слышиши ушима, обонѣваеши ноздрема моима, и рукама дѣлаеши хитрости паки обои и художества вся от малыхъ и худыхъ даже и до великихъ. Мене бо кромѣ никакоже твориши что отнудѣ житийско и телесно, и духовное весма. Азъ тя обиявихъ, азъ прославихъ тя. Не хвалися в моихъ, ни вносися толико. Аще ли хощеши увѣдѣти, яко истинно еже глаголю, и сдѣ вонми разумно и навѣкнеши удобно.

Вѣдѣ еси велика и добра, якоже мниши, устроена во мнѣ и свершена вся всяко абѣе от самая утробы. Азъ же, внегда рожюся, несвершенъ младенецъ есмь, малѣйше отнудѣ отроча, якоже рѣхъ. Какъ абие не дѣйствуеши что-либо всяко, не глаголеши бо явѣ, ходиши же никако, рукама же спроста не

дѣлаеши никакo, но вся недѣйствена всегда бываеши. И ждeши, владычице, мене, твою рабу, – Дѡндеже удове мои и части тѣла вся возрастут помалу и одебелѣют сѣя и доспѣют, якоже рѣх, в мѣру возраста. И тако тогда тѣми дѣйствуеши, яже хощеши. И по сих же паки еще что от удовѣ моих случится и погибнет, якоже не хощеши, любимая, к дѣланью его и паки забавляеши, не могуши его завершити дѣло. Еще же мозгъ мой уязвенъ будет мечем, или инако паки вреженъ будет, ослѣплена бываеши, не зрящи проста ни добро, ни не таково, несмыслена и скудоумна вся всегда еси и вся недѣйствена, якоже преди рекохъ. Якоже очи азъ погублю, вся помрачена бываю, ничтоже дѣлаючи, якоже рече и Христосъ в Благовѣстованныхъ,¹⁰⁵⁶ и вѣдѣ имам прочая уды моя вся цѣлы. Тако и ты, прелюбезная, умъ еще погубиши. Ума же потребнѣйше паче всѣх удовѣ и органѣ добрѣйши вглавны мѣзлъ есть. И живут в немъ 3 силы умныя: памятное, мечтанье и размысленое же. Мечтанное убо спреди, памятное же сзади, размысленое же посреде чрева вглавнаго, явѣ яко. Разумѣвай добрѣ яже глаголю: тричастное твое не потребно кромѣ сего бывають, и вѣдѣ пребываеши сдраво и цѣло все то: помысленое и яростное, глаголю, с третиимъ, еже есть, владычице моя, похотное, имиже бытие души исперва и еже быти прияти и бысть со мною создана бысть, 3-ми сими умными твоими сставы. Мозгу бо моему сущу сдраву, и цѣлы, 3 силы, о душе, ражают тебѣ 4-ри родныя добродетели и колесницу 4-роконечну: правду и мудрованье ражает помысленое твое, цѣломудренное же паки похотное твое, с сими и яростное ражает тебѣ мужьство... вкупѣ же и умныя силы, о господине: памятное, мечтанное и размысленое же, с сими и пять твоих чювствъ, любимая: умъ и мысль, славу и мечьтанье, и чювство послѣднее; и моя же такоже; зрѣнье, обонѣнье, слух и вкушение, и осазанье, вселюбимая – отходят вся отнудъ – умная, и чювственная, и мысленая с сими.

И вѣдѣ имаши тричастное твое все здорово – словесное и яростное и желательное же, – но обаче недействена и непотребна суть 3 та, не сущу тому сдраву – мозгу, глаголю. Еще ли продолжаться живота моего днье и доспѣют 80-мъ

лѣтомъ быти или вяще, и ослабѣютъ вси уди мои, части тѣла, с чувствы моими, имиже украсуешися, ниже тако имаши сдраво мудрованье и цѣло, ниже егда от огня жгомъ есмь зѣлнѣ, якоже убо раздрушается сила моя, нынѣ сраздрушается и умное мудрованье и разумъ. Не имѣю бо органъ крѣпокъ же и цѣлъ, не может хитростное дѣйство гдѣ показати. Егда бо расту, растеть, и егда бо престану, престанет. Аще бо слабъ есть органъ, слабо есть и пѣнье. Азъ зрю очима, ты же умомъ. Не сущу убо тому сдраву, погубила еси вся. Разумѣй, о душе, еже преже мала ти рѣхъ, яко без мене сама не бы достойна цатѣ?

Душа: Разумѣхъ и домыслихся и удивихся отнудъ. Ей, воистину, якоже рече, тако есть, служительнице. Кто есть научивый тя и откуда сия навъче, и откуда сия вѣси?

Плоть: Удивляюся и чуюся, и что рещи не имамъ: како впрашаеши, яко поселяныни! И слышай дивиться. От чрева матери моея ничтоже отнудъ свѣмъ. Отнели же родихся и в житие приведенъ быхъ слышахъ глаголющаго: «Просѣй примет и ищай прилѣжнѣ, еже хошетъ, обрѣтаетъ».¹⁰⁵⁷ Тѣмже и азъ, о нудная, ищю и навъкнуя. Но услыши мя, владычице, и вонми сде.

Аристотель мудрый и с нимъ Пократ¹⁰⁵⁸ в сердци глаголютъ уму пребыванье имѣти. Галин¹⁰⁵⁹ же не тако, не в главнѣмъ моззѣ. Нисѣскый же Григорий¹⁰⁶⁰ не согласуетъ к симъ, но спротивъ глаголетъ к нимъ и инако научаетъ, глаголетъ бо бестелесному неописану быти: не мѣстнымъ описаньемъ бестелесное естество и телесными нѣкими частми умъ не держитъся. Но всемъ убо телеси проходя, на сущихъ сдравыхъ органѣхъ телеси, удѣхъ всѣхъ телесныхъ, дѣйствуетъ свое. На немощныхъ же недѣйственъ пребываетъ и не может хитростное движенье створити.

Якоже кузнецъ, различная держа орудья к дѣянью своему и хитрости своей, и с ними дѣлаетъ яже любитъ и хошетъ, но убо два потребнѣйшая отъ всѣхъ яже иматъ, нужнѣйшая, душе, наковальна и омлатъ есть, кромѣ бо сихъ никакоже отнудъ дѣлаетъ. Сице ми разумѣй умъ: аще сия не иматъ, сердце и главный мозгъ, сдрава же и цѣла сия два уда, недѣйственъ пребываетъ.

И глаголю ти, о владычице, величайшее и большее. То, еже быти тобѣ, душе, свѣтоявленѣ таковѣ и умнѣ, и невещественѣ, и божественѣйши же, еже сущи и быти тебѣ во мнѣ; не в себѣ же прияла еси начало, но во мнѣ сставися. Аще бых не создана азъ, не бы создана ты со мною. Еда бо особнѣ бысть и азъ паки особнѣ? Ни, окаянная, ни, не непщующей се отнудъ. Но въедино сзидаетъ Создатель и обѣ. Ни бо тѣло прежде душа, ни же душа прежде тѣла сзидася или бысть, якоже мнози мнят, но обѣ въедино, кромѣ первозданого не пребываетъ едино другаго, якоже рѣхъ. Купнолетна купносъзрастна ми еси по всему. Ни бестелесна душа, ниже безъдушно тѣло ни бысть, ни бываетъ исперва, разумѣй. Но от одушевленныхъ – одушевлено, от живыхъ же паки живо, – тѣло убо живо и одушевлено ражается. Человѣкъ, якоже показяхъ, тлѣнно животное.

Душа: Неудобьпостижно нѣкое реченое бываетъ о мнозѣ; преславенѣ союзъ обѣма есть. Но скажи ми объявление и силу слову: елма Зиждитель созда обѣ наю вкупѣ и спряже и съедини насъ обѣю вкупѣ, рабыне, какъ убо напрасно отбѣгаеши от мене, смраде, и растичешися абѣе и бываеши персть и прахъ, азъ же не разрушаюся, но присноживотна пребываю? И ты нѣси безъ мене, азъ же есмь тебе кромѣ. Ежели ты безъ мене не имаша, азъ же живу бесъ тебе.

Плоть: Слыши убо, вселюбезная, и како есть еже рече. От Писания еже навыхъ, она и реку тебе.

Еже от некотораго движимое все еже аще есть, а не от себе, прочее, животное иматъ, но от иного яве убо и иже подвижающаго то; на толице есть и живетъ, и пребываетъ, Дѣндеже силы действующая, глаголю, в себѣ иматъ, Дѣндеже здержится. Внегда же престанетъ, прочее, действующее, тогда исчезаетъ движимое, не сущу движащему. Ты сама, госпоже моя, самодвижимаа сущи, еже быти имаша непрестанно, никогда же исчезаеши; последуетъ бо в томъ же еже приснодвиженъ тебе, самодвиженъ вкупѣ всегда сиче быти; а еже пакы приснодвижное и непрестанно есть; непрестанное же, вселюбимая, и бесконечно некако; бесконечное же бессмертно и приснодвижно всяко. Азъ же тленна и текущи и мертва вся есмь, но оживляюсь тобою и движусь абие. Внегда оставиши мя, ктому не пребываю,

но, прочее, отходу в та и от нихже съставлена бых. И бес тебе ничтоже есмь, но зловонный смрад.

Душа: И како азъ, яко славна, не съ славнымъ быхъ и не пръвѣе быхъ яко велика и болши, ты же послѣди яко менша създана бысть, о рабыне? И какое бесъмертное мрътвенному съпрежено бысть?

Плоть: Хоще ли навикнути еже выпрашаеши? Вынми, госпоже, здѣ.

Миръ душу ради създанъ бысть убо весь, а не душа его ради създана бысть, любимая. И обыче меньшее пръвѣе творити Зиждитель, болшее же непослѣдокъ, тако бо есть подобно. Вънегда же душа чьстнѣйши, о любимаа, всего мира, якоже Христос рекль есть,¹⁰⁶¹ достоаше въселение тое прѣжде быти и жилище все, и тако тои убо. И два мира създаль есть: горнѣго и долнѣго. Горнѣго убо – мыслѣная, долнѣго же – чювьствна. И аггелы създадъ есть въ вышнемъ мирѣ умны же и невещественны и духъ огненосный. Въ нижнемъ же паки различна животная земная же и водная, и птица же такожде. Ибо подобнѣ създа и въ лѣпоту вса: въ мыслѣныхъ – мыслѣнная, аггелы глаголю все; въ нижнии же чювьствнаа, яко чювьственны и съ, всѣми видима и явлена вса. И от тѣхъ челоувѣка сугуба стварѣеть: небесна и земна, животно смѣшено, госпожде, – и вещьствна, и невеществена, словесна и бессловесна же, мрътна и бесъмрътна, видима и невидима, – лучьшее от вышнаго, от нижнѣго же тѣло, примѣсивъ душу божественую къ земному. И посрѣде ту положи одушевленныхъ и бездушныхъ, чювьствныхъ и мыслѣныхъ, якоже нѣкый образъ, яко да свойствнѣ къ тѣмъ от обоихъ сихъ яко сьродникъ наслаждение котороеждо имать: Божие убо душею, яко сущи божественѣйши, благыхъ же на земли плотью брэнною приносить то и без боязни потрѣбу якоже дань. ЕСТЬСТВО БО мыслѣное, такожде и аггельское, хранит же и щедить сихъ спасение. Божественный бо апостоль учит ме сему: «Не все ли суть службнии дуси посилаеми, – рече, – на служения ради хощешихъ, прочее, наслѣдовати царствие?». ¹⁰⁶² Нь убо и Господь въ Еуангелихъ: «Да не прѣобидите, – рече, – единого от малыхъ сихъ, яко аггелы ихъ зреть на всакъ день лице Отца моего, иже есть на небесехъ». ¹⁰⁶³ Тѣмже и прежде

сѣзда миръ и яже въ немъ посрѣднѣя вса, явѣ елика зриши, господине.

Миръ имать четыре стихия великая, яже испрѣва Зиждитель приведе всячьскымъ, от не сущих прѣвѣ въ бытие съставивъ; въздухъ глаголю и огонь, землю же и воду. И иная же вса, о душе, яже посрѣди сих якова и елика суть, мала и велика всако, звѣре, скоты, и гады, и садовые роды, и сѣме иже всѣхъ, и былий всачьскихъ вины приеть убо от четырехъ сих. И яко прѣмудръ съдатель сътворѣтъ вся не от не сущихъ, ни убо якоже и стихия. И егда съврѣши всего сего мира, створи челоуѣка въ еже обладати и миръ и царьствовати над нимъ, якоже волить и хоцетъ. Ни бо бѣше подобно от обладающаго явитисе обладаемымъ прѣвѣ, нѣ на послѣдокъ убо, уготовленѣ бывши прѣжде многа власти явѣ, яко явити же се послѣжде царю его; якоже убо благоститель нѣкий сый не прѣжде уготовления съедныхъ всехъ гостимаго, душе, въводитъ вънутрь, нѣ благолѣпнѣ обѣд устрои въсь и еже къ пици все виды прѣуговаривае, въведена послѣжде творить обѣдника. Нѣ паства прѣвѣ, послѣди же скоти; прочее, понеже бысть, якоже прѣдрекхъ выше, тварь душу ради, тѣмже убо и тѣло къ послужению бываетъ и службѣ еѣ, якоже отци глаголютъ и учители вси. Еже нѣчьсого ради бываемое все, аще есть, безчѣстнѣе есть оногѣ, егѣже ради бываетъ, яко учить и Христосъ въ Евангелихъ: «Вещьши есть душа пицу»,¹⁰⁶⁴ и в лѣпоту, и пакы: «Одежде тѣло болше есть».¹⁰⁶⁵ Не бысть бо душа снѣди ради, любимая, ниже тѣло пакы одежду ради, нѣ обоя убо ради – душу и тѣла. Тѣмже, якоже показасе, тоѣ ради и сей, глаголю же тѣло колесницу души быти. Нѣ слыши, владычице, и вънми мое слово.

Понеже сугуба въсхотѣ створити того – от душе и тѣлесе – прѣвое тѣло създаваетъ от четырехъ, любимая, стихий мира великихъ: топлѣго и студенаго же, мокра и сухаго, – и кровь, и хракотину, и слюзь, и жльчъ створае, и от тѣхъ вину яко хытрець въземлетъ, и плоть устрои на служение еѣ. Душу же потомъ въдѣхну, якоже вѣсть, и отнуду же вѣсть самъ, и якову, вѣсть единъ, не от съставъ имущѣ бытие, якоже иная, нѣ от Бога, яко же рѣхомъ, и от вышнѣго мира, невеществну сию, и разумну,

и бесъмрътну всу, причястну сущу вышнѣго и божественаго благосръдїа и къ нему въсѣчьски присно ведущесе; или къ горшему привезавшесе тѣлу, яко подвигомъ и борбою же иже къ нижнимъ симъ вышнюю славу и пищу наследуетъ всако. И страдание имать, добродѣтели, подвигы и труды, а-не уповаемая тѣчию Божий будетъ дар, и яко да и горшее нѣкако к себѣ привлѣчетъ и выше положить, раздрѣшивши помалу и се от тяжести и дебелства тѣло земное, накажетъ же добрѣ служительницу вещь и присвоить Богови купнорботное тое. Пльть глаголю веществу и от нижнѣго мира, душу убо яко владычицу, пльть же яко рабу къ послужению души и угождению ее.

Се, госпожде, рѣхъ тебѣ, како не създана бысть прѣжде яко славна и велика и зѣло высочайши, и како, сущи бесъмрътна, мрътвѣному съпрежесе.

Душа: Вѣрно слово есть, и вса приемлю ти, вса ти вѣровахъ, развѣ единого точию сего, от нихже ныня рекла еси, льжно есть, рабыне. Прѣжде мала бо научи сьрасльна обоя, и ныня глаголеши послѣжде души быти, прѣвѣ же тѣло ее. И како есть еже глаголеши?

Плоть: Како убо есть, ныня слыши, добрая, еже глаголю. И якоже не слыгахъ въ инѣхъ, ниже въ сихъ.

Прѣотечьская, о душе, Адама же и Евы богозданна благотворна тѣлеса тѣхъ без сѣмене създашесе и кромѣ смѣшения. Мужу убо от прѣсти, женѣ же от его ребра съзидашу. Разумѣй, душе моя, разумѣй: недвижима и безъдушна Адамова пльть прѣвѣ създана бысть и послѣжде одушевлена. Елма же не съхраньшу повелѣние Създателѣ прѣльстию зѣмииною и завистию диаволею, погубише еже испрѣва създание оно и въ сие одѣашьсе кожное, увы мнѣ, мертвное и тлѣнное и текущее и пльное смрада. Тѣмже изселени быша из рая и клетву приемлють якоже прѣступници. Ева убо слыша, еже: «Въ печелех родиши чеда».¹⁰⁶⁶ Раждаемое же, прочее, въ утробѣ есть вѣдѣ, а еже в ней раждаемое без сѣмене нѣсть. Се сѣме и зачатие – оттолѣ и доныня – и смѣшение мръзко въ еже быти глаголю одушевлена тѣлеса мужьска же и женска. Адам же, сый одушевленъ, одушевленъ сѣетъ сѣме въ утробѣ прѣматерни, и

той одушевленъ, Каина убо роди одушевлена всего, плоть и душу въкупъ рождьши, господине. Подобнъ и прочии человеци и доныня: одушевленъ человек одушевлено съеть съме въ утробъ, глаголю, женьстѣй, якоже прѣжде мала рѣх ти, и растутъ обоя и множутсе сия – душе же и тѣлеса – даже и до кончания въ роды и роды, якоже видиши, госпожде.

Душа: Раздредила еси невѣрное. К тому же сумнюсе, рци ми, о служительнице, и научи ме и се. Елма, якоже показала еси душу убо госпожду, плът же рабыню и подручиницу тое, бывшее грѣхопадание, прѣвозданныхъ глаголю, еже нѣкогда злѣ съдѣяше въ раи, убо кто есть повинень о семь, рци ми: словесное души или бесловесное тѣла? Хотѣла бых навикнути, кто есть прѣжде съгрѣшивый.

Плоть: Възыскание твое, владычице, выше мене есть, неудобъ достежно, неудобъ разумно, непостижимо всако. Но обаче от Писания малъ искусь яко имущи, яже навых, та и възвещю ти, госпожде, и слыши, любезная моя, мала от ихже ищещи.

Словеснѣйшая душа от Бога испрѣва въоружена бысть оружьи силными къ помощи ее двѣма въкупъ: яростнымъ и похотнымъ же. И сия, имиже въоружена бѣ къ помощи ее, злѣ потрѣбова та въ час онъ, внегда начелникъ злобѣ змиєю глагола прѣлестныя глаголы и лъсти испльнены: «Бози будете абие, аще снѣсте от дрѣва».¹⁰⁶⁷ Слыша убо жена обожение, усладисе, и помыслнымъ злѣ расуди, яко добро обожение помышлѣть абие. Такожде и другое, – похотное глаголю, – прѣвращѣе и се: въжелѣваетъ дрѣву – сласть убо прѣвѣе и потомъ тыщеславие, ова бо показал и дрѣво яко добро и краснѣйше то въ снѣдъ есть, любимая, ово же обожение самое, яко быти лучьшу всехъ. Двѣ сии, владычице, прѣльстише Еву, и Адама прѣльсти подобно, яко и ону. Усладишесе злѣ въ разсуждении сих, прѣдаше истинное, прѣльстившесе, увы! Нъ убо и другое, глаголю же яростное, добрѣ не потрѣбова, нъ зѣло блазннѣ: не бо прогнѣвасе на врага и мужьскы исыпротивисе, еже не покоритесе тому и послушати его. Слышаныхъ явъ, яко радость и чаание умъ ее ослѣпи, душевное глаголю око, и упованиемъ падесе обожения внезапно. Здѣ вынми, о душе, и виждь страсть

велику пагубную и лютую, и силу, юже имать. На небеси како възможе! Ужаснися, душе моя, ужаснися! Оттуду бо съвърже иже иногда Денницу, тыщеславие глаголю родителницу, увы мне, и доилицу, якоже писано есть, грьдости, еже ради онъ отпаде.¹⁰⁶⁸ Поругасе симъ. И зри здѣ, владычице, стръпытную страсть, како Бога съпротивоборца имать, иже сее рабъ, съпротивника же – и лукаваго съпричестника и друга. Понеже грьдымъ съпротивляется, якоже и сих прьвому въспротивисе въскорь.

Душа: Се, прочее, якоже глагола, тѣло обидимо бысть: елма съгрѣшение душевно бысть, как казнь – тѣлѣ? Сие бо бысть текуще и страдателно абие, многострастно же и гнило, и многоболѣзнно зѣло, тлѣнно и мрътно же, якоже зриши, и охуждено зѣло. Душа же прѣбысть якова же бѣ и прѣжде того – невеществена всѣ, умна и бесмъртна, рабыне, ничтоже бо пострада люто, яко смерти достойна.

Плоть: Да слыши, о владычице, и разумый, случашася. Мучение, добрѣшая, якоже подобитсе, все не прикоснусе тѣлу, нь той самой души, аще и васнѣ явлѣется та ничтоже зла пострадавши. И слыши притчу и от сее увѣришися.

Внегда бо нѣкий царь искупить раба от жестока, и стръптива, и лукава владыкы, убога же и нага и зловида зрѣниемъ, сухотна же и истынена, и охудевша зѣло, страстна же и окаянна, и непотрѣбна отнудъ, всего струпива, всего крастава и измѣждала от ранъ, и глада же, и злострадания; и очистить тогожде от всякое скврны, облѣчет же его въ свѣтлу и мекку одежду, сотворит же и кнеза велика же и явлена, дарует же и имѣния, и стежания, и богатство, и прьваго устроить и въ всей полатѣ. Он же, злѣйший неблагодарествный рабъ, въскоре въздвигнетъ ковь на цара, и на царство его вовьступити въсхотѣвъ. Царь же възмлетъ от него имѣния и богатство, съвлѣчет же и одѣяния, поясъ же и вса цвѣтная одеяния окааннаго оногo, и рубище прѣветхое и растръзано все, худо и непотрѣбно, и истлѣвъше всако облѣчетъ навѣтника и страстнаго оногo и ижденетъ его далече от полаты въ пусто и невѣселено и непроходно мѣсто, еже быти тому в нем дажѣ до конца жизни. И пребудет ему рубище оно ветхое или 7, или 8,

или 10 лѣтъ, и тако распадѣся погибнет до конца, оттолѣ убо ходит нагъ, якоже родися, дажь до конца жизни, и раздрушиться нужнѣ.

Въпрашаю тя, превысокая, на коем есть мученье и кто казнь приять о оном согрѣшении убо: рабъ ли лукавый – яко повиненъ сый – обнаженный и лишивыйся богатства же и славы, яко самовластенъ, прочее, и словесенъ сый, или имѣнья та и богатство оного, яко безъдушна и нечювствена и недвижима вещь?

Душа: Якоже объявися, рабыне моя, – человекъ всяко, аще и того никакоже царь тогдашнѣ не ранит отнудъ, ниже паки раны нанесе, но то есть пострадавы лютое мученье.

Плоть: Въпрашаю тя, отвечаи же ми, госпоже моя, к сему: суд убо царевъ праведенъ ли бысть или не тако, яко абѣ изрину того от царскихъ дворовъ?

Душа: Ни, рабыне, но праведенъ зѣло. Аще бо не бы былъ благъ царь онъ и кроток, очи убо ему от него изыа бы, а не бы на имѣнья токмо излиялъ гнѣвъ, и казнь отпустилъ навѣтному рабу.

Плоть: Добрѣ оглагола ми, о господине моя, о сем. Сице ми разумѣи, любимая, и о души и о тѣлѣ. Понеже не въсхотѣ пребывати якоже создана бысть, но забы абѣ благородие свое и вънутрь предѣлъ своихъ не въсхотѣ пребывати и миро съ, егоже зриши, имѣти в жребии собѣ, но наслаженье, радость и веселие, но обоженье самое всхотѣ похитити, равночестна, равна Богу по оному быти; вправду убо Богъ възнесе суд и тѣло богозданное, еже исперва ону оболче обрадованную, и чюдное, совлече яко согрѣшшу: да не како и паки согрѣшит.

Аще ли хощеши увѣдѣти естество и доброту тѣла оного якова и колика, – звѣздамъ точно является и лунѣ, яко наго не требоваше одежда ни покрова, но якоже солнце само своею наготою украшается ныне, такоже и оно оставлено бысть естественным. От того совлече ту и облече и в мерзкое и гнусное и скверное се; обаче не измѣни перстнаго существа, но премѣни ему естества, еже исперва, и от Едема изрину его тогда абие, и взбрани ему причаститися древу и плоду жизньному, милуя его, не завидя же, да не будет, животу

бесмертному, но удержавая добрѣе устремленье *грѣховное*. Смерть бо, прочее, не мученье бывает, но врачеванье добрѣйше и спасенье паче, и смотренье, державная, премудрости исполнено, удержавает бо яко мнозѣ грѣха устремленье, умры бо, рече, оправдися от нея. Прочее, работает души елико силу имат: или 10, или 20, или 50 лет, или много убо дващи толико глаголю, – и тако разрушается, растлѣвает же и в чѣтыри сѣя отходит сставы, от нихже сставленье от Бога прият: яко от земля – паки в землю, по глаголу Его.

Ты же, госпоже моя, нага оставлена бывъши, уединена всячьскы, не имущи тѣла и еже тя здѣ сдержашаго яко съжителя имѣя, – паче же та сдержит то, и стяжет, и имат, – абѣе убо всходить в своя ея: аще схранила есть добро еже по образу ея неблазньно и чисто и настоящем житии, яко умна – ко умным, яко и невеществена – невещественным, – тоя, глаголю, сродником, ангелом святымъ свѣтозарным же свѣтлым в горний миръ. Аще свѣтла, къ свѣтлым сочтавается абие, яко от вышних – горѣ, и радости исполняется. Аще ли очернися и помрачися вся въ страстехъ пагубныхъ и нечистыхъ паки, к темным и мрачным ангеламъ сочтавается, яко темна – темным и мрачным лицом, яко тѣхъ сдѣлавши хотѣния и дѣла. От дѣяныи своихъ душа въображаются и каяждо является, якова есть и колика убо: дѣла свѣта светлы и свѣтоносны, дѣла же тмы черны и мрачны творят. Душа бо, господини моя, с тѣломъ воспитана, къ видимымъ симъ и чювственнымъ попущышися, ничтоже бестелесно когда видѣвши спроста, Дѣндеже привязана есть сей земнѣй плоти; внегда же совлечеться, видит невѣзбранно.

Се тебѣ притча конецъ сдѣ въсприять. Аще ли не мнить ти ся подобнѣ реченая рещися, яже рѣхом притча нынѣ въ словѣ, испытай, что ни что есть притча, – ни всячьскы имат, притча познавай, госпоже, равное въсприемлет, зане и не бывала притча, якоже рѣхом, но тождество паче.

Душа: Да коего глаголеши челоуѣка, рабыне, рци ми, имущаго якоже мощно еже по образу Божию и по подобию Его, – сам бо реклѣ еси – тѣло се тлѣнное или душу самую? Моусии

человѣка рече по образу Божию еже изначала первозданнаго быти.¹⁰⁶⁹ И како наречеться человѣкъ безъдушное тѣло? И паки же словесное души како наречеться, не сущу телу человѣка отнудъ? Рече бо нѣгдѣ Моисий в Бытии тако: «И созда Богъ человѣка персть от земля». Се тѣло человѣка нарече, о рабыне. «И тако дуну на лице его дыханье животно, – якоже пишет, – словесно и божественно, и бысть человѣкъ въ душу живу тогда».¹⁰⁷⁰ Еже по образу, рабыне моя, в чом отдамы – и в плоти ли, служительнице, или въ души самой?

Плоть: Слыши, господине моя, сдѣ речение Павлово и разумѣши искомое удобъ от сего: «Елико внѣшний нашъ человѣкъ растлѣваетъ, толико внутрений обнавляется вяще».¹⁰⁷¹ И два убо человѣка наречена съединена, внутреняго и внѣшняго, человѣкы именует, си рѣхъ душа и тѣло – обоихъ тако. Но убо воистину человѣкъ душа глаголетъся. Не смотряй, господине моя, внешняго человѣка, ниже сумнися отнуд о создании его, то бо покрывало есть и одѣвало тоя. Еже по образу же – душа, и по подобию его. Не мни же, господине моя, человѣка глаголитися тѣло се тлѣнное и человѣка внѣшняго. Но егда убо Писание услышиши, глаголющее: «Створим человѣка по образу Своему»,¹⁰⁷² – и внутреняго разумѣвай человѣка, душевное существо, не явлено се, но скровенное, си невидимое и незримое естеством. Истиннѣе же яко внутри паче есмы. По внутренему бо человѣку «азъ» паче есмь, внѣшняя же не «азъ», но «моя» разумѣвай. Не рука бо «азъ», прочее, или нога «азъ» паки, но «азъ» – словесное души в лѣпоту. Рука же убо, и нога, и прочая части человѣчскаго тѣла суть уди. Тѣло бо ссудъ есть васнь, и колесница, и союзъ души человечестѣй. Воистину же человѣкъ душа глаголетъся. А помысль убо – властникъ страстемъ и владыка. По властному убо бывати ту вѣмы и паки в помысленѣмъ стяжаныи быти ради истиннѣйшая части быти ума ея и премудрости, яже Богъ дарова тому.

Подражаваетъ бо нѣкако умъ человѣчскы Бога, во мѣгновеньи бо обтичетъ вся, и сообращается, – и вечерняя, вкупѣ и восточная, паки и ужная, и сѣверная, и яже под землю, и небесная же убо и невходимая она, – не сущѣствомъ своимъ, не непщующъ се отнудъ, – мечтаньемъ же единѣмъ помысленнымъ,

госпоже. Единъ бо Богъ существом и естеством, сице и премудростью Своею, и силою же паки, имат неописаное выше всякого естества. Еже по образу, владычице, обладателно знаменуеть. Якоже никтоже вышши на небеси есть Бога, всех Творца – видимых и невидимых, сице никтоже на земли вышши от челоувѣкъ есть. Но якоже имат Богъ всѣх владычество, сице даль есть и тебѣ бесловесных и животных, всѣми убо владем вкупѣ, скоты же и звѣрми, и всѣми господствуем – птицами, и гады, и рыбами, всѣми и животными, ихже положилъ есть Богъ в сем мирѣ. Сим есмы, якоже показася, по образу Божию.

А еже по подобию – мы исправляемъ от хотѣния нашего и произволенья же, на подобительное взводимся тому. Подобны быти тому даль есть власть нам, вложивъ, прочее остави повелѣнию нас дѣлателя быти свѣтом и хотѣнием – еже к нему, госпоже моя, подобна глаголю – и яко да конецъ, прочее, будетъ нашему труду, дѣланья мзда. Вонми, душе, и разумѣй, яко да всяко будет исправление твое, а не чюжо то, тебѣ остави се, еже по подобию быти, яко же рече: «Будите свершени, якоже свершенъ есть наш небесный Отецъ»¹⁰⁷³ же и Владыка, яко солнце свое сияеть на вся, злыя же и благыя, и дождить паки сице. Аще же и ты, госпоже моя, злобоненавистна будешь, и непамятозлобна, и кротка, братолюбива и милостива, Богу поподобишися тѣм. Еже по образу убо Богъ дарова тебе – еже имѣти словесное, и обладателное тако же, и самовластное же в себѣ, господине. Бываеши и по подобию – благостию, аще хоцещи. Аще бо и по подобию ты бы Богъ створилъ, где ты благодать, страстна? Чесого ради венчалася бы? Царство небесное како отверзло ти ся бы? Добро есть душе спастися от подвигъ и от трудовъ, яко долж ы въздание, а не дар ы благодать, еже есть неразумѣва и лениваго раба.

Душа: Добрѣ и сия рекла еси и ктому не сумнюся. Обаче и еще ми сие скажи, о рабыне: тѣло праотца Адама, рци ми, како создано бысть убо – тлѣнно ли, или нетлѣнно, мертвено или не тако?

Плоть: И о сем, владычице, речем ти яже вѣмы: ни же тлѣнно, ни нетлѣнно, ни бесмертно паки. Посреде бо то созда тля и нетлѣнна, посреде мертвости, глаголю, и бесъмертия. Яко

да аще изволит душа добрая и сладкая, бессмертна будет от дѣлъ лучших, якоже убо и выше научило есть слово. Аще ли паки телесным страстемъ поведеться, тлѣнень и мертвенъ будет, еже и пострада. Аще бо бы смертна Богъ створилъ того, не бы осудилъ есть смертью согрѣшша, смертному бо мертвость никтоже осужаетъ. Аще ли паки бессмертна, не бы пища требовал телесныя же и тлѣнныя и погибающая, ни аще покался бы о нихъже сдѣя, ниже паки бессмертное мертвено тѣм створилъ бы. Ниже бо являет о согрѣшших ангелѣх се створивъ Богъ же и Владыка, но естество имут еже исперва, паки бессмертни пребыша, обаче не свѣтоносни, и нужди ждут, прочее, о согрѣшши казнь.

Душа: Надолго прострохом бесѣду, о рабыне, сирѣчь любопрѣние, еже любезнѣ речеса, не вражебнѣ – да не будет, – приятелна же паче. Прочее, и взисканья разрѣшила ми еси абѣе. Нынѣ же убо скажи ми, иже исперва впрашах, да некако и забытие будет и не въспомяну се. Обаче вся прости ми, яже прежде глаголаная.

Плоть: Да убо что есть вопрошенъе твое, забыла есмь.

Душа: Въпросих, о рабыне моя, и суприжница, и другине, гдѣ предпочитают душа праведных, подобнѣ и грѣшных, и кое есть мѣсто их даже до воскресенья и Христова пришествия.

Плоть: Аще убо хочещи навикнути еже впрашаеши, госпоже, и zde вонми разумно и навикнеши сия.

Якоже Писание учить мя, на небеси есть идеже предпочивает всяка душа праведная. Но и имени многознаменито есть, страна бо живых наречеса, и земля кротких, паки празднующихъ глас же и сѣнь праведных, пищи поток, исполненъ бессмертья. И слыши и увѣрися от глаголѣ Павловых, ихже в Коринфѣ написа, таже и в Филиписих: «Вѣмы бо, вѣмы, – рече, – тѣла нашего сия храма земная аще разориться, храмину имамъ нерукотворену же на небесѣхъ от Бога, вѣчную и лучшую».¹⁰⁷⁴ Тѣмже, от тѣла исходяще, надѣмся еже внити къ Христу. Се есть любочестье. Добрѣ убо вzywаше Павелъ с дерзновеньем: «Желание ми есть, – рече, – отрѣшиться и со Христом моим и Богомъ на небесѣхъ быти».¹⁰⁷⁵ И прежде Павла Соломон вопиет сиче: «Душа праведных в руцѣ Бога же и

Владыкы на небесѣхъ пребывают и суть в мирѣ убо».¹⁰⁷⁶ И Иоанъ Дамаскынъ подобная сим глаголетъ: «Душа убо имате, – рече, – на небесѣхъ в руку Бога жива и того поите от земля, яко со ангелы преставистеся на небеса с славою».¹⁰⁷⁷ Имам ины свѣдѣтеля, душе моя, вѣрнѣйша равно согласующим трием предреченым зѣло.

Душа: Да како си зовими суть и коея страны, глаголи.

Плоть: Назианзу Григорие, Василие Великий и Златый во всем языкомъ Иоанъ,¹⁰⁷⁸ и всебожественый ликъ отеческы – вси на небесих быти душамъ праведным глаголють: и мѣсто и число наполняют оно, отнуду же отпаде злѣ ангельское множество вкупѣ и с первым тѣх отступником злѣйшим, – яко да исполнится вышній миръ, любимая. Якоже Григорие Богословесный¹⁰⁷⁹ пишетъ: «Внегда бо испльнитъсе вышній миръ, глаголя, ожидай скончанья настоящего вѣка». Вси бо явственѣ о сем свѣдѣтельствуот. Елма же убо глава всѣм нам есть и глаголется, и первы же от мертвыхъ воскреснути, но убо и первѣнецъ из мертвыхъ воскресе, и первѣнецъ, душе, или первородны многих иных братьей есть и первый – Христосъ, 2 Адамъ, конечнаго ради благоутробия и «предтеча о нас», по гласу Павлову,¹⁰⁸⁰ на небеса убо взиде к своему Отцю и того убо сѣде одесную, господине. Идеже убо глава, в малѣ елико послѣдует и прочее все тѣло. Исполнение бо главѣ бывает тѣло, исполнение тѣлу глава бывает. Ни бо тѣлу мощно есть без главы быти, ниже паки главѣ, тѣлу не сущу.

Нынѣ же убо всходятъ вся душа точью спасаемых, владычице, святыхъ и праведных к своей убо главѣ, рекъше Христу. О чудо! По воскресении же и с телесы убо. Дивство славы Христовы и чѣсти, душе моя, и человеколюбия его и благыхъ всѣх, ихже восприяхомъ вкупѣ исперва, создани бывше, и паки же на послѣдок по благодати его! Прочее, душе моя, вѣруй: сих свѣдѣтельство истинно и извѣстно в вѣру сущее. И сия убо рекошася о душах праведных, еже от сея лютыя злобы очищешихся.

Аще же и грѣшных душа увѣдѣти хочеши, и кдѣ затворяются и суть, о душе моя, и о сих от Писания отвѣщаю тебѣ. Подо всею землею долу суть, господине. И слыши, и

рыдай прежде конца zde: сѣнь смертную, преисподний ровъ ада сего нарече, тѣм же и взывает: «Взвелъ еси от ада душу мою»,¹⁰⁸¹ на мнозѣ не оставилъ еси тамо пребывати. О адѣ убо и Иовъ, плачася, глаголаше: «Земля темная, и мрачная, и вѣчная тма, животъ чловѣчскы не видѣти, свѣта бо тамо нѣсть». Адъ мѣсто убо есть долнѣйшее долних преисподних мрачных, болѣзнено естеством, во н же сниде Христосъ и, душа исхитивъ, ихже держаше исперва от первосозданого, изиде яко побѣдитель. Благо же, Христе мой блаже!

Но будущее слыши и встрепещи прежде конца: во второй приход и Христово пришествие и общее воскресенье исходят изъ ада; каяждо убо свое восприемлет тѣло и паки възвращается къ аду, – увы мнѣ, – якоже рече Пѣснопѣвецъ,¹⁰⁸² яже о них: «Тогда да възвратятся, – рече, – грѣшници въ адъ».¹⁰⁸³ А еже «да възвратятся» являетъ, отнуду же изидоша. Оттолѣ лютѣйше перваго и горше, горчайше и зѣлнѣйше, болѣзнуют и рыдают, сѣтуют же и плачут без успѣха, душе моя, бесконечнѣ и вѣчнѣи. Пощади, Христе мой, пощади!

Тогда, душе, отходиши убо к своему тѣлу, егоже прежде мала отлучися, бернныя плоти, яко да внидеши в не, якоже Писанье учить. И видиши то смердящее все и осквернено, гнусно и мерьско и сгнившее до конца. И, тако то видящи, отвращаешися, ненавидяще, но от ангелъ страшных биема, увы мнѣ, немилостивно, нещадно, с лютостию мною, входиши паки в то, душе, и нехотящи.

Но не таковая телеса суть яже праведных, но яко блещайся бисеръ сияют с славою и якоже солнце, рече, но и множае сего. Аще ли не вѣруеши ми, о душе, воскресенье повѣдующи, приведу ти свѣдѣтеля вѣрны, имже не невѣруй.

Душа: Да кто си суть, котораго племени и языка?

Плоть: В первых, Иезикил и Исая, паки и Давидъ праотецъ и Пѣснопѣвецъ подобнѣ, иже прежде Христа изрядни и велиции пророци; и по тѣх паки Христосъ от дѣлъ увѣряет, но убо и первороденъ от мертвых воскресе, якоже и Писание учит мя Иеуангельское; и Павелъ учит вселеную всю, о воскресении сущим в Коринфѣ пишет: «Падъ убо въ землю, сие вещественное тѣло в немощи и тлѣнии и безъдушно в гробѣ сгнивающе и

разрушаемо, и в ничтоже бывшее, встает нетлѣнно и духовно в славѣ, бесмертно, и присноживотно, и обрадованно».¹⁰⁸⁴ Да реку ти и притча, юже сам реклъ есть: яко зерно наго, в земную боку пад убо и сгнивъ, не наго вѣстает, яково же наго паде зерно, едино паки, но и зѣло благороднѣ и одѣяно бывает: стебль, листовие, колѣнца, осилия, – и иная зерна приносит многосугубна и красна видѣньем, – сице ми разумѣвай и воскресенье еже тогда челоуѣком всѣмъ убо, малымъ же и великимъ.

И слыши и почюдися Божию смотренью: тогда ни долгъ, ни короток бывает, ниже чернѣ, ни бѣлѣ, ни тонок, ниже дебелѣ паки, ни русѣ, ни черменѣ, ниже кудрявѣ тамо есть; хром, сухорукъ не бывает, ниже бѣснуя кто; единогоног, единогоокъ, единорукъ, ниже прокаженѣ, слукъ же, ни слеп, ни горбав, ни горкавѣ, ни гугнив, ни травлуяй, ни премудрѣ, ниже буй, ни старецъ, ни отроча, ни рабѣ, ни свободѣ, ни варварѣ, ниже скифинѣ. Ни мни, яковъ же бѣ умрый, таков и воскреснетъ, но яков же первоизданный от Бога созданы бысть и яковъ же бѣ исперва прежде послушания. Тамо нѣсть мужьска полу, ни женьскаго естества, ни дѣтородни уди мужстии и женстии к смѣшенью блудному и скверному, ни убо! Но ино, странно ино, еже вѣсть Богъ единѣ, бесмертно и присноживотно и нетлѣнно отнудѣ, непричастно суще печали же и скорби, попеченья всякого и тѣзання, к жизни сдѣлующаго. Бракъ никакоже бывает отнеле же воскреснем; ни посагают, прочее, не сущу ражженью тогда; естество женско никако, но ниже скопецъ есть; желанье телесное нѣсть, ни помыслѣ блудный; но ниже бѣси тамо, ниже бранѣ, ни свары, но яко аныгѣли Божии суть вси. Христось бо се рече нѣкогда к садудеим.¹⁰⁸⁵

И еще же не умершеи и погребеньем скрытии, но въ житии обращаются – мали же и велиции – и вси в мегновении измѣняются тогда. Будуть же вси въ едином возрастѣ, якоже предрекох прежде мала в словѣ, нази же вси вкупѣ и обѣвленѣ. Нагое же, господине моя, и обѣявленное, яко от предложенья овчатъ разумѣвай, еже на жертву Богу приводимых всѣх. Якоже она кожа одираема тогда во испытанья всякая кости же и мозга, являхуся внутрь скровеная явѣ, сице котораго же дѣянн

являются. Различье слышащи, сие ми разумый: се нѣсть отъятие самого существа, но убо мертвости иждие же и престание и тли изнурение. Смерть бо сия тѣло не погубляет, но тля разоряет. Сущство же, добрѣйшая, пребывает же и есть, славою множайшею встающее тогда. Но не о всѣх, владычице, *глаголахъ азъ*. Се въскресение убо общее всѣм будет; въскресение же, душе, еже с славою, будет иже правѣ пожившихъ, въскресение бо животу сии; злая же сдѣлавшей – в судъ мученья.

Душа: Несуменно слово твое, и вся приемлю ти, вся ти вѣровахъ, развѣ точью сего единого, егоже слышыши Писание явѣ вопиющее. Внегда убо Христосъ сниде въ адъ душа вся исхитити еже тамо сѣдящая, от Адама и прочая по ряду свободи вся. Ты же рече нынѣ быти душамъ тамо всѣм грѣшником и нечѣстивым, о рабыне. Аще убо изятъ тыя от утробы адовы, и кая благодать будет, аще и еще оны паки яко осуженици суть подъ адом? Прочая, не согласна к Писанью твоя обрѣтаю и непщую, яко ты не истиньствуеши, рабыне.

Плоть: Слыши убо мя, владычице, и вонми нынѣ сде и Писание и истину, с нею и азъ глаголю, и разумѣй глаголемое от притча.

Нѣкако положи быти нѣкому мучителю, злодѣю и отступнику, отбѣгнувъшу ему нѣкогда от царя и отшедшу далече в неже вжелѣ мѣсто, и тамо град создавшю высокъ же и великъ столпем отвсюду утвержень зѣло. Посреде же его ископаша ровъ глубок и велик – глубину дажь до дна земаго и вяще, в широту же широкъ паче всѣх широтъ, злосмраденъ и мрачнѣиши и темень зѣло, и стража всячьскыя тамо устрает, смраднѣйша, увы мнѣ, тыя же и зловонны зѣло. И по сих, разумѣй ми, вражий гнѣвъ во всю землю протече; и собра многы звѣря и ядовитыя гады, змия же и смоквы, скорпия и ехидны, и прочая от всѣх по ряду, и сия убо затвори въ мрачнѣйшем рвѣ на мученье явѣ якоже тамо человекомъ с нужею хотящим затворятися от него. Луна и звѣзды никакоже, ни солнце нѣсть тамо, глаголю, в градѣ вражьи, но мгла часта. Близъ града же оногo путь бяше народный, и инуду не бѣ пути еже ити в весь миръ. Имже путем прохожаху вся племена и языци, цесареvy

вси врази и друзи вкупѣ. Прочее, приходяще в руцѣ, и не хотяще, вси отступнику и врагу, мали же и велици, и всѣх превзлагаше, и всѣх держаше. Силою убо ручною, нужею и областью связуя руцѣ же и нозѣ, лютеѣ стратоваше и затвореныя вся воряше, и темницу исполни темныя она вся. Не терпяше убо царь неправды сия, намнозѣ не остави люди озлоблятися, но посла тамо сына своего, глаголя: «Поиди и исхити люди наши вся от руку лукаваго и отступника вскорѣ». Он же, пришед и ем спротивника, вся ему сломи и кости и жилы и с полумертва створи и недѣйствена того, ископа очи его и зѣница очныя; веря и врата низложивъ и затворы скрушив, изять всѣх яко побѣдник и удалник, – врагы и другы вкупѣ, – от преисподних и възведе въ горняя всѣх от глубины, и от узъ убо разрѣши твердыхъ вся, и на лица земнѣм ходити остави. И по сих зри ми разсужение добрѣйшее: другы избра отца своего присныя и, поим сих, отиде к своему отцю въ красную полату и чюдную ону – еже быти тѣмъ всегда съ цесаремъ и веселитися имъ купно с ним в вѣк. Врагы же и нечестивыя остави убо тамо, Дѡндеже изволитъ ся отцю о нихъ подобное, и изречетъ отвѣтъ праведны о нихъ.

Къ симъ ты, госпоже моя, како непщюеши: убо прияша ли и ти нѣкоего благодѣтельства – нечестивии же и врази глаголю цесареви, – или не мнятся благодати быти? Како любо се? Азъ убо се непщюю спасенье велие еже бо мучителя яти и связати спротивника узами нерѣшимами, тому же и очи изяти, и от безднъ земныхъ възвести сихъ, и темница мрачныя, и узы, и затворы, и злосмрадныя воня же, и гады ядовитыя – сихъ всѣхъ злыхъ свободны створити и ходити сѣмо и онамо свободни въ ослабѣ, не сущю темничнику, не сущимъ слугамъ, врагъ бо погибе со всѣмъ воинствомъ крѣпцѣ.

Аще бо и быти слышала еси, душе, убо быти въ адѣ, но не суть, якоже первѣе, в болѣзняхъ тяжкихъ, ниже в нуждахъ, ни убо, ни въ узахъ нерѣшимыхъ, но въ ослабѣ отчасти и в малѣ покои. Мнѣ убо велико является се благодѣтельство. Разумѣ ли всяко реченое, или сумнишися и еще?

Душа: Разумѣхъ и домыслихся, и являешися истиньствовати. Всѣхъ благодѣтель есть по праведному суду: врагы убо мене,

другы же большее. И благодѣть сия велика глаголется от всѣх добрѣ смыслящих, и есть велика паче зѣло.

Плоть: Госпоже моя, како разумѣ реченое гаданье мое? Хощу увѣдѣти, аще добрѣ реченая разумѣ.

Душа: Да слыши, служительнице, раздрѣшение сих сдѣ. Отступникъ есть спадый Денница, град же, егоже созда, адъ; якоже мню, ровъ глубочайший и темницу его – суть, служительнице, чрево адово, народны же путь – житие се есть, имже ходим мали и велици вкупѣ; мучительство же вражье и разбойничьство его – смерть, якоже подобиться, яже въсхищает всѣх, къ аду лютому отпускает абье; а иже во рвѣ гади и лютии звѣрье, якоже мню, – нестерпимая болѣзнь, яже тамо есть; царь же – Богъ, и Сынъ его паки избавитель есть Христосъ роду человечьскому; друзи – иже праведнии, нечестиви же паки – врази его, вкупѣ грешники непщюю; красная же полата, и веселие его, и радость непрестанная Небесное Царство есть.

Плоть: Добрѣ и зѣло и благоумьнѣ разумѣла еси реченое мною, госпоже моя и владычице, и благодѣть Христу моему! Но вѣжъ, яко притча не по всему имат равное и приемлеться. Елма не бы была притча, якоже рѣхом, но тождѣство паче. «Взлегъ, почи, якоже левъ»,¹⁰⁸⁶ – слышала еси патриарха, глаголяще о Христѣ, господыне. И паки убо в другом: «Срящю тѣх же, – рѣче, – яко медвѣдъ страшнѣйши гладенъ зѣло». Убо приуподобим ли яже звѣрем суцая вся сдѣ Христови? Ни убо, владычице моя. Но подобает потребное избравшим от сих въ еже приято есть, то прочее убо все оставлено творяще удобъ, мимоидѣмъ сия. Страшное убо лвово и цесарское восприимем, медвѣдя же паки точю мучительное, а не ино что, ихже имат. Также и о прочихъ притчах творити, И слыши, господыне моя, яко имам и еще сдѣ мужа свята и премудра – Иоана зѣлнаго Дамаскина и Мансура¹⁰⁸⁷ – и множае увѣришися. Той бо опаснѣйше яже тамо бывшая научает добрѣ и явственѣ всѣх. И навькни, яже рече здѣ нѣкако на стихи:

«Не просто бо спаслѣ есть жизнедавецъ Христосъ, сшедъ въ адъ, всѣхъ, но рѣчеся, яко тамо вѣровавъшихъ, иже суть отци и пророци, судья и царье, с ними и мѣстни князи, и инии нѣции от людей жидовеских бесчислени и предъявлени всѣм.

Мы же сия противо *речемъ* сдѣ сущим, яко: ни даръ или богатство, слава, ниже чудно и славно сие, еже спасти Христу преже вѣровавшая, елма ссуди праведенъ есть единъ, и всяк иже тому вѣровавый не погибнет. Достояше бо сим спастися всѣм и от адъскихъ узъ избавитися схожениемъ Бога и Владыкы, еже и бысть того промысленьемъ. А иже паки человеколюбия ради спасъшеся суть, якоже и сии, житие честнѣйше имяху и дѣяние добро всяко свершаху, тонцѣ живуще, въздержателнѣ и цѣломудрнѣ, вѣру же истинную и божественую не достигоша, не обучени быша всяко, но ненаучени пребывше отнудъ. Сих всепромысленик Владыка всѣх привлече и улови мрежами божественными, и тѣх преклони вѣровати ему, восиявъ на ня божественныя луча и показавъ имъ истинны свѣтъ; не бо суди, милостивенъ сы естеством, втоще тѣх труды быти, стяжаша бо труднѣйшее житие, болѣзньно же и тѣсно паче слова, самодержьци страстемъ бывше и сласти оплевавше, вкупѣ нестяжанье же всяко исправлеше, вздержанье же со бдѣниемъ паки, и всяко просто изрядно жителство, не благочестивнѣ убо, но обаче прошедше, вышнии промыслъ, якоже мняху, изряднѣ чтуще, обаче погрѣшнѣ. Суть же нѣции иже божественую славу всемошныя достигоша Троица тонцѣ и темнѣ, но не прославиша обаче. Ини же воплощенье рекоша Слова, страсти честныя и встанье его. Друзии же рожество, еже от Девы, имя же тоя пронарекъше, Марія бо, рече, имя нѣкое отроковици. Паки нѣции предначтоша вся преестественая Христова чудотворенья, мерътвых же и слѣпых, и гугнивых, прокаженных, и глухых, и огничавых, трудоватых, вкупѣ и сухоруких, и морское хоженье, отсюду хлѣбом благословенье и рыбам, преложенье водѣ в вино паки, кровоточивыя и слукыя вкупѣ здравье предрекъше со инѣми многими. Сих божественая Слова сила не стерпѣ презрѣти погибающихъ, ниже погубити дѣлания изрядных. Заимствованный бо тѣмъ слова конецъ, якоже рѣхом, не помрачается, но сохраненъ одѣвается всѣмъ иже добрѣ пожившимъ с прилогом. А иже не жившей право житие, сѣмя или плод никакоже стяжавше, и ниже дождя божественаго, съ небесе излиывшася на них, възрастивша всяко, ни бо, яко же варивъ рѣх, вложиша сѣмя, ниже,

восиявшю солнцю славы, съзрѣяша, яко бесплодни отнудъ. Сих не ползова Христосъ проста, совъздвигъ, якоже мню, падшихъ, яко недостойны всячьскы спасенью, ниже бо вѣроваша ему, мниться мнѣ. Ослѣпи бо тѣх помыслы и, увы мнѣ, и очи сердца тмы взятие, первый змий, емуже служителе исперва, яко да, видяще, не видят вправду и разумѣют отнудъ. Ини же вси, сѣмя имуще, и съзрѣяше, солнцю являшюся, и взростоша же, дождю бывшю. Сих спаслъ есть, якоже мню, Христосъ мой, егда сниде въ адъ хотѣнемъ».

Душа: Вся добрѣ сказала ми еси, учителнице и рабыне, и истинна и извѣстна. И не прерѣкую отнудъ, но имам еще възыскание, недоумѣнье велико. Рци и се явленѣ, аще можеша рещи.

Плоть: Да что есть и каково и которое есть, скажи.

Душа: Како, оставльши убо тлѣнно и нетлѣнно же обрѣтши, тѣло убо свое душа како познает? Ова бо оставила есть слѣпо и безъ очью то, ова же глухо и нѣмо, скудоумна же другая, скопыца же и иная, и тонко, и сухонаво, дебело, полно и тучно же, чревато другая, другая же безъ брады, космато же ти о другая; иная паки женско, черно иная и смядо, бѣло же паки другая; безъ руку и безъ ногу остави паки иная, и младенца иная несвершена и малѣйша зѣло, и старца; и иная съгнивша зѣло, и черно власы другая, бѣло же иная паки. Во воскресенье убо, якоже глаголеши и учиши мя, рабыне, ино от иного бывъшее, якоже варивъ рекла еси, по подобию Адамову, – како убо познает то и не имущее знаменья, ни образы, ни мѣры?

Плоть: Да слыши, господини моя, вещи сея дивное. Тогда не ищи естественаго послѣдования чинъ, но выше естества вся и мѣчтайся и разумѣвай. В сем бо житии суть сия вся, в будущем же ничтоже от сих будет тамо. Но промыслом Божиимъ и хотѣнемъ его знаменье убо дасться, и познаваетъ вся едина каяждо совлече ея тѣло, якоже овѣца познавает своя агница и младенцы доими своим матеремъ не от иного чего, ниже от видѣния, но обонянья точью от единого познавают. Много убо сличная въ агньцѣхъ бывают, и множайша и ты суща. Видѣх азъ многожды всхожаше и низъхожаше многожды множицею мати, въ агньцехъ свое агня ищющи, и к ней прихожаху много от

агнецъ, никое же не прият, ни накорми ни едино, обонявающи вся, мимоходящи вся, Дѡндеже обрящеть сама свое ея агня. Подобно сему познанье душамъ и тѣломъ, еже тогда и будет. Промыслом Христа моего будущее датися от него знамение. Азъ убо не то знаю, – онъ точью един вѣсть. *Умнѣ* сущи души, умно же и оно; безътелесна же сущи, безътелесно и се, не чювьствено, не вещно, якова суть яже сдѣ. Подобнѣ убо и сродници, и друзи к другомъ, невѣжде же познают другъ друга тогда, яко ти притча показа, господыне. Да не мнить же никога никтоже, яко еда нѣсть комуждо познание комуждо тогда на страшномъ сборѣ ономъ, душе моя: ей, кождо познает тамо искренняго си, – не образомъ телеснымъ, ниже от знамени, но окомъ душевнымъ презрительнымъ.

Душа: Да откуда се вѣдомо? Впрашаю тя, о рабыне, еже представити свѣдѣтеля о словеси семъ. Тебѣ бо яко рабынѣ не вѣрую и сумнюся о нихъже глаголеши.

Плоть: Слыши убо, госпоже моя, въ-первыхъ, Христа моего, явственѣ уаща въ Благовѣстованиихъ, яко позна богаты Лазаря оного в надрѣхъ Аврамовыхъ сѣдяща посреде, такоже и Аврама, великаго патриарха; и паки же другоици рѣче къ июдѣомъ, яко: «Аврама узрите, и Исака тогда, и Якова, и вся пророцы такоже въ царствии Божии, вас же вѣнѣ его изганяемъ далече». И да нѣ кто непщует и рчетъ, яко притчею рѣчена бысть убо вещь и разумъ неприятенъ быти о сихъ, божественныя бо притча Спасовы, любимая, суть образи истиннии вещемъ настоящимъ, възможнымъ, непрелестнымъ и показанымъ.

Душа: Вѣрнѣйши и добрѣйши свѣдѣтел сея есть. Имаши ли к сему и иного кого, соглашающа и подобная вѣщающа о глаголаныхъ?

Плоть: Имамъ, господыне моя, многы, но не могу всѣхъ нынѣ приносить реченья, лѣню бо ся сия писати. Обаче 3, и 4, и 5 представлю ти и глаголаніе коегождо сдѣ напишу.

Иоанъ Златы языкомъ сице глаголетъ: «Не токмо бо яже здѣ знаемыя познаемъ, но и ихже никогдаже видѣхомъ в лице: Аврама, Исака, и Якова, и вся праотца, отца же и дѣдѣ и прадѣдѣ, пророцы, и апостолы же, и мученики».¹⁰⁸⁸ Душе моя, си видѣвши, познаеши всѣхъ абие на торжищи ономъ велицѣмъ. И

паки к сим подобна Василие Великий, бесѣдуя к лихоимцем рѣче сице: «Не приимеши ли пред очима своима Христова судище, внегда тя обидут, представше внезапно, и ближни, и дални, и мали же, и велиции, обидѣнии тобою, взопьютъ на тя. Яможе бо аще възведеши око тогда, узриши убо явѣ озлобленных образы: отсюду убо сирья, отонуду же убо вдовья, на иномъ же нищя, ихже обидѣлъ еси всѣх, – сусѣды же вся, яже прогнѣвалъ еси здѣ». Но убо и Григорие Богословный пишет: «Тогда, рече, – Кесария узрю свѣтлоносна, яковъже ми во снѣ явился еси, брате любезнѣйши».¹⁰⁸⁹ Ефрѣмъ же блаженный сице учит, глаголя: «Тогда, – рече, – своя родителя осудять чада своя имъ, увы, осуженья, яко дѣла благая нынѣ не сдѣявшю. И знаемых видят в час онъ. И внегда от них узрят нѣкыя, увы мнѣ, в десных частех причтеных бывша, тогда рыдают убо разлученья и расъпряженья сих».¹⁰⁹⁰ Афанасий Великий чюдный, церковное основанье и поборьник ея, и се: «Богъ, – рече, – праведником всѣм даровалъ есть познание общаго и сборнаго, душе моя, воскресенья, еже быти другъ с другом, веселитися и радоватися в вѣки вѣком. Лишени же суть грѣшници утѣшения сего: не имуть познания еже друг с другомъ тогда... Якоже дѣянїя вся откровена суть, сице, – рече, – и лица всѣмъ знаема бывают, Дѣндеже всѣх послѣднее разлученье конецъ приимет и каждо посланъ будет въ свое ему мѣсто: праведьници с Богомъ, такоже и друг с другом, грѣшници же паки в далних мѣстѣхъ. Аще бо и друг с другом будет, но обаче незнаемъ. Якоже бо предречеса, лишени будут и сего утѣшенья, рекше и благодѣти, таковыя. Аще бо не явѣ будут, – рече, – всѣмъ тогда студъ, которы будет повинным всѣмъ. Тогда бо, – рече, – лютъ есть срам и великъ, внегда кто познавает и познаваем бывает. Всякъ бо стыдѣйся знаемых стыдиться, невѣдомых же никакo, сущю ему невѣдому. Страм же не бывает никакo незазорному».¹⁰⁹¹ Се убо не невѣрно и не отречено есть, яко явѣ вси другъ друга познаваемъ. Прият ли ми свѣдѣтеля, о нихже рѣх всяко, или еще паки, якоже и мнѣ, не вѣрова и симъ?

Душа: Ни, служительнице, ни. Не ктому сомняся, яко зѣло ми благоразумнѣ недоумѣнье се сказала и разрѣшила еси. И благодарствую тя: вѣрнѣйше и извѣстно и истинно есть

свѣдѣтельство многих, – от Христа навикнуя. Нынѣ же имам желанье научиться и сему.

Предрече бо ми выше в словѣ, рабыне, яко убо измѣнятся на воскресенье небо же и земля в созданье божественѣйше, такоже и телеса челоукомъ всѣм – в нетлѣные и та измѣнятся тогда. Убо и азъ ли, служительнице, измѣнюся тогда, или паки буду та же, якоже есмь нынѣ, тричастное неразлучно имущи тогда: помысленное, желательное и яростное же? Убо и тогда ли в самом тождѣстоит пребуду, тричастна с тобою буду в вѣкы? И паки которое же дѣйствуют своя, желанье же глаголю и ярость? Такоже во мнѣ зрима суть, окаянна ми и страстно воскресенье будет, яко паки страстна, и сквернава, и паки нечиста буду сих ради. Аще ли не будут со мною двѣ части сия, цѣла како буду, отъята бывъши сих? Еже бо всяко скудно есть, цѣло како и будет? И аще надво раздѣлюся, не азъ есмь вся, но нѣкаа и несвершена, и скудна, якоже вѣси. Но убо како несѣкомое сѣкомо покажется. На части же и рассѣченье раздѣляемо тогда? Аще бо, якоже предрекла еси, весь миръ мене ради создася и бысть видимый сей, аще бо в лучшее то премѣнитися зданье и естество добрѣйшее и божественѣйшее воистину, свѣтей, краснейше и въобразитися тогда Зиждителя и Здѣтеля свѣтомъ и волею, прочее, азъ, рабыне, обидима зѣло, аще и тогда буду якова же есмь и нынѣ, и возвращение не прииму, и почтена буду болше, якоже и ты, рабыне, прославишися, якоже рекла еси. Тля бо и мертвости будеши тогда тужда, и нетлѣнна, присноживущи и бесѣмертна будешь. Аще убо плоть, рабыне моя, паче естества почтет Создатель, якоже обѣщася, Богъ и Владыка, владычицу же самую бещестну оставит, долѣ горняя будут, якоже и горняя долняя. Назданѣ бо бывши той назданьем и странным, не подобаетъ владычици мнѣ тако презрѣнѣ быти, но воистину чюдным измѣненьем и странным измѣнитися и мнѣ хотѣньемъ Владычним яко царици всего здѣшняго мира сущи, – премѣнитися и самой, яко всѣх вышши. И понеже хочет обновити безъдушныя стихия и нечювьствена яже, и служительная мнѣ, рабыне, мене паче яко словесну и чювствену достояше. Рци к сим, рабыне моя, и что ми подобаетъ надѣяться?

Плоть: Госпоже моя и владычице, в глубину разумный и пучину непроходную въвергла мя еси нынѣ. Неудобьдостижно, неудобьразумно взысканье твое есть. И недоумью и боюсь неудобно, все суще недовѣдя, стыдящеся, готовападежна явится. Иного нѣкоего вприси от разумных се, мене же прости, яко невѣжю всяко.

Душа: И иного убо не хочу се увѣдѣти, рабыне. Тебе бо сущи близъ, далече ити не подобает, и впрашати безнадежнѣ, и трудитися всуе. Прочее, начьни, рабыни моя, покажи, яже вѣси. Аще ли непокорится мнѣ хочещи, не надѣйся ясти, ни снѣдь бо или питье оставляю тя пряти, нѣ ниже песь изѣлъ есть, якоже мниши, жезла.

Плоть: Да слыши, госпоже моя, сде мало и вонми. И видѣ и прежде рѣх тебѣ, и нынѣ паки глаголю.

Миръ убо видимый, и мысленый такоже, и явлена сия, елика якова суть, Зиждитель и Сдѣтель тебе ради привелъ есть. И паки тогда тебе ради обновит всячская к благоугождению твоему и чести же и славѣ в веселие и радость и красное наслаждение. Обновлеши бо ся и азъ, твоя похвала будет, честь бо и слава моя тебѣ будет тогда, якоже и безчестье мое тебѣ и нынѣ есть.

От сих же всѣх ниедино же требует Богъ сущих сдѣ, ни солнечное сиянье, ни небесную доброту, ни земное благолѣпие и приношение всяко: нескуден бо всѣх сый, сих никакоже требует. Тебѣ бо дарована быша та нынѣ и в будущий. Прочее, елма яже о тебѣ сице прославит тогда, колыми паче тебѣ, душе, иже и владычицю сим. Желания и ярости, спитателникъ твои, глаголю, съотъемлет абье вся ис корене, якоже от них ражаемая и прозябающая страсти. Аще страсти всяко глаголати подобает, или ни, господыни, и именовати та, еже нѣсть сице, егда добрѣ направляет помысль сия. Требование сих добро есть, добродѣтель глаголемъ быти, недоброе же паки – злобу створяти. Тогда наглость, ни гнѣвъ, ни ярость приидет ти, но ниже вражда будетъ в тобѣ, ни памятозлобие, ни боязнь же, ни страх; ни потреба тогда мужьству; ревность и зависть престанетъ от тебе, госпоже; похоть бесловесная и сласть такоже. Матерь же всѣм сим – предреченѣи двѣ. Но ниже

мнѣние в тебѣ, ниже тщеславие, но ниже вѣра; надежда съотидеть ти, другине; такоже память престанет, не требуеши бо ея. Пять сия отроди помыслу суть, а не яростному, ни желательному. Сия бо вся отходят, якоже рѣх, от тебе. Желательно послѣднее отнели же кто постигнет, не требует ни единого же от предреченых отнудъ, ветхаго бо челоуѣка совлекшеся всего, с ним совлечеши его студы тогда и скверны и къ животу бестрастному паки встечеши. Любовь едина будет тобѣ тогда и ничтоже ино, от ихже имам вкупѣ или особъ нынѣ. Ни бо сия являются тобѣ существена, не суть бо словеснаго естества сия, ни и убо, бесловеснаго же паче свойствена видяться. Ибо лстиваго зря врага и яраго и брань, юже на тя, ущедривъ Зиждитель и въоружи и облече къ отмщенью его обѣма сима, владычице, де некако, нагу обрѣт тя, язвит же и ранить тя елижды аще хочет. Брани же, госпоже моя, тамо яко не сущи, но смѣрению твердо, кая потреба оружию? Врази бо твои погибоша со всѣмъ воинствомъ крѣпцѣ. Здѣ бо есть все: и борбы и побѣды, – тамо же сихъ престанет держава и помощь. ихже бо съде боишися посмѣешися тогда, въ огонь геоньскый видяще ввержены. Ты же имѣти хочещи тогда несмѣсное и особое все: словесное, госпоже моя, и помысленое же, – боговидно и зрительно и богоподобно. Тогда еже по образу чисто первое, якоже и первѣе, яково же исперва прияла еси и паки въсприимеши божественое вдуновение, аще что се разумѣется. Благороднѣйши бо ты и славнѣйши паки паче всѣхъ воинствѣ, глаголя, явишися тогда. О душе, дивно еже слышати, страшнѣйше и преславно еже видѣтися паче: еже по образу его бывше, господине, имать к первообразному по всему всяко сего ради подобие началообразнаго все: умное убо – умнаго и бестелесное паки бесмертно, вселюбезно, по всему подобно, яко премѣнено доблества всякого оно и всего убѣгая убо растоятелнаго; сего ради по измѣрению – подобнѣ, якоже и оно, по естѣственному же подобью убо ино что от оноу, – глаголю же началодобраго, – разумѣваемъ по Писанию¹⁰⁹² и сущѣство, и естѣство. Не к тому есть образъ, аще во всѣхъ будетъ то же оно, владычице. Но в нихже видится в несозданнѣмъ естѣствѣ оно, добрѣиша мнѣ, в тѣх же убо и создано естѣство показуеть се. И

аще се истинно, якоже се истинно есть, убо да что бы хотѣла болшее сея славы, или ино что бы хотѣла лучшее сего быти?

Разумѣ ли нынѣ, владычице, добрѣ глаголанная? Вѣрова ли и приять яко истинна сия, или яко ложна являютъ ти ся вся глаголанная и бляди сия тебѣ мнятся? Азъ убо не мня. Рци к симъ, владычице, и како вмѣниша ти ся?

Душа: Ни, рабыне моя, ни, но сладцѣ и усредно, радостно и весело же и любезнѣ сия и прияхъ и прииму глаголанная вся, обрадованнѣ, яко недоумѣние мое раздрѣшися! Служителнице, невѣруй вѣлѣнию сему отнудъ христианинѣ нѣсть, ниже православен тѣ, ни части иматъ никакоже съ Христомъ моимъ иматъ и царствія его не приметъ тогда, но есть весь невѣренѣ и от садукей¹⁰⁹³ горѣй. Азъ же благодатью Божіею вѣрую сия тако и суца и быти хотяща, якоже научи мя. Не невѣрую словесѣмъ твоимъ, не буди ми се. Обаче о семъ и еще молюся тебѣ, яко да принесеши ми Писание, да слышю и то. И аще принесетъ и то повелѣние согласно тобѣ, тогда паче будетъ извѣстнѣйше се, неколѣблемо, недвижимо и добрѣ утвержено. Но убо глаголы Писания да не размѣниши отнудъ и на стихи речеши ми тѣхъ силу, но убо тако, якоже суть, сице ми скажи сихъ.

Плоть: Слыши убо, госпоже моя zde, прочее, и вонми. Мужъ мудрѣ, и святѣ, и благороден сугубо иного нѣкоего премудра еже о Христѣ премудростию впрашаше сице, ихже ты ищещи, тричастное души како есть, увидѣти хотя. И нынѣ вонми разумно того вопрошение сдѣ.

ГРИГОРИЯ НИСЬСКАГО ВОПРОС ОТ МАКРИИНИХ¹⁰⁹⁴

Умно глаголють быти существо душа и телесну суцу с'суду животную силу къ чювьственѣй силѣ въдваряти. Не бо точью о художьственѣй же и зрителнѣй мысли и дѣйства есть наша душа, въ умнѣмъ существѣ таковое дѣлаючи; ниже чювьства едина къ еже по естеству дѣйству устрояетъ; но много убо еже по желанию, много же еже по ярости движение видимо есть въ естествѣ. Коемуждо сихъ обоихъ роднѣ в насъ суцу, на многа же и различна разньства видимъ происходящее дѣйствы обоихъ движенье. Многа убо есть видѣти, имиже дѣлательное обладаетъ, многажды от яростыня вины прозябають. И никое

же сихъ тѣло есть; бестелесное же умно всяко. Умную же нѣкую вещь душу уставъ нарече. Яко убо двѣма безмѣстными другое от послѣдования възникнути слову: или ярость и желание ины в насъ быти душа и множество душъ вмѣсто едины видѣтися, или ниже смысленое еже в насъ душа мнѣти, умное бо равно всѣмъ приуподобляемо. Или вся сия душа покажетъ, или котороеждо сихъ от равнаго собѣства души изметъ.

ОТВѢТ МАКРИНИ

Многимъ убо инѣмъ ищущимъ словесе по ряду сам поискалъ еси, яко: что убо подобаетъ непщевати быти желательное же и яростное – или ссущьствена души и от перва абие устройства с нею суща, или что ино у нея быти и послѣ же намъ прибывша. Еже бо зрѣтися въ души симъ, от всѣхъ равнѣ исповѣдуетъ; а еже что подобаетъ от тѣхъ мнѣти, не у опаснѣ обрѣло есть слово яко извѣстно еже о сихъ имѣти мнѣние. Но и еще мнози различными еже о сихъ славами съмнятся. Мы же, оставлеше внѣшнее любомудръство, различно сущее, свѣдѣтеля божественное и боговдохновенное Писание сътворимъ, еже ничтоже изряднѣе душа быти възаконѣвати, еже в ней божественнаго естѣства свойствено. Яко подобие Божие душа быти, сице все, еже чюжее быти есть Бога, кромѣ быти устава душевнаго отрече. Ни бо в размѣненныхъ спасется подобное. Тѣмже елма таково ничтоже съ божественнымъ видится естѣствомъ, ни же души ссущна быти сия по слову убо кто помыслит. Что убо есть, иже глаголемъ? Словесное се животное, челоуѣкъ, ума же, художьства приятно быти и от внѣшнихъ слова, еже на насъ свѣдѣтельствовався. Не убо сице уставу естѣство наше написующю, аще зрѣлъ бы ярости и желание и яже от нихъ прозябающая ссущьствена естѣству, ни бо о иномъ нѣкотором уставъ кто отдасть подлежащимъ, общее вмѣсто особнаго глаголю. Елма убо желательное же и яростное по равности и в бесловеснѣм же, и словеснѣмъ естѣствѣ видится. Никтоже благословнѣ от общаго въображаетъ особое. А еже и къ естѣственному написанию лихо есть и отвержено, како мощно есть яко часть естѣства на взбранение устава крѣпость имѣти? Всякъ бо уставъ сущьства къ особному подлежащаго зрѣть, яко аще внѣ особящагося

будеть, яко чюже призирается уставу. Но убо еже по ярости и желании дѣйство общее, всего быти бесловеснаго исповѣдуются естества. Все же общее не то же есть со особнымъ. Нужда убо сихъ ради есть не в сихъ быти та помышляти, в нихже по изрядному человѣческое въображается естество. Но якоже оцѣтителное, и наптителное, и растителное в насъ кто видѣвъ, не възвращаетъ ради сихъ отъдаанаго от души устава. Не бо понеже се есть въ души нѣсть онъ. Сице и яже от ярости и желани поразумѣвъ естества нашего движения не ктому благословнѣ со уставомъ свариться, яко скудно показавшу естеству. Явѣ убо яко отвнѣду видимыхъ суть сия, страсти естественныя сущая, а не существомъ обое. Еже есть ярость же, възрѣние окрестъ сердечныя крови мнозѣ быти мнится; индѣ же – желание же въозопечалити преже наченшаго, якоже мы непщуетъ или ярость есть устремление озлобити раздражившаго. ихже ничтоже еже о душе уставу случается. И аще желание о себѣ уставимъ, похотѣние речемъ потребнаго, или любовь сладостныхъ наслаждения, или печаль о еже не въ области сущему в помыслѣ, или нѣкое къ сладкому любление, емуже настоитъ в'сприятие. Сия убо вся и таковая желание убо и показываютъ, уставу же душевному не прикасаются, но елика ина о души зрятся, яже от спротивныхъ другъ къ другу видимая, рекше страхование и дерзость, болѣзнь и небрежение, и елика таковая, ихже коеждо сроднѣи убо имѣти мнится к желателному или яростному, особающему же ся уставу свое напсиуетъ естество, яже вся о души суть, душа не суть, но якоже мравия нѣкыя от помысленыя части души прозябающе; яже части убо быти, заеже с нею быти мнятся, а не оно быти, иже есть душа по существу.

Глаголем бо души видѣтелную же и судителную и сущихъ назирателную силу своя быти по естеству ей, боговидныя благодѣти сихъ ради в себѣ навершати образъ. Елма и божественое еже что по естеству есть в сихъ быти помыслъ сматрять, внегода назирати всячьская и расъсужати доброе от горшаго. Елика же души в предѣлѣ лежатъ, к коемуждо от спротивныхъ приклонно по своему естеству, ихже существеная потреба, или на доброе, или не спротивное ведетъ сбытие; рекше

ярость, или страх, или аще чѣто таково от еже в души движение есть, ихже кромѣ нѣсть видѣтися еѣству. Сия отвнѣ пребывати вмѣняемъ, заеже в началообразнѣй добротѣ ниединому же такову видѣнию быти начертанию, яже не всяко на зло нѣкое челоуѣчьскому отдѣлена быша животу. Ибо бы Содѣтель злымъ вину имѣлъ, аще отонудъ прегрѣшениемъ быша были нужда вложенъ еѣству. Но сущною потребою произволенъ или добродѣтели, или злобѣ ссуди таковая души двизания бывають. Якоже желѣзо по свѣту хитреца воображаемо, к коему же аще хочет хитрѣствующаго помышление, к сему и въображается – или мечъ, или нѣкое земнодѣльное орудие бывает, страху убо послушательное вотваряющю, ярости же мужьственное, боязни же утверждение, желательному же устремленю божественую же и нетлѣнную сладость ходатайствующю. Аще ли отвержеть воженья слово и, якоже нѣкій яздець обѣять бывѣ колесницею, вспять от нея влекомъ есть, тамо ведомъ, иде бесловесное устремление въпраженныхъ несется. Яково жь и в бесловесныхъ есть видѣти, понеже не настоятельствуетъ помысль еѣственъ в тѣхъ лежащему движению. Но егда убо к лучшему тѣхъ движение будетъ, похвалямъ быти та, яко Данилу желание,¹⁰⁹⁵ и Финеесу ярость,¹⁰⁹⁶ и dobroплачущему слеза, рекше печаль. Аще ли к горшему уклонение будетъ, тогда въ страсти устремления совращается, и бывають, и именуются.

Зрителное же и разсудителное свойствено, свойство есть благовидному души, елма и божественое в сихъ достигемъ. Аще убо всякую злобу душа чистотѣствуетъ, доброму всяко будетъ. Добро же своимъ еѣствомъ божественое. К нему же ради чистоты совокупление имѣти иматъ своему совокупляющюся. Аще убо се будетъ, не ктому потреба есть еже по желанию движения, аще на добро намъ владычѣствуетъ. Ибо во *тмѣ* пребыванье имѣяй, то в желание свѣта будетъ, желание прииметъ наслаженье. Область же наслажения праздно и суетно желание сдѣлаетъ, яко ниедино же имущии скуднѣ от еже на благое разумѣваемыхъ, та благыхъ сущи исполнение, ниже по причастию добра нѣкоего в добрѣмъ бывающи, но сама сущи добраго еѣство.

Еже что и быти доброе ум наказует, ниже уповательное движение в себѣ приемлет, к несущему убо упование дѣйствуетъ точью. «А еже имать кто, что и уповаает?» – рече апостолъ.¹⁰⁹⁷

Но ниже поминателнаго дѣйства сущих в художеству потребѣ есть, видящее бо ся вспоминатися не требуетъ. Понеже убо всякого блага вышши есть божественное естество, благое же благому любимо всяко, сего ради и, в себѣ видящи, и еже имати хочет, и еже хочет имат, ничто от внѣшних приемлющи в собѣ. Внѣ же ея ничтоже, развѣ злоба едина точью, яже – аще и преславно есть рещи – в небытии бытие имать. Не бо но ино нѣкое есть злобѣ бытие – точью сущаго лишенья. А еже воистину сущее – благо естество есть. Еже убо в сущемъ нѣсть, вне же не быти всяко есть.

Внегда убо и душа, различная вся отвергши естественная движения, боговидна будет и, превъзшедши желание, въ оном будет, к нему же от желания подвизашеся, не ктому нѣкое упражнение вдавает в собѣ, ниже упованию, ниже памяти, уповаемо бо имать, о наслаждение благыхъ упражнением и память отмѣтает от мысли, и тако преизящную подражаетъ жизнь, свойства божественнаго естества въображылися, яко ничтоже той остати от инѣхъ всѣх, развѣ любовнаго ея устройства, естественѣ доброму прозябающаго. Се бо есть любовь еже къ благому вжелѣнному вседушное любление.

Егда убо проста, и единовидна, и опасно богоподобна душа бывши, обрящетъ еже по истиннѣ простое же и невещественное благое оно едино любовное и вжелѣнное, приплѣтается убо ему и срастворяется любовнымъ движением же и дѣйствомъ къ еже присно достигаемому же и обрѣтаемому себе въображающи, и то бывши благаго подобием, еже ей приемлемаго естество есть. Желанию же во оном не сущю, заеже никоего же блага скудости в немъ быти, послѣдованно убо есть и души, въ блазѣмъ бывши, отложить от себе желательное движение же и устройство.

Таковаго же велѣния и божественный апостолъ взнепщева, всѣхъ сущихъ нынѣ в насъ и от лучшемъ чюдимыхъ престание нѣкое и утоление прозвѣстивъ, любви единой не обрѣте

устава. «Пророчества бо, – рече, – упразднятся и разуми престанутъ, любовь же николиже не отпадает»,¹⁰⁹⁸ еже равно есть еже присно такоже имѣти; не вѣру и упование пребыти любовь глаголю, пакы от сихъ ту выше полагает в лѣпоту. Упование бо даже дотолѣ движется, Дѣндеже не приидеть уповаемымъ восприятие. И вѣра такоже утверждение уповаемыхъ безвѣстѣя бывает. Сиче бо и ту уставу, глаголя «Вѣра же уповаемыхъ составъ».¹⁰⁹⁹ Всегда же приидетъ уповаемое, инѣмъ всѣмъ утѣшеномъ, еже по любви дѣйство пребываетъ, приемлющее ту не обрѣтающа. Тѣмже и первѣствуетъ еже по добродѣтели исправнымъ всѣмъ и законнымъ завѣщаниемъ. Аще убо в сий нѣкогда конецъ доспѣетъ душа, неоскуднѣ имать инѣхъ, яко исполнению емшюся сущихъ.

В настоящемъ убо жизни различнѣ же и многовиднѣ намъ дѣйствующи, многа убо суть, ихже требуемъ и приемлемъ, рекше лѣта, въздуха и мѣста, пищу и питѣя же, и покрывала, и солнца, и свѣтилника, и инѣ к потребѣ жития многихъ. Чаемое же блаженство сихъ убо нѣ коего же скудно есть. Вся же намъ и вмѣсто всѣхъ божественное естество будетъ ко всякой потребѣ жизни оная, себе подобнѣ раздѣляюща. И се явѣ отъ божественныхъ словесъ духовныхъ, яко и мѣсто бываетъ Богъ достойнымъ, и домъ, и одежда, и пища, и питие, и свѣтъ, и богатство, и всяко имя же и разумѣние къ благымъ нашея свершающимся жизни.

Плоть: Се ти заповѣдание исполнихъ, господине, и приведохъ, прочее, отъ Писания свѣдѣтельство, якоже рекла еси, якоже заповѣда и якоже просила еси. Но вѣжъ: претрудихся много зѣло, суду и онуду испытуя, изыскуя съ *трудомъ* и книги осязуя, и кожа превращая, яко да обрящу, якоже зриши, сие свѣдѣтельство. И ниже глаголы премѣнихъ по прошению твоему, но сущая та, якоже обрѣтохъ я, сиче и положихъ та и написахъ сде. Рци къ симъ, владычице, и како прияла еси се? Еда что нагласно азъ рѣхъ паче сихъ?

Душа: Ни, служительнице, ни, не непщуй се отнудъ. Суть бо зѣло подобна и свойствена во всѣхъ. Нынѣ есть извѣстно и нынѣ утверждено велѣние твое, яко показася, и твердо во всемъ, и не прерѣкованно се къ людемъ непокорнымъ. Но съ трудолюбнымъ,

кто-либо есть, елма тако взискание высоко же и велико взиска еже увѣдѣти, тричастное убо глаголю души како есть, и наученъ бысть о сем, непщую, яко впрашалъ есть и ино что оного премудраго от Писания нѣчто к сему. Рци и то, рабыне моя, рци и не укрый. Много бо мя ползова с предглаголаннѣми. Аще ли не всхощеши, рабыни моя, рещи ми и се, суд весь будетъ на главѣ твоей.

Плоть: Много убо впраша его о души, господине, полезная, подобная и зело потребная, но да оставятся та. Едино же ти точю реку – еже впраша его послѣ же всѣхъ, другыне, еже о въскресении велѣнии увидѣти въсхотѣвъ. И слыши, госпоже моя, того вопрошение здѣ. Не размѣню же глаголь ни мал, ни великъ. Имать глаголаніе сихъ в началѣ сице: «Увидѣти аще въсхотѣл еси, якови и колици въсхощем вси чловѣци въсѣкреснути тогда, во второй приход и Христово пришествіе, яже здѣ внимателнѣ прочти и разумѣши».

О ВСКРЕСЕНИИ ВПРОС ОТ МАКРИНИНЫХ

Иже убо быти нѣкогда воскресенію и еже привестися к немздоприемному суду чловѣку, еже от Писания показанми и от уже предистязанныхъ мнози от слышащих сложатся. Прочее убо буди смотрити, аще нынѣшнее суще и уповаемо будетъ.

Еже аще тако будетъ, ненавистно бых реклъ чловѣком упование воскресения быти. Аще бо, якова бывают престающа от житія чловѣческая телеса, такова к животу паки устроятся, убо кая некончаемая бѣда воскресения ради уповаеся! Что умиленьѣши будет видѣніе, еда в послѣдней старости обетшавшаа телеса претворяють на грозное же и безобразно есть, плоти их изнурени бывше временѣх, враскавѣм же костем опавшися кожи, жилам же всѣм изърванным, заеже не ктому естествоно влагою разботѣвати, и сего ради всему сгноену телеси, без силы же! И умилень позоръ бывает: главѣ убо к колѣнома преклоненѣ, руцѣ же отсюду и отонуду, къ естествоно убо дѣйству бездѣлнѣ сущи и трепетом же поневолену трясущих! Якова же паки иже лѣтъними недуги искаившим телеса, яже толико разлучается от обнаженных костей, елико прикрыватися мнят тонкою измождалою кожею. Якоже иже в водотрудовитыхъ болѣзнях отекавших! А иже

священнымъ недугомъ одержимых, нелѣпую проказу глаголя, кое убо на лице приведе слово, яко помалу тѣхъ вся уды ссуда телеснаго и чюства проходяще сгнитье поядаетъ! А иже в трусѣхъ и в бранехъ или от иныя нѣкыя вины руцѣ и нозѣ отсѣчены имущихъ и преже смерти время нѣкое в бѣдѣ сихъ положившихъ! Или иже от роженъя съ вредомъ нѣкимъ погибшихъ в развращеныхъ удовыхъ! И что убо рчетъ си кто о преже мало роженныхъ младенцехъ и о изметаемыхъ или удавляемыхъ и о еже самомъ о собѣ погибшихъ, – что есть смышляти, аще таковаа паки к животу възведутся? Убо остану та и въ младенчествѣ? И что окааннѣйшее! Но ли в мѣру придутъ возраста? И которымъ млекомъ паки та вздоются?

Тѣмъ аще всѣмъ то же намъ тѣло оживетъ паки, бѣда есть чаемое. Аще ли не то же, инъ нѣкы въстайъ будетъ паче лежащаго: аще паде убо отроча, въстаетъ же свершенъ, или спротивно есть. Како есть рещи тому исправитися лежащему възрастнѣй тли, падшему измѣнену сущю? И вмѣсто старца уношю кто зря, иного вмѣсто ина възнепщуетъ: вмѣсто прокаженаго – цѣла и вмѣсто истаявшася – иже в плоти и иная вся та, якоже яко да не, по единому кто глаголя, молбу приводить слову.

Аще не таково оживетъ тѣло паки, яково же бѣ, егда земли примѣсися, не умершее въстаетъ, но иного челоуѣка, земля паки познана будетъ. Что убо есть мнѣ в'скресение, аще вмѣсто мене инъ живетъ? Како бо познаюся самъ себѣ, не видя себе в себѣ? Ни бо буду поистиннѣ «азъ», аще не всѣ ми будетъ та же в себѣ, якоже бо в настоящемъ жити. Аще ни чье имамъ в памяти начертание, да есть же по таковому словеси, травливъ таковой, устъ нѣсть, тупоносъ, бѣлузливъ, благооченъ, сѣдина въ власы и врасковою кожею, таже ищющи таковаго, налучаю нарастомъ долгоноса, черноплотна, и прочая вся еже по образу начертанъя инаго имуща, убо сего видѣвъ, оного ли вмѣню быти?

Паче же аще потребно есть меньшихъ отъ съпротивлении пребыти, крѣпчайшихъ оставль. Кто не вѣсть, яко теченью нѣкому уподобилося есть челоуѣческое естъство, от рождѣства въ смерть нѣкимъ движенъемъ преходяще, тогда от движенъя престающе, егда и от еже быти престанетъ. Движение се не мѣстно нѣкое есть преставление, не бо исходить от себе

естьство, но измѣнениемъ имать происхождение. Измѣнение же, Дѡндеже есть се еже глаголется, никогдаже в том же пребывает. Како бо в тожествѣ пребудет, измѣняющесе? Но якоже сущи в кандилѣ огонь, еже убо мнѣтиса присно то, свѣтити имат частым бо движением, не отторжено, но и совъкуплено к себѣ показывает, истинною же всегда то приемля себе, никогда то же пребываетъ. Извлечена бо теплотою влага вкупѣ же и сполѣ... и въ плытость собою измѣни подлежащее. Якоже убо, дващи по тому же пламени прикасающемусе, нѣсть того же дващи вжеси. Острое бо измѣнение не ждеть еже второе паки прикасающагося, аще скорѣйше се творить, но присно движется, и новъ есть пламень, всегда ражаяся и присно себе примеля, и никогдаже в том же пребывая.

Таково нѣкое и от тѣла нашего естествѣ есть. Пребывающее бо естества нашего, ради измѣннаго присноходяще же и подвижно, тогда стоять, егда от живота престанет. А Дѡндеже въ животѣ есть, стояния не имать и любо исполняется, или издыхает или обоими всяко производится.

Аще убо, кто ни рождься, кто животно тѣже есть, но другой премѣнением бывает, егда възведет паки тѣло наше к животу възкресение, скорѣ нѣкий челоуѣкъ всяко единъ будет, яко да ничтоже скудно есть въстающему, – отроча ражаемо, младенецъ, отрочишь, уноша, мужъ, старецъ и яже посредѣ вся.

Цѣломудрию же и блужению плотью дѣйствуему, и терпящим же о благочестьи болѣзная мукам, и ослабающимся паки к сим ради телеснаго чювства, обоим симъ показуемом, како есть на судѣ спастися праведному или тому же прегрѣшившю, паки же ради раскаяния очищѣющюся, и, аще сие случится, паки на прегрѣшенъ поползишися, премѣнившю же ся послѣдованию естества и оскверненому телеси и не сы, и инѣм от сихъ до конца пребывшю. Котораго блуднаго тѣло мучимо будет: обетшавшее в старости къ смерти? Но другое бѣ се от сдѣлавшаго грѣх. Но ли еже осквернися страстию? И где старое? Или бо не воскреснетъ, сы недѣйственное възкресение, или се встанет, и убѣгнетъ муки подлежаи.

Реку ти что и ино – от произносимых намъ от неприемлющих Слово. Ничтоже глаголють бездѣльно от сущих в

телеси удовъ естество створило есть. Ова бо животнаго вину и силу в насъ имат, ихже кромѣ стояти иже в плоти животу невозможно есть; рекше сердце, ятро, мозгъ главный, душникъ, утроба и прочая вся утробная. Ова убо чювственному движенью отдѣлена быша, ова же дѣйства суть, ина же к пріятію пребывающих художнѣ имат. Аще убо в тѣх же еже потом житіе намъ будет, ничтому же преставление бывает. Аще ли истинно есть, – якоже убо истинно есть – еже ни браку жителствовати в житіи же по въскресении повелѣвающее, ниже снѣдью питаем тогдашнему сдержатися животу, кая будет потреба удом телесным? Не к тому тѣмъ, ихже ради нынѣ суть уди, в животѣ оном уповаемом. Аще бо яже брака ради къ браку суть, егда то не будет, ничтоже от сущих к нему требуем. Сиче и к дѣлу руцѣ, и к течению нозѣ, и к пріятію брашному уста, и къ пищнѣй пищи зубы, и к отсланию утроба, и къ отложению непотребствуемых исходнии проходи. Егда убо она не будетъ, яже тѣх ради бываемае, како или коего ради будет? Якоже нужи быти? Аще убо не суть о тѣлѣ, яже ничсому же есть к жизни оной сдѣловати хотящая, не быти ни еже нынѣ исполняющим наше тѣло. Въ обоих бо жизнь есть. И не ктому убо что таковое въскресение именует: коемуждо бо от удовъ заеже во ономъ жизни непотребства не съвъстающимъ телеси.

Аще ли всѣми сими будет дѣйствено въскресение, *суетнѣ намъ и непотрѣбнѣ къ жизни оной сдѣтельствуеъ Дѣйствуеъ въскресение.* Но убо и быти ли потребно есть вѣровати въскресению и не суетно быти? Тѣмже да внимаем Слову, яко да нам всячскими в велѣнии подобное свершится.

СИЯ УБО ВПРАШАЙ, СЛЫШИ ЖЕ И ОТВѢТ

ВОПРОСИВШИЙ ОБ ЭТОМ, ПОСЛУШАЙ И ОТВѢТ

Не недоблествено, по глаголемъ риторикѣ, еже о въскресении догматом начинание, препирателнѣ новотворьными словесы окрестъ обтеки истинну. Яко иже не велми рассмотрившим истинно таинство пострадати что полѣпотѣ противу слову и мнѣти не внѣ подобающаго отводитися реченых недоумѣнием. Имат же и сиче рече истинна, аще и немощно имама от подѣбных противу вѣщати слову. Но убо истинное слово о сих въ тайных премудрости скровище хранимо

есть, тогда въ явление прияти хотя, внегда дѣломъ въскресения таинству научимся, егда не ктому требѣ будетъ намъ глаголѣ къ уповаемыхъ явлению. Но якоже в нощи пребѣдѣвающимъ мнозѣмъ движимомъ словесѣмъ о солнечномъ сияньи, каково есть, празно творитъ слова прописание являшися точью лучная благодать, сице всяко промыслѣ смотрѣнѣ, будущаго въскресания, прикасающися ни во чтоже показуеѣ, егда будетъ намъ въ искусѣ чаемое. Елма же потребно есть не всячьскы неистязана оставити принесеная намъ спротивления, сице отъ сихъ слово восприимемъ.

Помыслити же подобаетъ первѣе, который разумъ есть еже о въскресении вѣлѣния и что ради отъ святаго Писания речено бысть и вѣруется. Тѣмъже убо якоже кто уставомъ нѣкимъ такое обоимъ пропишетъ, сице речемъ, яко: въскресение есть еже древле естѣства наше то устроение. В первѣй бо жизни, и еже самъ бысть сдѣтель Богъ, ни старость бѣ, якоже подобаше, ни младенчество, ни яже по многонравныхъ болѣзняхъ страсти, ниже ино что отъ телесныхъ страданий ничтоже. Ни бо лѣпо быше таковая створити Богу. Но божествена нѣкая вещь быше человѣчское естѣство преже дажѣ не во устремлении быти злаго человѣчскому. Сия бо вся входомъ злобнымъ намъ совнидоша. Тѣмъже ниедину нужю имѣти хошетъ еже кромѣ злобы житие, во иже тоя ради случившимся быти. Якоже послѣдуетъ иже в зиму путьствующему померзати тѣло, или еже погоряще и лучи ходящему почернѣваетъ видѣниемъ, аще ли кромѣ обоихъ сихъ будетъ, избавляется всяко и почернѣния, и померзновения, – и ничтоже благословнѣ възвѣщетъ, еже о нѣкыя вины прилучающееся, винѣ не сущи, – тако и естѣство наше *страстно* бывше, нужнѣми послѣдованми страдателной жизни принесено бысть, к бестрастному же блаженству паки встекше, не ктому злобными бесѣдованми сприведется. Елма убо *елика* отъ бесловесныя жизни человѣчскому примѣсишася естѣству, не первѣе быша в насъ – преже дажѣ в страсть злобы ради впаднути человѣчскому, *нужа* убо есть оставлѣшимъ страсти *и вся, елика с нею видима суть, оставимъ*. Тѣмъже никтоже благословнѣ в жити ономъ яже о страсти оная прилучышася възвѣщетъ. Якоже бо аще кто, на себѣ сквернаву имѣя ризу,

обнажится такового одѣния: не ктому отверженаго нелѣпоту на себѣ видить, тако нам, совкупльшим мертвую ону и гнусную одежду, от бесловесныхъ кожей намъ наложную. Кожю же слыша, образъ бесловеснаго естѣства разумѣвати ми мня, яже къ страсти присвоивъшеся, одѣяни быхом. И вся, елика бесловесныя кожа о насъ суть, во отложении одежнѣмъ съотлагаемъ. От бесловесныя же кожа смѣшение, зачатие, рожество, скверна, доение, пища, гною извергъ, еже по-малу къ свершенью ращенье, уностьство, старость, недугъ, смерть. Аще она убо на насъ не будут, како намъ яже от онѣхъ останутъ? Тѣмже суетно есть иного нѣкоего устройства в будущую жизнь уповаемаго, заеже никако той с причащающимся к вѣльнию воскресения. Что бо общее иматъ изможданье и многоплотие, истаянье и добелство, и аще что ино тлѣнному естѣству телесному прилучается – противу жизни оной, яже текущаго же и мимоходящаго житийскаго пребывания очюждена есть?

Едино ищетъ точью въскресения слово – еже родитися рождениемъ челоуѣку, паче же, якоже рече Еуаггелие, яко: «Родися челоуѣкъ в миръ».¹¹⁰⁰ Долгожительное же или скоросмертное, или смертный образъ аще сицевъ или инаковъ случится, суетно есть въскресения славу истязовати. Како бо се дамы поставу имѣти, в подобнѣ всяко есть: ниже неудобьству, ни неражденью от такового различья о воскресении сущю. Еже убо жити начинающее, пожити потребно есть всяко; еже посредѣ ради смерть случшемуся ему раздрѣшению, на въскресение исправлешюся, а еже како или когда разрѣшение бывает, что се къ въскресению? К другому бо разуму блюдетъ.

Иже о семь свѣтѣ, рекше по сласти, иже в жити, или печалюя по добрѣ ли, или по злобѣ, похвалнѣ или повинни, окаанѣ, или блаженнѣ преиде житие, – сия бо вся таковая от мѣры животныя и от вида, иже в житии обрѣтаются. И яко противу суду положившим, нужна убо будетъ судии страсть и проказу, и недуга, и старость, и възраст, и юность, и богатство, и нищету испытovati: како кто, в коемждо сихъ бывъ, – добрѣ или злѣ отдѣленное ему житие мимотечет, и аще многихъ бысть приятенъ добрыхъ или злыхъ, и в долзѣмъ времени, или ниже началу кождо сихъ отинудъ прикоснуса, в несвершенѣ съмыслѣ

еже жити престав. Егда же к первому устроению чловѣка воскресениемъ Богъ възведетъ естество, празныхъ убо будетъ еже таковая глаголати и еже ради таковыхъ спротивления мнѣти силѣ Божии и къ разуму забавлятися. Разумъ же ему въ скончавшагося уже в которыхъ чловѣкохъ всего естества нашего исполнения: овѣмъ убо абѣе в жити сѣмъ от злобы очищеномъ, овѣмъ же по сихъ огню вѣчному осуженомъ, овѣмъ же равно и добраго и злаго искусъ в нынѣшнемъ жити не познавшемъ... в себѣ добрыхъ, яже рече Писание, «ниже оку видѣти, ни слуху яти, ниже помыслу достиже быти».¹¹⁰¹ Благое бо, еже выше ока, и слуха, и помысла, то убо будетъ се, еже всего превыше сущее. А еже по добродѣтели или злобѣ житиу различье в нынѣшнее время по сему покажется добрѣе, внегда скорѣе или коснѣйше прияти уповаемаго блаженства. По мѣрѣ бо бывшаа комуждо злобы изравнитъ всяко и врачения протяжение. Врачевание же убо будетъ души – еже от злобы очищение. Сие кромѣ болѣзнина устроение исправитъ не възможно есть, якоже в предваршемъ истязано бысть.

Вяще же убо разумѣетъ спротивление лихо и неистовствоное, въ глубину приникъ апостольскыя премудрости, коринфѣномъ бо о сѣмъ объявляя таинство, – таяже равно вѣщающимъ и онѣмъ к нему, яже и нынѣ от еже на велѣние вѣстающихъ къ възбранению вѣрованымъ приносятся, – своимъ саномъ благоучения тѣхъ въздражая дерзость, сице глаголетъ: «Речеши же ми убо, како встанутъ мертви? Коимъ же тѣломъ приходятъ? Безумне, – рече, – ты еже сѣеши не оживетъ, аще не умреть. И еже сѣеши – не тѣло сущее сѣеши, но и голо зерно, аще ли случится, пшеницы или етеру прочихъ. Богъ же даетъ ему тѣло, якоже всхотѣ, и коемуждо сѣмени свое тѣло».¹¹⁰² Сдѣ убо възущати мнѣ мнится неразумѣющихъ своего естества мѣры и противу своей крѣпости божественую възизъстязующихъ силу и мнящихъ толико быти възможно Богу, елико вмѣщаетъ чловѣчское постиженье. А еже выше нас сущее и Божию проходитъ силу. В'просивый бо апостола, како встанутъ мертви, яко невозможно суще расыпаное телесныхъ съставъ воедино стекутся паки приити, отрицаетъ. И паки сему немоущю, иному же тѣлу на сочтание съставомъ неостанущю,

сие рече по лютых от спирающихся сочѣтавъ нѣкимъ послѣдованиемъ, яже глагола: аще тѣло есть сочтание съставомъ, сим же нев'можно есть второе собраться, которое приимут тѣло, встающе? И сие убо мнящися тѣм нѣкоею хитростною премудростію сплетено безуміе именова не смотрящим в прочей твари преимущее божественныя силы, оставив высочайшая Божиих чудес, имиже в недоумѣнье бѣ привести слышащаго, яково, что есть небесно тѣло и откуда, что же ли солнечное сияние и лунное, или же въ звѣздахъ являемо, ефиръ, въздухъ, вода, земля. Но от обычных намъ и обещаѣвшихся *обличаетъ съпротивляющихся* не смотривое. Ни земледѣланіе ли тя научаетъ, рече, якоже суетенъ еси иже противу своей мѣрѣ божественныя силы смотря преимущее. Откуда сѣменемъ прерастающая телеса? Что же обладает отраслю? Не смерть ли? Аще смерть есть составляющагося разрѣшенія, сѣмя бо не приидет в прозябенье, не раздрѣшився в браздѣ и быв рѣдко и многоразботѣвше, яко примѣситися предлежащей влазѣ мастию, и тако в корень и отрасль, и не в сих пребыти, но преложитися в стебель и сущими посреде колѣнцѣ яко нѣкими соузы, препоясанъ въ еже мощи носити правѣм образомъ класъ, плодом отягчаем. Кдѣ убо сия на пшеници бѣша прежде еже в браздѣ ея раздрушенія? Но убо отинуд се есть. Аще бы не бы первѣе оно было, не бы клас былъ. Якоже убо еже о класѣ тѣло от сѣмене прозябает, Божественнѣй силѣ от самого оногo се любохитрѣствующи и ниже всѣми то же есть сѣмени, ниже всячскы другое, сиче, рече, таинство воскресенія уже тебѣ от еже в сѣменех чудотворимых предсказуется, – яко силѣ божественнѣ в преимущи области, не точию оно раздрушившееся паки отдаючи, но тебѣ и другая велика же и добра прилагаючи, имиже ти к великолѣпному естеству устрояется. «Сѣет бо ся, – рече, – во тлю, и встает в нетлѣніе; сѣется в бещестии, и встает в славѣ; сѣется в немощи, и встает в силѣ; сѣется тѣло душевно, встает тѣло духовно». ¹¹⁰³

Якоже бо оставлеши в браздѣ пшеница еже в количествѣ малости и еже в *качествѣ* образа своего *свойство* себе не остави, но, в себѣ пребывая, клас пребывает, премного

разньствуя сам себе величествомъ и добротою, и быстрою, и образом, и по тому же образу и чловѣчьское еѣство оставлеше в смерти вся яже о немъ свойства, елика ради страѣнаго устроения притяжа, – бещестие глаголя, тля, немощь, еже по возрастох различье, себѣ не оставляетъ, но якоже в класѣ нѣкыи, к нетлѣнию престаляет, в честь, и в славу, и еже во всем свершение, и еже не ктому жизнь самая съсматряти естественными свойствами, но духовно нѣкое и бестраѣное проити устроение. Сие бо еѣ душевнаго тѣла свойство, еже присно нѣким течением и движениемъ от еже в немже еѣ измѣнитися и прелагати в другое, яже бо нынѣ не въ чловѣцѣ точью зримъ добрая, но и в садовых и пасѣтвах. Ничтоже в тогдашнем житѣи останет.

Мнить же ми ся и всѣми съглаголовати апостольское слово нашему непщеванию о воскресении, и се показывает еже и наше уставление обдержит, глаголя ничтоже ино быти воскресение...

Понеже убо в первѣм бытии мирстѣм – сия от Писания навывохом, – яко «прозябе земля былье травное»,¹¹⁰⁴ якоже слово рече, таже от проращения сѣмя бысть, емуже на землю низпадшю, то же паки видѣ иже исперва прозябшаго, встече, рече божественый апостолъ и о воскресении бывати. Не точью же сему от него научаемся на великолѣпное престалятися чловѣчѣству, но яко уповаемое ничтоже ино еѣ, развѣ еже в первых бяше. Понеже бо исперва не клас от сѣмене, но от класа сѣмя, по сих же се от сѣмене прозябает, якоже и приточное послѣдование явѣ показывает, нужна убо всему еже воскресения ради върастающему нам блаженѣству к сущей исперва въсходити благодати. Клас бо суща исперва образом нѣкимъ, понеже зноем злобным исхохом; въсприемши же землѣ смертью разрѣшихся, паки в весну воскресения клас пожатное се зерно телесное велик же и часть и правѣ и на небесную высоту протяжен, вмѣсто стеблия и осилѣя нетлѣнием и прочими от боголѣпных позваний украшен. «Подобает бо, – рече, – мертвенному сему облещися в бессмерѣство и тлѣнному сему облещися в нетлѣние».¹¹⁰⁵ Нетлѣние же, и слава, и честь, и сила еѣства ради быти исповѣдается. Якоже первѣе въ еже по образу бѣша и паки уповаема суть.

Первый бо клас – первый человекъ Адам; понеже злобным входем естества на множество раздѣлися, якоже бываетъ плодъ в класѣ. Сице и каждо насъ, облажшеся класнаго оногo вида и земли примѣсившеся, пакы въскресение на первобытную доброту възрастающе, и вмѣсто единого перваго класа безъчистъни от нивъ бывающи.

А еже по добродѣтели житѣе в сѣм к злобѣ различье имать, яко ови и здѣ в жити добродѣтелью себе въздѣлавше, абие в нивѣ класъ възрастают. А иже злобою изможданна и вѣтротлѣнна бысть в жити сем яже въ душевнѣмъ сѣмени сила, якоже глаголемая бесплодная, иже таковых художни глаголють бывають, сице и сии, аще прорастуть въскресением, многу наглость от Судия примутъ, яко не могуще вѣстещи въ класа видъ и быти оно, еже бѣхом преже еже в землю низъпадения. Служение же настоящаго житом плевелом же и тернию есть сбирание совзрастшими сѣмены. Всяцѣй питающий корень силъ к лучшему притекши, ихже ради ненапитано же и несвершено плодом присное же пребысть сѣмя, с прирастъшим прозябением подавлено. Елма убо здѣ елико лестно же и чюжее истачается от питаемаго въ ищезновение приидеть, божественому и невещественному огню, яже чрес естества *поядшу*, тогда въ благопищно естество и плодъ обратится, ради таковаго прилежанья же и тщания общи видъ, иже изначала нам от Бога въсприложены, восприимше. Блажени же, имже абие свершенная доброта класовная совосияетъ спроябающими въскресения ради.

Сия же глаголемъ не яко телесному нѣкоторому различью, во иже по добродѣтели или злобѣ поживших на въскресение явитися хотящю, яковаго убо несвершена тѣлом непщевати, ового же мнѣти свершено имѣти. Но якоже в жити ужники же и свободны имут убо обои приближена телеса, многу же посредѣ обоихъ есть в сладости же и печали различье, сице мноу приимати благыхъ же и злыхъ, въ еже по сихъ времени вѣмѣнати, различье. Свершение бо иже от сѣтвы възрастающимъ сѣменемъ въ *нетлѣнны* же, и славѣ, и чести, и силѣ бывати, апостоломъ глаголет. Таковыхъ же умление не телесно нѣкое прозябшаго назнаменуетъ скрушенье, но коемуждо же въ благыхъ

разумѣваемых лишение же и чюжденье. Елма убо едино нѣкое
потребно есть быти о насъ всяко еже по спротивлению
разумѣваемых – или благыхъ, или злыхъ, явѣ яко, яко еже въ
блазѣх глаголати не быти, указание бываетъ въ злыхъ всяко быти.
Но убо о злобѣ ни честь, ни слава, ни нетлѣние. Нужа же вся о
нихже не суть сия, сим яже отъ съпротивныхъ бываемая и
разумѣваемая приходити не невѣровати – немощь, безчестье,
тля и елика такового рода суть... страсти всячески тѣмъ
размѣшшася и совзрastoша и едино къ оной бывающа.
Таковымъ убо с подобнымъ прилежаниемъ изчищеннымъ же здѣ и
безъ вѣсти бывшимъ, котороеждо отъ еже с лучшему
разумѣваемыхъ вмѣсто ихъ внидетъ – нетлѣние, животъ честь,
благодать, слава, сила и аще что ино таково самому же Богу
видѣтися непщюемъ и образу его, еже есть человѣчье
ество.

Плоть: Се впрошение слыша, вкупѣ же и сказание о велѣнии
въскресения, господине, премудрыхъ мужий святыхъ онѣхъ.
Прочее, рци мнящая ти ся о реченыхъ.

Душа: Слыши, служительнице, истинное, якоже есть многихъ
многая слышахъ, многая же и прочтохъ о велѣнии семъ, даже убо
и донынѣ таковая не слышахъ, ниже писания обрѣтохъ.
Впрошение убо добро, но убо и сказание. И кто суть сии, скажи
ми, коего племени и рода сия вѣтийствовавшей и сказавшей
сице?

Плоть: Кто убо суть, не глаголю ти. Но аще хочещи
увидѣти, якоже поискахъ азъ прилѣжно и обрѣтохъ, тако и ты
поищи болѣзни и обрящещи имена ихъ и родъ, и отчѣство, и
прочихъ же и прочее якова и колика. Не хоцю быти ти лѣнивѣ и
низълежащей, искателнѣ паче и трудолюбнѣ зѣло. И егда
хочещи навѣкнути отъ Писания чисто и божественно, испытай и
обрѣтай искомое все. Мене же остави, с'сустахъ бо, яко да
почию и славу вослю Господеву моему.

* * *

Из «Жития Василия Нового». Хождение Феодоры по воздушным мытарствам

Подготовка текста Ю. А. Грибова и А. В. Пигина, перевод М. Б. Михайловой и В. В. Семакова, комментарии А. В. Пигина

Сказания о посмертной судьбе человеческой души издавна вызывали большой интерес у древнерусского читателя. Уже в XI–XII вв. на Руси были известны переводные византийские апокрифы, в которых о загробном устройстве рассказывалось в очень занимательной форме, с привлечением множества подробностей (см. т. 3, с. 306–321). Эсхатологические сказания существовали преимущественно в двух жанровых разновидностях: герои либо совершали путешествие («хождение») в загробный мир, либо постигали его тайны духовно, в «страшном» видении. В обоих случаях это были «душеполезные» произведения, призванные напомнить об ответственности человека за его земные дела, разрешить сомнения в каком-либо религиозно-нравственном вопросе, вызвать чувство сострадания и привести к покаянию.

Среди переводных эсхатологических сочинений особое место в древнерусской литературе занимает фрагмент из византийского «Жития Василия Нового» (X в.) – «Хождение Феодоры по воздушным мытарствам», которое часто встречается в рукописях как отдельное произведение. В греко-славянской литературе это наиболее полное описание загробных испытаний в греховности – мытарств. «Мних» Григорий, от имени которого ведется повествование в Житии, был удостоен чудесного откровения. В ночном видении ему явилась старица Феодора, прислуживавшая при жизни их общему духовному отцу Василию Новому, и рассказала о своей смерти, о муках ада, о райском блаженстве, но главное – о пройденных ею 21(20) воздушных мытарствах.

При написании «Хождения...» автор воспользовался уже существовавшей традицией. Учение о мытарствах является каноническим: оно содержится в произведениях церковных писателей IV–V вв. – Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина,

Макария Великого, Кирилла Александрийского и др. После смерти человека его душа, руководимая ангелами, должна подняться по «лестнице» мытарств. На каждой ступени ее подстерегают лукавые бесы («мытари»), которые испытывают душу в том или ином пороке и взимают с нее дань. За все свои грехи душа должна расплатиться добрыми делами, совершенными при жизни. Души праведных, у которых добрых дел больше, чем дурных, проходят все мытарства и спасаются. Грешников же бесы свергают своими огненными копьями во «тьму кромешную». Однако если в сочинениях «отцов Церкви» этот эсхатологический миф не получил детальной разработки, то автор «Хождения...» создал на его основе монументальную «эпопею смерти» (Ф. Батюшков), которая поражала воображение средневекового читателя своими яркими мистическими картинами потустороннего мира.

Известное на Руси с XI–XII вв. «Житие Василия Нового» оказало заметное влияние на древнерусскую литературу, изобразительное искусство и фольклор. В XII – начале XIII в. рассказ о мытарствах был использован при составлении «Слова о небесных силах», предположительно атрибутируемого Авраамии Смоленскому. Описание облика Смерти, являющейся к человеку с различными орудиями, включил в свою редакцию «Повести о споре жизни и смерти» неизвестный книжник XVI в. (см. *ПЛДР*, т. 7, с. 48–52). Особую популярность «Житие Василия Нового» приобрело в XVII–XIX вв., преимущественно у старообрядцев (этому интересу способствовало также наличие в Житии еще одного пространного эсхатологического рассказа – «Видения мниха Григория» (о Страшном Суде)). Оно печаталось в старообрядческих типографиях, сохранилось в большом числе списков. Как самостоятельная статья «Хождение Феодоры» помещалось в лицевые рукописные сборники эсхатологического содержания. Известны также старообрядческие настенные лубки XIX в. на этот сюжет. По-видимому, именно «Хождение Феодоры» послужило источником духовных стихов о мытарствах:

«Принесли душу грешную
Ко лестнице ко небесной.

На первую ступень ступила,
И вот встретили душу грешную
Полтораста врагов;
На другую ступень ступила –
Вот и двести врагов;
Вот на третью ступень ступила –
Вот две тысячи врагов возрадовались:
“Ты была наша потешница!
Ты была наша наставщица! ”
Вот несут они письма да раскатывают,
Да раскатывают, все грехи рассказывают».
(Русские народные песни, собранные П. Киреевским.
Ч. I. Русские народные стихи. М., 1848. № 22).

Сюжет «Хождения Феодоры» бытовал и как устный прозаический рассказ народно-легендарного характера. Одну из таких его фольклорных версий записал Г. С. Виноградов в Восточной Сибири в первой четверти XX в.: «... “Как умерла ты, Федора?” Она говорит: “Чижилая смерть была, жестокая. Сперва смерть пришла с косой, с пилой... Вот вражье набралось к душе (вот правда, станет человек умирать, глаза-то остолбенеют, вытарашшит, быдто каво боится...), караулят душу вражье. Прилетают несколько ангелов. Смерть тогда пилой отпиливает руки и ноги (вот ить сначала ноги и руки отымутца, – это она пилой отпилит...), а потом косой голову снесет. Святые ангелы облелеют: «Уйди, нечистая сила, отсторонися!» Вот тожно смерть косой голову снесет”. – “А каково тебе, Федора, мытарства были?” – “Сорок мытарств прошла, сорок ступенек, и на каждой ступени вражьи кричат: «Душа наша, душа наша!» (Оне всё пишут про нас, все худое, а добро ангелы пишут... Оне всё и кричат про грехи). Ох, святой Григорий, чужало проходить мытарства!.. Вот последнее мытарство – блуд. Ох, как я его пройду. Возьмут мою душу вражьи. (Должно, она блудила...). Прошла! Ангелы говорят: «Душа наша, она очищена»”. Вот и прошла она в пресветлый рай». (Виноградов Г. Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожиланого населения Сибири // Сб. тр. профессоров и преподавателей Государственного Иркутского ун-та. Иркутск,

1923. Вып. 5. С. 312–313). (Представление о мытарствах вообще очень глубоко вошло в круг народных эсхатологических верований. Побывавшие в загробном мире («обмиравшие») рассказывают о том, что душам умерших приходится взбираться на огромную гору, на которой бесы устроили свои мытарства. (Поднимаются по ней только те, у кого есть ногти). В отдельных уголках России на сороковой день после смерти кого-либо из близких было принято печь длинную пшеничную лепешку с поперечными перекладами по числу мытарств – «лесенку». Считалось, что, съедая ее, помогают душе усопшего преодолеть на том свете всех духов тьмы).

«Житие Василия Нового» существует в двух основных редакциях: Первая и Вторая русские редакции, которые представляют собой переводы двух разных греческих редакций. Первая редакция является гораздо более полной и древней (XI–XII вв.), хотя самые ранние из сохранившихся ее списков датируются XVI в. (см. *Вилинский С.* Житие св. Василия Нового в русской литературе. Одесса, 1913. Ч. I: Исследование; 1911. Ч. 2: Тексты). Текст «Хождения Феодоры» публикуется в Первой редакции по Успенскому списку Великих Миней Четых: *ГИМ*, Синодальное собр., № 992, л. 658–670 (XVI в.). Отдельные исправления и дополнения вносятся по спискам: *РГБ*, собр. Ниловой пустыни, № 46 (нач. XVI в.); *ГИМ*, собр. Чудова монастыря, № 336 (1779 г.). Сложный синтаксис памятника и наличие «темных мест» не всегда сделали возможным дословный последовательный перевод его на современный язык. Для прояснения смысла отдельных предложений и фрагментов переводчики использовали тексты греческого оригинала и Второй русской редакции.

* * *

В то время умерла достопамятная Феодора, которая много преподобному служила при жизни своей. Весьма по ней все печальны были, ибо духовную любовь к преподобному имели, она же просительницей у преподобного была и с любовью всех принимала, утешая благими словами, направляя всех на доброе дело. Ведь всегда кроткой была она, дружелюбной, и

милостивой, и христоролюбивой, и целомудренной разумом, и простой нравом, и всем угождала.

Как уже сказали мы, умерла она, и воздвиг я в сердце своем сомнение: какое воздаяние получила она на том свете, райское или преисподнее. И часто просил преподобного поведать мне об этом. Он же не спешил рассказать о ней, ибо досадил я преподобному. Но не хотел меня опечалить и поэтому однажды сказал мне: «Хочешь ли видеть Феодору?» Я же ответил: «Как же увижу ее теперь, святой отец? Ведь уже отошла она от суетного к вечному». Блаженный же сказал мне: «Увидишь ее и многотрудное сомнение свое оставишь». Я же удивился: как и где смогу увидеть ее? Ведь очень тосковал я по ней, и она меня очень любила.

В ту же ночь, едва я уснул, увидел некоего юношу, говорящего мне: «Зовет тебя, – сказал, – честной отец: „Приди скорей, если желаешь увидеть ее, ибо хочу идти туда, где ныне пребывает Феодора"». И увидел я во сне, что, поспешив по зову и придя к преподобному, туда же, где и сам я жил, не нашел его. Когда же спросил о нем, ответили мне те, кто был там: «Уже ушел он, сказав, что сестру и прежнюю слугу свою увидеть хочет». Когда же удивился я этому, некто оттуда показал мне путь, по которому я должен идти, чтобы разыскать их. Когда же пошел я по этому пути, то оказался на дороге, ведущей к церкви Святой Богородицы Влахернской. Направляясь туда, внезапно почувствовал я, что иду вверх мимо храма. И, оставив его за спиной, приблизился я к воротам, они же были плотно закрыты. Посмотрел я сквозь замочную скважину, не увижу ли кого-нибудь. И увидел, что сидят там две прекрасные жены. Позвал я через скважину одну из них и спросил ее: «Госпожа и сестра, чей этот дом?» И ответила она: «Преподобного отца нашего Василия». Обрадовавшись, спросил ее: «Здесь ли сейчас, госпожа моя, преподобный отец наш Василий?» Она же ответила мне: «Он здесь, брат. После недолгого отсутствия пришел он сюда, чтобы навестить духовных детей своих». И сказал я ей: «Молю тебя, открой мне, дай мне войти, ведь и я есть недостойное чадо преподобного отца Василия». И ответила мне она: «Но ведь никогда прежде ты не приходил сюда, и я не

знаю тебя. Как же открою ворота тебе и уйду отсюда? Ведь без позволения преподобного или повеления госпожи Феодоры не могу этого сделать». Я же умолял ее и с дерзновением стучал: «Откройте врата, и войду я».

Феодора же, услышав шум и желая узнать причину его, приблизилась ко вратам и вначале не поняла, кто же это у врат спорит, и посмотрела изнутри, чтобы узнать, кто и откуда пришел. И когда увидела, что это я перед вратами стою, сразу возгласила женам: «Откройте, ибо это возлюбленный сын господина моего». Они же быстро отворили. И вышла навстречу мне она, в блаженной обители пребывающая, вся исполненная радостью неизреченной – *такая, какой* я часто ее видел. Обнимая и любезно принимая, целовала меня, и радовалась, и ласково говорила: «Кто тебя сюда прислал, сладкое мое чадо, или уже ты покинул мир свой для мира вечного, если сюда пришел?» Я же удивился ее словам, потому что не знал, что в исступлении ума и во сне видение вижу. И ответил ей: «Госпожа моя, я не умер и молитвами преподобного отца Василия в мире этом еще пребываю. Пришел же сюда с желанием лицезреть тебя, ведь с того дня, как оставила ты нас, не ведаю, куда отошла ты, где пребываешь, как муку смертную прошла, как духов лукавых прошла, как познала их злокозненное коварство. Ведь знаю о духах лукавых совсем немного, хотя и мне предстоит умереть».

Она же ответила мне: «Что же сказать тебе, чадо, об этом? Не удивляюсь, что по грехам моим все злое и мучительное встретило меня. Но по заступничеству преподобного отца нашего Василия тяжкое стало легким, лютое и враждебное – правым, ведь едва он заступился, случилось всему злему на благое переложиться, и помиловала нас благодать. Когда я была при смерти, чадо, только тогда извела я смертные муки, какую беду терпят умирающие, какую нужду и сколько страданий от бесчисленных болезней и лютого гнета. Пока не отойдет душа от тела, таковые страдания приходят со смертью: как если некто, обнажив все тело свое, возляжет на горящие угли, рассыпанные по земле, и медленно истлеет огненным жжением, и в муках терпит все это. И после этого, разлучаясь с

телом, отходит и отрекается душа – такова смерть горькая, о чадо, для грешников, подобных мне, и свидетель этому Господь. О том, что есть и бывает с праведниками, не знаю и я, ибо грешна была в жизни своей.

Когда душа моя отошла, увидела ясно множество эфиопов черных, которые, обступив смертный одр мой, бушевали и шумели, как псы и волки дикие, как море горькое грозились и скрежетали зубами, неистовствовали, кричали, как свиньи, и когда пытали о делах моих, свиток доставали и клевету чернилами записывали. И скверны, и темны были лица их, и было похоже это на видение геенны огненной, и скверных этих и лютых не могли вынести глаза мои. И здесь не закончились муки мои смертные, но должны были продолжиться и дальше. Не хотела я ни видеть, ни слышать нечестивых дел, и поэтому то в одну, то в другую сторону металась, и страшно было глядеть, а иногда и думать об этом.

Увидела вдруг, как от святого какие-то два юноши пришли ко мне – на голове золотые волосы, сами белые, как снег, обликом своим прекрасны, облачены же были в ризы, сверкающие, как молния. Появились же по правую руку и встали около меня, тихо беседуя друг с другом. И сказал один из них бесам: “Бесстыдные и мрачные, злые, проклятые и злобные! Зачем по обычаю своему бесовскому ополчаетесь на жизнь всякого человека, прекословите мне и во лжи нападаете, и буйствуете, злобно крича? О губители дикие, безумные и ненасытные, и христоненавистники! Не очень радуйтесь, ибо здесь ничего не будет вам, даже малой доли. Одно вам осталось – собраться вместе и отойти вотще”. Когда он это сказал им, бесы вынесли на середину все, что с юных лет сотворила я, делом, или словом, или помышлением, и воскликнули, воистину, как безумцы некие бесстыдные: “Ничего не будет, говоришь? А сей грех кто сотворил в юности своей?” Упрекая меня и в том, и в другом, ожидали они пришествия смерти.

И вот пришла она. И видом была похожа на льва ревущего и на юношу сурового и бесноватого. И принесла всякого оружия: мечи, серпы, пилы, секиры, рогатки и тесла и иного много, чтобы мучить всех по-разному. Увидев этого мучителя, бедная душа

моя страхом объялась. Сказали же ему те два юноши: “Что стоишь? Освободи от уз ее, осторожно прими, ибо нет на ней тяжкого греха”. И пришедший малой секирой коснулся ног, а потом и рук моих, и все суставы мои исторг, и вырвал ногти мои. И тотчас мертвы стали руки и ноги мои. И не чувствовала я рук и ног моих. Я ведь, чадо, через мучение умерщвлена была. Снова подошла смерть и отсекала голову мою, и не могла я двинуть ею, поскольку чужая стала. Потом же растворила в чаше неизвестно что и силой дала мне выпить. И когда выпила я это, горько мне стало, о чадо, и извлечена была душа страшной силой и отошла от тела. И те прекрасные юноши в своих одеждах ниспадающих приняли ее. Ведь в сердце человека, о чадо, возлежит душа, а в разуме дух. Когда же приняли они меня, увидела с удивлением тело свое лежащее, бездушное и умерщвленное, неподвижное и бесполезное, словно некто снимет одежду свою и положит на постель свою и, встав рядом, станет смотреть на это. Вот и рассказала, о чадо, что сама знаю, – такая участь ждет бедного человека.

И когда держали меня ангелы Божий, обступили их бесы, говоря о прегрешениях моих. Мне же предстояло отвечать за них. Ангелы же начали искать мои благие дела. И благодатью Господней нашли их и все собрали: кого напоила чашей холодной воды или вина, или посетила больного, или в темнице кого, или странника в келью свою привела и накормила, или ходила в церковь молиться, или налила масло в лампаду перед святыми и честными иконами, или примирила гневающихся друг на друга, или, стоя на молитве, проливала слезы перед Господом Богом моим, или, когда ругали меня, стерпела, или в смирении омыла ноги братии, словно водой огонь загасила, или слабого поддержала, или малодушного ласковыми словами утешила, или кого отвратила от греха, или какого странника благого приютила, или поклонилась Господу моему в покаянии и особенно в дни святого поста и отвратила лицо свое от всякой клеветы, и лжи, и лжесвидетельства, или что иное праведное сотворила я на том свете. И собрав это, ангелы положили все на чашу весов против моих грехов и искупили их. И когда

сошлись вместе, стали обличать меня эфиопы, а ангелы Божий защищали.

И когда так они спорили, увидела я, что господин мой святой Божий Василий как Дух Святой предстал и сказал прекрасным тем юношам, которые мне помогали: “Господа мои, эта душа мне в наследство дана, ибо мне помогала все время. Помолился я Господу о ней, и Господь даровал мне ее. Примите, однако, то, чем искупит она долги свои, когда мимо мытаря проходить будет”. Вынув из одежд своих, дал он юношам какой-то ковчежец красный, полный золота, и обратился к обоим: “Я благодатью Господней и духом Господним богат, это же от труда и пота моего”. Сказав это и отдав дар, ушел он. Бесы же, о которых я рассказывала, увидев это, удивились и скорбели долгое время, и убоявшись, и не получив того, что хотели, издали печальный вопль и убежали. Когда же исчезли они, вновь пришел господин мой с сосудами, в которых было прозрачное масло, и повелел открыть их. И юноши те возлили масло на голову мою, и исполнилась благоуханием я, и очистился лик души моей, и взгляд мой стал светел и чист, и радостью дух мой исполнился. Сказал избранный отец наш Василий тем, кто хотел меня вести: “Господа мои, когда свершите достойное души этой, тогда в приуготовленный от Господа божественный покой мой ее отведите”. И так сказав, отошел от тех, кто меня нес. И взяв меня, те прекрасные юноши перестали касаться ногами своими земли и, словно облако или корабль в море, неся меня по воздуху к востоку, невозвратно двинулись ввысь.

Начало первого мытарства. Встретили мы тех, кто творил оболганье, и была там целая толпа эфиопов черных. Старейшина же их с лукавством многим восседал. Когда же достигли места этого, остановились. И свидетели праведного суда, бесы эти, о чад, если человек оклеветал кого в мире том и в какое время, все знают и обличают, клеветца. И откуда знают об этом, не поняла. Мы же отреклись от всего, ведь поистине лгали они обо мне. И принесся им от дара святого, который отец мой дал, преподобный Василий, быстро прошли, еще выше поднимаясь.

Потом же дошли до второго мытарства, которое называлось клевета. И там было то же, что и в первом мытарстве: часть блаженного дара отдали и безбедно прошли.

Когда пошли дальше, говорили друг другу носящие меня: “Убогой этой душе надо помолиться об угоднике Божиим Василии за то, что великое благо содеял ей, ибо достигли мы великих испытаний, начала и власти тьмы проходя”.

И так беседуя, достигли третьего мытарства, которое называлось зависть. По благодати же Господа нашего Иисуса Христа не удалось суетным тем оклеветать меня, ибо не помнила, что кому-нибудь завидовала. Радуюсь, и этих лукавых минули. И скрежетали зубами на меня те безобразные эфиопы, и казалось, что в сей же час меня и тех, кто нес меня, как живых в гнев проглотят.

Когда поднялись еще выше, достигли четвертого мытарства, называемого ложью. Были же там собраны многие эфиопы, лица их были суетны и ужасны. И старейшина мытарства восседал среди лжи в славе своей. Увидев нас, быстро встали напротив. И когда дошли мы до них, замечались проклятые и стали упрекать меня во лжи, показывая имена людей, которым в безрассудстве женском солгала. И водящие меня, помиловав худость мою, сделали все, чтобы молитвами и молением минули мы это место.

Продолжая идти вперед, достигли мы пятого мытарства, которое называлось ярость и гнев и с гневом ярость, и там еще большая толпа эфиопов вокруг властвовала. Они же сами, подобно псам ядовитым, с гневом поедали друг друга. Едва мы подошли к ним, как они с гневом и яростью стали обличать меня в том, что за обиду, мне нанесенную, или на чадо свое, или на кого иного разгневалась, и то знают лукавые, или гневно и злопамятно гневалась на кого-либо и прогневала кого-то. Подобно морю, горько и злобно волнующемуся, подступали они в гнев ко мне. И враждуя против меня, приносили имена тех, кого прогневала я, и те слова, которые сказала я будучи в гнев на кого-то, показывали час и день, когда это было. И достойно отвечая им, защищали меня возлюбленные те юноши. И отойдя оттуда, на высоту воздушную пошли.

На пути своем встретили мы шестое мытарство, которое называется гордыня. И по благодати Божией не дано было оклеветать меня тем, кто хотел этого. Ведь в жизни своей рабой бедной была – и перед кем мне было гордиться. Прошли и этих, ничего не заплатив им.

И дальше пошли, и достигли седьмого мытарства, которое именовалось празднословие, и срамословие, и сквернословие. Встретили нас властители мытарства, желая свершить суд над нами. Когда же приблизились к ним, стали обвинять меня в том, что в юности своей пустословила, срамословила, упрекали, окаянные, в ругани и в играх непристойных, приводящих к быстрому искушению. Поистине свидетельствовали о том, что было, и со страхом слушала я это. Откуда только и знают все, окаянные? Я же сама по прошествии стольких лет забыла об этом. Достойно же и этим ответив, пошли путем своим еще выше.

И достигли восьмого мытарства, которое называлось коварство и обман. Слуги же того мытарства, узнав обо мне правду, не нашли лжи в жизни моей, и не в силах обличить, лишь острили на меня зубы. Мы же, уйдя оттуда, продолжили дальний свой путь, меру которого человеку не дано понять.

Тут дошли и до девятого мытарства, которое называлось уныние, или тщеславие. Я же ничего не имела для испытания, и прошли быстро его.

И дошли до десятого мытарства, которое называлось сребролюбие. Шум был там большой, нежели в прочих мытарствах. И здесь же всякого человека ловят окаянные те и, в них вселяясь, мучают их, и сильнее, чем в прошлых мытарствах, истязают их. Испытав и меня, не нашли ничего, где бы у меня было золото, если бы я любила его.

Когда же и то минули, достигли пьянственного мытарства. И стояли слуги того мытарства поодаль, желая поглотить каждого, словно волки хищные, проклятые. Они же испытывали меня так, как испытывается любая душа, приходящая сюда, князем власти тьмы воздушной. И пришли мы на это мытарство, и напали на нас злобные те палачи и мытоимцы, и показывали, сколько в жизни своей испила я, зная число и меру этого и

говоря мне: “Не испила ли ты в этом месте столько-то чаш? И не напилась ли в сей день или в праздник с таким-то? – и называют их. Не напилась ли и не испила ли столько-то чаш, когда к такому-то пошла или когда такой-то принимал тебя?” И все, что я сотворила, называли, рыча, желая вырвать меня из рук ангелов. Сколько ни говорили, истинно было. Часто ведь в жизни своей, как одна из многих, со знакомым неким встречаясь, премного испивала с ним вместе и упивалась. В конце концов отдали добрые душеводители мои и этим то, что должно было искупить грехи мои, и, исшедши оттуда, продолжили мы путь свой.

И говорили мне святые ангелы, когда шли мы: “Видишь ли, какую беду терпят те, кто проходит этих бесов князя воздушной тьмы?” Я же ответила: “Да, господа мои, много нужды и бед бывает. Да и кто может пройти их безбедно и безмятежно? И думаю, господа мои, что никто в мире том, откуда я пришла, о том, что здесь происходит, совсем не знает”. Сказали они: “Ведаем и мы, что не знала ты о происходящем здесь. Но если бы дано было тебе узнать об этом, то лучше бы позаботилась о грехах своих, и искупились бы они, как и о милостыне, которая весьма помогает здесь, и сторонилась бы зла; кто поступает так, тот после смерти минует бесов. Но поскольку не ведают люди этого и живут в лености, то и приходит на них все это. Да горе тому, кто не имеет доброго и духовного. Да горше будет жестокосердному, достигшему этих мест”.

Так беседуя, дошли до двенадцатого мытарства, которое называлось злопамятство. И когда достигли его и дошли до проклятых тех бесов, то они, как злые разбойники, тотчас начали искать, не написано ли в бесовском свитке их то, чем можно оболгать меня. И по молитве святого и преподобного отца нашего Василия ничего не могли найти и посрамились лукавые, ибо дружелюбна была ко всем в мире земном, любила и детей, и взрослых, о чем и ты хорошо знаешь, о чадо. И ничего мне не сделали, как сказано, не смогли схватить меня, и прошла я, ничего не приняв от них. И дальше пошли.

Когда же шли, вопрошала я ведущих меня: “Господа мои, молю вас, поведайте мне: как узнают вершители беззакония о

том, что мы, люди, творим в жизни земной, ведь столь велико расстояние отсюда до земли?” Ответил мне один из них: “Разве не знаешь ты, что всякий христианин лукавого духа имеет при себе, следующего за ним и записывающего все его греховные дела? Имеет также и благого ангела, который дела благие все записывает. Так что отмечают бесы в том мире грехи каждого христианина. И тотчас определяют, к какому мытарству относятся они, да и записывают их. И когда восходит душа, каждый из грехов знают и могут переспорить души и увлечь в бездну их, не имеющих дел благих. Если же не хватает наших добрых дел и поистине побеждают нас бесы, то проходящий сокрушается, что не исповедался, но дальше идем мы лишь тогда, когда добрые дела сравниваются на весах с греховными, искупая их. Ибо, как сказано, если не имеем мы дел праведных, к антихристовой злобе нас исторгают и, выхватив из рук наших, в бездну душу посылают и заключают во тьме и сени смертной до Страшного неотвратимого суда. И получают столько, сколько сотворили, согрешая в мире том”.

И так беседовала я с душеводителями моими и удивлялась, и достигли тринадцатого мытарства, которое называлось чародейство и колдовство, волхование и заклинание, и подобное тому. Были в том мытарстве волообразные духи змеиные, и змеи, и подобные единорогу, а облик их темен и гадок. Горечи всякой были исполнены они. Но не могли оболгать меня, и минули их беспрепятственно.

Снова же начала я спрашивать водящих меня: “Господа мои, ответьте мне, каждому и за всякий ли грех, который сотворит человек в мире земном, нужно держать здесь ответ после смерти? Вижу ведь, что и в малейшем грехе меня пытаются, и дивлюсь этому”. Отвечали они мне: “И не всем так. Если бы ты исповедала грехи свои духовному своему отцу, приняла бы епитимью и исполнила бы ее, то по кончине твоей приняла бы прощение от Бога и отца твоего и мытарства злые и пагубные прошла бы теперь без страданий, поскольку никто бы не мог ничего сказать тебе. Когда кто исповедует в том мире грехи свои и покается, то простит его Бог в том, и будет свободен от грехов, принимая невидимо прощение свое. Эти же

бесы мытарства, имеющие в свитках своих записи о беззакониях, тотчас по приходе души раскрывают свитки и не могут найти даже следов того, что раньше написали, ибо Святой Дух невидимо загладил все. Понимают все в мытарстве, что через исповедь исчезли записи, и скорбят, не получив души. Хорошо ведь покаяться перед смертью. Кто же избежит покаяния, утаит прежние свои прегрешения, решит предстать безгрешным и не покается – здесь их ты видишь, пытаемых, подобно тебе”.

И в такой беседе достигли мы четырнадцатого мытарства, которое называлось чревоугодие. И из этого мытарства вышли некий толстые и тучные, свирепые, злые, большие, нежели прежде. И они обличали меня в том, что ела в юности моей с утра как свинья, не зная о горьком этом мытарстве, что ела во время поста с самого его начала, не сотворив молитву, что ела всегда все в большом количестве, завтракая и обедая, полдничая и ужиная, насыщая чрево едой. Все они обличали и поносили меня, желая поглотить меня, говоря: “В крещении своем говорила и обещала отречься от сатаны и всех дел его. Как же после клятвенных обещаний тех потом творила таковые прегрешения?” Дали мы должное и тем и, искупив прегрешения мои, в которых упрекали меня, прошли и это скверное мытарство.

Достигли пятнадцатого мытарства, которое называлось кумиролужение и всякая ересь. Те, кто любовь имел к этому, там испытывались. Ничего мы не дали им, потому что не имели они обвинений против меня. И в мышей, и в свиней диких превращались они, становясь огромными, словно киты ужасные. И смрад страшный стоял вокруг них, и сладок был тот смрад им, в котором пребывали. Многие души, говорили они, уловленные здесь, в жизни своей творившие подобное и умершие, хотевшие пройти, чтобы поклониться благодатному престолу, обнаруживают здесь капище идольское, скверное и отличное от всякого благого вида. Когда же поняли, что женский дух перед ними, ни о чем не испытывали меня. Только испытывали меня, спрашивая, не сотворила ли в юности женский плотский грех со сверстницей своей, в любви почивая

ночью в одной постели. Когда ничего не обрели они, отошли мы от скверных тех.

Приближаясь к вратам небесным, дошли мы до шестнадцатого мытарства, которое называлось прелюбодеяние. Вскоре встретили нас бесы и испытали меня с великим пристрастием. Еще до того, как блаженный к нам пришел, жила я с другом своим в греховном неведении и, прельстившись, пала, ибо юной была и не знала, что это грех. И поэтому те бесы много клеветали на меня. Водящие же меня весьма им противились, говоря: “Не была она священником венчана”. Так в споре с бесами победили мои ангелы. Ничего им не отдав, мимо прошли. Сказали же те, кто в том мытарстве был: “Хоть нас вы и прошли, но тех, кто выше, не пройдете, достигнув блудного мытарства”.

Продолжая идти дальше, достигли мы семнадцатого мытарства, которое называлось убийство. В нем же было всякое убийство, и всякое ранение или побои, или иное что, похищение или насилие над ближним. И истязают бесы, когда мимо идут души. Немного упрекали нас и в этом грехе, поскольку часто, когда еще несмысленной была в юности, враждовала в жизни своей или за волосы кого-нибудь таскала.

И потом оттуда пошли и достигли восемнадцатого мытарства, которое называется разбой. И, подступив к нам, подробно пытали нас бесы. Немного претерпели от них и мимо прошли.

Пройдя и тех, дошли до девятнадцатого мытарства, уже приближаясь к вратам небесным, и то был блуд. Князь же того мытарства в ризу был облачен, помазанную гноем, и кровью окроплен, и хвалился ризою своей по безумию своему, считая, что нечто благое имеет. Он же, стоя, противился ангелам Божиим и с ними спорил о скверных делах, о всяком недостойнстве и о совокуплении блудном, которое возлюбили грешники. Слуги его вскочили и встретили нас и ревностно испытывали нас о моих делах, которые совершила я в юности, и на середину их положили, с большой дерзостью обличая меня и браня. И называли имена мужей, с которыми часто, будучи отроковицей, в страсти порочной пребывала, забавляясь, и об

этих грехах спрашивали меня. И схватив меня и похитив из рук ангелов, хотели бросить меня вниз. Ангелы же говорили, что давно перестала я творить зло. Те же проклятые бесы ответили: “Что перестала, знаем. Но, однако, скрывала, и дела наши сохранены были в ней, поскольку любила нас и не открывала дел наших никому на земле в покаянии. И то нам ведомо, что не исповедалась, не подчинилась епитимье, не приняла отпущения грехов ни от одного монаха или священника, облеченного благодатью на очищение от бесчестного. Наша она, потому что не покаялась по закону. Оставьте ее нам, а сами идите. Зачем вам, придя сюда, помогать ей ради дел ее лукавых, если всегда вы дело благое вершите?” Ангелы же Господни для избавления души моей отдали им от добрых деяний блаженного, которые тот себе стяжал, столько, сколько клеветы от бесов получила, и, взяв меня, отошли. Скрежетали же на меня зубами своими страшные и скверные те, поскольку ушла я от них, и дивились тому, кто одарил меня божественными теми делами, ведь откупила грехи свои и не повиновалась им.

Когда же пошли, спросили меня ангелы Господни: “Видела ли мытарство то, что прошли?” Я же ответила: “Да, видела”. Сказали они мне: “Мало душ уходит отсюда без напасти, потому что суетный мир тот – блудолюбивый, прелюбодейный и грешный. Каждую душу это мытарство принимает и, если осквернена она нечистотами блудными, то низлагают и в бездну ее бросают. Там же заключают ее во тьме и сени смертной до страшного пришествия Господа нашего Иисуса Христа. Ты же по благодати дивного старца избежала этого. И похваляются непрестанно: “Мы одни, – говорят, – заполним геенну огненную, потому что души человеческие нечисты и блудолюбивы и повинуются князю тьмы и властителю этого мытарства блудного”. Но ты одолела и это и не увидишь зла, поскольку помиловал тебя Господь ради угодника своего Василия”.

Когда так они говорили, достигли мы другого мытарства, которому название было немилосердие. Там же все немилосердные, и все скупые, и неблагосердные горько от бесов страдали. Когда все заповеди Божий соблюдешь, но

будешь немилосерден и немилостив, и случится тебе умереть, все мытарства беспрепятственно пройдешь и нигде тебе вреда не будет, когда же до этого дойдешь, тотчас задержат тебя злые местники и мытоимцы мытарства этого и станут тебя, немилостивого и немилосердного, бить, и в мрачном затворе адовом затворят до общего для всех воскресения пред Богом, не прощая ради иных добродетелей. Здесь мучаются те, кто когда-то не дал убогому куска хлеба или медной монеты брату нищему, или не посетил лежащего в болезни и в темнице заточенного, или подобное этому не сотворил, выказывая скупость, и сребролюбие, и немилосердие, и немилостыню неутешную. Так мне ангелы Господни об этом мытарстве ясно поведали, как я тебе рассказала. И достигли этого мытарства. Старейшина мытарства был весьма худым, и очень иссохшим, и болезненным, поскольку немилосердие, и скупость, и немилостыня в болезнь пагубную преобразуются. Ибо немилосердный человек, если убогий какой что-то у него попросит, тотчас начинает браниться, будто болезнь какую имеет в себе, и отказывает в просьбе. Вот так грешил пагубный тот и зверообразный. Когда же мы дошли до мытарства, слуги его, которые здесь были собраны, взыскание учинили, но ничего не нашли. Ибо много милостыни творила: когда давала убогому кусок хлеба, или же медную монету, или чашу воды, или вина просто ради спасения моей души, сколько могла. Радостны стали мы и в веселии во врата небесные вошли. Ничто не смогло нас отвратить от правого пути.

Врата же небесные имели облик хрусталия светло светящегося. И вокруг них красиво, как от звезд светлых или иного какого-то света, и имели они красоту и блеск золота. Юноши же у врат в золотой одежде, молниєю препоясаны, и ноги их украшены огнем мерцающим светлым. И были они веселы, и приняли нас, радуясь тому, что избежала моя душа бед горьких тех мытарств в воздушной тьме, и еще больше славили Бога. И вошли мы внутрь обильных небесных вод, которые были над твердью, и перешли их, ибо они расступались и бежали от нас вперед и в стороны, а позади нас смыкались.

Когда мы миновали те воды, бывшие над твердью, пришли к некоему воздуху изумительному и невообразимому. Золотой блестящий покров ограждал пространство этого изумительного воздуха от прочего пространства. Были на том покрове некие бесчисленные юноши прекрасные, облаченные огнем, как закатным блеском солнечным. И волосы их были, как молнии, ноги белы, как молоко, лица – как снег, и светились в стократ ярче света. Увидев меня в руках носящих меня честных ангелов Господних, они пошли рядом, улыбаясь, веселясь и радуясь, потому что, как говорили: “Принята душа ее в срок на спасение в царство небесное”. И шли они с нами и пели сладко, потому что направлялись мы поклониться огнеобразному престолу Божию. Когда шли мы, увидели облако, но не такое, как облако поднебесное, но красного цвета, стократно светлее прочих. С одной стороны поднялось облако, как некая завеса белая, как свет, и все изменилось. И вот засиял многоцветно вдали двор золотой ровный, переливающийся в золотой, славе, и в сладком веселии пошли мы дальше. Воздух здесь был светел, и благоухание Господне благовонно и сладко.

Когда прошли мы немного, увидели в воздухе на высоте необозримый престол Божий, престол белый и многоукрашенный, еще ярче блистающий, освещающий пределы и светом пронизывающий всех, кто там стоять достоин. Вокруг Божьего престола – златочистые юноши, высокие, как кипарисы, блистающие достоинствами, облаченные в багряницу и в одежды светлые и изумительные, которые невозможно описать словами. Когда мы подошли к этому страшному престолу бесконечной высоты и увидели непреходящую славу, истинную правду и благодать, шедшие со мной к престолу Божию троекратно песнь воспели. Пребывающие же на престоле страшном были невидимы. И мы тотчас трижды поклонились Отцу и Сыну и Святому Духу и прославили Святую Троицу, предстоящую высоко на огнеобразном воздухе вместе с нами, за спасение мое в славе восхваления. И тут с высоты прозвучал голос прекрасный и сильный, обращенный ко мне и к носящим меня: “Ведите ее вокруг, – сказал, – ко всем душам, пребывающим в разных жилищах, к святым и преисподним, а

потом поселите ее там, где заповедал вам угодник мой Василий”.

Покинув то место, направились мы в жилища святых. Они были бесчисленны, и невозможно было счесть солнечных лучей, и от виссона и порфир лучей и сияния, и иных различных чудных красок, бесплотных и божественных, которые освещают светом и изумительным сиянием жилища святых, по неизреченной воле Божией. Здесь обрели они поле эдемское, благоуханную пажить, откуда истекает вода духовная, вода живая, в местах покойных, в местах святых для отдохновения. Все эти места выглядели как палаты прекрасные, жилища и обители, десницею Господней искусно сотворенные. И, глядя на святых, дивились мы неизреченной красоте, никак не насыщаясь ею. И были здесь отдельно апостолы, отдельно – пророки, отдельно – мученики, отдельно – святители, отдельно – преподобные и праведные. Каждый из них приготовил жилище себе, в длину и ширину подобное стольным городам, из которых они отошли, чтобы в такие же вселиться. Все святые, выходя из своих жилищ, духовным целованием целовали меня, веселясь и радуясь моему спасению.

И дошли мы до недр Авраамовых, и были исполнены славы нестареющие недра его. Не телесные это недра, но особое место. Дивно оно, исполнено духовного благовония, и запаха цветочного благоуханного, и ароматами духовными и небесными, и пажитями вышними услаждено, и возлюблено, и исполнено; их благовоздушный облик и красоту, хотя и рассказываю тебе о них, земными словами передать невозможно. Здесь были и палаты духовные для патриархов, из светлых лучей духовным мастерством Господа Вседержителя созданные, умножением лучей и неизреченными светлостями украшенные и добролепные. В них обитают младенцы христианские, принявшие святое крещение, по разрешении плотских уз они ликуют в неизреченной славе вокруг Авраама, Исаака и Иакова. Ибо и те тут пребывают с двенадцатью из двенадцати колен Израилевых, почивая на дивных престолах. Как видишь сияющие солнечные лучи, но обнять их не можешь, так и видимые души святых подобны их образу телесному, но

бесплотны, как и солнечные лучи, не уловимые человеческой рукой.

И так, о чадо, преодолев большой путь, пройдя пределы рая, ближние и дальние, и жилища ада, которые сокрушил Господь Бог наш Иисус Христос, возвратились мы на запад, где горькие муки и страдания ждут убогих, таких же, как и я, грешников. Показали мне все это ангелы Господни и сказали мне: “Видишь, от какой великой беды избавил тебя Господь?” Ибо видели мы эти темные сокроуенные места, где во тьме и сени смертной разные души от века заключены, как песок на берегу морском или как прах земной. И пребывают в забвении грешники, и не могут они видеть там свет сладкий, иные же вопиют неустанно: “Увы мне!” И беспрестанно восклицают горько, алчущие духовно и жаждущие пития спасения, свободные от всякой одежды духовной и изъедаемые скверными прегрешениями: “Ох, ох, увы!” Всегда, о чадо, как я прежде говорила, жаждут они душевного света, но тщетно зывают, ибо нет прощения. Иногда, когда душа проходит, там появляется свет, ибо ангелы Господни освещают те места, где идут, показывая душам праведных все, что там есть, чтобы видели, от какой горькой тьмы убереглись. И вернулись мы на чистый праведный путь повелением Господним, к благой жизни.

Как же долго все это происходит? Это произошло в течение сорока дней с того дня, как отошла я от моего бренного тела к сему покою, в котором видишь меня, не моему, но преподобного отца святого Василия угодника Божия, который еще живет в мире том и приводит к Господу Богу души гибнущие и грешные как благовонное курение в жертву духовную. Ибо здесь было много иных душ со мною, которых прежде меня он отвратил от путей греховных, очистил их совершенно и спас для Господа. Ибо видела здесь души господина Иоанна и госпожи Елены, супруги его, которые хорошо послужили ему в мире том, души других людей из дальних времен, которых я не знаю. Но, однако, пойдем со мной и войдем внутрь, чтобы ты узнал, где я пребываю. Ибо господин наш, избравший нас, преподобный отец, духом своим сейчас сюда пришел».

Когда мы пришли, я посмотрел на преподобную. И вся она была окроплена божественным маслом и помазана нардовым миром, истинным и драгоценным, и в удивлении восхищался я. Она шла передо мной, облаченная в белую, как снег, ризу, и на голове ее был плат из виссона. И вошли мы будто во двор, вымощенный золотом и украшенный сверкающими камнями, и ничто его не оскверняло. Посреди же златоподобных камней были насажены прекрасные цветущие сады, и всякий, кто смотрит на них, радуется и веселится неизреченно. Когда мы вошли на этот двор, увидел я палаты светлые, изумительно построенные, небывалой высоты. И там же, возле тех палат, у самого входа в них, стоял большой трапезный стол, локтей в 30, он был из камня изумрудного, испускающего светлые лучи. Прекрасный цветущий миндальный сад смыкался над трапезой и неописуемо украшал ее. На трапезе же стояли большие позлащенные блюда, блистающие, как молния, лежали изумруды, светлые сардониксы и разные другие камни райские, прекрасные и совершенные. Между ними лежали яства, плоды неописуемые и пестро украшенные, багряные или молочно-белые видом, как стебли лилейные и красные, и другие, небывалые и несказанные. И разные великолепные цветы лежали на блюдах, и неизреченные плоды поверх тех цветов, непостижимые для ума человеческого. Каждый плод имел свой особый вкус, и насытившийся сладостью их воедино смешавшихся благоуханий уже ничего не желал более.

Святой блаженный Василий сидел во главе чудной трапезы, как господин над всеми, в славе почивая. Стол же был светел от изумительного блистания и испускал лучи. Многие с ним на трапезе наслаждались дивными теми плодами и прекрасными цветами, и были они не как люди, имеющие плоть, но будто созданы светлыми солнечными лучами. Имели они образ бесплотный, неувядающий и не разделялись на мужчин и женщин. Сколько бы ни вкушали они от трапезы той дивной, все умножалась эта чудная райская пища, потому что была она духовной и мановением Господним здесь сохранялась. Вкушающие же были исполнены неизреченной радостью и весельем благодатным, и веселыми лицами друг к другу

обращались, и вели сладкую прекрасную беседу. Черпали они нечто огненно-красное, очень ярко сверкающее и безвещественное сияющими, как снег, некими чашами. Когда кто-нибудь из них пил из такой чаши дивную ту влагу, от одного только вида которой они приходили в несказанное веселье, тотчас неизреченным наслаждением Святого Духа переполнялись все на долгое время, и сияли, как свет, их чудесные лица. И служившие им огневидные юноши – прекрасны и белолицы, как руно, и мышцы их как молоко, облачены же они в красные ризы, бесплотны, украшены дивно, и ноги их белоснежные препоясаны тремя рядами блестящих повязок, как небесной радугой, и головы их украшены золотыми камнями, бисером и разными искусными венцами.

Дивная старица, с которой я пришел, чтобы увидеть их, сказала обо мне блаженному. Он же, улыбнувшись радостно, повелел мне подойти. Когда я приблизился к ним, мы поклонились друг другу, и я сказал: «Благослови чадо свое». И тихим голосом он обратился ко мне: «Невредимо ли преодолел путь, чадо? Господь Бог помилует тебя, и благословит тебя, и освятит тебя, и сохранит тебя, и обратит лицо свое на тебя, и исполнит тебя всех благ небесных и земных, и пошлет тебе помощь от святого жилища своего, и ангелы, и архангелы Сиона, сильные и пречистые, с оружием победы защитят тебя». Я же стоял, потупив взор, и сказал мне праведный: «Это Феодора, – и указал мне, – о которой непрестанно молился ты, желая узнать ее участь. Видишь ее – вот она стоит перед лицом твоим. Теперь никогда не спрашивай о ней, ибо я тебе ее показал». Она же, честная и помилованная Господом преподобного ради, сладким взором смотрела на меня. «Возвеселишься, чадо, и возрадуешься, – сказала она, – и благословен будешь, ибо печалился обо мне, убогой. И Господь Бог помог тебе исполнить твое желание ради молитвы господина нашего, отца и пастыря, который много милости сотворил нам». Когда так мы разговаривали, все, кто сидел за трапезой, смотрели на нас в глубоком молчании.

Потом сказал ей преподобный: «Пойдем вместе со мной и покажешь ему красоту наших райских садов». И, взяв меня с

собой, пошли на правую сторону того двора. И тут находились врата дивные из золота и высокие стены ограды. Когда открылись врата, мы вошли внутрь ограды. И была там позлащенная трава с невиданными цветами, и красоте той дивился я. И аромат благоухания исходил от тех цветов. И на все, что показывали мне водящие меня, внимательно взирал я. Увидел я необъятный сад с 70 видами деревьев, исчислить которые невозможно, и на каждом дереве такое безмерное множество плодов, что ветви склонялись к земле, желая отдать плоды сидящим за трапезой. Увидев это, понял я, какое непостижимое изобилие бывает. Удивлялся я красоте сада, изумительным и дивным плодам тем, потому что никогда столь великих чудес не видел.

Сказала мне водящая меня: «Что ты удивляешься этому? Если пойдешь к тому райскому саду, который Господь насадил на востоке, еще больше будешь потрясен и изумлен, потому что этот сад по сравнению с тем – тень и сон». Сказал я ей: «Молю тебя, скажи, кто насадил этот райский сад? Никогда я не видел такого, нигде нет подобного сада». Ответила она мне; «Как бы ты смог увидеть в суетном мире том такую истину, которая руками Вышнего сотворена? Ибо вещь эта духовная, и мы здесь духом пребываем. Труды и тяготы божественных подвигов преподобного отца нашего Василия, которые он с самой юности своей совершал, трудясь, изнемогая и бодрствуя, на землю повергаясь и молясь, зной и холод претерпевая в пустыне и травой питаюсь в течение многих лет еще до пришествия в сей град, – вот чем насажден этот сад. Ведь то, что совершает человек в земном мире, унаследует и в этой жизни, ибо мы вкушаем плоды своих трудов. Я часто слышала, как преподобный это говорит». Я же удивлялся тому, что, как сказала мне, духом пребываем здесь. Ведь я думал, что телесно здесь находимся, и пытался осязать свои руки, есть ли у меня кость и плоть. Подобно тому как если кто-нибудь, видя пламя огненное и протягивая руку, хочет взять его и не может удержать, так и я ощущал себя только мысленно и удивлялся этому. Когда возвратились мы во двор, трапеза была уже пуста. И виделось мне, что, поцеловав приснопамятную, я оставил ее.

Когда мне казалось, что нахожусь еще там, я очнулся от сна и стал размышлять о том, что мне было открыто, откуда я вернулся, что видел на том дворе, когда вошел в то дивное и несказанное место. Встав, пошел я к блаженному, надеясь, что он объяснит мне, истинное ли это было видение или неистинное. И пришел я к блаженному, и после моего поклона и обращения к нему он повелел мне сесть. Когда я сел, он сказал мне: «Знаешь ли ты, где находились мы этой ночью?» Я же, в искушении, ответил: «Где же мы были, господин мой? Я все время на одре своем сладко спал». «Только нам с тобой известно, что лишь телесно ты спал на одре, а духом в ином месте пребывал. И разве не помнишь, сколько всего я показал тебе в эту ночь? Не Феодору ли ты видел? Не достиг ли ты врат духовного дома, выйдя из которого, она приняла тебя и в который ввела тебя? Потом же и о смерти своей, через которую должна была пройти, о власти темных сил, о лютости их воздушных мытарств, чадо, не рассказала ли тебе? Не вошел ли ты с нею внутрь двора? Не видел ли там дивную трапезу и несравненное украшение ее, и чудеса ее, и какие плоды дарит она, и какие удивительные цветы на ней, и какие юноши исполняют за трапезой духовное служение? Не видел ли издалека дивные палаты? Не у меня ли на трапезе был, когда я показал тебе ту, о которой ты хотел узнать, какая участь ее постигла? Не я ли сказал ей, чтобы вместе с тобой в райский сад вошла? Не восхищался ли ты златоподобными стеблями, дивясь красоте их цветов, не видел ли сияние и неизреченную красоту неувядаемых деревьев и их плодов? Не это ли все ты видел нынешней ночью и не оттуда ли пришел? Почему говоришь: “Я ничего не видел”?»

Когда услышал я это, страх неизреченный меня объял, и начал я плакать, омочил слезами лицо свое, постигая умом, как велик сей светильник, ибо он воистину там был и поэтому мудро обо всем рассказал мне. И ответил я блаженному: «Да, святой Божий, так и было, как ты сказал. Благодарение возношу Господу моему за то, что сподобил меня Господь Бог узнать тебя, и быть под покровом крыл твоих, и изведать столько страшных чудес». Блаженный же сказал мне: «Если жизнь свою

проведешь в добродетели, о чадо, то повелением человеколюбивого и щедролубивого Бога нашего примут тебя там, и пребудешь со мной вечно, я же сам от человеческого естества отхожу. И потом, через некоторое время, отойдя от жизни сей, придешь ко мне, наставленный в делах добрых, как мне Господь обещал. Внимай: пока ты пребываешь в земной жизни, пусть не узнает обо всем этом никто. Но должен ты недостойное житие мое описать и оставить в мире сем, и буду я тебе в этом помощник». Ясно заповедовал мне это преподобный отец наш, пастырь, учитель и владыка, я же обливался слезами, возлюбленные мои. И удивлялся я, потому что едва ли он с другими беседовал так часто, как со мной, недостойным.

Всегда говорил он притчами, величиим своим всех изумлял, был прозорлив, очень мудр и тверд. Часто он показывал себя несмысленным, произнося безумные речи, но делал это только из презрения к суетной славе человеческой, которую снискал за свои знамения и чудеса. И все почитали его как одного из апостолов. А иные же, более других удивлявшиеся чудесам, которые он творил, называли его по простодушию своему Иоанном Богословом. Таким ведь был возлюбленный отец наш Василий, светило во святых. Великий отец наш Василий чудесное житие святое прожил на земле, во всем равен ангелам, великое прибежище для страждущих собой явил.

* * *

Въ время то умре достойнопамятнаа Феодора, иже много преподобному¹¹⁰⁶ служивши въ днехъ своихъ. Отнюдь по ней вси печальни быша, елико же духовныа любве к преподобному имяаху, понеже имяахуть ю исходатайцу к преподобному, якоже и с любовию всѣхъ приимаше, благими словесы всѣхъ утѣшаючи, повелѣваючи всѣмъ на благое. Всегда кротка убо бѣ жена, друголюбезна же, и милостива, и христолюбива, и цѣломудрена разумомъ, и проста нравомъ, и всѣмъ угождаючи.

Якоже рекохомъ, умерши ей, помышление прекословно въздвигохъ в сердцѣ своемъ о ней: которое улучи въздание в вѣцѣ ономъ, десное или шюее. И множицею молихся преподобному, да исповѣсть ми о ней. Он же не радяше

исповѣдати о ней, понеже досадихъ преподобному. И не въсхотѣ мене опечалити, сего ради въ единъ от дний рече к мнѣ: «Хощеши ли видѣти Феодору?» Мнѣ же рекъшю: «Гдѣ ю хощю отселе видѣти, святой отче? Уже отшедши ей от временныхъ к вѣчнымъ». Блаженный же рече ко мнѣ: «Узриши ю ктому и многотрудное свое помышление уставиши». Мнѣ же дивящюся: како и гдѣ ю мню видѣти? Зѣло бо жадахъ ея, якоже и она зѣло мя любляше.

Въ ту же ночь мало уснувшю ми, видѣхъ нѣкоего юношу, глаголюща ми: «Възвѣщаетъ ти, – рече, – честный отецъ: “Прииди вскорѣ, зане ити хощю, в нихже пребываетъ Феодора сущи, аще желаеши убо видѣти ю”». Мнѣ же по възвѣщеніи острѣе ускорившю, видѣхъ бо, яко пришедшю ми къ преподобному, в нихже сам пребывааше, и не обрѣтох его. Въпрошающю же ми о немъ, рекоша ми нѣции ту сущи: «Отшел есть, глаголюще, сестру и прежде слугу видѣти». Мнѣ же ктому изумившюся, нѣкто оттуду сказа ми и путь ми показалъ, по немуже ми шедшю и достигнухъ онѣх. Идущю же ми по пути, мняхъ тѣмъ путемъ ити, иже къ церкви честныа Влахѣрны, реку же, Святой Богородицы.¹¹⁰⁷ Идущю же ми, обрѣтохся вънезапую къ високу мѣсту идуща, преходище всечестное. И прешедшю ми то, приближихся къ вратомъ, та же бяхуть зѣло утвержена. Смотрихъ же утръ скважнею, да некли кого видѣти възмогу. Видѣхъ же зѣло двѣ женѣ краснѣ сѣдящи. Възгласихъ едину от нея скважнею, рекохъ к ней: «Госпоже и сестро, чий есть домъ сий?» И отвѣщавши, рече ми: «Преподобнаго отца нашего Василиа». Радому же ми убо бывшю, рекохъ к ней: «Здѣ ли есть, госпоже моа, преподобный отецъ нашъ Василий?» Она же рече ми: «Здѣ бысть, брате. По малѣмъ же отшествіи пришедъ здѣ да посѣтитъ чядѣ своихъ». И рекохъ к ней: «Убо молю ти ся, отверзи ми, да вниду, яко и азъ чядо есмь преподобнаго отца Василиа и недостойнъ есмь». И рече ми она: «Никогдаже бо ты прииде сѣмо иногда или киимъ образомъ, не знаю тебе. Какъ ти отверзу врата и отиду отсюдѣ? Ибо бесъсѣта преподобнаго или повелѣніемъ госпожа Феодоры не могу сего сътворити». Мнѣ же молящюся ей и здрѣзновеніемъ толкущю: «Отверзите врата, да вниду».

Феодора же, внутрь мятеж слышащи, къ вратомъ приближися, хотящи вину увѣдѣти, и не вѣдящи, якоже страненъ нѣкто у вратъ пребываетъ сварящися, рече, смотряше изоутрь, хотящи увѣдѣти, кто и откуда прииде. И якоже мя узрѣ пред враты стоаща, острѣ множицею възглаашаше женамъ: «Отврьзѣте, ибо възлюбленный сынъ се есть господина моего». Они же вскорѣ отврьзоша. И възиде в срѣтение мнѣ, иже въ блаженнѣй обители пребываетъ, вся бо радостию неизреченною исполнена, яко часто видяхъ. Цѣловаше же, обиемлющи мя, и принимаше мя любезнѣ, и радовашеся, милостнѣ глаголаше: «Кто тя сѣмо присла, сладкое мое чядо, и паче от мира сего к невечернему дни сему цы уже преставилься еси, яко сѣмо прииде?» Мнѣ же чюдящюся, что есть, о немже ми бесѣдуетъ, якоже бо не мняшет ми ся, якоже въ ужасѣ и в видѣнии вижду видѣние. Рекох к ней: «Госпоже моа, аз ти не умрох и еще бо молитвами преподобнаго отца Василиа в мирѣ сем пребываю. Тебе же ради приидох сѣмо и достигохъ, желаниемъ бо желях видѣти твое лице от того дни оставила еси нас, и не вѣдѣ, камо прешла еси, како бо пребываеши, како нужду смертную преиде, како духи лукавыа преиде, како видяше, онѣхъ злокозненное пронырство. Видяхъ бо по ряду о сихъ в малѣ нѣкоемъ прежде мало възвращаа житие свое».¹¹⁰⁸

Она же отвѣщавши рече мнѣ: «Что ти имамъ рещи, о чядо, о сихъ? Не изумѣюся, яже по дѣломъ моимъ вся злаа ми и лютаа присрѣтоша мя. Заступлениемъ преподобнаго отца нашего Василиа тяжкаа легка ми быша, и лютаа и сопротивнаа – права, и, просто оному заступившю, сключышаа ми ся вся злаа на благое преложишася, благодати помиловавши нас. Егда бысть ми умрети, чядо, како могу исповѣдати смертныа труды, каку бѣду имуть, каку нужду и колику горестъ от бесчисленна болѣзни и стужения лютаа. Дѣндеже изыдетъ душа от тѣла, толикиа болѣзни стужаетъ си умирающи: яко нѣкто обнаживъ все тѣло свое и възляжетъ на угли горяща, множество прострених на земли, и помалу истлѣетъ огненнымъ жежениемъ, и горцѣ трѣпять. И тако ктому раставаяся разидется и отрѣкается душа – тако есть смерть горка, о чядо, и, свѣдѣтель

Господь, паче подобнии мнѣ грѣшник. О праведницѣ же, како есть и бываетъ, не свѣдѣ и азъ бо окааннаа иже грѣхом жилище бывах.

Егда бо душу извлеках, видяхъ чистѣ множество ефиоп¹¹⁰⁹ синихъ, окрестъ одра моего мятущася и мльву творяща, рыкающе, яко пси и волцы дивии, яко море горкое грозящеся и зубы скрегчюще, бѣсящеся, въпиюще, яко свинии, испытующе дѣла моа, хартию вынимающе, другое оклеветаниемъ черниломъ написавше. И сквернена, и темна лица ихъ, ихже видѣние токмо бысть, яко видѣние геона огненаа, тии сквернии, сихъ убо лютыхъ не могуще зрѣти. И не доволна ми бяшетъ си горестъ смертнаа, но имяхъ сихъ бѣду, что убо будетъ. Вращаючи ми ся сѣмо и онамо и от скверненаго видѣнія и инде умнаго зрѣнія мечюща, не хотяхъ зрѣти ни слышати нечестивыхъ крамол.

Видѣх от преславнаго онога нѣкаа два юноши пришедша ко мнѣ, златы власы имуща на главѣ украшенѣ, бѣли, яко снѣгъ, краснѣ зѣло, сладцы вельми на видѣние, облечена же бяше в ризу, яко в молнию. Предста же на десное и стаа близ мене, втайнѣ к себѣ бесѣдующе. И глагола единъ от нею к синцемъ онѣмъ: “Бесстуднии и темнии, злии, проклятии и злобнии! Коя ради вины имѣете сего по обычаю лукавнѣ нападающе на всякого человекѣ житие, възстающе на мя и блядуще мятущеся, и плищюете злѣ шумяще? О губителие дивии, безумнии и несытии, и христоненавистницы! Не вельми радующеся, здѣ бо ничтоже не будетъ вамъ, нѣсть вамъ чясти ни жребиа. Едино токмо, еже стекостеся и отидете натщее”. Си ему глаголющю о нихже, еже сътворихъ от уности моя или дѣломъ, или словомъ, или помышлениемъ, выношаахуть на среду и възкликоса, поистиннѣ, яко безумнии нѣции, яко похаби, глаголюще: “Ничтоже не имамъ, глаголюще? А сий грѣхъ кто сътворилъ есть от юности своя?” Сихъ и инѣхъ блядуще, ктому ждахуть смерти.

Прииде бо и то. И бысть видѣниемъ яко левъ рыкаа, другойцы же яко юноша суровъ и бѣсяся. Оружиа всякаа нося и мечя, серпы, и пилы, и секиры, рожны и теслы, и ины многи пристроа, имже казнить различными образы на единого кождо

смерть на всѣхъ. Видѣвши убо убогаа душа мучителя того, страхомъ обиата бысть. Глаголють убо ему юноша оны: “Что стоиши? Разрѣши съуз, тихо приими, не убо много иматъ тяжкий грѣхъ”. Пришед бо с малою секирою прикоснуса ногамъ моимъ и потом к рукамъ, и вся съставы моа испроверже, и исторже ми ногти. И абие убо умрыцвени руцѣ мои и нозѣ мои. Не имях ся имущи руцѣ мои и нозѣ. Аз же, чядо, от горкиа болѣзни умрыцвена быхъ. Пришед убо паки усѣче главу мою, и ктому не можахъ двигнути главы моея, чюжи бо бяхъ. Потомъ же раствори в чяши не вѣдѣ что, вдавъ ми пити нуждею. И, якоже испихъ, тако бяхъ горко, о чядо, якоже въздриновена бы душа нуждею страшною и отиде от тѣла. И убо уноши они краснии, отшедшей от неа, въ одеждахъ своихъ хламидныхъ приаша ю. В сердцы бо, о чядо, челоуѣку вся възлежить душа и в разумѣ духъ. Якоже бо мя приимшей они краснии, видѣхъ тѣло мое, идеже лежааше, бездушно и умрыцвено, неподвижимо и неключимо, чюдящися и дивящися, якоже нѣкто совлечется риз своихъ и положить на одрѣ своемъ, и той станеть, зря ихъ. И глаголах ти, о чядо, како истовѣ увѣдѣхъ аз, яко тако строатся убогому челоуѣку.

Якоже убо ктому дръжаахуть аггели Божии, обѣступиша тѣхъ темнии они, повѣдающе прегрѣшениа ихъ. Аз же имяхъ слово въздати о нею. Пытающемъ же онѣмъ ктому, или есть у мене дѣло благо. И обрѣтаахуть благодать Господню, и сиа избираахут: или коли напоихъ чяшу студены воды или вина, или коли шедши посѣтихъ больного, или в темницы, или страннаго в келию свою введохъ или накормихъ, или коли сътворихъ стопы к церкви идущи помолитися, или коли вѣлѣяхъ масло въ кандило на посвѣтъ святыхъ и честныхъ иконъ, или коли смирихъ гнѣвъ имущаа межи собою, или когда пролиахъ слезы ко Господу Богу моему, стоащи на молитвѣ моей, или коли лаяша ми, и претръпѣхъ, или коли умыхъ нозѣ братии, яко огонь полящи и смирение ми любяще, или коли слабого утвердихъ, или коли малодушнаго утѣшными словесы утѣшихъ, или кого когда възвратихъ от грѣхъ да не съгрѣшитъ, или коли страннаго введохъ суца духовна и полезна, или коли поклонихся Господеви моему покаяниемъ и паче въ дни святаго пощения и отвратихъ лице

свое от всякого оклеветания, и лъжа, и оболгания, и от лъжеклятия, или что праведно сътворих на том свѣтѣ. И събирающе же та, извѣсяхуть противу моимъ съгрѣшениемъ, и от когождо ихъ искупахуть ю. Сихъ онѣмъ прилежащимъ, велми мя ефиопи они клеветааху, противящимся аггеломъ Божиимъ.

И сему тако бывающю межю тѣмъ, внимаа узрѣхъ, се господинъ мой святой Божий Василие предста тѣмъ Духомъ Святымъ, рече краснымъ онѣмъ юношамъ, иже по мнѣ подвизаахуся: “Господие мои, та душа мнѣ в наслѣдие бысть, мнѣ бо поработа по вся дни и часы. Помолихся Господеви о ней, и Господь ми дарова ю. Приимете обаче сию – симъ искупит вся долги достигающи, егда миновати ей мимо мытаря”. Вынявъ из нѣдръ своихъ, вда обѣма уношама яко нѣкаку керстицу червлену, полную злата имущю, и рече к нима: “Аз благодатию Господнею богатъ сый зѣло по духу Господню бываа, сиа же от труда и пота моего искупих”. Сиа убо рекъ, въдавъ даръ и отиде. Они же убо реченнии бѣси, видѣвше, удивишася, въскорбѣвше на многъ час и убояшася, въплъ же всепечальный, имже не получиша, и отбѣгоша. Сим же отбѣгшемъ, се прииде господинъ мой, сосуд масла чиста исполнена суца приносяща, повелѣша убо, и отворишася каждо сосуди они. И уноша ты възлиаша на главу мою, и быхъ исполнена масла, и очистися лице душа моя зѣло, и смотряхъ свѣтло и чисто, и радости бысть духъ мой исполнен. Рече избранный общій отецъ нашъ Василий иже мене хотяше свести: “Господие мои, егда достойнаа на души той скончаете, на мое устроение от Господа божественаго покоа ту, и сию съхраните”. И, се рекше, отидоша от лица мене носяще. И взявше убо они краснии юноши, и отступивше ногами своими от земля, яко облакъ или корабль по морю, тако к восточному пути на въздусъ мене носяще идяхуть на высоту невъзвратно.

Начяток первому мытарству. Усрѣтохом, еже творяхуть оболгание, ихже бысть съборъ ефиоп черныхъ нѣкий. Старѣйшина от нихъ с лукавствомъ многимъ пресѣдяше. Достигшем же намъ, стахомъ. И свѣдѣтели праведнаго суда, о чядо, ихже яко челоуѣкъ оклеветахъ и коли и въ которомъ часѣ в мирѣ ономъ, обличяхуть пред лицомъ лукавнующе. Откуда си

увѣдѣвше, не вѣдѣ. Отрекшим бо ся намъ, онѣм же поистиннѣ облыгающимъ мене. Носящимъ от святаго оноу одарения, еже ми отецъ мой вда, преподобный Василие, и абие минувше, и на вышнии преидохом.

Потом же доидохом втораго мытарства, еже бяхуть суще оклеветание. И ту же подобна быша первому мытарству: от блаженнаго дара въздавшимъ намъ, без бѣды и сихъ минухом.

Идущим намъ напред, бесѣдовааху к себѣ мене носящей: “Молитву въздати, – рекуще, – убогаа сиа душа о угодницѣ Божии Василии, яко велиа ей благаа съдѣа, понеже быхом нужду велику достигли, начяла и власти тмы преходяще”.

И якоже си бесѣдующе, доидохом третиаго мытарства, еже бѣ зависть. Благодатию же Господа нашего Исус Христа ничтоже не имущемъ суетнымъ онѣм оклеветати мя, ибо не помнях, коли кому завидѣхъ. Радующеся, и сихъ лукавыхъ минухом. И скрежетаахуть на мя они скверненоличнии ефиопи, якоже мняще ми, якоже в той чяс мене и мене носящихъ яко живыхъ въ гнѣвѣ пожрети.

Еще убо нам на высоту идущимъ, постигохомъ четвертое мытарство, еже нарицается лъживыхъ. Бяхут бо ту ефиопи събрани мнози, ихже лица суетна и нелѣпотна зѣло. И старѣйшина мытарства удивленъ зѣло и предсѣдай въ льстех. Видѣвше же насъ, скоро противу намъ вѣсташа. И дошедшимъ намъ до них, мятяхуться проклятии, и приносяще на ны всяку лжу, и на мя нѣ с коимъ възвѣщаниемъ повѣдающе име, иже коли яко от несмысленыхъ женъ сългахъ. И сътворивше доволнаа иже мене водящей, и тако скверныа минухом молитвами и молениемъ, иже мою худость помиловахъ.

Еще намъ идущимъ напред, достигохомъ пятаго мытарства, болий соборъ ефиопъ имуще, иже нарѣкаашется ярость и гнѣв и съ гнѣвомъ ярость, иже окрестъ себе повелѣваашет. Онѣм же съ гнѣвомъ изыдающимся самѣм, яко пси нѣции ядовитии. Якоже убо приидохом к тѣм, развращена намъ съ гнѣвом и яростию отвѣщаша, да аще казни ради, или на чядо свое, или на кого иного разгнѣваахся или прогнѣвание имяхъ, то и та исповѣдають лукавнующе обличяаху, или что з гнѣвом и съ злопоминаниемъ гнѣваахся и прогнѣвахъ. Яко море горько и

злѣ волнующеся, тако въздаахут ми, ярящеся на мя. И приношахуть по именемъ посредѣ и тѣхъ, ихже прогнѣвахъ, яко чловѣкъ, яряся на мя, и та словеса, яже тогда срекохъ, на негоже враждовахъ, и того чяса и того дни, часто представляюще. И отвѣщаючи к симъ достойнаа възлюблении они юноши, иже мя защищахуть. И отшедше оттудѣ, на высокий въздухъ идяхомъ.

Идущим же намъ, достигохомъ шестаго мытарства, иже нарицается гордыни. И ищущимъ онѣмъ оклеветати мя зѣло, благодатию же Божиею не обрѣтоша ничтоже. Аз бо во ономъ вѣцѣ раба худа бѣх, а кому ся бѣхъ хотѣла гордѣти. Преидохом бо и сихъ, ничтоже плативше тѣмъ.

И еще нам идущимъ, достигохом седмаго мытарства, еже нарѣкашется буесловие, и срамословие, и безстуднаа словеса. Усрѣтоша ны власти мытарства издалеча, зѣло нудяще ны въздати суд. Приближихом бо ся убо к нимъ, и обличахуть мя, еже въ уности моей блядословіа съдѣх, елико же пояхъ срамныхъ, прикладываахуть ми, окааннии, лаанія ли или играюще срамословие, острѣе приводящи на искушение. Поистиннѣ сица бывша свѣдѣтельствующе, яко бояти ми ся, сих слышащи. Како бо сиа вѣдяхуть, окааннии? Ихъже и сама аз по толицѣхъ лѣтѣхъ забых минувшихъ. По достоинству бо симъ въздавше слово, идехом путемъ своимъ на выше идуще.

И достигохомъ осмага мытарства, еже нарѣкаашеся лихва и леть. Слуги убо мытарства того истинну о мнѣ испытавше, ничтоже обрѣтоша лъсти ради и, не могуще обличити, остряхуть на мя зубы. Мы же, отшедше оттуду, путь свой далний шествовахомъ въистинну далече числа чловѣкъ не имущи.

Доидохомъ паки девятаго мытарства, иже нарѣкашется уныние, сирѣчь тщеславие. Мнѣ же к тѣмъ ничтоже не имущи испытавше, преидохомъ вскорѣ.

И доидохомъ десятаго мытарства, еже нарѣкашется сребролюбие. Голка бысть в мытарствѣ паче инѣхъ мытарствъ. И в семь бо всякого чловѣка ловятъ окааннии они и, в нихже вселяющеся, нудятъ я се творити, и паче иже на въздухъ въ всѣхъ иже старѣйшинство имуще творятъ. Испытавше и ти, въ

мнѣ ничтоже не обрѣтоша, гдѣ бо у мене бысть злато, да быхъ имѣла к нему любовь.

Якоже убо и ты минухом, и достигохомъ иже въ пианственное мытарство. И стоахуть слуги того мытарства отдалечя, якоже волцы хищницы, всякого хотяще пожрети, проклятцы. Онии же убо носяще мя, якоже убо вдано есть, яко пытаются душа мимоходяще от князь власти тмы въздушныа. На то мытарство приидоша, нападше убо на ны горцыи они испытницы и мытоимцы и тычяша, яже в животѣ своемъ испихъ, в число и в мѣру имяхуть, речяхуть убо ко мнѣ: “Не испила ли еси в семъ мѣстѣ селико чяшь? И упися убо в сей день и в праздникъ при сихъ? – и сего нарицаючи. Не упи ли ся, не испи ли селико чяшь, егда к онсии еси дошла, егда тя усрѣлъ онси?” И вся ми о томъ сотворивши, нарицаахуть, хотяще мя исхитити от руку носящихъ мя, рикающе. Елико же вѣщааху, истинна бяхуть. Множицею бо якоже посредѣ житиа сущи, и ако едина от человекъ сущи, другу нѣкому приходящу, излиха испивахъ с нимъ купно и абие упиваахся. И что потомъ, – вѣдавшие и симъ мои добрии вожди должное искупити грѣхи моа, и и-шедше, идяхомъ.

И бесѣдовааху ко мнѣ святии аггели, вѣнегда идяхом, рекуще къ мнѣ: “Видиши ли, каку бѣду имуть преити сихъ начялъ князь темныхъ въздуха сего?” Аз же рекох: “Ей, господие мои, многи нужди и бѣды бывають. Да кто сиа възможетъ преити без бѣды и без мятежа? И мню бо, господие мои, никтоже в мирѣ ономъ, отнюдуже изидох, что здѣ бываетъ, не вѣдают отнюдь”. Рекоша они: “Вѣдаемъ и мы, якоже не вѣдуще, что ся здѣ дѣеть. Но аще быхъ чистѣ вѣдала о сихъ, то много ся быхъ попекла о сихъ грѣсѣхъ, паче же и о милостыни, та бо много поможетъ здѣ, и ктому противилася бы противу злымъ, искупилися быша, егда умирают, и сего ради преидуть духи. Но понеже не свѣдаютъ и живут в лѣности, потомъ же приходятъ вся та на ня. Да горе тому, иже не имать добраа и духовна. Да крѣплии будетъ на кровопиица, сиа достигаа и преходя, вѣнегда мимоидеть”.

Сиа намъ бесѣдующимъ, доидохомъ вторагонадесяте мытарства, иже нарѣкашется зловъспоминание. И достигшимъ

намъ, и к тѣмъ проклятымъ дошедшимъ, яко лукавии разбойницы скоро пытааху, егда что обрящютъ въ своемъ лукавѣмъ свитцѣ написано о мнѣ, да възмогутъ мене облиховати. И по молитвѣ святаго и преподобнаго отца нашего Василиа ничтоже не възмогоса обрѣсти и посрамишася лукавнии, ибо ласкова бяхъ въ ономъ мирѣ къ всѣмъ зѣло, любовь имущи и к малымъ, и к великимъ, яко и ты лѣплѣ свѣдаеши, о чадо. Ничтоже ми сотвориши, якоже речено, ни в семъ имущи мене обиати, отидохъ посрѣдѣ ихъ, ничтоже от тѣхъ не приимши. И на прочее идяхомъ.

Идущимъ же намъ, въпрошаахъ ведущихъ мя: “Господие мои, молюся вамъ, ползу ми сѣтворите о семъ словеси: о како сии вѣдаютъ сиа дѣлающе безаконие, коль далече суще, что мы, челоуѣцы, въ ономъ вѣцѣ творимъ, бесчисленное удаление межю собою имуще?” Рече единъ отъ нихъ къ мнѣ: “Не вѣси ли, якоже всякий христианинъ лукаваго аггела имѣетъ с собою и въслѣдъ его послѣдующа и вся дѣла его злаа написающа? Тако же имущему благому благихъ дѣла, имже образомъ лукавнии, и тому пишущю вся. Елико же знаменаютъ лукавнующии въ ономъ мирѣ коегождо *християнина грѣхы*. И абие различаютъ *грѣхы*, кожеждо мытарства достоинство посылаетъ, да и онии же написущи я. Егда възсходитъ душа, и кожедо ихъ имѣютъ нѣчто в себѣ, имже възмогутъ препрѣти ихъ и възвратити а в бездну, иже не имутъ дѣлъ благихъ. Егда мимоходя хочеть исповѣдатися, аще бо наша добраа дѣла умалятъ, егда по правдѣ препирають нас, вѣнегда та сравнаются с вѣсиломъ искупающе грѣхы, и мимоидемъ. Ибо, якоже речено, не имущемъ намъ дѣлъ праведныхъ, къ антихристовѣ злобѣ нас исторгающе, но от рукъ нашихъ биюще, въ бездну ю посылаютъ и заключающе въ тмѣ и сѣни смертнѣй до Страшнаго оноу неотрочнаго суда. И такимъ образомъ елико же творятъ съгрѣшающе в мирѣ ономъ”.

И тако водящимъ мя бесѣдующимъ, мнѣ же дивящимся, достигоухомъ третиагонадесять мытарства, еже нарѣкашется чародѣйство и потвори, волхвованіе и обавникъ, и подобнии имъ. Бяху воловнии дуси, иже в томъ мытарствѣ, змиини, и змиеви, и единорогимъ образу подобящеся, ихже видѣние тма и

поползение. Горести бо бяху всякоа исполнени. И не имущемъ имъ оболгати мя, минухом и тѣхъ, ничтоже ихъ мнѣвъше.

Паки же убо начях въпрошати водящихъ мя: “Господие мои, молюся вамъ, всякъ грѣхъ, иже сотворить челоуѣкъ въ мирѣ ономъ, всякому ли въздати слово отсюда отшедши, егда умереть, о тѣхъ, иже сотвори? Вижу бо, како мене и въмалѣ пытаются, и дивлюся”. Рекоша они ко мнѣ: “И всѣмъ не тако. Аще бы ты исповѣдала грѣхи своа духовному своему отцу, было ти епитимию приемши и послужила бы тѣмъ, да егда бы скончала та ти, тогда бы приала прощение от Бога и отца твоего и мытарства злаа и пагубнаа прешла бы нынѣ бес пакости, никомуже не могущю рещи слова на тя. Егда бо исповѣсть кто во ономъ мирѣ грѣхи своа и ктому дастъ себе на покаание, и отдасть ему Богъ, елико же будетъ согрѣшилъ, и ктому будетъ свободенъ, приимъ самъ невидимо оставление свое. Сии же в мытарствѣ бѣси, имуще сихъ безакониа в свитцѣхъ своихъ написавше, скоро отвивающе, яже написана, ничтоже ихъ бяху написали ни знамена от нихъ могуще обрѣсти, ибо Святыи Духъ невидимо заглади ихъ оттудѣ. Въдають бо иже въ мытарствѣ вси, якоже исповѣданиемъ загладишася, и скорбятъ, не улучивше. Дивно бо есть покаатися преже смерти. Аще кто не упразнится покаатися, потааетъ прежняя своа съгрѣшения, мнится въ покаании преставъ от грѣхъ, иже не покаются, здѣ имже видиши и твоа испытана”.

И тако намъ бесѣдующимъ, достигохомъ четвертагонадесяте мытарства, иже нарицашется чревообиадение. И от того мытарства изыдоша нѣции толсти и тучни, дивии, злии суще, большии бо суще, нежели прежнии. И сии обличаху мя, како ядяхъ от юности моея от утра имже образомъ и свиниа, не въдающе о горцѣмъ семь мытарствѣ, како ядяхъ в говѣние от перваго часа, не сотворивши молитвы, якоже ядяхъ всегда вси в велицѣхъ пространствѣхъ, заврокающе и обѣдующи, сирѣчь и полудняюще, и вечерающе, обѣдающеся чреву обиадениемъ. Сиа вся обличаху и поносаху ми, искушахуся пожрети мя, рекуще: “Въ крещении убо своемъ рекла еси и обѣщалася еси, отмѣтающеся сотоны и всѣхъ дѣлъ его. И како нынѣ по страшныхъ обѣщаниихъ онѣхъ и потомъ творила еси

прегрѣшениа?” Въдавшимъ убо намъ и тѣмъ должное и искупивше прегрѣшениа моа, о нихже препираахут мя, преидохомъ и то скверное мытарство.

Достигохомъ пятагонадесять мытарства, иже нарицашется кумиролужение и всякоа ересе. Тѣмъ, иже с ними любовь имуще, испытаахут тамо тако. Никакоже убо к симъ о семь възвратихом, ничтоже бо ти ко мнѣ о томъ имяхуть. Егда же в мыши и въ свиниа дивиа превращаахуся, имуще величества долготу, якоже кити страшнии. И смрад страшный сушь окрестъ ихъ зѣло, и в сласть имяхуть смрада того, почивающе в немъ. Многи бо души, глаголахуть, привлекающе, всегда творяще тѣмъ подобнаа и умирающе, тѣмъ тамо хотящимъ преити, да поклонятся престолу благодатному, суше позорище идольское скверненаа и учюжденаа от всякаго благаго видѣннѣ бываахут. Якоже разумѣвше, якоже женский духъ, ничтоже не имяхуть пытати. Се токмо испиташа въ мнѣ, рекуще, егда когда уна сущи, сверстницѣ своей отроковицы любовь имущи, въ единой постели нощию почиваючи, яко женский ложественый грѣхъ сотвориши обою. Ничтоже в томъ тѣмъ обрѣтшимъ, и отступихом оттуду от скверныхъ тѣх.¹¹¹⁰

Доидохомъ шестагонадесять мытарства, уже приближающесе къ вратомъ небеснымъ, ктому иже нарицашется прелюбодѣйство испытаниа. Бѣси же скоро нас усрѣтоша, пытаахуть, тѣхание крѣпко имуще. И еще блаженному не пришедшю к намъ, съ другомъ своимъ пребываахъ в невѣжествѣ, ничтоже намъ в томъ не имущемъ, юномъ сущемъ, прельстившися, падохъ. Сего ради онѣмъ вельми мя препирающимъ. Водящии же мя вельми противляхуся, рекуще: “Не от иерей благословиася”. Сице убо межю собою прѣвшимся, побѣдиша мои. Ничтоже имъ не вдавше, мимоидохом. Рекоша же они иже в томъ мытарствѣ суше: “Аще и нас преидосте, но вышнихъ не преидете, достигшимъ блуднаго мытарства”.

Идущимъ намъ тамо, достигохом седмагонадесяте мытарства, иже нарицашется убийство. Въ немже бѣ всякое убийство и всяки раны или биение, или ино что, въсхищение или неправда от ближняго бывши. И истязаютъ бѣси, егда

мимоидуть душа. Малы преобидѣвше нас и о сихъ, якоже множицею, и еще не в смыслѣ ми сущи, вражду сотворихъ жива сущи въ уности своей или коли за власы имшися с кѣмъ.

И потомъ оттуду идохом, достигохомъ осмагонадесять мытарства, иже нарицашется татьба. Тому к намъ пришедшю, подробну пытахуть. Мало насъ истязавше, мимоидохом.

Прешедше и тѣхъ, доидохомъ девятагонадесяте мытарства, уже къ вратомъ небеснымъ приближающесе, и то бысть блудный. Князь же убо того мытарства в ризу бѣ оболченъ, гноищемъ помазану, и кровию окропленъ, и крашашесе ризою своею по безумию своему, мняше бо нѣчто благо имѣа. Той же стоа противяшесе аггеломъ Божиимъ и с ними пряшется скверныхъ дѣлъ ради о всякомъ недостойнствѣ и о совокуплении блуднѣмъ, выну смѣшающися и в томъ пребывающе крѣпко. Слуги его вскочивъше и нас усрѣтоша, зѣло испытаахут ны о моихъ дѣлѣхъ, иже во уности моей, посредѣ покладааху, со мнозѣмъ дръзновениемъ обличяюще мя и поносяще. И тѣхъ мужьскихъ имена, с нимиже многажды, егда бѣхъ млада отроковица и въ игрѣ, страстовахъ с тѣми прироки и образы, и всѣхъ исповѣдааху, възвѣщающе. И имше мя и въсхитиша, хотяше съвреци долу. Много аггеломъ глаголющимъ, якоже преста, рече, и по чину и умолчя от всякого зла. Ти же рекоша проклятии бѣси: “Якоже, – рече, – преста и умолче, вѣдаемъ. Но обаче таи, и наша съхранена быша в ней, понеже любляшеть нас и не обличяшеть дѣлъ нашихъ покааниемъ никомуже на земли. Се мы обрѣтаемъ, якоже не исповѣдалася есть, ни поработа епитемии, ни приа же оставления ни у единого же мниха от служебника его, иже въ свѣтлость ту облѣченъ иже на очищение бесчестное. Обрѣтаемъ ту, никакоже по закону покаанию прилежавши. Да уже оставите ту нам, а вы идѣте. Что вамъ помощь, досюдѣ пришедшимъ, тоа ради и дѣлъ ея лукавыхъ, аще имате дѣло благо всегда?” Ангели же Господни, вдавше им равно извѣстно от добраго дѣяния блаженнаго избавления ради душа ея, иже бѣ той себѣ стяжалъ, яко мнѣ от нихъ с показаниемъ оклеветаемъ, въземше мя, отидоша. Скрежетаху же они зубы своими на мя, страшнии они и сквернении, якоже избѣжавши ми ихъ, дивящимся тѣмъ, кто мя

одари божественными тѣми дѣлы, имиже откупаахъ безакония моа от нихъ и не повиновался имъ.

Идущим же намъ, рекоша аггели Господни ко мнѣ: “Видиши ли мытарство се, иже преидохом?” Мнѣ же рекущи: “Ей, видѣхъ”. Рекоша ко мнѣ: “Мало душъ отсюда избѣгаютъ бес пакости, зане сущю суетному оному миру любоблудному, прелюбодѣйному и грѣшному. Всяку бо душу се мытарство въ единомъ принимаетъ и низлагаетъ, имже оскверняются в нечистоты блудныя, и низлагают ю в бездну. Ту же заключаютъ ю въ тмѣ и сѣни смертнѣй до страшнаго пришествиа Господа нашего Исус Христа. Ты же благодатью дивнаго одного старца се убѣжала еси сих. И хвалящимся бес числа, якоже “Мнѣ, – рече, – исполнити имъ геону огненую, занеже душу прилежавшую нечистотѣ и блуду и повиновшиися князю тмѣ и властелю сему мытарству блудному”. И се удалъ и симъ, и ктому не узриши зла, якоже помилова тя Господь и угодника его ради Василиа”.

Сице тѣмъ исповѣдающимъ, достигохом другаго мытарства, емуже бѣ имя немилосердие. Ту бо вси немилосердии, и вси скупии, и неблагосердии чловѣцы горцѣ от нихъ испытываемы. Егда вся заповѣди Божия исправиши, и будеши немилосердъ и немилостивъ, и ключить ти ся умерети, вся убо мытарства бес преткновения преидеши, аще и въ всѣхъ вреда не приимеши, то егда к сему достигнешъ, абие того ту удержат горцыи того мытарства местницы и мытоимцы, и ако немилостива и немилосерда биятъ и въ мрачнѣмъ затворѣ адовѣ затворяють до общаго всѣхъ въскресения Богу, не милующю ихъ инѣхъ ради добродѣтелей. Якоже не вда убогому когда уломка хлѣба, ни мѣдницы брату нищему николиже, занеже не посѣти в болѣзни лежаща и в темницахъ и елико симъ подобнаа занеже не сотвориша, убо имуще скупость, и сребролюбие, и немилосердие, и немилостыню утѣшну показующе. Сия бо ми аггели Господни о томъ мытарствѣ ясно исповѣдаша, якоже рѣхом. И достигохом сего мытарства. Старѣйшина мытоимства того отнюдь тонокъ, и зѣло иссохшъ, и вельми грыжавъ, якоже страсть немилосердиа и скупость, немилостыня тацѣмъ образомъ и тацѣмъ студомъ себе преображашетъ пагубный. Ибо немилостивии чловѣцы, егда

кто от убогих еже что от него испросит, абие грызется по обычаю, яко страсть имѣ, и отметається вопросу. Тацѣмъ образомъ нечествовашеться пагубный онъ и звѣрообразный. Нам же к мытарству дошедшимъ, слуги же его, иже ту бяху совокуплени, скоро пришедше дѣлъ ихъ взыскааху испытывающе. Ибо множество милостыня сътворивши: егда вдавши ми укрухъ убогому, овогда же мѣдницу, или воды чяшу, или вина душа моя ради спасения просто, яко сила моя можааше. Радость ми тамо въсприимши, веселящися от них, и внутрь врата небеснаа внидох. Ничтоже бо не возможе нас от правыхъ възбранити.

Врата же небеснаа бяхуть яко обличие крустала свѣтло свѣтящася. И окрестъ ихъ красно, яко от звѣздъ свѣтлыхъ или иного нѣкоего свѣта, яко обличие злата имущи украшена и лѣпотна. Уноши же у вратъ въ златѣ одежди, молниєю препоясани, и нозѣ ихъ украшены огнемъ непостоаннымъ свѣтломъ. И тои веселяшеся и приатъ нас, радуася, якоже избѣже от насъ душа бес пакости горкихъ онѣхъ мытоимствъ тмы въздухъ, боле славляаху Бога. Идущим же намъ внутрь небеса вод множество, иже бяхе надъ твердию, идущи преидохомъ, ибо бысть яко раступающися и бѣжачи от лицъ нашихъ наперед на страны, и назади же совокупляющеся.

Прошедшем же намъ тѣхъ водъ, иже надъ твердию, приидохомъ къ въздуху нѣкому страшному и недоумѣнному. И на томъ покровѣ златѣ блестящеся, страшнаа пространства ефера оногъ въ пространствѣ противящеся. Бяхуть бо на томъ покровѣ уноша нѣкои лѣпотны, имже не бѣ числа, огнемъ облечени, якоже блескъ солнечный, идуще на западъ. И власи ихъ, яко молния, ноги ихъ бѣлы, яко млеко, лица же ихъ яко снѣгъ, и паче сторицею свѣта сладчяе зѣло свѣтящеся. И узрѣвше убо мя въ руцѣ носящихъ мя честныхъ аггелъ Господнихъ, идуще спутѣствовваху, осклабляющеся и веселящеся играаху, радующеся о мнѣ, якоже, рече: “Приимшу ю душу въ чяс на спасение въ царство небесное”. И с нами идяху, поюще пѣние сладкое, занеже идяхом поклонитися огнеобразному престолу Божию. Идущимъ намъ, и облакъ, не яко облакъ поднебесный, но облакъ образомъ, яко цвѣтъ рдящеся,

паче сихъ сторицею свѣтлѣе. На единой странѣ взятыя облакъ, якоже завѣса нѣкоа бѣла, яко свѣтъ, и та премѣнися. И се подалъ дворъ златъ долѣчний ми свѣтятся, многошарный, и в златъ славѣ различными образы сияюща, и сладко веселиа ныня отшедши от тѣхъ. И се въздухъ огнеобразенъ, и благоухание Господне мастно и сладко.

И прешедшимъ намъ мало, узрѣхомъ, и се на высотѣ въздуха бысть бес числа зѣло престолъ Божий, престолъ бѣлъ и многоукрашенъ, сияние блистаа паче и просвѣщаа предѣлы и препитаа вся, иже ту стояти достоини. Окрестъ бо престола Божия златочистыя уноши высочество, яко кипариси, в качество блистание имуще лѣпотно, облечени в багряницу и въ одежду свѣтлу и страшну, ихже слово чловѣчьско изрещи не можетъ. Пришедшимъ убо предъ страшный престолъ онъ, идеже бесчисленное высочество, видящимъ намъ непостоанную славу, въистинну правду, благодать, трисъставно въспѣша пѣние иже со мною идуще к престолу Божию. И иже на престолѣ страшнѣ почивающе от невидимыхъ. Трижды абие поклонихомся Отцу и Сыну и Святому Духу и прославиша Святую Троицу, престоющую выспрь на огнеобразнѣ въздухѣ купно с нами, о спасении моемъ въ славѣ хваления. И се глас лѣпотенъ зѣло и крѣпокъ от высоты, рекущъ ко мнѣ *носящимъ* мя: “Ведше ю около, – рекуще, – иже къ всѣмъ душамъ, на всяком жилищѣ пребывающимъ, святымъ и к преисподнимъ, и потомъ покойте ю, въ нихже заповѣда вамъ угодникъ мой Василие”.

Отшедшимъ же намъ оттудѣ, въ жилища святыхъ идяхом. И се бесчислени, имже не бѣ числа зѣло от солнечныхъ лучъ, от виса¹¹¹¹ и перфиры сианна и лучъ и от инѣхъ многихъ ваповъ красныхъ божественыхъ бесплотныхъ, иже просвѣщаютъ просвѣщениемъ и страшнымъ сианиемъ святыхъ обители рукою Божиею несказанною. Въ нихъже и ти доидоша на поле едемское въ благодуховную пажить, идѣже истекаше вода умнаа, вода животнаа, въ мѣстѣ покойнѣ, въ мѣстѣхъ святыхъ почивалныхъ. Си же вся бываахуть яко полаты прекрасны, жилища и храми, онии же десницею Господнею ухитришася. И другъ друга святыхъ зряще, дивяхуся от страшныа красоты не насытящеся. Поприсну бо бяхуть апостоли, присно же пророцы,

присно же мученицы, присно же святители, присно же преподобнии и праведнии. Когождо ихъ приготова жилище себѣ, иже суть в долготу и в ширину яко царьстии гради,¹¹¹² от нихже она отшла есть и в нихже вселятся. Всеи же убо святии, выходящей от своихъ жилищъ, духомъ умнымъ целовахуть мя, веселящися и радуящися о моем спасении.

И доидохом же до ядръ Авраамовѣхъ, и се исполнь славы нестарѣющая ядро его. Не телеснаа бо ядра его, но мѣсто отлучено есть. Ядро то дивѣно бываше, исполнена воня духовныя, и воню цвѣтною и доброуханною, и ароматы духовными и небесными, и пажитми вышними утѣшена, и възлюблена, и исполнена; ихже благовѣздушно видѣние и доброты, аще исповѣдаю ти, земными словесы съвершити не можемъ. Ту бо платы умныя от свѣтлыхъ лучъ с особными патриархи духовными хитростями состроены от Господа Вседержителя, умножениемъ лучъ и страшными свѣтлостями измечтана и украшена, добраа лѣпотнаа. Въ нихже младенцы христианстии, елико же ихъ есть банею бытийскою, по разрѣшению связаниа плотскаго окрестъ его славою неизреченною ликующе, реку, окрестъ Авраама, Исаака и Якова.¹¹¹³ Ибо и ти ту пребывахуть и со обѣманадесяте из нихъже обѣнадесяте племени Израилеви на столѣхъ дивѣныхъ почивающе. Имже образомъ видиши солнечныя луча свѣтящася, обиати бо сихъ не можеша, тако приравнающихся души святыхъ видимыхъ убо от тѣхъ подобныхъ святыхъ душъ образомъ телеснымъ измѣнение имущи безвещественны, якоже солнечныя луча объяти плотнѣй руцѣ не могуще.

И тако, о чядо, многаа оставивше, прешедше окрестнаа раа и долнѣйшняя и сокровища адова, иже сокруши тамо Господь Богъ нашъ Исусъ Христосъ, възвратившемъ же ся намъ на западъ, идѣже горькия муки и страсть ждуть убогихъ, таковыхъ же, якоже азъ, грѣшнии. Сиа вся показаша ми аггели Господни и рекоша ко мнѣ: “Видиши ли, от великия бѣды избави тя Господь?” Ибо видѣхомъ сокровища темнаа она, въ нихже въ тмахъ и сѣни смертнѣй всяки душа иже от вѣка заключаются, якоже пѣсокъ, иже при краи морьстѣмъ, или паче персти земныхъ. И в забытие иже тамо суть лукавыхъ не могуще свѣта сладкаго видѣти в вѣцѣ

ономъ, ини выну въпиють: “Увы мнѣ!” И бес престани въскликають горцѣ, алчюще разумнѣ и жаждуще питиѧ спасенаго, и обнажены от всякиѧ одежда духовныѧ, и скверными прегрѣшени изыдаеми: “Охъ, ох, увы!” Выну, о чядо, якоже прежде рекохъ, душевное просвѣщение, и не ктому ини плотски въпиють, и нѣсть помилующаго. Егда когда душа мимоходитъ, тамо свѣтъ суще, аггелы Господни просвѣщають она, въ нихже они мимоидут, показающе душа праведныхъ, иже тамо вся да видѣти иматъ, в каки тмы горки уклонихомся. И на десный путь чистѣ повелѣнием Господнимъ възвратившемся и на унышии живот.

И киимъ образомъ преходитъ? Сиа вся преходить в четьредесѧте дний, отнѣлиже отидох от убогаго моего тѣлеси и к сему покою, въ немже мя видиши сущу, не моего, но преподобнаго отца иже въ святыхъ Василиѧ угодника Божиа, иже еще живет в мирѣ ономъ, душа гиблющаѧ зѣло и блудящаѧ и приведетъ Господеви Богу жертвы духовныѧ в воню благоуханиѧ.¹¹¹⁴ Ибо ини многи душа быша здѣ со мною, ихже прежде мене восприят от пути безакониа ихъ и очисти ихъ добрѣ и спасе о Господѣ. Ибо вѣдаю здѣ господина Иоанна духа и оспожю Елении,¹¹¹⁵ подружие его, иже добрѣ послужистѣ ему в мирѣ ономъ, прочихъ душа суть здѣ, от далнихъ временъ не вѣдомо здѣ. Но обаче прииди въкупѣ со мною, и въ внутреняѧ внидемъ, да увѣси, въ нихже пребываю. Ибо господинъ нашъ избрал ны преподобный отецъ в чѧс сей духомъ своимъ здѣ пришедъ».

Нам же пришедшим, и смотрахъ на преподобную. И се вся каплющи божественое масло, и помазана миромъ и нардою¹¹¹⁶ истинною многоцѣнною, и чюждахся дився. Пред мною идяше в бѣлу ризу, яко снѣжну, оболчена и сундарь от виса на главѣ носящу. Внидохом бо яко въ дворъ, и помость того двора златом и камениемъ блестящѧся и украшенъ, и скверности в немъ не бысть отнюдѣ. Посредѣ же златоявленныхъ камней сади процвѣтше всяцыи красни бывааху насаждени, стоаху, неизреченную имуще радость, имже на ня зрѣти хотяще весело. Въздвигшем же ся намъ на вѣстокъ двора того, видѣхъ платы свѣтлы страшно устроено во множество велики высоты

сущѣ. И ещѣ не отшедшимъ намъ оттуду, близъ же тѣхъ полатъ, сирѣчь близъ вѣсходъ ихъ, стоашѣ трапѣза велика, яко лакоть 30, и тако бѣ отъ каменія измарагда, лучя вѣспущающе свѣтлы. Наверхъ ей амигдалный садъ красен, якоже зѣло цвѣтуще, и покрываашѣ выше надъ трапѣзою до конца, и красоты трапѣзы тоа творяашѣ неизреченныя. На трапѣзѣ же велики мисы лежаща позлащены, яко молнія видѣниемъ, каменообразны измарагды, сардонихи¹¹¹⁷ зелени свѣтлыи сущѣ, отъ всякаго каменія, исходящаго изъ раа, зѣло измечтани, приводящѣся въ высоту. Брашна же посреде ихъ лежаща, овощи страшено и ушарении украшени, багрянообразны и млечно видѣниемъ, яко стеблие кринное и червленообразно, другое многоизмѣсны и несказаны бывааху. И цвѣти же убо различни лучшии лежааху на мисахъ, и верху цвѣтъ тѣхъ овощи неизреченнии они лежааще неизглаголаннии умомъ чловѣчьскимъ. Отъ овоща того свою сласть имущи въ себѣ, якоже смѣшающихъ онѣхъ воню въ единение насыщающихъ сласти ихъ кому не восхотѣется.

Бѣ же *святый* блаженный Василий на столѣ чюднѣ на верху трапѣзы, яко господь тѣхъ, *въ славѣ* почиваа. И столъ бѣ зеленъ страшенъ блистаниемъ и своа лучя имущи. Множество же на трапѣзѣ с нимъ свеселяхуся дивнымъ тѣмъ овощемъ и съ всекрасными цвѣты, бяху бо не яко чловѣцы плоти не имущѣ, но яко огненными лучами солнечными кождо ихъ въ льготѣ. Тако и бяху видѣние нечловѣчно по истовому сложению обоюду имуща не увядающа, развѣ мужска полу и женска. Елико же питаахуся на трапѣзѣ оной дивнѣй, наипаче умножаашѣся царьскаа она пища и чюднаа, духовнаа убо сущи и мановениемъ Господнимъ ту съкровена. Ядущи же неизреченныя радости исполняахуся и веселиа прерадованна, и бяху въ веселомъ лицемъ вси другъ къ другу прелетающе, и якоже сладкимъ вѣщаниемъ прекраснѣ бесѣдущѣ. Черпаху же имъ образомъ нѣкимъ червленоогнено видѣниемъ зѣло свѣтло сияюще безвещественыхъ снѣжносѣянными нѣкими чашами. Егда приимашѣ кто отъ тѣхъ чашю испити дивныя она дѣтели, иже отъ видѣнія токмо веселие черплющихъ неизглаголанно, скоро неизреченное наслаждение Святаго Духа вси исполняахуся на многъ чясъ, свѣтяшѣся ему, яко свѣтъ,

сластноносное лице. Ибо служащеи имъ огневидны юноша прекрасны и бѣлилицы, якоже руно, и мышца ихъ, яко млеко, оболчени в червлену ризу, безвещественны, ушарены красно, и ноги ихъ яко снѣгомъ препоясаны, яко от небеснаго лука, якоже тремя ряды превузами различными блещашеся, и наверхъ главы ихъ златыми камени и бисеромъ украшены и всяцѣми стройными вѣнцы.

Пришедши убо пред мною дивнаа она старица, с неюже аз тѣхъ видѣти приидохъ, повѣда о мнѣ блаженному. Он же, яко веселиемъ ослабився, к себѣ приити ми повелѣ. И ктому приближившю ми ся к ней, и общее поклонение сътворшемъ, рекшю ми: «Благослови чядо свое». И тихо вѣщаниемъ честный рече ко мнѣ: «Поздраву ли прииде, чядо? Господь Богъ ущедрит тя, и благословитъ тя, и освятитъ тя, и съблюдетъ тя въ благо, и просвѣтитъ лице свое на тя, и исполнитъ тя от всѣхъ небесныхъ и на земли добраа, и послетъ ти помощь от святаго жилища своего, и от Сиона аггелы и архааггелы крѣпки и пречисты въ оружие въсхищении заступятъ тя». Мнѣ же на лице зрящю помоста оногo, рече къ мнѣ праведный: «Се Феодора, – показавъ мнѣ, – о нейже бес числа моляшется, како уллучи наслѣдие. Видиши ю, како стоитъ предъ лицомъ твоимъ. Ныня убо никакоже не навѣдовой о ней, уже бо ти ю показавъ». Она же, честнаа человѣческаа и помилованнаа от Господа преподобнаго ради, сладкаа видѣния смотряше на мя. «Възвеселишися, чядо, и възрадуешися, – рече, – и благословишися, якоже попечяловалъ еси о мнѣ убозѣй. И Господь Богъ поспѣшилъ ти есть и исполнитъ ти желание молитвы ради господина нашего, отца и пастуха, иже много милости сътвори с нами». Сим тако съвершившемся ту с нами, всѣхъ очи иже на трапезѣ той питающихся с нами с молчаньемъ многимъ бывааху смотряще.

Потомъ рече к ней преподобный: «Иди вкупѣ со мною и покажеша ему иже в раи нашихъ садовъ красоту». Поимши бо мя *та, на десную страну двора того идяховѣ*. И се врата дивна и златомъ создана, и стѣны ограду тому на *высоту* въздвижены. И отворъзъшимся вратомъ, внутрь въ не внидохомъ. Бяшетъ бо въ оградѣ томъ позлащено былие, цвѣтомъ неизреченнымъ украшено, и добротѣ того дивящу ми ся. И воня

благоухания исхождаше от цвѣта того. Вънимахъ бо, како мя показовааше водящий мя. Видѣхъ бесчисленный сад, 70 измѣнений имуще, числа не приимающе, каждо ихъ множащюся плоду безмѣрну, якоже съкрушающемся вѣтвемъ, хотящим единою бо плоди и еже на трапезѣ едоми. Якоже видя разумѣхъ страшныхъ онѣхъ избытки бываахуть. Чюдящую же ми ся о красотѣ садовнѣй и о страшныхъ и дивныхъ плодъ тѣхъ, яко николиже толикихъ чудесъ бѣхъ видѣл.

Рече ко мнѣ водяща мя: «Что симъ чюдишися? Аще поидеши ко оному раю, егоже на востоцѣ Господь насади, болѣ имаша ужаснутися и изумѣтися, яко сей ко оному стѣнь бысть и сонъ». Глаголахъ убо азъ к ней: «Молю ти ся, кто насади раа сего? Никакоже убо азъ видѣхъ сего нигдѣже того раа». Рече она ко мнѣ: «Како бо ты възможе видѣти в суетнѣмъ мирѣ ономъ толику правду, иже рукама Вышняго състроены? Ибо вещи сиа, яже видиши, умна суть, и мы здѣ умомъ преходим. Труди бо и поти божественныхъ подвиговъ преподобнаго отца нашего Василиа, ихже от самоа уности его творяше, тружаашеся, потяся и бдя, на земли легаа и моляся, зной и мразъ трпя въ пустыни и зелие ядый, токмо въ многа лѣта прежде въ град сей¹¹¹⁸ пришествиа его – сего раа приобрѣте. Иже бо что съдѣлаеть в мирѣ ономъ, симъ причастникъ будетъ въ вѣцѣ семъ, трудъ бо плодъ своихъ снѣси.¹¹¹⁹ Якоже многажды слышахъ преподобнаго сего глаголюща». Мнѣ же ктому дивящюся, якоже, рекши ми, умомъ дошедшимъ здѣ. Мняхъ бо тѣлеса суще здѣ, себе искахъ рукою руки осязати, есть ли въ мнѣ кость и плоть. Якоже пламень огненный видя кто и простеръ руку хочетъ яти его и не възможе удрѣжати, тако себе осязаа, размышляхъ чистымъ чювствомъ помышление имущи, иже тамо дивяхся духомъ. Възвратившемся намъ предъ дворъ, трапезу же тѣю обрѣтохомъ, ничегоже у неа. Мняхъ убо целовавъ приснопоминаемую ту отити от нея.

И мнѣвшю ми ся вънутрь бывшую, възбнухъ от сна и в себѣ размыслихъ, что ли ми исповѣда, гдѣ ли бяхъ отшел, что видѣхъ вънутрь двора того, възшедшю ми в дивную ту и паче слова сущю. Въставъ, идохъ к блаженному, чяа, ци ми что исповѣсть о сихъ, истинна ли си видѣние се или неистинна быша. Бывшую же

ми у блаженнаго, по поклонению моему и по повелѣнию иже к нему повелѣ ми сѣсти. Сѣдшю же ми, рече ко мнѣ: «Вѣси ли, гдѣ в сию ночь пребывахом?» Мнѣ же по искушению рекшю: «И гдѣ убо бѣхомъ, господи мой? Всячески на одрѣ моемъ сладцѣ спяхъ». «Единѣмъ токмо и намъ сущимъ вѣдѣ убо, яко тѣломъ единъ спалъ еси на одрѣ, а духомъ индѣ ходилъ еси. И не вѣси ли, колии азъ показахъ в сию ночь? Не Феодоры ли еси видѣлъ? Не ко вратомъ ли мысленаго дому, егоже доиде, и изшедши, приать тя, въ нѣ же въведе тя? Потомъ же и о смерти ея, яко нужда преити есть, чядо, исповѣдала ти есть власть темныхъ иже на въздушѣ, злобу мытарствъ тѣхъ? Не внутрь ли еси с нею вшелъ въ дворъ? Не видѣ ли она чюдныя трапезы и изряднаго строения ея, и каа дѣла ея, и кии овощъ предложения ея, и како ея дивныя цвѣты, и какия уноша иже на трапезѣ духовное служение исполняаху? Не зряше издаlechя стоа дивнѣхъ полатъ? Не ко мнѣ ли на трапезу преиде, егда ти показывахъ, о нейже ти желание бысть увѣдати, кую чясть получила есть? Не мнѣ ли рекшю ей, поимши тя, в рай внити? Како златовѣсходное оно стеблие въ умѣ приимаа ужасашеться, дивяся цвѣтныхъ тѣхъ красот, видѣлъ еси присноцвѣтущихъ садовъ онѣхъ и плодовъ ихъ свѣтлость и неизглаголанную красоту? Не сихъ ли видѣ в сию ночь всѣхъ и оттуду прииде? Како исповѣдаеши, якоже “Ничтоже видѣвшю ми”?»

Яко си мнѣ услышавшу, страхомъ неизреченнымъ обиать, и слезити начяхъ и мочити лице свое, въ умѣ приимаа, како великое се свѣтило бываетъ, якоже той поистиннѣ тамо бысть и, якоже тамо бысть, вся мудрѣ исповѣда. И, отвѣщавъ, рекохъ к блаженному: «Ей, святче Божий, тако быша, якоже изрече. Благодарствование пролью предъ Господемъ моимъ, якоже мя Господь Богъ сподоби познати тя, и быти под кровомъ крилу твоею, и приати толика чюдеса страшна». Блаженный же рече ко мнѣ: «Аще житие свое препроводиши в добродѣтели, о чядо, повелѣниемъ чловѣколюбца и щедролюбиваго Бога нашего примутъ *тя* тамо, да будеши вкупѣ со мною въ бесконечныя вѣки, ибо самъ азъ от чловѣчьскія вещи отхожу. И потомъ, нѣ по колицѣхъ временѣхъ, отшед житиа сего, приидеши ко мнѣ, въспитѣнъ в дѣлѣхъ добрыхъ, якоже ми Господь обѣща.

Вънимаи: Дѡндеже еси в житии семъ, да не увѣсть о сихъ никтоже всѣхъ. Подобаеть бо недостойнаго житиа моего исписавше оставити в житии семъ, и буду ти о семъ поспѣшник». Сиа ми преподобнаго отца нашего, пастуха, и учителя, и владыки явѣ заповѣдавша, слезами обиаѣ быхъ, възлюбленнии мои. И дивяхся духомъ, едва бо инѣмъ бесѣдовааше часто, якоже къ мнѣ недостойному.

Всегда вѣщавааше в притчяхъ бесѣдовааше, всѣмъ страшенъ сый и больша, в гаданиихъ зѣло хитръ сый, и мудръ, и утверженъ. Многажды же бо творяше суетныа ради славы чловѣчьскиа и буйственаа на ся нанося словесы, токмо на сиа прилагаа, а ино ничтоже, якоже бо знамена и чюдеса творяше. И вси вѣдающе его яко единого от апостолъ чтяху. И инии же излиха чюдяхуся о немъ, о чюдесехъ иже творяше, в нихже изволяше простотою ти Иоанна Богословца¹¹²⁰ нарицааху пришедша. Тако бо бѣ възлюбленный отецъ нашъ Василие и свѣтило еже въ святыхъ. Великий отецъ нашъ Василие чюдное житие прошедъ въ святыхъ на земли, весь равенъ аггеломъ, великое прибѣжище напастнымъ абие явися.

Повесть о бесе Зерефере

Подготовка текста, перевод и комментарии А. В. Пигина

«Повесть о бесе Зерефере» – переводное византийское сказание, входившее первоначально в состав Азбучно-Иерусалимского и Сводного патериков. Повесть была очень популярна у древнерусского читателя: она сохранилась в большом числе списков (наиболее ранние датируются XIV в.), проникла в лубочную литературу, была опубликована отдельным изданием типографом Киево-Печерской лавры Памвой Берындой (1626 г.). В основе повести лежит «бродячий» сюжет о «кающемся» бесе, известный по византийской агиографии, «Великому Зерцалу», литературному Синодику и устным народным легендам. Повесть разрабатывает одну из важнейших тем христианской литературы – тему благодатности и всесильности покаяния. Бог прощает покаявшихся «великих грешников» (см., например, «Повесть об Андрее Критском» (ПЛДР, т. 10, с. 270–274)), но возможно ли покаяние и восстановление (апокатастасис) самого беса, олицетворяющего собой всемирное зло? Этот вопрос не раз поднимался в богословской литературе – Ориген и Григорий Нисский решали его положительно, однако на поместном Константинопольском соборе 543 г. Церковь осудила учение об апокатастасисе. В святоотеческой традиции закрепилось мнение: «Чем именно служит для людей смерть, этим для Ангелов служит падение. Ибо после падения для них невозможно покаяние, подобно тому как и для людей оно невозможно после смерти» (Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. СПб., 1894. С. 51). Повесть иллюстрирует эту мысль и в то же время существенно уточняет ее. Покаяние беса не может состояться не потому, что Бог отвергает его, а потому, что бес сам не хочет смириться, «навыкнув бо в гордости своей». Автору повести дорога прежде всего христианская идея свободы выбора между добром и злом, между «тесным» и «широким» путем. Этой свободы и возможности спасения Бог по великому «благоутробию» своему не лишает никого, даже беса.

Повесть была хорошо известна Ф. М. Достоевскому. Она послужила ему одним из источников при написании романов «Бесы» и «Братья Карамазовы» (см. *Лотман Л. М.* Реализм русской литературы 60-х годов XIX века. (Истоки и эстетическое своеобразие). Л., 1974. С. 312–315; *Смирнов И. П.* Древнерусские источники «Бесов» Достоевского // Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979. С. 217–220). В XX в. повесть пересказал А. М. Ремизов (*Ремизов А.* Древняя злоба // Путь. Орган русской религиозной мысли. Париж, 1926. № 2. Январь. С. 187–190).

Текст повести публикуется по списку: Отдел рукописей Научной библиотеки МГУ, 2 Ст. 170, лл. 129–133 об. (XVI в.). Отдельные исправления сделаны по списку: ГИМ, Музейское собр., № 92, лл. 131–134 (XVII в.).

* * *

ПОВЕСТЬ ДУШЕПОЛЕЗНАЯ О БЕСЕ, ПРИШЕДШЕМ НА ПОКАЯНИЕ, К ПОЛЬЗЕ ЖЕЛАЮЩИМ ОТ ВСЕГО СЕРДЦА ПОКАЯТЬСЯ ПЕРЕД БОГОМ

Некий святой старец, великий и прозорливый, победил бесовские искушения и козни их презирал. Но наяву видел он и ангелов, и бесов, как пекутся они о человеческой жизни, стремясь направить ее каждый в свою сторону. Так был велик в добродетелях, что поносил и укорял нечистых духов, часто и бесчестил их, напоминая им их изгнание с небес и будущее мучение в огне. И бесы за это хвалили друг другу того великого старца, говоря: «Никто из нас не смеет отныне приблизиться к нему, потому что достиг он великого бесстрастия, исполнился Святым Духом».

И когда так они рассуждали, один из бесов обратился к другому: «Брат Зерефер, – таково было имя того беса. – Если кто-нибудь из нас покается, примет ли Бог от него покаяние или нет?» Он же ему так отвечал: «Кто же это знает?» И сказал Зерефер: «Хочешь, пойду к тому великому старцу и искушу его в этом?» Тот же сказал: «Иди, но будь осторожен, потому что старец прозорлив и, наверное, раскроет твой обман и не захочет спросить об этом Бога. Однако иди, может быть, получишь желаемое».

Тогда пошел Зерефер к старцу и, приняв человеческий облик, начал плакать пред ним и рыдать. Бог же, желая показать, что ни от одного кающегося не отвращается, но всех обращающихся к нему принимает, не открыл старцу бесовский замысел. И казалось старцу, что человек перед ним, а не бес. Спросил у него старец: «Отчего так горько плачешь, человеке, сокрушая мою душу своими слезами?» Бес же ответил: «Святой отец! Я не человек, а бес. Плачу же от множества беззаконий моих». Старец же сказал: «Что ты хочешь, чтобы я сделал для тебя, брат?» Старец полагал, что от большого смирения назвал себя бесом – не открыл ему Бог истины. И сказал бес: «Святой отец! Ни о чем другом тебя не прошу, только, может быть, помолишь Бога усердно, чтобы открыл тебе, примет ли покаяние от дьявола. Если от него примет, то и от меня примет, потому что мои деяния подобны его». Старец же сказал: «Сделаю то, о чем просишь, чадо. Но сейчас иди домой, а поутру приходи. И скажу тебе, что Бог повелит».

В тот же вечер обратил старец свои преподобные руки к человеколюбцу Богу, чтобы открыл ему, примет ли дьявола, желающего покаяться. И тотчас ангел Господень предстал перед ним, подобно молнии, и сказал ему: «Так говорит Господь Бог твой: “Зачем ты молишь мое владычество о бесе? Это он, обманом искушая, приходил к тебе”». Старец же сказал в ответ: «Почему не открыл мне Господь правды?» И сказал ангел: «Не печалься об этом. Некое чудесное усмотрение заключено в этом к пользе кающихся. Да не впадут грешники во отчаяние, потому что ни от одного приходящего к нему не отвращается преблагый Бог, даже если и сам дьявол придет. Также да явлено будет этим бесовское ожесточение и отчаяние. Когда же придет к тебе, искушая, сначала не обличай его, но скажи ему так: “Да будет тебе известно, что человеколюбец Бог никогда ни от одного приходящего к нему не отвращается, даже и от дьявола. Обещал он и тебя принять, если исполнишь его повеления”. И когда придет к тебе и спросит: “Что повелел он мне?” – скажи ему: “Так говорит Господь Бог: «Знаю, кто ты и откуда пришел, искушая. Ты – древняя злоба. Но древняя злоба новой добродетелью не может быть, потому что сроднилась с

гордостью своей». И разве в силах ты смириться для покаяния и обрести милость? Но не сможешь дать такой ответ в Судный день: «Хотел покаяться, но не принял меня Бог».

Послушай же о том, как тебе совершить покаяние. Так говорит Господь: «Проведи три года на одном месте стоя, обратясь к востоку и громко взывая денно и ночью: “Боже, помилуй меня, древнюю злобу!” – и скажи это 100 раз. И затем снова 100 раз скажи: “Боже, помилуй меня, мерзость запустения!” И в третий раз еще 100 так скажи: “Боже, помилуй меня, мрачное заблуждение!”» И так говори, воздыхая Господу беспрестанно. И, поскольку у тебя нет тела, трудно не будет тебе и не устанешь. Когда же совершишь это со смирением, тогда принят будешь в свой первый чин, причтешься к ангелам Божиим”. Если обещает это исполнить, то прими его к покаянию. Но знаю, что древнее зло новым добром быть не может. Напиши же об этом будущим поколениям, чтобы желающие покаяться не впали в отчаяние. Да послужит это писание для уверения людей, чтобы не теряли надежду на свое спасение». Сказал это ангел старцу и взошел на небо.

Утром же пришел дьявол и начал издалека рыдать и плакать, затем подошел к старцу и поклонился. Старец же сначала не обличил его, но сказал про себя: «Зло явилось, лживый дьявол, древнее зло, ядовитый змей вселукавый». Затем сказал ему: «Да будет тебе известно, что молил я Господа Бога моего, как обещал тебе. И примет от тебя покаяние, если исполнишь то, что заповедует тебе через меня могущественный и всесильный Господь». Бес же спросил: «Что повелел мне Бог совершить?» Старец же сказал в ответ: «Вот что заповедует тебе Бог: проведи стоя на одном месте 3 года, обратись к востоку и взывая денно и ночью: “Боже, помилуй меня, древнюю злобу!” – и скажи это 100 раз. И затем еще 100: “Боже, помилуй меня, мерзость запустения!” И вновь столько же: “Боже, помилуй меня, мрачное заблуждение!” И когда сделаешь это, тогда сопричтешься с ангелами Божиими, как и прежде».

Зерефер же лживый отверг путь покаяния, громко рассмеялся и сказал старцу: «О калугер! Если бы я хотел

назвать себя древней злобой, и мерзостью запустения, и мрачным заблуждением, то кто-нибудь из нас прежде это уже сделал бы и спасся. Ныне же не будет того, и кто назовет меня древней злобой? Я даже и доныне дивен и славен, и все в страхе повинуются мне. И я сам себя назову мерзостью запустения и мрачным заблуждением? Никогда, калугер, нет! Я даже и доныне повелеваю грешниками. И сейчас так унижу себя? Никогда, калугер, не бывать тому, чтобы я себя такому бесчестию подверг». Сказал это дьявол и тотчас стал невидим. Старец же, встав на молитву, поблагодарил Бога, говоря: «Истинно сказал, Господи, что древнее зло новым добром быть не может».

Побудили же мы себя, братья, рассказать об этом только для того, чтобы познали вы Божие милосердие. Если Бог дьявола принимает покаявшегося, то тем более людей принимает, за которых и кровь свою пролил. Если грешен, покайся. Если же не покаешься, то горше бесов будешь мучиться в геенне огненной: не потому, что согрешил, – никого нет без греха, все согрешили – но потому, что не захотел покаяться и умолить Судию прежде кончины своей. Каждого ведь из нас настигает смерть и посылает на тот свет. Если умрешь без покаяния, служа дьяволу многообразными и различными грехами, то с дьяволом и будешь осужден в вечный огонь, уготованный для дьявола и бесов. Если же прежде кончины отворишься от греха и Господу угодишь покаянием и исповедью, о скольких благ по кончине сподобишься! И приведен будешь светлыми ангелами в райское блаженство, где неизреченная красота и вечная радость с Безначальным его Отцом и с Пресвятым и Благим и Животворящим Духом, и ныне и присно и вовеки.

* * *

ПОВЕСТЬ ДУШЕПОЛЕЗНА О ПРИШЕДШЕМ БЪСЕ НА ПОКАЯНИЕ К ПОЛЗЪ ИЖЕ ОТ ВСЕГО СЕРДЦА ХОТЯЩИМЪ ПОКАЯТИСЯ К БОГУ

Бѣ нѣкий от святыхъ старецъ,¹¹²¹ великъ и прозорливъ, превшед бѣсовская искушения, ктому ни во что же коварства их вмѣняше. Но бѣ зря чювствене и аггелы, и бѣсы, како пекутся о

человѣчестей жизни, кождо ихъ подвижающесе обращати ихъ ко своей части. Сице же великъ бѣ в добродѣтелях, яко досажати и ругатися ему нечистымъ духомъ, множицею оскорбляти ихъ, и воспоминая тѣмъ еже от небесъ извержение и будущее во огни мучение. Тѣм же бѣси другъ ко другу хваляху старца оного великаго, глаголюще, яко «Никтоже нас смѣетъ отнынѣ приблизитися к нему, зане преити ему в великое оно безстрастие, обожився Святымъ Духомъ».

И яко убо сице сим бывшим, единъ от бѣсовъ глагола ко другому: «Брате Зереферъ, – се бо бѣ имя бѣсу тому. – Аще убо покается кто от нас, примет ли его Богъ в покаяние или ни?» Онъ же к нему отвѣща сице: «То кто се вѣсть?» Зереферъ же рече: «Хощеши ли, иду к великому оному старцу искушу его о семъ?» Он же рече: «Иди, но блюди, понеже старецъ прозорливъ есть, еда како уразумѣет твое лукавство, не восхощетъ воспросити о семъ Бога. Обаче иди, еда како желаемое получиши».

Тогда шед Зереферъ ко старцу и, преобразивъ себе въ челоуѣка, начатъ плакати пред нимъ и рыдати. Богъ же, хотя показати, яко ни единого же отвращается хотящаго покаяться, но всѣхъ приемлетъ притекающих к нему, не прояви старцу совѣтъ бѣсовъскій. Но яко челоуѣка сего зряше, а не яко бѣса. Глагола к нему старецъ: «Что тако рыдая плачещи, челоуѣче, сокрушая мою душу своими слезами?» Бѣс же рече: «Азъ, отче святой, нѣсмь челоуѣкъ, но бѣс. Якоже множества ради беззаконий моих плачюся». Старецъ же рече: «Что хощеши, да сотворю тебѣ, брате?» Мнѣвъ бо старецъ, яко от многоаго смирения себе бѣса нарекъ – Богу не объявившу ему бываемаго. И глагола бѣсъ: «Не о иномъ чесом молю тя, отче святой, развѣ еда молиши Бога прилѣжно, яко да объявит ти, аще приметъ диявола в покаяние. Да аще оноаго приметъ, то и мене приметъ, подобна тому дѣла сотворша». Старецъ же рече: «Якоже хощеши, сотворю, чадо. Обаче иди в дом свой днесъ и заутра прииди. И реку ти, что о семъ повелит Богъ».

В вечеръ же той въздѣвъ старецъ преподобнѣи свои руцѣ къ челоуѣколюбцу Богу показати ему, аще приметъ диявола, обращающася в покаяние. И абие аггелъ Господень предста

ему, яко молнии, и рече к нему: «Сиче глаголетъ Господь Богъ твой: “Что молиши о бѣсѣ мою дръжаву? Той бо, лукавствомъ искушая, тебе прииде”». Старець же отвѣщавъ рече: «Како не яви мнѣ Господь?» И рече аггелъ: «Да не смутишися о вещи сей. Смотрение нѣкое се бываетъ дивно к ползѣ исполняющимъ. Яко да не отчаются согрѣшающии, яко ни единого отвращается преблагый Богъ приходяща к нему, аще и сам дияволъ приидеть. Подобне же яко да явится симъ образомъ и бѣсовское жесточество *и отчаяние*. Егда же убо приидеть к тебѣ, искушая, да не соблазниши его исперва, но рци ему сиче: “Да вѣси, яко человекѡлюбець Богъ николиже никогоже не отвращается приходящаго к нему, аще и дияволъ будетъ. И се обѣщася и тебе прияти, но аще сохраниши повелѣния от него”. И егда приидеть к тебѣ и речет: “Что есть повелѣнное мнѣ от него?” – и рцы к нему: “Сиче глаголетъ Господь Богъ: «Вѣдаю тя, кто еси и откуда прииде, искушая. Ты бо еси древняя злоба. Но древняя злоба нова добродѣтель не можетъ быти, навывнув бо в гордости своей». И како возможеши смирится в покаяние и обрѣсти милость? Но не имаши бо сего отвѣта извѣщати в день Судный, яко «Хотѣхъ покаяться, и не прият мя Богъ»».

Смотри же глаголемых, како хочещи покаяние начати. Сиче глаголетъ Господь: «Да совершиши три лѣта на едином мѣсте стоя, обращъшися къ востоку, нощию и днемъ взывая велиим гласом: “Боже, помилуй мя, древнюю злобу!” – глаголя сего числом 100. И паки другое 100 глаголя: “Боже, помилуй мя, мерзость запустѣнія!”¹¹²² И паки третье 100 такоже глаголя: “Боже, помилуй мя, помраченную прелесть!”» И сия глаголи въздыхая ко Господу беспрестанно. Ибо ты не имаши телеснаго сосуда, яко да трудно не будетъ тебѣ и не изнеможеши. *Егда же совершиши сия со смиреномудрием, тогда приять будещи в первый той чинъ, причтешися со аггелы Божиими.* Да аще убо обѣщается сиче сотворити, приими убо его в покаяние. Но вѣмъ, яко древнее зло ново добро быти не можетъ. Напиши же сия послѣдним родомъ, яко да не отчаваются хотящеи покаяться. Зѣло убо увѣряются от сея главизны человекѣ не

отчаятися удобъ своего спасения». Сия изрекъ аггелъ ко старцу и взыде на небо.

Утру же бывшу, прииде дияволъ и нача издалеча рыдати и плакати, къ старцу же пришедъ и поклонися. Старець же исперва не обличи его, но во умѣ своем глаголаше: «Злѣ прииде, лживый дияволе, древнее зло, ядовитый змию вселукавый». Таче глагола к нему: «Да вѣси, яко молихъ Господа Бога моего, еже общах ти. И приемлет тебе в покаяние, аще приимеши, яже мною заповѣдает ти державный и всесильный Господь». Бѣс же рече: «Что суть еже повелѣ Богъ сотворити ми?» Старець же отвѣщав рече: «Заповѣдает тебѣ Богъ сице: яко да стоиши на едином мѣсте 3 лѣта, обращъшися къ востоку, вzywая день и нощъ: “Боже, помилуй мя, древнюю злобу!” – глаголя сие числом 100. И паки другое 100: “Боже, помилуй мя, запустѣнія мерзость!” И паки то же числом: “Боже, помилуй мя, помраченную прелесть!” И егда сия сотвориши, тогда съпричтешися со аггелы Божиими, якоже и преже».

Зереферъ же лестный онъ покаяния образъ отвергъ, велми возсмѣявся и глагола ко старцу: «О калугере!¹¹²³ Аще бы азъ хотѣлъ нареци себе древнюю злобу, и мерзость запустѣнія, и помраченную прелесть, прежний от нас кто се хотех сотворити и спастися. И нынѣ древняя злоба азъ не буди то, и кто се глаголетъ? Азъ даждь донынѣ дивенъ и славенъ бѣх, и вси боящеся повинуются мнѣ. И аз самъ себе нареку мерзости запустѣние и помраченную прелесть? Никакоже, калугере, ни же! Дажь донынѣ обладовахъ грѣшными. И нынѣ паки сотворю себе непотребна? Никако, калугере, не буди то тако в таковое бесчестие себе вложу». Сия рекъ дияволъ и абие невидимъ бысть. Старець же, възставъ, благодаряше Бога, глаголя: «Воистинну глаголалъ еси, Господи, яко древнее зло ново добро быти не можетъ».

Сия же, братие, просто понудихомся на среду привести, яко да навикнете Владычнее благоутробие. Яко да аще диявола приемлетъ покаявшася, то колми паче чловѣкы, за нихже кровь свою пролия. Грѣшен ли еси, покаяся. Аще ли ни, то горши бѣсовъ хоцещи мученъ быти в геенѣ огненѣй: не яко согрѣши – никтоже бо без грѣха, вси согрѣшихомъ – но понеже

не восхотѣ покаяться и умолити Судию прежде кончины своея. Якоже бо обрящетъ смерть кождо нас сице и посылаетъ его тамо. Аще умреши без покаяния, работая дияволу многообразными и различными грѣхи, со дияволомъ осудишися в вѣчномъ огни, уготованнѣ дияволу и аггеломъ его.¹¹²⁴ Аще ли прежде кончины отбѣгъ грѣха, Господеви угодиши покаяниемъ и исповѣданиемъ, о коликыхъ благъ по конъчинѣ сподобишися! И блаженству свѣтлыми аггелы вводимъ, идѣже красота неизреченная и присносущное радование съ Безначалнымъ его Отцемъ и с Пресвятымъ и Благимъ и Животворящимъ Духомъ, и нынѣ и присно и въ вѣки.

Повесть о видении Антония Галичанина

Подготовка текста, перевод и комментарии А. В. Пигина

Повесть была создана в 1520-е гг. в Иосифо-Волоколамском монастыре. В рукописной традиции она бытовала и как самостоятельное произведение, и как посмертное чудо Павла Обнорского, входившее в состав жития этого святого (исследование повести и издание всех ее редакций см.: *Пигин А. В. Литературная история Повести о видении Антония Галичанина* // ТОДРЛ. СПб., 2000. Т. 52. С. 225–292).

Повесть принадлежит к очень популярному в средневековую эпоху жанру видения потустороннего мира. «Страхи и надежды, порожденные ожиданием перехода в мир иной, неотступно преследовали средневекового человека, и он не мог не составить себе каких-то идей об устройстве его. ... Обычной формой описания загробного мира в средние века был рассказ о человеке, который чудесным образом оказывался в запредельных краях, после чего возвращался к жизни и открывал окружающим виденное им “там”» (Гуревич А. Я. Западноевропейские видения потустороннего мира и «реализм» Средних веков // Тр. по знаковым системам. Тарту, 1977. Вып. 8. С. 4).

В древнерусской литературе жанр видения был представлен апокрифами, многочисленными повестями из патериков, Пролога, «Великого Зерцала» и т. д. Особую известность в Древней Руси приобрело откровение «мниха» Григория о загробной участи преподобной Феодоры Цареградской из византийского Жития Василия Нового (X в.). Некоторые мотивы повести об Антонии Галичанине находят близкую аналогию в тексте Жития Василия Нового. Так, бесы, явившиеся к Антонию с различными орудиями и смертной чашей, напоминают облик Смерти из этого памятника (ср. также с Житием Андрея Цареградского (БЛДР. Т. 2). Очень подробно в Житии Василия Нового описываются и загробные мытарства, которые привели Антония Галичанина в «страх и трепет» («Всѣ

есмы мытарства видѣль страшныя...»). Мотив «суда совести» (грехи Антония предстают перед ним в виде неких кругов) разработан в ряде других переводных памятников эсхатологического содержания – в видениях Макария, апостола Павла и др. (см.: *Батюшков Ф.* Спор души с телом в памятниках средневековой литературы. СПб., 1891). Своей «живописностью», «наглядностью» греховные круги Антония близки книжной миниатюре древнерусских «цветников» и синодиков. По древнерусским представлениям, этот «загробный кинематограф» (В. И. Иванов) ожидает человека и в час расставания его души с телом, и на Страшном Суде, и в аду. «Видѣти будетъ пред собою мучимый вся грѣхи, иже сотвори, якоже на стѣнѣ написана, да вящшую скорбь имать от размышления сего мучитися» (Агапий Критянин. «Грешных спасение» (БАН, 31.6.38, XVII в., л. 186 об.)).

В отличие от многих других средневековых видений в повести об Антонии загробное устройство подробно не изображается. Содержание этого памятника ограничивается тем, что в других видениях служит лишь преддверием к потрясающим воображение эсхатологическим картинам. Антоний предпочитает умолчать о загробной космологии. Его помыслы сосредоточены на собственных переживаниях и физической боли, на воспоминаниях детства, на своей беспокойной совести. Рассказ Антония – это предсмертная исповедь. Она предельно откровенна, порой даже натуралистична, глубоко эмоциональна, изложена простым безыскусным языком. В повести угадывается зарождение тех стилистических черт, которые получают полное художественное развитие в автобиографическом повествовании XVII в. (Житие протопопа Аввакума и др.).

Поскольку в первоначальной редакции повести имя персонажа не названо, текст памятника публикуется в его второй, тоже ранней (1520-е гг.), волоколамской редакции по списку первой половины XVI в. из сборника Фотия, инок Волоколамского монастыря: *РГБ, Волоколамское собр., № 491, лл. 160–162 об.*

* * *

ПОВЕСТЬ СТРАШНАЯ И ВЕСЬМА ПОЛЕЗНАЯ

7034 (1526) года месяца июля, на память святого отца Андрея, преставился старец Антоний Галичанин в Павловой пустыни. А лежал он в недуге долгое время и перед смертью видение видел.

Пришли демоны и говорили ему издалека, саженой за десять и дальше. Один стоял, с дерево высотой, и подперся великой палицей, а другой стоял и кричал, как свинья. А иные подошли к нему, говоря между собой, показывая друг другу свои орудия. Один говорил, показывая удицы, а иной – клещи, а иной – небольшие пилы, а иной – рожны, а иной – шила, а иной – бритвы. А один из них говорит: «Распорем его да опять сошьем его». А иной держит чашу в руке. А иной стоит и понуждает того, кто держит чашу, веля ему: «Дай ему испить, пусть отведаст, сладко ли ему будет!» А еще один держит огромную пилу и говорит: «Распилим его поперек!» А на бедре у каждого: у кого – брус, а у кого – оселок. И, усевшись, каждый точил свою снасть. А один двумя руками держит свое орудие и бряцает им, и другие лишь бренчат и гремят своими орудиями. А один подскочил с бритвой да с задков обеих рук вдруг мясо срезал. А иной держит большую медную доску и говорит: «Сейчас брошу на него это, и он умрет». Да многое невозможно сразу рассказать.

Потом пришла на них некая сила, будто задрожало то место, будто великий сильный вихрь или грозная буря налетели, и по всему воздуху, как хмель, их развеяло. Одного несет вверх ногами и вниз головой, а другого – поперек, а иного – непонятно как. Да всех разогнало по воздуху без вести, и исчезли они, и мечтания их погибли, и ничего не стало.

Тот же брат Антоний поведал мне на другой день со слезами: «Оказался я в каком-то незнакомом месте, видел там будто некую улицу и на ней множество людей мечущихся. И все ходят, тужат и горюют, говоря: “Ох, ох! Горе, горе!” Мне же казалось, что я над ними не то хожу, не то летаю, будто некая невидимая сила носила меня по воздуху, будто я летал на высоте человека от земли, будто на полотне меня носили. И видел я перед собой мои грехи, от самой юности, в виде кругов

или досок, которые никто не держал. Каждый грех изображен, но написан не книжными словами, а как на иконах, но не красками написано, а дегтем, только прозрачно и разумно. Как посмотришь, так и вспомнишь и год, и месяц, и неделю, и день тот, и час, когда какой грех сотворен, – все это явлено. Когда мне было всего пять лет, мать моя спала, и я ее сквозь подол трогал за срамное место – это так и написано. Да замахивался на мать свою батогом – так и есть: она сидит, а я как замахнулся – так и написано, и батог тут же. Да в чернечестве шутя руку положил на женщину – так и написано: мы с ней сидим, и рука моя на ней лежит. Или завтракал или пил до обеда, или бранился с кем, или кого ударил, или кого осудил, или на кого гнев держал, или кого обидел во гневе – все так и написано, день и час.

Круг же гнева велик стоит, такой мрачный, мглистый и темный, что никак такая тьма не может быть на сем свете. И такая горесть в нем, что сказать не могу, не живет такая горесть на сем свете. Да мороз, великий и студеный, – не бывает такого мороза на сем свете. Мне казалось, что у меня ноги по лодыжки отмерзли да и отпали, а мысли истрепаны, словно онучи или лохмотья одежды. А больше не скажу тебе, и ты меня не спрашивай, потому что сказать не могу я – очень страшно и грозно».

Я же попросил его, чтоб и остальное рассказал. Он же ответил мне последнее слово: «Что меня спрашиваешь? Все страшные мытарства видел я, но невозможно мне о них рассказать, потому что страх и трепет охватывают меня. Нет этого страха страшнее и злее, и никому не избыть этого страха. Да Бога ради, господине, оставь меня ныне, да не спрашивай, и не ходи ко мне. Прости же меня, господине, и благослови, а тебя Бог простит, ибо не увидимся уже с тобой на этом свете».

* * *

ПОВѢСТЬ СТРАШНА И ЗЪЛО ПОЛЕЗНА

Лѣта 7034 мѣсяца июля, на память святаго отца Андрѣя,¹¹²⁵
преставися старецъ Антоние Галичанинъ в Павловъ пустыни.¹¹²⁶
А лежалъ в недузѣ долго время и предъ смертию видѣние видѣ.

Приидоша дѣмони и глаголюще к нему издалеча, яко саженой за десять и дале. Инѣ стояше, яко древо высота его, и подперся палицею великою, а инѣ стояше и кричаше, аки свинья. А инии приидоша близѣ его, глаголюще межу собою, показующе друг другу оружие свое. Инѣ глаголаше, казаше удицы, а инѣ – клещи, а инѣ – пилы малыя, а инѣ – рожны, а инѣ – шила, а инѣ – бритвы. А инѣ глаголетъ: «Распорем его да опять сошьем его». А инѣ чашу держит в руцѣ. А инѣ стоячи понужает держащаго чашу, веля ему, глаголя: «Дай же ему пити, во-се покушает, сладко ему будет!» А инѣ держит пилу великую и глаголетъ: «Претерти его поперекъ!» А на бедрѣ у коегождо их у иного – брусъ, а у иного – осла. И сѣдши и остряше каждо свою снасть. А инѣ во обоих руках держит свою снасть да бряцаеть ею, а иныя толко брячат и грѣмятъ своею снастиею. А инѣ прискоча з бритвою да обоих рукъ въдруг задкы срѣзалъ с мясом. А инѣ держа дѣску велику мѣдяную и глаголетъ: «Во-се накинута на него, и он умрет». Да много того сказати немочно всего въдругъ.

Таже прииде на них нѣкая сила, якоже подражати мѣсту тому, яко великъ вихорѣ силный или грозная буря на хмелевое перие, и по всему воздуху развѣев ихъ. Иного несет вверхъ ногами, а внизѣ головою, а иного – поперекъ, а иного – кое-какъ. Да всѣх разомчало по воздуху без вѣсти, и исчезоша, и мечтание их погибе, и ничтоже бысть.

Той же брат Антоние повѣда ми въ другой день, глаголя со слезами, яко «На нѣкоемъ мѣстѣ обрѣтохся незнаемъ и видѣ тамо яко нѣкую улицу и в ней множество человекъ ришущих. И вси ходяще тужат и горюють, и глаголють: “Ох, ох! Горе, горе!” Азъ же мнѣхся поверху ихъ ни се хожу, ни се лѣтаю, яко невидимая сила ношаше мя по воздуху, яко съ человека высотой от земля лѣтати ми, яко на полотнѣх носиму. И видѣх пред собою грѣхы моя от юности моя, никымже держимы, яко круги или аки доски. Всякъ грѣх воображенъ, написана не книжными словесы, но яко на иконах, а не красными писано, но дегтем, но толико прозрачно и разумно. Какъ возришь, так и спомнишь лѣто, и мѣсяцъ, и недѣлю, и день той, и час, коли который грѣх сотворенъ, – все то объявлено. Еще ми сущу пяти

лѣтъ, мати моя спаше, и азъ у нее сквозѣ подолъ за срамное то мѣсто осязалъ – ино так и написано. Да замахивался есми на мать свою батогом – ино так: она сѣдит, а яз какъ замахнулся – ино тако есть и написано, и батог-от тутю же. Да в чернечествѣ есми шутя руку положилъ на женьщину – ино тако и написано: язъ да она сѣдит, и рука моя на ней лежит. Или завтракалъ или пил до обѣда, или бранился с кѣм, или кого ударил, или кого осудил, или на кого гнѣвъ держал, или на кого воздохнулъ со гнѣвом – то все так и написано, день и час.

Ино о том гнѣвъ круг великъ стоитъ, мраченъ, и мѣглянъ, и темень – таковъ, что немочно на сем свѣте таковой тмѣ быти никакоже. Ино такова в нем горестъ, еже сказати ми немочно, а не живет такова горестъ на сем свѣтѣ. Да мразъ великъ зѣло и студень – не бывает таковаго мраза на сем свѣтѣ никакоже. Азъ же мнѣхъ, что у мене ноги по лодыжки отзябли да и отпали, а мысли измѣтаны, якоже онучи или яко издирки портяныя. А иного ти не скажу, а ты мене не спрашивай, а сказати ми немочно – велми страшно и грозно».

Азъ же въспросих его, чтобы ми и то сказалъ. Он же отвѣща ми послѣднее слово: «Что мя вопрошаеши? Всѣ есмь мытарства видѣлъ страшныя, да немочно ми их сказати, страх убо и трепеть обдержит мя. Нѣсть бо сего страха страшнѣе и злѣе, а не избыти того страха никомуже. Да Бога ради, господине, остави мя нынѣ, да не спрашивай, да и не ходи ко мнѣ. Прости же мя, господине, и благослови, а тебе Богъ простит, уже бо ся не имам с тобою ктому видѣти на сем свѣтѣ».

Примечания

¹ - ...создавши собѣ храмъ... седмъ утвердивша столпъ. – Ср. Притч. 9, 1: «Премудрость созда себе храм, и утверди столп седмъ».

² - ...Таркинию-царю. – Историческая традиция относит правление последнего римского царя с именем Тарквиний к VI в. до н. э. В «Сербской Александрии» Тарквиний упоминается еще один раз.

³ - ...Иеремѣю пророку... – Временем деятельности библейского пророка Иеремии считается также VI в. до н. э.

⁴ - ...Криксу сыну, Дарию... – Дарию, сыну Кира. Современником и противником Александра Македонского в войне был Дарий III, не сын Кира, основателя персидского царства (VI в. до н. э.), а лишь один из его далеких преемников.

⁵ - ...Нектанав... – В истории Египта было два царя с именем Нектанеб. Нектанеб II (IV в. до н. э.) вынужден был из-за нашествия персов бежать из своего царства. Во всех рецензиях (версиях) сочинения Псевдокаллистрата (α, β, γ, ε, λ и др.) египетский царь Нектанав назван отцом Александра; однако нет оснований сомневаться в том, что отцом исторического Александра был Филипп.

⁶ - ...Ридийскимъ странамъ... – Придийским, т. е. фригийским. Фригия – название, отмечавшее в древности не всегда одну и ту же область в Малой Азии.

⁷ - ...«избранне муж». – По-гречески «Александр» значит «защитник мужей».

⁸ - ...перси, ивери, арапи, кияне и ефиопи, еглаги... – Среди них легко отождествляются с историческими народами лишь персы, иверы (грузины), арабы и эфиопы.

⁹ - ...египецкии краишницы... Верверехъ... – Правитель соседней с Египтом области (Берберии). «Краиштник» значит «соседний», «пограничный». Имя «Верверех» происходит от названия области и племени берберов.

¹⁰ - ...леканомандию... – Леканомантия – разновидность гадания на воде, от греч. λεκάν (блюдо, миска) и μαντεία (предсказание).

¹¹ - ...в Филипус, е Македонъский градъ... – В греческом тексте город назван «Филиппы». В «Сербской Александрии» под Филиппусом имеется в виду главный город Македонии, т. е. столица Пелла. А. Н. Веселовский сообщает, что в «Греческой народной книге» (сочинении, близком к «Сербской Александрии») здесь также назван город Филиппы, но добавлено: «называемый в древности Пелла».

¹² - ...врач... – Это и врач в современном смысле, и предсказатель.

¹³ - ...Пасидону... – Возможно, это Посейдон, как предположил А. Н. Веселовский, одно из имен ливийского Амона; о культе Посейдона в Ливии сообщает Геродот (кн. II, 50): «Ведь первоначально ни один народ не знал имени Посейдона, кроме ливийцев, которые издревле почитали этого бога».

¹⁴ - ...Амона, и Пинеса, и Неркулия... – Из этих имен ясным является только первое; третье – испорч. «Геракла»; во втором А. Н. Веселовский предполагал Диониса. Амон – верховный бог Древнего Египта в период фиванских династий Среднего и Нового Царства (конец III – конец II тысячелетий до н. э.). Древнейший культ Амона был в Фивах в Верхнем Египте. Одно из изображений Амона – в виде барана или человека с бараньей головой. В период последних туземных династий и в эллинистическом Египте особенно знаменит был его храм и оракул в оазисе Аммонии (в ливийской пустыне, недалеко от Мемфиса), о посещении которого Александром Великим сообщают древние историки. Греки отождествляли Амона с Зевсом, существовали его храмы и алтари у лакедемонян, в Олимпии, в греческих Фивах и др.

¹⁵ - Аспид – ядовитая змея, сказочный змей.

¹⁶ - ...Дафенеону Аполону... – Вероятно, имеется в виду оракул Аполлона в Дельфах.

¹⁷ - Целюш – Ахилл, сын царя мирмидонян Пелея и nereиды Фетиды, герой «Илиады» Гомера.

¹⁸ - Омир – Гомер.

¹⁹ - «Органъ великий». – Возможно, имеется в виду «Органон», сочинения Аристотеля.

²⁰ - Птоломѣй – Птолемей I Сотер, основатель династий Птолемеев в Египте (IV–III вв. до н. э.).

²¹ - ...во грить... – В сербских рукописях «въ съньгрите» или «у двор»; возможно, что это испорч. «в синклите» (в собрании). В греческих текстах не сказано, где происходит битва юношей.

²² - Завес Акинтос – Зевс-гиацинт (камень гиацинт изображал в астрологиях планету Юпитер).

²³ - Кронос – планета Сатурн.

²⁴ - Фровити – искаж. Афродита (планета Венера).

²⁵ - Ерьрасия – в одно слово объединены названия планет Меркурия (Ермис) и Марса (Арис).

²⁶ - Волюя же глава... – Судя по русским лицевым, т. е. иллюстрированным, «Александриям» это место понимали так, что на правом бедре коня было изображение головы быка.

²⁷ - Локоть – мера длины, около полуметра.

²⁸ - ...Раклия витязя... – Геракла.

²⁹ - ...Во Алимпиятцких странахъ... – В Греции.

³⁰ - ...близъ сущи Дафенеона и Аполлона... – Из текста непонятно, какие именно игры имеются здесь в виду. В греческих текстах сказано, что Александр идет на игры, чтобы «поклониться» эллинскому богу Аполлону, но вряд ли это означает, что Александр участвовал в дельфийских (пифийских) играх. В ранних рецензиях Псевдокаллисфена Александр участвует в олимпийских играх в честь Зевса, в «Сербской Александрии» бог эллинов всегда называется Аполлоном.

³¹ - ...неглиторьскими витезми... – витязями из Англии (ἄπὸ τῆν Ἑγγλητέραν).

³² - ...Фруние... – Испорч. «Урание» («небесный»); этот же философ упоминается дальше, в афинском эпизоде.

³³ - ...кумане. – Другое название этого народа – «половцы».

³⁴ - ...Анаксархоносъ никто, пелапоньский царь... – В сербских текстах он назван «пелагонский», или «пелагонитьски», царь – пелопоннесский (?) царь.

³⁵ - ...к Филипу... – В город Филиппы, или Филипуст.

³⁶ - ...Филон... – В соответствии с исторической традицией Филона среди соратников Александра не было. Его также нет и в ранних рецензиях Псевдокаллисфена; в рецензии ε Филон есть.

³⁷ - Селевкуш – основатель династии Селевкидов в Передней Азии, Селевк I, Никатор, сын македонянина Антиоха; участвовал в походе Александра в Азию.

³⁸ - ...Антиох... – В числе сподвижников Александра Великого у древних историков не упоминается. Имя Антиох встречается у Селевкидов, например Антиох I Сотер, сын Селевка I Никатора.

³⁹ - Андигон – основатель эллинистической династии Антигонидов Антигон I, был участником походов Александра, сатрапом Великой Фригии (в Малой Азии).

⁴⁰ - Щитари – мастера, изготавливающие щиты.

⁴¹ - Диоген... – Диоген, кинический философ, был современником Александра; рассказ о их встрече есть у Плутарха.

⁴² - ...тракиньстии, и мореистии, и далматиистии, и полуцы, и гостиницы, и тривалийстии... – Из этих имен первые три называют известные нам земли – Фракию, Морею, Далмацию; «тривалийстии» – имеется в виду народ трибаллов во Фракии, который был побежден македонским царем Филиппом, а затем Александром Великим. «Гостиницы» – испорч. «готские».

⁴³ - ...Сивилии царицы. – Сивиллы – древние пророчицы. Вряд ли имеется в виду какая-либо из сивилл, например сивилла, пришедшая в Рим во времена Тарквиния. Ср. имеющуюся в поздних русских списках «Повесть о Сивильском царстве»: где-то за рекой Нилом есть гора, в которой находится царство девиц «нескверных и бессмертных» и царствует у них царица Сивилла.

⁴⁴ - ...андрамана... – Испорч. «адаманта», алмаза.

⁴⁵ - ...Елгаменеуша... – Агамемнон, микенский царь, брат Менелая; предводитель греческого войска в походе против Трои.

⁴⁶ - ...копие ланпандилово... – Копье из слоновой кости.

⁴⁷ - ...Якша Теломоника... – Аякса Теламонида, одного из героев Троянской войны.

⁴⁸ - Таркнен. – Вероятно, это римский царь Тарквиний (см. коммент. выше).

⁴⁹ - ...пророка Данила... – Книга пророка Даниила содержит историю его жизни и бывшие Даниилу видения о судьбе Иудеи и языческих царств. В «Сербской Александрии» используется видение ему овна и козла, символов царств мидо-персидского и греческого: козел вступает в единоборство с овном и побеждает его.

⁵⁰ - ...Византа же и иные витязи остави далече от града Ликия. – Эта фраза противоречит дальнейшему рассказу, где Визант основывает Византию; в других текстах «Сербской Александрии» он, подобно Антиоху и Селевку, назначается главой над тремя тысячами кораблей. Визант – согласно преданию, сын Посейдона, глава переселенцев из Милета, основавших в 658 г. до н. э. г. Византий. Никифор Григора (XIII–XIV вв.) упоминает в своей «Ромейской истории» о столпе у восточного акрополя в Константинополе, на котором «раньше стояла статуя Византа, основателя Византии».

⁵¹ - ...Ликеи... – Один из городов с названием «Селевкия» находился в Киликии, области Малой Азии.

⁵² - ...Триньского моря... – Фракийского моря.

⁵³ - ...онтиопских... – Испорч. «эфиопских».

⁵⁴ - ...О семь Александръ здумавъ рече... – В данном списке пропущен текст, в котором говорится о намерении воинов Александра строить города.

⁵⁵ - ...Апридийской... – Фригийской.

⁵⁶ - ...акедоньского...–Лакедемонского.

⁵⁷ - Мелеуш – Менелай, спартанский царь.

⁵⁸ - ...Приялъмужа... – Приама, троянского царя; он же назван затем Приемушем.

⁵⁹ - Вариж – Парис.

⁶⁰ - ...Целеша краля, сына короля Прелеша... – Ахилла, сына Пелея.

⁶¹ - ...от камени андракса... – Драгоценный камень красного цвета. В средневековом сочинении Епифания Кипрского о двенадцати камнях сказано, что камень анфракс рождается в Африке; находят его ночью по свету, так как он светится как свеча и блеск его ничем невозможно скрыть.

⁶² - ...Менеры... – Минервы (Афины); по-видимому, имеется в виду троянский палладий (древнее деревянное изображение Афины). В сербских списках в этом месте более понятный текст: «Вынесли ему изображение госпожи Минервы, глядя на которую дочь троянского короля, госпожа Кассандра, предсказала все, что случилось с Троей».

⁶³ - ...Апелонъ трогоделский... – Аполлон дельфийский.

⁶⁴ - ...Алекидушъ. – Имя, образовавшееся из двух – Александра и Дивуша (Деифоба?). В «Сербской Александрии» рассказ о смерти Ахилла соответствует византийским версиям истории Троянской войны.

⁶⁵ - ...Лагонискую землю. – Пелопоннес (?).

⁶⁶ - ...Еликтора. – Гектора, сына троянского царя Приама.

⁶⁷ - ...философа от Рима... – Испорч. «Омира» (Гомера).

⁶⁸ - ...Алелешу, Екторе, Якъшу, Несторе... – Искажены имена: Ахилл, Гектор, Аякс, Нестор.

⁶⁹ - ...Федите жены... – Фетида, nereида, жена Пелея, мать Ахилла.

⁷⁰ - ...Скамудруши... – Река Скамандр, протекает около Илиона (Трои). Хотя в «Сербской Александрии» встреча Александра с Олимпиадой происходит в Македонии, но место (река Скамандр) объясняется только из текста рецензии к Псевдокаллисфена, в котором Александр и Олимпиада встречаются в Трое.

⁷¹ - Терьяха... – Гетероарха, главы над этими женами (гетерами).

⁷² - ...лихнитарий... – Драгоценный камень яркого красного цвета. В одной из рецензий «Александрии» Псевдокаллисфена (ε) этот камень обозначает в астрологии царя Нектанава планету Марс.

⁷³ - ...анта гвоздия... – Ср. дальше – «оружие от акинта гвоздия», которое дарит Александру царица Кандакия. Название этого металла не объясняют и греческие тексты; возможно, что это восходит к ἄδαμας или ἄδαμάντινος (стальной), к названию того божественного металла, который, по причине своей крепости, послужил материалом для шлема Геракла.

⁷⁴ - ...Атана... – Ионафана, сына Саула.

⁷⁵ - ...Сенарьское поле... – Библейское название – долина Сенаар (южная область между реками Евфрат и Тигр); это место упоминается в «Александрии» несколько раз.

⁷⁶ - Сескерсен – персидский царь Ксеркс (V в. до н. э.) или один из Артаксерксов (V и IV вв. до н. э.).

⁷⁷ - ...от змиевых очей. – Вероятно, это название драгоценного камня, возможно берилла. В сочинении о камнях Епифания Кипрского сказано, что в верховьях Евфрата встречаются камни «вирулиона» (берилла), подобные зрачкам драконовых глаз.

⁷⁸ - Сонхос – египетский царь Сесострис, о котором пишет во второй книге «Истории» Геродот.

⁷⁹ - Филинѣс – библейский первосвященник Финеес, сын Елеазара, внук Аарона.

⁸⁰ - ...ты персомъ государь еси... – В других списках правильное чтение: «злодей».

⁸¹ - ...на Синарьстей рецы... – Дальше она называется Арсинорской рекой. В ранних рецензиях Псевдокаллисфена эта река, замерзающая ночью и размораживающаяся днем, называется Странга. Названия «Арсиния» или «Арсания» имели в древности два восточных притока Евфрата.

⁸² - Пор – царь индов; о войне с ним Александра, закончившейся поражением Пора и взятием его в плен, сообщают древние историки (Диодор, Арриан, Плутарх).

⁸³ - ...Кандаркус и Аризванъ... – В предшествующих рецензиях «Александрии» Псевдокаллисфена убийцы называются Бесс и Ариобарзан.

⁸⁴ - ...соколов взводных... – В сербских текстах Александру выносят охотничьих соколов и грифов, на которых можно подняться в небо.

⁸⁵ - ...Клиса, лидоньского царя... – Вероятно, это Крез (Крис), последний лидийский царь (VI в. до н. э.).

⁸⁶ - ...птицы... – Испорч. «питици», обезьяны.

⁸⁷ - ...Ираклия царя... и Серамиды царицы... – Царь Ираклий (Геракл) и царица Семирамида, ниневийская (ассирийская) царица. Древние авторы приписывают ей основание Вавилона; ей же приписываются походы и завоевания до самой Индии и оазиса Амона в Ливии. В ранних рецензиях Псевдокаллисфена рассказывается о двух статуях, до которых дошел Александр в своем походе на восток. Одна из них была золотой, другая серебряной, и поставлены они были Гераклом. Арриан сообщает, что Александр прошел по трудной дороге к столице гидросов в Индии, не желая уступать в славе царице Семирамиде и царю Киру, единственному, кому до него удалось здесь пройти. В «Сербской Александрии» на основе тех же имен представлена совершенно другая история.

⁸⁸ - ...Тракинскую землю... – Фракийской землей.

⁸⁹ - ...Гион, Фисон, Тигрь, Ефратъ. – Эти сведения о четырех реках восходят к Библии; в средние века Гион (Гихон) отождествляли с Нилом, Фисон с Индом (или Гангом), т. е. главной рекой Индии.

⁹⁰ - ...Алфион... – Имеется в виду река Инд (Фисон – в средние века).

⁹¹ - ...хинкире и наасаре... – Первое (хинкирь, хонкиарь), вероятно, от тур. *hünkar* – повелитель (титул османского султана), второе, возможно, восходит к арабскому корню *nasr* (защищать, помогать).

- ⁹² - ...Илиюполь... – Гелиополь («Город Солнца»).
- ⁹³ - Темиштра – в греческих текстах – Клитемнестра.
- ⁹⁴ - ...Мизаньскую землю... – Землю амазонок.
- ⁹⁵ - ...мерьсилоньскаго... – Берсилия (Мерсилия) – область на Северном Кавказе, где жило хазарское племя берсилов.
- ⁹⁶ - ...невидимымъ тваремъ... – Конечно, здесь в издаваемом списке ошибка, и понимать нужно так, что Александр помолился Богу, «невидимому тварем».
- ⁹⁷ - ...сунклитом. – «Сунклит» (ἁσούχυτος) значит «неразрушимый».
- ⁹⁸ - ...готти, магогги... – Эпизод затворения Александром нечистых народов является заимствованием из средневекового сочинения «Откровение Мефодия Патарского»; отсюда же и этот перечень нечистых народов (Гог и Магог в Библии).
- ⁹⁹ - ...Клеопила Кандакия, царица амастридонская... – Здесь в одном лице соединены: Клеопила, упоминавшаяся у древних историков, правительница племени ассакенов; эфиопская правительница Кандака (наследница царицы Семирамиды в ранних рецензиях «Александрии» Псевдокаллисфена); возможно, Амастрис, племянница последнего персидского царя Дария, основавшая г. Амастрис.
- ¹⁰⁰ - ...Евагридъ же, силурьский царь... – В ранних рецензиях Псевдокаллисфена Евагрид называется царем бебриков.
- ¹⁰¹ - ...кучмом... – Кучма – шапка с меховым верхом.
- ¹⁰² - ...анфарскаго... – Испорч. «арабского».
- ¹⁰³ - ...Мирсилоньскую землю и Сѣверьскую... – См. коммент. выше – земли Евремитра, мерсилонского царя (берсилов), и Северные холмы.
- ¹⁰⁴ - ...Межюречие Сѣверьское... – Междуречие Северское – в других текстах Междуречие Сирское (Месопотамия).
- ¹⁰⁵ - ...Предекиския... – Испорч. «Придийские» (фригийские) – ср. земли, которыми владел царь Филипп (см. коммент. выше).
- ¹⁰⁶ - ...дидаскале... – Греч. слово, означает «учитель».

¹⁰⁷ - ...намелии. – Вероятно, что здесь оставлено без перевода греческое слово.

¹⁰⁸ - ...каруха. – Это место во всех славянских списках испорчено. В греческом тексте воины Александра бросают копья и стреляют из луков; затем идет речь о χαρῆς (радости, восторге). Можно отметить только созвучие этого слова славянскому «каруха», но греческий текст не дает в этом случае возможности восстановить первоначальный смысл фразы в «Сербской Александрии».

¹⁰⁹ - ...теряком. – «Териак» – вещество, считавшееся в древности противоядием и всеисцеляющим снадобьем.

¹¹⁰ - ...в земли нарицаемеи Гесем... – «Гесем» – библейское название области в Нижнем Египте, где поселился Иаков со своим родом; под «Египтом» следует здесь понимать город (столицу); «Междуречие Северское» – в других текстах «Сирское». Возможно, указывается не конкретное место смерти Александра, а область (по разделу земель она входила в часть Птолемея, ср. выше). Но, возможно, что эти названия говорят о неясности географических представлений в «Сербской Александрии». Согласно древним историкам, Александр умер в Вавилоне.

¹¹¹ - ...О Пелеи, царѣ тефсалийскомъ... – У Гвидо ошибочно слиты в одно лицо царь Фтии (в Фессалии, области в северной части античной Греции) Пелей, муж морской богини Фетиды, отец знаменитого мифического героя Ахилла, и Пелий, правитель Иолка (также в Фессалии), брат Эсона, дядя Язона.

¹¹² - ...Великую Гресию, сирѣчь Италию... – Великой Грецией именовались греческие колонии в Сицилии и Южной Италии.

¹¹³ - ...апрузинян быти рекоша, языкъ нѣкий, иже на границах царства Киликийскаго живяше. Сего ради страна та Апрузия наречеся... – Апрузия – область на юге Апеннинского полуострова. Слова «царства Киликийского» переводим как «царства Сицилийского» в соответствии с латинским оригиналом. Киликия – область на юго-востоке полуострова Малая Азия – упомянута в древнерусском тексте ошибочно.

¹¹⁴ - Якоже о них свидѣтельствуєть Овидѣй Моненись... – В VII книге «Метаморфоз», поэмы древнеримского поэта Овидия (43 до н. э. – 17 н. э.), упоминается миф, согласно которому мирмидоняне – это лесные муравьи, превращенные в людей по просьбе царя Эака. Эпитету (прозвищу?) «Моненись» в латинском оригинале соответствия нет.

¹¹⁵ - ...глаголетъ той же предреченный Овидий... хитростною силою Медеи... – В той же книге «Метаморфоз» содержится рассказ о том, как Медея, дочь царя Ээта, обладавшая даром волшебства, вернула старцу Эсону облик зрелого мужа.

¹¹⁶ - ... в нѣкоем островѣ, глаголемомъ Колкосѣ... – Согласно античным мифам, золотое руно находилось в Колхиде, стране на восточном побережье Черного моря. Однако у Гвидо «Колкос» почему-то считается островом.

¹¹⁷ - ...златоруннаго овна... – Согласно античным мифам, златорунный овен, на котором Фрикс, спасаясь от преследования мачехи, переплыл море, был принесен им в жертву, и у царя Колхиды Ээта хранилось лишь золотое руно. Его охранял Дракон (в древнерусском переводе – «змей») и медноногие быки, изрыгающие пламя. В древнерусском тексте имя колхидского царя соответствует латинскому написанию Oetes.

¹¹⁸ - ...мнози честнороднии многою храбростию красновидны... – В походе аргонавтов участвовали Орфей, Геркулес, Кастор, Полидевк (Поллукс), Тесей и другие герои.

¹¹⁹ - Еркулесь – Геркулес, сын Зевса и Алкмены, жены царя Амфитриона, – популярнейший герой Древней Греции.

¹²⁰ - ...сокруши Антефыума. – Богатыря Антея Геркулес (Геракл) задушил, лишь оторвав от земли: Антей был сыном Геи, – а она представлялась древним грекам олицетворением земли. Поэтому Антей, прикасаясь к земле, черпал новые силы.

¹²¹ - ...стража их, пса триглавнаго... – Имеется в виду двенадцатый подвиг Геракла, когда герой привел связанным к царю Ерисфею трехголового пса Кербера (Цербера), охранявшего врата ада. На том месте, где на землю падала слюна из пасти Кербера, вырастала ядовитая трава.

¹²² - ...столпы Еркулови... – Геркулесовыми столпами называли в древности скалы на противоположных берегах Гибралтарского пролива. В средневековых легендах об Александре Македонском утверждалось, что он дошел со своим войском до этих мест.

¹²³ - Ангвин – т. е. созвездие Дракона.

¹²⁴ - ...Овидий во второй книзѣ... – Во второй книге «Метаморфоз» излагается миф о возлюбленной Зевса – нимфе Каллисто и ее сыне Аркаде, обращенных Зевсом в созвездия. Древнерусский переводчик принял Каллисто за мужчину («Калистона и Аркада сына его»).

¹²⁵ - ...И не честованныи на вышнем небеси... отстоянием кратчайший обходит. – Это восклицание оскорбленной Юноны С. Шервинский переводит так: «В самой небесной выси, удостоенных только что чести / Вы не увидите звезд – мою язву! – в месте, где полюс / Крайним вокруг обведен кратчайшим поясом неба» («Метаморфозы», II, 515–517).

¹²⁶ - Симеоста – Симознт, приток реки Скамандр, протекавшей в окрестностях Трои.

¹²⁷ - ...от Енея сирѣчь и Аскания, рожденнаго его, глаголемаго Юлия. – Согласно легендам, Эней – один из троянцев, после разрушения Трои и долгих скитаний пристал к италийским берегам и основал здесь город Лавинию. Ему наследовал его сын – Асканий-Юлий. К числу их потомков легенда относил и царя Альба-Лонги Неметора, деда Ромула и Рема, основателей Рима. Таким образом, происхождение Рима и Римского государства связывается с именем троянца Энея.

¹²⁸ - ...близ Рима великъ сооружи град... – В латинском оригинале *juxta Renum* – т. е. близ, подле Рейна.

¹²⁹ - Антенор – троянский вельможа; вместе с Энеем он способствовал победе греков и взятию Трои. После ее разрушения он покинул город и, согласно легенде, основал Венецию.

¹³⁰ - ...от царя Сикаона пришедшаго в Киликию... – Здесь Киликией в древнерусском тексте названа Сицилия. При этом в географических рассуждениях Гвидо остров Сицилия

смешивается с Сицилийским королевством, существовавшим до 1282 г. и распространявшим свою власть как на остров, так и на южную часть Апеннинского полуострова.

¹³¹ - Диомедесъ – Диомед, аргосский царь, на стороне греков участвовавший в Троянской войне. Он ранил в бою Афродиту и был обречен ею на скитания. По одному из мифов, он основал ряд городов в Калабрии (на юге Италии). Спутники его были обращены Цирцеей, дочерью Гелиоса, в птиц.

¹³² - Исидор – видимо, имеется в виду Исидор Севильский (560–636), ученый-энциклопедист, в книге которого – «Этимологии» – содержалось много ссылок на античных авторов и фрагментов из их сочинений.

¹³³ - ...египтянинъ Птоломей. – Птолемей (ок. 90–ок. 160), греческий астроном, живший в Александрии, в Египте, создатель геоцентрической системы мира.

¹³⁴ - ...«егда луна обращается»... – В древнерусском точный перевод латинского *cum luna se volvit*. Неясно, однако, имеется ли в виду новолуние, когда луна как бы «отворачивается», или же лунное затмение. Мы приняли первый вариант.

¹³⁵ - Дионисий Ареопагитский – легендарный афинский ученый-философ, ученик апостола Павла. См. наст. изд.

¹³⁶ - «Или Богъ естества... тварь мира разрушится». – В письме Дионисия Ареопагита к Поликарпу описывается затмение солнца, которое Дионисий наблюдал в египетском городе Гелиополе, и дается понять, что это затмение происходило во время крестных мук Христа.

¹³⁷ - ...в Гаваонѣ... стати повелѣ. – Имеется в виду библейский рассказ, как по молитве Иисуса Навина во время битвы его с амморейским царем близ Гаваона Бог остановил движение солнца (см.: Ис. Нав. 10, 12–13).

¹³⁸ - ...пиша перстомъ на шиде червленымъ вином сице... – В латинском оригинале этих слов нет: Медея не пишет, а говорит Язону. Здесь вставка из другого произведения о Троянской войне – «Повести о создании и по пленении Тройском...».

¹³⁹ - Сей камень мудрыя асхате нарицают... И сего Енея носивша Виргилий пишет... – В поэме древнеримского поэта Вергилия (70–19 до н. э.) «Энеида» рассказывалось о спутнике Энея Ахаве. Здесь его имя превратилось в название камня-талисмана.

¹⁴⁰ - ...при Давидѣ, цари Иудейском. – По средневековым представлениям, Троянская война происходила во времена царя Давида (1004–965 гг. до н. э.). Современные историки датируют ее серединой XIII в. до н. э.

¹⁴¹ - ...царь некий именемъ Придешь. – В «Повести» сравнительно с античной традицией многие личные имена изменены и искажены до неузнаваемости. В переводе в большинстве случаев сохраняются написания «Повести», а идентификация приводится в комментарии. Так, в данном случае, видимо, имеется в виду Фригий, хотя традиция называет основателем Трои Дардана.

¹⁴² - ...в нѣкоемъ в морьскомъ отоцѣ... – «Оток» значит остров и вообще участок суши, омываемый водой, поэтому в переводе употреблено слово «мыс». Однако историческая Троя располагалась на материке – в северо-западной части Малой Азии, к югу от Геллеспонта. Пелешино море – видимо, Эгейское море.

¹⁴³ - ...Троиль роди Приама царя... – Традиционно отцом Приама называется Лаомедонт.

¹⁴⁴ - Якама – имеется в виду Гекаба (Гекуба).

¹⁴⁵ - ...Фарижь Пастыревичь. – Отчество Парису (Фарижу) дано по мнимому отцу – пастуху (пастырю).

¹⁴⁶ - ...бракъ творяше Велешь царь... – Имеется в виду свадьба фессалийского (фтийского) царя Пелея (отца Ахиллеса) и морской нимфы Фетиды. По мифам, свадьба происходила не во дворце, а в пещере Хирона на Пелионе.

¹⁴⁷ - ...три жены, ихже и пророчица нарицаху... – В «Притче» они названы поименно – Юнона, Паллада и Венера. Здесь же богини именуются «пророчицами». Под четвертой, не приглашенной на пир, имеется в виду богиня раздора Эрида (в «Притче» это римская богиня Дискordia).

¹⁴⁸ - ...да присудить ей яблоко... – Согласно традиции, богини предстали перед Парисом не на свадебном пиру Пелея, а на горе Иде, близ Трои.

¹⁴⁹ - И Тебушь бѣ гуселник... варъ, и каменение, и воду. – По мифологической традиции, стены Трои возвели Феб (здесь Тебуш) и Посейдон (здесь – Нептанабуш, т. е. Нептун), но не при Приаме, а при его отце Лаомедонте.

¹⁵⁰ - И Питеръ волховъ... еяже ради Трой разориться. – Обманутые строители Трои – Феб и Посейдон – обратились за помощью к Юпитеру (здесь Питер). Бог явился дочери Приама Кассандре и предсказал ей гибель Трои. Здесь этот мотив сокращен.

¹⁵¹ - Также и жены оны... како бы Трой разорилъся. – Во время Троянской войны Гера и Афина были на стороне греков, Афродита на стороне троянцев.

¹⁵² - ...прииде к Менелаю... служити... – В «Илиаде» говорится, что Парис был гостем спартанского царя Менелая, а не его наемником.

¹⁵³ - ...писаше на убрусе червьленнымъ виномъ къ Елене... – В «Притче» добавлено, что Менелай не мог прочесть написанное, так как был неграмотен.

¹⁵⁴ - ...Агамену царю... – Т. е. к Агамемнону, царю Аргоса и Микен, брату Менелая.

¹⁵⁵ - ...отвержесе от него русагъ Каакимьскы... – О том, что Менелай уехал усмирять отпавшую от него область, говорится только в «Притче». М. Н. Ботвинник предполагал, что Каакимская земля – искаженное название Крита, куда, согласно Овидию, уехал Менелай. См.: Ботвинник. Комментарий. С. 200.

¹⁵⁶ - ...Аякъ, Саломониковъ сынъ... – Т. е. Аякс Большой. Имя его отца – Теламон – здесь превратилось в Саломоник.

¹⁵⁷ - ...Паламид, Придековъ сынъ... – Евбейский царь Паламед, сын Навплия.

¹⁵⁸ - ...Урекшишь именемъ, Лантешевъ сынъ... – Здесь так назван Одиссей (Уллис), сын царя Итаки Лаэрта. В дальнейшем тот же Одиссей будет назван Дисевес. Рассказ о мнимом

безумии Одиссея у Гомера отсутствует, в мифологической традиции он появляется позднее.

¹⁵⁹ - ...от Феталиа, и ото Архиа... – Фессалия – область в Северной Греции; Ахайа – северная часть полуострова Пелопонес.

¹⁶⁰ - ...бяхе Менесефесь от Афинъ... Тлипелемъ же от Родоса – Здесь названы афинский царь Менесфей, Нестор – царь Пилоса, Одиссей, Аякс, критский царь Идомей и царь Родоса – Тлеподем. Слова от Ифаке доб. из Хроники Манассии.

¹⁶¹ - Евъфиянинъ же Ахиллей... – Вероятно, здесь искаженное определение «евъфинянин»: Ахиллес происходил из царства Фтии на юге Фессалии.

¹⁶² - ...поставиша царие ратиначалника. – Во главе греческого войска был поставлен не Ахилл, прибывший под Трою позднее, а микенский царь Агамемнон.

¹⁶³ - ...кари и лукаани, миси и меони, и фруги... – Народы, обитавшие в западной части полуострова Малая Азия.

¹⁶⁴ - ...Велеша... – Согласно мифологической традиции, на греков, отплывших в Трою, разгневалась богиня Артемида, так как Агамемнон или кто-то из его воинов застрелил священную лань богини.

¹⁶⁵ - ...своеа дщери Цвѣтаны... – Речь идет о дочери Агамемнона Ифигении. Греки, по совету жреца Калхаса, были вынуждены принести ее в жертву богине, но на алтаре девушку заменила лань, а Ифигения стала жрицей храма богини Артемиды на Тавриде.

¹⁶⁶ - ...Екторъ царь... – Один из Троянских героев – Гектор.

¹⁶⁷ - ...от живаго огня Екторъва. – Стрелы с огнем, «живой огонь» – все это напоминает распространенное в Византии средство борьбы с вражеским флотом – «греческий огонь»: из специальных сифонов на корабли противника выбрасывалась воспламеняющаяся смесь.

¹⁶⁸ - ...бояшеса гласа Ахиллеева. – О грозных криках Ахилла, наводящих ужас на троянцев, говорится в «Илиаде» (XVIII, 217–229).

¹⁶⁹ - ...а Рижеушь бѣ попъ сынъ Тебуга бога. – Здесь излагается сюжет «Илиады», повествующий, как дочь жреца Феба-Аполлона Хриса (здесь Рижеуша) Хрисеида (здесь Рижеуда) стала пленницей Агамемнона. Ее отец обратился за помощью к Аполлону, и тот наслал на греческое войско страшную болезнь.

¹⁷⁰ - ...и не хотяше изыти на брань. – Причиной, по которой Ахиллес перестал участвовать в боях, была (по «Илиаде») не гибель Паламеда, а то, что Агамемнон, вернув Хрисеиду, отнял у Ахилла его пленницу – Брисеиду.

¹⁷¹ - И тако умре. – В мифологической традиции есть рассказ о том, как Паламед разоблачил мнимое безумие Одиссея (здесь он именуется Дисефесь Нисиотенин), а тот в отместку оклеветал Паламеда. Невинно осужденный герой был забит камнями.

¹⁷² - ...убиенъ бысть Патроклие... от руку крѣпкою Екторовою. – Именно убийство Патрокла, друга и побратима Ахилла, побудило героя вновь принять участие в сражениях.

¹⁷³ - И паки призываетъ Приамъ на помощь амазони. – Сюжет об участии в Троянской войне женщин-воительниц амазонок впервые появляется в киклической поэме «Эфиопида» (VI в. до н. э.).

¹⁷⁴ - И умоли Тавтантиа, индийскаго царя... – Тавтантій – возможно, Тевтрант, правитель Мизии (см.: Ботвинник. Комментарий. С. 203), но не индийский царь. Описание индийских воинов и используемых ими в битвах прирученных зверей, возможно, появилось в «Притче» под влиянием «Александрии», где рассказывалось о сражении Александра Македонского с индийским царем Пором (см. наст. изд.).

¹⁷⁵ - И мати его Екама царица... еже пощаждѣти ся самому. – М. Н. Ботвинник отметил, что этот эпизод напоминает текст «Илиады»: Мать на другой стороне заливалась в горе слезами, Перси рукой обнажив и другою на грудь указуя, Сыну, лиящая слезы, крылатую речь устремляла: «Сын мой! Почти хоть сие; пожалей хоть матери бедной! Если я детский твой плач утоляла отрадною грудью, Вспомни об этом, мой сын...» (XXII,

79–84; Перевод В. Вересаева). Он продолжает: «Любопытно, что ни у Диктиса, ни у Дарета эта речь Гекубы не приводится. Нет этой речи и в “Притче о кралех”. Возникает предположение, что автор “Повести” был знаком с Гомером или непосредственно, или в пересказе» (Ботвинник. Комментарий. С. 204).

¹⁷⁶ - ...седмь уровъ греческих, еже есть седмь полкъ. – Происхождение и значение термина «ур» (М. Н. Ботвинник соотносил его с греч. словом οὔρος; – «страж, защитник») неясно.

¹⁷⁷ - ...Приамъ... поиде въ греческую войску. – Только у Гомера Приам отправляется к Ахиллесу за телом Гектора один («Илиада», XXIV, 469 и след.), у Диктиса Приам идет к Ахиллесу с Гекубой, Поликсеной и другими членами семьи. М. Н. Ботвинник допускает знакомство автора «Притчи», а вслед за ней и «Повести» с Гомером (Ботвинник. Комментарий. С. 204).

¹⁷⁸ - ...и дам ти свою дщерь Поликсену, коя во всѣх госпожах трояских добръйши. – У Гомера Поликсена не упоминалась, но история прекрасной дочери Приама рассказана уже в трагедии Еврипида «Гекуба», где говорится, что Поликсена была принесена в жертву тени Ахиллеса. У Дарета и Диктиса, как и в основанной на них «Истории разрушения Трои» Гвидо де Колумна, повествуется, что Ахилл, увидев Поликсену в храме во время перемирия или у могилы Гектора, влюбился в нее, и ради этой любви согласился на перемирие с троянцами. В «Притче» Ахилл Поликсену не видит, ее предлагает ему в жены сам Приам.

¹⁷⁹ - ...скры Александръ Фарижъ, Приамовъ сынъ, и Дифовъ... – В разных версиях истории Троянской войны убийцами Ахилла называются то сын Приама Гелен, то Александр Парис, то другой его сын Деифоб (здесь он назван Дифов).

¹⁸⁰ - ...точию плеснѣ его без желѣза... – В мифологической традиции тело Ахилла было неуязвимо для оружия, так как его мать Фетида окунула ребенка в воды подземной реки Стикс. Мать держала младенца за пятку, поэтому только пятка и осталась уязвимой. В «Притче» же предлагается более

«рационалистическое» объяснение: герой был в доспехах и только ноги его были «без железа».

¹⁸¹ - Ощути же сиа Дисевес... Ея Теламоненинъ... – В «Повести» спутниками Ахилла названы Одиссей, Диомед (здесь он назван Диогеном) и Аякс, сын Теламона.

¹⁸² - ...посла сына своего... к Полинещеру царю... – Сюжет о судьбе Полидора отразился в «Гекубе» Еврипида. В античной традиции Полинещеру соответствует царь Фракийского Херсонеса (его владения были на северном берегу Геллеспонта). Погажия, вероятно, искаженное название Фракии.

¹⁸³ - ...и сами скрывшесе во острове. – В некоторых произведениях троянского цикла называется остров Тенедос (в Эгейском море, вблизи от малоазиатского берега).

¹⁸⁴ - ...зажгоша храмы и пламень воздвигоша великъ. – В Хронике Манассии слов «зажгоша храмы» нет (см. наст. изд., т. 9). Составитель «Повести» вставил их напрасно: речь шла о том, что вышедшие из коня воины должны были факелом подать знак греческому войску, а не устраивать в городе пожар.

¹⁸⁵ - Инде же пишеть... – Составитель «Повести» указывает, что он, завершив выписку из текста хроники Манассии, вновь обращается к «Притче о кралех».

¹⁸⁶ - ...тѣм же образомъ, аки конь... – Этих слов нет в «Притче», они – неудачное пояснение составителя «Повести». Возможно, он не понял, что «фариж» – это слово, обозначающее коня. Отсюда и бессмысленность перевода: «серый конь, видом подобный коню».

¹⁸⁷ - ...мечными... – Это слово добавлено из Хроники Манассии.

¹⁸⁸ - ...вяще... – Слово исправлено по Хронике Манассии.

¹⁸⁹ - И повелѣ еа и со Александром усѣкнути. – Как предположил М. Н. Ботвинник (см.: Ботвинник. Комментарий. С. 207), рассказ о казни Париса и Елены принадлежит латинской повести – оригиналу «Притчи о кралех». У Еврипида в трагедии «Андромаха» лишь говорится, что Менелай, собравшийся казнить жену, увидев ее, по-прежнему блистающую красотой, прощает. (О различных версиях, касающихся судьбы Елены, см.

в посвященной ей статье в кн.: Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 1991. Т. 1. С. 431–432).

¹⁹⁰ - И с ними Поликсену... яко ея ради погибе. – По мифологической традиции Поликсену убивает над могилой Ахилла его сын – Неоптолем.

¹⁹¹ - Сия увѣдѣвше гражене, побиша их камениемъ. – Это один из вариантов мифа о судьбе Гекубы, перекликающийся с сюжетом одноименной трагедии Еврипида «Гекуба». По другой версии, царица была убита греками.

¹⁹² - ...творецъ Омиръ... – Составитель «Повести» самостоятельно называет имя Гомера – его в данном тексте не упоминают ни Константин Манассия, ни автор «Притчи о кралех». Правда, Манассия говорит о Гомере ранее, но там обещает рассказать о событиях «Не якоже Омиръ описует» (см. наст. изд. Т. 9).

¹⁹³ - ...сынъ царя Каеты, а индѣ пишетъ Фирелеша. – Фирелеш, вероятно, искаженное имя Пелей, что же касается Каеты, то это имя в «Притче» носит Ликомед, у которого воспитывался малолетний Ахилл.

¹⁹⁴ - Списание Сифа Антиоха... – Автором «Стефанита и Ихнилата» назван Сиф Антиох. Это имя – Симеон Сиф – встречается в греческих рукописях. Сиф был протовестиарием (придворный чин) антиохийского дворца, отсюда в славянских текстах появилось второе имя – Антиох. В некоторых славянских рукописях он назван просто Антиох, с прозванием Великий.

¹⁹⁵ - Иоанн Дамаскин – церковный деятель, знаменитый византийский поэт, гимнограф и литургист VIII в., по происхождению сириец. В традиции древнеславянской письменности было приписывать известным писателям (таким как Иоанн Златоуст или Иоанн Дамаскин) произведения, авторство которых не было известно или не было достаточно представительно.

¹⁹⁶ - ...озвѣрех... – Греческое слово ὀθῶς (шакал) славянский переводчик не смог перевести, потому что в славянских языках слова «шакал» не было (оно попало в наш

язык только в XIX в. через французский язык из персидского). Переводчику пришлось использовать слово «звѣрь» или словосочетание «некий звѣрь». Но если главные герои (шакалы) имеют собственные имена и автор может их во всех случаях называть этими именами, не объясняя, кто они такие, то в других притчах, где это слово является нарицательным (в притче «О льве и верблюде», а также в не вошедшей в данную версию притчи «О шакале-постнике»), переводчику приходилось выходить из положения, прибавляя дополнительные описания. Древнерусские переписчики повести чувствовали этот недостаток перевода, и в некоторых списках появились глоссы на полях, конкретизирующие и поясняющие словосочетание «некий звѣрь» – «соболь и горностай», «медведь и соболь», «медведь и горностай».

¹⁹⁷ - Стефанит и Ихниллат – в древнеиндийской версии памятника «Панчатантре» имена главных героев иные – Каратака («Темно-красный») и Даманака («Усмиритель»); эти имена при переводе на персидский и арабский превратились в «Калила» и «Димна». При переводе памятника с арабского на греческий в результате ложной этимологизации они превратились в «Стефанит и Ихниллат» – переводчик связал слово «Калила» с *iklil* («диадема») и перевел «увенчанный» (στέφανιτης), а слово «Димна» – с *diman* («следы кочевья») и перевел «выслеживающий» (ιχνηλάτης). Такая интерпретация в какой-то мере подтверждалась этической нагрузкой персонажей, из которых один – благородный и благоразумный, а другой – лукавый интриган.

¹⁹⁸ - Якоже сопусы разсыпаются... – Греческое слово οἰσωλήνες (трубы) передано в славянском тексте словом «сопусы» или «сапосы». Это не понятое переводчиком слово дает в славянских рукописях разночтения и искажения – «супостаты», «сапозы», «соль». В некоторых рукописях дается верный перевод – «трубы».

¹⁹⁹ - Немного еже посредѣ... – Этим выражением в славянском переводе передано греческое *ou polú tó en mēsō* («через некоторое время, вскоре»); оно было недостаточно ясно для русского читателя. Рукописи дают разные варианты

осмысления этого места – «немного же последи», «немного еже пострада», «немного еже по страде», «немного еже по страде своей» и даже «немного еже по траве». В некоторых случаях встречается другой перевод (правильный по смыслу): «не по мнозе же времени».

²⁰⁰ - Обои различнии мудроумнии обычаи... – Слово «обычаи» (в Т – обычаем) в данном контексте не имеет смысла, тем более что оно появилось на месте греческого πλὴν («но, однако, разве что»); другие рукописи дают правильное чтение «обаче»; но надо полагать, что писцы исправили ошибку перевода по смыслу, а не в результате сверки с греческим текстом.

²⁰¹ - ...катадневную пищу... – Т. е. ежедневную пищу. Прилагательное искусственно образовано с помощью греческой приставки катά – «еже-», «каждо-».

²⁰² - ...пификово... – Для обозначения обезьяны в славянских языках существовало несколько слов – пифик, опыния (опыня), опица (опица), обезьяна (обозиана), трепясток и позднее (с XV в.) – мартышка; все они соответствуют греческому πίθηκος. Слово «пифик», заимствованное из греческого языка, встречается в памятниках редко и, видимо, требует объяснения. В рукописях иногда встречаются глоссы на полях, объясняющие, что пифик – это обезьяна.

²⁰³ - ...съключися древо... – В рукописи на полях приписано «съступися».

²⁰⁴ - ...яко всякъ жало иматъ. – Неудачный перевод: в греческом тексте стоит τὸ μέτρον – «мера», славянский переводчик прочитал τὸ κέντρον – «жало».

²⁰⁵ - ...и тѣм же лобзаим наше число. – Славянское лобъзати значит «приветствовать». Слово «число» в данном случае не совсем удачно передает греческое τὸ μέτρον – «мера».

²⁰⁶ - Подобит бо ся лозѣ... – В рукописи: «Подобит бо ся зѣло древесем». В данном случае переписчиком Синодального списка допущена ошибка (метатеза – вместо «лозѣ» – «зѣло»). Кроме того, слово «древесем» лишнее (в Т его нет) – оно

написано на верхнем поле со знаком вноски в текст. Некоторые рукописи дают правильное чтение; например, рукопись Толст. – «подобит бо ся лозѣ, та бо не болшим древесем, но ближним приплетається».

²⁰⁷ - Глаголет бо ся, яко отрок нѣкий... – Притча об отроке появилась в славянском переводе случайно (в греческом тексте ее нет) в результате ошибки перевода. Переводчик перепутал похожие по написанию слова πᾶς (всякий) и ὁ παῖς (отрок) и вынужден был прибавить к выпадающему из контекста слову «отрок» (вместо «всякий») несколько фраз, чтобы получилась еще одна маленькая притча.

²⁰⁸ - Подобень есть царь горѣ бреговитѣй... бѣдно. – В славянском переводе опущены слова о том, что на этой изобильной горе водятся львы и другие дикие звери, поэтому-то пребывание на ней и бедственно.

²⁰⁹ - ...фалкон... – Для передачи греческого слова ὁ ἰέραξ («коршун, истреб») славянский переводчик воспользовался новогреческим словом фᾱλκον. Это слово в славянских языках встречается редко, оно было мало известно переписчикам (поэтому в разных списках это слово написано по-разному: фалкон, факон, алфакон, афокон, аволкон, жалкон и др.). В одном из списков есть глосса к слову «фалкон» – кречет. Неясно, почему переводчик употребил малоизвестное заимствованное слово вместо славянского, тем более что в других случаях слово ὁ ἰέραξ он переводит и словом «крагуй», и словом «орел». Однако это обстоятельство для нас небезынтересно – оно косвенно подтверждает мнение, что переводчиком был человек, постоянно пользовавшийся новогреческим языком (вероятно, афонский монах).

²¹⁰ - Съвѣтова убо Левъ сумнѣние свое утаити ему... – Переводя это место греческого текста, славянский переводчик допустил обычное для древнерусских книжников смешение двух греческих глаголов βούλομαι и βουλεύω («хотеть» и «советовать») и перевел вместо «хотел» – «советовал». Нарушение смысла чувствовали переписчики и пытались это место исправить (без обращения к греческому тексту), поэтому почти все списки дают в этом месте разночтения: «Советова убо

Лев наедине с Ихниллатом и хоте от него утаити сомнение свое и страх», «Но советова Лев мне убо сомнение и страх свой утаити ему», «Советова же Лев о сумнении своем и ужасе, еже бы како рещи», «Советова же Лев сам о сумнении своем и ужасе и страсе, еже бы како утаити ему и рещи».

²¹¹ - ..нѣкоему другу своему звѣрю...— См. сноску 3.

²¹² - ..нѣкоему другу своему звѣрю...— См.сноску 3.

²¹³ - ...обрѣте ежа въ своей скръби. — Еж как действующее лицо притчи о журавле и рыбах – недоразумение; в греческом тексте действует рак (ὁ καρκίνος).

²¹⁴ - И како не скорбя? – Грамматический болгаризм; должно быть скорблю (1-е лицо, ед. число) в значении «буду скорбеть».

²¹⁵ - ...и рече к ловцем... – Славянский переводчик вместо греческого τῖριον – «зверь» прочитал ὁ θηρευτής – «охотник».

²¹⁶ - Онъ же рече: «Ибо ты и аз...» – Слова «он же рече» попали в перевод по ошибке; в греческом тексте их нет. Последующие слова также произносит Стефанит.

²¹⁷ - ...на тя... лукавьствует... – В рукописи после этих слов добавлено «получил есть». В Толст. «толико лукавьства поучился есть».

²¹⁸ - И псира корида и пилое. – Заголовок к притче о кориде (о воши) и о блохе дан в Синодальном списке греческими словами в славянской транскрипции. Слово «псира» (и, видимо, «пилое» или «пилос» тоже) является передачей греческого слова ἡ ψύλλα – «блоха». Слово «корида» восходит к новогреческому ἡ κόριξ (клоп). Однако в греческом тексте здесь фигурирует не клоп, а вошь(греч. ὁ φυεῖρ); в этом смысле текст Синодального списка соответствует греческому оригиналу, ибо слово «корида» там только в заголовке и в глоссе, а в тексте – «вошка». В других же рукописях «корида» (иногда встречается глосса – «вошь»), и в заголовках эта притча обычно называется «О кориде и о блохе». Это слово было малопонятно (поэтому и появляются глоссы), но почему-то не было заменено славянским словом «клоп». Оно, по-видимому, было внесено славянским переводчиком, пользовавшимся в повседневной

жизни новогреческим языком (он перевел греческое слово новогреческим – и это слово не было достаточно понятно последующим переписчикам памятника).

²¹⁹ - ...еже и вошка. – На верхнем поле со знаком вноса сделана глосса к слову «вошка» – «корида». Этим словом в славянских рукописях (кроме Синодальной группы) обозначается персонаж этой притчи (вошь). В Синодальном списке слово «корида» встречается только в этой глоссе и в заголовке.

²²⁰ - ...явѣ мучат явѣ согрѣшающаго. – Исправлено по Толст.; в рукописи второе «явѣ» пропущено.

²²¹ - ...срам велий... – Исправлено по Т; в рукописи «срам велий и невси». В других рукописях здесь «срам велий и ненависть».

²²² - ...видя его совѣсть... – Грамматический болгаризм; должно быть вижду. Ср. выше, сноску 21.

²²³ - Мудрый бо... ниизложит их. – Явно испорченное место. Возможно и другое понимание: «Мудрые мужи не покорятся, пока (враг) не разобьет их».

²²⁴ - ...лиинаковии очи... – Этому словосочетанию соответствует в греческом тексте *νικτηρίδων ὀφθαλμοῦ*, т. е. «глаза нетопыря, летучей мыши». В данном случае мы имеем дело с южнославянским значением слова «лилек» – нетопырь, так что это словоупотребление – след южнославянского (болгарского) оригинала (в болгарском языке «лилек-нетопырь» обычно, а в сербском – встречается только в некоторых диалектах).

²²⁵ - ...исплъненѣ же внутри ядовитых звѣрей... – Словосочетание «ядовитый зверь» здесь соответствует греческому *ὁ κορκοδείλος*, но почему-то слово «крокодил» не было употреблено, хотя крокодил был известен славянскому книжнику по «Физиологу» и другим памятникам.

²²⁶ - не обличай... тебе... – Ср. Притч. 9, 8.

²²⁷ - Глаголетъ бо ся, яко нѣции пифици в нѣкоей горѣ пребываху в зимно время, престуденно и обрѣтоша... – Это все, что осталось от притчи о пификах и светлячке, наличествующей в греческом тексте и в сербской редакции. Можно предполагать,

что эта притча была «утеряна» составителем болгаро-русской редакции то ли в результате утраты листа в оригинале, то ли в результате механического пропуска при переписывании – после слова «обрѣтоша» он «перескочил» на следующую притчу – «О лукавом и препростом», которые «обрѣтоша сокровище злата». В результате такого «объединения» получилось, что герои притчи «О лукавом и препростом» – пифики (см. сноску 9).

²²⁸ - ...укълоснувши непрѣтка... – В Синодальном списке слово «непрѣтка» вычеркнуто, как непонятное (в других рукописях его вообще нет). Однако оно необходимо по смыслу. Это лексический болгаризм, обозначающий змею.

²²⁹ - ...иже... утробы. – Пс. 9, 10.

²³⁰ - ...вси... быша. – Пс. 13, 3.

²³¹ - «Да трѣпя, Дѣндеже видя, что хочет быти». – Грамматический болгаризм. В Т и др. – «да терплю, Дѣндеже вижу, что хочет быти».

²³² - ...иже во очеси... видиши. – Ср. Мф. 3, 3; Лк. 6, 41.

²³³ - ...другаа жена и рече: «Не стыдиши ли ся»... – Здесь путаница в славянском тексте – эти слова произносит женщина, нашедшая лоскут.

²³⁴ - Мудраго бо мужа добродетѣли телчи уподобися благоуханию, иже наречется греческим языком мосхос... – В греческом языке слово «móschos» означает «теленка, бычок» и «мускус».

²³⁵ - ...сѣложи ми ся крѣпость... – Исправлено; в рукописи вложи; в Толст. отломися. В этой притче несомненно остались следы каких-то восточных (индийских) преданий о магической силе золота (и о мыши, хранительнице золота), иначе трудно понять, почему мышь обессилела, лишившись золота.

²³⁶ - Никтоже мудрому пособьствует, точию паки мудръ, якоже и елѣфанта падшася не въздвижет инъ никтоже, точию паки елѣфантъ. – Это сравнение основано на средневековых представлениях о слонах (изложенных в «Физиологе») – ноги слонов без коленей, слон не может встать без чужой помощи, спит он стоя, прислонившись к дереву, а если он случайно упадет, то помочь ему встать должны другие слоны.

²³⁷ - Судя убо нынѣ быти полезно... – Грамматический болгаризм; должно быть сужду. Ср. выше, сноски 21, 29.

²³⁸ - ...трость... ниизложиши. – Ср. Ис. 42, 3.

²³⁹ - ...невѣстка. – Это слово чрезвычайно любопытно тем, что оно дает своеобразную полисемию, приводящую к путанице именно потому, что та же полисемия существует и в других языках. В притче о ласке, загрызшей змею и спасшей ребенка, в славянских текстах употреблено слово «невѣстка», а в греческом ἡ νύμφη. Основное значение этого слова – «невестка». Однако есть и другое значение, редко встречающееся, – ласка, горноста́й. Подобное соотношение и в турецком: «gelin» – «невестка», и «gelincik» – «ласка, хорек»; нечто подобное есть и в арабском. Переводчик итальянской версии сделал основанную на том же совпадении корней ошибку перевода – вместо «donnola» написал «doncella». Слово «невестка» в значении «ласка» болгарское (оно зафиксировано в большинстве болгарских словарей). Слово «ласка» (точнее, «ласица»), напротив, хорошо известно и сомнений не вызывает. Русские переписчики не поняли, что в притче о невестке идет речь о зверюшке. Поэтому в списках часто появляется к слову «невестка» приложение – «жена брата его»; в повествование вводятся также дополнительные детали, например, что она растерзала змею своими руками. Однако недоразумение, случившееся при переводе этой притчи, дает себя чувствовать – странно звучит, что женщина, убивая змею, «окровавилась змииною кровию» настолько, что ее можно было на этом основании обвинять в том, что она младенца «снела».

²⁴⁰ - ...яже вѣнецъ взявши... – На этом месте обрывается текст болгаро-русской редакции; продолжение читаем в сербской редакции: жена царя, пожалев, что неудачно выбрала венец, а не багряницу, с досады высыпала царю на голову блюдо риса, и за это царь велел ее казнить; мудрый первосоветник, зная, что царь потом пожалеет, что в гневе погубил самую достойную из своих жен, спрятал ее и, беседуя с царем, вызвал в нем раскаяние и сожаление; таким образом, царица была спасена, царь счастлив, а первосоветник вознагражден. Далее в сербской редакции идут притчи о

пситакe (попугае), о добродетельном шакале и о мышинoм царе.

²⁴¹ - Тpиас и агиа, докса си! – Гpеческое молитвословие (Троица святая, слава тебе!), написанное славянскими буквами.

²⁴² - Исайя имеет в виду приближение конца седьмой тысячи лет от сотворения мира. По счету от Рождества Христова это 1492г. Опасение, что в 7000. наступит конец света, заметно и у русских авторов XIV–XV вв.

²⁴³ - Имеются в виду, очевидно, рассказы книги I Паралипоменон о том, как один из ведших колесницу с ковчегом завета, Оза, «протер руку свою, чтобы придержать ковчег, ибо волеы наклонили его», прогневил этим Господа и «умер тут же пред лицем Божиим» (1Пар.13:9–10), и Деяний апостольских о том, как «некоторый муж именем Анания с женою своею Сапфиpою, продав имение, утаил из цены, с ведома и жены своей, а некоторую часть принес и положил к ногам апостолов» (Деян.5:1–2), и они оба умерли как солгавшие Духу Святому (Деян.5:5–10).

²⁴⁴ - Сер или Серес – византийский город в Македонии, которым с 1346 по 1373г. владели сербы, затем он вернулся к Византии, а в 1382г. был захвачен турками.

²⁴⁵ - Флп.3:13.

²⁴⁶ - Гpеческое ἔξοδος, здесь – «расход», «затраты».

²⁴⁷ - Имеется в виду полуостров Святая Гора Афон, восточный отрог Халкидонского полуострова, где находится множество православных мужских монастырей. В то время им владела Сербия.

²⁴⁸ - По всей видимости, западной части Балканского полуострова.

²⁴⁹ - Иован Углеша, деспот части Македонии с центром в г. Сер (Серес).

²⁵⁰ - Вукашин, брат Иована Углеши, некогда виночерпий при дворе сербского царя Стефана Душана, затем жупан г. Прилеп с титулом деспота, с 1366г. краль, король, значительной части Македонии с городами Прилеп, Скопле и Призрен. Вукашин, брат Иована Углеши, некогда виночерпий при дворе сербского

царя Стефана Душана, затем жупан г. Прилеп с титулом деспота, с 1366г. король, король, значительной части Македонии с городами Прилеп, Скопле и Призрен.

²⁵¹ - Турки-османы вступили в Европу как завоеватели в 1352–1354 гг., в 1363г. их столицей стал Адрианополь. Чтобы остановить подчинение турками Балканского полуострова, сербы деспот Угleshа и король Вукашин двинулись с войсками им навстречу, но 26 сентября 1371г. в лесистых окрестностях г. Черномен на р. Марице, к западу от Адрианополя, были наголову ими разбиты и погибли. Земли Угleshи на короткий срок захватили затем византийцы.

²⁵² - Речь идет, по-видимому, о гибели вместе с войсками Угleshи и Вукашина большей части сербской аристократии.

²⁵³ - Либаний, знаменитый антиохийский языческий притор IV в., учитель Иоанна Златоуста.

²⁵⁴ - Цифровая тайнопись: вместо букв указывается их цифровое значение. 8=И, 200=с, 1=а, 10=і, 1=а. Получается: Исаіа.

²⁵⁵ - 6879г. = 1371г.; «индиктион» – порядковый в пятнадцатилетнем цикле номер сентябрьского года.

²⁵⁶ - Маргиналий: Илектрон есть ками... ..ликий ...нь та...
...пума ...тьльз...

²⁵⁷ - Сказание надписанию. Понеже надписание «свещенноначалие» имать, нарицати обыче свещенноначелники епископы, длжно есть ведети убо, яко свещенноначелие убо есть еже завещания самого свещенных начело и образом некоим попечение, и свещенноначелник – иже свещенными начелствуе, и пекыйсе, и промышляе, не убо свещенници, но – иже яже свещенная и устав их же и церкви и таин различияе, не убо же свещенноначелник. Сие же тлкование и сам великий Дионусие доле предлагает в иже «О церковничьском свещенноначелии» слове. Маргиналий: И свещенник бо свещенна суть; того ради от общего, рекше от свещенного тогова, словится свещенноначелник, а не от свещенника. Свещенная же начелствуя яве свещенници, понеже и тии свещенни. Продолжение схолии: Знаменай же, и яко свещенника

име и епископа являет, зане яко священник ест и епископ. И се является и в «Деаниях светых апостол», идеже в Азии сочиняется церквам ея светый апостол Павль. (См. Деян.20:17 и далее.)

²⁵⁸ - Иак.1:17.

²⁵⁹ - Знаменай, яко светаго Иакова Соборним посланием (Имеется в виду входящее в Новый Завет Соборное послание апостола Иакова, написанное, как считают, ок. 64г. Имеется в виду входящее в Новый Завет Соборное послание апостола Иакова, написанное, как считают, ок. 64г.) приемлет блаженный Дионусие, отуду бо речение есть, и яко издано уже бе.

²⁶⁰ - См. Мих.2:12.

²⁶¹ - Ср. Рим.11:36.

²⁶² - Ин.1:9.

²⁶³ - См. Ин.14:6; 1Тим.2:5.

²⁶⁴ - Отце zde являет предавшей ему предание, не убо же естественные, от еллин бо бе, якоже сказуют «Деаниях светых апостол» (См. Деян.17:34) и сам же в еже к светому Поликарпу послании (Поликарп (I–II вв.), священномученик, ученик апостола Иоанна Богослова, епископ Смирнский, автор ряда сочинений. «Поликарпу иерарху» адресовано седьмое послание Дионисия Ареопагита) и в 9 главе «О небесном священноначелии» (См. с. 346–354).

²⁶⁵ - Знаменателне. Знаменми некоими глаголет и образи, не бо естествословне.

²⁶⁶ - Умове наричут и иже от еллин премудры разумные, сиречь аггелские силы, понеже все ум есть киждо их и существо все ум жив в вид себе восуществовлено имать.

²⁶⁷ - Преначелный же Бог, яко паче всякого начела и богоначелны свет, яко начело глаголемых бог, – аггел, глаголю, и человек праведных.

²⁶⁸ - Внутренство глаголет сокровенство, всем бо сущиим вне тое неведома есть.

²⁶⁹ - Знаменай «растворение» и почто Божество, едино суще, множитсе.

²⁷⁰ - «Завесы» глаголет яже телесне о Бозе глаголемая в Писаниях, рекше уд человеческих, или сил неких именованія. Знаменай же, яко кроме образ и знаменій не мощно нам, в плоти сущим, узрети невещественая и бесплотная. И се паче являху яже в скини завешения, якоже zde гадает.

²⁷¹ - «Служебнство Свещенноположно» – божественное свещенных таинств наших удобрення положение и предложение есть начело бывше от Бога апостольми совершительными сих благих. Наученние бо совершенных наричет божественный апостол Павл, глаголе: «Елици убо совершенныи, се да мудрствуем». (Флп.3:15.) Маргиналий: «Служебнство Свещенноположно» zde разумеи небесно свещенноначелие.

²⁷² - Знаменай же, кые глаголет «образе и зрачная сложенія», рекше изображения, яже напреде предлагает.

²⁷³ - Знаменай, яко зданновидная глаголет яже zde таинственная предания, яже в иже «Церковном свещенноначелии» слове отврзает. Се же боголепне достоин разумети. К убо «зрачным» «наздание» воздаждь, к «сложению» же «простая и невоображаемая».

²⁷⁴ - Вещное руководство глаголет еже вещными глаголемыми к мысли возводитисе паче чювственных. «Видимые же доброты» яже свещенных храм удобрення глаголет, «украшении же чины» – свещенник степени.

²⁷⁵ - Знаменай же, яко видимие доброты образы суть невидимых удобреней, якоже являет и апостол в иже «К Евреом», яже о сены зре, и Моуси слыше: «Вса по образу, показанном ти на горе, сътвори». (Евр.8:5; Исх.25:40. Евр.8:5; Исх.25:40.)

²⁷⁶ - Божественных Писаний прочитание есть яже видимыми и вещьми пространнейшая указания.

²⁷⁷ - «Имьства» суть тамо божественная завещающе. Имьство же есть качество пребывателно. Зде же и церковныи чины тамошняа имьства за еже бесплотная образуют. Имьства бо бесплотных суть.

278 - Знаменати достоин, яко еже от нас, человек, совершаемо священническое тайнослужение подражание есть небесного священноначалия.

279 - «Свещеннописательная же Словес сложения» глаголет яже священне о тех сложенная слова в Писаниях.

280 - Знаменай, како возводимсе на богословие и яко Христос нас возводит.

281 - Ничтоже яко по прилучению именованно есть от блаженного сего, но многоучителне и истейше с благочестием. Понеже убо еже у нас заветное образы вещными и сказанми и назданми рече соврщатисе по еже нам мощно образ сущей подражание еже у ангел священного удобрения влесту еже в них священное явление в речех нарече. В речех бо и крайнее обыкше звати иже о сих упразднившие коегождо существа чистейшее и к нему же прилежит приближене, сиречь приближно, существо. Якоже есть реши, душе в речех есть ум ее чистейши, и рачительства в речех превозшедших и божественнейших топлотное желание, и нашего убо священноначалия и тайновидного удобрения в речех и крайнее чистейшее его от неже начетсе и еже близ приходе невещества. Еже убо чистейше в нас знамение в речех неизображаемых и простих и бесплотных таинств, емуже священноначалие совокупляемо приходит, образом неким к человек священному явлению, и образы возводит на чистая видения умного служения, в речех, глаголюще влесту иже зде телесных же и вещевидных.

282 - Изъявление глаголет возвещение, явлено же, яко – еже знаменми изображенми, яже и наздания рече; простоту же – еже естества невещественное.

283 - Ведеше бо, яко воспевае иже в небесех священное умове, якоже сам глаголет, по Писанической нужде имеше рещи о животных зверообразных, и орловех, и иных, имиже уподобляют Божественная Писания архангельские силы, глаголет бо: «Да не и мы, и якоже мнози, вознепщем несвященне» не имети тлькования многочисленным и многоножным чином небесным. Сия же убо изъяснити предрече, по священных Словесех изъяснению.

284 - Ср. Иез.1:10–11.

285 - Ср. Ис.6:2; Иез.1:6–11.

286 - Ср. Иез.1:15–21.

287 - Ср. Дан.7:9; Откр.4:2.

288 - Ср. Зах.1:8.

289 - Ср. Нав.5:13; 2Мак.3:25.

290 - Яко и творителными назданми приет Писание рек.

Подобна быти небесная знамения и ображения иже от творец мечтаемым, якоже священн си муж с глаголет (творьце же разумей или от еллин удивляемие (рекше Омира, Исиодона и прочие), или творителными, рекше наздателными изображенми. Видев бо Божие премудрое схождение наш ум немощен и к височайшему неприкладне имущ, возведение тому соестественно наздав, сице архаггльская в явленно приведе удобрения, не яко имут истиною, изъяснив, но како мы и можем разумети. Ничесоже неподобно мечтай яже небесных.

291 - Сложения глаголет реченная наздания и образотворения. «От себе» же, сиречь, якоже имут естеством, неведомый нам, глаголет, и незримый суть.

292 - Отрочно, мню, глаголати тому странно и рекше обычных отсеченны путь и наздание. Сего ради и подобие то именует, изъясняе не истинны быти написанный светых аггел зраци. Ниже бо истиною таковы суть, яковых тех Свешенное предает Писание, но да мы приходим к величеству их. Сам же Дионусие покусается сосложити реченная о них и показати, яко мощно есть сказаний ради тако разумевати аггельская удобрения, якоже речеся.

293 - Честнейша и невещественная отчести существия небо и звезды глаголет.

294 - Некако невещественных, – сиречь отчести, не бо отнудь безвещественных. Превышележащая же существия небо и яже на небесы глаголет, сиречь звезды, еже бо тонкочестное их и единосущественное близь есть невеществия.

295 - Боговидные простоты глаголет умная существия, невещественная бо суща и несложена всяко суть, не суще срастворение стихий. Телеса бо от сих, оне же бесплотне.

²⁹⁶ - «И рекшее» zde сице разумей, и како възмнитсе небесная львов и иных безчестных наплентяисе?

²⁹⁷ - Си зраци светих херувим и от божественного Езекиила, (Иез.1:5–13) и от дивного Иоанна в «Откровении» (Откр.1:6–8) написани быше.

²⁹⁸ - «Животна ина» рече, сиречь кон, и месък, и таковых, «вещи же безчестнейшие», рекше престолы, яко от древия, и кола, и оружия, и железа, якоже оружие истрежено при Валааме (Ср. Чис.31:8) и еже виде Давид, якоже в «Царствийх» реченно есть, в книзе Второй. (Ср. 2Цар. 23:16).

²⁹⁹ - «Страстне» глаголет, понеже львообразие яростно нечто назнаменует, и телца вид – похотевательное, яже страсти и великы суть. Уподобления же глаголет уподоблятельная мнения. Глаголет бо Иезекиил, яко подобие узрети престола (Ср. Иез.1:26) и подобие льва, (Ср. Иез.1:5) еже являет здановидно мнещиихсе мечтание. Сего ради и zde реченно бысть «отличная уподобления»: не бо вся подобне зрит пророк, но овех убо сице, овех же сице. Но и отличны суть свесма, имиже мнется подобии, ничесоже бо льва или телца или прочих истинне имут. Что же являет отличное, в прочих обрещеши.

³⁰⁰ - Обещавает своим тлокованием указовати коеждо, яко ниже възмнетисе досажати небесным, ниже нас в доленосная смирения выгльблятисе о яже в аггелех глаголемых животных.

³⁰¹ - Знаменай, яко бесплотная безрачная суть. Егда убо услышиши о Пресуществом иже «в зраце Божи сыи», (Флп.2:6) еже неизменное к своему Отцу разумей. Се бо являет и «образ Бога невидимаго» (Кол.1:15) и еже «видевый Мене видел есть Отца». (Ин.14:9) Сице и святой Василие сказует во еже к своему брату слове еже о разенстве существа и состава. (Василий Великий (329–379), архиеп. Кесарийский, вселенский отец и учитель Церкви; его брат – Григорий Нисский; о различии сущности и ипостаси Василий Великий пишет в Послании 38 (его сочинения см. в 29–32 тт. Греческой Патрологии Миня)).

³⁰² - Ср. 1Кор. 8:7.

³⁰³ - Яко по двео образу воспеваеце божество: или яко подобно всем, вся бо в том составляются, или яко отлично [на

поле рядом: неподобно], ничтоже бо есть всех.

³⁰⁴ - Яко подобниими и отличниими наздаваются образы и како наздаваются, zde глаголет.

³⁰⁵ - По чем глаголетсе слово и ум Бог, внегда «Кто разуме ум Господень?» (1Кор. 2:16) и внегда «И бысть слово Господне ко мне» (Иер.1:4) глаголет и прочая. Словенство же глаголет при Бозе не яко словесна хочет показати Бога яко причествующая слову, – се бо изъясляет, – но яко самословесие есть, Слово сый. Существо же глаголют при Бозе, егда рекут «Аз есмь сый» и «Сый посла Ме». (Исх.3,:14).

³⁰⁶ - Ин.1:1.

³⁰⁷ - Ср. Рим.11:34.

³⁰⁸ - Ср. Ин.8:12; 1Ин. 1:5.

³⁰⁹ - Ср. Ин.14:6.

³¹⁰ - Яко ниже живот, ни же свет, ниже ум, ниже существо истейше глаголетсе Бог, но винословне [на поле рядом: виновствне]. Есть бо и паче сих и не яковая сия.

³¹¹ - Яко яже по отречени глаголемая при Бозе, сиречь: невидим, непостижим и яже таковая, – отлична суть, являют бо не что есть, но что несть Бог. Сице – и Богослов Григорие. (Григорий Богослов, или Назианзин (ок. 329–389), отец и учитель Церкви, в 381г. епископ Константинополя.)

³¹² - «Недомысленное» глаголет не забивателно, но еже не разумеваемо от некого. Неопределен же Бог яко пределу ниединому подпадае, но сам всех предел сый и вся в себе определяе, пределу же не подпадает, заеже пределы убо от наньреченных слежетсе, наньречения же при Бозе неприлична яко льжуща. Паче бо сих Бог, яко не сый существо, но паче существа.

³¹³ - Не токмо при Бозе, но и при божественных всех, сиречь при по Бозе умных всех, и отречения истинная быти глаголет, и наньречения неприличная. Неприкладная бо убо суть наньречения, егда речем или Бога, или разумные силы, живот, или свет, ни бо живот таковы некой есть, яко вдыханием и издыханием жити, ниже свет видимый и творей зретисе подлежащим, но вышше что сих. Отречения же некако при

умных ближнейшая. Глаголем бо, яко невидимый и яко не подпадают видению разумеваем. Что же есть само то Неявляемое, ниже многоиспытovati, ниже представляти мнитсе слово. А паче «живот» и «свет» мнитсе назнаменовати что есть, и сия нимало являют что есть Бог.

³¹⁴ - Зри, како отвеща, по что животных память имеют небесная, рекше образе. Якоже бо иже всех Бог ничтоже во всех имать векупобытно, и того ради влепоту ниедино от всех есть того явително. Но проче инем кзьньством [на поле рядом: хытростию] богословим, глаголюще, что несть Бог, еже наричет «отличными». Сице и при небесных силах, яже по Бозе суть хытростне [на поле рядом: последелетне] сотворише богословци, ниединому умных тех уподобивше, но от чювственных, ихже наричут безчестная, сих приемше начретание, се к чести им сотворшеи, да назданновидно и не истинно будет сих подражание. Аще бо иже львозрачны глаголемы и многоконьны, и многопернати есть и словесень, и невеществны, како не являнно, яко премирне превъзиде вещьная и от нас разумеваемая?

³¹⁵ - Се и други помысл, егоже ради таковая уподобления о небесных приет. Аще бо бы честнейши приел назданми, сиречь златовидные или блистающеисе глаголе быти божественные силы, всяко убо повинулисے быше слышещеи, от иже в чловецех честнейших увереное приемлюще. Ниня же неприкладные и студные образе привнесе, да известно ведуще, яко не суть таковая, взищем истину сущих.

³¹⁶ - Ср. Мф.28:3; Мк.16:5; Деян.1:10; Откр.4:4.

³¹⁷ - Глаголемая бо огнепальная существия божественная не жежителная, но животная суть.

³¹⁸ - Позоры – иже с удивлением зримая.

³¹⁹ - Яко ниедино от сущих улишенно ест доброго причестия.

³²⁰ - Быт.1:31.

³²¹ - Яко не просте бесловесия испльнено яростновидно движение, но при бесловесном естестве. Достоит прочисти

последнее слово книзе, егоже рекл есть о видени светых херувим, тамо бо и сия вся простране объявленна быше.

³²² - Достойт знаменати убо, что разумевається ярость при бесловесных и что при словесных, и что похотевание коихждо.

³²³ - Знаменати достойт, яко и при аггелех словесьнство глаголет.

³²⁴ - Яко похотение умных рачительство neodрыжанно есть о Бозе, еже наричет Невещественство.

³²⁵ - «В изменяющихся», рекше, от студеного в теплое, от здравия в нездравие, от гнева в безгневие, от скръби в радость.

³²⁶ - Несмесно глаголет чисто и ни в едином ино упражненное. Иже бо божественным рачительством содржим, в'се есть того и в желаемом токмо воспростирается, ни от единого возбраняем преходительного и телесного слова. Бесловесие же глаголюще быти в бесплотных существиях, не безумие тем налагаем, внегда львов образе, и тельц, и птиц, якоже при орлу, бесловесных образе и знамения глаголати подобна быти небесным чином, но таинственне разменное еже по ним словесного к еже у нас назнаменуем. Мы бо словесное представляем язычным орудием и гласительными образы, биюще воздух языком, и слову, преходещу от нас в слышащих слухы, от тела в тело, якоже глаголет божественны Василие в еже «Внемли себе» слове; онамо же не тако, но, в бесплотенстве суще, и в друг друзе вмещающесе и отходяще, всякого слова яснейше друг друга разумеваения видеще, друг другу якоже глаголюще, мълчанием слова преподают друг другу.

³²⁷ - Преходително наше слово произносное, яко от глаголющего преходе к слышащему: «телесну» же, к разделению невещественного слова, се бо ниже телесно, ниже преходително.

³²⁸ - Безчестнейшу вещь глаголет телесовидно всяко естество, к различным видам одушевленным и бездушным и прочим от Бога удобренное; умное же благолепие – яже о Бозе глаголемая, ихже смирение и тонкия образе в сущних обретаем, сиречь еже просто быти, еже живем быти, еже почювати и подобная.

329 - Яко убо от Бога и вещь всяка бытие имать, ниедино премудрое супротиворещи имать слово. Носит же и сама в себе указание еже от Бога приведеся и украсисе. Всяка убо еже от вещи удобрение тонко неко и сенно уподобление и подражание разумных имать. Якоже бо прикладна разумная в подыетие якоже мощно иже от Бога промыслительных прошествий, и живот суцая оживляются от иже паче всякого живота Бога, и силы имут в благодетелство содействителние, и движение неко премирное, сице и вещная вся вкупе же и от чести промысл Божий искренне себе приимати прикладне имут, и оживляются, и живот быти могут, якоже: «Да изведет земля душу живу», (Быт.1:24) – и паки: «Да изведут воды пресмикающаяся душ живых». (Быт.1:20) Но и силы благодетелствние иже на земли дышащим, якоже являют былиями и качества некоторыми ползования (на поле рядом: Качства, рекше золото, серебро, олово, кумпор и ина такова. Сия бо от земле качствия суть). И движения же подобно вещная имут еже в бытие происходе и тление, и чин приемлют, иже от Бога наложенны и налагаемы. Но и просвещатисе наста разумных нашествием сил, якоже при иже в воскресении Господни блистающусе аггелю и просвещающе около. Имать же сия вещь страждущи, не убо якоже разумна действующа. Сего ради по последнем подражателству и уподоблении глаголетсѣ сия имети. Что же есть подражание и уподобление последне в иже «О божественных именах» слове изъявихом.

330 - Аще и таажде имена глаголет, но не подобне приемлютсѣ: према естественном свойству подлежащего и определяютсѣ и разумеваютсѣ. Знаменай же, яко всяку вещь не рече разумну, проче и звезды бездушны, не бо имут ум.

331 - Богоначелная же изъявления яже о Бозе разумевания глаголет.

332 - Знаменай, кая наричет честная, – яко солнце и звезды, и кая средняя – огонь и воду, и кая последняя, – яко миро, и кая безчестная, – яко зверы и чревице. И яко и при Бозе и зверовидная знаменая реченна быше и яже от вещи, и яже честная же, и средняя, и безчестная.

333 - Мал.4:2.

334 - Знаменай же, «солнце правды» Малахиа именует. Божественый же Петр в соборном его послани: «Дондеже денница восияет в срдцих ваших» (Ср. 2Пет. 1:19; Откр.22:16) и прочая. Сия бо есть восточная звезда. Моуси же «В купине огонь, – рече, – не пожигаей», (Ср. Исх.3:2) еже есть невредне просвещае. Иеремиа же воду глаголетъ: «Мене оставише, источника воды живыие». (Иер.2:13; Откр.7:17) И ины же – иная. И Господь: «Реки ис чрева его потекут воды животныее». (Ин.7:38; Откр.22:1) Соломон же в «Песни песнех» миро рече: «Миро истещанно име тебе». (Песн.1:2 Песн.1:2) В 12 же пророцех Осие и Михеа реченныие зверы глаголют в иже о Бозе пророчествуемых. Давид же чревия себе глаголет: «Аз есмь чръв и не человек», (Пс.21:7) – от лица Господня.

335 - 2Пет.1:19; Откр.22:16.

336 - См. Исх.3:2.

337 - Ср. Иер.2:13; Откр.7:17.

338 - Ин.7:38; Откр.22:1.

339 - Ср. Песн.1:2.

340 - Еф.2:20.

341 - См. Ос.5:14; 13:7–8.

342 - Ср. Ос.13:7–8.

343 - Ср. Пс.21:7.

344 - Или чрвию себе уподоби, яко не от семена родившусе, якоже мы, но семена кроме, якоже чрвие, иже не от семене раждаются, но от земле или от согнития. Еже бо «Аз есьмь чръв, а не человек» яко от лица воплощьшагосе Бога глаголетсе, аще и не по божеству приемлемо есть, но по видимом плоти.

345 - Что образы суть, рекше кумири, представихом уже в иже «О божественных именех» слове, в начеле деветие главизны.

346 - Яко да почитаются божествная и отречениями, рекше: невидим, бесмрътен, неосежим и иная такова. И паки последними подражанием и инаковыми уподоблением да почитаются. Последними – рекше и чрвию уподобляем есть, и

иная елика последнейшая. Инаквем ми же, рекше, инако есть царско име при льве, и инако при Бозе, и ина таковая.

³⁴⁷ - Последняя подражаний Божиих в содетелстве глаголет яже прежде рече «безчестнейшая вещных удобрений». Како же сия глаголются последне подражание и уподобление в иже «О божественных именах» слове, в главизне четвертой реченно бысть нами пространейше.

³⁴⁸ - Зловидное зверообразие разумей и скотовидное, еже о аггелех глаголет Писание.

³⁴⁹ - Добре изобразительная образописания, яже и предрече, не аггельская, но аггеловидная именова, не бо самех тех аггел, якоже суть, образы писани быше, но изъявления некая видотворяя бесплотных являют, якоже сказал есть сам себе.

³⁵⁰ - Како «дете» наричет божественного Тимофеа великы Дионусие достоин возискати. Или убо, яко мню, заеже превзошед того лети се глаголет и любопремудроством преимее, яко и привопрашатисе от того, якоже являют сия в руках списания. Аще бо и прежде святого и божественного Дионусиа верова святы Тимофей, якоже «Деания светих апостол» (См. Деян.16:1) являют, но убо внешним наказанием доволнейши бе великы Дионусие. Или «дете» того наричет, яко подражае Господа, глаголющего: «Дети, еда что снедно имате?» (Ин.21:5). Или понеже иже по Бозе незлобие проходящих «детцу» нарицаху, якоже и Папиа сказует в книзе пръвой «Недельских тлькований» (Кто этот «Папиа», неясно) и Климент Александрьский в «Пестунстве» (Климент Тит Флавий (II–III вв.), пресвитер александрийской церкви, знаменитый учитель и писатель; имеется в виду его книга «Педагог».)

³⁵¹ - К множеству еже единовидно наведе, святая бо единотворит. А яже скврьная и греха суцая в многая разделения ради умножает. Се бо наричет ниня «множество», сиречь скврьное.

³⁵² - См. Мф.7:6.

³⁵³ - Предел священноначелия, – яко священноначелие есть священное удобрение.

354 - Подобие и равенство и тождество едино и единотворно, заеже просто и несмесно и несложно наричетсе. Отличное же и неравное и инаковство и примесное и в преложени тименьное глаголют. Еже убо Едино Бог да разумеваеце.

355 - Рекше, совръшеннотворителная.

356 - Ликовники zde иже о божественных обращающееся глаголет.

357 - Сия непщую являти, яко не подобает кому иже единому священническому степену сопричтенну вещь что своего достояния творити, но еже прикладное своему достоянию действовать и предавати учещу, не убо начинати яже паче достояния. Сиречь – презвитером учити и дар приносить, не убо и хиротонисати; диаконом – учити, не убо и крестити, не бо дадет Дух Светы, якоже ниже Филипп в «Деяниях светих апостол» (Ср. Деян.8:39) диакон, но ниже приносить. И сие прочии. Но и совръшаемым прикладная деяти, да сохраняется добре еже от божественного Павла «Кждо в неже зван бысть степень, в том да пребывает» (1Кор. 7:24|1Кор. 7:24).

358 - Знаменай чин и священноначелия нахождение и яко приходящим подобает пръвее очищатисе учением разделительных греха потемнений, таже просвещатисе разумом богодохновенных Писаний, яже о богоразумии преданми, и тогда совръшатисе «пакыбытия банею» (Ср. Тит.3:5). Знаменай убо, яко просвещение прежде крещения есть.

359 - 1Кор.3:9|1Кор.3:9.

360 - Знаменай, что священноначелник совръшение и како Богу суть споспешници, по божественном апостоле.

361 - Божественное действо, – сиречь Божия дела и самому делающу, упрямуждрающу, совръшающу и яже подобная в пестунствуемии по силе делающу.

362 - Божественное блаженство чловечески да речем и от чловеческих вещи, понеже то по себе что есть, несть мощно рещи:

363 - Зде о священноначелниках самех глаголет, яже прежде сих о священноначелствуемых рек, указуе и чины, и како убо

чистителие меньшии суть, якоже заклинателие суще, просвещателие же превозшедшей суть учением, сиречь пресвитери и диаконы; совершенодействителие же – иже крещением Духа испльняюще Светого, якоже епископы. Глаголет же сия и доле, в иже «О церковничьском священноначели» слове.

³⁶⁴ - Яко естествне и паче естества суть к спасению просвещателная. Добре же чин изъясни церковного священноначелия, сиречь да пръвее приходящей к божественному крещению отричутсе, очищающесе, таже просвещаются учением презвитер в се сотвореньных. Таковым же быти чистителным, достойным еже преподати иным светьбу. И тако епископом проче крестити. Тех бо наричет совершенодейственикы. Сый подобает чин соблюдатьи.

³⁶⁵ - Зде вся вкупе яже в сдетельстве являет имени ради сущиих, и умная и видима вся. Вся бо Бог от не сущиих сотвори сего ради и точию, да Того благосты причестетсе. Приобщет же се промысла ради, яко коеждо прикладне имать, начело бо есть сущиих сущству Божий промысл.

³⁶⁶ - Знаменай помысл, егоже ради сущая вся приведе Бог, – да причестетсе Того благосты по мере коеждо. Се бо являет еже «Многие обители у Отца» (Ин.14:2). Киждо бо по своим деле причеститисе имать Того благосты. Сице и Тит глаголет в иже «На манихее» словех. (Тит (ум. в 372г.), епископ аравийский в г. Бостре, выступавший в своих сочинениях против манихеев.)

³⁶⁷ - Яко вся сущая Божию промыслу причествуют, ниже бо ни в сущиих есть еже не причествуей Божиим. Темже неуставно зло, понеже не причествует Богу, по улишени имества являемо, но не само пръвообразне суще в существе. Сице пространейше рехом выше.

³⁶⁸ - В сих сущая божественная наричет, сиречь Светую Троицу, яже зданиям сущих съдетелница и начело, рекше вина, от тех, иже от тое в сущство пришедших, причествоватисе глаголетсе.

³⁶⁹ - Яко и животная причествуют промыслу Божию по том еже быти. Неживотная же суть – сиречь камение и вся яже не

приходящая в рождение.

³⁷⁰ - О сих чину знаменай же, яко различна горных сил существия. Глаголет же «точию сущая», яже нарече «неживотная». (На поле: не жива).

³⁷¹ - Зри, яко и умние силы от произволения по вещьшем приобщуются благому, яко много желающе того. Глаголет бо «себе воображающе», еже есть произволительно. Прочее не ложно слово, глаголее диавола спаднути с небесе, преврати бо се в злое от себе.

³⁷² - Тех бо существия ум суть живы. Знаменай же, яко умная вся пръвее причествуют Богу. «Изъявительне» же – сиречь возвестительне.

³⁷³ - Знаменай, что истейше аггел и яко пръвый тем чин глаголет имети. Еще же и како аггельми научаваемсе, и како теми Закон дан быст, и яко и иже прежде Закона и по Законе отце наше аггелы к божеств'ному возвождаху.

³⁷⁴ - Ср. [Деян.7:53](#); [Гал.3:19](#); [Евр.2:2](#).

³⁷⁵ - «Еже творити» – якоже при Исусе Навине и Гедеоне и иных (Ср. [Суд.6:20–22](#)), «К правому же путы от несвещенние жизни» – якоже при Корнилию Сотнице, пръвый бо от неверных езык преложисе. (См. [Деян.10](#)) «Чина же священного» – якоже при Данииле «тмы тмами» ([Дан.7:10](#)) и Иезекиилу херувим ([Иез.1:5–14](#)), и Исайи серафим явишесе (Ср. [Ис.6:2–3](#)). «Премирное же видение» – якоже при Павле, восхыщенном даже до третияго небесе (Ср. [1Кор.12:2](#)), и при божественного Иоанна Откровени (Ср. [Откр.1:10](#) и сл.).

³⁷⁶ - «Непосредствне» же – сиречь кроме аггельского служения.

³⁷⁷ - Ср. [Быт.12:7](#); [28:13](#).

³⁷⁸ - Ср. [Ин.1:18](#).

³⁷⁹ - Зри, како тлькует речение, глаголемо «Бога никтоже виде нигдеже» ([Ин.1:18](#)), еже истинейше меню, и веде, яко суть писаническая речения, глаголющая, яко Бог явисе человеком, якоже при Адаме в раи, и при Аврааме у дуба Мамврийского (Ср. [Быт.18:1](#)), и егда в Содом идеху (Ср. [Быт.19](#)), и Моисеови на горе, аще и задняя глаголются узрети ([Исх.33:23](#)), и глаголет,

яко «само то сокровенное Божие никтоже виде, ниже узрети имать», еже есть существо Его. Или и высочайше, яко никтоже разумети или рещи может, или возмоши имать, что есть Бог. Аще ли же и быше богоявления неким светиих, разумеи, яко по мере кждо свое веры сподобляшеся некоего видения, изъясняющего ему божество, егоже ради осияние приемаше иже вонь приходящих божественных разумеаний.

³⁸⁰ - «Видение оно» глаголет, иже, мню, на Фаворе божественный свет (Свет Преображения Христова, о котором говорится в Евангелиях от Матфея (Мф.17:1–2) и от Луки (Лк.9:28–29). По преданию, Преображение произошло на г. Фавор в Галилее), иже явися божественно, и иже в купине божественный огонь (Огонь, который, по рассказу библейской книги Исход (Исх.3:2–4), Моисей видел на г. Хорив в терновом кусте, этим огнем горевшем, но не сгоравшем, причем слышал из куста голос Божий), непосредственно бывшая. Но обаче и сия посредством быше света и огня в образе являемая према силе зрещиих.

³⁸¹ - Богоявления быти глаголет не ради еже Богу являтися и показоватися, еже что любо есть, се бо немощно есть, но яко божественного осияния светии сподобляются некими священными видениями и себе по мере сущими, ихже ангелами быти глаголет.

³⁸² - Знаменай, яко и Закон иного божественного законоположения есть подизображение, сиречь Христова божественного вочловечения. А яко ангелами дастся право законоположение, являет и святы Стефан, глаголе: «Иже приесте закон в заветаниях ангел и не сохранисте» (Деян.7:53).

³⁸³ - Знаменай, како первыми, сиречь превозшедшими, вторая, сиречь меньшая, к Богу возводетсе, и – о ангельских различиях.

³⁸⁴ - «Пресущественное же Чиноначелие» чинов тех Начело и творителну Вину глаголет.

³⁸⁵ - Яко яже о вочловечении прежде навикше ангелы, яко являют яже по божественном Гаврииле, научишим яже о святем

Иоанне, благовестившей же и Деве и яко от Духа Светого зачат воплощаемого Бога Слова.

³⁸⁶ - Ср. Лк.1:11–20.

³⁸⁷ - «Мужственное богодействие» Христово вочловечение есть, по немже, Бог сый, в плоти яже божественная содела. Смотри же, како рек zde Иисуса «мужское богодействие», и заеже убо глаголати «мужственное» явлено, яко совершен человек бысть, «богодействия» же ради – яко Бог есть и человек тожде, иже богознамения Соделава. По мале же глаголет, яко «непреложен», – пребысть бо и еже бе присно. И оно же пакы зри, како глаголет в святей Марии быти неизреченного богоздания богоначелное таинство: «богоздание» же глаголет явлено, яко Бог создасе, по еже бысть человек, по реченном: «Слово плоть бысть» (Ин.1:14). «Богоначелническо» же – яко Бога, Виновного и Начала сущого глаголемых бог же и праведных человек, таинство вочловечения бе, егоже Бога Иисуса предименова.

³⁸⁸ - Знаменай сия на несторияне. Не вси же аггелы уведеше таинство смотрения, понеже егда возношашесе Господь по страсти, неции беху, глаголющей: «Кто есть се Царь славы?» (Пс.23:8:10) Вопросение бо неведение являет.

³⁸⁹ - Ср. Лк.1:26–38 Ср. Лк.1:26–38.

³⁹⁰ - Ср. Мф.1:20–23.

³⁹¹ - 2Цар.7:12–17.

³⁹² - Ср. Лк.2:8.

³⁹³ - Ср. Лк.2:13–14.

³⁹⁴ - Знаменай се – на несторияне и безглавние, яко Иисуса «пресущствну вину» глаголет, заеже Творца суща всех, и яко непреложне глаголет Того быти по нас. Не тожде же и едино сия естество, аще и сам обе. И яко Сам и Законоположитель и под Законом, и яко и Те яко человек аггелыми заповелевашесе в отшествии в Егупте и от того в возвращении, и Те есть и аггелом содетель. Темже един и тожде Христос в двею естеству великое смотрения содела таинство, рече бо се: «Иже в зраце Божим сый, не восхыщением непщева равен быти Богу, но Себе истещи, образ раба прием» (Флп.2:6–7). Се два зрака: еже бо

рече zde «не отместе», се есть еже «не восхыщением непщева», сиречь не неудоусти яко человек послушати и аггел. Благопокорне бо повинуетсе Отца и Бога аггелыми подизображениям. Сим бо с вочины человеческому роду последовати.

³⁹⁵ - Не бо преложисе божественно естество.

³⁹⁶ - Ср. Мф.2:13.

³⁹⁷ - Ср. Мф.2:19–20.

³⁹⁸ - Ср. Лк.22:43.

³⁹⁹ - Знаменай, яко укрепляющего аггела Господа главизна яже в Луце носитсе, глаголет и великы Дионусие и яко паче неписанне в таинстве скровенне тому преданно бысть, и светому Тимофею от апостола Павла. Тогово бо проповедание сописа Лука. Являет же се, яко в таинстве приет от еже рещи: «Свещенничскими нашими преданми изявленная». Зри же и ино сказание, еже глаголет, еже бо рещисе Исаием, «Велика Совета Аггела» именоватисе рожденное отроче, плоти его подобати глаголет. И почто наречесе аггел? Яко Отець совет возвести нам. Спас бо нас Своею страстию, показа, яко и Отец такового бе совета. Ниже бо яко менши Отца аггел наречен бысть. К арианом се. Инако. Укрепляющего аггела главизну к плоти полезно есть разумевати. И инде бо глаголет Благовестие по искушениях бо, яко «Приступльше аггелы служажу Ему» (Мф.4:11), и яко «утрудисе от путного шествия» (Ин.4:6), и яко «взаалка» (Мф.4:2). Вся бо сия показывают, яко совершена восприет человека с того страданми. Но речет кто: «Где бе потреба аггела, Бож'ству ту сущу?» Глаголем, яко множайшая Бог аггелыми чюдодействует, и сие глаголет всяко божественное Писание.

⁴⁰⁰ - По еже к Отцу от того реченном: «Явих твое име человеком» (Ин.17:6).

⁴⁰¹ - Ср. Ис.9:6.

⁴⁰² - Ин.8:26–28; 15:15.

⁴⁰³ - Почто убо единого существа быти всем светым аггелом глаголющей церкви, божественый Дионусие многие именует силы? Великий убо Дионусие, Александрьскы епископ, иже от

ритор, в тлькованиях, ихже сотвори о блаженном Дионусии, иже тому соименном, сице глаголет, яко «нерожденное обыче нарицати внешняя премудрость всяко невидимо естество, такожде и сущствия состави». От сего, – глаголет, яко – по внешних реченны быше светым Дионусием таковы гласы иносказателне.

⁴⁰⁴ - Последний умных чин истейше аггелы глаголет именоватисе, превозшдьшее же инако. В прочей же главизне деветь чинов таинствне воспоминает, ниня обаче глаголет, яко горнейши чинове ведет, елика долными осиянием навицают, ведет же и иная, долнейшим неведомая. Аще ли же и сице есть, обаче роднейшим именем и аггелы есть, егда наричутсе вси умыи чинове. Глаголет же и почто, якоже в сто и втором псалме: «Благословите Господа вси аггелы Его» (Пс.102:20), – и в сто и третьем: «Творей аггелы Свое духы» (Пс.103:4) и прочая. Не супротивообращает же се слово, меншии бо не именуютсе горнейших нареченми, и – яко превозшедшими силами подвешедшее учими бывают.

⁴⁰⁵ - Вопросити убо некто имать: си небесныи чинове – превозшедшей, и нижши, и еще менши – тако быше, яко ово убо горнейши быти, ов же нижши? И глаголем, яко и умная вся самовластная содея Бог. Аще бо человек самовластен бысть от прьстного вмещения и душе сы, колми паче умние силы, не имущее земельно что или тяжело, самовластны быше? Се бо и божественное представляет Писание, глаголе диавола от аггельского волею испадыша чина, и се же божественны муж пред малем о аггельских силах, яко: «Умне, бо на богоподражателное себе вьображающе и к богоначелному подобию премирне зреще и вьображати желающе разумни их вид» («О небесной иерархии», 4, 2.), – от сих же всех показуется, яко самоизволны и самовластныи суть умныи чинове. Влепоту убо глаголет коиждо према мере своего благого желания осиявается божественным разумением. Сего ради и чины наричутсе степеновидне, якоже в них желанию сущему. Сего ради zde глаголет, не имуть слова последний чин серафим или престоле именовати. Знаменай же, почто наричутсе вси чинове аггелы.

⁴⁰⁶ - Яко истейше аггелы возводит свещенные человеки на ведомые им божественные луче. Инако. Зрителных тайств си исплони все свещенный Дионусие, глаголе, яко убо последни чин, нарицаемый аггелы, иже в человецех свещенноначелники церковные пестунски наставляють на возведение к Богу, долнейши же чин те наш пестун и степенми превыше лежимые горнейши яко меньшее тайнонаучають.

⁴⁰⁷ - Сиречь последнего аггельского глаголю. Сей бо чин совершает долесходителне вся удобрения. Знаменай же, яко славит общая быти всяка именованя деветих чинов коемуждо чину, заеже обще осияватисе в боговидное и в светодание от Бога, аще и не подобне.

⁴⁰⁸ - Есть, глаголет, обще именовать все разумные и бесплотные чины и по ином образе, сиречь, по боговидном, еже есть по к Богу приближению, поелико мощно комуждо их. Темже убо все премирные чины боговидных нарицати; и ино же приобщение имети всем тем, еже светлейшого осияния от Бога дарование, аще и премо комуждо мощно – или меньше, или вещьше – осияние дается. В иже же «О божественных именах» слове рече, яко божественны едины глаголютсе всякого чина чиноначелници.

⁴⁰⁹ - Знаменай же, како свойства глаголет яже коегождо чина меры.

⁴¹⁰ - Яко един Бог, иже и боготворей тех, весть известне тех же и тех службы; и самы же ведет себе и яже тех. Мы бо ни едино известне еже в тех вемы, разве елика от божественного научихомсе Писания.

⁴¹¹ - См. Иуд.9; Еф.1:21; Кол.1:16; 2:10.

⁴¹² - Свещеннослужителя убо своего обыче нарицати или божественнейшего апостола Павла, или светого Иерофея, якоже в иже «О божественных именах» слове речесе. Ниня же никого иного мноу глаголати тому, разве светого Павла. Ниединобо бо се иного разве того, иже даже до третияго небесе достигшего и яже о сих навикшаго.

⁴¹³ - Прьво троичско се и боговидно чиноначелие есть смыслене и достойне Богу зрей разумети от Иезекиила, иже

глаголет престол прьвы, на немже явисе Бог, таже абие ближня херувим (См. Иез.10:1); от Исаие же светейши серафим, окрест стоеще Бога, зрехусе (См. Ис.6:1–2). Сия же являют еже паче всех горнейшее при Бозе их покоище. Изъявляют же се немал сия подобне и в «Откровении» светого Иоанна, апостола, еваггелиста и богослова (Ср. Откр.8:2).

⁴¹⁴ - «Непосредствене» реченно бысть, понеже несть иной чин прежде того. Знаменай же, яко престоле, рекше многоочитая и многопернатая херувим и серафим, глаголет горнейшая быти всех сил.

⁴¹⁵ - См. Кол.1:16.

⁴¹⁶ - Прочее же две троичеце умных чинона[че]ли отдоле горе собирает, прьва бо суть господствия, таже проче силы, таже власти. Се же власти прьвые вьчинив, средние приет господствия. И третье служебные троиче прьвая начела, таче проче архаггелы, и последни аггелы. Ниня же убо не сиче тех воспомену, в прочей главизне, но отдоле горе прием именовал есть. Апостол убо во еже «К Римляном» (В Послании к Римлянам апостол Павел называет ангелов, начала, силы: «...ни Ангелы, ни Начала, ни Силы...» (Рим.8:38)) и во еже «К Ефесиом» (В послании к Ефесянам апостол Павел называет начальства, власти, силы и господства: «Превыше всякого начальства, и власти, и силы, и господства, и всякого имени...» (Еф.1:21)) воспоминает некоторых аггельских чинов, не сии же чин споведует. Являет же великы Дионусие, яко в тайне сия предасть святиим божественый апостол.

⁴¹⁷ - Паки надписание отдоле на высочайшая восходит, трети бо серафиме, втори херувиме, и прьви престолы. Супротив обратне убо надписа.

⁴¹⁸ - «Приемлюще» глаголет, рекше «любеще» или «о сем усрьдствующе».

⁴¹⁹ - Знаменай, яко всяко име разумных знамений объемлет чину свойственного действия, якоже светых серафим и херувим сказания имен являют.

⁴²⁰ - Без какого-либо знака, указывающего место, к которому относится маргиналий, на поле рядом начинается следующая,

частично утраченная, запись: Пръвое небесных священноначельств, рекше служебнство, или стояние, или чин паки от тех пръвый и превышших существ от серафим и херувим и престол священнодествуетсе.

⁴²¹ - Понеже боговидное имество глаголет при божественных умовех, не подобает непщевати великого Дионусиа добродетели сие умние яко случай, заеже и в нас тем прибывати глаголати, яко ино в ином подлежащем, рекше качество прибывшее. Случай бо и подлежащо отонудь отверженное есть, яко и всяко сложение и вещи безобразное отонудь изврьженно есть. Аще бо бе ино в ином, сиречь случай в подлежащем, не бы убо живо было по себе сущство оно, ни же обожатисе по себе якоже мощно можаше единого ради чина, яко ино в ином сохраняемо. Яже убо сих реченья имества самоосуществленна суть, не убо яко случай в подлежащем, невеществного ради. Сего ради великы Дионусий доле, в иже «О церковном священноначелии» слове, в главизне четвертой, осуществленная быти глаголет имествия яже в них.

⁴²² - Знаменай, яко божественные силы по иместву имут боговидное. Имество же есть качество пребывателно. Отсуду убо является, яко самовластьны суть, в иместве добродетели имуще. Се пространеше представляет Аммон Андрианополскы (Аммон, или Аммун (IV в.), диакон, священномученик, схваченный вместе с сорока девами в Адрианополе в Македонии и убитый в Ираклии в гонении Ликиния (311–324).) в иже «О воскресени» от того на Оригена (Ориген (ок. 185–254), знаменитый философ-богослов и проповедник христианства, плодовитый писатель, исследователь и толкователь Священного Писания. На соборе 543г. был обвинен в ереси и анафематствован.) писанных словех.

⁴²³ - Толкование на нижнем поле без какого-либо значка-указания, к какому месту текста оно относится: Превысоких престол именоване учит еже быти им изетим всякого доленосного смерения и прочая, яже глаголютсе тем имети я.

⁴²⁴ - Горнейше естество и по Бозе от Того въчиненное являет престоле ничтоже на тименная внимающим, якоже назнаменуе еже ничесоже тем имети долешьствного смерения,

но еже к Богу всходное, гореносне внемлюще. Добре же приведе «премирне», рекше бесплотне и невестственне и умне, рекле мыслене. Да не убо вознепщуеши еже «воздвизательное» путь быти телесны, приведе еже «невестственне».

⁴²⁵ - Знаменай, яко и иже святых престол чин богоносен рече, яко носе [зачеркнуто красными чернилами: на том] почиваемого мыслене Бога. Зри убо, понеже и блаженный Василие Кападокийский (Василий Великий; см. примеч. к с. 292) богоносную рече плоть, смотрити достоин, како рече. Но убо плоть самого Господа по составу соединисе самому Богу Слову, сего ради и еже плоть носити те глаголетсе от отец и плоть облещи. Что убо безместне, аще и плоть тогова глаголетсе богоносная, яко носещи Бога Слова по соединении нерастоятельном, тогова плоть и глаголемая и бывши истейше и поистине? Си же, по благодати имуще в себе Бога, неизреченным словом и недомыслною мыслию, богоносны и си сего ради глаголютсе.

⁴²⁶ - Яко пръвее причествуют пръвие силы Богу, и тако преподают меншим бывшее в них осияние.

⁴²⁷ - Яко всякого мечтания вещного неприятны суть и непримесни всякому снижению.

⁴²⁸ - Сице собирай се: «Пръвыим сущством свое непщевати достоин быти им и по всем подобовидно священноначелие, иже по существотворном их Богоначели приседещая, и яко в преддъри того въчиненная, всякие видимие и невидимие бывшее силы суть превозшедшая».

⁴²⁹ - Яко не токмо божественные силы same скврн и гнусот свободны суть, но и всякого мечтания вещного неприятны суть, и непримесни всякого уменения, и еже на худъше уьнение никакоже ведуще. Сие же разумей не яко по естеству непреложни суть, но, самопроизволны суще, ради еже на благое зельного желания в благое уклоншесе, пребыше сице, имьство якоже имуще еже неподвижимо. Един бо по естестве непреложен Бог, сие же аще сице соделанни быше, не би убо испаднул диавол. Но и сии все единого и равного чина. Еже бо от естества благое уменения не имать.

⁴³⁰ - Самодвижение глаголет светы се быти движение их, – яко неизменно и непреложно такожде же имущее. Движения же суть при тех яже непрестанная въразумевания действия, умове бо суть немлчныи. И знаменай еже «по боголюбезном непреложное», и прочти четвертоу главизну иже «О божественных именех» слова и 8 главу настоящего слова.

⁴³¹ - Знаменай, како глаголютсе зрители светы чинове си и яко не знаменми или виденми Писания богоразумие имут, якоже мыи.

⁴³² - Зрителие глаголютсе иже таин видителие. Сия же светыим знаменателне глаголемими о Бозе чювственнымии откриваются, еже при горных силех несть разумети. Знаменай же реченное «трисветлое видение» вместо «трисоставно светое Божество».

⁴³³ - Исусово же приобщение причестие славы и неизречение светлости тела Христова глаголет, с плотию бо соседит Отцу.

⁴³⁴ - Знаменай же, яко еже к Господу Исусу уподобление богоздателно есть, сиречь соделует богы уподобляемие, – и како непосредствне и кроме знамени чины си уподобляются Христу, от того се приимшеи.

⁴³⁵ - Знаменай, яко и пръвозданны суть силы сие и добродетели Господа Исуса Христа яко силы сие имут.

⁴³⁶ - Знаменай, како глаголютсе совръшенны божественны чины си. Сказателное же различие художество глаголет изьяшнение и тлькование священного предания, егоже требуют и менши чинове, якоже напред глаголет, много же множае чловеци. Кроме бо тлькований, сказующиих многоразличную премудрость светиих зрений, не мощно сия разумети ни же нам, ни же меншиим пръвых трех чинов. Темже глаголет, яко убо подвьшедшиими чиновы коиждо пръвы священноначелствует токмо и не иная сила. Горнейших же сих удобрений священноначелием Бог священноначелствует един, и не иная сила.

⁴³⁷ - Понеже бо всяких горнейши суть и ничтоже имут превышьше, елико в иных силах, влепоту от Самого Бога

единого прьвы, яко горнейши, научаеми суть божественному разуму.

⁴³⁸ - На поле рядом: Священначелствуема – сиречь тайно учима.

⁴³⁹ - Знаменай еже «научаватисе»: являет бо не по естестве быти им таковыми.

⁴⁴⁰ - Ср. Пс.23:10; 79:20.

⁴⁴¹ - Ср. Пс.23:10.

⁴⁴² - Знаменай на василияне, рекше несториане, (Несториане, последователи учения ересиарха Нестория (V в.), который учил, что Дева Мария родила не Богочеловека, а человека, который через наитие Святого Духа стал Христом и в особом соединении с которым пребывало Слово Божие) – яко вознесисе по еже человек Христос Исус То есть Господь умных всех и Царь славы, яко учими навицают от глаголющих: «Возмете, врата, кнезы ваши» (Пс.23:7), – и вопрошающе: «Кто есть се Царь славы?», – и паки слышеще: «Господь силам» (Пс.23:10), – и прочая. На безглавние же и евтихиане («Безглавние» – акефалы, так называли людей, не следовавших в спорах V в. ни за каким из «глав» борющихся церковных партий, ни также за теми, кто пытался их примирить. «Евтихиане» – последователи ересиарха Евтихия, учившего, что все человеческое во Христе было призрачным как поглощенное божественным. Ересь осуждена на Константинопольском соборе 448г.), яко аще и Господь силам, но убо плоть и явлен человек, яко и к странному удивлятисе прочиим начелом.

⁴⁴³ - Добре богодействие нарече еже о нас смотрение. Божия бо беху яко воистину дела вся, яже в смотре ни Господни: рождство светое, исцеления, яже при страстех знамения и воскресение.

⁴⁴⁴ - Ис.63:1.

⁴⁴⁵ - А еже «Аз бо глаголах правду и суд спасения» Исайи суть, и зри, како сия разуме.

⁴⁴⁶ - Речение сице сложи: «Дивлюсе, како прьвая существь пренебесных, яко средняя, богоначелных осияний желают».

«Посредевоскриляемая» же рече яко не ко крайнее высоте возлетаемая, но среды касающасе разумений. «Недоумевати же се» назнаменует еже глаголати: «Кто сеи приходей от Едома?» (Ис.63:1)

⁴⁴⁷ - На поле рядом частично срезанная запись: «Посредевоскриляемая», рекше не велми продрезающе сами на уведение, ни же паки небрегуще о том, но благоговейне желающе.

⁴⁴⁸ - Зри, с колищем страхом и благоговением всех высочайши чины яко средны, а не прьвы вопрошают друг друга прьво яже в Исайи: «Кто сеи, приходей из Едома, обращением ризам его от Восора» (Ис.63:1), – и тогда якоже повелеваемы от Бога к Нему глаголют: «Почто Ти обращенны суть рызи?»

⁴⁴⁹ - Ис.63:1. Ис.63:2.

⁴⁵⁰ - Знаменай же, како глаголет очищатисе, и просвещатисе, и совершеннодействоватисе божественным чином.

⁴⁵¹ - Знаменай, что чищение при умовех и что неразумие. По иместву художество есть пребывателно и неотъемлемо осияваемого разума постижение.

⁴⁵² - Ср. Пс.75:12; Ис.6:2; Откр.7:11.

⁴⁵³ - Понеже и стоящая, и окрест Бога ликующая непосредственне прьвая сия чиноначелия глаголет, достоин изъявити, како и стоит, и движутся, якоже в лику окрест Бога. И убо от Исайе узрок приет, иже глаголет: «И серафим стояху окрест Его, шесть крил единому» и прочая; наводит же: «И двема летеху» (Ис.6:2). Како бо стоящая летеху окрест? И да разумеется сие. Всякий ум, от всех виновного Бога восияв, понеже от Содетелствовшего и восия, глаголете о Том якоже о сроце двизатисе, движению не местному некому сушу, но разумному и живому. Есть же окружно ума движение таково. Все еже разумеваей или ум сый разумеваает, или яко причествует ума. Иже убо ум сый прьвее разумеваает, а еже причествует уму вторе разумеваает. По сем убо, по еже ум сый разумеваает, двизатисе глаголетсѧ убо. Окружное же умышляется движение сие, по еже возвращаеся и в себе бывае сие, себе разумети

имать и иже прежде того, от Негоже восия, яко убо от Бога восхотевшего произложен быв; о том, вьместо о Божиим желани и любвы, якоже о сроце, будет. Не бо соединяются вторая преждьным их, но ликованию некоторому бываемо уподобисе. Раждаема бо быти в своем желающа отродь Родившего зреть. Еже бо убо в разумени к преждьным того обращаемо окружного движения мысль вьводит. Понеже убо везде есть Бог, яже везде Тому сопоследующая еже хотети присно Того разумевати, о сем радуются и ликуют, якоже веселием. Глаголетсе убо ум в себе быти и к себе спешитисе. Еже убо в себе есть и являет бесмрътие, стояние имать. По еже бо быти, еже есть бесмрътне быти, стояти разумеваеце; по еже же к себе тычатисе двизатисе, не хоте разлитисе како в извнѣя его и вещная разумения. По убо самодвижен, не стоит, но движитсе; по существе же присно такожде имущем стояние, но не движение имать. Есть убо и по естестве коемуждо умов устремление, еже к Богу желание и еже о Нем, якоже о сроце, окружное ликование, якоже круга о знамени, рекше о сроце, от ниеже состависе. И бо и по естественной нужди коеждо сущиих еже о Бозе ликует ликование, еже быти желае Виновного. Сице убо о всех Цари вся суть и Его ради вся и Он все добрых виновн. А еже рече непосредствне прѣвая о Бозе ликоствовати, яко не имуще нечто прежде тех, являет, яко вторая и третья, сиречь чювственная, посредством преждьних о Бозе, якоже речесе, по мере ликоствуют.

⁴⁵⁴ - Умная виды убо суть и свойства бытий разделных в бесплотенстве же, и еже места не требовати невещьствная суть, да вьместетсе, якоже телеса вся. Идеже бо тело, и место.

⁴⁵⁵ - Иез.1:24; Откр.19:6.

⁴⁵⁶ - Ср. Пс.102:22.

⁴⁵⁷ - Какое подобает разумети место при Бозе, Писанию везде глаголющу неопределно быти Божество и еже «Небо престол Его, Земля же подножие ногама Его» (Ис.66:1), и пакы: «Постави удолия мерилем и Землю гростию» (Ср. Ис.40:12), – и пакы: «Аще поиду на небо, Ты еси ту, аще ли съниду во ад, ту еси» (Пс.138:8). Кое убо место Иезекииль умысли Богови? Глаголем, яко мнѣщаяся нам неудомявателная Бог иже Того

искущим от всего движения изъясляет. Глаголет бо божественное Писание: «Аще заповеди Мое соблюдет кто, Аз и Отец приидево и обитель в нем сотворива» (Ср. Ин.14:23). Темже убо и умние силы, и светиих душе и всех хранещиих заповеди, место наричутсе убо влепому Божию и покоище. И инде глаголет: «Почти Дух Мой на них» (Ср. Чис.121:25–26).

⁴⁵⁸ - Ис.6:3.

⁴⁵⁹ - Знаменай, яко и друго съписание ему есть: «О божественных пениях».

⁴⁶⁰ - Реченное яко: «Кый храм созиждете Ми, глаголет Господь, или кое место покоищу Моему?» (Деян.7:49; ср. Ис.66:1) – являет не глаголатисе о чувственном нечесом, но о божественных сих умовех. Или и сице: восхоте Бог назнаменати, яко не описанно есть Божество. И инако: яко в самех слышещих не бе Богу места покоищааго неверия ради их, якоже глаголет в Благовествиях Господь: «Сын же Человечьский не имать, где главы поклонити» (Лк.9:58).

⁴⁶¹ - Не токмо, рече, Трисветое пение являет и иже «от места Его» Бога славословеши глас, еже преподаватисе и меньшим чином разумевати и воспевати Бога, но и ино нечто назнаменуе к сим. Сие же являет речение, глаголемо; и убо и едну и единицу трисоставного глаголем быти Бога и промышляти всеми от провех и даже до последних земле, содръжеща всех неодръжимо, сиречь не телесным содръжеща, но божественным промыслом пресущественно. А яко есть же една и единица, понеже и Евагрии непреподобный во второй сотници, в главизне третьей, глаголет се: «То есть убо единица, понеже Божество просто и неразделно есть. Сего ради единица, и единица бо, числьнически рещи, проста и несложна есть. Една же сего ради, понеже и к себе соединенна есть Светая Троица естественна, и соединяет всех иже Тою приближающихся, по реченном в Благовествиях: „Да будутъ си едино, якоже и Мы едино есмы”» (Ин.17:11).

⁴⁶² - «Неодръжимое объетие» глаголет изетий всякого и несовокупляемый к содръжимым промысл Божи и содръжание.

⁴⁶³ - На поле рядом:

⁴⁶⁴ - На поле сбоку. Яко именование их знаменает, что есть свойство их.

⁴⁶⁵ - В конце главы: Яко именование их назнаменует, что свойство их.

⁴⁶⁶ - На поле рядом: Мучителскы нас телесные вещи, яко телесных сущиих, к телесным привлекает. Господствъ же неедино от отличних подобьствъ может их преклонити.

⁴⁶⁷ - Зде согрешение неко еллинскихъ любопремудрецъ благочестивне отсекает, иже особенные три силы некоторые неумекчаннныя нарекоше, произошедшее в бытие от некоторых преждеданныхъ их трех сил, не убо же от Бога светом содеяннымъ особе. И глаголют неумекчателныи [здесь зачеркнуто красными чернилами: и нераслабленнымъ] быти сие меньше произведшихъ та умных сил, скутавающе и якоже супротивещесе и дръжателне преждеданныхъ их и себе еже не выпасти в тину и немощнейше по сем произведшихъ та, по еже требуютъ дръжати себе непадаемие. Сия убо яко въкратце яже оных. Великий же Дионусие премудре супротивная вся им глаголет, от Бога бо тем содетельскы настати глаголет, егоже и изображение имут в господствия, якоже и мы, и по подобию созданны бывше. Сим же еже непреклонное в яко снижение словом господства имети глаголет, секуще и якоже рассецающе и не оставляюще дръжатисе к чювственнымъ похотениемъ, не убо же преждедныи скутавающе. Чювствна же и телесная раболепни глаголет и несвободни и суетную славу. «Работворения» же вместо «раболепия», понеже не оставляют воистину сущая разумевати, но сводят от неклонителныи тврьдости на суетныхъ подклонение. Отличие же пакы наричетъ яже вещная, яко николиже пребываема в томъждестве, но присно прелагаемая.

⁴⁶⁸ - На поле рядом: Знаменай, яко всяка умна сила не умекчателне и непреложне к худьшему имать.

⁴⁶⁹ - На поле рядом: Господоначелие глаголет Божество, яко всякого господства начело и вина есть.

⁴⁷⁰ - На поле рядом: Светыхъ же сил именование, еже есть свойство.

⁴⁷¹ - На поле рядом: Знаменай, како везде глаголет
превышшим силам преподавати своих сущим по них.

⁴⁷² - В конце главы: Знаменай, как везде глаголет
превышшие силы преподавати своих сущим по них и силы
укрепляти меньшее их. Вемы же, яко и Даниила пишет (См.
Дан.6:22) аггел укрепляей, и иные, и всех же еже вещьше – и
самого Господа нашего Иисуса Христа, заеже и человек, – якоже
от Луки в Благовествию лежит (См. Лк.22:43).

⁴⁷³ - На поле рядом: Светых же власти именование мню
являти еже вкупочинно и проча по редо.

⁴⁷⁴ - К горе лежащим и сия да сочиняются, от онуду бо еже
«мню, являти власти именование».

⁴⁷⁵ - Яко власти елико тем праведно, яко аггелом сущим,
умние силы сущим по них преподают.

⁴⁷⁶ - Како и чим очищаются и просвещаются и
совершеннодействуются среднии чинове, и яко имать Писание,
яко иный аггел иному препосилают божественная знамения (См.
Откр.14:18).

⁴⁷⁷ - На поле рядом: Средним онем, сиречь прьвым от Бога
чином, еже посреде Бога и чина иже есть по прьвом чину.

⁴⁷⁸ - Яко средними совершения тончайшая иже
провосветне от Бога действуемых, иже прьвыи суть от Бога,
средни же к иже по них чином.

⁴⁷⁹ - На поле рядом: «Утончаваему» глаголет не от своего
ему ослабления, но от уменения приемлющих. Се бо сказует
еже рещи «второе совершения», – сиречь еже тончае
совершати вторая.

⁴⁸⁰ - В конце главы: «Утончаваему» рече не от своего ему
ослабления, но от уменения приемлемых. Се бо являет еже
рещи «второе совершения», – сиречь еже тончае совершатисе
вторим против мере своей.

⁴⁸¹ - По еже в Захари (См. Зах.1:11; 2:3–4), и Данииле (См.
Дан.12:6–7), и Иезекииле (См. Иез.10:7) пророцех лежащем.

⁴⁸² - Знаменай, яко священне сия предаше великому
Дионусию. «Самоявленная» же нарече прьвыие божественные
силы, понеже от себе божественная приемлют осияния. Прочие бо

силы не собою божественные приемлют дары разума, но превозышедшими.

⁴⁸³ - Знаменай, яко священническое предание есть еже о чинох умов ведети.

⁴⁸⁴ - На нижнем поле: Указ реченному, яко вторая от првьих научаваются – от Захарии пророка.

⁴⁸⁵ - Перед началом слова – значок (две киноварные точки), и на поле у такого же знака киноварью написано: посреде.

⁴⁸⁶ - Зах.1:13.

⁴⁸⁷ - Зах.2:4.

⁴⁸⁸ - Добре рече Господь в пророце Иезекииле, яко: «Разлучите от праведных грешные» (См. Иез.9:3), – се бо и в Благовестиях является сотворь, егда овце от козлищ раздели (См. Мф.25:32–33). Се соглашает и в сем Ветхий Завет Новому.

⁴⁸⁹ - См. Иез.9:2.

⁴⁹⁰ - Знаменай, яко аггелу убо се знамение наложить повеленну «подиру, рекше одежду, даже до ногу сходящую», и пояс о чреслах, – образ подобен священнику. Аггелом же, секири в руках имущим, иже сказует томительную неку силу. Яко от сего разумевати нам к хотещему совершити делу и иже аггелы, вид въображается, еже разумети длъжни есмы и о серафимех и херувимех и иных силах, яко према своему чину и изображение имут. Еже бо Трисветую песнь глаголющеи многоличнии изображаются (См. Ис.6:2), сказующу Слову, яко неумльцаемо есть и много тех пение. Сиче и о прочих разумей.

⁴⁹¹ - Киноварью на верхнем поле: О благочинии вторих к горнейшим.

⁴⁹² - Знаменай, яко божественное произображение от оногo провъзвестисе еже верным на челе животворному наложитисе знамению и снабдетисе от губителя. Но тогда убо аггелы в образе священник се творити повеленны быше неповинным, – пояс бо и одежда до ног сходящи священнолепны священник являет образ, – ниня же и мы себе, верных, крестное замение на челе изображающе, убегаем врага. Се и друго уподобление Ветхого к Новому.

⁴⁹³ - Знаменай, яко си суть троичсци чины умных сил. Прввая троица: престолы, таже херувиме, потом серафиме. Втора троица: господствия, силы, власти; сия и средняя глаголютсе. Третья троица: начела, архангелы, аггелы. Обще же именем вси аггелы.

⁴⁹⁴ - См. Дан.9:23.

⁴⁹⁵ - См. Иез.10:6.

⁴⁹⁶ - Знаменай, яко и Гавриил несть горнейших сил, но менших.

⁴⁹⁷ - Дан.8:16.

⁴⁹⁸ - Знаменай, яко подражание горнего таиньственного священноначелия яже в Церкви бываемая дньсь. И бо священники знамение налагают животворещего креста приходящим к таинству за еже разделить тех от неверных и да врага убежит. Инако же и чин сохраняется в светей Церкви: еже бо творит повелесе уподиакону не творит иже суть меньши; и еже творит священник не творит диакон; и, просто рещи, кождо имать подобную ему службу. Общем же именем все причетники и служебники наричутсе, якоже и аггелы. Зде подобает разумети, како речесе божественным Стефаном: «Иже приесте закон в чинох аггельских и не сохранисте» (Деян.7:53 Деян.7:53).

⁴⁹⁹ - Самого же начелотворного Начела изъясляет пресущественное чиноначелие с начел чин.

⁵⁰⁰ - О архаггельской доброте и что являет.

⁵⁰¹ - Светых же архаггел именованье единочино убо ест.

⁵⁰² - Знаменай еже соборное, яко всяко священноначелие имать прввые и средние, и последние силы, сиречь трье троичьсци чины.

⁵⁰³ - Како божественны архаггелы сущим прежде тех и иже по тех причествуют.

⁵⁰⁴ - Слова «по благоудобрительных... владычествиях» были сначала пропущены писцом, а потом приписаны на поле столь же крупно, как основной текст.

⁵⁰⁵ - Яко последны чин аггел и преудобренен.

⁵⁰⁶ - Яко последны чин небесных сил паче достойны есть аггелы нарицатисе, яко приближаесе человеком, имже и яже божественная навицают человеци.

⁵⁰⁷ - Яко прьва троица вьторой священноначельник есть, и втора третьей, третья же иже в человецех священником.

⁵⁰⁸ - Како ова убо скръвеннейшая, ова же явленнейша священноначелия.

⁵⁰⁹ - Знаменай указ от Даниила, сиречь последьни чин наставник быти иже у нас священноначелия.

⁵¹⁰ - Како аггелом благим пристоещим языком, едины Израиль ведеше Бога. Коиждо бо язык аггела имат, удостоенна ему, якоже иудее Михаила (Вера в то, что архангел Михаил – ангел и иудейского народа, основывается, очевидно, на словах пророка (Дан.10:13, 21; 12:1), что князь Михаил – единственный помощник еврейского народа, и на словах Послания апостола Иуды, что Михаил Архангел «говорил с диаволом, споря о Моисеевом теле» (9)), егоже и от последняго чина светых аггел глаголет.

⁵¹¹ - См. Дан.10:13, 21; 12:1.

⁵¹² - Втор.32:8.

⁵¹³ - Не от приставленных аггел вына бывает, рече, но от своего к неподобным устремления.

⁵¹⁴ - Знаменай, яко киждо себе виновен и блага и зла.

⁵¹⁵ - Не яко Бог Израиля избрал есть единого, но яко Израиль един восхоте последовати Богови. Сице бо и сказание речи назнаменует «Ум, зрей Бога» (Распространенная в Византии этимология имени «Израиль» (см.: Иоанн Кантакузин. Беседа с папским легатом, Диалог с иудеем и другие сочинения. СПб., 1997. С. 109; Прохоров Г.М. «Стязания» с иудеями по сборнику Кирилла Белозерского (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., №XII) // ТОДРЛ. СПб., 2001. Т. 52. С. 174–175). Но «Исраэль» означает буквально «Борющийся с Богом», что соответствует библейскому рассказу о борьбе Иакова с Богом (Быт.32:24–29). Распространенная в Византии этимология имени «Израиль» (см.: Иоанн Кантакузин. Беседа с папским легатом, Диалог с иудеем и другие сочинения. СПб., 1997. С. 109;

Прохоров Г.М. «Стязания» с иудеями по сборнику Кирилла Белозерского (РНБ, Кирилло-Белозерское собр., №XII) // ТОДРЛ. СПб., 2001. Т. 52. С. 174–175). Но «Исраэль» означает буквально «Борющийся с Богом», что соответствует библейскому рассказу о борьбе Иакова с Богом (Быт.32:24–29)). Тако разумети дльжни есмы яже в песни Моусеове реченна: «Бысть честь Господня уже дело мерно Иаков» (Ср. Втор.32:9), – еже являет Израиля. Не Бог бо Израиля токмо любляше, якоже и апостол многаши яви, рек: «Еда несть Бог и язык? Ей, и язык, понеже един Бог» (Ср. Рим.3:29–30). Но Израиль пръвее иде вослед Бога, понеже последи отступив и то отгнасе. Самовластное бо имуще чловеци, егда хотет творет Бога с собою.

⁵¹⁶ - Ср. Ос.4:6; Иер.9:14; Чис.15:39.

⁵¹⁷ - Еже zde глаголет светый отец Дионусие, се и при слнечном свету бываемое видети, при светлих убо вещех свое преподавание творещу, при дебелейших же не подобне, но или свьсма непреподатне, или тонце. Еже убо zde вещное разньство творит, се при божествьнем осияни неравенство самовластного соделует устремления.

⁵¹⁸ - Зри, како глаголет нас самех виновнех быти еже приети осияние божественное, или мало или много того приети, или отнудь ничтоже того приети, егда к тому ожесточанны будем и окаменны. Рече убо в Еуаглиях Сам Господь: «Может Бог от камня сего воздвигнути чеда Аврааму» (Лк.3:8). Еже бо нам жестоко и немощно, се Богови мощно.

⁵¹⁹ - Знаменай паче zde обущати неподобное неких и нерасудное ненаказание, еже смеют глаголати божественная сьписания Аполиinarieва (Может иметься в виду Клавдий Аполлинарий (II в.), известный апологет христианства, автор многих не дошедших до нас книг против язычества, а также, но это менее вероятно, Аполлинарий Лаодикийский (IV в.), ересиарх, оказавшийся не в состоянии принять утверждение никейского Символа веры о сочетании в личности Иисуса Христа двух природ, божественной и человеческой; его учение осуждено Александрийским собором 362г., Римским собором 375. и 2-м Вселенским собором 381.) бысть, ни же от лиц, ихже

воспоминает помышляюще древнее мужа, но ложное надписание глаголюще еже Дионусиа име, ни же яко ниня от идолослужения рече себе возвратитисе, а паче Аполиinarie не от таковых бе.

⁵²⁰ - Яко Бог, естеством сы благ, готова Себе подает всем в еже причеститисе светыне Его и просветити душу. Проче еже от нас ищется, еже како пожелеем причеститисе разума Его, да покажется самовластное. Не бо виновен злых Бог, еже есть от Того разлучение.

⁵²¹ - Собрание сие сице: «понеже яко и езыик иных не чужди неци наставници беху бозы, едино же всех Начело». И тако друга посреде да рекутсе. Да отколе есть едино Начело, к Тому възвождаху аггелы езыки, имже коиждо приставлен беше.

⁵²² - См. Быт.14:18.

⁵²³ - Знаменай яже о Мелхидеку, (!) яко священноначелнику воистину и аггельским наставлением иже воистину сущого Бога познавша. «Последующиих» же рече самоизвольного ради и непонужденного.

⁵²⁴ - См. Быт.41:1–7.

⁵²⁵ - Знаменай, яко аггельми, глаголет, яже в сних быти видениям фараону и Навуходоносору, и яже сих явления, рекыше сказания.

⁵²⁶ - См. Дан.2:1–11.

⁵²⁷ - Иосиф убо егуптеюм, Даниил же вавулоняном наставник беше (слова «наставник беше» приписаны писцом на поле), аггелом же наставником язык сих, совет Божи открывающиим им и видения.

⁵²⁸ - См. Дан.2:14–44.

⁵²⁹ - См. Быт.41:25–32.

⁵³⁰ - Знаменай речения Моусейских песни: «Егда разделяше Вышни езыки, ихже рассея сыны Адамовы, постави пределы языком по числу аггел Божиих. И бысть часть Господня люде Его Иаков, уже достояния Его, Израиль» (Втор.32:8–9). Не бо подобает, рече, мнети разделить в иные боги или аггелы езыки, не бо удостоятелне случись Богови Израиль убо, иным же аггелом особне, яко не служити им в ином чесом Богови.

Якоже, принеси да речем, овзы язык овому зи (так!) аггелу отлучисе и удостоисе быти, и несть что Богови о языку его брежение, или не служит и упражняется в ином чесом к Богу иже языка аггел. Но ни же вькупочьстне или богопротивне приет Бог с язык и киждо от аггел свой язык, якоже в Исайи реченно бысть, яко диавол яже к северу гори, сиречь, языки, рече в себе имети и противитисе Богови и быти подобен Вышнему (Ср. Ис.14:13–14). Вся бо работна Богу, и всех То Сам начелствует, но ведущих Того предпочитает. И сего ради и То глаголетсе теми начелствовати, негли аще имут и аггела приставленного, якоже Израиль Михаила. И како всех начелствуе Бог наипаче Израилев глаголетсе Бог и Израиль Тогов? Глаголем, яко Бог всех есть Бог, приближающих же се Тому и Тому единому покланяющихся глаголетсе праведне их Бог. Прочи бо, идолы почитающе, иные творет себе боги.

⁵³¹ - Втор.32:9.

⁵³² - Втор.32:9.

⁵³³ - Добре сказует еже: «Бысть честь Господня Израиль, удостоенна Ему». Подобаше убо, понеже Израиль един уведет Бога, тому единому от Господа посещатисе и от аггел Его. Но и в сем показуется безмерная и неисследованная милость Божия, яко и мнещимсе не быти чести Его особна аггела приставил есть хранителя языку. «Восиявает бо солнце Свое на праведние и неправеднии» (Ср. Мф.5:45). И пакы: «Иже не хотей смерти грешнику, яко возвратитисе и живу быти ему» (Ср. Иез.33:11). Но речеши: Како имущей аггеле, от Бога данные в еже наставляти и водити тех, отступише от Бога живого и поклонишеся идолом? – Глаголем, яко всяка нужда от иже в Бога зреющих отгнасе и вьместовьведесе еже самоизвольное. Аще кто изволит с Богом быти и хранитсе от аггела, и вьчиняетсе под ним. «Господ бо, – рече, – совесть путь праведних» (Пс.1:6). И пакы: «Юн бех и бо состарехьсе, и не видех праведника оставленна» (Пс.36:25). Аще ли же кто супротивное изволит, не понуждается от аггела се творить. Сие бо житие и скотовидно паче [недостает перевода слов: καὶ οὐκ αὐτοπροαίρετος – для них оставлено место]. Того ради и о Израиле рече, егда согрешити и телца сотвори: «Разум бо Божи

отринул еси и вослед сердца своего ходил еси» (Ср. Ос.4:6; Иер.9:14; Чис.15:39), – сиречь свое хотение предпочел еси.

⁵³⁴ - Яко и Израиль и честь Господня бысть, но убо и тии особна своего имаху аггела Михаила.

⁵³⁵ - Сие рече самовластного ради и непонужденного.

⁵³⁶ - «Службоначелнического», – рекше, Наставления и Вины тех совършения.

⁵³⁷ - Знаменай, яко zde яве сказует, кое ради вини чиновне небесных сил сице суть, рекше: ово убо превысочай бысть, ово же средны, ов же последны. Глаголет бо о горнем чину, иже есть престолы, серафиме и херувиме, яко от самого божественного разума осияваются, заеже непосредствене на те простиратисе и не имети еже предвараемо. Сице от Службоначелия самого божественного очищается, и просвещается, и совършается. Аще бо би тако создан был, яко прьвы быти, ни же чищения, ни же просвещения требовал би, тако создан быв, яко и достоин бысть прьвого чина. Инако же, зри, что глаголет по мале божественны се муж, яко «скръвеннейшим паче светоданием» просвещаются прьвы чины, зане умнейши и Богу приближенейши паче иных, скръвеннейшего сподобляющесе сияния, и ти скръвеннейши суть и к Богу паче иных простирателны. И от сего бо есть разумети вещь самоизвольное их. Аще бо не вещь от меньших себе простирали би и умни бывали, не бы убо приближали се Богови [на поле добавка: вещь]. Приблизивше же се Тому волею, болше очищаются, и просвещаются, и совършаются, сиречь «действуют съвршенная», рекше яже о Бозе. И сие мню Писанию гадающе: «Приступите к Нему и просветитесь, и лица ваша не постыдятся» (Пс.33:6). Сице и о прочих силах разумей, яко коиждо по своей мере зрит Бога. Сие и явленнейше глаголет на конце главы сие.

⁵³⁸ - Яко вси аггелы яже от преждных себе в тех носиме свете к меньшим изьявляют. Обще же о всех есть еже «изьявителіе» речесе. «От Бога же подвиженных» рече о прьвом серафим чиноначели. (Здесь же киноварный маргиналий: «Вестници» рекше аггелы).

⁵³⁹ - Старейши Бога изъявителне суть, а средни – прьвых, а последни – средних.

⁵⁴⁰ - Чесо ради о серафимех божествное петие рече възивати друг к другу? – Заеже прьвым возвещати к вторым божественная таинства.

⁵⁴¹ - См. Ис.6:3.

⁵⁴² - От простейших бо учений, еже млека напоение нарече апостоль (См. Евр.5:12–13), к средним, и от сих к болшим, рекше соврьшеньных пище, восходе, последни являет чин и силу. Есть же и инако яже по месту разумети, и прьво убо рещи еже к превьсходимому выспрьпростртие, средне же – еже в себе съобращание, последне же – еже меньшее възводе, еже и паче при аггелех достоин разумети.

⁵⁴³ - Знаменай, яко коегождо нас ум прьве, и средне, и последне чинове имат в еже разумевати о Бозе. Три чины сие достоин разумети сице, яко всякы ум имат существо, по немже прьво есть; таже и силу, по нейже крепце удовляем есть; кончнее же действо, по имже, своя дее, благочьствует. Сия и в прочей главизне сказует. Темже отсуду яве и несупротиворечне есть приети, яко истинне пред малем писахом. Се бо како рече: «Коиждо небесны и чловечьскы ум прьвая, и средня, и последняя имат възвождения, по ихже кождо в причести бывает божественных и священноначелничских осияний». Прьвей убо – яко равен чин рече человек и горных сил; и ниединого от человек вемы – ни же пророка, ни же праведника, – не потребовавшего особнии вины в еже приблизитисе Богови. Зри, что бо глаголет иже до третияго небеса доспеви, яко: «Удручаю тело и порабощаю, еда како, иным проповедавав, сам неискусен буду» (1Кор.9:27). Таже явленне zde глаголет самовластное и аггел, и еже своего иь устремления желание. Да же никтоже и от зело любопырливих любовеспритсе, изъявително рече, яко ничтоже нетребовательно и самосоврьшенно, сиречь от себе соврьшенно, разве един Бог. Темже чловеци и аггелы предспения и совръшения требуют.

⁵⁴⁴ - «Не бо есть рещи, якоже при аггелех», – силы бо вторие и средние суть троице, по господствех вьчиняеме. Темже

не яко последним тем сущим, вси чины нарекошесе силы, якоже при аггелех.

⁵⁴⁵ - Яко яже последних имут надълежещи, а яже превосходящих не имут последнии. Сице и выше речесе, – понеже прьвы убо соборне имут осияние, последни же отчести, якоже проча глаголет. Сице и в Церкви есть обрести: священник бо может творити вся яже меншиих, рекше диакон и прочих, диакону же яже священник несть повелено творити. Ако убо еже у нас священноначалие подражает небесный чин, рехом выше. (К этому месту с помощью значка сделана сноска на нижнем поле. От «не бо есть рещи» супротивление есть даже до «соборных свойств», и оттуду начети недоумение до еже начети светому решение, идеже рече «глаголем же»).

⁵⁴⁶ - Последни бо чин начел, и архаггел, и аггел есть, и обаче и ти силы суть, егда именуются.

⁵⁴⁷ - Како глаголются силы.

⁵⁴⁸ - Знаменай, како убо глаголет, яко в три разделяются аггельски чины: в существо, и силу, и действо. И от сего глаголются обще «силы небесные». Аще бо их кто и существо и действо речет, не согрешит, суть бо существо и действо. Но обаче вси чины и умове по сем «силы небесные» наричутся.

⁵⁴⁹ - «Неназирателне» – рекше просте и невнимателне.

⁵⁵⁰ - Яко в приказни да речетсе существо убо рещи огня естество, силу же того просвещательное, действо же еже и силы накончание, рекше просвещательно и жегущее.

⁵⁵¹ - Вькупоименно есть име «силы»: глаголет бо се сице и особны чин, сиречь второе среднего троичьского удобрения, и обще вси чины, яко силу имуще неку.

⁵⁵² - «Второречне» – рекше вторую речию, поже вси силы глаголются.

⁵⁵³ - «Достоит непыщевати» изъвн да разумеется.

⁵⁵⁴ - Мнитсе некако zde глаголати, яко по достоянию аггельская удобрения содетелски въчиненна быше, не яве же се представляет. Горе бо, в прьвой сее главизне, явленне еже тех желание и разумение глаголет вини тех превысокого их чина. Сего ради яко и очищатися и просвещатися и совершатися рече

тем. Есть убо начьнъшу рещи и сице благочестиве, яко Бог, провиде в тех желательное движение, и тех чины достойные их приведе, от ихже не убо речет кто тех мощи отпасти, заеже имьство неко стежати к благому зельнаго ради восхотения и желания. Ангелом же, сиречь последнему удобрению, мощи негли и к хужьдшему превратитисе. Рече бо тех и близ мира сущих, от нихже мню и диавола некогда быти, прежде отпадения. Аще ли кто сих соврьшеннеше вестъ, прошу навикнути.

⁵⁵⁵ - Знаменай, како по чину аггельская удобрения Содетелне приведенная быше.

⁵⁵⁶ - Мал.2:7; ср. Откр.2:1, 8, 12, 18; 3:1, 7, 14.

⁵⁵⁷ - Знаменай, яко аще и горных сил отнудьства недостаточни суть последни, но убо честние причествуют премудрости же и разума и тии.

⁵⁵⁸ - Что всешня премудрость и причестие, и что отчести премудрость. А еже «по силе своей» произволителну силу достоин разумети zde.

⁵⁵⁹ - Знаменай, яко еже «определенно есть» не сказует zde твердую неку и непреступну нужду, якоже мнозы обыкоше глаголати, но еже «определеньно есть» – вместо еже «въчиненьно есть», по определенной некой мере силе.

⁵⁶⁰ - Како бозы глаголютсе аггелы же общим именем и боголюбивы чловеци, – по еже «Аз рех: бозы будете» (Ср. Пс.81:6).

⁵⁶¹ - См. Исх.7:1; Пс.81:6.

⁵⁶² - Како, и коими, и по чесом божественных имен сподобляются.

⁵⁶³ - См. Ис.6:6.

⁵⁶⁴ - Понеже противно реченное мнитсе реченьным. Рече бо прежде сих, яко нижшая от превышьших тем, не убо же от горнейших научаются, рекше трети чин от средняго и средни от вьсех вышьшего. Възискано же о сем бысть, и различне разрешише.

⁵⁶⁵ - Яко не навикнути божественная, аще не будет пръвее грехом отпущение, ибо серафим «пожигатель», рекьше

«согреватель», говорится.

⁵⁶⁶ - Знаменай, яко божественная пророком видения надъстоеющее им аггелы глаголет, творещее в мечтание приводит мнещиихсе видети. Гадания бо и образе, не убо же нагы вещи и сущ'ства, зреху.

⁵⁶⁷ - Зриши ли, яко иже научавающеи аггелы откровениям пророкы сице творааху, възводеще тех прьвообразне убо на Бога иже всех воистину виновного, вторичне же на иже по Бозе прьвыие умове положением и боговидне начелникы еже о Бозе священноначелия. Сия напред учит. Знаменай же, яко вся Божий промысл проходит сокровенне и яко и долнейши аггел въкупоименне серафим именуется по приобъщителном пределе. Вси бо Божию осиянию приобщуются, но по достоянию коегождо мери.

⁵⁶⁸ - Ср. Прем.7:24.

⁵⁶⁹ - Како божественная осияния в овех убо явленнейшая, в овех же тончайшая преподаются, от притче сказует.

⁵⁷⁰ - Приказнь сия и выше предложисе. Прьвую же вещь глаголет стекло и подобная, якоже и дебелейшую, рекше храме, и врьтепе, и яже подобная.

⁵⁷¹ - Добе уподобляет Богу огонь, глаголет бо Писание: «Бог же огонь поядей есть» (Евр.12:29), – и яко ово убо того согревает, ово же пожигает, сице и Бог приходящих к Нему просвещает, неверующих же пожигает, – иже не с верою приходящих и приближающихся Ему.

⁵⁷² - Естественная глаголет чювьственная и видимая. Достоит ведети, яко в умных добродетели не суть по случаю, якоже в нас, но Бог убо есть живая добродетель и самосовършенная и нетребователнаа, яко пресуществне въсущьствисе и преподателне приходит в яже от тое яко от вини сущее бывшая умная. Источник убо добродетели оживляющее и обожающее по еже мощно причествующих Бог. Но обаче в прошествие промыслителне приходе в существленная от Того умная, врьх и совършение по сем быти умов не изгубляет, понеже естествне тому есть, не по случаю убо умове, якоже мы, имут добродетель, разум от ухыщрения, рекше, или учения, или

правду, или целомудрие воздржания ради, или мужество от благосложения тела и жил. Не бо якоже ино в ином в сих добродетель, но еже своя действовать и непрестанно простиратисе к Богу и в себе – се в них богоподражательная добродетель. Чин же обаче якоже иному в ином сохраняют, якоже еже «живет во мне душа твоя», – вместо еже учения преподавание: случай же в подлежащем есть, еже несть онамо, несложна бо и невеществна она.

573 - Бог, сущи воистину естеством начело есть всем просвещающимсе и Виновен и самому еже быти во всем сущим и зретисе. Положением же, рекше не естеством, но положением и богоподражанием, начело суть превышшая существа меньшим сущствам.

574 - Знаменай, яко по Бозе начело всякое добродетели суть горнейши умове, имиже прьвыми имамамы Божие осияние.

575 - Знаменай, яко по свойстве огнествни горнейши умов суть.

576 - Добре сказует, что суть престолы небесных умов еже отврзненно о Бозе разумение имети. Престольское же рече свойство удостоятелне данное светым престолом начело.

577 - О меньших чинох, како прьвыми причествуют к божественным сияниям.

578 - О рекшем рече, яко не серафим беше явивисе Исайи, но некой долнейших аггел. О сей бо славе подвижитсе, еюже пред малем являет в начеле главизны, идеже рече «Ин же николиже безместно» и прочая.

579 - Понеже шестокрилата зрит серафим. Аще и от долнего аггела явление научаваше, но на серафимско видиние възвождахусе.

580 - Имат бо слово в пророчстве сице, яко: «Стояху окрест Его» (Ср. [Откр.7:11](#)).

581 - Зри, что научаваше Исайа, егоже наричет светый Богослова, яко неведомо Божество и горнейшим силам, и яко ничтоже от сущих подобно Тому. Сия же навицает пророк по очищени свои согрешений, о нем же мало последи рещи имамамы.

582 - Рече бо горе, на конци десетие главизны, яко всякий ум, и человеческий, и пръвие, и средние, и последние имат чины. Влепоту бо рече шесть крил имети силам, да убо двема покривают лица, средними жы ноги, прочими же к Божеству взлетати, еже рече сам превысокое горепрострете. Знаменай же, что еже многоножное и многоличное серафим и почто покриваются неци. Знаменай же, како возводит шестокрилата светиих серафим.

583 - На внутреннем поле рядом без какого-либо знака: Навицаше изъвен.

584 - Скутавати, рекше покривати.

585 - «О высоких» – заеже покривати лица, «глубоких» же – заеже покривати ноги, средних же ради умерение являет.

586 - Яростное и сверепое испытание, рекше желательное и устремительное в еже испытovati яже о Бозе, неприступное же – заеже не простиратисе выше меры в высокая.

587 - Еже есть «Свет, свет, свет». Назнаменует же, яко и аггел по мере своее силы приемлет божественное осияние и то преподает пророком елико вмещают, а не елика те вестъ.

588 - Что есть чищение и како в умных бывает от Бога.

589 - Чищение рекше, или приобщение.

590 - Не бо яково есть при чловецех чищение, таково есть и при бесплотных.

591 - О самом том Богоначели рекше, сиречь о Бозе.

592 - Чищение яве.

593 - Смотрити подобает, яко разънствовати глаголет не мале в боговидении всякой бесплотной силе, много бо имут боговидное горнейши умове, меньше же прочии, поскольку и чин требует прочиих умов, даже до последних, веще же и последних наше душе, понеже и всех умов много недостатъчствует яже в нас душа. И божественное убо осияние собранно некако паче и съскутанно зритсе према рекше в дългость растоиянию еже к Богу приближения, собрае образом некоим само то осияние свое изъявление к едиынному и простому егову неведению. Неведом бо есть Бог не различия ради собраний [рядом – маргиналий: собрание разумей zde еже

от любопремудрьц глаголемо] недоведомо нам, но по единеньству некоем и према яже у нас по коемждо и отнудь непостижном неразумени.

⁵⁹⁴ - Знаменай, яко огньствное свойство серафим есть и како, аггелу очищающу, серафим речесе очищати, и прежде сих Бог, – по образу и притьчи иже у нас чищения.

⁵⁹⁵ - Знаменай, яко священници менши священноначелника суть, и яко ино просвещати и ино очищати, и яко ино служитель и ино священник, и яко священником, очищающим или просвещающим священноначелник глаголетсе сия творити.

⁵⁹⁶ - Маргиналий: Аггелово обычайнотворие.

⁵⁹⁷ - Яко Бог, иже всех подобне умных содетель есть. То и прьвая сущствия содрьжит и соблюдает к непревращению и непрепадению. Непреложных же подобает тех разумети по оном, по иже суть, сиречь в бесмьртное, в живот, по имже вьсущьствищесе, в еже быти свет. Сих ради бо и непреложни осуществне и в еже непревращатисе в странная похотевания, а заеже и самовластнем сущиим, Бог содрьжит их и сохраняет. Еже бо к Богу вьиспрьпростиратисе тех есть умного произволения, а еже присно о сем удвлятисе, заступления есть Божия. Вся бо требователна Божиее помощи.

⁵⁹⁸ - Киноварный маргиналий: Посреде.

⁵⁹⁹ - См. Ис.6:6.

⁶⁰⁰ - Якоже да бы очищай аггел Исаию сия паки тому глаголар о серафимех. Починает же яко от аггела воображаемо глаголение, идеже есть аггелово обычайнотворие.

⁶⁰¹ - Яко Божия дания (исправлено черными чернилами на «даяния») происходатают аггелы.

⁶⁰² - Смотри, яко, Богу дающу нам «глагол в отбрьзене уст» (Еф.6:19) наших, аггелы происходатайствуют, яве яко о нас молещесе.

⁶⁰³ - Дан.7:10; Откр.5:11.

⁶⁰⁴ - Сия же в Данииле реченна быше. По безмерном, а не по числе.

⁶⁰⁵ - Откр.5:11.

⁶⁰⁶ - Немощную меру нарече чловечско число према аггелех. Рече бо се и иным некоим. Близнецем именем, иже слеп бе, деветьдесет и деветь овц убо быти аггелы, едину же погыбшую – нас, чловеки.

⁶⁰⁷ - Знаменай же, яко и самым аггелом глаголет разумителне, а не учителне, ведети определения, сиречь еже колико небесных существ есть число, от Бога и в сем просвещенном.

⁶⁰⁸ - Горе бо рече, яко горнейше силы священноначельствуют сущиими по тех, и средние последними, и последние их иже в чловецех священноначелници. Ни бо рече, яко сѣи чин и начельствует сущиими по нем, и начелствуется от тех, но сице рече, яко пръвѣй чин (так!) начельствует сущиими по нем, начелствует же се сущиими прежде его. Сице и о прочих достоит разумевати.

⁶⁰⁹ - Не безместно глаголет иже в словесех Писания образе всем небесным силам налагати, яко всем рекше быти высокым и спасителним и разумным, аще и не подобне, но овем убо превосходителне, овем же менше.

⁶¹⁰ - И нельже прикладъствует всем небесным существом еже быти тем в причестии промыслителние силы в общем прошестви еже о вторих, в еже промышляти о них по причестию, якоже рех, промыслителние силы.

⁶¹¹ - Знаменай, почто в аггельских образованиях еже огньствное паче приемлетсе и почто яже о небесных огонь яко множае глаголет Писание и яко серафим пожигателие глаголютсе.

⁶¹² - См. Дан.7:9.

⁶¹³ - См. Иез.1:13–14.

⁶¹⁴ - См. Мф.28:2–3.

⁶¹⁵ - См. Иез.10:2.

⁶¹⁶ - Ср. Дан.7:10.

⁶¹⁷ - См. Дан.7:9; Откр.4:4.

⁶¹⁸ - Естествослобие дивно о огни. Огонь зрим во всем рассеян, несмемсне же, сиречь не вмешен сущиим в нихже есть, «скрозе вся же проходит». Сиречь не якоже вода явленно,

иже к земли творит смешение, сие и огонь: поपालе все и изнурае, изет же есть, рекше превосходит все по изетом составе яве по еже сильне. «Неведома» же того «и скрвенна» наричет, яко бывае убо в вещех неких, неявляем же кроме сътрения или кроме вещи приетние действа его показуем и по сем «неодръжим и невидим». Подобне и прочая огня свойства достоит зрети, яже с отец по благочестиве възводе же и мысли приет о Бозе же и аггельских естествох. Знаменай же, почто Господь Бог яко огонь виден бысть многаши и по чесом уподобление огня к Богу.

⁶¹⁹ - Знаменай изречение о чювственном огне, рекше похвалу. Расуждает бо и разделяет вещи, сиречь олово от серебра, и споения раздрешает. Неизменен же по еже мощен пребывающу подлежащему, сиречь самому существу огненному, не прелагающусе в страдание, яко по еже быти тому округлу, или краеугльновидьну, еже есть в земленных обрести, или пострадати яже воздуха, рекше растлетисе воскурений ради и недуг многаши нанести, или одебелети, или якоже вода преложение приети.

⁶²⁰ - Николиже бо на долняя приходит, но гореносим есть.

⁶²¹ - Маргиналий: Подобно движен, неизьменует бо се движение его.

⁶²² - Яко нетребователен инога огонь, а паче требует нечесого подлежащего в возгорение. Но не се глаголет, но яко огонь не смешается иной стихии, ниже растварается, якоже вода с землею. Темже и в стихиях единосуществена того неци нарекоше.

⁶²³ - Почто и човекообразны наздаваются аггелы.

⁶²⁴ - «Еже образ правостное и простое», зане, право и горе зре, человек ходит, а не по земли сыгръченне, якоже проча животна.

⁶²⁵ - Знаменай различие чювствну бесловесных животных к чювству словесных нас. Бесловесна бо убо все чювствена суть, егоже ради и състоетсе, безумна суцая. В нас же мало есть еже чювствьно, не бо тем состоимсе, но умного ради, тем же и по смерти еще есьмы, душа умна суце. При аггелех же ни

же мало есть чювственных, но образ дебел яже у нас. Ино. Мене же еже в чловецех по чювьственном глаголет, не яко иным животным вещшая чювствия имущим, но крепчайшая и скорейшая в почутие находимих. Гадание же се приемлет еже о аггелех не приематисе по всем истинне сущиими иже в нас чювственными, превосходит бо помногу излишное умние силы, якоже и человек умним превосхождением и помыслом бесловесного естества превосходит.

⁶²⁶ - Что очи умних сказует, и что ноздри, и что уши, и что вькус, и что осезание, и что вежде и обрьви, и что младость, и что зубы, и что рамена, и что мышце, и что прьси, и что плещен и ноги, и что легкое крил, и прочая.

⁶²⁷ - В сих естествоволвитсе свойство телесного ока, по възвождени же сия прелагает, якоже и прочая чловечских уд, в видение яже в аггелех естественных сил.

⁶²⁸ - Излитие разумей пренеизреченное премудрости излитие, по реченному: «Излею от Духа Моего на всяку плоть» (Иоил.2:28) и прочая. Преходит бо божьственный разум от Бога умними силами на божественны чловеки по коегождо мере.

⁶²⁹ - Всяка, рече, умная сила иже бываемыи в ту божественны разум умножает, сиречь сказует к еже разуметисе от нас, сказующи виденная, якоже в Данииле обрести имаши, егда сказоваше сему аггел сон, егоже виде (См. Дан.7).

⁶³⁰ - Знаменай, яко предсоздасе в нас срдце, якоже в окружени шесталном: прежде вьнутрь чрьта бывает, потом коло окружением бывает, так и срдце прьвее жизнь приемле. Понеже и по божественном Васили прьвее зиждетсе срдце, таже, якоже от сроке, рекше от забодения еже в крузе, все тело сътворяетсе, тем же вьсут живот простиратисе в теле. Аще бо естествна топлота оживляет тело, аще ли дух, аще ли кров, всем сим источник есть срдце. Сего ради и некоим възьмнесе все еже оживлятельное вькупе и образом некоим zde прьвее паче создае, а паче вьсуду в теле суще, и не дрьжимо местом, ни же описанно в месте, ни же одрьжимо телом. Тако убо и о невидимых чинох, или вьзде, или особ служебне промышляющих. Образом бо в среде и срдца местом да

разумеваются ты, всем меньшим сияние истакати по мере когождо, якоже бо срока источнику жизни создашесе. А паче неудръжими суще и неописуемы местом, или честию телесне, ихже съдрьжет промышляти от Бога вычинены.

⁶³¹ - Речение сие сложи: «хранительное животворного преподавания», таже – «якоже при подлежащем срдци».

⁶³² - Почто пернати ноги аггелом, да покажет еже самодвижное, и еже к Богу горе простирательное, и к земельным непричестное, елико в еже страстне в тех быти, понеже явишесе и на земли аггелы. По страстном непричестни земельным, а не по явлених, явише бо се многащи.

⁶³³ - Вынешнего приложения – рекше пищу и одежд, имиже яже у нас съдрьжется.

⁶³⁴ - Еф.3:10.

⁶³⁵ - «Многоразличная премудрость Божия» (Еф.3:10) – сие речение апостолско есть. И почто многоразличну ту рече божественный муж? А паче многоразличное и многокзненное при злодеи приемлем, инако же и zde великы Дионусие просту и многоразличну ту рече, мнит же се обое противно. Глаголем убо, яко просту Премудрость сего ради рече, да явит еже несложное Бога, и еже ниединого сугубнства требователно, ни же бо от учений премудр Бог, но самовещна Премудрость есть. А еже многоразличное, заеже в многыи разума виды преобразуется ради осияваемых немощи. Пръвосвещенник бо есть велик состражде нашим немощем (Ср. Евр.4:15). Или и сие. Проста убо глаголетсе премудрость Божия прежде сьмотрения, яко вся яко Бог содела и в сущиих тогда правдницех Свою неприкровенне показуе силу, якоже при Моусеи и Аврааме и прочих. Егда же сьмотрения таинство (Ср. Еф.3:9) содеясе, многоразлична влепоту нареченна бысть. Чловек бо быв и под Законом быв, и пострадав, и в мртвих явисе, сие плотию и сущюю тою немощию обличи всякого врага и ада победи, сущиим онамо дръжимом воскресение даровав. Се есть еже различное Тогови премудрости, яко немощи ради удоле мнещиимсе врагом.

⁶³⁶ - Ср. Иез.16:8–11.

637 - Ср. Иез.9:1.

638 - См. Мф.28:3; Мк.16:5; Лк.24:4. Откр.9:17.

639 - Откр.9:17.

640 - И в иже «О божественных именах» слове, в 4 главизне, простране сказасе, что «умно» и что «разумно». Ниня же сам великы Дионусие изъясляет: «умно» убо оно быти, еже разумеваеся, еже влесту и восиявае свет глаголется, «разумно» же то еже разумеваея, еже есть и осияваемо. И, вькратце рещи, яже превозышедшая сущствия умная, меньшая же «разумная», и превосходе есть ум умно. Инако. Умне осиявае – божественно ество, разумне же – осияваемо аггелско.

641 - Знаменай, что светительска одежда в Езекииле (Ср. Иез.10:6; 42:14; 44:17) и Данииле (Ср. Дан.7:9; 10:5; 12:6).

642 - Иез.9:2; Дан.10:5; Откр.15:6.

643 - Рехом выше, что есть имество при бесплотных. И прочьи в 7 главизне совокупленное же и нерасходимо разумений, – сими являет отец в божественных сияниях и своем в благом Бозе пребывателном тождестве съобращающимсе всегда.

644 - См. Суд.6:21; Зах.11:10.

645 - Ср. Иез.9:2.

646 - О сосудех землемерителных в Иезекииле (Иез.40:3; 47:3) и Данииле (См. Зах.1:16; 2:1).

647 - См. Иез.40:3, 5; Ам.7:7; Откр.21:15.

648 - См. Чис.22:23; Откр.20:1.

649 - О мечи же в Царствиях и о срьпе в Захарии пророце.

650 - См. 2Цар.22:11; Пс.17:11; 103:3; Иез.1:4; Дан.7:2. См. 2Цар.22:11; Пс.17:11; 103:3; Иез.1:4; Дан.7:2.

651 - Лежущее в Давиде мню тому воспоминати: «Ходей на крилу ветреню» (Пс.103:3), – негли Христово вознесение сказующу, понеже и напред отец облачное тем наздавати видение глаголет, заеже рещисе: «Облаци преше Его от очию их» (Деян.1:9).

⁶⁵² - «Безлетне» влепоту рече, при чювьственных бо истейше в лете и коснейшая, при бестелесных же и умных безлетне и единне и некосне что совершеннодействуется. Не пообаает убо лето при умных именовати.

⁶⁵³ - А еже от съвыше на долняя, – якоже при Иаковли лествици (См. Быт.28:12).

⁶⁵⁴ - Друго видение ветр именования, воздушный бо дух ветр глаголет.

⁶⁵⁵ - Знаменай и ино съписание тогово быти необретаемо же. Четворостихийна же тлькователная сказания еже четирех состав възводное иноглаголание рече. Образе же, яко мнитсе, паче четирех состав онамо зрением сказал есть. Знаменай же, како сказует «Дух идеже хошет дихает» (Ин.3:8), – носимими речьми, еже есть яко неударим, яко скор, яко невидим. Сими указывает, яко не о Святом Дусе глаголет, но о ветре преносне рече от Еуаггелиа, еже тамо о Святом Дусе се zde о ветреном дусе, – да покажет и в сем прикладное богоначелного быти действия изображение и умних сил.

⁶⁵⁶ - Ин.3:8.

⁶⁵⁷ - См., напр., Иез.1:4; 10:3; Деян.1:9; Откр.10:1.

⁶⁵⁸ - «Премирне испльнение» – якоже бо облак призывает морскую воду и пролеват ту на лице земли, по реченном: «Призывает воду морскую и изливат ту на всяко лице земельно» (Ср. Ам.5:8), – сиче и умове, приемлюще свой разум, облак образом в меньшее простирают.

⁶⁵⁹ - Приетное недро юже дожде подъемлемую именовал есть землю, теми свое раждающую плоды.

⁶⁶⁰ - См. Иез.1:7; 40:3; Дан.10:6.

⁶⁶¹ - См. Иез.1:26; 10:1, 9; Откр.4:3.

⁶⁶² - См. Иез.:10; Откр.4:7.

⁶⁶³ - Знаменай естественое льва zde. Глаголют бо, яко ловещиих утаитсе хоте, ходе, опашию запирает свое следы, да не уведет их. Темже и о Бозе реченно бысть: «В мори путь Твой, и стези Твои в водах многих, и стопы Твои не познаются» (Пс.76:20), – якоже бо пут в водах не снабдит се, ни же стопы Львовы, сиче ни же Божия шьствия.

664 - Иез.1:10; Откр.4:7.

665 - Что назнаменует образ вола.

666 - Иез.1:10; Откр.4:7.

667 - Что же – орла, скоролетателно бо животно орьл.

668 - Глаголет же слово орловом раждаемых искрня от таимичищных сице разделяти: аще возрет отврзенема очима к солнцу, искрня суть, аще ли ни, яко таимичищная измещутсе от гнезда. Сице убо и иже не могы чисте на Солнце правды возрети таимичищ тогова разума обретается.

669 - См. Иоил.2:4; Зах.2:8; 6:2–3; Откр.19:11, 14.

670 - Знаменай, что назнаменуют коны белы, ирьны, чрьвены, смесны.

671 - Откр.22:1.

672 - Что огньные реки.

673 - Иез.1:15; 10:6; Дан.7:9.

674 - 4Царь.2:11; 6:17; Зах.6:1.

675 - Дан.7:10.

676 - Что колеснице.

677 - Что кола.

678 - Кола же, невозвратне и неклонителне прав и управлен путешественяго их действия на тожде неклонителны и праворасецаютелны путешествующе, всякого их умного течения премирне исправленного назнаменуют силу.

679 - Ср. Иез.10:13.

680 - Знаменай, что знаменует «гельгель» в пророце Иезекииле.

681 - Како глаголютсе радоватисе небесная и само Божество.

682 - Свободно бо их, и отрадьно, и удобно, и бестрастно, и блаженно веселие есть.

683 - «Благострадание» же яко от иже у нас прием рече. Сказует же се оно «благострадание» еже благо всегда имети и невредно устаменение.

⁶⁸⁴ - Сия же не могут се разумети, якоже суть, разве аще не удостоившимися таковому совершению, яковим убо и быти подобает мужем, якоже светый с глаголет священник, яко и божественных осияний сподобитися о сущих в разуме и в еже к Богу чистом выспрыпострйти. От таковых бо осияний обожаем ум в иместве бывает аггельские сладости и сущего в них несмыщения и тишини, по нейже благоудобьствуе и отрадьствуе прочее ум, яко в свободном покои быв, о спасении спасающихся благодатраде, поелико мощно Бога подражает, хощего всем человеком спастися, насладивсе Божиих богодействных нашествий, сиречь богы соделующих и совершающих.

⁶⁸⁵ - Яко подобает недомышляющему не стыдетися о нихже недомыслисе, но исповедати неразумение, а не якоже случисе отвещавати, от нихже не разуме.

⁶⁸⁶ - Подобает ведети, яко познания, яже имеху еллиние еще сущи, светы сии и по обращени к Христу бе-студа приписоваху себе. Се бо и с «Ареопагита» наричет себе, и божественны Иустин в иже «К еллином» слове «Иустина, – приписа, – Философа» (Иустин Философ и Мученик (I десят. II в. – ок. 166г.) – один из первых христианских писателей-апологетов. Философ-язычник, он сознательно принял христианство и как философ защищал его в своих сочинениях).

⁶⁸⁷ - Маргиналий: Янтарь – камень...

⁶⁸⁸ - Объяснение названия. Поскольку название содержит слово «иерархия», а обычно он называет иерархами епископов, следует знать, что иерархия есть начало самого распорядка священного и некоторым образом попечение (о нем), а иерарх – тот, кто над священным начальствует, печется и заботится (о нем), а не о священниках, но – кто распоряжается священным и его уставом, а также (устройством) Церкви и таинств, однако же не архиерей. Такое толкование и сам великий Дионисий предлагает ниже, в трактате «О церковной иерархии». Маргиналий. И то, чем ведают священники, священно; по этой причине, (идя) от общего, то есть от этого священного, говорится «священноначальник», а не от священника. Начальствующие же священным явно священники,

поскольку и те священны.Продолжение схолии. Заметь, что именование «священник» являет и епископа, поскольку и епископ священник. Это ясно и из «Деяний святых апостолов», где (повествуется, как) в Азии прощается с церквями ее святой апостол Павел.

⁶⁸⁹ - Заметь, что блаженный Дионисий использует Соборное послание святого Иакова, ибо высказывание оттуда, и – что оно уже было издано.

⁶⁹⁰ - Отцами здесь он представляет (людей), передавших ему предание, а не физических (предков): из эллинов ведь он был, как говорят «Деяния святых апостолов» и он сам в послании к святому Поликарпу и в девятой главе (книги) «О небесной иерархии».

⁶⁹¹ - Символически. Он говорит, используя некие символы и образы, а не естественнонаучно.

⁶⁹² - Умами и эллинские философы называют умные, или ангельские, силы, поскольку каждая из них есть всецело ум и полнотой существа обладает как осуществляемый в своем собственном виде живой ум.

⁶⁹³ - Сверхначален Бог как превышающий всякое начало и богоначальный свет, как начало так называемых богов, – я говорю об ангелах и праведных людях.

⁶⁹⁴ - Внутренностью он называет сокровенное, ибо для всех, кто вне его, оно невидимо.

⁶⁹⁵ - Обрати внимание на «соединение» и на то, почему Божество, будучи единым, множится.

⁶⁹⁶ - «Завесами» он называет то, что в Писаниях говорится о Боге как о теле, например, путем наименования человеческих членов или каких-то способностей. И заметь, что помимо образов и символов невозможно нам, во плоти сущим, увидеть неведущественное и бесплотное. Именно это, скорее всего, показывают и завесы в скинии, как он здесь намекает.

⁶⁹⁷ - «Службоначальное Священноустановление» – божественное установление и составление порядка наших священных таинств, получившее начало от Бога через апостолов, совершителей этих благ. Ведь божественный

апостол Павел называет посвященных совершенными, говоря: «Итак, кто из нас совершен, так должен мыслить». Маргиналий: «Совершенноначальное священноустановление» здесь понимай как небесную иерархию.

⁶⁹⁸ - Заметь, что впереди он раскрывает, о каких говорит «образах и сочетаниях форм», то есть изображениях.

⁶⁹⁹ - Заметь, что он называет сотворенными здешние мистические предания, каковые раскрывает в трактате «О церковной иерархии». Но это надо понимать подобающим Богу образом. С «формами» свяжи «творения», а с «сочетаниями» – «простые и невообразимые».

⁷⁰⁰ - «Вещественным руководством» он называет возведение посредством того, что говорится о вещественном, к мысли о том, что выше чувств. «Видимыми же красотами» называет украшения священных храмов, а «чинами порядков» – степени священников.

⁷⁰¹ - Заметь, что видимые красоты суть образы невидимых порядков, как показывает и апостол в (Послании) к евреям, рассматривая то, что касается скинии и Моисея, слышащего: «Сделай все по образу, показанному тебе на горе».

⁷⁰² - Чтение божественнейших Писаний есть научение посредством видимого и материального более широкому.

⁷⁰³ - «Свойства» суть то, что там упорядочивает божественное. (Вообще) же свойство есть устойчивое качество. А здесь церковные чины изображают тамошние свойства, с плотью не связанные. Свойства ведь – бесплотных.

⁷⁰⁴ - Следует заметить, что совершаемое у нас, людей, священническое тайноводство есть подражание небесной иерархии.

⁷⁰⁵ - «Священнописанными сложениями Речений» он называет слова, священно сложенные о них в Писаниях.

⁷⁰⁶ - Заметь, как мы возводимся к богословию и что Христос нас возводит.

⁷⁰⁷ - Ничто этим блаженным не названо как придется, но (все) – с большим знанием и подлинно, с благочестием. Поскольку же он говорил, что священный порядок

осуществляется – чтобы быть нам доступным – с помощью материальных символов, (словесных) распространений и творений, являясь отпечатком и подражанием ангельского священного устройства, он по справедливости назвал вершиной свойственное им явление священного. Знающие дело ученые обыкновенно называют вершиной чистейшее в каждой сущности, к каковому сущность близко, то есть непосредственно, примыкает. Так, скажем, вершина души – ее чистейший ум, а вершина любви – пламенное желание высочайшего и божественнейшего; и у нашей иерархии и тайноводительного устройства вершина – ее «чистейшее», из которого она началась и которое стремится к близости с нематериальностью. Чистейший же у нас символ – вершина неизображаемых, простых и бесплотных таинств, примыкая к каковой, иерархия восходит, словно к высшему являющему священное у людей, и возводит посредством образов к чистым созерцаниям умопостигаемого совершенства, по справедливости называемого вершиной здешнего телесного и материального.

⁷⁰⁸ - Показанием он называет извещение, и ясно, что – с помощью символов и изображений, каковые он называет и образами; простотой же (он называет) невещественность природы.

⁷⁰⁹ - Ведь он понимал, что, воспевая небесные священные умы в согласии, как он сам говорит, с Писанием, он вынужден говорить и о животных, и о зверях, и об орлах, и о других (тварях), которым божественные Писания уподобляют архангельские силы, ибо он говорит: «Чтобы и нам, подобно многим, не полагать нечестиво», что нет объяснения многоликих и многоногих небесных чинов. Их-то и обещает он разъяснить в согласии с показанием священных Речений.

⁷¹⁰ - Он сказал, что Писание воспользовалось некими поэтическими творениями. Небесные символы и образы сходятся, как говорит этот священный муж, с фантазиями поэтов (под поэтами же разумею, например, почитаемых эллинами, как то: Гомер, Гесиод и прочие) или с поэтическими, как бы пластическими, набросками. Ибо премудрое Божье

снисхождение, зная немощь нашего ума, неспособного к более высокому созерцанию, создав родственный ему подъем, таким образом сделало доступными его восприятию архангельские порядки, – показав их не такими, каковы они поистине, но такими, какими мы можем их воспринять. Так что не воображай ничего чуждого небесным (силам).

⁷¹¹ - Сложениями он называет упомянутые творения и изображения. «Самого же по себе», – значит, такого, каким ему свойственно быть по природе; а существует оно, говорит он, непознаваемым для нас и невидимым.

⁷¹² - Грубым, мне кажется, он называет странный и как бы далекий от принятого метод и способ творчества. Почему он называет это театром, поясняя, что написанные образы святых ангелов не отражают истину. Ибо на деле они не таковы, какими их представляет Священное Писание, но они (изображаются так), чтобы мы постигли их величие. Сам же божественный Дионисий старается собрать сказанное о них и показать, что архангельские порядки можно благодаря разъяснению мыслить так, как сказано.

⁷¹³ - В высшей степени почитаемыми и отчасти нематериальными сущностями он называет небо и звезды.

⁷¹⁴ - В какой-то мере невещественных, – то есть отчасти, ибо не полностью невещественных. Пребывающими же выше (нас) существами он называет небо и то, что на небе, как то звезды, ибо их тончайшесть и единосущественность некоторым образом близка к невещественности.

⁷¹⁵ - Богообразными простотами он называет умственные существа, ибо они невещественны и совершенно несложны, не будучи смесью элементов. Из таковых состоят ведь тела, а эти бестелесны.

⁷¹⁶ - «И, пожалуй» понимай здесь так: как же небесное станет представляться наполненным львами и иными нечтимыми (существами)?

⁷¹⁷ - В таком виде святые херувимы представлены и божественным Иезекииелем, и дивным Иоанном в «Откровении».

⁷¹⁸ - «Другими живыми существами» он называет такие, как лошади, мулы и тому подобные; «вещами же менее почтенными» – такие, как престолы как бы из дерева, колеса, меч из железа, как меч, извлеченный на Валаама, и тот, который видел Давид, о чем сказано во Второй книге Царств.

⁷¹⁹ - Он говорит «страстному» потому, что образ льва служит неким знаком ярости, а вид тельца – похоти, каковые страсти и являются великими. Подобиями же он называет уподобляющие вымыслы. Так, Иезекииль говорит, что он видел «подобие престола» и подобие льва, что показывает образность представляющегося в фантазии. Потому-то и сказано «неподобные подобия»: не всех подобными видит пророк, но одних так, а других этак. Но и те совершенно неподобны, о которых думают, что они подобны, ибо ничего общего со львом или тельцом, или прочими (животными) на деле они не имеют. А что показывает неподобие, ты найдешь в дальнейшем.

⁷²⁰ - Он обещает своим толкованием показать и то, и другое, чтобы не показалось, что наносится оскорбление небесному и что мы погружаемся в унижающую приниженность тем, что об ангелах говорится как о животных.

⁷²¹ - Заметь, что бестелесное бесформенно. Так что, когда слышишь о Сверхсущественном «во образе Божиим существующий» (Фил.2:6), разумеи, что Он не отличается от Самого Отца. Это ведь показывают и выражения «образ Бога невидимого» (Кол.1:15) и «Видевший Меня видел Отца» (Ин.14:9). Так и святой Василий толкует в слове к своему брату о различии сущности и ипостаси.

⁷²² - Заметь, что Божество воспевается двумя путями: или как подобное всему, ибо в Нем все содержится, или как неподобное, ибо Оно ничто из всего.

⁷²³ - Он здесь говорит, что образы создаются с помощью и подобного и неподобного и как создаются.

⁷²⁴ - Заметь, почему говорится, что Бог есть Слово и Ум в выражениях: «Кто познал ум Господень» (1Кор.2:16) и «И было слово Господне ко мне, говорящее» (Иер.1:4) и прочих. О разумности же Бога он говорит не для того, чтобы показать, что

Бог разумен как причастный разуму, это ведь очевидно, но потому что Он есть Сама по себе разумность, целиком будучи Логосом. Сущность же Божию имеют в виду, когда говорят: «Я есмь Сущий», «Сущий послал меня» (Исх.3:14), «но Ты тот же» (Пс.101:28). Ведь от глагола «быть» и от «сущего» происходит «сущая» и производное «сущность», или «существование».

⁷²⁵ - Заметь, что Бог называется «жизнь», «свет», «ум» и «сущность» не в собственном смысле слова, но как их причина (этиологически). Ибо Он выше них и не таков, каковы они.

⁷²⁶ - (Заметь), что и то, что говорится о Боге в порядке отрицания, как то: «невидимый», «непостижимый» и (прочее) таковое, суть неподобное, ибо показывает не то, что Он есть, но то, чем Бог не является. Так (говорит) и Григорий Богослов.

⁷²⁷ - «Недоступной для мысли» он говорит, (имея в виду) не слабоумие, а что никто не может (Ее) помыслить. Неопределим же Бог как не подпадающий ни под какое определение, но Сам являясь пределом всего и все в Себе определяя, под определение Он не подпадает, потому что определения складываются ведь из утверждений, а утверждения к Богу неподходящи как лгущие. Ибо Бог выше таковых как не являющийся сущностью, но как превышающий сущность.

⁷²⁸ - Он говорит, что не только применительно к Богу, но и применительно ко всему божественному, то есть к умозримому после Бога, отрицания истинны, а утверждения неподходящи. Так, утверждения неподходящи, когда Бога или умные силы мы называем жизнью или светом, ибо ни некоей жизнью, существующей благодаря вдыханию и выдыханию, ни светом, видимым и делающим видимыми предметы, таковые не являются, но – что-то высшее этого. Отрицания же некоторым образом ближе к умопостижаемому. Мы ведь говорим, что они невидимы, и думаем, что они недоступны зрению. Что же такое само Неявляемое, разум, похоже, ни исследовать, ни представить не может. Хотя и кажется, что (слова) «свет» и «жизнь» показывают, что Он такое, но и они нисколько не проясняют, что такое Бог.

⁷²⁹ - Смотри, как хорошо объяснил он то, что небесное или же (вернее, его) изображение напоминает животных. Ведь если во всем сущий Бог ни в чем не имеет ничего родственного Себе, то естественно, что совершенно ничто не может Его явить. Но далее мы другим методом [путем] богословствуем, говоря о том, чем Бог не является, что он называет – «через неподобные». Так же к небесным силам, каковые суть ниже Бога, богословы подошли искусно, ничему из умопостигаемого их не уподобив, но позаимствовав сходство у воспринимаемого чувствами, каковое он называет лишенным чести, сделав это к их чести, чтобы уподобление ему было мнимым, а не истинным. Ведь если уподобляемый льву многоногий и многокрылый ангел разумен и невеществен, разве не ясно, что он надмирно превзошел материальное и мыслимое нами?

⁷³⁰ - Вот и другое соображение, исходя из которого (Писание) использовало такие уподобления для небесных (сил). Ведь если бы оно воспользовалось более чтимыми образами, говоря, например, что божественные силы златовидны или блистающи, слушатели были бы полностью согласны, получая уверенность от столь чтимого людьми. Потому-то и привнесло (Писание) неподходящие и постыдные образы, – чтобы, точно зная, что (небесные силы) не таковы, мы стремились отыскать истину (о них) настоящих.

⁷³¹ - Огненным пламенем, о котором идет речь, являются не обжигающие, но живительные божественные существа.

⁷³² - Видения – то, на что смотрят с удивлением.

⁷³³ - (Заметь), что ничто из сущего не лишено причастности красоте.

⁷³⁴ - (Заметь), что порыв ярости не попросту полон неразумия, но в природе бессловесного. Надо прочесть последнюю главу его книги, где он говорит о виде святых херувимов, ибо там и это все подробно разъяснено.

⁷³⁵ - Следует заметить, как мыслится ярость у бессловесных и как – у словесных и как похоть у тех и у других.

⁷³⁶ - Заметить следует, что и применительно к ангелам он говорит о разумности.

⁷³⁷ - (Заметь), что похоть (существ) умопостигаемых есть неудержимая любовь к Богу, Какового он называет Невещественностью.

⁷³⁸ - «У подверженных изменению», то есть – из холодного в теплое, из здоровья в нездоровье, от гнева в безгневие, от скорби в радость.

⁷³⁹ - Беспримесной он называет чистую и ни для чего другого не оставляющую места (любовь). Охваченный ведь божественной любовью принадлежит ей весь и стремится лишь к желанному, не будучи останавливаем никаким преходящим и телесным соображением. О бессловесности же говоря у бестелесных существ, мы не приписываем им и безмыслие, когда утверждаем, что небесным чинам подобают образы и символы бессловесных – в виде львов, тельцов и птиц вроде орлов, но мистически обозначаем отличие их разумности от нашей. Мы ведь проявляем нашу разумность посредством языка и фонетических форм, ударяя воздух языком, посредством слова, переходящего от нас в уши слушателей, от тела в тело, как говорит божественный Василий в слове на тему «Внемли себе»; а тут не так, но, пребывая в бестелесности, друг в друга вмещаясь и разделяясь, яснее всякого слова воспринимая мысли друг друга, они как бы беседуют друг с другом, в молчании слово передавая друг другу.

⁷⁴⁰ - Переходяще наше произносимое слово потому, что от говорящего переходит к слушающему; «телесным» же (сказано) для противоположения нематериальному, ибо то и не телесное, и не перемещающееся.

⁷⁴¹ - Наименее чтимой материей он называет всякую телообразную природу, упорядоченную Богом в разнообразии одушевленных, неодушевленных и прочих видов; «умственной» же «красотой» – то, что говорится о Боге, умеренные и неясные образы чего мы находим в сущем, как то просто бытие, бытие живым, чувствование и тому подобное.

⁷⁴² - Что от Бога и вся материя имеет бытие, – ни одно разумное слово этому не может противоречить. И она несет сама в себе доказательства того, что от Бога и появилась она и

(Им) была упорядочена. Так что всякий материальный порядок имеет некие смутные и неясные (черты) подобия и сходства с умственным. Ибо как умственные (существа) способны, насколько это возможно, воспринимать промыслительные исхождения от Бога, и, будучи живыми, животворятся превышающим всякую жизнь Богом, и имеют силы для благодетельного содействия, и некое сверхмирное движение, так и материальное, все вместе и по частям, имеет возможность соответствующим себе образом воспринимать промысел Божий и оживать, и может стать жизнью, как (сказано): «Да произведет земля душу живую», – и еще: «Да произведет вода пресмыкающихся, душу живую». Но благодетельных сил преисполнены и произведения земли, как показывает использование растений и некоторых качеств земли (на поле рядом: Качества – то есть золото, серебро, олово, медь и иное таковое. Они ведь являются качествами земли). И материальное обладает движением, ведущим последовательно к рождению в бытие и гибели, и принимает порядок, Богом предложенный и предлагаемый. Но (материальному) свойственно и просвещаться присутствием разумных сил, как при воскресении Господа, когда ангел блистал и освещал окрестность. Всем этим обладает претерпевающая материя, но не так, как (обладают) действующие умственные (силы). Почему и говорится, что она имеет (это) как последний отблеск. Что же такое подражание и последний отблеск, я поясню в слове «О божественных именах».

⁷⁴³ - Хотя он использует те же самые названия, понимаются они не одинаково, но соответственно природной особенности подлежащего определяются и воспринимаются. Заметь, что он не говорит, что вся материя разумна; в самом деле, и звезды неодушевлены, ибо не имеют ума.

⁷⁴⁴ - Проявлениями Богоначалия он называет уразумения о Боге.

⁷⁴⁵ - Заметь, что он называет (самым) чтимым, как то солнце и звезды, что средним, как то огонь и воду, что последним, как то миро, и что непочитаемым, как то звери и черви; и – что к Богу применяются как символы в образах

зверей, так и (заимствуемые) у материи – и чтимые, и средние, и непочитаемые.

⁷⁴⁶ - Заметь, что Солнцем правды называет (Его) пророк Малахия. Божественный же Петр в его соборном послании (пишет): «Доколе не взойдет утренняя звезда в сердцах ваших» и так далее. Это ведь Он – «утренняя звезда». Моисей же говорит: «Огонь в терновом кусте, не сжигающий», что означает – светящий, не причиняя вреда. Иеремия же называет водой: «Меня, источник воды живой, оставили». И иные – иначе. И Господь (говорит): «Реки из чрева его потекут воды живой». А Соломон в «Песне песней» называет (Его) миром: «Миро изливанное – имя твое». В числе двенадцати пророков, пророчествовавших о Боге, Осия и Михей перечисляют названных здесь животных. Давид же называет себя червем: «Я червь, а не человек», – от лица Господа.

⁷⁴⁷ - Возможно, Он уподобил Себя червю как не от семени родившегося, как мы, но без семени, как черви, каковые не от семени рождаются, но от земли или от гнили. Ведь «Я червь, а не человек» говорится как бы от лица воплотившегося Бога, хотя и воспринимается не применительно к божественности, но применительно к феномену плоти.

⁷⁴⁸ - (Объяснение того), что представляют собой изображения, то есть образы, мы уже представили в сочинении «О божественных именах», в начале девятой главы.

⁷⁴⁹ - (Заметь), что божественное должно быть почитаемым и с помощью отрицаний, таких как «невидимый», «бессмертный», «неосязаемый» и других такого рода. Также и последними из отблесков и уподоблениями неподобному да почитается. «Последними», – так, Он уподобляется червю и другому, что только есть последнего. «Отличающих», – отличается ведь царский титул у льва и царский титул у Бога, и другое такое.

⁷⁵⁰ - Последними из отблесков Бога в творении он называет то, о чем выше сказал как о «наименее чтимых из материальных образований». А почему таковое называется последним отблеском и уподоблением, нами было подробнее сказано в слове «О божественных именах», в главе четвертой.

⁷⁵¹ - Нелепость понимай как зверообразие и скотоподобие в рассказах об ангелах Писания.

⁷⁵² - Хорошо он назвал образную иконографию, о которой прежде говорил, (иконографией) не ангелов, а ангельских изображений, ибо не самих ангелов, каковы они суть, написаны образы, но (лишь) показано, в каких видах изображаются бесплотные, как он сам себя пояснил.

⁷⁵³ - Следует поразмышлять, почему великий Дионисий называет божественного Тимофея «дитя». Либо, я думаю, он говорит это как превосходящий того годами и более сведущий в философии, почему тот и задавал ему вопросы, как показывают сочинения, которые у вас в руках. Ибо хотя до божественного Дионисия уверовал святой Тимофей, как показывают Деяния святых апостолов, но ведь более внешне образован был великий Дионисий. Либо он зовет его «дитя», подражая Господу, говорящему: «Дети, есть ли у вас какая пища?» Либо потому, что «детьми» называли тех, кто стремится к беззлобию, как говорят и Папий в первой книге «Воскресных толкований», и Климент Александрийский в «Педагоге».

⁷⁵⁴ - Множеству он противопоставил единовидное, ибо святое единотворит. Общедоступное же и греховное благодаря разделению умножается до многого. Так что ныне «множеством» он это называет, имея в виду общедоступность.

⁷⁵⁵ - Определение иерархии, – что иерархия есть священная упорядоченность.

⁷⁵⁶ - Подобием, равенством и тождеством единое и единотворящее называется как простое, беспримесное и несоставное. Как о неподобном же, неравном, инаковости, смешанном и (находящемся) в изменчивости говорят о связанном с материей. Так что Бог да разумеется как Единое.

⁷⁵⁷ - То есть делающая совершенным.

⁷⁵⁸ - Участниками (хороводов) он называет здесь кружащихся вокруг божественного.

⁷⁵⁹ - Это, я думаю, показывает, что не подобает никому сопричтенному к одному из священнических санов делать что-либо большее собственного чина, но (надлежит) учащему

совершать и передавать только подобающее его достоинству, а не приниматься за то, что превышает достоинство. Так, пресвитеры (должны) учить, приносить (святые) дары, но не рукополагать; дьяконы – учить, но не крестить, ибо они не преподадут Духа Святого, как (не преподал) Филипп диакон в «Деяниях святых апостолов», но также и не совершать приношений. И так и прочие. Также и посвящаемым следует делать только подобающее, да будет хорошо соблюдено (сказанное) божественным Павлом: «В каком звании кто призван, в том каждый и оставайся».

⁷⁶⁰ - Заметь, в чем состоят порядок и исполнение иерархии и что приходящим подобает, во-первых, очиститься учением от разделяющих греховных потемнений, затем просветиться знанием догматов о богопознании боговдохновенных Писаний и тогда стать совершенным в «бане пакибытия». Заметь, что просвещение – прежде крещения.

⁷⁶¹ - Заметь, что такое совершенство у иерархов и каким образом они суть «соработники у Бога», по божественному апостолу.

⁷⁶² - «Божественную энергию», то есть Божьи дела, и Самого, делающего, умудряющего, совершенствующего и тому подобное в пестунствуемых по мере сил совершающего.

⁷⁶³ _

⁷⁶⁴ - Здесь он говорит о самих священноначальниках, сказав прежде этого о священноначальствуемых, показывая и чины, и то, каким образом очищающие оказываются ниже, будучи экзорцистами, (изгоняющими бесов), просветители же благодаря учительству – выше, то есть пресвитеры и диаконы; а осуществители совершенства – (это люди), крещением исполняющие Духа Святого, как то епископы. Он говорит это же и ниже, в слове «О церковной иерархии».

⁷⁶⁵ - (Заметь), что то, что просвещает к спасению, может быть естественным и сверхъестественным. Он прекрасно изъяснил чин церковного священноначалия, то есть: приступающие к божественному крещению сначала должны совершить отречение, очищаясь, а затем они просвещаются

учением пресвитеров, для этого выделенных. Таковые должны быть очистителями, достойными преподать святость другим. И тогда епископы наконец крестят. Их ведь он называет осуществителями совершенства. Этот порядок подобает соблюдать.

⁷⁶⁶ - Здесь он все тварное вкупе обозначает именем «сущее» – все и умопостигаемое, и видимое. Все ведь Бог сотворил из не-сущего только ради того, чтобы оно причастилось Его благодати. Приобщаются же ради Промысла как каждый может, ибо Божий промысел есть начало существа (всего) сущего.

⁷⁶⁷ - Обрати внимание на расчет, руководствуясь которым Бог все сущее привел (в бытие), – чтобы все, по мере каждого, причастились Его благодати. На это ведь указывает: «У Отца обителей много». Каждый ведь по своим делам причастится Его благодати. Так и Тит говорит в словах «Против манихеев».

⁷⁶⁸ - (Заметь), что все сущее причаствует Божью промыслу, ибо в сущем нет непричастного Богу. Так что зло лишено основания, поскольку оно не причаствует Богу, а появляется в результате утраты (какого-то) свойства, но не само по себе первообразно существуя в сущем. Подробнее мы сказали об этом выше.

⁷⁶⁹ - В этом месте сущим он называет божественное, то есть Святую Троицу, которой, как создательнице и началу, или же причине, творений, причаствуют, говорится, те, кто благодаря ей пришел в состояние сущности.

⁷⁷⁰ - (Заметь), что и животные причаствуют промыслу Божью – тем, что существуют. Неживыми же являются, например, камни и все, что не приходит через рождение.

⁷⁷¹ - Заметь применительно ко всякому чину, что существа высших сил различны. «Только сущее» же он говорит о том, что назвал «неживое».

⁷⁷² - Обрати внимание, что и умопостигаемые силы по своему выбору в большинстве своем приобщаются Благому, как сильно к нему стремящиеся. Ведь он говорит «вылепить себя», что значит поступить добровольно. Не ложно, стало быть,

утверждение, что дьявол пал с небес, ибо он обратился ко злу по своей воле.

⁷⁷³ - Ибо их существа – живой ум. Заметь, что все умопостигаемое первым причаствует Богу. «Выявляют» – т.е. возвещают.

⁷⁷⁴ - Заметь, что такое ангел в собственном смысле слова и что он говорит, что те имеют первый чин; а еще – что через ангелов мы научаемы, и что через них был дан Закон, и что прежде Закона и после (явления) Закона наших отцов ангелы возводили к божественному.

⁷⁷⁵ - «Что нужно делать», – как у Иисуса Навина, Гедеоны и других; от «нечестивой жизни на прямой путь» – как Корнилия Сотника, ведь он первый был обращен из неверных язычников; «священные же чины» – как Даниилу было видение «тьмы тем», Иезекиилю херувимов, а Исае серафимов; «надмирные же видения», – как Павлу, восхищенному до третьего неба, и в Откровении божественного Иоанна.

⁷⁷⁶ - «Непосредственно» же – то есть без услужения ангелов.

⁷⁷⁷ - Смотри, как он толкует речение, говорящее: «Бога не видел никто никогда», – что я считаю истиннейшим, и зная, что существуют в Писании изречения, говорящие, что Бог являлся людям, как то Адаму в раю, Аврааму у Мамврийского дуба, и когда в Содом приходили (три ангела), и Моисею на горе, хоть и говорится, что он увидел (Бога) сзади, он утверждает, что «само сокровенное Божие никто не видел и не увидит», то есть – Его сущность. Или и выше: «никто не сможет ни постичь, ни объяснить, что такое Бог». Хоть и бывали богоявления некоторым святым, понимай, что по мере собственной веры каждого сподоблялся (человек) некоего видения, являющего ему Божество, благодаря которому он получал осияние приходящим в него божественным знанием.

⁷⁷⁸ - «Тем видением» он называет, мне кажется, божественный свет на Фаворе, божественно явившийся, и божественный свет в купине, – непосредственно бывшие

(видения). Но и они, однако же, были явлены при посредстве света и в образе огня, соответственно способности зрящих.

⁷⁷⁹ - Он говорит, что Богоявление состоит не в том, чтобы являть и показывать Бога, что Он есть такое, ибо это невозможно, но в том, чтобы святые сподоблялись божественного осияния посредством неких священных видений, соответствующих их мере и происходящих, говорит он, через ангелов.

⁷⁸⁰ - Заметь, что и Закон есть отпечаток другого божественного закона, т.е. божественного вочеловечения Христа. А что через ангелов было дано первое законоположение, показывает и святой Стефан, говоря: «Вы, которые приняли закон при служении ангелов и не сохранили».

⁷⁸¹ - Заметь, как «через первых», т.е. превосходящих, «вторые» (то же, что «находящиеся ниже») возводятся к Богу, и – об ангельских порядках.

⁷⁸² - «Сверхсущественным Чиноначалием» он называет Начало и творящую Причину этих чинов.

⁷⁸³ - (Заметь), что о вочеловечении первыми наставлены ангелы, как показывает известное о божественнейшем Гаврииле, известившем о святом Иоанне, благовествовавшем и Деве, что от Духа Святого она зачнет воплощавшегося Бога Слово.

⁷⁸⁴ - «Мужеское богодействие» – это Христово вочеловечение, благодаря которому, Богом будучи, во плоти совершал божественные (дела). Смотри как, назвав здесь Иисуса «мужеским богодействием», сказав «мужеское», он показал, что Тот был совершенным человеком, а сказав «богодействие», – что Бог и человек – (один и) тот же, Сотворивший богознамения. Немногим далее он говорит, что Он «непреложен», – ибо пребыл, Кем и был, вечно. Смотри также, как он говорит: в святой Марии произошло «богоначальное таинство неизреченного боговаяния»: «боговаяние» говорит он, поясняя, что Бог создан как Человек, как сказано: «Слово стало плотью». «Богоначальное» же – потому, что это было таинство вочеловечения Бога, Причины и Начала так

называемых богов и праведных людей, какового Бога (ангел) и преднаименовал Иисусом.

⁷⁸⁵ - Заметь, что это – против несториан. Не все же ангелы узнали тайну Промысла, потому что, когда Господь, претерпев страдания, возносился, были некие, говорившие: «Кто есть сей Царь славы?» Вопрос ведь обнаруживает неведение.

⁷⁸⁶ - Заметь – против несториан и акефалов, что он называет Иисуса «надсущностной Причиной» – как Творца всего, а также говорит, что Он непреложно стал таким, как мы. Не та же и одна и та же (у Него) природа, если Он (сочетает) обе. И что Он Сам и Законоположник, и под Законом, (заметь), и что Он как человек получает от ангелов повеление об уходе в Египет и о возвращении оттуда, и Он – и создатель ангелов. Так что один и тот же Христос в двух природах осуществил великое таинство Промысла, ибо сказано: «Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу, но уничижил Себя Самого, приняв образ раба». Вот две формы (одного): то, что он говорит здесь «не отказывается», и есть ведь – «не почитал хищением», – то есть не счел как человек недостойным слушаться и ангелов и покорно повинуетя Отца и Бога через ангелов указаниям. Сам ведь Он повелел (им) управлять человеческим родом.

⁷⁸⁷ - Ибо Он не подавил (Свою) божественную природу.

⁷⁸⁸ - (Заметь), что главу об укреплявшем Господа ангеле, которая находится в Евангелии от Луки, пересказывает и великий Дионисий и что не письменно, (а), скорее всего, тайно, сокровенно это было передано ему и святому Тимофею апостолом Павлом, ибо его проповедь записал Лука. Обнаруживается же то, что как будто тайно он это узнал, из его слов: «Что явлено нашими священническими преданиями». Обрати внимание и на другое объяснение, которое он приводит, – что слова Исайи, что «Великого Совета Ангелом» именуется рожденный Младенец, подобает отнести к Его плоти. А почему он назван ангелом? Потому что возвестил нам совет Отца. Ведь, спасая нас Своим страданием, Он показал, что такова была воля и Отца. Не как меньший Отца Он был назван ангелом. Это – против ариан. Иначе. Главу об укрепившем Его

ангеле нужно воспринимать не вопреки толкованию Святого Писания, ибо это мыслится применительно к плоти. И в другом ведь месте Евангелие говорит, что после искушений «ангелы приступили и служили Ему», что Он «утрудился от пути» и что Он «взалкал». Все ведь это показывает, что Он воспринял (в Себя) совершенного человека вместе с его страданиями. Но кто-нибудь спросит: «Какая была надобность в ангеле, когда тут было Божество?» Мы отвечаем, что Бог чаще всего через ангелов чудодействует, об этом и все божественное Писание говорит.

⁷⁸⁹ - Согласно сказанному Им Отцу: «Я явил Твое имя людям».

⁷⁹⁰ - Почему же, хотя Церковь говорит, что все святые ангелы являются одной сущностью, божественный Дионисий называет многие силы? Великий Дионисий, епископ Александрии, из риторов, в толкованиях, которые он создал к блаженному Дионисию, своему тезке, говорит, что «нерожденной внешняя премудрость обычно называет всю невидимую природу и подобным образом сущностями – ипостаси». И поэтому, – говорит он, – святым Дионисием, подобно внешним, эти выражения использованы не в собственном смысле.

⁷⁹¹ - Последний из умопостигаемых чин, говорит он, именуют «ангелами» в собственном смысле слова, а его превосходящие – иначе, некоторые из которых он и называет. В следующей главе он мистически вспоминает девять чинов, а теперь определенно говорит, что высшие чины знают то, что низшие узнают через осияние, но знают и иное, неведомое низшим. Хоть это и так, однако родовым именем «ангелы» иногда называются и все умопостигаемые порядки. И он говорит, почему, – как в сто втором псалме: «Благословите Господа все ангелы Его», – и в сто третьем: «Творящий ангелов Своих духами» и так далее. Но это правило не имеет обратной силы, ибо низшие не называются именами высших. И (заметь), что через высшие силы низшие тайноводствуются.

⁷⁹² - Кто-нибудь может спросить: эти небесные чины – высшие, низшие и еще меньшие – так и появились, что один

оказался выше, а другой ниже? И мы отвечаем, что и все умопостигаемые силы Бог создал самовластными. Если уж человек, являющийся смесью праха и души, был (создан) самовластным, насколько же умопостигаемые силы, не имеющие ничего земного или тяжелого, были (созданы) более самовластными? Это и божественное Писание представляет, говоря, что дьявол выпал из ангельского чина добровольно, и этот божественный муж чуть ранее, (говоря) об ангельских силах: «Стремясь умственно вылепить себя по образцу Бога, надмирно взирая на подобие Богоначалия и (с Ним) сообразовывая образ своего разума», – и из всего этого обнаруживается, что умопостигаемые силы обладают свободой выбора и самовластны. Так что он основательно утверждает, что каждый по мере своего благого желания осиявается божественным разумением. Потому и чины именуются по степеням – соответственно сущему в них желанию. Потому он здесь говорит, что не имеет смысла последний чин именовать серафимами или престолами. И заметь, почему все чины называются ангелами.

⁷⁹³ - (Заметь), что по сути дела ангелы возводят священных людей к ведомым им божественным лучам. Иначе. Этими с высшей степенью созерцания связанными таинствами исполненный, священный Дионисий обнаруживает своей речью, что последний (небесный) чин, называемый «ангелы», детоводительски руководствует у людей иерархами Церкви, возводя их к Богу, а сам низжайший чин, наш педагог, тайноводствуется находящимися выше, ступенчато (над ним) возвышающимися, как меньший.

⁷⁹⁴ - То есть, говорю я, последнее, ангельское. И заметь, что он считает, что все наименования – каждого чина из девяти чинов – общи потому, что те совместно, хотя и не одинаково, осияваются для богообразия даваемым Богом светом.

⁷⁹⁵ - Можно, говорит он, все разумные бестелесные чины совокупно наименовать и иным образом, то есть по богообразию, каковое представляет собой приближение к Богу, насколько каждому из них возможно. Так что все надмирные чины зовутся богообразными; и другое общее имеют они все –

дар светлейшего осияния от Бога, хотя и в соответствии с возможностью каждого – или меньше, или больше – дается осияние. В сочинении же «О божественных именах» он говорит, что божественными называются только чинов начальники каждого порядка.

⁷⁹⁶ - Заметь, что особенностью каждого чина он называет его меру.

⁷⁹⁷ - (Заметь), что один Бог, их боготворящий, знает точно их и их службы; и они сами знают себя и свое. Мы же ничего точно о них не знаем, разве лишь – насколько научились из божественного Писания.

⁷⁹⁸ - Своим священносовершителем он обычно называет или божественнейшего апостола Павла, или святого Иерофея, как сказано в сочинении «О божественных именах». Ныне же ни о ком ином, мне кажется, он говорит, как о святом Павле. Никого другого ведь не было, кроме него, кто достигал бы даже до третьего неба и узнал бы о таковых.

⁷⁹⁹ - Об этом первом троичном богообразном чинов начальии осмысленно и достойно Бога исследующий может узнать у Иезекииля, каковой первенствующим называет престол, на котором явился (ему) Бог, а сразу под ним, поблизости – божественные херувимы; Исае же видятся святейшие серафимы, стоящие вокруг Бога. Это обнаруживает их высочайший, сравнительно со всеми, жребий. Предстает это почти так же и в Откровении святого Иоанна, апостола, евангелиста и богослова.

⁸⁰⁰ - «Непосредственно» сказано потому, что иного чина перед ним нет. И заметь, что престолы, а также многоокие и многокрылые херувимы и серафимы выше, говорит он, всех сил.

⁸⁰¹ - Следующие далее два троичных святых чинов начальия умопостигаемых (сил) он перечисляет снизу вверх, ибо первыми являются господства, затем следуют силы и далее власти. А он, первыми поставив власти, средними сделал господства. И в третьей служебной триаде первые суть начала, затем следуют архангелы, и последние – ангелы. А он тут, в следующей главе,

не так их упомянул, но назвал, перечисляя снизу вверх. А ведь апостол в (Посланиях) «К Римлянам» и «К Ефесеям» упоминает некоторые ангельские порядки, но этот чин не приводит. Великий же Дионисий разъясняет, что втайне это передал святым божественный апостол.

⁸⁰² - Заглавие, следуя обратному порядку, восходит снизу к более высокому, ибо серафимы – третьи, херувимы – вторые, а престолы – первые. Так что в обратном порядке он (их) записал.

⁸⁰³ - «Воспринимая» он говорит в смысле «одобряя» или «поддерживая его».

⁸⁰⁴ - Заметь, что всякое наименование священных чинов содержит указания на свойственную чину деятельность, как показывают толкования имен святых серафимов и херувимов.

⁸⁰⁵ - Без какого-либо знака, указывающего место, к которому относится маргиналий, на поле рядом начинается следующая, частично утраченная, запись: Первая из небесных иерархий, то есть служба, или положение, или чин, священно осуществляется опять же этими первыми и высочайшими существами – серафимами, херувимами и престолами.

⁸⁰⁶ - Поскольку он говорит о богообразных свойствах применительно к божественным умам, не следует полагать, будто великий Дионисий утверждает, что эти умопостигаемые достоинства присоединяются (к ним) в виде случайных, как бывает у нас, – как (нечто) иное к иной основе, как бы присоединенное качество. Ибо (понятия) «случайное свойство» и «основа» здесь недопустимы, так как всякое соединение и бесформенность материи оттуда исключаются. Ведь если бы (это) было иное в ином, то есть случайное свойство, (присоединенное) к основе, то это существо не жило бы само по себе и не могло бы обоживаться, насколько это возможно, само по себе, только благодаря чину, сохраняемому как иное в ином. Стало быть, названные свойства в них самоосуществляемы, а не (присоединены) как (нечто) случайное к основе, по причине нематериальности. Почему великий Дионисий – ниже, в трактате «О церковной иерархии», в главе четвертой – и говорит, что свойства в них субстанциальны.

⁸⁰⁷ - Заметь, что божественные силы как свойство имеют боговидность. Свойство же есть качество постоянное. А отсюда делается ясным, что обладающие достоинствами как свойствами самовластны. Это более пространно представляет Аммон Адрианопольский в словах «О воскресении», написанных им против Оригена.

⁸⁰⁸ - Толкование на нижнем поле без какого-либо значка-указания, к какому месту текста оно относится: Наименование превысоких престолов показывает, что они не причастны ни к какой подножной сниженности; (заметь) и прочее, о чем говорится, что они имеют.

⁸⁰⁹ - Некоей высочайшей природой, учрежденной при Боге, сразу под Ним, он являет престолы, не соприкасающиеся ни с чем материальным, как показывает то, что они не имеют никакой «до ног сниженности», но (обладают) восходящей к Богу, обращенной вверх устремленностью. Он хорошо добавил «надмирно», – вместо бесплотно, невещественно и умопостигаемо, или же умственно. А чтобы ты не счел, что «кверху» означает телесный путь, он добавил «невещественно».

⁸¹⁰ - Заметь, что и чин святых престолов он назвал богоносным, – как носящий умопостигаемо покоящегося Бога. Обрати (на это) внимание: поскольку блаженный Василий Каппадокийский назвал богоносной плотью, надо рассмотреть, почему так сказано. Но ведь плоть Самого Господа была по существу и по ипостаси соединена с Самим Богом-Словом, почему и говорят отцы, что Он носит плоть и облекся во плоть. Что же странного, если и плоть Его называется богоносной как носящая Бога-Слово в нерасторжимом соединении, Его плотью и называясь, и являясь по праву и по истине? А они, (престолы), по благодати имеющие в себе Бога невыразимым для слова и непредставимым для мысли образом, – богоносными и они по этой причине называются.

⁸¹¹ - (Заметь), что первыми первые силы причаствуют Богу и затем они передают меньшим происшедшее в них осияние.

⁸¹² - (Заметь), что они невосприимчивы для всяких связанных с материей мечтаний и беспримесны по отношению

ко всякому снижению.

⁸¹³ - Так составь это (предложение): «У первых сущностей, надо полагать, есть своя собственная во всем единообразная с ними иерархия, располагающаяся (сразу) за осуществляющим их Богоначалием и как бы в преддверии Его поставленная, и они превосходят всякую невидимую и видимую возникшую силу».

⁸¹⁴ - (Заметь), что божественные силы не только сами свободны от скверн и гнусностей, но и невосприимчивы для всякого связанного с материей мечтания, беспримесны для всякого ущерба и совершенно не знают никакого ухудшающего умаления. Понимай это так, что они не по природе неизменны, но, будучи свободны в выборе, по причине горячего желания блага склонившись к Благу, остались такими, и неизменность стала как бы их свойством. По природе ведь один Бог неизменен, будь они так сотворены, не отпал бы дьявол. Но и они все принадлежат одному равному чину. Ведь то, что по природе благо, умаления не имеет.

⁸¹⁵ - Тождественным называет этот святой их движение как неизменное и неуклонное, одинаково происходящее. Движение же у них – это деятельность уразумения, ибо они суть умы неумолчные. Отметь и выражение «в неизменности боголюбия» и прочти четвертую главу книги «О божественных именах» и восьмую главу настоящего трактата.

⁸¹⁶ - Заметь, почему эти святые чины называются созерцающими и что не через символы или образы Писания обретают они боговедение, в отличие от нас.

⁸¹⁷ - Созерцателями (теорами) называются наблюдатели (эпопты) таинств. Святым же это открывается с помощью того, что говорится о Боге в доступных чувствам формах символически, что невозможно помыслить применительно к высшим силам. И заметь, что «трисветлое созерцание» сказано вместо «триипостасная единая божественность».

⁸¹⁸ - Приобщением Иисусу он называет причастность славе и неизреченному сиянию тела Христова, ибо Он с плотью совосседает с Отцом.

819 - Заметь, что уподобление Господу Иисусу теургично, т.е. делает уподобляющихся богами, так как эти чины непосредственно, минуя символы, уподобляются Христу, от Него это восприняв.

820 - Заметь, что эти силы первозданны и что эти (небесные чины) обладают достоинствами Господа Иисуса Христа как силами.

821 - Заметь, почему называются совершенными эти божественные силы. Искусством же разбираться в пестроте он называет изъяснение и истолкование священного предания, в чем нуждаются и меньшие чины, как он впереди говорит, и гораздо более люди. Ибо помимо толкований, толкующих многопеструю премудрость святых умозрений, невозможно их понять ни нам, ни меньшим – первых трех чинов. Почему он и говорит, что подчиненными чинами священноначальствует только каждый первый (чин), а не (какая-то) иная сила. А высочайших этих порядков иерархией священноначальствует один Бог, а не (какая-то) иная сила.

822 - Поскольку ведь они выше всех и ничего из того, что относится к другим силам, их не превосходит, естественно, что они от Самого Бога единого как высшие первыми научаются божественному знанию.

823 - На поле рядом: Священноначальствуемые – то есть тайно учимые.

824 - Заметь это «научаются»: оно показывает, что не по природе они таковы.

825 - Заметь, что – вопреки василианам или несторианам, – вознесшийся как человек Христос Иисус есть Сам Господь всех умопостигаемых сил и Царь славы, как посвящаемые узнают от говорящих: «Поднимите, врата, верхи ваши», – и спрашивают: «Кто сей Царь славы?», – и вновь слышат: «Господь сил», и так далее. Против акефалов же и евтихиан – то, что хотя Он и Господь сил, но и плоть и явный человек, чему как странному удивляются прочие начала.

826 - Хорошо он назвал богодеянием промысел о нас. Ибо поистине Божьи все деяния промысла Господня: святое

Рождество, исцеления, знамения при Страстях и Воскресение.

⁸²⁷ - Слова «Я говорю правду и суд спасения» принадлежат Исайе, и смотри как он их понял.

⁸²⁸ - Фразу составь так: «Я удивляюсь тому, что первые из наднебесных существ, словно средние, богоначальных осияний желают». «Парящими в середине» он назвал их, поскольку не до предельной высоты они взлетают, но касаются только середины разумений. «Недоумевают» же означает – говорят: «Кто это идет от Эдома?»

⁸²⁹ - На поле рядом частично срезанная запись: «Парящие в середине», – то есть не очень рвущиеся сами к познанию, но и не пренебрегающие им, а благоговейно (его) желающие.

⁸³⁰ - Смотри, с каким страхом и благоговением высочайшие всех чины, словно средние, а не первые, спрашивают сначала друг у друга то, что у Исайи: «Кто это идет от Эдома, в багряных ризах от Восора?», – а затем, как бы поощряемые Богом, обращаются к Нему: «Почему багряны ризы Твои?»

⁸³¹ - Заметь, как, говорит он, очищаются, просвещаются и совершенствуются божественные чины.

⁸³² - Заметь, что такое очищение для умов и что неведение. Усвоенное искусство есть постоянное и неотчуждаемое владение полученным в осиянии знанием.

⁸³³ - Поскольку он говорит, что эти первые чиноначалия и стоят, и ведут непосредственно вокруг Бога хоровод, надо пояснить, каким образом они и стоят, и движутся, словно в хороводе вокруг Бога. Сначала он взял за основу слова Исайи, который говорит: «И серафимы стояли вокруг Него, шесть крыл у одного» и далее; и добавляет: «И двумя летали». Как же, стоя, они летали вокруг? А понимать надо так. Всякий ум, воссияв от Виновника всего, Бога, поскольку он воссиял от Сотворившего, движется, говорят, вокруг Него, как вокруг центра, и движение (это) не какое-то пространственное, но умственное и жизненное. Круговое же движение ума таково. Все мыслящее мыслит, или будучи умом, или как причастное уму. Являющийся умом мыслит первично, а причастное уму мыслит вторично. Потому именно, что он, будучи умом, мыслит, и

говорится, что он движется. Круговым же это движение представляется потому, что оно возвратное, и в себя, таким образом, возвращаясь, ум уразумевает себя и Того, Кто прежде него, от Кого он воссиял, поскольку Богом ведь, захотевшим это, он был произведен; вокруг Него, чтобы не сказать вокруг стремления и любви к Богу, он будет (вращаться) словно около центра. Не соединяются ведь вторые с теми, кто перед ними, и происходящее уподобляется некоему хороводу. Ведь рождаемое, посылаемое существовать на своем месте, внимательно смотрит на Родившего. Обращение же разумом к ему предшествующему, привносит представление о круговом движении. Поскольку же Бог везде, то везде последующие в вечном желании Его уразуметь, радуются Ему и окружают Его, будто веселясь, хороводом. Говорят ведь, что ум в себе пребывает и к себе спешит. А тот, кто пребывает в себе и обнаруживает бессмертие, имеет состояние покоя. Применительно к бытию быть бессмертным понимается ведь как пребывать в покое, а к самому себе спешить – двигаться, не желая как-либо рассеиваться во внешнем для него материальном. Поскольку он самодвижен, он не стоит, а движется; но, оставаясь по существу всегда тем же, пребывает в покое, а не в движении. Итак, существует и в природе каждого из умов (двоякое) движение – стремление к Богу и круговой вокруг Него, как вокруг центра, хоровод, – как бы круг вокруг точки, то есть центра, вокруг которого он образовался. И по природной ведь необходимости каждый из сущих водит вокруг Бога хоровод, бытием влекомый к Виновнику (бытия). Так все и существует вокруг всеобщего Царя, и благодаря Нему – все, и Он – причина всего прекрасного. А что он сказал, что первые (небесные силы) непосредственно вокруг Бога хороводят, как не имеющие перед собой ничего (иного), показывает, что вторые и третьи, то есть воспринимаемые чувствами, водят хороводы, как сказано, по своей мере, имея посредниками тех, кто ближе к Богу.

⁸³⁴ - Умопостигаемые виды суть и особенности различных существований в бесплотности, а нематериальное не нуждается

в месте, чтобы поместиться, как все тела. А где тело, там и место.

⁸³⁵ - Как надо понимать «место» применительно к Богу, когда Писание повсюду говорит, что Божество беспредельно и что «Небо – престол Его, а земля – подножие ног Его», – и еще: «Поставил холмы весами и землю горстью», – и опять же: «Взойду ли на небо, Ты там; сойду ли во ад, и там Ты»? Какое же место Иезекииль придумал для Бога? Мы говорим, что мнящееся нам непостижимым Бог тем, кто всеми силами Его ищет, освещает. Говорит ведь божественное Писание: «Если заповеди Мои соблюдает кто, то Я и Отец придем и обитель у него сотворим». Так что и умопостигаемые силы, и души святых и всех хранящих заповеди могут воистину быть названы местом и покоищем Божиим. И еще где-то Он говорит: «Опочил Дух Мой на них».

⁸³⁶ - Заметь, что и другое сочинение у него есть: «О божественных гимнах».

⁸³⁷ - Сказанное: «Какой дом созиждете Мне, говорит Господь, или какое место для покоя Моего?» – показывают, что говорится не о чем-то воспринимаемом чувствами, но об этих божественных умах. Или и так: Бог захотел показать, что Божество неопишимо. И иначе: – что среди самих слушавших Его не было Богу места для покоя из-за их неверия, как говорит в Евангелиях Господь: «Сын же Человеческий не имеет, где приклонить голову».

⁸³⁸ - Трисвятой гимн и от «места Его» славословящий Бога голос не только, говорит он, показывают, что и меньшим чинам предоставляется познавать и воспевать Бога, но и нечто иное вдобавок к этому означают. Это делает ясным речение, гласящее: мы говорим, что триипостасный Бог есть Единица и Монада и что Он промышляет всем, от первых до последних земли, всех содержа нерасторжимо, не телесно то есть удерживая, но божественным промыслом сверхсущественно. А что Он – Единица и Монада, и Евагрий непреподобный во второй сотице, в главе третьей, говорит так: «Сам Он есть Монада, поскольку Божество просто и нераздельно. Того ради – Монада, что монада, говоря языком арифметики, проста и

несложна. А Единица – потому что Святая Троица едина в Себе по природе и всех приближающихся к Ней единит, согласно сказанному в Евангелиях: „Да будут они едино, как и Мы едино”».

⁸³⁹ - «Нерасторжимым объятием» он называет всецело отделенные от и недостижимые для объемлемого Божьи промысел и удержание.

⁸⁴⁰ _

⁸⁴¹ - На поле сбоку: (Заметь), что их наименование показывает, какова их особенность.

⁸⁴² - В конце главы: (Заметь), что их наименование показывает, какова их особенность.

⁸⁴³ - На поле рядом: Наши телесные материи, поскольку мы телесны, тиранически привязывают (нас) к телесному. Господств же ничто из подобного неподобного не может приклонить.

⁸⁴⁴ - Здесь он благочестиво отсекает одно заблуждение эллинских философов, которые три некоторые особые силы называли несмягчаемыми, происшедшими в бытие от некоторых предшествующих им трех сил, а не содеянными Божьим светом особо. И они говорят, что эти несмягчаемые (здесь зачеркнуто красными чернилами: и нерасслабленные) (силы) существуют как подножия произведших их умопостигаемых сил, отклоняющие и как бы отгоняющие и удерживающие те, что старше их, и самих себя от падения в материю и потому более слабые, чем произведшие их, – поскольку нуждаются в том, чтобы удерживать самих себя от падения. Таковы вот, вкратце, их (представления). Великий же Дионисий премудро говорит все противоположное им, ибо говорит, что они (эти силы) появились как Божья тварь и Его отображение имеют в господстве, будучи, как и мы, созданы по (Его) подобию. Они, говорит он, обладают непреклонностью ко всякому снижению, – соответственно смыслу господства, – как бы посекая и рассекая и не позволяя чтобы чувственное вождество властвовало, однако же тех, кто прежде них, не удерживают. О воспринимаемом же чувствами и телесном он говорит как о приличествующем рабам, несвободе и легкомыслию. «Порабощение» же (он говорит) вместо

«приличествующее рабам», поскольку те не склонны уразумевать истинно сущее, но опускаются от неколебимой твердости до склонности к суете. «Неподобием» же он вновь называет материальное, как никогда не пребывающее в тождестве, но всегда меняющееся.

⁸⁴⁵ - На поле рядом: Заметь, что всякой умственной силе свойственна неразмягчаемость и непреклонность по отношению к худшему.

⁸⁴⁶ - На поле рядом: Господоначалием он назвал Божество, потому что Оно начало и причина всякого господства.

⁸⁴⁷ - На поле рядом: Святых сил наименование, то есть свойство.

⁸⁴⁸ - На поле рядом: Заметь, как он везде говорит, что превышающие силы передают свое тем, кто после них.

⁸⁴⁹ - В конце главы: Заметь, что он повсюду говорит, что превышающие силы передают свое тем, кто после них, и укрепляют силы, меньшие их. Как мы знаем, и Даниила, написано, ангел укреплял, и других, и – что более всего – Самого Господа нашего Иисуса Христа, поскольку Он и человек, – как написано в Евангелии от Луки.

⁸⁵⁰ - На поле рядом: Святых же властей наименование, я думаю, являет равность по статусу и остальное так далее.

⁸⁵¹ - Это место должно быть связано с находящимся выше текстом: к нему тоже относятся слова «указывает, я полагаю наименование власти».

⁸⁵² - (Заметь), что и власть, насколько тем позволено, как сущим ангелам умопостигаемые силы передают следующим за ними.

⁸⁵³ - (Заметь), как и чем очищаются, просвещаются и совершенствуются средние чины и что в Писании говорится, что один ангел другому пересылает божественные знамения.

⁸⁵⁴ - На поле рядом: «Этот средний», то есть первый от Бога чин, который посреди между Богом и чином, находящимся следом за первым чином.

⁸⁵⁵ - (Заметь), что через средних (передаваемые) совершенства слабее первоначально от Бога действующих,

каковые суть первые от Бога; средние же (предают их) следующим за ними чинам.

⁸⁵⁶ - На поле рядом: Он говорит «слабеющего» не оттого, что оно само по себе слабо, но – от ослабленности воспринимающих. На это ведь указывает и его слова «вторичности совершенствования», – они означают, что вторичные (чины) оно совершенствует слабее.

⁸⁵⁷ - В конце главы: Он сказал «слабеющего» не оттого, что оно само по себе слабо, но – от ослабленности воспринимающих. На это ведь указывает и его слова «вторичности совершенствования», – они означают, что вторичные (чины) совершенствуются слабее, согласно собственной мере.

⁸⁵⁸ - Согласно текстам пророков Захарии, Даниила и Иезекииля.

⁸⁵⁹ - Заметь, что великому Дионисию передали это священники. «Самоявленными» же он назвал первые божественные силы потому, что они сами по себе воспринимают божественные осияния. Прочие силы не сами ведь по себе принимают божественные дары знания, но через высших.

⁸⁶⁰ - Заметь, что это священническое предание – знание о чине умов.

⁸⁶¹ - На нижнем поле: Доказательство сказанного, что вторые посвящаются первыми, – у пророка Захарии.

⁸⁶² - Перед началом слова – значок (две киноварные точки), и на поле у такого же знака киноварью написано: Посреди.

⁸⁶³ - Прекрасно сказал Господь у пророка Иезекииля: «Отделите грешников от праведников», – ибо это же и в Евангелиях Он, оказывается, сделал, когда отделил овец от козлов. Вот и в этом Ветхий Завет согласуется с Новым.

⁸⁶⁴ - Заметь, что у ангела, которому было повелено накладывать знак, был «подир, то есть одежда, сходящая до самых ног», и пояс вокруг чресел, – образ, подобный священнику. Ангелами же, имевшими в руках секиры, он указывает на некую карающую силу. Так что отсюда мы понимаем, что ангелы изображаются в виде, соответствующем

делу, которое им предстоит совершить; и мы должны осознать это применительно к серафимам, херувимам и другим силам, – что соответственно своему чину они имеют облик. Ведь те, которые поют Трисвятой гимн, представляются многоликими, и Слово поясняет, что их гимн неумолкаем, продолжителен. Так же и о прочих разумеи.

⁸⁶⁵ - Киноварью на верхнем поле: О благочинии вторичных по отношению к высшим.

⁸⁶⁶ - Заметь, что этим было провозвещено божественное изображение – наложение верным на челе животворного знамения для спасения от губителя. Но тогда это было приказано делать ангелам в облике священников у неповинных, – пояс и одежда, до ног сходящая, указывают ведь на священнолепный облик священника, – ныне же мы сами, изображая у себя, верных, на челе крестное знамение, избегаем врага. Вот и другое сходство Ветхого Завета с Новым.

⁸⁶⁷ - Заметь, что таковы суть троичные чины умопостигаемых сил. Первая триада: престолы, затем херувимы, потом серафимы. Вторая триада: господства, силы, власти; они и средними называются. Третья триада: начала, архангелы, ангелы. Общим же именем все они ангелы.

⁸⁶⁸ - Заметь, что и Гавриил – не из высших сил, но из меньших.

⁸⁶⁹ - Заметь, что подражанием высшей, таинственной иерархии является то, что совершается сегодня в Церкви. Ведь и священники накладывают печать животворящего креста на приступающих к таинству, чтобы отделить тех от неверных и чтобы те избежали врага. А кроме того, сохраняется и (такое) правило в святой Церкви: что повелено делать иподиакону, не делают меньшие; и что делает священник, не делает диакон; и, просто сказать, каждый имеет подобающую ему службу. Общим же именем все они называются причетниками и (церковно)служителями, – как и ангелы (ангелами). Отсюда следует понимать, почему божественным Стефаном сказано: «Вы, которые приняли закон при служении ангелов и не сохранили».

870 - Сверхсущественное чиноначалие самого началотворного Начала проявляет этот чин начал.

871 - (Речь идет) о порядке архангелов и (о том), что он являет.

872 - Святых архангелов наименование единочинно.

873 - Заметь общее (правило), – что всякая иерархия имеет первые, средние и последние силы, то есть (существуют) три троичных чина.

874 - (Заметь), как божественные архангелы общаются с теми, кто перед ними и после них.

875 - Слова «благоупорядоченным... предводительством» были сначала пропущены писцом, а потом приписаны на поле столь же крупно, как основной текст.

876 - (Заметь, что) чин ангелов последний и ближайший к миру.

877 - (Заметь), что последний чин небесных сил более достоин называться ангелами как (наиболее) близкий к людям, через каковой люди и научаются божественному.

878 - (Заметь), что первая триада – священноначальние для второй, вторая – для третьей, а третья – для священников среди людей.

879 - (Заметь), каким образом (получается, что) одни иерархии более сокровенные, а другие более открытые.

880 - Обрати внимание на свидетельство Даниила, а именно – что крайний (ангельский) чин руководит нашей иерархией.

881 - Почему, хотя благие ангелы приставлены ко (всем) народам, один Израиль познал Бога. Каждый народ ведь имеет ангела, назначенного ему, как иудеи Михаила, какового он причисляет к последнему чину святых ангелов.

882 - Он говорит, что это произошло не по вине приставленных ангелов, но от их собственного уклонения к неподобающему.

883 - Заметь, что каждый сам по себе причина и добра, и зла.

⁸⁸⁴ - (Заметь), что Бог избрал не только Израиль, но что один Израиль захотел последовать за Богом. Это ведь и толкование его имени указывает: «Ум, зрящий Бога». Так мы должны понимать сказанное в песне Моисея: «Стал частью Господней удел Иакова», – что указывает на Израиль. Но Бог возлюбил ведь не только Израиль, что и апостол многократно показал, говоря: «Неужели Бог – не (Бог) и народов? Конечно, и народов, потому что один Бог». Но Израиль первым пошел вслед за Богом; а поскольку позже отступил и отпал, и он был изгнан. Ведь, имея свободу воли, люди, когда хотят, делают так, что Бог (пребывает) с ними.

⁸⁸⁵ - То, о чем говорит здесь отец, можно видеть и на примере солнечного света: сквозь прозрачные вещи он проходит, а сквозь более плотные не так, – или совсем не проходит, или же слабо. То самое, на что здесь влияет различие материи, при божественном осиянии зависит от неодинаковости того, к чему склоняется свободный выбор.

⁸⁸⁶ - Смотри – он говорит, что мы сами причина того, как мы воспринимаем божественное осияние – или мало, или много, или совсем его не воспринимаем, когда по отношению к нему ожесточимся и окаменеет. Но Сам Господь говорит в Евангелиях: «Может Бог из камня этого воздвигнуть детей Аврааму». Ведь то, что для нас трудно и невозможно, для Бога возможно.

⁸⁸⁷ - Заметь, что (видное) отсюда, в особенности, заставляет умолкнуть неподобающую и неспособную к различению необразованность некоторых (критиков), дерзающих утверждать, что эти божественные сочинения принадлежат Аполлинарию, ни по лицам, которые упоминает (автор), не приходя к выводу о древности (этого) мужа, но называя имя Дионисия псевдоэпиграфом, ни по тому, что он говорит о себе как о ныне обращенном из идолопоклонников, тогда как Аполлинарий не был из таковых.

⁸⁸⁸ - (Заметь), что Бог, будучи по природе благ, с готовностью подает Себя всем для причащения Его святости и просвещения души. Прочее зависит от нас, – насколько мы

желаем причаститься Его знания, – да проявится свобода воли. Ибо Бог не виновен в зле, каковое – разлучение с Ним.

⁸⁸⁹ - Связь тут такова: «что и у других народов были наставниками не некие чужие боги, а единое Начало всех». А остальное, таким образом, читается в середине. И поскольку есть единое Начало, к Нему ангелы возводили народы, к которым каждый был приставлен.

⁸⁹⁰ - Заметь, что о Мелхиседеке говорится как о настоящем иерархе, благодаря ангельскому наставлению познавшем воистину сущего Бога. «Последователей» же он сказал, имея в виду свободу воли и отсутствие принуждения.

⁸⁹¹ - Заметь, что от ангелов, говорит он, были во сне видения фараону и Навуходоносору и их изъяснения или же толкования.

⁸⁹² - Иосиф египтянам, а Даниил вавилонянам наставником был (слова «наставником был» приписаны писцом на поле), когда ангелы, наставлявшие эти народы, открывали им Божью волю и видения.

⁸⁹³ - Обрати внимание на слова песни Моисея: «Когда разделял В(сев)ышний народы, которых рассеял, сынов Адама, поставил пределы народов по числу ангелов Божиих. И был частью Господней народ Его, Иаков, наследственным уделом Его, Израиль». Не подобает ведь, говорит он, думать, что народы были поделены с другими богами или ангелами; не по жребию ведь достался Богу Израиль, а другим ангелам (по народу) особо, чтобы те вовсе не служили Богу. Как будто если, допустим, некий народ достался некому ангелу и удостоился быть (его жребием), то Бог уж и не заботится об этом народе, или ангел народа не служит и не старается ни в чем ином (угодить) Богу. Не равноправно или вопреки друг другу выбирали Бог этот народ, а каждый из ангелов свой народ, как это сказано у Исая, – что дьявол сказал, что северные горы, то есть народы, он имеет у себя (в подчинении), и противится Богу, и (старается) быть подобен В(сев)ышнему. Все ведь работает для Бога, и всеми Сам Он властвует, но знающих Его Он предпочитает. И потому и говорят, что Он ими властвует, даже

если имеют ангела (к ним) приставленного, как Израиль Михаила. Но как же всеми властвующий Бог называется Богом по преимуществу Израиля и Израиль – Его (народом)? Мы говорим, что Бог – это Бог всех, но по справедливости Он называется Богом тех, кто близок к Нему и Ему одному поклоняется. Ибо прочие, почитая идолов, творят себе иных богов.

⁸⁹⁴ - Он хорошо разъясняет слова: «Был частью Господней Израиль, удостоенной Ему». Подобало бы ведь, если бы Израиль один познал Бога, чтобы только его посещали Господь и ангелы Его. Но и в том обнаруживается безмерная и непостижимая милость Божия, что и к тем, кто думает, что не принадлежит к Его части, особого ангела Он приставил, хранителя народа. «Ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над праведными и неправедными». А еще: «Не хотящий смерти грешника, чтобы он обратился и был жив». Но ты скажешь: Как, имея ангелов, данных от Бога, чтобы наставлять и руководить, отступили они от Бога живого и поклонились идолам? – Мы отвечаем, что от взирающих на Бога, всякое принуждение изгнано, и его место заняла свобода воли. Если кто-то выбирает быть с Богом, то он охраняется ангелом и учиняется под ним. «Ибо Господь, – сказано, – знает путь праведных». А также: «Я был молод, и состарился, и не видел праведника оставленным». Если же кто-то выбирает противоположное, ангел не принуждает его что-то определенное делать. Это ведь скорее скотоподобная, а не самостоятельная в выборе жизнь. Потому и об Израиле он говорит, когда тот согрешил и сотворил тельца: «Ибо познание Бога ты отверг и вслед сердца своего ты ходил», – то есть предпочел свое желание.

⁸⁹⁵ - (Заметь), что, хотя и стал Израиль частью Господней, но ведь и они имели своего особого ангела, Михаила.

⁸⁹⁶ - Это он говорит, имея в виду свободу воли и отсутствие принуждения.

⁸⁹⁷ - «Совершенноначальным» (относится) к Первоначалу и Причине их совершенства.

⁸⁹⁸ - Заметь, что здесь он явно показывает, по какой причине чины небесных сил таковы, что один более высокий, другой средний, а третий последний. Ибо о высшем чине, то есть о престолах, серафимах и херувимах, он говорит, что он осиявается самым божественным знанием, потому что непосредственно к нему устремляется и не имеет предшествующего; и таким образом Самим божественным Совершеннотначалием очищается, просвещается и совершенствуется. Ведь если он так был создан, что он первый, то ни в очищении, ни в просвещении он не нуждается, так слепленный, чтобы и быть достойным первого чина. Кроме того, обрати внимание на то, что немного дальше говорит этот божественный муж, – что он «более сокровенным светодаянием» просвещаются первые чины как более умственные и более простертые к Богу. Отсюда можно ведь заключить также о свободе их выбора. Ведь если бы он, (этот чин), не простирал себя и не мыслил больше, чем меньшие, то не приблизился бы к Богу. Приблизившись же к Богу добровольно, он больше очищается, просвещается и совершенствуется, то есть «совершает совершенное», значит, близкое Богу. На это, я думаю, намекает Писание: «Приступите к нему и просветитесь, и лица ваши не постыдятся». Так же и о следующих силах разумеи, – что каждая по своей мере видит Бога. Более ясно он говорит это в конце этой главы.

⁸⁹⁹ - (Заметь), что все ангелы являют меньшим (чинам) свет, передаваемый от тех, кто перед ними. «Выявители» надо понимать в общем смысле. «Движимые Богом» он говорит о первом чинопочинии, серафимов. (Здесь же киноварный маргиналий: «Вестники», то есть ангелы).

⁹⁰⁰ - Старейшие – выявители Бога, средние – первых, а последние – средних.

⁹⁰¹ - Почему божественный гимн о серафимах говорит, что они взывают друг к другу? – Потому что первые возвещают божественные тайны вторым.

⁹⁰² - Ибо восходя от более простых поучений, каковые апостол назвал поением молоком, к средним, а от них к большим, то есть к пище совершенных, он объясняет последние

чин и силу. Но можно и иначе понять это место и первым назвать простертость к превосходящему, средним – пребывание и обращение около него, последним же – возведение нижних, что и следует разуметь как более свойственное ангелам.

⁹⁰³ - Заметь, что у каждого из нас ум имеет первые, средние и последние чины, чтобы разуметь три этих чина около Бога. Разуметь (это) надо так, что всякий ум имеет сущность, согласно которой он, во-первых, существует; затем силу, благодаря которой он одолевает (трудности); и, наконец, энергию, благодаря которой он, делая свое, пребывает благочестивым. Это он и в следующей главе разъясняет. Потому, исходя из этого, надо ясно и беспрекословно принять, что истинно написанное нами чуть выше. Вот ведь как он говорит: «Каждый небесный и человеческий ум имеет первые, средние и последние возведения, в соответствии с которыми каждый делается причастником божественных священноначальных осияний». Прежде всего, (достойно внимания) то, что о чине людей и высших сил он сказал как о равных, а мы не знаем ни одного человека, ни пророка, ни праведника, кто не выставил бы собственной причины приближения к Богу. Посмотри-ка, что говорит достигший третьего неба (Павел): «Усмиряю тело мое и порабощаю, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным». Затем он ясно здесь говорит о свободе воли и у ангелов и об их собственном порыве страсти. А чтобы никто из очень любящих возражать не стал спорить, в качестве заключения он говорит, что ничто не является само по себе достаточным и совершенным, от самого себя то есть (получившим) совершенство, за исключением одного только Бога. Так что люди и ангелы нуждаются в росте и совершенствовании.

⁹⁰⁴ - «Ведь нельзя же сказать, как об ангелах», – ибо силы помещаются во второй, средней, триаде после господств. Так что все чины названы силами не потому, что те последние, как в случае ангелов.

⁹⁰⁵ - (Заметь), что тем, чем обладают последние, находящиеся над ними обладают, а того, что есть у превосходящих, у последних нет. Это и выше сказано, –

поскольку первые имеют осияние целиком, последние же отчасти, как он далее говорит. То же и в Церкви можно заметить: священник ведь может делать все, что делают (его) подчиненные, как то диакон и прочие, диакону же то, что делает священник, не разрешено делать. Что наша иерархия подражает небесному порядку, мы говорили выше. (К этому месту с помощью значка сделана сноска на нижнем поле: От слов «Ведь нельзя же сказать» до слов «соборным свойствам» – отрицание, и оттуда идет абсурдная мысль – до места, где святой начинает (ее) разрешение, где он сказал «Мы же говорим»).

⁹⁰⁶ - Ведь чин начал, архангелов и ангелов последний, однако же и они могут называться силами.

⁹⁰⁷ - Почему они называются силами.

⁹⁰⁸ - Заметь, как, говорит он, разделяются ангельские чины: на сущность, силу и энергию. И оттого называются обобщенно «силы небесные».

⁹⁰⁹ - «Безразлично» – то есть иносказательно, поскольку все называются силами.

⁹¹⁰ - В качестве примера следует сказать, что сущностью называют природу огня, силой – ее светлость, а энергией – производную от силы, то есть (способность) светить и жечь.

⁹¹¹ - Название «силы» является омонимом: так ведь называются и особый чин, то есть второй в третьем троичном порядке (ангелов), и вообще все чины – как обладающие некоей силой.

⁹¹² - «Перифрастически» – то есть вторичным образом, поскольку все (ангелы) называются силами.

⁹¹³ - «Следует понимать» надо разуметь, (поставив) вне (оборота).

⁹¹⁴ - Кажется, здесь он говорит, что ангельские порядки были учинены Содетелем согласно достоинству, но не ясно это показывает. Выше же, в главе, предшествующей этой, он ясно говорит, что их устремленность и мышление – настоящие причины их более высокого (или более низкого) порядка. Ради этого, сказал он, они очищаются, просвещаются и

совершенствуются. Можно, таким образом, решиться благочестиво сказать, что Бог, провидя их движение желаний, и чины их, их достойные, ввел, отпасть от каковых они никто не сказал бы, что могут, потому что они обрели некую привязанность к Благу благодаря большому стремлению и желанию. Ангелы же, то есть последние порядки, могут обратиться также и к худшему. Он ведь сказал, что они пребывают поблизости от мира, и в их, я думаю, числе некогда был и дьявол, – до падения. Если же кто-либо знает об этом лучше, прошу меня научить.

⁹¹⁵ - Заметь, что ангельские порядки были приведены (в бытие) Содетелем соответственно чинам.

⁹¹⁶ - Заметь, что хотя последние и уступают совершенству превосходящих их сил, но отчасти ведь причаствуют премудрости и знания и они.

⁹¹⁷ - (Заметь), каковы цельные премудрость и причастие и каковы частичные. А «по мере собственных сил» – надо разуместь здесь свободный выбор.

⁹¹⁸ - Заметь, что (слово) «определено» не указывает на некую жесткую судьбу и неодолимую необходимость, как многие привыкли говорить, но «определено» (сказано) вместо «установлено» – в соответствии с некоей определенной мерой силы.

⁹¹⁹ - (Заметь), почему общим именем «боги» называются и ангелы, и боголюбивые люди, – согласно (словам): «Я сказал: богами будете».

⁹²⁰ - (Заметь), как, каких и за что сподобляются божественных именований.

⁹²¹ - Поскольку сказанное представляется противоречащим уже сказанному. Ведь прежде этого он говорил, что низшие от тех, кто над ними, но не от высочайших научаются, то есть третий чин – от среднего, а средний от самого из всех высокого. Это уже было исследовано и различным образом разрешено.

⁹²² - (Заметь), что невозможно научиться божественному, если не будет прежде отпущения грехов, ибо «серафим» истолковывается как «пожигатель», или же «разогреватель».

⁹²³ - Заметь, что божественные видения пророков приставленные к ним ангелы, говорит он, привносят, создавая, в воображение думающих, что их видят. Намеки ведь и символы, а не реальные вещи и сущности они видели.

⁹²⁴ - Видишь, что ангелы, научающие откровениями пророков, делали это, возводя их первоначально к Богу, воистину Причине всего, а затем – к первым после Бога по положению умам и боговидным начальникам сущей при Боге иерархии. Этому он далее научает. Заметь, что Божий промысел на все распространяется сокровенно и что и самый низкий ангел, на пределе приобщения, называется так же, как серафим. Ибо Божью осиянию приобщаются все, но – по мере достоинства каждого.

⁹²⁵ - С помощью примера он поясняет, почему божественные осияния одним даются более ясными, а другим более смутными.

⁹²⁶ - Этот пример он приводил и выше. Первым веществом он называет стекло и тому подобное, а более плотным – дома, пещеры и схожее с этим.

⁹²⁷ - Прекрасно уподобляет он Богу огонь, ибо Писание говорит: «Бог есть огонь поядущий», – (прекрасно) и потому, что одно он разогревает, а другое пожигает: так и Бог приходящих к Нему просвещает, неверующих же пожигает, – тех, кто не приходит и не приближается к Нему с верой.

⁹²⁸ - Физическим он называет воспринимаемое чувствами и видимое. Следует знать, что у (существ), постигаемых умом, добродетели не привходящи, как у нас, и Бог является живой добродетелью, самой по себе совершенной и самодовлеющей, каковая сверхсущественно осуществляется и щедро нисходит на от нее как от сущей Причины происходящее существующее умопостигаемое. Бог ведь источник добродетели, оживляющей и, насколько это возможно, обоживающей причастствующих. Но, промыслительно исходя в осуществляемое им умопостигаемое, Он, однако же, из-за этого не перестает быть (и) в исхождении вершиной и совершенством умов. Так что не в качестве привходящих имеют (небесные) умы совершенства, в отличие

от нас, – например, умение рассуждать, (приобретаемое) упражнением или обучением, или же справедливость, или благоразумие, (достигаемое) через воздержание, или храбрость как следствие хорошего состояния тела и нервов. Ибо добродетель в них (существует) не как другое в другом; но делать свойственное ей и непрерывно направлять (других) к Богу и в самих себя – в этом (и состоит) их богоподражание и добродетель. Однако же, порядок состояния другого в другом у них соблюдается, как-то: «Живет во мне душа твоя», – а не (так, как говорит) научное утверждение: «привходящее в подлежащем», – какового здесь нет, ибо они несложны и нематериальны.

⁹²⁹ - Бог, будучи воистину по природе началом всех просвящающихся, является Причиной и самого бытия всего сущего, и способности зрения. По положению же, то есть не по природе, а по положению и богоподражанию, более высокие существа суть начало для меньших существ.

⁹³⁰ - Заметь, что после Бога началом всякой добродетели являются высочайшие умы, через посредство которых (как) первых мы имеем Божье осияние.

⁹³¹ - Заметь, что высочайшие умы по особенности пламенны.

⁹³² - Он прекрасно разъясняет, что быть небесными престолами означает иметь открытость для мышления о Боге. Престольным же свойством он называет данную в удел святым престолам власть.

⁹³³ - (Это говорится) о меньших чинах, – как они через первых причаствуют божественным осияниям.

⁹³⁴ - Он говорит о том, кто сказал, что виденный Исайей был не серафимом, а неким из более низких ангелов. Он ведь возражает на то мнение, которое приводит немного ранее, в начале главы, где говорит: «А другой не вовсе неуместный...» и прочее.

⁹³⁵ - Поскольку он видит серафимов шестикрылыми. Хоть и нижним ангелом он был научаем, но до созерцания серафимов был возводим.

936 - Ибо Речение в пророчестве таково: «Стояли вокруг Него».

937 - Смотри, что узнавал Исайя, которого он называет Богословом, – что Божество неведомо и высочайшим силам и что ничто из сущего не подобно Ему. Это пророк узнает по очищении от своих согрешений, о чем мы скажем немного позже.

938 - Выше, в конце десятой главы, он сказал, что всякий ум, (в том числе) и человеческий, имеет первые, средние, и последние чины. Основательно он сказал, что (у этой) силы шесть крыльев: двумя – закрывать лица, средними – ноги, прочими же – взлетать к Божеству, – что он и назвал высочайшей простертостью вверх. Заметь также, что у серафимов много ног и много ликов, и (отметь), почему прикрываются (их) некоторые (части). Заметь также, как возводит шестикрылие святых серафимов.

939 - На внутреннем поле рядом без какого-либо знака: Он воспринимал это извне.

940 - Закрывать значит покрывать.

941 - «Высокого» – потому что они покрывают лица; а «глубокого» – потому что они покрывают ноги; соразмерность же – по причине средних (крыл).

942 - Дерзновенное и смелое исследование, – то есть порожденное желанием и стремлением исследовать то, что касается Бога, недостигающее же (цели) – чтобы они не простирались выше меры в высоту.

943 - То есть «Свят, свят, свят». Это означает, что и ангел по мере своей силы получает божественное осияние и сам передает пророкам сколько те вмещают, а не сколько он знает сам.

944 - Заметь, что такое очищение и как оно осуществляется Богом у (существ) умопостигаемых.

945 - То есть очищение, или приобщение.

946 - Ибо очищение у бестелесных не таково, каково оно у людей.

947 - То есть около самого Богоначалия, что значит около Бога.

948 - Имеется в виду очищение.

949 - Подобаает иметь в виду, что немало отличается, говорит он, всякая бесплотная сила (от другой) в богообразии, ибо высочайшим умам богообразие свойственно в большей мере, а остальным, вплоть до последних, в меньшей, – насколько того требует чин, и в значительно меньшей мере, чем последним, – нашим душам, потому что много уступает всем (небесным) умам наша душа. Так что божественное сияние видится (нами) несколько более собранным и свернутым, соответственно (нашему) отстоянию – словно в мерах длины – от близости к Богу, как будто само это сияние сводит свое проявление к единому и простому Его неведению. Бог неведом ведь не из-за незнания нами разнообразия силлогизмов (силлогизм понимай здесь как то, что высказывается философами), но по причине некоего единого для нас – и по одному, и всех вместе – непостижимого неразумения.

950 - Заметь, что огненность есть особенность серафимов и почему, когда очищает ангел, сказано, что очищает серафимы, а прежде них Бог, – по примеру рассказа об очищении у нас.

951 - Заметь, что иереи меньше иерарха, и что иное дело просвещать и иное очищать, и что иное литург и иное иерей, и что, когда иереи очищают или просвещают, говорится, что это делает иерарх.

952 - Маргиналий: Олицетворение ангела.

953 - (Заметь), что Бог – Творец так же точно и умопостигаемых (существ); Он и первые существа содержит и соблюдает в непревращаемости и неизменности. Непреложными следует считать их в тех формах, в каких они существуют, будь то в бессмертии, в жизни, в которой они осуществляются, в бытии светом. В таковых Бог содержит их и сохраняет неподверженными существенным изменениям и не предающимся противоестественным желаниям как самовластных. Ибо устремление ввысь к Богу есть дело их умственного выбора, а способность удержаться в этом вечно

зависит от Божьей поддержки. Все ведь нуждается в Божьей помощи.

⁹⁵⁴ - Киноварный маргиналий: (Это) вставка.

⁹⁵⁵ - Как будто очищающий Исаяю ангел вновь говорил ему это о серафимах. (Снова) начинается воображаемая речь ангела, то есть олицетворение ангела.

⁹⁵⁶ - (Заметь), что (получаемые нами) Божьи дары выхлопатывают (нам) ангелы.

⁹⁵⁷ - Обрати внимание на то, что, когда Бог дает нам «слово во отвержение уст» наших, ангелы ходатайствуют, – очевидно, молясь о нас.

⁹⁵⁸ - Это сказано было у Даниила. (Им) соответствует безмерность, а не число.

⁹⁵⁹ - Немощной мерой он называл число людей относительно ангелов. Это же сказано и неким иным (человеком) по имени Дидим (что значит «Близнец»), который был слепцом, – что девяносто девять овец это ангелы, а одна потерянная – мы, люди.

⁹⁶⁰ - Заметь, он говорит, что и сами ангелы, разумея, а не изучив, знают (свои) пределы, то есть каково число небесных сущностей, будучи и в этом просвещены Богом.

⁹⁶¹ - Выше ведь он сказал, что более высокие силы священноначальствуют следующими за ними, средние – последними, а последние из них – иерархами у людей. Он не сказал ведь, что тот же самый чин и начальствует следующими за ним, и оказывается под их началом, но – что первый чин начальствует следующими за ним, и находится под началом тех, что перед ним. Так же надо разуместь и о прочих.

⁹⁶² - Он говорит, что не уместно то, что в речениях Писания всем небесным силам (равно) придаются образы, – так как все они, можно сказать, высоки, спасительны и разумны, хотя и не одинаково, но одни из них больше, а другие меньше.

⁹⁶³ - И неложно применяет он ко всем небесным существам способность быть причастными силе Промысла в общем исхождении ко вторичным для заботы о них, – при (их) причастии, как сказал я, промыслительной силе.

⁹⁶⁴ - Заметь, почему при изображении ангелов используется по преимуществу пламя, и почему Писание говорит о небесном по большей части как об огне, и что серафимы называются пожигателями.

⁹⁶⁵ - Удивительные слова о физических свойствах огня. Огонь мы видим во всем рассеянным, но беспримесным, то есть не смешанным ни с чем, в чем он существует, а он «сквозь все проходит». То есть не как вода, которая образует с землей очевидную смесь, таков и огонь: сжигающий и истребляющий все, он оказывается вне всего, или же превосходит все, то есть элементы, по (своей) исключительности, по силе. «Невидимым» же и «сокровенным» он называет его как существующий в некоторых веществах, но не проявляющийся без трения и без материи, воспринимающей его действие, не показывающийся, и потому «неуловимый и невидимый». Подобным образом следует рассматривать и прочие особенности огня, каковые этот отец путем благочестивого возведения и размышления применил к Богу и ангельским естествам. Заметь также, почему Господь Бог часто виден как огонь и почему уподобление огню применимо к Богу.

⁹⁶⁶ - Обрати внимание на речь, или же похвалу, посвященную воспринимаемому чувствами огню. Он ведь отличает и отделяет вещества, например свинец от серебра, и сплавы расплавляет. Неизменен же он, поскольку неспособен, пока остается основа, то есть само существо огня, измениться в своих свойствах, например, стать круглым или коническим, что можно наблюдать у земных вещей, или пострадать подобно воздуху, например, испортиться от дыма и причинить многие болезни, или затвердеть, или подвергнуться изменениям наподобие воды.

⁹⁶⁷ - Ибо он никогда не распространяется на то, что внизу, но стремится вверх.

⁹⁶⁸ - Маргиналий: Тем же самым образом движущийся, ибо его движение не изменяется.

⁹⁶⁹ - (Заметь), что огню не требуется иной, хотя и требуется некий материал для возгорания. Но он говорит не это, а – что

огонь не связывается с другим элементом и не смешивается, как вода с землей. Почему некоторые и называли его односущностным в элементах.

⁹⁷⁰ - (Заметь), почему и антропоморфными изображаются ангелы.

⁹⁷¹ - «Прямота и вертикальность фигуры», – потому что прямо и вверх глядя, человек ходит, а не скорченным к земле, как прочие животные.

⁹⁷² - Отметь разницу между чувствами бессловесных животных и чувствами разумных, нас. Бессловесным свойственны только чувства, которыми они и руководствуются, будучи неразумными. А у нас чувства играют малую роль, ибо мы руководствуемся не ими, но умом, почему и после смерти еще существуем, будучи умной душой. А у ангелов ни в малейшей степени нет чувств, но то, что свойственно нам – грубый оттиск (того, что у них). Иное. Наименьшим же по чувству он называет человека не потому, что у других животных чувств больше, но потому, что (они у них) сильнее и острее. Это иносказание имеет тот (смысл), что ангелы не пользуются свойственными нам чувствами, ибо значительно превосходят нас избытком умственной силы, – как и человек высотой ума и рассудком превосходит бессловесное естество.

⁹⁷³ - (Заметь), что являют глаза умопостигаемых (существ), что – ноздри, что – уши, что – вкус, что – осязание, что – веки и брови, что – молодость, что – зубы, что – плечи, что ноги, что легкость крыл и прочее.

⁹⁷⁴ - Здесь он говорит о природной особенности телесного глаза, а восходя, применяет это, как и (свойства) остальных человеческих членов, к рассмотрению свойственных ангелам природных сил.

⁹⁷⁵ - Под излитием понимай в высшей степени неизреченное излияние премудрости, согласно сказанному: «Изолью от Духа Моего на всякую плоть» и прочее. Ибо божественное разумение переходит от Бога через умопостигаемые силы на божественных людей, по мере каждого.

⁹⁷⁶ - Он говорит, что всякая умопостигаемая сила умножает появляющееся у нее божественное разумение, то есть проясняет для нашего понимания, растолковав, увиденное, – как ты найдешь у Даниила, – когда ангел растолковал ему сон, который он видел.

⁹⁷⁷ - Прежде всего создается у нас сердце. Как в круге: прежде ставится внутри точка, а потом вокруг проводится окружность, так и сердце первым получает жизнь. После того, по божественному Василию, как первым создается сердце, затем, словно вокруг центра, то есть намеченной точки, все тело формируется, так что из него повсюду в теле распространяется жизнь. Естественное ли тепло животворит тело, дыхание ли или кровь, всего ведь этого источник – сердце. Почему и показалось некоторым (людям), что вообще все, дающее жизнь, в первую очередь и более всего сосредоточено здесь, хотя, находясь повсюду в теле, не будучи связано с местом и не ограничиваясь (никаким) местом, оно не удерживается телом. То же самое и у невидимых чинов, либо везде, либо где-то соответственно службе промыслительно действующих. Ибо их надо представлять как бы в центре, на месте сердца, источающими всем меньшим сияние по мере каждого, – созданными как центр изливающейся жизни, хотя они и не удержимы и не ограничиваются ни местом, ни частью тела тех, кого охраняют, заботиться о ком они поставлены Богом.

⁹⁷⁸ - Высказывание построй таким образом: (сначала поставь) «охранять распространение животворной (силы)», потом «свойственное помещающемуся под ним сердцу».

⁹⁷⁹ - (Заметь), почему ноги ангелов окрылены, – чтобы показать (их) самоподвижность, устремленность к Богу и непричастность земному, поскольку у них нет страстности, хотя ангелы и бывали видимы на земле. (Ангелы) непричастны земным в отношении страсти, а не по неспособности быть видимыми, ибо являлись многократно.

⁹⁸⁰ - «От привнесенного извне» – как то пища и одежда, каковыми у нас поддерживается жизнь.

⁹⁸¹ - «Многоразличная премудрость Божия», – это апостольское выражение. Почему же многоразличной назвал ее божественный муж? Хотя многоличность и многокозненность мы связываем (обычно) со злодеем, великий Дионисий здесь в особенности называет ее и простой, и многоразличной, а это, кажется, вещи по смыслу противоположные. Мы же говорим, что простой он назвал премудрость для того, чтобы показать несложность Бога, не имеющего никакой двойственности, ибо не в результате изучения премудр Бог, но (потому что) является самой Премудростью. Многоразлична же (премудрость) потому, что она преобразуется во многие виды разума – ради немощи осияваемых. Ибо Он – великий Первосвященник, сострадающий нашим немощам. Или же так. Простой премудрость Божия называется (в состоянии) прежде домостроительства, когда все как Бог Он творил и в тогдашних праведниках неприкровенно показывал Свою силу, как то в Моисее, Аврааме и прочих. Когда же таинство домостроительства было исполнено, по справедливости она была названа многоразличной. Ведь став человеком, покорившись Закону, пострадав и оказавшись среди мертвых, Он таким образом с помощью плоти и присущей той немощи восторжествовал над всяким врагом и победил ад, даровав содержащимся там воскресение. Это и есть различность Его премудрости, – что немощью Он победил кажущихся (сильными) врагов.

⁹⁸² - И в сочинении «О божественных именах», в четвертой главе, пространно сказано, что такое «умопостигаемое» и что «разумеющее». Теперь же сам великий Дионисий поясняет: «умопостигаемое» – это мыслимое, что справедливо говорится, воссиявает свет(ом), а «разумеющее» – это само являющееся умом, осияваемое. И коротко сказать: высшие существа суть умопостигаемые, а низшие – уразумевающие, и мыслящее находится ниже мыслимого. Иначе. Ведь умственно воссиявающее – это божественное естество, а умственно осияваемое – ангельское.

⁹⁸³ - Заметь, что такое святительская одежда у Иезекииля и Даниила.

⁹⁸⁴ - Выше мы сказали, что такое (устойчивое) свойство применительно к бесплотным. И прочти в седьмой главе о собранности и нерассеянности разумений, – таким образом отец делает разъяснения о божественных осияниях и подлинной тождественности, постоянно связываемой с обителью благого Бога.

⁹⁸⁵ - О землемерных орудиях – у Иезекииля и у Даниила.

⁹⁸⁶ - О мечях – в книгах Царств, а о серпе – у Захарии пророка.

⁹⁸⁷ - Я думаю, он вспомнил слова Давида «Шествующий на крыльях ветра», указывающие, по-видимому, на вознесение Христово, – потому что рядом отец говорит, что они обретают вид облака, – так как сказано: «Облако взяло Его из вида их».

⁹⁸⁸ - «Без затраты времени» он сказал с достаточным основанием, ибо что у наделенных чувствами все происходит полностью во времени и более медленно, то у бестелесных умопостигаемых совершается вневременно, мгновенно и без задержки. Так что не подобает применительно к умопостигаемым называть время.

⁹⁸⁹ - Сверху вниз – как по лестнице (во сне у) Иакова.

⁹⁹⁰ - Другой способ наименования ветров, ибо воздушным дыханием он называет ветер.

⁹⁹¹ - Заметь, что существует и другое его сочинение, но не обнаруживается. А «истолковательными объяснениями четырехстихийности» он назвал возводящее иносказание (о значении) четырех элементов. Скорее всего, как кажется, он раскрыл там, рассмотрев, символический смысл четырех элементов. И заметь, как он разъясняет слова «Дух дышит, где хочет», – через дальнейшее, то есть, – что он неудержим, что он быстр, что он невидим. Этим он показывает, что говорит не о Святом Духе, но о ветре, в переносном смысле цитируя Евангелие. То, что там сказано о Святом Духе, он говорит здесь о дуновении ветра, – чтобы показать и в этом применимость образа к богонаначальному действию и умопостигаемым силам.

⁹⁹² - «Сверхмирно исполненные», – ибо как облако «призывает» воду из моря и проливает ее на лицо земли,

согласно сказанному: «Призывающий воду морскую и изливающий ее на все лицо земли», – так и умы, воспринимая свое знание, распространяют его, подобно облакам, на нижних.

⁹⁹³ - «Приемлющим чревом» он назвал принимающую ливни землю, благодаря им рождающую свои плоды.

⁹⁹⁴ - Заметь, что отсюда (речь идет) о львином естестве. Говорят ведь, что лев, желая утаиться от охотников, замечает, ходя, хвостом свои следы, чтобы их не обнаружили. Потому и о Боге сказано: «В море путь Твой, и стези Твои в водах многих, и следы Твои не познаются», – ибо как (след) пути по воде и стопы льва, так же и (след) Божьего шествия не сохраняется.

⁹⁹⁵ - (Заметь), что обозначает образ тельца.

⁹⁹⁶ - И что – орла, ибо орел – быстро летающее животное.

⁹⁹⁷ - Об орлах говорят, что они отличают своих птенцов от чужих так: если смотрят открытыми глазами на солнце, то свои, а если нет, то – как подброшенные выбрасываются из гнезда. Так же и кто не может прямо смотреть на Солнце правды оказывается подброшенным по отношению к Его знанию.

⁹⁹⁸ - Заметь, что символизируют кони, белые, вороные, рыжие и пегие.

⁹⁹⁹ - Что – огненные реки.

¹⁰⁰⁰ - Что – колесницы.

¹⁰⁰¹ - Что – колеса.

¹⁰⁰² - Колеса же, бесповоротно и неуклонно движущиеся прямой и верной дорогой по тому же неуклонному и прямому пути, символизируют силу их сверхмирно направленного умственного движения.

¹⁰⁰³ - Заметь, что означает «гелгель» у пророка Иезекииля.

¹⁰⁰⁴ - (Заметь), как, говорят, радуются (силы) небесные и само Божество.

¹⁰⁰⁵ - Ибо (их) веселие свободно, отрадно, спокойно, бесстрастно и блаженно.

¹⁰⁰⁶ - «Блаженством» он сказал, взяв как бы из свойственного нам; указывает же это «блаженством» на постоянное благополучие и состояние безмятежности.

¹⁰⁰⁷ - Понять то, каковы они, (осияния), возможно разве лишь тем, кто удостоился такого совершенства, каковое и должно ведь быть у (этих) мужей, как говорит этот святой иерей, чтобы сподобиться божественных осияний в разумении сущего и в чистом устремлении к Богу. От таковых осияний обоживаемому уму становится ведь свойственной ангельская радость и свойственная тем невозмутимость и тишина, в которой ум пребывает в беззаботности и отраде, словно обретя более легкий жребий; испытывая блаженство по причине спасения спасающихся, Богу, сколь возможно, он подражает, желающему, чтобы все люди спаслись, насладившись Божьих боготворных, то есть делающих богами и совершенствующими, посещений.

¹⁰⁰⁸ - Заметь, что несведущему следует не стыдиться, что он чего-то не знает, но признаваться в неведении того, чего не уразумел.

¹⁰⁰⁹ - Следует знать, что прозвания, которые они имели, еще будучи эллинами, эти святые и после обращения ко Христу без смущения сохраняли за собой. Так, ведь и он называет себя «Ареопагитом», и божественный Иустин в слове «К эллинам» «Иустина, – приписал, – Философа».

¹⁰¹⁰ - ...игумена святого Симеона Чюдотворца. – Монастырь Св. Симеона Чудотворца на Черной горе вблизи Антиохии. Св. Симеон Столпник (356–459) – родом из Киликии, христианский аскет. В 423 г. положил начало особому виду подвижничества – столпничеству. На столпе он провел более 40 лет.

¹⁰¹¹ - ...пришедшей в Антиохию архиерѣи... – Причастие οἱ ἐνδηροῦντες («обитавшие») в славянском тексте переведено неточно.

¹⁰¹² - ...бывшее вѣщемъ... понеже и бес пастыря пребываемъ... – Имеется в виду захват Антиохии турками в 1084 г., после которого антиохийский патриарх переселился в Константинополь.

¹⁰¹³ - Тогожде къ отцю Герасиму... – Иерусалимский монах, известен, по-видимому, только из «Тактика» Никона Черногорца. К нему обращен целый ряд «Слов» произведения.

¹⁰¹⁴ - ...егда прѣдана бысть Антиохия... – Вероятно, имеется в виду взятие города турками в 1084 г.

¹⁰¹⁵ - ...писах въ сборную церковь патриархия... – Антиохийский патриархат.

¹⁰¹⁶ - ...посла ми владыка сакеллий писание... – Сакеллий – чин константинопольской церкви. Сакеллий вместе со своим советом заведовал приходскими церквами, наблюдая за их хозяйственной частью, а также за исправным отправлением приходскими клириками своих обязанностей.

¹⁰¹⁷ - ...великий Василие... о таковых разнествах глаголет... – Василий Великий (Василий Кесарийский) (329–378) – византийский иерарх, отец Церкви. С 370 г. был епископом Кесарии Каппадокийской. Вместе со своим братом Григорием Нисским и Григорием Назианзином (Богословом) был представителем каппадокийской школы православного богословия. Известен также и как канонист.

¹⁰¹⁸ - ...митрополить ихъ от иже въ Антиохии патриаршѣствующаго поставляется... – Никон специально обращает внимание на то обстоятельство, что месопотамские армяне подчинялись антиохийскому патриарху, ибо этим он хотел доказать их независимость от монофизитской армянской Церкви.

¹⁰¹⁹ - ...житие великого отца нашего Савы прочетше... – Савва Освященный (ум. в 532 г.) – византийский аскет. Родился в Каппадокии, с 8 лет жил в монастыре под руководством Евфимия Великого, потом в пустыне близ Иордана, где в 484 г. основал монастырь, впоследствии знаменитый под именем Лавры Саввы Освященного. Благодаря ему в 517 г. в Иерусалиме была одержана победа православия над монофизитством. Савва написал богослужебный устав (Типик), известный также под именем иерусалимского.

¹⁰²⁰ - ...ради мнѣния и прилога Петра Кнафеова еже «распныся нас ради» – Петр Кнафей – антиохийский патриарх-монофизит V в. Добавление указанных Никоном слов в Трисвятую песнь явилось поводом к его окончательному разрыву с константинопольским патриархатом.

¹⁰²¹ - ...Такожде великого отца нашего... Пахомия... – Пахомий Великий (ум. в 348 г.) – родом египтянин. Приняв крещение вскоре после 312 г., он удалился в Фиваидскую пустыню. В Тавенне он впервые устроил монастырь на началах общежития и составил строгий монастырский устав.

¹⁰²² - ...6 словъ Златоустовых пространнейше глаголют... – Иоанн Златоуст (347–407) – один из величайших отцов Церкви. Родом из Антиохии, учился ораторскому искусству у Ливания, с 381 г. служил диаконом в Антиохии, с 397 г. – архиепископ Константинополя. Златоуст был наиболее знаменит своим талантом проповедника (сохранилось 804 его проповеди). Они представляют собой популярную энциклопедию христианской нравственности.

¹⁰²³ - ...святый и великий иже въ Халкыдонѣ сборъ... – Четвертый Вселенский собор, состоявшийся в Халкидоне в 451 г.

¹⁰²⁴ - ...плевелы от чистыя пшеница разлучившим... – Т. е. отделивших еретиков-монофизитов от православных.

¹⁰²⁵ - ...якоже и прежде при днехъ блаженаго патриарха киръ Феодосия... – Антиохийский патриарх Феодосий III (1057–1059), друг и покровитель Никона.

¹⁰²⁶ - ...и послаша ми е съ духовным братом киръ Козма киръ Романовѣм ту суцаго затворника. – К этому иерусалимскому затворнику обращено и другое «слово» «Тактикона», в котором Никон бранит его за то, что тот позволил Косме отправиться в Месопотамию, из-за многочисленных опасностей, которые могут подстерегать его в пути. Опасности, о которых говорит Никон, по всей видимости, исходят со стороны мусульман или армян-еретиков. Косма, очевидно, тоже армянин-халкедонит.

¹⁰²⁷ - ...и владыки нашего Петра верховнаго апостоломъ, о немже и... престоломъ всего Востока Антиохийский град почтенъ бысть. – Согласно традиции, апостол Петр некоторое время был антиохийским епископом, что дает право антиохийскому патриарху считать свое происхождение апостольским. На этом основывается так называемая теория

«пентархии патриархатов», очень популярная в Антиохии в XI в. Никон неоднократно говорит о самостоятельном значении Антиохийского патриархата и о его независимости от Константинополя.

1028 - ...«кождо привлачитя... от своєа похоти» – Иак. 1, 14.

1029 - «Горе напаяющему... питья мутна»... – Авв. 2, 15.

1030 - «Рабе лукавый и лѣнивый» и прочая. – Мф. 18, 32. В греческом тексте приводятся только первые два слова цитаты.

1031 - Якоже рече и великий апостолъ Петръ... яко «развращают та»... – 2Петр 3, 16.

1032 - ...яко «уне есть жерновный камень...» и прочаа – Мф. 18, 6. Славянский переводчик расширяет цитату.

1033 - ...«все являемое... на свет приходит»... – Еф. 5, 14.

1034 - ..якоже и апостолъ... глаголет «Еда еси учителе» и прочаа. – 1Кор. 12, 29.

1035 - ...«рассмотрить словеса своя на судѣ». – Пс. 111, 5.

1036 - ...яковже иже въ пророцъ Исаи... «пророкъ учя безаконью». – Ис. 9, 15.

1037 - ...якоже Богословъ Великий Григорье... Шестый сборъ... – Григорий Назианзин (Богослов) – отец Церкви, богослов, член каппадокийского кружка. Шестой (Трульский) Вселенский собор состоялся в Константинополе в 691–692 гг. Каноны этого собора явились одним из основных источников Никона Черногорца.

1038 - ...глаголет бо в божественѣй Лѣствицѣ... «...Богъ и цѣлители может». – «Лествица» – произведение Иоанна Лествичника (ум. ок. 606 г.) – представляет собой 30 бесед о 30 ступенях духовного восхождения. «Лествица» всегда была настольной книгой для монахов: Феодор Студит ссылается на нее как на лучшую иноческую книгу.

1039 - Книгу... Толкования заповедемъ Господнимъ... – Т. е. «Пандекты».

1040 - У... Гроба Господня... и святыя Голгофы и в Гефсимании... – Никон перечисляет святыя места в

Иерусалиме, связанные с последними часами земной жизни Христа.

¹⁰⁴¹ - ...блаженный Феодоритъ, епископъ Кирьскый, в Церковнѣм списании повѣдуют... – Феодорит Киррский (387–457) – видный церковный иерарх, богослов, философ, оставил обширное литературное наследство. Главный его труд – «Церковная история» в пяти книгах, освещающая события церковной жизни Византийской империи с 325 по 429 г.

¹⁰⁴² - ...о иже... блаженныя оны въ женах добродѣтельныя Нонны... – Св. Нанно, или Нина, – сирийка по происхождению, родом из Каппадокии в Малой Азии, легендарная просветительница Грузии. Благодаря ее проповеднической деятельности, а согласно житию, и чудесам в начале IV в. грузинский царь Мириан принимает крещение, и христианство становится государственной религией.

¹⁰⁴³ - ...въ царство великого Константина... – Константин Великий (304–337) – римский император, признавший христианство государственной религией. При нем столица империи была перенесена в Константинополь и было положено начало Византийской империи.

¹⁰⁴⁴ - при Костянтинѣ царѣ Копронимѣ... – Константин V Копроним (741–775) – византийский император-иконоборец, ревностный враг иконопочитания в Византии.

¹⁰⁴⁵ - ...заеже не смѣяти кому агарянъ ради мимо ходий. – Агаряне в византийских источниках – это арабы. В VII в. они захватили все территории Византии по юго-восточному берегу Средиземного моря. Для того чтобы рукоположить грузинского католикоса, необходимо было получить «печать», т. е. разрешение антиохийского патриарха, которому тогда подчинялась грузинская Церковь.

¹⁰⁴⁶ - ...златникъ тысящу... ароматом святаго мира. – Миро – масло для таинства миропомазания; изначально варилось раз в несколько лет в Антиохии и оттуда доставлялось по всему православному Востоку.

¹⁰⁴⁷ - ...идущи ему на моление киръ Василию. – Василий II Болгаробойца, византийский император (976–1025).

¹⁰⁴⁸ - Установлено же бысть... патриарху Антиохийскому единому в Иверии... – Упоминание имени патриарха во время богослужения означает каноническое подчинение ему; сведения Никона о подвластности грузинской Церкви Антиохии в сер. XI в. являются уникальными. По другим источникам, автокефальность грузинской Церкви была провозглашена еще в 750 г.

¹⁰⁴⁹ - ...посылати екзарха... – Экзарх – церковно-иерархическая степень в православной Церкви, упоминается с 445 г. В данном случае – чрезвычайный уполномоченный патриарха, посылавшийся в епархию с разными поручениями, главным образом надзора над монашествующими и ревизией церквей.

¹⁰⁵⁰ - ...при Костянтинѣ цари Мономахъ... – Константин XI Мономах – византийский император (1042–1054).

¹⁰⁵¹ - ...при... патриарси Антиохистем киръ Феодоръ... – Имеется в виду Феодор III Ласкарис ὁ Κρίτης, антиохийский патриарх (1034–1042).

¹⁰⁵² - ...възнице плевелом съятель нѣкий... – Плевелы – еретические движения.

¹⁰⁵³ - ...различна послания... с кувуклисием посла... – Кувуклисий – церковная должность в патриархате.

¹⁰⁵⁴ - ...конь сверѣпъ, егоже глаголють Етиарь... – В греческом оригинале его имя – Сиртиарий.

¹⁰⁵⁵ - Невидимая бо его... и от тварей разумѣваема... – Ср. Рим. 1, 20.

¹⁰⁵⁶ - Якоже очи азъ погублю, вся помрачена бываю... якоже рече и Христось в Благовѣствованных... – Ср. Мф. 6, 23.

¹⁰⁵⁷ - «Просяй примет... еже хочет, обрѣтает». – См. Мф. 7, 8; Лк. 11, 10.

¹⁰⁵⁸ - ...Пократ... – Иппократ, Гиппократ (460–377 до н. э.), древнегреческий врач, основатель научной медицины, философ, под влиянием идей которого медицина находилась вплоть до Нового времени.

¹⁰⁵⁹ - ...Галин... – Гален (131–200), крупнейший римский врач, анатом, философ, комментатор трудов Гиппократа.

¹⁰⁶⁰ - Нисьскый же Григорий... – Григорий Нисский (332 – не ранее 394), брат Василия Великого, с 372 г. епископ города Ниссы, плодовитый писатель, великий христианский богослов.

¹⁰⁶¹ - ...душа чьстнѣйши... якоже Христос реклъ есть... – См. Мф. 16, 26; Мр. 8, 36.

¹⁰⁶² - Божественный бо апостолъ учит ме сему: «Не все ли суть службнии дуси... наслѣдовати царствие». – Евр. 1, 14.

¹⁰⁶³ - ...Господь въ Еуангелихъ: «Да не прѣобидите... иже есть на небесехъ». – Мф. 18, 10.

¹⁰⁶⁴ - «Вещьши есть душа пищу»... – Мф. 6, 25.

¹⁰⁶⁵ - «Одежде тело болше есть». – Ср. там же.

¹⁰⁶⁶ - «Въ печелех родиши чеда». – Быт. 3, 16.

¹⁰⁶⁷ - «Бози будете абие, аще снѣсте от дрѣва». – Ср. Быт. 3, 5.

¹⁰⁶⁸ - ...сѣврѣже иже иногда Денницу... грьдости, еже ради онъ отпаде. – См. Ис. 14, 12–14.

¹⁰⁶⁹ - Моусии челоуѣка рече по образу Божию... первозданнаго быти. – См. Быт. 1, 26.

¹⁰⁷⁰ - «И тако дуну на лице его... въ душу живу тогда». – Ср. Быт. 2, 7.

¹⁰⁷¹ - «Елико внѣшний нашъ челоуѣкъ... обнавляется вяще». – 2Кор. 4, 16.

¹⁰⁷² - «Створим челоуѣка по образу Своему»... – Быт. 1, 26.

¹⁰⁷³ - «Будите свершени... наш небесный Отецъ»... – Мф. 5, 48.

¹⁰⁷⁴ - ...«Вѣмы бо, вѣмы... от Бога, вѣчную и лучшую». – Ср. 2Кор. 5, 1.

¹⁰⁷⁵ - «Желание ми есть... на небесѣхъ быти». – Ср. Фил. 1, 23.

¹⁰⁷⁶ - ...Соломон вопиет сице: «Душа праведных в руцѣ Бога... в мирѣ убо». – Ср. Прем. 3, 1; 4, 7. Соломон, сын царя Давида от Вирсавии, его преемник, автор библейских книг Притчи Соломона, Премудрость Соломона, Екклесиаст и Песнь песней.

¹⁰⁷⁷ - И Иоанъ Дамаскынъ... глаголетъ: «Душа убо имате... на небеса с славою». – Иоанн Дамаскин (конец VII в. – до 753 г.), по родовому прозвищу Мансур, сириец по происхождению, защитник иконопочитания, великий богослов и гимнограф.

¹⁰⁷⁸ - Назианзу Григорие, Василие Великий и Златый во всем языкомъ Иоанъ... – Григорий Назианзин, или Богослов (ок. 329–389), отец и учитель Церкви, в 381 г. епископ Константинополя; Василий Великий (329–379), вселенский отец и учитель Церкви, архиеп. Кесарийский; Иоанн Златоуст (между 344 и 354–407), отец и учитель Церкви, блестящий писатель и проповедник, епископ Константинополя в 398–404 гг.

¹⁰⁷⁹ - ...Григорие Богословесный... – Григорий Назианзин, см. предыдущее примеч.

¹⁰⁸⁰ - ...«предтеча о нас», по гласу Павлову... – Евр. 6, 20.

¹⁰⁸¹ - «Възвелъ еси от ада душу мою»... – Пс. 29, 4.

¹⁰⁸² - ...рече Пѣснопѣвецъ... – Имеется в виду библейский царь и поэт Давид, автор большей части книги Псалтирь.

¹⁰⁸³ - «Тогда да възратятся... грѣшници въ адъ». – См. Пс. 9, 18.

¹⁰⁸⁴ - «Падъ убо въ землю... присноживотно, и обрадованно». – Ср. 1Кор. 15, 41–44.

¹⁰⁸⁵ - ...яко аныгѣли Божии... нѣкогда к садудеим. – См. Мф. 22, 23–30.

¹⁰⁸⁶ - «Възлег, почи, якоже левъ» – Ср. Чис. 24, 9; Вт. 33, 20.

¹⁰⁸⁷ - ...Иоана зѣлнаго Дамаскина и Мансура... – Иоанн Дамаскин (конец VII в. – до 753 г.), по родовому прозвищу Мансур, сириец по происхождению, защитник иконопочитания, великий богослов и гимнограф.

¹⁰⁸⁸ - Иоанъ Златы языком сице глаголетъ: «Не токмо бо яже здѣ знаемыя познаем... и апостолы же, и мученикы». – Иоанн Златоуст (между 344 и 354–407), отец и учитель Церкви, блестящий писатель и проповедник, епископ Константинополя в 398–404 гг.

¹⁰⁸⁹ - ...Григорие Богословный пишет: «Тогда, – рече, – Кесария узрю... брате любезнѣйши». – Григорий Назианзин, или

Богослов (ок. 329–389), отец и учитель Церкви, в 381 г. епископ Константинополя.

¹⁰⁹⁰ - ...Ефрѣмъ же блаженный... «Тогда, – рече, – своя родителя осудять... разлученья и расъпряженья сих». – Ефрем Сирин (ум. 373), сирийский христианский писатель, автор аскетических и экзегетических произведений, молитв и песнопений; они были переведены на греческий и читались и пелись в церквях.

¹⁰⁹¹ - Афанасий Великий... «Богъ, – рече, – праведником всѣм дароваль есть... не бывает никакого незазорному». – Афанасий Великий (293–373), архиепископ Александрийский, борец с арианством, автор многочисленных трудов, разъясняющих сущность христианского учения.

¹⁰⁹² - ...разумѣваемъ по Писанию... – Ошибка либо славянина-переводчика, либо его предшественника писца-грека: слова кѣта μορφου – «по форме», были приняты за кѣта Γραφης – «по Писанию». Исправляем ошибку в переводе на современный русский язык.

¹⁰⁹³ - ...садукей... – Имеются в виду саддукеи, упоминаемые в Евангелиях от Матфея (3, 7; 22, 23–24) и в Деяниях апостолов (4, 1; 23, 6:8). Так назывались члены одной из религиозных сект Древнего Израиля (в отличие от ессеев и фарисеев), получившей название от Садока, относительно личности которого существуют разные предположения. Для саддукеев характерно неверие в воскресение мертвых, отвержение талмудических толкований Моисеева Пятикнижия и склонность к буквальному его пониманию. Саддукеем был Каиафа, председательствовавший на осудившем Иисуса Христа на смерть синедрione.

¹⁰⁹⁴ - ...Григория Нисьскаго вопрос от Макрииних. – Григорий Нисский (332 – не ранее 394), брат Василия Великого, с 372 г. епископ города Ниссы, плодовитый писатель, великий христианский богослов. Макрина (ум. в 379 г.) – его старшая сестра, глава общины монахинь, ревностная христианская подвижница, оказавшая большое влияние на Григория, очень им любимая и горько оплакиваемая. После многих лет разлуки

Григорий посетил ее, когда она была уже близка к смерти. Состоявшийся между ними тогда разговор был описан Григорием в «Послании к монаху Олимпию» и в трактате «О душе и о воскресении», а затем использован Филиппом Пустынником в «Диоптре».

¹⁰⁹⁵ - ...Данилу желание... – Пророка Даниила называет «мужем желаний» прилетевший к нему во время молитвы архангел Гавриил. См. Дан. 9, 23.

¹⁰⁹⁶ - ...Финеесу ярость... – Финеес, сын Елеазара, внук Аарона (Быт. 6:25), убивший копьем израильтянина, который возлег с мадианитянкой (Чис. 25, 7–8), третий первосвященник иудейский.

¹⁰⁹⁷ - «А еже имать кто, что и уповает?» – рече апостолъ. – См. Рим. 8, 24.

¹⁰⁹⁸ - «Пророчества бо, – рече, – упраздятся... николиже не отпадает» – См. 1 Кор. 13, 8.

¹⁰⁹⁹ - «Вѣра же уповаемых съставъ». – Евр. 11, 1.

¹¹⁰⁰ - ...рече Еуаггелие, яко: «Родися человекъ в миръ». – Ин. 16, 21.

¹¹⁰¹ - ...рече Писание, «ниже оку видети, ниже слуху яти, ниже помыслу достиже быти». – Ср. Ис. 64, 4; 1Кор. 2, 9.

¹¹⁰² - «Речеши же ми убо, како встанут мертвии? ...и коемуждо сѣмени свое тѣло». – 1Кор. 15, 35–38.

¹¹⁰³ - «Сѣет бо ся, – рече, – во тлю... встает тѣло духовно». – 1Кор. 15, 42–44.

¹¹⁰⁴ - ...от Писания навыкохом, – яко «прозябе земля былье травное»... – Быт. 1, 12.

¹¹⁰⁵ - «Подобает бо, – рече, – мертвенному сему... облещися в нетлѣние». – Ср. 1Кор. 15, 53.

¹¹⁰⁶ - ...преподобному... – Т. е. Василию Новому. Василий Новый – греческий святой; с юных лет принял иночество, скитался в непроходимых пустынных горах, а затем, при императорах Льве Премудром и Константине Багрянородном, подвизался в Константинополе; прославился своими мученическими подвигами, юродством, пророчествами и чудесами; умер в 944 г.

¹¹⁰⁷ - ...къ церкви честныа Влахърны... Святѣй Богородицы. – Влахернский храм Пресвятой Богородицы был построен в V в. и являлся домовою церковью византийских императоров. С этим храмом связан один из важнейших христианских праздников – Покров Пресвятой Богородицы.

¹¹⁰⁸ - Видяхъ бо по ряду... житие свое. – Предложение переведено с использованием греческого текста. Дословный перевод соответствующего предложения в греческом оригинале следующий: «И я нечто знаю из Священного Писания о духах лукавых, мне ведь и самому предстоит в скором времени умереть».

¹¹⁰⁹ - Эфиопы (ефиопы) – одно из названий бесов в древнерусской литературе.

¹¹¹⁰ - Достигохомъ пятагонадесять мытарства... от скверныхъ тѣх.. – В греческом тексте и во Второй русской редакции данному фрагменту соответствует описание двух разных мытарств – «кумирослужения» и «мужеложества и детосквернения». В публикуемой редакции произошло объединение этих двух мытарств в одно («кумирослужение»), поскольку при переводе с греческого начало повествования о мытарстве «мужеложества и детосквернения» оказалось опущено. Вследствие этой ошибки сократилось и число мытарств: 20, а не 21.

¹¹¹¹ - Виссон – драгоценная тонкая и мягкая льняная ткань пурпурового цвета. В Священном Писании – символ роскоши и праведности (ср.: «Виссон же есть праведность святых» – Апок. 19:8).

¹¹¹² - ...яко царѣстии гради... – В греческом тексте речь идет о Константинополе.

¹¹¹³ - Авраам, Исаак, Иаков – ветхозаветные патриархи, священные родоначальники еврейского народа (его 12 колен). В христианской иконографии их изображение является неотъемлемым элементом композиции Страшного Суда. Авраам, Исаак и Иаков пребывают в раю (в «лоне Авраамовом»), в их «недрах» находятся младенцы – души праведников.

¹¹¹⁴ - ...и приведетъ Господеви Богу жертвы духовныя в
воюю благоуханія. – Ср. Фил. 4, 18.

¹¹¹⁵ - Иоанн и Елена – духовные дети Василия Нового,
жители Константинополя. В житии рассказывается о том, как
Василий чудесным образом исцелил Иоанна от лихорадки
(«трясавицы»). Постигнув таким образом святость Василия,
Иоанн пригласил подвижника жить в его доме. Когда Василия
подвергли мучениям по приказу одного из патрициев, Елена,
жена Иоанна, заступилась за святого, была жестоко избита и
вскоре умерла.

¹¹¹⁶ - Нардовое миро – ароматная драгоценная мазь,
которая производилась из нарда, индийского растения;
упоминается в Священном Писании (Иоан. 12:3).

¹¹¹⁷ - Сардоникс – священный драгоценный камень красно-
белого цвета. В Откровении Иоанна Богослова он упоминается
среди камней, украшающих основания стен небесного Нового
Иерусалима (Апок. 21:20).

¹¹¹⁸ - ...въ град сей... – Т. е. в Константинополь.

¹¹¹⁹ - ...труд бо плод своихъ снѣси. – Ср. Пс. 127, 2.

¹¹²⁰ - Иоанн Богослов – один из двенадцати апостолов
Иисуса Христа, автор четвертого Евангелия, трех Посланий и
Откровения.

¹¹²¹ - Бѣ ный от святыхъ старецъ... – Согласно некоторым
редакциям повести, Антоний Великий (Египетский) (251–356) –
один из основателей монашества. «Житие Антония Великого»
(IV в.), написанное Афанасием Александрийским, повествует о
многочисленных искушениях от бесов, которым подвергался
святой. Димитрий Ростовский поместил повесть в свои Минеи
Четии под 17 января как приложение к этому житию.

¹¹²² - Мерзость запустения – Ср. Дан. 9, 27; 11, 31; 12, 11;
Мф. 24, 15; Мр. 13, 14.

¹¹²³ - Калугер (греч.) – почтенный старец, монах.

¹¹²⁴ - ...в вѣчномъ огни, уготованиѣ Дияволу и аггеломъ его. –
Ср. Мф. 25, 41.

¹¹²⁵ - Андрей – святой Андрей Критский, день его памяти – 4
июля (по старому стилю).

¹¹²⁶ - Павлова пустынь – Троицкий Комельский (Павлов Обнорский) монастырь, основанный в начале XV в. недалеко от Вологды учеником Сергия Радонежского Павлом Обнорским.